ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ПИСЬМА „ЗНАТНАГО ИНОСТРАНЦА“.

1878—1897.

ПИСЬМА «ЗНАТНАГО ИНОСТРАНЦА».

1878—1897.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая благосклонному вниманію читателя, частью въ переводѣ, а частью въ извлеченіи, случайно доставшіяся намъ въ подлинникѣ письма, считаемъ долгомъ предварить, что хотя нѣкоторыя изъ похожденій, сообщаемыхъ «знатнымъ иностранцемъ», повидимому, и принадлежатъ къ области фантазіи, обычной, впрочемъ, у путешественниковъ, — тѣмъ не менѣе мы сочли долгомъ перевести ихъ, въ предположеніи, что мнѣнія иностранцевъ о нашей общественной жизни, быть-можетъ, и нѣсколько односторонніе, не лишены интереса. Впрочемъ, читатель убѣдится, что вообще характеръ предлагаемыхъ писемъ доброжелательный къ намъ, русскимъ.

Письмо первое.

Дорогая Дженни!

Уже въ «странѣ милліардовъ» я пожалѣлъ, что мои покойные родители (да сохранится вовѣки ихъ память!) не имѣли завиднаго права называться высокорожденными лордами, а назывались просто Смитами. Я не смѣю утверждать, чтобы въ «странѣ милліардовъ» меня постигли особенныя непріятности, но замѣчу только, что, во всякомъ случаѣ, гораздо удобнѣе путешествовать, если на визитной карточкѣ напечатанъ завѣтный титулъ. Тѣмъ понятнѣе станутъ тебѣ, дорогая Дженни, мои опасенія по мѣрѣ приближенія поѣзда къ русской границѣ, особенно въ виду послѣднихъ извѣстій объ озлобленіи русскаго общества противъ англичанъ вообще и ловкаго Дизи въ особенности. Я, конечно, зналъ, что русская полиція отличается бдительностью и представляетъ достаточныя гарантіи, особенно для иностранцевъ, относительно сохраненія ихъ жизни, но настолько ли гарантирована была личность твоего вѣрнаго Джонни, въ этомъ, признаюсь тебѣ, я нѣсколько сомнѣвался. И вотъ на основаніи подобныхъ соображеній и во избѣжаніе могущей возникнуть изъ-за меня дипломатической переписки,—и безъ меня довольно есть поводовъ для взаимныхъ препирательствъ,—я

рѣшился при остановкѣ на границѣ обратиться въ знатнаго иностранца.

При помощи юркаго еврея и двухъ фунтовъ стерлинговъ я выправилъ новый паспортъ и изъ простого Джонни Смита сдѣлался лордомъ Джономъ Розберри, и, смѣю тебя увѣрить, отъ такой перемѣны сословіе высокорожденныхъ лордовъ не почувствовало никакого нравственнаго ущерба, а я, напротивъ, выигралъ, разсчитывая на бо́льшія удобства при путешествіи и на бо́льшую внимательность со стороны петербургскихъ дамъ въ томъ случаѣ, если бы захотѣлъ заняться въ русской столицѣ весьма благодарной профессіей медіума, или духовной дѣятельностью по обращенію свѣтскихъ дамъ изъ лона православія въ лоно духовныхъ женъ. Пожалуйста, не дѣлай, Дженни, заранѣе гримасы, такъ какъ я не рѣшилъ еще въ выборѣ профессіи; быть-можетъ, имѣющихся у меня средствъ достаточно хватитъ на то, чтобы, оставаясь простымъ туристомъ, не прибѣгнуть къ помощи названныхъ профессій.

Мы благополучно миновали границу. Таможенный осмотръ былъ одной формальностью. Какая-то почтенная русская дама, правда, жаловалась, что у нея будто бы солдатъ отобралъ газету «le Nord», въ которой были завернуты купленныя ею въ Берлинѣ туфли, но вскорѣ оказалось, что таможенный солдатъ сдѣлалъ это частью по недоразумѣнію, частью изъ желанія достать бумаги для скручиванія папиросъ. Когда почтенная дама заявила объ этомъ таможенному чиновнику, то послѣдній выразилъ по этому поводу сожалѣніе и тутъ же сталъ дѣлать такія замѣчанія солдату, что почтенная дама то краснѣла, то блѣднѣла, и видимо заявляла желаніе, чтобы это дѣло было оставлено. Но энергичный агентъ, возмущенный такимъ поступкомъ подчиненнаго, не хотѣлъ оставить безъ удовлетворенія претензіи дамы и продолжалъ въ томъ же тонѣ. И только когда, по его мнѣнію, рыцарскія его обязанности относительно дамы были вполнѣ добросовѣстно выполнены, и когда лицо дамы успѣло въ теченіе четверти часа перемѣнить нѣсколько окрасокъ, тогда только почтенный джентльменъ обратился съ граціей къ дамѣ и сказалъ:

— Надѣюсь, сударыня, вы теперь довольны?

— Очень довольна, совсѣмъ довольна!—поспѣшила отвѣтить дама, еще разъ краснѣя, быть-можетъ, отъ мысли, что ѣхавшій вмѣстѣ съ нами турецкій паша — весьма молодой и интересный человѣкъ, принимавшій участіе еще въ недавней войнѣ—могъ понять выраженія ея соотечественника.

— Мнѣ остается извиниться передъ вами, сударыня, что я не могу возвратить вамъ нумера вашей газеты, такъ какъ онъ—увы!—уже разорванъ неловкимъ солдатомъ на бумажки, но, если вамъ будетъ угодно, я могу вамъ взамѣнъ дать нумеръ «Голоса».

Тѣмъ дѣло и кончилось. Изъ этого разсказа ты можешь, Дженни, убѣдиться, насколько русскіе строги въ исполненіи своихъ обязан-

постей и насколько безкорыстіе русскихъ таможенныхъ выше безкорыстія нашихъ лондонскихъ доковыхъ крысъ таможеннаго office.

Въ нашемъ вагонѣ перваго класса ѣхало нѣсколько весьма презентабельныхъ русскихъ джентльменовъ, съ которыми я въ теченіе дороги нѣсколько сошелся. Нѣкоторая холодность ко мнѣ была замѣтна, этого я не скрою, но тѣмъ не менѣе одинъ изъ джентльменовъ, узнавъ, что я знатный англійскій иностранецъ, откровенно сказалъ мнѣ, что во всемъ прискорбномъ недоразумѣніи виноватъ одинъ Дизи, но что онъ, русскій джентльменъ, ничего противъ англійской націи не имѣетъ, любитъ ростбифъ и особенно портеръ, и дружески пригласилъ меня, вручивъ свою карточку, побывать у него какъ-нибудь въ Петербургѣ вечеромъ и попробовать счастія въ рулетку.

— Она развѣ у васъ дозволена?

— Нѣтъ... домашняя... Надѣюсь, между нами.

Я, разумѣется, далъ слово и потомъ только узналъ, что названный джентльменъ держитъ игорный домъ, послѣ того какъ многочисленныя его помѣстья были проданы въ обществѣ поземельнаго кредита, а остальное состояніе погибло въ банкротствѣ московскаго банка.

Я не стану тебѣ описывать, Дженни, суровой природы края, по которому мы проѣзжали. Кругомъ снѣжныя поля, заметенныя деревни и волки, иногда спокойно (?) взиравшіе на пролетавшій мимо поѣздъ. Не удивляйся этому, Дженни. Русскіе чувствуютъ замѣчательную любовь къ этимъ животнымъ (такую же, какъ и къ клопамъ), и, несмотря на то, что эти хищники ежегодно поѣдаютъ дѣтей и вообще приносятъ странѣ большой убытокъ, они пользуются всѣми правами русскаго гостепріимства, и бывали даже случаи, что они забѣгали въ земскія управы справляться: получены ли отвѣты на ходатайства объ ихъ истребленіи (?). Я не разъ пробовалъ любоваться изъ окна прелестными морозными ночами, но, признаюсь, мысль о томъ, что машинисты на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ часто бываютъ пьяны и поѣзда терпятъ часто крушенія, отравляла мое состояніе духа, хотя, имѣя въ виду нашу судьбу, я, конечно, застраховалъ мою жизнь—не безпокойся. Я пробовалъ заснуть, но не могъ.

— Вы, кажется, не спите? — обратился ко мнѣ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ одинъ изъ пассажировъ, весьма благообразный, респектабельный джентльменъ среднихъ лѣтъ, все время молча сидѣвшій въ углу.

— Нѣтъ, сэръ.

— И я не могу заснуть. Пробовалъ нѣсколько разъ, но не могу.

Онъ помолчалъ и затѣмъ снова заговорилъ:

— Скажите, пожалуйста, милордъ, чего собственно хочетъ вашъ кабинетъ?

Я поспѣшилъ довольно уклончиво отвѣтить, что я сторонникъ Гладстона и не раздѣляю политики правительства.

— Очень радъ, что имѣю честь бесѣдовать со сторонникомъ почтеннаго государственнаго человѣка. Вы изволите быть членомъ министерства?

— Нѣтъ, я уклонился отъ этихъ трудныхъ постовъ.

— Будто ужъ они такъ трудны?—улыбнулся джентльменъ.

Замѣчу здѣсь, Дженни, въ скобкахъ: русскіе удивительно любопытны и на желѣзныхъ дорогахъ, вступая въ разговоръ, часто безцеремонно спрашиваютъ не только о профессіи, но даже о количествѣ годового дохода и о числѣ родныхъ.

— Отвѣтственность большая!—отвѣчалъ я.

— И у насъ тоже отвѣтственности не менѣе, но мы, русскіе, мы народъ отважный и не боимся ея. Я, напримѣръ, все время служилъ по коннозаводству, а теперь ѣду, чтобы получить мѣсто по народному просвѣщенію, но я, съ Божьей помощью, надѣюсь оправдать довѣріе начальства и такъ же хорошо дрессировать молодое поколѣніе, какъ дрессировалъ лошадей.

Джентльменъ при этомъ громко засмѣялся, вѣрнѣе—заржалъ. Вѣроятно, отъ долгаго сообщенія съ лошадьми джентльменъ перенялъ особенности ихъ ржанія.

— А у васъ бывали такіе примѣры, милордъ?

— Бывали, сэръ...

— То-то... Одно меня нѣсколько безпокоитъ... Впрочемъ, вы извините, милордъ, не мѣшаю ли я вамъ своей болтовней?

Я, конечно, поспѣшилъ отвѣтить отрицательно, и джентльменъ продолжалъ:

— Одно меня нѣсколько безпокоитъ и даже гонитъ прочь сонъ— это экзамены...

— Почему же, сэръ, васъ могутъ безпокоить экзамены?

— А потому... потому... Я буду съ вами вполнѣ откровененъ... Я очень хорошо знаю ветеринарное искусство, но въ другихъ наукахъ... отсталъ...

— Мнѣ кажется, это препятствіе едва ли можетъ служить поводомъ къ серьезному безпокойству.

— У васъ въ Англіи бывали подобные примѣры? — опять спросилъ онъ.

— О, разумѣется!..—поспѣшилъ успокоить я собесѣдника.

— И экзамены сходили благополучно?

Онъ снова заржалъ и сказалъ, что любитъ Англію. Тамъ хорошія лошади и приличные люди. Но зато онъ не любитъ англійской прессы. По его мнѣнію, русская гораздо лучше, хоть и она оставляетъ многаго желать. Мой собесѣдникъ сказалъ еще нѣсколько словъ и, откланявшись, пробрался въ свой уголъ и скоро захрапѣлъ. Я, какъ видишь, Дженни, успокоилъ его насчетъ экзаменовъ.

На утро мы подъѣзжали къ маленькому городку. Это было въ вос-

кресенье. Я, какъ слѣдуетъ приличному англичанину, раскрылъ библію и началъ-было читать, какъ вдругъ почувствовалъ сперва толчки, потомъ качку и наконецъ—не пугайся, пожалуйста, Дженни, я цѣлъ совершенно,—услышалъ отчаянные крики моихъ спутниковъ. Я заглянулъ въ окно. Мы двигались по насыпи какими-то скачками. Мой сосѣдъ громко кричалъ, что у него жена и дѣти, и что онъ будетъ жаловаться губернатору. Я спокойно ожидалъ участи, зная, что полисъ на застрахованную мою жизнь лежитъ у тебя. Въ это время поѣздъ остановился, и мы въ нашемъ вагонѣ отдѣлались, по милости Божіей, только страхомъ. Мы вышли и скоро узнали отъ начальника станціи, что несчастіе было еще, слава Богу, не особенно велико: всего пять человѣкъ убитыхъ и десять раненыхъ, между которыми не было ни одного министра и ни одного человѣка высокаго положенія. Хотя начальникъ станціи былъ очень блѣденъ, но скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что убитые всѣ были самые обыкновенные люди, которымъ, по его словамъ, жить годомъ менѣе или двумя болѣе не составляло особеннаго разсчета.

Пришлось ожидать на станціи около шести часовъ. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы посѣтить маленькій городокъ—названіе его я забылъ, эти русскія названія такъ трудно удерживаются въ памяти! Городокъ оказался довольно грязнымъ, улицы хотя и широкія, но не мощеныя, дома маленькіе и всѣ точно покосились въ одну сторону. Я хотѣлъ посмотрѣть древнее укрѣпленіе за городомъ и съ этой цѣлью пошелъ-было по небольшой короткой улицѣ, въ которой прогуливалось большое стадо свиней, какъ вниманіе мое было возбуждено слѣдующимъ обстоятельствомъ: у одного изъ домовъ стояли нѣсколько гражданъ и оживленно между собою бесѣдовали. Я подошелъ поближе и не безъ робости (помня газетныя статьи противъ англичанъ) обратился съ вопросомъ на своемъ не особенно чистомъ русскомъ языкѣ, какъ пройти за городъ. Русскіе граждане оказались весьма обязательными людьми. Хотя всѣ шесть джентльменовъ и указали мнѣ шесть разныхъ дорогъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлали это съ любезностью, для меня неожиданной. Когда одинъ изъ нихъ спросилъ, не нѣмецъ ли я, и получилъ въ отвѣтъ, что я англичанинъ, то мой отвѣтъ не только не вызвалъ въ каждомъ изъ нихъ желанія сдѣлать изъ меня ростбифъ по-англійски, но, казалось, не произвелъ на нихъ особеннаго впечатлѣнія. Тогда и я, въ свою очередь, спросилъ, зачѣмъ они дожидаются у крыльца.

— Разсчета дожидаемся. Этотъ чортъ (ты прости меня, Дженни, но я передаю то, что я слышалъ) съ ранняго утра насъ держитъ!

— Какой чортъ?—спросилъ я, не вполнѣ понимая, въ чемъ дѣло.

— Да Ефимъ Кузьмичъ. Тугъ онъ разставаться съ копейкой, а ужъ обчесть—это его дѣло.

Въ то время какъ я, увлекаемый любознательностью, бесѣдовалъ

съ русскими поселянами, къ намъ незамѣтно подошелъ полисменъ— весьма тощій и непрезентабельный на видъ джентльменъ въ полушубкѣ и кепи, которая, казалось, попала на его голову съ другой, большаго діаметра—и взглянулъ на меня нѣсколько подозрительно. Полисменъ приблизился ко мнѣ и спросилъ:

— Вы кто такіе будете?

Я отвѣчалъ, что я лордъ Розберри, англійскій подданный.

Но джентльменъ, повидимому, не совершенно понялъ все значеніе этого титула и продолжалъ:

— Зачѣмъ же вы, господинъ, безпорядки заводите? Это, братецъ (brother), не годится!

Я, конечно, поспѣшилъ завѣрить, что я никакихъ безпорядковъ не завожу, что я ѣду изъ Лондона въ Петербургъ, но что, вслѣдствіе несчастной случайности на желѣзной дорогѣ, я имѣлъ намѣреніе осмотрѣть достопримѣчательности города и обратился за надлежащими разспросами къ почтеннымъ русскимъ джентльменамъ, вполнѣ полагаясь на ихъ обязательность.

Но чѣмъ съ большею деликатностью я составлялъ русскія фразы, тѣмъ добродушное лицо моего собесѣдника омрачалось болѣе и болѣе, и въ головѣ его, казалось, происходила какая-то борьба. Ясно было изъ брошеннаго имъ на меня взгляда, что онъ не вѣрилъ моимъ словамъ. «Не на такого, молъ, дурака напалъ!»—словно бы говорилъ его испытующій взоръ.

— Какія примѣчательности? У насъ нѣтъ примѣчательностей!— подозрительно сказалъ онъ.—А бунтовать у насъ нельзя!

— Да во всей Европѣ, сэръ, нельзя.

— Ты и не бунтуй. Гдѣ твой паспортъ?

Я подалъ, но такъ какъ полисменъ по-французски читать не умѣлъ (да и по-русски, кажется, тоже), то онъ повертѣлъ въ разныя стороны книжку, внимательно посмотрѣлъ на нее и вдругъ, точно рѣшившись на что-то, спряталъ мою книжку въ карманъ и сказалъ мнѣ:

— Гайда со мной. Тамъ прочитаютъ.

Я, признаться, Дженни, струсилъ и хотѣлъ-было телеграфировать немедленно лорду Дерби, но полисменъ самъ же успокоилъ меня.

— Да вы, господинъ, не бойтесь. Коли вы добрый человѣкъ, ничего вамъ дурного не будетъ. Мы добраго человѣка обижать не станемъ. Зачѣмъ намъ обижать добраго человѣка?—весело и привѣтливо говорилъ онъ, идя со мною на главную улицу.—Добрый человѣкъ вездѣ себѣ найдетъ защиту. Доброму человѣку нечего бояться!

Мы пришли въ police station, но тамъ, кромѣ сторожа, чинившаго такой же старый сапогъ, какъ онъ самъ, и курицы съ пѣтухомъ, никого не было. Сторожъ равнодушно взглянулъ на насъ и снова занялся своимъ сапогомъ. Тогда между полисменомъ и сторожемъ произошелъ короткій обмѣнъ фразъ, изъ коихъ можно было заклю-

чить, что кто-то пьянъ, и что, кромѣ сторожа, никого «собаками не сыщешь».

— Вы, господинъ, будьте добры, посидите минутку здѣсь, а я сбѣгаю къ начальнику... Ты, Трифонычъ, погляди за бариномъ, какъ бы онъ не убѣжалъ!

Признаюсь, несмотря на серьезность положенія, добродушная патріархальность этихъ двухъ джентльменовъ меня просто разсмѣшила. Съ одной стороны, полисменъ меня же проситъ посидѣть, а съ другой— поручаетъ присмотрѣть дряхлому старику, который и съ мухой не могъ бы справиться. Это было для меня до того неожиданно, что я не могъ воздержаться отъ улыбки. Я посмотрѣлъ на часы и, убѣдившись, что остается еще цѣлыхъ пять часовъ до отхода поѣзда, согласился исполнить просьбу.

— Я мигомъ слетаю!—добавилъ полисменъ и, мигнувъ сторожу, ушелъ, оставивъ насъ вдвоемъ.

Старикъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, чинить сапогъ, а я отъ нечего дѣлать смотрѣлъ, какъ въ его костлявой, худой рукѣ быстро двигается шило. Прошло съ добрыхъ четверть часа. Я сталъ безпокоиться и сообщилъ объ этомъ сторожу.

— А вы, баринъ, не безпокойтесь. Онъ проворно обдѣлаетъ дѣло. Онъ у насъ человѣкъ скорый. А вы покурите! Вы изъ какихъ будете?— спросилъ онъ, поднимая на меня свои выцвѣтшіе, полинялые глаза.

— Я англичанинъ.

— Англичанинъ? Издалече?

— Изъ Лондона.

— Хорошая у васъ сторона? Хорошо ли народъ живетъ? —началъ онъ спрашивать такимъ добродушно-задушевнымъ тономъ, точно увѣренный, что мнѣ доставитъ большое удовольствіе продолжать съ нимъ долгую бесѣду.

Я не могъ однако не удовлетворить его добродушныхъ вопросовъ и, какъ умѣлъ, отвѣтилъ ему. А время шло. Я начиналъ сердиться.

— Да вы не сердитесь. Онъ у насъ мигомъ... Онъ у насъ скорый человѣкъ!

— Помилуйте, ужъ цѣлый часъ прошелъ.

— Вы куда ѣдете... въ Питеръ?

— Да, въ Петербургъ... Послушайте, я больше ждать не могу!

— А вы подождите... Куда торопиться? Сегодня опоздаете — завтра поѣдете. Да онъ скоро придетъ. Онъ у насъ скорый.

Старикъ начиналъ меня сердить своимъ добродушнымъ спокойствіемъ. Онъ замолчалъ и снова занялся сапогомъ. Прошло еще пять минутъ.

— А народъ у васъ изъ себя крупный, сытый?—спросилъ онъ опять.

— Послушайте, сэръ,—началъ я.—Это наконецъ насиліе. Я буду телеграфировать нашему посланнику.

— Что-жъ, дѣло хорошее... Вонъ тамъ бумага есть.

Очевидно, онъ не понималъ или не хотѣлъ понять всей важности моихъ словъ. Тогда я сказалъ, что я наконецъ считаю себя не связаннымъ своимъ словомъ и уйду.

— Да какъ же вы уйдете?

— Въ двери.

— Да онъ ихъ заперъ! А вы не сомнѣвайтесь. Онъ сейчасъ. Онъ скорый человѣкъ.

Ты поймешь, Дженни, что я перечувствовалъ за эти часы. Прошло еще нѣсколько времени, какъ вдругъ къ подъѣзду подкатили сани, изъ нихъ выскочилъ джентльменъ въ формѣ, и черезъ минуту отворились двери; раскланиваясь, ко мнѣ подошелъ пріѣзжій и привѣтствовалъ меня слѣдующими словами:

— Здѣшній исправникъ! Очень огорченъ, что такой знатный иностранецъ... Прискорбное недоразумѣніе... Глупый солдатъ...

Однимъ словомъ, высокій худощавый господинъ металъ въ меня краткими періодами на манеръ «общаго друга» въ Пикквикскомъ клубѣ Диккенса и все извинялся. Я сказалъ, что мнѣ самому прискорбно такое недоразумѣніе, но что я, кажется, еще не опоздалъ, на что онъ мнѣ отвѣтилъ не безъ грустной улыбки, что поѣздъ ушелъ, но что онъ проситъ меня посѣтить его домъ.

Я былъ очень раздраженъ, но дѣлать было нечего. Я простился со сторожемъ, и мы поѣхали вмѣстѣ съ исправникомъ домой. Тамъ меня такъ накормили и напоили, Дженни, и притомъ супруга исправника, еще не старая женщина, оказалась настолько любезной женщиной и такъ просила меня погостить у нихъ подолѣе (ты, Дженни, пожалуйста, не дѣлай гримасы), что я забылъ свое приключеніе и, отлично выспавшись, на слѣдующее утро, сопровождаемый исправникомъ до станціи, отправился далѣе.

Мѣстный администраторъ долго еще просилъ меня забыть о недоразумѣніи и не разглашать этого дѣла.

— Я самъ глубоко опечаленъ вашимъ приключеніемъ, но, сами знаете, вездѣ, во всѣхъ странахъ, возможны ошибки!..—говорилъ онъ, задушевно пожимая мнѣ руку.

Однимъ словомъ, это былъ весьма либеральный администраторъ, у него была прекрасная наливка и немало остроумія.

О Петербургѣ и о прочихъ впечатлѣніяхъ до слѣдующаго письма. А теперь не могу. Усталъ и уже предвкушаю удовольствіе хорошо заснуть послѣ долгой дороги.

Письмо второе.

Дорогая Дженни!

Вообрази себѣ длинныя, прямыя и широкія улицы съ большими, средними и малыми казармами по бокамъ, и ты будешь имѣть нѣ-

которое понятіе о внѣшнемъ видѣ сѣверной столицы, «этой красы и дива полночныхъ странъ», по выраженію русскаго поэта Пушкина. Если затѣмъ ты вообразишь, что судъ Королевской скамьи присудилъ твоего бѣднаго Джонни кататься по сухому, кочковатому болоту, при чемъ кочки каменныя, то ты до нѣкоторой степени представишь себѣ петербургскія мостовыя. Но чтобы судить о снарядѣ, въ которомъ наказанный долженъ былъ бы исполнить приговоръ суда, для этого надо имѣть фантазію итальянца и, во всякомъ случаѣ, предварительно ознакомиться съ орудіями пытки, употреблявшимися въ средніе вѣка. Напряги, Дженни, свое воображеніе и представь себѣ инструментъ или снарядъ, возможный для сидѣнья одному и невозможный для двухъ, который, словно мячикъ, прыгаетъ по каменнымъ кочкамъ, внушая со стороны зрителей соболѣзнованіе за цѣлость внутренностей сѣдока, и ты будешь имѣть слабое понятіе о томъ адскомъ экипажѣ, который называется здѣсь дрожками. Если бы мы рискнули, Дженни, сѣсть вдвоемъ въ этотъ снарядъ, то, конечно, я, какъ порядочный джентльменъ, былъ бы въ этомъ снарядѣ только отчасти и во все время путешествія принужденъ былъ бы не упускать изъ виду закона равновѣсія тѣлъ. Насколько я успѣлъ собрать свѣдѣнія, этотъ снарядъ, въ которомъ русскіе однако ухитряются помѣщаться иногда цѣлыми семействами, составляетъ ихъ патріотическую гордость, какъ дѣйствительно вполнѣ самобытное изобрѣтеніе,—вотъ почему они и не разстаются съ нимъ. Что же касается мостовыхъ, то, по словамъ одного весьма почтеннаго гласнаго, дума сохраняетъ подобныя мостовыя въ виду ихъ воспитательно-политическаго значенія. По словамъ названнаго джентльмена, не только большинство господъ гласныхъ, но и прочіе чиновники и клерки разныхъ учрежденій, отправляясь на службу, находятся въ томъ состояніи полуспячки, которая по прибытіи къ мѣстамъ службы легко и скоро переходитъ въ летаргію, и такимъ образомъ дѣла, и дѣла иногда весьма спѣшныя, часто остаются безъ движенія, въ ожиданіи окончанія перемежающейся летаргіи. Обыкновенно пробужденіе начинается въ двадцатыхъ числахъ, когда раздается жалованье, и затѣмъ снова наступаетъ тотъ же сонный періодъ. Во избѣжаніе остановки всѣхъ дѣлъ, дума, говорятъ, въ 1868 году отправилась большой процессіей къ Казанскому собору и, отслуживъ тамъ молебенъ, продолжала свое путешествіе на Сѣнную площадь, гдѣ торжественно, въ присутствіи нѣсколькихъ полисменовъ, произнесла трижды клятву сохранять мостовыя въ настоящемъ видѣ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Дѣло въ томъ, что ѣзда по здѣшнимъ мостовымъ, да еще въ вышеописанномъ снарядѣ, производитъ такое общее сотрясеніе въ организмѣ, послѣ котораго самый сонливый человѣкъ чувствуетъ сильное возбужденіе силъ. Разумѣется, эта мѣра имѣла въ виду людей, не имѣющихъ возможности ѣздить въ каретахъ (отъ этого и процессія не возбудила никакихъ подозрѣній). Ты, ко-

нечно, будешь удивлена, если я тебѣ сообщу, что швейцары часто выносятъ изъ каретъ такихъ сонныхъ джентльменовъ, директоровъ правленій и прочихъ соотвѣтственныхъ агентовъ, снимаютъ съ нихъ шубы и несутъ въ совѣщательныя комнаты, гдѣ сажаютъ ихъ въ кресла и даютъ каждому въ ротъ по одному пшеничному леденцу, и никто изъ нихъ не просыпается. Затѣмъ, по окончаніи совѣщаній, тѣмъ же порядкомъ выносятъ ихъ обратно. Но такъ какъ, по большей части, господамъ директорамъ приходится переѣзжать въ теченіе дня изъ одного правленія въ другое, изъ другого въ третье (здѣсь на одного человѣка иногда приходится до двѣнадцати мѣстъ), то ты очень хорошо поймешь, какую способность къ спячкѣ развиваетъ эта привычка и почему менѣе сонные, но болѣе ловкіе ихъ товарищи не только свободно трогаютъ ихъ за носы, но еще суютъ ихъ въ кассы для того, чтобы засвидѣтельствовать, что въ кассахъ все цѣло. Сонливость эта однако-жъ исчезаетъ въ дни полученья жалованія или «жетоновъ», и потому, по словамъ знающихъ людей, когда видишь на улицѣ этихъ джентльменовъ весело выглядывающими изъ каретъ, то это значитъ, что они ѣдутъ за жалованьемъ, и тогда ѣзда бываетъ очень быстрая, такъ какъ въ одинъ день иногда приходится расписаться въ десяти мѣстахъ.

Въ качествѣ «знатнаго» иностранца я поѣхалъ съ желѣзной дороги въ каретѣ, при чемъ объявилъ извозчику, что я знатный нѣмецъ, пріѣхалъ съ особеннымъ порученіемъ отъ Бисмарка, и потому просилъ взять съ меня дешевле. Сдѣлалъ я это, Дженни, потому, что на желѣзной дорогѣ прочиталъ въ русскихъ газетахъ, будто бы на совѣщаніи извозчиковъ, на которое были допущены редакторы-издатели нѣкоторыхъ болѣе патріотическихъ газетъ, рѣшено было не возить англичанъ и англичанокъ до тѣхъ поръ, пока англійскій флотъ не оставитъ Мраморнаго моря. Впослѣдствіи я имѣлъ несомнѣнный случай убѣдиться, что означенное сообщеніе было совершенно ложно (извозчики возятъ англичанъ такъ же охотно, какъ и русскихъ), но ты поймешь, почему я имѣлъ сперва поводъ къ опасенію остаться съ багажомъ подъ открытымъ небомъ въ положеніи Робинзона. Узнавъ, что я нѣмецъ, и даже знатный, извозчикъ однако не нашелъ нужнымъ ѣхать скорѣе, а, напротивъ, мнѣ показалось даже, что объявленіе мною національности подѣйствовало удручающимъ образомъ не только на него самого, но даже и на его лошадей, такъ что я принужденъ былъ высунуться изъ окна и просить его ѣхать бодрѣе, при чемъ обѣщалъ ему дать «на чай» (подъ словомъ «чай» русскіе извозчики разумѣютъ всѣ спиртные напитки) двадцать копескъ. Мои слова произвели на него такое же ошеломляющее дѣйствіе, какъ послѣдняя рѣчь Бисмарка на Австро-Венгрію. Онъ вытаращилъ на меня глаза и, выразивъ сомнѣніе, что я нѣмецъ, стегнулъ лошадей кнутомъ, и карета покатилась по кочкамъ, слегка подбрасывая меня. Подъѣзжая

къ одной площади, которая, какъ я послѣ узналъ, называется Сѣнной, я почувствовалъ такой странный запахъ, что принужденъ былъ прибѣгнуть къ платку. Теперь, послѣ пятидневнаго пребыванія въ Петербургѣ, я уже привыкъ, Дженни, къ этому запаху, носящему здѣсь даже спеціальныя названія, подъ именемъ «гутуевскихъ амбре», «выборгскаго душистаго горошка» и «сѣнного букета», и вдыхаю въ свои легкія этотъ воздухъ совершенно свободно; но первые дни я, признаться, вспоминалъ мое посѣщеніе полей удобренія и выходилъ на улицу не иначе, какъ съ запасомъ солей. Русскіе, которымъ я выражалъ потомъ нѣкоторое сомнѣніе въ благотворномъ дѣйствіи подобнаго воздуха на человѣческій организмъ и въ необходимости удобренія улицъ, весело смѣялись, повторяя свою поговорку: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть», а нѣкоторые даже доказывали, ссылаясь на ученыя изслѣдованія спеціальной при думѣ комиссіи, что этотъ воздухъ полезенъ для слабогрудыхъ, и что вообще, такъ какъ все на землѣ происходитъ по волѣ Провидѣнія, то дума и не хочетъ слабую человѣческую волю впутывать въ неисповѣдимые пути Промысла. Русскіе люди, Дженни, какъ видишь, имѣютъ похвальную привычку подкрѣплять свои доводы божественнымъ ученіемъ и поговорками, которыхъ у нихъ очень много, и мнѣ даже указывали на двухъ весьма уважаемыхъ персонъ, которыя, только благодаря знанію поговорокъ и умѣнію ими пользоваться, получаютъ такое жалованье, отъ котораго у тебя можетъ закружиться головка.

Рядомъ со мной въ Европейской гостиницѣ, гдѣ я остановился, живетъ Реуфъ-паша, пріѣхавшій сюда для ратификаціи мирнаго договора. Русскіе репортеры вчера цѣлое утро сновали въ коридорѣ, изыскивая возможность увидать Реуфа-пашу и даже съ нимъ побесѣдовать, если только будетъ малѣйшая возможность. Въ качествѣ знатнаго иностранца, Реуфъ-паша представлялъ, конечно, лакомый кусокъ, на которомъ легко можно выказать не только блескъ и силу фантазіи, но, кромѣ того, и заработать приличный гонораръ. Сегодня я уже прочиталъ въ одной газетѣ отчетъ о свиданіи репортера съ турецкимъ посланникомъ. Это весьма распространенная газета, издаваемая весьма способнымъ, но крайне экзальтированнымъ человѣкомъ. Ненависть этого издателя къ туркамъ, а отчасти и къ англичанамъ, объясняли мнѣ довольно загадочнымъ и страннымъ происшествіемъ, бывшимъ съ нимъ въ дѣтствѣ. Разсказываютъ, что однажды одна, извѣстная въ свое время колдунья предсказала ему будто бы, что не кто, какъ онъ, завоюетъ Россіи Константинополь и посадитъ на престолъ кокандскаго принца, обративъ его сперва въ православіе. Послѣ этого предсказанія мальчикъ тогда же далъ клятву завоевать Константинополь и посадить на престолъ кокандскаго принца. Прошло много времени, и уже зрѣлый мужъ совсѣмъ забылъ о своей клятвѣ, какъ вдругъ въ 1875 году къ нему явилась колдунья и напомнила его клятву. Съ тѣхъ поръ бѣд-

ный издатель съ большимъ усердіемъ сталъ изыскивать средства къ исполненію клятвы. Уже съ полгода, какъ найденъ былъ подходящій коканскій принцъ, обращенный въ православіе, а къ нему въ воспитатели пріисканъ свѣдущій, образованный и либеральный наставникъ; но санъ-стефанскій миръ, какъ извѣстно, помѣшалъ осуществленію намѣренія, вслѣдствіе чего издатель скорбитъ, хотя и не теряетъ надежды.

По словамъ репортеровъ, Реуфъ-паша очень пріятный человѣкъ, и мало того, что пріятный, но и обходительный, такъ какъ не только предложилъ репортеру сѣсть на кресло, но и протянулъ руку. Изъ этого описанія ты, конечно, убѣдишься, Дженни, какіе восторженные люди русскіе репортеры, какъ они цѣнятъ даже и такую обычную вѣжливость, какъ подача руки, и какъ ихъ трогаетъ приглашеніе садиться, данное хотя бы и турецкимъ знатнымъ иностранцемъ. Только впослѣдствіи, когда репортеры сдѣлали мнѣ честь и посѣтили меня, я узналъ, что ласковое съ ними обращеніе со стороны «знатныхъ» персонъ такъ трогаетъ ихъ по той простой причинѣ, что дома русскіе журналисты вообще не пользуются особенными преимуществами, такъ какъ считаются въ чинѣ «разночинца», что̀ немного повыше дворника и немного пониже околоточнаго*), и слѣдовательно не всегда могутъ разсчитывать на кресло или даже на стулъ. Впрочемъ, долженъ замѣтить, что между ними есть много весьма респектабельныхъ джентльменовъ.

Реуфъ-паша, между прочимъ, счелъ долгомъ сказать репортеру, что Россія и Турція имѣютъ много общихъ точекъ соприкосновенія, и потому дружба между обоими народами имѣетъ много шансовъ. Если репортеръ не сочинилъ этой фразы подъ обаяніемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ, привѣтливости знатнаго иностранца и удобнаго сидѣнья въ креслѣ, то, надо сказать правду, Реуфъ-паша весьма любезный человѣкъ. Онъ хорошо понялъ, что представителю Турціи, которой оставили ровно столько, сколько оставляютъ обыкновенно человѣку для того, чтобы не совсѣмъ его раздѣть,—ничего другого и не оставалось сказать кромѣ того, что̀ онъ сказалъ.

Я ужъ и не знаю, кто сообщилъ о моемъ пріѣздѣ (впрочемъ, паспортъ у меня спросили тотчасъ, какъ я пріѣхалъ въ гостиницу), но только черезъ два дня я еще лежалъ въ постели, какъ въ мою дверь постучали. Я окликнулъ и получилъ отвѣтъ, что представитель прессы желаетъ меня видѣть. Я извинился, что еще въ постели и не могу принять, и просилъ придти черезъ часъ. Въ назначенное время весьма солидный на видъ джентльменъ вошелъ ко мнѣ и отрекомендовался

---

*) Очевидно, «знатный иностранецъ» введенъ въ заблужденіе, такъ какъ между нашими журналистами есть даже и дѣйствительные статскіе совѣтники. *Прим. переводчика.*

представителемъ той самой знаменитой газеты, которая, если припомнишь, такъ допекала одно время бѣднаго Дизи, что онъ даже хотѣлъ подать въ отставку. Нечего тебѣ и объяснять, что я радъ былъ видѣть представителя этого органа, особенно любимаго въ Россіи чиновниками, и предложилъ попросту напиться вмѣстѣ кофе. Представитель «газеты» оказался весьма пріятнымъ джентльменомъ, онъ на своемъ вѣку много путешествовалъ, былъ въ Индіи, прошелъ пѣшкомъ Сахару, проѣхалъ на ослѣ всю Корсю, имѣлъ счастіе представляться многимъ королямъ и принцамъ и показывалъ мнѣ, между прочимъ, окурокъ, данный ему лично покойнымъ королемъ Викторомъ-Эмануиломъ, который онъ хранитъ, какъ святыню, и, боясь потерять ее, держитъ постоянно при себѣ въ жилетномъ карманѣ. Окурокъ поэтому истрепался, но все еще сохранилъ всѣ признаки сигарнаго окурка. Я обязательно посовѣтовалъ почтенному джентльмену сдѣлать для него футляръ, съ чѣмъ онъ вполнѣ согласился. Послѣ того, какъ названный джентльменъ сдѣлалъ маленькій привалъ въ одномъ изъ оазисовъ сахарской пустыни, я весьма осторожно постарался навести его на цѣль посѣщенія, такъ какъ мнѣ, въ качествѣ знатнаго иностранца, предстояло еще сдѣлать нѣсколько визитовъ. Тогда онъ попросилъ позволенія задавать мнѣ вопросы, и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Съ какою цѣлью вы пожаловали сюда, милордъ? Имѣетъ ли вашъ пріѣздъ цѣлью улаженіе затрудненій?

На этотъ вопросъ я отвѣчалъ уклончиво.

— Думаете ли вы, что нельзя примирить британскихъ интересовъ съ нашими?

— Думаю, что возможно. Впрочемъ, я не хочу въ настоящее время объяснять подробности.

Ты догадываешься, Дженни, что я, въ качествѣ знатнаго иностранца, не могъ говорить иначе. Иначе какой бы я былъ знатный иностранецъ.

— Въ случаѣ войны будете ли вы посылать къ намъ портеръ?

— Едва ли.

— Боитесь вы за Индію?

— Признаюсь, сэръ, начинаю бояться съ тѣхъ поръ, какъ ваши газеты заявили о томъ, что Индію завоевать, что выпить стаканъ воды—рѣшительно одно и то же, такъ какъ «ширь и удаль русскаго солдата» заставитъ его сдѣлать шутя прогулку въ Индію. Признаюсь, сэръ, одно время я возлагалъ надежды на недостатокъ вашихъ финансовъ, но ваша почтенная газета окончательно срѣзала меня, доказавъ, что на что другое, а на войну всегда будутъ деньги.

— Такъ что вы думаете, милордъ, что послѣ всего этого вашъ кабинетъ призадумается?

— И даже очень!

— Вы уполномочиваете меня сообщить печатно этотъ разговоръ?

— Охотно, сэръ.

Мы дружески простились, и на другой день я прочиталъ, Дженни, большой отчетъ о нашемъ свиданіи, при чемъ въ этомъ отчетѣ были приписаны мнѣ такія слова, которыхъ я и не думалъ говорить. Вмѣстѣ съ тѣмъ я описывался, какъ весьма привѣтливый «знатный» иностранецъ, хотя и англичанинъ, и—да проститъ Господь Богъ почтеннаго репортера!—онъ сочинилъ обо мнѣ такую біографію, которая дѣлаетъ честь его фантазіи, но весьма мало похожа на подлинную. Затѣмъ почтенный репортеръ хвасталъ тѣмъ, что получилъ будто бы отъ меня на память трубку, изъ которой курилъ лордъ Пальмерстонъ (оказавшійся въ его отчетѣ моимъ дѣдушкой), исторія которой тоже доказывала пылкое воображеніе русскихъ. На третій день въ «Нивѣ» былъ помѣщенъ портретъ Вальтеръ-Скотта съ объясненіемъ, что это я, лордъ Розберри, знатный англичанинъ, пріѣхавшій будто бы сюда съ спеціальнымъ порученіемъ. Такимъ образомъ въ короткое время имя мое сдѣлалось въ Петербургѣ крайне популярнымъ, и я, несмотря на принадлежность свою къ націи «торгашей», сдѣлался героемъ дня.

Удивительно довѣрчивые люди эти русскіе, Дженни. Очень ужъ они просты.

Письмо третье.

Дорогая Дженни!

Однажды утромъ, прочитавъ газеты, я думалъ, что меня немедленно убьетъ слуга и заслужитъ благодарность отечества, такъ газеты сильно выражали ненависть къ нашей націи; но когда я сказалъ нѣсколько словъ со слугой, оказалось, что онъ не имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній и, по обыкновенію, такъ же поздно приходилъ на мой зовъ, какъ и въ первые дни. Вообще надо тебѣ сказать, что бо́льшая часть здѣшнихъ газетъ весьма горяча къ внѣшней политикѣ; что же касается внутренней, то о ней онѣ говорятъ очень мало. Происходитъ это, по объясненію одного литератора, вслѣдствіе весьма сложныхъ причинъ, изъ которыхъ главная—крайняя скромность русскихъ дѣятелей и нежеланіе ихъ подвергаться хотя бы самымъ горячимъ похваламъ въ печати. Въ этомъ отношеніи скромность ихъ не знаетъ предѣловъ, и бывали даже случаи, что величайшія похвалы настолько оскорбляли ихъ чувство скромности, что дѣлали немало затрудненій авторамъ. Какъ щекотливы въ этомъ отношеніи русскіе и сколь не любятъ малѣйшаго намека на похвалы, хотя бы не личныя, а относящіяся вообще ко многимъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ слѣдующій разсказъ, переданный мнѣ однимъ русскимъ. Въ одномъ изъ маленькихъ городковъ (изъ той же скромности имя городка осталось неизвѣстнымъ) Казанской губерніи любители давали спектакль въ пользу Краснаго Креста. Въ первомъ актѣ означенной пьесы одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ, между прочимъ: «Какіе добрые и добро-

дѣтельные люди наши начальники! Господи, какъ пріятно, что у насъ такъ много добродѣтельныхъ особъ, и мы можемъ по справедливости гордиться передъ Европой!». Эта весьма скромная сравнительно похвала оскорбила однако, Дженни, скромность бывшей на представленіи мѣстной особы, и немедленно было приказано не продолжать болѣе представленія, такъ какъ такая хвастливость противна нравственности, питаетъ гордыню и можетъ дурно вліять на нравы. «Я уже не говорю,—сказала особа:—что вы не пощадили моей скромности, прослужившей ровно сорокъ два года отечеству въ евангельскихъ правилахъ дѣлать одною рукою такъ, чтобы другая о томъ не знала, но я не могу допустить, чтобы граждане, слыша такое неумѣренное восхваленіе, не вообразили въ самомъ дѣлѣ, что у насъ все совершенно». Напрасно распорядители упрашивали особу позволить хотя на этотъ только разъ продолжать пьесу, напрасно представляли, что сія пьеса была разрѣшена къ представленію цензурой, напрасно они наконецъ обращали вниманіе на то, что зрители заплатили деньги съ благотворительной цѣлью, разсчитывая увидать цѣлую пьесу, а не одинъ только первый актъ,—добродѣтельный русскій былъ неумолимъ. И только когда распорядители предложили во второмъ актѣ измѣнить текстъ пьесы и вложить въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ фразу, что не всѣ начальники добродѣтельны и потому нечего гордиться, что есть между ними и грѣшники,—только тогда, Дженни, русскій скромный господинъ позволилъ докончить представленіе и нѣсколько успокоился *).

Вслѣдствіе такой похвальной черты русскіе журналисты стараются

---

*) Знатный иностранецъ, какъ кажется, былъ нѣсколько введенъ въ заблужденіе. Мы не отрицаемъ, конечно, возможности приведеннаго имъ факта, но обстоятельства, сопровождавшія это происшествіе, совпадаютъ съ другимъ фактомъ, разсказаннымъ корреспондентомъ въ 725 № «Нов. Врем.». По словамъ корреспондента выходитъ, что, напротивъ, мѣстная особа обидѣлась по слѣдующему поводу. Въ маленькомъ городѣ Казанской губерніи любители давали пьесу Островскаго: «На бойкомъ мѣстѣ». «Когда,—сообщаетъ корреспондентъ:—въ 1-мъ дѣйствіи этой комедіи вышелъ на сцену «Жукъ», работникъ Безсуднаго, сказавъ, что капитанъ-исправникъ ѣдетъ, и когда Безсудный, отдавая деньги женѣ, говоритъ: «Поди скажи, что нездоровится, съ похмелья, молъ, головой мается»,—мѣстная особа вдругъ разсердилась и, едва выждавъ окончанія дѣйствія, явилась за кулисы, гдѣ и запретила продолженіе пьесы, усмотрѣвъ въ словахъ Безсуднаго личное для себя оскорбленіе и угрожая тутъ же составить объ этомъ формальный актъ (какъ жаль, что не составила!). Напрасно докладывали особѣ, что дѣйствіе происходитъ 40 лѣтъ назадъ; что нынѣ, при существованіи разъѣздныхъ отъ земства, «особа» изъ города никуда и никогда не выѣзжаетъ, о чемъ извѣстно всѣмъ и каждому, а слѣдовательно и подозрѣній въ дѣлахъ съ дворниками родиться ни у кого не могло; что нынѣ, за полученіемъ земской субсидіи, не представляется и надобности прибѣгать къ тѣмъ грубымъ формамъ, къ каковымъ вынуждались прежніе «капитаны-исправники», и что наконецъ самъ же онъ разрѣшилъ поста-

щадить prudérie своихъ соотечественниковъ и избѣгаютъ внутренней политики, усиленно занимаясь внѣшней. Притомъ они увѣрены, что иностранцы до того испорчены, что и чрезмѣрная похвала и чрезмѣрная брань уже болѣе испортить ихъ не могутъ; вотъ почему они такъ восторженно хвалятъ князя Бисмарка и неумѣренно бранятъ нашего Дизи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ нечего опасаться дипломатической переписки, и слѣдовательно русскіе читатели не остаются безъ матеріала для ежедневнаго чтенія.

Меня поразилъ только слѣдующій странный фактъ, Дженни: среди именъ издателей можно встрѣтить имена людей всевозможныхъ профессій, начиная отъ военнаго и кончая торговцемъ піявками, но зато имена литераторовъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Я просилъ объяснить, почему литераторы не занимаются этимъ дѣломъ, и получилъ въ отвѣтъ, что дѣлается это въ виду поощренія просвѣщенія, такъ какъ издательская дѣятельность все-таки волей-неволей заставитъ, напримѣръ, торговца старымъ платьемъ выучиться правильно писать и, пожалуй, научить тому же и своихъ родственниковъ. Литераторамъ же это безполезно, такъ какъ они и безъ того умѣютъ писать, и имъ слѣдовательно нечего въ этомъ оказывать содѣйствіе. Кромѣ того, торговые люди въ качествѣ издателей представляютъ еще и бо́льшія гарантіи въ томъ, что направленіе изданій можетъ быть предметомъ торговли, и слѣдовательно страна имѣетъ у себя новую отрасль торговыхъ занятій, отчего страна, разумѣется, можетъ несомнѣнно выгадать. Почтенный русскій обязательно сообщилъ мнѣ списокъ издателей, и изъ этого списка видно, что въ числѣ издателей находятся: одинъ генералъ, два ветеринара, четыре бакалейныхъ торговца, одинъ биржевой маклеръ, одинъ зубной врачъ, одинъ мозольный операторъ, одинъ содержатель питейнаго дома, три продавца стараго платья, одинъ содержатель балагана, два торговца сырьемъ, пять владѣльцевъ конскихъ заводовъ и только семь настоящихъ журналистовъ. Такимъ образомъ Россія, какъ видно, не только подражаетъ Европѣ, но даже и превзошла ее въ этомъ отношеніи. Затѣмъ редакторы здѣсь по большей части сами ничего не пишутъ, а лишь подписываютъ газеты, такъ какъ остальное время заняты посѣщеніемъ мировыхъ судей по разби-

---

вить пьесу и т. п. Ничто не помогло, особа продолжала юпитерствовать. Кто-то догадался наконецъ привезти печатную книгу, въ коей грозный начальникъ воочію увидѣлъ напечатанными тѣ слова Безсуднаго, которыя онъ по своему невѣдѣнію приписалъ личной выходкѣ исполнявшаго роль. Только тогда онъ сдѣлался помягче. Разрѣшеніе продолжать пьесу было дано; для уничтоженія же въ публикѣ дурного впечатлѣнія, произведеннаго грубымъ поведеніемъ Безсуднаго, предложено, чтобы при поднятіи занавѣса для 2-го дѣйствія на сцену вышла жена Безсуднаго и, возвращая мужу обратно деньги, заявила, что вотъ-де капитанъ-исправникъ не только денегъ не взялъ, но и порядочно-таки поругалъ ее за это».

Прим. переводчика.

рательствамъ объ оскорбленіи скромности крайне щекотливыхъ въ этомъ отношеніи гражданъ.

Я хотѣлъ-было посѣтить судъ и имѣть случай видѣть здѣшнихъ знаменитыхъ юристовъ, но оказалось, что, по недостатку мѣста, попасть въ этотъ день было нельзя (мнѣ, какъ знатному иностранцу, обѣщали на другой же день прислать билетъ), и я поѣхалъ изъ суда во второе страховое общество, гдѣ, какъ мнѣ передавали, въ числѣ директоровъ находится такой, котораго туристу видѣть любопытно. Въ качествѣ знатнаго иностранца, я прошелъ на это собраніе безъ предъявленія акцій; мнѣ предлагали, правда, записать на мое имя акціи, но съ тѣмъ только, чтобы я подалъ голосъ за избраніе предлагавшаго мнѣ эту сдѣлку джентльмена, но я, не зная русскихъ законовъ, признаться, побоялся принять подобное предложеніе. Примѣръ Струсберга хорошо извѣстенъ въ Европѣ.

Предсѣдатель позвонилъ. Засѣданіе было открыто. Все шло прекрасно. Но когда поднялся вопросъ объ избраніи новаго директора, вмѣсто того знаменитаго, на котораго туристъ обязанъ взглянуть, то въ собраніи поднялся такой шумъ, какой бываетъ у насъ на Дерби. Однако-жъ собраніе выразило «знаменитому» недовѣріе, какъ объяснили, вслѣдствіе того, что онъ, этотъ знаменитый, совершенно нечаянно однажды переправилъ цифру 4 въ 40 (чтобы имѣть болѣе голосовъ). Всѣ думали, что послѣ недовѣрія директоръ сейчасъ же скромно опуститъ глаза и провалится сквозь полъ (здѣсь часто люди проваливаются, такъ что ищутъ-ищутъ и, несмотря на старанія полиціи, не могутъ отыскать человѣка; поэтому здѣсь существуетъ выраженіе: провалился сквозь землю), но, къ общему изумленію, онъ не только не провалился, а, напротивъ, поднялся съ своего кресла, обвелъ яснымъ взоромъ присутствующихъ и сказалъ:

— Хотя, милостивые государи, мнѣ и прискорбно, что большинство противъ меня, но я, какъ человѣкъ скромный, буду довольствоваться и тѣмъ, что останусь служить меньшинству.

Тогда почтенные акціонеры страхового общества пришли въ негодованіе:

— Какъ, вы остаетесь!? Ваши поступки разоблачены, и вы остаетесь? Мы васъ не хотимъ!

Но подъ градомъ этихъ восклицаній русскій директоръ остался непоколебимымъ, какъ скала. Онъ опять обвелъ яснымъ взоромъ собраніе и, когда нѣсколько стихъ шумъ, отвѣчалъ:

— Это, конечно, ваше дѣло, но я хочу остаться и откровенно вамъ объясню, почему. Я выбранъ директоромъ на пять лѣтъ, но прослужилъ всего два года, слѣдовательно, скажите, господа, по совѣсти, кто бы изъ васъ захотѣлъ лишиться, по крайней мѣрѣ, 18 тысячъ? Кто изъ васъ, господа, способенъ на такое геройство, пусть выходитъ, и я тогда посмотрю, что мнѣ дѣлать!

Онъ хотѣлъ-было продолжать, но гулъ пронесся по залѣ. Никто однако не вышелъ, но поднялся дьявольскій крикъ:

— Вонъ, вонъ! Мы васъ не хотимъ... Это наглость! Ключи, ключи! Отдайте ключи! Двѣ акціи за ключи!

Но директоръ былъ дѣйствительно героемъ. Въ качествѣ кассира онъ не хотѣлъ разстаться съ вѣрными друзьями — ключами и, въ отвѣтъ на гулъ, снова поднялся, трагически сложилъ руки на груди и сказалъ два слова:

— Не отдамъ!

Тутъ поднялся такой шумъ, что я, Дженни, въ качествѣ знатнаго иностранца, поспѣшилъ уйти, такъ какъ боялся, какъ бы коммонеры страхового общества не перешли къ боксу. Уходя, я выразилъ свое удивленіе геройскому поступку директора, котораго не могли донять ядра брани, пущенныя акціонерами.

Но мой спутникъ объяснилъ это очень просто и просилъ меня внимательно взглянуть на проходившаго въ это время неустрашимаго директора. Я взглянулъ—и вообрази, Дженни, совершенно ясно разглядѣлъ, что у него лобъ былъ изъ бронзированной мѣди. Сообщи, пожалуйста, объ этомъ феноменѣ мадамъ Тиссо. Не пригласитъ ли она его въ свой музеумъ за приличное вознагражденіе, и тогда, быть-можетъ, онъ разстанется съ ключами и русскіе избавятся съ нашей помощью отъ ненавистнаго имъ директора. Сами они едва ли въ состояніи отъ него избавиться.

Сейчасъ пришелъ молодой мой русскій другъ звать меня ѣхать осматривать достопримѣчательности. Въ качествѣ знатнаго иностранца, отказаться неловко, а потому ставлю точку и обнимаю тебя.

Письмо четвертое.

Дорогая Дженни!

Многія несомнѣнно прекрасныя стороны моего положенія, какъ «знатнаго» иностранца, имѣютъ однако и свои неудобства. Я сплю очень мало и просто не знаю, куда дѣваться отъ приглашеній. Особенно дѣлаютъ мнѣ честь здѣшнія дамы съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что я умѣю вызывать дѣховъ. Между нами сказать, Дженни, о послѣднемъ обстоятельствѣ я какъ бы невзначай обмолвился при представленіи одной весьма красивой лэди, знаменитой спиритки, проведшей, какъ говорятъ, всю свою жизнь въ тѣсномъ общеніи съ дѣхами разныхъ особъ загробнаго міра и вслѣдствіе того весьма богатой и вліятельной. Вскорѣ молва о моей способности разнеслась по Петербургу. Ко мнѣ пріѣзжалъ одинъ извѣстный спиритъ съ двумя репортерами и просилъ показать хоть одинъ опытъ для опубликованія его во всеобщее свѣдѣніе, но я наотрѣзъ отказался. Многія лэди, и старыя, и пожилыя, и молодыя (преимущественно однако пожилыя), настойчиво обращаются

ко мнѣ съ просьбами показать имъ мои медіумическія способности, но я опять-таки, Дженни, отказываюсь, такъ какъ связанъ договоромъ съ мистеромъ Слэдомъ, знаменитымъ спиритомъ, проживающимъ здѣсь и огребающимъ большія деньги съ русской публики. Дѣло въ томъ, Дженни, что Слэдъ явился ко мнѣ и откровенно предложилъ мнѣ тысячу фунтовъ съ тѣмъ, чтобы я не мѣшалъ ему своей конкуренціей, такъ какъ, по его словамъ, такой красивый и здоровый парень, какъ твой Джонни, несомнѣнно принесетъ ему убытокъ, если тоже станетъ вызывать дѣховъ.

Спиритизмъ здѣсь, Дженни, въ большой модѣ, не только среди дамъ высшаго общества, но даже и между мужчинами, особенно тѣми, кто ищетъ мѣста или выгоднаго подряда. Сколько я успѣлъ замѣтить, русскіе имѣютъ большое пристрастіе къ «дѣхамъ», и многіе изъ нихъ положительно утверждаютъ и даже приводятъ факты, что помощь этихъ безплотныхъ существъ, скрывающихся часто въ оболочкѣ очаровательныхъ женщинъ, играетъ важную роль въ жизни этихъ нѣсколько суевѣрныхъ людей; однимъ словомъ, безъ помощи «дѣховъ» русскіе рѣдко что-либо предпринимаютъ съ надеждой на успѣхъ.

Мистеръ Слэдъ, смѣясь, разсказывалъ мнѣ, что въ послѣднее время къ нему особенно часто стали ѣздить интендантскіе чиновники и все спрашивали, будетъ ли война или нѣтъ, при чемъ выражали нескрываемое желаніе, чтобы была война, если не съ англичанами, то хотя бы съ болгарами, такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ патріотическія ихъ чувства, возбужденныя только-что окончившеюся войной, все-таки найдутъ себѣ исходъ.

Признаюсь, Дженни, я бы не повѣрилъ такому суевѣрію среди образованныхъ русскихъ, если-бъ не имѣлъ случая убѣдиться въ достовѣрности разсказа Слэда собственнымъ опытомъ. Дѣло въ томъ, что на-дняхъ, едва я успѣлъ выбрать удобную минуту, чтобы побриться, какъ мнѣ докладываютъ, что баронъ Гершке фонъ-Іозефшталь очень проситъ со мною повидаться. Нечего дѣлать—согласился. Баронъ началъ, конечно, съ извиненій, что обезпокоилъ, и, конечно, перешелъ очень скоро къ предложенію безвозмездно получить пай въ устраиваемомъ имъ обществѣ по снабженію войскъ персидскимъ порошкомъ, въ случаѣ похода въ Индію. Я ему замѣтилъ-было, что мнѣ, какъ англичанину, не совсѣмъ прилично участвовать въ подобномъ предпріятіи, но онъ, не отвѣчая по существу моего замѣчанія, весело подмигнувъ, сказалъ, что съ удовольствіемъ вмѣсто одного пая дастъ два. Очевидно, онъ не понималъ смысла моихъ словъ. Тогда я поинтересовался узнать, почему именно онъ хотѣлъ мнѣ подарить два пая.

— Вы, говорятъ, отлично вызываете дѣховъ?

— Но какое отношеніе, сэръ, имѣетъ моя способность къ обществу персидскаго порошка?

Онъ сталъ объяснять мнѣ, что ужъ такъ водится у русскихъ (я,

впрочемъ, сомнѣваюсь, русскій ли мой гость): надо передъ дѣломъ посовѣтоваться съ дѣхами.

— Съ какимъ же дѣхомъ вы бы хотѣли посовѣтоваться?

— А съ дѣхомъ Василія Ивановича, столоначальника въ интендантствѣ (бѣдняга умеръ три года тому назадъ, не успѣвъ попасть подъ судъ) и съ дѣхомъ покойной Анны Петровны, содержательницы табачной лавки.

Очень я былъ удивленъ, что русскій баронъ хотѣлъ совѣтоваться съ такими неважными дѣхами. Я, впрочемъ, коротко объяснилъ барону, что помочь ему не могу.

— Я три пая дамъ!—сказалъ тогда баронъ.

— Прошу васъ, сэръ, прекратить эти разговоры. Я, право, не могу.

— Такъ вы бы, милордъ, прямо бы и сказали, что у васъ Іонъ Іоновичъ былъ, и что вы ему уже вызывали дѣховъ!—смѣясь, замѣтилъ баронъ, прощаясь со мною.

Такъ онъ и ушелъ, увѣренный, что я вызывалъ дѣховъ для какого-то Іона Іоновича. Замѣчательно суевѣрный народъ, Дженни!

Напрасно, Дженни, вездѣ о насъ пишутъ, что мы драчуны и любимъ боксъ. Русскіе гораздо болѣе насъ любятъ боксъ, но только не выработали правилъ, и потому драки ихъ не имѣютъ надлежащаго характера. Дерутся они вездѣ, не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ, ни пространствомъ. Дерутся и въ общественныхъ собраніяхъ, дерутся въ публичныхъ мѣстахъ, дерутся на улицѣ, дерутся дома. Ни полъ ни возрастъ часто ихъ не останавливаютъ, и поэтому у многихъ лэди синяки подъ глазами. Передъ дракой обыкновенно ругаются, при чемъ въ ругательствахъ достигли такого совершенства, что если бы былъ составленъ подробный лексиконъ, то смѣло можно сказать, что на парижской всемірной выставкѣ онъ занялъ бы первое мѣсто... Но при этомъ я долженъ заявить, что русскіе незлопамятны и тотчасъ же послѣ того, какъ обойдутся съ лицами другъ друга, какъ съ завоеванной страной, цѣлуются другъ съ другомъ. На-дняхъ въ одномъ изъ акціонерныхъ обществъ, гдѣ я имѣлъ случай быть, одинъ директоръ оторвалъ другому ухо, а другой оторвалъ первому верхнюю губу. Я думалъ, что послѣ этого пошлютъ за полиціей, но оказалось, что только послали за свинцовой примочкой, и на моихъ глазахъ эти джентльмены помирились, объяснивъ, что все произошло изъ-за недоразумѣнія... Русскіе часто даже держатъ пари не на деньги, такъ какъ въ деньгахъ чувствуютъ недостатокъ, а, такъ сказать, на собственное лицо, а иногда даже и на другую часть тѣла.

Послѣ этого ты, конечно, Дженни, не удивишься, если я тебѣ скажу, что русскіе купцы очень часто ходятъ съ подвязанными щеками, и что на улицахъ женщины часто подвергаются опасности получить совсѣмъ нежиданное привѣтствіе отъ кавалеровъ.

Вообще надо тебѣ сказать, Дженни, что въ сношеніяхъ съ русскими

надо быть весьма осторожнымъ, чтобы не рисковать боксомъ. Разумѣется, мнѣ, какъ знатному иностранцу, опасности никакой не предстоитъ, но, во всякомъ случаѣ, посѣщая общественныя собранія, я не забываю надлежащей осмотрительности.

Письмо пятое.

Дорогая Дженни!

По совѣсти долженъ признаться тебѣ, что мнѣ очень нравится въ Россіи, хотя, разумѣется, разлука съ тобой нерѣдко отравляетъ мое веселое житье. Впрочемъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что поѣздка моя въ Россію дастъ хорошіе денежные результаты, и я надѣюсь привезти домой довольно кругленькую сумму.

Въ качествѣ знатнаго иностранца здѣсь можно жить весьма весело, пріятно, не испытывая особенныхъ стѣсненій, особенно если держишь себя на улицахъ и въ общественныхъ собраніяхъ съ приличіемъ, подобающимъ джентльмену, не входишь въ черезчуръ рискованныя финансовыя предпріятія и не забываешь время отъ времени сказать полисмену, стоящему около гостиницы, нѣсколько ласковыхъ словъ.

Я уже сообщалъ тебѣ, Дженни, въ одномъ изъ писемъ, что мнѣ съ разныхъ сторонъ и отъ джентльменовъ самыхъ приличныхъ (the most respectable) дѣлались весьма разнообразныя предложенія, сопровождаемыя притомъ комплиментами, что такой красивый молодой человѣкъ, какъ твой Джонни, въ качествѣ знатнаго иностранца, обладающаго способностями медіума, весьма свободно могъ бы имѣть успѣхъ въ различныхъ дѣлахъ. Но, несмотря на самыя заманчивыя предложенія, я все-таки отказываюсь, хотя мнѣ довольно настойчиво объясняли, что въ дѣлаемыхъ мнѣ предложеніяхъ нѣтъ ничего рискованнаго. При этомъ въ доказательство мнѣ указывали какъ на бывшихъ поставщиковъ арміи, мистеровъ Грегера, Горвица и Когана, которые, какъ говорятъ, въ одинъ годъ нажили 60 милліоновъ, такъ и на многихъ другихъ джентльменовъ, столь же скоро обдѣлавшихъ свои дѣлишки, и притомъ безъ всякаго риска ознакомиться съ бубновымъ тузомъ на спинѣ (здѣсь, Дженни, если человѣкъ попадется въ предосудительномъ поступкѣ, то ему накалываютъ на спину карточнаго бубноваго туза и съ этимъ знакомъ обязываютъ ходить по улицамъ въ теченіе извѣстнаго періода).

Хотя русскіе по отношенію къ общественной собственности имѣютъ чрезвычайно своеобразныя понятія и отличаются замѣчательно добродушно-фамильярнымъ обращеніемъ съ замками и ключами отъ кассъ и сундуковъ (этой чертѣ русскихъ нравовъ я посвящу со временемъ особое письмо), но въ то же время они такъ легкомысленны и отважны при поддѣлкѣ ключей, что впутываться въ эти дѣла, въ виду недостаточнаго знакомства съ русскими законами и въ виду не особенно комфортабельнаго устройства здѣшнихъ тюремныхъ полицейскихъ за-

стѣнковъ я не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что и безъ рискованныхъ предпріятій дѣла мои здѣсь идутъ, благодареніе Богу, очень хорошо.

Тѣмъ не менѣе я продолжаю получать предложенія въ подобномъ родѣ, и не далѣе, какъ недѣлю тому назадъ, мнѣ было предложено принять участіе въ весьма грандіозномъ предпріятіи, мысль о которомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ этой области русскіе безспорно обладаютъ большой творческой фантазіей, несмотря на составившееся въ Европѣ мнѣніе, будто русскіе лишены этой способности. Дѣло шло ни болѣе ни менѣе какъ о нападеніи на кладовыя государственнаго банка при помощи новѣйшихъ усовершенствованій въ области техники.

— Насъ будетъ, милордъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ учредителей этого предпріятія:—нѣсколько пайщиковъ. При помощи разрывныхъ снарядовъ мы проведемъ подземный ходъ къ кладовымъ и легко можемъ обработать нѣсколько милліоновъ. Предпріятіе это, во-первыхъ, вѣрное, а во-вторыхъ, едва ли рискованное *).

— Что вѣрное—я не смѣю спорить, сэръ, но что̀ касается второго...

— Право, такъ,—перебилъ меня джентльменъ.—Мы обдумали это дѣло и просимъ васъ, милордъ, принять въ немъ участіе, какъ просвѣщеннаго иностранца, который могъ бы взять на себя техническую часть дѣла. Какъ вамъ не безызвѣстно, мы — классики и страдаемъ именно отсутствіемъ техниковъ. А насчетъ риска вы не безпокойтесь. Въ государственномъ банкѣ столько денегъ, что выборка какихъ-нибудь десяти милліоновъ едва ли будетъ замѣтна.

Ты, Дженни, разумѣется, вообразишь себѣ, что я былъ пораженъ, но ты въ этомъ случаѣ впадешь въ заблужденіе, такъ какъ я, пробывъ въ этой гостепріимной странѣ нѣсколько мѣсяцевъ, привыкъ уже къ самымъ фантастическимъ въ этой области проектамъ.

Несмотря однако на убѣдительность доводовъ, я рѣшительно уклонился отъ участія и даже выразилъ сомнѣніе предлагавшему мнѣ это джентльмену, по виду весьма обстоятельному, насчетъ успѣшности задуманнаго предпріятія, такъ какъ изъ его словъ я убѣдился, что никакой выработанной программы у господъ учредителей не было, а была лишь одна мысль и неутолимое желаніе.

Но вообрази мое удивленіе, Дженни, когда, черезъ три дня послѣ описаннаго разговора, я проходилъ по Большой Садовой улицѣ и увидалъ, какъ нѣсколько землекоповъ преспокойно и на виду у всѣхъ роютъ канаву по направленію къ государственному банку.

— Что̀ это вы, любезные джентльмены, дѣлаете?—спросилъ я.

Въ скобкахъ скажу тебѣ, что здѣсь представителей низшаго сосло-

---

*) Едва ли нужно объяснять читателю нелѣпость приводимаго знатнымъ иностранцемъ сообщенія. Мы перевели это мѣсто, какъ образчикъ тѣхъ тенденціозныхъ выдумокъ, которыми вообще изобилуютъ иностранныя извѣстія.

Прим. переводчика.

вія принято называть «любезными», какъ бы свидѣтельствуя этимъ названіемъ, что любезности ихъ дѣйствительно нѣтъ границъ.

— Канаву роемъ.

— Вѣрно, газопроводныя трубы перекладывать?

— Нѣтъ. Сказываютъ, господа хотятъ вести подкопъ подъ банкъ.

— Какъ подкопъ? Для чего?

— А, говорятъ, деньги выкрасть хотятъ!—замѣтили они такимъ равнодушнымъ тономъ, будто дѣло шло о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ.

— Это, господинъ, такъ зря болтаютъ!—вступился полисменъ.— Еще ничего неизвѣстно.

— Ну ужъ вы, господинъ городовой, пожалуйста, не говорите. Я сама слышала отъ вѣрныхъ людей, что это подкопъ!—замѣтила одна пожилая дама изъ публики.

— Много вы слышали, сударыня! Хотя бы и подкопъ. Это не наше дѣло!

Благоразумныя слова полисмена приняты были съ сочувственнымъ одобреніемъ, и я пошелъ далѣе, изумляясь легкомыслію учредителей предпріятія.

На другой день, заинтересованный этимъ происшествіемъ, я снова отправился на то же мѣсто. Тамъ опять собралась публика, и снова копали канаву. Однако къ вечеру оказалось, что это копали дѣйствительно для перекладки трубъ, и такимъ образомъ всѣ недоразумѣнія по этому обстоятельству прекратились. Такъ проектъ и не былъ приведенъ въ исполненіе.

Я попрежнему занимаю помѣщеніе въ Европейской гостиницѣ, хотя, Дженни, и получилъ немало приглашеній отъ многихъ почтенныхъ семействъ перебраться къ нимъ на жительство, такъ какъ медіумовъ здѣсь очень почитаютъ. Я отклонялъ предложенія, Дженни, во-первыхъ, не желая стѣсняться, а во-вторыхъ, имѣя въ виду отклонить отъ себя всякое подозрѣніе насчетъ моей супружеской вѣрности. Обѣдаю я ежедневно въ гостяхъ, принятъ вездѣ хорошо, и даже полисменъ, стоящій возлѣ гостиницы, отдаетъ мнѣ честь и называетъ не иначе, какъ «ваше превосходительство». Затѣмъ я довольно успѣшно, и не безвыгодно въ матеріальномъ отношеніи, занимаюсь спиритическими опытами. Снова напоминаю тебѣ, дорогая Дженни, что я твердъ, какъ скала, и, несмотря на искушенія дьявола, являющагося то въ видѣ старой лэди, то въ видѣ молодой миссисъ съ весьма щекотливыми вопросами относительно духовнаго общенія, я храню образъ твой постоянно въ памяти, и такимъ образомъ ты можешь быть совершенно спокойна. На-дняхъ сочиненные мною стихи и выданные будто бы за стихотворенія съ того свѣта удостоились даже перевода. Кромѣ стиховъ я сочиняю цѣлыя повѣсти и выдаю ихъ за произведенія духовъ, и можешь вообразить себѣ, онѣ немедленно переводятся и помѣщаются на страницахъ московскаго журнала «Русскій Вѣстникъ».

Но недавно я долженъ былъ вступить съ издателемъ журнала въ полемику, такъ какъ онъ напечаталъ въ своей знаменитой газетѣ письмо, написанное будто бы съ того свѣта совмѣстно генераломъ Аракчеевымъ и извѣстнымъ въ свое время начальникомъ секретной полиціи Шешковскимъ и переданное будто бы съ того свѣта «знаменитымъ и просвѣщеннымъ медіумомъ лордомъ Розберри». Я не могъ не протестовать противъ такой фальсификаціи, такъ какъ ничего подобнаго я не передавалъ. Не желая навлекать на себя какихъ бы то ни было подозрѣній, я никогда въ своихъ медіумическихъ опытахъ не занимаюсь политикой, а тѣмъ болѣе внутренней. Между тѣмъ письмо, явившееся въ названной газетѣ, занималось именно этими вопросами, и притомъ въ категорическомъ направленіи, соотвѣтствующемъ именамъ загробныхъ авторовъ письма, которые, по словамъ русскихъ, въ свое время были такими рѣшительными и радикальными политиками, что до сихъ поръ память о нихъ живетъ среди русскихъ и нерѣдко пугаетъ ихъ, особенно по вечерамъ и по ночамъ.

Сэръ Катковъ хотя и напечаталъ мое опроверженіе, но въ примѣчаніи къ нему намекнулъ, что мнѣ довѣрять нельзя, и набросилъ на меня тѣнь подозрѣнія, что я отказываюсь отъ своихъ словъ, вовлеченный петербургскимъ обществомъ въ недостойную интригу. Для объясненія, Дженни, этого обстоятельства, я долженъ тебѣ сказать, что, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, названный публицистъ съ давнихъ поръ страдаетъ особенной «маніей» видѣть во всемъ интригу или ковы. Эта манія, несмотря на пользованіе водами и лѣченіе виноградомъ, до сихъ поръ не покидаетъ бѣднаго московскаго публициста.

Благодаря моему положенію, какъ знатнаго иностранца и англичанина, я не потерпѣлъ никакихъ непріятностей отъ этого приключенія и не безъ достоинства указалъ ему въ письмѣ, напечатанномъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ, на несправедливость его обвиненій, при чемъ, какъ это здѣсь водится, представилъ аттестатъ, выданный мнѣ изъ полицейскаго участка, въ вѣдѣніи котораго я состою.

Мнѣ очень хотѣлось бы посѣтить Москву и осмотрѣть ея достопримѣчательности, въ числѣ которыхъ сэръ Катковъ составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ, даже, говорятъ, крупнѣе самого Ивана Великаго. Быть въ Москвѣ и не видать сэра Каткова—то же самое, что быть въ Римѣ и не видать папы, быть въ Берлинѣ и не видать Бисмарка, быть въ Петербургѣ и не видать сэра Краевскаго. Для путешественниковъ, конечно, не сдѣлать этого было бы непростительно. Но, несмотря на мое желаніе, меня удерживаетъ отъ поѣздки туда, хоть и съ паспортомъ знатнаго иностранца, нѣкоторый страхъ за собственные бока. Хоть кто-то въ печати и говорилъ, что московская полиція не только не хуже, но даже лучше петербургской, такъ какъ не мозолитъ глазъ, а, напротивъ, блещетъ своимъ отсутствіемъ,—тѣмъ не менѣе я имѣю основаніе думать, что въ Москвѣ народъ подозритель-

ный и буйный, вслѣдствіе чего мнѣ, какъ англичанину, да еще рѣшившемуся вступить въ полемику съ сэромъ Катковымъ, могутъ задать такую встрепку, послѣ которой даже и запросъ лорда Салисбюри не вернетъ меня къ жизни... Въ Москвѣ, Дженни, по словамъ газетъ, даже и литераторы одержимы буйнымъ духомъ и наклонностью къ боксу. Такъ, въ одной изъ газетъ было разсказано, что извѣстный по своей литературной кровожадности драматургъ Аверкіевъ, имѣющій названіе «убійцы Петра Великаго» (такими ужасными стихами онъ зарѣзалъ великаго царя!), во время заутрени передъ Пасхой, когда еще не шла процессія изъ Успенскаго собора, сталъ съ крикомъ сбивать шапки со стоявшихъ впереди его. Когда кто-то замѣтилъ мистеру Аверкіеву, что такого рода поступки невѣжественны, и что можно напомнить забывшему, можно попросить его снять шапку, но не сбивать ее съ головы, то мистеръ Аверкіевъ отвѣчалъ на такое замѣчаніе тѣмъ же крикомъ, заявляя при этомъ, что «сбиваютъ шапки и въ Италіи» («Русская Газета», № 77).

Ты поймешь, Дженни, что, послѣ прочтенія такого извѣстія, не опровергнутаго мистеромъ Аверкіевымъ, у меня невольно закралась мысль, что при встрѣчѣ съ этимъ джентльменомъ я, въ качествѣ англичанина, могу рисковать не только шапкой, но и головой, при чемъ въ видѣ утѣшенія могу услышать развѣ, что такъ привѣтствуютъ иностранцевъ и на островахъ Фиджи. Буду выжидать случая, когда возможно будетъ предпринять путешествіе съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ джентльменовъ, а до тѣхъ поръ боюсь, тѣмъ болѣе, что фамильярное обращеніе съ чужими физіономіями въ Москвѣ, и особенно въ провинціи, въ большомъ ходу. Еще недавно, какъ сообщали газеты, въ одномъ изъ провинціальныхъ мировыхъ судовъ разбиралось дѣло о ссорѣ, происшедшей между двумя джентльменами, мистеромъ Корвиномъ-Круковскимъ (онъ же мировой судья) и мистеромъ Акуловымъ.

Вообрази себѣ, Дженни: ссора вышла изъ-за паштета... Газеты не сообщаютъ подробностей, а равно о томъ, какая была начинка въ паштетѣ. Но дѣло въ томъ, что завязалась ссора. Мистеръ Корвинъ-Круковскій, хотя и принадлежитъ къ почетному сословію мировыхъ судей, но, вѣроятно, въ виду воинственнаго настроенія, охватившаго почти всю Европу, пожелалъ доказать, что русскій, хотя и не военный джентльменъ, смѣло идетъ въ атаку противъ физіономіи соотечественника, хотя бы изъ-за паштетной начинки. Когда, Дженни, сосудъ переполненъ, то и паштетная начинка походитъ на тѣ дипломатическія начинки, подъ названіемъ ультиматумовъ, послѣ которыхъ льется кровь. Недолго думая, вѣрнѣе—даже совсѣмъ не думая, почтенный мировой судья «взялъ своего противника за правую сторону бороды и въ такомъ видѣ (видъ, должно-быть, былъ очень красивый, Дженни!) вывелъ его въ швейцарскую. Здѣсь онъ заставилъ его одѣться и пошелъ за нимъ въ качествѣ провожатаго (подражая обычаю пре-

слѣдовать отступающаго непріятеля, Дженни). На улицѣ онъ ругалъ его воромъ, подлецомъ, силой заставлялъ его бѣжать (чтобы устроить точное воспроизведеніе воинственныхъ реляцій о «полномъ бѣгствѣ»), такъ что тотъ упалъ въ снѣгъ».

Свидѣтельскія показанія всѣ эти факты подтвердили, хотя все-таки не выяснили, съ какой начинкой былъ паштетъ и не имѣлъ ли онъ своимъ видомъ какого-нибудь намека на тотъ паштетъ, ради котораго Дизи собираетъ индійскія войска, а русскіе заводятъ добровольный флотъ (мой слуга называетъ его «добродѣтельнымъ флотомъ», вероятно, въ отличіе отъ военнаго). Буйный мировой судья былъ присужденъ къ тюремному заключенію.

Видишь ли, Дженни, каковъ духъ даже у мировыхъ судей. Если почтенные джентльмены, обязанности которыхъ заключаются въ разрѣшеніи ссоръ миромъ, сами предпринимаютъ стремительныя атаки и такъ же упорно преслѣдуютъ при отступленіи, то чего же можно ждать отъ провинціальныхъ джентльменовъ, не имѣющихъ на шеѣ цѣпи, свидѣтельствующей о ихъ мирныхъ наклонностяхъ?

Одно только мнѣ не совершенно понятно въ этомъ обстоятельствѣ. Корреспондентъ газеты, сообщая объ этомъ происшествіи», говоритъ, между прочимъ, что мистеръ Акуловъ былъ «обруганъ воромъ», и такимъ образомъ какъ бы считаетъ обозваніе воромъ унизительнымъ. Между тѣмъ вопросъ о томъ, можно ли считать названіе воромъ оскорбительнымъ, является здѣсь, Дженни, вопросомъ спорнымъ, и всѣ ждутъ по этому поводу рѣшенія Сената. Честь возбужденія этого вопроса принадлежитъ мировому съѣзду весьма красиваго и богатаго города Одессы, извѣстнаго не только своимъ лордъ-мэромъ Новосельскимъ, но и процессомъ англійскаго водопроводнаго общества и статьями нашихъ газетъ о взятой будто бы большой взяткѣ съ англичанъ (Джонъ-Буль не любитъ, когда берутъ взятку и не исполняютъ обѣщаній!). Мотивами къ возбужденію этого вопроса послужили, Дженни, одесскіе муниципальные выборы. Когда одесскіе граждане выбрали въ глассные одесскаго жителя мистера Пашкова, то другой одесскій житель, мистеръ Гернетъ, личный секретарь лорда-мэра, громогласно сказалъ: «воры выбрали вора!», при чемъ раньше говорилъ, что баллотирующійся гласный «воръ, и тотъ, кто положитъ ему бѣлый шаръ, будетъ воръ».

Тогда дѣло поступило къ мировому судьѣ. Одесскій мировой судья присудилъ мистера Гернета къ тюремному заключенію, но, по словамъ русскихъ газетъ, съѣздъ отмѣнилъ это рѣшеніе, признавъ, что въ вышеприведенныхъ словахъ не заключается по отношенію къ избирателямъ ни клеветы ни оскорбленія, и теперь Сенатъ принужденъ разъяснить городу Одессѣ значеніе слова «воръ». Пока же, какъ мнѣ сообщили, въ Одессѣ, на основаніи приговора мирового съѣзда, перестали называть другъ друга ворами, а если кто-либо изъ одесскихъ

гражданъ желаетъ кого-нибудь обругать (одесситы очень любятъ браниться!), то называютъ того «честнымъ человѣкомъ». Оказалось, что эти слова оскорбляютъ еще сильнѣе, чѣмъ названіе воромъ, почтенныхъ одесскихъ гражданъ, особенно грековъ. Мнѣ передавали за вѣрное, что были частые случаи дракъ изъ-за этого названія, и многіе, обруганные такимъ образомъ, жаловались на обидчиковъ въ мировой судъ, обвиняя ихъ въ клеветѣ и оскорбленіи. И съѣздъ за это наказывалъ обидчиковъ, основываясь, вѣроятно, на томъ, что одесскій лексиконъ и одесскіе нравы имѣютъ свои особенности.

Такимъ образомъ ты поймешь, почему мнѣ было не совсѣмъ понятно, что русскій корреспондентъ рѣшился до разъясненія Сената употребить слово «воръ» въ слишкомъ положительномъ смыслѣ и какъ за это не подвергся преслѣдованію. Русская жизнь, Дженни, представляетъ весьма много интереснаго, и надобно много времени, чтобы иностранцу понять ея закулисныя и довольно назидательныя стороны.

Въ качествѣ туриста, по утрамъ я осматриваю разныя достопримѣчательности, посѣщаю судебныя засѣданія и общія собранія разныхъ частныхъ обществъ (они теперь очень часты и по большей части бываютъ не обыкновенными, а «чрезвычайными», по случаю чрезвычайныхъ покражъ), бываю иногда, если на меня находитъ сплинъ, въ камерѣ у мирового судьи мистера Трофимова (посѣщеніе камеры этого почетнаго мирового судьи можетъ считаться однимъ изъ самыхъ веселыхъ развлеченій), дѣлаю визиты и, какъ я уже сказалъ тебѣ выше, обѣдаю у кого-нибудь изъ своихъ русскихъ знакомыхъ. Nota bene. Къ слову сказать, русскіе очень любятъ хорошо покушать; мнѣ даже указывали здѣсь на нѣсколько джентльменовъ, которые положительно проѣли значительныя состоянія. Въ карманъ одного Бореля, пикантнѣйшаго изъ французскихъ поваровъ, ушло нѣсколько сотъ деревень съ наслѣдственными парками, лѣсами, черноземными пашнями и т. п. угодьями...

Сеансы у меня обыкновенно начинаются съ восьми часовъ вечера и продолжаются до полуночи. Я нарочно выбралъ для сеансовъ вечера, такъ какъ при полутьмѣ въ комнатѣ русскіе лэди и джентльмены какъ-то легче настраиваются къ воспринятію таинственныхъ явленій. Обыкновенно, Дженни, я начинаю съ постукиваній, потомъ перехожу къ поднятіямъ стола и креселъ (что при моей геркулесовской силѣ не составляетъ особеннаго затрудненія) и наконецъ къ бесѣдамъ съ загробными обитателями посредствомъ грифельной доски или карандаша и листка бумаги. Благодаря почтеннымъ профессорамъ Бутлерову и Вагнеру, печатно засвидѣтельствовавшимъ о достовѣрности моихъ опытовъ, слава обо мнѣ быстро распространилась. Я показывалъ симъ почтеннымъ ученымъ ногу Александра Македонскаго подъ салфеткой, живого городового въ темномъ углу (онъ былъ, разумѣется, за приличное вознагражденіе приглашенъ для этой цѣли), и когда эти много-

ученые люди были окончательно изумлены, то я попросилъ ихъ закрыть глаза и углубиться въ самихъ себя; когда они это сдѣлали, я дулъ имъ въ лицо, хваталъ за носы, водилъ по губамъ свернутой изъ бумаги трубочкой и объяснилъ, что это дѣлаютъ духи. Послѣ всего этого почтенные ученые немедленно составили протоколъ всему ими видѣнному и слышанному и обѣщали напечатать свои изслѣдованія въ журналѣ академіи наукъ. Нечего, кажется, тебѣ и объяснять, Дженни, что многіе русскіе джентльмены, пріѣзжающіе ко мнѣ въ нѣсколько возбужденномъ послѣ обѣда состояніи и возбуждающіеся еще болѣе при постукиваніяхъ и двигающемся столѣ, наконецъ впадаютъ въ такой экстазъ, что не только четыре измѣренія, но даже пять и даже шесть являются для нихъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Если къ этому прибавлю тебѣ, что въ то самое время, когда возбужденіе моихъ посѣтителей (я принимаю не болѣе двухъ за разъ; оно и выгоднѣе и менѣе опасно) доходитъ до степени тренса, тогда посредствомъ особо устроеннаго механизма раздвигается альковъ въ другую комнату, и въ альковѣ появляется очаровательная вакханка въ одеждѣ Клеопатры, нанятая мною для этой цѣли рижская уроженка, нѣкая Эмма Лепсъ. Нечего и говорить, что означенная Эмма Лепсъ дѣлаетъ соотвѣтствующія движенія рукой, а джентльмены не сводятъ глазъ съ этой ревельской уроженки, являющейся поперемѣнно то Клеопатрой египетской, то Аспазіей, то королевой Маріей-Антуанеттой, то графиней Монтеспанъ... Продержавъ нѣсколько секундъ Эмму Лепсъ передъ моими кліентами (натурально, она является въ костюмѣ, соотвѣтствующемъ наибольшей степени изумленія), альковъ задергивается, а ревельская уроженка скрывается въ большомъ шкапѣ.

Эта нехитрая выдумка привлекаетъ ко мнѣ столько посѣтителей, что я бываю просто затрудненъ и принужденъ уже давно принимать по очереди. Многіе записываются за недѣлю. Я беру за сеансъ сто рублей. Сеансъ длится минутъ 15, и ты такимъ образомъ поймешь, Дженни, что за время съ 8 до 12 часовъ я получаю не менѣе тысячи шестисотъ рублей кредитными билетами, которые, впрочемъ, скоро будутъ приниматься здѣсь, говорятъ, не по курсу, а на вѣсъ.

Русскія лэди еще болѣе легковѣрны, чѣмъ мужчины, и приходятъ въ состояніе тренса еще скорѣй. Натурально, я имъ не показываю ревельской уроженки, а взамѣнъ того показываю носъ Аполлона Бельведерскаго, руку Османа-паши и ногу пѣвца Капуля, особенно ими любимаго. Только съ русскими лэди является затрудненіе въ томъ, что онѣ не довольствуются четвертью часа. Имъ все кажется мало, и онѣ просятъ по нѣсколько разъ показывать ногу Капуля или настаиваютъ, чтобы духъ приподнялъ ихъ совсѣмъ наверхъ, до потолка. Особенно въ этомъ отношеніи назойливы болѣе престарѣлыя лэди, хотя— долженъ сказать правду — онѣ за лишнее время и платятъ добавочную плату и дѣлаютъ приличные подарки. Такъ, вчера супруга одного

русскаго купца оставила мнѣ на память дорогой воды перстень за то, что я показалъ ей подъ платкомъ руку конвойнаго грузина, убитаго въ прошлую войну. Она сразу узнала руку и такъ была поражена, что просила показать ей эту руку подърядъ пять разъ.

Здѣсь, Дженни, какъ видишь, можно дѣлать выгодныя дѣла и не вступая въ рискованныя предпріятія. Очень ужъ просты русскія лэди, и не мудрено, что здѣсь разсказываютъ объ одномъ итальянцѣ, который, какъ говорятъ, въ два мѣсяца нажилъ большія деньги, спеціально занимаясь лѣченіемъ посредствомъ магнитизма.

Я, Дженни, разумѣется, избѣгаю такихъ способовъ, довольствуясь поднятіемъ столовъ, стульевъ и бесѣдами съ дѫхами, и по настоящій день имѣю уже до 40.000 рублей, которые держу при себѣ, такъ какъ рѣшительно ни въ одинъ изъ банковъ ихъ положить нельзя: того и гляди пропадутъ, и вмѣсто денегъ получишь одну непріятность.

Да хранитъ тебя Господь Богъ. Оставляю письмо. Сейчасъ начинаются сеансы.

Письмо шестое.

Дорогая Дженни!

Вчера я наконецъ посѣтилъ собраніе знаменитаго общества взаимнаго кредита, гдѣ въ настоящее время испытываютъ разнообразныхъ устройствъ замки, въ видахъ возможно лучшаго огражденія капиталовъ.

Народу въ обществѣ собралось весьма много. Когда было открыто засѣданіе предсѣдателемъ, то на очереди стоялъ вопросъ объ утвержденіи отчета. Тогда нѣкоторые изъ присутствующихъ членовъ полюбопытствовали попросить разъясненія насчетъ кое-какихъ мѣстъ отчета, показавшихся неправильными. Чуть только раздались эти робкіе голоса, какъ почтенный предсѣдатель насупилъ брови и, сложивъ руки на груди, по-наполеоновски, громко сказалъ:

— Я этого не могу дозволить!

Я спросилъ своего сосѣда, отчего онъ не можетъ дозволить? Но сосѣдъ мой удовлетворить моего любопытства не могъ. Тогда я обратился къ другому, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что въ Россіи чуть только кто попадетъ въ «начальники» (такимъ словомъ русскіе называютъ даже и избранныхъ своихъ лицъ), тотъ можетъ позволять и не позволять, такъ какъ считаетъ, что законъ писанъ не для начальниковъ.

Я взглянулъ на предсѣдателя. Дѣйствительно онъ имѣлъ видъ рѣшительный и возсѣдалъ на своемъ креслѣ съ такимъ юпитеровскимъ видомъ, будто подъ нимъ было не кресло, а тронъ, и будто самъ онъ былъ не просто предсѣдатель, а какой-нибудь владѣтельный принцъ инкогнито.

Хотя не подлежитъ, Дженни, ни малѣйшему сомнѣнію, что русскіе акціонеры весьма похожи на тонкорунныхъ овецъ и любятъ, когда на-

чальникъ обходится съ ними крутенько («безъ этого нельзя!» — обыкновенно говорятъ они:—иначе мы, пожалуй, вмѣсто собранія устроимъ аѳинскій вечеръ!»), но тѣмъ не менѣе отказъ на такія скромныя требованія вызвалъ неудовольствіе... Вслѣдъ за вышеприведенными словами раздалось сперва чиханье, потомъ раздался кашель, и наконецъ мало-по-малу поднялся сперва ропотъ, потомъ шумъ...

Предсѣдатель сталъ звонить, но шумъ увеличивался.

Тогда сэръ Бабстъ окончательно вообразилъ, что онъ не сэръ Бабстъ, а, по крайней мѣрѣ, неограниченный монархъ одного изъ средне-азіатскихъ государствъ, и—вообрази себѣ мое удивленіе, Дженни, — въ отвѣтъ на этотъ шумъ встаетъ и заявляетъ, что онъ, Божіей милостью и волею народа, король взаимнаго кредита, и что поэтому граждане обязаны повиноваться, сообразуясь съ конституціей названнаго общества. Если же они этого не сдѣлаютъ, то онъ, какъ ему это ни жаль, а закроетъ собраніе...

Но было поздно... Уже у русскихъ гражданъ, обыкновенно смирныхъ, разбушевались страсти. Поднялся такой адскій гамъ, что я, Дженни, въ первую минуту подумалъ, что сейчасъ приступятъ къ боксу. Этотъ бѣшеный шумъ, среди котораго раздавались тысячи голосовъ, конечно, не могъ быть заглушенъ маленькимъ звонкомъ вновь объявившагося короля Бабста 1-го, и онъ съ истинно-королевскимъ величіемъ, возсѣдая на возвышеніи, съ презрительной улыбкой смотрѣлъ, какъ подъ нимъ бушуетъ море человѣческихъ страстей. А шумъ негодованія на короля растетъ и растетъ (какъ я потомъ узналъ, члены были обижены: зачѣмъ онъ объявилъ себя королемъ и зачѣмъ не допускалъ проштудировать отчетъ). Раздаются крики довольно недвусмысленнаго характера.

Тогда, Дженни, кто-то изъ членовъ, чтобы спасти диктатора, вдругъ такъ закричалъ: «городовой», что этотъ звонкій голосъ до сихъ поръ стоитъ у меня въ ушахъ и не можетъ быть вытѣсненъ никакими усиліями.

«Го-ро-до-вой!»—пронеслось по залѣ.

И вмигъ явился городовой, самый обыкновенный, Дженни, городовой изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Онъ пробрался на середину залы, поклонился, по обычаю, на три стороны и произнесъ наидобродушнѣйшимъ образомъ:

— Кого прикажете брать?

Тотчасъ же все смолкло, и даже самъ Бабстъ 1-й сталъ посматривать, гдѣ лежитъ его шляпа.

— Почтенный блюститель!—сказалъ тогда ему одинъ изъ членовъ. — Брать никого не нужно, зачѣмъ брать, а разсудите вы насъ съ нашимъ диктаторомъ. Сами мы не можемъ!

— Отчего-жъ не разсудить, мы для порядка, значитъ, приставлены... Пойдемте-ка, господа, всѣ въ участокъ. Тамъ всѣхъ васъ разберутъ!

Всѣ мы пошли въ участокъ большой, длинной процессіей (дорогою я улизнулъ), и дѣйствительно, какъ я узналъ, тамъ скоро разобрали дѣло, посовѣтовавъ Бабсту называться не королемъ, а господаремъ, а членамъ не утруждать городового отвлеченіемъ отъ прямыхъ его обязанностей.

Послѣ этого сэръ Бабстъ позволилъ обсуждать отчетъ, и—вообрази себѣ—оказалось, что отчетъ-то и въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ-то правиленъ, особенно въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ было отчислено вознагражденіе директорамъ. Такъ отчета и не утвердили... *).

Ахъ, Дженни, если-бъ ты знала, какъ падаетъ быстро курсъ здѣшнихъ билетовъ (я вѣдь за сеансы получаю билетами), то ты поняла бы мое безпокойство, съ которымъ я ежедневно просматриваю телеграммы и биржевую хронику. Несмотря однако ни на стремительное паденіе рубля, ни на общія жалобы на финансовое положеніе, весьма значительная часть прессы не боится войны, разсчитывая на то, что русскіе люди отдадутъ и послѣднее для защиты своей чести.

Надо однако тутъ замѣтить, Дженни, что здѣшніе публицисты, защищающіе честь русскаго народа, имѣютъ привычку (конечно, похвальную) говорить отъ имени народа и во имя народа при всякомъ случаѣ, какъ только заходитъ рѣчь о какихъ-нибудь расходахъ и сопряженныхъ съ ними жертвахъ—натурой или деньгами, при чемъ вполнѣ разсчитываютъ на готовность, не спрашивая даже о ней, увѣренные, что если съ него что нетребуютъ, то онъ безпрекословно исполнитъ и отдастъ не только послѣднее, но даже и пообѣщаетъ отдать то, чего нѣтъ.

Что же касается готовности общества отдать не только послѣднее, но даже частицу избытковъ, то о ней публицисты избѣгаютъ много говорить, вполнѣ убѣжденные, что оно и безъ напоминаній сумѣетъ поддержать національную честь и, въ случаѣ неимѣнія свободныхъ капиталовъ, многіе джентльмены-патріоты не затруднятся прибѣгнуть къ какой-нибудь кассѣ и внесутъ небольшой процентъ на патріотическое дѣло.

Здѣсь между весьма многими распространено мнѣніе, что русскимъ терять нечего, и что поэтому и войны бояться нечего. Русскій простой человѣкъ неприхотливъ въ своихъ потребностяхъ, говорятъ они, особыхъ избытковъ не имѣетъ, слѣдовательно для него не можетъ быть страшна война.

И точно, Дженни, едва ли найдется въ мірѣ народъ менѣе прихотливый, чѣмъ русскіе сельскіе граждане. Потребности у нихъ самыя

*) Весь этотъ эпизодъ неправильно переданъ знатнымъ иностранцемъ. Это правда, что на общемъ собраніи членовъ взаимнаго кредита кто-то крикнулъ, что надо послать за полиціей, но за полиціей однако не посылали. Точно также преувеличиваетъ знатный иностранецъ, утверждая, что г. Бабстъ провозгласилъ себя королемъ. Этого не было. *Прим. перев.*

ограниченныя. Я посѣтилъ, недѣлю тому назадъ, съ однимъ русскимъ джентльменомъ русскую деревню (верстахъ въ ста отъ Петербурга) и просто пришелъ въ умиленное изумленіе при видѣ скромности обстановки ихъ жизни. Несмотря на незначительность ихъ достатковъ, несмотря на пожары, часто опустошающіе ихъ жилища съ соломенными крышами, несмотря на волковъ, поѣдающихъ нерѣдко не только ихъ скотъ, но ихъ собственныхъ, дѣтей, несмотря на все это, по своей несказанной добротѣ, они еще удѣляютъ часть своихъ достатковъ своимъ непосредственнымъ начальникамъ. Это обыкновеніе, поощряемое, конечно, начальниками въ видахъ поддержанія такой похвальной черты русскаго народа, до того вошло въ привычку, что если находятся люди, отступающіе отъ такого обыкновенія, то это кажется чѣмъ-то строптивымъ, заслуживающимъ увѣщанія. Сколь, Дженни, трогательны и просты эти взаимныя отношенія, ты можешь видѣть изъ слѣдующаго описанія, переведеннаго мною изъ русской провинціальной газеты «Кіевлянинъ». По словамъ ея, «въ нѣкоторыхъ селахъ Подолья, особенно въ Бр—мъ уѣздѣ, существуетъ давній обычай предъ свѣтлыми праздниками дѣлать сборъ яицъ для станового пристава, его помощника, тысяцкаго и т. п. властей. Обычай этотъ исполняется изъ года въ годъ съ самою строгою правильностью, несмотря ни на какую перемѣну лицъ, для которыхъ, впрочемъ, упомянутый обычай всегда представляется не больше, какъ «безвиннымъ крестьянскимъ заведеніемъ». Сборы яицъ производятъ сотскіе съ десятскими. Каждая хозяйка, у которой есть хоть одна несущаяся курица, обязана дать два-три яйца. Отказаться нельзя. Отказъ равнялся бы возмущенію, за которое можно впасть въ немилость на цѣлый годъ. Но случаи отказа бываютъ такъ рѣдки и до того кажутся выходящими изъ ряда вонъ, что отказавшую хозяйку все село вдругъ узнаётъ и нисколько не возмущается, когда затѣмъ на какую-нибудь общественную повинность, сверхъ очереди, вызываютъ лишнихъ два-три раза изъ того дома, гдѣ не дали яицъ «въ станъ». Такая мѣра или подобная ей всегда почти вразумляетъ непокорныхъ и вмѣстѣ служитъ острасткой для всѣхъ односельчанъ, а потому сборъ яицъ всегда ведется самымъ исправнымъ образомъ».

Само собою разумѣется, что подобныя отношенія, свидѣтельствующія о взаимной любви между начальниками и подчиненными, сказываются не только въ видѣ яичнаго сбора, но и относительно многихъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, Дженни, корреспондентъ «Голоса» сообщаетъ, что «въ Бердичевскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ, распахивая свое поле, нашелъ кладъ, состоящій изъ трехсотъ штукъ старинныхъ серебряныхъ монетъ большого калибра. Монеты находились въ глиняномъ горшкѣ, который при ударѣ сохой разбился. Крестьянинъ подобралъ монеты и унесъ ихъ домой, гдѣ и спряталъ до поры до времени, никому не говоря о своей находкѣ. Спустя нѣсколько вре-

мени, какимъ-то способомъ провѣдалъ объ этомъ мѣстный арендаторъ корчмы, еврей, и сталъ употреблять всевозможные ухищренія и подходы, чтобъ выманить у крестьянина найденный кладъ. Но когда всѣ употребленные къ этому способы не увѣнчались успѣхомъ, еврей прибѣгъ къ другимъ уловкамъ: онъ донесъ объ этомъ мѣстному волостному писарю. Волостной писарь началъ стращать крестьянина доносомъ начальству, доказывая, что о всякомъ найденномъ кладѣ надо немедленно доносить. Напуганный угрозами волостного писаря, крестьянинъ отдалъ писарю кладъ, а писарь положилъ его въ собственный карманъ. Но, къ несчастью писаря, такъ ловко воспользовавшагося кладомъ, узналъ о кладѣ писарь сосѣдней волости, который, въ свою очередь, сталъ стращать своего собрата доносомъ на него куда слѣдуетъ, если онъ не подѣлится съ нимъ поровну. Нечего дѣлать, надо дѣлиться: и одинъ и другой получили по 140 монетъ, а евреюкорчмарю за маклерство дали двадцать монетъ. Кажется, и конецъ. Но, какъ на грѣхъ, провѣдалъ объ этомъ еще и мѣстный становой приставъ, которому, какъ говорятъ, любителямъ старинныхъ монетъ (волостнымъ писарямъ) пришлось дать каждому по тридцати монетъ. Но любители старинныхъ монетъ, производя дѣлежъ, совершенно забыли о лицѣ, нашедшемъ кладъ; а это лицо, возмутившись уже очень своеобразнымъ дѣлежомъ, подало, какъ говорятъ, жалобу судебному слѣдователю».

Конечно, въ данномъ случаѣ евангельской любви къ ближнимъ представилось уже слишкомъ большое испытаніе, но, какъ видишь, если бы не черезчуръ свободный дѣлежъ, то едва ли русскій крестьянинъ рѣшился бы подать жалобу.

Такіе патріархальные обычаи, Дженни, въ этой странѣ подаютъ поводъ даже къ весьма забавнымъ происшествіямъ. Такъ, любовь къ полюбовному дѣлежу дала поводъ къ слѣдующему событію, сообщаемому «Тифлисскимъ Вѣстникомъ», случившемуся въ городѣ Ставрополѣ: «Дня за два или за три до рыбнаго праздника Благовѣщенія, рано утромъ приходятъ на нижній базаръ частный приставъ Я—скій съ полицейскими и первымъ дѣломъ заарестовываютъ двѣ бочки волжской рыбы, подъ тѣмъ предлогомъ, что она тухлая и къ употребленію никуда негодная. Для испытанія этой рыбы немедленно приглашенъ былъ городской врачъ Т—пъ. Послѣдній, какъ ни морщилъ лобъ и ни корчилъ рожу, все-таки не посмѣлъ предъ цѣлою толпою дать положительнаго заключенія о недоброкачественности заарестованной рыбы. Несмотря однако на это, по слову пристава, рыба взваливается на фуры и, при оглушительномъ воплѣ хозяевъ, отправляется на полицейскій дворъ; а утромъ слѣдующаго дня объ ея уничтоженіи составленъ былъ протоколъ и подписанъ какъ приставомъ, такъ и врачомъ. Но, прежде чѣмъ протоколъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, одному шутнику-чиновнику взбрела въ голову

мысль сварить немного испорченной рыбы. Задумано—сдѣлано. Приготовленную рыбу шутникъ пробуетъ сначала самъ, даетъ отвѣдать другимъ, кормитъ затѣмъ помощника полицеймейстера, и — о, ужасъ! — рыба хоть куда, какъ будто сейчасъ наловлена въ Волгѣ и сварена... Скандалъ, да и только... Докладываютъ объ этомъ полицеймейстеру. По его распоряженію немедленно созывается консиліумъ, который, по долгомъ размышленіи, остановился на слѣдующемъ планѣ: пригласить на другой день послѣ праздника, т. е. 26 марта, мирового судью для осмотра на мѣстѣ рыбы и разбора дѣла. Наступаетъ 26 число. Страшно показалось приглашать мирового судью: дурная исторія можетъ огласиться черезъ то еще больше и дойти, пожалуй, до свѣдѣнія высшаго начальства. Нельзя ли извернуться какъ-нибудь иначе? Стали думать и вотъ что выдумали: въ тотъ же день вызываютъ въ полицію злополучныхъ хозяевъ и любезно возвращаютъ имъ заарестованную рыбу, но при этомъ отбираютъ отъ нихъ подписки, что они не остаются въ претензіи на неблаговидныя дѣйствія полиціи и не станутъ искать съ нея убытковъ».

Я могъ бы привести тебѣ, Дженни, массу примѣровъ, но ограничиваюсь этими.

Съ такимъ народомъ, Дженни, потребности котораго такъ ограничены, дѣйствительно война не страшна, и я не удивился, когда нѣкто графъ Сологубъ совѣтовалъ добровольный русскій флотъ устроить на обязательную подписку. Казалось бы съ перваго взгляда, что добровольность и обязательность—понятія несовмѣстимыя, но оказывается, что это такъ. Я не думаю, чтобы проектъ графа Сологуба былъ принятъ, но я обращаю только твое вниманіе, Дженни, на увѣренность, съ которою этотъ почтенный графъ дѣлаетъ синонимами два разныя понятія по отношенію къ простымъ русскимъ людямъ, убѣжденный, что если становой станетъ просить добровольное пожертвованіе, то оно въ глазахъ добрыхъ русскихъ людей ужс станетъ обязательнымъ.

Возвращаясь изъ деревни, мы чуть-было не сдѣлались жертвою волковъ. Они гнались за нами до самаго Петербурга и оставили насъ только тогда, когда городовой обѣщалъ посадить ихъ въ такъ-называемую здѣсь кутузку.

Что волки здѣсь дерзки, ты можешь судить изъ того факта, что недавно недалеко отъ Шлиссельбурга волчица искусала крестьянина, одну женщину и одну дѣвочку. Не забудь, Дженни, что Шлиссельбургъ очень близокъ отъ столицы. Одинъ изъ статистиковъ сообщилъ недавно, что въ одномъ Болховскомъ уѣздѣ (Орловской губерніи) въ прошломъ году истреблено волками: лошадей—108, рогатаго скота—44 головы, жеребятъ—234, телятъ—137, овецъ—635, свиней—300, гусей—166, утокъ—85, собакъ дворовыхъ—171; всего истреблено болѣе чѣмъ на 5.200 рублей. Въ 1876 году причинено ими же убытка крестьянскому хозяйству на 6.066 рублей 38 коп., а въ 1874 и 1875

годахъ на 13.201 руб. 97¼ коп. Слѣдовательно за четыре послѣдніе года одинъ Болховскій уѣздъ заплатилъ «волчьяго налога» около 25.000 рублей.

Въ этой статистикѣ перечисленъ скотъ, а сколько погибло людей, объ этомъ она не упоминаетъ.

Цѣлую тебя безъ счета.

Письмо седьмое.

Дорогая Дженни!

Чѣмъ болѣе я живу въ этой гостепріимной странѣ и чѣмъ болѣе знакомлюсь съ русскими нравами, тѣмъ болѣе я восхищаюсь, Дженни, той патріархальностью, которая — увы! — въ другихъ странахъ осталась однимъ воспоминаніемъ. Что ни день, то въ здѣшнихъ газетахъ извѣщаютъ о покражахъ всевозможныхъ предметовъ, движимыхъ и недвижимыхъ, имѣющихъ какую-либо цѣнность. Преимущественно опустошаются общественныя кассы, но не оставляются безъ должнаго вниманія и прочіе предметы, особенно заготовляемые въ большомъ количествѣ, какъ-то: мука, крупа, овесъ, сѣно, сукно и пр. Сперва я былъ крайне удивленъ этимъ обстоятельствомъ и полагалъ, что факты покражи составляютъ единичныя явленія и производятся спеціалистами въ родѣ нашихъ лондонскихъ мазуриковъ высшей школы, но скоро убѣдился, что эта профессія не имѣетъ въ Россіи такого предосудительнаго характера, и что подобныя занятія составляютъ почти повсемѣстное явленіе среди многихъ русскихъ джентльменовъ, пользующихся цензомъ, дающимъ право на завѣдываніе кассой, или на заготовку матеріаловъ, или на присмотръ за всѣми подобными дѣлами.

По понятіямъ названныхъ выше джентльменовъ «касса», «казна» и т. п. составляютъ нѣчто въ родѣ миѳической золотой курицы, не пользоваться которой можетъ либо непроходимый дуракъ, либо совсѣмъ лѣнивый человѣкъ, тѣмъ болѣе, что пользованіе это не всегда влечетъ за собою непріятныя послѣдствія, особенно если при пользованіи не обнаруживать слишкомъ большой поспѣшности и алчности.

Я пробовалъ уяснить себѣ причины такой, можно сказать, непримиримой вражды, существующей къ кассамъ, и послѣ тщательныхъ разспросовъ узналъ, что вражда эта восходитъ къ отдаленнымъ временамъ (не могу сказать, ранѣе русскаго царя Гороха или послѣ него) и съ особенной силою свирѣпствуетъ теперь, когда, послѣ отмѣны крѣпостного права и съ развитіемъ кассъ, жизнь многихъ джентльменовъ стала болѣе или менѣе въ зависимости отъ собственной ловкости и умѣнья такъ очистить кассу, чтобы не подлежать отвѣтственности.

Но не столько удивительна такая вражда, сколько наивная первобытность пріемовъ, употребляемыхъ, Дженни, при этомъ, и я не разъ думалъ, что если бы наши лондонскіе артисты высшей школы, заручившись приличными рекомендаціями, пріѣхали сюда и приняли

въ свое завѣдываніе кассы, то въ самое короткое время въ этой обширной имперіи не осталось бы ни одного фартинга. Въ наивной простотѣ пріемовъ, употребляемыхъ здѣсь при опустошеніи, какъ нельзя болѣе сказывается добродушный и, можно сказать, любезный характеръ русскаго человѣка. Здѣсь не только черпаютъ привольной рукой (недаромъ и поговорка русская свидѣтельствуетъ, что своя рука—владыка), но, надо отдать справедливость, охотно дѣлятся съ другими и не стѣсняются самымъ добродушнымъ образомъ показывать, что съ кассами обходятся фамильярно, при чемъ о Сибири и о мѣстахъ не столь отдаленныхъ забываютъ совершенно. Чтобы ты могла, Дженни, судить о русскомъ юморѣ, выразившемся въ этомъ названіи, замѣчу тебѣ, что «мѣстами не столь отдаленными» здѣсь называютъ, напримѣръ, городокъ Колу въ Архангельской губерніи, находящійся отъ Петербурга въ разстояніи 2.140 верстъ, а отъ Москвы въ разстояніи 2.242 верстъ. Послѣ этого ты можешь себѣ вообразить, какъ далеки должны быть мѣста отдаленныя.

Въ теченіе моего двухмѣсячнаго пребыванія совершено нѣсколько милліонныхъ неосторожныхъ покражъ изъ разныхъ банковъ (я уже не говорю о болѣе незначительныхъ покражахъ), и наивные пріемы этихъ покражъ всѣ одни и тѣ же. Кассиръ бралъ, а начальники хотя и повѣряли кассу, но вслѣдствіе престарѣлости и безтолковости бутылочныя стекла и булыжники принимали за соверены, а газетные обрѣзки за облигаціи. Замѣчательно, Дженни, что по большей части членами разныхъ правленій бываютъ престарѣлые джентльмены, не моложе 55 лѣтъ, слабоумные, хромые, косые, страдающіе эмфиземой и астмой. Нечего и говорить, что многіе изъ нихъ по слабоумію добродушны, какъ младенцы, поэтому ихъ и зовутъ здѣсь «божьими младенцами». И только тогда, когда одинъ кассиръ сталъ ѣздить по городу въ золотой каретѣ, имѣя свиту изъ двѣнадцати разныхъ націй дамъ, тогда только престарѣлые джентльмены, обязанные наблюдать за кассой, стали дѣлать выкладки: можно ли на шесть тысячъ ежегоднаго содержанія кататься въ золотой каретѣ и имѣть двѣнадцать дамъ въ свитѣ? И такъ какъ выкладки показали, что нельзя, то рѣшили прежде всего объ этомъ спросить кассира, дабы его не обидѣть, такъ какъ онъ былъ весьма респектабельный джентльменъ и камеръ-юнкеръ. Когда спросили названнаго кассира о золотой каретѣ и двѣнадцати дамахъ, то этотъ джентльменъ отвѣтилъ, что карету онъ пріобрѣлъ по случаю, и что дамы ѣздятъ за нимъ изъ одной привязанности. И что же думаешь, Дженни? Почтенные члены правленія разсыпались въ извиненіяхъ и настоятельно просили кассира не оставлять кассы. Тогда кассиръ, видя такое къ себѣ вниманіе, пожелалъ отплатить имъ тѣмъ же и сталъ имъ при ревизіяхъ показывать не газетную бумагу, а цвѣтную, и ревизоры были вполнѣ ею удовлетворены. Но черезъ нѣсколько времени прошелъ слухъ, что тотъ же кассиръ (такъ велико было его легко-

мысліе, Дженни!) устраиваетъ у себя греческіе вечера, поразительные по блеску и великолѣпію, на которыхъ бываютъ избранные джентльмены здѣшняго общества. Одинъ изъ почетныхъ членовъ правленія инкогнито посѣтилъ этотъ вечеръ, но на вопросъ о томъ, что тамъ было, только краснѣлъ и просилъ не напоминать объ этомъ, при чемъ завѣрялъ, что самъ кассиръ прекрасный человѣкъ, а общество, посѣщающее его, самое избранное.

Прошло еще нѣсколько времени, а легкомысленный кассиръ не унимался и однажды въ компаніи съ веселыми товарищами сжегъ до тла одно загородное увеселительное заведеніе, по добровольному соглашенію съ хозяиномъ онаго, заплативъ за это развлеченіе громадную сумму денегъ, не говоря уже о наградахъ, розданныхъ имъ прислугѣ и полисменамъ, присутствовавшимъ при этомъ для наблюденія за порядкомъ *).

Эта воистину нероновская затѣя, которая могла придти только въ голову скучающаго русскаго джентльмена, заставила о себѣ говорить. Многіе хвалили выдумку и вспоминали, что давно русская золотая молодежь не проявляла подобной ширины и удали русской натуры. Невольно припоминали давно прошедшія времена, когда, бывало, въ видахъ развлеченія, затравливали людей собаками и проигрывали въ карты по нѣскольку тысячъ живыхъ душъ. Сравнивая потѣхи русской блестящей молодежи за послѣднее время, многіе, пожившіе на своемъ вѣку старые джентльмены находили, что послѣдняя забава далеко оставляла за собой обычныя забавы порядочныхъ джентльменовъ, въ родѣ подаванія, напримѣръ, на блюдѣ au naturel французскихъ дамъ, пріѣзжающихъ сюда для составленія фортуны. Такая забава особенно была въ модѣ немедленно послѣ выдачи выкупныхъ свидѣтельствъ (это, Дженни, процентная бумага).

Несмотря однако-жъ на такое впечатлѣніе, «божьи младенцы» общества, въ которомъ хранилъ кассу русскій молодой затѣйникъ, испугались и собрали экстренное засѣданіе, на которомъ пришли къ рѣшенію сдѣлать ревизію кассы, но чтобы, по слѣпотѣ и глухотѣ многихъ изъ нихъ, не ошибиться и не принять цвѣтной бумаги или тряпья за облигаціи и акціи, пригласили въ помощь молодыхъ людей, способныхъ отличить кукушку отъ ястреба. Нечего, я думаю, и говорить, что въ кассѣ не досчитались нѣсколькихъ милліоновъ, вмѣсто которыхъ нашлось рублей на тридцать цвѣтной бумаги и рублей на пять черепковъ и бутылочнаго стекла.

Кассира въ то время въ кассѣ не было и потому отправились къ нему на квартиру.

---

*) Очевидно, канвой для этого фантастическаго разсказа «знатнаго иностранца» послужили слухи объ извѣстной исторіи Юханцева въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита.

Говорятъ, Джепни, что въ квартирѣ они нашли такую роскошь, что, несмотря на дурное состояніе духа, въ которомъ находились «божьи младенцы», они долго еще послѣ этого удивлялись изысканному комфорту и изящной изобрѣтательности вкуса русскаго кассира. Особенно поразили ихъ литые изъ золота подсвѣчники, красивыя звѣриныя головы изъ серебра съ дорогими брильянтами вмѣсто глазъ, роскошныя картины, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были и портреты всѣхъ членовъ правленія въ дорогихъ рамкахъ, обдѣланныхъ настоящимъ серебромъ и украшенныхъ вѣнками, на которыхъ вмѣсто листьевъ были ослиныя уши. Полюбовавшись на роскошь пріемныхъ комнатъ, они вошли въ кабинетъ и тамъ застали хозяина. Онъ лежалъ на кушеткѣ—такъ какъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ — и читалъ французскую книгу. При появленіи гостей молодой человѣкъ принялъ ихъ съ подобающимъ имъ уваженіемъ и просилъ садиться. Сконфуженные «божьи младенцы» не знали, съ чего начать рѣчь, и хлопали глазами, поглядывая другъ на друга; тогда затѣйливый молодой человѣкъ, желая пріободрить своихъ гостей, подавилъ въ стѣнѣ пуговку, и вдругъ въ кабинетѣ раздались звучные, пріятные звуки хора «Старичковъ» изъ оперы Гупо. Звуки шли изъ стѣны, гдѣ вдѣланъ былъ органъ.

«Божьи младенцы» были изумлены и сидѣли, какъ очарованные. Когда кончилась пьеса, то они все-таки не рѣшались начать, такъ что молодой хозяинъ, видя ихъ неловкое положеніе, заговорилъ первый и освѣдомился о причинѣ посѣщенія.

— Видите ли...—началъ-было одинъ изъ почтенныхъ джентльменовъ побойчѣй и менѣе другихъ страдавшій одышкой.—Конечно, сэръ, вы сами поймете... И я былъ молодъ...

— Ваше превосходительство!—перебилъ тогда другой, видя, какъ затрудняется въ изложеніи своихъ мыслей его товарищъ.—Вамъ докторъ прописалъ какъ можно менѣе говорить, и потому позвольте мнѣ выразить отъ лица всѣхъ наше недоумѣніе достоуважаемому хозяину... Вы, конечно, сэръ, пошутили... Годы ваши такіе, что располагаютъ къ шуткѣ... Мы и сами въ свое время любили пошутить...

Всѣ «божьи младенцы» подхватили послѣднія слова и проговорили:

— Мы и сами въ свое время...

И вслѣдъ затѣмъ снова приготовились слушать.

Но у второго джентльмена, начавшаго рѣчь, была странная особенность. Если его перебивали, то онъ уже забывалъ о томъ, что̀ слѣдовало сказать дальше. Онъ укорительно взглянулъ на товарищей и сказалъ:

— Вѣдь вы, господа директоры, знали, что меня нельзя перебивать! Вотъ теперь я и позабылъ, что̀ хотѣлъ сказать!

— Вспомните, ваше превосходительство!

— Нѣтъ, ужъ теперь не вспомнить!

Тогда, Дженни, видя, что время идетъ, а «божьи младенцы» все еще не могутъ изложить своихъ мыслей, молодой хозяинъ сказалъ:

— Вы, вѣроятно, милорды, пріѣхали узнать насчетъ облигацій, недостающихъ въ кассѣ?

— Именно... именно, сэръ!—хоромъ отвѣчали господа генералы.— Конечно, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе...

— Никакого тутъ недоразумѣнія нѣтъ, милорды... Я ихъ взялъ.

— То-есть какъ же... такъ... пошутить?

— Нѣтъ, милорды. Впрочемъ, что больше разсказывать... вы едва ли поймете. Лучше пришлите ко мнѣ коронера. Я ему все разскажу...

— Но однако-жъ *какъ* вы это ухитрились? Вѣдь мы повѣряли кассу, и все было налицо?

— Догадайтесь-ка, милорды, у себя дома на досугѣ!

И съ этими словами хозяинъ весьма любезно раскланялся съ своими гостями.

Они тихо-тихо вышли изъ квартиры, и только всѣ въ одинъ голосъ повторяли:

— Такой прекрасный молодой человѣкъ, съ такимъ вкусомъ... Кто могъ ожидать!

— А замѣтили, ваше превосходительство, какія вазы!

— А органъ въ стѣнѣ!

— А умывальники!

— А звѣриныя головы... Сколько вкуса!

Несомнѣнно, Дженни, что теперь этого самаго кассира бранятъ всѣ тѣ, которые до катастрофы считали за честь съ нимъ пировать и присутствовать на устраиваемыхъ имъ вечерахъ и иллюминаціяхъ. Люди вообще склонны порицать падающее величіе. Но тѣмъ не менѣе я не смѣю скрыть отъ тебя, Дженни, что среди лицемѣрнаго осужденія я встрѣчалъ не то что одобреніе, а нѣкоторое соболѣзнованіе, что такой человѣкъ, умѣющій такъ жить, и вдругъ теперь лишенъ будетъ возможности ѣздить въ золотой каретѣ и возить съ собою двѣнадцать дамъ. «Онъ не проходимецъ какой-нибудь,—говорили мнѣ: — а кровный джентльменъ».

— У васъ, милордъ, такихъ смѣлыхъ предпріятій не совершаютъ?— спросилъ меня по поводу послѣдняго «предпріятія» одинъ весьма респектабельный и очень богато живущій молодой джентльменъ, съ которымъ мы познакомились въ одномъ весьма почтенномъ домѣ.

— Какъ же, сэръ, совершаютъ, но только особые спеціалисты (я не хотѣлъ, Дженни, добавить, кто именно).

— У васъ,—сказалъ онъ:—даютъ слишкомъ спеціальное образованіе. Мы, русскіе, въ этомъ отношеніи больше энциклопедисты. Конечно, за такую большую смѣлость одобрить нельзя,—продолжалъ онъ:—но согласитесь, что *онъ* это сдѣлалъ очень ловко... Вѣдь два милліончика!

Въ интересахъ истины я долженъ тебѣ прибавить, что при этихъ

словахъ молодой мой русскій другъ (онъ тоже находится по особымъ порученіямъ при какой-то кассѣ, что, по словамъ свѣдущихъ людей, составляетъ довольно прибыльное занятіе) даже нѣсколько причмокнулъ губами и выразилъ на своей весьма приличной физіономіи то же самое пріятное выраженіе, какое мы замѣчали у нашего терьера «Блека», когда ему давали кусочекъ мяса.

— И что тамъ ни говорите, милордъ, а *онъ* таки-пожилъ!

— Но скажите, пожалуйста, мой молодой другъ,—началъ я:—отчего это у васъ пострадавшіе такъ хладнокровно относятся къ такимъ, какъ вы называете, предпріятіямъ? Сколько я понимаю дѣло, акціонеры и члены разныхъ обществъ немало уже пострадали отъ этихъ предпріятій?

Мой молодой другъ весело засмѣялся и отвѣтилъ:

— Мы, милордъ, народъ добрый и незлопамятный, это разъ. Кромѣ того мы народъ совѣстливый, это два!

— Что вы этимъ, сэръ, желаете сказать?

— А то, милордъ, что если спросить по совѣсти у каждаго изъ пострадавшихъ, какъ бы онъ поступилъ, если бы былъ на мѣстѣ кассира, то отвѣтъ былъ бы такой, который пока извѣстенъ лишь одному Господу Богу, которому возносится, я полагаю, немало молитвъ о ниспосланіи кассы или чего-нибудь подходящаго... Отъ этого и не очень сердятся.

— Но согласитесь, что это...

— Безнравственно, хотите вы сказать, милордъ. Ахъ! Объ этомъ ужъ и слушать надоѣло. Но вѣдь надо же жить. И всѣ порядочные люди такъ живутъ... И наконецъ посмотрите на этотъ вопросъ философски...

Тутъ у насъ, Дженни, произошелъ философскій и довольно длинный разговоръ, который я тебѣ въ подробности не передамъ. Замѣчу только, что молодой мой другъ обладалъ достаточнымъ краснорѣчіемъ и вполнѣ усвоилъ себѣ цѣлую философско-соціальную систему, изъ которой неопровержимо слѣдовало, что въ существѣ дѣла настоящіе потерпѣвшіе, т. е. плательщики податей, хотя и терпятъ отъ такихъ предпріятій, но терпятъ, собственно говоря, не особенно значительно. По мнѣнію моего собесѣдника, какой-нибудь рубль или два лишнихъ, уплаченные подъ тѣмъ или другимъ видомъ, особенной бѣды не сдѣлаютъ (русскій народъ, милордъ,—прибавлялъ при этомъ говорившій молодой человѣкъ:—живетъ въ патріархальной простотѣ и особыхъ потребностей не имѣетъ), а между тѣмъ несомнѣнно, что цивилизація и культура значительно пострадаютъ, если не станутъ ихъ поддерживать въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ оказывалось, что въ концѣ концовъ еще нѣтъ особой бѣды въ томъ, что пока довольно трудно найти кассировъ, которые бы, во имя высшихъ идей культуры, не обходились иногда нѣсколько фамильярно съ замками и отмычками.

— Бѣда, милордъ, не въ томъ, если порядочный человѣкъ сдѣлаетъ «позаимствованіе», а въ томъ бѣда, если онъ, джентльменъ, забудетъ свою культурную миссію. Кто заимствуетъ, тотъ уже самымъ этимъ показываетъ извѣстную благонадежность и даже уваженіе къ законамъ. Понимаете ли вы меня, милордъ?—закончилъ мой молодой другъ не безъ пафоса въ голосѣ и не безъ умиленія на лицѣ.

Слово «позаимствованіе», Дженни, на жаргонѣ русскихъ банкировъ означаетъ то же самое, что̀ означаетъ слово «стибрить» (to pilfer) на языкѣ лондонскихъ мошенниковъ. Это я поясняю тебѣ во избѣжаніе недоразумѣній при чтеніи письма.

Я сперва предположилъ, что слова моего молодого друга были нѣкоторой хвастливой бравадой особенно понимаемаго національнаго самолюбія передъ иностранцемъ, но потомъ изъ бесѣдъ съ болѣе солидными джентльменами убѣдился, что подобный взглядъ на кассу, если только она общественная, а не своя собственная, имѣетъ значительное распространеніе; хотя болѣе солидные джентльмены и не были такъ откровенны со мной насчетъ равнодушія акціонеровъ и ограничивались только замѣчаніями, что по нынѣшнимъ временамъ очень трудно найти хорошіе замки и что надо быть довольнымъ, если лица, стоящія у кассъ, заимствуютъ изъ нихъ поемногу, а не въ такихъ обширныхъ пріемахъ, которые производятъ только скандалъ. Къ этому обыкновенно прибавлялось, что зато Россія страна благочестивая и въ случаѣ чего не ударитъ лицомъ въ грязь.

Натурально, это были камешки, бросаемые въ мою сторону, и я старался прекращать подобные разговоры, какъ только они касались щекотливыхъ предметовъ.

Столь патріархальныя отношенія къ общественному достоянію обращали своевременно вниманіе нѣкоторыхъ публицистовъ. Предлагались даже нѣкоторыя практическія мѣры, какъ-то: двойные замки, сторожевыя собаки при кассахъ, одобрительные аттестаты; нѣкоторые требовали даже болѣе радикальныхъ мѣръ, указывая на петербургскихъ мѣнялъ, лишенныхъ всѣхъ человѣческихъ страстей, какъ на примѣръ, достойный для кассировъ подражанія, но, само собою, послѣдняя мѣра была съ негодованіемъ отвергнута, какъ варварская; что же касается прочихъ, то онѣ не привели до сихъ поръ ни къ какимъ результатамъ, благодаря общей патріархальности во всѣхъ частныхъ учрежденіяхъ. Двойные замки отпирались, собаки отравлялись или начинали заимствовать вмѣстѣ съ кассирами и вести жизнь, не свойственную солидному псу, аттестаты стали фабриковаться, и цѣна на нихъ только увеличилась. Тогда пробовали обратиться къ мѣрамъ увѣщанія (я употребляю, Дженни, это слово безъ всякаго каламбура; по-русски обратиться къ «мѣрамъ увѣщанія»—значитъ прибѣгнуть къ боксу) и ставили на видъ, чтобы заимствовали по возможности въ

малыхъ пріемахъ; но тѣ, къ кому обращались, не безъ резона и не безъ обидчивости отвѣчали:

— Да чѣмъ же мы хуже другихъ? Вонъ у той кассы заимствуютъ широкой рукой, у этой кассы тоже не зѣваютъ, за что же это наша касса будетъ такая несчастная сирота!..

Такимъ образомъ, Дженни, вслѣдствіе отсутствія однообразной нормы позаимствованія, никакія мѣры до сихъ поръ не привели ни къ какимъ результатамъ.

Тогда, Дженни, многочисленная группа весьма почтенныхъ кассировъ, движимая патріотическимъ одушевленіемъ, составила и подала куда слѣдуетъ, какъ мнѣ передавали, нижеслѣдующій

ПРОЕКТЪ

объ увеличеніи общественнаго благосостоянія безъ отягощенія платежныхъ силъ страны.

Принимая во вниманіе:

что никакіе патентованные замки и никакія, сообразныя съ настоящимъ устройствомъ, мѣры не могутъ оградить общественныхъ кассъ и сундуковъ отъ весьма крупныхъ позаимствованій;

что общество такимъ образомъ ежегодно теряетъ громадныя суммы денегъ, едва ли меньшія, чѣмъ предположенная контрибуція съ турокъ, такъ какъ при обнаруженіи недостатковъ кассы по большей части не получаетъ обратно ни одной копѣйки, потому что опытные кассиры заранѣе переписываютъ свои недвижимыя имущества на своихъ женъ и домочадцевъ, капиталы тщательно укрываютъ и сами заблаговременно уѣзжаютъ въ Америку;

что, на основаніи вышеизложеннаго, судебное преслѣдованіе, не достигая цѣли, приноситъ лишь одинъ ущербъ, въ видѣ значительнаго гонорара, платимаго адвокатамъ, которые такимъ образомъ, не принимая непосредственнаго участія въ предпріятіи, все-таки пользуются значительной изъ онаго долей, что, очевидно, противно общественной нравственности;—

мы, нижеподписавшіеся, движимые чувствомъ любви къ отечеству и принимая въ соображеніе какъ настоящее трудное финансовое положеніе, такъ и тѣ трудныя испытанія, въ которыя поставлена наша неистощимая страна, благодаря коварной политикѣ англичанъ, почтительнѣйше ходатайствуемъ о нижеслѣдующемъ:

1) Кассировъ и иныхъ лицъ, которыя по забывчивости или неосторожности совершатъ позаимствованія изъ ввѣренныхъ имъ кассъ, при чемъ означенныя позаимствованія будутъ обнаружены, — судебному преслѣдованію не подвергать, а вступать съ такими лицами въ добровольное соглашеніе.

2) Для означенной цѣли должна быть образована комиссія изъ опытныхъ и благонадежныхъ лицъ (не менѣе пяти), предпочтительно

изъ бывшихъ кассировъ, какъ людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ, и изъ спеціалиста для оцѣнки имуществъ.

3) На обязанности этой комиссіи должно лежать: а) разсмотрѣніе свойствъ и обстоятельствъ позаимствованія; b) опредѣленіе количества процентовъ, подлежащихъ возвращенію обратно въ кассу, и с) оцѣнка недвижимаго имущества кассира или вообще лица, виновнаго въ неосторожности.

Примѣчаніе къ § 3-му. При опредѣленіи процентовъ, подлежащихъ возврату, было бы полезно держаться слѣдующихъ отчисленій: 35% къ возврату въ кассу, 20% въ запасный капиталъ на случай дѣйствительной несостоятельности кассировъ, 5% на содержаніе комиссіи и на веденіе дѣлъ, 4% на непредвидѣнные расходы, 1% на устройство добровольнаго флота, 1% на устройство эмеритальной кассы для вдовъ и сиротъ несостоятельныхъ кассировъ, 2% въ пользу мѣстъ заключенія и 2% на устройство спеціальныхъ школъ для приготовленія хорошихъ бухгалтеровъ и кассировъ. Затѣмъ возврата остальныхъ 30 процентовъ изъ позаимствованной суммы не требовать.

4) При обнаруженіи недостатка въ кассѣ комиссія вступаетъ съ виновнымъ въ соглашеніе, и, въ случаѣ согласія, дѣло прекращается, хотя виновный и обязывается болѣе не завѣдывать кассой.

5) Въ случаѣ несогласія виновный подвергается судебному преслѣдованію.

6) Такая мѣра сохранитъ государству, по крайней мѣрѣ, около 50 милліоновъ въ годъ, считая, что въ годъ сумма позаимствованій составитъ никакъ не менѣе 140,000.000. Цифра, представленная здѣсь, скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительно ожидаемаго поступленія.

7) Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаемая мѣра имѣетъ еще и ту несомнѣнную выгоду, что сохранитъ весьма многихъ полезныхъ гражданъ и вмѣстѣ съ тѣмъ капиталы, имъ принадлежащіе, въ отечествѣ, при чемъ дастъ возможность воспитать дѣтей въ строго-классическомъ направленіи.

Примѣчаніе: Теперь же и капиталы и владѣльцы оныхъ зачастую исчезаютъ изъ Россіи, не говоря уже о томъ, что дѣти не воспитываются въ своемъ отечествѣ.

Таковъ этотъ, не лишенный остроумія проектъ, сулящій государству до 50 милліоновъ ежегоднаго, совершенно непредвидѣннаго дохода. По совѣсти сказать, при настоящихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы далеко не лишнимъ.

Пора однако-жъ, Дженни, кончить письмо. Я такъ распространился объ этомъ выдающемся явленіи русской жизни, что предоставляю себѣ поговорить о другихъ въ слѣдующемъ письмѣ. Еще разъ только повторю тебѣ, Дженни, что, при всемъ своемъ добродушіи, при всей простотѣ, многіе русскіе джентльмены, какъ ты видѣла, замѣчательно

способный къ опустошеніямъ кассъ народъ, и если бы они переселились въ Англію, то, вѣроятно, многіе изъ этихъ джентльменовъ скоро бы познакомились съ нравами и обычаями нашихъ тюремъ.

P. S. Вообрази, Дженни, мое удивленіе, когда сегодня утромъ, отправляясь смотрѣть выставку собакъ, я встрѣтилъ моего молодого русскаго друга, который не далѣе, какъ нѣсколько дней тому назадъ, велъ со мною такой обстоятельный философскій разговоръ, — встрѣтилъ не въ коляскѣ, какъ обыкновенно, а въ каретѣ, въ сопровожденіи полисмена. Мой молодой другъ послалъ мнѣ привѣтъ рукой, но это былъ не обычный привѣтъ, а какой-то грустный. Я тотчасъ же послѣ встрѣчи купилъ газету и прочелъ, что онъ «позаимствовалъ» 850.000 рублей, при чемъ такъ неосторожно, что нельзя было никакъ схоронить концовъ. Если этого молодого человѣка сошлютъ въ мѣста не столь отдаленныя, то страна въ немъ лишится весьма убѣжденнаго и послѣдовательнаго консерватора, не лишеннаго энергіи.

Письмо восьмое.

Дорогая Дженни!

Ты была бы наивнѣе шекспировской Джульетты, если бы судила о значеніи здѣшняго общественнаго мнѣнія по тѣмъ статьямъ, которыя время отъ времени печатаются въ «Morning Post», спеціально съ цѣлью внушить нашимъ соотечественникамъ мысль о воинственномъ настроеніи русскаго общества и о вліяніи будто бы его на направленіе политики. Здѣшніе клубы имѣютъ весьма мало общаго съ нашими. Они, какъ кажется, спеціально устроены для карточной игры, танцевъ и для упражненій время отъ времени въ боксѣ, въ случаѣ возникновенія какихъ-либо недоразумѣній между членами.

Кстати замѣчу здѣсь, Дженни, что въ Россіи карточная игра весьма сильно распространена между интеллигенціей, купечествомъ и чиновничествомъ. Исключеніе составляютъ земледѣльческій и рабочій классы, лишенные возможности пользоваться этимъ развлеченіемъ за недостаткомъ свободнаго времени. Играютъ повсемѣстно и по утрамъ и по вечерамъ. Играютъ не только мужчины и дамы, но даже дѣвицы. Первые предпочтительно въ винтъ, а вторыя въ стуколку. «Если бы не было, милордъ, на свѣтѣ стуколки,—разсказывала мнѣ недавно одна весьма милая молодая лэди, жена чиновника:—то, право, я не знаю, что бы мнѣ оставалось дѣлать».

Такое неумѣренное пристрастіе къ игрѣ объясняютъ неохотой понапрасну, какъ здѣсь странно выражаются, «чесать языкъ» и изнурять себя безплодными бесѣдами, которыя, по ихъ словамъ, въ концѣ концовъ къ добру не поведутъ. Насколько я успѣлъ познакомиться съ русскими, мнѣ кажется, что если бы правительство запретило игру въ карты, бо́льшая половина чиновничества на другой же день лишила бы себя жизни.

Несомнѣнно, что карты весьма сильно способствуютъ отвлеченію умовъ отъ многихъ вопросовъ, закрадывающихся невольно въ самую глупую человѣческую голову, и русскіе пользуются этимъ средствомъ отвлеченія и, какъ говорятъ, испытываютъ всю прелесть душевнаго спокойствія, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ,—и, долженъ сознаться, не рѣдкихъ,—когда кто-либо изъ партнеровъ нечаянно передернетъ карту или неумышленно сотретъ запись, вообразивъ, что онъ имѣетъ дѣло съ бухгалтерской книгой.

Я нерѣдко посѣщаю русскіе клубы и слышу постоянные и довольно рѣшительные споры о преимуществахъ винта передъ вистомъ. Не менѣе рѣшительно бранятъ Англію и Австрію и довольно часто сообщаютъ извѣстія о новой покражѣ или растратѣ общественныхъ суммъ, но о прочихъ своихъ дѣлахъ бесѣдуютъ чрезвычайно осторожно и всегда вполголоса, какъ бы стыдясь, что они занимаются разговорами о дѣлахъ, до которыхъ имъ, по выраженію одного знакомаго моего штабъ-офицера, нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ, удостовѣрялъ меня этотъ почтенный джентльменъ, «у насъ ко всякому дѣлу приставлено по нѣскольку человѣкъ, и слѣдовательно не зачѣмъ совать свой носъ туда, куда не слѣдуетъ, постороннему».

Въ театрахъ та же исторія. Тамъ довольно громко хвалятъ Росси (русскія дамы, Дженни, имѣютъ особенное пристрастіе къ иностраннымъ кавалерамъ), опять-таки бранятъ наше правительство, нимало не стѣсняясь, и снова очень тихо передаютъ другъ другу соображенія о своихъ дѣлахъ, точно стѣсняются, какъ бы сосѣдъ не услышалъ и не накрылъ бы бесѣдующихъ за этимъ занятіемъ. Такого рода застѣнчивость объясняется, съ одной стороны, скромностью, съ другой—крайней подозрительностью къ незнакомымъ лицамъ, такъ какъ послѣднія политическія событія даютъ поводъ въ каждомъ постороннемъ лицѣ подозрѣвать переодѣтаго англійскаго, австрійскаго или турецкаго шпіона. Не далѣе, какъ на-дняхъ, мнѣ довелось на самомъ себѣ испытать, до чего русскіе въ этомъ отношеніи подозрительны. Дѣло происходило въ клубѣ «благородныхъ людей». Я зашелъ туда посмотрѣть, какъ русскіе благородные люди играютъ въ карты. Насмотрѣвшись вдоволь на русскихъ благородныхъ мужчинъ и дамъ, я присѣлъ въ уголкѣ на диванѣ и вздремнулъ, такъ какъ цѣлый день посвятилъ разъѣздамъ и былъ утомленъ. Не знаю, долго ли я дремалъ, но тихій шопотъ, раздавшійся около меня, заставилъ меня открыть глаза. Передо мною стояли два джентльмена съ выбритыми щеками, безъ усовъ, съ желтыми лицами. По выбритымъ щекамъ, по лицамъ и по приглаженнымъ волосамъ я заключилъ, что передо мною стоятъ чиновники (въ Петербургѣ, Дженни, изъ трехъ чисто одѣтыхъ людей двое непремѣнно чиновники).

— Этакъ поступать невозможно!—говорилъ одинъ изъ нихъ тихимъ голосомъ.—Я, слава Богу, статскій совѣтникъ и шутить съ собою не позволю.

— Будто и не позволишь? — шутливо замѣтилъ другой. — А помнишь, какъ у насъ же въ департаментѣ, при царѣ Горохѣ, экзекуторъ пошутилъ съ однимъ статскимъ совѣтникомъ?

Статскій совѣтникъ нѣсколько разсердился на эти слова своего товарища.

— Полно тебѣ вздоръ говорить!—отвѣчалъ онъ.—Мало ли что было прежде, при царѣ Горохѣ!

Я откровенно сознаюсь тебѣ, Дженни, что не знаю, когда именно правилъ въ Россіи этотъ государь, но знаю, что русскіе часто его вспоминаютъ, почти такъ же часто, какъ Петра I.

— Нѣтъ, ты послушай, что *онъ*-то со мной сочинилъ!—продолжалъ почтенный господинъ прерванный разсказъ. —Сталъ я замѣчать, что онъ что-то частенько бродитъ около дома. Бродитъ-себѣ, точно свиданье у него назначено, а самъ нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ ко мнѣ въ окно. Я наконецъ спрашиваю его:—«Зачѣмъ это вы все около моихъ оконъ бродите? Я, слава Богу, человѣкъ солидный и, кажется, никакого не подалъ повода».—«Вы, говоритъ, пожалуйста, не безпокойтесь. Я, говоритъ, такъ. Докторъ прописалъ моціонъ дѣлать». Однимъ словомъ, успокоилъ меня совершенно, какъ вдругъ вчера прихожу домой, смотрю — исчезла моя голубушка Фрина... А я еще собирался ее на выставку повезти...

Почтенный джентльменъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— *Онъ* до нея давно добирался. Я видѣлъ, какъ онъ на нее заглядывался, когда мы съ ней гуляли.

Въ это самое время я вышелъ изъ своего угла, и оба бесѣдующіе джентльмена до того перепугались и такъ посмотрѣли на меня, что я совсѣмъ сконфузился.

— Извините, господа,—началъ я.—Я совершенно нечаянно былъ свидѣтелемъ вашего интимнаго разговора, но смѣю увѣрить васъ, что ваше, сэръ, несчастіе возбуждаетъ во мнѣ искреннее участіе. Я не сомнѣваюсь, что дочь ваша будетъ разыскана, а похититель ея достойно наказанъ.

— Какая дочь, милостивый государь!? У меня, слава Богу, нѣтъ дочерей. Я человѣкъ холостой. У меня была собака. Превосходная собачонка Фрина, но ее никто не похищалъ. Вамъ это послышалось. Я самъ ее въ знакъ признательности подарилъ почтенному другу моему, околоточному надзирателю.

Онъ это говорилъ такъ поспѣшно, точно боялся, что я никакъ не повѣрю его словамъ.

— Тѣмъ лучше. Я очень радъ за васъ, сэръ!

Но, несмотря на мои, казалось бы, весьма обыкновенныя въ такомъ случаѣ слова, оба названные джентльмена смотрѣли такъ растерянно, точно тотъ самый статскій совѣтникъ, съ которымъ при царѣ Горохѣ экзекуторъ сыгралъ такую неловкую шутку.

Желая вывести ихъ изъ затрудненія, я отрекомендовался имъ, заявивъ, что я лордъ Розберри, путешественникъ, и весьма полюбилъ ихъ страну. Но они все-таки весьма подозрительно бросали на меня взгляды, и наконецъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Вы прекрасно говорите по-русски... Конечно, вамъ, какъ просвѣщенному человѣку... Но смѣемъ васъ увѣрить, милостивый государь, что мы рѣшительно всѣмъ довольны, ни на кого претензіи не имѣемъ, относительно же собаки я, ей-Богу, пошутилъ. Клянусь вамъ, пошутилъ. Такъ, просто, даже совралъ. Мы, русскіе, любимъ соврать. Иной разъ скучно, что партія не составляется, такъ невольно соврешь, но, видитъ Богъ, безъ всякаго злого умысла, а такъ, отъ избытка фантазіи.

Мнѣ даже стало совѣстно, что я невольно заставилъ этихъ джентльменовъ какъ бы оправдываться. Но ты видишь, Дженни, какъ велика скромность русскихъ, и какъ они берегутъ свое національное достоинство, если даже о такомъ фактѣ, какъ похищеніе собаки, боятся заявлять при иностранцѣ.

Вслѣдствіе такой скрытности русскихъ остается довольствоваться газетами. Несмотря на чтеніе всѣхъ русскихъ газетъ, я и изъ газетъ не могу составить себѣ яснаго понятія объ общественномъ настроеніи, такъ какъ здѣшнія газеты насчетъ настроенія весьма скромны и недаромъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ неизмѣнно повторяютъ излюбленную ими формулу: «съ одной стороны нельзя не сознаться, хотя съ другой нельзя не признаться». Этой фразой онѣ начинаютъ и кончаютъ всѣ статьи. Въ смутныя времена, то-есть въ такія именно, когда не вполнѣ извѣстно, въ чемъ невозможно признаться и, наоборотъ, можно сознаться,—эта фраза помѣщается разными шрифтами во всѣхъ отдѣлахъ газеты и ограждаетъ собою, какъ щитомъ, всякія подозрѣнія, удовлетворяя однако болѣе или менѣе любознательность читателя. Впрочемъ, русскіе, насколько я могъ замѣтить, частью по скромности, а частью по добросердечію, довольствуются безмолвнымъ выраженіемъ одобренія, такъ какъ, въ силу существующихъ въ Россіи правилъ вѣжливости и благопристойности, о которыхъ я уже сообщалъ въ прошлыхъ письмахъ, одобрять что-либо, кромѣ игры артистовъ, громко считается нарушеніемъ скромности, и всѣ этого оберегаются, чтобы не заслужить прозвища самохваловъ. Поэтому здѣсь никогда никто не скажетъ громко въ лицо: «какой вы, сэръ, милый человѣкъ!», а если кто захочетъ выразить одобреніе этому сэру, то опуститъ глаза и вздохнетъ, вздохнетъ разъ, вздохнетъ два, вздохнетъ три, и затѣмъ пойдетъ прочь. Напомню при этомъ тебѣ, Дженни, что скромность русскихъ всегда служила предметомъ зависти со стороны европейцевъ, и недаромъ покойный Меттернихъ, послѣ австрійской неблагодарности, считалъ лучшею добродѣтелью русскую скромность.

Само собою разумѣется, что, обладая такимъ похвальнымъ каче-

ствомъ, русскіе обнаруживаютъ склонность къ самопорицанію, но при этомъ стараются избѣгать по возможности обобщенія явленій. Но зато надо отдать имъ справедливость: нѣтъ той мелочи, свидѣтельствующей о несовершенствѣ ихъ жизни, которую бы они оставили безъ вниманія и безъ соотвѣтствующаго порицанія. Подадутъ ли въ клубѣ несвѣжее блюдо, отвѣтитъ ли полисменъ безъ обычной ласковости на вопросъ, совершитъ ли какой-либо общественный незначительный дѣятель не вполнѣ респектабельный поступокъ, украдетъ ли кто-либо на сумму не свыше ста рублей,—немедленно въ газстахъ появляются замѣтки, въ которыхъ самымъ деликатнымъ и, можно даже сказать, изящнымъ тономъ выражается сѣтованіе (это чисто-русское, Дженни, слово: это не ропотъ, но и не жалоба, а нѣчто среднее), что провизія не свѣжая, что полисменъ такой-то не стоялъ на высотѣ своего положенія, что чиновникъ такой-то, вѣроятно, въ разсѣянности, превысилъ свои обязанности, что воровать, и тѣмъ болѣе ничтожныя суммы, неприлично, и т. п., при чемъ авторы въ концѣ обыкновенно выражаютъ надежду, что впредь подобныхъ случаевъ не повторится, и свои сентенціи неизмѣнно заключаютъ разсужденіемъ, что, съ одной стороны, нельзя не сознаться, хотя съ другой и т. д. Хотя надежды на этомъ свѣтѣ не всегда, какъ извѣстно, исполняются, тѣмъ не менѣе при новыхъ случаяхъ въ вышеописанномъ родѣ снова повторяются тѣ же сентенціи и высказываются тѣ же надежды. Въ этой трогательной чертѣ русскаго характера, свидѣтельствующей о неоскудѣвающей никогда надеждѣ на милосердіе Божіе, столько наивной прелести, столько первобытной простоты, что едва ли мы, европейцы, способны оцѣнить эти добродѣтели такъ, какъ онѣ того заслуживаютъ.

Равнымъ образомъ русскіе писатели остерегаются освѣщать факты и заботятся только о передачѣ такихъ, которые не составляютъ предметовъ спора даже у составителей прописей. Практикуютъ они эту манеру во избѣжаніе одностороннихъ заключеній со стороны читателей и во избѣжаніе уменьшенія розничной продажи. Я не смѣю отрицать, чтобы въ этой системѣ не было похвальной осторожности, но на насъ, англичанъ, эта осторожность производитъ, особенно вначалѣ, странное впечатлѣніе. Не далѣе, какъ вчера, я имѣлъ случай встрѣтиться у мирового судьи, куда заглянулъ въ качествѣ туриста, съ однимъ почтеннымъ журналистомъ, дожидавшимся разбора своего дѣла объ оскорбленіи въ печати почтоваго сортировщика. Когда я задалъ ему вопросъ по поводу вышеизложенныхъ обстоятельствъ, то журналистъ отвелъ меня въ коридоръ покурить и уже въ коридорѣ удовлетворилъ моей любознательности слѣдующими словами:

— Мы, милордъ, очень осторожны и никакъ не желаемъ насиловать мнѣній нашихъ читателей. Въ этомъ отношеніи мы непохожи на нашихъ европейскихъ собратовъ.

— Меня именно, сэръ, и удивляетъ нѣсколько это обстоятельство!

— Напрасно... Дѣло въ томъ, что мы...

Онъ замялся и, видно было, подыскивалъ надлежащія выраженія. Кстати замѣчу здѣсь, Дженни, что русскіе писатели ужасно любятъ разныя туманныя выраженія и ужъ не знаю почему, но рѣдко называютъ вещи своимъ именемъ, коротко и ясно, а непремѣнно подходятъ къ уясненію своей мысли разными окольными путями. Поэтому здѣсь принято не только читать печатныя строки, но даже и пустое мѣсто между строками.

— Видите ли... Да я лучше поясню вамъ, какъ иностранцу, незнающему всѣхъ тонкостей русской діалектики, на примѣрѣ... Вижу я, напримѣръ, вотъ напротивъ, сѣрый домъ... Какъ я выражусь объ этомъ печатно? Какъ полагаете, милордъ?

— Я полагаю, что вы выразитесь такъ, какъ только-что выразились, т. е. что видите сѣрый домъ! —отвѣчалъ я, нѣсколько изумленный его вопросомъ.

— Вотъ и ошиблись, дорогой иностранецъ! Я никогда не напечатаю: «сѣрый домъ», а только просто «домъ» если, впрочемъ, упоминаніе объ этомъ домѣ не составляетъ нарушенія правилъ приличія.

Натурально, я сдѣлалъ «большіе глаза» и, должно-быть, выразилъ на своемъ лицѣ такой знакъ изумленія, который даже и унылаго журналиста привелъ въ болѣе веселое расположеніе духа.

— Вы не вполнѣ уясняете: почему я о домѣ упомяну, а объ его окраскѣ умолчу?—замѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Именно, сэръ.

— Я это сдѣлаю на томъ основаніи, что вопросъ о различеніи цвѣтовъ—вопросъ, какъ вамъ извѣстно, еще весьма спорный въ наукѣ. Положимъ, намъ съ вами домъ кажется сѣрымъ, а смотрителю этого самаго дома онъ вдругъ покажется совсѣмъ бѣлымъ. Что тогда?

— Ничего... Вы призовете экспертовъ, и вопросъ разрѣшится.

— Но, пока вопросъ разрѣшится, мое выраженіе можетъ подать поводъ къ распространенію невѣрныхъ слуховъ. Читатель, проходя мимо дома, скажетъ: «Вонъ сѣрый домъ. О немъ сегодня въ газетахъ писали», а дворникъ можетъ обидѣться и скажетъ: «Это не сѣрый домъ, а бѣлый».—Сѣрый!..—Бѣлый!.. Пойдутъ споры. Такимъ образомъ насчетъ одного и того же предмета будутъ два различныхъ понятія, явится сомнѣніе. Придется быть невольнымъ виновникомъ тревоги насчетъ правильности зрѣнія. А развѣ это хорошо?

— Но какъ же иначе быть?

— Очень просто. Я говорю просто «домъ». Думай о немъ, что знаешь, это ужъ не мое дѣло.

— Но, извините меня, сэръ, эта манера несомнѣнно остроумна, но едва ли она отвѣчаетъ цѣли. Сами же вы говорите, что боитесь сообщать невѣрные слухи, но при вашей методѣ для нихъ пищи будетъ еще болѣе. Читатель невольно ищетъ чего-то недосказаннаго въ

этомъ оголенномъ словѣ: «домъ». Невольно явятся вопросы: какой домъ? Отчего онъ не названъ? Нѣтъ ли въ этомъ умолчаніи чего-либо особеннаго? Не скрывается ли въ немъ самъ Донъ-Карлосъ испанскій, или, по крайней мѣрѣ, австрійскій шпіонъ? Не живетъ ли въ немъ наконецъ инкогнито вашъ знаменитый собратъ, милордъ Катковъ, о пріѣздѣ котораго въ Петербургѣ ходятъ слухи? Однимъ словомъ, мало ли можетъ быть самыхъ невѣроятныхъ предположеній.

— Ахъ, милордъ, поговорятъ и перестанутъ, но зато на моей совѣсти не будетъ лишняго грѣха...

Вслѣдъ затѣмъ этотъ джентльменъ поспѣшилъ замять разговоръ и освѣдомился, нѣтъ ли чего новаго въ Англіи. Послѣ короткаго обмѣна новостей, впрочемъ, не особенно интересныхъ, мой собесѣдникъ справлялся объ англійскихъ журналистахъ и особенно интересовался знать, подаютъ ли имъ руки наши первые министры, или, вмѣсто руки, показываютъ имъ спину. Насколько могъ, я постарался удовлетворить его любопытству и хотѣлъ уже снова идти въ камеру, какъ вдругъ собесѣдникъ мой—замѣть, Дженни, человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ, котораго никакъ нельзя назвать мальчишкой (впрочемъ, здѣсь, Дженни, «мальчишками» называютъ иногда весьма солидныхъ джентльменовъ, лѣтъ сорока и пятидесяти, особенно если эти джентльмены не имѣютъ постоянныхъ занятій), залился слезами и отъ волненія не могъ достать носового платка, такъ что я поспѣшилъ предложить свои услуги... Я взялъ почтеннаго русскаго подъ руку и вывелъ его на крыльцо, гдѣ воздухъ все-таки былъ нѣсколько лучше.

— Благодарю васъ, милордъ. Не обращайте на меня вниманія. Идите изучать нравы... Это такъ... пройдетъ...

— Но что съ вами? Правда, воздухъ на лѣстницѣ отвратительный, но вы, какъ столичный житель, вѣроятно, акклиматизировались...

— Конечно... конечно... Что воздухъ? Ахъ, милордъ, тутъ не воздухъ... тутъ цѣлая трагедія... Кажется, стараешься, изъ кожи лѣзешь вонъ, съ сотрудниками ссоришься, чтобы и невинность была соблюдена, и чтобы не остаться, какъ у насъ говорится, на бобахъ, и все-таки иногда такъ трудно... такъ трудно, что иной разъ мелькаетъ мысль бросить все и уѣхать въ Турцію.

Я рѣшительно былъ въ недоумѣніи насчетъ непосредственной причины этого эпизода. Я предложилъ почтенному джентльмену присѣсть, собираясь посмотрѣть, сядетъ ли онъ на ступеньку крыльца съ тою же свободою, съ которою сдѣлаю это я, но оказалось, что онъ сѣлъ, не поморщившись. Натурально, я не рѣшался безпокоить его дальнѣйшими разспросами и заключилъ изъ дальнѣйшихъ отрывочныхъ его фразъ, что нервы его разстроены неопредѣленностью политическаго положенія и неизвѣстностью ближайшаго будущаго до такой степени, что путешествіе, хотя бы и въ Турцію, является достаточнымъ лѣкарствомъ.

Въ виду поздняго времени я не могъ дождаться разбора дѣла по обвиненію журналиста и ушелъ изъ суда.

Письмо девятое.

Дорогая Дженни!

Въ этой гостепріимной странѣ въ системѣ общественнаго воспитанія боксъ играетъ немаловажную — если не самую выдающуюся — роль. Ты нерѣдко могла бы видѣть на улицахъ довольно оригинальный способъ отрезвленія пьяныхъ. Сперва ихъ, что называется, «толкнутъ», потомъ зададутъ «встряску», послѣ которой, какъ говорятъ, проходитъ самое сильное опьянѣніе и человѣкъ приходитъ въ себя.

Подобная система публичнаго воспитанія, само собою разумѣется, не остается безъ подражанія, и потому, читая русскія газеты, ты то и дѣло наталкиваешься на извѣстія, что кто-нибудь да кого-нибудь непремѣнно бьетъ съ воспитательной или охранительной цѣлью.

Въ Москвѣ, напримѣръ, стали замѣчать усиленную наклонность къ вышибанію зубовъ. Съ одной стороны, не зѣваютъ московскіе полисмены, съ другой стороны, не зѣваютъ и граждане. Недавно одинъ русскій сообщалъ въ газетахъ, что онъ пришелъ на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, въ товарную контору, для предъявленія квитанціи и полученія по ней товара. «Вмѣсто исполненія своей просьбы,— пишетъ русскій: — я услышалъ хорошо знакомое: «приди завтра», и позволилъ замѣтить, что мнѣ неудобно каждый день, и все понапрасну, путешествовать на станцію, и что пора бы уже выдать товаръ, такъ какъ онъ полученъ 28-го числа. На это справедливое, какъ полагаю, замѣчаніе я, къ удивленію своему, услышалъ отъ одного изъ служащихъ: «ахъ ты, нѣмецкая морда, чего ты тутъ стоишь? Или по затылку стукнуть?» Изъ опасенія, чтобы въ самомъ дѣлѣ не поплатиться затылкомъ, мнѣ оставалось только отступить, что я и исполнилъ съ понятной поспѣшностью».

Изъ этой краткой замѣтки видно, что русскіе при сношеніяхъ съ желѣзнодорожными агентами «позволяютъ себѣ замѣчать» крайне осторожно, находясь въ постоянной боязни «поплатиться затылкомъ». Отсюда весьма естественна та «понятная поспѣшность», съ которою русскіе отступаютъ при одномъ напоминаніи о затылкѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что русскіе весьма поспѣшно даютъ кому-либо «въ зубы» или получаютъ отъ кого-либо «въ зубы».

Подобный образъ дѣйствій здѣсь называютъ, съ одной стороны, «просить честью», а съ другой стороны—«получить удовлетвореніе». Если же по неосторожности будетъ пролита кровь, то тогда говорятъ: съ одной стороны—«принять мѣры», съ другой—«получить непріятность». При этомъ надо замѣтить, что, живя здѣсь, постоянно или видишь, или слышишь, или читаешь о вышеназванныхъ проявленіяхъ взаимныхъ отношеній.

Я, кажется, писалъ тебѣ, что ругаются въ Россіи мастерски, доходя до виртуозности. Дерутся хуже, безъ всякихъ правилъ, не имѣя никакой выработанной теоріи. Оттого здѣсь такъ часто приходится слышать о переломленныхъ ребрахъ и видѣть вышибленные зубы, но зато, надо отдать справедливость, въ дракахъ русскіе весьма быстро мѣняютъ аллюры, переходя отъ зубовъ къ глазамъ, отъ глазъ къ животу и т. д., и почти всегда дерутся до искровененія.

Обыкновенно дѣлается это съ цѣлями весьма похвальными: исправить кого-либо, или внушить какія-либо понятія высшаго порядка.

Недавно, по словамъ здѣшнихъ газетъ, у здѣшняго мирового судьи 11-го участка разсматривались двѣ жалобы бывшихъ надзирателей дома предварительнаго заключенія: Никифорова и Шершова, обвинявшихъ управляющаго домомъ предварительнаго заключенія, г. Григорьева.

Бывшій младшій надзиратель по вольному найму, г. Никифоровъ, въ жалобѣ своей заявилъ, что, имѣя надобность, по домашнимъ обстоятельствамъ, отправиться на родину, онъ подалъ 16-го мая управляющему Григорьеву прошеніе объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности, но получилъ отвѣтъ: «Я тебя не уволю до тѣхъ поръ, пока не отсидишь подъ арестомъ за то, что смѣешь отказываться отъ мѣста». Не зная результата своего прошенія, Никифоровъ дня черезъ два пошелъ вторично къ управляющему за отвѣтомъ, но тотъ встрѣтилъ его площадными ругательствами, въ родѣ «мерзавецъ» и т. п., а 19-го мая, въ 11 часовъ вечера, Никифоровъ былъ арестованъ по приказанію управляющаго и отправленъ въ Литейную часть, гдѣ и просидѣлъ до 20-го мая. Никифоровъ просилъ привлечь Григорьева къ уголовной отвѣтственности.

Г. Шершовъ заявилъ слѣдующее:

13-го мая, въ помѣщеніи правленія дома предварительнаго заключенія, г. Григорьевъ, будучи при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, нанесъ Шершову нѣсколько ударовъ по головѣ и до десяти пощечинъ, и наконецъ схватилъ его за волосы и нѣсколько разъ ударилъ его головою объ стѣну. Въ подтвержденіе своей жалобы Шершовъ сослался на десятерыхъ свидѣтелей.

Мировой судья призналъ дѣло себѣ неподсуднымъ и прекратилъ производство его.

Пожалуйста, не подумай, Дженни, что эти «десять пощечинъ» и «нѣсколько ударовъ по головѣ» были сдѣланы съ какою-нибудь иной цѣлью, кромѣ воспитательной... Если русскіе непрочь задавать часто другъ другу потасовки, то, разумѣется, съ самыми благими намѣреніями. У насъ, какъ ты знаешь, на этотъ счетъ понятія извращены, и русскіе не безъ нѣкотораго основанія называютъ насъ коварными торгашами. Всякая потасовка такого рода, не вызванная обоюднымъ согласіемъ, называется у насъ самоуправствомъ, но русскіе называютъ ихъ иначе.

— Мы, милордъ, называемъ это самоуправленіемъ, а не самоуправствомъ! — разсказывалъ мнѣ въ откровенной бесѣдѣ одинъ русскій.

— Какъ?—спросилъ я, нѣсколько удивленный.

— Самоуправленіемъ... Self-government... Понимаете?

— Понимаю.

— Такъ и скажите своимъ соотечественникамъ!.. Сегодня я съѣздилъ по уху, завтра меня съѣздятъ... ни для кого не обидно. Одинъ получилъ порцію оплеухъ и другой получилъ такую же порцію,—такимъ образомъ всѣ граждане имѣютъ одинаковое преимущество получать порціи, правильно и равномѣрно распредѣленныя...

Онъ сталъ развивать мнѣ свою систему, и система его, по мѣрѣ развитія, получала цѣльный и законченный видъ, такъ что хоть сейчасъ бы ее въ книгу русскаго профессора Лохвицкаго, написавшаго обзоръ различныхъ конституцій.

— Тѣмъ-то мы и сильны, милордъ, что мы тычки не считаемъ... Оттого народъ нашъ... только свистни—готовъ хоть въ Лондонъ пѣшкомъ по морю пройти...

Скажу тебѣ откровенно, Дженни, что джентльменъ, говорившій такимъ манеромъ, былъ отставной генералъ Зуботычинъ, который на своемъ вѣку, какъ мнѣ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, вышибъ болѣе милліона зубовъ, переломалъ до двухъ тысячъ реберъ и испортилъ до ста глазъ... Онъ, во время оно, спеціально занимался внутренней политикой и теперь находится не у дѣлъ, вслѣдствіе чего и пишетъ проекты о самоуправленіи, потерпѣвъ недавно фіаско по службѣ въ полевомъ интендантствѣ...

Такіе поклонники самоуправленія встрѣчаются-таки часто, особенно въ провинціи. Они очень патріархальные люди и дерутся патріархально.

Немалому риску получить переломъ реберъ подвергаются, Дженни, въ Россіи также и бѣдные провинціальные корреспонденты, такъ какъ патріархальные обыватели провинціи совсѣмъ не любятъ, когда о нихъ является какое-либо извѣстіе въ газетахъ. Несмотря на то, что вслѣдствіе не разъ мною восхваляемой русской добродѣтели — скромности, провинціальныя корреспонденціи ограничиваются весьма незначительнымъ кругомъ явленій, провинціалы и этого не хотятъ и на каждаго корреспондента или даже на человѣка, умѣющаго писать нѣсколько грамотно, смотрятъ какъ на какого-то разбойника, надъ которымъ обязательно слѣдуетъ примѣнять законъ Линча, такъ что здѣсь приходится часто читать о выходкахъ въ подобномъ направленіи. Не такъ давно была напечатана корреспонденція, въ которой какая-то мѣстная особа была названа Мухтаромъ (русскіе, Дженни, до сихъ поръ еще продолжаютъ употреблять имена турецкихъ пашей въ ругательномъ смыслѣ!), при чемъ описывались воинственныя наклонности

этого лица,—наклонности, не вполнѣ совпадающія съ благочиніемъ. Вслѣдствіе такой корреспонденціи нѣсколько выдающихся мѣстныхъ джентльменовъ, подъ предводительствомъ мѣстной особы, собрались на митингъ и, по словамъ одной изъ русскихъ газетъ, «послѣ непродолжительныхъ преній» постановили слѣдующія резолюціи относительно корреспондента:

1) переломать ему ребра,
2) написать возраженіе и
3) вообще «доѣхать» корреспондента.

Я цитирую буквально. Обрати однако вниманіе, Дженни, на слѣдующее обстоятельство: переломъ реберъ, какъ видно, не считается за окончательную мѣру, такъ какъ послѣ пункта о переломленіи реберъ слѣдуетъ еще третій пунктъ, въ которомъ постановлено «доѣхать» корреспондента. Что значитъ «доѣхать», я объяснить тебѣ точно не могу. Русскій языкъ такъ богатъ, что иностранцу очень трудно бываетъ попять нѣкоторыя выраженія. Принимая однако въ соображеніе, что третій пунктъ поставленъ послѣднимъ, и что исполненіе его должно послѣдовать послѣ перелома реберъ, я полагаю, что «доѣхать» значитъ «переломить поясницу» или что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ какъ, очевидно, русскіе не считаютъ, что переломать ребра слишкомъ достаточно, чтобы доѣхать человѣка. Если бы было достаточно, то къ чему еще третій пунктъ?

Иногда русскіе производятъ другъ на друга нападенія при помощи набираемой ими милиціи и, по примѣру военныхъ людей, ведутъ въ такомъ случаѣ совершенно правильную войну съ своими согражданами. Такъ, недавно въ русской газетѣ «Правда» былъ помѣщенъ слѣдующій разсказъ:

«Гласный екатеринославской городской думы, докторъ Стадіонъ, пріобрѣлъ съ публичныхъ торговъ около 1.500 десятинъ земли въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, принадлежащей вдовѣ полковника Строевой. Строева отдала эту землю до публичныхъ торговъ въ арендное содержаніе нѣкоему купцу Понятовскому. Получивши данную на владѣніе купленною землею, новый владѣлецъ Стадіонъ началъ искъ въ екатеринославскомъ окружномъ судѣ объ уничтоженіи арендпаго договора, заключеннаго прежнею владѣлицею Строевой, будто бы по фиктивности его. Окружный судъ призналъ договоръ фиктивнымъ; но одесская судебная палата, отмѣнивъ рѣшеніе суда, возстановила силу договора. Тогда воинственный гласный обращается къ самосуду, вооружаетъ дубинами около 150 человѣкъ крестьянъ (которые послушались его подъ вліяніемъ выпитаго вина и вслѣдствіе увѣщаній), раздѣляетъ ихъ на два отряда и устремляетъ атаку на домъ арендатора своего. Авангардомъ предводительствовалъ управляющій Стадіона, а главными силами распоряжался самъ Стадіонъ. Авангардъ, стремительно бросившись на домъ арендатора Понятовскаго, завладѣлъ имъ

Главныя силы заняли амбары и прочія постройки. Въ нѣсколько минутъ все было выброшено на дворъ изъ дома и построекъ, за исключеніемъ вещей, находящихся въ одной комнатѣ, въ которой заперся Понятовскій и, несмотря на полученную рану въ руку, энергически защищался. Вскорѣ на мѣсто брани, по извѣщенію семейства осажденнаго, явился становой приставъ, разъяснилъ генералиссимусу и собраннымъ подъ его командою войскамъ неумѣстность военныхъ дѣйствій въ мирной странѣ и попросилъ ихъ внести выброшенныя вещи въ домъ и помѣщенія при домѣ. О воинственныхъ дѣйствіяхъ Стадіона донесено прокурору окружнаго суда».

Большіе вояки, Дженни, русскіе. До слѣдующаго письма.

Письмо десятое.

Дорогая Дженни!

Прочитывая извѣстія о берлинскомъ конгрессѣ,—ими наполнены теперь всѣ газеты,—я несомнѣнно убѣждаюсь главнымъ образомъ въ томъ, что у господъ дипломатовъ прежде всего должны быть чертовски крѣпкіе желудки, такъ какъ съѣдать ежедневно по пятнадцати блюдъ на парадныхъ обѣдахъ, не говоря уже о завтракахъ и ужинахъ,—это, какъ хочешь, вещь рискованная, особенно для уполномоченныхъ, изъ коихъ старшему 87 лѣтъ, а младшему 52 года. А не ѣсть всѣхъ блюдъ рѣшительно невозможно. Если, положимъ, Бисмаркъ положитъ себѣ на тарелку порцію перепеловъ по-австрійски и не дотронется до нѣжнаго поросенка по-русски, то онъ, разумѣется, поступитъ недипломатически, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ этихъ парадныхъ обѣдахъ всѣ кушанья имѣютъ, такъ сказать, дипломатическій характеръ, и волей-неволей надо ѣсть весь обѣдъ, начиная съ супа по-англійски и кончая пломбіеромъ по-турецки, хотя бы послѣ обѣда и пришлось обратиться къ помощи горчичниковъ для приготовленія желудка къ воспринятію на слѣдующій день новыхъ пятнадцати дипломатическихъ блюдъ. Всѣмъ хорошо этимъ дипломатамъ! Имъ и почету много, и жалованье такое, что не надо прибѣгать къ плутнямъ (если они этимъ занимаются, Дженни, то по обязанностямъ службы), и имена ихъ будутъ записаны въ исторіяхъ съ тѣми или другими эпитетами; но одно только скверно, что желудки ихъ обречены на удрученное состояніе. Замѣть себѣ, Дженни, что парадные обѣды только-что начались, а въ перспективѣ еще нескончаемый ихъ рядъ, такъ какъ, несмотря на предварительныя соглашенія и взаимныя совѣщанія, конгрессъ подвигается туго; султанъ Гамидъ, того и гляди, отправится ad patres, а настроеніе нѣкоторыхъ уполномоченныхъ самое удрученное.

Когда, Дженни, собаки дѣлятъ кость, то онѣ откровенно ворчатъ и послѣ небольшой конференціи мигомъ задаютъ другъ другу потасовку, но когда люди—да къ тому-жъ еще дипломаты—дѣлятъ какой-нибудь кусокъ, то они, конечно, не ворчатъ, какъ собаки, а гдѣ возможно на-

дуваютъ, гдѣ невозможно—грозятъ арміей и флотомъ, ставя на видъ, что дозволить одной арміи вцѣпиться въ другую—это значитъ доставить имъ большую честь, не говоря уже о царствіи небесномъ для солдатъ. И каждый очень хорошо понимаетъ, что особенныхъ затрудненій въ этомъ быть не можетъ для государства, гдѣ солдатъ можетъ быть набрано очень много, а государственныхъ людей очень мало. Когда солдаты еще свѣжи, флотъ цѣлъ и деньги есть, то настроеніе пріятное, но если солдаты уже порядкомъ израсходованы, денегъ вовсе мало, доставать ихъ трудно, и флота нѣтъ, то настроеніе дѣлается самое удрученное. Это яснѣе дня, дорогая Дженни, не только для дипломатовъ, но даже и для обыкновенныхъ смертныхъ, не имѣющихъ возможности ежедневно поглощать по пятнадцати блюдъ за обѣдомъ.

Если ты подумаешь, что дипломатическіе конгрессы собираются ради такъ-называемаго на дипломатическомъ языкѣ «блага народовъ», то ты будешь похожа на ту маленькую дурочку, которая, увидавъ однажды, какъ хорошо играла кошка съ крысой, подумала простодушно, что кошка имѣетъ относительно крысы самыя благородныя намѣренія. О конгрессахъ до сихъ поръ вспоминаютъ, но какъ вспоминаютъ—объ этомъ едва ли надо прибавлять...

Газеты, какъ ты знаешь, ежедневно сообщаютъ самыя тщательныя свѣдѣнія о времяпрепровожденіи на берлинскомъ конгрессѣ. Кто что ѣстъ, какъ ѣстъ, ходитъ ли съ палкой, какъ Дизи, или держится граціозно, словно гибкій тростникъ, какъ графъ Андраши, какого цвѣта носовые платки и какія выраженія лицъ у господъ уполномоченныхъ—объ этомъ мы, благодаря Бога, знаемъ въ подробности. Оказывается, что нашъ лукавый Дизи находится въ томъ пріятномъ настроеніи, въ которомъ можетъ находиться чертовски-самолюбивый человѣкъ, прошедшій огнь и воду политической карьеры и сдѣлавшійся изъ недурного романиста и простого эсквайра, благодаря несомнѣнному уму и гибкости убѣжденій, первымъ министромъ нашей страны и руководителемъ чопорныхъ лордовъ. Теперь онъ герой конгресса. Въ Берлинѣ на него глазѣютъ, и даже сэръ Катковъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что нашъ Дизи хотя и плутъ, но все же умный человѣкъ. Если прибавить къ этому, что такъ или иначе, но чувствительность его къ британскимъ интересамъ удовлетворена, самолюбіе тоже, то ты поймешь, что нашъ ловкій Дизи вполнѣ можетъ разсчитывать на мѣсто въ Вестминстерской усыпальницѣ и на память о себѣ, какъ объ очень большомъ государственномъ плутѣ, вся дѣятельность котораго была длиннымъ романомъ, хотя и безъ серьезнаго содержанія. Веселъ и игривъ и графъ Андраши, несмотря на непріятное приключеніе, бывшее съ нимъ въ Тиргартенѣ, гдѣ въ почтеннаго премьера или въ его лошадь (свѣдѣнія на этотъ счетъ не вполнѣ точны) запустили пустой бутылкой. Но что значитъ одна бутылка, да еще пустая, передъ высшими соображеніями, тѣмъ болѣе, что эта бутылка не сдѣлала

графу ни малѣйшаго вреда? Онъ могъ, смѣясь, разсказывать объ этомъ приключеніи, разсчитывая, что если въ дальнѣйшей его политической карьерѣ ему придется имѣть дѣло только съ пустыми бутылками, то это еще слава тебѣ Господи. Почтенный хозяинъ, принимающій у себя въ канцлерскомъ дворцѣ именитыхъ гостей, какъ сообщаютъ, значительно повеселѣлъ, но почему повеселѣлъ—не говорятъ. Мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что князь повеселѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣднія событія вызвали его съ лона природы и укрѣпили его вліяніе на внутреннюю политику, до которой онъ такой же охотникъ, какъ и до внѣшней. Для подобныхъ людей, какъ Бисмаркъ, лишняя порція власти безъ помѣхъ посторонняго вліянія—самое лучшее лѣкарство, и недаромъ вмѣстѣ съ желѣзнымъ канцлеромъ повеселѣли и его кислосладкіе соотечественники, увѣренные, что князь приметъ самыя надлежащія мѣры, которыя все поправятъ, все устроятъ и все приведутъ къ одному знаменателю. Нѣмецъ въ большинствѣ случаевъ довѣрчивъ, и ужъ если лакей, то совсѣмъ лакей, безъ удержа. Такой нѣмецъ такъ вѣритъ въ Бисмарка, что наивно полагаетъ, что если Бисмаркъ поколотилъ французовъ, задалъ страху папѣ и объединилъ Германію, то онъ вытравитъ желѣзомъ и какую угодно идею.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ сбрилъ бороду,—а что онъ сбрилъ, въ томъ порукой тебѣ, Дженни, всѣ телеграфныя агентства въ Европѣ,—онъ вдобавокъ еще и значительно помолодѣлъ. Натурально, по поводу такого счастливаго событія дипломаты высказали Бисмарку немало комплиментовъ насчетъ его моложавости, но Бисмаркъ, хотя и благодарилъ всѣхъ очень привѣтливо, но привѣтливѣе всѣхъ, разумѣется, французскаго министра, за которымъ онъ на конгрессѣ такъ ухаживаетъ, что нашему и австрійскому премьерамъ дѣлается нѣсколько досадно. Что касается турецкихъ уполномоченныхъ, то они тоже не унываютъ, а покуриваютъ-себѣ папироски и поглядываютъ на русскихъ уполномоченныхъ—они, кстати, находятся въ пріятномъ vis-à-vis, такъ какъ и по французской и по русской азбукѣ, а все Россіи приходится быть въ сосѣдствѣ съ Турціей—съ небольшой улыбкой, за которую придраться и напасть на Константинополь, конечно, нельзя, но которая тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ не вполнѣ успокоительно на русскіе нервы.

Русскія газеты не вполнѣ довольны конгрессомъ. Онѣ то и дѣло повторяютъ, что и «Россія не потерпитъ», и спрашиваютъ, неужели на Шипкѣ будутъ турецкія караулки. Но такъ какъ на такіе вопросы никто имъ не отвѣчаетъ, то онѣ снова говорятъ, что Россія не потерпитъ, и снова спрашиваютъ, неужели на Шипкѣ будутъ турецкія караулки, при чемъ ставятъ безчисленное множество знаковъ удивленія. Но по мѣрѣ того, какъ выясняется, что конгрессъ допустилъ турецкія караулки, знаки удивленія отъ караулокъ снимаются и переходятъ къ дальнѣйшимъ вопросамъ, еще не рѣшеннымъ конгрес-

сомъ. Я освѣдомлялся у нѣкоторыхъ журналистовъ, къ чему это они обнаруживаютъ такую расточительность знаковъ препинанія, когда вполнѣ убѣждены, что ставь не ставь знаки, а на конгрессѣ этихъ знаковъ въ соображеніе не принимаютъ, но никакихъ основательныхъ разъясненій получить не могъ. Правда, одинъ сотрудникъ русской газеты, вмѣсто прямого отвѣта, сталъ объяснять мнѣ, что средства Россіи громадны, и что, имѣя возможность выставлять ежегодно милліонъ новаго геройскаго войска, Россія можетъ безъ страха противостоять всему міру, но я хотя и не позволилъ себѣ слишкомъ ясно усомниться въ здоровьѣ почтеннаго джентльмена, предлагавшаго ежегодно истрачивать по милліону солдатъ, тѣмъ не менѣе осторожно выразилъ сомнѣніе, не придется ли при такой системѣ черезъ нѣсколько лѣтъ выставлять вмѣсто взрослыхъ солдатъ грудныхъ младенцевъ?

— А хоть бы и грудныхъ младенцевъ! Русскіе грудные младенцы, милордъ, если на то пошло, станутъ драться, какъ львы!—воскликнулъ русскій журналистъ и при этомъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза такъ ясно, что мнѣ оставалось только благоразумно замолчать.

Этотъ журналистъ, Дженни, уже давно оставилъ мысль о Константинополѣ; онъ уже давно не говоритъ ни полслова о Царьградѣ, но, разумѣется, продолжаетъ бранить Дизи, недавно еще назвалъ его маньякомъ, зная очень хорошо, что за это его Дизи къ суду не притянетъ, и что Дизи во всякомъ случаѣ привыкъ къ самымъ разнообразнымъ эпитетамъ въ своемъ собственномъ отечествѣ. Сэръ Краевскій тоже всѣ бѣды приписываетъ Биконсфильду. Если,—говоритъ онъ въ своей почтенной газетѣ,—спустить его изъ кабинета, то и караулокъ на Шипкѣ не будетъ. Но и этотъ маститый журналистъ уступаетъ шагъ за шагомъ совершающимся фактамъ, такъ что если бы, Дженни, ты посмотрѣла русскія газеты, то настроеніе ихъ могло бы выразиться въ слѣдующей табличкѣ за недѣлю:

Понедѣльникъ. Ни одной уступки!

Вторникъ. Россія не потерпитъ!

Среда. Эту уступку мы можемъ, а больше—ни за что!

Четвергъ. И эту уступку, пожалуй, мы можемъ, но тутъ предѣлъ!

Пятница. Турецкіе гарнизоны въ Балканахъ, гдѣ пролита кровь столькихъ русскихъ,—ну, ужъ это шалишь!

Суббота. Едва ли будетъ резонно допускать турокъ въ Балканы!

Воскресенье. По крайней мѣрѣ, мы можемъ надѣяться, что турки очистятъ крѣпости!

Такимъ образомъ тонъ русскихъ газетъ понижается постепенно, и, разумѣется, когда труды конгресса будутъ окончены, то онъ совпадетъ совершенно съ тѣмъ дипломатическимъ актомъ, который заступитъ или, вѣрнѣе, видоизмѣнитъ санъ-стефанскій договоръ. Но напрасно ты припишешь такую сдержанность тона одному счастливому совпаденію. Стоитъ только почтеннымъ дипломатамъ на конгрессѣ неожиданно

разстаться, чтобы разрѣшить вопросъ о благѣ народовъ посредствомъ усиленнаго кровопусканія, и ты можешь быть увѣрена, что тотъ же мистеръ Суворинъ, который теперь оставилъ мысль о Царьградѣ, какъ мысль невозможную, снова станетъ печатать патріотическую русскую пѣсню о нашемъ покойномъ Пальмерстонѣ во всѣхъ отдѣлахъ своей газеты и снова станетъ приглашать читателей на дачи къ берегамъ Босфора. Точно также и сэръ Краевскій немедленно скажетъ: «Мы это предвидѣли» (этотъ журналистъ, Дженни, всегда предвидитъ!) и крикнетъ «ура!», а мистеръ Комаровъ станетъ печатать, что русскіе могутъ истреблять не милліонъ, какъ говорилъ его сотрудникъ, а два милліона солдатъ въ годъ.

Вообще, сколько я замѣтилъ, русскіе не любятъ строго-опредѣленныхъ программъ и, какъ кажется, избѣгаютъ ясно намѣченныхъ цѣлей. Подобная тенденція замѣчается во всѣхъ проявленіяхъ ихъ общественной жизни... Отъ этого они нерѣдко (особенно по отношенію къ кассамъ) зарываются несравненно далѣе того, чѣмъ бы слѣдовало и по закону, и по обычаю, и по вниманію къ чувству зависти своихъ товарищей, и когда увидятъ, что зарвались, тогда только обыкновенно хлопаютъ себя по лбу и говорятъ: «Ахъ, я телятина!» При такихъ случаяхъ они дѣлаются поневолѣ скромны, какъ телята, такъ какъ нерѣдко натыкаются на препятствія, предвидѣть которыя, казалось бы, обязательно даже и для теленка...

Года два тому назадъ здѣсь, въ Петербургѣ, было такое возбужденіе славянскимъ дѣломъ, что даже мѣстные становые сочли долгомъ собирать пожертвованія съ крестьянъ, чтобъ не отстать отъ общаго теченія, а теперь никакого возбужденія незамѣтно, и если газеты говорятъ на всѣ лады о «чувствахъ русскаго народа», то повѣрь, что это только усвоенная manière de parler и больше ничего. Правда, теперь мѣстные становые могутъ заняться сборами на добровольный флотъ, но я не знаю еще, есть ли на это прямое разрѣшеніе начальства, хотя и не сомнѣваюсь, что если разрѣшеніе будетъ, то дѣло это пойдетъ, какъ по маслу. На основаніи этого, конечно, было бы болѣе чѣмъ странно утверждать, что русскій народъ только и думаетъ о томъ, какъ бы снова воевать и лишиться цвѣта своего населенія.

Сколько мнѣ приходилось наблюдать и бесѣдовать съ русскими, воинственное настроеніе, значительно охватившее было средніе классы, теперь уступило мѣсто угомленію, и вопросъ о «братушкахъ» (такъ называютъ теперь болгаръ) потерялъ всю прелесть интереса, такъ какъ вопросъ этотъ, какъ кажется, былъ вызванъ совершенно искусственно. Повидимому, всѣ желаютъ мира, хотя и не стѣсняются при этомъ бранить лорда Биконсфильда. Особенно должны его желать русскіе солдаты, которые, по свидѣтельству медицинскаго инспектора арміи, напечатанному недавно въ одной изъ здѣшнихъ газетъ, хотя пользуются и «доброкачественнымъ» тифомъ, тѣмъ не менѣе болѣз-

ненность очень сильна; по исчисленію инспектора, къ 1-му іюня во всей арміи было свыше 50.000 больныхъ, при чемъ смертность составляетъ пять процентовъ. Согласись, Дженни, что и при доброкачественномъ тифѣ попасть въ число этихъ пяти процентовъ не особенно пріятно, не говоря уже о маломъ удовольствіи выносить этотъ доброкачественный тифъ и пользоваться тѣми дурными санитарными условіями, которыми, частью отъ условій климата, частью и по другимъ причинамъ, принуждены, по словамъ врачей, пользоваться русскіе солдаты. Если—чего Боже сохрани!—въ русской арміи заведется еще недоброкачественный тифъ, то не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать смерть массы людей, которая вмѣстѣ съ погибшими уже отъ доброкачественнаго тифа и другихъ доброкачественныхъ болѣзней въ теченіе пяти мѣсяцевъ, протекшихъ со времени заключенія санъ-стефанскаго мира, составятъ такую цифру, передъ которой можно остановиться въ ужасѣ, если только медицинскій инспекторъ сообщитъ эту точную цифру. Прикинь къ этому число убитыхъ и умершихъ до санъ-стефанскаго договора—и ты поймешь тогда, что пирамида изъ людскихъ тѣлъ слишкомъ велика, чтобы конгрессъ долго затягивался.

Ты читала, Дженни, корреспонденціи «Daily News» и другихъ нашихъ газетъ, описывавшихъ скромную безпритязательность русскихъ солдатъ въ пищѣ. Разумѣется, эта безпритязательность не остается безъ вліянія на развитіе тифа, хотя русскіе и утверждаютъ, что будто то, что русскому здорово, то нѣмцу смерть.

Письмо одиннадцатое.

Дорогая Дженни!

Нѣсколько дней здѣсь стоятъ чисто-африканскія жары, такъ что дышать въ той раскаленной печи, на которую похожъ Петербургъ лѣтомъ, дѣлается очень трудно. Если къ духотѣ ты прибавишь благорастворенія, исходящія изъ канавъ, помойныхъ ямъ и другихъ общественныхъ клоакъ, то ты хорошо поймешь, что пребываніе въ Петербургѣ лѣтомъ является нѣсколько рискованнымъ для иностранца, не привыкшаго къ тѣмъ спеціальнымъ запахамъ, которыми такъ богата, особенно лѣтомъ, русская столица. У меня въ виду есть большое дѣло,—я не говорю еще о немъ, Дженни, до тѣхъ поръ, пока оно не выяснится окончательно, — и потому я по необходимости долженъ оставаться въ Петербургѣ. По счастію, я имѣлъ нѣсколько приглашеній отъ русскихъ знакомыхъ, живущихъ на дачахъ, по возможности часто пользуюсь ими и провожу нѣкоторые дни очень пріятно, то въ Петергофѣ, то въ Ораніенбаумѣ, то въ Павловскѣ.

Вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, дѣлающихъ жизнь въ Петербургѣ лѣтомъ невыносимой, здѣсь существуетъ обыкновеніе съ наступленіемъ лѣта переселяться на дачи. Переселеніе идетъ въ большихъ размѣрахъ. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня по городу то и дѣло

двигаются возы съ мебелью и другимъ домашнимъ скарбомъ, обыкновенно подвергающимся порчѣ и ломкѣ, такъ какъ существующія здѣсь орудія передвиженія тяжестей такъ и называются «ломовыми», какъ бы объясняя своимъ названіемъ цѣль ихъ назначенія. Еще никто изъ здѣшнихъ членовъ центральнаго статистическаго комитета не дѣлалъ, какъ кажется, статистическихъ выкладокъ, во что обходится петербургскому населенію ежегодная ломка перевозимаго такимъ образомъ имущества, но что она должна быть значительна, въ этомъ усомниться нельзя; стоитъ только проѣхать по городу, чтобы увидать, во что можетъ обратиться мебель, путешествующая на такъ-называемыхъ «ломовыхъ», или увидать, съ какою божбою русскіе извозчики утверждаютъ, что все будетъ цѣло и что безпокоиться нечего. И только по пріѣздѣ на дачу, когда дѣйствительно безпокоиться нечего, такъ какъ мебель уже сломана, русскіе люди даютъ себѣ клятву не перевозить мебели такимъ первобытнымъ способомъ, а русскіе извозчики, потупивъ взоры, замѣчаютъ, со свойственнымъ имъ однимъ юморомъ, что мебель вообще только «маленько потерлась», и, разумѣется, просятъ на чай. На слѣдующій годъ повторяется та же исторія, то-есть та же ломка.

Всякій петербургскій житель, имѣющій малѣйшую возможность оставить на лѣто столицу, переселяется на дачи, приспособленныя ко всякимъ требованіямъ. Есть дачи-дворцы и есть дачи, которыя похожи на перевернутое рѣшето, съ тремя березками вокругъ, въ которомъ помѣщается цѣлое семейство небогатаго чиновника, наслаждаясь въ этомъ рѣшетѣ всѣми прелестями дачной и семейной жизни.

Болѣе состоятельные люди, которыхъ не пугаетъ паденіе курса, или тѣ джентльмены, которыхъ не пугаютъ посѣщенія судебныхъ приставовъ для описи имущества, обыкновенно отправляются на лѣто за границу и по преимуществу въ Парижъ, гдѣ, какъ извѣстно, русскіе джентльмены умѣютъ проводить время со свойственнымъ имъ однимъ искусствомъ. Люди, владѣющіе помѣстьями, дома въ которыхъ, послѣ эмансипаціи русскихъ крестьянъ, еще не пришли въ состояніе, грозящее опасностью жизни обитателей, переѣзжаютъ въ свои имѣнія, а остальное населеніе петербургскихъ высшихъ и среднихъ классовъ переѣзжаетъ въ окрестности, при чемъ группировка по общественному положенію и даже по національности замѣчается и въ выборѣ мѣстъ для лѣтняго far niente. Такъ, напримѣръ, русскій нѣмецъ особенно любитъ Парголово и Коломяги; русскій маленькій чиновникъ—Лѣсной, Черную рѣчку и Стрѣльну; чиновникъ побольше—Павловскъ, Петергофъ и Ораніенбаумъ. Лѣтомъ Петербургъ пустѣетъ, и только рабочій людъ приливаетъ въ столицу, такъ какъ въ лѣтнее время здѣсь усиливаются работы.

Вліяніе лѣта сказывается, конечно, и на теченіи дѣлъ. Русскіе вообще не особенно любятъ заниматься дѣлами съ тою усидчивостью,

съ которою занимаются иностранцы, и, какъ я писалъ въ прежнихъ письмахъ, обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ, что дѣло отъ нихъ не уйдетъ, и съ наступленіемъ лѣта они, наоборотъ, сами рѣшительно убѣгаютъ отъ дѣлъ. Въ числѣ множества отговорокъ, до которыхъ вообще русскіе большіе охотники, когда вопросъ касается дѣла, ссылка на лѣто и жары составляетъ одну изъ главныхъ, если и не утвержденныхъ никакимъ законодательнымъ биллемъ, то освященныхъ обычаемъ. Послѣ трудовъ, понесенныхъ зимой на различныхъ поприщахъ значительными общественными агентами, они обыкновенно уѣзжаютъ въ отпуски, при чемъ нерѣдко получаютъ еще пособія, называемыя здѣсь «подъемными». Названіе это ясно говоритъ тебѣ, въ чемъ дѣло. Агенту, получающему хорошее вознагражденіе, очевидно, труднѣе подняться съ мѣста, чѣмъ агенту, который, вслѣдствіе незначительности содержанія, само собою дѣлается очень легокъ на подъемъ, и потому здѣсь, сообразно подобному раздѣленію, и выдаются пособія, при чемъ сумма этихъ пособій, ежегодно выдаваемыхъ на подъемъ, представляетъ, какъ объясняли мнѣ, довольно значительную сумму. Этотъ похвальный обычай, вѣроятно, неизвѣстенъ еще въ Европѣ, потому-то европейскіе чиновники и не часто пользуются отпусками и командировками, имѣющими цѣлью изучить тотъ или другой вопросъ при помощи подъемныхъ, суточныхъ и порціонныхъ денегъ.

Такъ, на-дняхъ я встрѣтилъ одного молодого и весьма легкомысленнаго русскаго джентльмена, который отправляется въ Трувиль, при чемъ имѣетъ командировку для осмотра купаленъ.

— Порученіе весьма пріятное! — весело заключилъ названный джентльменъ:—тѣмъ болѣе, что сумма, выданная мнѣ для этой цѣли, составляетъ весьма круглую цифру.

Статистики въ Россіи не занимаются точнымъ исчисленіемъ, во что обходятся такія командировки и порученія, несомнѣнно полезныя, да и агенты не любятъ подобныхъ исчисленій, такъ какъ— говорятъ они—голыя цифры только могутъ производить непріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе чего во всѣхъ отчетахъ русскіе удивительно любятъ заниматься литературой.

Когда я полюбопытствовалъ спросить у молодого джентльмена, командированнаго для осмотра купаленъ, во сколько времени онъ полагаетъ исполнить возложенное на него порученіе, то онъ отвѣчалъ, что надѣется сдѣлать это въ три мѣсяца, послѣ чего проведетъ мѣсяцъ въ Парижѣ для приведенія въ систему своихъ наблюденій и затѣмъ мѣсяцъ гдѣ-нибудь на водахъ въ Германіи для написанія отчета и для поправленія желудка.

— Въ отчетѣ своемъ я разсмотрю устройство купаленъ, а равно и узаконенія, существующія въ Европѣ относительно подглядыванія за купающимися женщинами. Затѣмъ я привезу образчики купаль-

ныхъ костюмовъ, такъ какъ имѣется въ виду и у насъ обязательно предложить женщинамъ купаться не иначе, какъ въ купальныхъ костюмахъ, потому что подглядываніе за купающимися дамами отнимаетъ у нашихъ агентовъ слишкомъ много времени отъ прямыхъ ихъ обязанностей... и, кромѣ того, представляетъ большой соблазнъ для общественной нравственности...

Все это онъ проговорилъ совершенно серьезно, но подъ конецъ не выдержалъ и, хлопнувъ дружески меня по плечу, весело разсмѣялся и замѣтилъ:

— А, признаться, милордъ, я дьявольски люблю заглядывать въ женскія купальни... Преинтересно!

Вслѣдствіе различныхъ отпусковъ и командировокъ, различные здѣшніе office'ы въ теченіе лѣта представляютъ собою мѣста запустѣнія, куда хотя и собираются агенты, но собираются лѣниво, занимаясь болѣе всего нещаднымъ истребленіемъ папиросъ и разговорами, въ ожиданіи часа, когда, не нарушая совѣсти, можно юркнуть изъ office'а и удрать либо на дачу, либо за городъ. Такимъ образомъ просителю, имѣющему дѣло до какого-либо учрежденія, было бы болѣе чѣмъ неблагоразумно разсчитывать лѣтомъ не только на быстрое теченіе дѣла, но даже и на возможность безпрепятственно повидаться съ кѣмъ-либо изъ агентовъ, исполняющихъ болѣе сложныя обязанности, чѣмъ обязанности клерка. Здѣшніе швейцары—народъ, безъ сомнѣнія, остроумный—на вопросы наивныхъ просителей о томъ, гдѣ найти то или другое лицо, обыкновенно отвѣчаютъ неизмѣнной фразой, что, по случаю лѣтняго времени, такое-то лицо «и собаками не сыщешь», какъ бы намекая этимъ отвѣтомъ, что просителю надо дѣйствительно имѣть собачье чутье, чтобы поймать чиновника въ теченіе утра. Обыкновенно опытные люди ищутъ нужныхъ имъ джентльменовъ вечеромъ въ одномъ изъ увеселительныхъ лѣтнихъ мѣстъ и главнымъ образомъ въ такъ-называемомъ «Семейномъ саду». Если ты, Дженни, по названію будешь судить объ этомъ мѣстѣ, то ты впадешь въ большое заблужденіе; въ этомъ саду процвѣтаютъ всѣ добродѣтели, которыми богаты вообще русскіе, за исключеніемъ семейныхъ...

Въ настоящее время работаетъ множество комиссій по открытію злоупотребленій, обнаружившихся въ прошлую войну. По словамъ опытныхъ людей, едва ли комиссіи эти въ состояніи, при всемъ своемъ желаніи, достигнуть благотворной цѣли.

— Наша страна, милордъ, такая страна,—говорилъ мнѣ одинъ пожилой джентльменъ, служившій въ крымскую кампанію въ интендантскомъ вѣдомствѣ:—что комиссіи едва ли приведутъ къ какому-либо результату, такъ какъ комиссій не хватитъ для разслѣдованія всѣхъ дѣлъ. Съ другой стороны, вѣдь и въ комиссіяхъ будутъ тоже люди, а не ангелы, и слѣдовательно для надзора за этими комиссіями придется назначить еще комиссіи, такъ что въ концѣ концовъ вся страна

будетъ наполнена комиссіями, которыя будутъ стоить государству сдва ли не дороже, чѣмъ убытки, понесенные имъ отъ злоупотребленій. Разумѣется, нѣкоторые попадутъ подъ судъ и даже пострадаютъ, но такими козлами отпущенія будутъ агенты, изъ-за которыхъ сдва ли стоитъ подымать такую кутерьму. Повѣрьте опытному человѣку: и послѣ крымской войны были комиссіи, но въ концѣ концовъ кляуза разрослась въ такую непроходимую чащу и прикосновенныхъ оказалось такъ много, что сочли за лучшее плюнуть и прекратить.

Почтенный господинъ говорилъ объ этомъ съ такою увѣренностью и такъ скептически относился къ комиссіямъ вообще, что я позволилъ себѣ спросить его:

— Надѣюсь, сэръ, вы, напримѣръ, избѣгли прикосновенности?

— Напрасно вы попадѣялись, милордъ!—отвѣчалъ онъ мнѣ не безъ скрытой ироніи.—Я былъ привлеченъ сперва въ качествѣ обвиняемаго, но потомъ, когда не было достаточныхъ уликъ, я былъ оставленъ въ подозрѣніи и, какъ человѣкъ опытный, назначенъ былъ членомъ комиссіи, гдѣ снова былъ привлеченъ къ суду по доносу одного изъ обвиняемыхъ, показавшаго, что я будто вымогалъ у него значительныя суммы для того, чтобы освободить его отъ суда.

— Это, конечно, была клевета?

— Конечно, клевета, хотя и не совсѣмъ. Вымогалъ у него хотя и я, но я дѣйствовалъ по полномочію, и когда меня предали суду, то я, натурально, въ свою очередь, оговорилъ своего начальника, такъ что по поводу этого дѣла должны были назначить новую комиссію, и каково же было мое удивленіе, представьте себѣ, милордъ, когда въ числѣ членовъ этой новой комиссіи, въ свою очередь, было то самое лицо, которое оговорило меня въ вымогательствѣ и послѣ того уже успѣло оправдаться, остаться въ подозрѣніи и быть назначеннымъ въ комиссію. Скоро однако-жъ и мы, въ свою очередь, поймали его въ вымогательствѣ, такъ что его опять отдали подъ судъ, а насъ, въ свою очередь, назначили въ комиссію, такъ какъ нужны были чиновники для комиссіи *).

— Но, однако, какъ посмотрю, это было довольно путанное дѣло, сэръ?

— Да, милордъ, это такое было дѣло, что разобрать, кто въ немъ былъ правъ, кто виноватъ, кто вымогалъ въ качествѣ обвиняемаго, кто вымогалъ въ качествѣ обвиняющаго, кто бралъ деньгами, а кто только «борзыми щенками», было внѣ человѣческой возможности, и въ одинъ прекрасный день всѣ дѣла прекратили, предавъ все волѣ

---

*) Сейчасъ видно преувеличеніе коварнаго сына Альбіона. Ничего подобнаго, какъ извѣстно, не было, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ единичныхъ случаевъ, о которыхъ своевременно было сообщено въ «Русской Старинѣ».

Примѣч. переводчика.

Божіей. Такимъ образомъ я то судился, то самъ судилъ другихъ въ теченіе десяти лѣтъ, и спросите меня, виноватъ ли я или правъ, я, ей-Богу, и самъ не знаю.

— Это нѣсколько странно, сэръ!

— У насъ это не такъ странно, милордъ! Если спросите, пользовался ли я, я прямо отвѣчу: пользовался—оттого у меня два дома на Казанской есть; но кто же тогда не пользовался, и отчего одинъ я оказался бы виноватъ, когда у другихъ по три дома теперь есть, не считая еще имѣній въ Юго-Западномъ краѣ?

Какъ бы въ подтвержденіе словъ этого джентльмена насчетъ путанности подобныхъ дѣлъ, корреспондентъ газеты «Голосъ» сообщаетъ изъ Одессы, что комиссія, назначенная для разслѣдованія преступленій по подрядамъ и поставкамъ, уже написала столько протоколовъ о злоупотребленіяхъ, что они могли бы, по словамъ корреспондента, составить цѣлый томъ фантастическихъ легендъ какъ подрядчиковъ, такъ и господъ штабъ- и оберъ-офицеровъ интендантства.

«И что это за грандіозное зрѣлище!—патетически восклицаетъ русскій корреспондентъ.—Вотъ полковникъ, у котораго бурный вѣтеръ разметалъ 5.000 четвертей муки, а вмѣстѣ и 50.000 рублей у государства (цѣна была 10 рублей за четверть). Вотъ складъ 300.000 пудовъ сѣна въ такомъ пунктѣ, гдѣ его совсѣмъ не было нужно и откуда взято всего 10.000 пуд.; остальное испортилось. Вотъ наконецъ сухари, которые эксперты признали вредными даже для свиней, если-бъ и мѣшать ихъ наполовину съ мукою. Послѣдніе экземпляры этихъ издѣлій конфискованы девять дней назадъ на пароходѣ, имѣвшемъ доставить ихъ въ нашу армію. Это издѣліе наслѣдниковъ сгорѣвшей сушильни-пекарни Посоховыхъ. Наконецъ аферы чисто-интендантскія, безъ посредства компанейцевъ и поставщиковъ. Въ Румыніи поручено было самимъ властямъ печь хлѣбъ хозяйственнымъ образомъ и продовольствовать людей и лошадей—и что же? Въ пятнадцати пунктахъ оказалось: хлѣбъ сырой и съ разною примѣсью въ мукѣ, овесъ едва выколосившійся (зеленый), вмѣсто спирта водка въ 38°. Но всего не перечесть въ краткомъ письмѣ. Благодаря предсѣдательству г. Левковича, дѣло идетъ безпристрастно и энергически, несмотря на ранги и капиталы подсудимыхъ. Привлечены самые сильные въ мірѣ поставокъ. Къ сожалѣнію, г. Левковичъ уѣзжаетъ за границу для лѣченія, о чемъ всѣ жалѣютъ. Грустно было бы, если-бъ все это стушевалось и сошло на нѣтъ. У конторы Моньковскаго (взявшаго подрядъ Варшавскаго) по доставкѣ погонцевъ задержаны два милліона рублей, въ виду начетовъ за неустойки, штрафы и невыданное жалованье служащимъ. Ожидаютъ, что на мѣсто г. Левковича будетъ г. Черкасовъ».

Какъ велико число людей, уже теперь привлеченныхъ къ отвѣтственности, можешь судить по слѣдующей выпискѣ, сдѣланной мною

изъ одесской газеты «Новороссійскій Телеграфъ». По словамъ названной газеты, 17 мая былъ привезенъ весьма интересный грузъ.

«Грузъ, тщательно упакованный и опечатанный, принимали чиновники интендантства и слѣдственной комиссіи, Высочайше утвержденной для разъясненія злоупотребленій въ нынѣшнюю войну и находящейся въ настоящее время въ Одессѣ, такъ что дѣла всѣхъ восьми подкомиссій въ другихъ районахъ злоупотребленій сносятся непосредственно съ нею, какъ подвѣдомственныя. Принимаемый грузъ состоялъ изъ *вещественныхъ доказательствъ злоупотребленій*. Это привезены цвѣточки изъ пятнадцати пунктовъ складовъ запасовъ въ Румыніи. Извѣстно, что между интендантствомъ и компаніей продовольствія произошла нѣкотораго рода конкуренція; захотѣлось продовольствовать и интендантству самому непосредственно. Назначены были нѣкоторые пункты для складовъ, другіе для печенія хлѣбовъ (солдатами подъ распоряженіемъ штабъ-офицера) и т. п. И вотъ произведенія этихъ-то господъ принимаемы были комиссіей. Печальный грузъ состоялъ изъ овса зеленѣе сушенаго горошка, хлѣба совершенно сырого, такого, о которомъ не можетъ составить себѣ понятія не видавшій его; сухарей наполовину съ землею (буквально), муки съ десятью процентами рожковъ (спорынья), спирта въ 35° крѣпости и т. п. Хорошо было бы образцы эти держать въ банкахъ для нагляднаго воспоминанія. Впрочемъ, и въ банкѣ теперь держать опасно—украдутъ. Всѣхъ привлеченныхъ къ дѣламъ пока до 300 человѣкъ, изъ которыхъ до 40 полковниковъ и другихъ подходящихъ чиновъ».

Изъ сообщенія русской газеты ты видишь, что едва успѣла окончиться война, войска еще не успѣли вернуться, какъ уже работаетъ одна комиссія и восемь подкомиссій, находящихся въ другихъ «районахъ злоупотребленій», при чемъ, какъ сообщаетъ русская газета, «всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу пока до 300 человѣкъ». И это только «пока», т. е. пока работаетъ восемь подкомиссій въ восьми «районахъ злоупотребленій». Но если такихъ районовъ окажется столько, сколько мѣстъ проходили русскія войска, то какое количество комиссій и подкомиссій предстоитъ еще открыть, а равно какое количество должно быть привлечено къ дѣламъ, если пока уже привлечено 300 человѣкъ,—объ этомъ, Дженни, легко догадаться по началу...

Я недавно гдѣ-то прочелъ, будто русскій императоръ Александръ I однажды съ горестью сказалъ:

— Я увѣренъ, что у меня украли бы цѣлый флотъ, если бы нашли мѣсто, гдѣ его спрятать!

Изъ этихъ словъ, сказанныхъ самимъ монархомъ, ты можешь, Дженни, судить, каковы у русскихъ историческіе прецеденты въ этомъ направленіи. И надо правду сказать, что, послѣ прочтенія даже тѣхъ фактовъ, которые являются въ русской печати въ настоящее время, нельзя не отдать справедливости русскимъ, что въ дѣлѣ путаницы и

какой-то отваги при ограбленіи казны они превзошли рѣшительно другія націи. Въ числѣ разныхъ комиссій есть, разумѣется, и комиссія по провѣркѣ счетовъ товарищества по продовольствію. По словамъ барона Икскуля, напечатавшаго въ 136 нумерѣ «Голоса» корреспонденцію изъ Бухареста, «при обзорѣ квитанцій, переданныхъ комиссіи, она была поражена тѣми лоскутками бумаги, безъ печатей, безъ требованія войскъ, нигдѣ не записанныхъ въ отчетныхъ листахъ, многіе безъ подписей, иные безъ указанія части войскъ, а между тѣмъ по этимъ-то документамъ деньги были выданы авансомъ въ большихъ размѣрахъ, говорятъ, до 60,000.000 рублей!»

По поводу дѣйствій мистера Варшавскаго тоже, какъ говорятъ, назначена комиссія. Мистеръ Варшавскій — это тотъ самый знаменитый господинъ, который, снабжая подводами русскую армію, заключилъ, при помощи адвоката Серебряннаго, весьма двусмысленный контрактъ съ погонцами, благодаря которому могъ не только обсчитывать этихъ господъ, но довелъ ихъ до такого бѣдственнаго положенія, что они умирали съ голоду и печальная одиссея ихъ стала извѣстна во всей Европѣ. Этотъ русскій дѣлецъ еще до дѣятельности своей во время войны былъ извѣстенъ, какъ строитель желѣзныхъ дорогъ, отличившійся въ Смоленской губерніи до того, что даже русскіе крестьяне рѣшились послать депутацію въ Петербургъ съ жалобой на черезчуръ разорительный образъ дѣйствій названнаго джентльмена.

По вычисленіямъ русскихъ газетъ, мистеръ Варшавскій получилъ чистаго дохода около семи съ половиною милліоновъ только въ семь контрактныхъ мѣсяцевъ, при чемъ, по такимъ же исчисленіямъ, извѣстный русскій адвокатъ Серебряный, посвятившій свою юридическую опытность на пользу мистера Варшавскаго, за составленіе только контракта съ погонцами получилъ 10.000 рублей, а такъ какъ въ этомъ контрактѣ всего 200 строкъ, то, слѣдовательно, по 50 рублей за строчку. Изъ этого образчика гонорара, получаемаго мистеромъ Серебряннымъ, ты можешь судить, насколько Варшавскій умѣетъ оцѣнивать труды такихъ господъ. Кромѣ названнаго адвоката, при мистерѣ Варшавскомъ служитъ довольно значительное число агентовъ изъ русскихъ джентльменовъ хорошихъ фамилій.

Несмотря на назначенную комиссію, мистеръ Варшавскій, разумѣется, не особенно смущается, такъ какъ это человѣкъ весьма опытный и недаромъ пользующійся совѣтами опытнаго адвоката. Онъ не только не смущается, но еще, какъ пишутъ въ газетахъ, имѣетъ намѣреніе взять подрядъ на продовольствіе арміи, разсчитывая при помощи адвоката Серебряннаго написать такой контрактъ, благодаря которому можно будетъ съ такимъ же успѣхомъ изморивать армію, какъ онъ изморивалъ погонцевъ. Но такъ какъ получить подрядъ на свое имя, вслѣдствіе громадной европейской популярности, пріобрѣтенной имъ благодаря одиссеѣ погонцевъ, мистеръ Варшавскій не могъ, то

дѣло это было устроено черезъ подставное лицо, т. е. Варшавскій хотѣлъ получить подрядъ подъ чужимъ именемъ. Для сей цѣли былъ выставленъ мистеръ Изенбекъ, молодой еще человѣкъ, бывшій морякъ, потомъ адъютантъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, затѣмъ, по выходѣ въ отставку, распорядитель Амурской пароходной компаніи, и наконецъ, когда названная компанія была разорена, снова появившійся на свѣтъ божій въ качествѣ второстепеннаго подрядчика и наконецъ въ качествѣ кандидата на званіе генеральнаго поставщика по продовольствію арміи. Но кандидатура этого молодого джентльмена на званіе милліонера, по словамъ телеграммы, потерпѣла фіаско, и, какъ слышно, до сихъ поръ еще не рѣшено, какимъ способомъ продовольствовать армію, такъ какъ всѣ испробованные до сихъ поръ способы оказались одинаково неудовлетворительными и, какъ видишь, повели къ назначенію комиссій и подкомиссій.

Обобщая всѣ эти любопытные факты русской общественной жизни, невольно приходишь къ заключенію, что въ этомъ подрядномъ хаосѣ, въ которомъ, частью при помощи юридической науки, а частью при помощи одной науки жизни и хорошо знакомаго русскимъ людямъ правила: «не зѣвать, гдѣ можно», одинаково успѣшно обираются и люди и скоты,—рѣшительно чортъ ногу сломитъ. Мнѣ кажется, что нашъ знаменитый процессъ Тичборна явится игрушкой передъ процессомъ, если бы таковой явился на свѣтъ божій, хотя бы по одному дѣлу о Варшавскомъ.

А сколько такихъ дѣлъ и сколько, слѣдовательно, можетъ быть процессовъ,—объ этомъ нечего, кажется, и повторять, но я сомнѣваюсь, чтобы всѣ эти дѣла раскрылись во всей своей полнотѣ, по крайней мѣрѣ при жизни современниковъ. Русскіе, вслѣдствіе условій общественной жизни, наклонны къ скромности и часто знакомятся съ нѣкоторыми общественными явленіями болѣе подробно изъ устныхъ легендъ, а не другимъ способомъ.

Я не стану приводить тебѣ болѣе фактовъ, хотя ими полны корреспонденціи русскихъ газетъ. Замѣчу тебѣ только, что еще мистеръ Чичиковъ, герой геніальнаго творенія русскаго писателя Гоголя, замѣтилъ, что если бы ему дать кормить казеннаго воробья, то онъ, мистеръ Чичиковъ, составилъ бы себѣ состояніе. Если одинъ казенный воробей можетъ доставить состояніе, то что̀ можетъ доставить армія въ пятьсотъ тысячъ не воробьевъ, а солдатъ!?

Русская пресса съ весьма похвальнымъ рвеніемъ изобличаетъ всѣхъ этихъ Когановъ, Грегеровъ, Горвицовъ и Варшавскихъ... Гораздо рѣже упоминается имя желѣзнодорожнаго мистера Полякова. Ему достается меньше. Названный джентльменъ умѣетъ обдѣлывать дѣла чисто и подъ шумокъ. Такъ, подъ шумокъ, онъ построилъ «хозяйственную» желѣзную дорогу изъ Бендеръ въ Галацъ, которую никакъ не хотѣло принимать общество Одесской желѣзной дороги; подъ шумокъ онъ былъ

одно время въ компаніи съ мистеромъ Варшавскимъ, при чемъ одинъ мистеръ Варшавскій принималъ на себя стрѣлы обличенія, а мистеръ Поляковъ оставался въ сторонѣ. Но зато послѣдній умѣетъ производить надлежащую помпу, когда онъ дѣлаетъ пожертвованія. Немедленно печатаются о томъ телеграммы, и многіе такимъ образомъ помнятъ того добродѣтельнаго мистера Полякова, который пожертвовалъ суммы на классическую гимназію, принесъ въ даръ паровую баржу на Дунаѣ и недавно дачу на берегу Дона для мореходной школы, забывая того недобродѣтельнаго желѣзнодорожника, который построилъ страшно дорогія и отвратительныя желѣзныя дороги и обсчитывалъ рабочихъ такъ же чисто, какъ и мистеръ Варшавскій. Но мистеръ Поляковъ, какъ видно, человѣкъ остроумный. Онъ умѣетъ во-время сѣять, чтобы лучше пожать, и не далѣе, какъ на-дняхъ, одинъ старый джентльменъ говорилъ мнѣ слѣдующее:

— Я всегда боюсь, когда читаю, что Поляковъ дѣлаетъ пожертвованіе, такъ какъ обыкновенно послѣ такого пожертвованія мнѣ кажется, что онъ замышляетъ какую-нибудь каверзу, которая можетъ стоить государству очень дорого. Такимъ образомъ онъ не только вернетъ свое пожертвованіе обратно, но и получитъ такой процентъ, отъ котораго государственное казначейство только охнетъ.

Подобная система пожертвованій въ Россіи практикуется такъ же недурно, какъ и въ Европѣ. Гдѣ не всегда бываетъ возможно предложить пай или, какъ выражался докторъ Струсбергъ, «провизію», тогда русскіе дѣльцы прибѣгаютъ къ пожертвованіямъ, и иногда эта ловкая штука имъ удается. Такъ, мнѣ показывали въ Петербургѣ одного барина, который пожертвовалъ въ пользу одного благотворительнаго учрежденія десять тысячъ рублей, и когда за это его назначили попечителемъ, то онъ не замедлилъ украсть изъ кассы около пятидесяти тысячъ, при чемъ хвалился, что въ короткое сравнительно время на десять тысячъ нажилъ сорокъ.

Возвращаясь къ нападкамъ русской печати на вышеназванныхъ лицъ, я долженъ тебѣ замѣтить, Дженни, что эти нападки хотя и бываютъ подчасъ рѣзки, но имѣютъ по большей части слишкомъ исключительный характеръ. Читая всѣ изобличенія, которыми награждаютъ членовъ этой громадной семьи русскихъ прожектеровъ и подрядчиковъ, ты очень рѣдко замѣтишь общую связь между явленіемъ такихъ махровыхъ розъ на русской почвѣ и условіями, допускающими и поощряющими произрастаніе такихъ махровыхъ розъ. Чаще всего эти изобличенія пишутся такъ, что будто всѣ злоупотребленія происходятъ только по винѣ названныхъ дѣльцовъ, и что если бы, напримѣръ, вмѣсто Варшавскаго былъ другой, то все бы пошло какъ по маслу. Такимъ образомъ, приписывая «злодѣйству» нѣсколькихъ подрядчиковъ (и напирая особенно на еврейскую ихъ національность) изморъ русскихъ солдатъ, многіе русскіе обличители, вѣроятно, поступаютъ

такимъ образомъ единственно изъ скромности, такъ какъ иначе пришлось бы подозрѣвать ихъ въ весьма большой глупости. Нѣтъ сомнѣнія, разумѣется, что индивидуальность того или другого подрядчика имѣетъ болѣе или менѣе вліянія, но, кажется, и маленькій мальчикъ можетъ хорошо понять, что едва ли дѣло только въ перестановкѣ буквъ, изображающихъ того или другого подрядчика. Нападки и изобличенія, которымъ подвергались гг. Коганъ, Грегеръ и Горвицъ, вызвали въ свое время подробный отвѣтъ съ ихъ стороны, но это былъ такой дѣтскій отвѣтъ, что ему, очевидно, никто не повѣрилъ. Такъ, эти почтенные джентльмены вмѣсто фактическихъ данныхъ приводили въ оправданіе заявленія о своемъ патріотизмѣ, при чемъ заявляли, что подрядъ имъ не только не принесъ ни фартинга дохода, но что, напротивъ, они сами лишились послѣдняго фартинга и должны были сѣсть на пароходъ и возвратиться въ Россію въ одномъ нижнемъ платьѣ, такъ какъ все верхнее платье было ими отдано на пользу русскаго побѣдоноснаго войска. Въ заключеніе они даже настаивали на благодарности потомства и чуть ли не требовали постановки себѣ еще при жизни памятника въ одномъ изъ городовъ въ Болгаріи.

Подобная наглость или наивность (назови, какъ хочешь), конечно, никого не могла убѣдить, и описаніе ихъ подвиговъ, сдѣланное ими самими, доставило только случай читателямъ лишній разъ посмѣяться.

Мистеръ Варшавскій, тотъ поступилъ умнѣе. Онъ, по крайней мѣрѣ, не требовалъ себѣ памятника, а упорно молчалъ и до сихъ поръ молчитъ на всѣ изобличенія, печатаемыя про него въ газетахъ. Правда, мистеръ Варшавскій очень недоволенъ русскими литераторами и, по словамъ одного изъ иностранныхъ журналистовъ, приведеннымъ въ газетѣ «Новое Время», «почти каждый день повторяетъ разъ восемь или десять, что за всю русскую печать онъ не далъ бы ни гроша», но съ публичными объясненіями все-таки еще не выступалъ. Его вѣрный другъ и сообщникъ, maître Серебрянный тоже помалчиваетъ, и это тѣмъ болѣе странно, что мистеръ Серебрянный, какъ кажется, умѣетъ весьма недурно излагать свои мысли на бумагѣ и слѣдовательно могъ бы помочь въ этомъ своему помощнику по ограбленію погонщевъ и сотруднику по наживѣ...

Мнѣ кажется, что вмѣсто того, чтобы требовать себѣ пямятника, эти джентльмены могли бы напечатать, если-бъ имѣли то же мужество откровенности, которое они выказываютъ въ остальныхъ дѣлахъ, открытое письмо, которое, если и не сдѣлало бы названныхъ джентльменовъ болѣе почетными, то, по крайней мѣрѣ, показало бы, что все совершаемое ими принадлежитъ къ такой категоріи дѣлъ, которая считается не только ими самими, не только нѣкоторыми общественными учрежденіями, но и большинствомъ интеллигенціи не противною существующимъ условіямъ общественныхъ отношеній, и слѣдова-

тельно нечего пенять на зеркало, если рожа крива, какъ говорятъ русскіе.

Однако пора кончить.

Письмо двѣнадцатое.

Дорогая Дженни!

Я тебѣ въ письмахъ нерѣдко говорилъ о русскихъ газетахъ. Чтобы полнѣе познакомить тебя съ ними, посылаю тебѣ краткое извлеченіе цѣлаго нумера одной изъ здѣшнихъ газетъ. По одному нумеру ты можешь судить болѣе или менѣе о характерѣ большинства русскихъ газетъ.

«АНТИМОНІЯ».

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Цѣна ей 17 рублей.

С.-Петербургъ, 15 іюня 1878 г.

Вчера мы говорили, что для русскаго чувства будетъ прискорбно, если конгрессъ допуститъ турокъ занять горные проходы въ Балканахъ. Оказывается, что это уже рѣшенный фактъ...

Западная Европа должна однако знать, что смиреніе русскаго народа имѣетъ свои предѣлы. Именно въ видахъ сохраненія русскаго мира необходимо, чтобы всѣ члены конгресса знали, гдѣ кончается уступчивость и начинается непреклонная сила. Необходимо поставить Европѣ на видъ, что никогда ей не удастся ни принизить Россіи, ни оскорбить безнаказаннымъ образомъ чувство чести нашего народа.

Нашъ народъ не богатъ имуществомъ, но богатъ духомъ, и стоитъ только сказать: «впередъ!»—и онъ съ восторгомъ ринется, хотя бы противъ всей Европы. Европа, помни это. Пусть коварный Биконсфильдъ и двуличный Андраши не гордятся своимъ временнымъ успѣхомъ. Да еще и вопросъ: кто одержалъ успѣхъ—они или мы?

С.-Петербургъ, 15 іюня 1878 года.

На-дняхъ мы имѣли случай замѣтить о прискорбномъ недоразумѣніи, бывшемъ въ одномъ изъ городовъ нашего отечества. Тамъ городовой дозволилъ себѣ обратиться съ однимъ изъ обывателей не въ той формѣ, которая предписывается закономъ. Конечно, на основаніи этого факта мы не позволимъ себѣ дѣлать обобщенія, но не можемъ и не указать на то, что такіе факты крайне прискорбны и могутъ тревожить общество. Мы очень хорошо понимаемъ, что высшее начальство одушевлено самыми благими намѣреніями и не жалѣетъ ни трудовъ, ни силъ, ни здоровья при исполненіи самыхъ сложныхъ и трудныхъ обязанностей. Скажемъ даже больше, не боясь нисколько, что насъ заподозрятъ въ пристрастіи. Трудно найти болѣе гуманное и снисходитель-

ное начальство, но не мѣшало бы и низшимъ агентамъ проникнуться тѣми же чувствами, которыми проникнуты наши многоуважаемые распорядители.

О податной реформѣ.

Мы не разъ повторяли, что весьма желательна податная реформа. Позволимъ себѣ повторить это еще разъ.

Хроника.

— Вчера въ Петербургъ пріѣхали наши извѣстные герои прошлой войны (я не перевожу именъ, такъ какъ русскія имена чертовски трудны). Хвала вамъ, герои! Честь и слава! «Ура!» и «ура!»

— Мы слышали, что на-дняхъ изъ кассы такого-то общества украдена большая сумма. Похищеніе совершено было такъ ловко, что виновнику хотятъ дать награду.

— Насъ извѣщаютъ, что въ административныхъ сферахъ подвергается серьезному обсужденію вопросъ объ изысканіи средствъ къ правильному поступленію недоимокъ.

— Мы слышали, что одна изъ кассъ разграблена, при чемъ кассиръ оставилъ записку, въ которой просилъ не винить въ этомъ дѣлѣ никого, кромѣ его, кассира.

— На-дняхъ одинъ гимназистъ, получивши на экзаменѣ двойку, бросился въ Фонтанку, но, благодаря энергіи околоточнаго, былъ вытащенъ изъ воды.

— Въ тотъ же день въ пустомъ сараѣ усмотрѣнъ повѣсившимся человѣкъ, оказавшійся по разслѣдованію крестьяниномъ. Причины самоубійства неизвѣстны; предполагаютъ, что покойный страдалъ меланхоліей.

Внутреннія извѣстія.

— Изъ Твери намъ пишутъ, что урожаи въ губерніи неблагопріятны. Пожары опустошили нѣсколько деревень, а вообще все благополучно.

— Намъ пишутъ изъ Ардатова, что нѣсколько деревень сгорѣло до тла.

— Изъ Кромъ извѣщаютъ, что волки съѣли нѣсколько крестьянскихъ семействъ, послѣ чего отправились въ гости къ исправнику, но, благодаря принятымъ мѣрамъ, были прогнаны.

— Изъ Фатежа сообщаютъ, что мѣстному корреспонденту переломали ребра въ присутствіи большого стеченія публики. Полицейскій, несмотря на желаніе, не могъ оказать помощи, такъ какъ самъ ходитъ съ подвязанной рукой, которую повредилъ себѣ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

— Изъ Волоколамска сообщаютъ, что тамъ недавно судился бывшій становой приставъ, обвинявшійся въ растратѣ земскихъ суммъ. При-

сяжные оправдали подсудимаго, такъ какъ на судѣ выяснилось, что исправникъ, получая разъѣздныя деньги, не выдавалъ ихъ становымъ, земство же задерживало жалованье сотскимъ, и становой по необходимости долженъ былъ дѣлать позаимствованіе. Растрачены были 904 рубля, исправникъ же присвоилъ себѣ 504 рубля, слѣдуемые становому. Исправникъ переведенъ въ другой уѣздъ.

— Изъ Харькова. У насъ въ теченіе недѣли были три драки, четыре растраты и пять кражъ изъ общественныхъ учрежденій. Впрочемъ, все благополучно. Пожертвованія на добровольный флотъ идутъ успѣшно.

— Изъ Чебоксаръ. Одинъ изъ обывателей получилъ серьезныя поврежденія, такъ какъ отказался пожертвовать на добровольный флотъ. Всѣ возмущены его отказомъ.

— Изъ Волоколамска. Пьемъ за здоровье отъѣзжающаго исправника. Рѣшили поставить ему памятникъ.

— Изъ Дорогобужа. Пьемъ за здоровье вновь назначеннаго исправника. Прелестный человѣкъ, а рука... рука... одинъ кулакъ въ обхватѣ будетъ до 3 вершковъ.

— Изъ Егорьевска. У насъ въ Егорьевскѣ вотъ уже 3 недѣли, какъ появилась чума; пало рогатаго скота головъ 70. Городская управа обратилась въ полицію за содѣйствіемъ къ прекращенію эпизоотіи, а полиція съ запросомъ къ городовому врачу, не можетъ ли онъ своимъ знаніемъ и искусствомъ помочь бѣдѣ? Врачъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ ни болѣзни ни ея лѣченія. Этотъ простодушно-откровенный отвѣтъ эскулапа полиція переслала въ городскую управу. Управа, видя свое жалкое положеніе, въ собраніи постановила обратиться къ Богу и назначила на 23 число молебенъ съ крестнымъ ходомъ, а покамѣстъ воспретила выгонять скотъ, у кого остался, въ поле.

Фельетонъ.

Мои почтенные собратья въ послѣднее время подняли противъ меня недостойную ругань. Мало того, что они обвиняютъ меня въ недостаткѣ либерализма и патріотизма (я ли не патріотъ!), но, кромѣ того, они позволяютъ себѣ клевету и ругань сапожниковъ. Я не стану брать примѣра съ моихъ почтенныхъ собратьевъ и не унижу своей газеты, наполняя ее грязью бездоказательной брани. Замѣчу только, что г. Х., позволившему сказать, что я «поджавшая хвостъ дворняжка», не слѣдовало бы забывать, что онъ мерзавецъ, тайно содержавшій притонъ краденыхъ вещей и два раза судившійся за уголовныя преступленія. Что же касается почтеннаго г. Z., то развѣ не онъ въ своей гнусной газетѣ писалъ всякую пакость и развѣ не онъ имѣетъ репутацію мошенника...

Нѣтъ, господа, съ словомъ надо обращаться осторожно. Вы говорите, что я ради розничной продажи готовъ ходить на головѣ передъ публи-

кой... Докажите-ка правду этихъ словъ... Вся ваша брань, негодяи вы этакіе, не болѣе, какъ зависть отъ успѣха моей газеты. Да! Она имѣетъ успѣхъ, потому что я патріотъ и потому, что извѣстія у меня свѣжія, а ваши извѣстія стары и вонючи, какъ тухлыя яйца...

Я не стану болѣе утомлять читателя... Дѣло говоритъ само за себя. Замѣчу только, что недостойно браниться такъ, какъ бранятся мои противники, и я не отвѣчаю имъ тѣмъ же языкомъ изъ уваженія къ моимъ читателямъ...

Затѣмъ перехожу къ явленіямъ текущей жизни и т. д.

Не правда ли, Дженни, русскіе литераторы ругаются «чисто»? Это здѣсь называется полемикой.

Будь здорова.

Письмо тринадцатое.

Дорогая Дженни!

Изъ всѣхъ посланныхъ къ тебѣ, со времени моего пребыванія въ Россіи, писемъ (если только ты всѣ ихъ получила) ты, Дженни, смѣю надѣяться, могла убѣдиться, сколь ошибочно судятъ о Россіи и русскихъ у насъ въ Англіи,—въ томъ числѣ и самъ лордъ «Бикки»,—считая русскихъ полуварварами и приписывая общественной ихъ жизни ту одностороннюю исключительность, которая способна напугать не только взрослаго джентльмена, но даже и мало-мальски смышленаго англійскаго ребенка.

Съ одной стороны, политическая зависть изъ-за преобладанія на Востокѣ, съ другой — малое и поверхностное знакомство съ этой страной,—вотъ что, по моему мнѣнію, составляетъ истинную причину такихъ ложныхъ сужденій о Россіи и русскихъ, благодаря чему не только наши уличные Джимы, но даже и болѣе образованные англичане до сихъ поръ вѣрятъ разнымъ небылицамъ, распускаемымъ насчетъ русскихъ, въ родѣ такихъ, напримѣръ, что будто бы волки и медвѣди, не стѣсняясь полисменовъ и не боясь даже частныхъ приставовъ, разгуливаютъ по улицамъ русскихъ городовъ (особенно провинціальныхъ) такъ же свободно, какъ наши лэди по Гайдъ-Парку; что будто бы здѣсь на гастрономическихъ обѣдахъ, для лучшаго сваренія желудка, къ десерту подаютъ непослушныхъ маленькихъ дѣтей, пытающихся узнать, отчего земля кругла; что будто бы русскія лэди ходятъ по улицамъ не иначе, какъ съ провожатыми и съ паспортомъ въ карманѣ (во избѣжаніе оскорбительнаго для чести ихъ недоразумѣнія), а въ случаяхъ загородныхъ экскурсій, при поѣздкахъ на охоту или на рыбную ловлю, окружаютъ себя достаточнымъ эскортомъ на случай нападенія; что будто бы въ этой странѣ безъ «благодарности» нельзя ни родиться ни умереть, не говоря уже о прочихъ актахъ человѣческой трагикомедіи; что будто бы никто другой, какъ

русскіе, выдумали присказку о томъ, что законъ писанъ для дураковъ, а для умныхъ людей не написанъ, и что, слѣдовательно, для дураковъ лишь обязательно жить по закону, а умные могутъ обходиться своими средствами; что будто бы... Я, впрочемъ, не стану продолжать перечисленія всѣхъ подобныхъ небылицъ, такъ какъ для такого занятія потребовалось бы очень много бумаги, а еще болѣе времени.

Едва ли стоитъ снова повторять тебѣ, дорогая Дженни, что подобныя сужденія — ни болѣе ни менѣе, какъ ходячія сказки, имѣвшія, быть-можетъ, долю правдоподобія въ очень отдаленныя времена, этакъ, пожалуй, въ царствованіе Ивана Грознаго, и съ тѣхъ временъ попавшія въ обращеніе по Европѣ, но нельзя же забывать, что съ того времени, какъ грозный царь выметалъ русскую землю, утекло много воды, и что съ тѣхъ поръ прогрессъ сдѣлалъ въ Россіи грандіозные успѣхи по всѣмъ отраслямъ цивилизаціи.

Хотя я и рискую заслужить обвиненіе въ руссофильствѣ со стороны твоего кузена Додди (кстати, какъ его здоровье?), тѣмъ не менѣе я по чести обязанъ заявить, что чѣмъ ближе я знакомлюсь съ этой гостепріимной страной и ея обитателями, тѣмъ болѣе я проникаюсь самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ ея патріархальнымъ нравамъ и той безхитростности и простотѣ отношеній, которыя въ Европѣ, пожалуй, остались лишь однимъ пріятнымъ воспоминаніемъ. Прелесть наивной откровенности, свойственная молодымъ націямъ, такъ же, какъ и молодымъ дѣвушкамъ, сказывается здѣсь рѣшительно во всемъ, начиная съ клоповъ въ гостиницахъ (у русскихъ, Дженни, клопъ, какъ у египтянъ собака, считается священнымъ животнымъ) и кончая передовыми статьями наиболѣе читаемыхъ здѣсь газетъ. Прочитывая, какъ нѣкоторыя изъ нихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ убѣждаютъ своихъ читателей сѣчь самихъ себя по два раза въ день (а кому мало двухъ разъ, то и по три), я прежде думалъ, что въ такихъ совѣтахъ есть какой-нибудь скрытый намекъ или, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь разсчетъ, изъ-за котораго человѣкъ часто готовъ публично называть себя именами, несвойственными порядочному джентльмену, но, познакомившись съ характеромъ русской прессы, я убѣдился, что эти совѣты не заключаютъ въ себѣ никакого намека и дѣлаются безъ всякаго разсчета, отъ полноты чувствъ и откровенности и отъ привычки исправлять недостатки свои по простотѣ, безъ особенныхъ околичностей... Такая первобытная, можно сказать, чистота нравовъ не можетъ не привлечь къ себѣ въ концѣ концовъ такого скромнаго человѣка, какимъ считаетъ себя твой другъ и мужъ, не мудрствующій лукаво и не имѣющій претензій занять мѣсто лорда Биконсфильда.

Да, дорогая моя Дженни, въ то самое время, когда въ другихъ странахъ общественныя отношенія отличаются необычайной сложностью и, можно даже сказать, запутанностью, заставляющею многихъ нерв-

ныхъ людей смотрѣть съ особой нѣжностью на гвоздь, на которомъ можно повѣситься, здѣсь, въ этой молодой, могучей странѣ, напротивъ, общественныя отношенія патріархально-просты, такъ что, право, дѣйствуютъ освѣжительно на иностранца, перенося его въ какой-то первобытный эдемъ, гдѣ люди живутъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, не утруждая себя никакими сомнѣніями, не анализируя ни прошедшаго ни настоящаго, не удивляясь ни недородамъ, ни пожарамъ, ни наводненіямъ, ни покражамъ, ни растратамъ, однимъ словомъ — ничему...

Сколько разъ я ни обращался за разъясненіями о томъ или другомъ явленіи къ моимъ русскимъ друзьямъ, я неизмѣнно слышалъ почти всегда одно и то же начало:

«У насъ это, милордъ, очень просто».

И затѣмъ уже шло самое разъясненіе, дѣйствительно свидѣтельствовавшее о крайней простотѣ всѣхъ отправленій общественной жизни.

Я ни разу ни отъ одного изъ русскихъ не слышалъ о какихъ-либо трудностяхъ на какой-либо изъ отраслей общественной жизни.

Приходилось ли бесѣдовать съ торговыми людьми, я получалъ такой отвѣтъ:

— У насъ это, милордъ, очень просто... Забаловался молодецъ или сталъ бунтовать—мы его въ шею.

— Что вы называете «бунтовать»?

— Очень просто что. Если онъ пищей недоволенъ или разсчетомъ. Это значитъ бунтовать, и за это его въ шею.

— То-есть какъ это въ шею? Аллегорически?

— Нѣтъ-съ... Такъ-таки просто безъ всякой аллегоріи и даже безъ разсчета.

— А если онъ станетъ жаловаться?

— Да вѣдь у насъ на этотъ счетъ очень просто. Мы на словахъ, по чести... У него никакого документа.

Разговоришься ли съ какимъ-нибудь дѣльцомъ и выразишь удивленіе насчетъ частыхъ недочетовъ въ кассахъ, то непремѣнно снова тотъ же добродушный отвѣтъ:

— У насъ насчетъ кассъ очень просто... Взялъ, сколько надо, и маршъ за границу.

Наконецъ ѣдешь ли ты въ вагонѣ желѣзной дороги или бываешь въ общественныхъ собраніяхъ, ты непремѣнно услышишь, примѣрно, такой разговоръ:

— И что же съ нимъ сдѣлали?

— Очень просто что... За шиворотъ да и въ кутузку.

— А если онъ не виноватъ?

— А не виноватъ—выпустятъ... Это очень просто.

Что же касается простоты по отношенію къ дѣйствіямъ подрядчиковъ, то эта простота вошла даже въ поговорку.

На-дняхъ, отправившись на званый обѣдъ къ одному изъ здѣшнихъ банкировъ, я встрѣтилъ въ одномъ изъ переулковъ, близъ трактира, чересчуръ выпившаго джентльмена, который, послѣ тщетныхъ усилій удержаться на ногахъ, принужденъ былъ опуститься на четвереньки и такимъ способомъ продолжать свой путь. Увидавши такое зрѣлище, дворникъ дома, въ которомъ помѣщался трактиръ, взглянулъ на костюмъ пьянаго джентльмена (костюмъ былъ весьма подержанный) и, недолго размышляя, далъ ему добраго подзатыльника, натурально, съ благимъ намѣреніемъ протрезвить своего соотечественника. Но такъ какъ отъ подобнаго привѣтствія пьяный джентльменъ только замычалъ, но придти въ себя все-таки не могъ, то дворникъ побѣжалъ за близъ стоявшимъ полисменомъ. Полисменъ не замедлилъ явиться и первымъ дѣломъ снова повторилъ опытъ, уже произведенный дворникомъ, но, испытавъ такую же неудачу, сталъ производить надъ пьянымъ джентльменомъ новый опытъ, а именно, сталъ трясти его за плечи съ такой энергіей, что пьяный джентльменъ замычалъ, словно теленокъ. Опытъ этотъ здѣсь носитъ спеціальное названіе «встряски».

Испугавшись послѣдствій подобной «встряски», производимой—въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь — съ самыми благими намѣреніями, я подошелъ къ мѣсту происшествія и замѣтилъ:

— Господинъ полисменъ, что вы дѣлаете! Такая операція можетъ принести вредъ вашему соотечественнику!

Полисменъ оставилъ свои опыты, окинулъ меня испытующимъ взглядомъ и проговорилъ:

— Очень просто. Человѣка вытрезвить нужно!

Затѣмъ, находясь въ нѣкоторомъ затрудненіи относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій и какъ бы стѣсняясь моимъ присутствіемъ, онъ вдругъ принялъ грозный видъ и проговорилъ:

— А вы, господинъ, идите своей дорогой. Это не ваше дѣло.

— Однако...

— Однако не угодно ли вамъ пожаловать въ участокъ? — вдругъ выпалилъ онъ, приходя въ служебный азартъ и приступая ко мнѣ.

— Вы бы прежде пьянаго джентльмена убрали!

— Это не ваше дѣло. А не угодно ли въ участокъ? Тамъ разберутъ. Вы, господинъ, оскорбляете полицію. Вы кто такіе будете?

Признаюсь, Дженни, я малодушно струсилъ, хотя и не обнаружилъ своего волненія. Хотя я и зналъ, что дѣло могло разъясниться, но перспектива участка и, пожалуй, еще разбирательство у мирового судьи, при незнаніи мною русскихъ законовъ, не представляли для меня большой занимательности. Видя, что время идетъ, и я могу опоздать къ обѣду, а почтенный полисменъ не изъявляетъ намѣренія оставить меня въ покоѣ, я рѣшился прибѣгнуть къ весьма простому пріему, часто здѣсь употребляемому. Пріосанившись и принявъ грозный видъ, я вдругъ, въ свою очередь, крикнулъ полисмену:

— Мерзавецъ! Каналья! (Это, Дженни, одни изъ самыхъ употребительныхъ существительныхъ на улицахъ). Знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь!?

Такая реплика въ мигъ произвела надлежащее дѣйствіе. Почтенный блюститель тотчасъ же вытянулся въ струнку, взялъ руки по швамъ и приготовился слушать болѣе рѣзкія существительныя, вполнѣ увѣренный, что если господинъ такъ ругается, то слѣдовательно онъ не простой джентльменъ, а по меньшей мѣрѣ знатный иностранецъ.

— Какъ твоя («вы» въ такихъ случаяхъ для простоты отношеній не употребляется) фамилія?

— Сидоровъ, ваше превосходительство!

— Какъ ты, скотина, смѣлъ такъ разговаривать съ генераломъ, а?—продолжалъ я.

— Виноватъ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ мистеръ Сидоровъ, вздрагивая и прямо глядя мнѣ въ глаза.

— То-то виноватъ... Сейчасъ убрать пьянаго... Да ты у меня смотри!

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Ступай!

Съ этими словами я ушелъ и слышалъ, какъ дворникъ говорилъ полисмену:

— Должно-быть, какой-нибудь графъ.

— Тоже, братецъ, и наша служба. Если бы у нихъ на лбу было написано, а съ нашего брата тоже требуютъ.

Когда я разсказалъ за обѣдомъ у банкира это происшествіе, то въ обществѣ весьма много смѣялись моей находчивости и нѣсколько разъ просили повторить разсказъ объ этомъ эпизодѣ. На мой вопросъ, распространенъ ли обычай встряски, и дѣйствуетъ ли онъ дѣйствительно отрезвляющимъ образомъ, присутствовавшія на банкетѣ лица отвѣчали такимъ неудержимымъ хохотомъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ никто не могъ вымолвить ни одного слова.

— Это... это, милордъ, у насъ очень просто!..—наконецъ проговорилъ сквозь смѣхъ одинъ изъ гостей. — У насъ существуетъ эта патріархальность, шокирующая васъ, иностранцевъ. Но зато какъ упрощаются отношенія...

— И, главное, милордъ, простой человѣкъ не въ претензіи на это... Намъ съ вами, конечно, этотъ образъ отрезвленія показался бы страннымъ, а ему нисколько. Это не болѣе, какъ manière de s'entendre.

Вскорѣ разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ. Говорили о новыхъ назначеніяхъ, слегка коснулись политики, а когда обѣдъ былъ конченъ и мужчины ушли въ кабинетъ пить кофе и курить сигары, то разговоръ принялъ тотъ веселый игривый оттѣнокъ, которымъ обыкновенно отличаются послѣобѣденные разговоры у русскихъ. Надо правду сказать, русскіе джентльмены изъ хорошаго общества знаютъ

массу анекдотовъ и умѣютъ разсказывать ихъ очень мило (если я не ошибаюсь, знаніе анекдотовъ входитъ въ программу образованія въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ). Я, разумѣется, не стану передавать тебѣ, Дженни, образчиковъ этихъ веселыхъ разговоровъ, замѣчу только, что обыкновенно они ведутся въ отсутствіи дамъ. Впрочемъ, сколько я могъ замѣтить, многія русскія лэди весьма непрочь были бы прослушать игривые разсказцы, но изъ чувства приличія дѣлаютъ видъ, что не любятъ такихъ разговоровъ.

Я и забылъ сказать тебѣ, что обѣдъ у банкира былъ превосходный и вина прекрасныя.

Между прочимъ, разговоръ коснулся интереса дня—вопроса о томъ, что станется съ дѣятелями продовольственной системы. Кто-то передалъ слухъ, будто бы они, возмущенные назначеніемъ комиссіи, рѣшились собрать конгрессъ для обсужденія плана дѣйствій, въ случаѣ, если бы главные дѣятели были привлечены къ уголовной отвѣтственности. Нашъ милый хозяинъ настаивалъ на чрезвычайныхъ мѣрахъ (впослѣдствіи я узналъ, что онъ конкурировалъ съ однимъ изъ главныхъ подрядчиковъ), но многіе считали невозможнымъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ относительно подрядчиковъ. Во-первыхъ, къ чему чрезвычайныя мѣры? Развѣ государство не имѣетъ обыкновенныхъ мѣръ? Во-вторыхъ, это было бы не гуманно, а гуманность тѣмъ болѣе обязательна для подрядчиковъ, что они во всякомъ случаѣ составляютъ благонамѣренный элементъ общества. Денегъ все равно не вернешь, если деньги переведены за границу. Что же касается новыхъ скандальныхъ процессовъ, то ихъ и такъ довольно. Къ чему затѣвать еще новые!

— Это только дать новую пищу для болтовни прессы!—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ, высокій, худощавый, сѣдой джентльменъ, похожій внѣшнимъ видомъ на пастора.—Пресса и безъ того много болтаетъ.

— Но однако-жъ, графъ, интересы государства...—почтительно замѣтилъ молодой господинъ, весьма пріятный разсказчикъ пикантныхъ анекдотовъ и, какъ говорили въ обществѣ, обладавшій весьма значительными административными талантами.

Сѣдой джентльменъ прищурился слегка. Едва замѣтная улыбка пробѣжала по его губамъ, и онъ, какъ бы снисходя къ болтовнѣ способнаго молодого человѣка, ласково замѣтилъ:

— Интересы?.. О нихъ есть кому заботиться и безъ васъ, молодой человѣкъ!.. А вы лучше разскажите-ка намъ анекдотъ о Шнейдерѣ и pont des princes.

Анекдотъ былъ разсказанъ очень хорошо, и всѣ смѣялись. Кто-то передалъ ироническую браваду, сказанную будто бы однимъ изъ джентльменовъ продовольствія:

— Если я окажусь недобросовѣстнымъ подрядчикомъ, то, быть-

можетъ, на скамьѣ подсудимыхъ я окажусь недурнымъ историкомъ...

— Это что-жъ... avis au lecteur?

— Все это надо покончить очень просто. Предать всѣ эти дѣла волѣ Божіей и конецъ, а то много шуму изъ-за пустяковъ.

Въ концѣ концовъ всѣ присутствующіе (и милый хозяинъ въ томъ числѣ) согласились, что способъ этотъ, дѣйствительно, самый простой и даже патріотическій.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что русскіе въ подобныхъ дѣлахъ очень любятъ прибѣгать къ волѣ Божіей, разсчитывая, что всемогущее Провидѣніе, безъ общественнаго скандала, въ состояніи покарать дѣйствительно виновныхъ.

— Лучше помиловать десять виновныхъ подрядчиковъ, чѣмъ покарать одного невиннаго!

Таковъ перифразъ словъ Екатерины, сдѣланный недавно однимъ изъ остроумныхъ русскихъ лордовъ, перифразъ, имѣющій большой успѣхъ.

Вечеромъ мы отправились въ Демидовъ садъ и провели тамъ вечеръ очень пріятно и респектабельно.

Я привелъ тебѣ, Дженни, разсказъ о моемъ столкновеніи на улицѣ, какъ образчикъ той простоты и несложности отношеній, которая, какъ я говорилъ, составляетъ одну изъ симпатичныхъ сторонъ русской жизни. Разумѣется, я не безусловный поклонникъ всего русскаго. Нѣкоторыя стороны русской жизни (напримѣръ, замѣчательная нечистоплотность русскихъ городовъ и русскаго купечества или черезчуръ рискованная манера отрезвленія, —я говорю о «встряскѣ») на первый взглядъ производятъ рѣзкое дѣйствіе на иностранца, но вѣдь нельзя же, чтобы каждая страна не имѣла своихъ особенностей.

Пріобрѣтя въ качествѣ знатнаго иностранца знакомства въ разныхъ сферахъ русскаго общества, я познакомлю тебя, Дженни, въ слѣдующихъ письмахъ, съ возможной подробностью, съ домашней жизнью русскихъ, а равно и съ воспитаніемъ русскихъ дѣтей. Говоря о русскомъ обществѣ, я разумѣю, конечно, представителей интеллигентныхъ классовъ, или, какъ здѣсь принято выражаться, неподатныхъ сословій, т. е. лицъ, не платящихъ податного налога. Что же касается народа, то о немъ и сами русскіе, по правдѣ говоря, очень мало знаютъ. Знаютъ только, что это очень добрый и безпритязательный народъ, предпочитающій растительную пищу мясной, весьма оригинальную обувь, называемую лаптями, сапогамъ, соломенную крышу желѣзной или деревянной, курную избу болѣе комфортабельному помѣщенію и аккуратно исполняющій возложенныя на него обязанности. Вотъ и все, что извѣстно о русскомъ народѣ, который, собственно говоря, отдѣленъ цѣлой стѣной отъ такъ-называемаго образованнаго общества, такъ что пропасть, образовавшаяся между этими двумя классами, такъ велика,

что весьма часто они другъ друга не понимаютъ. Въ виду такого непониманія, люди, стоящіе по своимъ обязанностямъ ближе другихъ къ сельскому населенію, вынуждены были изобрѣсти весьма простой способъ взамѣнъ разговорнаго языка, и эта простота; по своей несложности и вразумительности, какъ говорятъ, даетъ очень хорошіе результаты.

Возвращаясь къ характеристикѣ русскаго общества, я прихожу къ заключенію, что выдающаяся черта русскаго характера—добродушное легкомысліе, соединенное съ необычайной храбростью браться за всякое дѣло, представляющее тотъ или другой личный интересъ. Въ этомъ отношеніи русскіе на практикѣ большіе энциклопедисты, и ты, Дженни, рѣдко встрѣтишь русскаго джентльмена, который бы остановился передъ какой-нибудь, казалось бы, неодолимой трудностью. Разсказываютъ, что, во времена давно прошедшія, одному частному приставу была предложена каѳедра философіи въ одномъ изъ университетовъ, и частный приставъ ни на минуту не задумался и принялъ предложеніе, вполнѣ увѣренный, что практическая философія, пріобрѣтенная имъ въ годы его служебной дѣятельности, облегчитъ ему изученіе теоретической философіи. И онъ, какъ мнѣ разсказывали, въ свое время былъ какъ слѣдуетъ хорошимъ профессоромъ до тѣхъ поръ, пока его не перевели на должность директора земледѣльческой школы. И на новомъ мѣстѣ онъ точно также оказался на высотѣ положенія.

Такая увѣренность въ своихъ способностяхъ, въ здравомъ смыслѣ, не нуждающемся въ помощи науки, вмѣстѣ съ простотой общественныхъ отношеній, дѣлаютъ то, что русскіе, съ своимъ неизмѣннымъ: «у насъ это такъ просто», не стѣсняются въ выборѣ профессій, если только обстоятельства благопріятствуютъ. Поэтому здѣсь не рѣдкость встрѣтить гусара въ качествѣ юриста, юриста въ званіи инженера, портного въ качествѣ моряка (на Волгѣ, какъ сообщаютъ русскія газеты, между капитанами пароходовъ есть люди всѣхъ спеціальностей, за исключеніемъ морской; есть и архіерейскіе служки, есть акцизные чиновники, есть одинъ портной), а моряка въ качествѣ инженера или судостроителя. Недавно я прочелъ въ газетахъ, что кандидатъ факультета восточныхъ языковъ, нѣкто Бакулинъ, поступилъ въ околоточные. Изъ этого факта ты видишь, что русскіе въ выборѣ профессій не стѣсняются, такъ какъ и самыя профессіи являются у нихъ упрощенными.

Когда я бесѣдовалъ на эту тему съ однимъ изъ судей, спеціально готовившимся къ званію ветеринарнаго врача, то этотъ почтенный джентльменъ первымъ дѣломъ указалъ мнѣ на Ришелье, который былъ духовнымъ лицомъ и въ то же время оказался государственнымъ человѣкомъ, а затѣмъ сказалъ:

— У насъ, милордъ, здравый смыслъ замѣняетъ многое. Вы знаете ли, что не боги же обжигаютъ горшки...

Я согласился, что не боги, но во всякомъ случаѣ люди, учившіеся этому ремеслу.

— Это опять-таки европейскія идеи. У насъ на этотъ счетъ, милордъ, очень просто. Человѣкъ неглупый на каждомъ мѣстѣ годится и на каждомъ мѣстѣ принесетъ пользу.

Казалось бы, что при такой простотѣ перехода изъ одной профессіи въ другую можно было бы заключить, что въ Россіи нѣтъ заведеній, исключительно приноровленныхъ для извѣстныхъ профессій, а между тѣмъ здѣсь много спеціальныхъ заведеній и университетовъ со спеціальными факультетами. По странной случайности, подробно объяснить которую мнѣ не могли (а быть-можетъ, и не хотѣли) мои русскіе друзья, весьма часто люди со спеціальнымъ образованіемъ ищутъ себѣ занятій по спеціальностямъ имъ совершенно чуждымъ, такъ какъ по своей профессіи мѣстъ не находится. Недавно еще въ газетахъ сообщался интересный фактъ объ одномъ русскомъ коронерѣ, вызванномъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу одного юродиваго, эксплоатировавшаго въ свою пользу религіозное чувство. Этотъ коронеръ въ качествѣ свидѣтеля заявилъ на судѣ, что онъ тоже вѣритъ въ святость юродиваго, и вообще обнаружилъ такой небольшой запасъ развитія, что предсѣдатель суда спросилъ его: получилъ ли онъ высшее образованіе?

— Нѣтъ, я его не получилъ, но это не мѣшаетъ мнѣ носить одинъ мундиръ съ вами, г. предсѣдатель!—отвѣтилъ коронеръ.

Просматривая объявленія русскихъ газетъ, я первое время былъ пораженъ количествомъ предложеній, особенно со стороны молодыхъ людей, по разнымъ отраслямъ занятій. То кандидатъ правъ, окончившій курсъ съ золотою медалью, ищетъ уроковъ «за столъ и квартиру», то кандидатъ естественныхъ наукъ ищетъ переписки, то наконецъ математикъ ищетъ переводовъ.

Только спустя нѣкоторое время я узналъ, что высшее образованіе хотя и цѣнится, но не даетъ еще правъ разсчитывать на полученіе занятій по предмету своей спеціальности, и что помимо образовательнаго ценза отъ кандидата требуются, во-первыхъ, приличныя рекомендаціи отъ респектабельныхъ людей не моложе 75 лѣтъ (иначе говоря: аттестатъ зрѣлости), привѣтливая наружность, знаніе по возможности французскаго языка, умѣнье составить приличное меню, способность излагать письменно и устно анекдоты и вообще умѣнье держать себя съ тою мягкостью и изворотливостью, которыя значительно упрощаютъ не только отношенія, но и самыя законоположенія, придавая имъ, глядя по обстоятельствамъ, то пріятный, соблазнительный видъ, то суровую, колючую форму *). Однимъ словомъ, на этотъ

*) Намъ кажется излишнимъ напоминать читателю объ односторонности сужденій знатнаго иностранца. Мы перевели это мѣсто, чтобы показать,

счетъ, Дженни, здѣсь существуетъ такое количество регламентацій и правилъ, что изложить ихъ во всей полнотѣ и послѣдовательности представляется дѣломъ невозможнымъ.

У меня въ числѣ знакомыхъ есть два пріятеля, одинаково успѣшно дѣлающіе свою карьеру, при чемъ оба обладаютъ противоположными качествами и употребляютъ совершенно различные пріемы для того, чтобы обратить на свои несомнѣнныя достоинства вниманіе начальствующихъ надъ ними лицъ. Одинъ изъ нихъ беретъ откровенностью, открытымъ характеромъ; другой, напротивъ—молчаливостью и скрытностью. Эти два джентльмена и по внѣшнему виду совершенно не походятъ другъ на друга. «Откровенный» джентльменъ—толстый, коренастый, веселый, вѣчно смѣющійся, говоритъ горячо, любитъ бить себя кулакомъ въ грудь и часто говоритъ, что онъ «русакъ» и всѣмъ умѣетъ, какъ онъ выражается, рѣзать правду-матку въ глаза; другой, «скрытный», напротивъ, худощавъ, даже тонокъ, меланхолическаго темперамента, смѣется рѣдко, а больше молчитъ, говоритъ тихо, никогда не бьетъ себя въ грудь, которая и безъ того узка и вдавлена, и совсѣмъ не горячится, а всегда ровенъ и сдержанъ. И однако-жъ оба они, Дженни, занимаютъ видное положеніе и получаютъ каждый до двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, изъ чего можешь заключить, что однообразнаго кодекса для поведенія здѣсь не существуетъ. Біографіи моихъ русскихъ друзей тоже интересны, какъ иллюстраціи къ соображеніямъ вышеизложеннымъ, но этимъ я займусь въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо четырнадцатое.

Дорогая Дженни!

Я очень радъ что ты получила всѣ мои письма. Между прочимъ, ты пишешь, что конвертъ на одномъ изъ нихъ былъ надорванъ, и спрашиваешь, отъ какой причины могло произойти это странное обстоятельство. Я и самъ не могу придумать приличнаго объясненія, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, почтовые сортировщики не сильны въ англійскомъ языкѣ, а потому подозрѣвать ихъ было бы величайшею несправедливостью. Предлагаю тебѣ, дорогая Дженни, по русскому обычаю, предать это дѣло «волѣ Божьей» и принимаюсь за обѣщанныя краткія біографіи моихъ двухъ русскихъ друзей.

Начинаю съ откровеннаго джентльмена. Мистеръ Х. — дворянинъ древняго рода. Съ теченіемъ времени родъ этотъ обѣднѣлъ, такъ что молодого мистера Х. опредѣлили въ корпусъ, гдѣ онъ окончилъ курсъ

какъ ошибочно и поверхностно судятъ о русской жизни иностранные путешественники, даже и доброжелательные къ намъ. Очевидно, знатный иностранецъ не знаетъ, что такое аттестатъ зрѣлости. Иначе онъ не утверждалъ бы, что такой аттестатъ необходимъ для полученія мѣста.

Прим. переводчика.

съ грѣхомъ пополамъ и сдѣлался морякомъ. Морякомъ онъ пробылъ недолго, вышелъ въ отставку, женился противъ согласія родителей, за что, по тогдашнему обыкновенію, былъ собственноручно наказанъ своимъ отцомъ и вслѣдъ затѣмъ прощенъ, и, получивъ въ наслѣдство часть новгородскихъ болотъ, дающихъ весьма большое количество грибовъ и ягодъ, поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался охотой, хозяйствомъ и проектомъ объ осушеніи новгородскихъ болотъ. Послѣ освобожденія крестьянъ молодой джентльменъ служилъ по земскимъ учрежденіямъ, но такъ какъ гонораръ былъ невеликъ, а семейство увеличилось, то онъ скоро перешелъ на частную службу по административной части.

Бойкій, отъ природы неглупый, молодой джентльменъ, обладавшій способностями и желавшій пробить себѣ дорогу, очень хорошо видѣлъ, что ему трудно будетъ обратить на себя особенное вниманіе безъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ средствъ, тѣмъ болѣе, что и служба его была такая, на которой можно было безъ особеннаго ущерба для дѣла курить папироски и время отъ времени сочинить какую-нибудь бумажку. Приземистый, толстый, не особенно красивый, плохо знающій французскій языкъ и совсѣмъ незнающій пикантныхъ анекдотовъ, молодой человѣкъ искренно сожалѣлъ, что природа его создала толстымъ, а не худощавымъ (худощавые и молчаливые были тогда въ модѣ), и даже лѣчился по системѣ Бантинга, но, несмотря на лѣченіе, похудѣть не могъ. Я не знаю, долго ли бы продолжалась безвѣстность молодого человѣка, если-бъ въ тѣхъ мѣстахъ не появился начальникъ, который требовалъ «правды, одной правды и больше ничего». Худощавые призадумались, такъ какъ въ циркулярѣ, требовавшемъ правды, не разъяснено было, какой именно правды требовали отъ нихъ, и попрежнему продолжали-себѣ писать бумаги и катить административное колесо по обычной колеѣ. Но бойкій и смышленый молодой человѣкъ понялъ, какой именно правды требовали отъ него, и однажды доложилъ начальству, что сторожа воруютъ перья и бумагу.

Послѣ этого молодой джентльменъ пошелъ въ ходъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію я познакомился съ мистеромъ Х. и, благодаря его добродушію и любезности, сошелся съ нимъ довольно коротко, тѣмъ болѣе, что я ловко намекнулъ ему, что имѣю намѣреніе написать книгу о Россіи и русскихъ выдающихся дѣятеляхъ. Въ настоящее время ему пятьдесятъ лѣтъ; онъ толстъ, неповоротливъ, лицо широкое, вульгарное, но маленькіе глаза показываютъ плутоватость и то, что здѣсь называется «себѣ-на-умѣ». Онъ добрый малый, любитъ много болтать, вѣчно говоритъ, что занятъ дѣломъ, но, по обыкновенію большей части русскихъ, работать не умѣетъ и кромѣ того лѣнивъ по природѣ. Всякіе трудные вопросы, требующіе долгаго размышленія и основательнаго изученія, этотъ джентльменъ (какъ и многіе русскіе) рѣшаетъ смаху, полагаясь на здравый смыслъ и рус-

скую сметку. Не имѣя, сколько я могъ убѣдиться, даже элементарныхъ свѣдѣній, добродушный русскій джентльменъ, съ легкомысліемъ и храбростью рѣшительно изумительными, судитъ и рядитъ обо всемъ, что только приходитъ ему въ голову, и съ удивительной легкостью переходитъ отъ податной реформы къ соединенію Каспійскаго моря съ Чернымъ, отъ этого вопроса къ лучшему устройству санитарной части, отъ санитарной части къ мѣрамъ для поддержанія авторитета власти, и обо всѣхъ этихъ предметахъ онъ говоритъ съ апломбомъ, легкомыслiемъ и полною искренностью.

Это, Дженни, типъ весьма распространенный среди русскихъ «талантливыхъ» дѣятелей.

Передо мной онъ разыгрываетъ государственнаго человѣка, но часто не выдерживаетъ роль и начинаетъ болтать обо всемъ, что ни придетъ въ голову. Онъ занимаетъ мѣсто директора частнаго банка, изслѣдуетъ вопросъ о разведеніи устрицъ, спеціально занятъ вопросомъ объ удобреніи полей и засѣдаетъ въ комиссіи по вопросу о преподаваніи греческаго языка, о которомъ, замѣчу кстати, онъ имѣетъ такое же понятіе, какъ ты, Дженни. Затѣмъ онъ цѣлый день въ разъѣздахъ, и ему всегда некогда, живетъ хорошо, на широкую ногу, охотникъ поѣсть, потребляетъ много мяса и крѣпкихъ напитковъ и любитъ, чтобы родственники (а ихъ у него много) пріѣзжали къ нему на поклонъ. Въ свою очередь, и онъ не забываетъ родныхъ, и въ банкѣ, гдѣ онъ служитъ, а равно и въ комиссіяхъ, гдѣ онъ занимается, цѣлая стая его родственниковъ пристроилась у хорошихъ содержаній.

Часто посѣщая этого джентльмена, я, признаться, дивился, какъ идутъ дѣла у него, но оказывалось, что дѣла шли, и всѣ ученыя комиссіи, гдѣ онъ работалъ, составляли доклады и представляли, куда слѣдуетъ.

— Какъ вы со всѣмъ этимъ справляетесь?—спрашивалъ я его не разъ.

— У насъ это очень просто!.. (Отъ этого начала ты здѣсь, Дженни, не избавишься. Эта-то простота и привлекаетъ!) Туда заглянешь, за тѣмъ присмотришь... смотришь—и ладно.

И онъ принялся разсказывать мнѣ о грандіозномъ проектѣ, засѣвшемъ въ его голову, о прорытіи канала между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

— Вы изучили этотъ вопросъ?

— Ну, разумѣется...

Но потомъ, позабывъ свои слова и передавая подробности, онъ прибавлялъ:

— Вѣдь это такъ просто. Посмотрите, милордъ, на карту!.. Проведите линію (онъ проводилъ ее толстымъ, короткимъ пальцемъ)— и каждый здравомыслящій человѣкъ пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло... Я начерталъ въ общихъ чертахъ проектъ... Детали изучать некогда

да и не къ чему. Мысль эта явилась ко мнѣ внезапно... Какъ-то взглянулъ на карту и спохватился!

Въ комнатѣ рядомъ съ его кабинетомъ постоянно работаетъ нѣсколько молодыхъ клерковъ, обязанныхъ подготовлять ему «черную работу» и «детали», которые приходятъ въ отчаяніе отъ той массы самыхъ разнообразныхъ проектовъ, которые лѣзутъ моему почтенному другу въ голову.

Однажды я выразилъ удивленіе его разнообразной дѣятельности и спросилъ, откуда онъ получилъ столько самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, требовавшихъ, прибавилъ я, глубокаго изученія и долгаго, усидчиваго труда.

— И видно, милордъ, что вы не знаете насъ, русскихъ. Есть намъ время все изучать да сидѣть за книгами... Мы беремъ русскимъ здравымъ смысломъ.

— Однако... Нельзя же, напримѣръ, знать химію, не изучавши ея.

— Да зачѣмъ ее изучать намъ? На это есть тамъ ученые, которые скажутъ, что нужно, но главное—дать направленіе... направить... пустить въ ходъ... вы понимаете?.. У васъ въ Англіи корпятъ тамъ надъ книгами, но ваши государственные люди, — конечно, люди, достойные уваженія, — педанты. Они не обобщаютъ... не умѣютъ дать направленіе или сразу перемѣнить ходъ машины. Англо-саксонская раса на это неспособна... Вы извините меня, милордъ, вы знаете, я человѣкъ простой, безъ хитростей, люблю рѣзать правду въ глаза. А славянская раса способна... Русскій человѣкъ сидитъ-сидитъ, со стороны другой подумаетъ даже, что онъ въ носу ковыряетъ, а онъ вдругъ что-нибудь и выдумаетъ. Я вчера, напримѣръ, выдумалъ ловить жучковъ сѣтками... Знаете ли, жучокъ хлѣбъ поѣдаетъ на югѣ, ну, я и приказалъ попробовать эти сѣтки у себя въ имѣніи. А развѣ я изучалъ жучка?.. Я его, признаться, и въ глаза не видалъ никогда... Вы, милордъ, не знаете нашей исторіи (я, Дженни, признаться, думаю, что и почтенный мой другъ тоже не знаетъ хорошо своей исторіи). А если потрудитесь ее изучить, то увидите, что мы беремъ, главное, чутьемъ и вдохновеніемъ... да, вдохновеніемъ... Вдохновеніе— это великое дѣло... Да чего вамъ лучше? На-дняхъ спрашиваютъ меня, что я думаю о мѣрахъ, принятыхъ противъ соціалистовъ въ Германіи. Скажу вамъ откровенно, что я о разныхъ этихъ гнусныхъ ученіяхъ подробностей не читалъ,—стану я еще читать такія книги! Такъ я и брякнулъ по простотѣ, что слѣдуетъ сѣчь, сѣчь и сѣчь.

Въ это самое время въ кабинетъ къ нему пришелъ одинъ изъ клерковъ и, подавая набросокъ, сдѣланный рукою моего почтеннаго друга, просилъ объяснить непонятныя для него цифры.

— А это очень просто... Сложите-ка ихъ...

— Я складывалъ: итогъ другой.

— Не можетъ быть! У меня выходило два съ половиною милліона!..

Это, милордъ,—обратился онъ ко мнѣ: — два съ половиною милліона новаго дохода, если обложить налогомъ посѣтителей увеселительныхъ заведеній по 20 коп. съ каждаго, при чемъ на фискъ отдѣлять по пяти копеекъ. Мысль объ этомъ явилась у меня совершенно случайно, когда какъ-то разъ вечеромъ я проѣзжалъ по одному переулку. Я сообщилъ уже эту цифру одному члену податной комиссіи.

— У меня выходитъ 250 тысячъ!

— Что вы, съ ума сошли! Два съ половиною милліона!

Онъ взялъ брульонъ и сталъ повѣрять. Приходилось дѣлать умноженіе, и мнѣ показалось, что мой другъ нѣсколько фамильярно обращался съ нулями. Видя его затрудненіе, я поспѣшилъ помочь ему, замѣтивъ:

— Охота вамъ затруднять себя такими пустяками... Позвольте мнѣ провѣрить...

Оказалось, что почтенный мой другъ забылъ при умноженіи отбросить нѣсколько нулей, и клеркъ оказался правъ. Когда я осторожно сообщилъ о недоразумѣніи, полагая, что мистеръ Х. будетъ сконфуженъ, вслѣдствіе обнаруженія такой громадной ошибки, свидѣтельствовавшей о легкомысленной поспѣшности, то онъ, къ крайнему моему изумленію, не только не сконфузился, а, напротивъ, самымъ добродушнымъ тономъ замѣтилъ:

— Въ самомъ дѣлѣ ошибка? Ну, это пустяки!.. Я за дѣлами пѣсколько нулей лишнихъ поставилъ, значитъ... Ариѳметика у меня всегда была слаба... Очень вамъ благодаренъ, милордъ!

И, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ взялъ изъ моихъ рукъ свой брульонъ и, отдавая его клерку, сказалъ ему своимъ густымъ баритономъ:

— Поставьте-ка вмѣсто 20 к. такую цифру, которая дала бы итогъ въ два съ половиною милліона... Понимаете?

— Понимаю-съ.

— Выйдетъ больше съ человѣка... но эта не бѣда. Не грѣхъ холостому человѣку заплатить за право наслажденій, а?—весело захохоталъ онъ, улыбаясь клерку.

Затѣмъ, едва успѣлъ мой почтенный другъ начать рѣчь о подоходномъ налогѣ вообще, какъ къ нему въ кабинетъ вошелъ новый посѣтитель и въ краткихъ словахъ разсказалъ ему о необходимости построить желѣзную дорогу между Камчаткой и Гижигой.

— Записка при васъ?

— Какъ же... Вотъ она.

— Оставьте у меня... Просмотрю... Мысль недурная. Что такое, вы говорите, въ Камчаткѣ?!

— Боберъ и котикъ.

— А въ Гижигѣ?

— Американскіе китобои.

— Такъ, такъ... Эти американцы эксплоатируютъ насъ... Съ Богомъ... Просмотрю...

Въ теченіе часа въ этомъ кабинетѣ перебывало нѣсколько посѣтителей. Хотя мистеръ Х. и не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на возможность осуществленія тѣхъ или другихъ предпріятій и проектовъ, но къ нему обращались всевозможные прожектеры, зная его слабость къ проектамъ и способность громко кричать о томъ, что ему казалось почему-либо полезнымъ. Послѣ желѣзнодорожнаго прожектера пришелъ господинъ съ проектомъ четыреугольнаго судна.

— А круглыя развѣ того?—улыбнулся мой другъ.

— По моему мнѣнію, четыреугольныя будутъ обладать самымъ лучшимъ ходомъ и поворотливостью... Не угодно ли взглянуть на чертежъ?

Мы всѣ посмотрѣли на чертежъ. Я болѣе наблюдалъ за лицомъ мистера Х. Онъ глядѣлъ на чертежи съ видомъ понимающаго человѣка, храбро спорилъ, что если одну сторону закруглить, то ходу будетъ болѣе, и опять-таки просилъ оставить чертежи.

— Мысль оригинальная. Четыреугольныя суда. Посмотримъ... посмотримъ!..

Затѣмъ явился джентльменъ съ предложеніемъ разводить камбалу въ Парголовскомъ озерѣ, потомъ проситель хлопоталъ о мѣстѣ, въ то же время клерки то и дѣло приходили за объясненіями, затѣмъ пріѣзжали на минутку два сослуживца, и наконецъ заѣхалъ миссіонеръ потолковать объ обращеніи бурятовъ. Обо всемъ мой хозяинъ толковалъ съ свойственнымъ ему апломбомъ, со всѣми бесѣдовалъ, кипятился, нѣсколько разъ, по обыкновенію, стукнулъ себя въ грудь и проговорилъ о томъ, что онъ русскій и любитъ говорить всѣмъ правду, и наконецъ, взглянувъ на часы, воскликнулъ:

— Боже мой! Ужъ третій часъ, а мнѣ надо еще поспѣть въ банкъ, быть въ комиссіи по удобренію полей и непремѣнно поспѣть въ комиссію по греческому языку. Сегодня экстренное засѣданіе. Вы видите, милордъ, сколько работы. И этакъ который день. Вы меня извините, милордъ... Идите къ женѣ, или я васъ подвезу въ своей каретѣ!

Таковъ, Дженни, этотъ милый и добродушный русскій джентльменъ. Сравнивая его съ нашими дѣльцами, невольно поражаешься способностью русскихъ къ такой огромной дѣятельности и умѣньемъ ихъ довести до такой изумительной простоты самыя сложныя дѣла и даже ариѳметическія выкладки. И всѣ эти изумительныя достоинства, весьма нерѣдкія въ русскихъ общественныхъ дѣятеляхъ, достигаются, относительно говоря, съ такою поразительной легкостью, о которой мы, представители англо-саксонской расы, едва ли можемъ когда-либо мечтать.

Да, дорогая Дженни, простота во всемъ, доведенная до совершенства, составляетъ ключъ къ разгадкѣ и посильному объясненію многихъ

явленій общественной жизни, и нельзя не сказать, что эта молодая и могучая страна, которая исполинскими шагами идетъ впередъ, сохраняя въ то же время прелестную патріархальность упрощенныхъ отношеній, имѣетъ въ себѣ что-то чарующее, таинственное и въ то же время непонятное. Не оттого ли она внушаетъ зависть и страхъ въ Европѣ?

Если бы, Дженни, наши государственные люди хорошо изучили русскіе нравы и обычаи, если бы они вникли въ основы русскаго характера, то—я не сомнѣваюсь ни на минуту—они отбросили бы въ сторону ложный страхъ и стали бы искренними друзьями русскихъ, какъ князь Бисмаркъ.

До слѣдующаго письма.

P. S. Я конверты подклеиваю самымъ лучшимъ клеемъ.

Письмо пятнадцатое.

Дорогая Дженни!

Теперь попробую набросать тебѣ портретъ другого моего русскаго друга, худощаваго и молчаливаго джентльмена, насколько я собралъ свѣдѣній отъ лицъ, близко знающихъ его біографію, провѣренную кромѣ того собственными наблюденіями.

Мистеръ Z. не имѣетъ знатныхъ предковъ, и не только прадѣдъ и прабабушка его, но даже дѣдъ и бабушка, а также и родители, удостоивались, при случаѣ, получать тѣлесныя поврежденія отъ особъ, далеко не высокопоставленныхъ, а отъ лицъ въ родѣ сельскаго священника или дьякона. Ни именъ ихъ ни портретовъ не сохранилось, а равно и никакихъ мемуаровъ о нихъ я не нашелъ, несмотря на тщательные розыски, ни въ «Русскомъ Архивѣ» ни въ «Русской Старинѣ». Изъ устныхъ разсказовъ я знаю, что предки мистера Z. были пономари, весьма почтенные пономари, обладавшіе всѣми качествами повыситься до степени дьячковъ, если бы не имѣли слабости къ спиртнымъ напиткамъ. Отецъ мистера Z. тоже не избѣжалъ этого порока и безвременно погибъ на сороковомъ году своей жизни, получивъ переломъ спиннаго хребта въ дракѣ, происшедшей послѣ одного храмового праздника въ русской деревнѣ. Мальчикъ въ то время былъ въ семинаріи и принялъ это извѣстіе, конечно, съ печалью, но не съ такою однако-жъ большой, какую должна была бы внушить сыновняя любовь, вслѣдствіе того, что онъ очень рано познакомился съ палкой своего отца, имѣвшаго странное упорство не оставлять спины сына до тѣхъ поръ, пока не сосчитывалъ до десяти, а въ минуты сильнаго хмеля—до двадцати разъ.

Молодой духовный джентльменъ весьма прилежно изучалъ богословіе и прочія науки, приличныя духовному званію, изощрялся въ спартанскихъ добродѣтеляхъ, на развитіе которыхъ въ тѣ времена обращали въ семинаріяхъ особенное вниманіе, и, какъ разсказывалъ

одинъ изъ бывшихъ его товарищей, выдерживалъ пятьдесятъ ударовъ розгами—и замѣть, Дженни, розгами, вымоченными въ соляномъ растворѣ—бодро и стойко, какъ прилично будущему проповѣднику терпѣнія, смиренія и любви. Однако по выходѣ изъ семинаріи, гдѣ онъ окончилъ курсъ весьма хорошо, мистеръ Z. не возымѣлъ склонности посвятить себя духовному званію, а тѣмъ болѣе въ кругѣ сельской дѣятельности; будучи отъ природы слабаго сложенія, онъ еще болѣе похудѣлъ во время семинарскаго испытанія и, помня безвременную смерть отца, джентльмена болѣе крупнаго и здороваго, рѣшилъ искать счастія на другомъ поприщѣ.

Онъ началъ службу въ уѣздномъ городѣ въ качествѣ писца и такъ усердно переписывалъ бумаги, при чемъ бывалъ всегда безмолвенъ и сосредоточенъ въ себѣ, что начальство замѣтило его и стало давать ему еще болѣе работы, хотя окладъ оставило тотъ же. Черезъ годъ молодой джентльменъ вдругъ оставилъ службу, не объясняя причинъ своего нежеланія служить, и, несмотря на обѣщаніе увеличить его жалованье до пятидесяти фунтовъ въ годъ, все-таки оставилъ мѣсто и черезъ нѣсколько времени поступилъ въ университетъ. Жизнь въ университетѣ была для молодого джентльмена рядомъ лишеній и нужды, но онъ храбро боролся съ матеріальными лишеніями, твердо надѣясь вознаградить себя впослѣдствіи. По словамъ знавшихъ его въ то время, онъ упорно и усидчиво работалъ, находилъ еще время давать уроки, былъ сосредоточенъ и крайне разсчетливъ. По окончаніи курса (онъ даже получилъ медаль) онъ прямо разсчитывалъ получить мѣсто и съ такимъ разсчетомъ отправился предложить свои услуги и предъявить свой дипломъ. Но молодого джентльмена встрѣтили не такъ ласково, какъ онъ ожидалъ, и сказали ему, что дипломъ еще не все, что нужны удовлетворительные сертификаты, при чемъ посовѣтовали ему остричь волосы и достать себѣ гдѣ-нибудь привѣтливый видъ и хорошія манеры.

— У насъ, молодой человѣкъ, все служатъ молодые люди привѣтливые, такъ что пріятно даже войти въ office, а у васъ видъ такой, точно вы сердитесь и чѣмъ-нибудь недовольны.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ до ушей, но, не сказавъ ни слова, повернулся-было, чтобъ уходить.

— Постойте... постойте... молодой человѣкъ... Вы очень скоро уходите... Мы, можетъ-быть, кое-что устроимъ... Подойдите-ка ко мнѣ поближе.

Молодой джентльменъ подошелъ.

— Улыбнитесь.

Мистеръ Z. не совсѣмъ понималъ и упорно молчалъ.

— Улыбнитесь-ка... Вы можете улыбаться?

Молодой джентльменъ оскалилъ зубы, но улыбка вышла такая неудовлетворительная, что старый джентльменъ только безнадежно махнулъ рукой, кивнулъ головой и прошепталъ:

— Вы такъ улыбаетесь, что просто страшно становится. Посѣтители подумаютъ, что вы съѣсть кого-нибудь хотите!

Молодой джентльменъ неуклюже отвѣсилъ поклонъ и ушелъ на улицу съ какимъ-то озлобленіемъ въ сердцѣ и съ упорнымъ желаніемъ добиться всего того, что дастъ человѣку положеніе въ обществѣ. Онъ сдѣлался еще молчаливѣе и мрачнѣе, однако постригъ волосы и взялъ нѣсколько уроковъ у танцмейстера. Долго еще онъ бѣдовалъ, пока не получилъ занятій въ одномъ изъ губернскихъ городовъ въ качествѣ незначительнаго агента, но уже совсѣмъ не по той спеціальности, къ которой онъ предназначалъ себя. Мѣсто было незначительное (получилъ онъ его благодаря письму отъ одной лэди, дѣтямъ которой онъ давалъ уроки), но молодой человѣкъ радъ былъ и такому (въ тѣ времена еще не было ни банковъ ни другихъ частныхъ учрежденій) и, по обыкновенію, сталъ работать съ такою упорною энергіею, что не только всѣ сослуживцы, но даже и самъ начальникъ пришли въ ужасъ и стали косо смотрѣть на новаго товарища. Пробовали-было ему намекать, что такая энергія вовсе не требуется, но онъ, казалось, не понималъ, въ чемъ дѣло, и упорно отмалчивался. Наконецъ ему прямо сказали, что подобное трудолюбіе можетъ быть сочтено за неблагонамѣренность и неуваженіе къ начальству, и молодой джентльменъ долженъ былъ часами двумя позже приходить въ office.

Затѣмъ, благодаря рекомендательнымъ письмамъ, онъ получилъ занятіе секретаря у одного респектабельнаго джентльмена, спеціально занимавшагося лѣсоводствомъ. Мистеръ Z. попрежнему молчалъ, но въ присутствіи постороннихъ иногда и улыбался, и работалъ такъ, чтобы не оскорблять сослуживцевъ. Его патронъ любилъ полѣниться, и молодой секретарь работалъ у себя дома за двоихъ. Патронъ любилъ, чтобы всѣ мѣры исходили отъ него и чтобы всѣ знали, что онѣ исходятъ отъ него, и дѣйствительно скоро стали говорить, что всѣ мѣры исходятъ отъ респектабельнаго джентльмена, а секретарь оставался въ тѣни, скромный, молчаливый и всегда готовый исполнить приказаніе патрона, при чемъ умѣлъ такъ хорошо истолковывать разныя правила и съ такимъ единомыслiемъ съ своимъ патрономъ, что въ скоромъ времени мистеръ Z. сдѣлался близкимъ и довѣреннымъ человѣкомъ. Онъ былъ точенъ, безпрекословно точенъ въ исполненіи приказаній, какъ хронометръ, и если бы молодому джентльмену было приказано пересѣчь лѣсныхъ сторожей, при чемъ было бы соотвѣтствующее предписаніе на бумагѣ (безъ бумаги онъ, пожалуй бы, поколебался), то онъ такъ же молча и методически смотрѣлъ бы на эту операцію, какъ молча роздалъ бы имъ по десяти рублей награды. Онъ точно отрекся отъ самого себя, словно задавилъ въ себѣ всякіе душевные порывы, обратившись въ какого-то аскета-исполнителя, творящаго свято волю пославшаго и умывавшаго руки въ виду льющейся грязи. Онъ копилъ деньги и начиналъ чувствовать къ нимъ страсть; онъ ложился рано

снать, чтобы не жечь свѣчей, не любилъ читать книгъ, въ которыхъ бы онъ могъ заразиться ядомъ сомнѣнія, и слишкомъ хорошо понялъ рискъ лишиться добытаго трудомъ положенія.

Однако молчаливость секретаря и огонекъ, вспыхивавшій по временамъ въ глазахъ безмолвнаго исполнителя, смущали подчасъ патрона, и онъ хотѣлъ испытать своего помощника. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ его обѣдать вдвоемъ въ ресторанъ, надѣясь, что вино развяжетъ языкъ и заставитъ его высказаться. Когда собесѣдники уже выпили достаточное количество вина (впрочемъ, пилъ больше респектабельный джентльменъ), и когда респектабельный джентльменъ былъ достаточно мягокъ и чувствителенъ, онъ приступилъ къ своей задачѣ со свойственной русскимъ прямотой.

— Скажите, молодой другъ, отчего вы всегда молчаливы? Вы превосходно работаете, вы идеальный исполнитель, но отчего вы молчите?.. Кто васъ не зналъ бы такъ хорошо, какъ я, тотъ подумалъ бы, что вы готовите доносъ на своего начальника и друга.

Мистеръ Z. только улыбнулся.

— Что значитъ ваша улыбка, сэръ?

— Ахъ, милордъ... Я удивляюсь, какъ вы съ вашимъ умомъ не объяснили моего молчанія.

— Что-жъ оно означаетъ?

— Преданность, одну преданность и ничего болѣе!..

— Я такъ и зналъ!—воскликнулъ джентльменъ и подъ вліяніемъ чувствъ и вина прижалъ къ своей груди молчаливаго молодого человѣка.

Съ тѣхъ поръ не осталось никакихъ сомнѣній, и когда, нѣсколько времени спустя, респектабельный джентльменъ присваталъ для своего друга одну весьма красивую дѣвушку, при чемъ далъ изъ своихъ собственныхъ средствъ три тысячи фунтовъ приданаго, то мистеръ Z. съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и не подалъ вида, что зналъ, въ какихъ отношеніяхъ была прежде молодая особа къ его начальнику. Онъ былъ очень хорошъ съ женой, имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей, но жена недолго съ нимъ прожила и черезъ нѣсколько лѣтъ умерла отъ чахотки.

Теперь мистеру Z. пятьдесятъ пять лѣтъ. Онъ худъ, сѣдъ, но держитъ бремя лѣтъ довольно бодро. Онъ много и неустанно работаетъ, отличается замѣчательной исполнительностью и умѣньемъ толковать циркуляры ad libitum. Онъ охотно бесѣдуетъ со мною объ Англіи, но неохотно разсказываетъ о себѣ. Говорятъ, что у него огромное состояніе; у него два сына, но они непохожи на отца, и я слышалъ, что отецъ ужъ отказался платить за нихъ долги. Живетъ онъ скромно, рѣдко куда выѣзжаетъ и преданъ, какъ вѣрная собака, своему новому патрону, который всѣ дѣла сложилъ на него и только направляетъ, при чемъ направленіе это мѣняется иногда самымъ поразительнымъ манеромъ.

Однажды я сидѣлъ въ кабинетѣ у мистера Z. Онъ только-что гото-

вился отправить лично составленную имъ записку къ своему патрону по какому-то вопросу, какъ ему подаютъ записку отъ патрона. Мистеръ Z. хладнокровно прочелъ ее, аккуратно сложилъ, спряталъ къ мѣсту и приказалъ позвать своего секретаря.

— Эта записка, надъ которою мы работали, не годится. Приказано разобрать этотъ вопросъ въ другомъ направленіи, и потому намъ придется завтра же этимъ заняться.

— Но какъ же... То направленіе, которое придано этой запискѣ, основано на началахъ науки.

— Главное, не разсуждайте и дѣлайте, что̀ приказано... Наука?.. Наука должна служить государству, а не государство наукѣ.

Молодой секретарь почтительно поклонился и ушелъ.

— А какое ваше мнѣніе по этому вопросу?—спросилъ я.

— У меня, милордъ, нѣтъ мнѣнія... Я исполняю, что̀ приказываютъ.

— Но какъ же однако?

— Очень просто: я не разсуждаю и, признаюсь, считаю нелѣпостью разсуждать... Я служу и болѣе ничего.

— Конечно, это просто, но, съ другой стороны, такой индифферентизмъ можетъ лечь нравственной отвѣтственностью...

— У васъ—быть-можетъ, а у насъ, милордъ, нѣтъ... Какая отвѣтственность, когда приказаніе мнѣ дано на бумагѣ и даже за нумеромъ? Я исполнитель—и въ этомъ вся моя роль. Если бы я разсуждалъ, милордъ, то...

Онъ не досказалъ и умолкъ.

— То что̀ же?

— То... пришлось бы, пожалуй, по-англійски, отъ сплина повѣситься,—замѣтилъ онъ, улыбаясь своей загадочной улыбкой, и предложилъ мнѣ стаканъ чаю.

Зная его скупость, я отказался и простился съ нимъ.

Вотъ, Дженни, другой матеріалъ,—тотъ, изъ котораго прежде создавались въ Россіи Аракчеевы, а теперь безукоризненные исполнители.

И опять какая удивительная простота!

Я тебѣ набросалъ эскизы портретовъ двухъ выдающихся типовъ. Средній типъ другой, въ немъ, конечно, нѣтъ тѣхъ крайностей, хотя общія черты однѣ и тѣ же: грандіозное вдохновеніе, замѣняющее работу, и исполнительность безъ души и убѣжденія. О среднемъ типѣ я еще побесѣдую съ тобой, а пока сообщу тебѣ, что я рѣшилъ посѣтить въ скоромъ времени Москву. Одинъ изъ русскихъ моихъ знакомыхъ поѣдетъ со мной и обязательно предлагаетъ показать все, что̀ тамъ есть интереснаго, при чемъ обѣщаетъ дать средство видѣть мистера Каткова, этого замѣчательнѣйшаго публициста русской прессы. Относительно безопасности моей не безпокойся; во-первыхъ, спутникъ мой—лицо довольно респектабельное, во-вторыхъ, мы запасемся надежными

письмами, а въ-третьихъ, берлинскій договоръ положилъ начало тѣснѣйшему сближенію двухъ славныхъ націй.

До слѣдующаго письма.

Письмо шестнадцатое.

Дорогая Дженни!

Въ Россіи существуютъ три главнѣйшіе класса: дворяне, купцы и крестьяне. Не желая впасть въ ошибку, я не могу теперь въ точности тебѣ опредѣлить права и обязанности этихъ классовъ, замѣчу только, что первые въ большинствѣ служатъ, вторые торгуютъ, а послѣдніе работаютъ.

Каждый приличный джентльменъ, имѣнье котораго либо продано съ публичныхъ торговъ, либо достаточно разорено и такимъ образомъ не даетъ источниковъ для приличнаго существованія, считаетъ священной своей обязанностью служить своему отечеству за возможно болѣе приличное вознагражденіе въ качествѣ администратора, земца, судьи или воина. Сколько я могъ присмотрѣться къ положенію джентльменовъ, я полагаю, что для значительной ихъ части служба составляетъ главнѣйшій (и даже единственно возможный) источникъ ихъ существованія, такъ что безъ службы русскій приличный джентльменъ былъ бы поставленъ въ крайне затруднительное положеніе не только относительно трехъ или четырехъ блюдъ, которыя онъ привыкъ имѣть у себя за обѣдомъ, но даже и относительно болѣе умѣренной пищи, такъ какъ общественное воспитаніе спеціально приноровлено къ культивированію административныхъ талантовъ.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ писателей приводитъ поразительный примѣръ того, воистину, Дженни, ужаснаго положенія, въ которомъ очутились два русскихъ гражданскаго вѣдомства генерала, выкинутые по легкомыслію на необитаемый островъ, гдѣ они, къ крайнему своему изумленію, не нашли ни кафе-ресторановъ, чтобы закусить, ни перьевъ, ни бумаги, чтобы донести о случившемся съ ними по начальству. Доподлинный разсказъ объ испытаніяхъ, которыя претерпѣли эти два почтенные джентльмена, служитъ весьма хорошей мѣрой увѣщанія для русскихъ родителей и наставниковъ, и они очень часто, увѣщавая маленькихъ джентльменовъ прилежно учиться, напоминаютъ имъ разсказъ о двухъ генералахъ, попавшихъ на необитаемый островъ.

Согласно вышесказанному распредѣленію занятій въ странѣ, распредѣлено и воспитаніе дѣтей. Маленькіе джентльмены съ ранняго возраста обучаются дома приличнымъ манерамъ, умѣнью ѣсть рыбу вилкой, а не ножомъ, болтать по-французски (съ этой цѣлью въ каждомъ порядочномъ семействѣ находится француженка-гувернантка, служащая, впрочемъ, иногда яблокомъ раздора не только между супругами, но даже и между отцомъ и сыновьями-подростками), знать анекдоты,

памятную книжку и умѣть администрировать. Послѣднему маленькіе джентльмены обучаются преимущественно на нянькахъ и горничныхъ.

Достигши десятилѣтняго возраста, молодой приличный джентльменъ поступаетъ въ заведеніе, гдѣ проходитъ курсъ наукъ, пополняя его время отъ времени практическимъ изученіемъ языковъ съ особами прекраснаго пола, ежегодно пріѣзжающими изъ Парижа, Берлина, Риги и Ревеля, и развивая гастрономическіе вкусы въ лучшихъ ресторанахъ. Такъ какъ гимнастическія упражненія не входятъ здѣсь, какъ у насъ, въ программу физическаго воспитанія, то молодые люди время отъ времени восполняютъ этотъ пробѣлъ, пробуя силу мускуловъ на извозчикахъ, конечно, за соотвѣтствующее вознагражденіе, дабы мировой судья не имѣлъ повода заявить какую-нибудь претензію. По выходѣ изъ заведенія и послѣ знатной попойки, совершаемой въ честь такого событія, молодой джентльменъ ищетъ службы, обязательно прочитываетъ «Madame Girot ma femme» и «La femme de feu» и даетъ торжественную клятву никакихъ книгъ, по направленію къ вышеназваннымъ не подходящихъ, не читать и никакими письменными работами, кромѣ писемъ, подписи векселей и составленія бумагъ, требуемыхъ службой, не заниматься, такъ какъ подобныя занятія если не унижаютъ джентльмена, то, во всякомъ случаѣ, отвлекаютъ его отъ другихъ, болѣе отвѣчающихъ требованіямъ приличія, занятій. Какъ это ни странно покажется тебѣ, Дженни, а мнѣ передавали за вѣрное, что русскіе очень плохо пишутъ по-русски, такъ что для написанія самаго обыкновеннаго письма имъ приходится употреблять значительное напряженіе умственныхъ силъ; что же касается орѳографіи, то она оставляетъ желать слишкомъ многаго. Исключеніе, впрочемъ, остается за заемными письмами и векселями, составленіе которыхъ, вслѣдствіе частой практики, какъ говорятъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго, даже и со стороны орѳографической. Ораторскимъ искусствомъ русскіе похвалиться не могутъ, такъ какъ темы ораторскаго искусства очень ограничены (имъ по большей части приходится или приказывать, или слушать). Въ судахъ, правда, ораторское искусство процвѣтаетъ (я говорю о прокурорахъ и адвокатахъ), но область его имѣетъ слишкомъ ограниченный и спеціальный характеръ; впрочемъ, въ этомъ искусствѣ русскіе адвокаты стяжали себѣ большую славу, и есть многіе, обладающіе завидною способностью говорить, даже не освѣжая себя глоткомъ воды, двадцать четыре часа сряду (если только г. предсѣдатель ни разу не прервётъ), и притомъ говорить такъ, что ни судъ, ни зрители, ни подсудимый, ни самъ ораторъ не могли бы по окончаніи рѣчи сказать, о чемъ именно была рѣчь.

Гораздо короче и, пожалуй, лучше говорятъ на юбилейныхъ обѣдахъ. Этотъ родъ краснорѣчія пользуется здѣсь особеннымъ уваженіемъ, и какъ на лучшаго представителя юбилейнаго краснорѣчія можно указать на одного сѣдого полковника (замѣть, Дженни, лучшимъ

ораторомъ является опять-таки человѣкъ совсѣмъ другой профессіи), который, какъ мнѣ сообщали, ежедневно произноситъ по двѣ рѣчи на торжественныхъ завтракахъ и обѣдахъ, на которые его спеціально приглашаютъ. Такимъ образомъ почтенному полковнику приходится говорить до 730 рѣчей въ годъ и никогда не завтракать и не обѣдать дома.

Казалось бы, ораторское искусство должно было бы процвѣтать въ земскихъ собраніяхъ и дать этой странѣ знаменитыхъ ораторовъ, но оказывается, что земцы предпочитаютъ не выходить изъ предѣла узкохозяйственныхъ интересовъ, и если въ земскихъ собраніяхъ поднимаются оживленные дебаты, то, по большей части, только при назначеніяхъ гонораровъ или при выборахъ. Когда гонорары назначены и выборы кончены, краснорѣчіе земцевъ изсякаетъ.

Въ виду того, что удовлетворить всѣхъ приличныхъ джентльменовъ приличнымъ содержаніемъ и мѣстами нѣтъ никакой возможности, хотя въ этомъ направленіи и дѣлается все возможное, и такъ какъ всѣ постороннія занятія, кромѣ вышепоименованныхъ, считаются предосудительными, то весьма нерѣдко случается, что молодой и благовоспитанный джентльменъ, воспитанный въ строгихъ правилахъ и въ полномъ убѣжденіи, что по окончаніи курса наукъ ему будетъ гарантировано не только хорошее помѣщеніе, одежда и пища, но и дальнѣйшее усовершенствованіе въ наукахъ въ Демидовомъ саду, Буффѣ и въ правленіи какого-нибудь общества, и вдругъ не получившій всего этого,—поставленъ бываетъ въ необходимость сдѣлаться членомъ клуба червонныхъ валетовъ, чтобы по возможности не отстать отъ своихъ сверстниковъ и не покрыть имя свое позоромъ.

У меня есть одна знакомая лэди, которая, показывая мнѣ какъ-то пять своихъ краснощекихъ славныхъ мальчугановъ, изъ которыхъ старшій прекрасно уже умѣлъ напѣвать шансонетки, воскликнула однажды:

— Вотъ, милордъ, какіе славные растутъ джентльмены!

— Да, милэди, прекрасные джентльмены...

— Вотъ этотъ будетъ воиномъ, этотъ — юристомъ, этотъ—морякомъ, этотъ—дипломатомъ, а вотъ этотъ...

— Я, мама, хочу быть садовникомъ!.. — подсказалъ наивно пятилѣтній ребенокъ.

— Вы извините глупаго ребенка, милордъ, — засмѣялась почтенная лэди.—Онъ будетъ администраторомъ...

— А отчего, мама, не садовникомъ? Я хочу быть садовникомъ!

Милэди погладила своего Веніамина по головѣ и сказала:

— Глупенькій! Развѣ тебѣ можно быть садовникомъ?.. Ты будешь администраторомъ. Это лучше...

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, прибавила:

— Я серьезно занимаюсь, милордъ, воспитаніемъ своихъ дѣтей...

Я посвятила этому свою жизнь и нахожу, что напрасно только говорятъ о трудностяхъ... Это очень просто.

Я вспомнилъ знакомое «очень просто» и приготовился слушать.

Дѣйствительно, изъ разговора почтенной лэди оказывалось очень просто. Она заранѣе назначила своимъ дѣтямъ профессіи и соотвѣтствующія заведенія, при чемъ главнѣйшимъ считала «респектабельность». Затѣмъ остальное, какъ она выразилась, «само придетъ». Въ заключеніе разговора она съ негодованіемъ указывала на нѣкоторыхъ русскихъ матерей, которыя не заботятся о респектабельности и такимъ образомъ готовятъ своимъ дѣтямъ печальную участь.

— Я лучше, милордъ, желала бы видѣть своихъ дѣтей покойниками, чѣмъ дожить до того, чтобы они своими прелестными ручками дѣлали черную работу... Это было бы ужасно для матери... не правда ли?

Хотя, разумѣется, не всѣ дамы говорятъ такъ же искренно, но большинство, конечно, думаютъ такимъ образомъ, и воспитаніе не только богатыхъ молодыхъ джентльменовъ, но даже и менѣе состоятельныхъ, направлено единственно къ тому, чтобы сдѣлать изъ дѣтей респектабельныхъ и приличныхъ джентльменовъ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе сдѣлало здѣсь большіе успѣхи, и надо видѣть маленькихъ русскихъ дѣтей, чтобы понять, какіе плоды приноситъ эта система.

Но, любуясь маленькими респектабельными джентльменами, восхищаясь, какъ малютки-мальчики играютъ въ «офицеры» и «чиновники» и какъ маленькія прелестныя миссисъ, несмотря на свои года, умѣютъ себя держать въ обществѣ, я все-таки нерѣдко вспоминаю объ участи двухъ генераловъ, выброшенныхъ на необитаемый островъ.

Когда однажды я высказалъ эти мысли одному почтенному отцу семейства, то онъ, къ крайнему моему удивленію, засмѣялся и отвѣтилъ:

— Эхъ, милордъ, напрасно такія мысли!.. Къ чему имъ попадать на необитаемые острова? На ихъ вѣкъ еще хватитъ хорошихъ окладовъ въ населенныхъ мѣстахъ!

До свиданія, Дженни... Будь здорова.

Письмо семнадцатое.

Дорогая Дженни!

Благодаря Всевышнему и сертификатамъ, предусмотрительно взятымъ мною изъ Петербурга, я съѣздилъ въ Москву безъ всякихъ чувствительныхъ для моей чести и для моей физіономіи приключеній, если не считать за таковыя кое-какія недоразумѣнія относительно моей личности, какъ знатнаго иностранца, и происшедшія вслѣдствіе того небольшія задержки въ теченіе моей экскурсіи во вторую столицу имперіи.

Во избѣжаніе односторонности сужденій, я долженъ однако предупредить тебя, Дженни, что на подобныя дорожныя приключенія, какъ

на явленія весьма обыкновенныя, русскіе путешественники не обращаютъ большого вниманія и даже отказываются называть ихъ приключеніями, а называютъ ихъ маленькими недоразумѣніями.

По этому поводу одинъ изъ моихъ русскихъ друзей далъ мнѣ слѣдующее объясненіе насчетъ различія между «приключеніемъ» и «недоразумѣніемъ»:

— Если бы, достойный лордъ Розберри, вы получили какое-либо серьезное тѣлесное поврежденіе, влекущее за собою увѣчье или смерть,—а подобныя поврежденія всегда возможны въ путешествіяхъ, милордъ!—то тогда вы могли бы сказать, что испытали приключеніе...

— Пожалуй, въ такомъ случаѣ и говорить было бы поздно?—замѣтилъ я, смѣясь.

— Поздно не поздно, но во всякомъ случаѣ справедливо... Или если бы вы, напримѣръ, испытали непредвидѣнную задержку въ пути, этакъ свыше мѣсяца, или наконецъ, если-бъ по разсѣянности, что ли, желѣзнодорожнаго управленія (а они, надо правду сказать, разсѣянны-таки!) васъ, милордъ, вмѣсто матушки Москвы привезли бы въ Архангельскъ или Пинегу — тогда, милордъ, вы бы имѣли несомнѣнное право сказать въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, что испытали дѣйствительное приключеніе... Всѣ же остальныя, какъ вы называете, приключенія мы называемъ маленькими недоразумѣніями... Въ концѣ концовъ, мой дорогой знатный иностранецъ, вы можете по чести сказать, что съѣздили безъ приключеній... Что же касается маленькихъ путевыхъ недоразумѣній, то согласитесь, что безъ нихъ обойтись въ путешествіяхъ невозможно. Скажу болѣе: по моему мнѣнію, они даже разнообразятъ томительную и однообразную скуку путешествія въ вагонахъ!

При этомъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, мой русскій другъ довольно весело разсказалъ, какъ однажды съ нимъ случилось въ дорогѣ маленькое недоразумѣніе, заключавшееся въ томъ, что ему пришлось—онъ забылъ, Дженни, взять съ собою паспортъ—прожить въ какомъ-то маленькомъ городкѣ (имя городка не припомню) нѣсколько дней, такъ какъ моего друга приняли за англичанина (это было въ началѣ войны) и удивлялись, почему онъ говоритъ по-русски, а не по-англійски.

— И прожилъ, милордъ,—весело говорилъ русскій.—Прожилъ до тѣхъ поръ, пока не выяснилось окончательно, что я по-англійски не говорю ни слова и что служу въ департаментѣ... Отъ скуки этотъ случай былъ даже пріятнымъ развлеченіемъ...

Такимъ образомъ, выражаясь языкомъ русскихъ, я съѣздилъ въ Москву безъ приключеній.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я сообщалъ тебѣ, дорогая Дженни, что одинъ изъ моихъ русскихъ пріятелей былъ настолько обязателенъ, что пригласилъ меня сдѣлать экскурсію въ Москву вмѣстѣ и показать мнѣ въ этомъ городѣ все, что есть особенно примѣчательнаго. Я,

конечно, съ удовольствіемъ воспользовался любезнымъ приглашеніемъ мистера N., весьма обязательнаго господина, занимающаго довольно видное положеніе въ обществѣ въ званіи червоннаго туза (это, Дженни, титулъ, соотвѣтствующій англійскому титулу виконта, съ тою только разницею, что званіе червоннаго туза не наслѣдственно), и ровно десять дней тому назадъ мы вмѣстѣ съ названнымъ джентльменомъ отправились на желѣзную дорогу (завѣщаніе я, конечно, сдѣлалъ накапунѣ дня отъѣзда и передалъ на храненіе въ контору нотаріуса). Мы взяли мѣста перваго класса не на курьерскомъ, а на почтовомъ поѣздѣ, чтобы имѣть случай ѣхать днемъ, а не ночью, и видѣть живописную мѣстность около столицы.

Что мнѣ особенно понравилось, Дженни, на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ и чего мы лишены въ Англіи, это та трогательная любезность, съ которой относятся къ пассажирамъ. На дебаркадерѣ и около поѣзда было достаточное количество агентовъ, весьма привѣтливо исполняющихъ обязанность помогать пассажирамъ въ разныхъ ихъ надобностяхъ; въ этомъ случаѣ русскимъ предлагается весьма широкая помощь, и я въ тотъ же день видѣлъ, съ какою обходительностью двое изъ вышеназванныхъ джентльменовъ сопровождали какого-то юнаго господина и какъ заботливо не только усадили его въ вагонъ, но даже и сѣли вмѣстѣ съ нимъ.

Когда я спросилъ объясненія такой заботливости у моего спутника, то онъ отвѣчалъ:

— Это, милордъ, сопровождаютъ больного.

— Вѣроятно, у него нѣтъ родственниковъ?

— Вѣроятно!—замѣтилъ мой спутникъ и пригласилъ меня садиться въ вагонъ.

Мы сѣли въ вагонъ, и я изъ окна еще разъ имѣлъ случай убѣдиться, что здѣсь за безопасностью гражданъ надзоръ самый внимательный. Такъ, послѣ третьяго звонка какая-то женщина въ національномъ костюмѣ, стремительно бѣжавшая, чтобы сѣсть въ вагонъ, была деликатно остановлена въ своемъ бѣгѣ у рѣшетки желѣзнодорожнымъ служителемъ.

— Пропустите... голубчикъ... родной...—впопыхахъ и какимъ-то отчаяннымъ голосомъ произнесла она, съ мольбой взглядывая на служителя.

— Никакъ нельзя, третій звонокъ.

— Я успѣю. Билетъ-то какъ же? Господи!

— Опоздали. Поѣздъ сейчасъ тронется!

Женщина отчаянно рванулась-было, но ее оттащили назадъ, и въ это время поѣздъ тихо тронулся.

— Отчего это не пустили эту женщину?—спросилъ я у моего спутника.

— Третій звонокъ былъ, милордъ!

— Но она успѣла бы сѣсть въ теченіе того времени, которое было потрачено на остановку ея.

— Садись раньше. У насъ, милордъ, во избѣжаніе несчастій, существуетъ правило—не пускать послѣ третьяго звонка. Долгъ человѣколюбія. Мы народъ человѣколюбивый.

Въ этомъ, разумѣется, Дженни, нельзя отказать русскимъ. И трогательное ухаживаніе за больнымъ, у котораго нѣтъ родственниковъ, и случай съ женщиной несомнѣнно подтверждаютъ эту черту, но мнѣ кажется, что едва ли русскіе не черезчуръ пользуются своею любовью расточать человѣколюбіе и заботу о безопасности гражданъ.

Въ нашемъ вагонѣ пассажировъ было порядочно. Сперва русскіе какъ-то косо смотрѣли другъ на друга, точно боясь, что каждый либо укуситъ другъ друга, либо обвинитъ въ недостаткѣ уваженія къ порядкамъ (а такого обвиненія русскіе, Дженни, боятся словно огня), либо вдругъ объявится какимъ-нибудь любопытнымъ путешественникомъ, спеціально занимающимся наблюденіемъ характеровъ. Я нерѣдко замѣчалъ, Дженни, такую осторожность во всѣхъ русскихъ общественныхъ сборищахъ и увеселительныхъ мѣстахъ, но точно также замѣчалъ, что русскіе, по свойственному имъ добродушію и легкомыслію, не могутъ долго выдерживать обязательнаго молчанія и, забывъ благоразуміе и осторожность, даютъ волю наклонности своей къ болтливости и посвящаютъ въ свои даже супружескія отношенія совершенно незнакомыхъ или мало знакомыхъ людей.

То же самое случилось и въ нашемъ вагонѣ. Едва мы только проѣхали Колпино (первую станцію), гдѣ, какъ мнѣ объяснилъ мой спутникъ, находятся прекрасные заводы морского министерства, какъ большая часть пассажировъ оставила газеты, и мало-по-малу завязались разговоры и бесѣды приняли болѣе или менѣе оживленный характеръ.

Невдалекѣ отъ насъ какой-то молодой джентльменъ, одѣтый въ полосатый костюмъ, разсказывалъ своему сосѣду, полковнику, что у него, у этого молодого человѣка, триста тысячъ годового дохода, и что онъ ѣдетъ въ Москву съ спеціальной цѣлью отслужить молебенъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, близъ Москвы, и «разнести» (онъ такъ и сказалъ: «разнести») одинъ изъ московскихъ трактировъ, такъ какъ онъ страдаетъ скукой и не знаетъ, что̀ дѣлать съ своими доходами и собственной персоной. Я, признаться, очень заинтересовался молодымъ человѣкомъ, обладающимъ такимъ состояніемъ и отъ скуки разбивающимъ трактиры. Онъ съ виду былъ еще очень молодъ, говорилъ громко, часто смѣялся и, видимо, желалъ обратить на себя вниманіе. Отъ своего спутника я узналъ, что онъ единственный сынъ петербургскаго купца-милліонера и что онъ, дѣйствительно, не зная, что̀ дѣлать съ деньгами и какъ убить время, нерѣдко предпринимаетъ путѣшествія по Россіи съ цѣлью повеселиться. Молодой джентльменъ

разсказывалъ, что ему скучно, что вчера онъ набилъ посуды на полторы тысячи рублей въ одномъ изъ петербургскихъ трактировъ, но что это ему не доставило большого развлеченія, при чемъ сжегъ, по его словамъ, въ присутствіи банковаго чиновника на десять тысячъ кредитныхъ билетовъ въ каминѣ, за что разсчитываетъ получить медаль на шею за спасеніе погибавшихъ. Какое отношеніе имѣетъ сожиганіе кредитныхъ билетовъ съ медалью за спасеніе погибавшихъ, молодой человѣкъ такъ и не объяснилъ. И вообще, сколько я могъ замѣтить, онъ говорилъ безъ особенной заботливости о логикѣ; слова, казалось, такъ же случайно вылетали у него изъ устъ, какъ случайно складывались у него въ головѣ капризныя мысли. Онъ затѣмъ уже потише разсказалъ, что француженки и нѣмки ему надоѣли, и что онъ выписалъ недавно, при посредствѣ одного торговаго дома, одну малайку и одну негритянку. Онѣ скоро пріѣдутъ. Онъ ихъ покупаетъ за десять тысячъ рублей.

— Вѣдь дешево, полковникъ?—спросилъ онъ, обращаясь прямо къ отставному полковнику.

Полковникъ только засмѣялся и сказалъ, что дешево.

— А то не знаешь, куда садить деньги, полковникъ. Ей-Богу, не знаешь. Посовѣтуйте-ка, полковникъ. Вы должны знать, вы человѣкъ опытный. Я вотъ тоже пожертвовалъ на поимку Геделя, нѣмецкаго анархиста, десять тысячъ талеровъ, за что получилъ отъ самого Бисмарка благодарственное письмо, но при этомъ министерство извѣщало меня, что Гедель давно пойманъ и даже казненъ. Тогда я просилъ оставить деньги на какія-нибудь другія нужды, но за это дать мнѣ орденъ pour le mérite. Мнѣ бы хотѣлось, знаете ли, что-нибудь такое необыкновенное сдѣлать, но, поднте-жъ, ничего необыкновеннаго въ умъ не приходитъ. Я думаю, фантазіи мало? По вашей опытности, полковникъ, у васъ должно быть много фантазіи? а?

И, не дожидаясь отвѣта, молодой человѣкъ вдругъ перемѣнилъ сразу тему разговора и спросилъ:

— Какъ вы находите мой образъ мыслей, полковникъ? Скажите откровенно.

— Откровенно скажу, сэръ, я нахожу вашъ образъ мыслей вполнѣ благонамѣреннымъ. Вы ничего предосудительнаго не дѣлаете, живете въ свое удовольствіе, на свои капиталы.

— Это мнѣ всѣ говорятъ... Недавно я увлекся и переломилъ два ребра—признаться, я былъ нѣсколько возбужденъ, много пилъ—татарину въ ресторанѣ. Но за эти два ребра я, полковникъ, заплатилъ двѣ тысячи, т. е. по тысячѣ за ребро. Согласитесь, что по тысячѣ за ребро, да еще татарское, это вѣдь благонамѣренно? Мнѣ такъ и сказали, но только одинъ пріятель замѣтилъ, что я дорого далъ... «Того, говоритъ, хамскія ребра не стоятъ». Но вѣдь и я изъ хамовъ, а мое ребро стоитъ дороже.—«Положимъ,—отвѣтили мнѣ:—и вы хамъ, но вы хамъ съ капиталомъ...»

Молодой человѣкъ, закончивъ свой разсказъ, захохоталъ такъ громко, что сидѣвшія въ другомъ углу двѣ дамы даже вздрогнули.

Здѣсь я считаю необходимымъ пояснить тебѣ, Дженни, что «хамами» (потомками Хама) въ этой странѣ зовется весьма многочисленный классъ людей. По словамъ многихъ ученыхъ, эти господа и по строенію тѣла и по строенію желудка значительно отличаются отъ другихъ сословій, и вотъ почему большинство названныхъ потомковъ второго сына Ноя являютъ такую замѣчательную склонность къ растительной пищѣ и какъ бы подтверждаютъ доказательство, приведенное недавно профессоромъ Бекетовымъ, что растительная пища ничуть не менѣе питательна мясной. Нѣкоторые русскіе ученые идутъ даже дальше и на основаніи сдѣланныхъ опытовъ удостовѣряютъ, напримѣръ, что хамы по строенію желудковъ близко подходятъ къ верблюдамъ и могутъ не только безъ всякаго вреда для здоровья, а, напротивъ, даже съ пользой для послѣдняго, оставаться безъ пищи въ теченіе времени отъ одного дня до трехъ, послѣ чего съѣдать не болѣе двухъ фунтовъ хлѣба и запивать его водой. Такой образъ жизни, по словамъ ученыхъ, способствуетъ долголѣтію, во-первыхъ, и исправному поступленію платежей, во-вторыхъ, такъ какъ личныя потребности, при такомъ образѣ жизни, сократятся значительно и облегчатъ экономическое положеніе настоящаго времени, неудовлетворительность котораго главнымъ образомъ происходитъ, если вѣрить нѣкоторымъ изслѣдователямъ, отъ обжорства русскихъ хлѣбопашцевъ. Эти мысли, разработанныя съ большою обстоятельностью и подробностью, какъ говорятъ, послужили одному изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей матеріалами для составленія проекта о податной реформѣ *) для увеличенія доходности платежныхъ силъ безъ особеннаго ихъ отягощенія. Съ этою цѣлью нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ производились опыты въ большихъ размѣрахъ въ одной изъ губерній, давшіе, какъ мнѣ говорили, весьма успѣшные и утѣшительные результаты. Съ таковой же цѣлью, Дженни, и товарищество продовольствія (такъ какъ многіе изъ его членовъ находятся въ числѣ членовъ тайнаго (пока) общества вегетаріанцевъ) производило опыты надъ солдатами, поставляя имъ нерѣдко, какъ свидѣтельствуютъ офиціальныя данныя, сухари съ посторонними примѣсями, и опять-таки и въ данномъ случаѣ опыты при-

*) Едва ли нужно напоминать читателю о нелѣпости сообщаемаго знатнымъ иностранцемъ свѣдѣнія относительно опытовъ, сдѣланныхъ будто бы русскими учеными. Въ этомъ, какъ остроумно выразился недавно Бисмаркъ, «сводѣ правды и лжи» трудно отдѣлить одну отъ другой; вотъ почему мы сочли лучшимъ перевести цѣликомъ это мѣсто, какъ доказательство, какъ легко даже и доброжелательному къ намъ англичанину впадать въ ошибки, происходящія, по всей вѣроятности, отъ излишняго довѣрія къ словамъ нашихъ же соотечественниковъ, имѣвшихъ случай бесѣдовать съ почтеннымъ путешественникомъ.

Прим. переводчика.

вели къ результатамъ весьма утѣшительнымъ. Тѣмъ не менѣе опыты еще продолжаются, и уже послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ экспериментовъ ученые разсчитываютъ, на основаніи точныхъ и разнообразныхъ данныхъ, установить принципы податной реформы.

Однако, Дженни, я увлекся въ сторону. Продолжаю описывать свои дорожныя впечатлѣнія. Молодой джентльменъ весело разсказывалъ сосѣду о бывшей недавно въ Петербургѣ травлѣ дикихъ звѣрей (я, Дженни, не былъ на ней). Публика ждала кровожаднаго зрѣлища, публики на эту травлю собралось много, и все публика избранная; но пришлось разочароваться. Звѣри оказались такими смирными, что ихъ пришлось палками выгонять на бойню. Это очень было жаль. Мало интереснаго. Одинъ волкъ, такъ тотъ, по словамъ разсказчика, прямо-таки бросился на колѣни передъ распорядителями и такъ жалобно завылъ, словно бы говоря, что онъ старъ и слабъ, что противно было, по словамъ молодого человѣка, смотрѣть на этого волка. И собакамъ нелестно было травить такихъ звѣрей. Когда пошла настоящая расправа, было веселѣй. Многія дамы находили, что это очень пріятное зрѣлище...

— Въ Римѣ же травили людей,—замѣтилъ кто-то.

— Я не знаю, что было въ Римѣ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ:— но что я самъ травилъ у отца на фабрикѣ крестьянскихъ дѣвушекъ— это я знаю... Любопытно... Собаки у меня, знаете ли, были хорошія...

— Этотъ джентльменъ, разумѣется, лжетъ?—спросилъ я у спутника.

Онъ какъ-то загадочно улыбнулся, пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Конечно, прибавляетъ. Такіе купеческіе сынки любятъ прибавить... Въ сущности, милордъ, этотъ господинъ добрый малый... Онъ еще молодъ, не получилъ надлежащаго образованія... ну и бѣсится... Перебѣсится, женится, станетъ полезнымъ членомъ общества и, повѣрьте, не будетъ бросать зря деньги. Конечно, печально, что тратятся силы и капиталъ такъ непроизводительно. Я знаю, ему предлагали мѣсто директора, но онъ отказался: мнѣ, говоритъ, и такъ некуда дѣвать денегъ. Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ благонадежному элементу общества, и повѣрьте, милордъ, что для общества гораздо пріятнѣе видѣть всѣ эти безобразія, если хотите, чѣмъ увлеченія другого характера... У него братъ есть—онъ еще при жизни отца оставилъ родительскій домъ и лишенъ наслѣдства. Тотъ хоть и не травитъ людей, а, право, по мнѣ, хуже. Между извѣстными коммерсантами есть почтенные люди, которые въ молодости увлекались такъ же, но потомъ, перебѣсившись, стали другими людьми. Я не защищаю... Развлеченія его вульгарны, но примите въ соображеніе молодость и не вините его строго.

Мой спутникъ, Дженни, еще нѣсколько времени говорилъ на эту тему. Онъ въ качествѣ «истинно-русскаго» человѣка (такъ нынче себя называютъ многіе) выработалъ твердыя убѣжденія. Онъ глядитъ сквозь пальцы на такія «шалости», но онъ стоитъ горой за нравственность.

А молодой человѣкъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вы думаете, что я вру... Зачѣмъ врать!.. Я, ей-Богу, травилъ, ну, конечно, для страха... Собаки дрессированныя... Сейчасъ оставляли... до серьезнаго дѣла не доходило... Такъ, до первой крови, а потомъ по тысячѣ рублей каждой... Весело...

— Я думаю, дѣвушки были довольны?

— Еще бы... По тысячѣ рублей каждой!

Одинъ изъ пассажировъ, худощавый, прилизанный нѣмецъ, съ негодованіемъ отвернулся въ сторону и замѣтилъ другому нѣмцу, спутнику своему, насчетъ того, что русскіе—необразованный народъ и вообще «свиньи».

Отъ молодого человѣка не укрылось, какъ кажется, движеніе неудовольствія нѣмца, и онъ громко продолжалъ:

— А я еще, полковникъ, что сдѣлалъ... Сижу я разъ у окна... скука такая, что хоть сейчасъ въ Неву: спать не хочется, ѣсть не хочется, пить не хочется... Вижу — идетъ по улицѣ нѣмецъ. Я и крикнулъ:—«Нѣмецъ, пожалуйте сюда!» Онъ оглянулся.—«Хочешь, говорю, нѣмецъ, получить тысячу рублей?»—«А какая работа будетъ?» Вижу—человѣкъ сговорчивый, зову его въ домъ. Пришелъ. Оказался гражданинъ изъ Мекленбурга. Пріѣхалъ въ Россію дѣлать сосиски. Я ему и говорю:—«Я вамъ, нѣмецъ, могу дать тысячу рублей, потому у меня дохода триста такихъ тысячъ». Нѣмецъ поклонъ.—«Я и двѣ тысячи могу дать». Нѣмецъ другой поклонъ, и ниже.—«Я и три тысячи могу дать». Нѣмецъ осовѣлъ совсѣмъ, а мнѣ любопытно.—«Какая же работа?»—«А вотъ, нѣмецъ, какая... Поцѣлуй ты кобылу въ хвостъ три раза... Эта кобыла хоть и не Бисмарка, а тожс историческая кобыла: на ней, говорю, катался сіамскій принцъ!» — «Настоящій, спрашиваетъ, принцъ?»—«Настоящій, какъ есть!»—«Аттестатъ у васъ есть?»—«Есть и аттестатъ!» Я показалъ аттестатъ, и нѣмецъ согласился. Пошли въ конюшню, и онъ исполнилъ въ точности условіе, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Съ тѣхъ поръ его колбасная пошла въ гору, и мы съ нимъ большіе пріятели.

Разсказъ этотъ возбудилъ, Дженни, большое оживленіе. Нѣкоторые, смѣясь, находили, что молодой человѣкъ дорого далъ, а два нѣмца тихо замѣтили, что если лошадь дѣйствительно была принца, то со стороны мекленбуржца ничего дурного не было. Тѣмъ не менѣе этотъ господинъ (сказали они)—свинья, потому что поощрилъ корыстолюбіе. Они бы безъ всякаго вознагражденія поцѣловали, напримѣръ, кобылу Бисмарка, если-бъ только такая честь имъ была предоставлена.

На разговоръ въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, подошелъ плотный джентльменъ и отрекомендовался купцомъ первой гильдіи изъ Москвы. Онъ очень радъ познакомиться — зналъ покойнаго отца молодого джентльмена. Очень хорошій человѣкъ былъ покойный батюшка!

— Вотъ вы говорили сейчасъ насчетъ травли. Конечно, по молодости—развлеченіе. А у насъ въ Москвѣ скоро жидовъ травить будутъ!

Я, признаться, Дженни, даже привскочилъ отъ удивленія.

— Вѣрно говорю: собираемся жидовъ травить. Такъ, настоящимъ образомъ хотимъ травить, потому очень обижаетъ насъ жидъ. У насъ было предположеніе на лбы имъ клейма ставить для отлички отъ христіанъ, насчетъ этого мы даже депутацію послали въ Петербургъ, и я въ качествѣ депутата ѣздилъ, но никакого пока отвѣта мы не получили. А покамѣстъ мы такъ хотимъ, конфиденціально, жидовъ травить. Въ думѣ объ этомъ даже разговоръ былъ, чтобы Ходынское поле для этого приспособить.

— Однако-жъ,—замѣтилъ полковникъ:—какъ на это начальство взглянетъ?

— Да вѣдь мы, г. полковникъ, изъ патріотическаго чувства. Намъ бы для примѣра двухъ-трехъ жидовъ потравить — и довольно, такъ какъ обидно русскому чувству, что вдругъ жидъ и солдата обижаетъ... А вы развѣ думаете, что начальство не разрѣшитъ?

— Полагаю,—отвѣчалъ полковникъ.

— А вѣдь зрѣлище было бы уморительное,—хохоталъ молодой человѣкъ.—Я бы на эту штуку десять тысячъ пожертвовалъ!

— Я пять даю. Потому жидъ у меня изъ-подъ носа вырвалъ подметку... Страшно, если начальство воспрепятствуетъ въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ... Мы бы съ адресомъ!

Молодой человѣкъ сперва долго смѣялся, но вдругъ смолкъ, задумался и, шепнувъ полковнику что-то, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ вагона, при чемъ проговорилъ:

— Можетъ-быть, полковникъ, какая-нибудь хорошенькая подвернется, и мы можемъ взять семейный вагонъ.

Сидѣвшій въ сторонкѣ, но внимательно прислушивавшійся къ разговору какой-то джентльменъ съ зоркими глазами, бѣгавшими съ безпокойной скоростью съ предмета на предметъ, словно бы выискивая, что можно при случаѣ пріобрѣсти въ свою собственность, румяный, плотный, изысканно одѣтый, съ хорошей окладистой бородой, онъ пересѣлъ поближе къ купцу и не безъ значительности въ тонѣ замѣтилъ ему:

— Конечно, травля жида съ извѣстной точки зрѣнія составляетъ даже патріотическое дѣяніе, но при этомъ надо обратить вниманіе и на то, что если ваша охота, или, если хотите, ваша добровольная охотничья сдѣлка не будетъ обставлена надлежащими юридическими гарантіями, и притомъ адвокатъ недостаточно знакомъ съ этимъ отдѣломъ судопроизводства, то вѣдь за это можно, знаете ли, проѣхаться въ такія мѣста, гдѣ не проведены еще желѣзныя дороги.

— Такъ-то оно такъ, но только у насъ идутъ дѣятельныя пригo-

товленія. Выработана уже комиссія, и я, сударь, членъ этой комиссіи. Пріискали адвоката, собакъ и двухъ жидовъ; жиды уже почти дали свое согласіе, чтобы ихъ травили на Ходынскомъ полѣ за приличное вознагражденіе, но только не до смерти. А тамъ будь что будетъ... Мы, москвичи, когда разойдемся, народъ рѣшительный.

— А сколько вы намѣрены предложить повѣренному?

— Торгуемся, сударь. Проситъ двадцать, даемъ восемь.

— Я самъ присяжный повѣренный (онъ назвалъ свою фамилію и подалъ карточку) и спеціалистъ по дѣламъ, возникающимъ вслѣдствіе разныхъ неосторожныхъ охотъ (я самъ, милостивый государь, страстный охотникъ!). Вы, быть-можетъ, слышали, какъ въ Рязанской губерніи нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна веселая компанія, въ которой былъ и губернаторъ, по ошибкѣ вмѣсто зайца затравила пастуха? Слышали? Ну, такъ это я защитилъ неосторожныхъ охотниковъ. Я самый. Они до сихъ поръ ежегодно присылаютъ мнѣ благодарственныя письма и вспоминаютъ, какъ я тогда на судѣ говорилъ. Всѣхъ знаменитыхъ охотниковъ вспомнилъ... Вильгельмъ Телль, Жюль Жераръ, Черкасовъ. Умоизступленіе... аффектъ... Или еще: помните извѣстный случай, всѣ газеты печатали: дрессированныя собаки были у помѣщика, которыя бросались на входившихъ и мимопроходившихъ поселянъ и кусали ихъ до тѣхъ поръ, пока не слышали свистка? Интересное дѣльце было! И опять-таки я защищалъ... На три степени наказаніе спустили... Или еще...

— Да вы, быть-можетъ, дорого берете?

— То-то и есть, что такса моя, напротивъ, самая низкая. Можно даже по совѣсти сказать, что цѣна моя дешевле пареной рѣпы. Я въ отношеніи гонораровъ придерживаюсь здравыхъ экономическихъ принциповъ: усиливаю производство насчетъ его удешевленія. У меня, батюшка, правило: не грабить. Если бы я хотѣлъ грабить, то развѣ я сидѣлъ бы теперь здѣсь, а не въ Бухарестѣ? Какъ вы думаете? Я бы взялъ всего пять тысячъ и представилъ бы на судѣ вашъ патріотическій порывъ въ такомъ настоящемъ видѣ, что васъ бы не только оправдали, но москвичи адресъ бы вамъ поднесли. Ей-Богу!

Джентльменъ говорилъ бойко, не безъ огонька, и время отъ времени кидалъ и на меня свои безпокойные взгляды. Спутникъ мой давно уже дремалъ, такъ какъ онъ плохо, по его словамъ, спалъ всю ночь. Московскій купецъ, казалось, поддавался увѣщаніямъ адвоката. Онъ слушалъ его внимательно.

— А вы-то сами кто будете?.. То-есть, я позволю спросить, какой націи?—спросилъ купецъ.

— Я? Русскій! Настоящій, самый подлинный русскій.

— Однако, сударь, извините, но имя ваше сомнительное.

Онъ повертѣлъ въ рукахъ карточку и прочелъ не безъ запинанія при чтеніи печатныхъ строчекъ:

— Исаакъ Исааковичъ Шпицбергъ.

— Такъ что же?

— Точно, знаете ли, пахнетъ чѣмъ-то, знаете ли... Я, сударь, по-московски, на чистоту... этакъ какъ будто бы жидомъ...

Я думалъ, Дженни, что джентльменъ, къ которому такъ «на чистоту» обратился почтенный московскій купецъ, разсердится, но, къ крайнему моему удивленію, онъ такъ добродушно раскатился смѣхомъ, что купецъ сперва широко открылъ глаза, но вскорѣ и самъ засмѣялся на весь вагонъ.

— Ха-ха-ха!.. Это одинъ обманъ носа!.. Ей-Богу!.. Ха-ха-ха! Понюхайте-ка поближе...

— Ха-ха-ха!—вторилъ московскій купецъ.—Ничѣмъ не пахнетъ!.. Только фамилія...

— Фамилія?.. Отецъ мой былъ, батюшка, нѣмецъ, а мать венгерка, этого я не скрою, но настоящій мой отецъ, понимаете, былъ москвичъ... да и мать, если правду говорить, больше была венгеркой по имени. Самъ же я настоящій русскій: смотрите!

И съ этими словами джентльменъ перекрестился три раза и поцѣловалъ крестъ, вытащенный имъ съ шеи.

Это, повидимому, окончательно разсѣяло всѣ сомнѣнія москвича, и онъ сказалъ:

— Вижу, что вы настоящій русскій. Ужо въ Москвѣ потолкуемъ; вы приходите ко мнѣ...

Онъ сообщилъ свою фамилію и адресъ (которые были немедленно записаны джентльменомъ въ записную книжку) и при этомъ прибавилъ:

— Да, смотрите, осторожнѣй въ ворота входите. Я тоже псовъ держу на случай...

Въ скоромъ времени вернулись молодой богатый джентльменъ съ отставнымъ полковникомъ. По словамъ ихъ, экскурсія была неудачна. Подходящихъ дамъ не было. Впрочемъ, скоро буфетъ... Можно закусить... Разговоръ принялъ какое-то странное направленіе, сущность котораго трудно, Дженни, передать. Говорили о трактирѣ Тѣстова въ Москвѣ, разсказывали о томъ, какъ можно излѣчиться отъ запоя (московскій купецъ по этому случаю разсказалъ случай изъ собственной жизни) и т. п. О внѣшней политикѣ почти не говорили. Разъ только, и то словно мимоходомъ, замѣтили, что Бисмарку русскихъ не провести, что это онъ напрасно думаетъ, и вслѣдъ затѣмъ снова рѣчь зашла о трактирѣ Тѣстова и о преимуществѣ его передъ петербургскимъ трактиромъ Палкина. По части внутренней политики разговоръ тоже не отличался оживленностью; отставной полковникъ объяснялъ, правда, что теперь въ Петербургѣ, благодаря коннымъ казакамъ на улицѣ, всѣ недобрые люди опустили головы, а добрые люди подняли ихъ, но кто-то замѣтилъ, что объ этомъ уже было писано въ газетахъ,

почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Въ этомъ направленіи разговоръ какъ-то не клеился. Москвичъ передалъ слухъ, что будто у одного казака лошадь украли, но адвокатъ, напротивъ, разсказывалъ, что будто бы, наоборотъ, у казака вдругъ очутилось вмѣсто одной двѣ лошади, и что когда его спросили, откуда у него другая лошадь, то онъ, не задумавшись, отвѣтилъ, что эту другую лошадь въ ночь родила его собственная лошадь. Впрочемъ, полковникъ изъ достовѣрныхъ источниковъ слышалъ, что оба эти слуха невѣрны... Бесѣда, за недостаткомъ пищи для нея, изсякала; тогда адвокатъ хотѣлъ-было начать разсказъ о какомъ-то занимательномъ, по его словамъ, воровствѣ, который сократитъ время до обѣда, но молодой человѣкъ капризно замахалъ головой и предложилъ лучше сыграть въ винтъ. Предложеніе было принято съ восторгомъ и немедленно было приведено въ исполненіе...

Убаюкиваемый однообразнымъ видомъ лѣсовъ, болотъ и полей, съ разбросанными тамъ и сямъ русскими деревнями, я сталъ дремать, и сквозь пріятную дремоту до меня доносились энергично произносимые возгласы: «Пики, трефы, черви!» и какіе-то обрывки разговоровъ и шутокъ. Идетъ рѣчь, какъ гдѣ-то въ клубѣ кого-то посѣкли. Вотъ слышу я веселый голосъ московскаго купца:—«Бубны... Меня нельзя посѣчь, полковникъ?»—«Отчего же и не посѣчь!»—доносится сквозь смѣхъ отвѣтъ полковника.—«Очень просто!»—поддакиваетъ звонкій голосъ адвоката.—«И больно, должно-быть?»—раскатывается юноша-милліонеръ, не знающій, куда дѣвать своихъ доходовъ и собственной своей персоны. Затѣмъ снова: «пики, трефы, бубны!», и вслѣдъ затѣмъ уже смѣется самъ адвокатъ и спрашиваетъ:—«И меня также?»—«Очень просто!..» Веселый взрывъ хохота и опять пики, трефы и бубны...—«И меня также?»—«Очень просто!..»—«Ха-ха-ха!.. Пики трефы, бубны!»

Для меня было очевидно, что карты привели моихъ случайныхъ спутниковъ въ прекрасное настроеніе; а когда русскіе, Дженни, находятся въ хорошемъ настроеніи, то они любятъ шутить, при чемъ, сколько я замѣтилъ, шутки ихъ по преимуществу имѣютъ объектомъ какое-нибудь тѣлесное поврежденіе и загадки о томъ, можно или нельзя подвергаться имъ безъ особеннаго для здоровья и чести ущерба.

Подобный родъ шутки, сколько мнѣ кажется, Дженни, у русскихъ является результатомъ избытка силъ, свойственнаго молодымъ націямъ. Народъ веселый, добронравный, крайне неприхотливый и неиспорченный, русскіе, вслѣдствіе недостатка обязательныхъ гимнастическихъ упражненій ума и тѣла (здѣсь, Дженни, какъ я уже замѣчалъ, въ школахъ гимнастика не входитъ въ курсъ обязательныхъ упражненій), любятъ время отъ времени заниматься «гимнастикой ума» въ видѣ шутливыхъ шарадъ, предлагаемыхъ другъ другу. Поэтому здѣсь не

рѣдкость услышать, какъ даже въ респектабельныхъ семействахъ (я уже не говорю о менѣе респектабельныхъ) однимъ изъ самыхъ распространенныхъ шутливыхъ послѣобѣденныхъ разговоровъ бываютъ нѣжныя шутки, въ родѣ такихъ:—«А что, Natalie, какъ ты думаешь, можно тебя посѣчь?» — весело спрашиваетъ мужъ. Обыкновенно супруга конфузится сначала, но потомъ даже пугается. — «Ну, какъ ты думаешь?» — «Я думаю, нельзя...» — нерѣшительно замѣчаетъ Natalie.— «А я думаю, что это очень просто... Но ты не пугайся. Ха-ха... Я пошутилъ!..»

Въ моемъ присутствіи, Дженни, бывали подобные разговоры въ двухъ-трехъ семействахъ, и потому я нисколько не удивился, когда сквозь дремоту услышалъ подобнаго же характера бесѣду между играющими въ карты джентльменами... Это одна изъ особенностей (и, по совѣсти тебѣ сказать, довольно патріархальная) русскихъ правовъ.

Подъ нескончаемые возгласы о бубнахъ и пикахъ и подъ веселыя бесѣды о розгахъ я заснулъ и видѣлъ во снѣ, какъ и московскій купецъ, и молодой милліонеръ, и отставной полковникъ, и юркій джентльменъ-адвокатъ стали сѣчь другъ друга по очереди. Затѣмъ послѣ этой операціи они поблагодарили за науку и продолжали играть въ карты, какъ ни въ чемъ не бывало, при чемъ весело подсмѣивались другъ надъ другомъ: «Ну, что теперь скажете, можно или нельзя?»—говорили они другъ другу...

Сновидѣнія смѣнялись одно за другимъ... Веселый взрывъ хохота вдругъ разбудилъ меня. И было во-время: мы подъѣзжали къ станціи, гдѣ слѣдовало обѣдать.

Играющіе оставили на время игру и рѣшали вопросъ о томъ, какое вино они будутъ пить за обѣдомъ.

Я разбудилъ своего сосѣда. Онъ проснулся съ трудомъ, долго протиралъ глаза, но все еще, казалось, не приходилъ въ себя.

— Ахъ, милордъ, какой странный сонъ я видѣлъ!..—проговорилъ онъ какъ бы въ забытьѣ.

— Интересный?

— Снилось мнѣ, будто бы я, милордъ, гдѣ-то незамѣтно укралъ полтора милліона, купилъ себѣ домъ на Англійской набережной, жена моя умерла отъ дифтерита, а братъ отъ удара, при чемъ...

Должно-быть, мои глаза, Дженни, выражали немалое изумленіе при этихъ словахъ моего почтеннаго друга, джентльмена, считающагося образцомъ строгихъ правилъ и строгой нравственности, отца двухъ взрослыхъ дочерей и трехъ подростковъ-мальчиковъ, президента общества «радѣнія добродѣтели» и члена обществъ «распространенія семейнаго счастія» и «покровительства способнымъ преступникамъ», такъ какъ онъ сразу оборвалъ свою рѣчь, посмотрѣлъ какъ-то странно на меня и, ударивъ рукой себѣ по головѣ, промолвилъ:

— Я, милордъ, чортъ знаетъ что наплелъ вамъ... У меня послѣ сна

это случается!.. Головныя боли и катарръ желудка... Пойдемте-ка, милордъ, обѣдать...

Мы вышли изъ вагона, и мой почтенный другъ (я долженъ откровенно сознаться) довольно внимательно вглядывался во всѣ женскія лица, встрѣчавшіяся намъ на пути.

До слѣдующаго письма, Дженни.

P. S. Клянусь тебѣ, что я не смотрѣлъ ни на кого. Даже за обѣдомъ образъ твой стоялъ передо мной вмѣстѣ съ бутылкой хереса, довольно, впрочемъ, сквернаго.

Письмо восемнадцатое.

Дорогая Дженни!

Продолжаю описывать свои дорожныя впечатлѣнія.

Послѣ обѣда и нѣсколькихъ бутылокъ вина, выпитыхъ моимъ почтеннымъ другомъ для лучшаго пищеваренія, онъ сдѣлался гораздо развязнѣе относительно дамскихъ шляпокъ, заглядывая подъ шляпки съ тою, обычной, впрочемъ, здѣсь привѣтливостью, которая смутила бы непривыкшихъ къ такому обыкновенію англійскихъ дамъ. Впрочемъ, развязность свою мой другъ объяснялъ необходимостью разыскать племянницу, которая, по его словамъ, должна была находиться на этомъ поѣздѣ.

— Жена моя, милордъ,—пояснилъ онъ мнѣ:—просила непремѣнно отыскать ее и оказать въ дорогѣ покровительство, и вы, какъ англичанинъ, поймете, милордъ, что я долженъ исполнить этотъ долгъ джентльмена.

Съ этими словами онъ, Дженни, оставилъ меня и направился къ одной весьма недурной собой блондинкѣ. Сперва она какъ будто не узнала своего дяди, но минуту спустя они вели самый дружескій разговоръ, и въ ознаменованіе родственной встрѣчи онъ предложилъ выпить бутылку шампанскаго, на что племянница его охотно согласилась. Когда пробилъ первый звонокъ, мой спутникъ подошелъ ко мнѣ и замѣтилъ:

— Благодаря Бога, я наконецъ исполнилъ желаніе моей супруги и отыскалъ племянницу... Не правда ли, премилая особа, милордъ!

Онъ какъ-то подмигнулъ глазомъ, говоря эти слова, и вообще былъ веселъ и сѣменилъ ногами; глаза его блестѣли тѣмъ лакомъ, который является обыкновенно послѣ обѣда и нѣсколькихъ бутылокъ вина.

Я поспѣшилъ увѣрить, что племянница его премилая особа.

— Она ѣдетъ въ Москву, и, вообразите, милордъ, бѣдняжка принуждена ѣхать одна... Вы извините меня, милордъ, но я долженъ пересѣсть въ другой вагонъ, чтобы оказать ей покровительство. Это мой долгъ... У насъ, къ несчастію, въ Россіи еще не вполнѣ безопасно молодымъ дѣвушкамъ путешествовать однѣмъ, и это обстоятельство налагаетъ на меня обязанность...

Говоря этотъ монологъ, мой почтенный другъ все оглядывался на племянницу, словно боясь, чтобы кто-нибудь не нарушилъ ея спокойствія. Она отвѣчала своему дядѣ самыми милыми и привѣтливыми взглядами.

— Надѣюсь, вы извините меня, милордъ, что я васъ принужденъ оставить?

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь... Я очень хорошо понимаю... Долгъ джентльмена!..

Мой спутникъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, пожелалъ мнѣ благополучной ночи и, приказавъ кондуктору перенести свои вещи въ отдѣльное купе, взятое имъ для племянницы, весело засѣменилъ къ своей родственницѣ, несмотря на свои преклонные года и подагру...

Увы, Дженни! Я въ то время и не предугадывалъ, какія непріятныя для меня послѣдствія будетъ имѣть эта родственная счастливая встрѣча моего спутника съ своей племянницей.

Я вернулся въ свой вагонъ и засталъ тамъ компанію спутниковъ въ такомъ веселомъ настроеніи, что два нѣмца пересѣли подальше, очистивъ такимъ образомъ для меня достаточно мѣста, чтобы провести ночь удобно... Однако русскіе такъ весело хохотали, что я, признаться, сталъ отчаиваться за спокойствіе въ теченіе ночи. Анекдоты одинъ другого веселѣе разсказывались по очереди. Адвокатъ разсказывалъ интимныя подробности о своей супружеской жизни, а московскій купецъ сошелся съ названнымъ джентльменомъ такъ коротко, что говорилъ уже ему на «ты» и называлъ «свиньей» и «брехунцомъ». Молодой человѣкъ звалъ отставного полковника совершенно по-дружески «гончей собакой», а отставной полковникъ, въ свою очередь, весело хохоталъ и замѣчалъ, что если бы не жена и не дѣти, то онъ былъ бы самымъ либеральнымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Всѣ находились, очевидно, въ самомъ лучшемъ настроеніи и, какъ водится между русскими, по этому случаю не стѣснялись время отъ времени цѣловать другъ друга или давать другъ другу нѣжно оплеухи (въ знакъ выраженія особенно дружескихъ чувствъ).

Такъ, Дженни, мы проѣхали нѣсколько станцій.

Былъ первый часъ ночи. Громкіе разговоры моихъ спутниковъ прекратились. Молодой человѣкъ уже спалъ, а другіе о чемъ-то бесѣдовали вполголоса и, замѣтилъ я, часто взглядывали въ мою сторону. Особенно внимательно взглядывалъ московскій купецъ. Я было-хотѣлъ послѣдовать примѣру молодого человѣка и расположиться на ночлегъ, какъ вдругъ московскій купецъ сѣлъ напротивъ меня и, приподнявъ свою шляпу, сказалъ:

— Извините, сударь... Я васъ не побезпокою?

— Нѣтъ,—проговорилъ я.

Онъ снова сталъ пристально всматриваться въ меня и, спустя нѣсколько минутъ молчанія, во время которыхъ онъ какъ-то ерзалъ на своемъ мѣстѣ, снова заговорилъ:

— Въ Москву изволите ѣхать?

— Въ Москву.

— Такъ-съ... Такъ-съ... Прекрасный городъ Москва!

— Къ сожалѣнію, я еще не видалъ Москвы... Ѣду въ первый разъ туда!..—отвѣтилъ я.

— Въ первый разъ?.. Такъ-таки никогда и не бывали?

— Никогда, и очень радъ, что увижу наконецъ эту древнюю столицу...

— Гмм...

Мой сосѣдъ снова умолкъ и все-таки не спускалъ съ меня своихъ пытливыхъ, нѣсколько влажныхъ глазъ. Признаюсь, сосѣдство этого джентльмена не особенно мнѣ нравилось: отъ него несло довольно сильнымъ букетомъ вина, и, кромѣ того, этотъ джентльменъ не стѣснялся нисколько въ своей икотѣ, при чемъ каждый разъ крестилъ свой ротъ...

— И долго изволите пробыть въ Москвѣ?

— Я разсчитываю недѣлю пробыть.

— А потомъ опять обратно?

Допросъ этотъ начиналъ меня сердить, и я довольно сухо отвѣчалъ:

— Не знаю!

— Такъ-съ... Такъ-съ... Вы будете русскій?

— Нѣтъ... А вамъ почему это такъ интересно?

— Я такъ-съ... Отчего въ дорогѣ и не полюбопытствовать, съ кѣмъ ѣдешь?

— Я иностранецъ...

— Гмм... Иностранецъ! А позвольте узнать, какой націи?

— Англичанинъ, сударь, англичанинъ!—проговорилъ я съ гордостью.

— Такъ... такъ...

Мой vis-à-vis опять замолчалъ, но опять-таки такъ внимательно смотрѣлъ на меня, что мнѣ сдѣлалось просто неловко. Помня очень хорошо, какъ настойчиво этотъ джентльменъ хотѣлъ «травить жида», и зная, что москвичи до сихъ поръ не могутъ простить лорду Биконсфильду, я, признаюсь, Дженни, начиналъ ощущать нѣкоторое безпокойство, тѣмъ болѣе, что мой навязчивый спутникъ былъ очень крѣпкаго тѣлосложенія и, вдобавокъ, значительно возбужденъ спиртными напитками.

— Англичане—народъ хитрый, сударь... Хитрый народъ; впрочемъ, имъ поневолѣ приходится хитрить: земелька небольшая, а народу много... Только сомнѣваюсь, сударь, чтобы вы были англичаниномъ...

Я вздохнулъ легче.

— Отчего-жъ вы сомнѣваетесь?

— Такъ, сомнѣваюсь!..—какъ-то загадочно произнесъ онъ.—Вы лучше прямо сознайтесь, кто вы такой?

— Послушайте, милостивый государь!..—вспылилъ наконецъ я.—Если вы шутите, то ваши шутки должны имѣть наконецъ границы...

— Какія шутки! Насъ, братъ, не проведешь... Мы сами кое-что понимаемъ...

Съ этими словами онъ взглянулъ на какую-то фотографическую карточку и проговорилъ мнѣ прямо въ упоръ:

— Ты, братъ, не англичанинъ... Ты—сообщникъ Геделя!

Я такъ, Дженни, былъ изумленъ, что первую минуту даже и не зналъ, что отвѣтить.

— Небось, молчишь... Знаетъ кошка, чье мясо съѣла...

— Милостивый государь!

— Нечего «милостивый государь»... Братцы! будьте свидѣтелями, я преступника поймалъ... Брехунецъ! иди сюда! Гляди, преступника поймалъ... Ты мнѣ напиши объ этомъ свидѣтельство, чтобы потомъ изъ прусскаго королевства мнѣ орденъ...

Въ нашемъ вагонѣ всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

— Господа! Я Геделя поймалъ!—оралъ московскій купецъ.

Всѣ стали смотрѣть на меня съ любопытствомъ и злобою. Джентльменъ-адвокатъ что-то нашептывалъ купцу на ухо. Молодой милліонеръ пьянымъ лепетомъ проговорилъ:

— Наконецъ-то поймали!!

— Господа! Я вполнѣ увѣренъ, что вы сейчасъ же разубѣдитесь въ этой прискорбной ошибкѣ. Я знатный иностранецъ...

— Ладно... Ладно!..—весело говорилъ московскій купецъ.—Ужо поговоримъ...

Никто не замолвилъ за меня ни слова. Вся компанія окружила меня и пьяными глазами уставилась на меня. Только одна старушка-лэди сказала:

— Не принцъ ли это персидскій, бѣжавшій отъ брата? Мнѣ сдается, что у него въ лицѣ больше персидскаго, чѣмъ нѣмецкаго...

— Эка, барыня, хватилъ!..—замѣтилъ отставной полковникъ.—Персидскій принцъ... сейчасъ было бы видно принца: у него лицо черное, а у этого господина бѣлое...

— Но какія однако доказательства?—спросилъ я.

— Доказательства? Подозрительный видъ, сходство... Ладно, братъ!

Мы подъѣзжали къ маленькой станціи.

— Господа!—наконецъ заговорилъ я.—Потрудитесь справиться, кто я такой, у моего русскаго друга. Онъ извѣстный джентльменъ, состоитъ, если не ошибаюсь, виднымъ членомъ общества «червонныхъ тузовъ» и ѣдетъ въ отдѣльномъ купе съ племянницей...

Но въ отвѣтъ на мои слова раздался только хохотъ.

Когда поѣздъ остановился, московскій купецъ и адвокатъ пригласили меня на станцію. Я просилъ-было разыскать моего друга. Мои обвинители согласились съ моимъ предложеніемъ, вполнѣ, повидимому, увѣренные, что я говорю вздоръ и никакого доказательства, что я не

сообщникъ Геделя, не представлю. Мы нашли наконецъ купе, но — увы! — насъ туда не пустили, и когда я просилъ черезъ двери моего русскаго друга выйти на минутку и разъяснить прискорбное недоразумѣніе, то мой русскій другъ (вѣроятно, не узнавши моего голоса) послалъ насъ къ чорту и сказалъ, что онъ никакого знатнаго иностранца не знаетъ, при чемъ просилъ не безпокоить его больную дочь (племянница, Дженни, уже оказалась дочерью).

Что было дѣлать? Я, Дженни, поникъ головою и вмѣстѣ съ двумя спутниками отправился на станцію, гдѣ начальникъ станціи просилъ насъ остаться всѣхъ троихъ до слѣдующаго утра.

Наши вещи были перенесены на станцію. Поѣздъ ушелъ, и мы остались втроемъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что на завтра же я буду продолжать путешествіе, и что всѣ сомнѣнія относительно моей личности разсѣятся: начальникъ станціи, сказать правду, принялъ во мнѣ участіе и обѣщалъ свою помощь. Онъ хотя и не сомнѣвался въ числѣ другихъ, что я сообщникъ Геделя, но утѣшалъ меня, говоря, что завтра же я буду отправленъ обратно въ Петербургъ самымъ комфортабельнымъ манеромъ.

Мои добровольные тюремщики зорко слѣдили за мной. Купецъ то и дѣло совѣтовалъ мнѣ признаться:

— Лучше признайся, братъ, по чести, право...

Но такъ какъ мнѣ не въ чемъ было признаваться, и такъ какъ на станціи было скучно, то названный джентльменъ самымъ добродушнымъ образомъ предложилъ мнѣ принять участіе въ карточной игрѣ.

— Мы ночь-то поиграемъ, а завтра тебя, голубчика, спровадимъ, куда слѣдуетъ...

Я согласился, чтобы не разстраивать виста, и мы вчетверомъ сѣли играть въ вистъ. Немедленно былъ поданъ коньякъ, и въ скоромъ времени и купецъ и начальникъ станціи такъ нализались, что игры продолжать не могли и тутъ же легли спать. Тогда адвокатъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— При васъ деньги есть?

— Есть.

— И много?

— А вамъ зачѣмъ знать?

— Я хочу сдѣлать вамъ предложеніе...

— Говорите, сэръ.

— Вы мнѣ дайте тысячу рублей и бѣгите-себѣ съ Богомъ...

— Благодарю васъ, сэръ, но зачѣмъ мнѣ бѣжать?..

— А то можно и такъ. Какъ купецъ проснется, мы выдадимъ его самого за сообщника Геделя... Это была бы славная штука... Мы бы съ него сорвали хорошенькій кушъ. Какъ вы полагаете, а?

Но я не согласился ни на одно изъ этихъ предложеній и спокойно улегся на диванъ. Если-бъ не клопы, то я выспался бы недурно...

Когда на утро московскій купецъ, адвокатъ и начальникъ станціи проснулись, то они были очень удивлены и плохо припоминали вчерашнія обстоятельства. Но когда я напомнилъ имъ все и требовалъ, чтобы была приглашена полицейская власть, то они стали слезно просить простить ихъ и забыть это недоразумѣніе, приписавъ ихъ ошибку излишне выпитому вину и тому патріотическому возбужденію, въ которомъ они находились. Когда же я показалъ имъ свой паспортъ, въ которомъ обозначено было мое званіе знатнаго иностранца, то всѣ они бросились передо мною на колѣни и просили простить. Я не хотѣлъ заводить исторіи, великодушно простилъ ихъ и съ ближайшимъ поѣздомъ безъ дальнѣйшихъ приключеній пріѣхалъ въ Москву.

— Это, ваша свѣтлость, со мной второй разъ случается такая ошибка,—говорилъ купецъ.—Недѣлю тому назадъ я принялъ тоже одного генерала за переодѣтаго мазурика, и за это мнѣ была-таки порядочная встрепка... А все отчего, ваша свѣтлость? Оттого, что я ужъ слишкомъ горячій патріотъ-москвичъ, а вдобавокъ наша необразованность... И чего ты смотрѣлъ?—обратился этотъ джентльменъ къ адвокату.—Небось, на меня потомъ бы сталъ доказывать, если бы не милость его свѣтлости...

Адвокатъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ обращенныхъ къ нему словъ, а начальникъ станціи предложилъ мнѣ цѣлый вагонъ въ распоряженіе, умоляя не доводить этого дѣла до свѣдѣнія начальства.

Я и самъ не захотѣлъ заводить исторіи, великодушно простилъ всѣхъ этихъ господъ и съ первымъ поѣздомъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній, прибылъ въ Москву. О Москвѣ въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо девятнадцатое.

Дорогая Дженни!

Едва только я ступилъ на священную почву древней русской столицы, какъ вдругъ довольно густая толпа стремительно бросилась на меня, окружила и подъ адскій крикъ, гамъ, божбу и клятвы стала угрожать цѣлости моей физіономіи небольшими четыреугольными жестянками, которыми джентльмены, составляющіе толпу, махали такъ близко около моего носа, что я долженъ былъ произнести одно изъ обычныхъ въ Россіи уличныхъ привѣтствій... Не пугайся однако, Дженни. Джентльмены, накинувшіеся на меня, были московскіе извозчики, и намѣренія ихъ не заключали въ себѣ такой серьезной опасности, которой могъ бы подвергнуться, напримѣръ, человѣкъ при встрѣчѣ съ московскими мясниками. Я былъ только контуженъ, впрочемъ, довольно легко, жестянкой въ руку и нѣсколько помятъ отъ напора толпы, и когда наконецъ я изъ нѣсколькихъ жестянокъ, вертѣвшихся подъ моимъ носомъ, выбралъ одну, то толпа мигомъ оставила меня и бросилась на другого несчастнаго съ тѣмъ же крикомъ, гамомъ и клятвами.

Я ужъ достаточно пожилъ, Дженни, въ Россіи, чтобы не удивляться подобной свободѣ предложенія услугъ (въ Петербургѣ, напримѣръ, бывали примѣры, что въ Маріинскомъ пассажѣ господа торговцы въ усердіи предложенія доходили до того, что обрывали дамамъ платья, приглашая въ лавку). Но одинъ итальянецъ, первый разъ бывшій въ Россіи, признавался мнѣ, что когда онъ пріѣхалъ въ Москву и когда на него бросилась толпа извозчиковъ, то онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что несчастное тѣло его немедленно будетъ растерзано.

Если ѣзда по мостовой первой русской столицы составляетъ пытку, то какими черными красками нужно было бы описать тебѣ, Дженни, ѣзду по московскимъ мостовымъ? Да избавитъ Господь Богъ тебя и все наше потомство отъ тѣхъ мукъ, которымъ я подвергался въ теченіе добраго часа ѣзды отъ станціи желѣзной дороги по многочисленнымъ площадямъ, узкимъ и широкимъ улицамъ, длиннымъ и короткимъ переулкамъ, отличающимся, правда, живописностью азіатскихъ городовъ и прелестью благоуханія, ежеминутно напоминающаго о себѣ тѣмъ острымъ букетомъ, съ которымъ русскіе вообще не любятъ разставаться ни въ жилищахъ ни на улицахъ...

Когда я въ одинъ изъ промежутковъ между созерцаніемъ оригинальныхъ старинныхъ построекъ и нюханіемъ одеколона пожаловался моему вознице на плохое состояніе мостовыхъ, то онъ въ отвѣтъ сказалъ не совсѣмъ удобное для передачи привѣтствіе городской думѣ и, помолчавши нѣсколько минутъ, вдругъ ни съ того ни съ сего обратился къ египетской имперіи и заговорилъ о фараонахъ. По его словамъ, фараоны—удивительно драчливые и придирчивые господа. Они тѣснили возницъ и облагали ихъ податью, такъ-называемой «фараоновой». Чтобы имѣть право стоять около храмовъ и другихъ зданій, по словамъ моего возницы, основательно знакомаго, какъ видно, съ исторіей извознаго дѣла при фараонахъ, надо было уплачивать дань фараону, иначе стоять нельзя было; въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ ни одна часть тѣла не была гарантирована отъ искровененія...

— Отчего это вы вспомнили о фараонахъ?—спросилъ я.

— Мы ихъ, господинъ, очень хорошо помнимъ!—сказалъ онъ и вдругъ стеганулъ лошадь, такъ какъ она, замѣтивъ, что возница бесѣдуетъ, давно уже шла шагомъ.

Въ теченіе часа, который мы употребили на переѣздъ до гостиницы, я видѣлъ, Дженни, нѣсколько дракъ. Сперва я считалъ количество ихъ, но вскорѣ сбился со счета. Въ одной улицѣ дрались два купца, въ другой кунецъ билъ жену, а въ третьей одна лэди таскала за волосы ребенка...

— Отчего это въ Москвѣ такъ много дерутся?—спросилъ я извозчика.

— Учатъ другъ друга... Безъ этого нельзя!

Впослѣдствіи я окончательно убѣдился, что такая система взаимнаго обученія составляетъ здѣсь самое обыкновенное явленіе.

Уже, по словамъ моего возницы, гостиница была недалеко и мы въѣхали въ одинъ изъ кривыхъ переулковъ, какихъ въ Москвѣ очень много, какъ увидѣли слѣдующую любопытную процессію: впереди шла женщина, одѣтая весьма презентабельно, а сзади шелъ пожилой джентльменъ и подгонялъ ее плеткой... Изрядная толпа сопровождала это странное шествіе.

— Это что такое?..Вѣрно, преступницу какую-нибудь наказываютъ?

— Нѣтъ, сударь... Это купецъ жену учитъ!

И, какъ бы въ подтвержденіе, что такое ученіе не составляетъ особенной рѣдкости, я въ тотъ же вечеръ читалъ въ одной изъ московскихъ газетъ слѣдующее описаніе:

«По дорогѣ изъ одного села въ Москву, рано утромъ, шла торопливо молоденькая, шикарно одѣтая дама и робко оглядывалась назадъ, какъ бы боясь погони за собою. Мужики, ѣхавшіе по той же дорогѣ съ ягодами, предлагали ей мѣстечко около себя, но она, не отвѣчая, обгоняла ихъ и шла дальше. Вотъ она достигла до Живодерки и, услыхавъ за собою конскій топотъ, прижалась къ забору.

«Два всадника на лихихъ коняхъ поровнялись съ ней и, поворотивъ лошадей къ забору, стали передъ ней.

«— Ты, сударыня, куда это собралась?—крикнулъ на нее представительный мужчина изъ купцовъ.

«— Къ тятенькѣ иду.

«— Врешь, ты къ Сережѣ пробираешься. Назадъ!

«— Не пойду.

«— Семенъ, ну-ка, возьми кнутъ, — сказалъ купецъ своему кучеру.

«Слово «кнутъ» передернуло бѣглянку, и она молча пошла обратно къ Калужской заставѣ. Выбравшись въ поле, бѣдная женщина пошла было по тропинкѣ около большой дороги, но купецъ крикнулъ ей:

«— Ступай здѣсь, гдѣ мы ѣдемъ.

«— Да тамъ вязко, видишь, какая глина.

«— Тебѣ говорятъ, иди по срединѣ дороги, вотъ такъ, между нами, а то кнутомъ попотчую.

«Путница исполнила приказаніе и пошла среди дороги, утопая по колѣно въ глинистомъ слоѣ».

Какъ видишь, Дженни, московская буржуазія не отличается особенно мягкими нравами, и, по свидѣтельству знаменитаго русскаго драматурга Островскаго, нравы въ Москвѣ довольно жестокіе. Впрочемъ, я, Дженни, забѣгаю впередъ. О нравахъ мнѣ еще придется говорить.

Наконецъ мы пріѣхали въ гостиницу «Славянскій Базаръ», и возница, по обыкновенію, спросилъ «на чаекъ» по случаю быстрой ѣзды. Когда я ему замѣтилъ, смѣясь, что едва ли его ѣзда могла быть по чести названа быстрою, то онъ, не задумавшись, аргументировалъ свою просьбу на чай по случаю праздника (было воскресенье), и когда я далъ

ему двугривенный, то онъ попросилъ еще «прибавки» по случаю ожидаемаго возвращенія русскихъ войскъ изъ Турціи...

Не успѣлъ я еще нѣсколько придти въ себя отъ ѣзды по мостовой и отъ тѣхъ патріархальныхъ уличныхъ сценъ, свидѣтелемъ которыхъ я только-что былъ, какъ раздался стукъ въ дверь, и въ комнату вошелъ мой русскій другъ, который такъ безжалостно накапунѣ оставилъ меня на произволъ веселой компаніи. Онъ былъ нѣсколько сконфуженъ и, привѣтствуя меня, сказалъ:

— А я безпокоился, что вчера не пашелъ васъ... Разсказывали Богъ знаетъ что̀ такое... Отчего вы, милордъ, не обратились ко мнѣ? Я сидѣлъ въ спальномъ вагонѣ съ племянницей и ровно ничего не зналъ... Ночью, сколько мнѣ помнится, кто-то стучалъ въ дверь купе и раздавались чьи-то пьяные голоса, но я, конечно, не могъ предполагать...

Я великодушно остановилъ дальнѣйшее продолженіе монолога моего почтеннаго друга и поспѣшилъ увѣрить его, что я на него нисколько не въ претензіи, и что недоразумѣніе, бывшее со мной, мною забыто. Въ заключеніе я освѣдомился о здоровьѣ его племянницы.

— Благодарю васъ, милордъ! — отвѣчалъ почтенный старикъ, краснѣя почему-то при моемъ вопросѣ.—Она совершенно здорова и въ настоящее время находится среди своихъ родственниковъ... Но разскажите однако, что̀ съ вами такое случилось? На поѣздѣ болтали Богъ знаетъ что̀, а сегодня въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья, въ которой разсказывается о поимкѣ заговорщика...

Я разсказалъ подробности вчерашняго происшествія.

Мой почтенный другъ усиленно теръ лобъ и наконецъ замѣтилъ:

— Что̀ вы думаете дѣлать?

— А вы какъ бы посовѣтовали?—спросилъ я его, желая знать его мнѣніе.

— Знаете ли что̀, милордъ!.. Слава Богу, что все такъ хорошо кончилось. Предоставьте это дѣло волѣ Божіей...

Онъ помолчалъ и прибавилъ потомъ:

— Конечно, если-бъ вы, милордъ, жаловались, то несомнѣнно получили бы удовлетвореніе, виновные въ ошибкѣ были бы наказаны, но сто̀итъ ли подымать исторію... Вы должны будете ходить въ судъ, будутъ вызывать свидѣтелей... Пожалуй, побезпокоятъ еще и племянницу, а она, милордъ, дѣвушка слабаго здоровья...

— Я уже рѣшилъ, сэръ, бросить дѣло!

— И прекрасно, милордъ. А теперь я въ вашемъ распоряженіи для осмотра Москвы... Съ чего начнемъ? Я думаю, прежде всего съ завтрака... Не такъ ли?

Мы позавтракали, а тѣмъ временемъ мой почтенный другъ познакомилъ меня вкратцѣ съ важностью исторической миссіи Москвы, при чемъ разъяснилъ, почему такой замѣчательный публицистъ, какъ сэръ

Катковъ, живетъ именно въ Москвѣ, а нигдѣ болѣе. Послѣ завтрака намъ привели коляску, и мы отправились осматривать городъ...

Городъ, Дженни, дѣйствительно живописенъ. Мы посѣтили Кремль, осматривали дворецъ и церкви, были въ судѣ, обѣдали у Тѣстова въ трактирѣ, ѣли тамъ, разумѣется, поросенка подъ хрѣномъ (послѣ обѣда я, Дженни, долженъ былъ принять лѣкарство, до того московскій обѣдъ обременилъ желудокъ), вечеромъ были въ театрѣ, затѣмъ ужинали въ Эрмитажѣ.

На другой день мы ѣздили въ лавру, завтракали тамъ же, вечеромъ обѣдали въ Эрмитажѣ, а на третій день я имѣлъ свиданіе съ сэромъ Катковымъ, былъ въ засѣданіи думы, обѣдалъ въ Ново-Троицкомъ трактирѣ. На четвертый мы посѣтили богоугодныя заведенія и институтъ благородныхъ дѣвицъ, обѣдали въ «Славянскомъ Базарѣ». На пятый я не выдержалъ, Дженни, и слегъ въ постель, такъ какъ московскія блюда меня доконали совсѣмъ... На шестой день я отговорился отъ обязательнаго русскаго чичероне нездоровьемъ и предпочелъ безъ него продолжать осмотръ Москвы, такъ какъ мой русскій другъ большую часть времени посвящалъ осмотру трактировъ и увеселительныхъ заведеній подъ предлогомъ ознакомленія меня со второй столицей.

Еще знаменитый русскій писатель сказалъ, Дженни, что на всемъ московскомъ есть особый отпечатокъ. И это замѣчаніе, Дженни, по сравненію съ Петербургомъ, мнѣ показалось совершенно вѣрнымъ. Московскій купецъ, московскій чиновникъ, московскій ученый, московскій литераторъ, московскій адвокатъ и московскій полицейскій совсѣмъ непохожи на своихъ товарищей въ Петербургѣ.

Признаюсь тебѣ, Дженни, несмотря на нѣкоторую жестокость нравовъ въ Москвѣ, я полюбилъ Москву и москвичей. Есть что-то невообразимо простодушное, патріархальное въ ея жителяхъ. Москвичъ простодушенъ, большой хлѣбосолъ и наивно вѣритъ, что лучше поросенка съ хрѣномъ, лучше Тверского бульвара, «Московскихъ Вѣдомостей» и царя-колокола ничего не можетъ быть на свѣтѣ. Петербуржецъ—скептикъ; москвичъ, напротивъ, вѣритъ во все, даже въ чертей, вѣдьмъ и домовыхъ, которымъ ежегодно москвичи приносятъ жертвоприношенія. Москвичъ во всѣхъ дѣлахъ безъ помощи колдуна или колдуньи не обходится, и до сихъ поръ, Дженни, даже самые солидные люди ходятъ гадать къ самымъ обыкновеннымъ колдунамъ и колдуньямъ и какъ младенцы вѣрятъ во все, что имъ скажетъ колдунъ. Къ нимъ обращаются во всякихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: при пропажахъ, пожарахъ, наводненіяхъ и т. п. Москвичъ любитъ прихвастнуть патріотизмомъ и Катковымъ. По мнѣнію москвича, лучше Москвы города нѣтъ, и если бы не Петербургъ, то Индія давно была бы русской провинціей. Москвичъ любитъ жить по старинѣ и терпѣть не можетъ, когда ему помѣшаютъ вздуть жену или отдубасить сына. Онъ тогда готовъ дуться нѣсколько дней... Ѣстъ москвичъ

до отвалу и въ пищѣ не особенно прихотливъ, требуетъ только, чтобы было много. Послѣ обѣда онъ любитъ поспать, а потомъ поворчать на Петербургъ, на Бисмарка и Биконсфильда. Онъ смиренъ, но его не тронь. Когда онъ разсердится, то онъ либо побьетъ кого-нибудь самъ, либо натравитъ другихъ. Безъ почета москвичъ жить не можетъ. Отъ этого такъ много въ Москвѣ джентльменовъ-купцовъ, у которыхъ на шеѣ медали за усердіе.

— Почти меня, главное—почти!..—любитъ говорить онъ:—а тамъ пусть что хотятъ дѣлаютъ, я всѣмъ буду доволенъ, но только почти!..

Москвичи очень болтливы (гораздо болтливѣе петербуржцевъ) и любятъ при всякомъ удобномъ случаѣ выразить каждому встрѣчному преданность и сочувствіе. Москвичи, особенно купцы, любятъ яркіе цвѣта и помпу; на угощеніе они очень тароваты, особенно если можно угощать на общественный счетъ, но разсчитываютъ рабочихъ неохотно, при чемъ говорятъ, что простому человѣку денегъ не нужно, такъ какъ деньги только лишній соблазнъ. Внутренней политикой москвичи очень охотно занимаются, при чемъ внутренней политикой называютъ драки въ домахъ, гостиницахъ и клубахъ.

Москвича очень легко узнать по той восторженности, съ которой онъ относится ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ жизни, при чемъ эта восторженность бываетъ подчасъ невообразимо наивна. Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать на разныя темы съ москвичами, и я не слышалъ отъ нихъ ни разу выраженія какого-нибудь недовольства.

— Всѣмъ намъ хорошо!..—говорилъ мнѣ на-дняхъ одинъ коммерсантъ.—Работники—народъ хорошій, терпѣливый, начальство доброе, семьей Богъ насъ не обидѣлъ... Живи-себѣ во славу Божію и копи капиталъ...

— И вы ничего бы не желали?

— Какъ не желать!—засмѣялся почтенный джентльменъ.—Я желалъ бы, чтобы съ нашего брата никакого налога не брали и чтобы на рабочихъ таксу наложили.

— Какъ таксу?

— А такъ. Чтобы работалъ онъ по таксѣ и чтобы былъ завсегда доволенъ. А то ужасно прихотливъ сталъ рабочій.

Если бы ты, Дженни, знала, какъ неприхотливъ русскій простой человѣкъ, то ты поняла бы, сколько наивности заключалось въ словахъ почтеннаго коммерсанта.

— Но если вы будете уклоняться отъ налоговъ, то кто же будетъ платить ихъ?

— А мужикъ. Что ему больше дѣлать? Какая отъ него больше польза? А, впрочемъ, мы что-жъ, мы и отъ налога не откажемся. Все равно, потребитель заплатитъ!—усмѣхнулся старикъ.

Подобныя рѣчи, Дженни, здѣсь весьма обыкновенны.

По словамъ москвичей, Дженни, въ Москвѣ такъ много геніаль-

ныхъ людей, что одно перечисленіе ихъ именъ заняло бы, по крайней мѣрѣ, цѣлую страницу. Москвичи, впрочемъ, сколько я успѣлъ замѣтить, любятъ раздавать дипломы геніальности; у добродушныхъ москвичей и московскіе писатели, и ученые, и доктора, и адвокаты, и ораторы, и проицатели, и колдуньи, и актеры, и пекари—все болѣе или менѣе геніальные люди. Такое обиліе геніальныхъ людей очень радуетъ москвичей, и они при всякомъ случаѣ любятъ кольнуть петербуржцевъ своими геніальными людьми.

Въ первый же день пріѣзда моего, во время завтрака въ трактирѣ у Тѣстова, я черезъ своего спутника познакомился съ однимъ москвичомъ, почтеннымъ джентльменомъ, не имѣющимъ опредѣленныхъ занятій, такъ какъ помѣстья его еще не проданы съ публичнаго торга. Первымъ дѣломъ добродушный джентльменъ обнялъ меня (и такъ крѣпко, что у меня что-то хрустнуло въ плечѣ) и, облобызавъ три раза, замѣтилъ:

— Очень радъ познакомиться, милордъ. Вы хоть и англичанинъ, но Биконсфильда терпѣть не можете. И хорошо, милордъ, дѣлаете. Ну что, какъ вамъ понравилась наша Москва?

— Очень живописный городъ.

— То-то. Правда, немножко грязновата она, ну, и запахъ не особенно пріятный,—ну, да это куда ни шло. Главное, милордъ, душа въ Москвѣ есть, а въ Петербургѣ у нихъ (онъ мотнулъ головой на моего спутника) души нѣтъ. А калачи каковы?

— Прелестные, сударь.

— А каковъ поросенокъ? Ѣдали вы когда такого поросенка? Здѣсь, батюшка, поваръ—геній по части поросятъ.

— Никогда не ѣдалъ.

— Я вотъ третью порцію съѣдаю, милордъ (замѣть, Дженни, что порціи здѣсь равняются тремъ петербургскимъ порціямъ), а все-таки манитъ съѣсть четвертую... А Кремль? А квасъ? А бараній бокъ ѣли?

И, узнавъ, что я не ѣлъ еще бараньяго бока, обязательный джентльменъ съ укоромъ взглянулъ на меня и скомандовалъ, несмотря на мои протесты, чтобы мнѣ подали бараній бокъ съ кашей.

— Сэра Каткова видѣли?

— Нѣтъ еще.

— Повидайте. Онъ васъ, какъ знатнаго иностранца, приметъ. Это, я вамъ скажу, настоящій геній. Ну, да что говорить! Я думаю, Англія его хорошо знаетъ.

— Какъ же!

— А къ Макридушкѣ съ Арбата возили лорда? — обратился онъ къ моему спутнику, укладывая за обѣ щеки четвертую порцію поросенка.

— Какая это Макридушка? Я что-то не слыхалъ.

— И видно петербуржца. Эхъ! Разныхъ мерзавцевъ вашихъ знаетъ,

а о Макридушкѣ не слыхалъ! Срамъ, срамъ, что русскій, и не знаешь своихъ геніальныхъ людей! Это геніальная женщина: во-первыхъ, святой жизни, а во-вторыхъ, такъ предсказываетъ, что пальчики оближешь (при этомъ московскій джентльменъ дѣйствительно облизалъ съ своихъ пальцевъ остатокъ хрѣна со сметаной). Вся Москва ее почитаетъ. У насъ безъ нея ни одного дѣла не дѣлаютъ. А патріотка какая! Я ужъ не говорю объ умѣ. Недавно ѣздили къ ней спрашивать о томъ, чѣмъ намъ быть, Европой или Азіей. Такъ она показала кукишъ. Вотъ что, говоритъ, будетъ. А то ѣздилъ къ ней нашъ извѣстный журналистъ, геніальный журналистъ, хоть и носитъ странную нѣсколько фамилію, и спрашиваетъ:—«Скажите, Макридушка, что насъ ожидаетъ?» —такъ она опять показала кукишъ и ни слова болѣе не сказала.—«Какъ понимать это, Макридушка?» Святая женщина вмѣсто отвѣта опять кукишъ. Такъ три раза сряду показала кукишъ, а потомъ, проговоривъ трижды: «дуракъ», прибавила: «прими въ соображеніе и на основаніи этого поступай». Тогда только онъ понялъ и сейчасъ же приказалъ написать статью о «русскомъ кукишѣ, какъ основаніи гражданскихъ отношеній...» Фуроръ, фуроръ!..

Онъ выпилъ стаканъ вина и продолжалъ:

— А у васъ въ Петербургѣ что новаго?

— Ничего особеннаго.

— Какъ ничего? А на улицахъ конная полиція... Больно ужъ у васъ мазуриковъ развелось, а?

— Что-жъ... Мы очень рады, что конная полиція.

— Мы-то не рады, что вамъ неизвѣстно почему предпочтеніе оказываютъ. Вамъ вотъ дали конную полицію, а намъ нѣтъ. У насъ въ клубѣ толковали объ этомъ, хотѣли просить, чтобы и насъ не обижали, тоже дали бы конницу на улицы.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы. Москвичъ съ паѳосомъ говорилъ, что въ Москвѣ составляется проектъ о томъ, какъ сдѣлать, чтобы приготовлять самыхъ почтительныхъ дѣтей, съ гарантіей, что эта почтительность продержится до самой смерти... Геніальная мысль!.. Она обезпечитъ въ будущемъ отъ всякихъ увлеченій...

—Скажу тебѣ по секрету,—кричалъ онъ на всю комнату:— что проектъ этотъ пишутъ геніальные люди: Катковъ, Любимовъ и Чичеринъ.

— Ахъ! Если бы скорѣе написали!—проговорилъ мой другъ.—А то...

— Развѣ и твои сынки увлекаются?

— Нѣтъ, мои еще подростки, но во всякомъ случаѣ... Нравственности мало.

— Мало... мало... Это, братъ, вѣрно.

— Семейная жизнь шатается!

Москвичъ подмигнулъ глазомъ и тихо проговорилъ:

— Ужо я тебѣ покажу одну дамочку...Та поневолѣ пошатнетъ семей

ную жизнь... Дамочка, братецъ, всѣхъ съ ума сводитъ... Замѣчательная женщина!.. Три раза судилась по подозрѣнію въ убійствѣ, была оправдана и каждый разъ послѣ этого поднимала цѣну...

Разговоръ принялъ игривое направленіе. Собссѣдники забыли какъ будто о нравственности и говорили о дамахъ. А время шло. Я позволилъ себѣ намекнуть моему спутнику, что какъ бы намъ не опоздать.

— А вы куда?

— Въ судъ.

— Сегодня интересное дѣло будетъ... Поѣзжайте скорѣй. Вы, милордъ, услышите въ судѣ геніальныхъ ораторовъ... Куда петербургскимъ! А дамъ сколько увидите... Я думаю, около суда цѣлая орава дамъ стоитъ.

— Это почему, сэръ?

— Москвички любятъ ходить по утрамъ въ судъ. Знаете ли, скучно, такъ онѣ въ судъ. Тамъ адвокатъ или прокуроръ есть излюбленный... Въ Петербургѣ, милордъ, дамы на итальянскихъ артистовъ облизываются (онъ такъ и сказалъ: облизываются), а у насъ либо на прокуроровъ, либо на адвокатовъ. Выберетъ себѣ идола да и ходитъ смотрѣть... И весело, и время убивается...

Мы раскланялись съ почтеннымъ москвичомъ, при чемъ онъ снова троекратно облобызалъ меня и сказалъ, что непремѣнно будетъ завтра у меня и попроситъ обѣдать въ англійскій клубъ, и съ трудомъ сѣли въ коляску. Я чувствовалъ тяжесть въ желудкѣ и какую-то сонливость.

По дорогѣ въ окружный судъ я былъ, Дженни, свидѣтелемъ слѣдующаго, весьма обыкновеннаго, какъ послѣ я узналъ, въ Москвѣ явленія. На одной изъ людныхъ улицъ нѣсколько собакъ доѣдали трупъ какого-то человѣка *). Оказалось, что его только-что загрызли. Какъ кажется, москвичи почитаютъ собакъ и потому не принимаютъ противъ нихъ никакихъ мѣръ, такъ что случаи смерти отъ собакъ здѣсь бываютъ нерѣдки, особенно по ночамъ, когда цѣлыя стаи голодныхъ псовъ свободно разгуливаютъ по Москвѣ за добываніемъ пищи. Не такъ давно мѣстный полицейскій листокъ сообщилъ, что въ Лефортовской части собаки почетнаго гражданина мистера Гусарева загрызли человѣка, который, по счастію, еще живой былъ отнесенъ въ пріемный покой, гдѣ скоро и скончался. Меня своевременно предупредили еще въ гостиницѣ о свирѣпости московскихъ собакъ и совѣтовали ночью избѣгать ходить пѣшкомъ. Впрочемъ, эти хищныя животныя иногда, говорятъ, нападаютъ и на экипажи. Мы сами не избѣгли такого нападенія въ одномъ изъ переулковъ; большія собаки, числомъ десять, бросились на нашу коляску и поровили куснуть твоего друга, но, по счастію, дѣло обошлось благополучно. Хищныя

*) Едва ли нужно напоминать читателю, что извѣстіе о собакахъ отзывается баснею.

животныя обратили свое вниманіе на гулявшее стадо свиней и, оставивъ насъ, въ мигъ растерзали цѣлое стадо.

Въ коридорахъ суда (весьма красиваго зданія) было настоящее гулянье. Множество дамъ толпилось въ коридорѣ, весело болтая и смѣясь. Я подумалъ, не ошибся ли мой спутникъ (онъ къ тому же много за завтракомъ выпилъ кларету) и не привезъ ли онъ меня вмѣсто суда въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, и потому я спросилъ его:

— Точно ли мы въ судѣ, сэръ?

— Какъ же... какъ же... въ настоящемъ судѣ... Видите ли, сколько хорошенькихъ?

— Однако, сэръ, въ Москвѣ дамы, видно, имѣютъ много тяжебныхъ дѣлъ. Онѣ, вѣрно, по дѣламъ?

— Да нѣтъ... Развѣ вы не помните, что говорили вамъ... Москвички здѣсь обыкновенно проводятъ до-обѣденное время... Смотрите-ка... вонъ идетъ свѣтило... знаменитый адвокатъ.

По коридору проходилъ развалистой походкой плотный джентльменъ и, прищурясь, взглядывалъ на дамъ, которыя при появленіи его нѣсколько поутихли. Во время этого шествія изъ дамской толпы то и дѣло раздавались восклицанія: «душка!», «красавчикъ!», «милка!».

Такими восклицаніями, какъ мнѣ объяснили, у московскихъ дамъ принято привѣтствовать замѣчательныхъ людей судебнаго вѣдомства.

— А вотъ идетъ прокуроръ... тоже, по словамъ моего московскаго друга, геніальный!—замѣтилъ мой чичироне.—Вы, милордъ, подождите здѣсь, а я пойду попросить, чтобъ насъ впустили.

Проходилъ низенькій, рыжеватый, съ маленькими рысьими глазками и какой-то сладкой улыбкой джентльменъ, и тоже, при проходѣ его, изъ дамской толпы раздавались восклицанія:

— Душка... милка... красавчикъ...

Прокуроръ еще слаще улыбался и пошелъ тише.

— И прокуроровъ, значитъ, дамы почитаютъ?—спросилъ я.

— Какъ видите, милордъ. Онѣ не разбираютъ.

— Какъ онъ говоритъ!..—говорила около меня маленькая дама, пожирая глазами прокурора. — Ахъ, какъ онъ говоритъ... Онъ такъ говоритъ, что я не могла бы, кажется, устоять.

— По-моему, адвокатъ Громиловъ лучше...

— Что адвокаты! Они во фракахъ, а прокуроры въ мундирахъ.

— Но зато адвокаты богаты.

— А прокуроры могутъ быть генералами, а адвокаты никогда не будутъ генералами.

Между моими ближайшими сосѣдками завязался споръ, который скоро пошелъ crescendo, такъ что черезъ нѣсколько секундъ эти двѣ миловидныя дамы уже вели, Дженни, очень крупный разговоръ.

Дѣло не обошлось бы безъ драки, если бы какой-то юный джентль-

менъ не прекратилъ обоюдныхъ препирательствъ и не развелъ бы почтенныхъ дамъ; объ онѣ, какъ я узналъ, были жены московскихъ весьма богатыхъ купцовъ, большія пріятельницы, но весьма вспыльчивыя, когда дѣло доходило до сравненія адвокатовъ съ прокурорами.

Въ это время вернулся мой спутникъ и сказалъ:

— Мѣста есть... прекрасныя мѣста... Пойдемте...

Мы тихо вошли въ залу суда и сѣли на весьма удобныхъ мѣстахъ, впереди мѣстъ для публики. Въ довольно большой комнатѣ за столомъ сидѣло лицами къ намъ трое судей и товарищъ прокурора. Въ полусвѣтѣ трудно было отличить ихъ лица, такъ что издали казалось, будто они дремали, слушая чтеніе секретаря. Сбоку сидѣли присяжные, прямо противъ нихъ было огороженное (нѣчто въ родѣ большого стойла) мѣсто для подсудимыхъ, а впереди мѣсто для защитниковъ. На другомъ концѣ комнаты (прямо противъ судейскихъ мѣстъ) было помѣщеніе для публики.

Подсудимый былъ отставной интендантскій чиновникъ, очень маленькаго чина и очень маленькаго роста, Дженни. Это былъ сѣденькій уже джентльменъ со сморщеннымъ краснымъ лицомъ, на которомъ словно застыло выраженіе изумленія: почему это онъ изъ Бухареста привезенъ въ Москву и сидитъ въ окружномъ судѣ? Онъ временами взглядывалъ на двери и снова садился.

— Это онъ адвоката ищетъ... До сихъ поръ его нѣтъ! — говорили въ публикѣ.

— Скорѣе бы дѣло это кончилось... Неинтересно...

— А когда пойдетъ дѣло по обвиненію адвоката въ двадцатиженствѣ?—полюбопытствовали голоса.

— Третьимъ.

— Скверные мужчины!..—замѣтила дама.—Двадцать женъ!..

— Это что двадцать... Въ Турціи, mesdames, можно пятьдесятъ имѣть!—весело смѣется какой-то молодой человѣкъ, перегнувшись за барьеръ.

Секретарь продолжалъ монотонно читать. По всему было видно, что въ глазахъ публики, да, кажется, и самихъ членовъ суда, процессъ не обѣщалъ быть интереснымъ, такъ какъ тутъ же говорили, что подсудимый обвинялся въ незаконномъ вымогательствѣ у подрядчика всего шестисотъ рублей, былъ тотчасъ же уличенъ и преданъ суду.

Передъ самымъ окончаніемъ чтенія секретаря вбѣжалъ адвокатъ, и каково было мое изумленіе, Дженни, когда я въ немъ узналъ того самаго джентльмена, съ которымъ я имѣлъ непріятную встрѣчу на пути изъ Петербурга въ Москву! Названный джентльменъ бойко сѣлъ на свое мѣсто, пожалъ руку своему кліенту и сталъ разглядывать публику.

Судебныя пренія прошли очень скоро. И свидѣтельскія показанія и наконецъ обстоятельства дѣла ясно говорили, что подсудимый

дѣйствительно получилъ шестьсотъ рублей съ корыстной цѣлью. Когда судебное слѣдствіе было закончено, публика насторожила уши, дамы наставили бинокли и приготовились слушать.

Прокуроръ вскочилъ съ мѣста, точно, Дженни, подъ нимъ вдругъ оказалась иголка, и вмѣсто словъ замоталъ вдругъ головой, оторвалъ двѣ пуговицы отъ мундира, сталъ бить себя въ грудь и вдругъ, Дженни, заревѣлъ на весь судъ. Дамы тоже полѣзли за платками, а адвокатъ съ завистью смотрѣлъ на своего противника и, очевидно, находился въ нѣкоторомъ смущеніи, такъ какъ не ожидалъ, что по поводу такого незначительнаго подсудимаго г. прокуроръ разорветъ свой, хотя и подержанный мундиръ *). Такія упражненія обвинитель продѣлывалъ нѣсколько минутъ, во время которыхъ дамы уже успѣли разстроить свои нервы до того, что двѣ упали въ обморокъ, а одна такъ громко крикнула: «душка прокуроръ!», что предсѣдатель нашелъ нужнымъ позвонить.

— Зачѣмъ это онъ дѣлаетъ?—спросилъ я у сосѣда.

— Ей-Богу, не знаю... Я самъ въ первый разъ... Сейчасъ, вѣрно, узнаемъ!

Когда прошли двѣ минуты, тогда прокуроръ, всклокоченный (отъ долгаго мотанія волосы, натурально, спутались) и блѣдный, сперва захрипѣлъ, потомъ заскрежеталъ зубами (такъ что у меня пробѣжалъ морозъ по тѣлу) и наконецъ началъ свою рѣчь.

Я не могу передать тебѣ, Дженни, всей рѣчи, но передаю только ея сущность, оставляя, конечно, неприкосновенными выраженія, почему-либо поразившія меня. Замѣчу предварительно только, что говорившій обвинитель тоже, по словамъ моего сосѣда, былъ геніальнымъ ораторомъ и любимцемъ дамъ, при чемъ тутъ же мнѣ разсказали, что будто бы изъ-за него одна дама застрѣлила своего мужа, а три дамы повѣсились. Конечно, я не ручаюсь за достовѣрность этого сообщенія, тѣмъ болѣе, что тутъ же разсказывали совсѣмъ другое.

«Господа присяжные засѣдатели! **)

«Я не могъ сдержать чувствъ негодованія, охватившаго меня, и разорвалъ свой новый мундиръ. Да и можно ли было остаться спокойнымъ и по меньшей мѣрѣ не разорвать мундира при видѣ того закоренѣлаго злодѣя, который какъ бы хвалится своимъ преступленіемъ и съ цинизмомъ признаётся, что онъ взялъ съ подрядчика пятьсотъ двадцать четыре рубля шестьдесятъ двѣ копейки? Господа присяжные! Въ

---

*) Снова приходится, къ сожалѣнію, указать читателю на явныя преувеличенія знатнаго иностранца. *Прим. переводчика.*

**) Мы перевели это мѣсто безъ измѣненій, но полагаемъ, что едва ли почтенный путешественникъ точно передалъ рѣчь обвинителя. Вѣроятно, недостаточное знакомство съ языкомъ и было причиной нѣкоторыхъ преувеличеній, къ которымъ такъ склонны иностранцы при описаніи русской общественной жизни. *Прим. переводчика.*

настоящую минуту вся Россія смотритъ на васъ и ждетъ, что вы отдадите должное справедливости и по совѣсти покараете лихоимца, не пожалѣвшаго родины своей въ то время, когда эта родина посылала сыновъ своихъ лить кровь за святое дѣло подъ твердынями Плевны, на гребняхъ Шипки и въ долинахъ забалканскихъ... Въ такое-то время подсудимый не задумывается продать свою родину, какъ Іуда продалъ Христа, за пятьсотъ двадцать четыре рубля шестьдесятъ двѣ копейки. Совѣсть не остановила его, не шепнула ему, какъ грозный судья: «остановись!», и онъ даже безъ колебаній принялъ отъ подрядчика названную сумму и за то принялъ сухари, образчикъ которыхъ у васъ передъ глазами, гг. присяжные... И неужели для такого злодѣя можетъ быть пощада!? Вся жизнь его не болѣе, какъ цѣпь преступленій... Еще въ утробѣ матери онъ, какъ это было доказано свидѣтельскими показаніями, точилъ ножъ противъ казны и затѣмъ въ теченіе младенческаго и затѣмъ отроческаго возраста, когда, казалось бы, чувства бываютъ такъ мягки и совѣсть такъ чутка, обдумывалъ средства къ исполненію преступленія и для этой цѣли, не окончивъ курса ни въ одномъ заведеніи, поступилъ на службу въ интендантское вѣдомство и въ теченіе всей своей службы, какъ самъ цинично сознался, пользовался «доходами» безнаказанно и не остановился даже тогда, когда и самый закоренѣлый злодѣй долженъ былъ бы остановиться...

«Господа присяжные!

«Общественное мнѣніе было взволновано, когда узнало, что наши бѣдные солдаты не получали всегда то, что имъ слѣдовало, что они голодали въ то время, когда всѣ взоры устремлены были на нихъ и всякій молился во славу русскаго оружія... И кто же виноватъ былъ въ такомъ безжалостномъ ограбленіи солдата, кто, какъ тать, притаившись въ благословенной Румыніи, пожираемый корыстолюбіемъ, грабилъ казну? Этотъ злодѣй передъ вами!.. Онъ полагалъ, что правосудіе дремлетъ, но правосудіе не дремало. Онъ думалъ, что пятьсотъ двадцать четыре рубля, взятые имъ, не возопіютъ къ небу, но они возопіяли. Онъ мнилъ, что преступленіе не будетъ открыто, но оно открылось... Господи Боже мой!.. Что же подвигнуло его на такое преступленіе? Развѣ онъ не получалъ достаточнаго содержанія? Нѣтъ, онъ получалъ до шестисотъ рублей въ годъ и слѣдовательно не могъ нуждаться... Или, быть-можетъ, дурные примѣры вліяли на него? Но всѣ его начальники, какъ посредственные, такъ и непосредственные, люди почтенные, безукоризненной честности, и вы сами слышали изъ свидѣтельскихъ показаній, что они никакихъ расписокъ не давали въ полученіи взятокъ... Что же было причиной? Я уже говорилъ вамъ, гг. присяжные, раньше...

«Подсудимый со дня зачатія былъ испорченъ, и злая воля, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ наживѣ, толкнули его на тотъ путь, который

привлекъ его, въ чинѣ губернскаго секретаря, на пятидесятомъ году жизни, на скамью подсудимыхъ...

«Гг. присяжные! Общественная совѣсть требуетъ удовлетворенія... Успокойте же ее, гг. присяжные... Докажите всему міру, что вы не боитесь осудить человѣка, хотя онъ и занимаетъ столь видный постъ— младшаго помощника старшаго смотрителя сухарнаго склада, и находится въ чинѣ губернскаго секретаря... Въ лицѣ его вы покараете взяточничество и заставите трепетать всѣхъ подобныхъ ему злодѣевъ. Они ужаснутся при вашемъ справедливомъ приговорѣ, и интересы казны будутъ соблюдены... Вамъ предстоитъ, гг. присяжные, великая задача—положить предѣлъ лихоимству, вырвать съ корнемъ историческую язву взяточничества... Вырывайте же зло съ корнемъ, и да не дрогнетъ ваша рука, какъ не дрогнула его рука не только взять пятьсотъ двадцать четыре рубля, но даже и написать расписку... Господа присяжные!! Злодѣйство слишкомъ велико... Я содрогаюсь отъ одной мысли, что будетъ, если такіе злодѣи не будутъ наказаны... Мнѣ кажется, не только порядочные люди, но даже самыя стѣны суда вознегодуютъ... Если среди насъ будутъ жить на свободѣ такіе злодѣи, то гдѣ же гарантія, что этотъ же злодѣй не покусится завтра на государственный банкъ?.. И какой былъ бы примѣръ для нашихъ дѣтей!.. Скажу болѣе: даже для нашихъ женъ, потому что такіе злодѣи не стѣснятся обольщать ихъ, пользуясь своими средствами, пріобрѣтаемыми незаконными путями... Оградите же честь своихъ женъ... избавьте дѣтей отъ дурныхъ примѣровъ... Больше я не могу... Я слишкомъ взволнованъ... Я падаю въ обморокъ, гг. присяжные! Я кончилъ!»

И дѣйствительно, Дженни, онъ упалъ въ обморокъ, но, къ счастію, скоро пришелъ въ себя.

Предварительно замѣчу тебѣ, что, передавая рѣчь г. прокурора, я кончилъ гораздо раньше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ говорилъ свою рѣчь (я замѣтилъ по часамъ) ровно три часа двадцать минутъ. Когда онъ кончилъ, многія дамы плакали навзрыдъ и громко восклицали, что прокуроръ — душка... Что же касается подсудимаго, то этотъ старый джентльменъ (какъ я узналъ послѣ, выслужившійся изъ писарей), казалось, не только не понималъ всей тяжести совершеннаго имъ преступленія, но даже и не вполнѣ понималъ всѣхъ эффектовъ обвинительной рѣчи. Онъ, правда, какъ-то ежился, когда его называли злодѣемъ, и закрывалъ въ это время лицо свое руками, какъ робкое, безпомощное дитя, котораго неизвѣстно за что бьютъ, но затѣмъ снова открывалъ лицо и, сколько замѣтилъ я, съ любопытствомъ слушалъ свободно-льющуюся рѣчь въ тѣхъ мѣстахъ ея, которыя не касались подсудимаго непосредственно. Но когда старенькаго некрасиваго джентльмена обвиняли въ обольстительствѣ женъ, то джентльменъ энергично замоталъ головой и хотѣлъ-было что-то сказать (вѣроятно, что онъ на это неспособенъ), но былъ своевременно

удержанъ своимъ защитникомъ. Тогда онъ какъ-то странно улыбнулся... Потъ градомъ катился съ его лица, и онъ, совершенно сконфуженный, сѣлъ на свое мѣсто.

Очередь была за адвокатомъ, джентльменомъ, съ которымъ я уже познакомилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ.

Названный джентльменъ всталъ, перекрестился три раза (присяжные, Дженни, были большею частью изъ купцовъ) и вдругъ, Дженни, запѣлъ густымъ баритономъ духовную пѣснь, начинающуюся словами: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое». Затѣмъ, по окончаніи пѣнія, онъ снова трижды перекрестился и началъ рѣчь, которую я, конечно, передаю въ извлеченіи:

«Гг. присяжные засѣдатели! Гг. именитые московскіе купцы, дорогіе патріоты и защитники невинности! Я буду кратокъ (онъ, Дженни, несмотря на обѣщаніе, говорилъ однако три часа съ половиною). И къ чему многословіе, когда дѣло для насъ совершенно просто и, позволю себѣ выразиться сравненіемъ, такъ же ясно, какъ ясно, гг. присяжные засѣдатели, у каждаго изъ васъ на сердцѣ... Взгляните на подсудимаго. Встаньте, добродѣтельный старецъ, невинно привлеченный на эту скамью... Встаньте, прошу васъ (подсудимый, Дженни, недоумѣвая, всталъ и, конечно, сконфузился). Взгляните на эти почтенныя сѣдины, взгляните, гг. присяжные, на эти глаза, потухшіе отъ слезъ, которыя этотъ старецъ проливалъ въ продолженіе многихъ дней и ночей, не зная сна, не находя ни на минуту покоя... Посмотрите внимательно на него со всѣхъ сторонъ... Повернитесь, благородный человѣкъ (подсудимый повернулся три раза), и сядьте на свое мѣсто... Вы разглядѣли, гг. присяжные, моего кліента хорошо, и скажите по совѣсти, не щемитъ ли у васъ сердце, когда вы вспоминаете только-что произнесенную съ обычнымъ умѣньемъ и талантомъ рѣчь почтеннаго представителя обвиненія?.. Признаюсь, во все время я скорбѣлъ душой и если не плакалъ и не изорвалъ моего новаго фрака въ клочки, то единственно благодаря необычайнымъ усиліямъ воли и изъ уваженія къ прелестнымъ дамамъ, наполняющимъ мѣста, отведенныя для публики. Вѣроятно, и вы не дали волю своимъ чувствамъ и не поспимали съ себя одеждъ по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ поступилъ и я... Гг. присяжные! Вамъ говорятъ, что передъ вами злодѣй. А я говорю, что передъ вами страдалецъ, угодникъ Божій, человѣкъ, вся жизнь котораго была посвящена на служеніе Богу и ближнимъ... Изъ свидѣтельскихъ показаній, слышанныхъ вами здѣсь на судѣ, вы, конечно, убѣдились, что еще во чревѣ матери, женщины добродѣтельной и достойной, тотъ, кого обвиняетъ почтенный обвинитель, обнаруживалъ тѣ, не вполнѣ объясненныя еще современной наукой явленія, которыя однако засвидѣтельствованы заслуживающими уваженія свидѣтелями. Вы помните, какъ одинъ изъ свидѣтелей говорилъ, что покойная мать моего кліента не разъ говорила свидѣтелю, что на восьмомъ мѣсяцѣ

беременности она ясно слышала какой-то голосъ, шептавшій слова милосердія и любви,—то былъ голосъ моего кліента. Затѣмъ, едва родившись, онъ, какъ показывали почти всѣ свидѣтели, тотчасъ же заявилъ желаніе посвятить себя Богу и добродѣтели, такъ что это раннее проявленіе добродѣтели было въ свое время засвидѣтельствовано въ газетахъ того времени, какъ то доказываетъ слѣдующая выписка, которую я вамъ буду имѣть честь прочесть (почтенный джентльменъ прочелъ выписку изъ «Сѣв. Пчелы» за 1822 годъ, въ которой разсказывалось объ одномъ только-что родившемся ребенкѣ, крикнувшемъ «ура!»). Затѣмъ дальнѣйшая жизнь извѣстна... Утѣшеніе родителей, нѣжный и почтительный сынъ, онъ кончаетъ курсъ уѣзднаго училища и, по окончаніи курса, поступаетъ по вольному найму писаремъ, затѣмъ служитъ въ комиссаріатѣ, на службѣ котораго онъ участвуетъ въ достопамятную крымскую кампанію... Онъ дрался, какъ герой, и грудь его недаромъ украшена двумя медалями; онъ былъ безкорыстенъ, доказательствомъ чего служатъ, во-первыхъ, показанія свидѣтелей (вы слышали, какъ онъ въ то время отказался отъ десяти рублей и сказалъ героическія слова: «лучше я погибну въ бѣдности, но десяти рублей не возьму!») и, во-вторыхъ, тѣ отличія и повышенія, которыми почтило его начальство... Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ быстро идетъ по лѣстницѣ отличій... Не получившій высшаго образованія, онъ, обязанный всѣмъ своему трудолюбію и честности, въ теченіе свыше двадцатипятилѣтней своей службы получилъ два чина и три награды... Послѣдняя война застаетъ его въ чинѣ губернскаго секретаря и въ званіи младшаго помощника смотрителя склада...

«Гг. присяжные! Вы знаете, какими соблазнами окружена жизнь честнаго человѣка. Онъ добросовѣстно принималъ сухари, какъ вдругъ является подрядчикъ, презрѣнный еврей (русскій этого бы не сдѣлалъ), и тихонько кладетъ этому человѣку пятьсотъ двадцать четыре рубля шестьдесятъ двѣ копейки въ карманъ. Добродѣтельный чиновникъ, занятый единственно заботами о службѣ, натурально, этого не замѣчаетъ, и когда вечеромъ того же дня отходитъ ко сну и видитъ въ карманѣ у себя сумму, то, конечно, сперва удивляется, потомъ негодуетъ и долго ломаетъ себѣ голову, откуда у него явились эти деньги... Но наконецъ онъ вспоминаетъ, что въ этотъ же день у него былъ еврей, и посылаетъ за нимъ... Но въ ту же минуту онъ получаетъ телеграмму, что его жена и шестеро дѣтей находятся въ крайности... Подъ вліяніемъ аффекта онъ посылаетъ эти деньги своимъ кровнымъ (онъ, гг. присяжные, рѣдкій семьянинъ), а презрѣнному еврею немедленно же выдаетъ расписку... Гдѣ же тутъ преступленіе? Зачѣмъ же онъ выдалъ расписку? Я полагаю, господа, что мы бы съ вами не выдали расписки, если бы хотѣли поступить чисто... (Общій смѣхъ). Не скрою отъ васъ, гг. присяжные, что мой кліентъ слабоуменъ, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить выдачу рас-

писки. Знаменитые авторитеты науки, Модели, Гризингеръ и другіе, такъ объясняютъ признаки слабоумія (читаетъ выписки). Изъ этого вы не усомнитесь, что мой кліентъ слабоуменъ. Но это-то слабоуміе, вмѣстѣ съ высокими качествами его души, и должно было бы, казалось, послужить для него покровомъ его невинности... А между тѣмъ его арестуютъ, по доносу того же еврея, и говорятъ, что онъ принялъ будто бы гнилые сухари. Господа присяжные!.. Вотъ этотъ сухарь... Глядите... Я его съѣмъ (и онъ, Дженни, съѣлъ его весь безъ остатка). По совѣсти скажу, что этотъ сухарь таковъ, что если бы Богъ сподобилъ меня ѣсть такіе сухари въ теченіе всей моей жизни, то я ничего не желалъ бы лучшаго... Затѣмъ вы слышали, что моего кліента обвиняютъ въ обольстительствѣ. Я не стану опровергать даже такого обвиненія; замѣчу только, что престарѣлая его супруга и шесть взрослыхъ дѣтей могутъ отвѣтить презрѣніемъ на такое обвиненіе...»

На этомъ мѣстѣ ораторъ былъ прерванъ предсѣдателемъ суда и затѣмъ продолжалъ:

«Такимъ образомъ для васъ, гг. присяжные, ясно, что вся жизнь подсудимаго, начиная со дня рожденія, такова, что можетъ быть образцомъ для нашихъ дѣтей... Онъ былъ святой жизни, постился во всѣ постные дни и во время войны отъ заботъ и лишеній потерялъ здоровье, и прекрасные нѣкогда его волосы совершенно посѣдѣли. И вдругъ говорятъ, что этотъ человѣкъ—преступникъ... Нѣтъ... господа, вы, представители общественной совѣсти, не попустите, чтобы такой почтенный человѣкъ, такой безукоризненный дѣятель, отецъ семейства, былъ невинно осужденъ... Вы оправдаете его, и онъ, выйдя отсюда съ возстановленнымъ именемъ, скажетъ: «Благородное московское купечество не взяло на свои души грѣха. Оно возстановило мою честь». И семья его съ радостью бросится въ его объятія, и кости его покойной матери отъ радости вострепещутъ въ своей могилѣ. Что еще говорить: невинность говоритъ безъ словъ. Въ лицѣ моего кліента она взываетъ къ небу и громко вопіетъ объ освобожденіи. Верните же въ среду вашу честнаго человѣка, престарѣлаго губернскаго секретаря, безвинно наказаннаго уже тѣмъ, что онъ лишился мѣста. Дайте ему случай вновь посвятить свои силы родинѣ и повѣрьте, что горькій опытъ заставитъ его осторожнѣй выдавать расписки. Господа присяжные! Вы слышали, что мой кліентъ сознался. Онъ готовъ въ чемъ угодно сознаться,—до того поразило его постигшее безчестье сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Но онъ уйдетъ съ нея, и, благодаря вамъ, снова радость посѣтитъ его наболѣвшее сердце, онъ воспрянетъ духомъ и запоетъ вмѣстѣ съ вами хвалу Всемогущему, просвѣтившему ваши духовныя очи. Я кончилъ!..»

Но дѣло еще не кончилось. Прокуроръ и адвокатъ еще обмѣнялись рѣчами, въ которыхъ они еще разъ потрошили не только самого подсудимаго, но даже его родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ. Когда

пренія кончились и предсѣдатель далъ слово самому подсудимому, онъ сказалъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Гг. присяжные! Это точно, что я взялъ пятьсотъ двадцать четыре рубля. Никакъ нельзя, такая служба. Я всегда бралъ, если давали. Но бралъ по чину, и многаго мнѣ не давали. Если бы занималъ высшее мѣсто, то, разумѣется... А расписку выдалъ по слабоумію. Это точно. Если бы не расписка, уликъ бы не было. Не осудите. Воззрите на старика, оставшагося безъ куска хлѣба. Тѣ самые пятьсотъ двадцать четыре рубля, за которые я теперь въ судѣ, я отдалъ защитнику за защиту и остался безъ куска хлѣба... Не осуждайте меня.

Онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но въ горлѣ у него точно что-то поперхнулось, онъ умолкъ и, поклонившись, сѣлъ.

Присяжные ушли, и публика выразила недовольство, что это дѣло заняло такъ много времени. Наконецъ черезъ часъ вернулись присяжные и вынесли оправдательный приговоръ...

Мы хотѣли-было оставаться еще въ судѣ и дождаться интереснаго дѣла о двадцатиженствѣ, но, къ крайнему сожалѣнію публики, дѣло это было отложено за неявкой свидѣтелей. Мы выходили изъ суда и слышали, какъ дамы громко роптали, что отложено дѣло. До слѣдующаго письма, Дженни!

Письмо двадцатое.

Дорогая Дженни!

Принимаясь за продолженіе описанія моего пребыванія въ Москвѣ, предварительно замѣчу тебѣ, во избѣжаніе обвиненій съ твоей стороны въ непроизводительной тратѣ денегъ, что спиритическіе сеансы, которые я давалъ въ Москвѣ въ теченіе двухъ дней дамамъ избраннаго московскаго общества (слава моя, какъ спирита, проникла и въ Москву),—не только окупили мою поѣздку, но и дали преизрядный остатокъ. На ушко шепну тебѣ, дорогая моя, что московскія лэди еще легковѣрнѣе петербургскихъ во всемъ, касающемся общенія съ загробнымъ міромъ, и если-бъ, вдобавокъ къ такому легкомыслію и общей склонности русскихъ дамъ къ спиритамъ иностраннаго происхожденія, твой Джонни не держалъ себя съ достоинствомъ вѣрнаго англійскаго джентльмена и скромностью Іосифа прекраснаго,—то, смѣю думать, гонораръ, собранный въ теченіе двухъ дней, былъ бы несравненно значительнѣе.

Въ качествѣ посредника между моими кліентками и разными джентльменами загробнаго міра, я нерѣдко удостоивался привѣтливыхъ взглядовъ и нѣжныхъ пожатій рукъ, но, откровенно сознаюсь, даже и эти невинные знаки сочувствія внушали мнѣ нѣкоторое безпокойство, такъ какъ меня еще въ Петербургѣ предупреждали, что московскія лэди при случаѣ обнаруживаютъ рѣшительность и мстительность, свойственныя, казалось бы, уроженкамъ знойныхъ странъ, а не хо-

лоднаго сѣвера. На основаніи вышеупомянутыхъ предупрежденій, я былъ крайне остороженъ въ рѣчахъ и взглядахъ и преимущественно направлялъ вниманіе моихъ знатныхъ посѣтительницъ на появленіе безплотныхъ духовъ и на бесѣды съ этими почтенными джентльменами. Само собою разумѣется, что въ качествѣ медіума, фамильярно обращающагося съ знаменитыми покойниками всѣхъ временъ и народовъ, я бывалъ нерѣдко посвящаемъ въ сердечныя тайны моихъ приглуповатыхъ (stupide) клієнтокъ, но именно вслѣдствіе обилія этихъ тайнъ я въ первые сеансы находился въ затрудненіи: какъ отвѣчать на запросы нѣкоторыхъ лэди относительно взаимности двухъ-трехъ и даже четырехъ джентльменовъ разомъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, знаменитые джентльмены, вызываемые мною съ того свѣта, стали отвѣчать на такіе запросы утвердительно, и подобные отвѣты, какъ я замѣтилъ, производили наилучшее впечатлѣніе на спиритокъ-гадальщицъ.

При личномъ свиданіи я разскажу тебѣ, Дженни, подробнѣе объ этихъ спиритическихъ сеансахъ съ русскими лэди, а теперь продолжаю разсказъ о Москвѣ и ея достопримѣчательностяхъ.

Свиданіе съ знаменитымъ московскимъ журналистомъ произошло на третій день моего пребыванія въ Москвѣ. Наканунѣ я послалъ названному журналисту карточку при письмѣ, въ которомъ, выразивъ чувства удивленія, внушаемыя дѣятельностью почтеннаго главы московской партіи, просилъ забыть предубѣжденіе противъ англичанъ и доставить мнѣ удовольствіе позволеніемъ посѣтить названнаго джентльмена. Въ тотъ же вечеръ, возвратясь съ обѣда, я нашелъ у себя на столѣ слѣдующее письмо на англійскомъ языкѣ:

«Милордъ! Я буду радъ видѣть васъ у себя завтра отъ часа до двухъ. Прошу вѣрить, милордъ, что я никогда не покидалъ своихъ симпатій къ славной націи, достойный представитель которой почтилъ меня вниманіемъ выше моихъ заслугъ. Я почту себя счастливымъ личнымъ знакомствомъ еще болѣе укрѣпить взаимную дружбу между обѣими націями».

На слѣдующій день, ровно въ двѣнадцать часовъ, я отправился къ знаменитому журналисту, разсчитывая около часу быть у него, но непредвидѣнное обстоятельство задержало меня: въ одной изъ улицъ, по которой слѣдовало проѣхать, проѣздъ оказался невозможнымъ, такъ какъ плотная толпа загромоздила улицу, и двинуться впередъ не было никакой возможности. Я вышелъ изъ кареты и обратился къ близъ стоявшимъ съ вопросами насчетъ этого обстоятельства, но, по обыкновенію, ничего опредѣленнаго узнать не могъ; одни говорили, что, вѣроятно, впереди происходитъ драка, другіе, что, вѣрно, ждутъ митрополита, третьи наконецъ увѣряли, что кто-то нечаянно разрубилъ какую-то женщину пополамъ шашкой. Не добившись толку, я коскакъ протискался впередъ и увидалъ передъ домомъ молодого всад-

ника, около котораго хлопотали уже полисмены и просили его сдѣлать имъ честь отправиться въ police station. Тутъ же мнѣ объяснили, что молодой всадникъ, проѣзжая мимо названнаго дома и увидавъ въ окнѣ знакомое личико женщины, пославшей ему воздушный поцѣлуй, мигомъ осадилъ своего коня и, не долго думая, понесся на немъ вверхъ по лѣстницѣ при громкомъ хохотѣ собравшейся на это зрѣлище толпы. Кавалеристъ успѣшно уже достигъ первой площадки и хотѣлъ-было продолжать свое восхожденіе далѣе, но приказчикъ книжнаго магазина, помѣщающагося въ томъ же домѣ, вышелъ изъ дверей и освѣдомился у всадника насчетъ цѣли его путешествія. На этотъ вопросъ сперва послѣдовалъ энергичный отвѣтъ, а вслѣдъ затѣмъ всадникъ, гусарскій юнкеръ, быстро спѣшился и, принявъ приказчика книжнаго магазина за непріятеля, вцѣпился ему въ бакенбарды. Этимъ актомъ началась правильная битва, раздались крики, изъ дома повыскочили другіе жильцы, и накопецъ гусаръ былъ усмиренъ при помощи полисменовъ. На вопросы мои относительно цѣли такого восхожденія верхомъ на лѣстницу мнѣ отвѣчали ссылкой на удаль, свойственную русскимъ молодымъ людямъ, при чемъ тутъ же прибавили, что «на Москвѣ» и не то еще бываетъ. Толпа между тѣмъ стала расходиться; я добрался до кареты и уже безпрепятственно доѣхалъ до мѣста назначенія, потерявъ однако цѣлыхъ полчаса времени.

У подъѣзда большого дома меня встрѣтилъ весьма благообразный швейцаръ. Проводивъ меня въ прихожую и снявъ съ меня пальто, онъ протянулъ безцеремонно руку съ требованіемъ, какъ здѣсь говорятъ, «на чай». Я далъ ему двугривенный, но почтенный человѣкъ только покачалъ головой и произнесъ:

— Вы генерала хотите видѣть?

— Я хочу видѣть редактора-издателя!

— Значитъ, самого генерала! Меньше рубля взять не могу. И то это дешево. Сами знаете, кого хотите видѣть! Это не то, что простой генералъ какой нибудь!—прибавилъ онъ, выжидая съ протянутой рукой.

Я отдалъ бумажку, и тогда онъ замѣтилъ:

— Потрудитесь подняться наверхъ. Тамъ васъ встрѣтятъ...

— Скажите, пожалуйста, и *тамъ* надо кому-нибудь дать?

— Нѣтъ, господинъ... Тамъ не нужно... Захватили ли вы съ собою только паспортъ?

— Это зачѣмъ?..—удивился я.

— Вы, видно, порядковъ не знаете... Надо паспортъ, безъ паспорта не пропустятъ...

— Онъ со мною...

— Прописанъ?

— Прописанъ...

Изумленный отъ такого предупрежденія, я, признаться, Дженни, поднимался по широкой лѣстницѣ, устланной коврами и уставленной

цвѣтами, нѣсколько смущенный и забывалъ даже отвѣчать на привѣтствія, которыми встрѣчали меня на площадкахъ джентльмены въ ливреяхъ, съ алебардами, отдавая мнѣ алебардами честь. Наконецъ у послѣдней площадки алебардистъ распахнулъ передо мною двери, и я вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ за небольшимъ столомъ сидѣли два джентльмена въ штатскихъ мундирахъ (какъ послѣ я узналъ, сотрудники московской газеты). Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ мнѣ подробный допросъ: кто я такой, зачѣмъ желаю видѣть «отца отечества»,—такъ называлъ онъ московскаго журналиста,—и откуда пріѣхалъ. Получивъ отъ меня удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы, тотъ же джентльменъ попросилъ у меня паспортъ и, когда я подалъ его, занесъ его въ книгу и любезно возвратилъ его обратно. Думая, что всѣ обрядности уже кончены, я хотѣлъ-было идти далѣе, но джентльменъ любезно остановилъ меня:

— Еще, милордъ, не все кончено!

— Что же еще?

— Вы, милордъ, извините, но намъ придется исполнить еще послѣднюю обязанность... осмотрѣть васъ.

Мнѣ показалось, что я ослышался.

— Что вы сказали?—переспросилъ я.

— Осмотрѣть васъ, милордъ... *).

«Ужъ не попалъ ли я въ ловушку? Не очутился ли я, вмѣсто дома, гдѣ живетъ «отецъ отечества», у какихъ-нибудь ловкихъ мошенниковъ, и не было ли самое письмо отъ московскаго журналиста мистификаціей, чтобы ловче завлечь меня?» Такія мысли, признаюсь, пробѣгали въ моей головѣ, когда я услышалъ послѣднее требованіе. Пожалуй, подъ видомъ обыска эти переодѣтые мошенники отнимутъ всѣ мои сбереженія (а я, какъ ты знаешь, всѣ свои деньги ношу въ карманѣ, такъ какъ класть ихъ въ русскіе банки — все равно, Дженни, что бросить въ огонь) и спустятъ затѣмъ съ лѣстницы.

Замѣтивъ мое колебаніе, оба джентльмена заговорили разомъ:

— Вы не безпокойтесь, милордъ. Съ вами ничего не случится. Мы принуждены прибѣгать къ этимъ мѣрамъ, какъ онѣ ни непріятны для

*) Едва ли нужно предупреждать читателя, что все описаніе посѣщенія московскаго журналиста не болѣе, какъ грубая и неправдоподобная ложь. Мы перевели это описаніе, чтобы показать читателямъ, какъ сочиняютъ иностранцы, когда дѣло касается разныхъ знаменитостей. Вѣрнѣе всего, что знатный иностранецъ вовсе не былъ у московскаго журналиста, а сочинилъ свой разсказъ со словъ какого-нибудь досужаго мистификатора, въ родѣ того, напримѣръ, какъ парижскій корреспондентъ «Новаго Времени» сочинилъ посѣщеніе Виктора Гюго, у котораго названный корреспондентъ едва ли когда-нибудь былъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, путешественники всѣхъ націй не отличаются большой совѣстливостью и въ своихъ разсказахъ обѣдаютъ съ Гамбеттами, завтракаютъ съ Бисмарками и пьютъ вермутъ съ Макъ-Магонами несравненно чаще, чѣмъ бы слѣдовало въ интересахъ правдивости повѣствованія. *Прим. переводчика.*

насъ самихъ, въ виду безопасности нашего издателя... Противъ него слишкомъ много ковъ... Повѣрьте, что мы осмотримъ васъ самымъ вѣжливымъ и дѣликатнымъ манеромъ. Мы вѣдь, милордъ, сами люди либеральной профессіи—мы москвичи-журналисты. Впрочемъ, милордъ, какъ вамъ будетъ угодно. Если вы не желаете исполнить наши правила—вы вольны возвратиться назадъ.

— Скажите, пожалуйста, вы со всѣми дѣлаете эту... эту операцію?

— Почти со всѣми, милордъ, исключая развѣ лицъ, вполнѣ намъ извѣстныхъ по своему образу мыслей.

— И никто не протестуетъ?

— Да что же тутъ особенно обиднаго, милордъ? Комната, гдѣ вамъ придется раздѣваться, весьма теплая. Опасности для здоровья ни малѣйшей. Почти всѣ съ охотой исполняютъ эти правила.

Они такъ, Дженни, и сказали: «правила».

Я все еще колебался, но наконецъ любопытство взяло верхъ, и я согласился. Тогда одинъ изъ названныхъ джентльменовъ любезно взялъ меня подъ руку и повелъ въ сосѣднюю комнату, дѣйствительно весьма теплую и комфортабельно убранную, и предложилъ мнѣ раздѣться, занимая меня во все время, пока двое прислужниковъ осматривали мое платье и карманы (бумажникъ, Дженни, я держалъ въ зубахъ), бесѣдами самаго либеральнаго направленія. По окончаніи этой процедуры (надо отдать справедливость, она была произведена весьма скоро и, какъ видно, опытными руками) джентльменъ, сопровождавшій меня, выдалъ мнѣ маленькую бѣлую карточку, на которой былъ поставленъ штемпель, изображавшій букву О (вѣроятно, осмотрѣнъ), и любезно проводилъ меня до большихъ дверей, ведущихъ въ пріемную комнату, куда затѣмъ я и послѣдовалъ.

Огромная свѣтлая комната была полна посѣтителями. Я сѣлъ на одно изъ креселъ рядомъ съ какимъ-то пожилымъ джентльменомъ во фракѣ и съ крестомъ на шеѣ и принялся разглядывать пріемную комнату. Всѣ стѣны были украшены портретами разныхъ знаменитыхъ покойныхъ и живыхъ писателей, между которыми я узналъ портреты: Коцебу, Менцеля, Булгарина, Греча. Остальные портреты были совершенно мнѣ незнакомы. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе большой портретъ, висѣвшій посреди одной изъ стѣнъ и окруженный лавровымъ вѣнкомъ. Послѣ я узналъ, что это портретъ покойнаго профессора и журналиста Леонтьева. Какъ говорятъ, это былъ весьма искусный профессоръ, журналистъ, и тоже одинъ изъ столповъ отечества.

Посѣтителей, какъ я замѣтилъ, было довольно, и между ними, судя по костюмамъ, весьма презентабельные джентльмены; кромѣ того я замѣтилъ нѣсколько дамъ, журналистовъ и, между прочимъ, и того самаго московскаго купца, который, какъ ты знаешь изъ послѣдняго моего письма, былъ виновникомъ остановки моей на станціи, такъ какъ принялъ меня въ пьяномъ видѣ за сообщника Геделя.

Бесѣды велись очень тихо. У всѣхъ были лица серьезныя, словно бы предверіе святилища, гдѣ находился «отецъ отечества», невольно предрасполагало къ серьезнымъ мыслямъ.

Рядомъ со мною, съ другой стороны, шелъ разговоръ вполголоса. Говорили два почтенныхъ джентльмена о томъ, что теперь пора «отцу отечества» заговорить инымъ тономъ. Время не терпитъ.

— Вы не повѣрите, милордъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ другому:— до чего наконецъ дошли. У меня столько развелось этихъ «стриженыхъ дѣвицъ», что наконецъ мочи нѣтъ. Собственная моя дочь—вы понимаете?—тоже вдругъ собралась поступить въ стриженыя дѣвицы, и когда я было-погрозилъ ей, то она только фыркнула и сказала: «Папаша! мнѣ, говоритъ, надо же свой кусокъ хлѣба имѣть». Кусокъ хлѣба!.. Точно ей поперекъ горла сталъ кусокъ хлѣба у родителей, а?.. Нечего дѣлать, несмотря на преклонныя лѣта, собрался въ Москву и рѣшилъ просить нашего дорогого отца отечества заступиться. Одесскій профессоръ Цитовичъ заступился за насъ и недавно прекрасно описалъ въ брошюрѣ о томъ, что сдѣлали съ русской женщиной русскіе литераторы, но у Цитовича авторитета мало, а нашъ благодѣтель какъ заговоритъ, то всѣ восчувствуютъ... Теперь самое время: война окончена, и слѣдовательно заняться внутренними вопросами можно безпрепятственно.

Здѣсь необходимо замѣтить тебѣ, Дженни, что въ Россіи «стрижеными дѣвицами» называютъ особъ женскаго пола, хотя бы и замужнихъ, желающихъ получить образованіе, нѣсколько лучшее того, которое здѣсь обыкновенно называютъ образованіемъ. Названіе это получило право гражданства среди извѣстнаго класса людей съ легкой руки достопочтенныхъ русскихъ литераторовъ: извѣстнаго беллетриста Лѣскова-Стебницкаго и журналиста Богушевича. Послѣдній, впрочемъ, рекомендовалъ слово «стервоза», но это слово, какъ не русское, а итальянское, было отвергнуто, и названіе, предложенное мистеромъ Стебницкимъ, было принято, распространено «Русскимъ Вѣстникомъ» и введено въ разговорный языкъ.

— Что стриженыя дѣвицы, милордъ! Это еще туда-сюда. Скажу вамъ даже, что если стриженая дѣвочка недурна, то это придаетъ ей больше пикантности. Хе-хе-хе! На мальчишку похожа. Право. А со мной-то что сдѣлали? Меня вдругъ судъ позволилъ себѣ приговорить къ домашнему аресту. Прежде я бы еще стерпѣлъ, но теперь, когда князь Бисмаркъ открылъ намъ глаза, я вижу, къ чему это клонится. Положимъ, я въ горячности, знаете ли, слегка задѣлъ извозчика по лицу, а онъ, каналья, взялъ да и слегъ въ больницу, и утверждаетъ, что я ему своротилъ скулу,—очевидно, вретъ; но вѣдь нельзя же меня судить, какъ всякую сволочь.

— Что и говорить. Послѣ этого хоть не жить!

— Нельзя же, говорю, не дѣлать различія между порядочными

людьми и разнымъ сбродомъ. Будь строгъ со сволочью, но съ нами, людьми культуры и положенія, будь осторожнѣй. Кажется, правда и милость для этого-то и объявлены въ судахъ. И вдругъ...

Жалобы двухъ почтенныхъ джентльменовъ шли, не прерываясь. Едва кончалъ изливаться одинъ, какъ начиналъ другой. Наконецъ словъ не хватило, и оба джентльмена продолжали жалобы какими-то хрипящими звуками и жестами довольно вразумительнаго характера. Бѣдняги, казалось, задыхались, и я хотѣлъ-было посовѣтовать имъ, изъ чувства человѣколюбія, выпить по стакану холодной воды, какъ вдругъ они прекратили свое хрипѣнье, встрепенулись и обратили свои взоры на большія двери, ведущія въ кабинетъ отца отечества.

Одна половина дверей нерѣшительно колыхнулась, затѣмъ отворилась, и разговоръ смолкъ. Но, какъ оказалось, волненіе было преждевременно. Въ пріемной показался молодой бѣлокурый джентльменъ съ красными, какъ у кролика, глазами. Онъ довольно красиво выгнулся всѣмъ своимъ станомъ, прищурился на дамъ и, нѣсколько рисуясь, прошелъ мимо посѣтителей, затѣмъ круто повернулъ и вернулся въ глубину комнаты, гдѣ стоялъ рояль, открылъ его, взялъ нѣсколько аккордовъ, и вслѣдъ затѣмъ раздались звуки какой-то неслыханной мною до сего времени музыки. Разговоры стихли; всѣ слушали.

Я былъ изумленъ. Зачѣмъ это въ пріемной комнатѣ концертъ? Я хотѣлъ-было обратиться за разъясненіемъ къ сосѣду, жаловавшемуся на судебныя установленія, но онъ уже сладко дремалъ, и только вытянутыя впередъ толстыя губы тихо шептали какія-то угрозы. Я повернулся налѣво и взглянулъ на упорно молчавшаго джентльмена съ крестомъ на шеѣ. Кургузый, плотный, съ угрюмымъ лицомъ, обросшимъ волосами, онъ походилъ на настоящаго медвѣдя, на котораго надѣли фракъ, стѣснявшій его движенія, и, повидимому, не позволялъ заподозрѣть себя въ склонности къ общительности. Однако-жъ я обратился къ нему.

— Извините, сэръ... Какая это музыка?—спросилъ я вполголоса.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?—отвѣтилъ онъ мнѣ на мой вопросъ тожс вполголоса, но такъ однако-жъ громко, что я смутился отъ неожиданности.

— Лордъ Розберри... англичанинъ...

Но ни мой титулъ ни моя нація не произвели на него, повидимому, никакого впечатлѣнія, и если-бъ я сказалъ, что я самъ афганскій эмиръ или индійскій магараджа, названный джентльменъ не повелъ бы бровью.

— Дворянинъ?

— Какъ же... Англійскій дворянинъ...

— Въ такомъ случаѣ очень радъ... Я самъ екатеринославскій дворянинъ и мировой судья...

Онъ пожалъ мнѣ руку и замѣтилъ:

— Вы спрашивали о музыкѣ... Чортъ знаетъ какая это музыка. Говорятъ — нидерландская... Я вотъ третій день прихожу сюда и каждый день слушаю эту музыку. Разсказываютъ, что *самъ* очень любитъ нидерландскую музыку и потому приказываетъ этому кролику играть нидерландскія симфоніи.

— А кто этотъ молодой человѣкъ, котораго вы изволили назвать кроликомъ?

— Вы развѣ не знаете... Это пріятель отца отечества, въ нѣкоторомъ родѣ его духовный сынъ... Знаменитый музыкантъ, композиторъ, литературный и музыкальный критикъ, фельетонистъ и профессоръ донъ Діего Кармазини...

— Иностранецъ?..

— Нѣтъ, русскій, а впрочемъ, можетъ-быть, и нидерландецъ, Богъ его знаетъ, но только по-русски пишетъ очень бойко...

Мой сосѣдъ умолкъ и снова угрюмо насупился.

Донъ Діего Кармазини продолжалъ между тѣмъ играть, а я, взглянувъ на часы, замѣтилъ, что уже два часа.

— Извините, милостивый государь, еще за одинъ вопросъ...

— Не стѣсняйтесь... хоть два...

— Къ кому здѣсь обратиться, чтобы узнать, когда можно видѣть милорда отца отечества?

— А вотъ дежурный литераторъ придетъ. Сегодня дежурный — убійца Петра Великаго.

— Какъ вы сказали?

— Убійца Петра Великаго. Это такъ въ шутку зовутъ драматурга Перекаверкіева; ужъ очень, говорятъ, онъ доконалъ великаго государя плохими стихами. А вамъ очень нужно сегодня же видѣть отца отечества?

— Очень. У меня и приглашеніе есть.

— Ну, это особая статья. Я вотъ по важному дѣлу третій день хожу и не могу видѣть самого. Трудно до знаменитыхъ людей добраться... А мое дѣло тоже не плевое, нарочно изъ Верхнеднѣпровска пріѣхалъ... Искать защиты противъ своихъ же товарищей...

— Какъ такъ?

— А такъ, что они не судьи, а неблагонадежные люди... Были пріятелями и ничего себѣ, тоже екатеринославскіе дворяне и люди немолодые, и вдругъ стали злоумышленниками... Я такъ имъ и сказалъ на мировомъ съѣздѣ.

— Неужели?

— Вѣрно... Вообразите себѣ, они обвинили своего же брата дворянина,—дѣло было по тяжбѣ съ «мужепесами» (такъ назвалъ онъ поселянъ),—и притомъ лицо, облеченное довѣріемъ... Не правда ли, это... того... пахнетъ скверно, а?.. Какъ вы думаете?

И при этомъ, спрашивая, какъ я думаю, мой крѣпко, но плохо

сшитый сосѣдъ такъ взглянулъ на меня, что, во избѣжаніе недоразумѣній, мнѣ оставалось только поспѣшить согласиться.

— Вдобавокъ кого же обвинили-то! Петра Ѳедотыча, прекраснѣйшаго человѣка, кума моего, дворянина настоящихъ твердыхъ правилъ, не то что стали разводиться нынче... И туда хвостомъ вильнетъ и сюда... А этотъ хвостомъ не вилялъ, а чуть что — прямо наотмашь... Суди, молъ, меня свой же братъ, если подымется рука... И поднялась. Пріѣхала въ Верхнеднѣпровскъ одна акушерка, стала стариковъ мутить, стала всѣхъ вербовать и надѣлала бѣдъ... Я не выдержалъ. Я человѣкъ рѣшительный... Ужо будетъ верхнеднѣпровскимъ сепаратистамъ,. демократамъ, заговорщикамъ... Проберетъ ихъ отецъ отечества!

— Но почему же, сэръ, вы именно полагаете, что ваши верхнеднѣпровскіе коллеги, люди, какъ вы сами же говорите, немолодые, притомъ почтенные землевладѣльцы,—опасные демократы?

— Что тутъ полагать! Притомъ я ни думать ни полагать не люблю. Когда я думаю, у меня голова болитъ, и мнѣ докторъ совѣтовалъ никогда не думать; все равно, говоритъ, ничего не выдумаешь... А думай не думай, дѣло ясное!.. Зачѣмъ они Петра Ѳедотыча осрамили? Развѣ это не опасные демократы?

Очевидно, почтенный мой собесѣдникъ, какъ и многіе, впрочемъ, соотечественники его, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать въ томъ же направленіи, не понималъ нисколько значенія слова, которое онъ теперь сталъ такъ часто повторять благодаря пропагандѣ этого слова газетами, и когда я простодушно попросилъ его нѣсколько подробнѣе объяснить мнѣ, что именно понимаетъ онъ подъ этимъ словомъ, то онъ сперва какъ-то весь натужился, такъ что я боялся, что фракъ по швамъ лопнетъ, при чемъ побагровѣлъ въ лицѣ, вѣроятно, отъ непривычки напрягать свою мысль (отъ этого, надо думать, и докторъ предписалъ ему умственное воздержаніе), и, спустя нѣсколько секундъ, отвѣтилъ:

— Видите ли... Это такая секта... Однимъ словомъ... Какъ бы сказать?.. Ну, то же, что и поляки!

Бѣдняга, выговоривъ послѣднее слово, отдышался и взглянулъ торжествующе, словно бы обрадовавшись, что нашелъ наконецъ надлежащее опредѣленіе.

— Надѣюсь, теперь поняли?

— Понялъ, сэръ!

Изъ этого діалога ты поймешь, Дженни, какая еще патріархальность понятій должна царствовать въ Верхнеднѣпровскѣ, родномъ городѣ названнаго джентльмена, и каково должно быть положеніе тѣхъ лицъ, которыя почему-либо навлекутъ на себя гнѣвъ свирѣпаго, но, по правдѣ говоря, невмѣняемаго екатеринославскаго дворянина. Но если невмѣняемость этого джентльмена придаетъ ему самому нѣкоторую

прелесть и художественную законченность, то воздѣйствіе этой невмѣняемости во всякомъ случаѣ не лишено нѣкоторыхъ весьма серьезныхъ опасеній, если бы, напримѣръ, намъ съ тобой пришлось переѣхать въ Верхнеднѣпровскъ.

— А вотъ и дежурный литераторъ! — толкнулъ меня въ бокъ мой сосѣдъ.

Неспѣшной, нѣсколько развалистой походкой, поэтически приподнявъ голову кверху, шелъ по направленію ко мнѣ бѣлобрысый джентльменъ. Онъ былъ въ лиловомъ мундирѣ, шитомъ серебряными лиліями, съ двумя золотыми метлами, вышитыми на груди, въ бѣлыхъ атласныхъ панталонахъ, на которыхъ вмѣсто лампасовъ были вытканы золотыми буквами слова: «Московскія Вѣдомости» (панталоны суживались къ щиколкамъ, гдѣ перетянуты были голубой лентой съ бантомъ), въ шелковыхъ, лиловыхъ же, чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Сбоку висѣла шпага, въ рукахъ у этого джентльмена была треугольная шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ, а за ухомъ торчало перо, усыпанное брильянтами.

Приблизившись ко мнѣ, джентльменъ поклонился съ достоинствомъ и граціей маркиза XVIII столѣтія и сказалъ:

— Какъ о васъ прикажете доложить?

Я подалъ свою карточку и вмѣстѣ съ тѣмъ контрмарку, свидѣтельствующую, что меня осматривали.

— Отецъ отечества, милордъ, очень будетъ радъ васъ видѣть. Сейчасъ начнется выходъ, а потомъ вы получите аудіенцію немедленно.

— А когда же мнѣ будетъ свиданіе?.. — довольно угрюмо спросилъ сосѣдъ.

— Сегодня непремѣнно... непремѣнно сегодня!

И съ этими словами, скользя по паркету въ тактъ съ нидерландской симфоніей, дежурный литераторъ обходилъ всѣхъ посѣтителей.

Затѣмъ послѣ обхода онъ сталъ посреди комнаты, махнулъ три раза рукой и громко воскликнулъ:

— Господа, приготовьтесь! Сейчасъ начнется выходъ...

И съ этими словами ушелъ обратно.

— Развѣ каждый день бываетъ выходъ? — недоумѣвая отъ всего мною видѣннаго, спросилъ я у сосѣда.

— Разумѣется, каждый, но только отецъ отечества не любитъ долго разговаривать здѣсь. Бесѣдами онъ занимается въ кабинетѣ... Однако начинается...

Нидерландскій музыкантъ заигралъ маршъ изъ «Пророка». Двери отворились настежь, и передъ моими изумленными очами началось, Дженни, шествіе замѣчательнѣйшей процессіи, какую я когда-либо видѣлъ. Шествіе открывалось двумя репортерами въ полосатыхъ бархатныхъ костюмахъ; затѣмъ по два въ рядъ шли ученики лицея въ бѣлыхъ одеждахъ и въ тактъ съ маршемъ пѣли торжественный

гимнъ въ честь его основателя; послѣ лицеистовъ шли учителя латинскаго и греческаго языковъ, въ костюмахъ классической древности, съ вѣнками на головахъ; за ними, по два въ рядъ, въ шитыхъ мундирахъ, такихъ же, какой былъ на дежурномъ литераторѣ, шли сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей»; непосредственно за ними три джентльмена въ бѣлыхъ атласныхъ одеждахъ, вышитыхъ красными шелками, несли свѣтло-розовое знамя, на которомъ былъ нарисованъ портретъ мистера Шешковскаго, и наконецъ, въ простомъ пиджакѣ англійскаго покроя, шелъ самъ «отецъ отечества», окруженный блестящей свитой поэтовъ и романистовъ, среди которыхъ сосѣдъ указалъ мнѣ маркиза Болеслава, графа Несѣянко, поэта Брильянтова...

— А кто такая дама въ мундирѣ?

— Это Ольга М., замѣчательная романистка...

Кортежъ медленно подвигался по залѣ. Посѣтители пали ницъ, а московскій оракулъ изрѣдка кивалъ головой. Ты, Дженни, знаешь его по портретамъ, а потому я не стану описывать его лица. Замѣчу только, что лицо его было очень озабочено, и, какъ мнѣ говорили послѣ, эта озабоченность была внушена приговоромъ московскаго мирового судьи къ штрафу въ 100 руб. за то, что въ знаменитомъ лицеѣ не было спеціальнаго мѣста для стока нечистотъ, и нечистоты бросались прямо въ рѣку. Правда это или нѣтъ, но тѣмъ не менѣе лицо его было очень сурово... Когда онъ поровнялся со мною и обратилъ вниманіе на единственнаго человѣка, стоявшаго, а не упавшаго ницъ, онъ шепнулъ что-то дежурному литератору, шедшему непосредственно сзади него и несшаго фалды его короткаго пиджака, и, получивъ, вѣрно, надлежащія объясненія, кинулъ въ мою сторону привѣтливый кивокъ, на который я, разумѣется, Дженни, отвѣтилъ поклономъ.

Кортежъ медленно проходилъ вокругъ залы; донъ Діего Кармазини вдохновенно игралъ маршъ изъ «Пророка», а участвовавшіе въ процессіи продолжали пѣть, на мотивъ марша, хоралъ, слова котораго я не могъ разобрать... Сколько помнится, хоралъ начинается такъ:

Вотъ идетъ пророкъ,
Богомъ посланный спаситель.

Картина, Дженни, была поистинѣ величественная. Сколько я знаю, нигдѣ въ Европѣ слава журналиста не достигала такого апогея. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, съ другой стороны, что такой славы при жизни своей удостоивается только одинъ московскій отецъ отечества. Остальные русскіе журналисты, особенно петербургскіе, какъ я писалъ тебѣ, вмѣсто процессій, въ родѣ вышеупомянутой, или отправляются безъ всякой процессіи въ Тарасовъ-отель, или же плачутъ на рѣкахъ вавилонскихъ о томъ, что ихъ донимаетъ меланхолія, хотя и регулируемая, такъ сказать, успѣхомъ розничной продажи.

Когда кортежъ скрылся, бо̀льшая часть публики разошлась. Осталось нѣсколько человѣкъ, дожидавшихся аудіенціи.

— Къ чему же тѣ-то приходятъ?—замѣтилъ я сосѣду, показывая на удалявшихся лицъ.

— Посмотрѣть лестно!

И подлинно, какъ потомъ я узналъ, москвичи ежедневно приходятъ смотрѣть на эти выходы, а популярность почтеннаго журналиста такимъ образомъ укрѣпляется.

— Милордъ Розберри!—громкимъ голосомъ произнесъ все тотъ же дежурный литераторъ.

«Наконецъ-то!» — воскликнулъ я про себя и ступилъ наконецъ на порогъ святилища.

Въ большомъ, хорошо убранномъ кабинетѣ сидѣлъ за столомъ знаменитый журналистъ и привѣтствовалъ меня очень любезно, вставъ съ своего кресла и пожавъ дружески руку.

— Очень, очень радъ, милордъ, васъ видѣть!—сказалъ онъ, подвигая мнѣ кресло. — Убійца Петра! — крикнулъ онъ дежурному литератору.—Скажи, пожалуйста, нидерландцу, что можетъ перестать.

— Ну, какъ вамъ, милордъ, понравилась наша Москва?

Я, конечно, сказалъ, что Москва на меня произвела подавляющее впечатлѣніе...

— Да, милордъ, это чудный городъ. Здѣсь я воспитался, здѣсь я началъ свою дѣятельность и здѣсь я, съ Божіей помощью, стою на стражѣ интересовъ Россіи, какъ цивилизованнаго государства. Трудно намъ, трудно, но что дѣлать, безъ труда ничто не обходится...

Онъ поникъ головою, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить:

— Но отчего, сэръ, вы встрѣчаете такія трудности? Сколько я замѣтилъ, Россія страна такая патріархальная, и наконецъ васъ, сэръ, такъ почитаютъ, что едва ли для васъ могутъ быть какія-либо трудности.

— Благодарю васъ, милордъ, за ваши любезныя слова. Я буду съ вами откровененъ, тѣмъ болѣе, что вы, въ качествѣ благороднаго лорда, конечно, вполнѣ раздѣляете мои мнѣнія... Вы, конечно, знаете, какимъ нападкамъ подвергаемся мы. Насъ обвиняютъ въ ретроградныхъ идеяхъ, говорятъ, что будто бы мы рекомендуемъ режимъ безправія и привилегій. Это, разумѣется, клевета. Мы только хотимъ сдѣлать Россію счастливою. Короче сказать, мы хотимъ, чтобы наша родина не сдѣлалась мужицкимъ государствомъ, а была бы европейски-буржуазно-аристократическою страною... Теперь, напримѣръ, много говорятъ объ общинѣ, этомъ остаткѣ варварскихъ временъ, возлагаютъ на нее надежды... Скажу вамъ, милордъ, что мы ее хотимъ извести, да, извести... Во-первыхъ, принципы личнаго владѣнія одни способны держать страну на высотѣ могущества, а во-вторыхъ, что же станетъ съ благородными лордами, если обширныя земли ихъ будутъ оставаться безъ рукъ? Гдѣ гарантія улучшенія хозяйства, если

мужицкая земля не перейдетъ снова къ нашимъ лордамъ и къ лучшимъ представителямъ торговаго класса? Что станетъ, милордъ, съ будущностью нашей страны, если мы станемъ поддерживать эти отжившія начала? Это поведетъ къ серьезнымъ затрудненіямъ, и наши дѣти, милордъ, могутъ остаться съ одной латинской грамматикой въ рукахъ и удостовѣреніемъ отъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, что имѣніе продано съ публичнаго торга. И такъ публикаціи о продажѣ имѣній растутъ съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ годомъ увеличивается общество червонныхъ валетовъ и дамъ...

Мой собесѣдникъ еще долго бесѣдовалъ на эту тему, и я заключилъ, что онъ большой англоманъ. Онъ желалъ бы такого земельнаго устройства, какъ и у насъ въ Англіи. Ему очень нравится въ этомъ отношеніи наша прекрасная страна.

Относительно распредѣленія правъ и обязанностей, почтенный хозяинъ высказалъ рѣшительныя сужденія.

По его мнѣнію обязанности людей, не получившихъ классическаго образованія, заключаются въ правѣ платить подати, а людей, получившихъ классическое образованіе, въ правѣ пользоваться широко жизнью и поощрять науку, искусства и разныя художества.

Почтенный собесѣдникъ говорилъ очень краснорѣчиво, но при этомъ я замѣтилъ, что подозрительности его нѣтъ границъ. Такъ, напримѣръ, онъ называлъ петербургскую журналистику виновницей въ подстрекательствѣ къ унынію.

Когда я позволилъ себѣ выразить, что, по моему мнѣнію, она одна изъ скромнѣйшихъ журналистикъ въ мірѣ, то онъ вдругъ засверкалъ очами и сказалъ:

— Нѣтъ, милордъ, вы ее не знаете. Она негодная. И если бы въ Россіи была одна «Московская Простыня», то дѣла пошли бы невпримѣръ лучше... Противъ меня, — продолжалъ онъ: — вездѣ ковы, вездѣ интриги, и я едва успѣваю слѣдить за ними.

— Позвольте, сэръ, отвѣтить откровенностью за откровенность. Вы, въ самомъ дѣлѣ, вѣрите въ крамолы противъ васъ?

Онъ взглянулъ на меня внимательно, потомъ весело улыбнулся и сказалъ:

— А вы, милордъ, какъ думаете?

— Я позволяю себѣ выждать вашего отвѣта.

— Вѣрю или не вѣрю, но такова моя роль. Вы вѣдь знаете исторію авгуровъ. Они иногда и правду говорили, а иногда...

Онъ не кончилъ и, ласково дотронувшись до моей руки, тихо шепнулъ:

— Что впереди будетъ — одному Богу извѣстно, а надо пока заботиться о себѣ и дѣтяхъ, и слѣдовательно...

— Въ собственныхъ интересахъ можно наплевать на интересы другихъ...

— Вы, милордъ, нашли слово. Отчасти оно и такъ. Идеалъ нашъ въ соціальномъ отношеніи—Англія.

— А въ политическомъ?

— О, чисто-славянскій. Безъ примѣси славянскій.

Мы еще побесѣдовали съ полчаса и разстались очень дружески. Почтенный хозяинъ проводилъ меня до дверей и взялъ съ меня слово пріѣхать къ нему обѣдать. Послѣ свиданія съ нимъ я понялъ, отчего онъ имѣетъ такое значеніе. Вернувшись къ себѣ, я набросалъ только-что изложенное въ дневникъ и спѣшилъ ѣхать на обѣдъ къ одному весьма интересному русскому джентльмену. Однако письмо вышло очень длинное. До слѣдующаго.

Письмо двадцать первое.

Дорогая Дженни!

Съ мистеромъ N., у котораго я обѣдалъ, познакомилъ меня на другой же день пріѣзда въ Москву мой петербургскій пріятель, червонный тузъ, какъ съ человѣкомъ, по его словамъ, замѣчательнаго ума и способностей. Кстати тутъ же замѣчу, что пріятель мой послѣдніе дни пребыванія моего въ Москвѣ, по случаю болѣзни своей племянницы, съ которой онъ такъ неожиданно встрѣтился на желѣзной дорогѣ, неотлучно находился при ней и потому очень рѣдко заходилъ ко мнѣ, при чемъ всякій разъ просилъ меня какъ-нибудь не прогово)риться при его супругѣ (весьма достойной, но очень некрасивой лэди) о племянницѣ, такъ какъ извѣстіе о ея болѣзни, по его словамъ, причинитъ ей величайшее огорченіе.

Мистеръ N. былъ далеко еще не старый джентльменъ, хотя сѣдина и серебрила слегка его блестящіе черные волосы, съ военной выправкой, стройный, статный и съ весьма либеральнымъ образомъ мыслей. Онъ слегка фрондировалъ, и въ тонѣ его голоса, а также въ выраженіи его прекрасныхъ черныхъ глазъ проглядывала нѣкоторая меланхолія съ оттѣнкомъ раздраженія. Онъ находилъ, что можно и даже должно русскому общественному дѣятелю обходиться безъ крутыхъ мѣръ, ограничиваясь такъ-называемыми мѣрами кротости, разнообразіе которыхъ, по его справедливымъ словамъ, такъ велико, что остается благоразумно только ими пользоваться.

Онъ недавно только покинулъ какой-то административный постъ, на которомъ онъ, по счастливому выраженію мѣстной газеты, напутствовавшей его при отъѣздѣ теплой передовой статьей, «несмотря на самое короткое время (всего три недѣли), успѣлъ однако-жъ снискать уваженіе начальниковъ, почтеніе гражданъ и любовь подчиненныхъ». И за это благодарные граждане передъ разставаніемъ сдѣлали ему банкетъ, а любящіе подчиненные поднесли драгоцѣнную, брильянтами осыпанную трость, на которой были сдѣланы маленькія фотографическія изображенія всѣхъ подчиненныхъ въ іерархическомъ по-

рядкѣ. Такъ, на самомъ верху у набалдашника шли портреты старшихъ сотрудниковъ, а внизу у самаго конца палки — портреты сторожей.

Во время перваго моего визита къ почтенному мистеру N. я имѣлъ случай видѣть у него въ шкапу нѣсколько десятковъ такихъ драгоцѣнныхъ приношеній, между которыми, впрочемъ, были не однѣ только трости, но находились альбомы, письменные приборы и кубки, которые въ теченіе разнообразной карьеры мистера N. подносили ему подчиненные.

Впрочемъ, надо тебѣ сказать, Дженни, что русскіе—вообще народъ чувствительный, добрый и незлопамятный — имѣютъ весьма похвальный обычай при отъѣздѣ какого-либо общественнаго дѣятеля плакать отъ горя, а при пріѣздѣ плакать отъ радости, при чемъ приглашеніе къ этому, а равно и къ пожертвованіямъ на приношенія, получаютъ отъ ближайшихъ помощниковъ отъѣзжающаго дѣятеля, и, сколько извѣстно, не было никогда примѣровъ, чтобы отказывались. Напротивъ, они всегда съ радостью соглашаются на покупку новой дюжины платковъ для обтиранія слезъ и на вычетъ изъ жалованья для покупки трости или альбома, такъ какъ знаютъ очень хорошо, что человѣкъ, не умѣющій «чувствовать», едва ли достоинъ называться хорошимъ человѣкомъ. Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва есть, такъ и, по словамъ русскихъ, клеркъ безъ чувства—мертвецъ, которому не мѣсто среди живыхъ людей. Точно такъ и русскія газеты, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія, дѣлаютъ то же самое, то-есть всегда имѣютъ (въ виду частыхъ отъѣздовъ и пріѣздовъ) наготовѣ двѣ передовыя статьи, изъ коихъ одна смочена слезами отъ горя, а другая отъ радости, и такимъ образомъ, чуть получается извѣщеніе объ отъѣздѣ одного и пріѣздѣ другого, то ни редакторъ, ни метранпажъ не испытываютъ никакихъ затрудненій и немедленно обнаруживаютъ горе въ первомъ нумерѣ, а радость въ слѣдующемъ.

Иногда даже, особенно если когда какое-нибудь лицо переводится на болѣе видный постъ и при этомъ успѣетъ снискать уваженіе, почтеніе и любовь (а русскіе въ этомъ всегда успѣваютъ), то въ городахъ устраиваются торжественныя процессіи, во время которыхъ запираются лавки, прекращается дѣятельность во всѣхъ office'ахъ, и клерки, по два въ рядъ, со сторожами и курьерами позади и съ городскими представителями впереди, сопровождаемые глазѣющей уличной толпой и жандармами, наблюдающими за порядкомъ, ходятъ по всѣмъ улицамъ, распѣвая унылые гимны. Въ подобныхъ случаяхъ, въ знакъ общественнаго горя, они надѣваютъ фраки на изнанку, посыпаютъ непокрытыя свои головы (лысымъ, впрочемъ, позволяется надѣвать ночные колпаки) листками бумаги уже оконченныхъ дѣлъ, вмѣсто шпагъ привязываютъ къ бедрамъ по чернильницѣ съ каждой стороны, а за уши закладываютъ гусиныя перья... Дойдя до площади, гдѣ обыкно-

венно помѣщаются всѣ городскіе office'ы, процессія останавливается, участвующіе собираются вокругъ урны, и тутъ-то начинается, Дженни, тотъ ужасный, раздирающій плачъ, который еще лѣтописца Нестора приводилъ въ смущеніе. Обыкновенно стараются плакать такъ, чтобы слезы стекали въ большую урну, для чего окружающіе ее наклоняются всѣмъ корпусомъ впередъ и въ такомъ положеніи стоятъ по получасу и болѣе *).

Когда уровень слезъ въ урнѣ дойдетъ до опредѣленнаго градуса на измѣрителѣ, при которомъ стоитъ наблюдательный агентъ, то процессія снова выстраивается и продолжаетъ свое путешествіе по улицамъ, распѣвая гимны печали и отчаянія. Къ вечеру всѣ расходятся по домамъ и заканчиваютъ этотъ печальный день въ кругу семействъ въ постѣ и молитвѣ, при чемъ многіе съ горя пьянствуютъ.

Такія же процессіи происходятъ и при пріѣздахъ. Снова запираются лавки, кромѣ кабаковъ, снова запираются office'ы, но на этотъ разъ въ знакъ радости и веселья. Процессіи клерковъ, на этотъ разъ одѣтыхъ, какъ слѣдуетъ, по формѣ, при шпагахъ и въ треугольныхъ шляпахъ, имѣя каждый по связкѣ рѣшенныхъ дѣлъ, ходятъ по городу, распѣвая веселые, радостные гимны, иногда сопровождаемые хоромъ музыкантовъ... На площади они снова плачутъ, но уже это слезы радости, которыя въ урну не собираются (такъ какъ, по мнѣнію русскихъ, радость обязательна всегда), а затѣмъ снова ходятъ по улицамъ до вечера, когда каждому предоставляется зажечь иллюминацію и проводить конецъ веселаго дня въ радости и веселіи.

Таковы, Дженни, обычаи въ этой странѣ, свято исполняемые. Разумѣется, можно возразить кое-что противъ нихъ. Такъ, напримѣръ, частое устройство такихъ процессій, обусловленное частыми пріѣздами и отъѣздами начальниковъ, конечно, отнимаетъ время, необходимое для текущихъ занятій, но, съ другой стороны, самъ обычай подобныхъ процессій свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о самой широкой свободѣ заявлять сочувствіе, а съ другой—имѣетъ большое воспитательное значеніе въ смыслѣ сохраненія трогательно-патріархальныхъ отношеній между подчиненными и начальствующими. И потому, если бы и можно было порекомендовать что-либо русскимъ, то развѣ то, чтобы какъ печальныя, такъ и радостныя процессіи совершались не по будничнымъ днямъ, а по праздникамъ.

За десять минутъ до шести часовъ я подъѣхалъ къ небольшому дому-особняку, принадлежащему мистеру N., въ которомъ онъ пока и

---

*) Нашъ ограниченный, впрочемъ, правительственными распоряженіями обычай юбилеевъ и чествованій изображенъ, по обыкновенію иностранцевъ, въ превратномъ и карикатурномъ видѣ. Какъ извѣстно, никакихъ процессій, подобныхъ описываемымъ знатнымъ иностранцемъ, у насъ не устраивается.

Прим. переводчика.

поселился. Мистеръ N. встрѣтилъ меня съ обычнымъ русскимъ дружелюбіемъ и тотчасъ же представилъ своей супругѣ, выразительной брюнеткѣ, имѣющей за собой, по словамъ знающихъ ее людей, славу весьма искусной помощницы мужа въ административныхъ дѣлахъ, и двумъ дочерямъ, молодымъ дѣвушкамъ привлекательной наружности. Затѣмъ онъ меня познакомилъ съ нѣсколькими джентльменами, бывшими тутъ же въ гостиной. Всѣ эти господа были, какъ и почтенный хозяинъ, не у дѣлъ, и у всѣхъ у нихъ въ глазахъ — такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ—былъ оттѣнокъ какой-то меланхоліи, хотя въ разговорѣ они и обнаруживали беззаботную nonchalance и даже нѣкоторую радость, что не несутъ на себѣ никакого бремени отвѣтственности. Хотя въ гостиной и шелъ обычный свѣтскій разговоръ, но какъ только онъ касался какого-либо служебнаго назначенія, то и хозяинъ и гости какъ-то особенно внимательно слушали и дѣлали замѣчанія, въ которыхъ слышалось раздраженіе и затаенная боль...

— Мы теперь, милордъ, слава Богу, отдыхаемъ! Онъ такъ усталъ, такъ усталъ!—заговорила мнѣ хозяйка послѣ обычныхъ вопросовъ о томъ, какъ понравилась мнѣ Россія.

— Но, вѣроятно, миледи, вамъ отдыхать придется недолго. Способности вашего мужа такъ извѣстны...

— Ахъ, не говорите мнѣ объ этомъ!..—И почтенная лэди даже замахала руками.—Не говорите, пожалуйста. Довольно съ него. Онъ теперь такъ счастливъ, отдавшись своимъ ученымъ занятіямъ...

— А вашъ супругъ чѣмъ именно занимается?..

— Онъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи мѣднаго змія, какъ эмблемы древнихъ египтянъ... Онъ давно занимается этимъ вопросомъ, но служба не давала ему возможности продолжать занятія, а теперь, надѣюсь, вопросъ о мѣдномъ змѣѣ наконецъ будетъ разрѣшенъ...

— Она слишкомъ много говоритъ о моихъ занятіяхъ, милордъ, — шутливо вмѣшался въ нашъ разговоръ почтенный хозяинъ.—Конечно, вопросъ о мѣдномъ змѣѣ не лишенъ интереса, но наступитъ лѣто, и мы уѣдемъ въ деревню... Теперь наше дѣло—капусту садить!

— Именно — капусту садить! — хоромъ подтвердили остальные джентльмены.

— Надобно, милордъ, къ землѣ поближе... Сельская жизнь, природа, капуста и въ часы досуга изслѣдованіе о мѣдномъ змѣѣ или о головномъ уборѣ древнихъ персовъ...

— Капусту садить — это такое наслажденіе!—снова подхватили другіе джентльмены.

Какъ кажется, Дженни, бо́льшая часть русскихъ джентльменовъ не у дѣлъ имѣетъ обыкновеніе переходить отъ общественной дѣятельности къ сажанію капусты. По крайней мѣрѣ я не разъ встрѣчалъ въ Россіи джентльменовъ, которые немедленно послѣ увольненія заявляли, что

теперь они будутъ заниматься именно капустой, одной капустой и ничѣмъ болѣе. Вѣроятно, отъ этого культивированіе капусты въ Россіи дошло до высокой степени совершенства. Замѣчательно при этомъ, что всѣ отставные русскіе дѣятели, даже изъ самыхъ маленькихъ, чувствуютъ неодолимое влеченіе именно къ сажанію капусты, словно это единственное занятіе, на которомъ они могутъ проявить свои способности съ тѣмъ же блескомъ, съ какимъ проявляли при общественной дѣятельности. Такъ, еще въ Петербургѣ я случайно встрѣтился съ однимъ незначительнымъ знакомымъ чиновникомъ изъ хозяйственнаго департамента, который только-что оставилъ службу, и на вопросъ мой, чѣмъ онъ будетъ заниматься, мой знакомый отвѣтилъ съ гордостью:

— Теперь, милордъ, наше дѣло—капусту сажать!

Черезъ нѣсколько дней я снова встрѣтилъ того же джентльмена и спросилъ:

— Ну, какъ ваша капуста?

Но, къ крайнему моему изумленію, онъ на этотъ разъ даже обидѣлся.

— Какая капуста?

— А помните, вы собирались капусту сажать!

— Ахъ да... капу́сту!.. Пока я это намѣреніе отложилъ, такъ какъ меня снова призвали къ дѣятельности, и я, пока хватитъ силъ, буду теперь садить сѣмена просвѣщенія въ головы молодого поколѣнія (онъ, Дженни, получилъ мѣсто по педагогической части), а капуста отъ меня не уйдетъ... Если мои силы ослабѣютъ и мнѣ придется уйти, то тогда... тогда,—гордо прибавилъ чиновникъ:—я стану капусту сажать... Всѣ наши администраторы — и не мнѣ чета!—всегда капусту сажаютъ, вѣдь это такъ легко и полезно противъ геморроя...

Такимъ образомъ самъ хозяинъ и всѣ гости его продолжали еще рѣчи о капустѣ, во время которыхъ, какъ я замѣтилъ, хозяйка внимательно взглядывала въ лицо своего мужа, какъ явился лакей и доложилъ, что супъ поданъ.

Мнѣ выпала на долю честь вести хозяйку дома къ столу, и по дорогѣ она замѣтила мнѣ:

— Если бы вы знали, милордъ, какъ хорошо мой мужъ управлялъ учрежденіемъ... Ахъ, какъ хорошо! Три благодарности въ три недѣли, но на четвертую онъ вдругъ почувствовалъ, что силы оставляютъ его, и просилъ отдыха...

Обѣдъ былъ превосходный. Разговоръ сперва продолжался въ томъ же направленіи: говорили о прелести разведенія капусты, при чемъ и хозяинъ и гости подкрѣпляли свои доводы историческими примѣрами. Вспоминали о Цинциннатѣ, о Вашингтонѣ, о Карлѣ V и указывали на таковые же примѣры изъ ближайшихъ временъ. Такъ, напримѣръ, по словамъ почтеннаго хозяина, какой-то извѣстный доблестный старецъ

Николай Тимоѳеевичъ, внезапно оставившій блестящую карьеру, тоже сажалъ капусту до тѣхъ поръ, пока смерть не застала его на огородѣ. Въ своихъ запискахъ, которыя, вѣроятно, будутъ напечатаны въ «Русской Старинѣ», почтенный старецъ прямо указывалъ, что это занятіе укрѣпляетъ духъ и совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ занятіямъ, которымъ онъ посвятилъ лучшіе свои годы, съ тою только разницей, что тутъ нѣтъ ни интригъ, ни зависти, ни тревоги. И потому, между прочимъ, совѣтовалъ этотъ старецъ: «большіе и малые, гордые духомъ и смиренные, оставьте свои занятія и переселитесь на огороды». Въ тѣхъ же запискахъ, по словамъ почтеннаго хозяина, старикъ предлагалъ устроить вокругъ столицы обширные огороды и предоставить ихъ кандидатамъ на административные посты, дабы показать имъ, что только въ капустѣ они могутъ найти истинное счастіе.

Сколько я замѣтилъ, разговоръ этотъ не особенно занималъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ среди русскихъ Цинциннатовъ. Одна изъ нихъ какъ-то насмѣшливо вздергивала губками, слушая эти нескончаемыя рѣчи, и была наказана за это строгимъ взглядомъ матери.

Послѣ четырехъ блюдъ и нѣсколькихъ бутылокъ вина разговоръ, впрочемъ, принялъ иное направленіе и съ капусты перешелъ къ современному положенію дѣлъ. И тогда вдругъ всѣ начали жаловаться. Хозяйка говорила, что надо что-нибудь сдѣлать съ рублемъ и съ образованіемъ женщинъ.

— Рубль нашъ,—говорила она:—таетъ не по днямъ, а по часамъ. Надо что-нибудь съ нимъ сдѣлать... Мой мужъ подалъ проектъ, чтобы дѣлать его изъ картонажа, а не изъ тонкой бумаги,—обратилась она ко мнѣ:—и такимъ образомъ валюта его сейчасъ окрѣпла бы, но его проектъ нашли слишкомъ либеральнымъ и дорогимъ, такъ какъ много пошло бы картонажу. Что же касается образованія женщинъ, то, по моему мнѣнію, мы идемъ къ пропасти. Мы заботимся о женщинахъ-медикахъ, а не заботимся о женщинахъ-администраторахъ, а это большой пробѣлъ... Женщина должна быть помощницей мужу, а такъ какъ у насъ мужья почти всѣ гдѣ-нибудь да администрируютъ, то слѣдовательно отъ женщины тоже требуется умѣнье администрировать. Я учу этому своихъ дочерей!—прибавила лэди.

Нѣсколько удивленный, я позволилъ себѣ попросить нѣкоторыхъ разъясненій, что̀ почтенная хозяйка съ удовольствіемъ и исполнила.

— Да, я учу, и, благодаря Бога, онѣ знаютъ у меня, милордъ, кое-что. Онѣ отлично умѣютъ дѣлать внушенія и предостереженія; онѣ понимаютъ, какія дѣла могутъ лежать безъ движенія и какія должны двигаться; онѣ сумѣютъ написать протестъ, и если не совсѣмъ основательно, то все-таки достаточно для ихъ возраста понимаютъ, когда надо уволить отъ службы безъ разговоровъ. Быть-можетъ, Богу угодно будетъ, чтобы онѣ вышли замужъ за не вполнѣ способныхъ админи-

страторовъ, и тогда дѣятельности ихъ будетъ предоставленъ широкій просторъ.

Молодыя барышни слушали разумныя рѣчи матери, потупивъ глаза, но, показалось мнѣ, судя по лукавымъ взглядамъ, бросаемымъ ими по временамъ, онѣ сознавали, что и безъ курса администраціи, преподанной имъ матерью, онѣ сумѣютъ вліять на своихъ будущихъ супруговъ.

— У насъ, милордъ, на этотъ вопросъ, къ несчастію, мало обращаютъ вниманія, и вотъ одна изъ причинъ,—добавила она тихо:— почему многіе у насъ иногда принуждены бываютъ посвящать свои силы на сажаніе капусты... Конечно, это прекрасное занятіе, но что же тогда дѣлать умной женщинѣ? Не идти же имъ въ доктора. Это прилично развѣ какимъ-нибудь бѣднымъ дѣвушкамъ, а не дѣтямъ нашего общества, которымъ придется нести на себѣ заботы общественной дѣятельности. Я съ гордостью скажу: мои дочери приготовлены. Вы, милордъ, посмотрите... Я смѣло передъ вами похвастаю, чтобы вы у себя въ Англіи могли сказать, что не всѣ русскія матери ведутъ дѣтей своихъ къ погибели.

И съ этими словами она обратилась къ старшей дочери, прелестной блондинкѣ лѣтъ 19-ти.

— Aline! Скажи, пожалуйста, что значитъ уволить безъ разговоровъ?

Миссъ Aline нѣсколько сконфузилась, но однако бойко отвѣчала:

— Это значитъ, мама, дать подчиненному агенту волчій паспортъ.

— Но что такое волчій паспортъ?—спросила почтенная хозяйка, замѣтивъ недоумѣніе мое при словахъ: «волчій паспортъ».

— Это значитъ, мама, написать виновному такой аттестатъ, чтобы впредь такого джентльмена никуда на службу не принимать.

— А за что ты дала бы такой аттестатъ?

— За упорство въ дурномъ образѣ мыслей, — уже совсѣмъ бойко отвѣчала молоденькая миссъ Aline.

— А что ты называешь дурнымъ образомъ мыслей?

— Неуваженіе ближайшаго начальника, неисполненіе его приказаній, невниманіе къ его женѣ и дѣтямъ, прислугѣ и домашнимъ животнымъ...

— Браво, браво, Алина Николаевна! — воскликнули всѣ джентльмены, хлопая въ ладоши.

— Вы, господа, слишкомъ ее хвалите!—скромно замѣтила почтенная хозяйка.—Она еще многаго не знаетъ.

Самъ хозяинъ однако-жъ не высказалъ никакого одобренія и, казалось, не особенно интересовался экзаменомъ, а съ какою-то робостью взглядывалъ на свою супругу, когда она по временамъ бросала на него серьезные взгляды.

— Ну, теперь, Annette, твоя очередь!—обратилась она къ младшей

дочери, хорошенькой брюнеткѣ лѣтъ 17-ти.—Она, милордъ, готовится у меня по судебной администраціи... Скажи, пожалуйста, какія обязанности прокурора?

— Обязанности прокурора, мама, заключаются въ томъ, чтобы обвинять людей, совершившихъ преступленіе, при чемъ не входить въ разсмотрѣніе по существу, а сообразовать свои дѣйствія съ желаніемъ...

— Хорошо! — перебила мать.—Когда ты можешь отказаться отъ обвиненія?

— Когда, мама, передо мною будетъ порядочный человѣкъ, совершившій преступленіе по ошибкѣ, а не преднамѣренно.

— Когда ты будешь обвинять слабо?

— Когда, мама, обвиняемый принадлежитъ къ порядочному элементу.

— А когда ты будешь обвинять à outrance?

— Тогда, мама, когда подсудимый принадлежитъ къ тѣмъ несчастнымъ людямъ, которые отрицаютъ батистовые платки и ходятъ въ одеждѣ, выражающей неуваженіе къ костюмамъ, принятымъ въ порядочномъ обществѣ!

— Браво, браво, Анна Николаевна! — снова шумно одобрили всѣ присутствующіе.—Изъ васъ выйдетъ превосходный юристъ.

Молоденькая брюнетка со скромностью приняла знаки одобренія и замѣтила:

— Если я что-либо и знаю изъ гражданскаго права, то обязана этимъ доброй мамѣ.

— Браво... браво!..

— Вы видите, милордъ, что я старалась выполнить по отношенію къ своимъ дочерямъ долгъ матери по совѣсти... Онѣ кое-что смыслятъ!—не безъ гордости прибавила эта образованная и энергичная женщина.

Я былъ, Дженни, просто очарованъ послѣ такого экзамена. Такія молоденькія дѣвушки и такъ много знаютъ! Я привѣтствовалъ молодыхъ миссъ и позволилъ себѣ выразить, что если бы у насъ въ Англіи матери такъ же серьезно занимались образованіемъ своихъ дочерей, то, по всей вѣроятности, лордъ Биконсфильдъ во-время былъ бы остановленъ отъ многихъ промаховъ своей политики и не испыталъ бы тѣхъ нареканій, которыя на него сыплются теперь.

Мужчины продолжали жаловаться (о капустѣ какъ будто позабыли). Они жаловались и на судъ, и на земство, и на мѣры. По вопросу о мѣрахъ поднялся-было споръ; такъ, въ числѣ присутствовавшихъ были джентльмены, стоявшіе за самыя энергическія мѣры, особенно часто употреблявшіе слова: «сразу», «безъ дальнѣйшихъ разговоровъ», «по-военному» и т. п., а другіе, и въ томъ числѣ и почтенный хозяинъ, находили, что сразу нельзя, и что хотя разговоры сами по себѣ вещь ненужная, но что нельзя совсѣмъ оставить «дальнѣйшіе разговоры»,

такъ какъ и они служатъ весьма хорошимъ средствомъ успокоенія... Споръ, возникшій однако по этому поводу, былъ вскорѣ прекращенъ умной хозяйкой, которая со свойственною ей живостью объявила:

— Мнѣ кажется, господа, что вы спорите изъ-за неважныхъ деталей. Сразу ли или не сразу, безъ разговоровъ или съ разговорами, а мѣры останутся мѣрами...

Послѣ обѣда дѣвицы, обнаружившія административные таланты, сѣли играть на фортепіано въ четыре руки, а хозяйка и всѣ мы перешли въ кабинетъ, куда намъ подали кофе. Подъ вліяніемъ ли сытнаго обѣда или выпитаго вина, но только когда мы всѣ усѣлись въ мягкія кресла, то разговоръ снова принялъ идиллическій характеръ разговора о капустѣ, къ нѣкоторому неудовольствію хозяйки.

— Скажите, милордъ, у васъ тоже государственные люди во время отдыха сажаютъ капусту?—спросилъ меня одинъ изъ джентльменовъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—Гладстонъ, правда, рубитъ дрова и собираетъ черепки, но больше занимается классиками, не оставляя, впрочемъ, интереса и къ современнымъ событіямъ...

— А что будетъ дѣлать Биконсфильдъ?

— Вѣроятно, станетъ снова писать романы...

— А мы, милордъ, предпочитаемъ сажать капусту. То ли дѣло—чистый воздухъ... деревенская жизнь... Классики, конечно, полезны, но, по совѣсти говоря, мы все перезабыли...

— Такъ отчего же и вамъ, на досугѣ, не написать романа?.. При вашемъ знаніи жизни и опытности, вы могли бы написать интересный романъ.

— Оно, конечно... могли бы, но, откровенно говоря, мы забыли теорію словесности, и, пожалуй, напишешь не такъ, какъ слѣдуетъ... Впрочемъ, нѣкоторые пишутъ... какъ же, пишутъ... Вотъ, напримѣръ... «Скрежетъ зубовный» недавно въ «Русскомъ Вѣстникѣ»...

— Это Авсѣенко пишетъ!—сухо замѣтила хозяйка.—Онъ не отставной администраторъ.

— А я по заглавію думалъ... Заглавіе подало мнѣ поводъ думать...

— Напрасно вы имъ предлагаете писать романы, — замѣтила хозяйка, уводя меня въ гостиную.—Развѣ они могутъ писать романы?.. Они, блаженные, забыли грамоту, и если бы не мы, женщины, то они бы разучились писать... право...

Между тѣмъ принесли столы и карты, и джентльмены усѣлись играть, а я распростился съ хозяевами и незамѣтно уѣхалъ домой, напутствуемый самыми любезными пожеланіями со стороны хозяевъ.

Пріѣхавши домой, я хотѣлъ-было переодѣться и ѣхать на засѣданіе юридическаго общества, гдѣ, какъ говорили мнѣ, мистеръ Лохвицкій будетъ пѣть куплеты изъ «Прекрасной Елены», но почувствовалъ такую усталость, что отказался даже отъ куплетовъ, прилегъ на диванъ и задремалъ... Я не могу сказать, долго ли я дремалъ, какъ меня разбу-

дили какіе-то голоса, раздававшіеся изъ сосѣдней комнаты. Я очнулся. Рядомъ съ моей комнатой велись бесѣды очень громко. Кто-то разсказывалъ о переходѣ черезъ Балканы, при чемъ голосомъ изображалъ звуки сигнальныхъ рожковъ и барабановъ, а кто-то другой рѣшительнымъ голосомъ перебивалъ разсказчика и говорилъ: «Ахъ, какъ вретъ... Боже мой, какъ онъ вретъ!» Но, какъ видно, разсказчикъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на эти реплики и продолжалъ свой переходъ черезъ Балканы, какъ ни въ чемъ не бывало.

Признаюсь, шумъ по сосѣдству начиналъ раздражать меня, и я вышелъ въ коридоръ прогуляться, какъ изъ двери сосѣдней комнаты показался тотъ самый верхнеднѣпровскій дворянинъ, котораго я утромъ видѣлъ у московскаго журналиста. Онъ былъ въ халатѣ, въ рукахъ держалъ трубку и не обнаруживалъ въ своемъ поросшемъ волосами лицѣ той угрюмости, которую выказывалъ утромъ.

— А, господинъ Мехмедъ-Али! Какъ я радъ васъ встрѣтить!—закричалъ онъ точно изъ бочки, протягивая свою широкую лапу.

— Вы, вѣрно, забыли... Я не Мехмедъ-Али... Я лордъ Розберри...

— Ну, простите... спуталъ... Милости просимъ ко мнѣ... А журналистъ таки-принялъ меня сегодня, и верхнеднѣпровскимъ коллегамъ ужо будетъ. *Онъ* обѣщалъ пробрать ихъ... Я, говоритъ, на стражѣ стою... Этакій умница... этакій, можно сказать, геніальный человѣкъ... Да зайдите же... васъ какъ звать?

— Лордъ Розберри.

— Да нѣтъ... что мнѣ лордъ... Какъ имя-то ваше?

— Джонъ...

— А по батюшкѣ?

— Отецъ мой назывался Вильямъ...

— Ну, такъ Иванъ Васильичъ (онъ быстро передѣлалъ мое имя на русскій ладъ), прошу... У меня тоже проѣзжіе сидятъ. Прекрасные люди: храбрый мичманъ Дырка и бывшій военный корреспондентъ. Образованный человѣкъ. Заходите же...

И онъ почти силою втащилъ меня въ свой номеръ.

Тамъ я встрѣтилъ двухъ молодыхъ джентльменовъ, съ которыми меня верхнеднѣпровскій медвѣдь тотчасъ и познакомилъ:

— Рекомендую вамъ мичмана. Такихъ мичмановъ, Иванъ Васильевичъ, во всей Англіи ни одного не найдется. Онъ, батюшка, у насъ на рыбачьей лодкѣ съ двумя турецкими броненосцами сраженіе выдержалъ, и мало того, что выдержалъ, но еще ко дну ихъ пустилъ, во славу русскаго оружія. И нимало этимъ не гордится.

Я пожалъ руку храброму мичману и заявилъ, какъ лестно мнѣ привѣтствовать храбреца, свершившаго столь славный подвигъ.

— О, это совершенная случайность! — со скромностью отвѣчалъ мичманъ.—Право, случайность. Не кто, какъ Богъ!

Я, Дженни, съ натуральнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого

храбреца и разсчитывалъ найти въ лицѣ что-нибудь необыкновенное, но лицо было самое простое, съ парою маленькихъ, бойкихъ карихъ глазъ.

— А вотъ корреспондентъ. Тоже, батюшка, я вамъ доложу... Послушайте-ка, что онъ совершилъ на Балканахъ. Вы послушайте!

— Очень пріятно познакомиться!—прошепталъ я, вполнѣ довольный, что попалъ въ общество такихъ замѣчательныхъ людей.

— А мнѣ тѣмъ болѣе, такъ какъ съ однимъ изъ вашихъ компатріотовъ мы большіе друзья. Съ корреспондентомъ Форбсомъ, Арчибальдомъ Форбсомъ... Вмѣстѣ на Шипкѣ были. Онъ даже мнѣ большую услугу оказалъ: на Балканахъ дочь мою крестилъ.

— Какъ дочь? Развѣ ваша супруга...

— Ну, разумѣется, была вмѣстѣ неразлучно. Она въ мужскомъ платьѣ, и вообразите положеніе: на Балканахъ, на самомъ гребнѣ, кругомъ вѣтеръ у-у-у-у, такъ и воетъ, и вдругъ непріятное положеніе. Думали—погибнемъ, но ничего, все обошлось благополучно, и мой другъ Форбсъ былъ крестнымъ отцомъ. Объ этомъ онъ даже въ «Daily News» писалъ.

Я присѣлъ и поспѣшилъ выразить глубочайшее почтеніе названному джентльмену, хотѣлъ просить его разсказать кое-что изъ пережитаго имъ на войнѣ, но названный джентльменъ былъ такъ обязателенъ, что, не дожидаясь просьбы, уже сталъ разсказывать, запивая свои слова глотками чая.

Онъ разсказывалъ, Дженни, очень много интересныхъ вещей и, къ несчастью, совсѣмъ у насъ въ Англіи неизвѣстныхъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что, собственно говоря, въ отрядѣ генерала Гурко распоряжался не самъ генералъ, а джентльменъ, съ которымъ я имѣлъ счастіе бесѣдовать.

— Конечно,—говорилъ онъ съ рѣшительностью и категоричностью, отличающими истинныхъ полководцевъ:—Гурко храбрый генералъ, спору нѣтъ, но по стратегіи слабъ. Слабъ, надо правду говорить. И начальникъ штаба его, хотя тоже достойный человѣкъ, но нѣтъ у него настоящаго глазомѣра. Вотъ однажды, это было подъ Горнымъ Дубнякомъ, генералъ и задумался, гдѣ поставить батарею, а я лежу на буркѣ около и посмѣиваюсь.—«Что, говорю, генералъ, задумались?»—«А гдѣ ставить батареи». Ну, я и намекнулъ, что я въ этомъ дѣлѣ кое-что смекаю.—«Поѣдемъ, говоритъ, на позиціи».—«Поѣдемъ». Поѣхали. Онъ на бѣломъ, а я на сѣромъ конѣ. Его конь стоилъ сто тысячъ рублей, а мой конь пятьдесятъ тысячъ—редакція заплатила! Ѣдемъ, а пули вокругъ жжъ... жжжъ... жужжатъ.—«Что, жутко?»—спрашиваетъ генералъ.—«Нѣтъ, говорю, генералъ, я привыкъ». Доѣхали до первой горы—весь конвой перебили. Доѣхали до второй...

— Ай-да молодцы! Вотъ они! наши русскіе-то!—перебилъ въ восторгѣ верхнеднѣпровскій помѣщикъ.

— Доѣхали до второй (корреспондентъ продолжалъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на перерывъ),—бацъ! подъ генераломъ лошадь пала.—«Генералъ, говорю, берите мою лошадь».—«Не надо», говоритъ. Во время этихъ словъ—шшъ! зашипѣло, рядомъ лопнула граната, и лошадь чебурахнулась. Я самъ чуть не вывихнулъ ногу. Ничего, идемъ. Вдругъ, господа, изъ-за холма черкесы... одинъ, два... десять... много...—«Генералъ, говорю, около насъ нора—хорьки ее сдѣлали,—одному человѣку помѣститься можно. Скройтесь, ваша жизнь нужнѣе Россіи, чѣмъ моя. Прячьтесь, еще есть время».—«Нѣтъ, говоритъ, прячьтесь вы... Генераловъ много, а корреспонденты наперечетъ. Прячьтесь вы...» А тѣмъ временемъ черкесы ближе и ближе... Но въ это самое время «уррра!» (и разсказчикъ гаркнулъ такъ, что я отъ неожиданности привскочилъ), и сотня нашихъ казаковъ имъ наперерѣзъ, наперерѣзъ... Мы были спасены.

Разсказчикъ перевелъ духъ, хлебнулъ чаю и продолжалъ:

— Добрались мы такимъ манеромъ до высотъ, и я указалъ мѣста для батарей, генералъ меня обнялъ и поцѣловалъ. — «Спасибо, говоритъ, никогда не забуду...» На другой день Дубнякъ былъ взятъ...

— Ай да молодцы!—снова воскликнулъ верхнеднѣпровскій помѣщикъ.—Господа, не угодно ли шампанскаго?

Мы выпили по бокалу, и корреспондентъ хотѣлъ-было разсказывать, но мичманъ не выдержалъ болѣе и проговорилъ:

— Всякій исполнялъ свой долгъ, это вѣрно, и если мнѣ удалось взорвать два турецкихъ корабля, то не кто, какъ Богъ...

— Шампанскаго, мичманъ. Ваше здоровье!

— Но какъ это случилось, сэръ?—спросилъ я, приготовившись слушать со всѣмъ вниманіемъ, заслуживающимъ серьезностью подвига.

— Очень просто. Взялъ я паровую шлюпчонку, маленькую такую, этакъ футовъ 10 длины, взялъ съ собою одного человѣка и отправился въ Черное море... Думаю, докажу я, что броненосцы выѣденнаго яйца не стоятъ, и что намъ и съ лодками впору драться... Плыву я день, плыву два, плыву три... Буря была ужасная, кидало насъ, словно мячикъ, мы съ матросомъ то и дѣло отливали воду, какъ вдругъ на горизонтѣ дымокъ...—«Не робѣй, говорю, Игнатьевъ, Ура съ Богомъ!»—крикнулъ я, и пошли навстрѣчу. Ближе, ближе... видимъ—два турецкихъ броненосныхъ фрегата.—«Ну, Игнатьевъ, не зѣвай, говорю я. Готовь орудіе!..» У насъ одно орудіе было.—«На-чи-най!» И начали... Фрегаты видятъ, что дѣло плохо,—уходить; мы за ними, они уходить, а мы за ними... а вдогонку ядрами, бомбами и картечью... Стали нагонять, ближе, ближе, даже видны были на палубѣ черныя рожи въ фескахъ, а между ними одинъ рыжій англичанинъ въ мундирѣ... Вдругъ, видимъ, цѣлится онъ въ меня изъ пистолета, а пистолетъ у него такой большущій... Ну, думаю, смерть... Но въ

это время Игнатьевъ, толстый-претолстый такой матросъ, всталъ передо мной и говоритъ: «не выдамъ!» Въ это время пуля звякъ! ударилась во что-то мягкое—прямо въ животъ Игнатьеву, но вообразите, господа: пробила насквозь и упала къ моимъ ногамъ... Я пулю эту до сихъ поръ храню... Вотъ она.

И отставной мичманъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана пулю, которую мы всѣ и разсматривали.

— Хорошо же... Впередъ!.. Не робѣй, братцы!.. Самый полный ходъ!.. Валяй брандскугелями!.. Навелъ я орудіе, раздался выстрѣлъ, и вдругъ фрегатъ медленно сталъ погружаться въ воду... Турки, какъ полоумные, столпились на палубѣ... «Алла! Алла!» —кричатъ... Но я не могъ спасти никого... не до того было... Еще моментъ—и одного броненосца не стало... Тогда мы принялись за второй и, съ Божьей помощью, въ четверть часа покончили и со вторымъ. Дѣло сдѣлано было чисто... Некто, какъ Богъ!

Много еще разсказывали интереснаго въ тотъ вечеръ оба джентльмена, но пересказать всѣ ихъ разсказы—то же, что пересказать тебѣ всѣ сказки «Тысячи и одной ночи». Я просидѣлъ у верхнеднѣпровскаго помѣщика до поздней ночи, и когда пришелъ къ себѣ въ номеръ и легъ спать, то долго не могъ заснуть. Въ моихъ ушахъ еще долго гремѣли выстрѣлы...

Но представь мое удивленіе, Дженни, когда на слѣдующій день верхнеднѣпровскій помѣщикъ зашелъ объявить мнѣ, что онъ былъ жертвою мистификаціи. Мичманъ и корреспондентъ оказались просто самозванцами и воспользовались простодушіемъ верхнеднѣпровскаго помѣщика, чтобы выпить на его счетъ шампанскаго.

— На двадцать пять рублей меня наказали... Опять надо ѣхать къ журналисту жаловаться... Послѣднія времена! Послѣднія!—повторялъ верхнеднѣпровскій помѣщикъ.—Поймать бы ихъ только!—сурово промолвилъ онъ, сжимая свой волосатый кулакъ.

До слѣдующаго письма.

Письмо двадцать второе.

Дорогая Дженни!

Вообрази себѣ мое изумленіе, когда, просматривая вчера утромъ за чашкой кофе принесенныя русскія газеты, я нашелъ въ одной изъ нихъ два моихъ письма къ тебѣ, напечатанныя въ русскомъ переводѣ подъ громкимъ названіемъ «Писемъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, маркиза Салисбюри, во время тайнаго пребыванія его въ Россіи подъ чужимъ именемъ», съ предисловіемъ переводчика, въ которомъ онъ разсказываетъ длинную и—смѣю тебя завѣрить— невѣроятную исторію о томъ, какъ достались ему, чуть не съ опасностью жизни, эти два письма англійскаго министра. Въ романическомъ соусѣ, поднесенномъ русскимъ довѣрчивымъ читателямъ въ видѣ предисло-

вія, было столько чрезвычайнаго и невѣроятнаго («знатная дама», «добродѣтельный полисменъ», усыпленіе благороднаго маркиза, т. е. меня, морфіемъ и «подобранный ключъ»), что я, несмотря на изумленіе при видѣ въ печати двухъ моихъ писемъ, не могъ воздержаться отъ веселаго смѣха, читая этотъ «humbug», разсчитанный — какъ ты, вѣроятно, уже догадалась—на то, чтобы заинтересовать редакцію и публику, получить болѣе возвышенный гонораръ и повліять на усиленіе розничной продажи, что, кстати замѣчу, составляетъ pia desideria издателей въ эти мѣсяцы, т. е. передъ подпиской.

Въ томъ же нумерѣ газеты, гдѣ были помѣщены мои письма, была напечатана, по поводу ихъ, длинная и краснорѣчивая передовая статья, усыпанная, по здѣшнему обыкновенію, вопросительными и восклицательными знаками, такъ какъ русскіе публицисты, затрудняясь часто въ выборѣ словъ, любятъ прибѣгать къ знакамъ восклицанія, тѣмъ болѣе, что знаки восклицанія, сколько мнѣ извѣстно, допускаются здѣсь въ обращеніе. Въ названной статьѣ авторъ порицалъ ту «воистину преступную довѣрчивость», благодаря которой въ Россіи скрывался подъ чужимъ именемъ и на глазахъ у всѣхъ маркизъ Салисбюри и даже «простеръ свою дерзость» до того, что занимался спиритическими сеансами въ то самое время, когда всѣ были увѣрены, что «благородный маркизъ» преспокойно себѣ сидитъ въ Foreign office и пишетъ ноты по афганскимъ дѣламъ.

«Ужъ не слишкомъ ли либерально относимся мы къ прописке иностранныхъ паспортовъ и не слишкомъ ли допускаемъ свободы въ передвиженіяхъ? — восклицала, между прочимъ, названная статья.— Мы точно боимся, что насъ не сочтутъ достаточно либеральными, и въ то самое время, какъ австрійская полиція рѣшительно расправляется съ нашими уважаемыми профессорами, въ родѣ профессора Иловайскаго, путешествовавшаго притомъ съ самыми невинными цѣлями археологическихъ изысканій,—мы словно чего-то боимся и позволяемъ подъ самымъ носомъ у себя скрываться «благородному маркизу», вывѣдывавшему, при посредствѣ спиритическихъ сеансовъ, настроеніе дипломатическихъ сферъ и имѣвшему возможность основательно изучить нашу валюту при размѣнѣ англійскихъ фунтовъ на русскія бумажки».

«Необходимо,—продолжаетъ газета:—тѣснѣе сплотиться всѣмъ респектабельнымъ джентльменамъ». Для этой цѣли въ томъ же нумерѣ, но только въ другой передовой статейкѣ, газета опять обращается къ публикѣ и рекомендуетъ ей читать внимательно и неустанно записки Лекока и беллетристическія произведенія изъ жизни названнаго французскаго дѣятеля (кстати, съ слѣдующаго же нумера мы начнемъ печатать интересный новый романъ «Русскій Лекокъ» или «Торжество добродѣтели»—вставила, въ видѣ наивной рекламы, названная газета), дабы каждый русскій человѣкъ, при случаѣ, могъ самъ сдѣ-

латься Лекокомъ и ограждать страну отъ «благородныхъ маркизовъ», подобныхъ автору писемъ. Въ концѣ описывались, Дженни, примѣты нашего благороднаго маркиза и предлагались различныя, болѣе или менѣе остроумныя мѣры для поимки его, при чемъ указывалась портерная, гдѣ, по свѣдѣніямъ редакціи, благородный маркизъ чаще всего пьетъ баварское пиво.

«Сколько шума изъ пустяковъ!»—думалъ я, Дженни, прочитывая всѣ эти серьезнымъ тономъ изложенныя статьи и указанія, гдѣ найти нашего благороднаго лорда... Тѣмъ не менѣе фактъ появленія моихъ двухъ писемъ въ печати все-таки являлся для меня неразгаданнымъ фактомъ. Надобно тебѣ сказать, Дженни, что я писалъ свои письма очень осторожно, никогда никому ихъ не показывалъ, въ случаѣ прихода какого-нибудь посѣтителя тщательно ихъ пряталъ и всегда внимательно заклеивалъ конверты, отдавая ихъ на почту. Я принималъ всѣ эти предосторожности вовсе не потому, чтобы мои письма заключали въ себѣ что-либо предосудительное (напротивъ, ты знаешь очень хорошо, какъ я полюбилъ эту гостепріимную страну и съ какою похвалою описываю тебѣ здѣшніе нравы и порядки), а просто потому, что русскіе, какъ меня завѣряли многіе почтенные люди, очень любознательны и на тайну писемъ смотрятъ не съ той серьезностью, съ какой смотрятъ у насъ въ Англіи, при чемъ увѣряли меня, что знаменитый русскій мистеръ Шпекинъ, описанный еще великимъ русскимъ писателемъ, оставилъ послѣ себя весьма большое потомство, передавъ ему по наслѣдству свою любознательность.

Признаюсь, я не могу до сихъ поръ разъяснить себѣ этого недоразумѣнія и напрасно припоминалъ всѣ мельчайшія подробности объ обстоятельствахъ, при которыхъ возможно было похищеніе писемъ. Я вспомнилъ, какъ однажды въ Петербургѣ, когда я писалъ письма, ко мнѣ пришелъ одинъ знакомый русскій репортеръ, сообщавшій изо дня въ день свѣдѣнія о моемъ пребываніи въ Петербургѣ и чувствовавшій ко мнѣ особое расположеніе, такъ какъ, по его словамъ, одна моя особа давала ему въ день отъ двухъ рублей до трехъ съ полтиной, считая по пяти копеекъ за строчку. Поздоровавшись со мной и заглянувъ ко мнѣ въ бумаги, онъ освѣдомился, не пишу ли я корреспонденцію, и безцеремонно было-протянулъ руку къ листкамъ почтовой бумаги, такъ что мнѣ пришлось серьезно замѣтить ему, чтобы онъ не трогалъ листковъ.

Тогда названный джентльменъ убѣдительно сталъ просить меня не отказать «сдѣлать ему честь» и дать хотя небольшой отрывокъ для напечатанія въ газетѣ, «представителемъ» которой онъ состоитъ («Печатается, милордъ, въ 50.000 экземпляровъ, особой машиной при электрическомъ освѣщеніи. Цѣна 17 рублей. Свѣжія извѣстія, корреспонденты отовсюду... направленіе перваго сорта!»—прибавилъ онъ скороговоркою и какъ бы по привычкѣ хорошаго репортера).

— Это было бы, милордъ, крайне интересно и полезно, во-первыхъ, въ интересахъ болѣе тѣснаго сближенія двухъ великихъ націй, которыя...

У моего почтеннаго друга на этомъ мѣстѣ, что̀ называется, заплелся языкъ, но «представитель» газеты, столько же словоохотливый, сколько и неустрашимый при встрѣчѣ съ преградами на пути развитія его быстрыхъ мыслей, заикнулся, откашлялся и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ:

— ...Которыя... которыя, собственно говоря, идутъ къ одной и той же цѣли, хотя различными путями, и учрежденія которыхъ, собственно говоря, несмотря на видимую разницу (онъ опять, Дженни, заикнулся, но быстро взялъ ходъ), тѣмъ не менѣе представляютъ почти невидимое различіе...

Тутъ онъ опять заикнулся, но и на этотъ разъ запинка моего почтеннаго друга продолжалась ровно настолько, насколько нужно было для того, чтобы дать и мнѣ и самому себѣ время насладиться «видимымъ различіемъ съ невидимой разницей», и затѣмъ перешелъ съ прежнею неустрашимостью къ примѣрамъ.

— Вотъ почему было бы крайне полезно, если бы вы, милордъ, позволили украсить вашимъ отрывкомъ газету, представителемъ которой я состою. Печатается въ 50.000 экземпляровъ... Свѣжія извѣстія... Пять передовыхъ въ день... Скоропечатная машина... Направленіе перваго сорта!—опять добавилъ онъ скороговоркою.

Я наотрѣзъ отказалъ дать хотя бы отрывокъ и заявилъ, что въ моихъ письмахъ нѣтъ ничего интереснаго.

— На этотъ счетъ не безпокойтесь, милордъ! О, пожалуйста, не безпокойтесь! Во-первыхъ, вашъ просвѣщенный взглядъ, а, во-вторыхъ, вы только уполномочьте меня напечатать, и, повѣрьте, я сумѣю, оставивъ въ неприкосновенности ваши мысли, придать въ то же время отрывку современную пикантность... Я, слава Богу, опытный репортеръ!—добавилъ онъ, потупляя свои быстрые и, надо правду сказать, довольно-таки безстыжіе глаза.

Но я былъ непоколебимъ.

— Ахъ, милордъ... А я бы заработалъ изрядный гонораръ!—подхватилъ мой почтенный другъ съ свойственною ему живостью.—Я бы предпослалъ разсказъ о вашемъ уполномочіи и назвалъ бы статейку коротко, но рѣшительно: «Англійскій лордъ о Россіи».

— У васъ,—замѣтилъ я:—есть, слава Богу, и безъ того достаточно матеріала для вашей профессіи.

— Ахъ, не говорите. Не говорите этого, милордъ!—заговорилъ онъ, быстро переходя въ минорный тонъ. — По нынѣшнимъ временамъ рѣшительно писать не о чемъ; вы просто не повѣрите, какъ тяжело нашему брату-репортеру!.. Ахъ, какъ тяжело!

— Но развѣ мало происшествій?

— Ахъ, происшествій у насъ, милордъ,—жаловаться грѣшно,—довольно, но только не всѣ происшествія редакторы принимаютъ. Вы ему принесете происшествіе самое, можно сказать, свѣжее и интересное, а онъ подержитъ его въ рукахъ, подержитъ, вздохнетъ да и скажетъ: «Нельзя! Будемъ лучше полагать, что такого происшествія не было...» Такъ многихъ происшествій никуда и не сбудешь, и носи-себѣ подобныя происшествія въ боковомъ карманѣ. Просто, милордъ, хоть волкомъ вой! Публика у насъ очень мнительная и скромная, и ни одинъ директоръ департамента не пуститъ нашего брата къ себѣ и не сообщитъ никакихъ свѣдѣній.

— Да вы развѣ пытались?

— Пытался ли я?—переспросилъ представитель «Чижика», съ какимъ-то особеннымъ унынiемъ взглядывая на меня.—Вы, кажется, милордъ, имѣли случай узнать, достаточно ли я храбръ и предпрiимчивъ въ качествѣ собирателя новостей: чуть кто изъ иностранцевъ покажется—я первый представляюсь имъ въ качествѣ представителя. Но мнѣ очень хотѣлось, милордъ, порадовать читателей свиданiемъ съ какимъ-нибудь русскимъ статскимъ совѣтникомъ; однажды я рѣшился сдѣлать попытку въ этомъ направленiи и храбро подъѣхалъ въ подъѣзду. Пустили. Далъ рубль швейцару. Поднялся выше. Иду.—«Вамъ что угодно?»—Такъ, молъ, и такъ: представитель.—«Что!?»—Отставной губернскiй секретарь такой-то. Жду. Наконецъ зовутъ. Пришелъ и оробѣлъ, хотя статскiй совѣтникъ съ виду ничего страшнаго изъ себя не представлялъ. Однако ничего. Вы, вѣроятно, милордъ, замѣтили, что я довольно скоро побѣждаю въ себѣ застѣнчивость? «Что, спрашиваетъ, угодно?» А сѣсть, разумѣется, не садитъ, ну, да я этого и не требую, мнѣ главное, чтобы свѣдѣнiя. Хорошо. Я сталъ этакъ съ апломбомъ, отставилъ правую ногу впередъ, а руку заложилъ за бортъ фрака, и началъ въ томъ смыслѣ, что состою представителемъ «Чижика», самой распространенной газеты, которая, имѣя въ виду распространять въ публикѣ самыя вѣрныя свѣдѣнiя, сочла долгомъ командировать меня. Въ этомъ тонѣ я продолжаю говорить. Слушаютъ. Ни слова. Я дальше. Заявилъ, разумѣется, о чувствахъ и кончилъ. Оглядѣли меня съ ногъ до головы.—«Васъ кто, говорятъ, сюда пустилъ?»—Швейцаръ, говорю.—«Такъ. А сколько вамъ, молодой человѣкъ, лѣтъ?»—Тридцать три, отвѣчаю.—«Такъ, такъ. Такъ вамъ нужно свѣдѣнiй, молодой человѣкъ?»—«Точно такъ-съ». Тутъ хозяинъ очень ласково освѣдомился, собиралъ ли я свѣдѣнiя на мѣстахъ въ нашихъ губернскихъ городахъ, и посовѣтовалъ мнѣ начать съ сѣвера.—«Тамъ прекраснѣйшая семга, и можно получить самыя вѣрныя свѣдѣнiя насчетъ страны и ея обитателей. Если хотите, я могу вамъ дать туда рекомендательныя письма!»—привѣтливо добавилъ статскiй совѣтникъ.—«Нѣтъ, зачѣмъ же... я... если позволите... ужъ лучше здѣсь, въ Петербургѣ, семги поѣмъ, въ Милютиныхъ лавкахъ можно купить». А самъ этакъ назадъ... назадъ... Улыб-

нулся...—«Такъ вы насчетъ свѣдѣній, молодой человѣкъ?..»—Нѣтъ, говорю, я такъ.—«И хорошо сдѣлали... Очень пріятно познакомиться. А насчетъ свѣдѣній... къ чему вамъ они изъ вторыхъ рукъ? У насъ, слава Богу, свѣдѣнія на ладони какъ есть, для всѣхъ—значитъ, и разговаривать нечего. Прощайте, молодой человѣкъ!» Ну, разумѣется, милордъ, я не заставилъ себя ждать—и былъ таковъ...

Разсказывая этотъ эпизодъ изъ своей многотрудной дѣятельности, почтенный представитель «Чижика» весело смѣялся, словно бывшее съ нимъ приключеніе составляло для него одно изъ тѣхъ пріятныхъ воспоминаній, о которыхъ никогда не разсказываютъ безъ веселаго смѣха.

— Такимъ образомъ намъ, милордъ, остается сообщать случаи и происшествія. Ну, положимъ, иной разъ пикантные процессы выручаютъ, но вѣдь не всякій же день Гулакъ-Артемовская или Юханцевъ сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ и даютъ случай заработать нашему брату! Приходится бѣгать по городу и къ вечеру приносить въ редакцію какія-нибудь самыя неважныя «мы слышали изъ вѣрныхъ источниковъ», при чемъ иной разъ и источникъ-то бываетъ вотъ тутъ... (почтенный представитель указалъ пальцемъ на свой лобъ). Когда ничего не услышишь, то что-нибудь и выдумать позволительно... Но и выдумать опять-таки надо, милордъ, умѣючи, а то, того и гляди, выдумаешь на свою шею... И то редакціи намъ не вѣрятъ, хотя и печатаютъ наши же «мы слышали», такъ какъ безъ этого газетѣ жить нельзя... Затѣмъ пріѣздъ и отъѣздъ разныхъ надворныхъ совѣтниковъ... ну, это такъ себѣ... не очень на этомъ распространишься: изволили уѣхать или изволили пріѣхать—и шабашъ... Однимъ словомъ, ужъ вы не откажите, милордъ, дайте отрывочекъ! Тоже вѣдь семейство... пять прелестныхъ малютокъ!—заключилъ почтенный представитель.—Хоть самый маленькій отрывочекъ!

Признаюсь, Дженни, мнѣ стало жаль моего гостя, и я предложилъ ему вмѣсто отрывка изъ моихъ писемъ разсказать обо мнѣ что-нибудь такое, что̀ придетъ въ голову моему благородному другу, при чемъ обѣщалъ не опровергать его извѣстія, какъ бы оно ни было неправдоподобно. Мой благородный другъ весело принялъ мое предложеніе и тутъ же набросалъ «планъ» разговора со знатнымъ иностранцемъ, въ которомъ—надо отдать все-таки справедливость живости его фантазіи—отъ моего имени онъ разсказывалъ о всѣхъ выдающихся дѣятеляхъ нашей страны, объ ихъ интимной жизни и привычкахъ съ тѣмъ sans façon и съ такой подробностью, которыя свидѣтельствовали несомнѣнно о его дарованіи. На другой день въ газетѣ, которой онъ былъ представителемъ, появился цѣлый фельетонъ подъ названіемъ: «Два часа у знатнаго иностранца», и въ этомъ фельетонѣ, въ формѣ діалога (построчная плата будетъ больше при такой формѣ,—предупреждалъ меня мой пріятель, выбирая эту форму), довольно занимательно разсказы-

валось, какъ я съ Биконсфильдомъ писалъ романы, какъ я съ Гладстономъ ѣздилъ на охоту и какъ я совѣтовалъ Дизи болѣе примирительную политику относительно Россіи и большее уваженіе къ министерамъ Краевскому и Суворину, и почему онъ моихъ совѣтовъ не послушалъ... Однимъ словомъ, фельетонъ вышелъ въ 600 строкъ, и всѣ газеты сдѣлали изъ него извлеченія. Письма мои были спасены.

И вдругъ два изъ нихъ все-таки переведены...

Я рѣшительно отказываюсь пока найти ключъ въ разгадкѣ этого обстоятельства.

Оставивъ въ сторонѣ всякія догадки, замѣчу тебѣ, Дженни, о самомъ переводѣ. Если бы ты только прочла переводъ моихъ двухъ писемъ, появившійся въ газетѣ подъ названіемъ «Писемъ лорда Салисбюри», то ты была бы изумлена такъ же, какъ и я, той вольностью, съ которой непзвѣстный переводчикъ обошелся съ оригиналомъ... Я уже не говорю о сокращеніяхъ, которыя онъ сдѣлалъ (вѣроятно, въ виду большей занимательности для читателя), но, чтобы ты могла судить о томъ, какъ дѣлаются здѣсь переводы, привожу тебѣ, Дженни, для сравненія нѣкоторыя мѣста, какъ они были у меня въ оригиналѣ и какъ они переведены по-русски. Изъ этихъ образчиковъ ты увидишь, какъ безцеремонны русскіе переводчики и какъ они фамильярно обращаются съ англійскимъ языкомъ *).

Въ оригиналѣ:

«...Въ этой гостепріимной странѣ чиновники отличаются замѣчательнымъ безкорыстіемъ и преданностью къ своему дѣлу, хотя есть, конечно, и исключенія, но такіе неблагонамѣренные люди почти всегда подвергаются карѣ, при чемъ однако не всегда нажитое неправедно богатство конфискуется».

Въ переводѣ:

«...Въ этой гостепріимной и самимъ Богомъ хранимой странѣ агенты отличаются замѣчательнымъ безкорыстіемъ, преданностью къ дѣлу и самоотверженной горячей любовью къ начальству; случаются, впрочемъ, очень рѣдко, исключенія, но такіе, можно сказать, выродки немедленно предаются суду и исключаются изъ службы, при чемъ нажитое неправедно богатство конфискуется въ пользу богоугодныхъ заведеній».

«...Это было давно. Одинъ интендантскій чиновникъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, привлеченъ къ слѣдствію, по обвиненію въ недобросовѣстной пріемкѣ сухарей».

«...Это было давно. Одинъ агентъ, очень, впрочемъ, незначительный, былъ привлеченъ къ слѣдствію, по обвиненію въ неправильной пріемкѣ сухарей, но по слѣдствію

*) Что касается рукописи, съ которой мы переводимъ письма лорда Розберри, то она доставлена намъ изъ Лондона; за возможно точный переводъ мы ручаемся.

Прим. переводчика.

оказалось, что неправильность произошла по ошибкѣ; тѣмъ не менѣе виновный уволенъ отъ службы».

«...Нельзя однако не замѣтить, что улицы здѣсь отличаются скверными мостовыми, и санитарныя условія въ русскихъ городахъ не могутъ быть названы блестящими».

«...Нельзя однако не замѣтить, что нѣкоторыя улицы отличаются неудовлетворительными мостовыми, а санитарныя условія въ нѣкоторыхъ городахъ оставляютъ желать лучшаго».

«...Подсудимый принадлежитъ къ довольно извѣстной русской фамиліи. Онъ объяснялъ поступленіе свое въ секту червонныхъ валетовъ недостаткомъ средствъ».

«...Подсудимый принадлежитъ къ образованному классу. Онъ объяснялъ свой проступокъ недостаткомъ твердыхъ взглядовъ и вѣры въ Божественный Промыселъ».

«...Обвиняемый съ чистосердечіемъ сознался, что принужденъ былъ прибѣгнуть къ воровству вслѣдствіе голода».

«...Обвиняемый съ цинизмомъ уличнаго вора нахально сознался, что занимался воровствомъ ради удовольствія, хотя и могъ бы работать и такимъ образомъ честно зарабатывать свой хлѣбъ».

«...Мнѣ разсказывали, что нѣкоторые русскіе хозяева не всегда охотно и правильно разсчитываютъ своихъ рабочихъ. Такъ, напримѣръ, при постройкѣ Курско-Харьковско-Азовской дороги мировые судьи были завалены жалобами со стороны рабочихъ».

«...Мнѣ разсказывали, что русскіе хозяева всегда охотно и добросовѣстно разсчитываютъ нанимаемыхъ ими лицъ. Такъ, напримѣръ, при постройкѣ одной изъ желѣзныхъ дорогъ, добрые русскіе работники поднесли адресъ строителю за вполнѣ правильный и добросовѣстный разсчетъ, имъ произведенный».

Я привелъ тебѣ, Дженни, нѣсколько примѣровъ, хотя могъ бы набрать ихъ гораздо болѣе. И изъ этихъ примѣровъ ты узнаешь, какъ плохо владѣютъ англійскимъ языкомъ здѣшніе переводчики *) и какъ безцеремонно они коверкаютъ иностранныхъ авторовъ.

Однако я распространился насчетъ этого обстоятельства, пожалуй, больше, чѣмъ слѣдовало въ интересахъ твоего вниманія. На-дняхъ, вѣроятно, вернусь въ Петербургъ, гдѣ въ скоромъ времени предстоитъ знаменательное событіе—выборы новаго городского головы, т. е. лорда-

*) Мы, съ своей стороны, можемъ поручиться, что строго придерживаемся подлинника и посылаемъ переводъ на просмотръ извѣстнымъ знатокамъ англійскаго языка.

Прим. переводчика.

мэра, такъ какъ настоящій достопочтенный лордъ-мэръ Петербурга отказался отъ этой должности вслѣдствіе причинъ, объяснить которыя я тебѣ съ достаточной ясностью не въ состояніи, такъ какъ и самъ не могъ вполнѣ уяснить этихъ причинъ, хотя онѣ и изложены въ пространномъ письмѣ лорда-мэра въ думу. Но русскіе имѣютъ странную привычку: писать и не дописывать, говорить и не договаривать, такъ что отъ подобныхъ недомолвокъ остается сомнѣніе и неясность. Не знаешь, съ какой стороны смотрѣть на заявленіе лорда-мэра. Находитъ ли онъ, что ему пора «капусту садить», или же онъ просто не можетъ дождаться постройки Литейнаго моста (дѣйствительно, этотъ мостъ что-то долго строится!).

Уже и теперь, какъ видно изъ газетъ, агитація въ Петербургѣ идетъ сильная. По городу ходятъ процессіи съ флагами, на которыхъ написаны имена избирателей съ разными девизами и съ пожеланіями, чего хотятъ отъ будущаго лорда-мэра. Въ концѣ концовъ всѣ пожеланія, судя по газетнымъ извѣстіямъ, сводятся къ слѣдующимъ:

Будущій лордъ-мэръ долженъ быть: 1) твердымъ и въ то же время упругимъ; 2) опытнымъ и въ то же время невиннымъ; 3) имѣть независимое положеніе, помимо званія лорда-мэра; 4) быть богатымъ; 5) не молодымъ, но и не старымъ; 6) любить зодчество и особенно фонтаны; 7) заботиться о представительности и не особенно донимать гласныхъ напоминаніемъ объ ассенизаціи и объ уничтоженіи подвальныхъ жилищъ; 8) быть независимымъ лордомъ-мэромъ и стоять на высотѣ положенія, хотя въ то же время не забывать «правилъ, начертанныхъ для свѣтскихъ людей» и изданныхъ, какъ мнѣ сообщали, бывшимъ лордомъ-мэромъ Москвы, мистеромъ Лямпинымъ, и 9) быть трезвымъ и гласныхъ непечатными словами не поносить...

Мнѣ разсказывали, что въ Петербургѣ, по поводу выборовъ лорда-мэра, сильное оживленіе. Впрочемъ, порядокъ ни разу не былъ нарушенъ, если не считать двухъ-трехъ дракъ, которыя, какъ ты знаешь, весьма обычны и помимо оживленія, вызваннаго выборами новаго лорда-мэра.

Обо всемъ этомъ сообщу, по обыкновенію, тебѣ, а пока да хранитъ тебя Господь Богъ, какъ хранитъ Онъ до сихъ поръ меня.

Письмо двадцать третье.

Дорогая Дженни!

Всегда чувствуя слабость къ путешествіямъ, особенно по странамъ малоизвѣстнымъ, я, вмѣсто того, чтобы вернуться въ Петербургъ, рѣшился предпринять экскурсію въ Харьковъ и, признаюсь, нисколько не раскаиваюсь, такъ какъ имѣлъ случай познакомиться, хотя и нѣсколько поверхностно, съ южной частью Россіи и съ однимъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ, гдѣ, кстати замѣчу, еще не особенно давно процвѣтало искусство выдѣлки серій, подъ спеціальнымъ названіемъ

«харьковскихъ», и фабрикаціи духовныхъ завѣщаній, и гдѣ, какъ мнѣ сообщали, родился русскій беллетристъ Данилевскій, авторъ многихъ волшебныхъ сказокъ, изъ коихъ «Бѣглые въ Новороссіи» считается по богатству фантазіи лучшей.

Разъ рѣшившись ѣхать въ глубь страны, я, при помощи обязательныхъ москвичей, досталъ себѣ массу рекомендательныхъ писемъ почти во всѣ города и на всѣ станціи, лежащіе на пути изъ Москвы до Харькова, чтобы не испытать недоразумѣній, подобныхъ тому, которое случилось со мною на пути изъ Петербурга въ Москву. Кромѣ рекомендательныхъ писемъ, я запасся, какъ это водится, полицейскимъ удостовѣреніемъ и вдобавокъ еще открытымъ листомъ отъ московскаго географическаго общества (эту услугу оказалъ мнѣ одинъ московскій ученый), на случай желанія моего заняться какими-нибудь учеными изслѣдованіями. Затѣмъ я купилъ револьверъ, запасся большими охотничьими сапогами, такъ какъ многіе русскіе безъ высокихъ сапогъ не совѣтовали мнѣ пускаться въ глубь страны, ставя на видъ непролазную грязь въ черноземной полосѣ ихъ отечества, маленькимъ спасательнымъ кругомъ (въ видахъ гарантіи отъ позорнаго потопленія гдѣ-нибудь среди улицы тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій общества для подачи помощи при кораблекрушеніяхъ), нѣсколькими банками персидскаго порошка и храбро отправился на Московско-Курскую дорогу, предварительно заплативъ аптекарскій счетъ, представленный мнѣ администраціею «Славянскаго Базара».

Взявши билетъ прямо до Харькова и потолкавшись въ маленькомъ дебаркадерѣ, я очень обрадовался, когда наконецъ пробилъ первый звонокъ, и занялъ мѣсто. Мало-по-малу вагонъ, гдѣ я сидѣлъ, уютно примостившись у окна, началъ наполняться, и я не безъ нѣкотораго безпокойства (откровенно сознаюсь тебѣ, Дженни) взглядывалъ на лица моихъ спутниковъ.

По счастію, мои тревоги оказались напрасными, я доѣхалъ до Харькова безъ остановокъ, въ родѣ тѣхъ, которыя я описывалъ тебѣ, Дженни, въ прежнихъ письмахъ. Я бы даже сказалъ, что совершилъ путешествіе безъ всякихъ приключеній, если бы одинъ джентльменъ, сѣвшій въ Тулѣ и обворожившій меня любезностью, вниманіемъ и словоохотливостью (онъ отрекомендовался мнѣ кассиромъ, ѣдущимъ для ревизій), не сдѣлалъ ночью, когда я сладко спалъ, маленькой экскурсіи въ мой боковой карманъ и не сталъ тамъ искать бумажника съ такой смѣлой фамильярностью, что я проснулся, крѣпко сжалъ руку сосѣда и освѣдомился, что угодно этому джентльмену.

— Простите, пожалуйста, милордъ!—тихо прошепталъ онъ, не смущаясь, къ удивленію моему, даже тѣмъ обстоятельствомъ, что мой бумажникъ былъ въ его рукѣ.—Простите, Бога ради, за мою невольную ошибку. Я во снѣ совершенно нечаянно принялъ вашъ карманъ за свой и, конечно, не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній...

— Но однако?..

— Вы, я вижу, сомнѣваетесь? Ради самого Бога не сомнѣвайтесь. Я джентльменъ и, какъ уже говорилъ вамъ, состою старшимъ кассиромъ. Вы можете въ этомъ удостовѣриться завтра же, и слѣдовательно ваши сомнѣнія не могутъ имѣть мѣста,—замѣтилъ онъ, освобождая свою руку и любезно пожимая мою.

Этотъ спокойный тонъ озадачилъ меня. «Въ самомъ дѣлѣ, быть-можетъ, онъ сдѣлалъ экскурсію въ мой карманъ спросонковъ!» — подумалъ я. Едва ли такой благовоспитанный джентльменъ, и вдобавокъ старшій кассиръ, рѣшился бы лазить по чужимъ карманамъ, имѣя подъ руками кассу съ деньгами!

Эти разсужденія меня совсѣмъ успокоили, и я выразилъ соболѣзнованіе, при чемъ посовѣтовалъ сосѣду обратить на его болѣзнь вниманіе доктора.

— Ужъ я обращался. У всѣхъ знаменитостей былъ, сколько денегъ переплатилъ имъ и не могу вылѣчиться!—отвѣчалъ онъ печальнымъ тономъ.—Повѣрите ли, милордъ, какъ мнѣ самому невыносима эта болѣзнь. Изъ-за нея я чуть-было не пострадалъ. По ошибкѣ, однажды, вынулъ изъ казеннаго сундука сто тысячъ—и...

— Положили тотчасъ же обратно?

— Въ томъ-то и дѣло, что совсѣмъ забылъ, а когда спохватился, то уже было поздно, такъ какъ всѣ деньги были истрачены. Спасибо князю Урусову-адвокату,—теперь онъ, говорятъ, прокуроромъ!—оправдалъ меня, объяснивъ на судѣ, что я взялъ деньги спросонковъ и слѣдовательно безъ всякаго злого умысла. По этому случаю онъ даже цѣлую лекцію о сновидѣніяхъ прочелъ въ юридическомъ обществѣ. Вопросъ о томъ, вмѣняемо ли похищеніе, совершенное спросонковъ, возбудилъ оживленныя пренія и вызвалъ очень много статей.

Съ этими словами джентльменъ любезно приподнялъ шляпу и отправился въ другой уголъ вагона, объяснивъ, что онъ любитъ спать гдѣ-нибудь подальше отъ сосѣдей, чтобы снова какъ-нибудь не дать повода къ недоразумѣнію.

Я пытался-было заснуть, но, признаюсь, неожиданная экскурсія въ мой карманъ, хотя и мотивированная удовлетворительнымъ образомъ, не давала мнѣ спокойствія, необходимаго для сна, и я посматривалъ въ уголъ, гдѣ пріютился бѣдный джентльменъ, страдающій подобной болѣзнью.

Мнѣ послѣ разсказывали, что нѣкоторые русскіе милліонеры основывали свое благосостояніе именно благодаря подобной же болѣзни и начинали обыкновенно съ того, что по ошибкѣ присвоивали бумажники патроновъ и затѣмъ начинали свои дѣла.

Одинъ быстроглазый греческій негоціантъ изъ Ростова, занимавшій меня всю дорогу разсказами о хлѣбной торговлѣ и о преимуществѣ рыбы скумбріи и кефали передъ всѣми рыбами на свѣтѣ, между про-

чимъ, тоже разсказывалъ мнѣ такіе невѣроятные примѣры основанія богатствъ многихъ изъ его соотечественниковъ, пріѣхавшихъ изъ Сиры или Хіоса въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, съ десяткомъ грецкихъ губокъ на плечахъ, а теперь имѣющихъ большія состоянія, что я, признаюсь, несмотря на привычку слышать въ Россіи самыя неправдоподобныя исторіи (оказывавшіяся потомъ однако-жъ совершенно справедливыми), все-таки былъ удивленъ и нерѣдко прерывалъ разсказчика выраженіемъ сомнѣнія, чѣмъ, повидимому, доставлялъ ему большое удовольствіе. Послѣ каждаго такого перерыва онъ заливался смѣхомъ, и его маленькіе черные глаза покрывались слезой.

— У насъ,—говорилъ онъ:—все умные греки... Грекъ, милордъ, по торговому дѣлу первый человѣкъ (онъ говорилъ: целовѣкъ) на свѣтѣ. Что нѣмецъ?—Пхе. Что армянинъ?—Пхе. Что еврей?—Пхе!.. А грекъ—не пхе... Вы, конечно, слышали имя Маньяно? Знаменитый Елеазаро Маньяно изъ Хіоса? Конторы въ Марсели, Лондонѣ, Калькуттѣ, Ростовѣ и Таганрогѣ... Слышали?

— Слышалъ...

— О, что это за человѣкъ!.. Какой это грекъ!.. Онъ писать умѣетъ всего два слова: Елеазаро Маньяно, а какъ богатъ, какъ богатъ... Онъ такъ богатъ,—разсказывалъ Папа-Христо (такъ звали ростовскаго грека), чмокая и присасывая при этомъ губами, точно во рту у него была маслина:—что на свои деньги можетъ купить кого угодно... Все можетъ купить!—закончилъ онъ, сверкая глазами.

И, помолчавъ немного, какъ бы давая мнѣ время придти въ себя отъ такого богатства Елеазаро Маньяно, онъ замѣтилъ:

— А какъ началъ!

— Какъ же?

— Былъ простой матросъ, на бригантинѣ ходилъ изъ Константинополя въ Таганрогъ съ апельсинами и самъ свои панталоны полоскалъ, а теперь!

Папа-Христо зажмурилъ глаза и какъ бы замеръ.

— Тутъ у него было много,—снова началъ онъ, указывая на лобъ:—и онъ сказалъ себѣ: «Елеазаро, ты умный грекъ, и зачѣмъ тебѣ самому полоскать панталоны... Надо тебѣ, Елеазаро, что-нибудь придумать». И вотъ онъ однажды, сидя на корточкахъ у берега, и придумалъ. Придумалъ и пошелъ на бригантину, и тихонько взялъ у капитана кошелекъ—капитанъ хоть и былъ грекъ, но глупый грекъ, и не пряталъ кошелька, а въ кошелькѣ было пятьсотъ фунтовъ, онъ только-что получилъ фрахтъ. Тогда Елеазаро завелъ себѣ свою бригантину и сталъ самъ возить изъ Константинополя боченки съ апельсинами и лимонами, а въ Нахичевани онъ покупалъ бумажки... знаете ли, этакія не офиціальныя!..—прибавилъ онъ, весело улыбаясь.—Тогда въ Нахичевани была настоящая фабрика, и купить можно было этотъ товаръ выгодно. Накупивши этого товару, Елеазаро апельсины бросилъ, одѣлъ

черный сюртукъ, помылъ свои руки, пріѣхалъ въ Таганрогъ и открылъ контору. Сталъ покупать хлѣбъ, а русскіе мужики совсѣмъ глупые люди, какія угодно бумажки принимаютъ. И пошло... и пошло... Тутъ кстати случилась крымская война. Маньяно, не будь дуракъ, скупалъ хлѣбъ по три рубля за четверть, а какъ война кончилась, продалъ по одиннадцати... Но это еще что?.. Елеазаро умный грекъ, онъ выдумалъ вѣсы тогда...

— Какіе вѣсы?—спросилъ я.

— Такіе... хорошіе... На томъ мѣстѣ въ амбарѣ, гдѣ у него стояли вѣсы, внизу было подполье, и въ немъ онъ устроилъ маленькій лючекъ,—а мужикъ русскій глупый человѣкъ, онъ торговли не знаетъ: привезетъ онъ во дворъ пшеницу, ему поднесутъ горѣлки, и онъ радъ. Станутъ сыпать мѣшки на вѣсы, а снизу-то лючекъ приподнимутъ чуть-чуть, вотъ такъ (Папа-Христо показалъ кусочекъ мизинца), смотришь, гири показываютъ десять четвертей, а пшенички наложено одиннадцать, а то двѣнадцать... И сталъ богатѣть Елеазаро. Сталъ, кромѣ того, чай возить... контрабанду. Складъ завелъ, вы думаете, гдѣ?

— А гдѣ?

— Въ таможнѣ, въ самой таможнѣ!

И Папа-Христо захохоталъ на весь вагонъ.

— Тогда—а этому ужъ лѣтъ пятнадцать—было какъ-то по-семейному, и таможеннымъ было хорошо. Заграничнаго чаю у насъ не ввозили еще, а Маньяно первый возить сталъ и пошлинъ не платилъ. Теперь уже ни чаю не возитъ и бумажекъ не покупаетъ. Зачѣмъ ему? Умному греку нужно только начать! Теперь Маньяно скажи: «Папа-Христо, брось торговлю»,—и я долженъ бросить, потому что онъ меня разоритъ, если я не послушаю... О, какой это человѣкъ!

— Старый?

— Теперь ему лѣтъ семьдесятъ будетъ... Но еще крѣпкій грекъ, хорошій грекъ... Каждый годъ выдастъ по одной бѣдной молодой гречанкѣ замужъ за кого-нибудь изъ своихъ служащихъ и приданаго десять тысячъ...

— Зачѣмъ это?

Папа-Христо подмигнулъ глазомъ.

— Елеазаро любитъ молоденькихъ гречанокъ. Во всемъ скроменъ, а гречанокъ любитъ... Да развѣ есть дама лучше греческой?

Если бы, Дженни, тебѣ передавать всѣ исторіи которыми занималъ меня во всю дорогу Папа-Христо, то мнѣ пришлось бы разсказать тебѣ такія легендарныя исторіи изъ біографіи разныхъ богатыхъ греческихъ негоціантовъ, что ты бы удивилась, почему многіе изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы давно быть, по крайней мѣрѣ, въ арестантскихъ ротахъ, преспокойно проводятъ остатокъ дней въ Греціи (въ Россіи они не умираютъ; они ѣдутъ умирать домой, передавая контору какому-нибудь племяннику или родственнику).

— А какъ теперь, вамъ хорошо жить?—спрашивалъ я мистера Папа-Кристо.

— Теперь стало похуже, хотя жаловаться грѣшно. Очень по торговлѣ глупъ русскій мужикъ... Очень еще глупъ... Ну, и расходы больше стали...

— Какіе расходы?

— А всякіе. Надо каждому профитъ дать... Вотъ, напримѣръ, у меня контора небольшая,—я маленькій грекъ,—а все на Новый годъ полторы тысячи подарковъ плачу.

— Кому же это?

— Да всѣмъ. Нельзя безъ этого.

— Напримѣръ?

— Во-первыхъ, ужъ у насъ, у греческихъ людей, такъ положено—по рублю за каждую баржу платимъ... Разсчетъ къ Новому году... Ну, затѣмъ благодаримъ полисменовъ и разныхъ такихъ человѣковъ... Тоже и имъ нужно кормиться... На желѣзнодорожную станцію,—продолжалъ грекъ, загибая уже девятый палецъ.—Тоже иной разъ придется товаръ отправить...

Онъ началъ снова загибать пальцы и кончилъ тогда, когда насчиталъ пятнадцать пальцевъ и, сообразно этому, пятнадцать статей расходовъ.

— Всѣмъ кормиться надо, а намъ, греческимъ людямъ, время дорого. Иногда и маленькая собачка можетъ надѣлать хлопотъ,—закончилъ разсказъ о подаркахъ Папа-Кристо и въ десятый разъ началъ расхваливать рыбу скумбрію подъ соусомъ

Возвращаясь къ джентльмену, совершившему въ мой карманъ экскурсію, я долженъ сказать тебѣ, Дженни, что искреннее, повидимому, желаніе его провести остатокъ ночи вдали отъ сосѣдства не исполнилось, и я утромъ былъ разбуженъ крикомъ, раздавшимся на весь вагонъ. Оказалось, что у лэди былъ украденъ бумажникъ, а этого джентльмена не было въ вагонѣ. Онъ исчезъ на одной изъ маленькихъ станцій.

— Кто бы могъ ожидать!—громко вопила бѣдная лэди.—Такой милый джентльменъ, такой порядочный, такъ пріятно говорилъ со мною весь вечеръ, и вдругъ...

Всѣ пассажиры приняли участіе въ чужой бѣдѣ и спрашивали, много ли было денегъ. По счастію, оказалось—всего пятьдесятъ рублей.

— Глупый русскій!—засмѣялся Папа-Кристо.—Грекъ этого бы не сдѣлалъ.

— А вашъ Елеазаро?

— Такъ вѣдь тотъ для торговли. Тотъ умный грекъ... И притомъ кошелекъ лежалъ на столѣ, и въ немъ было не пятьдесятъ рублей, а пятьсотъ фунтовъ!—почти обидѣлся Папа-Кристо.

На слѣдующей станціи потерпѣвшая дама заявила о пропажѣ начальнику станціи и жандармскому вахмистру, и оба названные начальника старались успокоить даму, объясняя, что накануѣ у одной

почтенной дамы пропала сумка съ тысячью рублями, и въ то самое время, какъ она расчесывала волосы молодому плѣнному турку, котораго почтенная лэди уговаривала остаться въ Россіи, обѣщая ему ежедневно давать пилава, сколько онъ захочетъ.

Въ это-то время, по ея словамъ, къ ней подошелъ какой-то господинъ, котораго она приняла по виду, по крайней мѣрѣ, за директора правленія, нагнулся, прошепталъ что-то на ухо и ушелъ. Она хватилась сумки, а сумка—тю-тю!

Разсказъ этотъ однако не утѣшилъ лэди.

— Да вы, сударыня, успокойтесь: мѣры будутъ приняты. Мы очень хорошо знаемъ этого господина. Онъ часто ѣздитъ по этимъ мѣстамъ.

— И его поймаютъ?

— Трудно. Онъ такой добрый человѣкъ...—началъ-было одинъ изъ говорящихъ, но вдругъ остановился и прибавилъ:—Не извольте, сударыня, сомнѣваться... Мы, повѣрьте, постараемся...

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я:—джентльменъ, о которомъ вы изволите говорить, въ самомъ дѣлѣ занимаетъ должность...

— Занималъ когда-то, а теперь онъ просто занимаетъ должность червоннаго валета.

— То-есть онъ маркизъ, хотите вы сказать?—переспросилъ я, зная, что въ Петербургѣ этотъ титулъ соотвѣтствуетъ титулу маркиза.

Но оказалось, что на югѣ титулъ червоннаго валета имѣетъ другое значеніе. Оба джентльмена посмотрѣли на меня во всѣ глаза, засмѣялись, какъ сумасшедшіе, и посовѣтовали мнѣ остерегаться такихъ маркизовъ.

По пріѣздѣ въ Харьковъ (весьма приличный городокъ), я былъ пораженъ огромнымъ скопищемъ разодѣтыхъ дамъ и кавалеровъ, толпившихся около зданія окружнаго суда. Оказалось, что въ этотъ день должно было слушаться знаменитое дѣло объ убійствѣ доктора Ковальчукова.

— Господа съ пяти часовъ утра ждутъ!—пояснилъ мнѣ городовой, къ которому я обратился за разъясненіями.—Очень имъ лестно посмотрѣть!

— А отчего всѣ такъ разодѣты?

— Приказъ такой вышелъ: приходить въ судъ господамъ во фракахъ, а дамамъ въ бальныхъ платьяхъ.

Удивленный, я поторопилъ извозчика и, по пріѣздѣ въ гостиницу, немедленно одѣлъ фракъ, пришпилилъ звѣзду Льва и Солнца, пожалованную мнѣ шахомъ, и отправился въ судъ. О томъ, что я видѣлъ и слышалъ тамъ, до слѣдующаго письма.

Письмо двадцать четвертое.

Дорогая Дженни!

Благодаря титулу знатнаго иностранца (вѣроятно, и звѣзда Льва и Солнца сдѣлала свое дѣло), я былъ проведенъ въ залу суда и занялъ

весьма удобное мѣсто. Въ залѣ былъ весь цвѣтъ харьковской публики; всѣ были разодѣты, словно пріѣхали не въ судъ, а на балъ, а на лицахъ сіяла такая радость и нетерпѣніе, что, признаюсь, можно было бы подумать, что эти люди собрались на самое веселое зрѣлище.

Ввели подсудимыхъ.

Герой процесса—Безобразовъ, красивый еще джентльменъ, несмотря на свои сорокъ восемь лѣтъ. Онъ отставной офицеръ и принадлежитъ къ хорошей фамиліи. Героиня—жена убитаго доктора, недурная собой малороссіянка, тридцати одного года, нѣсколько полноватая, съ голубыми глазками. Лицо вульгарное, но не лишено нѣкоторой пикантности.

Подробности, хорошо рисующія нравы благородныхъ джентльменовъ и благородныхъ лэди этой страны, открылись на этомъ поучительномъ процессѣ и съ необычайной, поразительной ясностью показали плоды воспитанія и то удивительное легкомысліе, которое, вмѣстѣ съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было правилъ (кромѣ «правилъ для свѣтскихъ людей», обязательныхъ для каждаго порядочнаго джентльмена) и аппетитомъ къ роскошной жизни, унаслѣдованнымъ отъ тѣхъ временъ, когда въ Россіи были рабы, составляютъ какъ бы необходимую принадлежность здѣшнихъ порядочныхъ людей.

На судѣ, Дженни, какъ въ зеркалѣ, отражались культурные нравы и обычаи. Дѣло это несложно. Докторъ Ковальчуковъ—человѣкъ, любящій деньги, деньги и прежде всего деньги, но любившій тоже и красивыя головки,—женился на молодой дѣвушкѣ. Женитьба эта, какъ выяснилось на судѣ, была вынужденная. Отецъ дѣвушки, совѣтникъ казенной палаты, имѣлъ какіе-то секреты съ докторомъ по дѣламъ рекрутскаго присутствія, и, по словамъ дочери, докторъ вынудилъ ея согласіе на бракъ, грозя скомпрометировать отца. Впрочемъ, по словамъ ея, ей все равно было тогда, за кого ни идти замужъ.

Таково начало этого брака. Разумѣется, продолженіе его не могло быть счастливо, такъ какъ докторъ, человѣкъ значительно старѣе своей жены, во-первыхъ, не стѣснялся ухаживать за экономками и горничными и, во-вторыхъ, ревновалъ свою молодую жену, которая между тѣмъ къ этому подавала поводы. Она сошлась съ молодымъ гусаромъ, богатымъ вдовцомъ, но разошлась скоро, такъ какъ вдовецъ не согласился переписать на ея имя своихъ имѣній и однажды сказалъ ей: «я переведу имѣнія, а ты меня прогонишь». Она не увѣряла его затѣмъ въ любви.

Такъ окончился первый эпизодъ изъ супружеской жизни прелестной малороссіянки.

Жизнь съ мужемъ тѣмъ не менѣе была невыносима, и жена, въ одинъ прекрасный день устроивъ отъѣздъ мужа въ Петербургъ, при помощи фальшивой телеграммы, извѣщавшей о болѣзни дѣтей его отъ первой жены (онъ былъ вдовъ), обобрала все имущество и переѣхала въ свой домъ, переданный ей раньше по дарственной записи.

Съ тѣхъ поръ между супругами начались распри и тяжба. Жена начинаетъ вести жизнь, полную разнообразныхъ приключеній. На южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, она плѣняетъ разныхъ самыхъ изящныхъ русскихъ кавалеровъ. Спеціально устраивались мужскія parties de plaisir для того, чтобы смотрѣть, какъ она купается (ты помнишь, въ одномъ изъ писемъ я тебѣ писалъ, что русскіе большіе аматеры по этой части). На югѣ она знакомится съ Безобразовымъ, и она ему очень нравится.

По рожденію онъ принадлежалъ къ довольно извѣстной въ Россіи фамиліи. Онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, а потомъ служилъ на Кавказѣ. Онъ получилъ то, обычное здѣсь въ извѣстномъ обществѣ, воспитаніе, которое, благодаря стремленію сдѣлать главнымъ образомъ изъ молодого мальчика вполнѣ приличнаго по виду и манерамъ джентльмена (quite gentleman), дѣлаетъ человѣка легкомысленнымъ, тщеславнымъ и безпринципнымъ и съ очень малыхъ лѣтъ пріучаетъ его не вѣрить въ платоническую любовь, благодаря слишкомъ раннему знакомству съ тѣми дамами, у которыхъ юный джентльменъ практикуется въ иностранныхъ языкахъ.

Я тебѣ писалъ, Дженни, въ одномъ изъ писемъ, какъ одна почтенная лэди разсказывала мнѣ, что она скорѣе готова видѣть любимаго своего сына червоннымъ валетомъ, чѣмъ за занятіями, по ея мнѣнію, несоотвѣтствующими званію русскаго джентльмена. Такихъ отцовъ и матерей много, и слѣдствія такого воспитанія будущихъ общественныхъ дѣятелей, конечно, при первомъ удобномъ случаѣ обнаруживаются, приводя иногда въ ужасъ и изумленіе престарѣлыхъ отца и мать, которые, прочитывая въ одно прекрасное утро въ газетахъ подробности о томъ, какъ ихъ сынъ фабриковалъ фальшивые векселя или стибрилъ чей-нибудь бумажникъ, наивно удивляются этому, замѣчая сквозь слезы: «Кажется, мы старались и дали ему хорошее воспитаніе; держали гувернера и гувернантку; воспитывали въ страхѣ Божіемъ и учили быть всегда приличнымъ!»

Разумѣется, они, быть-можетъ, и не догадывались, къ какому лицемѣрію пріучало ихъ ребенка то именно воспитаніе, которое они давали ему. А случается и такъ, что ребенокъ, замѣчая въ семьѣ обманъ, лицемѣріе и развратъ, прикрытые лоскомъ внѣшней порядочности, перенималъ эти примѣры и въ 14 лѣтъ умѣлъ ухаживать, какъ взрослый, корчилъ разочарованнаго, какъ старикъ, и лгалъ такъ же беззастѣнчиво, какъ его отецъ или мать. По крайней мѣрѣ, Дженни, я наблюдалъ въ Россіи такихъ раннихъ выводковъ. По наружности—это олицетворенная скромность при родителяхъ, но, признаюсь тебѣ, въ Англіи кучера не ведутъ въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ тѣхъ циничныхъ разговоровъ, которые нерѣдко ведутъ здѣсь четырнадцатилѣтніе приличные джентльмены.

Что же касается до образованія, то, какъ я писалъ тебѣ уже не

разъ, умѣньемъ писать съ большими ошибками по-русски и съ меньшими по-французски, умѣньемъ составить хорошее меню, знаніемъ анекдотовъ и курса администраціи (который къ тому же очень кратокъ, хотя и внушителенъ) и ограничивается, по большей части, образованіе.

Ты очень хорошо поймешь, Дженни, что съ такимъ нравственнымъ и умственнымъ багажомъ весьма легко жить, и не только жить, но даже и поучать другихъ принципамъ нравственности, если джентльмену досталось отъ родителей хорошее имѣніе, котораго хватитъ до слѣдующаго наслѣдства, или если такому джентльмену, благодаря его приличному воспитанію, удалось пристроиться къ такому мѣсту, которое можетъ замѣнить доходы съ имѣнія. Но что же дѣлать, Дженни, тому же самому джентльмену, если у него въ распоряженіи нѣтъ ни имѣнія, ни дома, ни мѣста, и если уже онъ попробовалъ слишкомъ смѣло и безъ необходимыхъ предосторожностей принять какую-нибудь кассу за свою собственную, вслѣдствіе чего и принужденъ былъ остаться не у дѣлъ на распутьѣ широкой жизни.

Положеніе такого «испанскаго дворянина» будетъ воистину драматическое. Ему нуженъ блескъ, ему нужно чѣмъ-нибудь питать свое легкомысліе, ему нужны наконецъ приличная квартира и приличный обѣдъ. Не пойдетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, работать, какъ простой смертный, и жить тою сѣренькою жизнью, которою живетъ не quite gentleman. Если бы къ нему и пришла въ голову такая шальная мысль, то онъ отгонитъ ее, вспомнивъ уроки, преподанные въ отчемъ домѣ. Но если бы—я готовъ допустить и это—если бы въ такомъ джентльменѣ и явились благія намѣренія (въ Англіи мы видимъ примѣры осуществленія подобныхъ намѣреній), то русскій джентльменъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ бы ихъ осуществить, такъ какъ не умѣетъ работать.

Не умѣетъ!—вотъ трагическій отвѣтъ, встающій передъ нимъ въ тѣ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія, когда его пропилая жизнь является передъ нимъ во всей своей наготѣ. Да. Онъ ничего не умѣетъ! Онъ ничего не знаетъ! Тѣ знанія, съ которыми онъ обходился ранѣе и которыя, пожалуй, достаточны для болѣе счастливыхъ его сверстниковъ, не оставшихся въ положеніи административныхъ Робинзоновъ, ни къ чему непригодны. Онъ не умѣетъ грамотно писать, онъ не умѣетъ сдѣлать хорошо сложеніе и наконецъ онъ *не можетъ*, физически не можетъ, просидѣть на мѣстѣ свыше часу...

Развѣ иная работа—физическій трудъ? Онъ только съ горькой улыбкой можетъ взглянуть на свои выхоленныя руки, на отточенные свѣтло-розовые ногти и вспомнить, что онѣ не всегда сами утирали себѣ носъ, такъ какъ и это нетрудное дѣло дѣлали смолоду няньки и гувернантки...

Такія минуты просвѣтлѣнія едва ли бываютъ долги. Легкомысліе дѣлаетъ свое дѣло. Сперва, пока возможны, долги, а потомъ...

Такія мысли пробѣгали, Дженни, въ моей головѣ, когда я посматривалъ на подсудимаго, поправлявшаго свои волосы въ то самое время, когда онъ давалъ страшныя показанія о томъ, какъ онъ убилъ доктора Ковальчукова. Сколько мнѣ кажется, онъ и на судѣ рисовался и хотѣлъ быть интереснымъ, такъ какъ видѣлъ, что на него смотрятъ, и что смотрятъ молодыя и красивыя дамы. Ему, очевидно, хотѣлось быть болѣе злодѣемъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ...

«Я былъ разоренъ вполнѣ съ 1864 года,—говорилъ онъ: — когда вышелъ въ отставку изъ кавказской арміи, до 1870 года, когда я жилъ не по своимъ средствамъ и надѣлалъ болѣе милліона долгу. Вотъ причина, почему я и поступилъ служить на желѣзную дорогу. Отецъ мой, узнавъ изъ газетъ о моихъ долгахъ, обѣщалъ скупить мои векселя... Но я здѣсь не буду подробно передавать всѣхъ семейныхъ сценъ и скажу лишь, что я, желая исполнить волю отца, который нашелъ лучшимъ удалить меня изъ Петербурга, — чтобы исподволь скупить векселя,—я поступилъ въ январѣ на желѣзную дорогу, а въ апрѣлѣ я лишился моего отца, который умеръ отъ тяжкой болѣзни, продолжавшейся нѣсколько времени. Но отъ меня дней десять скрывали объ этомъ, и причина этому остается для меня семейною тайною. Въ Петербургъ я пріѣхалъ въ самый день похоронъ, и здѣсь я узналъ, что, вмѣсто ожидаемаго большого капитала, у отца не оказалось для похоронъ денегъ, такъ что мы должны были прибѣгнуть къ займу. Куда дѣвались капиталы и какъ они исчезли—мнѣ неизвѣстно, да это обстоятельство и не подлежитъ разсмотрѣнію въ настоящее время. Оставшееся имущество раздѣлено было на пять частей; на четыре изъ нихъ наслѣдники кинули жребій, а пятую, самую ничтожную, оставили для меня. Видя себя кругомъ обобраннымъ ростовщиками и близкими родственниками, я объявилъ себя несостоятельнымъ и передалъ все движимое и недвижимое имущество въ конкурсъ».

Сначала конкурсъ давалъ подсудимому по 300 руб. въ мѣсяцъ, но потомъ эти выдачи прекратились, и подсудимый дошелъ до такого положенія, что *нѣсколько дней сряду ничего не ѣлъ.*

Родственники предложили ему ѣхать въ Ялту и тамъ завѣдывать постройками. И вотъ, чуть только обстоятельства поправились, подсудимый тотчасъ же забылъ о томъ, что онъ нѣсколько дней не ѣлъ, и, пріѣхавши въ Ялту, сталъ жить тамъ опять-таки такъ, какъ будто ему въ близкомъ будущемъ предстояло наслѣдство.

Разсказъ его объ этомъ быстромъ переходѣ изъ одного положенія въ другое очень характеренъ.

«Пріѣхавъ туда, я выдавалъ себя,—говорилъ подсудимый:—за Григорья Александровича Безобразова, человѣка состоятельнаго, имѣющаго имѣнія въ Тамбовской, Костромской и Тульской губерніяхъ, которыя мнѣ достались по раздѣлу послѣ смерти отца. Я говорю вамъ, гг. присяжные засѣдатели, всю правду, какъ она есть, не пропуская ничего,

но нельзя же припомнить всего, такъ какъ есть многія семейныя тайны, которыя нейдутъ къ дѣлу и которыя тяжело поднимать и раскрывать передъ вами, и я попрошу меня отъ этого освободить. Въ Ялтѣ я сталъ жить не по средствамъ, сталъ вести игру, проигрывалъ и въ концѣ концовъ запутался. Изъ Ялты я долженъ былъ уѣхать, чтобы избавиться отъ преслѣдованій, по которымъ назначено было даже слѣдствіе въ симферопольскомъ окружномъ судѣ, но затѣмъ во второй половинѣ августа вернулся опять въ Ялту. Въ Ялтѣ мнѣ, между прочимъ, сказали, что туда пріѣхала очень милая особа, генеральша Ковальчукова, съ своею дочерью лѣчиться. Скука страшная, театровъ нѣтъ, развлечься негдѣ, и вотъ я попросилъ Михаила Александровича Муравьева познакомить меня съ Ковальчуковой».

Онъ познакомился съ нею, и она ему понравилась. Онъ провожалъ ее въ Петербургъ и затѣмъ, когда она вернулась, встрѣтилъ ее и потомъ уѣхалъ въ Харьковъ.

«Осматривая городъ, — продолжалъ подсудимый: — и проѣзжая по Екатеринославской улицѣ и тюремной площади, я увидѣлъ хорошіе дома, и мнѣ сказали, что дома эти принадлежатъ Ковальчукову. Я долженъ здѣсь сказать, гг. присяжные засѣдатели, что тутъ мнѣ пришла мысль, и я подумалъ, что вотъ такая дрянь-ростовщикъ пользуется такимъ капиталомъ и прелестною женою, тогда какъ мои дѣла совершенно разстроены, и мнѣ пришла мысль, что не худо было бы, чтобы Ковальчукова была вдова».

Разсказывая объ этомъ, подсудимый вертѣлъ пенсне и не обнаруживалъ особеннаго волненія.

Онъ сталъ, какъ онъ говорилъ далѣе, «разработывать» эту мысль и наконецъ привелъ ее въ исполненіе, пріѣхавши изъ Петербурга въ Харьковъ подъ чужимъ именемъ и пригласивши къ себѣ доктора Ковальчукова для врачебнаго совѣта.

Онъ подробно разсказывалъ обо всемъ; о самомъ убійствѣ показалъ такъ:

«Я зашелъ къ нему сзади, взялъ топоръ и далъ ударъ ему прямо въ голову, такъ что голова раздвоилась. Онъ упалъ, сдѣлавъ поворотъ налѣво. Можетъ, я далъ два удара—я этого не помню. Когда онъ упалъ и полилась, конечно, уже кровь, я вспомнилъ, что у меня дверь номера не заперта. Я наскоро далъ ему еще ударъ, кинулъ топоръ и побѣжалъ запереть дверь».

Госпожу Ковальчукову онъ совершенно выгораживалъ отъ всякаго участія. Она ничего не знала. Онъ былъ близокъ съ ней и разсчитывалъ жениться на ней. Я не буду приводить тебѣ, Дженни, остальныхъ подробностей этого процесса. Замѣчу только, что присяжные обвинили Безобразова и оправдали Ковальчукову.

Онъ спокойно выслушалъ приговоръ.

Довольно, Дженни. Я не хочу распространяться болѣе по поводу

этого процесса, тѣмъ болѣе, что, вернувшись въ Петербургъ, я нашелъ петербургское общество, взволнованное двумя другими процессами: процессомъ одной лэди (Гулакъ-Артемовской) и процессомъ француженки Жюжанъ, и по поводу этихъ послѣднихъ дѣлъ, рисующихъ картину современнаго общества, я сообщу тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ.

Но, чтобы дополнить тебѣ разсказъ о процессѣ по дѣлу убійства Ковальчукова, выписываю тебѣ слѣдующее сообщеніе корреспондента «Голоса» изъ Харькова:

«Г-жа Ковальчукова, по выходѣ изъ залы окружнаго суда, послѣ оправданія, отправилась въ ту же самую гостиницу «Дагмара», гдѣ былъ убитъ Безобразовымъ ея мужъ, и тамъ, на радостяхъ, задала ужинъ, какъ подобаетъ, съ шампанскимъ! Правда, что въ этой гостиницѣ остановился одинъ изъ ея братьевъ, и она была именно у него, но полагаемъ, что М. С. Ковальчуковой, имѣющей теперь въ Харьковѣ, благодаря смерти мужа, два дома, было бы, по крайней мѣрѣ, приличнѣе повеселиться, послѣ трехдневныхъ мученій, дома или уже въ другой гостиницѣ. Но и на этомъ дѣло не остановилось: г-жа Ковальчукова, вѣроятно, въ силу неотразимаго любопытства, среди ужина, пожелала лично осмотрѣть тотъ 48 № гостиницы «Дагмара», гдѣ былъ убитъ ея мужъ и гдѣ на стѣнахъ и до сихъ поръ остались еще слѣды его крови. Къ занимающему этотъ номеръ квартиранту была уже откомандирована одна изъ горничныхъ гостиницы и постоялецъ далъ согласіе на просимую экскурсію, которая однако, по независящимъ обстоятельствамъ, не состоялась. Утромъ 27-го октября, т. е. на утро послѣ оправданія, г-жа Ковальчукова заботливо посѣтила тюрьму и «поплакала» вмѣстѣ съ Г. А. Безобразовымъ въ пріемной тюремнаго замка, а къ вечеру, въ той же гостиницѣ «Дагмара», давала обѣдъ своимъ друзьямъ и роднымъ. Конечно, у всякаго свой вкусъ, но, какъ хотите, эта подробность характерна!»

Но какъ ни характерна подробность, о которой сообщаетъ корреспондентъ, но тѣ подробности, которыя выяснились на процессахъ Гулакъ-Артемовской и Жюжанъ, еще болѣе характерны, особенно характеренъ послѣдній процессъ...

Пока будь здорова.

Письмо двадцать пятое.

Дорогая Дженни!

Для такого любознательнаго англичанина, какъ твой вѣрный Джонни, пытающагося—и, признаюсь, иногда безуспѣшно—уяснить себѣ многія проявленія русской жизни, которыя своей своеобразностью и неожиданностью могутъ сбить съ толку самаго привычнаго къ сюрпризамъ человѣка, нѣкоторымъ подспорьемъ къ личнымъ наблюденіямъ здѣшней общественной жизни и нравовъ могутъ послужить

тѣ нѣсколько громкихъ процессовъ, которые одинъ за другимъ появляются въ русскихъ гражданскихъ и военныхъ судахъ.

Эти процессы, обращающіе на себя невольно вниманіе иностранца не столько самими фактами преступленій, сколько бытовыми своими подробностями, можно раздѣлить на двѣ категоріи, не имѣющія между собою почти ничего общаго ни по характеру преступленій, ни по соціальному положенію лицъ, участвовавшихъ въ названныхъ процессахъ въ качествѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей.

Къ первой категоріи, кромѣ процесса по дѣлу убійства доктора Ковальчукова, процесса, съ которымъ я познакомилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ, написанномъ тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Харькова, слѣдуетъ отнести процессы русской лэди Гулакъ-Артемовской и француженки-гувернантки Жюжанъ, въ которыхъ обнаружились весьма любопытныя стороны общественной и семейной жизни русскихъ образованныхъ классовъ.

Ко второй категоріи относятся процессы, приподнявшіе маленькій уголокъ завѣсы, скрывающей отъ любопытныхъ взоровъ иностранца проявленія русской народной жизни.

Въ первомъ случаѣ въ качествѣ подсудимыхъ явились: сперва красивая, молодая, изящная русская лэди, дочь генерала, получившая свѣтское воспитаніе въ лучшемъ институтѣ, имѣвшая въ Петербургѣ салонъ, въ которомъ бывали и лорды чистой крови, и милліонеры, и дѣльцы, и профессора, и чиновники, и аферисты-евреи, и наконецъ темные проходимцы наживы, отличающіеся отъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей тѣмъ, что фабрикуютъ векселя вмѣсто того, чтобы фабриковать концессіи, а потомъ пожилая, некрасивая француженка-гувернантка, воспитывавшая подрастающее юношество въ домахъ русскаго дворянства.

Молодая лэди обвинялась въ подлогѣ векселей. Пожилая воспитательница—въ отравленіи изъ ревности шестнадцатилѣтняго юноши.

Во второмъ случаѣ въ качествѣ подсудимыхъ явились представители, какъ выражаются здѣсь, «чернаго люда» (здѣсь, Дженни, и въ трактирахъ бываютъ двѣ половины: чистая и черная; чистая — для лицъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье, а черная — для джентльменовъ въ національномъ костюмѣ): одесскіе рабочіе съ бойни и жители Сигнахскаго уѣзда на далекомъ Кавказѣ. Изъ судебныхъ отчетовъ объ этихъ дѣлахъ, напечатанныхъ въ провинціальныхъ газетахъ (издающихся, замѣчу въ скобкахъ, чтобы ты не заподозрѣла своего мужа въ недостовѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, съ разрѣшенія предварительной цензуры, иначе говоря, сообщающихъ такія извѣстія, благонадежность которыхъ не можетъ подвергаться сомнѣнію), видно, что одесскіе рабочіе на бойнѣ обвинялись въ оскорбленіи двухъ одесскихъ конныхъ стражниковъ, такъ что для защиты этихъ двухъ несчастныхъ, по иниціативѣ околоточнаго надзирателя, была вызвана рота солдатъ

для водворенія порядка на бойнѣ, а сигнахскіе крестьяне обвинялись въ сопротивленіи законнымъ требованіямъ, въ буйствѣ и насиліи, и судились военнымъ судомъ по законамъ военнаго времени.

Прежде чѣмъ сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣтокъ объ этихъ четырехъ процессахъ, замѣчу тебѣ, Дженни, что только два первые обратили на себя особенное вниманіе русскаго общества и русской печати. Остальные два прошли едва замѣченными: стенографическіе отчеты появились въ одной или двухъ газетахъ и, по поводу этихъ дѣлъ, одна только газета сказала нѣсколько словъ.

Какъ кажется мнѣ, русская печать не особенно любитъ узнавать, что̀ дѣлается на «черной» половинѣ и, вслѣдствіе различныхъ, болѣе или менѣе разнообразныхъ условій, обходитъ молчаніемъ такіе любопытные факты, какіе выяснились, напримѣръ, изъ двухъ процессовъ, разбиравшихся въ Одессѣ и Сигнахѣ.

Признаюсь, Дженни, меня это нѣсколько удивило, тѣмъ болѣе, что сопоставленіе процессовъ двухъ категорій представляло, по моему мнѣнію, весьма благодарный матеріалъ для русскихъ публицистовъ. Я, разумѣется, принялъ въ соображеніе скромность русскихъ публицистовъ,—скромность, которую я такъ часто восхвалялъ въ моихъ письмахъ,—но и при этомъ, казалось мнѣ, можно было бы, не утрачивая свойственной русскимъ стыдливости, сказать хотя нѣсколько словъ. И однако этихъ словъ не сказали.

Желая удовлетворить своему любопытству, я обратился за разъясненіемъ къ одному весьма почтенному и образованному джентльмену, служащему въ одномъ изъ безчисленныхъ департаментовъ, разбросанныхъ отъ Чекушъ до Александро-Невской лавры (надѣюсь, что я выразился довольно опредѣлительно).

Онъ выслушалъ мои вопросы внимательно, что̀, кстати замѣтить, большая рѣдкость между русскими, которые любятъ больше говорить, чѣмъ слушать, и, когда я окончилъ, замѣтилъ:

— Мы, милордъ, обобщеній не любимъ. И не любимъ и не потерпимъ ихъ, милордъ.

Русскіе, Дженни, очень любятъ это: «не потерпимъ». Въ сущности, едва ли не самые терпѣливые и добродушные люди, они постоянно повторяютъ свое излюбленное: «не потерпимъ». Начальникъ отдѣленія говоритъ столоначальнику, что онъ «не потерпитъ разсужденій», столоначальникъ говоритъ писцу, что онъ «не потерпитъ длинныхъ запятыхъ»; журналисты печатаютъ, что они «не потерпятъ» берлинскаго трактата; мужья говорятъ, что они «не потерпятъ» конвойнаго (конвойными, Дженни, здѣсь называютъ красивыхъ горскихъ князей, пріѣзжающихъ съ Кавказа) у себя въ домѣ; жена говоритъ мужу, что она «не потерпитъ» гувернантки, и т. д. И однако въ концѣ концовъ въ этой благословенной странѣ какъ-то такъ случается, что всѣ преисправно себѣ терпятъ, хотя такъ часто и говорятъ: «не потерпимъ!»

Начальникъ отдѣленія, частью по добротѣ, а болѣе по неимѣнію точныхъ инструкцій, нерѣдко забываетъ, что̀ именно онъ обѣщалъ не потерпѣть сегодня, и назавтра снова повторяетъ, какъ бы для очистки совѣсти: «не потерпимъ!», но какъ разъ за то, что̀ терпѣлъ вчера; журналисты, какъ ты знаешь, превосходно стерпѣли берлинскій трактатъ и стали даже находить, что если его хорошенько поразсмотрѣть, то окажется, что трактатъ, какъ слѣдуетъ быть трактату, дальновиденъ, проченъ и дѣлаетъ честь русскимъ. Что же касается до мужей и женъ, то укажи мнѣ, Дженни, страну, гдѣ бы эти паріи рода человѣческаго не терпѣли? Счастливое исключеніе, разумѣется, составляемъ только мы съ тобою, но много ли такихъ счастливыхъ исключеній?

И русскіе, моя дорогая, до того привыкли къ этому излюбленному ими восклицанію, что давно утратили даже искусство различать, когда оно произносится въ пространство, въ качествѣ украшенія рѣчи, и когда, наоборотъ, вслѣдъ за выраженіемъ этой мысли является немедленное осуществленіе слова въ дѣло. Подобной неприготовленностью и возможно только до нѣкоторой степени уяснить себѣ ту привычку къ сюрпризамъ, которая здѣсь едва ли не сдѣлалась второю натурой. Сегодня ты, Дженни, вполнѣ увѣрена, что тебя знакомый столоначальникъ не только терпитъ, но даже называетъ милостивой государыней и утѣшительницей страждущихъ, а завтра можетъ случиться нѣчто такое, передъ чѣмъ даже и богатая фантазія нашихъ древнихъ сагъ покажется безцвѣтной и слабой, и ты изъ милостивыхъ государынь можешь быть разжалована столоначальникомъ въ непристойную женщину, вредный образъ мыслей которой мѣшаетъ правильному отправленію государственной жизни. Пройдетъ еще недѣля-другая, почтенный столоначальникъ, съ испугу обвинившій тебя чуть ли не въ преступленіи (ты пойми, Дженни, что и самъ-то онъ боится лишиться средствъ пропитанія и—что̀ еще трогательнѣе—у него у самого есть дочь, утѣшительница страждущихъ), увидитъ, что онъ какъ будто далъ маху, и снова станетъ называть тебя милостивой государыней, если только ты въ это время не успѣла отъ уныніе провалиться сквозь землю.

Я здѣсь наблюдалъ довольно-таки фактовъ подобной неожиданности. Еще три дня тому назадъ я навѣстилъ одного солиднаго джентльмена въ чинѣ статскаго совѣтника. (Этотъ чинъ самый благодарный, Дженни, для русскихъ литераторовъ. Свобода печати словно имѣла въ виду статскихъ совѣтниковъ и однихъ ихъ обидѣла, такъ какъ чуть заходитъ рѣчь у русскаго литератора о чиновникѣ—на сценѣ непремѣнно статскій совѣтникъ и очень рѣдко дѣйствительный статскій). Я засталъ моего настоящаго статскаго совѣтника такимъ сіяющимъ и такимъ счастливымъ, что онъ, нимало не стѣсняясь моимъ присутствіемъ и своимъ животомъ, требовавшимъ маріенбадскихъ водъ, два

раза, къ крайнему моему изумленію, прошелся колессомъ по кабинету. Надо было съ десять минутъ времени, чтобы толкомъ добиться отъ него, что такое случилось. Онъ начиналъ-было разсказывать, но прерывалъ разсказъ въ самомъ началѣ неудержимымъ хохотомъ, отъ котораго весь онъ, такой пышный, круглый и чистый, трясся, какъ невполнѣ готовое желе на блюдѣ. Оказалось, что онъ только-что пріѣхалъ съ доклада отъ какого-то «Николая Ѳедоровича», который, по словамъ моего пріятеля, ласково ткнулъ его послѣ доклада пальцемъ въ животъ (у русскихъ чиновниковъ это считается высшимъ знакомъ расположенія) и сказалъ: «Какой у васъ здоровенный сундукъ!..»

Вчера прихожу къ тому же самому статскому совѣтнику и, вообрази себѣ мое удивленіе, Дженни, застаю бѣднягу въ слезахъ за чтеніемъ письма.

Онъ подалъ мнѣ письмо и только сказалъ (но надо было видѣть Росси, чтобы понять, какъ онъ сказалъ!):

— Прочтите, милордъ!

Я прочелъ письмо, въ которомъ моего благороднаго друга извѣщали, что съ крайнимъ сожалѣніемъ соглашаются на его неоднократныя просьбы, въ виду разстроеннаго отъ чрезмѣрныхъ заботъ здоровья, объ увольненіи отъ занятій и надѣялись, что щелочно-соленыя воды помогутъ ему.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я, недоумѣвая.—Нельзя было деликатнѣе исполнить вашу просьбу!

— Въ томъ-то и дѣло, что я ни разу не просился уволить меня и ни разу не жаловался на здоровье... Какой я больной!—проговорилъ онъ, обтирая фуляромъ слезы, текшія по жирнымъ, лоснящимся щекамъ.

Я ничего не понималъ.

— Третьяго-дня... Вы помните, благородный милордъ... *Онъ* ткнулъ меня въ самый животъ... вотъ въ это мѣсто (и мой почтенный собесѣдникъ снова просіялъ при этомъ воспоминаніи, показывая, куда именно *онъ* его ткнулъ) и сказалъ такъ нѣжно: «Какой у васъ здоровенный сундукъ», а сегодня вдругъ: «вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ...»

Онъ не могъ продолжать и зарыдалъ...

Я бы могъ привести тебѣ, Дженни, много такихъ примѣровъ, но ограничиваюсь изложеннымъ и возвращаюсь къ прерванному разсказу. Когда почтенный джентльменъ, къ которому я обратился за разъясненіями, нѣсколько разъ повторилъ свое любимое слово, то я, зная обычай русскихъ злоупотреблять этимъ словомъ, вѣжливо намекнулъ ему, что, быть-можетъ, почтенный мой собесѣдникъ нѣсколько преувеличиваетъ.

— Нѣтъ, милордъ, напрасно вы такъ думаете. Обобщеній я не люблю.

— Но отчего же, сэръ?

— Оттого, достоуважаемый милордъ, что они ведутъ къ ложнымъ заключеніямъ и такимъ образомъ подрываютъ кредитъ, напримѣръ, моего званія, какъ статскаго совѣтника.

Джентльменъ, говорившій такъ категорически, былъ тоже, Дженни, статскій совѣтникъ, но не такой жирный и круглый, какъ тотъ, о которомъ только-что была рѣчь, а, напротивъ, худощавый, поджарый, съ сѣдыми бакенбардами, опускавшимися книзу, «по-дипломатически».

— Я, конечно, ничего не имѣю противъ того, чтобы мнѣ указывали на частные недостатки или даже дѣйствія, обличали отдѣльныхъ лицъ... Ну, скажи, что вотъ то-то нехорошо, или замѣть, что такой-то писецъ превысилъ свои обязанности, это все ничего; но когда обобщаютъ, когда говорятъ, что въ моемъ отдѣленіи все нехорошо и что всѣ писцы никуда не годятся... Этого, милордъ, мы не выносимъ... Будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ всѣ писцы только и дѣлаютъ, что пакости...

— Но если, сэръ,—позволилъ я себѣ замѣтить:—вопросъ сводится на систему разстановки столовъ, при которой частные недостатки являются результатомъ самой системы, то, само собою разумѣется, писцы тутъ не при чемъ, и при такомъ положеніи дѣла самый лучшій, при всемъ желаніи быть добродѣтельнымъ, ничего сдѣлать не можетъ. Какъ вы посмотрите тогда на вопросъ? Возможно ли не обобщать?

— Ахъ, милордъ, въ этомъ отношеніи мы едва ли поймемъ другъ друга. Вы какъ англичанинъ судите о дѣлѣ. Разумѣется, мы не потерпимъ...

Повторивъ нѣсколько разъ сряду любимое словечко, онъ изложилъ вслѣдъ затѣмъ весьма остроумную теорію, изъ которой я убѣдился, что многіе статскіе совѣтники очень любятъ Россію и желаютъ ей добра, но, съ другой стороны, сами они не въ силахъ сдѣлать все то, что они хотѣли бы, въ своихъ отдѣленіяхъ и столахъ, такъ какъ, въ свою очередь, и они сами ходятъ, какъ здѣсь говорятъ, подъ Богомъ. При этомъ, Дженни, онъ изложилъ мнѣ свою теорію, въ которой была такая нескончаемая цѣпь соотношеній, что дойти до основного звена и уяснить себѣ принципы этой несомнѣнно-остроумной теоріи почтеннаго собесѣдника было такъ же трудно, какъ трудно въ нынѣшнее время разсчитывать на царствіе небесное.

Хотя достоуважаемый русскій ораторъ излагалъ мнѣ детали своей теоріи довольно подробно, при чемъ почти постоянно, поясняя мнѣ то или другое положеніе по устройству своего отдѣленія, ссылался то на желаніе Ивана Ивановича, то на слабость Петра Петровича къ крупному почерку, то на нѣжность Василія Васильевича къ писцамъ высокаго роста, такъ что теорія и всѣ эти имена спутывались между

собою, какъ ліаны, — тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ я очень смутно понялъ сущность ея и, признаюсь тебѣ, Дженни, сильно сомнѣваюсь, понималъ ли самъ ораторъ вполнѣ ясно то, о чемъ онъ такъ долго и не безъ краснорѣчія говорилъ.

Возвращаясь снова къ процессамъ, о которыхъ я началъ рѣчь въ началѣ письма, замѣчу тебѣ, Дженни, что если печать такъ упорно молчала о двухъ послѣднихъ, то о первыхъ двухъ, напротивъ, она говорила очень много, и многія газеты еще до приговора суда уже волочили имена подсудимыхъ, точно обрадовавшись, что свобода печати дозволяетъ имъ предаваться либеральному негодованію по поводу лицъ, неосторожно попавшихъ въ руки правосудія. Объ этихъ процессахъ въ городѣ говорили съ такимъ же интересомъ, съ какимъ обыкновенно здѣсь говорятъ о новыхъ кокоткахъ, о новомъ тенорѣ пріятной наружности, о большомъ крахѣ или о знатной кражѣ изъ банка или изъ какого-либо другого кредитнаго установленія. Сливки общества спѣшили заручиться билетами на судебное представленіе; дамы и мужчины предвкушали заранѣе наслажденіе отъ разоблаченія тайнъ изящнаго дамскаго будуара лэди, обвинявшейся въ поддѣлкѣ векселей, и отъ пикантныхъ подробностей въ отношеніяхъ пожилой женщины къ подростку. Каждому хотѣлось какъ можно скорѣй узнать, какъ все это происходило, словно бы для повѣрки и для вызова своихъ собственныхъ воспоминаній...

И когда наконецъ судебное зрѣлище собрало массу любопытныхъ, когда въ теченіе нѣсколькихъ дней жизнь подсудимыхъ была перемыта свидѣтельскими показаніями во всѣхъ водахъ, какія только можно вообразить себѣ, когда нервы подсудимыхъ послѣ всей этой перемывки и всѣхъ этихъ допросовъ и передопросовъ успѣли уже притупиться ко всѣмъ оскорбленіямъ, тогда, какъ бы въ видѣ мускуса, даваемаго умирающимъ для поддержанія жизни, заговорили господа прокуроры...

Пока довольно, Дженни. Сейчасъ ѣду, въ качествѣ знатнаго иностранца, на юбилейный обѣдъ, даваемый въ честь одного почтеннаго агента, тридцать пять лѣтъ просидѣвшаго на одномъ стулѣ въ званіи начальника отдѣленія въ департаментѣ, при чемъ обивка, какъ заявили сегодня газеты, сообщившія «черты изъ жизни юбиляра», перемѣнялась всего два раза. Обѣдъ, какъ говорятъ, будетъ превосходный, а рѣчей обѣщано столько, что я заранѣе радуюсь случаю услышать свободно льющееся русское слово за банкетомъ въ честь мужа, усидѣвшаго на одномъ стулѣ тридцать пять лѣтъ. На банкетъ, какъ говорятъ, будутъ приглашены, кромѣ нѣсколькихъ генераловъ, и нѣкоторые представители науки, литературы и искусства. Послѣдніе здѣсь не такъ часто приглашаются на парадные банкеты, какъ у насъ, напримѣръ, въ Англіи, и недавно еще московскій профессоръ исторіи, мистеръ Иловайскій, жаловался на это въ одной изъ газетъ.

«Мнѣ,—пишетъ онъ:—какъ изучающему судьбы отечественной земли, хотѣлось бы иногда, въ предѣлахъ физической возможности, присутствовать при торжественныхъ минутахъ ея современной исторіи, видѣть современныхъ ея двигателей, наблюдать событія вблизи. Не знаю, какъ у васъ въ Петербургѣ, но у насъ, въ Москвѣ, это не особенно легко. Напримѣръ, мнѣ, какъ человѣку невысокопоставленному, оказывается проще совершить поѣздку изъ Москвы на театръ войны и ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ подъ Плевной, чѣмъ въ самой Москвѣ попасть на многолюдный вечеръ, имѣющій для меня историческій интересъ...»

Какъ видишь, Дженни, на торжественныя минуты современной исторіи ученыхъ и литераторовъ здѣсь не всегда допускаютъ; тѣмъ большее удовольствіе предвкушалъ я, узнавъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что на предстоящій юбилейный банкетъ въ честь начальника отдѣленія, тридцать пять лѣтъ просидѣвшаго на одномъ и томъ же стулѣ, приглашены ученые и литераторы, которые такимъ образомъ будутъ присутствовать на торжественныхъ минутахъ современной исторіи и увидятъ вблизи современныхъ ея двигателей.

До слѣдующаго письма.

Письмо двадцать шестое.

Дорогая Дженни!

Вчерашній обѣдъ былъ превосходный, рѣчи отличныя, а самъ юбиляръ еще того лучше. Представь себѣ, Дженни, шестидесятипятилѣтняго, совсѣмъ ветхаго джентльмена, у котораго, вмѣсто глазъ, пара тусклыхъ двугривенныхъ съ какими-то темными пятнами посрединѣ и который только и могъ лепетать: «благодарю за честь» и безмолвно указывать на свою согбенную спину, какъ на видимое доказательство тридцатипятилѣтняго сидѣнія на стулѣ. Этотъ стулъ, обыкновенный, Дженни, стулъ съ кожаной обивкой, былъ тутъ. Въ день юбилея ему поднесли его въ потомственное владѣніе, при соотвѣтствующемъ адресѣ отъ сослуживцевъ. Нечего и говорить, что старикъ былъ тронутъ чествованіями и повторялъ, что если Господь Богъ и сподобилъ его усидѣть на стулѣ ровно тридцать пять лѣтъ и произвести на этомъ самомъ стулѣ нѣкоторыя реформы, то, конечно, онъ обязанъ этимъ не себѣ, а тому джентльмену, имя котораго и безъ напоминаній достаточно извѣстно. «Всякій догадается,—пролепеталъ старикъ:—что я говорю объ Иванѣ Ивановичѣ». Натурально, Иванъ Ивановичъ, тоже весьма почтенный джентльменъ, въ свою очередь, по свойственной русскимъ скромности, не лишилъ себя удовольствія отклонить отъ себя незаслуженную честь и сказать, что если онъ и могъ устроить въ департаментѣ паркетные полы, вмѣсто простыхъ, то этимъ онъ обязанъ исключительно энергіи и добросовѣстности того лица, имя котораго, конечно, и безъ напоминанія всѣмъ присутствующимъ хорошо извѣстно.

— А потому предлагаю тостъ въ честь Ѳедора Ивановича!

Хотя мнѣ, да, вѣроятно, и многимъ изъ присутствовавшихъ, имя Ѳедора Ивановича стало извѣстно только въ первый разъ, тѣмъ не менѣе и я и прочіе гости съ удовольствіемъ выпили по бокалу шампанскаго и готовились начинать снова, такъ какъ плотный джентльменъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ добросовѣстнаго и энергичнаго Ѳедора Ивановича, опять-таки не счелъ себя, Дженни, въ правѣ принять на себя весь тотъ знаменательный рядъ преобразованій (полы, устройство курительной комнаты и вентиляторовъ, сокращеніе расходовъ на сургучъ и т. п.; онъ однако все это перечислилъ), который совершенъ былъ во время тридцатипятилѣтняго сидѣнія на стулѣ маститаго старца (Слушайте!) подъ непосредственнымъ и просвѣщеннымъ наблюденіемъ извѣстнаго нашего талантливаго дѣятеля Ивана Ивановича. И если онъ, какъ точный исполнитель, и успѣлъ выполнить просвѣщенныя указанія руководителей, то единственно благодаря лицу, «имя котораго (прибавилъ онъ), конечно, хорошо извѣстно и безъ моихъ указаній. Всякій догадается, что я говорю о Никандрѣ Никандровичѣ, которому я обязанъ» и т. д.

Когда мы выпили за здоровье Никандра Никандровича, то этотъ джентльменъ поднялся и опять-таки рѣшительно отклонилъ отъ себя честь, при чемъ даже сдѣлалъ жестъ рукой и заявилъ, что если онъ и могъ кое-что сдѣлать въ отношеніи выгребныхъ ямъ на дворѣ департамента, то обязанъ этимъ... «Всякій, очевидно, знаетъ, кого именно я имѣю въ виду!» — прибавилъ Никандръ Никандровичъ, поднимая бокалъ.

Признаюсь, Дженни, я вполнѣ былъ увѣренъ, что названный ораторъ предложитъ тостъ въ честь ассенизаціоннаго общества (очевидно, казалось мнѣ, кому же быть обязанными въ той реформѣ, о которой говорилъ ораторъ, какъ не названному обществу), но оказалось, что какъ я, такъ и мои сосѣди за столомъ ошиблись. Изъ тоста, предложеннаго почтеннымъ ораторомъ, мы узнали, что непосредственному участію въ реформѣ выгребныхъ ямъ мы были обязаны Егору Егоровичу, за здоровье котораго, разумѣется, и выпили... Такимъ образомъ къ концу обѣда, переходя отъ тоста къ тосту, отъ рѣчи къ рѣчи, въ которыхъ одинъ отклонялъ отъ себя честь и заявлялъ, что если онъ кое-что и сдѣлалъ, то благодаря лицу, имя котораго, конечно, всѣмъ извѣстно, мы дошли до того, что въ концѣ концовъ оказалось, что всѣмъ реформамъ, произведеннымъ въ теченіе тридцатипятилѣтняго сидѣнія на одномъ и томъ же стулѣ маститаго юбиляра (полы, курительная комната, выгребныя ямы и проч.), департаментъ въ концѣ концовъ обязанъ былъ энергіи лица, имя котораго едва ли нужно было произносить,—такъ оно всѣмъ извѣстно!—заключилъ послѣдній ораторъ, экзекуторъ департамента.

И всѣ догадались, что рѣчь шла о сторожѣ Василіи Петровѣ, за здо-

ровье котораго и выпили, хотя — какъ несправедлива судьба!— главный виновникъ исполненія всѣхъ реформъ и отсутствовалъ на банкетѣ.

Но верхомъ ораторскаго краснорѣчія была рѣчь русскаго Борка, знаменитаго оратора, полковника русской службы Богдановича, говорящаго, какъ я уже, кажется, сообщалъ тебѣ въ одномъ изъ писемъ, отъ 300 до 500 застольныхъ рѣчей въ годъ и считающагося въ Россіи первымъ ораторомъ и лучшимъ патріотическимъ публицистомъ. Правда, онъ пишетъ рѣдко, и только по случаю какихъ-нибудь чрезвычайныхъ событій, годовщины ли синопскаго сраженія, или направленія Сибирской дороги. Когда послѣдній ораторъ, отдавшій дань сторожу, умолкъ, то полковникъ Богдановичъ всталъ и сказалъ приблизительно слѣдующее (разумѣется, Дженни, въ моей передачѣ ты увидишь только намеки на краснорѣчіе перваго русскаго оратора. Такъ же, какъ засохшая фіалка намекаетъ лишь на тонкій ароматъ живого растенія, такъ и моя передача лишь можетъ слабо намекнуть на всю прелесть краснорѣчія почтеннаго полковника):

«Милостивые государи, благородные боляре, доблестные мужи, воины и трудники *) науки, литературы и искусства!

«Едва ли я погрѣшу противъ правды, этимъ лучшимъ воплощеніемъ русскаго духа, въ видѣ незримаго ангела искони осѣняющаго своими крыльями русскую землю, если скажу, что на тотъ стулъ, одинъ видъ котораго долженъ привести въ умиленіе каждаго русскаго человѣка, на тотъ священный стулъ, на сѣдалищѣ котораго доблестный мужъ, великій страстотерпецъ гражданскаго вѣдомства, чествуемый нынѣ нами, погруженъ былъ нерѣдко въ глубокія думы о различныхъ, русскому духу отвѣчающихъ, мудрыхъ преобразованіяхъ, въ настоящій знаменательный моментъ смотритъ съ глубокимъ вниманіемъ вся Россія. И старъ, и младъ, и храбрый ратникъ, и доблестный дѣятель гражданственный, и безстрашный русскій мореходъ, и всадникъ-рыцарь, и служитель пера, и сѣятель науки, и именитый потомокъ ганзейскаго союза—словомъ, всѣ русскіе люди оставятъ на время свои будничные заботы и труды, уединившись, какъ бы въ безмолвной молитвѣ, сложатъ руки крестъ-накрестъ и подумаютъ о значеніи того, милостивые государи, стула, на которомъ ровно тридцать пять лѣтъ сидѣлъ доблестный старецъ и только два раза, въ 1842 году и въ 1868, оставилъ его на самое короткое время для того лишь, чтобы быстрыя руки мастера перемѣнили священную кожу, протертую подъ бременемъ высокихъ думъ и мудрыхъ предначертаній, приведенныхъ въ исполненіе высоко-благомыслящими сотрудниками именитаго юбиляра.

---

*) Въ оригиналѣ стоитъ laboureг. Мы перевели это слово вмѣсто труженикъ—трудникомъ, желая сохранить колоритъ рѣчи оратора.

Прим. переводчика.

«Подобное служеніе своей родинѣ, едва ли возможное гдѣ бы то ни было въ странахъ завистливаго Запада (ораторъ, Дженни, вѣрно, забылъ, что въ числѣ приглашенныхъ былъ я, пѣвецъ Мазини и оберъ-шталмейстеръ его величества короля Италіи, синьоръ Гаэтано Чинизелли, содержащій здѣсь циркъ), довольно рѣдко и въ нашей странѣ, богатой преданностью, любовью, порывами беззавѣтнаго патріотизма, но не особенно богатой, принужденъ сознаться съ горемъ, способностью просидѣть на одномъ и томъ же стулѣ безпорочно тридцать пять лѣтъ...

«Бородино, гдѣ Европа впервые узнала, что такое русская грудь, Парижъ, гдѣ она поняла, что такое русское великодушіе, Наваринъ и Синопъ, Плевна, Адріанополь, Эски-Загра и Ени-Загра, Карсъ и Аладжа показали намъ, что можетъ сдѣлать русскій порывъ и русская отвага, но примѣровъ гражданскаго сидѣнія на одномъ и томъ же стулѣ, несмотря на болѣзни, сопряженныя съ такимъ безпримѣрнымъ сидѣніемъ, у насъ немного. Если мы вспомнимъ Гостомысла, великаго славянскаго сидня Илью Муромца и незабвеннаго покойнаго Ивана Алексѣевича, прослужившаго въ одномъ и томъ же департаментѣ пятьдесятъ лѣтъ, то вотъ и всѣ именитые мужи, извѣстные долгимъ сидѣніемъ... Къ этимъ лицамъ отнынѣ мы обязаны сопричислить и нашего досточтимаго юбиляра. Онъ просидѣлъ тридцать пять лѣтъ и просидѣлъ не напрасно. Вы, милостивые государи, слышали уже о заслугахъ юбиляра отъ доблестныхъ его сотрудниковъ и поняли значеніе тѣхъ реформъ, которыя мирно, безъ потрясеній, свершены были въ департаментѣ и изъ кабинетовъ, какъ изъ подземнаго источника, полились животворной струей въ жизнь... Значеніе такого грандіознаго предпріятія, какъ «выгребная реформа», неисчислимо по своимъ послѣдствіямъ. Отнынѣ каждый, проходя мимо зданія, не станетъ, какъ бывало когда-то, упреждать походку и сдерживать дыханіе, а, напротивъ, умѣритъ шагъ свой, вздохнетъ полной грудью и, наслаждаясь благоуханіемъ департаментскихъ дворовъ, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ (ораторъ въ это время осѣнилъ себя) и, поклонившись до земли этому источнику, гдѣ зародилась великая мысль о выгребной реформѣ (ораторъ поклонился очень низко юбиляру), воскликнетъ, какъ истинный сынъ земли: «Привѣтъ тебѣ, доблестный мужъ! Привѣтъ отъ лица всей русской земли! Ты не зарылъ своихъ талантовъ, а употребилъ ихъ съ пользою. Ты, несмотря на страшныя муки геморроя, все-таки сидѣлъ на своемъ сѣдалищѣ, какъ Прометей, прикованный къ скалѣ, и, сидя, ты зрѣло обдумывалъ пользы человѣчества, пользы Россіи, и внесъ свѣтъ и благоуханіе туда, гдѣ прежде былъ мракъ и смрадъ. Мнѣ остается сказать одно слово. Доблесть гражданина споритъ въ почтенномъ юбилярѣ съ доблестью семьянина и человѣка. Цѣлое потомство его служитъ въ разныхъ департаментахъ на пользу общую, а онъ, какъ ветхозавѣтный Авраамъ, съ высоты

своего стула смотритъ на нихъ и направляетъ ихъ по стезѣ благородства и честности. Какой человѣкъ нашъ чествуемый старецъ, нужно ли говорить? Достаточно взглянуть на этотъ ликъ, чтобы всякія вычурныя слова замерли на устахъ, чтобы сердце переполнилось умиленіемъ, и чтобы дрожащія уста прошептали въ благоговѣйномъ и торжественномъ шопотѣ еще разъ тостъ за здоровье доблестнаго старца. За благоденствіе главнаго виновника выгребной реформы отнынѣ и вовѣки!»

Полковникъ потрясъ бокаломъ и крикнулъ «ура», и вся зала огласилась несмолкаемыми восторженными кликами, а бѣдный юбиляръ упалъ безъ чувствъ, почувствовавъ отъ волненія страшную боль въ желудкѣ, и былъ почтительно вынесенъ благодарными подчиненными.

Я вернулся, Дженни, домой поздно и, сколько помнится, былъ уложенъ въ постель однимъ изъ участниковъ этого банкета, обязательно посовѣтовавшаго мнѣ поскорѣй выпить зельтерской воды. Тотъ же обязательный русскій джентльменъ сообщилъ мнѣ, что полковникъ, по желанію публики, говорилъ еще двѣ рѣчи: одну—о пользѣ колокольнаго трезвона, какъ напоминанія о религіозномъ чувствѣ, а другую—о необходимости постройки желѣзной дороги черезъ Черное море. Признаюсь, я этихъ рѣчей не припомню. Помню только, что я съ кѣмъ-то цѣловался и кому-то обѣщалъ мѣсто министра въ кабинетѣ Дизи.

Возвращаюсь однако, Дженни, къ процессамъ. Насъ ждутъ рѣчи прокуроровъ.

И въ томъ и въ другомъ процессѣ господа прокуроры произнесли горячія рѣчи, въ которыхъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ паѳосомъ, съ большею или меньшею талантливостью, старались, въ лицѣ двухъ обвиняемыхъ, указать на источникъ общественныхъ язвъ и убѣдить присяжныхъ, что если обвиняемые совершатъ переходъ изъ Петербурга въ Восточную Сибирь, то отъ такого путешествія общество русское будетъ реабилитировано. Изящная лэди и француженка, въ такомъ случаѣ, перестанутъ смущать общественную совѣсть, и общественная совѣсть снова возвратитъ себѣ то спокойствіе, которое она утратила благодаря двумъ дамамъ. И тогда сй, общественной совѣсти, будетъ такъ же легко и спокойно, какъ легко и спокойно невинному младенцу, или интенданту, оставившему службу и удалившемуся на лоно природы, купленное на имя супруги. Изящная лэди, живя въ отдаленіи отъ столицъ, не будетъ имѣть возможности смущать своими чарами любезныхъ милордовъ, невинныхъ, какъ голуби, но такъ же, какъ голуби, склонныхъ къ воркованію. Въ воркованіи, разумѣется, предосудительнаго ничего нѣтъ. Какъ можно отказать въ такомъ невинномъ отдыхѣ людямъ, обремененнымъ многотрудными общественными заботами и семействами; въ этомъ воркованіи даже можно видѣть успѣхи культуры; но если подъ видомъ горлицы скрывается хищная птица, то развѣ не обязанность государства удалить отъ доблест-

ныхъ мужей его такія искушенія? Вдали отъ столицъ изящная лэди не будетъ имѣть возможности проводить дѣла (вѣдь это, гг. присяжные, не дамское дѣло. Зачѣмъ отбивать хлѣбъ у адвокатовъ и у другихъ почтенныхъ мужчинъ?) и водить за носъ милліонеровъ. Несравненно полезнѣе, если милліонеровъ будутъ водить за носъ люди, умѣющіе употреблять избытки чужого богатства на изданіе полезныхъ хрестоматій или на что-либо другое, не менѣе полезное. «О, какъ трудно намъ, прокурорамъ,—жаловался и, надо сказать правду, жаловался весьма краснорѣчиво г. прокуроръ:—пробраться въ тѣ раззолоченныя логовища, гдѣ порокъ прикрытъ бархатомъ и связями, гдѣ подъ видомъ благочестія скрывается невѣріе, подъ лоскомъ блестящаго воспитанія скрыта пустота сердца и страсть къ наживѣ, страсть, обуявшая наши образованные классы». И, какъ бы обрадовавшись, что судебному вѣдомству, несмотря на всѣ трудности, удалось-таки поймать за хвостъ самую суть зла, въ образѣ очаровательной лэди, почтенный джентльменъ продолжалъ въ томъ же тонѣ благороднаго негодованія рисовать смѣлой кистью злодѣянія лэди.

Что же касается до француженки-гувернантки, то, по удаленіи ея изъ общества, и она лишена будетъ возможности воспитывать русское юношество, не станетъ развращать русскихъ дѣтей и не внесетъ болѣе горя въ семью, какъ внесла горе въ благородную, тихую семью, ввѣрившую ей воспитаніе горячо-любимаго сына и не удалившую ея, несмотря на то, что отношенія воспитательницы къ отроку были ей извѣстны, единственно благодаря добротѣ и снисходительности...

Передавая тебѣ сущность рѣчей обоихъ талантливыхъ прокуроровъ, я, разумѣется, не ручаюсь за точную передачу. Но смыслъ ихъ былъ таковъ, какой я передаю тебѣ,—по крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе произвели на меня обѣ эти рѣчи.

Здѣсь, Дженни, прилично будетъ замѣтить, что въ Петербургѣ однако прокуроры на судѣ не рыдаютъ, не скрежещутъ зубами и въ порывѣ благороднаго негодованія не обрываютъ пуговицъ на мундирахъ, что дѣлаютъ, какъ я сообщалъ тебѣ въ одномъ изъ писемъ, въ Москвѣ. Мнѣ передавали,—впрочемъ, не ручаюсь за вѣрность сообщенія,—что почтенные джентльмены обвиненія рѣшили, что слишкомъ бурныя выраженія чувствъ со стороны представителей обвиненія могутъ подать поводъ къ соотвѣтствующимъ же и со стороны адвокатовъ, и тогда, во-первыхъ, петербургскимъ театрамъ будетъ грозить опасная конкуренція, и, во-вторыхъ, чрезмѣрный наплывъ публики въ зданіе окружнаго суда можетъ вызвать новые расходы по увеличенію штата судебныхъ приставовъ, не говоря уже о возможности безпорядка и случаевъ смерти при давкѣ, вслѣдствіе чего постановлено: порывы благороднаго негодованія, обязательнаго для обвиненія и необязательнаго, впрочемъ, для защиты, выражать, отнюдь не прибѣгая къ вою, скрежету зубовному, вращанію бѣлковъ, порчѣ мундировъ или

вещей, суду принадлежащихъ, битію себя въ грудь до обмороковъ или къ инымъ, тому подобнымъ тѣлодвиженіямъ, которыми щеголяютъ артисты Александринскаго театра. Было бы желательно, чтобы воздѣйствіе на гг. присяжныхъ было производимо, помимо вышеупомянутыхъ пріемовъ, убѣдительностью рѣчей, грацій, соотвѣтствующими жестами и, въ случаѣ крайности, тихимъ плачемъ... Вообще изученіе Росси могло бы служить въ данномъ случаѣ большимъ подспорьемъ. Что же касается до гг. защитниковъ, то имъ порывы благороднаго негодованія возможно выражать только въ томъ случаѣ, если гонораръ превышаетъ сумму 10.000 рублей. Въ остальныхъ случаяхъ имъ предоставляется порывовъ не выражать, при чемъ, обязательно: стульевъ не ломать и громко въ судѣ не пѣть; въ случаѣ надобности пропѣть куплетъ или два, пѣть ихъ вполголоса. При цитированіи книгъ священнаго писанія не произносить клятвъ, такъ какъ подобныя клятвы несовмѣстны съ христіанскимъ ученіемъ, а вообще строго сообразоваться съ обстоятельствами и помнить, что званіе присяжнаго повѣреннаго нисколько не гарантируетъ отъ большихъ непріятностей...

Когда я прочитывалъ въ газетахъ рѣчи прокуроровъ и восхищался блестящими метафорами этихъ рѣчей, то мнѣ припоминалось выраженіе, поразившее меня недавно своей образностью, въ книгѣ полковника Богдановича, изданной по поводу синопской годовщины. Разсказывая, какъ перевозили черезъ севастопольскую бухту гробъ съ прахомъ доблестнаго русскаго адмирала Нахимова, авторъ замѣчаетъ: «и матросскія слезы капали изъ глазъ и вспѣнили море».

Какъ въ порывѣ патріотическаго восторга перо почтеннаго автора вспѣнило нѣсколько здравый смыслъ, сумѣвши слезами вспѣнить море, такъ точно и въ пылу краснорѣчія талантливые представители обвиненія хватили черезъ край. Они разрисовали двухъ лэди, какъ какихъ-то злыхъ демоновъ, внезапно и откуда-то спустившихся на гладкую поверхность общественной и семейной жизни для того, чтобы взбаламутить эту поверхность и смутить, какъ сирены или русалки, почтенныхъ милордовъ, забывшихъ, ради прелестныхъ глазъ одной изъ нихъ, обязанности и сдѣлавшихся игралищемъ въ рукахъ этой лэди-демона. Другая сирена дѣйствовала на отрока и тоже, по рисовкѣ прокурора, явилась неотразимымъ рокомъ въ семьѣ, какъ будто не отъ самихъ членовъ семьи зависѣло избавиться отъ этого рока... И эти-то демоны, въ прокурорскомъ пылу, являются исключительнымъ зломъ, вырвавши которое, все пойдетъ какъ по маслу... Я совершенно понимаю, Дженни, что когда почтенные обвинители говорили, то они совершенно опустили изъ виду (иначе они, разумѣется, упомянули бы), что на мѣсто одной изящной лэди, неосторожно попавшей въ судъ, явятся другія, еще болѣе изящныя лэди-горлицы, которыя снова смутятъ и престарѣлыхъ милордовъ, и недалекаго милліонера, и даже практическаго профессора. То же можно сказать и относительно гувер-

пантки-француженки, обвинявшейся и, слава Богу, оправданной въ отравленіи юноши.

Первый изъ этихъ процессовъ кончился неблагопріятно для подсудимой. Изящная лэди, еще недавно проводившая дѣла, какъ объясняла она на судѣ, принимавшая милордовъ и еще вчера возбуждавшая зависть въ той самой публикѣ, которая клеймитъ ее сегодня, обвинена въ поддѣлкѣ векселей и присуждена къ тяжкому наказанію.

Говоря по правдѣ, ничего особенно-поразительнаго, по крайней мѣрѣ, даже для иностранца, нѣсколько знакомаго съ русской жизнью, не раскрылъ этотъ процессъ, и тѣмъ страннѣе казались мнѣ напвныя привѣтствія печати по поводу приговора. Изящная русская лэди просто хотѣла жить, и такъ какъ не имѣла ни родового ни благопріобрѣтеннаго состоянія, то воспользовалась своей красивой наружностью, ловкостью, знаніемъ людей и... и дѣлала, Дженни, то, что дѣластъ множество русскихъ лэди и джентльменовъ. И если бы легкомысліе не увлекло ее до поддѣлки векселей, то она до сихъ поръ пользовалась бы уваженіемъ общества и продолжала бы принимать въ своемъ салонѣ милордовъ. Если ей платили деньги за проведеніе дѣлъ, если ей обѣщали куши за хлопоты по проведенію уставовъ, то, значитъ, иначе нельзя было проводить дѣлъ и уставовъ. Здѣсь, Дженни, какъ я тебѣ писалъ не разъ, знакомство значитъ слишкомъ много, и слѣдовательно неглупая и красивая лэди, умѣющая говорить съ вліятельными милордами, всегда можетъ разсчитывать на успѣхъ въ званіи адвоката, хотя и безъ адвокатскаго значка... Все это до того понятно, что остается удивляться, съ чего многія русскія газеты вдругъ такъ обрадовались?

Второй процессъ окончился оправданіемъ подсудимой. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на искусное сооруженіе обвинительнаго акта, онъ рухнулъ подъ тяжестью свидѣтельскихъ показаній, и старательно собранныя въ немъ улики, на основаніи которыхъ подсудимую обвиняли въ тяжкомъ преступленіи—въ отравленіи юноши, на судѣ не подтвердились. Правда, родители и близкіе родственники покойнаго сильно настаивали на своемъ предположеніи, но кто же не знаетъ, какъ часто мы готовы искать виновника постигшаго насъ горя совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Три дня длился этотъ процессъ, и три дня въ залѣ суда постепенно развертывалась картина домашняго воспитанія и семейной обстановки, при которыхъ вырастаютъ русскія дѣти такъ-называемаго порядочнаго общества. Даже того, что въ теченіе этихъ трехъ дней говорилось на судѣ (были еще подробности, о которыхъ говорилось при закрытыхъ дверяхъ!), было слишкомъ много, чтобы оборотная медаль «семейныхъ основъ» предстала во всей своей поражающей наготѣ. Ты вообрази себѣ только, что безвременно погибшій юноша, повидимому, съ хорошими задатками, слишкомъ рано узналъ то, чего узнавать въ его молодые годы не слѣдовало. Еще мальчикъ,

онъ уже былъ въ какихъ-то странныхъ, неестественныхъ отношеніяхъ съ гувернанткой и вмѣстѣ съ такими же подростками-товарищами принималъ участіе въ оргіяхъ, на которыхъ присутствовала и гувернантка. Тамъ пѣлись скабрезныя пѣсенки, тамъ подростки цѣловались съ наставницей, которую фамильярно называли уменьшительнымъ именемъ... Объ этихъ странныхъ отношеніяхъ покойнаго къ пожилой женщинѣ знали въ семействѣ, но, какъ говорилъ отецъ, онъ полагалъ, что все это пройдетъ само собою. Что же касается до матери, то она, какъ показывали свидѣтели, очень часто отсутствовала изъ дома и проводила вечера въ клубахъ за картами...

Такова обстановка, среди которой выросталъ мальчикъ. И вотъ, Дженни, что могъ написать бѣдный дворянскій подростокъ въ своемъ дневникѣ:

«Я разочарованъ. Смѣшно, говорятъ, разочарованіе въ мои годы. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше узнаёшь, чѣмъ больше узнаёшь, тѣмъ больше видишь, что многія мысли несосуществимы, что нѣтъ никогда и ни въ чемъ порядка.

«Долженъ ли я упрекнуть себя въ чемъ-либо? Много бы я отвѣтилъ на этотъ вопросъ, если бы не боялся, что тетрадь попадется въ руки отцу или кому-нибудь и онъ узнаетъ преждевременно тайны моей жизни съ 14-ти лѣтъ. Много перемѣнъ, много разочарованій, многія дурныя качества появились во мнѣ. Кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе, движеніе крови повело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что при воспоминаніи ихъ холодный потъ выступаетъ у меня на лбу. Я понялъ свою доброту, доведенную до глупости. Мое сердце, не выдерживавшее прежде малѣйшихъ страданій ближнихъ, повидимому, окаменѣло, и хотя я иногда страдаю очень и очень сильно, но нелегко замѣтить это. Изъ природнаго флегматизма развилось искусственное хладнокровіе. Сила воли выработалась изъ упрямства, спасшаго меня, когда я стоялъ на краю погибели; я сталъ атеистомъ, наполовину либераломъ. Дорого бы я далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство, но это уже поздно и невозможно. Много такихъ взглядовъ получилъ я, что и врагу своему не желаю додуматься до этого; таковъ, напр., взглядъ на отношенія къ родителямъ и женщинамъ. Насколько возможно, стараюсь не имѣть кумировъ, но кумиръ нашелся. Мой кумиръ—я самъ, себя я люблю, объ себѣ пекусь такъ, какъ дай Богъ всякой матери заниматься своими дѣтьми.

«Меня кормятъ, одѣваютъ и проч., но все это мнѣ въ тягость. Мнѣ хочется, какъ можно скорѣе, проживать мои средства, а не отца. Работы, работы! Конечно, отецъ мнѣ позволитъ, чтобы я вносилъ свою лепту на нашу семейную жизнь. «Тебя не попрекаютъ»,—сказалъ онъ мнѣ однажды. Правда, я буду жить, я буду работать, и авось эта работа поможетъ мнѣ отплатить родителямъ добромъ за ихъ заботы обо мнѣ въ молодости и сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ. Но еще

долго остается тереть лямку: два съ половиною года въ гимназіи, а потомъ пять лѣтъ въ академіи, а мнѣ осталось жить только лѣтъ десять.

«Свѣтло ли мое будущее? Недовольный существующимъ порядкомъ вещей, недовольный типами человѣчества, я наврядъ ли найду человѣка, подходящаго подъ мой взглядъ, и придется проводить жизнь одному. А тяжела жизнь въ одиночествѣ; тяжело, когда тебя не понимаютъ, не цѣнятъ. Вся надежда на медицину и музыку. Съ помощью ихъ я могу прославиться. Но на это надо и геніальность, и шарлатанство, и долгую жизнь съ крѣпкимъ здоровьемъ. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ пары рукъ и головы, мнѣ придется въ трудахъ пробивать дорогу и дѣлать свою карьеру. Авось однако мнѣ въ этомъ помогутъ самолюбіе и настойчивость. Во всякомъ случаѣ, нескоро доживу до того времени, когда моя слава будетъ гремѣть».

Не забудь, Дженни, что эти строки пишетъ не разочарованный англійскій лордъ, пускающій себѣ въ клубѣ пулю въ лобъ отъ пресыщенія жизнью, а отрокъ, гимназистъ 15 лѣтъ, и ты тогда невольно почувствуешь какой-то страхъ передъ этими отроками. Конечно, въ нихъ много и рисовки, свойственной отрокамъ, но все-таки остается слишкомъ много такого, надъ чѣмъ невольно задумаешься...

Какія воспоминанія вызывали холодный потъ на лбу покойнаго? Какіе взгляды получилъ онъ на отношенія къ родителямъ и женщинамъ, какіе не желалъ бы и врагу? Все это, разумѣется, осталось неразъясненнымъ... Какимъ образомъ мальчикъ создалъ себѣ кумиръ изъ самого себя и въ 15 лѣтъ уже недоволенъ типами человѣчества? Объ этомъ можно только догадываться, вотъ и все...

Странныя явленія, Дженни, вырастаютъ на русской почвѣ, очень странныя, заставляющія глубоко задуматься надъ общественной и семейной жизнью русскаго культурнаго общества... Какіе чудовищные эгоисты могутъ вырастать при такомъ положеніи вещей?

А между тѣмъ русскіе удивительно любятъ говорить о святости семейныхъ основъ, и въ то же время эти «основы» именно шатаются тамъ, гдѣ о нихъ болѣе всего говорятъ, и тѣ же самые матери и отцы, которые боятся, если дѣти ихъ создаютъ себѣ кумиръ изъ самоотверженія и гибнутъ съ беззавѣтностью юности, не содрогнутся отъ ужаса при видѣ ужасающей пустоты и эгоизма своихъ кровныхъ...

Какими гражданами будутъ такіе подростки, объ этомъ не трудно догадаться.

— Ахъ, какъ это ужасно... Кто бы могъ подумать, что могутъ существовать такія гувернантки, милордъ!—говорила мнѣ на-дняхъ одна весьма пикантная лэди.

И вездѣ раздаются такія же обвиненія. По словамъ всѣхъ этихъ милыхъ и цѣломудренныхъ лэди, во всемъ виноваты гувернантки. Такъ трудно найти хорошую наставницу, которая бы не испортила

дѣтей! Не будь между ними такихъ ужасныхъ женщинъ, какими неиспорченными вырастали бы ихъ милыя крошки! Но какъ узнать человѣка? Намъ нужно выучить нашихъ дѣтей болтать на иностранныхъ языкахъ и приличнымъ манерамъ... не брать же, въ самомъ дѣлѣ, русскихъ нигилистокъ? Тогда еще хуже будетъ...

Такія мнѣнія мнѣ приходится слышать, Дженни, довольно часто.

Пикантная лэди не разъ говорила мнѣ о трудностяхъ своего положенія. Она имѣетъ трехъ дѣтей, и у нея молодая француженка. Лэди тридцать пять лѣтъ, а мужу ея пятьдесятъ. Они богаты, домъ у нихъ содержится хорошо. Она много выѣзжаетъ, и ей некогда присмотрѣть за дѣтьми. Мужъ утро занятъ и видитъ семью только за обѣдомъ, и то не каждый день. Онъ прекрасный мужъ и сквозь пальцы смотритъ на странныя отношенія, которыя, повидимому, установились между его женой и его племянникомъ, прелестнымъ мальчикомъ семнадцати лѣтъ, съ едва пробивающимся пушкомъ на губахъ. Тетка его любитъ, какъ сына, и не отпускаетъ его отъ себя. Они часто вдвоемъ катаются, и я не разъ замѣчалъ взгляды, бросаемые на тетку племянникомъ, слишкомъ нѣжные и страстные для выраженія родственной любви. Всѣ считаютъ этого подростка за любовника этой лэди... Въ свою очередь, и жена не дѣлаетъ сценъ мужу, зная, что у него двѣ любовницы.

Однажды, Дженни, я пріѣхалъ въ этотъ домъ какъ-то вечеромъ. Мужа, по обыкновенію, дома не было. Я хотѣлъ-было пройти въ маленькую гостиную, но маленькій мальчуганъ, одиноко сидѣвшій задумчиво въ залѣ, остановилъ меня своей ручонкой за сюртукъ и сказалъ:

— Не ходите туда, лордъ Розберри... Туда нельзя... И мы туда не ходимъ.

— Отчего?

— Такъ!.. Подождите... поговоримъ лучше со мной! Мама скоро выйдетъ!—какъ-то грустно прошепталъ странный мальчикъ, глядя на меня своими большими черными задумчивыми глазами.

Я усадилъ его себѣ на колѣни. Мнѣ почему-то стало безконечно жаль этого мальчика, котораго я засталъ одинокимъ въ большой полутемной залѣ. Онъ мнѣ разсказалъ, что ему съ сестрами скучно, и что онъ любитъ сидѣть одинъ. Маму безпокоить онъ не хочетъ.

Прошло минутъ съ пять. Мальчикъ съ тревогой на лицѣ прислушивался, не заскрипитъ ли дверь и не выйдетъ ли мама. Онъ видимо страдалъ, хотя и старался, какъ большой джентльменъ, занять меня. Наконецъ онъ быстро соскочилъ съ моихъ колѣнъ, подбѣжалъ къ двери и какимъ-то страннымъ голосомъ закричалъ:

— Мама, выходи же!.. Лордъ Розберри давно ждетъ тебя.

Въ ту же минуту вышла лэди, а за нею и неизбѣжный ея племянникъ. Она пожурила сына, зачѣмъ онъ не сказалъ тотчасъ же объ

мнѣ, и послала его въ дѣтскую. Я никогда не забуду, какой сердитый взглядъ бросилъ, уходя, мальчикъ на своего двоюроднаго брата.

Изящная лэди извинилась передо мной за своего «маленькаго ученика», сказала, что они читали интересную книгу, и видимо старалась поскорѣй сбыть меня съ рукъ.

Какъ ты думаешь, Дженни, при чемъ тутъ гувернантки?

На-дняхъ мнѣ достались въ руки записки одного нашего соотечественника, наѣздника изъ цирка. Когда-нибудь я сообщу тебѣ кое-что изъ этихъ любопытныхъ воспоминаній, а пока замѣчу, что мистеръ Смитъ, авторъ этихъ записокъ, красивый, здоровый англичанинъ, прожилъ въ Россіи пять лѣтъ, составилъ себѣ состояніе, бросилъ циркъ и собирался-было вернуться въ Англію, но внезапно умеръ и завѣщалъ мнѣ свои записки, въ которыхъ онъ описывалъ свои похожденія въ Россіи, преимущественно любовныя. Въ этихъ запискахъ покойный Смитъ такъ откровенно разсказываетъ о русскихъ лэди, что даже мужчинѣ бываетъ по временамъ совѣстно читать. Особенно хороши у него сорокалѣтнія лэди, разыгрывающія святошъ и усердно проповѣдующія добродѣтель своимъ взрослымъ дѣтямъ, и въ то же время выказывающія такую изобрѣтательность разврата, судя по подлиннымъ письмамъ къ красавцу Смиту, которая сдѣлала бы честь даже знаменитымъ развратницамъ древняго міра.

А все-таки всѣ здѣсь говорятъ, что виноваты гувернантки.

Письмо двадцать седьмое.

Дорогая Дженни!

Если одни процессы любопытны своими подробностями, то другіе довольно характерно рисуютъ любовь русскихъ къ приличіямъ, доходящую иногда до того, что въ заботахъ о приличіяхъ являются, какъ это ни странно, неприличія, которыя и разсматриваются потомъ въ судахъ.

Когда я бесѣдовалъ по поводу этого со многими русскими, то многіе изъ нихъ, по обыкновенію, весело смѣялись и говорили, что въ ихъ странѣ за приличіями смотрятъ строго, но такъ какъ иногда испытываютъ скуку при видѣ постояннаго порядка въ этой патріархальной странѣ, то, частью въ видахъ развлеченія, частью вслѣдствіе усердія, а иногда и просто вслѣдствіе добродушной веселости послѣ выпитаго вина, позволяютъ себѣ маленькія экскурсіи въ область порядка и производятъ смятеніе, а затѣмъ и безпорядокъ...

Такимъ образомъ сѣренькая, однообразная жизнь нѣсколько разнообразится... Вслѣдъ за безпорядкомъ является разборъ дѣла, и если таковой доходитъ до суда (въ этомъ отношеніи русскіе не особенно любятъ судъ, и по большей части подобныя дѣла они кончаютъ какъ-то безъ суда, по добровольному соглашенію), то процессы являются любопытной иллюстраціей здѣшнихъ нравовъ...

Просматривая русскія газеты, я всегда поражался, Дженни, обиліемъ корреспонденцій, посвященныхъ сообщеніямъ о такъ-называемыхъ здѣсь случаяхъ «самоуправленія» (вышибить нѣсколько зубовъ, переломать ребра и т. д.). Само собою разумѣется, въ такихъ проступкахъ бываютъ повинны только самые незначительные дѣятели. О «самоуправленіи» со стороны какого-либо знатнаго лорда я ни разу не читалъ ни въ одной русской газетѣ, изъ чего и заключаю, что русскіе лорды въ этомъ отношеніи нисколько непохожи на прочихъ обыкновенныхъ сэровъ и мистеровъ. Очень рѣдко я встрѣчалъ, чтобы корреспонденціи утѣшали русскихъ читателей извѣстіемъ о торжествѣ добродѣтели, т. е. о торжествѣ разбитой скулы или вышибленнаго зуба. Чаще всего оказывается, по крайней мѣрѣ изъ обстоятельныхъ разъясненій въ «Дневникѣ приключеній», что зубъ выпалъ вслѣдствіе гнилости и по собственной неосторожности, а скула нѣсколько повреждена самимъ же владѣльцемъ ея изъ желанія во что бы то ни стало, несмотря на бдительность начальства, нарушить порядокъ и благообразіе въ своей собственной физіономіи.

Здѣсь кстати замѣчу тебѣ, Дженни, что, когда русскіе пишутъ о скулѣ, что она «нѣсколько повреждена»,—это почти всегда означаетъ, что она свернута на сторону. Избѣгая тривіальнаго слога и не желая шокировать читателей, спеціальные литераторы «Дневника приключеній» и «Губернскихъ Вѣдомостей» въ подобныхъ обстоятельствахъ выражаются съ изысканностью свѣтской лэди, граціей благовоспитаннаго полисмена и обстоятельностью дѣлового человѣка.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ подтвержденіе означенныхъ статей, прилагаются и медицинскія удостовѣренія, въ которыхъ самымъ научнымъ образомъ, однако въ популярной формѣ, излагаются обстоятельства самопроизвольнаго выпаденія зубовъ и преднамѣренной порчи собственными руками скулы, при чемъ прилагаются и чертежи.

Независимо отъ этого—такъ, Дженни, велика у русскихъ любовь къ возстановленію истины!—кто-нибудь изъ почтенныхъ ученыхъ людей подтверждаетъ краткимъ историческимъ изслѣдованіемъ, опять-таки въ популярной формѣ, о склонности русскихъ—склонности, проявленіе которой замѣчено было еще со временъ основанія русскаго государства—къ самоисправленію, при чемъ подобное похвальное качество подтверждается многими историческими примѣрами и ссылкой на сказаніе знаменитаго русскаго писателя о томъ, какъ одна весьма почтенная слесарша высѣкла себя собственными руками.

Признаюсь тебѣ, Дженни, несмотря на то, что мнѣ не разъ приходилось читать подобныя историческія разъясненія, и притомъ сдѣланныя авторитетными и почтенными людьми, я все-таки предполагалъ въ нихъ нѣкоторое преувеличеніе, вызванное, казалось мнѣ, національнымъ тщеславіемъ выставить качества своего народа съ самой лучшей стороны. Но послѣ разсказовъ о подобныхъ же фактахъ оче-

видца, одного весьма почтеннаго и заслуживающаго полной вѣры русскаго исправника, съ которымъ я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ на пути изъ Харькова въ Петербургъ, я вполнѣ увѣрился, что авторитетные люди науки въ своихъ историческихъ разъясненіяхъ ничего не преувеличиваютъ.

Такъ, вышеназванный джентльменъ разсказывалъ мнѣ,—при чемъ не клялся и не божился, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые русскіе разсказчики, собираясь отчаянно врать,—что во время своей службы (а служилъ онъ двадцать лѣтъ и только на-дняхъ оставилъ службу по старости лѣтъ) ему не разъ доводилось наблюдать, какъ русскіе поселяне сами себя наказывали преисправнѣйшимъ образомъ.

— Особенно, милордъ, проявляютъ они эту склонность во время сбора недоимокъ. Чувствуетъ онъ, что виноватъ, денегъ не приготовилъ, ну—и наказываетъ себя.

— Какъ же они производятъ эту операцію, сэръ?—спросилъ я, заинтересованный такимъ многообѣщающимъ вступленіемъ.

— А очень просто. Пойдетъ онъ, милордъ, въ лѣсъ, нарѣжетъ свѣжей лозы, вернется въ деревню, придетъ во дворъ волостного правленія, какъ слѣдуетъ, сниметъ съ себя все то, что стѣсняетъ свободу дѣйствій, и начнетъ полосовать себя... начнетъ... Иной разъ, случится, видишь это и останавливаешь его, а онъ въ отвѣтъ: «Никакъ, говоритъ, не могу. Самъ вижу, что виноватъ!» И продолжаетъ. Иногда, милордъ, до того онъ себя исправляетъ, что его безъ чувствъ снесутъ домой. Русскіе, милордъ, такой народъ... такой!

И почтенный старикъ даже прослезился отъ умиленія, вспоминая подобные факты.

— Вотъ у васъ, милордъ, слышалъ я, самопомощь какая-то есть. Такъ ли?

— Есть...

— А у насъ самоисправленіе... Да, милордъ, если бы вы поѣздили по деревнямъ, то увидали бы, какой это чудесный народъ!

— Скажите, пожалуйста, сэръ, такія качества вы замѣчали только въ поселянахъ?—спросилъ я.

— О, нѣтъ, милордъ, всѣ мы, если виноваты,—а кто изъ насъ не виноватъ?—то готовы, не дожидаясь суда, судить себя, какъ мы называемъ, по совѣсти, безъ огласки. Да вотъ еще въ прошломъ году... нѣсколько моихъ пріятелей, еще между ними два моихъ молодые племянника были, такъ отлично себя отдубасили, что о-сю-пору сѣсть не могутъ.

— За что же это они себя наказали?

— А за то, что прытки очень... Такъ, болѣе для того, чтобы впредь быть благоразумнѣе...

Почтенный собесѣдникъ не остановился на послѣднемъ разсказѣ, а передалъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ же фактовъ, которыхъ онъ

былъ очевидцемъ, при чемъ разсказывалъ съ такими обстоятельными подробностями, что я долго еще послѣ разлуки съ этимъ джентльменомъ (онъ простился со мною подъ Курскомъ, гдѣ у него имѣніе) сидѣлъ, какъ очарованный, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ очевидца о столь удивительныхъ проявленіяхъ русскаго самоисправленія.

Одно только, къ сожалѣнію, осталось для меня не вполнѣ выясненнымъ, а именно слѣдующее: обнаруживаютъ ли эту похвальную склонность джентльмены въ чинѣ статскаго совѣтника и выше, или нѣтъ, такъ какъ на вопросы мои по этому поводу почтенный собесѣдникъ далъ мнѣ отвѣтъ уклончивый, заявивъ, что титулярныхъ совѣтниковъ, наказывавшихъ себя въ моменты раскаянія, онъ зналъ, но относительно другихъ вѣрнаго сообщить не можетъ, хотя полагаетъ, что, въ случаѣ чего, и они, какъ слѣдуетъ благороднымъ людямъ, вѣроятно, не прочь...

— Вотъ дѣдушка мнѣ разсказывалъ, что при немъ даже и генералы сами себя наказывали, ну, а я этого не видалъ... врать не буду...

Такъ я и остался подъ сомнѣніемъ.

Казалось бы, что подобная склонность русскихъ должна бы отзываться на ихъ характерѣ, дѣлая его сосредоточеннымъ и мрачнымъ; однако этого нѣтъ. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ преобладающія черты русскаго характера: доброта, незлопамятство, крайне симпатичное легкомысліе и какая-то необыкновенная удаль, особенно проявляющаяся по отношенію къ общественной собственности, или, если русскіе начнутъ кутить и, что называется, разойдутся, то по отношенію къ чужимъ физіономіямъ и посудѣ. Въ веселомъ состояніи они рѣшительно обнаруживаютъ чисто-славянскую тароватость и тратятъ свои бумажныя деньги съ такою же легкостью, съ какою ихъ выпускаетъ въ обращеніе государственный банкъ. Они точно хотятъ выказать презрѣніе къ бумажкамъ, имѣя въ виду, вѣроятно, относительно-недорогую стоимость ихъ фабрикаціи. У меня на столѣ лежитъ русская газета, изъ которой я перевожу тебѣ, Дженни, слѣдующій любопытный фактъ, случившійся на-дняхъ въ Москвѣ, въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ.

«Часа въ два ночи пріѣзжаетъ въ ресторанъ компанія изъ трехъ господъ, далеко перевалившихъ за половину человѣческой жизни, они люди весьма почтенные, члены одного изъ замкнутыхъ кастовыхъ клубовъ, и пріѣхали совершенно трезвые, прямо изъ своего клуба.

«— Позвать сюда хозяина!—крикнулъ одинъ изъ нихъ, г. К—нъ.

«— Хозяинъ уже спитъ,—былъ ему отвѣтъ.

«— Разбудить, чортъ возьми!—зарычалъ г. К—нъ, ударяя кулакомъ по столу.

«Дѣлать нечего: пришлось будить хозяина, и тотъ вскорѣ явился къ посѣтителямъ.

«— Распорядитесь, чтобъ сейчасъ были: хоръ цыганъ, хоръ рус-

скихъ пѣвицъ, оркестръ музыки и 500 бутылокъ шампанскаго,— проговорилъ съ апломбомъ и совершенно хладнокровно г. К—нъ.

«Съ небольшимъ черезъ часъ все требуемое было налицо, и началась попойка; гости же, посидѣвъ немного, спросили счетъ. Счетъ простирался всего только до 7.800 рублей. Г. К—нъ хладнокровно уплатилъ деньги, и компанія уѣхала, выпивъ бутылки 2 или 3 шампанскаго».

Какъ видишь, милые сѣверные «медвѣди», когда разойдутся, то непремѣнно обнаружатъ такую грандіозную расточительность, при видѣ которой каждый прусскій подданный могъ бы просто-напросто сойти съ ума. Въ самомъ дѣлѣ, ты только вообрази себѣ, Дженни: хоръ цыганъ, хоръ русскихъ пѣвицъ, оркестръ музыки, 500 бутылокъ шампанскаго и 7.800 рублей (или золотомъ около 4.000) на одинъ вечеръ!

Время при этомъ русскими не принимается въ разсчетъ. Тогда какъ у насъ въ извѣстные часы ты ни за какія деньги не найдешь куска ростбифа, здѣсь ты можешь, если только у тебя есть свободныя русскія бумажки, въ какой угодно часъ ночи, вѣрнѣе, ранняго утра устроить празднество, собрать нѣсколько хоровъ музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ и, вдобавокъ, пригласить полисменовъ (все равно, они по обязанности службы обязаны по ночамъ, какъ здѣсь говорятъ, «спать съ закрытыми глазами») для наблюденія, чтобы никто изъ постороннихъ въ мѣсто, гдѣ веселятся русскіе джентльмены, не входилъ...

По счастію, русскіе на такихъ фестиваляхъ только веселятся, выражая радость свою криками «ура» и пѣніемъ весьма распространенной здѣсь пѣсенки: «Я хочу вамъ разсказать», но что бы было,—нерѣдко приходило мнѣ на мысль,— если бы, вмѣсто того, чтобы пѣть вышеназванную пѣсню, русскіе стали бы собираться для обсужденія коварства политики ненавистнаго имъ Дизи, при чемъ, въ качествѣ часовыхъ, стояли бы тѣ самые джентльмены, на обязанности которыхъ лежитъ охраненіе репутаціи нашего Дизи, какъ министра дружественной державы. Какую бы физіономію состроили тогда названные джентльмены, ты не можешь себѣ, Дженни, представить, не видавши никогда ихъ, но я очень живо представляю себѣ!

Повторяю, по счастію, ничего подобнаго случиться не можетъ, а потому-то при такихъ развлеченіяхъ не только никогда не нарушается порядокъ и общественная тишина, а, напротивъ, по свидѣтельству опытныхъ лицъ, порядокъ упрочивается, такъ какъ проявленіе веселія, свидѣтельствуя о довольствѣ, дѣйствуетъ благотворно на общество...

Вѣроятно, именно въ виду такого воздѣйствія, русскіе джентльмены такъ часто пропагандируютъ веселіе и устраиваютъ ночные фестивали (жены на слѣдующее утро дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ разсказамъ объ интересной партіи въ винтъ), при чемъ допускаютъ любоваться и зрителей. Благотворная цѣль очевидна. Какъ Гарунъ-аль-Рашидъ любилъ

инкогнито ходить по улицамъ ночной порой, такъ и русскіе, зная, что, при бдительности надзора, инкогнито нынче сохранить трудно, открыто ѣздятъ ночью по улицамъ и въ загородныхъ мѣстахъ такъ же открыто веселятся, поощряя примѣромъ къ тому же и другихъ.

Свобода увеселеній, не стѣсняемая ни временемъ ни мѣстомъ, разумѣется, очень цѣнится русскими джентльменами, которые, повидимому, готовы были бы скорѣе оставить молодое болгарское княжество безъ конституціи, чѣмъ поступиться правомъ во всякую минуту, когда снизойдетъ вдохновеніе, ѣхать въ «Ташкентъ» или «Ливадію» и предаваться тамъ наслажденіямъ радости отъ чистаго сердца...

Вѣроятно, отъ этого-то многіе русскіе не любятъ Европы и находятъ, что она гніетъ.

— Нечего сказать, милордъ, хороша въ Европѣ хваленая свобода, когда въ первомъ часу я не могу нигдѣ ни поужинать ни выпить! И вы еще хвастаетесь свободою личности!

Такъ говорили мнѣ не очень давно русскіе джентльмены, съ которыми я предпринялъ однажды увеселительную поѣздку за городъ на троечныхъ саняхъ въ пятомъ часу утра. Я принужденъ былъ сознаться, что въ этомъ отношеніи Россія значительно опередила Европу.

— Еще бы! И, главное, свобода-то личности у насъ, какъ вы видите, ничѣмъ не стѣснена. Хочу ночь спать—сплю. Не хочу — могу ѣхать и веселиться. Хочу на слѣдующій день идти на службу—иду. Не хочу — не хожу. И за это никто меня не смѣетъ посадить въ сумасшедшій домъ. Это ли еще не свобода личности? Какого еще, съ позволенія сказать, дьявола нужно?

Джентльмены выражались нѣсколько сильнѣй, Дженни, но я смягчаю ихъ выраженія изъ уваженія къ твоему полу. Разъ навсегда знай, что въ дѣлѣ ругательствъ русскіе дозволяютъ себѣ самую широкую свободу выраженій. Этою свободой одинаково пользуются всѣ сословія, и случается иногда, что даже ученые люди и литераторы въ виртуозности по этой части значительно превосходятъ извозчиковъ и матросовъ.

Игривость, обнаруживаемая русскими, какъ ты видѣла, Дженни, во время отдыха, не оставляетъ ихъ и въ общественныхъ дѣлахъ, и примѣры этому ты могла бы видѣть здѣсь на каждомъ шагу. Достаточно было бы тебѣ сходить хоть одинъ разъ на засѣданіе Славянскаго благотворительнаго общества, если бы тебя пустили туда по знакомству (безъ знакомства туда не пускаютъ, и въ дни засѣданій репортеры бродятъ около зданія, гдѣ собираются члены Славянскаго общества), чтобы убѣдиться, что и въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ, особенно при представленіи денежныхъ отчетовъ, русскіе обнаруживаютъ замѣчательно игривыя наклонности. Такъ, недавно еще комитетъ названнаго общества въ полномъ своемъ составѣ, имѣя во главѣ заслуженнаго профессора исторіи, вмѣсто представленія отчетовъ и объясненій на

запросы ревизіонной комиссіи, вдругъ сталъ пѣть славянскую пѣсенку: «Сава, Драва и Морава» *) (а одинъ членъ въ то же время цитировалъ тексты изъ священнаго писанія), чѣмъ возбудилъ рукоплесканія большинства и серьезныя угрозы противъ тѣхъ немногихъ недовольныхъ, которые находили, что, прежде чѣмъ пѣть «Саву, Драву и Мораву», надо было бы дать объясненіе на замѣчанія ревизіонной комиссіи. Но на такое требованіе отвѣтомъ былъ хохотъ и веселое контрольное представленіе нѣкоего мистера Бриліанта, одного изъ самыхъ завзятыхъ славянофиловъ, въ чемъ ты можешь убѣдиться уже по одной фамиліи.

Я, вѣроятно, еще вернусь къ этому удивительному обществу, въ которомъ такъ игриво относятся къ самымъ элементарнымъ правиламъ коллегіальныхъ учрежденій и такъ яростно нападаютъ на всякаго, кто проситъ разъясненій, а пока сообщу тебѣ, Дженни, что и въ другихъ учрежденіяхъ игривость составляетъ характерное явленіе.

Еще на-дняхъ газеты разсказывали о кукишѣ, которымъ угостилъ недавно въ Черниговѣ нѣкто мистеръ Сорокинъ во время выборовъ въ гласные городской думы. По словамъ корреспондента газеты «Русская Правда», «сначала дѣло шло довольно мирно; но какъ только очередь дошла до баллотировки трехъ гласныхъ, почему-то не нравящихся нѣкоторымъ изъ избирателей, то оказалось, что недостаетъ одного шара, очевидно, кѣмъ-то умышленно не положеннаго. Тогда нѣкоторые изъ избирателей взяли на себя роль соглядатаевъ и стали слѣдить за тѣмъ, какъ кто кладетъ шаръ и не удерживаетъ ли кто-нибудь шара въ рукавѣ сюртука или инымъ какимъ-либо способомъ. Старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ; похитителя поймали на мѣстѣ преступленія; имъ оказался мѣстный купецъ Сорокинъ. Объ этомъ происшествіи занесено было въ протоколъ; для предупрежденія же подобныхъ случаевъ на будущее время, товарищъ городского головы принялъ на себя тяжелую обязанность наблюдать за правильностью баллотировки и съ этою цѣлью сталъ у самаго избирательного ящика. По эта мѣра вызвала со стороны того же Сорокина выходку, невозможную не только въ общественномъ собраніи, но даже и въ сколько-нибудь уважающемъ себя кружкѣ частныхъ лицъ. Когда дошла очередь до этого избирателя, то онъ, принявъ шаръ и положивъ его въ ящикъ, тутъ же повернулся къ товарищу городского головы и всенародно показалъ ему кукишъ...»

---

*) Почтенный знатный иностранецъ, сообщая въ существѣ вѣрное свѣдѣніе относительно игриваго настроенія Славянскаго благотворительнаго общества и игриваго отношенія къ ревизіонной комиссіи, тѣмъ не менѣе ошибается, сообщая, что комитетъ пѣлъ «Саву, Драву и Мораву». Что онъ велъ себя неприлично, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, но что онъ пѣсенъ не пѣлъ, это тоже вѣрно.

Прим. переводчика.

Корреспондентъ не сообщаетъ, развеселилъ ли этотъ кукишъ почтенное собраніе городскихъ представителей. Если судить по той веселости, которую обнаруживаетъ здѣшняя городская дума во всѣхъ вопросахъ, которые касаются денежныхъ выдачъ вообще и выдачъ генералу Струве (строителю моста) въ особенности, надо полагать, что достопочтенные черниговцы весело встрѣтили шутку своего товарища...

Изъ вышесказаннаго, надѣюсь, ты убѣдилась, насколько правы русскіе, когда совершенно справедливо гордятся свободою личности въ своемъ отечествѣ. Но мало того, что личность человѣка здѣсь неприкосновенна, даже собачья личность, если можно такъ выразиться, гарантирована несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Собаки, особенно собаки, принадлежащія къ культурному собачьему классу, здѣсь считаются такъ же, какъ и въ Египтѣ, священными животными, и горе тому несчастному, который осмѣлится покуситься на собачью свободу. Изъ многочисленныхъ примѣровъ строгихъ наказаній за нарушеніе таковой свободы, разсѣянныхъ по русскимъ газетамъ, приведу тебѣ, со словъ «Русскихъ Вѣдомостей», недавній случай, имѣвшій мѣсто въ маленькомъ городкѣ Рузѣ. По словамъ названной газеты, «одинъ изъ гончихъ псовъ, принадлежащихъ мировому судьѣ Васильеву, похитилъ у бѣднаго крестьянина сельца Щербинокъ четырехъ куръ и одного пѣтуха. Владѣлецъ куръ (какъ видно, Дженни, совсѣмъ жестокосердый джентльменъ) вздумалъ наказать хищнаго пса и нанесъ ему сильный ударъ палкою, отчего песъ заболѣлъ. Хозяинъ пса (мировой судья и слѣдовательно джентльменъ, знающій, Дженни, законы возмездія) подалъ жалобу на мужика мировому судьѣ 1-го участка города Рузы. Разсмотрѣвъ это дѣло, судья приговорилъ виновнаго къ денежному взысканію въ тридцать рублей и къ аресту на три недѣли».

Наказаніе, какъ видишь, самое слабое, особенно если принять въ соображеніе, что песъ былъ гончій песъ. Русскому поселянину тридцать рублей заплатить ничего не стоитъ (такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ полагать, судя по статьямъ здѣшнихъ экономистовъ), а просидѣть три недѣли на казенномъ содержаніи — это, пожалуй, даже нельзя считать и за наказаніе.

Такъ, Дженни, гарантирована здѣсь «собачья личность». Однако письмо вышло очень длинное, а о процессахъ я еще ничего тебѣ не написалъ.

Письмо двадцать восьмое.

Дорогая Дженни!

Дѣло, которое недавно разбиралось въ одесскомъ окружномъ судѣ, происходило лѣтомъ нынѣшняго года, и въ свое время телеграммы сообщали о немъ подъ названіемъ «безпорядковъ» среди рабочихъ на

бойнѣ. Но судебный отчетъ, напечатанный теперь въ газетахъ, показываетъ, Дженни, какъ ошибочно составляются телеграммы. Къ суду были привлечены: хозяинъ бойни, нѣкто Веллеръ, и восемь человѣкъ его работниковъ, но на судѣ прокуроръ отказался вовсе отъ обвиненія пятерыхъ лицъ, привлеченныхъ къ суду, а остальныхъ четырехъ обвинялъ не по той статьѣ закона, по которой собирался обвинять, такъ какъ судебное слѣдствіе раскрыло совсѣмъ не то, о чемъ говорило предварительное... Судъ, Дженни, оправдалъ всѣхъ четверыхъ подсудимыхъ...

Изъ судебнаго отчета видно, что дѣло происходило такимъ образомъ: Однажды утромъ конный стражникъ мистеръ Безгинъ проѣзжалъ мимо таверны по дорогѣ къ бойнѣ и увидалъ, что два русскихъ мужика дерутся. Одинъ изъ нихъ показался почтенному стражнику подозрительнымъ, а три штуки скота, которыя сопровождалъ «подозрительный джентльменъ», больными. Со свойственною русскому человѣку сообразительностью, мистеръ Безгинъ привелъ подозрительнаго человѣка на бойню и сталъ спрашивать тамъ, что это за человѣкъ и не нужно ли его схватить за шиворотъ и «спрятать». На это добродушные русскіе отвѣчали, что «подозрительный джентльменъ» служитъ работникомъ у такого-то, которому и принадлежитъ скотъ. Но мистеръ Безгинъ не повѣрилъ этому и, желая, вѣроятно, изъ чувства гуманности, спасти скотъ отъ грозящей ему на бойнѣ смерти, рѣшилъ прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ и арестовать скотъ. Но рабочіе скота не давали. Тогда мистеръ Безгинъ уѣхалъ за подкрѣпленіемъ въ ближайшую таверну, привезъ товарища, тоже коннаго стражника, и оба джентльмена снова заявили желаніе арестовать скотъ, считая его подозрительнымъ скотомъ. Когда скота имъ не давали, то, по показанію хозяина, мистера Веллера (перевожу слова судебнаго отчета), онъ увидалъ, что «два стражника, очевидно пьяные, били рабочихъ: одинъ обнаженною шашкою, другой нагайкой». Онъ приказалъ связать пьяныхъ джентльменовъ и отправить въ полицію.

По словамъ всѣхъ свидѣтелей, джентльмены были пьяны, «какъ горькая рѣдька», и били «по чему попало», а одинъ изъ свидѣтелей разсказалъ на судѣ слѣдующій характерный эпизодъ, показывающій, что русскіе дорожатъ болѣе скотомъ, чѣмъ человѣкомъ. «Я говорю Семенкѣ (Безгину):—«Ты лучше возьми человѣка, а скотъ оставь», а онъ кричитъ:—«Иди, а то голову сниму». Я говорю:—«Если такая твоя воля—на, сними». Мы Семенку все урезониваемъ, а онъ все:—«Давайте Карла!» кричитъ, и такъ до вечера все: «Карла да Карла». Когда названныхъ джентльменовъ, требовавшихъ въ пьяномъ видѣ какого-то Карла (быть-можетъ, даже Карла XII, когда-то надѣлавшаго Россіи немало бѣдъ), связали, то, по заявленію околоточнаго надзирателя, потребована была военная команда, но оказалось, что на бойнѣ все было тихо и спокойно. По показанію русскаго офицера, штабсъ-капи-

тана Иваницкаго, бывшаго въ то время полицеймейстеромъ по лагерю, «прибывъ на салганъ, онъ увидалъ, что команда выстроилась въ цѣпи и во дворѣ стояло нѣсколько арестованныхъ. Бывшій при командѣ офицеръ донесъ свидѣтелю, что онъ засталъ *все спокойно и въ порядкѣ* и арестовалъ тѣхъ, кого указала полиція, безъ малѣйшаго сопротивленія. На вопросъ, нужна ли была въ дѣйствительности эта команда, офицеръ отвѣтилъ, что онъ не видѣлъ въ этомъ надобности и удивляется, зачѣмъ пригласили команду».

По словамъ штабсъ-капитана Иваницкаго, «оба стражника были пьяны, а одного изъ нихъ свидѣтель часто встрѣчалъ совершенно пьянымъ». Свидѣтель такъ былъ возмущенъ поведеніемъ полиціи, что на обратномъ пути даже замѣтилъ жандарму: «Я прежде всего избилъ бы этихъ стражниковъ, потому что они пьяны и, вѣроятно, сами же подали поводъ къ тому, что затѣялась драка». Затѣмъ г. Иваницкій прибавилъ, что «одинъ изъ стражниковъ былъ настолько пьянъ, что едва держался на сѣдлѣ, и такъ фигурировалъ, что трезвый человѣкъ, если бы и пожелалъ, не могъ бы нарочно выдѣлывать такія фигуры».

Всѣхъ подсудимыхъ, Дженни, оправдали, и такимъ образомъ оба пьяные джентльмена получили достойное возмездіе. Они не насладились плодами своего усердія, возбужденнаго близостью таверны, и одинъ изъ названныхъ джентльменовъ даже уволенъ отъ службы, какъ свидѣтельствуетъ прочитанный на судѣ приказъ, «за нанесеніе оскорбленія въ пьяномъ видѣ ломовому извозчику и по неблагонадежности».

Впрочемъ, едва ли они стоили возмездія. Судя по отчету, этотъ мистеръ Семенка, который требовалъ до вечера все Карла да Карла, вѣроятно, самый добродушный и милый русскій человѣкъ, и если онъ увлекся, то, надо думать, не столько въ погонѣ за «подозрительнымъ» джентльменомъ и за подозрительнымъ скотомъ, какъ въ погонѣ за рублемъ или двумя для выпивки. По крайней мѣрѣ таково было показаніе многихъ свидѣтелей, желавшихъ отыскать ключъ къ разгадкѣ этого происшествія.

Гораздо серьезнѣе былъ другой процессъ, разбиравшійся военно-полевымъ судомъ въ городѣ Сигнахѣ.

Разскажу тебѣ со словъ судебнаго отчета вкратцѣ сущность дѣла. Лѣтомъ нынѣшняго года въ Сигнахскомъ уѣздѣ долженъ былъ производиться наборъ милиціи по новымъ правиламъ, но жители не хотѣли подчиниться правиламъ, собрались огромной толпой, двинулись къ дому мѣстнаго помѣщика, князя Вачнадзе, и требовали призывныхъ списковъ. Несмотря на увѣщанія, они избили исправника, нанесли оскорбленіе князю Орбеліани, побили по ошибкѣ товарища прокурора, принявъ его, спрятавшагося подъ диванъ, за другое лицо, и бушевали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, какъ расходившаяся буря.

Въ обвинительномъ актѣ приводится слѣдующее показаніе помощника мирового судьи Хосроева, пытавшагося образумить волнующуюся толпу. По словамъ г. Хосроева, онъ почти отъ всѣхъ слышалъ слѣдующее:

«Въ продолженіе 15 лѣтъ мы не видали такого урожая, какъ въ настоящемъ году. Мы, т. е. бѣдные, не въ состояніи были дать взятокъ сельскимъ должностнымъ лицамъ, и у насъ отняли арбы, быковъ и буйволовъ, а теперь еще требуютъ, чтобы мы отправились въ походъ; богатыхъ же, давшихъ взятки, освободили какъ отъ выставки подводъ, такъ и отъ воинской повинности, и они не внесены въ списки. Развѣ это справедливо?»

Когда Хосроевъ говорилъ, что за безпорядки они будутъ строго отвѣчать, то, по словамъ обвинительнаго акта, Хосроеву отвѣтили такъ:

«Мы готовы отвѣчать за это, чтобы мы только не видали, какъ пропадутъ наши труды; на нихъ мы разсчитывали и надѣялись освободиться отъ долговъ».

Къ 2 часамъ буря стихла... Сигнахцы разошлись... Пятнадцатаго ноября открылось засѣданіе военно-полевого суда по этому дѣлу. Привожу тебѣ телеграмму изъ Сигнаха въ газету «Обзоръ» объ окончаніи этого дѣла. Вотъ она:

«Полевой военный судъ произнесъ сегодня (18-го ноября) приговоръ по дѣлу о сигнахскихъ безпорядкахъ. Виновными признаны изъ 20 подсудимыхъ: *девять мужчинъ и двѣ женщины*, съ допущеніемъ обстоятельствъ, смягчающихъ ихъ вину и наказаніе. Они приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ, съ ходатайствомъ передъ его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ о замѣнѣ этого наказанія ссылкою въ отдаленныя мѣста Сибири».

Оставляю, Дженни, письмо, такъ какъ опять ѣду на одинъ изъ юбилейныхъ обѣдовъ. Здѣсь, что ни день, то юбилейные обѣды. И если бы я умѣлъ такъ хорошо говорить рѣчи, какъ мистеръ Богдановичъ, то я могъ бы никогда не заказывать дома обѣда.

Письмо двадцать девятое.

Дорогая Дженни!

Впереди здѣсь предстоитъ еще множество процессовъ, и, право, нельзя успѣвать слѣдить за ними.

Но довольно о процессахъ. Скажу нѣсколько словъ о себѣ. Я, Дженни, катаюсь попрежнему какъ сыръ въ маслѣ и скоро сколочу порядочное состояніе, послѣ чего, разумѣется, вернусь въ твои объятія. Меня, какъ знатнаго иностранца, принимаютъ вездѣ съ распростертыми объятіями, несмотря даже на то, что я англичанинъ, и я едва успѣваю ѣсть на завтракахъ, обѣдахъ и балахъ...

Скоро предстоитъ балъ, который намѣрены дать дворяне здѣшней

губерніи... Вѣроятно, онъ будетъ великолѣпенъ, тѣмъ болѣе, что на него ассигновано до 20.000. Но такъ какъ денегъ въ кассѣ нѣтъ въ наличности (сама знаешь, какія времена), то петербургскіе лорды постановили: «разрѣшить собранію предводителей дворянства и депутатовъ кредитъ въ 20.000 изъ имѣющихъ поступить недоимокъ до 40.000 р., примѣняя болѣе энергическія мѣры къ побужденію неисправныхъ недоимщиковъ по взносу недоимокъ».

Нечего и говорить, что такое энергическое рѣшеніе какъ бы заранѣе говоритъ о великолѣпіи бала, и я постараюсь тебѣ описать его во всѣхъ подробностяхъ.

У васъ, моя дорогая, уже праздники, а мы здѣсь еще ихъ ждемъ... Я приглашенъ на многія елки... Но въ этомъ году чиновники смущены. Обыкновенно для нихъ устраивается общественная елка, на которой развѣшаны подарки въ видѣ разныхъ «остатковъ» отъ смѣтныхъ суммъ, при чемъ эти суммы распредѣляются пропорціонально получаемому содержанію (кто болѣе получаетъ, тотъ и на елку получаетъ лучшіе подарки), но недавно пронесся слухъ, что, въ виду изысканія финансовыхъ мѣръ, общественныя елки будто бы будутъ отмѣнены... Не знаю, подтвердился ли этотъ слухъ, но на улицахъ я встрѣчаю такое множество пасмурныхъ лицъ, что сердце мое сжимается печалью...

Развлеченіемъ, и даже немалымъ, служатъ мнѣ здѣсь и объявленія русскихъ газетъ о томъ, какими онѣ будутъ въ 1879 году...

Особенно интересное объявленіе сочинилъ полковникъ В. Комаровъ. Онъ объявилъ (цитирую слова его буквально), что съ будущаго года въ его газетѣ примутъ участіе не только обыкновенные русскіе литераторы, но и «многія лица, занимающія извѣстное положеніе въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, военномъ, финансовъ, путей сообщенія, юстиціи, и административныя лица другихъ вѣдомствъ». Кромѣ того, редакція обѣщаетъ читателямъ и важныхъ сотрудниковъ въ Европѣ, такъ какъ, по увѣренію ея, «она поддерживаетъ сношенія со многими важнѣйшими лицами и учрежденіями Европы».

Я былъ просто пораженъ такимъ обиліемъ сотрудниковъ. При встрѣчѣ съ знакомымъ репортеромъ, я просилъ его, какъ сотрудника вышеупомянутой газеты, назвать мнѣ лицъ по фамиліи.

Со свойственной ему живостью, онъ, Дженни, отвѣчалъ:

— О, милордъ, всѣ, всѣ выдающіяся особы... всѣ обѣщали моему патрону содѣйствіе. И я по секрету вамъ сообщу, что иностранный отдѣлъ будетъ вести у насъ князь Горчаковъ, военный—генералъ Скобелевъ, фельетоны писать будутъ поочередно министры народнаго просвѣщенія и путей сообщенія... Что же касается до корреспондентовъ въ Европѣ, то знаете ли, кто будетъ у насъ?

И, не дожидаясь отвѣта, репортеръ продолжалъ скороговоркою:

— Во Франціи—Тьеръ, т. е., виноватъ, Гамбетта, въ Австріи—графъ

Андраши, въ Англіи—Гладстонъ. Биконсфильдъ предлагалъ свои услуги по пяти копеекъ за строчку, но мы отказали, такъ какъ его направленіе, сами знаете... Въ Италіи—Депретисъ, въ Швеціи—самъ его величество, король Швеціи и Норвегіи, въ Турціи—Мухтаръ-паша... Словомъ, всѣ лица—первый сортъ... А знаете ли, кто у насъ будетъ секретаремъ редакціи?

— Нѣтъ, не знаю...

— Ширъ-Али, эмиръ афганскій. Ужъ мы ему телеграфировали и получили его согласіе... Все равно, ему теперь нечего дѣлать въ Кабулѣ, такъ мой патронъ и говоритъ: пусть лучше у насъ въ редакціи занимается...

Репортеръ хотѣлъ-было продолжать, но вдругъ, быстро пожавъ мнѣ руку, стремглавъ полетѣлъ далѣе. Оказалось, что на улицѣ кого-то переѣхала карета, и онъ побѣжалъ узнать, въ чемъ дѣло.

До свиданія, дорогая моя. Поздравляю съ праздникомъ. Если обстоятельства позволятъ, буду сообщать свои похожденія и въ слѣдующемъ году...

Письмо тридцатое.

Дорогая Дженни!

Въ характерѣ русской націи есть необыкновенно трогательная черта, поражающая въ равной степени какъ знатнаго иностранца, такъ и любого англійскаго сапожника или кучера.

Ни передъ какими обстоятельствами, какъ бы они, казалось, ни были затруднительны, русскіе не только не падаютъ духомъ (подбадривая себя распространенной въ Россіи пѣсней: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!»), но даже и не придаютъ имъ того значенія, какое придалъ бы скоро унывающій европеецъ, и съ какою-то восхитительной дѣтской вѣрою изъ года въ годъ, изо дня въ день надѣются на покровительство Провидѣнія, предоставляя главнѣйшимъ образомъ ему заботы о всѣхъ своихъ нуждахъ, начиная съ самыхъ простыхъ и кончая сложнѣйшими.

По сильно распространенному въ этой странѣ мнѣнію, подкрѣпленному историческими разъясненіями ученыхъ людей, толкованіями неученыхъ, но богатыхъ опытностью административныхъ агентовъ, различными сказаніями и нѣкоторыми самыми откровенными газетами, эта большая и обильная страна находится подъ особеннымъ и исключительнымъ покровительствомъ славянскаго Генія. Отвратившись отъ Запада за его беззаконія, названный Геній окончательно поселился въ Россіи и спеціально посвятилъ себя заботамъ объ этой странѣ, чтобы облегчить бремя чиновникамъ, въ значительномъ количествѣ населяющимъ имперію. Русскіе почему-то охотно вѣрятъ этому исключительному покровительству и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ссылаются на своего Генія, надѣясь, что онъ все

поправитъ и не позволитъ лорду Биконсфильду безнаказанно окончить войну съ Афганистаномъ.

Одинъ изъ почтенныхъ собирателей русскихъ сказокъ передалъ мнѣ недавно слѣдующую легенду, подтверждающую это воззрѣніе русскихъ на особое покровительство Генія.

Однажды, во времена, разумѣется, доисторическія, шелъ нѣкій подьячій въ приказъ съ большою горечью въ сердцѣ, предвкушая тоску просидѣть четыре часа въ занятіяхъ, которыя въ тѣ времена назывались «толченіемъ воды въ ступѣ». Уже онъ былъ невдалекѣ отъ казеннаго большого зданія, какъ вдругъ на поворотѣ передъ нимъ предсталъ Геній, взялъ его за шиворотъ и ласково промолвилъ:

— Подьячій! Не утруждай себя напрасно! Вернись домой!

При видѣ Генія, почтеннаго джентльмена, одѣтаго, надо замѣтить тебѣ, Дженни, по словамъ почтеннаго собирателя русскихъ сказаній, въ форму, довольно схожую съ формой ярыжекъ или полисменовъ тогдашняго времени, подьячій гордо поднялъ голову, не думая однако оказывать никакого сопротивленія, такъ какъ онъ въ законахъ былъ свѣдущъ, и сказалъ:

— Я не смердъ какой-нибудь, а добрый подьячій!

— Вижу, а потому и говорю: вернись домой, либо зайди въ трактиръ... Къ чему тебѣ толочь воду? Все равно, всю не истолчешь!

Услыхавъ такую умную рѣчь и не видя со стороны Генія никакого намѣренія вести его въ кутузку, подьячій, помнившій, какъ тогда говорили, «страхъ Божій», т. е. боявшійся своего начальника больше Господа Бога, отвѣтилъ:

— Я бы съ радостью не пошелъ, но что скажетъ начальство?

— Ничего не скажетъ, такъ какъ и ему не зачѣмъ ходить... Сегодня за всѣхъ васъ я буду работать... Надѣюсь, что отъ этого ваши дѣла не пострадаютъ... Я самъ подьячій опытный!

Съ этими словами Геній исчезъ изъ глазъ очарованнаго подьячаго. Постоявъ съ минуту съ разинутымъ ртомъ, подьячій поправилъ свой галстукъ и, весело напѣвая дозволенную пѣсню, отправился-было домой, но, вспомнивъ по дорогѣ, что супруга его—женщина сварливаго характера, завернулъ въ трактиръ, гдѣ и провелъ пріятно время въ сообществѣ добрыхъ товарищей.

Несмотря на то, что въ тотъ самый день въ приказѣ, кромѣ сторожей, не было ни души, въ немъ, по словамъ сказанія, кипѣла точно такая же всепожирающая дѣятельность, какъ въ тѣ дни, когда изъ другого приказа получалась «пахлобучка» (такъ называютъ здѣсь, Дженни, всѣ бумаги, которыя оканчиваются словами: «учинить розыскъ и донести!»). Четыре тысячи входящихъ бумагъ были помѣчены и удостоены резолюціями, восемь тысячъ исходящихъ нумеровъ были написаны, подписаны и отправлены во всѣ концы Россіи; все, о чемъ надо было разслѣдовать, было разслѣдовано въ тотъ же день и въ тотъ

же день доносено, куда слѣдуетъ, и куда слѣдуетъ предписано; два подьячихъ были уволены отъ службы для сокращенія штата, пять опредѣлены для усиленія средствъ, одинъ былъ исключенъ за неблагонадежность, два вновь назначены, какъ подающіе надежды, три переведены въ другое вѣдомство за ветхостью лѣтъ, а пять были прикомандированы въ уваженіе престарѣлыхъ лѣтъ и прежнихъ заслугъ; равнымъ образомъ не забыты были и представленія къ наградамъ и пособіямъ; затѣмъ въ одинъ день было изготовлено тридцать четыре проекта, изъ коихъ особенно выдавались проекты о замѣнѣ подушной подати душевымъ налогомъ, о новомъ «потрубномъ» налогѣ (съ каждой трубы на хижинахъ земледѣльцевъ), для поднятія экономическаго положенія страны и сохраненія въ странѣ лѣсовъ, о замѣнѣ кредитныхъ билетовъ бумажками изъ картонной бумаги, для поднятія валюты, и наконецъ объ учрежденіи приказа проторей и убытковъ, съ приличнымъ содержаніемъ, который бы наблюдалъ количество проторей и убытковъ и составлялъ бы по этому предмету свои соображенія къ каждому Новому году. На обязанности этого приказа возлагалось зорко смотрѣть за всѣми проторями, происходящими въ Московіи, за исключеніемъ проторей, такъ сказать, «спеціальныхъ» (перечислены были въ двадцати пунктахъ всѣ виды «спеціальныхъ проторей»), наблюденіе за которыми предоставлялось самимъ спеціалистамъ. Однимъ словомъ, въ одинъ день было сдѣлано много дѣла, и притомъ сдѣлано было такъ хорошо, что сторожа и тѣ находили, что наконецъ наступитъ новая эра и имъ будетъ прибавленъ харчъ «невпримѣръ прочимъ» *).

Когда, на слѣдующій день, подьячіе пришли въ приказъ и увидали, что было сдѣлано въ одинъ день, то отъ изумленія долго не могли придти въ себя и трогали другъ друга за носы, желая удостовѣриться, во снѣ они или наяву. Первымъ дѣломъ они бросились, разумѣется, къ входящимъ бумагамъ и стали разсматривать резолюціи. Резолюціи всѣ оказались, какъ и слѣдуетъ быть резолюціямъ, немногословны и внушительны; на однѣхъ бумагахъ было помѣчено: «изслѣдовать», на другихъ: «разсмотрѣть», на третьихъ: «доложить», на четвертыхъ: «напомнить», на пятыхъ: «наблюсти», на шестыхъ: «исполнить», на седьмыхъ: «принять мѣры». Затѣмъ просмотрѣли проекты, назначенія, и тутъ же сообразили, что тутъ не кто, какъ Геній-хранитель. Немедленно кто-то изъ почтительныхъ и благородныхъ подьячихъ предложилъ устроить въ честь Генія-хранителя обѣдъ по подпискѣ и пригласить, разумѣется, восводу Богдановича (вѣроятно, родственника

*) Едва ли нужно прибавлять, что сказаніе, приводимое знатнымъ иностранцемъ, не болѣе, какъ курьезная мистификація какого-либо quasi-русскаго ученаго, нашедшаго терпѣливаго слушателя въ почтенномъ путешественникѣ.

Прим. переводчика.

знаменитаго современнаго оратора) для произнесенія рѣчи, по такъ какъ добродѣтельнаго Генія не могли разыскать (онъ въ то время уѣхалъ куда-то), то устроили обѣдъ начальнику, и многіе напились такъ пьяны, что лѣзли цѣловаться съ виновникомъ торжества.

Съ тѣхъ самыхъ поръ русскіе, по словамъ сказанія, никогда не предавались малодушію; напротивъ, они всегда разсчитывали, что, въ случаѣ затрудненій, ихъ выручитъ славянскій Геній, а подьячіе весело говорили, что граждане могутъ спокойно спать, такъ какъ, вмѣстѣ съ просвѣщеннымъ надзоромъ начальства, самъ Геній паритъ надъ страной и никогда не оставляетъ ее своимъ покровительствомъ. И, окончательно убѣдившись, что въ странѣ ихъ царитъ такое благополучіе, какого нѣтъ нигдѣ въ другихъ странахъ, русскіе никогда не предавались унынію и всегда надѣялись, что славянскій Геній не оставитъ ихъ. Съ этою мыслью, проникшею во всѣ классы общества и прекрасно развитою во всѣхъ учебникахъ, они такъ освоились, что въ скоромъ времени городскіе головы перестали даже сами утирать себѣ носы, а терпѣливо дожидались, пока эту операцію совершитъ кто-либо изъ подьячихъ, при чемъ никогда не жаловались, если приходилось иногда дожидаться очень долго, такъ какъ понимали, что на все есть свое время *).

Когда почтенный разсказчикъ окончилъ, то глубокомысленно потеръ свой лобъ и, взглянувъ на меня открытымъ взоромъ, замѣтилъ:

— У насъ, милордъ, такихъ легендъ великое множество. Есть, напримѣръ, легенда о добродѣтельномъ селянинѣ, не ѣвшемъ и не пившемъ три мѣсяца и за это награжденномъ по заслугамъ. Есть сказаніе о малодушномъ земскомъ человѣкѣ, обращенномъ за нетерпѣніе въ верстовой столбъ, который и понынѣ стоитъ въ Черниговской губерніи, какъ доказательство гнѣва Божія. Есть сказаніе о расточительномъ дворянинѣ, пропившемъ двѣнадцать помѣстій и все-таки не терявшемъ надежды пропить тринадцатое; объ аккуратномъ купцѣ, никогда не забывавшемъ страха Божія и за то достигшемъ богатства; о безпаспортномъ мѣщанинѣ Ильѣ Муромцѣ **), который 50 лѣтъ скитался за паспортомъ изъ города въ городъ и все-таки не терялъ надежды пріобрѣсти его, за что и былъ награжденъ паспортомъ, отысканнымъ имъ наконецъ въ Якутской области, на пятьдесятъ второмъ году своихъ поисковъ. Всѣ эти сказанія несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что никогда не слѣдуетъ падать духомъ и что необходимо надѣяться при всякихъ испытаніяхъ, посылаемыхъ иногда Провидѣніемъ. Вотъ, милордъ, основная черта на-

*) Какъ видно, почтенный знатный иностранецъ очень плохо знакомъ съ Городскимъ Положеніемъ.

Прим. переводчика.

**) Извѣстный русскій богатырь названъ знатнымъ иностранцемъ безпаспортнымъ мѣщаниномъ.

Прим. переводчика.

шей общественной жизни. Едва ли что-нибудь подобное встрѣтите вы на Западѣ. Тамъ люди малодушно забыли Провидѣніе, и нужна желѣзная воля Бисмарка, чтобы напомнить имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. И за то, посмотрите, милордъ, на что только не способенъ русскій человѣкъ? Русскій человѣкъ, особенно простой русскій человѣкъ, обладаетъ такимъ подъемомъ духа, который приводитъ въ умиленіе даже прусскихъ государственныхъ людей... Онъ все выдержитъ, не моргнувъ бровью,—все, что̀ угодно. И всѣхъ онъ почитаетъ, и всѣхъ онъ любитъ. Сельскій кулакъ, наивно пользующійся практическими правилами экономической науки, высокообразованный фабрикантъ, основательно знакомый съ капиталистическимъ производствомъ, сельскій писарь и волостной старшина — всѣ съ большимъ уваженіемъ отзываются о немъ и всегда разсчитываютъ на его «подъемъ духа»... И если иногда ему приходится не то что тяжело (этого у насъ не бываетъ!), а не совсѣмъ легко, думаете ли вы, что онъ упадетъ духомъ?

Разсказчикъ остановился, посмотрѣлъ на меня и, замѣтивъ, вѣроятно, нѣкоторое изумленіе въ моихъ глазахъ, воскликнулъ съ паѳосомъ:

— Никогда! Онъ все терпѣливо вынесетъ и все-таки умретъ съ надеждою, что Богъ не оставитъ его на томъ свѣтѣ! Въ этомъ удивительномъ подъемѣ духа, милордъ, наша сила и объясненіе той простоты въ отношеніяхъ, которая такъ поражаетъ чужеземца. Не будь этого подъема, развѣ могли бы мы вести такъ побѣдоносно войны, могли бы считаться избраннымъ народомъ и глядѣть впередъ безъ страха и боязни, несмотря даже на «стремительную постепенность» паденія курса?

— Едва ли могли бы!—отвѣчалъ я.

— То-то, милордъ. И вы скажите объ этомъ государственнымъ людямъ вашимъ. Пусть они зарубятъ себѣ на носу, что если русскому человѣку М. Н. Катковъ или князь Мещерскій скажутъ: русскій человѣкъ, бросайся въ воду!—то онъ немедленно броситься, вполнѣ увѣренный, что изъ воды его вытащитъ кто-нибудь изъ сподручниковъ названныхъ лицъ и отведетъ въ участокъ для того, чтобы согрѣть, напоить чаемъ и дать шкаликъ водки...

Разсказчикъ долго еще бесѣдовалъ на эту благодарную тему. Надо сказать однако, что, какъ кажется, онъ ужъ слишкомъ преувеличивалъ доблести своихъ соотечественниковъ; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, въ его словахъ было кое-что справедливое. Сколько я ни наблюдалъ самъ, а всегда замѣчалъ, что русскіе никогда не теряютъ надежды и въ Новый годъ высказываютъ ихъ самымъ трогательнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя газеты замѣтили, что въ прошломъ году были кое-какія несовершенства въ общественной жизни (много покражъ, немало пожаровъ, дракъ и разныхъ, какъ здѣсь говорятъ, недоразумѣній), и единодушно выразили надежду, что въ будущемъ всего этого будетъ поменьше.

Надо надѣяться, говорили онѣ, что въ будущемъ году финансовыя неурядицы будутъ устранены, экономическое благосостояніе упрочено, нравы смягчены, въ случаѣ войны съ Англіей (хотя мы вовсе и не желаемъ ея) войска и флота будетъ достаточно, интенданты будутъ скромнѣе, обязанности земства опредѣленнѣе, школъ больше, подати распредѣлены равномѣрнѣе, и т. п... Перечисливъ всѣ несовершенства, публицисты подъ конецъ опять повторили: «Будемъ надѣяться!» и съ этой сладкой надеждой встрѣтили Новый годъ...

Мнѣ передавали, что каждый годъ публицисты неизмѣнно повторяютъ это «будемъ надѣяться» и при этомъ надежды свои выражаютъ почти въ однихъ и тѣхъ же деликатныхъ выраженіяхъ, зная очень хорошо, что всякая неделикатность въ началѣ года весьма скверно можетъ повліять на подписку, такъ какъ малодушіе въ публицистахъ преслѣдуется, надо полагать, подписчиками такъ же строго, какъ и избытокъ духа.

Въ нынѣшнемъ году ко всѣмъ вышеприведеннымъ надеждамъ русскимъ публицистамъ пришлось прибавить новую, относительно болѣзни, вдругъ появившейся въ нѣсколькихъ селеніяхъ Астраханской губерніи и заставившей, если вѣрить газетамъ, нѣмцевъ перестать ѣсть астраханскую икру.

Ты, конечно, уже слышала изъ англійскихъ газетъ объ этой болѣзни, и, вѣрно, слухи у васъ, по обыкновенію, преувеличены, такъ какъ иностранцы, не знающіе близко этой страны, всегда охотно вѣрятъ всѣмъ небылицамъ, распускаемымъ про русскихъ, и судятъ о нихъ, какъ о какихъ-то туркахъ, не умѣющихъ будто бы справиться съ постигшимъ ихъ бѣдствіемъ.

Ради самого Бога не бойся, Дженни, за меня. Повѣрь, что если бы дѣйствительно грозила какая-либо непосредственная опасность, я узналъ бы о ней черезъ наше посольство раньше здѣшнихъ газетъ и немедленно бы задалъ тягу, но, повторяю тебѣ, никакой здѣсь опасности нѣтъ, и мѣры приняты. Первыя извѣстія о болѣзни появились въ концѣ прошлаго мѣсяца. Вначалѣ только извѣстно было, что появилась новая болѣзнь, которая мѣстными врачами называется то ветлянской болѣзнью, то заразной болѣзнью, то наконецъ скоротечнымъ тифомъ. Какъ она появилась и когда она именно появилась — объ этомъ неизвѣстно. Разсказываютъ, что въ началѣ появленія болѣзни врачи не знали, къ какому классу болѣзней отнести ее, и такъ какъ здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, поселяне умираютъ тихо и незамѣтно, вдали отъ центровъ и врачей, то объ этомъ никто особенно и не тревожился. Но когда распространилась паника и ветлянскіе жители стали уходить изъ селенія, были посланы мѣстные доктора, которые, какъ разсказываютъ газеты, наблюдали сперва за ходомъ болѣзни на приличномъ разстояніи и нерѣдко верстъ за сто до мѣстности, гдѣ распространена была болѣзнь, сами заболѣвали простудой и далѣе

ѣхать не могли... Затѣмъ, когда наконецъ стали подозрѣвать, что болѣзнь заразительна, были приняты соотвѣтствующія мѣры; изъ Петербурга былъ посланъ докторъ, и въ газетахъ появились официальныя телеграммы, въ которыхъ аккуратно сообщалось какъ о принятыхъ мѣрахъ, такъ и о ходѣ болѣзни...

Мѣстные доктора до сихъ поръ еще затрудняются точно опредѣлить эту болѣзнь, но недавно извѣстный профессоръ Боткинъ на засѣданіи общества врачей назвалъ эту ветлянскую болѣзнь чумой, и всѣ бывшіе на засѣданіи врачи тоже признали эту болѣзнь чумой, такъ что теперь, вѣроятно, и мѣстные врачи придутъ къ такому же заключенію.

Надо сказать правду, русскіе врачи, собравшіеся подъ предсѣдательствомъ профессора Боткина, смѣло заглянули въ глаза черной смерти и почти всѣ они констатировали безсиліе науки передъ грознымъ врагомъ. Когда я пробѣгалъ въ русскихъ газетахъ извлеченія изъ рефератовъ, прочитанныхъ русскими врачами, то страшно становилось за русскихъ, если бы, чего Боже храни, эта болѣзнь пронеслась по русскимъ городамъ и селамъ. Здѣсь, какъ я уже не разъ сообщалъ тебѣ, классъ земледѣльцевъ живетъ въ такой простой обстановкѣ, что, по словамъ официальнаго изданія «Военно-Статистическаго Сборника», «въ 1848 году смертность въ Россіи увеличилась на милліонъ (въ 1848 году умерло 2,840.354) и еще разъ обнаружила, что для Россіи не миновало то время, когда эпидеміи могутъ безпрепятственно губить цѣлыя массы народонаселенія, не знающаго, какъ противостоять имъ». Эта смертность явилась результатомъ бывшей въ 1848 г. холеры.

Въ настоящее время приняты весьма серьезныя мѣры для локализаціи болѣзни, и болѣзнь эта, судя по официальнымъ свѣдѣніямъ, стала гораздо тише, такъ какъ, независимо отъ принятыхъ мѣръ, и сильные морозы, по словамъ врачей, сильно ослабляютъ чуму. Русскіе положительно находятся подъ особымъ покровительствомъ Провидѣнія. Сколько разъ выручалъ ихъ морозъ и теперь снова пришелъ имъ на выручку.

До слѣдующаго письма, Дженни. Сейчасъ ѣду на раутъ къ прусскому посланнику. Вообще въ этотъ сезонъ въ Петербургѣ много удовольствій, и я, Дженни, въ качествѣ знатнаго иностранца, посѣщаю балы и рауты. Недавно въ Петербургъ пріѣхалъ китайскій посланникъ, съ которымъ я уже познакомился. Это весьма почтенный джентльменъ. Объ интересной бесѣдѣ съ его секретаремъ я сообщу тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ.

P. S. Сейчасъ прочелъ въ газетахъ, что петербургскіе дворяне даютъ балъ на-дняхъ. Вѣроятно, и я получу приглашеніе. Послѣ толковъ о чумѣ и низкомъ курсѣ, которые теперь занимаютъ общество, пріятно на время забыть и чуму и кредитные билеты, и провести время въ блестящемъ обществѣ, среди блестящихъ кавалеровъ и дамъ.

Письмо тридцать первое.

Дорогая Дженни!

Прежде чѣмъ разсказать тебѣ о балахъ и раутахъ, на которыхъ я имѣлъ счастіе быть, и передать интересную бесѣду съ китайскимъ джентльменомъ, я отвѣчу на заданный тобою вопросъ о томъ, какъ я встрѣтилъ Новый годъ на далекой чужбинѣ.

Я встрѣтилъ его въ семействѣ одного весьма респектабельнаго и либеральнаго директора многихъ желѣзныхъ дорогъ, который любезно прислалъ мнѣ приглашеніе провести у него канунъ Новаго года и встрѣтить Новый годъ. Названный джентльменъ еще человѣкъ молодой, ему тридцать пять лѣтъ; прежде, когда онъ только-что оставилъ скамейку заведенія, гдѣ спеціально фабрикуются блюстители правосудія, онъ, по его собственнымъ словамъ, мечталъ и думалъ защищать только бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, но черезъ нѣсколько времени, убѣдившись, что онъ «сынъ своихъ родителей», и что подобный радикализмъ не обезпечиваетъ, какъ выражается мой русскій другъ, «хорошей гигіены тѣла и желудка въ особенности», онъ, какъ истинный сынъ своихъ родителей, пересталъ называть себя радикаломъ и назвался либераломъ, при чемъ, какъ пояснилъ онъ мнѣ, пришелъ къ убѣжденію, что либераломъ быть несравненно спокойнѣе.

Однажды, послѣ обѣда, по поводу какого-то разговора, мой почтенный другъ сказалъ мнѣ слѣдующую тираду, дающую нѣкоторое понятіе о томъ, что считаетъ мой почтенный другъ обязательнымъ для либерала, какимъ онъ называетъ себя, быть-можетъ, нѣсколько и самоувѣренно для русскаго человѣка.

— Я,—говорилъ онъ:—не мѣшаю другимъ. Я пользуюсь законными путями, но даю свободу и всякому пользоваться законными путями. Я пріобрѣлъ себѣ, слава Богу, состояніе, но я ничего не имѣю противъ того, чтобы и каждый соотечественникъ пріобрѣлъ себѣ состояніе. Я только желаю, чтобы не было постороннихъ стѣсненій, и чтобы каждый могъ свободно конкурировать и курить такія же сигары, какъ я (при этомъ онъ предложилъ сигару мнѣ и закурилъ самъ. Сигары, дѣйствительно, были хорошія). И если практика показываетъ намъ,—продолжалъ онъ:—что масса еще не куритъ такихъ сигаръ и, какъ справедливо замѣтилъ еще недавно академикъ Безобразовъ, едва ли и возможно, чтобы когда-нибудь всѣ курили хорошія сигары (я прежде, по молодости лѣтъ, мечталъ-таки объ этомъ!), то не лѣзть же изъ-за этого мнѣ на стѣну. Противъ forza del destino идти нельзя. Признаюсь вамъ, я плачу, мой дорогой милордъ, очень часто при чтеніи книгъ, описывающихъ страданія какого-нибудь несчастнаго ребенка, не имѣющаго крова. Я готовъ пожертвовать сто рублей въ пользу несчастныхъ, но прежде всего я «сынъ своихъ родителей», отецъ своихъ дѣтей и культурный человѣкъ... Я одинаково не люблю человѣка,

который стѣсняетъ мою личную свободу, какъ и человѣка, который стѣснилъ бы мою экономическую свободу. На компромиссы я пойду, но дальше я всегда умываю руки. Исторія учитъ насъ, что постоянно человѣческое общество представляло изъ себя пирамидальную форму. Хотя это и очень жаль, но мы можемъ только жалѣть и, пожалуй, желать, чтобы тѣ, кому жребій выпалъ быть въ основаніи, не очень бы чувствовали неудобство своего положенія. Неудобство неотвратимо, но вѣдь можно его чувствовать и сильнѣе и слабѣе. Нашъ девизъ—чтобы оно чувствовалось слабѣе, и въ этомъ мы расходимся съ консерваторами.

Желая пояснить наглядно свою мысль о пирамидальномъ строеніи общества, названный джентльменъ взялъ карандашъ и листикъ почтовой бумаги и начерталъ на немъ пирамиду.

— Наверху,—продолжалъ онъ:—культурные люди. Они пользуются всѣми благами науки и цивилизаціи; они намѣчаютъ пути другимъ и накопляютъ богатства. Затѣмъ—полукультурные люди; они пользуются нѣкоторыми благами цивилизаціи и имѣютъ нѣкоторый достатокъ, и наконецъ, основаніе пирамиды, джентльмены, которые трудятся, снискивая пропитаніе. Вотъ,—замѣтилъ собесѣдникъ мой:—три класса людей человѣческаго общества. Если выразить эти классы цифрами, то, принимая для населенія Европы цифру 100, мы получимъ слѣдующія числа распредѣленія человѣческаго счастья:

Наслаждаются . . .	5
Живутъ.	10
Прозябаютъ	85

Мой почтенный другъ находился въ мечтательномъ настроеніи духа (на-дняхъ онъ выигралъ на биржѣ изрядную сумму) и продолжалъ развивать свои мысли. Онъ вообще любитъ говорить и говорилъ недурно. Я не передаю тебѣ, Дженни, подробностей, такъ какъ аргументація его весьма схожа съ тѣмъ, что ты читаешь и въ нашихъ газетахъ. Замѣчу только, что почтенный собесѣдникъ очень одобрительно отзывается о князѣ Бисмаркѣ, хотя и находитъ, что желательна была бы бо́льшая мягкость мѣръ со стороны его свѣтлости.

Вотъ у этого-то почтеннаго джентльмена я и встрѣчалъ, Дженни, Новый годъ. Въ домѣ у него собралось порядочное общество. Кромѣ хозяина и хозяйки, весьма милой женщины, состоящей директрисой благотворительнаго общества «Пяти съ полтиной» (каждый членъ обязанъ вносить пять рублей съ полтиной), призрѣвающаго тринадцать малолѣтнихъ дѣтей,—въ числѣ гостей было нѣсколько адвокатовъ, два литератора, одинъ художникъ, три финансовыхъ чиновника, пріѣзжій земскій гласный, одинъ генералъ, два героя и твой знатный иностранецъ. Пока еще не составился винтъ, въ гостиной шли разговоры о ветлянской болѣзни (тогда еще профессоръ Боткинъ не переименовалъ ее

въ чуму), объ ожидаемыхъ наградахъ, о подвигѣ парохода «Весты» (при чемъ два героя спорили о томъ, уходила ли «Веста» отъ непріятеля или удалялась), о паденіи курса и о финансовыхъ проектахъ. Я подсѣлъ къ милой хозяйкѣ, которая разсказывала въ это время о томъ, какъ призрѣваются у нея въ пріютѣ дѣти и какъ имъ хорошо. Добрая женщина такъ горячо говорила о томъ, какъ хорошо призрѣваемымъ дѣтямъ, что я, признаться, даже пожалѣлъ, что не всѣмъ безпризорнымъ дѣтямъ такъ хорошо, и что только тринадцать дѣтей могутъ имѣть молоко, «простой, но здоровый супъ» и «кусокъ говядины», и спать на «простомъ, но чистомъ бѣльѣ».

— Мы ихъ не пріучаемъ, милордъ, къ роскоши, такъ какъ по выходѣ изъ пріюта имъ придется самимъ себѣ снискивать пропитаніе.

— И, быть-можетъ, не имѣть ни молока, ни простого, но здороваго супа, ни куска говядины?—замѣтилъ, улыбаясь, черноволосый художникъ.

— Ахъ, не смѣйтесь! Грѣшно смѣяться! Неужели лучше сидѣть сложа руки... Что вы на это скажете?—настойчиво замѣтила хозяйка и взглянула своими прелестными черными глазами на скептика-художника.

Къ сожалѣнію, я не слыхалъ, что на это отвѣчалъ художникъ, такъ какъ хозяинъ отвелъ меня въ это время и усадилъ играть въ винтъ въ сосѣдней комнатѣ. До меня долетали только слова о «простомъ, но здоровомъ супѣ», о томъ, что «Веста» не удалялась, а благородно уходила, и о томъ, что рубль падаетъ съ «непостижимою стремительностью», и что въ этомъ видна рука Бисмарка.

Здѣсь кстати замѣчу тебѣ, что русскіе во всемъ всегда видятъ чью-нибудь постороннюю руку—или руку Провидѣнія, или руку Бисмарка, или руку Биконсфильда. Очень рѣдко мнѣ случалось слышать, чтобы русскіе обвиняли собственныя руки. Не потому ли у нихъ такъ часто пропадаютъ общественныя суммы?

Мы между тѣмъ играли въ винтъ съ свойственною этой игрѣ серьезностью. Между роберами, послѣ замѣчаній объ игрѣ, мы говорили о болѣзни, при чемъ весело шутили, что всѣмъ присутствующимъ предаваться паникѣ нечего, такъ какъ всякая ветлянская болѣзнь преимущественно будетъ имѣть счеты съ джентльменами, которые живутъ внѣ всякихъ «діэтическихъ и соціальныхъ условій» и которые (какъ это ни прискорбно!) при всякихъ случаяхъ являются главнѣйшими плательщиками, какими, впрочемъ, они бываютъ и во всякое время.

Всѣ пожалѣли, понадѣялись, что до серьезнаго не дойдетъ, что болѣзнь не проскочитъ сквозь бдительность, и продолжали игру.

За полчаса до 12-ти часовъ мы окончили игру и всѣ перешли въ гостиную.

Тамъ шли оживленные разговоры. Хозяйка уже не говорила о «про-

стомъ, но здоровомъ супѣ», а разсказывала, что въ случаѣ чего она съ мужемъ и дѣтьми уѣдетъ за границу.

— А если Бисмаркъ не пуститъ?—пошутилъ кто-то.

Всѣ рѣшили, что Бисмаркъ сжалится и пуститъ. Одинъ изъ гостей даже предложилъ нарочно какъ-нибудь провезти болѣзнь за границу и особенно въ Англію, чтобы отомстить за берлинскій трактатъ. Многіе нашли эту мысль остроумной, и кто-то посовѣтовалъ сообщить ее въ газету русскихъ джинговъ—«Новое Время»... Эта счастливая патріотическая мысль однако-жъ не была достаточно разработана, такъ какъ хозяйка, вспомнивъ, что я англичанинъ, старалась замять этотъ разговоръ. Тогда одинъ респектабельный генералъ, джентльменъ лѣтъ сорока, услышавъ, что кто-то назвалъ неизвѣстную болѣзнь чумой, «позволилъ себѣ замѣтить, что едва ли возможно называть эту болѣзнь чумой».

— Это неизвѣстная еще болѣзнь; называйте ее какъ хотите, но не чумой. У насъ не можетъ быть чумы, и я удивляюсь, какъ позволяютъ называть ее чумой... Въ обществѣ можетъ распространиться паника, а паника развиваетъ неудовольствіе. И безъ того у насъ изъ мухи дѣлаютъ слона...

Молодой присяжный повѣренный позволилъ себѣ не согласиться. Лучше знать истину, какова бы она ни была, чѣмъ пребывать въ невѣдѣніи... «По крайней мѣрѣ,—прибавилъ онъ:—мы будемъ имѣть возможность скорѣе уѣхать за границу!» Всѣ присутствовавшіе были того же мнѣнія, но откровенный генералъ держался своего и сказалъ, что онъ никуда не уѣдетъ. Онъ находилъ, что чуму выдумали газеты, чтобы возбудить волненіе въ обществѣ. Нечего и говорить, что неизвѣстная болѣзнь эта скоро исчезнетъ, такъ какъ приняты всѣ мѣры. Вѣрить докторамъ тоже не слѣдуетъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ послать на мѣсто происшествія браваго офицера съ дюжиной казаковъ, и всѣ эти «тифы» прекратятся скоро.

Всѣ не сомнѣвались, что предаваться паникѣ нечего, но усомнились въ раціональности предложенныхъ генераломъ мѣръ и замѣтили, что генералъ расходится въ этомъ случаѣ съ правительствомъ, которое приняло болѣе цѣлесообразныя мѣры. Либеральный хозяинъ былъ нѣсколько шокированъ такимъ откровеннымъ воззрѣніемъ генерала и отвелъ меня въ сторону, гдѣ бесѣдовали финансовые чиновники о новыхъ налогахъ и бюджетѣ.

— Вотъ этотъ блондинъ,—указалъ мнѣ хозяинъ на молодого человѣка съ весьма серьезнымъ, гладко-выбритымъ лицомъ:—замѣчательно умный финансистъ... Онъ въ день можетъ сочинять по проекту, и если бы не былъ простымъ столоначальникомъ, то изъ него бы вышелъ второй Неккеръ...

Я присѣлъ около русскаго Неккера. Онъ въ это время развивалъ планъ финансоваго преобразованія, который бы сдѣлалъ, если бы былъ Неккеромъ.

— Во-первыхъ, я бы составилъ бюджетъ съ громаднымъ излишкомъ, при чемъ не уменьшилъ бы ни на іоту расходовъ на текущія нужды...

— Но какъ бы вы это сдѣлали?—спросилъ я.

— Очень просто. Я бы предложилъ нѣкоторые новые налоги, разумѣется, ни для кого не обременительные, напримѣръ, дополнительный налогъ, хотя бы по полтинѣ съ души, который бы назвалъ добровольнымъ, такъ какъ взыскивать его поручилъ бы по добровольному согласію; налогъ съ квартиръ, гдѣ живутъ люди безъ опредѣленныхъ занятій,—плати, если не хочешь имѣть опредѣленныхъ занятій!—прибавилъ молодой Неккеръ.—Ну, еще тамъ кое-какіе налоги, и затѣмъ, исчисливъ сумму доходовъ по самымъ точнымъ исчисленіямъ моей канцеляріи, у меня бы получился бюджетъ, который бы изумилъ не только Россію, но и Европу!

— Но,—возразилъ я:—если бы въ дѣйствительности доходы не поступили въ кассу?

— Этого, милордъ, у насъ не можетъ быть. У насъ платятъ охотно...

— Но что вы, сэръ, сдѣлаете, если ваши предположенія не оправдаются?

— На этотъ счетъ я, милордъ, имѣю въ виду весьма простое средство... Не хватитъ доходовъ, я велю надѣлать бумажекъ—и дѣло въ шляпѣ...

Молодой столоначальникъ проговорилъ это съ такимъ апломбомъ, что я, знакомый уже съ легкомысліемъ русскихъ столоначальниковъ, едва удержался, чтобы скрыть свое изумленіе.

— Помимо этихъ мѣръ,—продолжалъ онъ съ стремительностью:—я предложилъ бы бережливость во всѣхъ вѣдомствахъ. Я бы рекомендовалъ сокращеніе расходовъ—уменьшилъ бы жалованье мелкимъ чиновникамъ, докторамъ, учителямъ, сократилъ бы расходы по народному образованію — нашему народу, милордъ, еще рано учиться! — и такимъ образомъ, повѣрьте, поправилъ бы наше финансовое положеніе. Но, къ несчастію, я пока пишу проекты у себя въ кабинетѣ. Правда, король Сандвичевыхъ острововъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе быть у него министромъ финансовъ, но финансы его такъ малы, что онъ не могъ отпустить мнѣ авансомъ 500.000 рублей звонкой монетой и выдать на подъемъ милліонъ, тоже звонкой монетой, и потому пусть справляется съ финансами, какъ знаетъ!

— Но отчего вы, сэръ, не рекомендовали его величеству королю Сандвичевыхъ острововъ уплатить вамъ требуемыя суммы бумажками? Вѣдь бумажки—тѣ же деньги?

Но, выслушавъ эти слова, финансистъ такъ взгляпулъ на меня, что я тотчасъ же сообразилъ, что сказалъ глупость.

— Если хотите, милордъ, и бумажки—деньги, но кто ее знаетъ, что за страна эти Сандвичевы острова, и потому я предпочелъ бы

звонкую монету. Впрочемъ, я написалъ на-дняхъ въ Гонолулу, что за 100.000 руб. звонкой монетой я могу и въ Петербургѣ написать проектъ новой финансовой системы и составить бюджетъ для Сандвичевыхъ острововъ.

— Какъ? Изъ Петербурга? Но развѣ вы знаете Сандвичевы острова?

— А къ чему мнѣ знать ихъ, позволю спросить васъ, уважаемый милордъ?

И при этомъ онъ такъ ясно посмотрѣлъ на меня, что я сконфузился и пробормоталъ:

— Однако... мнѣ казалось бы...

— Вовсе мнѣ не зачѣмъ знать!—заговорилъ онъ.—Мнѣ нужно только знать, сколько тамъ жителей, сколько въ числѣ ихъ производительныхъ классовъ и сколько потребляющихъ, сколько генераловъ, сановниковъ, чиновниковъ, полицейскихъ и войска, сколько адмираловъ, матросовъ и кораблей, какіе товары производятся и какіе ввозятся, и тогда я немедленно сажусь за письменный столъ (само собою разумѣется, если его величество король Сандвичевыхъ острововъ пришлетъ мнѣ авансомъ чекъ), беру листъ бумаги, надписываю на ней: «смѣта расходовъ и доходовъ» и дѣлаю исчисленіе доходовъ на основаніи расходовъ. Положимъ, что весь обыкновенный расходъ благодатныхъ острововъ исчисленъ въ десять милліоновъ долларовъ (тамъ, милордъ, все доллары!), по слѣдующимъ статьямъ: на содержаніе Камсамеа 2 милліона, на генераловъ 1 милліонъ, на офицеровъ и войско 500.000, на министровъ 1 милліонъ, на чиновниковъ 300.000, на адмираловъ 1 милліонъ, на матросовъ 100.000, на корабли 100.000, на дипломатію 500.000, на пенсіи отставныхъ министровъ 500.000, на судъ 10.000 (тамъ, милордъ, говорятъ, страна патріархальная и люди почти не судятся!), на народное образованіе 1.000 долларовъ (народъ живетъ въ шалашахъ и, питаясь бананами, вовсе и не думаетъ объ образованіи!), на медицинскую и санитарную часть 500 долларовъ (воздухъ тамъ такой, что и 500 долларовъ много!), на непредвидѣнные расходы 1,000.000 (если вдругъ сеньору Камсамеа захочется выписать француженку изъ Парижа, смотришь—у него и есть фонды!), на негласные расходы (мушары и проч.) 500.000 и на недоборы 100.000. Затѣмъ сосчитываю всѣ эти статьи... подвожу итогъ (молодой Неккеръ быстро сосчиталъ въ умѣ всѣ перечисленныя имъ суммы, обнаруживъ такимъ образомъ замѣчательное знаніе сложенія) и получаю сумму въ 9,161.500 долларовъ, прибавляю на спеціальные расходы по вѣдомствамъ 838.500 долларовъ (изъ этой суммы можно дѣлать позаимствованія на какіе угодно расходы спеціальнаго свойства!) и затѣмъ приступаю къ исчисленію доходовъ слѣдующимъ образомъ. Беру количество всѣхъ жителей мужского пола; положимъ, ихъ милліонъ человѣкъ: изъ нихъ генераловъ, министровъ и чиновниковъ 100.000 человѣкъ, войска 25.000, полиціи 20.000 чел., учителей 3 чел. и духовенства

507. Итого служилаго класса 145.600 человѣкъ. Они, разумѣется, не привлекаются къ платежу налоговъ, такъ какъ служатъ государству. Затѣмъ беру помѣщиковъ, купцовъ и всѣхъ лицъ, получающихъ какіе-либо доходы. Количество такихъ лицъ, примѣрно, будетъ до 54.000. Ихъ я тоже не привлекаю къ налогамъ, такъ какъ они, занимаясь промышленностью и торговлей, и безъ того обогащаютъ страну... Что же касается помѣщиковъ, то такъ какъ, вѣроятно, и на Сандвичевыхъ островахъ есть земельный банкъ, то и ихъ привлечь къ новымъ платежамъ нельзя, они и безъ того разорены. Затѣмъ у меня остается въ распоряженіи 800.000 платежныхъ единицъ, бьющихъ, по правдѣ говоря, баклуши въ свободное отъ ѣды банановъ время, на которыхъ я и кладу прямого налога по $4^1/_2$ доллара съ человѣка. Четыре съ половиною доллара въ годъ—сущіе пустяки! Такимъ образомъ я получаю съ нихъ 3,600.000. Засимъ облагаю налогомъ потребленіе бананова—канаки, говорятъ, ихъ ужасно любятъ и только ихъ и ѣдятъ—по центу со штуки, что дастъ мнѣ, примѣрно, до двухъ милліоновъ; облагаю акцизомъ рисовую водку—канаки пьяницы неимовѣрные!—получаю еще 4 милліона; завожу для каждаго канака ярлыкъ, на которомъ бы значились имя и фамилія его, со взысканіемъ за каждый ярлыкъ по тридцати центовъ,—получаю 240.000; облагаю пошлиной китобоевъ, приходящихъ въ Гонолулу и завозящихъ туда разныя болѣзни, прежде неизвѣстныя въ странѣ, — получаю еще 200.000, и наконецъ за право держать увеселительныя заведенія взыскиваю 100.000 и за право ѣздить на лодкахъ получаю до 200.000 долларовъ. Итого дохода 10,340.000 долларовъ, т. е. 340.000 долларовъ излишка. Какъ видите, смѣта необременительная, такъ какъ, при хорошемъ климатѣ Сандвичевыхъ ястрововъ, канаку ничего не стоитъ заплатить 4 съ половиною доллара. Затѣмъ...

— Но позвольте однако. Собственно говоря, ваша платежная единица заплатитъ не 4 съ половиною доллара, а около 13 долларовъ, такъ какъ и всѣ остальные налоги падутъ на эту, какъ вы говорите, единицу. Бананы ѣдятъ, сколько мнѣ извѣстно, и рисовую водку пьютъ преимущественно платежныя единицы. Неплатежныя выписываютъ астраханскую икру и пьютъ sherry cobler. Равнымъ образомъ и ярлыки носятъ только тѣ же платежныя единицы, и на лодкахъ ѣздятъ онѣ же.

— Ну да,—удивленно отвѣчалъ молодой Неккеръ:—все это такъ, но какъ же иначе-то составить необременительную смѣту? Гдѣ же другія смѣты составляются менѣе обременительно?

Онъ было-хотѣлъ продолжать, но, по счастью, лакей объявилъ, что поданъ ужинъ, и пошли въ столовую. Признаюсь тебѣ, Дженни, я нарочно сѣлъ подальше отъ молодого Неккера, потому что его финансовыя комбинаціи совсѣмъ оглушили меня, и я несомнѣнно нуждался въ сосѣдѣ менѣе словоохотливомъ и болѣе скромномъ. Въ этихъ видахъ я сѣлъ между земцемъ, пріѣхавшимъ изъ провинціи, и литераторомъ.

И я былъ очень доволенъ, такъ какъ оба мои сосѣда оказались людьми весьма почтенными. По словамъ сосѣда-земца, онъ пріѣхалъ сюда, Дженни, узнать о судьбѣ своего ходатайства, которое лежало гдѣ-то въ канцеляріи ровно восемь съ половиною лѣтъ, такъ что онъ испугался, не пропало ли оно.

— И успѣшны были ваши справки, сэръ?—спросилъ я сосѣда.

— Пока еще нѣтъ, милордъ. Впрочемъ, обѣщали, что поищутъ.

Кстати о земствѣ. Я долженъ пояснить, что русскія земскія учрежденія мало-по-малу суживали свою дѣятельность, наконецъ замкнулись въ такой тѣсный кругъ, что въ немъ приходилось вертѣться, какъ здѣсь выражаются, словно бѣлка въ колесѣ. Они занимаются собираніемъ различныхъ сборовъ и, собственно говоря, исполняютъ обязанности сборщиковъ податей, при чемъ имѣютъ несомнѣнное право обращаться за справками и не получать ихъ, частью за недосугомъ, частью изъ педагогическихъ цѣлей *).

По словамъ одного извѣстнаго русскаго педагога, главнѣйшее качество, требующее особеннаго ухода и поощренія—терпѣніе, а главный недостатокъ—гордыня. Нетерпѣливыхъ, гордыхъ и строптивыхъ людей здѣсь не любятъ.

Когда часы начали бить полночь, хозяинъ поднялъ бокалъ и поздравилъ всѣхъ гостей съ Новымъ годомъ. Всѣ стали поздравлять другъ друга, при чемъ говорили: «съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!» (изъ этого ты можешь, Дженни, видѣть, что русскіе ежегодно желаютъ новаго счастья, такъ какъ, вѣроятно, старое не особенно имъ нравится!). Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ высказывали различныя пожеланія и надежды, при чемъ пили шампанское... Всѣ выражали увѣренность, что чума не распространится, а генералъ съ почтенной настойчивостью опять выразилъ надежду, что газеты не станутъ выдумывать чумы, а займутся своимъ дѣломъ, т. е. станутъ заниматься иностранной политикой... На всѣхъ лицахъ виднѣлась надежда. Даже скромный земецъ и тотъ выразилъ увѣренность, что, вѣроятно, послѣ праздниковъ ему выдадутъ справку. А скромный литераторъ трогательно высказалъ робкую надежду, что въ наступившемъ году карандашъ его редактора не станетъ носиться башибузукомъ по его рукописямъ...

— А развѣ вашъ редакторъ такой строгій?—спросилъ я.

— О, нѣтъ, онъ очень добрый, но вы не повѣрите, милордъ, до чего онъ напуганъ. Онъ такъ, милордъ, напуганъ, что всего боится и въ каждомъ словѣ ищетъ какой-то особенный смыслъ... Недавно кто-то принесъ статью, въ которой, между прочимъ, замѣтилъ, что «роспись прекрасно расписана»... Онъ вычеркнулъ слово «расписана» и замѣ-

*) Какъ видно, знатный иностранецъ не вполнѣ знакомъ съ нашими земскими учрежденіями. *Прим. переводчика.*

ваять словечко «аккуратно». А что моей матушке было такой случай упустить? Она, я вам скажу, умеет ценить всякое «французское воспитание» и любит... Здесь мы запнулись, и поставили вместо этого слова какую-то умную мысль. Впрочем, я не знаю, что это такое... Я их не понимаю, особенно с французскими словами. Какое удовольствие, например, слышать такой вопрос: «Вы не знаете, сколько нужно франков, чтобы купить хорошую шляпку?» — спрашивает он — что за интересующее лицо, я думаю, мы будем меньше бояться французских слов.

— Но почему вы задержались?

— Как бы вам это сказать — улыбнулся литератор. — Видите ли, если бы не задержался, то мне лучше бросить свое занятие. Здесь-здесь и пригодилась эта задержка, а самая моя отправка вперед за море... А то думаешь, что как-нибудь успеешь не задержаться... на четверть часа пораньше... просто этот раз повезло больше. Чтобы сказать, например, свою простую мысль, этот раз пришлось разложить и стилем разных великих французских писателей...

— Но почему же, скажите, вам так хотелось уехать? — «Какое время, господин, говорили старинные испанские писатели!»

— Это такая длинная... Ах, видите, Катюша еще маленькая говорит с английской бульдожкой и так отчаянно!.. — начал литератор. — Не судите же меня строго-настрого, а то еще скажете, что внутренний вопрос какой-то задержал... Ничего вы не видите и... Впрочем, что вам сказать, теперь, с нашего расстояния... Я вас и Аделя свои тоже забыла, не знаю, как редакторы не такие путаники!..

Тут замолчал и опять вдруг с серьезным умением:

— И что обидно. Со всех сторон на тех зарубежных редакторов просто не употребить французских слов. Французский человек с удивительной сообразительностью, а иностранцы, вместе с нашими писателями, говорят отчаянного вздора и болтают. Да, теперь трудно русскому писателю, если он не принадлежит к первой шеренге. Вы, вам задержаться, вы настоящую ту нашу реальную работу можете выполнить, не особенно путаясь из-за чужих иностранцев!

Опять наш друг стал грустить. Я простился с разными членами и вышел на улицу. Была сильная жара, и на меня падали жаркие лучи. Я вспомнил о моей Аделе и пошел к ней. Возможно скорей захотелось мне видеть. Возможно, я опоздал на встречу с каким-нибудь из моих старых друзей, но мне и представился тогда случай сказать свое «американскую шутку», другой «каждую шутку». Я повернул назад и побежал. Извозчик ни-в-чем-не-виноват сам хлеб и побаранки

валъ се кнутомъ. Жидкія сани съ жидкою полостью поскрипывали по снѣгу, а я закутался плотнѣе въ шубу. И вообразилась мнѣ громадно раскинувшаяся страна, покрытая курными избами, въ которыхъ люди спятъ нерѣдко вмѣстѣ со скотомъ, вспомнилась ихъ удивительная безпритязательность, и съ ужасомъ подумалъ я: что̀ если черная гостья не остановится на мѣстѣ, а пойдетъ гулять по этимъ жилищамъ, среди нищеты и невѣжества? Мнѣ припомнилось, какъ только-что бесѣдовали мы у моего друга, какъ всѣ собирались бѣжать за границу. Но куда убѣгутъ всѣ эти жители селоменнаго царства?

Извозчикъ вздрагивалъ, похлопывалъ руками и дергалъ вожжами. Клячонка упорно отказывалась бѣжать скорѣе.

— Лошадь у тебя скверная!—замѣтилъ я.

— Это точно, баринъ... плохая лошадка!

— Ты бы другую купилъ...

Онъ полуобернулся ко мнѣ и сказалъ:

— На что купишь-то? Слава Богу, и эта хоть кормитъ... Тоже и нашему брату кормиться надо!

Онъ сказалъ это, точно оправдывался, что ему кормиться надо!

Наконецъ мы пріѣхали. Когда я расплатился съ нимъ и пожелалъ ему новаго счастья, то онъ поблагодарилъ и отвѣтилъ:

— Плохое наше счастье! Развѣ Господь Богъ поможетъ!

Я легъ въ теплую постель, и долго еще меня преслѣдовала мысль о той кротости, которую, несмотря ни на что, выказываетъ русскій человѣкъ.

Письмо тридцать второе.

Дорогая Дженни!

И все-таки здѣшніе джинги не находятъ внутреннихъ вопросовъ. Приносятъ мнѣ сегодня газеты—и я снова читаю въ органѣ джинговъ мечты о Константинополѣ и разсужденія о томъ, что безъ него нельзя оставаться спокойнымъ русскому человѣку. Казалось бы, что довольно ужъ русскіе повоевали, довольно пролили крови и потратили денегъ, и немало обнаружили фамильярнаго обращенія даже и во время войны и съ солдатскимъ довольствіемъ и съ фуражомъ (процессы одинъ за другимъ открываютъ своеобразный взглядъ нѣкоторыхъ военныхъ людей на военное хозяйство), и что пора бы имъ, оставивъ въ сторонѣ Константинополь, подумать о самихъ себѣ, но, какъ ты увидишь, Дженни, русскіе джинги все-таки продолжаютъ старую пѣсню, и на Новый годъ главнѣйшій органъ джинговъ, «Новое Время», скорбитъ, что Константинополь не былъ взятъ, и рисуетъ такую очаровательную картину:

«Налѣво у неподвижнаго Босфора раскинулась лѣниво Византія... Колоссальные храмы ея, полные невиданной роскоши, дворцы словно вырѣзываются на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба... Сонъ, которому

не вѣришь, греза, которая, такъ и кажется, вотъ-вотъ вспорхнетъ и улетитъ, какъ марево. Такъ и ждешь, что оно разсѣется... И не наглядишься и не надумаешься... Солдатъ—и тотъ понималъ. И тотъ среди монументальныхъ башенъ и тонкихъ минаретовъ, скучивающихся въ одно фантастическое цѣлое, отыскивалъ куполы св. Софіи и молился на нее, ожидая, что еще нѣсколько дней —и на верхушкѣ этой христіанской святыни заблещетъ крестъ, знаменуя новую эру правды, добра и свободы надъ этою угнетенною и раздавленною страной... Но такъ же ежедневно являлось передъ нашими глазами марево Константинополя, такъ же мечтательно глядѣлись въ воду его сады, минареты и дворцы... Оно не разсѣивалось, сонъ не уходилъ, греза не отлетала, но и не становилась къ намъ ближе... Стамбулъ былъ передъ нами—безъ защитниковъ, готовый, какъ спѣлый плодъ, упасть въ рѣшительныя руки. Тамъ даже предупредительная турецкая администрація готовила казармы для русскихъ войскъ. Народъ ждалъ нашего посѣщенія, турки мирились съ мыслью о томъ, что завтра съ вершинъ св. Софіи загремятъ радостные мѣдные языки колоколовъ, разнося во всѣ концы древней столицы благую вѣсть... И, дѣйствительно, все это исчезло, какъ сонъ, какъ греза, какъ марево».

Почему все это исчезло «какъ сонъ, какъ греза, какъ марево», джинги какъ будто не понимаютъ, они какъ будто забыли берлинскій трактатъ и продолжаютъ, Дженни, говорить о войнѣ, игнорируя свое положеніе.

Бѣдные джинги!.. Они даже не находятъ нужнымъ входить въ это положеніе и съ безпримѣрною даже и для джинговъ глупостью не могутъ найти въ своемъ отечествѣ никакихъ стоящихъ вниманія вопросовъ. На носу у нихъ, можетъ-быть, чума, за плечами результаты прошлой войны и горы бумажекъ, а они совѣтуютъ заняться афганскимъ эмиромъ, и одинъ ученый джингъ, профессоръ Иловайскій, рекомендуетъ составить отрядъ «афганскихъ добровольцевъ»...

А главный джингъ, жалуясь, что его бранятъ, въ то же время ругался такъ, какъ только способны ругаться въ этой странѣ, и со свойственною ему откровенностью признавался, что онъ никогда не былъ либераломъ.

«Я былъ фельстонистомъ,—пишетъ онъ:—который постоянно останавливается на отрицательныхъ сторонахъ жизни, который въ теченіе многихъ лѣтъ ратовалъ, насколько хватало силъ, противъ всѣхъ тѣхъ, кто тянулъ назадъ, кто грабилъ или собирался грабить, кто надувалъ или собирался надувать, кто говорилъ глупости, наглости и низости. Самыя слова: «либералъ», «консерваторъ», «радикалъ» были мнѣ противны, и если я когда-нибудь употреблялъ ихъ, то всегда съ ироніей. Я не могъ войти въ ручей партіи и плыть по немъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, предписываемыхъ этой партіей: меня такъ и тянуло нарушить эти правила, и я ихъ нарушалъ».

Ты видишь, Дженни, что этотъ джингъ внѣ всякихъ партій, и пока былъ фельетонистомъ, то принадлежалъ къ партіи «скандала». Разсказываютъ, что прежде его не такъ травили, какъ теперь, а теперь, надо правду сказать, большинство русской печати не особенно сочувственно относится къ этому джингу, тѣмъ болѣе, что онъ въ послѣдніе годы обнаруживаетъ въ своей газетѣ иногда такую откровенность (и, думаю я, едва ли не по одному невѣжеству и легкомыслію), что даже привычные ко всякимъ откровенностямъ русскіе журналисты стали возмущаться...

Онъ однако совѣтуетъ «учиться, учиться и учиться», хотя и не понимаетъ, какія условія препятствуютъ иногда учиться...

Я уже писалъ въ прежнихъ письмахъ, насколько могъ сдѣлать это, подробности объ учащихся. На-дняхъ я прочелъ въ газетахъ, между прочимъ, слѣдующій невѣроятный фактъ: «По словамъ «Голоса», въ четвергъ, 11-го января, на высшихъ женскихъ курсахъ профессора Бестужева-Рюмина, во время лекціи, съ одной изъ слушательницъ математическаго отдѣленія сдѣлалось дурно, послѣ чего она впала въ глубокій обморокъ, продолжавшійся около трехъ четвертей часа. Когда окружающимъ удалось наконецъ привести ее въ чувство, то было констатировано, что обморокъ былъ послѣдствіемъ продолжительнаго голода. Оказалось, что слушательница эта прибыла съ Кавказа для поступленія на высшіе курсы и, кое-какъ перебиваясь, дошла въ послѣднее время до крайней нужды. Съ 28-го декабря, т. е. въ теченіе двухъ недѣль, она не обѣдала, питаясь только чаемъ; квартиры она не имѣла и ночевала у знакомыхъ». Разсказываютъ при этомъ, что организованная при курсахъ вспомогательная касса немедленно оказала пособіе «голодающей» слушательницѣ, и сверхъ того въ ея пользу составилась подписка между болѣе состоятельными слушательницами высшихъ курсовъ.

Положеніе большинства учащихся очень трудное, но джинги будто бы не понимаютъ этого и преподаютъ слѣдующіе совѣты, которые, по моему мнѣнію, заслуживаютъ быть переведенными для того, чтобы ты имѣла понятіе и о взглядѣ джинговъ на учащихся русскихъ. Вотъ что недавно писалъ одинъ изъ представителей джинговъ:

«Слыша о кассахъ, о сходкахъ, о репетиціяхъ, я никогда и ни отъ кого не слыхалъ, чтобъ университетской молодежи не давали учиться, чтобъ ставили препятствія въ этомъ чрезвычайно важномъ, самомъ важномъ, по-моему, вопросѣ университетской жизни. Съ многимъ тѣмъ, что только кажется необходимымъ, можно помириться, потому что и кассы и сходки—вещь не безусловно необходимая. И если болитъ за что сердце, это за тѣхъ юношей, которые, вслѣдствіе волненій, остаются лишенными высшаго блага, которое дано человѣку —развивать свой умъ и свое сердце. Ядъ не въ наукѣ, а въ полуобразованіи, ядъ въ озлобленіи, ядъ въ воспоминаніяхъ потерянаго счастія, потерян-

ной жизни. Если намъ, взрослымъ, неудачи въ жизни приносятъ много горечи, которую забыть нельзя, то тѣмъ сильнѣе эта горечь въ впечатлительномъ юношескомъ сердцѣ, которое безвременно грубѣетъ, и тухнутъ его порывы...»

Повидимому, и сердце болитъ у джинга, но тотъ же джингъ все-таки не понимаетъ, что въ этомъ «ядѣ», о которомъ онъ говоритъ, не виноваты тѣ, кому онъ такъ трогательно совѣтуетъ учиться... Разсказываютъ, Дженни, что прежніе джинги-Булгарины были несравненно лучше... Тѣ не проливали крокодиловыхъ слезъ, а прямо говорили: «брысь!»—и всякій понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло... Теперь же въ глазахъ многихъ даже и джингъ можетъ прослыть либераломъ...

Однако довольно о нихъ... Я распространился такъ потому, что и у насъ въ Англіи свирѣпствуютъ джинги.

Русскіе, Дженни, рѣшительно не знаютъ, что дѣлать имъ теперь съ добровольнымъ флотомъ. Одни совѣтуютъ сдѣлать изъ него акціонерное общество, другіе совѣтуютъ эксплоатировать его инымъ манеромъ. Третьи наконецъ совѣтуютъ его сжечь, находя, что это самое безубыточное дѣло, такъ какъ и въ первомъ и во второмъ случаѣ, по мнѣнію знающихъ русскихъ людей, флотъ будетъ растраченъ, а за содержаніе его все-таки кто-нибудь да будетъ платить. А эти «кто-нибудь» — джентльмены извѣстные, все тѣ же, которые пополняютъ государственное казначейство.

Вопросомъ о добровольномъ флотѣ занято въ настоящее время общество для содѣйствія промышленности и торговлѣ, и тамъ на-дняхъ русскій Ридъ Черноморскаго общества, мистеръ Кази, бывшій другъ, потомъ врагъ руководителя названнаго общества, мистера Чихачева, сдѣлалъ довольно невредное предложеніе (эти русскіе, когда дѣло коснется субсидій, обнаруживаютъ удивительную склонность къ внутреннимъ вопросамъ!). Почтенный джентльменъ, еще недавно громившій «Русское общество» (онъ тогда только-что оставилъ его, прослуживши 12 лѣтъ), въ настоящее время предлагаетъ образовать изъ добровольнаго флота такое же общество и, разумѣется, съ субсидіей, находя, что этотъ добровольный флотъ — «дитя, законно прижитое русскимъ народомъ во время самой тѣсной связи его съ правительствомъ» и которое поэтому должно пользоваться попеченіями родителей въ видѣ субсидіи.

Я не знаю, что выйдетъ изъ предложенія мистера Кази, но, какъ ты видишь, и онъ джингъ не послѣдней руки, и когда дѣло коснется правительственной субсидіи, то у него съ устъ немедленно слетаютъ «законно прижитыя дѣти» съ такою же легкостью, съ какою прежде онъ громилъ Русское общество пароходства и торговли, которое тогда, вѣроятно, ему казалось «незаконно прижитымъ ребенкомъ», а потому и не стоящимъ тѣхъ громадныхъ субсидій, которыя изъ государственнаго казначейства шли въ карманы акціонеровъ.

Вообще, Дженни, какъ только дѣло коснется какихъ-нибудь субсидій, авансовъ и вообще чего-нибудь такого, что касается финансовой политики чисто-личнаго свойства, русскіе являются большими мастерами. На-дняхъ, напримѣръ, я прочелъ въ «Голосѣ» извѣстіе, что будто бы «въ виду значительнаго числа имѣній, назначаемыхъ въ продажу за долги поземельнымъ банкомъ, губернскіе предводители дворянства нѣсколькихъ южныхъ губерній вознамѣрились обратиться къ правительству съ ходатайствомъ остановить продажу дворянскихъ имѣній за долги банкамъ. Взявшій на себя починъ этого ходатайства, харьковскій губернскій предводитель, какъ намъ говорили, уже прибылъ въ Петербургъ съ готовымъ проектомъ какой-то финансовой комбинаціи, долженствующей разрѣшить эту трудную въ ипотечномъ дѣлѣ задачу».

Разумѣется, комбинація будетъ придумана, но, прочитывая это извѣстіе, я, признаться, подумалъ: скоро ли русскіе придумаютъ такую комбинацію, чтобы и ничтожное имущество крестьянскаго хозяйства не продавалось съ молотка?

Оставляя пока описаніе увеселеній, скажу тебѣ, Дженни, что, прочитывая газеты, я замѣтилъ съ Новаго года значительное оживленіе въ ругательствахъ. Говорятъ, что къ этому подалъ поводъ проектъ о литературномъ судѣ чести. Я сообщу тебѣ, Дженни, объ этомъ проектѣ въ слѣдующемъ письмѣ, а пока только замѣчу тебѣ, что и противники и защитники въ полемикѣ, завязавшейся по этому поводу, ругаются хуже лондонскихъ извозчиковъ, но долженъ сознаться, Дженни, что джинги «Новаго Времени» все-таки перещеголяли всѣхъ.

Письмо тридцать третье.

Дорогая моя Дженни!

Когда сегодня утромъ слуга вошелъ ко мнѣ съ газетами, я, къ стыду моему, еще лежалъ въ постели (хотя уже былъ 10-й часъ въ исходѣ), такъ какъ наканунѣ я опять былъ на юбилеѣ, вернулся домой поздно и, сколько помнится, не безъ колебаній поднялся въ свой номеръ при помощи лакея. Русскіе любятъ чествовать своихъ общественныхъ дѣятелей всѣхъ вѣдомствъ, и поэтому подобныя празднества не прекращаются круглый годъ, потому что вѣдомствъ много и циркуляція административнаго персонала никогда не прерывается. На этотъ разъ мы чествовали въ ресторанѣ Донопа почтеннаго полицейскаго инспектора (русскіе называютъ этихъ инспекторовъ частными приставами), прослужившаго въ этомъ званіи пятнадцать лѣтъ и прославившаго себя и свое вѣдомство, какъ выяснилось изъ произнесенныхъ рѣчей, многими похвальными качествами и дѣйствіями... Я не могу отчетливо припомнить, въ чемъ именно заключались похвальныя дѣйствія, такъ какъ сосѣдъ мой справа не оставлялъ своимъ вниманіемъ ни своего ни моего стакана. Помню только, что рѣчей сказано

было много, и что одинъ изъ ораторовъ послѣ жаркого всталъ, поклонился юбиляру и вдругъ, Дженни, запѣлъ весьма пріятнымъ баритономъ привѣтственную рѣчь въ стихахъ, начинающихся, сколько помнится, такъ:

Я помню все: и образъ милый,
И ласки, ласки безъ конца,
И не забуду до могилы
Черты мнѣ милаго лица.

Затѣмъ далѣе, и все, Дженни, въ стихахъ, онъ пѣлъ, что, благодаря протоколу, составленному почтеннымъ юбиляромъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда юбиляръ былъ еще квартальнымъ надзирателемъ, а ораторъ былъ еще молодымъ человѣкомъ и совершилъ какое-то буйство па улицѣ, ораторъ былъ взятъ въ участокъ, и съ этого момента въ жизни его наступилъ переломъ. Въ участкѣ онъ обо многомъ раздумалъ и по выходѣ изъ него сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ («обновленнымъ» и «просвѣтленнымъ», какъ нѣжно пѣлъ въ своей кантатѣ импровизаторъ), а потому протоколъ за нумеромъ (онъ пропѣлъ, Дженни, и нумеръ, но я его, къ сожалѣнію, забылъ) и заставляетъ оратора, какъ и всякаго истинно-русскаго человѣка, снова запѣть:

Я помню все: и образъ милый,
И ласки, ласки безъ конца,
И не забуду до могилы
Черты мнѣ милаго лица.

Эта импровизація въ стихахъ возбудила общій восторгъ, а сосѣда моего справа, немолодого чиновника, привела въ такое неистовство, что онъ сталъ со мной цѣловаться, со слезами на глазахъ разсказалъ, что и съ нимъ былъ въ жизни подобный случай, и заставилъ меня послѣ шампанскаго хватить стаканъ портеру... Это было уже слишкомъ.

Не хмурь своего прекраснаго личика, милая Дженни. Я держалъ себя все-таки, какъ приличествовало знатному иностранцу, былъ подъ руки доведенъ до кареты и почтительно подсаженъ обязательнымъ полисменомъ.

Я взялъ изъ рукъ слуги газеты и намѣревался-было найти воспроизведеніе вчерашнихъ юбилейныхъ рѣчей (такія рѣчи русскія газеты печатаютъ охотно и безъ сокращеній), какъ вдругъ глаза мои остановились на извѣстіи о томъ, что въ Петербургѣ есть больной чумой, впрочемъ, въ самой легкой формѣ, и что приняты энергическія и рѣшительныя мѣры къ изолированію какъ самого больного, такъ и жившихъ вмѣстѣ съ заболѣвшимъ въ одномъ изъ подвальныхъ помѣщеній, похожихъ, замѣчу тебѣ кстати, на помѣщенія подъ арками у Темзы, которыя, помнишь, описывалъ нашъ Гринвудъ.

Первою моей мыслью послѣ прочтенія этого извѣстія было желаніе точно узнать, въ чемъ дѣло, и затѣмъ дать поскорѣе тягу изъ Петер-

бурга, хотя бы въ перспективѣ и предстояло удовольствіе просидѣть въ Эйдкуненѣ въ карантинѣ, въ одеждѣ Адама, въ сообществѣ другихъ путешествующихъ Адамовъ, и въ ожиданіи дезинфекціи платья пить пиво и курить сигары, что по правиламъ не возбраняется. Но что значила эта непріятность въ сравненіи съ опасностью дальнѣйшаго пребыванія въ чумной столицѣ? Хотя передъ глазами и стояла «легкая форма», но я, знакомый съ русской манерой мягко выражаться, признаюсь, не совсѣмъ довѣрялъ легкой формѣ... Я быстро вскочилъ съ постели и сталъ одѣваться.

— А вы слышали, что въ городѣ чума?—спросилъ я слугу.

— Слышалъ. Сказываютъ, сегодня чума объявлена,—отвѣчалъ онъ равнодушнымъ тономъ и какъ-то нехотя, точно разговоръ о чумѣ нѣсколько стѣснялъ его.

— И вы боитесь чумы?

— Это, господинъ, не наше дѣло. Слышалъ, что сегодня объявлена, а больше намъ говорить не приходится, такъ какъ за эту чуму можно и отвѣтить...

— Какъ такъ?

— Очень просто. Вотъ въ сосѣднемъ номерѣ одинъ господинъ, что изъ Москвы пріѣхали,—они въ Москвѣ газетой занимаются,—такъ они сегодня, какъ прочли, что чума объявлена, такъ и закричали, что это не чума, а измѣна. И господинъ докторъ Боткинъ тоже, молъ, измѣнникъ... Онъ эту самую чуму показалъ, чтобы произвести смуту. И если, говорятъ, кто будетъ о чумѣ говорить, ты, молъ, мнѣ доложи. Я распоряжусь...

Слуга остановился. Признаюсь, я не могъ не смѣяться, слушая эту чепуху.

— Такъ что пріѣзжій изъ Москвы напугалъ васъ, и вы не знаете, бояться ли вамъ или нѣтъ?

— Это не наше дѣло. Намъ отъ хозяина гостиницы велѣно, чтобы не очень разговаривать, а больше слушать, что господа говорятъ... Кто его знаетъ! Нынче того и гляди, и въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чумы наживешь бѣду... У насъ официантъ одинъ былъ, Василій, молодой парень... Тоже наслушался около господъ и въ пьяномъ видѣ насчетъ дизенфекціи какой-то болталъ, такъ съ этимъ самымъ официантомъ, я вамъ доложу, хозяинъ распорядился.

— Ну, давайте скорѣе кофе!—перебилъ я его рѣчи.

Разумѣется, приглуповатый парень—я давно убѣдился въ этомъ—по своему обыкновенію, все перепуталъ и боится. Впрочемъ, кстати замѣчу тебѣ, Дженни, здѣсь не одни только слуги высказываютъ такую же безпричинную боязнь и нерѣдко не знаютъ или, вѣрнѣе, не рѣшаются, какъ отнестись къ тому или другому явленію. Послѣ даже я имѣлъ случай убѣдиться, что мой собесѣдникъ правильно передалъ слова пріѣзжаго изъ Москвы. Дѣйствительно, въ скоромъ

времени московскій извѣстный публицистъ соединилъ толки о чумѣ въ Петербургѣ съ какой-то измѣной (измѣнниками онъ называетъ всѣхъ людей моложе пятидесяти пяти лѣтъ и безусловно всѣхъ, не изучавшихъ классиковъ) и требовалъ, чтобы немедленно было объявлено по всей имперіи благополучіе, для чего рекомендовалъ, чтобы строжайше было внушено всѣмъ засѣсть за латинскую грамматику, а кто этого не исполнитъ, того заключить въ смирительный домъ или и того хуже *).

Ты, вѣроятно, улыбнешься, Дженни, читая эти строки, и, пожалуй, подумаешь: не тронулся ли и я самъ отъ долгаго пребыванія въ странѣ волковъ, какъ ты легкомысленно называешь гостепріимную Россію. Но завѣряю тебя, что я передаю истину, и что одна московская газета въ самомъ дѣлѣ въ чумѣ увидала не болѣзнь, а нѣчто другое, таинственное. О ветлянской эпидеміи она, напримѣръ, тоже говорила, что это не эпидемія, а покушеніе на издателя газеты и на карманы джентльменовъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ. И что всего любопытнѣе, Дженни, это то, что здѣсь есть джентльмены—члены разныхъ обществъ и сектъ (клуба «червонныхъ валетовъ», собранія «бубновыхъ тузовъ», секты «сосуновъ» или «божьихъ младенцевъ», благотворительнаго общества «червонныхъ дамъ»), которые вѣрятъ, или дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, этимъ соображеніямъ и по этому случаю сочиняютъ длинные проекты объ отмѣнѣ всякихъ эпидемій.

Вращаясь среди русскихъ, слушая разнообразныя мнѣнія и наблюдая общественную жизнь со стороны, дѣйствительно мнѣ, знатному иностранцу, кажется, что находишься въ какомъ-то центрѣ такого сумбура, такой путаницы, что во многомъ не можешь себѣ даже дать и отчета. Оно и понятно. Иностранцу разобраться здѣсь и уяснить себѣ, отчего здѣсь такъ часто грабятъ банки и такъ легко на это смотрятъ—очень трудно. Но дѣло въ томъ, что и русскіе тоже не могутъ себѣ дать отчета во многомъ, происходящемъ передъ ихъ глазами... Мнѣ часто приходится бесѣдовать на эту любопытную тему, и въ концѣ концовъ я выносилъ изъ бесѣдъ какое-то неопредѣленное, тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ и сами истолкователи только и могли объяснить, что они живутъ, сами не зная ни о завтрашнемъ днѣ, ни о томъ, выкрадутъ ли они кассу, если она попадется имъ подъ руки.

Выкрасть, конечно, скверно, но зато лестно. Не выкрасть, положимъ, благородно, но зато нелестно. Всякій порядочный человѣкъ плюнетъ на тебя и назоветъ дуракомъ. И находишься въ недоумѣніи до тѣхъ поръ, пока судьба не поставитъ тебя въ такое положеніе, когда можно, какъ здѣсь говорятъ, и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти, т. е. не попасть къ князю Урусову (прокурору) въ руки,

---

*) Извѣстіе, очевидно, нелѣпое. Даже и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» такого извѣстія не было. *Прим. переводчика.*

а, напротивъ, пожалуй, еще надъ нимъ при случаѣ посмѣяться, когда онъ, задыхаясь отъ счастья, что поймалъ наконецъ какого-нибудь легкомысленнаго расхитителя, станетъ въ восторженномъ краснорѣчіи объяснять, что онъ поймалъ самую настоящую курицу съ золотыми яйцами... Дилемма простая: или будь молотомъ, или наковальней. Есть, разумѣется, люди, которые не хотятъ быть ни въ положеніи молотовъ ни въ положеніи наковальни, но вѣдь зато какъ же надъ ними хохочутъ, и какъ скверно хохочутъ...

Вотъ выводы моихъ бесѣдъ съ разными джентльменами изъ общества, Дженни. Здѣсь такъ часто люди стрѣляются, вѣшаются и топятся. Газеты часто сообщаютъ о такихъ фактахъ, и, сколько мнѣ кажется, недоумѣніе—главная причина ихъ, а не то «надоѣло жить». Ты думаешь, что это «надоѣло жить» есть предсмертная исповѣдь какого-нибудь старика или пресытившагося богача, въ родѣ какого-нибудь молодого англійскаго лорда, который въ двадцать пять лѣтъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ на берегу Лаго-Маджоре или кидается внизъ головой съ Пизанской башни. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ, а объ этой надоѣдливости докладываютъ публикѣ самоубійцы, принадлежащіе къ среднему классу и люди очень молодые. Отчего же имъ надоѣло жить?.. Вѣдь, какъ хочешь, а причины же должны быть...

Кто-то здѣсь объяснилъ это недостаточностью распространенія «Московскихъ Вѣдомостей», съ одной стороны, и чрезмѣрнымъ распространеніемъ печатной бумаги, съ другой, — но едва ли это объясненіе, при всемъ своемъ остроуміи, могло выдержать какую-либо критику. Печатная бумага—одно, жить—другое. И, главное, нерѣдко самоубійцы кончаютъ съ собой, съ горькимъ разочарованіемъ насчетъ печатной бумаги, въ которую они, быть-можетъ, прежде слишкомъ горячо вѣрили.

Я тебѣ, Дженни, еще сообщу эпизодъ объ одномъ русскомъ самоубійцѣ (я зналъ бѣднаго русскаго мальчика, безвременно погибшаго), а теперь возвращаюсь къ прерванному разсказу, извиняясь за отступленіе.

Я пилъ кофе и просматривалъ газеты, когда кто-то постучался въ двери занимаемаго мною номера.

— Войдите!

Въ комнату не вошелъ, а скорѣе вбѣжалъ извѣстный тебѣ, Дженни, изъ прошлыхъ писемъ черноволосый и юркій джентльменъ, сообщающій время отъ времени, въ качествѣ репортера, мои политическія съ нимъ бесѣды.

Онъ былъ веселъ, скажу болѣе: онъ сіялъ и, подбѣгая ко мнѣ, быстро проговорилъ:

— Газеты читали, милордъ?

— Какъ видите. Неужели въ Петербургѣ въ самомъ дѣлѣ чума?

— Самая настоящая... Indiana pestis... Черная смерть!—отвѣчалъ

онъ, словно бы захлебываясь отъ удовольствія, что сообщаетъ такую пріятную новость.

— Ну, ужъ вы всегда преувеличиваете. Впрочемъ, это недостатокъ, свойственный многимъ людямъ,—отвѣчалъ я, не желая болѣе категорически сказать ему, что онъ вретъ.—Въ газетахъ сказано довольно ясно, что легкая форма, и что...

— Какое «легкая форма»!—перебилъ онъ меня, очевидно, задѣтый за живое моимъ сомнѣніемъ.—Конечно, Боткинъ великій діагностъ, но онъ не могъ же прямо сказать во всеуслышаніе, что у насъ самая настоящая черная смерть. Это невозможно. Сами понимаете, какая бы пошла паника.

— Однако Боткинъ ясно формулировалъ, что не только легкая форма, но что и нѣтъ особенной опасности.

— Вы полагаете, милордъ?за—мѣтилъ онъ и, выдержавъ паузу, вдругъ выпалилъ:—Я сію секунду отъ Наума Прокофьева, добрался я къ нему по протекціи, чуть не со слезами умолялъ, чтобы меня допустили, и могу сказать...

Хотя я очень хорошо зналъ, Дженни, что этотъ джентльменъ можетъ сказать, что онъ легкомысленъ, какъ ребенокъ, и привираетъ самымъ искреннѣйшимъ и чудовищнымъ образомъ, тѣмъ не менѣе, когда онъ произнесъ послѣднія слова, я малодушно сробѣлъ и прервалъ его словами:

— Уходите... скорѣй уходите!

Но джентльменъ тотчасъ же сталъ клясться, что онъ совралъ, что онъ Наума Прокофьева не видалъ—строжайше запрещено его видѣть!—но что онъ былъ у двери клиники и слышалъ, какъ говорили сторожа.

И, совершенно позабывъ, что говорилъ минуту тому назадъ, онъ сталъ меня успокаивать:

— Не бойтесь, милордъ, ей-Богу, не бойтесь! Никакой опасности. Мѣры самыя настоящія... Правда, государственный банкъ сегодня уѣзжаетъ, но это въ видахъ осторожности.

Я опять не зналъ, вретъ ли онъ снова или на этотъ разъ говоритъ правду.

Странное дѣло, Дженни. Я очень хорошо зналъ, что къ словамъ моего собесѣдника надо относиться съ чрезвычайною осторожностью, тѣмъ не менѣе я слушалъ этого джентльмена и, мало того, колебался—вѣрить или не вѣрить. Живя здѣсь, мнѣ приходилось такъ часто убѣждаться въ справедливости самыхъ, казалось бы, неправдоподобныхъ слуховъ и, наоборотъ, разубѣждаться въ самыхъ, казалось бы, естественныхъ и правдоподобныхъ предположеніяхъ, что я въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что очень трудно критически относиться къ свѣдѣніямъ. Русскіе сами довѣрчивы, и нѣтъ той невѣроятности, которой бы они рѣшились не повѣрить. Скажите, напримѣръ, у насъ въ Лондонѣ, что Лондонъ, по приказанію нашего Дизи,

велѣно сломать, всякій бы подумалъ, что это говоритъ сумасшедшій, но выдумай здѣсь какой-нибудь шутникъ, напримѣръ, что появился проектъ: всѣхъ дѣтей старше трехлѣтняго возраста послать на воспитаніе въ Афганистанъ, многіе, какъ, казалось бы, ни нелѣпъ этотъ слухъ, непремѣнно подумали бы: «а, можетъ, такой проектъ и составленъ и поданъ на разсмотрѣніе!..»

Я старался пояснить тебѣ, Джепни, причины такой довѣрчивости не разъ. Замѣчу теперь только, что эта довѣрчивость, за которую здѣшніе джинги бранятъ публику, кроется не столько въ легкомыслiи (какъ хотятъ увѣрить джинги), сколько въ глубочайшей склонности къ чудесному и чрезвычайному... Этой склонностью объясняется и любовь русскихъ къ сказкамъ—любовь до того большая, что, помимо распространенія сказокъ въ беллетристической формѣ, нѣкоторые опытные издатели, понимающіе вкусъ публики, издаютъ сказки и въ видѣ газетныхъ листовъ спеціально для взрослыхъ... И потому фантазія читателя до того развита, что читатель невольно вѣритъ больше всего фантастическому и чудесному, чѣмъ тому, что основано на здравомъ смыслѣ.

Чтобы доказать тебѣ, какія русскіе въ этомъ отношеніи довѣрчивыя дѣти, приведу слѣдующій примѣръ, коего я былъ очевидцемъ. Одинъ весьма почтенный старецъ, джентльменъ 70 лѣтъ, скромно живущій въ уединеніи на Петербургской сторонѣ и занимающійся на склонѣ лѣтъ сочиненіемъ о мнимыхъ величинахъ (старикъ, Дженни, математикъ), на-дняхъ былъ потрясенъ глупою шуткой, которую позволилъ съ нимъ сыграть одинъ его сосѣдъ. Нѣсколько дней тому назадъ я пришелъ къ старику и засталъ его въ большомъ переполохѣ. Онъ испуганно озирался и, когда я освѣдомился о причинѣ, молча указалъ на письмо, лежащее передъ нимъ на столѣ, и затѣмъ проговорилъ:

— Прочтите, милордъ!

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!»

«Доброжелатель предупреждаетъ васъ, что вамъ стыдно на старости лѣтъ не развлекать себя моціономъ и все время заниматься «мнимыми величинами», тогда какъ есть величины, болѣе достойныя изслѣдованія, какъ, напримѣръ, четвертое измѣреніе, о которомъ теперь вездѣ говорятъ. Кромѣ того, есть свѣдѣніе, что вы скептически относитесь не только къ ученію Кардека и къ опытамъ Юма, Следа и т. п. медіумовъ, но вдобавокъ еще полагаете, что земля вертится. А потому доброжелатель извѣщаетъ васъ, что сегодня ночью въ вашей квартирѣ будутъ произведены медіумическіе опыты, изъ коихъ вы убѣдитесь, что земля неподвижна, но человѣкъ подвиженъ. Не пугайтесь: духи приподнимутъ васъ на кровати и затѣмъ отнесутъ васъ на Семеновскій плацъ, гдѣ сдѣлаютъ вамъ воздушную ванну, и обратно перене-

сутъ въ ваше убѣжище. Три репортера будутъ назначены, чтобы констатировать эти опыты и привести васъ въ лоно спиритовъ».

Подписано: «Доброжелатель».

Я прочиталъ глупое письмо и расхохотался. Но старикъ безпокоился. Умный, добросовѣстный и не разъ разоблачавшій фокусы Следа, старикъ очень былъ смущенъ и ожидалъ ночи со страхомъ... Я предложилъ ему остаться у него ночевать, и онъ принялъ это предложеніе съ благодарностью.

Я старался его развлечь, доказывалъ, что духи не проникнутъ сквозь запертыя двери, но бѣдняга хоть и соглашался со мной, но—видѣлъ я—безпокойно озирался кругомъ и нѣсколько разъ подходилъ къ столу и заглядывалъ въ судебные уставы...

Наконецъ наступила ночь... Мы сыграли три партіи въ шахматы и улеглись спать... Я скоро заснулъ, и заснулъ хорошо, какъ вдругъ слышу, какъ старикъ кричитъ: «Милордъ... Милордъ... Я лечу!»

Я проснулся и зажегъ свѣчу. Старикъ сидѣлъ на постели и испуганно смотрѣлъ передъ собой.

— Что случилось?—спросилъ я, подходя къ нему.

— Пока ничего особеннаго... Мнѣ показалось, что меня приподнимаютъ съ кровати... Такъ, знаете ли, ясно...

— Это во снѣ...

— Я и самъ такъ думаю... Простите, милордъ... Я васъ побезпокоилъ... Ложитесь спать...

Но я однако не заснулъ и наблюдалъ за старикомъ. Семидесятилѣтній старикъ не могъ заснуть, при всякомъ шорохѣ вздрагивалъ и тихо шепталъ губами: «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей!»

Когда настало утро, старикъ былъ совсѣмъ неузнаваемъ. Славное его лицо осунулось и потемнѣло...

— Ну, вотъ видите!—привѣтствовалъ я его:—мерзкій шутникъ, побезпокоившій васъ, теперь увидитъ, что сыгралъ глупую шутку совершенно напрасно... Вы не испугались и спали отлично...—старался я утѣшить почтеннаго джентльмена.

Но онъ какъ-то печально взглянулъ на меня и проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— И къ чему такія шутки!.. Кому я мѣшаю на старости лѣтъ!?

Впослѣдствіи оказалось, что это пошутилъ сосѣдъ, живущій въ томъ же домѣ. Когда старикъ узналъ объ этомъ, то попенялъ сосѣду, говоря, что шутить такъ нехорошо. Но сосѣдъ (какъ послѣ передавалъ мнѣ джентльменъ) такъ добродушно смѣялся и такъ искренно просилъ прощенія, объясняя, что сдѣлалъ онъ штуку отъ скуки и ничѣмъ не могъ предположить, чтобы старикъ могъ потревожиться, что старый джентльменъ протянулъ ему руку и снова занялся мнимыми величинами.

Я опять отступилъ. Къ сожалѣнію, замѣчу мимоходомъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я пишу тебѣ письма изъ Россіи, я пріучился къ отступленіямъ отъ нити разсказа. Не сердись и, читая мои письма, объясняй эти отступленія желаніемъ подѣлиться своими впечатлѣніями, не заботясь о цѣльности разсказа... Довѣрчивость старика, довѣрчивость, несмотря на нелѣпость шутки, вспомнилась невольно мнѣ, когда я началъ говорить о склонности русскихъ къ чудесному.

Когда мой гость отправилъ по случаю чумы государственный банкъ, кажется, въ Финляндію, гдѣ, по словамъ разсказчика, никогда чумы не было, нѣтъ и не будетъ, такъ какъ тамъ вездѣ вода, вода и вода, люди поэтому часто моются, то онъ принялся за другія учрежденія.

— Министерства всѣ тоже готовятся къ отъѣзду!..—продолжалъ онъ.—Директоръ государственнаго банка уже уѣхалъ. И вообще всѣ обоего пола знатныя персоны уже отдали приказанія приготовить для нихъ мѣста въ первомъ классѣ. Чума, хоть и легкой формы, не свой братъ, милордъ... Того и гляди, хватитъ по всѣмъ, ну, и кричи караулъ!

— Вѣрныя ли у васъ свѣдѣнія?

— Самыя вѣрныя. Сію минуту встрѣтилъ знакомаго столоначальника. Онъ стремглавъ летѣлъ въ Гостиный дворъ. Остановилъ его и спрашиваю: куда?—«Въ Гостиный, говоритъ, за чемоданомъ».—«Для кого?»—«Для его превосходительства».—«Уѣзжаетъ?»—«Сегодня же утекаетъ... Чумы боится».—«А вы?»—«Мы, говоритъ, рады... Чума, говоритъ, не такъ страшна, какъ нашъ генералъ... Насъ, маленькихъ чиновниковъ, быть-можетъ, еще чума въ люди выведетъ: большіе разъѣдутся, а мы станемъ управлять департаментами. Награда, увеличеніе окладовъ и прочее... Дай же Богъ, чтобъ чуму не отмѣняли, а то какъ отмѣнятъ,—генералъ снова дастъ «остаткамъ» особое употребленіе по случаю чумнаго времени, и мы останемся на бобахъ...»

Передавая этотъ разсказъ, разсказчикъ весело смѣялся и говорилъ, что столоначальникъ еще болѣе смѣялся и такъ радостно ѣхалъ за чемоданомъ, что вчужѣ завидно было.

— Переполохъ чрезвычайный, милордъ! Всѣ обижаются на Боткина, зачѣмъ онъ по секрету раньше не предупредилъ, чтобъ потихоньку можно было выѣхать. А то теперь курсъ снова упадетъ, за границей квартиры станутъ дороже, и, пожалуй, придется просидѣть въ костюмахъ Адама на оригинальномъ раутѣ въ караульномъ домѣ Эйдкунена не шесть часовъ, а двѣнадцать!

Наконецъ назойливый посѣтитель оставилъ меня, пообѣщавъ однако, къ крайнему моему сожалѣнію, побывать у меня на другой день и принести свѣжія извѣстія.

Вслѣдъ за уходомъ этого господина я выѣхалъ изъ дому, намѣреваясь посѣтить кое-кого изъ вліятельныхъ моихъ русскихъ знакомыхъ и собрать болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чтобы рѣшить вопросъ: оставаться ли

мнѣ или удирать вмѣстѣ съ обоего пола знатными персонами изъ Петербурга.

Прежде всего я отправился къ N., тому самому джентльмену, котораго подробно описывалъ тебѣ въ одномъ изъ моихъ писемъ, какъ человѣка, составившаго себѣ видную карьеру, не имѣя связей, не принадлежа къ знатной фамиліи, не отличаясь образованіемъ, не умѣя даже читать въ подлинникѣ «Femme au feu» и не одѣваясь у Тедески, благодаря единственно природному здравому смыслу, умѣнью говорить въ глаза правду, одну только правду, и постоянному напоминанію, что онъ, названный джентльменъ, русакъ, кровный русакъ, что всѣ его предки тоже были кровные русаки, многіе изъ нихъ имѣли счастье изъ собственныхъ рукъ Іоанна Грознаго получать подзатыльники, и что онъ простой человѣкъ, хитростей чуждается, а любитъ дѣйствовать попросту, безъ затѣй, на чистоту.

Благодаря этимъ фразамъ, употребляемымъ, конечно, въ различныхъ варіантахъ и подъ разными соусами ежедневно, благодаря умѣнью усилить впечатлѣніе ихъ откровеннымъ битьемъ по широкой груди здоровеннѣйшимъ своимъ кулакомъ, благодаря слабости глазныхъ мѣшковъ, когда онъ по-русски и на чистоту, грубо, но прямо отъ сердца говоритъ о преданности и о матушкѣ святой Руси кому слѣдуетъ, названный джентльменъ достигъ завиднаго положенія, пользуется репутаціей «славнаго, простодушнаго медвѣдя», честнѣйшаго дѣльца, и впереди ему виднѣется самая блестящая перспектива. Правда, злые языки скептически относятся къ его «простотѣ», вульгарно называютъ его пролазомъ, человѣкомъ, который, какъ выражаются здѣсь, охулки на руки не положитъ (это значитъ, Дженни, въ переводѣ, что онъ стянетъ, что возможно, конечно, съ соблюденіемъ надлежащихъ предосторожностей относительно судебныхъ уставовъ); но здѣсь насчетъ «охулки» такая широкая свобода, что, мнѣ кажется, злые языки оттого такъ много говорятъ, что самимъ имъ приходится лишь облизываться.

— Ахъ, милордъ, вашъ другъ, «простой человѣкъ», такой отъявленный плутяга, какихъ даже въ нашей странѣ добродушныхъ плутовъ найдется немного.

Такъ говорилъ мнѣ на-дняхъ одинъ господинъ, хорошо знающій «настоящаго русака», когда о немъ зашелъ разговоръ и я восхищался его манерой говорить всѣмъ безъ разбора правду, одну правду. Господинъ этотъ служилъ давно вмѣстѣ съ N. въ качествѣ секретаря и, по словамъ его, видѣлъ N. во всѣхъ видахъ.

— Онъ не одного васъ, милордъ, очаровываетъ своей простотой... Онъ многихъ очаровываетъ, да такъ, что въ немъ души не чаютъ, такъ какъ вѣдь нынче такая рѣдкость встрѣтить человѣка, который говоритъ одну правду, правду и ничего болѣе. Тѣмъ болѣе рѣдко встрѣтить такого человѣка среди людей, которые привыкли слушать

ежедневно одну ложь, ложь и ничего болѣе... Нашъ «простой человѣкъ» этимъ и воспользовался и подъ покровомъ искренности льститъ такъ, что заткнетъ за поясъ любого царедворца, искусившагося въ своемъ дѣлѣ. Толстый, коренастый, грузный, плохо скроенный и скверно сшитый, онъ, когда понадобится, безъ мыла пролѣзетъ куда угодно, такъ что вы и не замѣтите, какъ онъ туть-какъ-тутъ, своимъ грубоватымъ голосомъ говоритъ, что онъ кровный русакъ, и что сердитесь или милуйте—а онъ говоритъ правду, одну правду. Это, милордъ, верченный плутъ съ природнымъ здравымъ смысломъ, безъ всякаго образованія и съ большой наглостью... Онъ поклонникъ самоучекъ и самъ, считающій себя геніальнымъ самоучкой, возьмется за что угодно. Предложите ему, что̀ хотите... ну, хоть кавалерійскую часть,—онъ непрочь будетъ и кавалеріей заняться, хотя, конечно, оговорится, что онъ попросту, безъ затѣй, какъ Богъ положитъ на душу, но что русскій человѣкъ все сможетъ, только бы молился чаще Богу и въ молитвахъ поминалъ батюшку и матушку.

— Религіозный онъ человѣкъ?

Собесѣдникъ усмѣхнулся.

— Если надо, онъ богохульствовать начнетъ, а надо—такъ постное масло каждый день кушать станетъ...

— Ну, ужъ вы черезчуръ, кажется, браните моего друга!—замѣтилъ я.

— Ваше дѣло, милордъ, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте... Онъ передъ вами разсыпается, потому что слышалъ, будто вы издадите о Россіи книгу и опишете выдающихся людей. И онъ въ число ихъ хочетъ попасть. Да вотъ я вамъ разскажу недавній случай... Послушайте-ка, милордъ: завтракалъ нашъ «простой человѣкъ» недавно у одной молодой графини, весьма вліятельной въ здѣшнихъ кружкахъ особы, женщины очень богатой, съ связями, принадлежащей къ блестящей фамиліи. Молодая графиня—предсѣдательница разныхъ благотворительныхъ обществъ и очень любитъ, чтобы ей говорили правду, одну правду, но такъ какъ всякій остерегается, какъ бы за настоящую правду не попало на орѣхи, если не отъ графини, то отъ графа, а если не отъ графа, то отъ его помощниковъ, то, кромѣ «простого человѣка», никто графинѣ, разумѣется, правды и не говоритъ, поэтому графиня очень любитъ единственнаго правдиваго человѣка въ Петербургѣ... За завтракомъ нашъ русакъ говорилъ столько святой правды, что графиня растрогалась и, въ знакъ особеннаго вниманія, послѣ завтрака вынула изъ своего портсигара папироску (табакъ она получаетъ самый лучшій, изъ Турціи) и предложила ее настоящему русаку. Что-жъ, вы думаете, онъ сдѣлалъ съ этой папироской?

— Выкурилъ ее?

— Нѣтъ, милордъ, это было бы ужъ черезчуръ просто. Онъ съ благоговѣніемъ сперва подержалъ маленькую папироску двумя своими

толстыми пальцами, потомъ вдругъ въ порывѣ умиленія приложился къ ней губами, бережно завернулъ ее въ бумажку и, прослезившись, воскликнулъ: «Матушка-графинюшка! Я простой русскій медвѣдь... Ужъ гнѣвайтесь не гнѣвайтесь, а я что на душѣ, то и на языкѣ! Я, говоритъ, не выкурю папиросочки, полученной изъ вашихъ ручекъ, матушка-графиня. Я привезу ее домой, покажу кровнымъ своимъ и прикажу сохранить ее навѣки... Пусть дѣти мои сохранятъ этотъ знакъ вашей чрезмѣрной милости ко мнѣ...» Съ этими словами онъ зарыдалъ и такъ забилъ себя въ грудь, что и графиня и графъ — тоже и они люди!—предложили ему стаканъ воды и были смущены и взволнованы такимъ безхитростнымъ выраженіемъ любви и такимъ внезапнымъ проявленіемъ чувствъ въ «откровенномъ, простодушномъ медвѣдѣ». Они поблагодарили его, а графиня дала другую папироску...

— А эту другую онъ выкурилъ?

— Другую онъ выкурилъ!— смѣясь, замѣтилъ разсказчикъ:—но, увидавъ, что графъ и графиня находятся въ наилучшемъ расположеніи, повелъ рѣчь о паденіи курса, и такъ ловко повелъ, милордъ, что хозяева сами вызвались ходатайствовать о выдачѣ «простому человѣку» изъ «Общества раздачи нуждающимся» ста тысячъ во вниманіе къ затруднительнымъ обстоятельствамъ, вызваннымъ послѣдней войной.

— Развѣ онъ нуждается въ деньгахъ?—спросилъ я.

— Вовсе не нуждается. У него деньги есть, но вѣдь деньги никогда не мѣшаютъ, милордъ!.. «Простой человѣкъ» насчетъ денегъ ловокъ. Хотя онъ постоянно твердитъ, что была бы душа открыта и совѣсть чистая, а Богъ не оставитъ человѣка, тѣмъ не менѣе, гдѣ возможно «честно и благородно», тамъ онъ не прозѣваетъ. Да, милордъ,—окончилъ разказчикъ: — этотъ «настоящій русакъ» ведетъ свои дѣла, можно сказать, чисто... Недаромъ онъ мѣтитъ въ важные люди. Тогда, говоритъ, наступитъ пора одной правды, истинной правды и ничего болѣе.

Я вспоминалъ этотъ разсказъ, когда по широкой лѣстницѣ поднимался во второй этажъ къ моему благородному другу, вѣра въ котораго, признаюсь, была нѣсколько подорвана вышеприведеннымъ разсказомъ. Слуга доложилъ, что генералъ у себя. Я засталъ его въ кабинетѣ. По обыкновенію, онъ куда-то торопился съ докладомъ и, по обыкновенію, пожавъ мнѣ руку, жаловался, что у него идетъ голова кругомъ отъ занятій. Онъ, разумѣется, былъ очень радъ видѣть «благороднаго лорда» и, усадивъ меня, сталъ разсказывать о новомъ своемъ проектѣ. На этотъ разъ дѣло шло о модномъ вопросѣ, о чумѣ. Онъ былъ противъ чумы. По его мнѣнію, въ Россіи не могло быть чумы. Ее выдумали, и онъ даже знаетъ, кто ее выдумалъ, но онъ не хочетъ называть мнѣ фамилію этого лица изъ понятнаго чувства патріотизма.

Я слушалъ, Дженни, и заподозрѣлъ, признаться, въ авторѣ юмористическаго писателя, набрасывавшаго въ часы досуга свои положенія.

Но оказалось, что я ошибался. Мой другъ говорилъ совершенно серьезно.

— Я, милордъ, на чистоту, по-русски. Просто невозможно болѣе терпѣть. Сегодня чума, завтра чума. Наконецъ дошли до того, что выдумали чуму въ Петербургѣ.

— Развѣ ее выдумали?

— А то какъ же!.. Конечно, сочинили! Я имѣю самыя точныя свѣдѣнія, что у молодца не чума, а...

Тутъ онъ, Дженни, назвалъ мнѣ болѣзнь, весьма здѣсь распространенную.

— Но какая цѣль, сэръ, сочинять чуму?

— Цѣль? А чортъ ихъ знаетъ какая! Доктора воображаютъ, что науку знаютъ, ну, и выдумываютъ. По-моему, господина Боткина слѣдовало бы за его объявленіе строжайше наказать. Сейчасъ только я слышалъ, что комиссія другихъ докторовъ сегодня свидѣтельствовала больного и составила актъ, что никакой чумы нѣтъ.

— Но Боткинъ, сколько извѣстно, замѣчательный діагностъ.

— Былъ, я и самъ вѣрилъ въ его знанія и по два года дожидался у него въ пріемной, чтобы посовѣтоваться съ нимъ насчетъ моей одышки, но теперь оказывается, что онъ ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ. Обыкновенную болѣзнь вдругъ принялъ за чуму.

И онъ раскатился самымъ заразительнымъ хохотомъ.

— Простую болѣзнь и за чуму! Ха, ха, ха!..—не унимался мой другъ. Потомъ онъ вдругъ сдѣлался серьезнымъ и замѣтилъ:

— Тутъ навѣрное дѣйствуетъ посторонняя рука... Я въ этомъ убѣжденъ!

— Государственный банкъ не уѣзжалъ?—спросилъ я.

— Зачѣмъ ему уѣзжать!

— И министерства остаются?

— Разумѣется! Вчера, признаться, всѣ струхнули, но сегодня приказано отмѣнить чуму. Завтра прочтете въ газетахъ.

— Но если вы говорите, что Боткинъ ничего не понимаетъ, то скажите, пожалуйста, зачѣмъ же раньше другіе доктора не свидѣтельствовали больного и не констатировали факта, что больной не въ чумѣ? Тогда бы не зачѣмъ было волноваться. А то сегодня чума объявлена, а завтра отмѣнена. Сегодня Боткинъ первый врачъ, а завтра ничего не понимаетъ. Согласитесь, что это нѣсколько...

— Легкомысленно, хотите вы сказать, милордъ? — перебилъ меня мой другъ.—Не спорю, что поспѣшили, не спорю, но вѣдь такой чрезвычайный, можно сказать, случай. Сказалъ Боткинъ,—всѣ и струсили. Но могу васъ завѣрить, что у насъ невозможна чума. Не-воз-мо-жна! Поэтому, милордъ, нечего пугаться. Я самъ вчера смалодушничалъ, хотѣлъ-было удирать, но, слава Богу, удержался.

Цѣлый день я дѣлалъ визиты. Мнѣ пришлось, Дженни, выслушать

самыя разнообразныя мнѣнія въ теченіе этого дня. Кто еще не зналъ объ отмѣнѣ чумы, тѣ собирались скорѣе уѣзжать и жаловались на Боткина, что онъ не предупредилъ по секрету «порядочныхъ» людей о болѣзни. Тамъ, гдѣ знали объ отмѣнѣ чумы, хохотали надъ почтеннымъ профессоромъ, что онъ могъ такъ грубо ошибиться, и радовались, что не придется потерять на курсѣ. Вездѣ только, конечно, и толковали о чумѣ. Одни находили, что это новая интрига Бисмарка, другіе—что въ этомъ видна англійская рука, третьи наконецъ дошли до того, что доказывали, будто чума дѣло биржевиковъ, игравшихъ на пониженіе. Боткинъ, тотъ самый Боткинъ, который вчера былъ первымъ врачомъ, сегодня оказался ничего не понимающимъ шарлатаномъ, принявшимъ за чуму другую болѣзнь (при этомъ дамы и дѣвицы стыдливо опускали глаза, такъ какъ въ этотъ день мужчины не стѣснялись называть болѣзнь злополучнаго Прокофьева ея собственнымъ именемъ). Когда я пріѣхалъ къ одному почтенному старичку, находящемуся не у дѣлъ, то онъ встрѣтилъ меня особенно радостно и, усадивъ въ кресло, замѣтилъ:

— Вотъ и чумы дождались, милордъ!

— Но чумы, говорятъ, нѣтъ, графъ!—возразилъ я.

— И чумы дождались!—продолжалъ онъ, не слушая или не желая слушать возраженіе.—Еще не того дождемся!—продолжалъ онъ какимъ-то шипящимъ голосомъ.—Отлично! Превосходно!

Я недоумѣвалъ, что тутъ превосходнаго, и хотѣлъ было замѣтить почтенному графу, что отличнаго въ чумѣ мало, но онъ не далъ мнѣ раскрыть рта и продолжалъ:

— Я говорилъ... я говорилъ, милордъ, но меня тогда не послушали, вотъ и нажили себѣ чуму на шею!.. Вы думаете, кто эту чуму подстроилъ?

— Я думаю, графъ, что болѣзни никто не подстраиваетъ!

Но на мои слова графъ улыбнулся какъ-то загадочно и прошамкалъ:

— Это все дѣло рукъ Краевскаго!

— Краевскаго?!

— Вѣрно. Это все онъ, онъ. Этотъ молодой человѣкъ самаго вреднаго направленія, и оставить его безнаказаннымъ—значитъ играть въ опасную игру.

Чтобъ ты поняла, Дженни, какъ былъ изумленъ твой вѣрный Джонни, надо тебѣ пояснить, что «молодому человѣку» Краевскому далеко за шестьдесятъ лѣтъ, и что издаваемая имъ газета «Голосъ», по чести, можетъ быть названа вполнѣ благонамѣренной, употребляя даже это выраженіе въ русскомъ смыслѣ. Стоитъ только прочитать одну изъ передовыхъ статей названной газеты, надо только слегка проштудировать названный органъ и вникнуть въ смыслъ того своеобразнаго паѳоса, съ какимъ время отъ времени названная газета обѣщаетъ вырвать зло съ корнемъ,—чтобы уразумѣть тенденціи семидесятилѣтняго графа.

— Ахъ, Краевскій, Краевскій! Сколько онъ принесъ намъ вреда! Мнѣ говорили, что онъ настоящій глава тайнаго общества, которое старается поселить въ обществѣ смуты. Съ этою цѣлью Краевскій, подъ видомъ корреспондента, послалъ тайнаго агента въ Багдадъ, снабдивъ агента приличнымъ содержаніемъ (средства у него, говорятъ, обширныя, такъ какъ одни объявленія даютъ ему до двухъ милліоновъ въ годъ!), съ приказаніемъ достать въ Багдадѣ настоящую чуму, привезти ее въ Россію и бросить въ Ветлянкѣ. Вотъ откуда пошла чума, а вовсе не отъ санитарныхъ условій, какъ стараются теперь объяснить писаки. Прежде никакой чумы у насъ не было. Дворяне жили по-дворянски, въ банкахъ не служили, у жидовъ на побѣгушкахъ не были, мужикъ три дня работалъ на барина, три дня на себя... все было хорошо, а теперь и чумы дождались. Поздравляю!

— Но, графъ, говорятъ, въ Петербургѣ не чума.

— Не вѣрю, милордъ, не вѣрю! Навѣрное чума. И какъ ей не быть, когда ее изъ Багдада къ Краевскому привезли. Я вотъ сижу у себя и жду: что дальше-то будетъ! Меня не слушаютъ теперь,—нынче все разные проходимцы роль играютъ!—я и любуюсь, сидя у окошка. Вчера противъ меня дѣвица одна изъ окна бросилась, третьяго-дня гимназистъ застрѣлился... все идетъ къ концу.

— Вы развѣ не боитесь чумы, если полагаете, что въ Петербургѣ чума?

— Нѣтъ, не боюсь. Все равно, я одной ногой въ могилѣ. Подожду. Посмотрю—и умру тогда спокойно.

Старикъ еще долго говорилъ на эту тему и наконецъ на моихъ же глазахъ уснулъ. Я тихо всталъ и уѣхалъ. Отъ старика я попалъ къ молодому джентльмену, находящемуся у дѣлъ. Когда я вошелъ къ нему, онъ распекалъ одного молодого человѣка.

— Теперь нельзя, какъ прежде, молодой человѣкъ. Теперь надо понять духъ времени.

— Я, ваше пр-ство, кажется, понялъ.

— Не совсѣмъ. На васъ жалуются. Понять значитъ такъ устроиться, чтобы на васъ не жаловались, но чтобы въ то же время граждане не думали, что вы для нихъ, а не они для васъ, ну, и чтобы когда бываютъ дни вашихъ именинъ, все было, какъ слѣдуетъ, и рѣчи, и «ура»... А, милордъ, очень радъ васъ видѣть!—оборвалъ свою рѣчь молодой человѣкъ, обращаясь ко мнѣ съ легкимъ поклономъ, выпроваживая подчиненныхъ.—Вы, вѣрно, насчетъ чумы?

— Да.

— Ну, поздравляю:—отмѣнена!

— Значитъ—ея нѣтъ?

— Я ничего не предрѣшаю, милордъ. Я только говорю: отмѣнена. А чума или не чума, кто знаетъ. Мой докторъ, нѣмецъ, такъ тотъ говоритъ, что у Прокофьева простой насморкъ, и что Боткинъ навралъ,

а докторъ моей жены, русскій, тотъ божится, что самая настоящая чума, что нѣмцы насморка отъ антонова огня отличить не умѣютъ. Завтра появится протоколъ десяти докторовъ, и мы прочтемъ, какъ они называютъ эту болѣзнь.

— Значитъ, безпокоиться нечего?

— О, разумѣется. Боткинъ, кажется, пересолилъ, и нѣмцы рады этому случаю. Наконецъ, если бы и чума, такъ что за бѣда! Мы съ вами, милордъ, уѣдемъ въ Парижъ и вернемся, когда все будетъ кончено.

— Служба васъ развѣ не задержитъ?

— Напротивъ, она поможетъ. По случаю чумы я могу получить командировку на изученіе карантинныхъ мѣръ, а командировка дастъ хорошій гонораръ.

Онъ весело продолжалъ болтать о разныхъ предметахъ и наконецъ замѣтилъ:

— Въ концѣ концовъ, я полагаю, нечего безпокоиться. Чума—и то недурно. Нѣтъ чумы—тоже хорошо. Намъ надо только, чтобы мы знали, противъ чего бороться. Укажутъ, и мы боремся по мѣрѣ силъ.

— И убѣжденія!—прибавилъ я.

Молодой человѣкъ улыбнулся и прибавилъ:

— Ну, убѣжденія мы прячемъ въ боковой карманъ, милордъ. Когда вы идете въ чиновники, вы разсчитываете на карьеру и на хорошее содержаніе, слѣдовательно къ чему досказывать.

Молодой человѣкъ опять быстро оборвалъ разговоръ и, взглянувъ на себя въ зеркало, поправилъ бѣлоснѣжные воротнички и перешелъ къ болѣе пріятной для него темѣ насчетъ женщинъ. Онъ высказалъ очень много тонкости по этой части. Затѣмъ коснулся современнаго положенія дѣлъ, нашелъ, что не всѣ понимаютъ, какъ слѣдуетъ, духъ времени, и когда я полюбопытствовалъ узнать, какъ надо понимать его, то онъ съ обычной беззастѣнчивостью согласился удовлетворить мое любопытство, впрочемъ, отчасти.

— Понять духъ времени,—началъ онъ:—умному человѣку очень нетрудно. Не бранитесь, не бросайтесь на подчиненныхъ съ кулаками, не хватайте за шиворотъ гражданъ, а управляйте ими кротко и либерально, не лѣзьте на глаза начальнику, не надоѣдайте ему просьбами объ инструкціяхъ (особенно такому, который плохо владѣетъ перомъ), не спрашивайте, какъ и почему... вотъ въ главныхъ чертахъ программа умнаго человѣка. Надо вамъ по обязанности службы кого-нибудь извести,—изведите при помощи науки деликатными средствами, а никакъ не грубымъ образомъ. Нынче время утонченности; пора инквизиціи прошла, и жалѣть объ этомъ можетъ только человѣкъ стараго направленія. Я, напримѣръ, иногда бесѣдую съ молодыми людьми, наставляя ихъ на путь истины по обязанности службы... Вы думаете, я стращаю ихъ, упрекаю, кричу, свирѣпствую... словомъ, веду себя,

какъ какой-нибудь необразованный полисменъ? Боже меня сохрани!

— Какъ же вы дѣйствуете съ своими подчиненными?

— Мѣрами кротости. Я начинаю обыкновенно съ того, что самъ я прежде увлекался и даже пописывалъ стихи противъ своего начальника, и при этомъ я вспоминаю и декламирую стихи. Если это дѣйствуетъ, доволенъ и на этомъ останавливаюсь; если нѣтъ, я говорю насчетъ трудности положенія, доказываю, что лучше, если мѣсто занимается либеральнымъ чиновникомъ, чѣмъ консерваторомъ, наконецъ восхищаюсь Вольтеромъ, Руссо и даже Робеспьеромъ и прошу, какъ другу, разсказать мнѣ, что мой юный собесѣдникъ читаетъ, кого посѣщаетъ, съ кѣмъ водитъ дружбу... Смотришь, мой собесѣдникъ, особливо если онъ довѣрчивый юноша, уже и распустилъ нюни... Я тѣмъ временемъ и запишу все въ памятную книжку... Когда онъ снова попадется, я напомню все... Однако я съ вами заболтался, милордъ,—прервалъ онъ свою исповѣдь:—когда-нибудь я болѣе подробно поговорю, а теперь—простите—пора ѣхать къ одной барынѣ... Просто прелесть—барыня...

— Исповѣдывать?

— Къ несчастію, нѣтъ,—улыбнулся молодой человѣкъ.—Она сама другихъ исповѣдуетъ... Надо везти подписать къ ней журналъ... Она предсѣдательница «общества вѣтряныхъ мельницъ» и вообще ловкая бабенка, а я секретарь въ обществѣ... Да не хотите ли, я васъ съ ней познакомлю? Она будетъ очень рада. Поѣдемте вмѣстѣ. Мужа ея никогда дома нѣтъ, а сама она очень рада случаю пококетничать... Ну, что, милордъ, ѣдемъ?

Но я, Дженни, какъ слѣдуетъ добродѣтельному англичанину, отклонилъ предложеніе легкомысленнаго русскаго человѣка. Когда я вернулся домой, то въ головѣ моей былъ какой-то сумбуръ отъ всѣхъ разговоровъ, которые мнѣ пришлось слышать. Удивительный народъ—русскіе. Вчера еще они Боткина превозносили, а сегодня, не разобравши, въ чемъ дѣло, готовы хохотать и доказывать: одни, что онъ подкупленъ интернаціоналами, другіе, что увлеченъ биржевиками, а третьи (и большинство), что почтенный профессоръ шарлатанъ первой руки...

Если прислушаться къ общественному мнѣнію столицы, то голова поневолѣ закружится. До того тебя поразятъ эти толки и, главное, этотъ непосредственный хохотъ, хохотъ добродушныхъ людей, готовыхъ смѣяться при первомъ слухѣ, не провѣривъ его, не вдумываясь, гдѣ правда, гдѣ ложь, повторяющихъ съ чужихъ словъ разныя нелѣпицы и не дающихъ себѣ труда подумать о нихъ. Каковы бы ни были причины, но, вообще говоря, легкомысліе поразительное.

Предположимъ даже, что профессоръ Боткинъ и ошибся. Предположимъ, что болѣзнь, напугавшая многихъ, не чума (хотя Боткинъ и не

называлъ ее чумою, а легкой формой ея), но отчего же сперва такъ же легкомысленно повѣрили словамъ одного человѣка, какъ потомъ такъ же легкомысленно стали хохотать и глумиться надъ тѣмъ человѣкомъ, которому еще вчера такъ же легкомысленно вѣрили, какъ сегодня легкомысленно ругаютъ.

До слѣдующаго письма, Дженни. Пожалуйста, не будь любопытна и не спрашивай, чѣмъ замѣнили чуму у злополучнаго Наума Прокофьева. Я во всякомъ случаѣ тебѣ этого не сообщу.

Письмо тридцать четвертое.

Дорогая Дженни!

Ты упрекаешь меня, что въ своихъ письмахъ я не сообщаю тебѣ о многихъ событіяхъ русской общественной жизни, о которыхъ ты узнаёшь изъ лондонскихъ газетъ, а если и сообщаю, то вскользь, не объясняя ихъ, по твоему мнѣнію, такъ, какъ бы слѣдовало. Твой упрекъ, хотя и нѣсколько наивный, Дженни, тѣмъ не менѣе до нѣкоторой степени справедливъ. Дѣйствительно, иногда мнѣ приходится или умалчивать, или вскользь касаться того или другого явленія, но дѣлаю я это вслѣдствіе боязни, что я, какъ иностранецъ, не вполнѣ знающій русскую жизнь, могу невѣрно отнестись къ тому или другому явленію и такимъ образомъ ввести тебя въ заблужденіе. По моему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ достойнѣе молчать, чѣмъ говорить не такъ, какъ того заслуживаетъ предметъ. Къ сожалѣнію, многія русскія газеты не держатся этого правила и нерѣдко вводятъ читателей въ заблужденіе, выдавая часто объясненія нѣкоторыхъ явленій якобы за общественное мнѣніе.

Удовлетворивъ твое любопытство на этотъ счетъ, перехожу къ разсказу о петербургской чумѣ.

На слѣдующій день она дѣйствительно была отмѣнена комиссіей докторовъ, въ числѣ коихъ стояло только одно болѣе или менѣе извѣстное имя—имя доктора Здекауэра. По мнѣнію комиссіи, у больного никакихъ признаковъ чумы не было, а былъ безрецидивный насморкъ. Этотъ «безрецидивный насморкъ» возбудилъ, впрочемъ, немало насмѣшекъ, такъ какъ, по объясненію врачей, никакого безрецидивнаго насморка въ наукѣ неизвѣстно.

«Меня не такъ поняли! — воскликнулъ дня черезъ два докторъ Мамоновъ въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Голосъ».—Я составлялъ протоколъ и, написавши о «безрецидивномъ насморкѣ», именно хотѣлъ сказать, что безрецидивнаго насморка не бываетъ».

Опять въ публикѣ недоумѣніе. Если не чума и не насморкъ, то что же такое?

И какъ бы для того, чтобы недоумѣніе еще увеличилось, докторъ Здекауэръ заявилъ тоже, что въ протоколѣ, имъ подписанномъ, вкралась ошибка насчетъ безрецидивнаго насморка. Вмѣстѣ съ тѣмъ про-

фессоръ Боткинъ напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

«Какъ на публичныхъ засѣданіяхъ общества, такъ и на моихъ лекціяхъ въ медико-хирургической академіи я неоднократно высказывалъ предположеніе о вѣроятности появленія въ различныхъ мѣстахъ Россіи большаго или меньшаго числа заболѣваній чумною болѣзнью безъ тяжелыхъ ея проявленій ни въ смыслѣ смертельности ни въ смыслѣ прилипчивости и заразительности. Неоднократно на моихъ клиническихъ лекціяхъ, также и въ засѣданіяхъ ученаго общества русскихъ врачей я указывалъ и публично въ клиникѣ демонстрировалъ на больныхъ отклоненіе въ клиническомъ теченіи нашихъ обычныхъ тифовъ, указывая на появленіе первичныхъ петехій при сыпномъ и брюшномъ тифѣ и на острое припуханіе лимфатическихъ железъ въ пахахъ, подъ мышкой, съ большей или меньшей ихъ болѣзненностью, при одновременномъ измѣненіи въ селезенкѣ и печени, мало замѣтныхъ при клиническомъ изслѣдованіи.

«По поводу такихъ случаевъ я неоднократно высказывалъ предположеніе о занесенной уже къ намъ чумной заразѣ, но не проявляющейся въ своей вполнѣ обособившейся формѣ по причинѣ какихъ-то неизвѣстныхъ намъ условій, разрушающихъ заразу».

Описывая затѣмъ случай, вызвавшій такіе разнорѣчивые толки, профессоръ заключаетъ письмо слѣдующими словами:

«Какъ бы ни желательно было мнѣ ошибиться въ такомъ случаѣ, но, къ несчастію, не могу признать моей ошибки и глубоко проникнутъ истинностью моего убѣжденія. Я бы не позволилъ себѣ защищать мое мнѣніе публично, если бы это касалось одного личнаго моего самолюбія, и безропотно вынесъ бы и вынесу всевозможныя на меня нападки и самыя недостойныя инсинуаціи, если бы это только вело къ дѣйствительному благу народонаселенія. Но еще прежде, какъ въ засѣданіяхъ уч. общ. р. вр., въ засѣданіяхъ санитарной комиссіи при с.-петербургской думѣ, а также на моихъ лекціяхъ въ академіи, я неоднократно высказывался относительно необходимости и важности зорко слѣдить за появленіемъ первыхъ случаевъ заболѣванія чумной заразой въ легкомъ ея видѣ, за тѣми случаями, которые составляли обычный предметъ споровъ между врачами во всѣ эпидеміи, и потому я считаю себя обязаннымъ поддерживать высказанное мною мнѣніе, какъ самое искреннее мое научное убѣжденіе, несмотря на всѣ нападки, которыя на меня посыплются и которыя я сумѣю вынести съ полной стойкостью».

Наконецъ пріѣхалъ изъ Берлина спеціалистъ по насморкамъ, докторъ Левинъ. Сперва онъ сказалъ, что никакого насморка нѣтъ, потомъ изъ Берлина написалъ, что насморкъ, и когда здѣшніе доктора уличили почтеннаго берлинскаго нѣмца въ томъ, что онъ при нихъ осматривалъ больного и отрицалъ насморкъ, то онъ прислалъ новое письмо, въ которомъ далъ уклончивыя объясненія. Такъ никто. Дженни, и до сихъ

поръ не знаетъ: чѣмъ боленъ былъ злополучный Наумъ Прокофьевъ. Впрочемъ, одно несомнѣнно, что, вслѣдствіе дурныхъ санитарныхъ условій, многія болѣзни осложняются развитыми «инфекціями» крайне-сквернаго свойства.

Когда чумная паника прошла, то прошелъ и порывъ къ чистотѣ, обуявшій вдругъ русскихъ. Насчетъ чистоты они очень нетребовательны. Я уже не разъ сообщалъ тебѣ, что даже въ столицѣ существуютъ спеціальныя названія духовъ, поражающихъ обоняніе непривычнаго человѣка на улицахъ. Такъ, есть «гутуевское амбре», «душистый горошекъ Сѣнной площади», «дворовый мильфлеръ» и много еще другихъ названій, перечислять которыя было бы слишкомъ долго. Если въ Петербургѣ граждане вполнѣ приспособились къ душистому воздуху; то ты поймешь, Дженни, какое разнообразіе духовъ пріятно щекочетъ носъ свѣжаго человѣка въ другихъ городахъ этой благоухающей страны. Когда не затихла еще ветлянская болѣзнь, тогда вдругъ по всей странѣ пронесся крикъ о навозѣ и грязи, въ которыхъ по горло сидятъ граждане, и вездѣ стали принимать мѣры къ очисткѣ отъ этого вѣкового наноса, но мало-по-малу, когда чумный страхъ прошелъ, стало проходить и дезинфекціонное возбужденіе, и—смѣю думать—благоуханія попрежнему не оставятъ русскихъ городовъ, потому что для того, чтобы избавить русскіе города отъ специфическаго запаха, надо, во-первыхъ, чтобы обоняніе жителей было тоньше, а во-вторыхъ, пришлось бы серьезно подумать о причинахъ разныхъ инфекцій, усложняющихъ болѣзни, и о причинахъ тяготѣнія русскаго джентльмена изъ народа къ суровой пищѣ и къ помѣщенію, которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не позавидовала бы и собака. Эти вопросы такъ серьезны и важны и требуютъ такихъ совокупныхъ усилій, что едва ли различныя мѣры, предлагаемыя и врачами, могутъ быть названы радикальными. Съ другой стороны, страшна чума, а разныя инфекціи не страшны тѣмъ джентльменамъ, которые живутъ въ помѣщеніяхъ, откуда можно всякую инфекцію выгнать; что же касается до тѣхъ, съ кѣмъ инфекція по преимуществу имѣетъ дѣло, то эти джентльмены, какъ я сообщалъ тебѣ, вѣрятъ въ фатумъ. Въ этомъ отношеніи русскіе отличаются героизмомъ, можно сказать, безпримѣрнымъ.

Что же касается жилищъ, въ которыхъ помѣщаются бѣдные жители столицы, то относительно этихъ помѣщеній можно сказать только одно: не дай Богъ и врагу испытывать тѣ санитарныя условія, какія испытываетъ петербургскій людъ. Обыкновенно, какъ на примѣръ болѣе яркій, указываютъ на лондонскіе притоны для бѣдныхъ, но, какъ ни ужасны эти притоны, они едва ли сравнятся съ тѣми подвальными помѣщеніями, въ которыхъ ютится большая часть недостаточнаго населенія столицы. По словамъ доктора Бубнова, производившаго осмотръ подвальнаго помѣщенія, гдѣ жилъ тотъ дворникъ, имя котораго облетѣло весь міръ, «нельзя себѣ и представить той ужасной атмосферы,

сырости и гнетущаго вліянія на душу человѣка, какія представляютъ эти темные, низкіе подвалы, настоящія пещеры».

Если прибавить къ этому, что въ этихъ «пещерахъ» живутъ по нѣсколько человѣкъ, и что эти пещеры нерѣдко заливаются водой, то ты можешь себѣ представить, что̀ это за помѣщенія!

И однако-жъ въ нихъ живутъ и за такія помѣщенія еще платятъ изрядныя, относительно, деньги владѣльцамъ этихъ разсадниковъ смерти. Не въ лучшихъ условіяхъ находятся и другія помѣщенія, предназначенныя вообще для трудящагося люда. Помѣщенія на заводахъ, на фабрикахъ, при мастерскихъ, при трактирахъ, въ типографіяхъ представляютъ собою образцы такихъ ужасныхъ клоакъ, что удивляешься, какъ еще люди выдерживаютъ. А какъ живутъ, напримѣръ, петербургскіе извозчики, то можешь судить изъ слѣдующаго описанія одной изъ квартиръ петербургскихъ извозчиковъ, которыя я осматривалъ. Когда съ улицы я вошелъ на грязный дворъ и по большому слою навоза и мокрой, липкой грязи добрался до маленькой двери и, отворивъ ее, вошелъ въ низкую, темную, душную комнату, то меня обдало такимъ запахомъ, что я принужденъ былъ немедленно выйти обратно на воздухъ. Освѣжившись, я снова вошелъ. Комната была крошечная; она освѣщалась ночникомъ. На нарахъ въ повалку лежало двадцать человѣкъ извозчиковъ, у многихъ не было подушекъ; подстилками служилъ войлокъ, люди спали, нераздѣтые, прикрытые полушубками. Я не могъ пробыть въ этомъ логовищѣ болѣе пяти минутъ и поспѣшилъ уйти.

— Это еще вы видѣли, милордъ, относительно удобное помѣщеніе,— замѣтилъ докторъ, сопровождавшій меня:—а есть и того хуже.

— Хуже? Но развѣ можетъ быть что-нибудь хуже?

— Осенью хуже. Извозчики возвращаются съ работы часто въ мокрыхъ армякахъ, которые сушатъ тамъ же. Полумокрые ложатся они спать, и тогда атмосфера дѣлается ужасной.

Трактирныя помѣщенія для прислуги тоже грязны, тѣсны и малы, и, заглянувъ въ нихъ, я поразился отсутствіемъ постельнаго бѣлья, кроватей и т. п. Люди валялись кое-какъ, а то и просто на полу въ повалку.

Такъ живутъ, Дженни, не нищіе, а люди, находящіеся при дѣлѣ или въ услуженіи, и если таковы помѣщенія въ разныхъ мастерскихъ, то нельзя похвалить помѣщеніе прислуги и въ частныхъ домахъ. Здѣсь при наймѣ квартиръ не принято принимать въ разсчетъ помѣщенія для прислуги, и бо̀льшая часть квартиръ устроена такимъ образомъ, что для прислуги нѣтъ опредѣленнаго мѣста, и она притыкается гдѣ-нибудь въ коридорѣ, на кухнѣ и т. п. И не только въ маленькихъ квартирахъ, но и въ большихъ, гдѣ много парадныхъ комнатъ, помѣщеніе для прислуги не составляетъ предмета заботы для хозяевъ. На мои вопросы по этому поводу мнѣ обыкновенно отвѣчали:

— Русскій человѣкъ, милордъ, не избалованъ на этотъ счетъ. Гдѣ-нибудь да приткнется...

Обыкновенно онъ гдѣ-нибудь да притыкается и, разумѣется, даже и ночью лишенъ самаго простого комфорта. Спитъ на полу, не раздѣваясь, и мирится съ такими, казалось бы, невозможными условіями. Если бы наша прислуга посмотрѣла, какъ живетъ въ Петербургѣ русская прислуга, то, она, Дженни, пришла бы въ ужасъ.

Въ то время, какъ Петербургъ занимался боткинской исторіей, и занимался, по обыкновенію, гораздо болѣе, чѣмъ, казалось бы, слѣдовало, въ Кронштадтѣ, по близости отъ Петербурга, успѣлъ лопнуть еще одинъ банкъ, куда отдавали свои сбереженія матросы и бѣдные чиновники. По обыкновенію, лопнулъ онъ неожиданно, внезапно разоривъ массу бѣдняковъ. Тотчасъ же принялся за дѣло прокуроръ, и впереди предстоитъ новый банковый процессъ.

Этихъ процессовъ здѣсь такъ много, что за ними и не услѣдишь. Недавно, напримѣръ, разбирался фактъ покражи въ Волжскомъ банкѣ. Обстоятельства все одни и тѣ же: были деньги—нѣтъ денегъ, была касса—нѣтъ кассы. По обыкновенію, администраторы либо проглядѣли, либо запамятовали, а одинъ, кто не запамятовалъ, пользовался и черпалъ широкими пригоршнями.

Впрочемъ, эти дѣла, какъ обыденныя, уже и перестаютъ интересовать публику,—такъ эти растраты и похищенія здѣсь часты, и когда я недавно спросилъ, сколько расхищено въ кронштадтскомъ банкѣ, то джентльменъ, къ которому я обратился, отвѣчалъ:

— Кажется, пустяки... Милліона полтора.

— Однако!

— Ахъ, милордъ, это такъ мизерно послѣ Юханцева, что и говорить не стоитъ.

Я не стану сообщать тебѣ подробностей всѣхъ этихъ растратъ, такъ какъ пришлось бы повторить одно и то же. Замѣчу только, что въ Россіи, какъ я слышалъ, существуетъ правильно организованное общество (членами котораго нерѣдко состоятъ весьма почтенные джентльмены, занимающіе по пятнадцати должностей разомъ), имѣющее спеціальною цѣлью: уничтожить повсемѣстно банки и не успокоиться до тѣхъ поръ, пока въ имперіи останется цѣлымъ хотя одинъ банкъ, исключая, впрочемъ, государственнаго, такъ какъ уничтоженіе послѣдняго не входитъ въ цѣли названнаго общества.

Когда я освѣдомился, почему государственный банкъ объявленъ названнымъ обществомъ, такъ сказать, внѣ закона, то свѣдущій человѣкъ отвѣчалъ мнѣ:

— Откуда-жъ тогда будутъ получать жалованье и разныя добавочныя члены общества? Поэтому имъ нѣтъ никакого разсчета сразу уничтожить государственный банкъ.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ занимались толками о Боткинѣ и

вскользь говорили о банковыхъ кражахъ и прочитывали отчеты о первыхъ засѣданіяхъ болгарскаго народнаго собранія, недалеко отъ столицы, въ глуши Новгородской губерніи, случился фактъ, повергшій меня, иностранца, въ глубочайшее изумленіе и заставившій мысленно перенестись въ XIII столѣтіе. Я говорю, Дженни, о сожженіи живьемъ женщины, которую приняли за колдунью. Но объ этомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

Письмо тридцать пятое.

Дорогая Дженни!

Послѣ шести мѣсяцевъ, столь безмятежно и счастливо проведенныхъ вмѣстѣ съ тобою въ дорогомъ отечествѣ, я благополучно ступилъ на русскую землю, въ Одессѣ, 15-го сентября. Благодаря Бога, я здоровъ и невредимъ и твердо уповаю совершить второе мое путешествіе столь же благополучно, какъ совершилъ первое. Ты очень хорошо знаешь серьезную цѣль настоящей моей поѣздки, и слѣдовательно надо покорно переносить бремя разлуки и приготовиться къ неизбѣжнымъ маленькимъ случайностямъ и недоразумѣніямъ, неразлучнымъ спутникамъ всякихъ путешествій въ отдаленныя страны. Помни, Дженни, что ты англичанка, и не предавайся отчаянію. Вытри слезы съ прелестнаго твоего личика и не позволяй мрачнымъ предчувствіямъ овладѣвать твоимъ разсудкомъ.

Не могу я забыть, Дженни, какъ ты все упрашивала меня повременить отъѣздомъ въ Россію и выждать, по крайней мѣрѣ, окончанія афганской войны, и какъ, провожая меня въ Дуврѣ, ты такъ, бѣдняжка, прощалась со мной, точно я отправлялся не въ союзную намъ великую державу, а въ страну зулусовъ. Снова повторяю тебѣ: успокойся и не предавайся нелѣпымъ опасеніямъ. Не забудь, во-первыхъ, что я путешествую съ паспортомъ знатнаго иностранца, во-вторыхъ, что я англійскій подданный, и, въ-третьихъ, повѣрь мнѣ (не разъ я писалъ и говорилъ съ тобой по этому поводу), что всѣ нелѣпыя свѣдѣнія, сообщаемыя въ послѣднее время нашими газетами о Россіи, не имѣютъ ни малѣйшаго правдоподобія, а вызваны единственно интригами лордовъ Биконсфильда, Салисбюри, Кросса, князя Бисмарка и графа Андраши, какъ заявляютъ самымъ категорическимъ образомъ русскія газеты. Не стали бы онѣ такъ категорически опровергать, если-бъ въ самомъ дѣлѣ въ свѣдѣніяхъ нашихъ и нѣмецкихъ газетъ было хоть зерно правдоподобія. Съ откровенностью и прямотой, отличающими русскую печать, когда дѣло коснется серьезныхъ вопросовъ, сказали бы онѣ, что справедливо и что ложно въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ, и если приписываютъ ихъ интригѣ европейскихъ министровъ, то, безъ сомнѣнія, дѣлаютъ это на основаніи данныхъ, обязательно предоставленныхъ имъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Вотъ настоящая правда, и разъ навсегда предостерегаю тебя, Дженни,

во имя спокойствія, отъ чтенія нашихъ газетъ во все время пребыванія моего въ гостепріимной странѣ. Письма мои замѣнятъ тебѣ газеты; въ моихъ наблюденіяхъ ты почерпнешь дѣйствительныя, а не вымышленныя свѣдѣнія, которыми европейскіе министры хотятъ поселить въ народахъ нелюбовь къ Россіи, понимая, сколь завидуютъ они патріархальному и безмятежному счастію русскихъ.

Въ Константинополѣ я пробылъ три дня, но, къ сожалѣнію, не имѣлъ счастія видѣть его величества турецкаго султана. Настоящее положеніе дѣлъ въ этомъ городѣ таково, что бѣдному султану дѣйствительно нельзя позавидовать, и онъ по справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей въ мірѣ. Онъ одинаково боится и сэра Лэйярда и Фурнье, какъ и ятагана сумасшедшаго баши бузука, неосторожности повара и продажности своихъ министровъ. Какъ хочешь, Дженни, а положеніе адски-непріятное, и, будь твой Джонни на мѣстѣ его величества турецкаго султана, давно бы онъ удалился отъ дѣлъ, предпочитая спокойное существованіе съ пятьюдесятью тысячами фунтовъ годового дохода (сумму эту, вѣроятно, гарантировали бы падишаху). Однажды султанъ выѣзжалъ въ мечеть, но окружающая его свита такой непроницаемой стѣной окружала его, что я такъ и уѣхалъ изъ Константинополя, не имѣвши счастія видѣть черты повелителя правовѣрныхъ, могущество котораго подвергается столь тяжелымъ испытаніямъ со всѣхъ сторонъ. Если вѣрить корреспонденту газеты «Голосъ» (а этотъ корреспондентъ, повидимому, заслуживаетъ довѣрія), то оказывается, что сами турки не имѣютъ никакого пристрастія къ своему повелителю и мечтаютъ о скорѣйшемъ наступленіи того времени, когда мѣсто падишаха будетъ занято какимъ-нибудь христіанскимъ принцемъ, согласно пророчеству русскаго журналиста, прозваннаго въ отличіе отъ собратовъ «откровеннымъ рыцаремъ безъ страха и упрека».

И что всего удивительнѣе, Дженни, если вѣрить тому же корреспонденту «Голоса» (а длиннѣйшія его корреспонденціи, печатаемыя редакціей, свидѣтельствуютъ, что редакція ему вѣритъ), это то, что турки послѣ встрепки, заданной имъ русскими, не только не питаютъ къ нимъ ни малѣйшаго зла, а, напротивъ, именно благодаря этой встрепкѣ, такъ полюбили русскихъ, что, по словамъ корреспондента, только и говорятъ о своей любви къ нимъ. Правда, корреспондентъ увѣряетъ, что «разные паши и беи, муллы и имамы съ мрачною и ядовитою злобою» говорятъ о русскихъ; но населеніе всѣхъ состояній положительно съ непритворной симпатіей встрѣчаетъ каждаго русскаго.

Желая провѣрить достовѣрность корреспондентскихъ сообщеній, я въ Константинополѣ бесѣдовалъ съ многими изъ турецкихъ носильщиковъ и смѣло могу подтвердить справедливость наблюденій корреспондента «Голоса».

Вотъ это настроеніе турокъ и заставляетъ такъ злиться нашего Дизи. Онъ употребляетъ всевозможныя средства, чтобы выставлять русскихъ въ глазахъ турокъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Изъ самыхъ достовѣрныхъ извѣстій узналъ я, что, единственно «благодаря ковар-ной интригѣ» нашего лукаваго министра, случился недавно «ардаганскій» эпизодъ, краткая телеграмма о которомъ сперва сообщена была русской офиціальной газетой «Кавказъ», а подробности «Тифлисскимъ Вѣстникомъ». Вотъ содержаніе упомянутой телеграммы изъ Ардагана отъ 18-го сентября:

«15-го числа сего мѣсяца окружный начальникъ Раздеришинъ потребовалъ меня къ себѣ, велѣлъ разложить меня въ присутствіи многихъ зрителей и, раздѣвъ до-гола, дать мнѣ около пятидесяти ударовъ плетью; потомъ посадилъ въ тюрьму, гдѣ и донынѣ содержусь. Заболѣвши, я потребовалъ къ себѣ доктора, но онъ не былъ допущенъ. Причина варварскаго поступка со мною та, что я не удовлетворилъ частному требованію окружнаго начальника, имѣя законное основаніе. Прошу защиты у подлежащаго судебнаго мѣста. Одно слѣдствіе можетъ обнаружить учиненный мнѣ позоръ и степень превышенія Раздеришинымъ власти. Обращаю мольбы къ справедливымъ распоряженіямъ властей объ освобожденіи беззащитнаго отъ позора и о законномъ взысканіи съ виновнаго».

«2-й гильдіи купецъ *Суриновъ*».

Вслѣдъ за телеграммой были обнародованы и подробности, изъ которыхъ обнаружилось, Дженни, что почтенный джентльменъ, пострадавшій столь жестоко, не одолжилъ, несмотря на требованіе русскаго начальника, своей лошади, изукрашенной серебряной сбруей, для параднаго въѣзда въ Ардаганъ.

Такъ разсказываютъ всѣ газеты; по счастію, онѣ не знаютъ настоящаго виновника столь прискорбнаго недоразумѣнія и со свойственной имъ горячностью изобличаютъ бѣднаго титулярнаго совѣтника, унизившаго, по словамъ ихъ, страну поступкомъ, доселѣ будто бы никогда не случавшимся.

А между тѣмъ, по собраннымъ мною справкамъ, дѣло это есть дѣло рукъ нашего ловкаго Дизи. Онъ нарочно послалъ тайнаго агента своего въ Ардаганъ, дабы склонить титулярнаго совѣтника, досель отличавшагося примѣрнымъ уваженіемъ законовъ своей страны, къ акту, столь несвойственному добродѣтельному сердцу вышеупомянутаго агента. Послѣ долгихъ усилій англійское золото, представившее случай обезпечить будущность, возымѣло дѣйствіе: титулярный совѣтникъ былъ побѣжденъ.

Со слезами на глазахъ и съ мукой въ сердцѣ рѣшился онъ отодрать купца Суринова, придравшись къ пустому предлогу. Интрига такимъ образомъ достигла цѣли, и шпіонъ лорда Биконсфильда, рас-

хаживая по улицамъ Ардагана, иронически спрашивалъ у турокъ: «какова порка-то?». Въ отвѣтъ на это турки только мрачно покачивали головой, хотя, впрочемъ, къ досадѣ Биконсфильдова агента, все-таки повторяли, что любовь ихъ къ русскимъ искренняя. Какъ англичанинъ, я не хочу разоблачать этой гнусной новой интриги нашего министра, тѣмъ болѣе, что она, какъ видишь, не могла пошатнуть расположенія турокъ. По всей вѣроятности, на судѣ титулярный совѣтникъ скроетъ истинную причину своего поступка. Тайна эта пусть сохранится въ твоей груди, Дженни; но по крайней мѣрѣ ты знаешь теперь, какъ правы русскія газеты, обличая интриги нашихъ министровъ, недостойныя истинныхъ джентльменовъ. Не знаю, принималъ ли участіе въ названной интригѣ г. Бисмаркъ, или она велась однимъ Дизи, но несомнѣнно только одно, что ардаганскій начальникъ безъ нашего Дизи никогда бы не рѣшился на порку, и притомъ такую обстоятельную, какого бы то ни было своего подданнаго, а тѣмъ болѣе подрядчика.

Однако я забѣжалъ впередъ, разсказывая тебѣ о бѣдномъ джентльменѣ, пострадавшемъ изъ-за политическаго соперничества двухъ великихъ державъ, и не упомянулъ о совершенномъ мною путешествіи на пароходѣ Русскаго общества пароходства и торговли изъ Константинополя въ Одессу.

Черное море встрѣтило насъ весьма дружелюбно. Плаваніе на пароходѣ, весьма хорошо приспособленномъ для пассажировъ перваго и второго классовъ (о третьемъ я того же, по чести, сказать не могу), было весьма пріятнымъ и поучительнымъ, тѣмъ болѣе, что изъ Варны въ числѣ пассажировъ съ нами ѣхало нѣсколько болгарскихъ депутатовъ, пожелавшихъ, въ видѣ ознакомленія съ своими обязанностями, посѣтить засѣданія земскихъ собраній и засѣданія городскихъ думъ. Болгарскіе депутаты, очень видные джентльмены, украшенные орденомъ Станислава третьей степени, очень весело разсказывали мнѣ о своей странѣ. Одно только печалило ихъ, это то, что русская армія оставила княжество.

— Развѣ вы боитесь нападенія турокъ?

— Нѣтъ, господине, не боимся!

— Такъ чего вы такъ жалѣете русскихъ?

— Очень хорошо при нихъ было. Золота много у русскихъ; они его не жалѣли. У нихъ много золота. Одно только неладно было, господине! — проговорилъ одинъ джентльменъ, пожимая какъ-то плечами.

— Что?

— Вспыльчивъ очень братушка... Иной разъ нагайкой... Ну, разумѣется, больше для страха... Только взмахнетъ, а мы народъ смирный, пугливый, признаться, пугливый...

— Ну, и насчетъ женскаго пола, — прибавилъ другой джентль-

менъ:—очень ужъ лакомъ былъ братушка... Теперь у насъ вдовъ-то сколько осталось!

На пароходѣ я имѣлъ случай, Дженни, познакомиться съ русскимъ корреспондентомъ одной изъ распространенныхъ газетъ. Онъ возвращался изъ Константинополя въ Петербургъ, чтобы оттуда ѣхать въ Афганистанъ поднимать племена противъ англичанъ.

Несмотря на то, что названный корреспондентъ очень хорошо зналъ о моей національности, онъ говорилъ о своемъ предпріятіи съ тѣмъ откровеннымъ легкомысліемъ, какимъ, сколько кажется, отличаются вообще спеціальные русскіе корреспонденты. Я разговорился съ этимъ добрымъ, веселымъ малымъ и былъ, признаться, пораженъ тою, можно сказать, отважностью сужденій, какую обнаруживалъ мой собесѣдникъ. Начать съ того, что онъ не зналъ даже основательно, гдѣ находится Афганистанъ, и, когда я искренно выразилъ недоумѣніе, найдетъ ли онъ дорогу, онъ, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Какъ не найти, милордъ? Найду. Первымъ дѣломъ куплю въ гостиномъ дворѣ чемоданъ, потомъ пріобрѣту карту, возьму изъ редакціи триста рублей и немедленно же маршъ впередъ безъ страха и боязни...

Когда я нѣсколько удивленно взглянулъ на корреспондента, онъ весело прибавилъ:

— Не въ первый разъ, милордъ, путешествовать налегкѣ. А насчетъ географіи я не боюсь... Какъ-нибудь въ вагонѣ повторю.

Затѣмъ почтенный джентльменъ принялся разсказывать, какъ онъ на своемъ вѣку бесѣдовалъ съ Бисмаркомъ, Гладстономъ, Биконсфильдомъ, Гамбеттой, персидскимъ шахомъ и прочими важными лицами. Всѣ его очень любезно принимали, благодаря его умѣнью обходиться съ высокопоставленными особами. Бисмаркъ дружески его потрепалъ по плечу, Гамбетта сыгралъ съ нимъ партію въ кегли, Дизи подарилъ ему экземпляръ романа, Гладстонъ оставилъ его обѣдать, а персидскій шахъ даже приглашалъ его на службу.

Обо всемъ онъ говорилъ, не моргнувъ глазомъ, очевидно, довольный, что нашелъ человѣка, который ему вѣритъ.

Да, Дженни, такъ врать, какъ врутъ здѣсь, трудно себѣ представить, не познакомившись съ типомъ Хлестакова, созданнымъ геніальнымъ русскимъ писателемъ. Здѣсь врутъ добродушно, откровенно и, что̀ трогательно, иногда безъ всякой цѣли, а просто отъ нечего дѣлать, какъ птицы поютъ.

Одесса очень хорошенькій городокъ, напоминающій нѣсколько своимъ внѣшнимъ видомъ приморскіе города Средиземнаго моря. Въ Одессѣ много красивыхъ зданій, университетъ, окружный судъ и судебная палата, два театра, памятникъ графу Ланжерону, недурной бульваръ и бдительные, деликатные полисмены.

Если вѣрить свидѣтельству бывшаго одесскаго полицеймейстера, пол-

ковника Антонова, данному имъ при разборѣ его дѣла въ кассаціонномъ департаментѣ Сената (объ этомъ дѣлѣ мнѣ придется упомянуть), то нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ одесскіе полисмены далеко не отличались разнообразіемъ похвальныхъ качествъ, а теперь, по крайней мѣрѣ, если рѣшиться судить по нѣкоторымъ наблюденіямъ, одесскіе полисмены вѣжливы, деликатны, усердны и бдительны. Какъ случилась такая метаморфоза, откуда достали такихъ идеальныхъ полицейскихъ чиновъ, никто объяснить мнѣ основательно не могъ, но я, съ своей стороны, долгомъ считаю сообщить тебѣ, Дженни, объ этомъ. Мнѣ кажется даже, что, въ разсужденіи усердія, одесскіе полисмены грѣшатъ даже нѣкоторымъ избыткомъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться по опыту въ первый же день моего пріѣзда. Не спорю, что избытокъ упомянутаго качества во всякомъ случаѣ лучше совершеннаго недостатка, но не скрою, что русскіе вообще любятъ доводить даже похвальныя черты своего характера за черту благоразумія и осторожности, впрочемъ, мало свойственныхъ ихъ національному темпераменту. Недаромъ, по выраженію поэта, русскіе любятъ:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча.

Какъ я писалъ тебѣ неоднократно, русскіе ругаются мастерски, уснащая рѣчь самыми разнообразными прилагательными въ сокращенной формѣ. И потому ты до нѣкоторой степени поймешь мое изумленіе, когда, выйдя изъ гостиницы на бульваръ (натурально, паспортъ свой я отдалъ для прописки немедленно по пріѣздѣ въ гостиницу) и остановившись на лѣстницѣ въ созерцаніи красиваго вида, я услышалъ надъ самымъ ухомъ нѣжный, ласковый голосъ:

— Простите, господинъ, за вопросъ. Что изволите вы тутъ дѣлать и зачѣмъ пристально смотрите на море?

Обернувшись, я увидѣлъ передъ собою полисмена. Это былъ, Дженни, весьма приличный джентльменъ, средняго роста, повидимому, бывшій военный.

— Да такъ, на море любуюсь.

— Не сообщите ли вы мнѣ, господинъ, что нашли вы на морѣ интереснаго?

— Охотно. Посмотрите, что за гладь, что за тишина!.. Какъ блеститъ солнце на зеркальной поверхности!.. Вѣдь просто прелесть!..

Полисменъ и самъ размякъ подъ вліяніемъ прелестнаго вида на море и, вступивъ со мною въ дружескую бесѣду, цитировалъ Байрона, Данте и Леопарди. Послѣ сердечныхъ излiяній онъ спросилъ:

— Откуда изволили пріѣхать?

— Изъ Константинополя.

— Вы русскій?

— Нѣтъ, англичанинъ.

— Но почему вы такъ хорошо говорите по-русски?

— Выучился.

— Прекрасно говорите по-русски. Имѣю честь кланяться! — промолвилъ онъ, прикидывая граціозно руку къ козырьку.

Возвращаясь назадъ въ гостиницу, я обернулся и замѣтилъ, что въ почтительномъ отдаленіи за мной слѣдуетъ мой пріятель. Очевидно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе моей національностью и принялъ меня, пожалуй, за шпіона.

Когда я въ тотъ же вечеръ разсказывалъ объ этомъ на вечерѣ у одного негоціанта, то онъ весело смѣялся и замѣтилъ:

— Не сердитесь, милордъ. Онъ по усердію...

Черезъ три дня, осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности и познакомившись съ мѣстной прессой, я поспѣшилъ уѣхать изъ Одессы, тѣмъ болѣе, что торопился заглянуть въ Крымъ. Кстати о прессѣ. Здѣсь, Дженни, нѣсколько газетъ, и весьма приличныхъ. По крайней мѣрѣ бумага и шрифтъ не оставляютъ желать лучшаго. Что же касается до содержанія, то, за исключеніемъ одного «Одесскаго Вѣстника», всѣ одесскія газеты высказываются о своихъ потребностяхъ и нуждахъ въ самомъ откровенномъ направленіи. Разсказывали, что статьи извѣстнаго русскаго профессора Цитовича, печатаемыя въ «Новор. Телеграфѣ», производятъ сильное впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, я прочелъ только одну статью почтеннаго профессора, въ которой онъ описываетъ какихъ-то «мадамшъ» съ гражданскимъ мужествомъ, дѣлающимъ честь его откровенности. Правда, слогъ почтеннаго ученаго нѣсколько скабрезенъ даже для сыскного отдѣла, въ статьѣ сквозитъ личное раздраженіе, но вообще статья откровенна.

Вообще, сколько я могъ замѣтить въ послѣднее время, журналистика русская сдѣлала большіе успѣхи въ смыслѣ откровенности, и если въ первое мое пребываніе въ Россіи журналисты какъ будто были болѣе скрытны, то зато теперь они, какъ здѣсь говорятъ, «закусили удила» и печатаютъ все, что только подходитъ подъ откровенное направленіе, безъ всякаго опасенія за розничную продажу. Впрочемъ, къ этому вопросу мнѣ еще придется вернуться, а теперь въ нѣсколькихъ словахъ разскажу тебѣ мою экскурсію на южный берегъ Крыма.

Прелестнымъ уголкомъ надѣлила Турція Россію (вѣрнѣе, прелестнымъ уголкомъ завладѣла императрица Екатерина): превосходные виды, голубое небо, превосходная природа и мягкій климатъ. Сюда многіе пріѣзжаютъ на осень, а больные проводятъ зиму. Этотъ уголокъ былъ бы однимъ изъ прелестнѣйшихъ въ Европѣ, если бы рука человѣка приложила нѣкоторыя усилія къ дарамъ природы. Но такъ какъ русскіе, надѣясь на Господа Бога и разсчитывая, что Божественный Промыслъ не оставитъ ихъ, не особенно заботятся о своемъ краѣ, то въ концѣ концовъ оказывается, что жить въ Крыму возможно только очень богатымъ

людямъ, а остальнымъ смертнымъ выгоднѣе ѣхать умирать въ Швейцарію или на югъ Франціи. Дороговизна страшная въ гостиницахъ и въ одномъ-двухъ пансіонахъ, которые здѣсь находятся. Одинаково дороги и квартиры. Цѣны всѣхъ продуктовъ сумасшедшія; ихъ привозятъ изъ Одессы или Севастополя. Купальни не устроены. Общественная купальня въ Ялтѣ представляетъ собою скорѣе общественную выставку женскихъ тѣлъ, на которую ходятъ любоваться пріѣзжіе люди, чѣмъ сколько-нибудь сносное купанье. Дома отвратительно построены, развлеченій никакихъ, библіотека плохая... однимъ словомъ, кромѣ чуднаго климата и изящныхъ дворцовъ, раскинутыхъ по побережью, на южномъ берегу Крыма нѣтъ ничего, что бы могло привлечь небогатаго человѣка.

— Отчего это ничего не устроятъ здѣсь? — спрашивалъ я одного русскаго.

— Да развѣ здѣсь не устроено? Помилуйте, чего же еще... слава Богу!

Я пробылъ въ Крыму недолго, и экскурсія моя окончилась, милостью Бога, благополучно. Правда, въ одной деревушкѣ моя шляпа съ бѣлой вуалью чуть-было не сдѣлалась предметомъ серьезнаго недоразумѣнія, но я тотчасъ поднесъ подъ носъ сельскому писарю свой паспортъ знатнаго иностранца, и писарь разрѣшилъ мнѣ продолжать носить мою шляпу.

Да, Дженни, природа здѣсь разлила свои дары очень щедро, но пользоваться ими могутъ только очень немногіе.

Письмо тридцать шестое.

Дорогая Дженни!

Благодареніе Всевышнему, я совершилъ путешествіе отъ Крыма до Петербурга здравъ и невредимъ. Я прибавилъ бы: вполнѣ благополучно, если бы чувство справедливости не заставило меня упомянуть о недоразумѣніяхъ, впрочемъ, самыхъ незначительныхъ, бывшихъ со мною на дорогѣ, но по совѣсти скажу, что въ нихъ прежде всего виноватъ я самъ и никто болѣе.

Еще въ Бахчисараѣ одинъ русскій джентльменъ доброжелательно предупреждалъ меня, чтобы я снялъ шляпу съ вуалью и по возможности освободился отъ слишкомъ, по его мнѣнію, свободныхъ манеръ, которыя могутъ быть поводомъ къ недоразумѣнію въ различныхъ захолустьяхъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенныхъ агентовъ.

— Повѣрьте, милордъ, — пояснилъ онъ, замѣтивъ изумленіе на моемъ лицѣ: — опытному человѣку. Я только-что возвратился съ Кавказа, испытавъ немало недоразумѣній въ путешествіи единственно вслѣдствіе свободныхъ моихъ манеръ. Впрочемъ, не я одинъ. Быть-можетъ, вы читали въ газетахъ происшествіе съ химикомъ-винодѣломъ Саломономъ?

— Читалъ...

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить тебѣ, Дженни, что почтеннаго винодѣла въ одной изъ деревень приняли за подозрительнаго человѣка вслѣдствіе свободныхъ его манеръ и большого сходства съ европейцемъ.

— Если читали, то удивляюсь, милордъ, какъ это вы такъ размахиваете руками, громко разговариваете, однимъ словомъ, внушаете всѣмъ и каждому, что вы европеецъ?

— Но вѣдь я не на Кавказъ ѣду!—отвѣчалъ я, искренно пожимая руку благожелателю за его предупрежденіе.

Подивившись, признаться, осторожности русскаго джентльмена,— осторожности, столь, казалось бы, несвойственной русскому племени, я пренебрегъ его совѣтомъ и надѣлъ шляпу съ вуалью, но въ скоромъ времени сталъ замѣчать, что злополучный мой головной уборъ, столь распространенный на Востокѣ, обратилъ на себя вниманіе.

Нечего и говорить, что по пріѣздѣ въ ближайшій городъ, гдѣ можно было купить себѣ шляпу (пришлось, впрочемъ, ѣхать цѣлыя сутки до такого города), я немедленно отправился въ лавку и спросилъ себѣ шляпу.

— Какую вамъ?

— Самую благонамѣренную!

Приказчикъ не понималъ меня.

— У насъ,—говорилъ онъ:—есть шляпы Бисмаркъ, есть шляпы «свободныхъ гражданъ», есть гарибальдійки, есть наконецъ обыкновенные цилиндры...

— Превосходно. Давайте мнѣ Бисмарка!

Шляпа была уродлива, нѣмецкаго фасона, похожая на цвѣточный горшокъ, но, дѣлать было нечего, я надѣлъ Бисмарка на голову. Но не прошло и дня, какъ Бисмаркъ подалъ поводъ ко второму недоразумѣнію, которое заключалось въ слѣдующемъ.

За нѣсколько станцій до Курска, въ вагонъ I класса, гдѣ я находился, вошелъ пожилой господинъ высокаго роста, съ длинной бородой. Онъ сѣлъ около меня и вначалѣ даже завелъ со мной самый дружескій разговоръ; но когда мы пріѣхали въ Курскъ и я хотѣлъ-было идти закусить, какъ вдругъ появились въ вагонѣ сторожа, а высокій джентльменъ произнесъ:

— Это ты! Берите его, братцы, этого нѣмца!

Откровенно признаюсь тебѣ, Дженни, у меня сильно забилось сердце. Сторожа были саженные молодцы, всѣ на подборъ. Зная, сколь русскіе люди добросовѣстны при исполненіи своихъ обязанностей и какъ вообще не любятъ они нѣмцевъ, я, при видѣ четырехъ молодцовъ, соображалъ, сколько мѣсяцевъ придется мнѣ пролежать въ больницѣ.

— Остановитесь!—воскликнулъ я отчаянно.—Я не нѣмецъ!

— Вретъ онъ, ребята! У него самая нѣмецкая шляпа! — проговорилъ джентльменъ съ длинными усами. — Онъ навѣрное Бисмарковъ

шпіонъ. Недаромъ нѣмецъ уже у воротъ Дерпта (джентльменъ, Дженни, цитировалъ восклицаніе извѣстнаго германофобскаго органа)! Онъ теперь къ намъ внутрь пробирается. Лупцуй-ка. По пяти рублей на рыло!

— Стой, ребята! Я не нѣмецъ: вотъ вамъ доказательство!

И я, Дженни, произнесъ подъ рядъ нѣсколько самыхъ отчаянныхъ ругательныхъ клятвъ, употребленіе которыхъ между русскими почему-то обязательно.

Всѣ остановились въ нѣкоторой нерѣшительности.

— Должно-быть, они будутъ русскіе!—проговорилъ одинъ изъ сторожей.

И, чтобы окончательно убѣдить, что я русскій, твой другъ, Дженни, далъ одному изъ джентльменовъ такой ударъ бокса, что высокій господинъ тотчасъ послѣ этого подошелъ ко мнѣ и, объявивъ, что онъ купецъ второй гильдіи, торгуетъ мяснымъ товаромъ въ Охотномъ ряду въ Москвѣ, сталъ извиняться и приглашалъ выпить вмѣстѣ съ нимъ, въ знакъ дружбы, бутылку пива.

— Ужъ вы простите. Я до страсти нѣмца не люблю, а въ послѣднее время такъ просто слышать о немъ не могу, какъ онъ нашу матушку Россію оплелъ.

Я простилъ этому чудаку, но не могъ не выразить удивленія по поводу его храбрости.

— Вы,—прибавилъ я:—могли бы пострадать, сэръ, за самоуправство!

— Ни въ жизнь!—смѣясь, отвѣтилъ онъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Я сказалъ бы, что принялъ васъ за подозрительнаго человѣка, и дѣло въ шляпѣ!

— Ну?

— Ну, значитъ, и отлупцовали бы васъ, милый человѣкъ, изъ патріотизма. Компрене?

— Однако, сэръ...

— Что дѣлать? Надо наконецъ намъ перестать Европѣ въ зубы-то смотрѣть!

Несмотря на столь удачный исходъ недоразумѣнія, и то единственно благодаря моей находчивости и основательному знакомству съ русскимъ языкомъ, я все-таки, Дженни, пересѣлъ въ другой вагонъ и до самаго Петербурга остерегался съ кѣмъ-либо вступать въ разговоръ, тѣмъ болѣе, что и спутники мои русскіе, обыкновенно въ дорогѣ сообщительные, теперь сидѣли молча, подозрительно посматривая другъ на друга.

Я остановился въ той же «Европейской гостиницѣ», въ которой останавливался и въ первый мой пріѣздъ, и первымъ моимъ дѣломъ, разумѣется, было отправить въ контору гостиницы свой паспортъ, чтобы въ газетахъ поскорѣй явилось извѣстіе о прибытіи знатнаго

иностранца, столь преданнаго Россіи и русскимъ, и въ видахъ предосторожности противъ лакеевъ въ гостиницѣ, относящихся къ незнатнымъ иностранцамъ съ какимъ-то непонятнымъ для насъ, англичанъ, подозрительнымъ предубѣжденіемъ.

Я нашелъ, Дженни, въ Петербургѣ нѣкоторыя перемѣны, свидѣтельствующія несомнѣнно о быстромъ ростѣ сѣверной Пальмиры. Во-первыхъ, мостъ черезъ Неву готовъ и открытъ для движенія. Мостъ очень красивъ, изященъ и, относительно, выстроенъ дешево, такъ какъ, по словамъ русскихъ, никто не мѣшалъ, какъ здѣсь выражаются, «вкатить» его въ три раза дороже. Относительно прочности самъ строитель утверждалъ неоднократно, что мостъ проченъ и вообще превосходно выстроенъ, а равно, что строитель—замѣчательный строитель и прекрасный гражданинъ. При замѣчательной скромности русскихъ, о которой я не разъ свидѣтельствовалъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, подобное, очевидно, вынужденное заявленіе слѣдуетъ считать лучшимъ ручательствомъ какъ за достоинство постройки, такъ равно и за талантливость строителя.

Затѣмъ, что крайне порадовало меня, это удобство (котораго прежде не было) при отысканіи домовъ и квартиръ, а равно удобство быть внесеннымъ въ свою квартиру, въ случаѣ поздняго возвращенія домой въ такомъ видѣ, когда человѣкъ вовсе теряетъ способность движенія.

Прежде справки о томъ, гдѣ живетъ такое-то лицо, составляли воистину адское дѣло въ Петербургѣ. Приходилось отыскивать дворника, что не всегда было легкимъ дѣломъ, а теперь обязательный и вѣжливый дворникъ всегда къ услугамъ твоимъ у воротъ и готовъ по первому требованію показать не только дорогу въ квартиру, но если бы тебѣ понадобилось, то и дорогу въ ближайшій police-station.

Помимо того, Дженни, прежде знатный иностранецъ (какъ не разъ было со мною), возвращавшійся съ торжественнаго обѣда или съ ужина въ состояніи невмѣняемости, рисковалъ провести ночь у дверей своей квартиры, такъ какъ здѣсь, какъ въ странѣ демократической, знатные иностранцы въ пьяномъ состояніи не пользуются привилегіей, оказываемой полисменами гражданамъ менѣе почетныхъ сословій, быть отвезенными на извозчикѣ (gratis, разумѣется) въ участокъ для отрезвленія; такимъ образомъ, Дженни, вопросъ о нахожденіи дверей своей квартиры нерѣдко являлся роковымъ. Обязательные же дворники всегда готовы теперь явиться на помощь и донести на своихъ плечахъ до постели гражданина, не въ мѣру выпившаго шампанскаго.

Затѣмъ, говоря о перемѣнахъ, я долженъ упомянуть о замѣтномъ оживленіи и о такой откровенности прессы, какой я прежде не замѣчалъ въ ней, а съ другой стороны, о большей сдержанности и средоточіи въ себѣ жителей, въ виду грозящей, какъ увѣряютъ многія газеты, опасности отъ нѣмца. Разсчитывая коснуться этихъ явленій въ слѣдующемъ письмѣ, пока замѣчу тебѣ, что, благодаря пущенному

органомъ крайнихъ джинговъ слуху, что нѣмцы ужъ у воротъ Дерпта, русскіе стали рѣже оставлять свои дома и къ вечеру стараются быть дома, чтобы какъ-нибудь среди глубокой ночи не очутился нѣмецъ у ихъ воротъ и не засталъ бы столичнаго жителя врасплохъ.

Но нововведеніе, въ особенности поразившее меня — и, признаюсь, поразившее не особенно пріятно мое обоняніе—это появленіе значительнаго количества тѣхъ спеціалистовъ извѣстнаго сорта, пріемы которыхъ и специфическій запахъ дали талантливому русскому сатирику идею назвать ихъ «уроженцами ретирадныхъ мѣстъ».

Прежде, сколько помнится, названные джентльмены не съ тою свободой и съ меньшимъ по крайней мѣрѣ апломбомъ показывались днемъ и по возможности избѣгали общаго вниманія, понимая очень хорошо, что и безъ того столица не можетъ похвастать хорошимъ воздухомъ. Дѣятельность этихъ джентльменовъ начиналась обыкновенно ночью, и только запоздалые путники могли обонять всю прелесть ночного эфира. Теперь же эти уроженцы не только свободно гуляютъ по улицамъ среди бѣлаго дня, но даже стали заниматься публицистикой, и вотъ, вѣроятно, причина ужаснѣйшаго запаха, издаваемаго нѣкоторыми изъ здѣшнихъ газетъ.

Когда, вскорѣ послѣ пріѣзда, я обратился за разъясненіемъ къ одному изъ журналистовъ, тотъ безъ всякой запинки отвѣтилъ:

— Это запахъ здоровый, очищающій нашу литературу.

— Развѣ она требуетъ такой радикальной дезинфекціи?

— Именно, милордъ. Пора очистить! Время нынче самое подходящее.

— Но отчего, скажите, все-таки газеты такъ скверно пахнутъ?

— Это вамъ съ непривычки кажется. Напротивъ, самый здоровый запахъ!

Быть-можетъ, Дженни, онъ и правъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ (ты не забыла русской поговорки: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть!»), такъ какъ я встрѣчалъ очень много русскихъ, которые не только что не надѣваютъ перчатокъ, приступая къ чтенію газетъ съ специфическимъ запахомъ, но даже облизываютъ ихъ, выражая этимъ, по русскому обычаю, высшій знакъ расположенія.

Какъ видишь, не только нравственныя понятія относительны, но и самое обоняніе относительно.

До слѣдующаго письма. Будь спокойна и вѣрь счастливой звѣздѣ твоего вѣрнаго Джонни.

Письмо тридцать седьмое.

Дорогая Дженни!

Прежде чѣмъ разсказать тебѣ о причинахъ необыкновеннаго оживленія русской печати, насколько я могу, по крайней мѣрѣ, догады-

ваться, отмѣчу слѣдующій фактъ, поразившій меня въ настоящій пріѣздъ. Во-первыхъ, русская публицистика развилась за короткое время съ такою свободою, о которой едва ли могли мечтать русскіе журналисты нѣсколько времени тому назадъ. Безъ какой-либо боязни, въ настоящее время можно говорить рѣшительно обо всемъ, а преимущественно о метеорологическихъ явленіяхъ... Прочитывая, въ качествѣ любопытнаго иностранца, здѣшнія газеты, я къ ужасу своему увидѣлъ, какая масса преступниковъ гуляетъ на свободѣ, и мало того, нѣкоторые изъ нихъ еще держатъ въ рукахъ перья и этими самыми перьями, Дженни, если вѣрить ихъ обвинителямъ, совершаютъ по десяти уголовныхъ преступленій въ минуту. Не проходитъ дня, чтобы одна часть прессы, которую можно назвать вполнѣ свободною въ розыскахъ, въ отличіе отъ другой части, которую слѣдуетъ назвать менѣе свободною, не обвиняла кого-нибудь изъ собратовъ, а то даже и частныхъ людей въ какомъ-либо преступленіи, за которое слѣдовало бы, какъ здѣсь выражаются, «за ушко да на солнышко». Обвиненія пишутся и въ прозѣ и въ стихахъ, съ прямымъ указаніемъ или въ формѣ иносказанія. Однимъ словомъ, Дженни, теперь можно, что называется, быть вполнѣ откровеннымъ.

Какъ я, съ своей стороны, ни радовался за свободу русской прессы, но, признаюсь, сталъ побаиваться русскихъ журналистовъ, и когда одинъ репортеръ въ письмѣ просилъ позволенія видѣться со мной, чтобы «имѣть честь» сообщить въ газету отчетъ о свиданіи съ знатнымъ иностранцемъ, вѣроятно, прибывшимъ съ цѣлью окончательнаго соглашенія по азіатскимъ дѣламъ, то я написалъ въ отвѣтъ короткое письмо, въ которомъ извинялся, что не могу принять почтеннаго русскаго джентльмена за нездоровьемъ.

Другой фактъ, не менѣе любопытный, тотъ, что въ настоящее время сочиняется такое количество записокъ, меморій и проектовъ, какое едва ли было въ другіе періоды русской исторіи. Одушевленные, разумѣется, благими побужденіями, многіе стали писать такъ-называемыя здѣсь «улики» и «предувѣдомленія». Есть улики времени, улики спеціальнымъ вѣдомствамъ, улики всѣмъ не достигшимъ пятидесятилѣтняго возраста, улики частнымъ лицамъ, улики въ воровствѣ, въ мошенничествѣ и т. п. Такое множество накопилось этихъ уликъ, что разобраться въ нихъ, Дженни, рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Видишь только, что уличаютъ одинъ другого, а московская газета г. Каткова уличаетъ поголовно всѣхъ, исключая своихъ сотрудниковъ и преподавателей древнихъ языковъ.

Потребность въ уликахъ даже обуяла должностныхъ лицъ, и недавно еще въ одномъ кавказскомъ подцензурномъ органѣ, «Тифлисскомъ Вѣстникѣ», была напечатана прелюбопытная полемика, въ которой одинъ правительственный агентъ (разумѣется, мелкій) уличилъ другого (тоже, конечно, мелкаго).

На далекомъ Кавказѣ есть Шаропанскій уѣздъ. Начальникъ его — полковникъ Ефимовскій, а у начальника, какъ водится, былъ помощникъ, подполковникъ Кавтарадзе. Пока эти агенты были вмѣстѣ, никто изъ нихъ не пробовалъ себя на литературномъ поприщѣ; но вотъ помощникъ сдѣлался самъ начальникомъ, полицеймейстеромъ города Поти, и напечаталъ статью, въ которой описалъ дѣйствія *одного* начальника, деликатно умалчивая, конечно, какъ это любятъ русскіе, кто такой этотъ «одинъ». Но начальникъ узналъ себя и отвѣчалъ на статью статейкой, въ которой, между прочимъ, спрашивалъ:

«Что должны сказать о такомъ господинѣ (Кавтарадзе) *всѣ честные люди*, когда узнаютъ, что ближній (Ефимовскій), въ котораго онъ бросилъ грязью, былъ его *начальникъ*, удостоивавшій его въ теченіе многихъ лѣтъ *широкаго довѣрія* и оказывавшій не одинъ разъ ему *благодѣянія*, не подозрѣвая, что подъ личиною *преданнаго сослуживца* скрывается непримиримый и ожесточенный врагъ?»

Но «преданный» сослуживецъ, въ отвѣтъ на увѣренія начальника, что «трудно пошатнуть добрую репутацію, которую онъ себѣ составилъ безупречною службою въ Шаропани», съ истинною неблагодарностью «преданнаго» сослуживца попробовалъ въ новомъ литературномъ упражненіи «пошатнуть добрую репутацію»: онъ, вспоминая, хотя, къ сожалѣнію, нѣсколько поздненько, Дженни, о казакахъ, употребляемыхъ для прислуги, и намекая на причины «незадержанія бѣглаго дворянина Абашидзе», совѣтуетъ бывшему начальнику «молчать», при чемъ задаетъ, опять-таки нѣсколько поздно, такіе вопросы, свидѣтельствующіе несомнѣнно о благородствѣ воззрѣній г. потійскаго полицеймейстера:

«Чѣмъ вы стяжали себѣ славу незамѣнимаго въ Шаропани уѣзднаго начальника, какъ вы всегда выражаетесь, въ теченіе 13-ти-лѣтней службы вашей? Не тѣмъ ли, что вы, съ 8-ми до 12-ти часовъ дня ежедневно, аккуратно сидите въ уѣздномъ управленіи и занимаетесь составленіемъ или пересматриваніемъ ремарокъ, разныхъ *пустыхъ* предписаній къ сельскимъ старшинамъ, и что, въ продолженіе 13-ти лѣтъ вашей службы въ Шаропани, *13-ти разъ не ѣздили по уѣзду*, чтобъ поближе ознакомиться съ нуждами и потребностями народа, нравами и обычаями котораго вы всегда гнушались? Не тѣмъ ли, что вы, въ продолженіе *многихъ лѣтъ*, занимались *мордобитіемъ* сельскихъ старшинъ и другихъ сельскихъ должностныхъ лицъ, срывая съ первыхъ цѣпи, должности ихъ присвоенныя? Наконецъ не тѣмъ ли, что вы ни одного слова не можете сказать своему чиновнику *безъ грубости и дерзости* при исполненіи имъ служебной обязанности?»

Я не знаю, Дженни, что отвѣтилъ на это припертый къ стѣнѣ «преданнымъ» сослуживцемъ начальникъ, но, что бы онъ ни отвѣтилъ (а, быть-можетъ, обоимъ джентльменамъ придется въ судѣ разговаривать), нельзя все-таки не пожалѣть, что благородныя изобличенія

«преданнаго» сослуживца покоились въ груди въ теченіе тѣхъ самыхъ 13 лѣтъ, во время которыхъ почтенный начальникъ занимался дѣлами, о которыхъ теперь повѣствуетъ обличитель. Поздно, очень поздно спохватился преданный подчиненный, и этотъ жаръ въ крови, проявленный имъ теперь, едва ли не слѣдуетъ приписать общему настроенію къ уликамъ.

Разумѣется, «преданный» подчиненный преувеличилъ, говоря, будто начальникъ въ теченіе 13 лѣтъ не могъ сказать ни одного слова безъ грубости и дерзости. Вѣдь если принять буквально слова полемизатора, то окажется, что въ теченіе 13 лѣтъ сквернословіе не прерывалось ни на минуту, что̀ едва ли возможно; даже, смѣло скажу, невозможно, такъ какъ я видалъ джентльменовъ, очень способныхъ по части ругательствъ, но и тѣ позволяли себѣ съ своими подчиненными нѣкоторую передышку. Впрочемъ, быть-можетъ, на Кавказѣ оно и не такъ, достовѣрно увѣрять тебя не смѣю.

Но ты, Дженни, сдѣлала бы большую ошибку, предположивши, что русскіе ругаются, тая въ сердцѣ зло. Въ томъ-то и заключается неотразимая прелесть ихъ взаимныхъ отношеній (я даже удивляюсь подполковнику Кавтарадзе, какъ онъ, наслаждаясь этой прелестью 13 лѣтъ, вдругъ отнесся къ ней сурово), что здѣсь не вполнѣ удобныя для передачи выраженія, заключая въ себѣ энергію лондонскихъ извозчиковъ, въ то же время имѣютъ оттѣнокъ искренности и дружелюбія, и потому, когда одинъ другому здѣсь говоритъ: «скотина» или «свинья» (я беру самыя невыразительныя привѣтствія), то это означаетъ, собственно говоря, просто-напросто вниманіе и почтеніе. Если вспоминаютъ родственниковъ, то этимъ хотятъ выразить благоговѣйную память къ умершимъ, а если при отдачѣ приказанія намекаютъ джентльмену на нѣкоторое сходство его съ собакой, то иносказательно одобряютъ его преданность, равную по силѣ съ собачьей.

Таковы обычаи въ этой странѣ, и тысячу разъ неправъ былъ бы тотъ, кто, оглушенный по русскимъ улицамъ массою привѣтствій, раздающихся направо и налѣво, подумалъ бы, что русскіе грубы и невѣжливы.

Такимъ же обличительнымъ характеромъ отличалась и защита полковника Антонова въ Сенатѣ. Полковникъ горячо защищался. Его обвиняли въ бездѣйствіи и предали суду, и вотъ что̀, между прочимъ, сказалъ онъ господамъ сенаторамъ въ свое оправданіе. Предварительно маленькое замѣчаніе. Ты увидишь, Дженни, какъ строги русскіе, когда попадется въ предосудительномъ поступкѣ какой-нибудь незначительный агентъ. По счастію, болѣе значительные не совершаютъ никогда предосудительныхъ поступковъ, и потому дѣла о нихъ никогда и не разбираютъ, а то бы это былъ хорошій урокъ для нашихъ Дизи, Салисбюри и другихъ, воображающихъ себя безотвѣтственными. Побывали бы они здѣсь да посмотрѣли бы, какъ строго наказывается

здѣсь безпечность, бездѣйствіе, превышеніе, корыстолюбіе и т. п. поступки.

Сдѣлавъ предварительное замѣчаніе, перевожу тебѣ изъ судебнаго отчета послѣднее слово обвиняемаго, бывшаго одесскаго полицей-мейстера:

«Я не считалъ бы для себя постыднымъ сознаться здѣсь предъ вами, гг. сенаторы, если-бъ я былъ сколько-нибудь виноватъ, если-бъ я по совѣсти могъ принять на себя какую-нибудь виновность по должности моей одесскаго полицеймейстера. Мнѣ бы не совѣстно было сказать здѣсь: «я проспалъ, прозѣвалъ, я ошибся»; только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Но я слишкомъ много дѣлалъ въ Одессѣ. Я 20 часовъ работалъ въ сутки, я дошелъ до кровохарканья, и не могу сказать, что я виноватъ. Здѣсь надо взять въ разсчетъ время, когда я былъ командированъ въ Одессу, тѣ тяжелыя служебныя условія, въ которыя я былъ поставленъ во время нахожденія въ Одессѣ, и ту задачу, которая была на меня возложена. Время это было 1871 года, послѣ тѣхъ знаменитыхъ пасхальныхъ уличныхъ безпорядковъ, когда двадцатитысячная толпа шла по улицѣ, грабила, разбивала, жгла, убивала и увѣчила людей. Полиція выказала тогда всю безтактность и неумѣлость; она вызвала пожарныя части, которыя стали угощать публику холодными душами. Естественно, эта мѣра не могла усмирить публику и еще болѣе раздражила ее. Тогда началась, гг. сенаторы, та знаменательная на всѣхъ перекресткахъ улицъ и площадяхъ порка жителей для усмиренія народа, при которой нѣкоторыя женщины, въ доказательство того, что онѣ выпороты, показывали извѣстныя части тѣла, и тѣмъ не менѣе все-таки ихъ пороли... Вслѣдъ за этимъ генералъ-губернаторъ тамошняго края обратился къ петербургскому градоначальнику, г. Трепову, съ просьбой дать ему опытнаго штабъ-офицера для введенія новыхъ полицейскихъ началъ и уничтоженія той анархіи, того своеволія, которое существовало въ Одессѣ. Этотъ опытный офицеръ или, лучше сказать, этотъ злосчастный офицеръ— былъ я. Я пріѣзжаю и что же застаю? Шутка сказать—снять вѣковую плѣсень, всосавшуюся въ плоть и кровь каждаго полицейскаго чиновника! Шутка сказать—уничтожить существовавшія традиціи! Хотя я и не хотѣлъ ѣхать въ Одессу, такъ какъ и здѣсь мнѣ было хорошо на службѣ, но мнѣ сказали: «Вы служите, вы должны ѣхать, извольте ѣхать!»—и я поѣхалъ». Потомъ подсудимый разсказалъ, какъ онъ пріѣхалъ въ Одессу и занялся улучшеніемъ сначала нижнихъ чиновъ полиціи, для каковой цѣли и выписалъ изъ Петербурга 25 опытныхъ городовыхъ, которыхъ самъ распредѣлилъ на посты и вручилъ каждому изъ нихъ изданную имъ инструкцію, какъ они должны вести себя по отношенію къ публикѣ. Потомъ онъ осмотрѣлъ пожарную команду и вотъ что увидѣлъ: «Это какое-то разрушенное учрежденіе,—сказалъ подсудимый.—Бочки представляли видъ какихъ-то уксусныхъ бочен-

ковъ и почти всѣ текли, такъ что дай Богъ довезти до мѣста пожара два-три ведра воды; вся сбруя была гнилая, такъ что не было возможности запрячь лошадей» (г. первоприсутствующій остановилъ подсудимаго, замѣтивъ ему, что эти подробности излишни). Далѣе полковникъ Антоновъ указалъ на то, что всѣ пожарные солдаты заявили ему, что они не поены, не кормлены, не получаютъ ни сапоговъ ни рубахъ; лошади же грызли ясли и выбирали кормъ изъ собственнаго навоза; солдаты заявили также, что они не получаютъ ни жалованья ни порціонныхъ денегъ и что лѣтомъ отправляются съ обозомъ въ Колонтаевку, за 35 верстъ отъ Одессы, тамъ косятъ сѣно цѣлое лѣто и потомъ привозятъ его въ городъ на продажу въ пользу брандмайора. Въ виду такихъ злоупотребленій, онъ, обвиняемый, сдѣлалъ надлежащее донесеніе, въ которомъ просилъ объ увольненіи и привлеченіи къ суду брандмайора, но въ тотъ же день получилъ предписаніе, которымъ пожарная команда изъемлется изъ его вѣдомства, тогда какъ по закону она должна была находиться въ его непосредственномъ завѣдываніи. Далѣе полковникъ Антоновъ, чтобы охарактеризовать тогдашнюю полицію, привелъ такой случай. Одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ, помощникъ пристава, Генишъ, переодѣвъ четырехъ мошенниковъ въ платье городовыхъ, врывается съ ними въ находящійся на самой многолюдной улицѣ (Дерибасовской) табачный магазинъ Петрова; они требуютъ отъ него всего наличнаго капитала, грозя, въ случаѣ неисполненія, заковкою въ кандалы, и когда Петровъ съ женою отказываются, то его начинаютъ заковывать въ кандалы; когда же Петрову удалось выскочить изъ лавки, жена его выложила бывшіе у нея 2.000 руб. Деньги эти Генишъ беретъ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ разсмотрятъ въ полиціи, и, выйдя на улицу, тутъ же дѣлится ими съ мошенниками. Указавъ на то, въ какой средѣ онъ долженъ былъ вращаться, обвиняемый замѣтилъ, что Болотовъ былъ продуктъ этой среды, что онъ не могъ усмотрѣть за нимъ, тѣмъ болѣе, что надъ нимъ стоялъ спеціально назначенный для этого помощникъ полицеймейстера. Притомъ же, кромѣ проституціоннаго дѣла, въ полицейской дѣятельности существуетъ много отраслей, за которыми онъ, обвиняемый, долженъ былъ наблюдать, какъ, напримѣръ, охраненіе народнаго здравія. Во время пріѣзда его въ Одессу базары, пекарни и т. п. представляли собою видъ клоакъ, такъ что ему пришлось уничтожить десятки тысячъ пудовъ негодной рыбы. Пекарни, которыя онъ потомъ перестроилъ, были сплошь покрыты клопами и тараканами. «Я,—сказалъ полковникъ Антоновъ:—своими собственными руками вытаскивалъ ихъ изъ квашней; пекари, мѣшавшіе тѣсто, были съ ногъ до головы заражены венерическою болѣзнью. Потомъ я укажу на существованіе стачекъ ремесленниковъ, которыя пріобрѣли какъ бы право гражданства со своими марсельезами, значками, знаменами и т. д. Напримѣръ, просыпается городъ,—и нѣтъ ни

одного ломтя хлѣба; приходитъ пароходъ или желѣзнодорожный поѣздъ,—нѣтъ ни одного извозчика. Я укажу здѣсь на тотъ фактъ, что когда одинъ изъ извозчиковъ, вопреки стачки, выѣхалъ на улицу, то его окружила громадная толпа, стащила съ дрожекъ сѣдока (мирового судью Орлова) и избила извозчика. Потомъ, кто уничтожилъ въ Одессѣ страшные кулачные бои въ 10—20 тысячъ человѣкъ, происходившіе нѣсколько разъ въ годъ, которые пріобрѣли полное право гражданства? Я смѣло могу сказать, что я уничтожилъ эти бои, начинавшіеся съ боя на кулачкахъ и кончавшіеся убійствами, увѣчьями, поджогами и грабежами». Указавъ потомъ на то, что даже тѣ полицейскіе чиновники, которые были исключены имъ изъ службы, не могли ничего показать на него на слѣдствіи и только терялись въ гадательныхъ предположеніяхъ, что, вѣроятно, онъ зналъ о злоупотребленіяхъ Болотова, полковникъ Антоновъ въ заключеніе сказалъ слѣдующее: «Гг. сенаторы! Я 33 года служу безъ малѣйшей зазоринки на совѣсти. Я не взываю къ состраданію, къ милости; виноватъ я—такъ карайте. Но смѣю сказать, что если-бъ въ моей натурѣ была какая-нибудь испорченность, то не было бы причины не обнаружиться ей въ теченіе моей 33-лѣтней службы. Я уже на склонѣ лѣтъ, когда нужно разсчитываться съ жизнью, и, по устраненіи меня отъ должности, у меня отнимаютъ всякую возможность къ жизни; всѣ прерогативы, пріобрѣтенныя мною въ теченіе предшествовавшей службы, у меня отнимаются. За что? За то, что я работалъ по 20 часовъ въ сутки, дошелъ до кровохарканья и, можетъ-быть, потерялъ рѣшительно все на службѣ. Всѣ лучшіе годы я отдалъ службѣ, я потратилъ здоровье, я изувѣченъ, израненъ, у меня перебиты руки и ноги, и теперь мнѣ говорятъ: «Ты не годенъ, тебя нужно выбросить изъ службы». Что же дѣлать! Я вѣрую въ судъ и имѣю право разсчитывать на правосудіе и справедливость. Въ заключеніе скажу два слова. Я прошу при этомъ отнестись ко мнѣ снисходительно, потому что я нахожусь въ такой ажитаціи, что у меня, можетъ-быть, вырвется что-нибудь неумѣстное... Дѣло въ томъ, что у меня есть четыре сына, четыре подростка; они готовятся быть гражданами, готовятся поступить въ то общество, которое отъ меня не отворачивается, но изъ котораго меня хотятъ выбросить. Эти четыре воспитывающіеся юноши ждутъ отъ меня послѣдняго слова, которое должно заключаться въ отвѣтѣ на вопросъ: чѣмъ выгоднѣе быть въ жизни, въ практическомъ примѣненіи—честнымъ человѣкомъ или безчестнымъ. Я, гг. сенаторы, скажу имъ это по выходѣ отсюда».

Бывшаго полицеймейстера приговорили: «считать отрѣшеннымъ отъ должности по суду», и многія газеты находятъ наказаніе, постигшее г. Антонова, тяжелымъ. Я, со своей стороны, конечно, не смѣю ничего сказать ни въ его обвиненіе ни въ оправданіе. Замѣчу только, что русскіе вообще строги, когда приходится карать обще-

ственныхъ слугъ, по неопытности попадающихъ на скамью подсудимыхъ.

Но что процессъ Антонова передъ процессомъ новгородскихъ крестьянъ? Невдалекѣ отъ Петербурга сожгли живого человѣка, старую женщину, принявъ ее за колдунью, сожгли въ 1879 году по Рождествѣ Христовомъ, въ странѣ, гордящейся своимъ могуществомъ, арміей и успѣхами на поприщѣ гражданственности. Дѣло само по себѣ, Дженни, крайне любопытное, какъ иллюстрація къ тому положенію сельскихъ джентльменовъ, о которыхъ я не разъ тебѣ писалъ.

Объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ. Скажу только свое мнѣніе, что присяжные были правы, принявъ въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства и оправдавъ большинство подсудимыхъ. Дѣйствительно, они «не вѣдали, что творили». Кстати замѣчу, что здѣсь не разъ я слышалъ недовольство оправдательными приговорами, и за это винятъ присяжныхъ, приписывая оправдательные приговоры ихъ неразвитію и необразованности. И такъ говорятъ не только лорды и джентльмены, желающіе совсѣмъ уничтожить гласный судъ, замѣнивъ его «согласнымъ» съ ихъ мнѣніями, т. е. судомъ безгласнымъ,—а, къ сожалѣнію, и болѣе почтенные джентльмены, во что бы то ни стало желающіе, чтобы присяжные были юридическіе крючкодѣи, а не люди, ищущіе отвѣта на вопросы не въ статьяхъ закона, а въ своей совѣсти и въ сердцѣ своемъ. Мнѣ кажется, что жалобы эти напрасны, и я знаю отзывъ одного почтеннаго члена магистратуры, г. Кони, замѣтившаго, что «съ приговорами присяжныхъ можно иногда не соглашаться, но что они глупы или безтолковы не бываютъ никогда».

Таково мнѣніе опытнаго и образованнаго предсѣдателя суда. Оно что-нибудь да значитъ...

Письмо тридцать восьмое.

Дорогая Дженни!

Приготовься къ одному изъ тѣхъ разсказовъ, написанныхъ дѣловымъ судейскимъ языкомъ обвинительнаго акта, которые именно по своей простотѣ и отсутствію художественныхъ прикрасъ дѣйствуютъ гораздо сильнѣе на человѣка, подавляя фактами и глубиной содержащагося въ нихъ смысла.

Съ этой стороны тихвинскій процессъ представляетъ серьезное и выдающееся явленіе.

Я тебѣ разскажу дѣло вкратцѣ, цитируя судебный отчетъ. Всякая прибавка тутъ святотатственна.

Въ деревню Врачево, Деревенской волости, Тихвинскаго уѣзда, за два года до трагическаго происшествія, переселилась изъ Петербурга уроженка той деревни, солдатка Аграфена Игнатьева, которая смолоду слыла за колдунью, обладавшую способностью «портить» людей. Когда, два года тому назадъ, крестьяне услыхали, что Игнатьева переселяется

въ деревню, то стали говорить, что пойдетъ «порча», и уже въ то время высказывалось мнѣніе, что лучше взять Аграфену, заколотить въ срубъ и сжечь. Однако Игнатьева переселились, и ее боялись. И такъ какъ она, по своему болѣзненному состоянію, не могла работать, то, какъ видно изъ показаній многихъ свидѣтельницъ, всѣ крестьянки старались угождать ей и оказывать различныя услуги, какъ-то: отдавали ей свои лучшіе куски, мыли ее въ банѣ, стирали ей бѣлье, мыли полъ въ ея избѣ и т. п. Съ своей стороны, Игнатьева, не увѣряя положительно, что она колдунья, не старалась и разубѣждать въ этомъ крестьянъ, пользуясь внушаемымъ ею страхомъ для того, чтобы жить на чужой счетъ. Глубоко вкоренившееся въ крестьянахъ убѣжденіе, что Игнатьева колдунья, находило себѣ поддержку въ нѣсколькихъ случаяхъ нервныхъ болѣзней, которымъ подверглись нѣкоторыя крестьянки той мѣстности послѣ возвращенія Игнатьевой, и начало всякой подобной болѣзни связывалось въ народномъ говорѣ съ какимъ-нибудь случаемъ мелкаго разлада заболѣвшей крестьянки съ Игнатьевою. Изъ показанія одного свидѣтеля видно, что около крещенья 1879 г. Игнатьева приходила въ его домъ и просила творогу, но въ этомъ ей отказали, и вскорѣ послѣ того заболѣла его дочь, Настасья, которая въ припадкахъ выкликала, что испорчена Игнатьевой. Кузьминъ ходилъ къ Игнатьевой и кланялся ей въ ноги, прося поправить его дочь, но Игнатьева отвѣтила, что Настасьи не портила и помочь не можетъ. Такою же болѣзнью съ припадками была больна и крестьянка деревни Бередникова, Марья Иванова. Наконецъ, въ концѣ января 1879 г., въ деревнѣ Врачевѣ заболѣла дочь крестьянина Ивана Иванова Шипенка, крестьянка Екатерина Иванова, у которой ранѣе того умерла отъ подобной же болѣзни родная сестра, выкликавшая передъ смертью, что она испорчена Игнатьевою. Екатерина Иванова была убѣждена, что и ее испортила Игнатьева за то, что разъ она не позволила своему маленькому сыну идти къ Игнатьевой расколоть дровъ. Такъ какъ Екатерина Иванова выкликивала, что испорчена Игнатьевою, то ея мужъ, отставной рядовой И. Н. Зайцевъ, подалъ жалобу уряднику, который и пріѣзжалъ во Врачево для производства дознанія за нѣсколько дней до сожженія Игнатьевой.

Всѣ эти «порчи» заставили крестьянъ призадуматься.

4-го февраля, въ воскресенье, когда у одного крестьянина былъ семейный раздѣлъ и по этому случаю были гости, одинъ крестьянинъ (Никифоровъ) обратился къ сборищу съ просьбой защитить его жену отъ Игнатьевой, которая собирается будто бы ее испортить, какъ объ этомъ выкликала его жена.

Тогда всѣ бывшіе въ гостяхъ крестьяне, убѣжденные, что Игнатьева колдунья, рѣшили тутъ же обыскать ее, заколотить ея избу и карауллить колдунью, чтобы она «никуда не выходила и не бродила въ народѣ». Крестьяне пошли къ Игнатьевой и изъ найденныхъ въ ея домѣ

снадобій убѣдились окончательно, что она колдунья, и стали заколачивать избу. Одинъ изъ крестьянъ подалъ мысль, что надо сжечь колдунью, и всѣ въ одинъ голосъ заговорили:—«надо покончить съ нею, чтобы не шлялась по бѣлу свѣту, а то выпустимъ, и она насъ всѣхъ перепортитъ».

Послѣ того, какъ было рѣшено покончить съ Игнатьевой, въ избу отправились нѣсколько человѣкъ; остальные стояли на улицѣ у дверей. Игнатьева хотѣла выйти на улицу, но одинъ крестьянинъ толкнулъ ее назадъ, сказавъ: «Куда ты валишься!» и захлопнулъ дверь, а затѣмъ тотчасъ же ткнулъ огаркомъ лучины въ связку соломы, стоявшую у стѣны клѣти, и огонь сразу вспыхнулъ. Другой выхватилъ лучину и, задѣвъ ею за висѣвшіе тутъ же вѣники, зажегъ послѣдніе. Услышавъ трескъ загорѣвшейся соломы, Игнатьева стала ломиться въ дверь, но послѣднюю придерживали и сверхъ того подперли жердями. Между тѣмъ два крестьянина, будучи увѣрены, что, прежде чѣмъ поджигать, будутъ заколачивать дверь, продолжали рыться въ клѣти. Но когда они замѣтили изъ-за стѣны клѣти огонь въ сѣняхъ, то выбѣжали вонъ. Всѣ крестьяне, стоявшіе снаружи, увидѣвши, что сѣни загорѣлись, не только не старались затушить пожаръ, но, напротивъ, говорили: «Загорѣлось, такъ пусть горитъ; долго мы промаялись съ Грушкой». Дымъ отъ горѣвшихъ сѣней былъ замѣченъ въ сосѣднихъ деревняхъ, и на пожаръ стало стекаться много народа. Въ числѣ первыхъ прибѣжалъ старикъ Иванъ Ивановъ Шипенокъ, который въ тотъ день приходилъ во Врачево къ своей больной дочери, Екатеринѣ Ивановой. Узнавъ, что Игнатьева заколочена въ горѣвшей избѣ, онъ, по собственнымъ его словамъ, сталъ креститься и бѣгать около избы, говоря: «Слава Богу, пусть горитъ; она (т. е. Аграфена) у меня двухъ дочекъ спортила». Вскорѣ пришелъ и братъ Игнатьевой, Осипъ. Онъ бросился къ дверямъ, но сѣни были въ огнѣ, и туда нельзя было попасть; онъ подошелъ къ окну, желая оторвать прибитое полѣно, но крестьяне закричали на него, чтобы онъ не смѣлъ отрывать полѣна, потому что «міромъ заключено, и пусть горитъ». Въ этотъ день, по показанію всѣхъ допрошенныхъ при слѣдствіи крестьянъ, вѣтеръ былъ на рѣку, и потому огонь изъ горѣвшихъ сѣней распространялся не на избу, а на клѣть, и долго не добирался до избы, въ которой оставалась Игнатьева. Крестьяне подходили къ Аграфенѣ и говорили ей: «Покайся, Грушка, мы тебя выпустимъ!», но Игнатьева молчала и не просила, чтобы ее простили. Братъ также совѣтовалъ ей покаяться мужичкамъ, но Игнатьева отмѣтила ему: «Не виновата я, братецъ». Одинъ крестьянинъ, какъ только прибѣжалъ на пожаръ и узналъ, въ чемъ дѣло, сталъ кричать крестьянамъ: «Бѣда вамъ всѣмъ!» и началъ убѣждать крестьянъ выпустить Игнатьеву и затушить пожаръ, говоря, что за такое дѣло ссылаютъ цѣлыя губерніи, а не только что деревни; но старикъ Иванъ Шипенокъ возражалъ ему въ самыхъ рѣзкихъ вы-

раженіяхъ, говоря, что за это рѣшительно ничего не будетъ. «Берите у меня голову, я отвѣчу»,—прибавилъ Шипенокъ. Игнатьева, видя неминуемую смерть, пробовала-было спастись въ незаколоченное окно, выходившее на огородъ, но окно оказалось слишкомъ тѣснымъ, а крестьяне заколотили и это окно. Тогда Игнатьева стала въ окно выпихивать и подавать брату свои вещи. Такъ какъ дымъ и огонь вѣтромъ относило на рѣку, въ сторону отъ избы, на крышѣ которой лежалъ толстый слой снѣга, то крестьяне рѣшили спихнуть крышу. Послѣ этого исчезла всякая возможность спасти Игнатьеву, такъ какъ огонь обхватилъ всю избу и потолокъ провалился. Пожаръ продолжался всю ночь, и, по показанію урядника Лазарева, на другой день на пожарищѣ была только развалившаяся печь и яма, гдѣ въ пеплѣ онъ нашелъ остатки костей Игнатьевой.

Вотъ какъ сожгли пятидесятилѣтнюю старуху-«колдунью». Сожгли просто, искренно, чтобы она «не перепортила всѣхъ». И она покорилась своей горькой участи, она даже не просила прощенія. Она умерла съ твердостью и, зная, что нѣтъ спасенія, «передавала вещи своему брату». У этой женщины былъ сильный характеръ.

Изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на судѣ, самымъ трогательнымъ по простотѣ было показаніе старика Ивана Шипенка.

Вотъ что говорилъ, между прочимъ, древній, совсѣмъ немощный старикъ, тотъ самый, который головой ручался, что ничего не будетъ, сидя въ судѣ на стулѣ, такъ какъ стоять онъ не могъ:

«Господи благослови, истинный Христосъ и Пресвятая Богородица (крестится). Пришелъ я это, значитъ, батюшка, дочку свою Катерину навѣстить; больна, вишь, она была и жила съ мужемъ во Врачевѣ, а я-то въ другой деревнѣ. Посидѣлъ немного, настали сумерки, я и пошелъ домой. На улицѣ попался мнѣ навстрѣчу Григорій Тимоѳеевъ, солдатъ старый... старше еще меня будетъ. Ну, вотъ и говоритъ:—«Куда идешь, Иванъ?» а я говорю:—«Домой», молъ. — «Такъ какъ же, говоритъ, домой, а дѣло-то дѣлать?» Я спрашиваю:—«Какое?» и поворотился я тутъ и гляжу: народъ бѣжитъ, и, Господи, сколько бѣжитъ его! Думаю, что, молъ, такое, слышу, кричатъ: «Грушка горитъ, Грушка горитъ!». Ну, вотъ я пошелъ туда, на самой этотъ пожаръ-то и пришелъ. Ефимъ и говоритъ, что вотъ, ребята, старикъ пришелъ, ну, и стали спрашивать:—«Какъ, говорятъ, дѣлу-то быть?» Ну, вотъ я и сказалъ:—«Что ужъ, ребята, ужъ какъ горитъ, такъ и слава Тебѣ, Господи» (крестится на образъ). Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, баринъ. Только всего и словъ моихъ было (начинаетъ плакать и рыдать). Тошно мнѣ, душеньку всю выворачиваетъ, сироты вѣдь теперь остались, цѣлыхъ трое у Аннушки-то, сгубила ни за что! Другую-то дочку, тоже шла тутъ какъ-то, да какъ лопнетъ вдругъ (далѣе разобрать ничего нельзя было, потому что Шипенокъ просто началъ выть; потомъ, нѣсколько успокоившись, продолжалъ). Ну, такъ вотъ и былъ

я на пожарѣ-то; душа моя болитъ теперь и согрѣшилъ я, что голосъ свой показалъ: ужъ горько очень было; ну, думаю, ничего, молъ, не будетъ, ребята. Вотъ только и сказалъ это, какъ сейчасъ предъ истиннымъ Христомъ небеснымъ. Судите меня, батюшки, какъ хотите и куда хотите».

Ветхій старикъ и на судѣ крестился, когда произнесъ: «Ужъ какъ горитъ, такъ и слава Тебѣ, Господи!». Ты, Дженни, видишь полную искренность. Старикъ убѣжденъ, что сдѣлалъ доброе, богоугодное дѣло, и въ словахъ его: «судите меня, какъ хотите и куда хотите» развѣ не звучитъ истинная готовность пострадать за правое дѣло?

Многіе откровенные публицисты и фельетонисты поспѣшили обвинить тихвинскихъ крестьянъ въ жестокости, въ хитрости, въ сознательности преступленія, обзывая ихъ зулусами. Такъ ли это? Простота самого дѣла, быстрота рѣшенія и глубокая тьма, царящая надъ русской деревней, не говоритъ ли все это, что если кто виноватъ, то, разумѣется, не «деревня», а «городъ», питающійся всѣми соками деревни? Если позоръ сожженія живого человѣка выдается черными пятнами на фонѣ русской жизни, то отвѣтственность за него опять-таки долженъ принять городъ, а не безмолвная, невѣжественная, отягощенная, несчастная деревня.

Кромѣ того, между строкъ, посвященныхъ негодованію и сожалѣнію, что звѣрство недостаточно наказано, ясно сквозила мысль: «Вотъ какой, молъ, звѣрь русскій народъ, и вотъ среди какихъ зулусовъ приходится дѣйствовать благовоспитанной русской интеллигенціи». При этомъ, разумѣется, единичный фактъ возводился въ обобщеніе. Сожгли нѣсколько человѣкъ колдунью—и уже *весь* народъ звѣрь, тотъ самый, замѣть, Дженни, народъ, который тѣми же публицистами не разъ выводился изъ соломеннаго царства на столбцы газетъ, для доказательства (когда это нужно) его необыкновенной выносливости, здраваго смысла, ума и неутолимаго желанія объявить войну Дизи.

Однимъ словомъ, тихвинское «звѣрство» поразило интеллигенцію, и до того поразило, что, негодуя, она забыла не менѣе ужасные (если не болѣе) факты звѣрства той же самой интеллигенціи, по поводу которыхъ никому и въ голову не приходило ужасаться; стоитъ только вспомнить нѣсколько темныхъ страничекъ изъ хроники крѣпостного права, всѣхъ этихъ Салтычихъ, исправниковъ Крыловыхъ и т. п., чтобы не приходить въ ужасъ. А Маевскіе, Ландсберги—развѣ не такіе же тихвинскіе звѣри? И всѣ эти ужасы не припомнили публицисты, ужасающіеся «сожженію колдуньи», какъ не припомнили, ради уясненія факта, и другихъ явленій, которыя могли бы свидѣтельствовать, что интеллигенція, которой больше дано и потому больше взыщется, вовсе не такъ далека отъ тихвинскихъ крестьянъ, какъ хотятъ насъ увѣрить. И если народъ—«зулусы», то и большинство общества тоже «зулусы», съ той только разницей, что у первыхъ жестокость является,

какъ слѣдствіе отчаянія и невѣжества, а у вторыхъ далеко не слѣдствіе такихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Но когда рѣчь идетъ, напримѣръ, о помѣстной интеллигенціи (такъ, Дженни, называютъ здѣсь классъ землевладѣльцевъ), обыкновенно факты, нерѣдко очень скверно рекомендующіе представителей этого класса, не обобщаются. Когда же рѣчь о земледѣльцахъ, тогда сейчасъ же обобщенія и негодованіе на оправдательный приговоръ...

Какъ думаешь ты, помогъ ли обвинительный приговоръ? Освѣтилъ ли непроглядный мракъ невѣжества, нищеты и фанатизма? Уменьшилась ли отъ этого увѣренность, что есть «колдуньи», которыя посылаютъ на этихъ людей дифтеритъ, болѣзни, нищету и всѣ бѣды людскія? Они чувствуютъ эти бѣды, они простодушно молятъ Бога избавить ихъ отъ нихъ; но бѣды вмѣстѣ съ мракомъ невѣжества совсѣмъ затемняютъ ихъ головы...

Кто-нибудь да виноватъ же во всѣхъ этихъ «порчахъ». Не можетъ же милосердный Господь посылать на нихъ всѣ эти «порчи», нельзя же предположить, чтобы братья-люди перестали быть людьми! Кто же виноватъ? Навѣрно, нечистая сила колдуньи.

«Давайте колдунью! Мы сожжемъ ее, и порча исчезнетъ!»

Они сожгли и стояли передъ судомъ. Виноваты ли они, какъ думаешь ты, дорогая моя Дженни? Да избавитъ Богъ быть на мѣстѣ судей такихъ ужасныхъ дѣлъ! Вотъ все, что я могу сказать, оканчивая письмо.

Письмо тридцать девятое.

Дорогая Дженни!

Изъ послѣдняго твоего письма, своевременно мною полученнаго, я, къ крайнему прискорбію, вижу, что ты, возлюбленная моя супруга, неисправима въ своей мнительности, причину которой, разумѣется, слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ твоей слѣпой довѣрчивости къ нашимъ, какъ справедливо выразился одинъ русскій публицистъ, «шарлатанскимъ» газетамъ.

Съ чисто-женскимъ (женщина всегда скажется!) упрямствомъ ты продолжаешь, Дженни, опасаться за благополучіе твоего неизмѣннаго и вѣрнаго (подчеркни это слово) мужа, и если бы я не зналъ твоего благоразумія и своего добродѣтельнаго поведенія (несмотря на частыя свиданія съ русскими дамами), то могъ бы подумать, что истинная причина всѣхъ твоихъ опасеній—ревность и боязнь за мою добродѣтель. Если были примѣры, что знатные иностранцы, пріѣзжавшіе сюда инкогнито подъ видомъ куаферовъ, клоуновъ, конюховъ, наѣздниковъ и т. п., теряли здѣсь свою добродѣтель, пріобрѣтая взамѣнъ ея титулы и хорошее положеніе въ качествѣ мужей или любовниковъ знатныхъ дамъ, имѣющихъ склонность къ иностранцамъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы я когда-нибудь забылъ свой долгъ въ качествѣ мужа

превосходной супруги. Впрочемъ, ты это и сама знаешь, и потому сдѣлай милость—снова повторяю тебѣ—не читай ты газетъ. По чести говорю тебѣ, не читай, а если ужъ тебѣ очень захочется, то читай какую-нибудь французскую газету, напримѣръ, «Le Nord», а еще лучше «Journal de S.-Pétersbourg».

Твоя мнительность, какъ посмотрю я, довела тебя до того, что ты, Дженни, въ числѣ различныхъ nonsens'овъ предупреждаешь меня, чтобы я осторожно ходилъ по вечерамъ и остерегался волковъ. Какъ видно, ты не шутя воображаешь, будто съ наступленіемъ зимы волки изъ окрестныхъ лѣсовъ забѣгаютъ въ столицу и даже разгуливаютъ по улицамъ. Предостерегая меня, ты ссылаешься—хитрая женщина!—на прежнія мои письма, въ которыхъ я говорилъ тебѣ объ этихъ хищныхъ и распространенныхъ въ Россіи животныхъ.

Правда, я писалъ тебѣ, что бывали случаи, когда волки забѣгали въ малолюдные города, при чемъ даже подходили къ подъѣздамъ земскихъ управъ и выли самымъ настойчивымъ образомъ (шутники увѣряли, что животныя прибѣгали узнавать: полученъ ли изъ Петербурга, въ числѣ многихъ другихъ ходатайствъ, отвѣтъ на ходатайство объ ихъ истребленіи)*): правда и то, что эти животныя нерѣдко появляются въ деревняхъ и донимаютъ, вмѣстѣ съ прочими многочисленными врагами, русскаго земледѣльца, но въ столицѣ, сколько мнѣ извѣстно, примѣровъ появленія хищниковъ не было, да и едва ли такіе примѣры возможны, принимая во вниманіе хорошо организованный надзоръ за общественной безопасностью, и надо быть совсѣмъ глупымъ или бѣшенымъ волкомъ, чтобы рискнуть появиться въ чертѣ города безнаказанно.

Точно такъ же, если еще не больше, наивны и даже—ужъ извини меня, Дженни—нелѣпы остальныя твои опасенія въ виду ненависти, охватившей будто бы всѣ классы русскихъ, противъ насъ, англичанъ. Во-первыхъ, никакой ненависти я не замѣчалъ (исключеніе, впрочемъ, составляютъ нѣкоторыя газеты, не безъ основанія называющія насъ коварными), а во-вторыхъ, настойчивость, съ которой ты въ письмѣ указываешь мнѣ на примѣръ мистера Раздеришина, и ироническія твои предостереженія насчетъ недоразумѣній вообще—по меньшей мѣрѣ попадаютъ мимо цѣли. Я Россію знаю и люблю русскихъ. Напрасно, Дженни, ты не выучишься читать по-русски. Я по совѣсти въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ разъяснилъ тебѣ, Дженни, прискорбный случай порки безъ добровольнаго на то согласія и указалъ истиннаго винов-

*) Нечего, кажется, объяснять русскимъ читателямъ нелѣпость извѣстія, сообщаемаго знатнымъ иностранцемъ. Такихъ нелѣпостей и несообразностей немало въ письмахъ почтеннаго лорда, вообще крайне доброжелательнаго къ Россіи и русскимъ; тѣмъ не менѣе мы оставляемъ ихъ, какъ доказательство, сколь много нелѣпостей сообщаютъ о Россіи даже путешественники, повидимому, добросовѣстные. *Прим. переводчика.*

ника этой неудавшейся интриги — нашего заматорѣлаго интригана Дизи.

Вышеупомянутый случай въ Ардаганѣ, по словамъ историковъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, былъ единственнымъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. По свидѣтельству такихъ почтенныхъ русскихъ журналовъ, какъ «Русская Старина» и «Русскій Архивъ», а равно и основываясь на извѣстномъ ученомъ изслѣдованіи подъ названіемъ: «Сто лѣтъ реформъ, или жизнь, какъ она есть», видно, что если и бывали случаи порки и прежде, то эти случаи не имѣютъ ничего общаго съ случаемъ Раздеришина (или, вѣрнѣе, Суринова), такъ какъ во всѣхъ, перечисленныхъ названными книгами, случаяхъ всегда существовало добровольное соглашеніе съ обѣихъ сторонъ, а не то нерѣдко русскіе сами себя наказывали, чему примѣромъ служитъ слесарша Пошлепкина. Ни добровольнаго соглашенія ни самонаказанія не было въ дѣлѣ Раздеришина, и вотъ почему дѣло это возмутило печать и многихъ обывателей, очень претендующихъ, что допущено самоуправство вмѣсто добровольнаго соглашенія.

Надѣюсь, что послѣ всего вышесказаннаго ты, Дженни, перестанешь удивлять меня наивными вопросами, въ родѣ того, напримѣръ: «правда ли, что въ Россіи ѣдятъ маленькихъ дѣтей?»; я же, съ своей стороны, спѣшу извѣстить тебя, что, благодаря Господа Бога и заступничеству св. Патрика, я цѣлъ и невредимъ.

Въ этой гостепріимной странѣ я провожу время прекрасно, соотвѣтственно званію знатнаго иностранца, которое я возложилъ на себя вслѣдствіе соображеній, тебѣ хорошо извѣстныхъ. Я сдѣлалъ визиты старымъ моимъ петербургскимъ знакомымъ, былъ у того толстаго джентльмена, который говоритъ «правду, одну правду и ничего болѣе». Онъ очень радушно меня принялъ и пригласилъ къ себѣ на-дняхъ пріѣхать слушать написанную имъ книгу: «Правда русская, или миромъ Господу помолимся!», спеціально предписанную для среднихъ учебныхъ заведеній. Посѣтилъ, конечно, и «худощаваго» джентльмена, который, напротивъ, никогда и никому не говоритъ правды, хотя и благоденствуетъ не хуже толстаго джентльмена (правда, они управляютъ отдѣленіями въ разныхъ вѣдомствахъ); бываю въ театрахъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и въ собраніяхъ различныхъ коммерческихъ учрежденій, но главнымъ образомъ не пропускаю ни одного юбилея (на празднество которыхъ меня, конечно, приглашаютъ въ качествѣ знатнаго иностранца), такъ какъ при такихъ случаяхъ можно не только весьма прилично и даже роскошно поѣсть и выпить, но кромѣ того доставить себѣ наслажденіе экспромтами знаменитѣйшаго русскаго оратора и талантливѣйшаго истолкователя желаній лучшей части русскаго общества. Ты, Дженни, разумѣется, догадалась, что я говорю о достопочтенномъ представителѣ русскаго ораторскаго искусства, г. Богдановичѣ. Кромѣ того я, Дженни, записался членомъ во многія бла-

готворительныя общества, въ видахъ ближайшаго съ ними ознакомленія и поддержанія связей въ респектабельномъ обществѣ, и собираюсь принять весьма дѣятельное участіе въ недавно основанномъ (тоже благотворительномъ) товариществѣ, имѣющемъ похвальную цѣль способствовать уничтоженію наводненій, пожаровъ, невѣрія, эпидемическихъ болѣзней, и если дѣятельность товарищества разовьется, то къ этой программѣ прибавится еще уничтоженіе жучка, засухъ, бурь и ливней и вообще всякихъ угнетающихъ человѣка явленій природы.

Заботливость о бѣдныхъ классахъ въ Россіи, Дженни, такъ велика, что здѣсь, въ Петербургѣ, во время моего отсутствія, когда пожары опустошили нѣсколько городовъ и множество деревень, проектировалось даже правильное акціонерное общество, желавшее получить исключительное право помогать въ обширныхъ размѣрахъ всѣмъ трудящимся и нуждающимся. Это былъ проектъ грандіознаго и въ высшей степени остроумнаго предпріятія. Къ сожалѣнію, я не знаю именъ учредителей, но, насколько мнѣ извѣстно, главныя черты проекта слѣдующія:

1. «Общество широкой помощи русскому народу» получаетъ отъ правительства 5%-ю гарантію и субсидію въ 10,000.000 рублей на звонкую монету.

2. Оно пользуется исключительнымъ правомъ помогать бѣднѣйшимъ классамъ, съ каковою цѣлью обществу должно быть разрѣшено устройство лотерей, всевозможныхъ увеселеній, лекцій и т. п.

3. Обществу предоставляется право выдавать крестьянамъ ссуды подъ земли и постройки, пріобрѣтать для нихъ земледѣльческія орудія и страховать ихъ имущества.

4. Въ видахъ уменьшенія пьянства, содержаніе всѣхъ питейныхъ заведеній предоставляется названному обществу, при чемъ общество гарантируетъ казнѣ доходъ съ акциза въ размѣрѣ средняго дохода за нѣсколько лѣтъ.

5. Равнымъ образомъ общество принимаетъ на себя передъ правительствомъ уплату всѣхъ податей и недоимокъ, лежащихъ на крестьянахъ, при чемъ обществу, въ свою очередь, предоставляется право принятія мѣръ взысканія по его усмотрѣнію и продажи по вольнымъ цѣнамъ имущества, въ случаѣ неуплаты ссудъ, и переселеній на пустопорожнія земли Сибири.

Я не выписываю тебѣ дальнѣйшихъ параграфовъ, такъ какъ и изъ первыхъ пяти ты можешь видѣть сущность проекта. Замѣчу только тебѣ, что по одному изъ параграфовъ проекта устава правленіе названнаго общества должно состоять изъ семнадцати членовъ, а наблюдательный совѣтъ изъ двадцати одного члена, съ весьма приличнымъ жалованьемъ.

Несмотря однако на столь похвальную цѣль означеннаго предпріятія, оно не осуществилось, и грандіозный проектъ, обѣщавшій, насколько можно было судить, быструю и радикальную помощь бѣднымъ

классамъ,—рухнулъ. О немъ поговорили въ русскихъ газетахъ; газеты, впрочемъ, отнеслись къ проекту недоброжелательно, не вполнѣ уяснивши себѣ сущность проекта, и говорили, будто настоящей цѣлью общества была не помощь, а окончательное ограбленіе сельскаго населенія, что едва ли, замѣчу я, даже и возможно, такъ какъ сельскіе жители здѣсь столь неприхотливы въ матеріальномъ отношеніи, что, казалось бы, брать съ нихъ, при всемъ желаніи, больше нечего, исключая земельныхъ надѣловъ и, пожалуй, построекъ; впрочемъ, едва ли послѣднія представляютъ какую-либо стоящую вниманія цѣнность, такъ какъ русскіе поселяне, какъ я тебѣ писалъ не разъ, Дженни, предпочитаютъ жить въ помѣщеніяхъ болѣе чѣмъ скромныхъ и вообще отличаются полнѣйшимъ презрѣніемъ къ матеріальнымъ благамъ, что, по словамъ русскихъ, свидѣтельствуетъ о громадномъ политическомъ смыслѣ русскаго народа.

— Если, милордъ, чего Боже храни, у насъ когда-нибудь повторится 12-й годъ, то намъ ничего не стоитъ обратить всю Россію въ безпредѣльное гладкое пространство. Нашимъ поселянамъ ничего не стоитъ спалить свои постройки и удалиться въ лѣса, питаясь временно чѣмъ Богъ пошлетъ. Выносливость русскаго народа давно засвидѣтельствована событіями древней, средней и новѣйшей исторіи.

Такъ говорилъ мнѣ одинъ почтенный русскій джентльменъ, когда я на-дняхъ освѣдомился о причинахъ такого равнодушія къ помѣщенію и крайней неразборчивости въ пищѣ русскихъ сельскихъ джентльменовъ.

— И въ мирныя времена, милордъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ, находившійся, надо правду сказать, въ нѣсколько умиленномъ состояніи послѣ весьма роскошнаго обѣда:—русскій человѣкъ являетъ такіе примѣры кротости, терпѣнія и полнѣйшаго презрѣнія къ гастрономіи, что иногда просто слезы навертываются на глаза. Вотъ мы съ вами, милордъ, чортъ знаетъ чего только не ѣли сегодня за обѣдомъ, а угостите-ка этимъ нашего меньшого брата, онъ ѣсть не станетъ, а предпочтетъ свои скромныя блюда, не отличающіяся большимъ разнообразіемъ... Ахъ, милордъ, если бы вы знали, какой это народъ, если бы вы знали...

Собесѣдникъ мой даже прослезился и выпилъ по этому случаю еще рюмочку бенедиктина.

Я не разъ замѣчалъ, Дженни, что послѣ обѣда русскіе удивительно наклонны къ изліяніямъ и вообще впадаютъ въ идиллическое настроеніе. И тотъ самый собесѣдникъ, такъ выхвалявшій качества русскаго народа, на другой день, когда я сдѣлалъ ему визитъ, совсѣмъ забылъ о томъ, что говорилъ вчера, и какъ только рѣчь зашла о томъ же предметѣ, то далъ мнѣ нѣсколько иныя объясненія. Онъ не отрицалъ политическаго смысла въ русскомъ народѣ, проявляющагося въ скромныхъ требованіяхъ, но къ этому прибавлялъ, что русскій мужикъ большой руки пьяница и далеко не столь бѣденъ, какъ говорятъ нѣкоторые.

— Я вамъ, милордъ, могу сказать по опыту. Я представитель помѣстной интеллигенціи и живу пять мѣсяцевъ въ году въ своемъ имѣніи. Знаете ли, кто терпитъ?

— Кто?

— Мы, представители интеллигенціи, а не нашъ меньшой братъ. Мы, милордъ, разоряемся, а не онъ. Если бы вы знали, сколько затрудненій съ нашими поселянами, ахъ, если бы вы знали! Къ сожалѣнію, у нихъ нѣтъ никакихъ понятій о законности. Пустить свинью на ваше поле или выпустить скотъ на ваше пастбище для него ничего не стоитъ, а о вашемъ лѣсѣ нечего и говорить... Къ тому же шибко они пьянствуютъ,—ну, и дѣлайте съ ними, что хотите.

— Что же вы съ ними дѣлаете?

— Да что дѣлаемъ? Налагаемъ штрафы, судимся у мировыхъ судей, вотъ что мы дѣлаемъ! Положеніе наше просто невыносимо.

Такія рѣчи, Дженни, приходится часто слышать отъ представителей помѣстной интеллигенціи; но насколько справедливы онѣ, ты можешь судить изъ слѣдующаго факта, сообщеннаго мнѣ близкимъ пріятелемъ того же помѣстнаго интеллигента.

Дѣло въ томъ, что при надѣленіи крестьянъ землей названный джентльменъ предоставилъ имъ по три десятины весьма плохонькой земли, при чемъ ни выгона ни лѣса имъ не досталось, и вотъ теперь крестьяне поневолѣ находятся въ полной зависимости отъ названнаго джентльмена и арендуютъ у него выгонъ и нѣсколько земли, при чемъ платятъ ему несообразную цѣну. Вотъ, Дженни, гдѣ правда, и когда помѣстная интеллигенція жалуется, что она разорена, то надо крайне осторожно относиться къ причинамъ разоренія, выставляемымъ жалобщиками. Что они разоряются, въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія, но почему—объ этомъ можно было бы узнать во всѣхъ большихъ заграничныхъ городахъ, а равно и въ княжествѣ Монако, куда обыкновенно отправляются землевладѣльцы немедленно послѣ полученія ссудъ изъ общества взаимнаго поземельнаго кредита...

Заговоривъ по поводу моей бесѣды послѣ юбилейнаго обѣда, я отклонился въ сторону отъ начатаго мною разсказа объ участіи, принимаемомъ твоимъ Джонни въ благотворительномъ «товариществѣ противодѣйствія наводненіямъ, пожарамъ, невѣрію и эпидеміямъ». Дѣло въ томъ, что въ нашемъ товариществѣ пока нѣтъ ни одной копейки денегъ,—что было, истрачено на напечатаніе нашего устава,—а потому мы заинтересованы главнѣйшимъ образомъ въ пріобрѣтеніи необходимыхъ средствъ. Съ этою цѣлью мнѣ сдѣлано предложеніе поѣхать по нѣкоторымъ городамъ Россіи (проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ gratis) и проповѣдывать на митингахъ объ этомъ полезномъ дѣлѣ. Замѣчу кстати, что многіе сомнѣваются въ цѣлесообразности нашего предпріятія, доказывая, что благотворительнымъ путемъ нельзя бороться ни противъ эпидемій ни противъ наводненій, что единственный

путь—возвышеніе умственнаго и матеріальнаго уровня благосостоянія; но мало ли чего ни говорятъ! Лично, впрочемъ, мнѣ, Дженни, все равно, такъ какъ я разсчитываю, благодаря моему участію, пріобрѣсти связи и популярность, а что будетъ съ товариществомъ—признаться, меня не особенно интересуетъ.

Я надѣюсь, что русскіе простятъ не совсѣмъ правильный выговоръ мой на русскомъ языкѣ въ виду добраго дѣла. Въ виду непривычки и даже (какъ говорятъ здѣсь) нелюбви русскихъ собираться на митинги, мнѣ обѣщано полное содѣйствіе властей, которыя, разумѣется, не откажутъ внушить своимъ соотечественникамъ, сколь благотворны цѣли товарищества, и убѣдятъ собраться на митингъ въ назначенное время. Такимъ образомъ твой Джонни будетъ говорить и посылать телеграммы объ этомъ въ русскія газеты. Я надѣюсь также, что при помощи властей русскіе не откажутъ и въ посильныхъ приношеніяхъ. Сами они какъ-то неохотно жертвуютъ, но если имъ разъяснятъ мѣстныя власти, сколь хорошо пожертвовать на доброе дѣло, то готовность ихъ становится такъ велика, что, по словамъ знающихъ людей, можно собрать съ однихъ крестьянъ громадныя суммы, не говоря о чиновникахъ и служащихъ людяхъ, къ которымъ можно обратиться съ соотвѣтствующими циркулярами.

Вотъ, Дженни, планъ добычи средствъ. Надо прибавить, что не одинъ я поѣду по Россіи, а насъ, проповѣдниковъ, поѣдетъ человѣкъ пять или шесть, въ числѣ коихъ я одинъ знатный иностранецъ, а остальные всѣ знатные русскіе. Если миссія наша будетъ имѣть успѣхъ, то мы немедленно же назначимъ приличное жалованье членамъ правленія, а мнѣ обѣщана заготовка противопожарныхъ инструментовъ, если только на это останутся средства. Я еще не рѣшилъ, когда поѣду и поѣду ли еще, такъ какъ очень сомнѣваюсь, останется ли что-нибудь на покупку пожарныхъ принадлежностей. Знаю только, что пока мы собираемся, бесѣдуемъ насчетъ жалованья членамъ правленія и совѣта и возбуждаемъ сочувствіе,—денегъ все нѣтъ, и пожарнаго инструмента мнѣ не заказано ни одного. Однако письмо вышло черезчуръ длинно. Будь здорова, Дженни, и Бога ради не смущайся и бодро гляди впередъ. Для поддержанія въ тебѣ необходимой бодрости при семъ посылаю тебѣ билетъ на полученіе «Journal de St.-Pétersbourg». Весьма сожалѣю, что ты не можешь читать по-русски, а то я бы послалъ тебѣ одну изъ русскихъ газетъ, при чтеніи которой самый мрачный человѣкъ и тотъ дѣлается веселымъ.

Письмо сороковое.

Дорогая Дженни!

Я тебѣ не разъ писалъ, что союзъ съ Турціей едва ли не самая удобная политическая комбинація въ виду недоброжелательнаго отношенія нѣкоторыхъ европейскихъ дипломатовъ къ Россіи. Въ настоящее

время, благодаря новымъ сумасброднымъ выходкамъ неугомоннаго Бикки, имѣющаго претензію даже пріобрѣсти pied à terre на берегахъ Чернаго моря, вопросъ о союзѣ Россіи съ Турціей можно считать почти рѣшеннымъ, такъ какъ вотъ уже нѣсколько дней, какъ самыя распространенныя газеты настойчиво и рѣшительно рекомендуютъ необходимость заключить прочный союзъ съ Турціей, при чемъ не безъ основанія доказываютъ, что въ настоящее время въ Европѣ существуютъ только двѣ имперіи, «интересы коихъ существенно сходятся» — россійская и турецкая. Объ этомъ союзѣ говорятъ не только въ газетахъ, но необходимость его имѣетъ много сторонниковъ и въ обществѣ, а такъ какъ здѣсь газеты почти никогда или очень рѣдко говорятъ о томъ, о чемъ говорить нельзя, и такъ какъ политическое значеніе русской прессы далеко не такъ мало, какъ полагаютъ въ Европѣ, то я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ въ осуществимости этого союза, и такимъ образомъ для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ интриги Дизи относительно турецкой имперіи разлетятся прахомъ.

Говоря по правдѣ, давно пора утереть носъ нашему премьеру. Я хоть и англичанинъ, но мнѣ прискорбна его безпокойная политика на Востокѣ, и вотъ почему я не безъ удовольствія сообщаю тебѣ объ этомъ, несомнѣнно важномъ извѣстіи.

По словамъ здѣшнихъ газетъ, необходимо: заключить немедленно союзъ съ Турціей, заставивъ ее укрѣпить Дарданеллы и Босфоръ, и понудить ввести необходимыя реформы, чтобы Турція не представлялась въ семьѣ европейскихъ государствъ какимъ-то уродомъ. Вездѣ реформы, только въ Турціи нѣтъ реформъ, что, по словамъ здѣшнихъ газетъ, и обидно, и несправедливо, и наконецъ просто рѣжетъ глазъ. Затѣмъ, если, несмотря на мирныя цѣли союза, лордъ Биконсфильдъ не успокоится и будетъ продолжать свои интриги, прикрывая ихъ требованіемъ реформъ, то въ такомъ случаѣ немедленно послать въ Америку какого-нибудь интендантскаго чиновника для заказа нѣсколькихъ десятковъ крейсеровъ и спокойно принять вызовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Дизи струситъ, все обойдется мирно, и въ результатѣ русскіе пріобрѣтутъ нѣсколько быстроходныхъ судовъ по сходнымъ цѣнамъ.

Вотъ, Дженни, планъ, отъ котораго не поздоровится Дизи, и я увѣренъ, что если русскій корреспондентъ, извѣстный не менѣе Росселя (я говорю о мистерѣ Молчановѣ), сдѣлаетъ теперь визитъ нашему первому министру, то нашъ министръ не поступитъ такъ недипломатично, какъ поступилъ съ корреспондентомъ въ Парижѣ нашъ посолъ при здѣшнемъ дворѣ, лордъ Дуферинъ, когда русскій корреспондентъ пожелалъ узнать у лорда: будетъ ли война съ Англіей или нѣтъ? Не зная, вѣроятно, высокой миссіи, принятой на себя почтеннымъ корреспондентомъ (онъ, Дженни, сколько мнѣ извѣстно, отправился склонить европейскіе дворы въ пользу Россіи), благородный лордъ,

какъ разсказывастъ самъ корреспондентъ, хотя и посадилъ корреспондента (къ чему здѣсь не привыкли, такъ какъ русскіе журналисты не имѣютъ глупѣйшей привычки обременять своихъ сановниковъ вопросами и если являются къ нимъ, то на самое короткое время, при чемъ, дорожа каждой минутой, слушаютъ стоя и торопятся при первой возможности уѣхать домой), но удержалъ его у себя настолько, насколько благородному лорду необходимо было объяснить русскому корреспонденту, что лордъ разговаривать съ нимъ не намѣренъ. Признаюсь, меня даже нѣсколько коробило при чтеніи отчета объ этомъ свиданіи, составленнаго русскимъ корреспондентомъ, — коробило именно потому, что лордъ Дуферинъ знаетъ Россію и потому долженъ былъ бы понять, что русскій корреспондентъ, какъ представитель прессы своей родины, имѣетъ значеніе, а между тѣмъ благородный лордъ обошелся съ корреспондентомъ, какъ съ камердинеромъ, и точно отъ того, что̀ напишетъ корреспондентъ, никому не будетъ ни теплѣй ни холоднѣй. Дабы ты, Дженни, могла имѣть надлежащее понятіе объ этомъ свиданіи, привожу тебѣ подлинный отчетъ о немъ русскаго корреспондента. Вотъ что̀ онъ пишетъ:

«Я сейчасъ имѣлъ случай говорить съ лордомъ Дуфериномъ, британскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Бесѣда наша была очень коротка,—она продолжалась всего нѣсколько минутъ. Лордъ былъ любезенъ, но выразилъ мнѣ откровенно, что настоящее положеніе дѣлъ не внушаетъ ему охоты къ подробному политическому разговору.

«— Политика не всегда удобный сюжетъ для частной бесѣды, — сказалъ онъ, улыбаясь.

«Затѣмъ на всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ одной и той же фразой:

«— Спросите князя Горчакова, будетъ война или миръ. Англія не хочетъ войны.

«— Справедливъ ли, милордъ, слухъ, что въ данное время Англія и Россія обсуждаютъ проектъ соглашенія ихъ интересовъ на Востокѣ и въ Азіи?—спросилъ я.

«—Я не понимаю, о какомъ соглашеніи могутъ толковать Англія и Россія,—отвѣтилъ Дуферинъ:—Англія знаетъ свою программу, и, чтобъ исполнить эту программу, ей нѣтъ надобности искать соглашеній».

Признаюсь, эта дипломатическая уловка, выразившаяся въ нѣсколько разъ повторенной фразѣ, рекомендующей узнать о войнѣ или мирѣ изъ отечественныхъ источниковъ, даже нѣсколько коварна. Благородный лордъ очень хорошо зналъ, что русскій корреспондентъ и безъ его указаній справился бы изъ отечественныхъ источниковъ, если бы былъ въ Петербургѣ, а не въ Парижѣ, о томъ, будетъ ли война или не будетъ войны, но русскій корреспондентъ именно хотѣлъ получить свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ, такъ какъ въ качествѣ корреспондента, испытывающаго, какъ онъ заявлялъ, ради блага отече-

ства, милліонъ затрудненій, чтобы получать свиданія съ европейскими государственными людьми и дипломатами,—онъ желалъ быть безпристрастнымъ и сообщить мнѣніе англійскаго дипломата рядомъ съ мнѣніемъ русскаго дипломата. Но такъ какъ благородный лордъ никакого опредѣленнаго мнѣнія не высказалъ, то русскій корреспондентъ, вѣроятно, безпристрастія ради, не сообщилъ публикѣ о свиданіи своемъ съ русскими дипломатами, оставивъ читателей въ недоумѣніи, такъ ли любезно принимаютъ русскіе дипломаты, какъ иностранные, или еще любезнѣе...

Вчера, Дженни, я имѣлъ случай бесѣдовать съ однимъ русскимъ начальникомъ отдѣленія о предполагаемомъ газетами русско-турецкомъ союзѣ и еще болѣе убѣдился, что если бы союзъ былъ заключенъ, то прочность его не подлежала бы никакому сомнѣнію. По словамъ моего собесѣдника, точекъ соприкосновенія въ политическомъ отношеніи между названными государствами такъ много, и даже въ національномъ характерѣ, несмотря на разницу религій, столь много общаго, что этотъ союзъ былъ бы очень благотворенъ для обѣихъ странъ.

— Европа, милордъ,—прибавилъ мой собесѣдникъ:—дряхлѣетъ и въ политикѣ держится началъ эгоизма. Мы докажемъ наше безкорыстіе, какъ не разъ его уже доказывали.

— Но какъ же съ храмомъ св. Софіи?—спросилъ я, помня, какъ во время войны русскій журналистъ Суворинъ хлопоталъ, чтобы въ храмѣ св. Софіи былъ назначенъ старостой г. Богдановичъ, и чтобы Константинополь былъ приписанъ къ Новороссійскому краю.

— Мы отъ храма св. Софіи отказались, милордъ, чтобы окончательно доказать свое безкорыстіе. Неужели вы полагаете въ самомъ дѣлѣ, что насъ могла пугать новая война? Да развѣ для насъ война страшна?

И собесѣдникъ мой (онъ, впрочемъ, Дженни, большой поклонникъ органа джинговъ) началъ объяснять мнѣ, почему для русскихъ война не страшна, а для всѣхъ европейцевъ война страшна, приводя доказательства, съ которыми я, конечно, давно былъ знакомъ, благодаря чтенію русскихъ газетъ.

Онъ говорилъ, что стоитъ только «кликнутъ кличъ»—и русская имперія воспламенится отъ края до края; что деньги, слава Богу, всегда будутъ, а если бы понадобились металлическія деньги, то и занять можно подъ небольшіе проценты у голландцевъ («замѣтьте, милордъ, что при крайности можно и въ залогъ что-нибудь пустить: пустопорожнихъ земель у насъ—слава тебѣ, Господи!»); что русскій человѣкъ никогда не задумывается передъ обстоятельствами и, чуть только народная честь того требуетъ, онъ пойдетъ противъ кого угодно, даже противъ самого дьявола.

Онъ намекнулъ затѣмъ, что прогулка въ Индію вовсе не такъ за-

труднительна, какъ многіе думаютъ (въ доказательство онъ приводилъ подвиги русскихъ солдатъ въ ахалъ-текинскую экспедицію), что крейсеровъ въ Америкѣ можно купить сколько угодно, и что складные кораблики, изобрѣтенные профессоромъ Иловайскимъ,—кораблики, легко перевозимые даже въ боковомъ карманѣ,—въ состояніи надѣлать немало вреда англійскому флоту. Затѣмъ онъ указалъ, правда, на несовершенства интендантской части и выразилъ даже опасеніе, что продовольствіе, пожалуй, не будетъ иногда по бездорожью доходить до солдатъ, но при извѣстныхъ реформахъ по этой части, съ одной стороны, и, главное, при не разъ доказанной способности русскаго солдата обходиться вовсе безъ продовольствія и даже безъ сапогъ, съ другой стороны, и это затрудненіе не можетъ смущать настолько, чтобы изъ него дѣлать вопросъ.

— Въ концѣ концовъ, милордъ,—заключилъ собесѣдникъ мой: — не столько важна готовность наша къ войнѣ, сколько увѣренность въ духѣ. Духъ—это все. Можетъ случиться, что денегъ мало, что ружья стрѣляютъ не совсѣмъ хорошо, что складные корабли не столь быстро ходятъ, —все это не бѣда, если духъ бодръ, а духъ-то у насъ таковъ, какого нѣтъ ни въ одной другой странѣ Европы.

Надо сказать, Дженни, правду: если и нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго джентльмена относительно складныхъ корабликовъ или относительно дѣйствительной полезности американскихъ покупокъ (я говорю о крейсерахъ), то въ разсужденіи духа, которымъ столь хвастаютъ русскіе, нельзя не сказать, что собесѣдникъ мой вполнѣ правъ.

Если бы, въ соединеніи съ духомъ, да здѣсь было въ ходу золото, а не бумажки, если бы поселяне не выказывали столь явно презрѣнія къ мясной пищѣ, если бы неисчерпаемыя богатства, заключенныя въ нѣдрахъ земли (объ этихъ богатствахъ русскіе ужасно любятъ говорить), не оставались столь долго въ нѣдрахъ, если бы между государственнымъ казначействомъ и классомъ, называемымъ здѣсь вообще «интеллигенціей», прекратилась война à outrance (война эта, Дженни, ведется съ незапамятныхъ временъ), если бы вообще русскіе не пользовались репутаціей (положимъ, и не вполнѣ справедливой) вислоухихъ,—то едва ли бы въ такомъ случаѣ Дизи сталъ такъ безсовѣстно интриговать, какъ интригуетъ теперь.

Но, признавая въ русскихъ нѣкоторые недостатки (ты, Дженни, и безъ того считаешь меня зятымъ руссофиломъ!), нельзя безъ восхищенія и безъ умиленія говорить о нихъ, какъ только вопросъ коснется способности ихъ къ самопожертвованію. Чтобы судить, какъ велика сила его, достаточно прочесть даже краткій учебникъ русской исторіи и побывать въ какой-нибудь русской деревнѣ...

Невоинственный по природѣ, склонный больше къ земледѣлію, мирнымъ занятіямъ и неустанной работѣ для своевременнаго взноса раз-

личныхъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ равно и натуральныхъ, добрый до того, что съ удовольствіемъ готовъ пожертвовать еще, если попроситъ полисменъ, на учрежденіе добровольнаго флота или на братьевъ славянъ, незлопамятный и крайне скромный въ своихъ потребностяхъ,—русскій поселянинъ, несмотря на свои мирныя наклонности, всегда охотно готовъ промѣнять соху на ружье и драться съ кѣмъ угодно, если только онъ узнаетъ, что для поддержанія національнаго достоинства драться необходимо.

Онъ, этотъ сѣрый, невзрачный русскій селянинъ, въ давнопрошедшія времена дрался съ пруссаками за австрійцевъ, съ австрійцами за пруссаковъ. Онъ плылъ въ Голландію искать удовлетворенія чести въ союзѣ съ голландцами и англичанами и тамъ, у Бергена, въ непроходимыхъ, пересѣченныхъ и незнакомыхъ болотахъ, умиралъ или попадалъ въ плѣнъ, какъ то было съ корпусомъ Германа въ 1799 году.

Онъ возстановлялъ мальтійскій орденъ и потрясенные престолы Италіи, осаждалъ Пиньероли, Сузы, Асіеты, одерживалъ съ Суворовымъ блестящія побѣды при Басно, Требіи и Нови, проливая свою кровь подъ чуднымъ небомъ Италіи, вдали отъ безбрежныхъ снѣжныхъ полей своей родины.

Истощенный, переходилъ онъ Альпы, оставляя на итальянскихъ поляхъ бо́льшую часть своихъ товарищей, погибшихъ для возстановленія сардинскихъ, неаполитанскихъ и тосканскихъ правительствъ, карабкался, какъ дикая коза, по горнымъ высямъ, опять дрался, рѣзался за Цюрихъ, и тѣ, которые наконецъ вернулись домой уцѣлѣвшими (а такихъ было, Дженни, немного), вѣроятно, съ любовью вспоминали въ своихъ прокоптѣлыхъ хижинахъ о благословенномъ небѣ Италіи и о томъ, какъ они, «сѣрые» (русскіе поселяне называютъ себя «сѣрыми», въ отличіе отъ другихъ классовъ, которые называются «бѣлыми»), дрались за возстановленіе Сардиніи.

И съ кѣмъ только, Дженни, ни сражался этотъ русскій сѣрый человѣкъ! Трудно даже сказать, съ кѣмъ онъ не сражался. Онъ схватывался съ турками, персами, черкесами, французами, нѣмцами, англичанами, поляками, венгерцами порознь и со многими изъ нихъ вмѣстѣ, и думаешь ли ты, что онъ ненавидѣлъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ дрался? Думаешь ли ты, Дженни, что онъ въ самомъ дѣлѣ ненавидитъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ дрался, какъ представителей того или другого режима, ему ненавистнаго?

О, ты ошиблась бы, Дженни, сильно ошиблась, если бы думала такимъ образомъ. Онъ дрался чуть ли не со всѣми племенами Европы, но при этомъ всѣхъ съ удовольствіемъ похваливаетъ...

Вѣроятно, поэтому-то, Дженни, русскіе публицисты, какъ только кому-либо изъ нихъ захочется поддержать національную честь, т. е. утереть носъ Дизи или князю Бисмарку, а то и просто наказать какихъ-нибудь каракалпаковъ, теке или хивинцевъ, не медля ни се-

кунды и весьма жалостно пишутъ, что необходимо, и какъ можно скорѣй, возстановить національную честь, тѣмъ болѣе, что «народъ» оскорбленъ, русская «народная» честь страдаетъ, русскій «народный» смыслъ указываетъ на необходимость взятія Константинополя, похода въ Индію или пріобрѣтенія сыпучихъ песковъ на далекихъ окраинахъ дальняго Востока. И замѣть, Дженни, этотъ сѣрый джентльменъ, живущій въ своихъ деревняхъ, оказывается на газетныхъ столбцахъ такимъ тонкимъ политикомъ и въ то же время такимъ кровожаднымъ человѣкомъ (при этомъ, разумѣется, въ такомъ случаѣ восхваляются, по обыкновенію, его главныя доблести: выносливость и терпѣніе, такъ какъ публицисты все-таки знаютъ недостатки продовольственной системы и не всегда хорошее качество подметокъ), что человѣкъ, не имѣющій достаточнаго знакомства съ мирными качествами гражданина деревни, можетъ подумать, что жители соломеннаго царства въ самомъ дѣлѣ только и мечтаютъ о томъ, какъ бы скорѣе отправиться въ Индію или испробовать климатъ туркестанскихъ степей, или даже возстановить право афганскаго эмира, какъ будто положеніе сего послѣдняго является предметомъ особаго вниманія жителей деревни, интересуя ихъ несравненно болѣе вопроса объ аккуратномъ взносѣ недоимокъ.

На-дняхъ еще я прочиталъ въ одной изъ русскихъ газетъ статью, въ которой авторъ настойчиво совѣтуетъ отомстить моимъ соотечественникамъ за интриги Биконсфильда и, не теряя драгоцѣннаго времени, отправиться въ Кабулъ. Достопочтенный публицистъ, между прочимъ, пишетъ:

«Мы еще минувшимъ лѣтомъ, по поводу кабульской катастрофы, указывали на наступающій моментъ и полную возможность отплатить сторицею нашей азіатской сосѣдкѣ за всѣ ея козни противъ Россіи и разъ навсегда отдѣлаться отъ нихъ, взорвавъ на воздухъ ея положеніе въ Азіи. Съ тѣхъ поръ положеніе англичанъ въ Афганистанѣ не только не улучшилось, но чуть ли не стало безвыходнымъ, по послѣднимъ извѣстіямъ. По крайней мѣрѣ, теперь можно считать несомнѣннымъ, что вполнѣ отъ Россіи зависитъ, чтобы побѣда не осталась за ними,— побѣда, которая для нихъ въ Азіи теперь составляетъ вопросъ жизни и смерти, ибо безъ нея наступило бы тамъ для англійскаго владычества начало конца. Генералъ Робертсъ совершилъ побѣдоносное шествіе до Кабула — и очутился въ самой критической обстановкѣ. Непокорные афганы не поддаются, угрожаютъ прервать сообщенія и ресурсы англичанъ, хотятъ продержаться до весны, *въ надеждѣ, что русскіе придутъ къ нимъ на помощь*. И мы выражаемъ пламенную надежду, что русскіе не упустятъ этого случая.»

Какъ видишь, представляется возможность «разъ навсегда» отдѣлаться отъ моей милой Англіи, и органъ (я не могу, несмотря на мое желаніе, опредѣлить, какой программы держатся «С.-Петербургскія Вѣдомости») генерала сербской службы Комарова не дремлетъ, чуть

только возможно объявить войну. Равнымъ образомъ не дремлетъ и другой органъ, «Новое Время», которое въ настоящее время, требуя союза съ Турціей съ такою же настойчивостью, съ какою нѣсколько времени тому назадъ требовало удаленія его величества турецкаго султана въ какія-нибудь отдаленныя мѣста Малой Азіи, вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждаетъ нашего Дизи, что Египетъ, такъ и быть, оно отдастъ на съѣденіе ненасытнаго перваго министра, но раздѣла Турціи не допуститъ никогда, никогда!

«Россія,— говоритъ названная газета:—можетъ, пожалуй, отнестись равнодушно къ занятію Египта Англіей, но она никогда не допуститъ, чтобы Англія лишила ее плодовъ послѣдней войны. Пусть Англія не забываетъ, что, дѣйствуя такъ, она только ускоряетъ минуту рѣшительнаго столкновенія, исходъ котораго будетъ зависѣть, какъ во всякомъ столкновеніи, отъ массы, а масса на нашей сторонѣ».

Хоть я, какъ ты знаешь, далеко не раздѣляю политическихъ взглядовъ нашего перваго министра и очень буду радъ, когда ему свернутъ шею, тѣмъ не менѣе прошу тебя, Дженни, не медля ни минуты, сообщить объ угрозѣ почтенной газеты въ Foreign office. Надо же наконецъ усмирить Дизи. Его политика можетъ повести къ тому, что въ одно прекрасное утро въ нашемъ дорогомъ отечествѣ появятся русскіе казаки. Хотя это народъ и мирный, а все-таки...

Угроза названной газеты тѣмъ важнѣе, что издатель ея—тотъ самый мистеръ Суворинъ, который не разъ и не два заявлялъ, что или подай ему Константинополь, или хоть ложись въ гробъ! Ко благу отчизны и на страхъ врагамъ, какъ внѣшнимъ (а ихъ у него таки - довольно), такъ и внутреннимъ (и этихъ немало!), онъ, названный джентльменъ, слава Богу, находится, какъ кажется, въ вожделѣнномъ здравіи. Недавно, впрочемъ, въ его газетѣ былъ напечатанъ бюллетень о томъ, что у достопочтеннаго джинга была легкая форма дифтерита, но прошла, и обезпокоенная-было этимъ событіемъ Россія теперь, слава Богу, успокоилась, увѣренная, что почтенный издатель снова бодро станетъ на стражѣ русскихъ интересовъ и не позволитъ «жидамъ» получать подряды, а предоставитъ это дѣло своимъ сотрудникамъ.

Сколь въ Петербургѣ почитаютъ «героя минувшей войны» (по крайней мѣрѣ, такъ многіе его называютъ), я заключилъ изъ того, что при возвращеніи названнаго журналиста изъ заграничнаго вояжа, куда, какъ сообщали телеграммы, онъ ѣздилъ для купанья въ Бискайскомъ заливѣ, несмѣтныя толпы народа встрѣтили его въ вокзалѣ, а потомъ, при первой вѣсти о болѣзни, множество лицъ обоего пола толпилось у дверей редакціи, желая узнать, въ какомъ положеніи находится его болѣзнь.

По случаю этого горестнаго событія въ газетѣ этого издателя не появилось даже окончанія повѣсти, подъ названіемъ: «Докторъ Само-

хвалова», — повѣсти, художественныя красоты которой вызвали всеобщій восторгъ *).

Ахъ, Дженни, Дженни, сколь чреватое событіями время переживаемъ мы теперь! Противъ насъ снова поднимаются крики негодованія въ печати, и если бы не умиротворяющее вліяніе князя Бисмарка, то что было бы съ нами, благодаря романическимъ наклонностямъ нашихъ министровъ и рѣшительности нѣкоторыхъ русскихъ журналистовъ?

Между тѣмъ, пристально присматриваясь къ русской жизни, мнѣ казалось бы, что Россіи едва ли слѣдуетъ предпринимать войну, — говорю это вовсе безъ предвзятой мысли или изъ боязни за судьбы дорогого моего отечества.

Хотя есть здѣсь знатоки дѣлъ, которые утверждаютъ, что воевать слѣдуетъ, но, какъ кажется, такихъ знатоковъ все-таки не столь много, чѣмъ людей, полагающихъ иначе. Натурально, я говорю о мнѣніяхъ, ходящихъ въ обществѣ (быть-можетъ, «народѣ» и въ самомъ дѣлѣ желаетъ пріобрѣсти въ вѣчную собственность индійскія владѣнія). А эти мнѣнія, Дженни, направлены болѣе къ внутреннимъ вопросамъ, чѣмъ къ внѣшнимъ.

Нѣтъ слова, что русскіе люди вполнѣ счастливы и совершенно довольны безмятежной и спокойной жизнью, оставляющей болѣе тихимъ гражданамъ немало досуга для игры въ винтъ, а болѣе дѣятельнымъ—для сочиненія проэктовъ возможно быстраго окончанія войны какъ съ казенными, такъ и съ общественными деньгохранилищами (по исчисленію статистиковъ, при отвагѣ, существующей въ настоящее время, окончанія войны и слѣдовательно повсемѣстнаго опустошенія можно ждать не позже, какъ черезъ десять лѣтъ), но все-таки находятся и такіе, которые желали бы еще большаго счастія (человѣкъ рѣдко бываетъ доволенъ судьбою), и потому-то, несмотря на патріархальность нравовъ, мнѣ приходилось встрѣчать въ послѣднее время несравненно болѣе задумчивыхъ лицъ, чѣмъ сколько я встрѣчалъ во время прежняго моего пребыванія въ столицѣ.

Я клеветалъ бы—и клеветалъ бы самымъ наглымъ образомъ—на русскихъ, если бы позволилъ себѣ сказать, что между ними существуетъ какое бы то ни было недовольство другъ противъ друга. Этого далеко нѣтъ, но зато нѣтъ и того отпечатка радости на лицахъ, коаорый я замѣчалъ прежде, и точно какая-то меланхолія, какъ тихій тнгелъ, пролетѣла повсюду.

Я прежде, признаться, подумалъ (по крайней мѣрѣ газеты навели меня на эту мысль), что меланхолія, мною замѣченная, есть слѣдствіе

---

*) Свѣдѣнія о встрѣчѣ издателя «Новаго Времени», а равно о восторгѣ, вызванномъ названной повѣстью, очевидно, сообщены знатному иностранцу какимъ-нибудь мистификаторомъ. *Прим. переводчика.*

берлинскаго конгресса, но оказалось, что я ошибался. На конгрессъ русскіе махнули рукой, тѣмъ болѣе, что изъ отчетовъ о засѣданіи національнаго болгарскаго собранія видно, что болгары все-таки теперь могутъ облагать себя налогами, сколько душѣ ихъ угодно, не имѣя дѣла съ турецкимп сборщиками, и внѣшней политикѣ предпочитаютъ внутреннюю.

Одинъ молодой купецъ изъ Гостинаго двора, большой руки консерваторъ, у котораго я дѣлаю обыкновенно кой-какія покупки, и тотъ, говорю, ужъ не бесѣдуетъ со мною о необходимости водрузить крестъ въ той землѣ, гдѣ, по его словамъ, долженъ находиться «пупъ земли», какъ бесѣдовалъ при встрѣчахъ во время прежняго моего пребыванія въ Россіи, а какими-то смутными и отдаленными намеками поясняетъ, что очень ужъ теперь стало ему скучно въ лавкѣ. Когда я попросилъ объясненія насчетъ этихъ словъ, изумившись, что человѣкъ какъ будто недоволенъ спокойной жизнью, то почтенный обыватель петербургскаго Сити замѣтилъ:

— Я вамъ и объяснить не могу, но только тошно какъ-то отъ скуки. Сидишь это въ лавкѣ, почитаешь газету, а послѣ и не знаешь, что дѣлать.

— А въ думѣ развѣ не бываете?

— Бываю.

— Такъ развѣ вы недовольны ея дѣятельностью?

— Какая, сударь, это дѣятельность? Такъ, одно времяпровожденіе.

Мой собесѣдникъ какъ-то боязливо посмотрѣлъ вокругъ и прошепталъ:

— Очень ужъ какъ-то, сударь, мало движенія въ головѣ. Очень мало!

Бѣдняга «движенія въ головѣ» захотѣлъ!

Во всякомъ случаѣ я не могъ не отмѣтить этого факта, какъ знаменія времени. Прибавлю къ вышеизложенному, что подобная меланхолія въ словахъ слышится, пожалуй, еще яснѣй и въ бесѣдахъ, которыя приходилось мнѣ вести съ представителями другихъ классовъ. Весьма многіе заявляютъ, что винтъ начинаетъ прискучивать, и что пора выдумать какую-нибудь другую игру для полнаго благополучія россійскихъ гражданъ.

Не далѣе, какъ вчера, одинъ земскій джентльменъ, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ провинціи, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто предсѣдателя земской управы, на вопросъ мой о кругѣ дѣятельности земства отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Дѣятельность наша, милордъ, очень велика. Съ Божьей помощью мы можемъ хозяйничать безъ какихъ-либо посторонпихъ вмѣшательствъ, въ предѣлахъ закона.

Почтенный представитель самоуправленія перечислилъ права и

обязанности, которыми пользуется земство, и съ гордостью говорилъ о своихъ занятіяхъ, но тѣмъ не менѣе все-таки меланхолія слышалась въ его голосѣ.

— Все, милордъ, у насъ прекрасно. Мы можемъ заниматься, по опредѣленнымъ правиламъ, раскладками, взимать повинности, чинить мосты и дороги, ходатайствовать, наблюдать за школами, совмѣстно съ представителями министерства народнаго просвѣщенія, но все-таки обидно...

— Чего же именно недостаетъ вамъ?

— Предупреждаю васъ, милордъ, что я не жалуюсь,—Боже меня сохрани!—но дѣло въ томъ, что у насъ, представителей самоуправленія, нѣтъ формы. У всѣхъ форма, а у насъ нѣтъ... Вотъ въ чемъ обида. И я пріѣхалъ сюда именно для того, чтобы узнать: будутъ ли намъ даны эти права?

Я не знаю, будетъ ли удовлетворено ходатайство почтеннаго представителя самоуправленія. Предполагаю, что едва ли встрѣтится какое-либо препятствіе къ удовлетворенію его, и такимъ образомъ зданіе мѣстнаго самоуправленія будетъ увѣнчано.

Сейчасъ узналъ отъ одного столичнаго гласнаго, что на-дняхъ въ здѣшней думѣ (совѣтъ альдерменовъ) будетъ разбираться весьма интересный вопросъ и лучшіе ораторы произнесутъ рѣчи. Разумѣется, я воспользуюсь приглашеніемъ и подѣлюсь съ тобой впечатлѣніями, а пока обнимаю тебя, дорогая моя, и прошу не забывать твоего вѣрнаго друга, Джонни.

P. S. Я, благодареніе Богу, здоровъ и обрѣтаюсь въ полномъ благополучіи. Полисменъ, занимающій постъ у нашей гостиницы, при встрѣчѣ со мной дѣлаетъ мнѣ подъ козырекъ и привѣтствуетъ меня словами: «Здравія желаю, ваше превосходительство!» Изъ этого ты можешь заключить, какимъ уваженіемъ пользуются здѣсь знатные иностранцы.

Письмо сорокъ первое.

Дорогая Дженни!

Однажды утромъ, когда я только-что выпилъ свой кофе, въ занимаемый мною номеръ вошелъ слуга и доложилъ мнѣ, что по улицамъ только-что прошла толпа гражданъ съ знаменами, имѣя во главѣ человѣка, несущаго благодарственный адресъ. Столь рѣдкое явленіе (я зналъ, что русскіе не любятъ устраивать уличныхъ процессій), признаюсь, удивило меня, и я попросилъ у слуги разъясненія.

— Большая толпа?

— Человѣкъ пятьдесятъ будетъ. Много народа!..—отвѣчалъ слуга.

— Кто участвуетъ въ процессіи?

— Рабочіе. Ищутъ хозяина, чтобы поднести ему адресъ.

— Да развѣ они не знаютъ, гдѣ онъ живетъ?

— То-то не знаютъ!

Я наскоро одѣлся и, несмотря на дурную погоду, вышелъ на улицу. Обратившись за разъясненіемъ къ полисмену, я узналъ у него, что точно нѣсколько десятковъ гражданъ прошли сейчасъ по улицѣ, но что онъ ихъ попросилъ разойтись, такъ какъ ходить вмѣстѣ нельзя— безпорядокъ.

— Но, я слышалъ, они съ адресомъ?

— Этого мы не можемъ знать, ваше превосходительство, а толпой ходить нельзя. Ходи въ одиночку, а чтобы скопомъ, это никакъ невозможно.

На другой только день я узналъ изъ газетъ, что никакого адреса не было, а дѣло было гораздо проще:

«Артель каменщиковъ въ 60 человѣкъ находится въ крайнемъ, безвыходномъ положеніи и нуждается въ безотлагательной и серьезной помощи. Въ теченіе нынѣшняго лѣта подрядчикъ Ф. порядилъ ихъ выстроить каменный домъ при церкви Знаменія Пресвятой Богородицы, но, по окончаніи работы, денегъ никому изъ нихъ не отдалъ, говоря, что отъ этого дѣла онъ несетъ большой убытокъ; самъ же онъ, между прочимъ, всѣ деньги изъ комитета уже выбралъ, и эти несчастные 60 человѣкъ, *оборванные, голодные, бродятъ по Петербургу*, не находя выхода изъ этого крайне непріятнаго положенія. Всѣхъ денегъ за подрядчикомъ болѣе трехъ тысячъ; даже чтобъ предъявить къ нему искъ, каменщикамъ придется первоначально внести судебныя пошлины и другіе сборы, а гдѣ ихъ взять, *коли нѣтъ нечего?* Да и получить-то съ подрядчика они не надѣются, такъ какъ у него нѣтъ никакой собственности».

Газеты не сообщили, что было дальше, но надо думать, что оборванные и голодные походятъ - походятъ, да такъ денегъ и не получатъ.

Говорятъ, впрочемъ, что на этотъ вопросъ обращено вниманіе и существуетъ комиссія съ спеціальной цѣлью пересмотрѣть законоположенія, относящіяся до отношеній между нанимателями и нанимаемыми, но, по здѣшнему обыкновенію рѣшать все основательно и солидно, труды комиссіи еще не окончены и будутъ окончены, какъ сообщили мнѣ, не раньше, какъ въ 1901 году *).

Въ ожиданіи этого времени, здѣсь существуютъ отношенія, выработанныя обычаемъ, и многіе адвокаты, при возникающихъ по этому поводу дѣлахъ, даже стараются обычай возвести въ юридическое право, напримѣръ, кормить рабочихъ гнилой пищей и разсчитывать

---

*) Знатный иностранецъ ошибся всего на пять лѣтъ. Законъ объ урегулированіи отношеній между нанимателями и рабочими появился въ 1895 году, т. е. черезъ 18 лѣтъ послѣ образованія комиссіи.

Прим. переводчика.

ихъ по вдохновенію, приводя при этомъ въ доказательство, что иначе простой человѣкъ зазнается, получитъ вредный для государства образъ мыслей, и такимъ образомъ лучшія качества русскаго народа—смиреніе и терпѣніе — могутъ подвергнуться серьезнымъ испытаніямъ, что едва ли желательно въ виду еще неоконченныхъ счетовъ съ Европой. Затѣмъ, Дженни, обыкновенно ссылаются на добровольное соглашеніе, т. е. на условія. И если бы русскій поселянинъ подписалъ (вѣрнѣе, не подписалъ, а поставилъ бы крестъ) договоръ, по которому онъ соглашался бы получать ежедневно вмѣсто платы по пятидесяти ударовъ розгами, то и въ такомъ случаѣ являлся бы гражданскій вопросъ: въ правѣ ли кто-нибудь нарушить этотъ вполнѣ добровольный договоръ? И, конечно, нашлось бы немало адвокатовъ, которые въ прочувствованныхъ рѣчахъ, на основаніи текстовъ изъ евангелія, доказали бы, что никто этого сдѣлать не въ правѣ, такъ какъ, слава Богу, въ Россіи воля человѣка совсѣмъ свобода, и онъ можетъ, буде пожелаетъ, совершать какія угодно условія, не ведущія къ вреду общества. При этомъ, если адвокатъ опытенъ и въ законахъ смѣлъ, онъ, по обыкновенію, приведетъ аргументъ, что добровольная порка не только не вредна, но способствуетъ циркуляціи крови,—что, вѣроятно, самъ согласившійся на нее имѣлъ въ виду поправленіе своего здоровья, и потому было бы въ высшей степени несправедливо и даже обидно (въ разсужденіи гражданской свободы) отказывать гражданину въ желаніи получать вмѣсто нѣсколькихъ копеекъ въ день нѣсколько ударовъ розгами.

Дабы ты не обвинила меня, Дженни, въ преувеличеніяхъ, я приведу тебѣ образчики заключаемыхъ здѣсь договоровъ. Если въ нихъ, правда, и не обусловлены тѣлесныя повреждения, то взамѣнъ того, какъ увидишь, поставлены такія условія, прочитавши которыя, китайскіе кули должны почесть себя въ высшей степени счастливыми.

Сперва сообщу тебѣ образецъ условій, при помощи которыхъ джентльмены, открывающіе кредитъ гражданамъ деревни, проходятъ постепенно почетныя въ Россіи званія «кулака», затѣмъ «предпринимателя» и наконецъ «столпа отечества». Условія, заключаемыя для поощренія сельскаго кредита, бываютъ въ высшей степени разнообразны и болѣе или менѣе остроумны,—однообразной формы они не имѣютъ. Затѣмъ я представлю тебѣ образецъ обыкновеннаго нормальнаго условія между нанимателемъ и нанимаемымъ. Эта форма договора одна и та же и практикуется на заводахъ, фабрикахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Въ русскихъ газетахъ довольно часто появляются договоры первой категоріи. Подъ рукою у меня въ настоящее время находится образчикъ договора, заключеннаго крестьянами села Дятлицъ, Псковской губерніи. Является этотъ договоръ на свѣтъ божій благодаря пожару въ названномъ селѣ. Когда производилось обыкновенное въ такихъ

случаяхъ дознаніе, то, по словамъ русскихъ газетъ, выяснились слѣдующія обстоятельства:

«Обнаружено, что нѣкоторыя строенія, застрахованныя по обязательному страхованію, сгорѣвшія при пожарѣ, оказались проданными купцу Боговскому, находившіяся однако во время пожара во владѣніи крестьянъ, а именно: Семена Ларіонова изба застрахована въ 120 р., Петра Ефимова изба—50 р., клѣть—20 р. Продажа эта совершена на основаніи письменнаго условія купца Боговскаго съ крестьянами, засвидѣтельствованнаго въ Докатовскомъ волостномъ правленіи 8-го мая 1878 года, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что упомянутые крестьяне, продавъ означенныя постройки Боговскому, предоставляютъ ему право убрать таковыя въ теченіе года и въ случаѣ пожара получить причитающееся за тѣ строенія страховое вознагражденіе. На этомъ основаніи волостное правленіе предположило таковое вознагражденіе выдать купцу Боговскому. Затѣмъ, при дальнѣйшихъ разспросахъ агентовъ страхованія и крестьянъ, выяснилось, что по Докатовской волости такимъ образомъ продано около 300 строеній, что продажа эта, по показанію крестьянъ, есть залогъ строенія, а не продажа. Обращаясь къ купцу Боговскому съ просьбой о выдачѣ взаймы денегъ, они предлагаютъ ему въ обезпеченіе свои постройки, но Боговскій соглашается ссудить только въ томъ случаѣ, если они выдадутъ ему подписку, засвидѣтельствованную въ волостномъ правленіи, о продажѣ строенія на сносъ въ срокъ, на который выдана ссуда, и независимо отъ сего беретъ расписку въ полученіи денегъ; такъ, напр., крестьянинъ, занявъ отъ него, Боговскаго, 20 р., обязуется письменно уплатить таковые въ извѣстный, назначенный въ распискѣ срокъ, и кромѣ того выдаетъ подписку о продажѣ какого-либо строенія, предоставляя ему право убрать то строеніе къ назначенному сроку. Ссуда отъ Боговскаго выдается всегда нѣсколькимъ домохозяевамъ, которые, кромѣ означенныхъ двухъ обязательствъ, принимаютъ на себя еще круговую другъ за друга поруку въ уплатѣ долга. При уплатѣ крестьянами долга по частямъ, Боговскій никогда не выдаетъ расписокъ въ полученіи денегъ. Ссуда выдается отъ него большею частью хлѣбомъ и льнянымъ сѣменемъ на посѣвъ, цѣна опредѣляется выше обыкновенной продажной на 20% и болѣе, съ обязательствомъ каждое лѣто выставить косца, жнеца и пр., а за неявку на работу къ долгу приписывается 1 р. 50 к. за каждый день. На такія тяжкія условія крестьяне соглашаются вслѣдствіе крайней нужды».

Поэтому-то, Дженни, съ англійской точки зрѣнія, мнѣ кажется, что публицисты русскіе, описывая русское довольство и порицая англійскую бѣдность, пристрастны. Но если принять во вниманіе русскую точку зрѣнія, то, пожалуй, можно придти къ заключенію, что положеніе работающихъ русскихъ гражданъ самое лучшее въ подлунной, такъ какъ русскій желудокъ, какъ увѣряютъ даже ученые, предпо-

читаетъ жолудь, древесную кору, тюрю (особенное кушанье, очень любимое русскими) и воду, приправленную чернымъ хлѣбомъ,—ростбифу, картофелю, овощамъ и пиву.

Сдѣлавъ необходимое отступленіе, выписываю и подлинный текстъ договора. Вотъ онъ:

«1878 года, мая 8-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне Псковскаго уѣзда, Докатовской волости, деревни Дятелицъ, Василій Тимоѳеевъ, Петръ Игнатьевъ, Семенъ Ларіоновъ, Петръ Ефимовъ, и деревни Заборѣчья—Василій Дмитріевъ, дали сію подписку псковскому купцу Ѳаддею Алексѣевичу Боговскому въ томъ, что я, Тимоѳеевъ, продалъ на сносъ принадлежащія мнѣ заднюю и боковую избу, цѣною за двѣ избы 90 р., и деньги получилъ сполна; я, Игнатьевъ, продалъ переднюю избу, цѣною за 60 р., и деньги получилъ; я, Ларіоновъ,—переднюю избу за 120 р., деньги получилъ; Ефимовъ — переднюю избу, цѣною за 50 р., деньги получилъ; Заборѣчья — Дмитріевъ—заднюю избу, цѣною за 30 р., и деньги получилъ. Всю вышеприписанную постройку Боговскій можетъ убрать въ теченіе года, когда ему будетъ угодно. Въ случаѣ пожара на мѣстѣ означенной постройки, всѣ мы, вышепоименованные крестьяне, предоставляемъ право страховыя деньги получить ему, Боговскому, за всю вышеозначенную постройку; во всемъ вышеписанномъ мы, крестьяне, отвѣчаемъ круговою порукою одинъ за другого, въ чемъ и подписуемся: крестьяне д. Дятелицъ—Василій Тимоѳеевъ, Петръ Игнатьевъ, Семенъ Ларіоновъ, Петръ Ефимовъ, и д. Заборѣчье—Василій Дмитріевъ. Свидѣтели: дер. Темкова—Василій Богдановъ и Верхняго Моста — Василій Егоровъ. Вѣрно: волостной старшина Григорій Дементьевъ, а по безграмотству приложилъ печать волостной писарь А. Пономаревъ».

Все, какъ видишь, совершено вполнѣ правильно, законно, на основаніи добровольнаго согласія. «Къ чему эти русскіе заключаютъ подобныя условія?»—спросишь ты, пожалуй, Дженни, въ своей голубиной невинности. Я тоже, признаться, интересовался этимъ, и многіе мнѣ отвѣчали, что заключаютъ они такія условія не потому, чтобы нуждались въ деньгахъ на своевременную уплату недоимокъ, а для того, чтобы проѣхаться за границу, въ Баденъ-Баденъ и Парижъ.

Мнѣ однако кажется, что едва ли подобное мнѣніе справедливо, такъ какъ трудно на 50 или 30 руб. проѣхать въ Парижъ.

Я не знаю, будетъ ли этотъ договоръ прочитанъ на судѣ, но нимало не сомнѣваюсь, что защитникъ сельскаго кредита объяснитъ, что условіе сіе, добровольно и законно заключенное, было актомъ признательности русскаго человѣка за помощь, оказанную ему добродѣтельнымъ купцомъ. Онъ перечислитъ всѣ его качества, всѣ его доблести, и когда кончитъ, то зальется слезами въ доказательство, что его кліентъ такой превосходный гражданинъ.

Я какъ-то завелъ разговоръ по поводу этого дѣла съ однимъ пред-

ставителемъ помѣстной интеллигенціи (оказалось, что и онъ заключаетъ добровольныя сдѣлки въ такомъ же родѣ); онъ коротко и категорически мнѣ отвѣтилъ:

— На нашей сторонѣ, милордъ, законъ. Мы не неволимъ. Мы по закону. Нынче, слава Богу, никто не смѣетъ неволить. Личность у насъ пользуется широкой свободой, и кто можетъ помѣшать мнѣ въ моемъ правѣ заключать добровольныя условія?

Затѣмъ выписываю дословно текстъ условія между рабочими и конторой одной механической мастерской. Это условіе является, такъ сказать, нормальнымъ условіемъ. Форма его почти одинакова на всѣхъ заводахъ, фабрикахъ и т. п. Называется оно «*условной книжкой*» (названіе намекаетъ нѣкоторымъ образомъ на условность самаго разсчета); затѣмъ въ книжкѣ слѣдуютъ пункты:

«Я (такой-то), поступая на работу съ (такого-то) числа (такого-то) мѣсяца 189... г., подчиняюсь слѣдующимъ правиламъ:

«1) Выходить на работу и уходить съ оной въ установленное время я обязанъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и поименованныхъ праздничныхъ дней: 1) 9-го мая, день Николая чудотворца. 2) Вознесеніе. 3) Сошествіе Св. Духа. 4) 29-го іюня. 5) 20-го іюля. 6 и 7) 6-го и 15-го августа. 8) 29-го августа. 9) 8-го сентября. 10) 14-го. Воздвиженіе. 11) 1-го октября. 12) Введеніе. 13) Николая чудотворца. 14) Рождество. На работѣ я обязанъ подчиняться во всемъ распоряженіямъ г. строителя или завѣдующихъ отъ него лицъ.

«2) Если работа будетъ назначена посмѣнная, то я обязанъ выходить на работу въ назначенное мнѣ время, какъ днемъ, такъ и ночью.

«3) Если встрѣтится надобность производить работу въ праздничный или воскресный день, то я обязываюсь работать безотговорочно, считая одинъ день праздничный за полтора будничныхъ.

«4) Въ случаѣ если я пожелаю оставить работу и получить разсчетъ, то долженъ заявить о своемъ разсчетѣ заблаговременно, за пятнадцать дней до разсчета; въ противномъ случаѣ контора имѣетъ право отказать мнѣ въ разсчетѣ или разсчитать съ вычетомъ пяти рублей изъ заработанной платы моей.

«5) За растрату и порчу выданныхъ мнѣ на руки инструментовъ и матеріаловъ будетъ удерживаемо по стоимости, и сверхъ того контора имѣетъ право взыскивать при умышленной порчѣ, продажѣ или закладѣ ихъ по своему усмотрѣнію.

«6) За неявку и опаздываніе на работу или за уходъ раньше времени взыскивается штрафъ по разсчету времени, при чемъ опозданіе болѣе часу считается за полдня.

«7) За пьянство, буйство и вообще всякое нарушеніе порядка на работѣ и неповиновеніе, съ меня (такого-то) взыскивается штрафъ по усмотрѣнію конторы механической мастерской.

«8) Уплата денегъ за работу будетъ производиться отъ конторы одинъ разъ въ мѣсяцъ, а именно въ субботу послѣ 15 числа каждаго мѣсяца, въ такомъ порядкѣ:

«а) Разсчетные листы мастеровыхъ выдаются за 2 или 3 дня раньше получки.

«б) Всякая справка насчетъ разсчетныхъ листовъ должна быть сдѣлана за день до получки.

«в) Во время получки, а также и послѣ, никакія претензіи и отговорки не принимаются.

«г) Мастеровой, потерявшій разсчетный листокъ, долженъ немедленно заявить конторѣ и получить жалованье недѣлю спустя.

«9) Въ случаѣ спора по отношенію къ дѣйствіямъ, за которыя полагаются штрафы и другія взысканія, дѣло рѣшается судебнымъ порядкомъ».

Если, Дженни, разобрать все означенное добровольное соглашеніе по пунктамъ, то ты увидишь, сколь патріархально составляются здѣсь «условныя книжки».

Во-первыхъ, не обозначено, сколько часовъ обязанъ рабочій работать. Просто сказано, что рабочій приходитъ и уходитъ въ установленное время. Во-вторыхъ, въ первомъ пунктѣ поименованы дни, въ которые рабочій можетъ не приходить, но вслѣдъ затѣмъ 3-мъ пунктомъ первый пунктъ уничтожается. Затѣмъ четвертый пунктъ «предоставляетъ конторѣ право отказать въ разсчетѣ», что, при широкихъ правахъ, которыми пользуются русскіе вообще, исполняется свято со стороны нанимателей. По 5-му пункту, за растрату, контора не только можетъ удержать стоимость вещи (замѣть, Дженни, что въ условіи стоимость не опредѣлена, такъ что топоръ можетъ стоить сто рублей), но и кромѣ того контора «имѣетъ право взыскивать по своему усмотрѣнію», то-есть столько, сколько можно взыскать съ рабочаго. Изъ шестого пункта ты видишь, что времясчисленіе въ «условной книжкѣ» дѣйствительно условно, такъ какъ время болѣе часу равняется 8 часамъ. По пункту 7-му ты, Дженни, видишь, что, кромѣ штрафовъ, обозначенныхъ въ другихъ пунктахъ, контора можетъ взыскать еще «штрафы вообще» и, конечно, «по усмотрѣнію». NB. «По усмотрѣнію»—очень любимая и распространенная въ Россіи формула. По объясненіямъ свѣдущихъ людей, эта формула почти равносильна закону, и если здѣсь жалѣютъ человѣка и не хотятъ его наказать «по суду» (судъ, хотя справедливъ, но строгъ!), то наказываютъ «по усмотрѣнію». Изъ пункта 8-го можно заключить: или что русскіе мастеровые столь запасливы, что имѣютъ сбереженія на двѣ недѣли, или что они въ теченіе двухъ недѣль, до полученія разсчета, удерживаются отъ употребленія пищи.

Признаюсь, зная похвальную способность русскаго человѣка, я, Дженни, предположилъ второе, но мнѣ однако объяснили, что это не

такъ: двухнедѣльное воздержаніе можетъ отразиться на крѣпости организма и слѣдовательно на работѣ, а потому и тутъ практикуется благодѣтельная система кредита слѣдующимъ образомъ:

Вблизи отъ завода, фабрики или мастерской всегда есть мелочныя лавки, принадлежащія или хозяевамъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, или же частнымъ лицамъ. Вотъ на эти лавочки и выдается кредитъ мастеровымъ, которые забираютъ въ лавкахъ необходимые припасы для пропитанія. Записи дѣлаются въ книжкѣ, выдаваемой изъ лавокъ, и ты можешь себѣ представить качество товара и бухгалтерію, которую ведутъ лавочники съ неграмотными мастеровыми. Нечего и говорить, что опять-таки все это дѣлается добровольно, такъ какъ человѣку, желающему подкрѣпить себя пищей, некогда торговаться, а остается только благодарить за кредитъ.

Если свести въ цѣлое всѣ эти пункты, то въ результатѣ получится одно впечатлѣніе—это то, что все зависитъ «отъ усмотрѣнія». И пища, и плата, и штрафы—все «по усмотрѣнію». Но такъ какъ договоръ подписанъ обѣими сторонами, то формула «по усмотрѣнію» является вполнѣ законной формулой, обсужденіе которой и въ юридическомъ обществѣ привело бы къ признанію полной легальности одной стороны «по усмотрѣнію» безмездно пользоваться трудами другой стороны.

Со стороны закона въ этихъ условіяхъ все правильно и, какъ здѣсь говорятъ, дѣло сдѣлано чисто.

Надо правду сказать, Дженни, несмотря на все вышеизложенное, русскіе мастеровые все-таки охотно идутъ на работу, въ надеждѣ, что во всякомъ случаѣ «усмотрѣніе» не дойдетъ до того, чтобы отказать имъ въ прокормѣ за время работы и, въ крайнемъ случаѣ, оставитъ за всѣми вычетами сумму, необходимую для отсылки домой на уплату недоимокъ.

Большаго они и не требуютъ, и одинъ рабочій даже говорилъ мнѣ:

— Къ чему намъ, господинъ, деньги? Намъ денегъ не нужно. Мы очень всѣмъ довольны.

Такова, Дженни, доброта и непритязательность русскаго человѣка. Какъ подумаешь, то онъ одинъ и тотъ же, когда возстановлялъ сардинскія царства и когда строитъ желѣзныя дороги. Онъ живетъ одной идеей, не заботясь о матеріальномъ. Недаромъ здѣсь и говорятъ: «мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь».

Письмо однако вышло длинно, и я откладываю описаніе засѣданія въ думѣ до слѣдующаго письма. Будь здорова.

P. S. Я въ полномъ благополучіи—здравъ и невредимъ. Не только полисменъ, но даже и околоточный надзиратель очень любезно раскланивается со мною при встрѣчѣ, чувствуя во мнѣ знатнаго иностранца и представителя дружественной державы.

P. S. Прошу тебя, посылай ты мнѣ письма въ конвертахъ изъ картона, а то бумажные конверты не выдерживаютъ дальняго пути и портятся.

Письмо сорокъ второе.

Дорогая Дженни!

Сколько помнится, я говорилъ тебѣ въ одномъ изъ старыхъ моихъ писемъ, что въ этой странѣ крайне рѣдки случаи, когда общественныя собранія обходятся безъ скандала, при чемъ иногда практикуется и нашъ боксъ и съ ближайшаго поста призывается, а то появляется и по собственной иниціативѣ, полисменъ для примиренія, а въ крайнемъ случаѣ и для водворенія порядка самоуправленія, такъ какъ въ семъ послѣднемъ полисмены болѣе всѣхъ здѣсь свѣдущи.

Причины такого явленія, сколько я могъ замѣтить, заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что предметы, обсуждаемые въ здѣшнихъ общественныхъ собраніяхъ, въ большинствѣ случаевъ сводятся къ рѣшенію вопросовъ, хотя, конечно, и важныхъ, но крайне однообразныхъ, напримѣръ, въ родѣ слѣдующихъ: можно ли играть въ винтъ безъ разрѣшенія воспитательнаго дома, которому принадлежитъ исключительное право продажи игральныхъ картъ, или необходимо каждый разъ ходатайствовать о томъ? *) Слѣдуетъ ли стричь волосы, или можно носить длинные? Должно ли распространить право дѣйствовать «по усмотрѣнію» относительно кассъ и другого имущества на всѣхъ завѣдующихъ лицъ, или только на старшихъ? Вредно ли дѣйствуетъ на питаніе древесная кора безъ примѣси муки или, напротивъ, благотворно? и т. п. Во-вторыхъ, русскіе, какъ народъ молодой (младенцу всего тысяча лѣтъ съ небольшимъ, и столь малый возрастъ всегда подчеркивается русскими, когда они хотятъ осрамить Европу и говорятъ, что Европа дряхла, а Россія молода), не находя приложенія избытку дѣятельности въ рѣшеніи вопросовъ, въ родѣ вышеназванныхъ, ищутъ исхода силъ во взаимныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, а избытку краснорѣчія, оставшагося неизрасходованнымъ на обѣдахъ, завтракахъ и судоговореніи, — въ похвальныхъ словахъ родителямъ, какъ живымъ, такъ и умершимъ (этотъ родъ русскаго краснорѣчія можетъ служить образцомъ сжатости и энергичности слога).

Нечего и говорить, Дженни, что, вслѣдствіе вышеизложеннаго, русскія общественныя собранія бываютъ или необыкновенно бурны (когда вопросы идутъ о дѣйствіяхъ «по усмотрѣнію» съ замками отъ кассъ), или же, наоборотъ, необыкновенно апатичны, доколѣ какой-

*) Какъ видно, знатный иностранецъ введенъ въ заблужденіе какимъ нибудь мистификаторомъ. Никакого разрѣшенія для игры въ винтъ, какъ извѣстно, въ воспитательномъ домѣ испрашивать не нужно. Достаточно испросить разрѣшенія своей супруги. *Прим. переводчика.*

нибудь ораторъ не произнесетъ отъ чрезмѣрной скуки похвальнаго слова родителямъ своего сосѣда по самоуправленію.

Съ такими мыслями подъѣзжалъ я, Дженни, къ зданію City Hous'a, гдѣ предстояло рѣшеніе вопроса объ обложеніи налогомъ лошадей.

Кстати замѣчу, Дженни, что въ Россіи пока никакія животныя налогомъ не облагаются, а равно и нѣкоторыя человѣческія существа. Бремя налоговъ, хотя и очень легкое, несетъ только большинство населенія, называемое здѣсь «некультурнымъ», «чернымъ», «сѣрымъ»; меньшинство же населенія, называемое здѣсь «культурнымъ», «бѣлымъ», «интеллигентнымъ», а иногда «червонными валетами» (титулъ, равный нашему баронскому достоинству) и «бубновыми тузами» (въ родѣ нашихъ маркизовъ) *), наравнѣ съ животными, никакихъ налоговъ не несетъ, такъ какъ занимается взиманіемъ сихъ послѣднихъ и распредѣленіемъ по нуждамъ и усмотрѣнію.

Однако, войдя въ залу засѣданія, я былъ пріятно изумленъ зрѣлищемъ порядка. Никто не дрался, и нигдѣ не раздавалось восклицаній, столь обычныхъ на петербургскихъ улицахъ. Оживленно бесѣдовали между собою гг. гласные въ ожиданіи открытія засѣданія.

Въ скоромъ времени было открыто засѣданіе лордомъ-мэромъ города Петербурга и прочитанъ былъ докладъ управы о предположеніи ея войти съ ходатайствомъ въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи ввести сборъ съ лошадей.

— Развѣ сама дума, безъ ходатайства въ установленномъ порядкѣ, не имѣетъ права обложить лошадей?—спросилъ я у сосѣда, какого-то молодого человѣка, находившагося въ числѣ публики, впрочемъ, очень немногочисленной (постороннихъ было человѣкъ 20, не болѣе).

— Не имѣетъ!

— На основаніи какихъ соображеній, не можете ли вы мнѣ объяснить, сэръ? Я иностранецъ, и мнѣ крайне любопытно ознакомиться съ городскимъ самоуправленіемъ.

— Простите меня, но я не могу удовлетворить вашей любознательности, такъ какъ я и самъ не вполнѣ знакомъ съ этимъ вопросомъ...

Пришлось отложить разъясненіе занимавшаго меня вопроса.

Между тѣмъ секретарь читалъ докладъ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ:

«Всѣ проживающіе въ С.-Петербургѣ и имѣющіе лошадей для собственныхъ надобностей, а не для промысла, вносятъ въ доходъ города по 12 руб. въ годъ за каждую лошадь.

«Означенному сбору не подвергаются лошади, принадлежащія членамъ Императорской фамиліи, временно пріѣзжающимъ въ Петербургъ

---

*) Опять, къ сожалѣнію, приходится замѣтить, что благородному лорду сообщили невѣрныя свѣдѣнія относительно значенія званія червонныхъ валетовъ. *Прим. переводчика.*

изъ окрестностей города, извозопромышленникамъ и содержателямъ почтъ, если послѣдніе платятъ особый сборъ въ доходъ города, а также строевыя и рабочія лошади квартирующихъ въ столицѣ войскъ».

Когда кончилось чтеніе доклада, весьма, впрочемъ, краткаго, въ средѣ членовъ городского самоуправленія замѣтно было оживленіе и даже горячность. Многіе вдругъ заговорили разомъ. Я думалъ, Дженни, что сейчасъ начнется боксъ, но однако мнѣ не пришлось на этотъ разъ видѣть, какъ владѣютъ этимъ искусствомъ члены думы. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ нѣсколько стихъ, и одинъ изъ гласныхъ (мистеръ Лермонтовъ) произнесъ горячую рѣчь, въ которой, между прочимъ, взялъ подъ свою особую защиту благородныхъ животныхъ, которыхъ предлагали обложить налогомъ.

Онъ говорилъ, Дженни, прекрасно, не безъ пафоса и благороднаго негодованія. По его мнѣнію, облагать лошадей, принадлежащихъ къ благородной лошадиной породѣ, просто невозможно. Лошади *вывозятъ* государство (онъ не прибавилъ, Дженни, что и развозятъ именитыхъ людей), лошадиная культура отъ налога можетъ погибнуть. Бѣдныя животныя, почувствовавъ, сколько къ нимъ несправедливы, станутъ худѣть и страдать налогобоязнью.

Слушая почтеннаго оратора, я въ самомъ дѣлѣ пожалѣлъ благородныхъ представителей лошадиной породы. Многіе гласные утирали платками слезы.

Въ концѣ концовъ благородный защитникъ лошадиныхъ правъ не безъ ядовитости прошелся насчетъ Европы.

«У насъ,—говорилъ онъ:—вошло въ моду дѣлать экскурсіи за границу и вывозить оттуда разные налоги. Если мы пойдемъ по этому пути далѣе, то необложеннымъ останется только воздухъ, да и то развѣ потому, что онъ скверенъ!»—заключилъ ораторъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, Дженни, что достопочтенный альдерменъ Лермонтовъ, утверждая, что скоро будетъ все обложено, защищалъ не однихъ благородныхъ четвероногихъ животныхъ, но также и благородныхъ двуногихъ, не облагаемыхъ, какъ я выше замѣтилъ, наравнѣ съ благородными животными никакими сколько-нибудь существенными повинностями. Но, предполагая, вѣроятно, что рѣчь его все-таки недостаточно убѣдительна, почтенный ораторъ, въ видахъ полнѣйшаго эффекта, досталъ изъ кармана большой листъ бумаги и сталъ читать слѣдующую «Петицію благородныхъ петербургскихъ жеребцовъ и кобылъ» *):

«Господа городская дума!

«Мы, петербургскіе жеребцы и кобылы, представители благород-

*) Очевидный вздоръ. Никакой петиціи жеребцовъ и кобылъ не было читано въ думѣ русскимъ цицерономъ Лермонтовымъ.

Прим. переводчика.

ныхъ животныхъ, составляющихъ цвѣтъ лошадинаго общества, симъ протестуемъ противъ несправедливаго налога, коимъ хотятъ обложить насъ, въ ущербъ достоинству нашему и знатности рода. Доселѣ мы, заводскіе жеребцы и кобылы, никакихъ налоговъ не платили, а, напротивъ, сами оные собирали, выигрывая на гонкахъ призы и доставляя владѣльцамъ нашимъ возможность переѣзжать съ быстротою вихря отъ одного учрежденія въ другое за полученіемъ содержанія. Мы краса и цвѣтъ лошадинаго общества, отрада для любителей быстрой ѣзды, гордость купечества, и насъ ли, достопочтенная дума, привыкшихъ къ такому помѣщенію и къ такой пищѣ, которыя едва ли имѣютъ 80,000.000 двуногаго населенія имперіи, приравнивать къ презрѣннымъ человѣческимъ существамъ и заставлять платить налогъ, хотя и небольшой, но все-таки оскорбляющій насъ, благородныхъ жеребцовъ и кобылъ? Не въ двѣнадцати рубляхъ тутъ, милостивые государи, вопросъ (хотя и двѣнадцать рублей, при паденіи курса и при распространенности земельныхъ банковъ, деньги), а въ принципѣ, именно въ принципѣ. Если вы пойдете по такому пути, то гдѣ гарантія, что вы не предложите обложить не только насъ, жеребцовъ и кобылъ, но и заводы, въ которыхъ улучшается наша раса? А разъ вы коснетесь конскихъ заводовъ, то недалеко уже будетъ и до прочихъ промышленныхъ и акціонерныхъ заведеній, а равно и до обложенія вообще всѣхъ доходовъ съ капитала и имущества. Вы, да позволено будетъ намъ, жеребцамъ и кобыламъ, откровенно сказать вамъ, вступаете на опасную, скажемъ больше—гибельную почву. Въ настоящее время, когда среди благородныхъ жеребцовъ и кобылъ и безъ того идетъ смятеніе, вслѣдствіе ограниченія права въ городахъ Европы бѣгать слишкомъ быстро, вы, милостивые государи, своимъ постановленіемъ внушите разнымъ савраскамъ и клячамъ, употребляемымъ на перевозку тяжестей и на обработку полей, превратныя идеи и сами горько заплачете, когда петербургскія клячи, въ ослѣпленіи именующія себя «вятками», «американскими шведками», «рысистыми бѣгунами» и т. п., въ одинъ прекрасный день явятся передъ вами и будутъ ходатайствовать объ отмѣнѣ кнута и дарованіи имъ правъ имѣть день отдыха въ недѣлю, при чемъ общество покровительства животнымъ будетъ поддерживать ихъ ходатайство.

«На основаніи всего вышеизложеннаго, мы, петербургскіе жеребцы и кобылы, почтительнѣйше просимъ с.-петербургскую думу:

«1) никакимъ налогомъ насъ не облагать;

«2) постановить, чтобы и впредь объ этомъ никогда не поднималось вопроса, и

«3) необходимый городу сборъ, нужный, какъ намъ отъ кучеровъ извѣстно, для покрытія расходовъ по постройкѣ постояннаго моста, обратить пропорціонально на двуногихъ жителей столицы, не владѣющихъ никакой собственностью, а потому не обремененныхъ расходами

по эксплоатаціи ея, и на четвероногихъ клячъ, которыя и безъ того не несутъ никакихъ новинностей».

Чтеніе этого оригинальнаго документа до того поразило всѣхъ присутствующихъ, Дженни, что по окончаніи его гласные нѣкоторое время сидѣли, какъ очарованные, пока на трибуну не взошелъ маленькій, худенькій, суетливый джентльменъ и тоненькимъ, визгливымъ и крайне назойливымъ голосомъ не попросилъ слова.

— Кто этотъ ораторъ?—спросилъ я у сосѣда.

— Какъ, вы не знаете этого оратора?—переспросилъ мой сосѣдъ и, разсмѣявшись, обратился къ рядомъ сидящему господину съ словами:—Вотъ нашелся-таки въ Петербургѣ господинъ, который не знаетъ оратора.

Тотъ, въ свою очередь, расхохотался и замѣтилъ:

— Неужели не знаетъ оратора!? Да вы откуда пріѣхали? Развѣ можно не знать этого оратора?

— Къ стыду, я не знаю, джентльмены. Я иностранецъ!

— Это Михельсонъ, извѣстный Михельсонъ, достопочтенный Михельсонъ, неутомимый Михельсонъ, всезнающій Михельсонъ, непреклонный Михельсонъ, талантливый Михельсонъ, всему Петербургу знакомый ораторъ Михельсонъ, несравненный Михельсонъ...

Такое разнообразіе эпитетовъ, одновременно произнесенныхъ обоими моими сосѣдями, заставило меня спросить:

— Названный вами ораторъ по какимъ вопросамъ больше говоритъ?

— По всѣмъ, рѣшительно по всѣмъ. О, онъ не знаетъ вопросовъ, которые бы могли удержать его. Нѣтъ такого вопроса! Рѣчь о мостѣ—онъ о желѣзныхъ постройкахъ; вопросъ о мусорныхъ ямахъ—онъ является знатокомъ мусорнаго дѣла; вопросъ о канализаціяхъ—онъ въ немъ собаку съѣлъ; объ освѣщеніи—онъ за поясъ Яблочкова заткнетъ; о собакахъ—онъ опять можетъ говорить. Однимъ словомъ, это ораторъ безъ страха и боязни. Тсс!.. Прислушайтесь...

Маленькій, но столь чреватый свѣдѣніями ораторъ начинаетъ говорить. Онъ говоритъ своимъ визгливымъ голосомъ, жестикулируя руками, ногами, головой, словомъ—всѣмъ существомъ своимъ, и въ своей рѣчи нѣсколько сходится съ мыслями, изложенными въ «Петиціи петербургскихъ жеребцовъ и кобылъ», такъ что мнѣ показалось, не сочинилъ ли имъ эту петицію достопочтенный ораторъ.

Онъ противъ налога на благородныхъ животныхъ. Онъ вообще противъ неправильныхъ обложеній. Онъ очень уважаетъ рысистыхъ лошадей и согласенъ, что отъ ихъ культуры зависитъ благосостояніе государства, хотя и не говоритъ, есть ли у него на конюшнѣ благородныя животныя. Онъ спрашиваетъ: «къ чему вводится налогъ?» и отвѣчаетъ, разумѣется, тотчасъ же самъ на вопросъ, имъ же самимъ предложенный, такими, Дженни, словами:

«Налогъ этотъ вводится для покрытія расходовъ по постройкѣ но-

ваго моста, *но мостъ этотъ вовсе не для всѣхъ и нуженъ; онъ нуженъ только бѣднѣйшимъ классамъ, живущимъ на окраинахъ; богатые же рѣдко пользуются имъ. Облагать слѣдуетъ тѣхъ, кому устройство моста выгодно».*

Иначе говоря, облагать слѣдуетъ бѣднѣйшіе классы населенія (почти то же высказывала и петиція). Въ мотивировкѣ этого предложенія почтенный ораторъ тоже сошелся съ мотивировкой, изложенной въ петиціи. По словамъ благороднаго защитника заводскихъ жеребцовъ и кобылъ, «облагать роскошь опасно даже въ принципѣ; это значитъ— я богатъ, есть у меня, такъ и давай! Къ чему же это можетъ привести? За что брать съ человѣка, который своимъ умомъ, трудами, экономіею составилъ себѣ состояніе? Почему нельзя брать съ того, который ничего не дѣлаетъ, все пропиваетъ?» Изъ этихъ словъ ты убѣдишься, Дженни, что петиція жеребцовъ и кобылъ все-таки была менѣе категорична. Въ ней не отрицалось, по крайней мѣрѣ, что менѣе благородная половина лошадинаго общества работаетъ, а двуногій представитель «ума, труда и экономіи» пошелъ далѣе и рѣшительно заявилъ, что бѣднѣйшіе жители ничего не дѣлаютъ и все пропиваютъ.

Признаюсь, категоричность подобнаго заявленія внушила мнѣ мысль, что почтенный ораторъ, о которомъ я уже слышалъ столько эпитетовъ въ думѣ, по всѣй вѣроятности, дѣлаетъ чрезмѣрно много: самъ печетъ хлѣбы, шьетъ сапоги, обрабатываетъ землю, строитъ дома и т. п., вслѣдствіе чего и рѣшается доказывать, что другіе ровно ничего не дѣлаютъ.

Обратившись за разъясненіемъ къ сосѣду, я вмѣсто отвѣта услыхалъ только веселый смѣхъ.

— Михельсонъ!? Ха-ха-ха! Михельсонъ шьетъ сапоги? Ха-ха-ха!

— Но однако вѣдь почтенный ораторъ говорилъ о трудѣ и экономіи, съ одной стороны, и о томъ, что другіе ничего не дѣлаютъ, съ другой стороны. Я и полагалъ, что онъ все самъ...

— Михельсонъ!?

И снова веселый смѣхъ былъ отвѣтомъ на мои вопросы.

Тутъ, Дженни, у мѣста будетъ замѣтить, что съ мыслями, изложенными въ петиціи и въ рѣчи извѣстнаго оратора Михельсона съ откровенностью, достойной, конечно, одной благодарности, приходится встрѣчаться здѣсь довольно часто, хотя и въ болѣе деликатной формѣ, не только въ общественныхъ собраніяхъ, но и въ печати и даже въ рѣшеніяхъ мировыхъ судей. Представители «ума, труда, экономіи и капитала» такъ часто напоминаютъ о томъ, что представители «глупости, бездѣлья, мотовства и нищеты» ничего не дѣлаютъ, а только пьянствуютъ, что приходится думать, будто финансы Россіи находятся не въ особенно блестящемъ положеніи вслѣдствіе того, что меньшинство (гг. Михельсоны) работаетъ, а масса населенія только пьян-

ствуетъ. Такимъ образомъ оказывается, что масса лѣнтяевъ живетъ на счетъ незначительнаго количества представителей «ума и экономіи», и единственнымъ средствомъ выйти изъ этого положенія является новое обложеніе лѣнтяевъ за право ничего не дѣлать, чтобы какънибудь уравнять ихъ съ обиженными трудолюбцами.

Возвращаясь къ засѣданію, я пропущу рѣчь еще одного защитника жеребцовъ и кобылъ, оратора Позняка, и замѣчу тебѣ, что большинство все-таки приняло проектъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ. Для уравненія привлечены и извозчичьи «шведки» и «американки».

— За что этихъ клячъ привлекли?—спросилъ съ сожалѣніемъ какой-то членъ общества покровительства животнымъ у одного гласнаго.

— Чтобы онѣ не воображали!—отвѣтилъ сердито гласный.

Я вскорѣ уѣхалъ изъ думы. Пора было ѣхать обѣдать.

Черезъ нѣсколько дней поѣду слушать докладъ о покупкѣ въ Америкѣ крейсеровъ (помнишь, сколько эти крейсеры подняли у насъ тревоги?), а сегодня буду обѣдать въ честь благополучнаго окончанія моста и въ память избавленія думы отъ строителя. Пока прощай. Будь здорова и съ надеждой взирай на благополучное окончаніе моего путешествія по Россіи.

Письмо сорокъ третье.

Дорогая Дженни!

Послѣднее твое письмо получилъ я и, къ крайнему сожалѣнію, вижу, что ты, Дженни, многія мои письма находишь неинтересными,—хотя, какъ любезная женщина, прямо этого и не высказываешь,—такъ какъ въ моихъ письмахъ я, по мнѣнію твоему, слишкомъ много занимаюсь мелкими явленіями русской общественной жизни, а о болѣе крупныхъ явленіяхъ либо вовсе умалчиваю, либо говорю вскользь, такъ точно, какъ Биконсфильдъ объ ирландскихъ затрудненіяхъ послѣдняго времени.

Но только едва ли ты права, Дженни, въ данномъ случаѣ. Повѣрь, дорогая моя, что я самъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ описывалъ бы тебѣ грандіозныя проявленія русской жизни или крупныя явленія, чѣмъ обычное ея теченіе въ руслѣ однообразныхъ и мелкихъ явленій. Но дѣло въ томъ, что въ столь счастливой и патріархальной странѣ, какъ Россія, крупныя явленія общественной жизни, по крайней мѣрѣ съ европейской точки зрѣнія, не имѣютъ мѣста, если, разумѣется, не считать за таковыя крупныя растраты, позаимствованія и т. п., къ чему, кстати замѣтить, русскіе такъ привыкли, что считаютъ ихъ самыми заурядными, почти повседневными явленіями русской жизни или, какъ они характерно говорятъ, «русскаго самоуправленія съ государственнымъ и частнымъ имуществомъ».

Если же здѣсь наблюдательнаго путешественника и заинтересовы-

ваетъ какое-нибудь общественное явленіе, имѣющее всѣ признаки характернаго и крупнаго, то все-таки, Дженни, согласись, что едва ли прилично и безопасно (въ разсужденіи правильности выводовъ) мнѣ, какъ добросовѣстному путешествующему «знатному иностранцу» и серьезному наблюдателю, говорить о подобныхъ явленіяхъ, не имѣя твердой почвы подъ ногами или, по крайней мѣрѣ, всесторонняго разъясненія со стороны аборигеновъ и знатоковъ страны: какъ приличествуетъ взглянуть на тотъ или другой фактъ, каковы его причины и послѣдствія и т. п.

Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ достовѣрныя разъясненія, какъ со стороны знатоковъ страны, такъ точно и со стороны большинства русской прессы, имѣютъ всегда одинъ и тотъ же характеръ, и притомъ характеръ исключительный, дающій только указаніе на вмѣшательство нечистой силы или европейской интриги при всякомъ сколько-нибудь необычномъ явленіи, то я, Дженни, предпочитаю не сообщать тебѣ переводовъ изъ русскихъ газетъ, а стараюсь самъ вникать въ смыслъ явленій, и сообщу о нихъ только тогда, когда буду вполнѣ увѣренъ, что не рискну впасть въ ошибки превратнаго сужденія. Англійская наша добросовѣстность, съ одной стороны, и необыкновенная осторожность, проявляемая русскими, когда дѣло касается обобщеній,—осторожность, которою невольно заразился и я,—все это вмѣстѣ мѣшаетъ мнѣ поверхностно и поспѣшно обобщать наблюдаемыя явленія, а потому ты и не ожидай въ письмахъ моихъ встрѣтить какія-нибудь легкомысленныя сужденія, въ родѣ тѣхъ, какія попадаются въ европейскихъ газетахъ, не имѣющихъ никакого понятія о русскихъ дѣлахъ, и кромѣ того довольствуйся, Дженни, описаніями мелкихъ явленій общественной русской жизни, которыя легче поддаются справедливой оцѣнкѣ. Къ тому же я утѣшаю себя мыслью, что и изъ ряда мелкихъ явленій я все-таки дамъ тебѣ нѣкоторое понятіе о нравахъ и обычаяхъ страны, въ которой я пребываю, благодаря Господа Бога, въ полномъ здравіи и благополучіи.

Оговорившись такимъ образомъ и, надѣюсь, убѣдивши тебя въ неправотѣ твоихъ жалобъ,—продолжаю, Дженни, описывать тебѣ мои наблюденія и похожденія. Замѣчу для твоего успокоенія, что похожденія мои, благодаря званію знатнаго иностранца и любезности русскаго полисмена, который при встрѣчахъ дѣлаетъ мнѣ подъ козырекъ, до сихъ поръ имѣютъ характеръ весьма пріятный и веселый. Пока въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, я не испыталъ никакого недоразумѣнія. Ни разу еще я не былъ по ошибкѣ (что̀ иногда случается) взятъ, какъ здѣсь говорятъ, «за шиворотъ» и—что̀ еще удивительнѣе—не былъ даже у мирового судьи по обвиненію въ оскорбленіи...

Такъ, еще очень недавно, въ сессіи особаго присутствія судебной палаты, продолжавшейся 3, 4 и 5 декабря, разсматривались, по словамъ судебнаго отчета, «большею частью дѣла объ оскорбленіи

крестьянами, мѣщанами и бабами полицейскихъ чиновъ», изъ чего ты можешь заключить, что русскіе простолюдины удивительно задорный народъ.

Въ числѣ этихъ дѣлъ разбиралось и дѣло объ одномъ нашемъ соотечественникѣ, британскомъ подданномъ Оскарѣ Стевени, который тоже оказался такимъ же задорнымъ, какъ и русскіе, вѣроятно, оттого, что выросъ въ Россіи. Названный джентльменъ, которому во время совершенія преступленія было 18 лѣтъ, обвинялся въ оскорбленіи часового дѣйствіемъ—обвиненіе очень серьезное, Дженни! По словамъ судебнаго отчета, напечатаннаго въ русскихъ газетахъ, дѣло происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

«Въ ночь съ 13-го на 14-е, а по показаніямъ другихъ свидѣтелей—съ 12-го на 13-е августа 1876 года въ Кронштадтѣ произошелъ пожаръ. Въ переулокъ, находившійся противъ горѣвшаго дома, было снесено разное имущество, для охраны котораго была поставлена цѣпь солдатъ Смоленскаго полка, которымъ приказано было никого не пропускать въ переулокъ. Между тѣмъ подсудимый проникъ за цѣпь и остановился у забора. Стоявшій вблизи на часахъ рядовой Ѳедоровъ, увидя этого человѣка, подошелъ къ нему и, взявъ за рукавъ, сказалъ, что за цѣпь проходить нельзя. Тогда Стевени, повернувшись къ часовому, ударилъ его ладонью по лицу. Ѳедоровъ, повернувъ въ рукахъ ружье, ударилъ Стевени прикладомъ въ правую часть головы такъ сильно, что Стевени упалъ безъ чувствъ и потомъ пролежалъ въ постели дней семь. Свидѣтель Орловъ, въ то время юнкеръ, нынѣ подпоручикъ, показалъ, что онъ былъ командированъ въ помощь капитану Домброво на пожаръ. Переулкомъ, несмотря на цѣпь часовыхъ и даже на усиленіе ея впослѣдствіи, народъ шелъ массами, такъ что сдерживать его было невозможно. Обходя цѣпь, свидѣтель приказывалъ не пропускать никого. Подойдя къ рядовому Ѳедорову, онъ и ему отдалъ такое же приказаніе, на что тотъ отвѣтилъ, что онъ никого не пропускалъ. Но въ это самое время какой-то молодой человѣкъ прошелъ за цѣпь и остановился у забора. Орловъ замѣтилъ часовому: «Какъ же ты говоришь, что никого не пропускаешь, а вонъ видишь!» Ѳедоровъ обернулся, взялъ молодого человѣка за рукавъ, тотъ повернулся и ударилъ часового по лицу, а часовой ударилъ его прикладомъ, отчего тотъ повалился. Протокола свидѣтель о случившемся не составлялъ и вообще никакого дѣйствія не предпринималъ, такъ какъ въ ту же минуту подошелъ капитанъ Домброво. Этотъ послѣдній показалъ, что не помнитъ, видѣлъ ли онъ самъ или ему разсказали, какъ молодой человѣкъ ударилъ часового, но видѣлъ, какъ послѣдній ударилъ молодого человѣка прикладомъ. Протокола также не составлялъ, такъ какъ тотчасъ же сообщилъ о происшествіи приставу и доложилъ бывшему на пожарѣ полковому командиру. Рядовой Ѳедоровъ утверждалъ, что молодой человѣкъ ударилъ его по лицу, такъ что съ него слетѣло кепи,

на что онъ отвѣтилъ ударомъ приклада, «но,—замѣтилъ свидѣтель:— не штыкомъ». За этотъ поступокъ свидѣтель никакому взысканію подвергнутъ не былъ.

«Подсудимый объяснилъ, что, когда онъ проходилъ за цѣпь, часовые его не остановили и не сказали, что нельзя. Потомъ, почувствовавъ, что его кто-то схватилъ за рукавъ и сильно дернулъ, онъ обернулся и увидѣлъ солдата съ поднятымъ надъ нимъ ружьемъ; думая, что солдатъ станетъ его бить, онъ поднялъ руку, защищаясь отъ удара, и въ то же время получилъ ударъ. Свидѣтели Киндъ и Джеральдъ, бывшіе вмѣстѣ съ подсудимымъ, и докторъ Стерлингъ показали, что не видѣли удара по лицу часового. Одинъ изъ нихъ видѣлъ только, что Стевени поднялъ руку, защищаясь отъ удара прикладомъ».

При разбирательствѣ этого дѣла въ судебной палатѣ черезъ три года послѣ совершенія преступленія—дѣло было въ августѣ 1876 года, а разбирательство происходило въ декабрѣ 1879 года (хорошо, что Оскару Стевени въ теченіе трехъ лѣтъ не предстояло надобности выѣзжать изъ Россіи!)—между прочимъ, оказалось, что дознаніе по этому дѣлу было произведено лишь 12 сентября 1876 года, то-есть черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія, когда молодой джентльменъ успѣлъ совсѣмъ уже оправиться послѣ удара прикладомъ, полученнаго имъ въ голову, и встать съ постели. На основаніи этихъ соображеній и, вѣроятно, принимая во вниманіе показаніе капитана Домброво, который на судѣ показалъ, что «не помнитъ, видѣлъ ли онъ самъ или ему разсказали, какъ молодой человѣкъ ударилъ солдата, но видѣлъ, какъ послѣдній ударилъ молодого человѣка прикладомъ»,—но только г. исправляющій должность товарища прокурора судебной палаты, князь Урусовъ, не находя въ дѣлѣ доказательствъ виновности нашего молодого соотечественника, отказался поддерживать обвиненіе, и особое присутствіе палаты признало Стевени невиновнымъ и постановило считать его по суду оправданнымъ.

Но меня, Дженни, все-таки заинтересовало слѣдующее размышленіе: что было бы, если бы ударъ прикладомъ былъ менѣе счастливъ?

Не зная хорошо русскихъ законовъ по сему вопросу, я, натурально, обратился за разъясненіемъ къ одному русскому опытному и свѣдущему юристу (признаюсь, я имѣлъ въ виду и твои интересы на случай подобнаго недоразумѣнія со мной самимъ).

Юристъ внимательно меня выслушалъ и отвѣчалъ:

— У насъ, милордъ, никто и никогда убытковъ не взыскиваетъ, такъ какъ русскіе вѣрятъ въ Промыслъ Божій и понимаютъ, что недоразумѣнія и случайности возможны при самомъ лучшемъ наблюденіи за предотвращеніемъ ихъ. Съ другой стороны, русскіе, милордъ, не въ претензіи, если даже они по недоразумѣнію и получатъ какія-нибудь, хотя бы и тяжкія, увѣчья. Наши желѣзныя дороги производятъ каждый годъ болѣе 600 разныхъ увѣчій—и ничего! Никто и не

думаетъ обвинять ихъ въ этомъ. «Что-жъ?—говорятъ россійскіе граждане, преисполненные поистинѣ голубиной кротости:—на всякое *тасканье* *) не наздравствуешься». Мы въ этомъ, милордъ, непохожи на иностранцевъ. У нихъ на первомъ планѣ теорія мести и денежное вознагражденіе, а у насъ смиреніе, прощеніе и забота о возстановленіи чести. Согласитесь, что въ нашемъ характерѣ болѣе возвышеннаго. У насъ, милордъ, нерѣдки случаи, что кого-нибудь повредятъ,—натурально, повредятъ съ самыми добрыми намѣреніями,—такъ вѣрите ли мнѣ, милордъ,—а мнѣ можно вѣрить по моему званію,—не только поврежденный не питаетъ къ повредившему (если только послѣдній повредилъ, такъ сказать, по усердію, при исполненіи своихъ обязанностей) никакого злого чувства и не только не ищетъ никакихъ убытковъ, а—таково величіе духа русскаго человѣка!—если выйдетъ изъ суда оправданнымъ, обыкновенно повторяетъ, крестясь на всѣ четыре стороны: «Хоть рыло въ крови, да правда восторжествовала!» **).

— Теорія ваша несомнѣнно возвышаетъ духъ, хотя, съ другой стороны, нѣсколько удручаетъ тѣло,—все это такъ; но при частыхъ недоразумѣніяхъ и при несомнѣнныхъ способностяхъ русскихъ къ боксу, при подобномъ взглядѣ на вещи, сэръ, вы, какъ мнѣ кажется, рискуете имѣть очень много калѣкъ въ государствѣ,—замѣтилъ я.

— О, нѣтъ, милордъ, русскій человѣкъ, особенно простой русскій человѣкъ, можетъ вынести какую угодно встрепку, нимало не страдая отъ этого и готовый черезъ нѣсколько дней получить новую, если только оправился отъ прежней!—весело отвѣчалъ мнѣ юристъ.—Конечно, случаются и смертные случаи, случаются и тѣлесныя поврежденія, но эти случаи, во-первыхъ, рѣдки, а во-вторыхъ, не кто какъ Богъ!

— Такимъ образомъ убытковъ взыскивать не съ кого?

— Не съ кого, милордъ.

— Ну, а если бы я, напримѣръ, какъ англичанинъ, потерпѣлъ, тогда какъ?

— Тогда... тогда... Да вы, милордъ, къ чему ведете эту рѣчь? Вѣдь вы, слава Богу, знатный иностранецъ и слѣдовательно...

— Не рискую?

— По крайней мѣрѣ не очень!—весело замѣтилъ собесѣдникъ, переходя къ другому предмету бесѣды.

Несмотря однако на увѣренія русскаго джентльмена изъ окруж-

---

*) Очевидно, вмѣсто *чиханье* иностранецъ по ошибкѣ употребилъ *тасканье*.

Прим. переводчика.

**) Понятно, почтенный знатный иностранецъ не понялъ извѣстной нашей поговорки.

Прим. переводчика.

наго суда въ незначительности риска, которому можетъ подвергнуться знатный иностранецъ, особенно если онъ имѣетъ орденъ,—я все-таки, Дженни, какъ предусмотрительный мужъ и отецъ, принялъ къ свѣдѣнію вышеизложенный разговоръ и тогда же далъ себѣ слово избѣгать всякихъ публичныхъ сборищъ, а тѣмъ болѣе пожаровъ, строго соблюдать престижъ свой, какъ знатнаго иностранца, и не разставаться съ звѣздою Льва и Солнца.

Вслѣдствіе того, что у русскихъ джентльменовъ гражданскаго вѣдомства нѣтъ, какъ, напримѣръ, у китайцевъ, отличительныхъ знаковъ, въ родѣ шариковъ на шапкахъ, свидѣтельствующихъ о принадлежности къ интеллигентному или служилому классу,—русскіе, надо думать, во избѣжаніе риска недоразумѣній, носятъ ордена не только когда того требуетъ законъ, то-есть на службѣ, но даже и въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ ношеніе орденовъ не обязательно.

Тебѣ не безызвѣстно, Дженни, что послѣ сербской войны и героической защиты Дьюнишскихъ высотъ въ Петербургѣ появилось много джентльменовъ, украшенныхъ знаками отличія за то, что проливали кровь... Эти джентльмены одержимы маніей къ ношенію такихъ и др. орденовъ; они не разстаются съ ними даже въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, въ омнибусахъ, въ Демидовомъ саду и въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые не разстаются съ ними даже тогда, когда совлекаютъ съ себя всѣ одежды, а именно въ купальняхъ и баняхъ. Признаюсь, когда, въ первый разъ войдя въ теплую русскую баню, гдѣ находилось довольно-таки лицъ, я увидѣлъ нѣсколькихъ почтенныхъ джентльменовъ въ костюмахъ Адама, но съ Таковымъ на шеѣ, а затѣмъ, въ томъ отдѣленіи, гдѣ парятся, двухъ толстыхъ негоціантовъ съ большими медалями,—я былъ несказанно удивленъ и долго не могъ отвести глазъ отъ сосѣда моего, раскраснѣвшагося джентльмена, на толстой шеѣ котораго болталась медаль.

По склонности русскихъ вступать въ бесѣды даже и въ публичныхъ баняхъ, сосѣдъ мой заговорилъ о прелести русской бани и кстати изругалъ Европу за то, что въ ней, по словамъ его, нельзя вымыться такъ, какъ въ Россіи.

Воспользовавшись словоохотливостью моего баннаго собесѣдника, и я, въ свою очередь, позволилъ себѣ освѣдомиться: обязательно ли ношеніе медали даже въ то время, когда на джентльменѣ нѣтъ никакихъ одеждъ?

— Статутъ объ этомъ не упоминаетъ! Но я надѣваю ее, во-первыхъ, чтобы банщикъ зналъ, кого моетъ, а во-вторыхъ, въ предотвращеніе могущихъ возникнуть недоразумѣній! — отвѣтилъ джентльменъ, съ трудомъ дыша и фыркая, словно гиппопотамъ, вышедшій изъ воды.

— Какъ такъ? Какія могутъ быть недоразумѣнія въ баняхъ?

— Бываютъ, сударь, и въ баняхъ! Во всякомъ случаѣ это не лиш-

нее. По крайней мѣрѣ всякій видитъ, что передъ нимъ благонамѣренный человѣкъ, а не какой-нибудь, съ позволенія сказать...

И онъ для округленія фразы плюнулъ.

Въ послѣднее время, Дженни, почему-то мнѣ приходилось чаще встрѣчать въ баняхъ подобныхъ джентльменовъ. Въ первое мое посѣщеніе Россіи такія встрѣчи были рѣдкостью. Какая тому причина— объяснить съ основательностью я все-таки тебѣ не могу, боясь впасть въ превратныя сужденія.

Однако я замѣчаю, что совсѣмъ забылъ сообщить тебѣ въ настоящемъ письмѣ объ интересной публичной бесѣдѣ, на которой я имѣлъ честь присутствовать съ мѣсяцъ тому назадъ. Бесѣда эта имѣла цѣлью познакомить русскую публику съ подробностями покупки американскихъ судовъ, показать ихъ достоинство и вообще дать подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ. Какъ видишь, Дженни, русскіе до того любятъ гласность, что, не обязанные даже къ ней, все-таки непремѣнно хотятъ, чтобы публика могла контролировать до подробности расходы, произведенные изъ суммъ государственнаго казначейства. Съ этою-то похвальной цѣлью лекторъ—онъ же и главный руководитель дѣла— сдѣлалъ въ техническомъ обществѣ сообщеніе о пріобрѣтеніи въ 1878 году въ Сѣверной Америкѣ крейсерскихъ судовъ.

Опять пришлось, Дженни, оторваться отъ письма. Только-что у меня былъ съ визитомъ тотъ самый джентльменъ, который говоритъ «правду, одну правду и ничего болѣе», и оставилъ мнѣ свою брошюру, подъ названіемъ: «Проектъ умиротворенія Россіи ко всеобщему удовольствію».

Передавая мнѣ свой проектъ, названный джентльменъ намекнулъ, что онъ непрочь былъ бы видѣть свой трудъ переведеннымъ на англійскій языкъ и напечатаннымъ въ англійской газетѣ.

— Пусть и Европа видитъ, милордъ, что у насъ есть администраторы, стоящіе на высотѣ положенія,—прибавилъ онъ, раскланиваясь.

Въ скоромъ времени примусь за чтеніе брошюры, и если она окажется интересной, то переведу и пришлю тебѣ съ просьбой отдать въ одну изъ нашихъ газетъ. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, англичане наконецъ знакомятся съ мнѣніями русскихъ замѣчательныхъ людей изъ первоначальныхъ источниковъ, а не въ извращенной передачѣ корреспондентовъ.

Кончаю письмо. Будь здорова и не забывай твоего Джонни.

Письмо сорокъ четвертое.

Дорогая Дженни!

Оттого ли, что о бесѣдѣ достопочтеннаго лектора, капитана Сѣмечкина, недостаточно рекламировалось, оттого ли, что русскіе слишкомъ знакомы съ характеромъ подобныхъ бесѣдъ, но только, къ крайнему моему изумленію, на бесѣду почтеннаго джентльмена о покупкѣ американскихъ крейсеровъ публики собралось не особенно много. Обстоятельство это тѣмъ болѣе удивительно, что на означенные крейсеры,

какъ равно и на быстроходныя «поповки», какъ ты знаешь, русскіе возлагали и возлагаютъ самыя радужныя надежды для одолѣнія Англіи и уязвленія ея морской торговли. О крейсерахъ столько говорилось въ свое время, москвичи даже устраивали подписку на сооруженіе каперскаго парохода; идея добровольнаго флота, какъ тебѣ извѣстно, осуществилась, и суда названнаго общества въ настоящее время плаваютъ по океанамъ. Одинъ пароходъ отвезъ на островъ Сахалинъ ссыльно-каторжныхъ, другіе пароходы перевозятъ грузы. Однимъ словомъ, въ послѣднее время, какъ казалось, русскіе получили особенный вкусъ къ морскому дѣлу, и вдругъ оказалось, что морское дѣло близко знакомо всѣмъ русскимъ гражданамъ, до духовныхъ лицъ включительно.

Такъ, во время канероманіи, охватившей внезапно русскихъ, въ одной изъ комиссій, добровольно собравшейся въ уѣздномъ городкѣ—въ тѣ времена насчетъ добровольныхъ комиссій было совершенно свободно!—трактовалось не только о томъ, какъ увлечь поселянъ на пожертвованія, но и подробно разсматривался вопросъ: морская держава Россія или сухопутная, и когда было рѣшено, что морская, такъ какъ омывается четырьмя морями, то почтенные члены комиссіи постановили ходатайствовать о перечисленіи Россіи въ рангъ морскихъ державъ и о разрѣшеніи всѣмъ уѣзднымъ городамъ имѣть свои яхтъ-клубы и строить суда. Въ той же комиссіи, членами которой были: мѣстный reverend bishop, становой приставъ, акцизный надзиратель, ветеринарный врачъ и пятидесятилѣтній отставной мичманъ Дырка, въ качествѣ дѣлопроизводителя оной,—названные моряки-любители проектировали даже особенный пароходъ, который бы могъ дѣйствовать и на сухомъ пути и на водѣ, и въ то время проектъ названныхъ моряковъ возбудилъ всеобщія ликованія, хотя однако-жъ и не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря такъ наскоро заключенному берлинскому трактату.

Затѣмъ совершенно безпримѣрный подвигъ «Весты», переносящій какъ бы въ сказочныя времена, окончательно воспламенилъ всѣ сердца, и въ тѣ времена трудно было встрѣтить джентльмена, который бы не говорилъ, указывая на подвигъ «Весты», что отнынѣ русскіе доказали, на что способенъ только одинъ духъ, хотя бы этотъ духъ находился на обыкновенномъ деревянномъ пароходѣ. Отсюда, разумѣется, недалеко было и до увѣренія, что, обладая такимъ духомъ, можно при помощи нѣсколькихъ «Вестъ» справиться со всѣми броненосцами на свѣтѣ, а потому не къ чему заводить этихъ броненосцевъ, а давайте намъ крейсеры, крейсеры и крейсеры! Что же касается поповокъ, то онѣ пусть стоятъ въ гаваняхъ для устрашенія непріятеля. Увидавъ такое невѣроятное морское изобрѣтеніе русскаго генія, иностранные флоты, говорили русскіе, остановятся въ страхѣ у входа въ гавани и со страхомъ повернутъ назадъ. Прибавлю къ этому, что безпримѣрность подвига «Весты» вполнѣ оправдывала такое увлеченіе русскихъ.

Въ тѣ времена, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, только и говорили, что о крейсерахъ; въ канцеляріяхъ даже выдумали новое занятіе для того, чтобы убить время до четырехъ часовъ. Занятіе это какъ разъ подходило къ охватившей всѣхъ морской страсти. Благо подъ рукой было много казенной бумаги, мелкіе чиновники вырѣзывали бумажные кораблики всевозможныхъ формъ и величинъ, въ видѣ крейсеровъ, катеровъ и поповокъ, и когда просители приходили за справками, то имъ вмѣсто справокъ нерѣдко дарили на память пароходикъ «Весту», клиперокъ «Русскій Духъ» или поповочку «Скороходъ», и просители уходили вполнѣ довольные, понимая, что не время было заботиться о справкахъ, когда нужно было сооружать крейсеры для одолѣнія нашего ехиднаго Дизи.

Подобныя мысли высказывались не только моряками-любителями изъ департаментовъ, но и въ здѣшней печати, и профессоръ русской исторіи прославился изобрѣтеніемъ складного «pocket steamer», а равно и reverend bishop, открывшій, что Россія морская держава, и предложившій модель сухопутно-морского русскаго стимера, не были одинокими воинами въ полѣ, тѣмъ болѣе, что русскихъ, какъ я не разъ тебѣ писалъ, нисколько не страшитъ никакая спеціальность, и здѣсь не рѣдкость встрѣтить моряка, занимающагося фронтовой службой, гусара въ званіи юриста, юриста въ званіи инженера, ремонтера въ званіи педагога, а педагога въ званіи инспектора конскихъ заводовъ.

Способности русскихъ, по правдѣ говоря, настолько изумительны, что имъ не надо даже особыхъ усилій для перехода отъ одной профессіи къ другой, и недаромъ здѣсь каждый порядочный молодой джентльменъ получаетъ такое образованіе, что всегда готовъ по первому призыву принять предложеніе заниматься чѣмъ угодно: духовными ли дѣлами или коннозаводствомъ, просвѣщеніемъ или надзоромъ за увеселительными домами, морскими дѣлами или сухопутными, финансами или ремонтомъ лошадей и т. п., при чемъ, Дженни, русскіе джентльмены говорятъ, что «не боги же обжигали горшки», и, смѣю тебя завѣрить, говорятъ не безъ основанія, такъ какъ на всякихъ мѣстахъ они всегда оказываются на высотѣ положенія, благодаря энциклопедичности ихъ образованія, а главное—усердію, проявляемому ими на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, Дженни, что здѣсь, при возбужденіи морскимъ духомъ, дилетантовъ-моряковъ объявилось такое множество, что ими можно было бы укомплектовать всѣ адмиральскія, капитанскія и офицерскія вакансіи во всѣхъ флотахъ Европы и Америки, при чемъ все-таки русскимъ морскимъ офицерамъ не хватило бы мѣста на своихъ судахъ и они принуждены были бы вмѣсто плаванія гранить мостовыя въ Кронштадтѣ *).

*) Опять, къ сожалѣнію, мы принуждены оговорить преувеличеніе почтеннаго путешественника.

Прим. переводчика.

Послѣ всего вышесказаннаго ты поймешь, Дженни, причины изумленія, охватившаго меня, когда я усѣлся въ кресло, приготовившись слушать бесѣду о покупкѣ американскихъ крейсеровъ, и не встрѣтилъ той громадной массы публики, какая, по моимъ соображеніямъ, должна была хлынуть на лекцію, обѣщавшую столь подробное знакомство съ крейсерами. Тутъ будетъ кстати замѣтить тебѣ, Дженни, что въ числѣ слушателей я замѣтилъ секретаря нашего посольства. Печальную фигуру, надо сказать правду, представлялъ собой мой соотечественникъ, пріѣхавшій послушать, какъ «отработалъ» въ Америкѣ достопочтенный лекторъ англійскую дипломатію и какъ утеръ онъ ей носъ, когда она сунулась-было перехватить намѣченный русскими крейсеръ.

Я улыбнулся, глядя на нашего дипломата, и приготовился слушать, тѣмъ болѣе, что лекторъ уже откашлялся и въ залѣ водворилась тишина.

Почтенный лекторъ предварительно набросалъ очеркъ англійской торговли. Надѣюсь, ты не изумишься, Дженни, послѣ всего того, что я говорилъ о способности русскихъ обжигать горшки, если я замѣчу, что почтенный морской капитанъ храбро выказалъ свое знакомство съ предметомъ, о которомъ съ апломбомъ бесѣдовалъ публично.

Такъ, напримѣръ, онъ открылъ слушателямъ характеристику англійской торговли, полагая, разумѣется, что до него никто еще этой истины не открывалъ (это, впрочемъ, общая черта самоучекъ), и объяснилъ, надо сказать правду, весьма популярно, что Англія беретъ вездѣ, гдѣ можно (а гдѣ нельзя, конечно, не беретъ), сырье, привозитъ его къ себѣ, перерабатываетъ это сырье и снова развозитъ, въ переработанномъ уже видѣ, въ иностранныя государства.

Открывъ такимъ образомъ передъ слушателями секретъ англійской торговли, достопочтенный лекторъ не оставилъ, конечно, слушателей въ недоумѣніи и насчетъ того, какъ привозится сырье и развозится обработанный матеріалъ, и дабы слушатели (между которыми было нѣсколько джентльменовъ очень престарѣлыхъ лѣтъ) не подумали, что сырье и обработанный матеріалъ привозится и развозится по водѣ въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ или на воздушныхъ шарахъ,—объявилъ, что для привоза и развоза необходимы купеческія суда, а потому, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Англіей (въ этотъ моментъ, Дженни, нашъ секретарь вздрогнулъ, да и я, признаться, почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо), самое слабое ея мѣсто составляетъ морская торговля.

Весь этотъ политико-экономическій очеркъ занялъ, впрочемъ, не болѣе пяти минутъ времени, и затѣмъ почтенный лекторъ указалъ на другую слабую сторону Англіи—на рабочій вопросъ, но пуститься въ подробности о немъ, впрочемъ, благоразумно воздержался, вѣроятно, потому, что знакомство съ этимъ вопросомъ составляло, въ свою очередь, самое слабое мѣсто достопочтеннаго моряка, а потому онъ и перешелъ наконецъ къ настоящему предмету.

Я, конечно, не стану въ подробности излагать тебѣ, Дженни, содержаніе бесѣды. Замѣчу только, что бо́льшая часть лекціи была посвящена на указаніе трудностей, которыя пришлось преодолѣть, и на то, съ какимъ геройствомъ и самоотверженіемъ преодолѣли всѣ эти трудности русскіе (съ лекторомъ во главѣ ихъ, замѣчу тебѣ, пополняя скромность лектора). А трудностей, судя по бесѣдѣ, было немало. Во-первыхъ, надо было какъ можно скорѣе покупать суда, а то, того и гляди, наша дипломатія отобьетъ ихъ, а во-вторыхъ, приходилось въ одно и то же время быть и коммерсантомъ, и дипломатомъ, и профессоромъ международнаго права передъ американцами... однимъ словомъ, чѣмъ можетъ быть только скромный русскій человѣкъ. И все это было достигнуто. Во-первыхъ, нашей дипломатіи утерли носъ съ первымъ пароходомъ, а случилось это такъ: на заводѣ Крампа стоялъ готовый уже пароходъ, который годился для крейсерской службы, и потому немедленно же почтенный лекторъ приступилъ къ переговорамъ о покупкѣ его черезъ посредство одного филадельфійскаго банкира. «Переговоры надо было вести крайне осторожно, во-первыхъ, потому, что пароходъ былъ заказанъ компаніей Pacific Coast Steamship Company за 365.000 долларовъ. Надо было перекупить его у этой компаніи, но такъ, чтобы не подать вида о сильномъ желаніи, дабы тѣмъ не возвысить слишкомъ цѣну; во-вторыхъ, съ другой стороны, англійское правительство, извѣщенное уже о русской экспедиціи, старалось, конечно, противодѣйствовать, и англійскій консулъ обратился съ представленіемъ къ своему правительству о необходимости купить этотъ пароходъ. Каждую минуту могъ получиться отвѣтъ. Медлить было нельзя, и лекторъ рѣшился пріобрѣсти этотъ пароходъ за 400.000 долларовъ, т. е. съ надбавкою 35 тыс., въ счетъ которыхъ должны были войти всѣ передѣлки и приспособленія къ военнымъ цѣлямъ. Черезъ 2 дня по совершенномъ окончаніи этой покупки былъ полученъ отвѣтъ англійскаго правительства, которое предписывало купить пароходъ за 500.000 долларовъ. Но пароходъ уже былъ нашъ»,—объяснилъ лекторъ.

Такимъ образомъ лордъ Бикки былъ чисто обойденъ лекторомъ, и изъ трагическаго разсказа о томъ, какъ пріобрѣтенъ былъ первый пароходъ-крейсеръ, ясно выглядываетъ вислоухая рожа опоздавшаго нашего консула, готоваго ради политики переплатить не 35.000 долл., а 135.000 гиней, и уже впопыхахъ бѣгущаго съ чекомъ, но—увы!—поздно, поздно и поздно. Этотъ трагическій разсказъ съ англійскимъ консуломъ заставилъ даже моего сосѣда справа—весьма презентабельнаго молодого человѣка съ большимъ лбомъ и ушами, нѣсколько напоминающими, впрочемъ, уши нашего опоздавшаго консула, воскликнуть, обращаясь ко мнѣ:

— Не правда ли, какой богатый матеріалъ для современнаго романа?

— Вы развѣ литераторъ?

— Ну, разумѣется!—проговорилъ онъ быстро, воспользовавшись временемъ, когда лекторъ пилъ воду.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, тема благодарная, и если написать этотъ романъ поскорѣе, этакъ въ недѣлю-другую, то онъ произведетъ эффектъ. Назвать надо: «Русскіе въ Америкѣ, или торжество надъ коварнымъ Альбіономъ». Десять главъ: Отъѣздъ. Пріѣздъ. Таинственные розыски, но на пути злодѣй-консулъ (NB. Это нашего-то вислоухаго, Дженни, консула русскій литераторъ произвелъ въ злодѣи!). Коварная интрига. Торгаши-янки. Они пользуются соперничествомъ двухъ державъ и за пароходъ, стоящій, съ позволенія сказать, два пятіалтынныхъ...

— Что вы,—перебилъ я:—развѣ вы не слыхали, что онъ стоитъ 365.000 долларовъ?

— Не перебивайте, пожалуйста. Это я для усиленія эффекта. Поэтическая вольность!—продолжалъ онъ мнѣ на ухо шопотомъ (лекторъ продолжалъ бесѣду).—На чемъ я, бишь, остановился?

— «И за пароходъ, стоящій, съ позволенія сказать...»

— Довольно. Помню. Требуютъ по два милліона долларовъ за каждый. Русскіе не дремлютъ. Вся Европа глядитъ на нихъ, но и Альбіонъ не дремлетъ, понимая, что участь его, участь министерства зависятъ отъ того, кто побѣдитъ, кто купитъ первый пароходъ. На сторонѣ русскихъ всѣ шансы. Они уже надбавили милліонъ. Уже янки готовъ хлопнуть по рукамъ, какъ вдругъ злодѣй-консулъ говоритъ: «Прибавляю два милліона». Но шельма-англичанинъ (очевидно, русскій литераторъ не зналъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ!) не имѣлъ полномочій и просилъ подождать всего два дня, только два дня, пока онъ снесется съ Биконсфильдомъ. Тогда наступаетъ роковая минута,—самая интересная глава будетъ. Назову ее: «Еще одно усиліе». Русскіе торопятъ янки получить денежки и выкладываютъ передъ нимъ всю сумму золотомъ... золотомъ. У янки горятъ глаза отъ радости, что вмѣсто двухъ пятіалтынныхъ онъ получитъ такую сумму, но въ то же время алчность его смущается интригой англійскаго консула:—«Позвольте два дня!—шепчетъ онъ.—Только два дня!» Но русскіе знаютъ, въ чемъ дѣло, и говорятъ: «Ни секунды болѣе, или мы ѣдемъ покупать корабли въ Голландію!» Янки въ невообразимомъ волненіи. Онъ можетъ потерять тутъ и тамъ. Того и гляди англійскій консулъ подпадетъ и не дастъ надбавки въ два милліона. Тоже насчетъ коммерціи они шельмоваты! думаетъ янки и рѣшается. «Корабль вашъ!»—говоритъ онъ.—«Нашъ! Ура! ура и ура!» Обѣдъ съ шампанскимъ и дамами. Торжество и прочее. Прошелъ день. О злодѣѣ ни слуху ни духу. Еще другой день, и янки весело тянетъ-себѣ sherry cobler и говоритъ своей женѣ: «Однако чисто-таки обработалъ я дѣльце!»—какъ вдругъ, весь въ пыли, замореный, вспотѣвшій, вбѣгаетъ къ нему въ office англійскій консулъ, протягиваетъ телеграмму и безъ чувствъ опускается на кресло. Янки читаетъ телеграмму Биконсфильда. Она кратка. Вотъ что въ ней

сказано: «Покупайте пароходъ хотя бы за десять милліоновъ, только бы онъ не достался русскимъ!» Янки читаетъ и только вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, затѣмъ, ни слова не говоря, выхватываетъ изъ кармана револьверъ и прострѣливаетъ себѣ голову. Консулъ, пробужденный выстрѣломъ, понимаетъ, въ чемъ дѣло, бѣжитъ на заводъ Крампа, вбѣгаетъ на нашъ пароходъ и тамъ вѣшается съ отчаянія на реѣ... Общее оцѣпенѣніе. Потомъ бенгальскій огонь и телеграммы во всѣхъ газетахъ. Вотъ конспектъ. Хорошъ будетъ романъ?

— Отличный, но только Крампъ до сихъ поръ живъ.

— Господи! Да не все ли это равно, живъ онъ или умеръ.

— И консулъ не повѣсился.

— И это знаю. Но какова коллизія-то двухъ державъ въ романѣ?

— Послушайте однако, какъ ни хорошъ вашъ конспектъ, а все-таки вы мѣшаете мнѣ слушать бесѣду!—позволилъ я себѣ замѣтить пылкому романисту.

Онъ умолкъ, и я снова сосредоточилъ вниманіе. Но оказалось, что, благодаря моему сосѣду, я пропустилъ отчетъ о покупкѣ другихъ пароходовъ (впрочемъ, могу тебя завѣрить изъ русскихъ газетныхъ отчетовъ о лекціи, что и остальные пароходы пріобрѣтены благополучно); я засталъ оратора на томъ мѣстѣ, когда онъ говорилъ, какъ русскимъ пришлось учить американцевъ международному праву и убѣждать 3.500 человѣкъ американскихъ журналистовъ. Впрочемъ, боясь, что я ошибусь въ передачѣ, перевожу эту часть бесѣды изъ отчета «Новаго Времени»:

«Прибытіе русскихъ въ Америку, пребываніе ихъ тамъ и энергичная дѣятельность по снаряженію и приготовленію крейсеровъ не могли не обратить вниманія правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и всего народа. Поэтому необходимо было все дѣло поставить на почву строгой законности, на почву международнаго права. Немалыхъ трудовъ стоило лектору уладить и этотъ вопросъ. Надо было разъяснить американскому народу положеніе дѣлъ, возбудить его симпатію, вызвать его сочувствіе. Двое лучшихъ авторитетныхъ людей Сѣв. Америки по международному праву поставили дѣло экспедиціи на строго-законную почву. Были приглашены газетные репортеры, которымъ было разъяснено, что международное право воспрещаетъ изготовленіе вооруженныхъ экспедицій, но это относится только къ пороху и снарядамъ; снаряженіе же судовъ возбранено быть не можетъ. Вопросъ объ этомъ былъ внесенъ немедленно въ конгрессъ, и въ 3.500 американскихъ газетахъ писалось уже о несомнѣнномъ правѣ русскихъ снаряжать суда».

Разсказывая затѣмъ въ томъ же родѣ о своихъ похожденіяхъ въ Америкѣ, лекторъ заключилъ лекцію увѣреніемъ, что моральная сторона американскаго путешествія была та, что оно (опять изъ боязни ошибиться въ передачѣ, цитирую изъ отчета «Новаго Времени») «по-

казало всему свѣту, какъ врагамъ, такъ и друзьямъ, способность, энергію и знаніе русскаго народа».

Этой скромной похвалой русскому народу лекторъ закончилъ свою лекцію, обѣщавъ, впрочемъ, познакомить публику «съ техническими выводами» въ слѣдующей бесѣдѣ.

Я уже хотѣлъ-было идти домой, какъ около меня справа (сосѣдъ мой слѣва, русскій литераторъ, уже исчезъ куда-то) раздался меланхолическій баритонъ:

— Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова.

Я повернулъ голову и увидѣлъ рядомъ стараго-престараго, сизоносаго, но съ симпатичнымъ, серьезнымъ выраженіемъ лица, сѣдоватаго джентльмена, штурмана по профессіи или, какъ флотскіе офицеры ихъ называютъ, «Штурмана Ивановича» *).

— Что вы изволили сказать?—переспросилъ я.

— Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова!—снова повторилъ старый джентльменъ.

— Что же это значитъ?

— А то значитъ, милостивый государь, что я шелъ на лекцію и думалъ узнать, во что обошлись намъ крейсеры, каковы ихъ качества, наконецъ какимъ образомъ могли бы дѣйствовать они въ случаѣ вооруженнаго столкновенія, и могли ли бы еще дѣйствовать, такъ какъ, запертые въ одномъ портѣ, они легко могли бы такъ и остаться тамъ, блокированные врагами. Но если бы, положимъ, англійскій адмиралъ оказался такимъ же вислоухимъ, какъ и консулъ англійскій, и выпустилъ крейсеры, то гдѣ бы они доставали провизію для своихъ подвиговъ? Всѣ эти вопросы остались открытыми, а вмѣсто того—Жомини да Жомини,—проговорилъ недовольный джентльменъ, поднимаясь съ своего мѣста.

— Кто такой этотъ Жомини? Развѣ лекторъ говорилъ о Жомини?

Старый джентльменъ посмотрѣлъ на меня удивленнымъ взглядомъ и ушелъ, оставивъ меня въ недоумѣніи, кто такой былъ этотъ Жомини.

Очевидно, штурманъ былъ недоволенъ. Впослѣдствіи я узналъ, что штурманы ничѣмъ никогда не бываютъ довольны. Это народъ суровый, обреченный, какъ разсказывали мнѣ, на постоянное подчиненіе флотскимъ джентльменамъ, хотя профессія ихъ, казалось бы, не оправдываетъ подобнаго положенія. Штурманы, Дженни, занимаются во флотѣ кораблевожденіемъ. Они прокладываютъ путь по картѣ, дѣлаютъ счисленія и вычисленія, повѣряютъ хронометры,—словомъ, занимаются одной изъ главныхъ отраслей морского дѣла. Но такъ какъ «математика» въ старину не была въ фаворѣ у джентльменовъ «бѣлой кости»,

---

*) Очевидно, знатный иностранецъ принялъ шуточное прозвище за настоящее. *Прим. переводчика.*

то «цифирники», какъ прежде называли джентльменовъ математики, находились въ загонѣ, и въ то время, какъ болѣе счастливые ихъ товарищи по морскому дѣлу срываютъ цвѣты удовольствія и почестей, они влачатъ свое печальное существованіе, не смѣя мечтать о чинѣ поручика ранѣе семидесяти пяти лѣтъ. Всѣ эти невзгоды несомнѣнно повліяли на касту штурмановъ, и вотъ почему штурманъ вообще суровъ, несообщителенъ, угрюмъ, рѣдко показывается на улицахъ, а если и показывается, то старается скорѣй прошмыгнуть.

Говорятъ, впрочемъ, что давно идутъ разговоры о томъ, чтобы провозгласить освобожденіе штурмановъ, тѣмъ болѣе, что эмансипація крестьянъ осуществлена давно *).

Оказалось однако, Дженни, что не одинъ сосѣдъ мой выразилъ неудовлетвореніе лекціей. Въ русскихъ газетахъ появились замѣтки съ болѣе или менѣе пикантными вопросами, доказывающими, что русскіе непремѣнно хотятъ знать многія подробности, имъ не сообщенныя.

Странный народъ эти русскіе! Совсѣмъ добровольно, никѣмъ и ничѣмъ не обязанный, знакомитъ ихъ лекторъ съ своимъ путешествіемъ въ Америку, сообщаетъ интересныя подробности о трудностяхъ и объ ихъ преодолѣніи, сообщаетъ о трагическомъ столкновеніи съ консуломъ, говоритъ о томъ, какъ всему свѣту русскій народъ показалъ себя, а русскіе все-таки точно недовольны.

Такъ, одинъ «бывшій морякъ» напечаталъ въ «Новомъ Времени» письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

«Подробности этого дѣла въ высшей степени интересовали русское общество, такъ какъ уже два года въ обществѣ ходили упорные слухи, что 4 крейсера, пріобрѣтенные въ Америкѣ, обошлись русскому казначейству отъ восьми до десяти милліоновъ рублей, тогда какъ четыре же крейсера добровольнаго флота, бо́льшихъ размѣровъ и съ одинаковымъ или лучшимъ ходомъ, обошлись менѣе двухъ милліоновъ. Къ сожалѣнію, изъ бесѣды о дѣйствительной стоимости крейсеровъ ничего опредѣленнаго вывести нельзя, и попрежнему остается открытымъ обширное поле для всевозможныхъ предположеній. Видно лишь одно: за четыре крейсера заплачено милліонъ двѣсти восемьдесятъ пять тысячъ долларовъ, что, по тогдашнему курсу, равняется около двухъ милліоновъ пятисотъ съ лишкомъ тысячъ кредитныхъ рублей».

Но, по мнѣнію «бывшаго моряка», эта цифра еще не выражаетъ той цифры, которая дѣйствительно была затрачена, и «бывшій морякъ» перечисляетъ всѣ неизвѣстныя величины, которыя бы ему хотѣлось видѣть извѣстными, а именно: первая неизвѣстная величина x—стоимость найма парохода «Сити», находившагося въ распоряженіи русскихъ съ 30 марта по 1 сентября; вторая неизвѣстная a—наёмъ другого парохода для помѣщенія команды; третья—b, стоимость

*) Опять преувеличеніе и искаженіе. *Прим. переводчика.*

содержанія экспедиціи: четвертая—c, сообщеніе лектора о томъ, что «русскіе доставляли работу и хорошіе заработки 2.000, а въ горячіе дни и 5.000 человѣкъ американскихъ рабочихъ». А такъ какъ, прибавляетъ неугомонный «бывшій морякъ», хорошимъ заработкомъ въ Америкѣ считается плата не менѣе 2 долларовъ въ день, и если плата эта, какъ слѣдуетъ предполагать, производилась отдѣльно отъ покупной суммы, то она должна была образовать весьма солидную цифру, которая для насъ остается тоже неизвѣстнымъ c. Наконецъ четвертая неизвѣстная величина d выражаетъ собою дипломатію и сочувствіе 3.500 американскихъ газетъ. Ставя эту неизвѣстную, «бывшій морякъ» постановку ея мотивируетъ такъ: «Если въ Америкѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, признается, что time is money, т. е. время—деньги, то трудно предположить, чтобы газетные репортеры, приглашенные г. Сѣмечкинымъ, пріѣзжали къ нему изъ-за одного сочувствія. Кромѣ того, единогласіе трехъ тысячъ пятисотъ американскихъ газетъ разныхъ направленій и оттѣнковъ, конечно, не могло быть достигнуто однимъ краснорѣчіемъ. Допуская, что бо́льшая половина этихъ газетъ помѣщала у себя сочувственныя статьи изъ-за симпатіи, сочувствіе остальныхъ, вѣроятно, тоже чего-нибудь да стоило, и слѣдовательно является новая неизвѣстная величина d».

Въ концѣ концовъ, «бывшій морякъ» для опредѣленія стоимости четырехъ крейсеровъ предлагаетъ такую формулу:

4 крейсера=2,500.000 р. $+(x+a+d+c+b)$ рублей

и выражаетъ желаніе, чтобы лекторъ разрѣшилъ эту формулу, подставивъ вмѣсто буквъ цифры.

Разумѣется, почтенный лекторъ вскорѣ удовлетворитъ любознательности «бывшаго моряка», хотя пока въ газетахъ отвѣта на этотъ вопросъ не было, и, вѣроятно, къ неизвѣстнымъ величинамъ «бывшаго моряка» прибавитъ, разрѣшивши ихъ, еще и f=сочувствію «двухъ лучшихъ авторитетныхъ людей Сѣверной Америки по международному праву» и наконецъ g=артиллеріи, пріобрѣтенной для крейсеровъ.

Но, во всякомъ случаѣ, заканчивая письмо, я еще разъ не могу не повторить: чудаки эти русскіе!.. Имъ же дѣлаютъ одолженіе, знакомятъ ихъ съ англійской торговлей, а они все свое: «Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова!»

— Не стоитъ русскимъ никакихъ лекцій читать!—говорилъ мнѣ на-дняхъ одинъ знакомый мой русскій джентльменъ, человѣкъ благонамѣренный, почтенныхъ лѣтъ, занимавшій довольно видное положеніе по интендантской части въ прошлую войну.

— Отчего вы, сэръ, противъ лекцій?—спросилъ я.

— Оттого, уважаемый милордъ, что у насъ самыя лучшія, самыя чистыя побужденія сейчасъ же перетолкуютъ, заподозрятъ... вотъ отчего, милордъ!.. Какой-нибудь ничтожный репортеришка, и тотъ, обрадовавшись вдругъ, что ему можно сунуть носъ, позволяетъ себѣ

дѣлать ехидные вопросы!.. Я, напримѣръ, хотѣлъ открыть рядъ лекцій и дать въ нихъ подробный отчетъ о моихъ дѣйствіяхъ по званію начальника сухарнаго склада. Никто меня, конечно, не обязывалъ къ этому,—у насъ, какъ вы знаете, публикѣ отчетовъ давать не полагается, такъ какъ мы даемъ отчетъ по начальству,—но я, какъ либеральный человѣкъ и къ тому же сознающій, что публикѣ, можетъ-быть, интересно знать подробности о сухарномъ складѣ, искренно желалъ быть полезнымъ родинѣ и составилъ уже конспектъ лекцій, въ которыхъ трактовалъ и о трудностяхъ, предстоявшихъ начальникамъ сухарныхъ складовъ, и объ энергіи, и о дипломатическихъ способностяхъ, которыя надлежало проявлять въ сношеніяхъ съ товариществомъ продовольствія, съ одной стороны, и съ непосредственнымъ начальствомъ, съ другой... Кромѣ того, я имѣлъ въ виду дать понятіе о варимости солдатскаго желудка наглядными опытами, милордъ... однимъ словомъ, лекціи мои, смѣло скажу, пролили бы свѣтъ на дѣло...

— Что же васъ остановило, сэръ, въ такомъ похвальномъ намѣреніи?

— А вотъ что, милордъ. Составилъ я свои лекціи, но для литературной ихъ обработки пригласилъ одного молодого человѣка и попросилъ его, между прочимъ, сказать свое откровенное мнѣніе. Я полагалъ, что молодой человѣкъ, прочитавши мой отчетъ, провозгласитъ меня, по крайней мѣрѣ, русскимъ Неккеромъ. Вѣдь я по своей волѣ, милордъ, отчетъ-то хотѣлъ дать, никто меня за языкъ не тянулъ! А онъ, молодой-то этотъ человѣкъ, поправивши слогъ, возвратилъ мнѣ рукопись обратно и ни слова.—«Что же вы?»—спрашиваю.—«Ничего, говоритъ, занятно!» — «И только?» — «А чего-жъ еще больше?» — «Да вѣдь это comple rendu!.. Поймите!.. Никто меня за языкъ не тянулъ, а я самъ, по доброй волѣ, Неккеромъ объявляюсь!» — «Что-жъ, говоритъ, съ Богомъ, объявляйтесь!» — «Да развѣ это не лестно публикѣ?» Онъ молчитъ. — «Или, быть-можетъ, нехорошо изложено?» Опять молчитъ.—«Да вы, молодой человѣкъ, можетъ-быть, стѣсняйтесь высказать свое мнѣніе? Вы не стѣсняйтесь. Я человѣкъ либеральный и Гамбетту даже одобряю!» Онъ улыбнулся и замѣтилъ:—«Лучше бросьте это дѣло, ваше превосходительство!» — «Отчего?» —«Да оттого, ваше превосходительство, что хоть намѣренія ваши и добрыя, да цифръ въ вашемъ отчетѣ мало... все одна литература, такъ что, пожалуй, вамъ въ Неккеры не придется попасть. Все хорошо-съ, только цифръ мало-съ!»—снова прибавилъ онъ и ехидно такъ засмѣялся. Я ничего не сказалъ, заплатилъ ему за поправку слога двадцать пять рублей и отпустилъ. Но, признаюсь, возмущенъ былъ до глубины души, милордъ! Я добровольно, никто меня не обязывалъ, хочу познакомить публику, и вдругъ какой-то молокососъ и тотъ: «цифръ мало». А? Цифръ мало! Ужъ если этотъ: «цифръ мало!»,

такъ что же будетъ, думаю, если я публично прочту? Такъ и бросилъ свою благую мысль. У вы! милордъ! Къ сожалѣнію, мы еще не созрѣли.

— Это, кажется, знаменитое изреченіе милорда Ламанскаго?

— Именно. И онъ правъ... Мы еще не созрѣли для Неккеровъ. Милордъ Ламанскій подтвердитъ это. И я больше никакихъ отчетовъ не буду давать публикѣ. Пусть сама догадывается, во что обошлось содержаніе сухарнаго склада, а спроситъ—я ей кукишъ покажу.

Бѣдный джентльменъ былъ совсѣмъ возмущенъ, разсказывая мнѣ объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Дженни, русскіе, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не всегда умѣютъ цѣнить либеральныя проявленія своихъ дѣятелей. Вотъ почему, вѣроятно, наиболѣе либеральные и свободомыслящіе дѣятели въ Россіи такъ часто и скоро приходятъ къ разочарованію,—начиная желаніемъ объявляться Неккерами, кончаютъ тѣмъ, что объявляются маленькими Бонапартами. Однако пора кончить.

Письмо сорокъ пятое.

Дорогая Дженни!

Помнишь ли ты «божьихъ младенцевъ» (такъ зовутъ въ этой странѣ членовъ различныхъ правленій и комиссій, частныхъ, разумѣется), о которыхъ я писалъ тебѣ въ прошломъ году, когда въ одинъ прекрасный день обнаружилось, что въ кассѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита не хватило милліона слишкомъ рублей?

Съ тѣхъ поръ утекло много воды. Съ тѣхъ поръ почти забыли неосторожнаго кассира, не умѣвшаго довести дѣла до конца, т. е. объявить «божьимъ младенцамъ» о пустотѣ кассы тогда, когда въ ней дѣйствительно не осталось бы ни копейки. Забыли и о «божьихъ младенцахъ», промелькнувшихъ въ судѣ въ качествѣ «младенцевъ», ничего не помнящихъ, ничего не знающихъ и не умѣющихъ различить нумера серій и возбудившихъ во многихъ истинное состраданіе... къ ихъ младенческому состоянію. Промелькнули и скрылись съ глазъ, доживая въ тиши, быть-можетъ, не лакомясь уже жетонами, какъ лакомились прежде, когда кавалеръ Юханцевъ еще не объявилъ имъ, что они «младенцы», и что только онъ настоящій взрослый человѣкъ, знающій бухгалтерію, какъ свои пять пальцевъ.

И вотъ, Дженни, не такъ давно эти лишенные жетоновъ джентльмены снова напомнили о себѣ публикѣ и послужили поводомъ къ новому возбужденію интереснаго вопроса: должны ли отвѣчать заправители разныхъ общественныхъ учрежденій за кассы, растраченныя во время ихъ управленія, или же кассы сами за себя отвѣчаютъ, а «божьи младенцы», за престарѣлостью лѣтъ и слабоуміемъ, отвѣтствовать не должны, тѣмъ болѣе, что нравственная отвѣтственность и безъ того достаточно наказываетъ неопытныхъ «божьихъ дѣтей», заставляя ихъ искать жетоновъ въ другихъ учрежденіяхъ?

Прежде, чѣмъ разсказать тебѣ, Дженни, о сущности гражданскаго процесса противъ бывшихъ директоровъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, замѣчу тебѣ, что до сихъ поръ въ Россіи, какъ мнѣ извѣстно, вопросъ объ имущественной отвѣтственности начальствующихъ лицъ на практикѣ разрѣшался обыкновенно тѣмъ, что начальствующія лица не должны отвѣтствовать за кассы, если сами изъ оныхъ ничѣмъ не пользовались. Основаніемъ для такой практики служили, во-первыхъ, ссылки на слабоуміе и престарѣлость лѣтъ, а во-вторыхъ, на невозможность, въ случаѣ имущественной отвѣтственности, найти директоровъ правленій. Кому охота получать тысячъ по пятнадцати рублей въ годъ съ рискомъ въ одинъ прекрасный день заплатить сумму, равную, пожалуй, суммѣ двадцатилѣтняго жалованья? Въ настоящее время, когда позаимствованія достигли послѣдней степени совершенства, а гг. директорамъ правленія приходится занимать по нѣскольку должностей и слѣдовательно невозможно посвящать одному правленію болѣе часа, много двухъ часовъ въ недѣлю—привлекать къ имущественной отвѣтственности почтенныхъ лицъ, удостоивающихъ—нерѣдко во имя высшихъ соображеній—принимать на себя званіе членовъ правленія или совѣта, было бы безсмысленно. Названныя почтенныя лица, избираемыя обыкновенно изъ лицъ вліятельныхъ, если не въ томъ частномъ учрежденіи, гдѣ они служатъ, то въ другихъ мѣстахъ, не согласятся утруждать себя повтореніемъ четырехъ правилъ ариѳметики и посвящать всю свою дѣятельность занятіямъ въ частныхъ учрежденіяхъ. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній несравненно цѣлесообразнѣе и согласнѣе съ обычаями, существующими въ странѣ, въ случаѣ растратъ и похищеній на сумму свыше 10.000 привлекать къ отвѣтственности вкладчиковъ и членовъ разныхъ акціонерныхъ и взаимныхъ учрежденій. Сумма, разложенная на всѣхъ, не составитъ большой цифры, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ удовлетворенъ принципъ круговой поруки, и наконецъ подобный образъ дѣйствій не оставитъ учрежденій безъ начальствующихъ лицъ.

Но защитники отвѣтственности, преимущественно, Дженни, люди сравнительно молодые, не достигшіе еще почетнаго званія «общественныхъ сосуновъ», напротивъ, утверждали, что пора частнымъ учрежденіямъ обновиться, пора предпринять радикальныя реформы и не припускать къ жетонамъ только однихъ престарѣлыхъ, косноязычныхъ, слабоумныхъ и плохо зрячихъ, хотя и почтенныхъ джентльменовъ. Съ нихъ довольно. Они свое время отжили, и на смѣну имъ должны придти болѣе молодые, краснорѣчивые, зрячіе и умомъ взысканные джентльмены, тѣмъ болѣе, что и жалованье, ими получаемое по званію молодыхъ «сосуновъ», не обезпечиваетъ ихъ, какъ слѣдуетъ, для спокойнаго обсужденія какъ внѣшней, такъ и внутренней политики своей страны. Законы прогресса и преемственности требуютъ

прилива новыхъ силъ къ общественнымъ кассамъ и къ жетонамъ, а потому,—утверждали защитники отвѣтственности,—необходимо привлекать къ суду старцевъ, которые еще не успѣли перевести своихъ имуществъ на имя женъ, дабы они скорѣй очистили поле для новыхъ дѣятелей. Они, новые дѣятели, за 15.000, за 10.000, а въ случаѣ крайности даже за 5.000 годового гонорара готовы ежедневно посвящать по три часа въ день (итого въ недѣлю 18 часовъ) своимъ обязанностямъ, они повторятъ ариѳметику, изучатъ бухгалтерію по всѣмъ системамъ и постараются найти такіе замки, которые защитятъ общественное достояніе отъ расхищенія. Но если бы, несмотря на всѣ принятыя ими мѣры, какой-нибудь замѣчательно остроумный кассиръ или одинъ изъ коллегъ все-таки стибрилъ значительный кушъ, то они всегда готовы отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ (состоящимъ изъ носильнаго платья и мебели, прибавлю я, Дженни, такъ какъ остальное крупное имущество болѣе умные джентльмены, натурально, переведутъ на чужое имя, какъ только будутъ избраны въ директоры, и на случай краха запасутся свидѣтельствами о бѣдности изъ полицейскихъ участковъ).

Вотъ, Дженни, въ какомъ положеніи стоитъ вопросъ объ отвѣтственности.

Тѣмъ не менѣе, когда послѣ суда надъ легкомысленнымъ кассиромъ общества взаимнаго поземельнаго кредита оказалось, что у кассира не осталось никакихъ остатковъ для сколько-нибудь серьезнаго пополненія кассы, и Охапцевъ былъ признанъ несостоятельнымъ должникомъ, то новое правленіе названнаго общества возбудило противъ стараго гражданскій искъ, взыскивая сумму 1,977.446 р. 47 к. Отвѣтчиками по настоящему дѣлу являются слѣдующія лица:

«Бывшій предсѣдатель правленія общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ П. П. Пейкеръ; бывшіе члены правленія: коллежскій асессоръ В. Ф. Миллеръ (нынѣ умершій), сенаторъ, генералъ-лейтенантъ, графъ Г. К. Крейцъ, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Ю. Познанскій; бывшіе кандидаты правленія, исполнявшіе должность членовъ: сенаторъ, тайный совѣтникъ А. Н. Сальковъ и статскій совѣтникъ Н. Э. Герстфельдъ (послѣдній привлеченъ къ отвѣтственности и въ качествѣ бывшаго управляющаго дѣлами общества), и наконецъ бывшій бухгалтеръ общества, капитанъ 1-го ранга А. П. Племянниковъ».

Повѣренный общества взаимнаго поземельнаго кредита, присяжный повѣренный Унковскій, въ своемъ исковомъ прошеніи просилъ судъ о взысканіи съ названныхъ лицъ по слѣдующей раскладкѣ: «Съ графа Крейца, д. с. с. Познанскаго, с. с. Герстфельда, д. с. с. Пейкера, капитана 1-го ранга Племянникова и съ имущества умершаго колл. ас. Миллера—1,795.289 р. 50 к., съ каждаго въ равной части, т. е. по 299.214 р. 91 к., и съ тайн. сов. Салькова 182.156 р. 97 к., всего

1,977.446 руб. 47 коп. съ узаконенными процентами съ 27-го марта 1878 г. по день уплаты» (въ день предъявленія иска, 20-го іюля 1879 г., сумма его съ процентами простиралась до 2,133.335 р. 16 коп.).

Исковыхъ пошлинъ было представлено свыше 10.000 руб.

Какъ видишь, Дженни, суммы, предъявленныя къ бывшимъ руководителямъ общества, могутъ испугать своей величиной даже какого-нибудь владѣтельнаго принца; а потому ты очень хорошо поймешь, какой интересъ возбудило это дѣло среди всѣхъ вообще дѣльцовъ и въ особенности среди защитниковъ безотвѣтственности. 27-го ноября дѣло это слушалось въ окружномъ судѣ, но не по существу, т. е. не по разрѣшенію вопроса объ отвѣтственности, а по вопросу о наложеніи запрещенія на имущество вышеназванныхъ отвѣтчиковъ, указанное въ исковомъ прошеніи. Кстати тутъ можно будетъ замѣтить, что имущество, сколько-нибудь серьезно могущее обезпечить сумму иска, оказалось только у графа Крейца да у тайнаго совѣтника Салькова. У остальныхъ хотя и оказалось имущество, но такое, что его, пожалуй, не хватитъ и на уплату исковыхъ пошлинъ.

Семь адвокатовъ защищали угодья и процентныя бумаги, принадлежащія ихъ клієнтамъ, отъ святотатственной руки судебнаго пристава. Семь адвокатовъ, одинъ другого талантливѣе, одинъ другого краснорѣчивѣе, высказывали, Дженни, болѣе или менѣе вѣскія соображенія, сущность которыхъ весьма сходилась съ мнѣніями, которыя я изложилъ выше, говоря о распространенныхъ въ Россіи взглядахъ на отвѣтственность общественныхъ распорядителей.

Краса петербургской адвокатуры, одинъ изъ талантливыхъ и безподобныхъ софистовъ XIX столѣтія, ученый юристъ, публицистъ и литераторъ, блестящій риторъ, бывшій профессоръ уголовнаго права, — однимъ словомъ, знаменитый Спасовичъ защищалъ помѣстья графа Крейца, и защищалъ ихъ—отдадимъ Богу богови, а Кесарю кесареви— отъ посягательства судебныхъ приставовъ съ обычнымъ талантомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Когда пришлось коснуться очаровательнаго мѣстоположенія помѣстій графа Крейца, невольно поэтическое чувство дрожало въ поэтической рѣчи почтеннаго защитника недвижимаго имущества графа. Онъ не говорилъ, а скорѣе пѣлъ съ мастерствомъ Патти, то замирая въ нѣжныхъ нотахъ поэзіи, то поражая fortissimo, когда дѣло касалось ссылокъ на статьи свода законовъ.

Но, защищая помѣстья, одинъ изъ семи миннезингеровъ, вышедшихъ на состязаніе, не забылъ, конечно, и владѣтельнаго своего клієнта. Онъ ссылался на тщету описей и печатей и на добросовѣстное исполненіе обязанностей своимъ довѣрителемъ. Справедливо ли лишать его прекрасныхъ усадьбъ за то, что нашелся человѣкъ, — не человѣкъ даже, а злодѣй,—который, какъ змѣя, вкрался въ довѣренность и... и выкралъ два милліона? Можно ли ставить въ вину джентль-

мену и тѣмъ болѣе директору правленія такое прекрасное чувство души, какъ довѣріе къ людямъ? Что подумаетъ гуманистъ XXI столѣтія, узнавши изъ стенографическаго отчета о дѣлѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита, что за добросовѣстность, честность и довѣріе въ цивилизованномъ девятнадцатомъ столѣтіи накладываютъ запрещенія на помѣстья и владѣльца оныхъ подвергаютъ всѣмъ ужасамъ нищеты? И не достаточно ли еще терпитъ нравственныхъ мукъ довѣрчивая душа графа, не достаточно ли терзаній испытываетъ она при воспоминаніи о довѣрчивости, столь жестоко поруганной, чтобы къ этому высшему изъ наказаній Промысла люди еще прибавляли новое, накладывая печати на имущество, быть-можетъ, въ то самое время, когда на земельную собственность находится выгодный покупщикъ?

Такъ или почти такъ (я не стою за буквальность передачи, настаивая однако-жъ на вѣрности смысла) говорили семь миннезингеровъ, поочередно пропѣвшихъ свои пѣсни о любви передъ четвертымъ отдѣленіемъ петербургскаго окружнаго суда въ защиту имущества семерыхъ отвѣтчиковъ отъ судебныхъ приставовъ. Всѣ они съ большей или меньшей деликатностью ссылались на невѣдѣніе, на слабоуміе, а одинъ и на «преждевременность» наложенія запрещенія, какъ бы намекая этимъ указаніемъ, что можно перевести весьма скоро имѣнія на чужое имя.

Признаюсь тебѣ, Дженни, благодаря этому процессу я проигралъ бутылку шампанскаго, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вскорѣ послѣ процесса Юханцева я бесѣдовалъ по поводу этого дѣла съ однимъ изъ русскихъ моихъ пріятелей (въ скобкахъ прибавлю — джентльменомъ, очень уважающимъ Англію и получающимъ жалованье всего только изъ шести различныхъ мѣстъ, въ качествѣ директора правленія, юрисконсульта, члена совѣта и непремѣннаго члена трехъ комиссій) и выразилъ ему свое мнѣніе, что начальники общества взаимнаго кредита немедленно ликвидируютъ всѣ свои имущества и предоставятъ ихъ на пополненіе кассы.

— Почему, милордъ, вы такъ полагаете?—спросилъ меня, какъ-то странно улыбаясь, мой пріятель.

— Они съ такимъ благородствомъ держали себя на судѣ, сэръ. Они выказали столько горечи и терзаній, что случилось это печальное недоразумѣніе. Они съ такимъ неподдѣльнымъ пафосомъ говорили о благородствѣ (особенно, если припомните рѣчь достопочтеннаго Познанскаго), что во мнѣ не остается никакого сомнѣнія относительно ихъ рѣшенія предложить все свое имущество, хотя бы пришлось остаться бѣдными, какъ Иръ. Какъ они ни... ни добродушны, сэръ, но они все-таки не могутъ не сознавать себя хотя отчасти виноватыми, хотя бы за то, что довѣрчиво повѣряли кассу и что такимъ образомъ дали возможность, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, опустошать ее съ электрическими приспособленіями. Не правда ли, сэръ? Они уже рѣшили

отдать все свое имущество? — заключилъ я свою рѣчь съ горячностью.

— Что-то не слыхалъ объ этомъ, милордъ. Да вы, кажется, считаете ихъ совсѣмъ слабоумными?—весело спросилъ мой пріятель.

— Какъ такъ?—изумился я.

— Очень просто. Если бы имъ пришлось внести по пятисотъ рубликовъ, ну, даже, скажемъ, по тысячѣ или по двѣ, тогда я съ вами согласился бы, а отдать все свое кровное за какого-нибудь Юханцева... да, слава Богу, у насъ въ Россіи найдется одинъ-другой такой дуракъ, но ужъ никакъ не болѣе.

— Угодно пари?

— Извольте.

Мы подержали на бутылку шампанскаго (я предлагалъ большее пари; но мой пріятель, вѣроятно, жалѣя меня, отказался), и на-дняхъ, когда мы распивали ее, русскій другъ весело сказалъ мнѣ:

— Видите ли, милордъ, я былъ лучшаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ. Они не упали духомъ, не роздали своего имущества зря, а стали бороться... Лучшіе адвокаты пришли къ нимъ на помощь!

— Вы правы!—отвѣчалъ я.—Вы правы!..

Однако возвращаюсь къ состязанію, бывшему на судѣ.

Несмотря на поэзію, убѣдительность и твердое знаніе законовъ, обнаруженныхъ четырьмя адвокатами отвѣтчиковъ (привожу на память ихъ имена: Спасовичъ, Самарскій-Быховецъ, Герке и Банкъ), адвокатъ противной стороны Унковскій не безъ таланта и съ большой основательностью шагъ за шагомъ разбивалъ доводы своихъ противниковъ, не теряя хладнокровія ни передъ руладами Патти съ юридическимъ образованіемъ, ни передъ блистательно исполненнымъ г. Самарскимъ-Быховцемъ романсомъ о «преждевременности» (онъ пропѣлъ, Дженни, извѣстный романсъ Глинки: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи!»)*), ни передъ сомнѣніями, возбужденными изящнымъ адвокатомъ Герке въ законности сущности процесса, ни передъ унисономъ, который тянулъ четвертый адвокатъ, Банкъ.

Г. Унковскій стоялъ за печать и судебныхъ приставовъ непоколебимо.

Долго совѣщались судьи по этому вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ былъ очень жгучій, хотя бы только и предварительный вопросъ о печатяхъ. Это не то что какой-нибудь простой вопросъ.

Послѣ четырехъ часовъ судъ вынесъ рѣшеніе, по которому рѣшено наложить запрещеніе на имущество бывшихъ членовъ правленія

Такимъ образомъ прологъ кончепъ, и начало отложено, какъ говорятъ, до будущаго года.

---

*) Это очевидный вздоръ. Никакого романса г. Самарскій-Быховецъ не пѣлъ. Онъ говорилъ о «преждевременности» — это правда, но пѣть не пѣлъ. *Прим. переводчика.*

Я не разъ уже тебѣ писалъ, Дженни, о причинахъ, насколько я могъ себѣ выяснить, играющихъ главную роль въ успѣшности веденія войны противъ общественной собственности со стороны тѣхъ самыхъ джентльменовъ, которые вообще здѣсь называются устойчивымъ элементомъ и которые, въ свободное отъ занятій время, посвящаютъ на защиту той же собственности свои силы письменно, въ брошюрахъ и запискахъ, или устно, при каждомъ удобномъ случаѣ. Не стану повторять этихъ причинъ. Замѣчу только, что теоретически русскіе въ этомъ смыслѣ такъ же находчивы, какъ и на практикѣ, и, разумѣется, не замѣчаютъ противорѣчія между тѣмъ, что говорятъ и что дѣлаютъ, вѣроятно, потому, что говорятъ на благо отечества, а поступаютъ на благо себѣ.

Недаромъ же здѣсь ты могла бы увидать множество самыхъ почтенныхъ людей, которые съ такою же страстью громятъ нарушеніе семейныхъ добродѣтелей, отстаивая неприкосновенность вообще началъ, съ какою на практикѣ нарушаютъ эти самыя начала, чуть только приходится встрѣтиться, въ незамѣтномъ мѣстѣ, съ какою-нибудь пикантною женщиной, возбуждающей желаніе семейственнаго союза втайнѣ отъ супруги...

Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ условій слишкомъ частое повтореніе знаменитаго московскаго проповѣдника г. Каткова о началахъ и усиленная рекомендація (письменная и устная) соблюдать себя, стараясь наблюдать въ то же время и за ближними своими, при несомнѣнно хорошихъ мотивахъ, не возбуждаютъ того впечатлѣнія, какое должны были бы возбуждать. И когда со всѣхъ сторонъ раздаются голоса, что нравственность расшатана и добрые старые русскіе нравы постепенно исчезаютъ, то публика, прочитывая наставленія эти, нерѣдко печатаемыя въ газетахъ, посмѣивается только, повторяя:

— Ладно, молъ. Нечего зубы-то заговаривать!

«Заговаривать зубы», Дженни, значитъ, вмѣсто обычной манеры «давать въ зубы», обращаться другъ къ другу съ увѣщаніями, не влекущими за собой немедленнаго исполненія.

Кстати, Дженни, вспомнивъ о божьихъ младенцахъ, нельзя не вспомнить о кавалерѣ Юханцевѣ: онъ, какъ сообщаютъ газеты, путешествуетъ въ отдаленныя мѣста Сибири съ такой торжественностью и пышностью, которымъ могли бы позавидовать даже сами губернаторы. Съ прибытіемъ столь высокаго путешественника въ городъ, лежащій на пути, его поздравляютъ съ счастливымъ прибытіемъ, отводятъ ему лучшее помѣщеніе и приглашаютъ на банкеты. Именитые обыватели и ихъ супруги представляются высокому путешественнику, счастливые, что могутъ видѣть человѣка, надѣлавшаго такъ много шума и обладающаго такими изящными манерами. Разсказываютъ, что достопочтенный кассиръ не имѣетъ времени принимать всѣхъ, желающихъ пожать ему руку, а дамы, тѣ просто закидываютъ его просьбами на-

писать что-нибудь въ ихъ альбомы на память. Короче говоря, путешествіе легкомысленнаго кассира въ отдаленныя мѣста не имѣетъ ничего похожаго съ путешествіемъ въ таковыя же мѣста обыкновенныхъ путешественниковъ. Обыкновенные путешественники отправляются къ цѣли путешествія партіями, подъ конвоемъ, встрѣчая на пути этапныхъ начальниковъ, а слѣдованіе Юханцева было какъ бы тріумфальнымъ шествіемъ со встрѣчами и овраціями. Если тутъ приличны сравненія, то путешествіе Юханцева, по восторженности встрѣчъ, можно сравнить развѣ только съ прогулкой Гамбетты по Франціи, такъ любящей рукоплескать, за неимѣніемъ великихъ, и маленькимъ ораторамъ...

Въ почтенномъ и едва ли обыкновенномъ расхитителѣ, заставившемъ о себѣ такъ много говорить, именитые граждане (натурально, крестьяне не принимали участія въ овраціяхъ) какъ бы чествовали лучшаго выразителя желаній культурныхъ людей и лучшаго исполнителя завѣтныхъ мыслей. Депутаціи отъ мѣстной интеллигенціи испрашивали аудіенціи, дабы изъ устъ знаменитаго, хотя и пострадавшаго расхитителя узнать, какимъ образомъ онъ усыплялъ божьихъ младенцевъ. Дамы платили коридорнымъ большія деньги, чтобы заглянуть на того самаго человѣка, который залпвалъ моремъ шампанскаго «Ташкентъ», тратилъ баснословныя деньги на цыганокъ и дивилъ своимъ изяществомъ и джентльменствомъ не однихъ только непосредственныхъ своихъ начальниковъ.

Такъ, Дженни, встрѣчали Юханцева по пути слѣдованія его въ отдаленныя мѣста. Повторяю, это было скорѣй шествіе героя, чѣмъ путешествіе червоннаго туза. Но въ Россіи уважаютъ все необыкновенное, и потому не удивляйся, Дженни, что многіе представители культурныхъ классовъ хотѣли выразить сочувствіе необыкновенному человѣку, зная очень хорошо, что народъ не мѣшаетъ сочувственнымъ демонстраціямъ и, пожалуй, глядя на Юханцева, приметъ его скорѣй за ревизора, а не за арестанта. Въ одномъ городкѣ, какъ разсказывали, такъ и было. Толпа мужиковъ явилась къ Юханцеву и бросилась ему въ ноги, прося защитить ихъ отъ волостного писаря, не дававшаго, по словамъ ихъ, вздохнуть отъ поборовъ. «Защити, ваше превосходительство!»—ревѣла толпа.

И когда блюстители порядка старались убѣдить, что это не ревизоръ и не особа, а преступникъ, отправляемый въ мѣста отдаленныя, то мужики не хотѣли вѣрить и повѣрили окончательно только тогда (если только не притворились, что повѣрили), когда ихъ протурили изъ гостиницы въ шею*).

Вотъ какое трагикомическое недоразумѣніе произошло, Дженни, бла-

*) Всѣ эти подробности, сообщаемыя знатнымъ иностранцемъ, о слѣдованіи г. Юханцева едва ли вполнѣ достовѣрны. Въ газетахъ, правда, сообщалось, что путешествіе г. Юханцева не вполнѣ походило на обыкно-

годаря лишь невѣжеству темнаго люда, не умѣющаго до сихъ поръ отличить ревизора отъ мошенника, хотя и необыкновеннаго.

Сегодня утромъ. Дженни, въ русскихъ газетахъ опять появилось тревожное извѣстіе, напомнившее мнѣ прошлую зиму, когда пронеслось зловѣщее извѣстіе о чумѣ. Дифтеритъ, ужасный дифтеритъ свирѣпствуетъ въ Россіи. Въ слѣдующемъ письмѣ, дорогая моя, я сообщу тебѣ объ этомъ бѣдствіи, посѣтившемъ эту страну, а пока замѣчу только, что размѣры этого бѣдствія обратили на себя вниманіе. Кажется, страна патріархальная, народъ счастливый, довольный и непритязательный, финансы хотя и не особенно блестящи, но все-таки есть, говорятъ, страны на свѣтѣ, гдѣ финансы еще неудовлетворительнѣе, интеллигенція образованная, пресса очень зоркая, порядокъ примѣрный, однимъ словомъ, всѣ шансы для преуспѣянія, а между тѣмъ, если вѣрить изслѣдователямъ и статистикамъ, если вѣрить провинціальнымъ извѣстіямъ, то деревня, жители которой когда-то возстановляли сардинскіе и неаполитанскіе престолы и еще недавно дали возможность Петру Каравелову занять президентское кресло въ болгарскомъ собраніи,—ту самую деревню, говорю, гдѣ, казалось бы, просторъ полей и свобода вѣтровъ гарантируютъ отъ болѣзней, совсѣмъ донимаютъ разныя эпидеміи, въ родѣ тифовъ, дифтеритовъ, оспы и т. п.

— Отчего у васъ такъ велика смертность? — спросилъ я одного русскаго, предсѣдателя комитета народнаго здравія.

Онъ посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— По волѣ Божьей!

Удивительно покорны волѣ Промысла русскіе, до трогательности покорны, особенно когда дѣло касается деревни.

Будь здорова и не сокрушайся. Я пребываю въ неизмѣнномъ благополучіи.

венныя, но о депутаціяхъ и т. п. мы нигдѣ не читали. Къ сожалѣнію, вообще добросовѣстный въ ссылкахъ, знатный иностранецъ въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ никакихъ ссылокъ. Въ русскихъ же газетахъ, именно въ «Недѣлѣ», мы нашли только слѣдующія интересныя по этому дѣлу свѣдѣнія отъ пермскаго корреспондента. По словамъ его, «Юханцевъ прибылъ въ Пермь, какъ человѣкъ частный и свободный, на обыкновенномъ пассажирскомъ пароходѣ, въ сопровожденіи лишь полицейскаго стражника. Остановился онъ въ самой лучшей «Клубной» гостиницѣ и занялъ самый лучшій и дорогой номеръ, гдѣ, въ сообществѣ доктора З—лера (сына комиссаріатскаго генерала во время севастопольской кампаніи), по особо составленному Юханцевымъ «меню», былъ устроенъ роскошный обѣдъ, къ которому подавались самыя лучшія и тонкія изъ имѣющихся въ нашихъ магазинахъ винъ. Юханцеву, какъ говорятъ, сопутствовала въ ссылку (только въ нѣкоторомъ отдаленіи и инкогнито) какая-то француженка, ѣхавшая съ такимъ комфортомъ и удобствомъ, о которыхъ намъ, простымъ смертнымъ, и подумать нельзя». Быть-можетъ, приведенное извѣстіе послужило почтенному путешественнику канвой, по которой онъ вышиваетъ свои узоры; мы приводимъ это мѣсто, какъ не лишенный курьеза взглядъ англичанина на возможность подобныхъ встрѣчъ. *Прим. переводчика.*

Письмо сорокъ шестое.

Дорогая Дженни!

Пятнадцать губерній охвачены дифтеритомъ, но особенно свирѣпствуетъ онъ въ Полтавской губерніи. По свидѣтельству одной изъ газетъ («Молва»), «со всѣхъ концовъ Россіи получаются самыя неутѣшительныя извѣстія. Эпидемія захватила пятнадцать губерній; страдаютъ наиболѣе югъ и западъ Россіи, но эпидемія съ каждымъ днемъ захватываетъ все большій и большій районъ. Въ Бессарабіи дифтеритныя эпидеміи настойчиво держатся уже почти восемь лѣтъ. Въ Полтавской губерніи дифтеритъ свирѣпствуетъ нынѣ съ ужасающею силою».

По обыкновенію, русскіе спохватились, когда уже громъ грянулъ, и сами добродушно сознаются, что они ничего не дѣлали для предотвращенія подобныхъ бѣдствій.

«Что дѣлали мы, чтобъ уменьшить это бѣдствіе?—спрашиваетъ та же газета.—Ничего или почти ничего. Самый фактъ распространенія эпидеміи доказываетъ, что мы относились къ ней съ непозволительнымъ равнодушіемъ, что мы болѣе всего полагались на волю Божію. Правда, медицинскій департаментъ разослалъ свои наставленія, бессарабскій губернаторъ напечаталъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ совѣты дезинфецировать жилища и вещи парами горящей сѣры, миргородское земство издало особую брошюру о дифтеритѣ,—но все это такіе палліативы, о которыхъ не стоитъ и толковать. Все это дѣлается не столько для вящшей пользы, — такъ какъ никто отъ подобныхъ мѣръ и не ожидаетъ ея,—сколько для очищенія совѣсти. Это несомнѣнно, и на этотъ счетъ трудно кого-нибудь обмануть.

«Начинать борьбу съ дифтеритомъ теперь, когда болѣзнь эта проходитъ по Россіи грозой, конечно, трудно. Объ этомъ слѣдовало бы подумать ранѣе. При отсутствіи медицинскихъ и денежныхъ средствъ мудрено себѣ и представить, что предпринять въ данномъ случаѣ. Большинство разводитъ теперь въ недоумѣніи руками,—ничего, молъ, не знаю, ничего не могу посовѣтовать, — и готово обвинять другъ друга въ равнодушіи, недомысліи и даже недобросовѣстности. Теперь только каждый видитъ, что зашли слишкомъ далеко, что слишкомъ долго играли жалкими словами, но пальцемъ не двинули, чтобы сдѣлать что-нибудь».

Но, во всякомъ случаѣ, хотя и поздно, но надо придти на помощь къ несчастному населенію, и общество «Краснаго Креста», къ содѣйствію котораго обратилось полтавское земство, указывавшее въ своемъ заявленіи, что «развитіе эпидеміи приняло ужасающіе размѣры и характеръ государственнаго бѣдствія, требующаго участія правительства въ борьбѣ со страшнымъ врагомъ народнаго здравія», — откликнулось на зовъ и посылаетъ въ Полтавскую губернію врачей и

сестеръ милосердія. Но не въ одной Полтавской губерніи бѣдствіе. Бѣдствіе охватило 15 губерній, и слѣдовательно необходима помощь и остальнымъ губерніямъ. Теперь, когда бѣдствіе приняло громадные размѣры, опять, вѣроятно, по примѣру прошлаго года, когда охватила чумная паника, всплывутъ наружу санитарныя комиссіи, заговорятъ о недостаточности медицинской помощи и т. п., но пройдетъ паника, ослабнетъ эпидемія—и снова вопросъ о народномъ здравіи перестанетъ быть вопросомъ.

Когда, Дженни, прочитываешь въ русскихъ газетахъ о принимаемыхъ «мѣрахъ», хотя, признаюсь, онѣ по большей части являются такъ же во-время, какъ офенбаховскіе карабинеры, то съ какою грустью видишь тщету всѣхъ этихъ «мѣръ» и всей этой суматохи, предпринимаемой въ пользу «деревни»! Корень всѣхъ этихъ тифовъ, дифтеритовъ слишкомъ глубокъ и кроется, Дженни, въ той безпримѣрной непритязательности русскихъ, которая выставляется, какъ лучшее качество русскаго народа, и слѣдовательно, пока уровень экономическаго положенія не повысится, пока русскій джентльменъ деревни будетъ влачить судьбу свою въ тѣхъ помѣщеніяхъ, которыя здѣсь называются домами, до тѣхъ поръ всякія средства безсильны для серьезной борьбы съ врагами русскаго народа. Болѣзни любятъ гнѣздиться въ притонахъ грязи и бѣдности, и гдѣ же для нихъ лучшее раздолье, какъ не въ вонючей избѣ, гдѣ спертъ воздухъ, гдѣ взрослые и дѣти, телята и свиньи спятъ нерѣдко вмѣстѣ? Гдѣ, какъ не тамъ, разгуляться всякимъ бичамъ божьимъ, опустошающимъ семьи?

Эпидеміи не прекращаются въ Россіи, но, пока онѣ не имѣютъ, какъ выразилось полтавское земство, «угрожающаго характера государственнаго бѣдствія», до тѣхъ поръ совершенно спокойно смотрятъ на полную безпризорность деревни. На медицинскую часть тратится очень мало, и недавно еще земскій докторъ Португаловъ сообщалъ, что въ Самарской губерніи на медицинскую часть расходуется 259.134 р. или по 12 к. на душу, на что, говоритъ г. Португаловъ, едва можно купить двѣ ложки касторовога масла.

«Что населеніе Самарской губерніи,—продолжаетъ г. Португаловъ:—на каждомъ шагу нуждается буквально въ правильной медицинской помощи, — этому можно бы привести сотни доказательствъ. Нерѣдко безвыходнымъ положеніемъ крестьянства пользуется всякій встрѣчный и поперечный. По донесенію одного санитарнаго врача, за отсутствіемъ правильной медицинской помощи, крестьяне прибѣгаютъ къ помощи разныхъ знахарей, которые обходятся народу весьма недешево, и охотно даже лѣчатся у монаховъ, странствующихъ теперь по губерніи и пришедшихъ съ Аѳонской горы. Эти монахи хотя и служатъ молебны съ чудотворной иконой, но въ то же время занимаются лѣченіемъ всѣхъ недуговъ и за свои услуги собираютъ съ крестьянъ весьма чувствительную дань, которая выражается телѣгами, нагру-

женными хлѣбомъ, разнаго рода печеньемъ и живностью: курами, поросятами, ягнятами, баранами, овцами, даже коровами, но чаще всего деньгами. Меня увѣряли крестьяне, что въ селѣ Маломъ Толкаѣ, населенномъ мордвою, въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, монахи собрали со всего села болѣе 3.000 руб. сер., а въ Мордовскихъ Ключахъ, того же Бугурусланскаго уѣзда, болѣе 4.000 руб. сер. Такъ какъ монахи рѣшились посѣтить всѣ села Самарской губерніи, коихъ считается болѣе 2.000, то надо полагать, что сборъ получится весьма почтенный. Само собою понятно, что даже и пятой части такого сбора было бы совершенно достаточно для улучшенія санитарнаго положенія крестьянскаго населенія. И вотъ въ то время, какъ наши разные лежебоки отдѣлываются звучной фразой, что всему помѣха—«невѣжество русскаго народа», аѳонскіе монахи потираютъ руки отъ удовольствія, что они попали въ такую благодатную страну».

Губернія, про которую пишетъ докторъ, одна изъ сравнительно богатыхъ губерній. Тамъ, быть-можетъ, и возможно добиться улучшенія санитарныхъ условій земскими средствами, хотя и эти улучшенія едва ли будутъ имѣть серьезное значеніе. Что же касается большинства губерній Россіи, то едва ли земства съ своими скудными средствами въ состояніи сдѣлать что-нибудь серьезное въ этомъ смыслѣ. Изыскивать новыя средства, при существующемъ положеніи, значитъ обременять населеніе новымъ налогомъ, что̀ является nonsens'омъ, и поневолѣ земскимъ учрежденіямъ приходится только смотрѣть и разводить руками. Земство, въ кругѣ дѣятельности, предоставленномъ ему законоположеніями, является лишь однимъ изъ фискальныхъ учрежденій съ правомъ ходатайства обо всѣхъ чуть-чуть серьезныхъ вопросахъ. Само земство не имѣетъ почти никакой иниціативы; апатія или забота о земскихъ мѣстахъ суть обычныя явленія дѣятельности русскаго самоуправленія при подобныхъ условіяхъ.

Если, Дженни, ограничиться только офиціальными свѣдѣніями, то изъ нихъ можно заключить, что экономическое положеніе населенія таково, что для дѣйствительнаго и серьезнаго санитарнаго улучшенія необходимы общія мѣры, а не частныя. Факты, съ которыми приходится встрѣчаться какъ въ офиціальныхъ, такъ и въ частныхъ изданіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію быта населенія, таковы, что общая картина внушила бы серьезныя размышленія.

По счастію однако-жъ русскіе, съ которыми приходится встрѣчаться, по обыкновенію, не задумываются, надѣясь на волю Божію и на нѣсколько десятковъ комиссій, занятыхъ различными вопросами. Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать объ этомъ, и я, признаться, только изумлялся легкости, съ которой разсуждаютъ многіе даже почтенные джентльмены.

Я, конечно, не рискну, Дженни, впасть въ превратныя сужденія, дѣлая слишкомъ поспѣшныя обобщенія своихъ наблюденій надъ рус-

ской жизнью, но все-таки позволю себѣ замѣтить, отдавая полную дань прекраснымъ качествамъ русскихъ, что иностранцу невольно кидается въ глаза отсутствіе здѣсь жизни и дѣятельности, а равно и отсутствіе живыхъ, дѣятельныхъ людей въ области дѣятельности, не имѣющей ничего общаго съ опустошеніемъ кассъ или чьего-нибудь достоянія. Эта сторона—надо быть справедливымъ—дѣлаетъ большіе успѣхи, но зато другія стороны человѣческой дѣятельности какъ будто замерли. Нѣтъ спора, что всѣ функціи отправляются и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ, но эти отправленія какъ-то безжизненны, вялы и напоминаютъ скорѣе отбываніе урока, чѣмъ настоящую живую дѣятельность. Ты видишь здѣсь какую-то сутолоку, но уловить смыслъ ея рѣшительно невозможно. Ты можешь встрѣтить среди людей интеллигенціи (разумѣется, я не заикаюсь о «черномъ» классѣ: онъ въ счетъ здѣсь не принимается) почтенныхъ чиновниковъ, полезныхъ работниковъ, добродѣтельныхъ отцовъ, либеральныхъ въ домашнемъ обиходѣ людей, но людей, близко принимающихъ къ сердцу общіе интересы, людей, живущихъ вполнѣ общественной жизнью, людей съ идеалами, проводимыми въ жизнь,—какъ будто незамѣтно...

Но было бы несправедливо сказать, что ихъ нѣтъ. Несомнѣнно, они существуютъ, но они незамѣтны, и, если вѣрить разсказамъ, они живутъ по разнымъ захолустьямъ, выдумывая себѣ дѣятельность.

Я благоразумно ограничусь, Дженни, вышеналоженными замѣчаніями, хотя и сознаю неполноту ихъ для уясненія вопроса. Но въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мною руководитъ единственно добросовѣстность и боязнь ошибочныхъ опредѣленій и выводовъ. Многія русскія газеты, правда, не стѣсняются въ этомъ, но, надѣюсь, ты не будешь въ претензіи, если въ данномъ случаѣ я не стану слѣдовать примѣру почтенныхъ русскихъ публицистовъ.

Кстати, вспомнивъ о нихъ, я не могу не сообщить тебѣ, что съ Новаго года русская пресса обогащается еще новымъ изданіемъ. Издатель новой газеты—какъ говорятъ, весьма бойкій и опытный журналистъ, мистеръ Трубниковъ. Онъ издавалъ прежде «Биржевыя Вѣдомости», продалъ ихъ и купилъ «Новое Время», продалъ и «Новое Время» и нѣкоторое время оставался безъ дѣятельности, но въ прошломъ году издавалъ «Телеграфъ» и «Биржевую Газету». Собственно говоря, онъ не издавалъ послѣднихъ изданій, а только собралъ подписку, такъ какъ вмѣсто того, чтобы ежедневно выпускать въ свѣтъ названныя двѣ газеты, онъ выпускалъ ихъ не регулярно, руководясь болѣе вдохновеніемъ, иногда разъ въ недѣлю, иногда разъ въ мѣсяцъ, а то по большимъ праздникамъ, но наконецъ и совсѣмъ прекратилъ, разсчитывая, что подписчики съ успѣхомъ обойдутся и вовсе безъ изданій, за которыя заплатили деньги.

Но я обратилъ вниманіе твое на этого джентльмена вовсе не потому, чтобы онъ самъ по себѣ заслуживалъ какого бы то ни было

вниманія, а въ виду того оригинальнаго объявленія, которое онъ выпустилъ недавно. Это объявленіе—одна изъ недурныхъ и характерныхъ иллюстрацій для общей картины общественной русской жизни. Изъ него ты можешь видѣть, какія средства, какія обѣщанія могутъ разсчитывать на успѣхъ, и какіе джентльмены выступаютъ въ качествѣ руководителей, заручившись какъ будто бы какими-то связями. Несомнѣнно, что эти «связи»—humbug опытнаго и прошедшаго всѣ фильтры издателя. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ себя скомпрометировать связями съ названнымъ джентльменомъ. Это было бы ужъ черезчуръ. Но интересно, съ какою настойчивостью напускаетъ тумана издатель, напирая на «связи». Въ виду этого интереса я и приведу отрывокъ изъ объявленія г. Трубникова «къ читателямъ русскихъ газетъ».

По словамъ объявленія, русская печать не удовлетворяетъ своему назначенію. Однѣ газеты, «въ силу своей исключительности, лишены объективности и весьма склонны къ тенденціозности и къ искаженію мыслей, научныхъ истинъ и даже фактовъ», и представители этихъ газетъ, двѣ крайнія литературныя партіи: консервативная и либеральная, сливаются и «выступаютъ у насъ стройно только тогда, когда дѣло касается русской славы, русской чести, русскихъ завѣтовъ и преданій». Но что мучитъ главнѣйше почтеннаго г. Трубникова (помимо, разумѣется, вопроса о подписной суммѣ), это то, что въ русской журналистикѣ, по словамъ объявленія, «образовались и мелкія фракціи литературныхъ партій, — фракціи, лишенныя всякаго историческаго сознанія, всякаго живого національнаго чувства. Представители этихъ мелкихъ партій, такъ сказать, иностранцы въ Россіи, поютъ съ голоса, чуждаго русскому народу, относятся презрительно къ органическимъ началамъ его матеріальнаго и духовнаго быта, стараются сдвинуть его съ пути и дать ему направленіе противоестественное. Путемъ переводовъ и пропаганды ученій современнаго дешеваго европейскаго либерализма, эта часть журналистики внесла въ среду незрѣлыхъ и увлекающихся элементовъ русскаго общества массу идей, совершенно чуждыхъ воззрѣніямъ и историческимъ традиціямъ русскаго народа. Характеристическими чертами этой фракціи является перевѣсъ чувства надъ знаніемъ, крайнее легкомысліе къ предметамъ высокой важности и оппозиція правительству, насколько можетъ быть названа этимъ именемъ простая ассоціація чувствъ, не руководимыхъ сознаніемъ и убѣжденіемъ».

«Гдѣ люди—тамъ добро, но гдѣ люди—тамъ и зло!»—продолжаетъ г. Трубниковъ, добираясь до кармана подписчиковъ. Хотя перваго довольно въ русской печати, но и второе начинаетъ сильно развиваться, а именно въ исключительности консерваторовъ (у «Московскихъ Вѣдомостей», Дженни, хорошая подписка) и либераловъ (у національ-либераловъ «Новаго Времени» тоже дѣла, Дженни, идутъ недурно),

а потому-то онъ хочетъ отыскать примиряющій элементъ, который составляетъ, по его мнѣнію, неотложное требованіе времени, равно какъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, и неотложное требованіе финансовыхъ соображеній достопочтеннаго джентльмена. Но гдѣ же примиряющій, уравновѣшивающій и повѣрочный элементъ? По словамъ объявленія, русская «періодическая пресса не можетъ считаться выразительницею русскаго общественнаго мнѣнія до тѣхъ поръ, пока все ея содержаніе является продуктомъ частныхъ идей, частныхъ сообщеній, и слѣдовательно пока печать вращается въ частныхъ предѣлахъ».

Чтобы дать именно бо́льшую свободу печати, г. Трубниковъ рекомендуетъ, какъ провѣрочный элементъ, офиціальныя изданія (хотя, къ слову сказать, вся печать ими пользуется). «Правительство,—объясняетъ почтенный журналистъ: — знаетъ очень многое, чего не появляется въ газетныхъ изданіяхъ, и то, что̀ въ нихъ появляется, оно знаетъ гораздо лучше. Что же касается внѣшней политики нашего правительства, равно какъ и политики другихъ государствъ, то онѣ очерчены въ нашихъ газетахъ либо по догадкамъ, вытекающимъ изъ основной тенденціи газетъ, либо со словъ корреспондентовъ, либо наконецъ въ болѣе или менѣе сенсаціонныхъ отрывкахъ изъ частныхъ иностранныхъ газетъ. Между тѣмъ достовѣрный матеріалъ и основанныя на немъ объективныя соображенія заключаются на самомъ дѣлѣ въ офиціальныхъ и офиціозныхъ газетахъ. Такимъ образомъ,—продолжаетъ новый руководитель:—газета только въ томъ случаѣ можетъ исполнить свое назначеніе, когда она, независимо отъ заслуживающихъ довѣрія частныхъ источниковъ, обратится къ добросовѣстной разработкѣ матеріаловъ, сосредоточенныхъ въ органахъ, издаваемыхъ правительственными учрежденіями. Найти способы къ пользованію этимъ богатымъ матеріаломъ—было задачею, которой мы посвятили наши усилія за послѣднее время».

Усилія эти потребуютъ, разумѣется, обновленія личнаго состава редакціи, и, какъ заявляетъ г. Трубниковъ, труды его не могутъ не увѣнчаться успѣхомъ въ виду обѣщаннаго ему участія «со стороны лицъ, могущихъ по положенію своему съ полнымъ авторитетомъ высказываться о текущихъ вопросахъ и событіяхъ». Но, конечно, усилія требовали и времени.

«Еще въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года мы рѣшили преобразовать на вышеизложенныхъ основаніяхъ характеръ двухъ изданій: «Биржевой Газеты» и «Телеграфа». Подготовительная къ этому дѣятельность заняла у насъ больше времени, чѣмъ мы первоначально предполагали, поэтому наши изданія начнутъ выходить съ 1 января 1880 года».

Признаюсь, Дженни, несмотря на то, что я слышалъ, каковъ достопочтенный издатель, когда я прочиталъ до конца программу, узналъ, что въ новой газетѣ обѣщано содѣйствіе «авторитетныхъ лицъ», и сообразилъ, что печатаніе огромнаго объявленія все-таки стоитъ

денегъ, я все-таки подумалъ: а можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь столоначальникъ захотѣлъ имѣть свой органъ и потому обратился къ г. Трубникову. Вѣдь у насъ же есть органы разныхъ лицъ. Отчего-жъ и какому-нибудь столоначальнику не завести себѣ хотя бы «Биржевой Газеты»? Но когда я обратился за разъясненіями къ русскимъ журналистамъ, то они весело расхохотались.

— Помилуйте, милордъ, да зачѣмъ столоначальнику органъ? Онъ и безъ органа въ своемъ столѣ можетъ распоряжаться и высказывать авторитетно свои мысли. Станетъ онъ еще деньги на органъ тратить! Еще, того и гляди, за органъ въ отставку попадетъ. И наконецъ развѣ нѣтъ у насъ офиціальнаго органа?

— Но однако условія, о которыхъ говоритъ г. Трубниковъ... Онъ еще съ мая мѣсяца хотѣлъ преобразовать изданія, и подготовительная работа...

— Ха-ха-ха!..—раздался дружный смѣхъ, когда я заговорилъ о подготовительной работѣ. — Онъ называетъ подготовительной работой, вѣроятно, заготовленіе объявленія... Вѣдь онъ съ мая не выдавалъ подписчикамъ своихъ газетъ... Ну, а теперь, передъ Новымъ годомъ, время подписки... Онъ и приготовился... Быть-можетъ, клюнетъ...

— Такъ, вы думаете, никакихъ «авторитетныхъ лицъ»?..

— Просто думаемъ, что г. Трубниковъ—гусь... вотъ и все...

— И связи?..

— И связи—утка... Эхъ, милордъ, вы, кажется, и въ самомъ дѣлѣ думаете, что у насъ ищутъ связей съ журналистами... Да если-бъ и хотѣлъ журналистъ продать себя, такъ за него и двухъ двугривенныхъ не дадутъ, потому не стоитъ... И безъ связей можно всегда за ушко и на солнышко... А вы еще о какихъ-то связяхъ... Видно сейчасъ англичанина...

На этомъ мы и покончили разговоръ.

До слѣдующаго письма, дорогая Дженни. Въ слѣдующемъ письмѣ я познакомлю тебя съ интереснымъ докладомъ (офиціальнымъ) комиссіи, изслѣдовавшей дороги, принадлежащія извѣстному строителю г. Полякову.

Письмо сорокъ седьмое.

Дорогая Дженни!

Какъ видно, прошлый годъ порядочно-таки надоѣлъ русскимъ, такъ надоѣлъ, что даже и они, народъ, какъ ты знаешь, ласковый, добрый, незлопамятный, а терпѣнія, смѣло можно сказать, испытаннаго, — проводили старика холодно, совсѣмъ непривѣтливо и отступили отъ своего патріархальнаго обычая провожать съ хлѣбомъ и солью, съ добрыми пожеланіями, словомъ, какъ здѣсь говорятъ, «честь-честью» (NB. Прошу тебя не смѣшивать этого выраженія съ выраженіемъ: «просить честью»).

Старику прошлому году не только не поднесли благодарственнаго адреса (какъ обыкновенно здѣсь водится при проводахъ стараго начальства и при встрѣчѣ новаго), въ которомъ, по изстари заведенному порядку, перечислили бы всѣ его заслуги и добрыя дѣла (или же выдумали бы, по добросердечію, таковыя, если-бъ, къ изумленію, добрыхъ дѣлъ не оказалось), а простерли, Дженни, недоброжелательство къ старику до того, что даже не почтили его добрымъ напутственнымъ словомъ.

Только-что старикъ сошелъ въ могилу, какъ раздались сѣтованія и воздыханія, и на него посыпались упреки. Нечего, мнѣ кажется, и прибавлять, что упреки противъ него произносились въ самыхъ общихъ и эластическихъ выраженіяхъ, не входя въ излишнія подробности, какъ бы изъ деликатности къ его преемнику, который, пожалуй, могъ бы обидѣться за подобное разоблаченіе дѣйствій своего родителя.

«Скверный годъ», «тяжелый годъ», «недобрый годъ»—вотъ эпитеты, которыми проводили старика почти-что всѣ органы русской печати. Такъ же неодобрительно отнеслись къ нему, сколько мнѣ приходилось, по крайней мѣрѣ, слышать, и въ обществѣ. Всѣ на него были недовольны, хотя и изъ-за различныхъ побужденій. На старика были въ претензіи и старые и малые, и умные и глупые, либералы и консерваторы (впрочемъ, я употребилъ эти названія больше для краткости, такъ какъ истинное значеніе этихъ словъ неприложимо къ Россіи), охранители и спасители отечества — словомъ, всѣ, по выраженію блюстителей Страстного бульвара, приведены «къ одному знаменателю».

Припомнили старику все: и чуму, и «измѣну» Боткина, и пожары, и неотысканіе «поджигателей», и Юханцева, и общее поврежденіе нравовъ, и вагабонство болгарскихъ депутатовъ, вздумавшихъ бунтовать противъ князя, и даже «преступленіе» И. С. Тургенева, открытое благодаря усердію и опытности слишкомъ извѣстнаго джентльмена и литератора Болеслава Маркевича (объ этомъ интересномъ дѣлѣ въ свое время), — однимъ словомъ, припомнили всѣ бѣды, которыя принесъ умершій старикъ русскимъ, оставивъ ихъ къ Новому году поверженными въ страхъ и меланхолію, недоумѣвающими, гдѣ начинается «измѣна» и кончается благонамѣренность, за что можно получить аттестатъ зрѣлости и за что кличку измѣнника.

По долгу добросовѣстнаго наблюдателя я долженъ сказать, что несмотря на предпринятую немногими почтенными русскими газетами миссію возстановить бодрость и поднять духъ своихъ согражданъ, миссія эта все-таки не достигла удовлетворительныхъ результатовъ. Какая-то недоумѣвающая растерянность видится на лицахъ, слышится въ голосѣ, читается межъ строками, несмотря на серьезныя увѣщанія «Московскихъ Вѣдомостей», что растерянность будетъ сочтена ими за измѣну и виновные въ унынiи будутъ преданы оглашенію, несмотря

на неодобреніе унынія «Новымъ Временемъ» (спеціально, какъ тебѣ извѣстно, издающимся съ увеселительной цѣлью), несмотря даже на обѣщаніе изданія новой обширной газеты «Берегъ» подъ руководствомъ профессора Цитовича, которая, какъ слышно, обѣщаетъ окончательно водворить общее ликованіе и всѣхъ привести къ счастливой пристани послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ экскурсій въ область печальныхъ размышленій. Казалось бы, русскимъ, по свойственной имъ привычкѣ, оставалось только воскликнуть: «Разумѣйте языцы, яко съ нами Богъ!» и снова завинтить (они вистъ нашъ не одобряютъ) въ надеждѣ, что завтра снова придется винтить.

Я положительно, Дженни, теряюсь въ этомъ океанѣ вздоховъ, недомолвокъ, взаимныхъ обвиненій, науськиваній и намековъ. Если бы ты попросила меня точнѣе опредѣлить настроеніе общественнаго мнѣнія, то я былъ бы поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ узнать его довольно трудно здѣсь. Газеты, разумѣется, не могутъ быть названы выразителями общественнаго мнѣнія, а затѣмъ... затѣмъ остаются слухи и сплетни, разнообразіе которыхъ можетъ совсѣмъ сбить съ толку даже и аборигена страны, а не то что путешествующаго иностранца.

Читая, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости», можно придти къ заключенію, что всѣ «развращенные знаніемъ исторіи» (такъ презрительно называетъ лордъ Катковъ интеллигенцію вообще)—отъявленные враги отечества, которыхъ слѣдуетъ въ 24 часа «искоренить». Хотя въ этихъ обвиненіяхъ ты сразу чувствуешь фальшь, но все-таки даже и мнѣ, знатному иностранцу, которому городовой дѣлаетъ подъ козырекъ, становится какъ-то неловко, тѣмъ болѣе, что и въ нашъ огородъ бросаютъ камнями; но что же долженъ чувствовать русскій, вдобавокъ не знатный иностранецъ?.. Что, спрашиваю, долженъ онъ чувствовать, понимая, что какъ ни нелѣпы розыски почтенной газеты, но игнорировать ихъ невозможно и даже опровергать ихъ нельзя, а остается только молчать и спрашивать себя: «злодѣй я или благонамѣренный гражданинъ своей земли?» — ждать послѣдствій и, понятно, находиться въ унынiи...

Возьмешь въ руки «Голосъ»—какъ-то легче станетъ на душѣ, потому что, если вѣрить почтенной газетѣ, милордъ Катковъ нарочно пугаетъ, что «развращенные исторіей», напротивъ, самый консервативный элементъ, что они въ сущности очень повадливые и добрые ребята, и если претендуютъ, то лишь на то, что отъ нихъ хотятъ будто бы отнять право надѣяться и надѣяться... Но у нихъ права этого Страстной бульваръ не отниметъ. Они надѣются и будутъ надѣяться, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ раза три въ годъ, не болѣе, будутъ вынимать изъ ноженъ мечъ и перепечатывать на заглавномъ листѣ французскую пѣсенку: «Voilà le saЬre, le saЬre, le saЬre de mon père!» для уничтоженія враговъ отечества, къ которымъ лордъ Катковъ причисляетъ всѣхъ, кто не съ нимъ,—слѣдовательно противъ него... Затѣмъ

почтенная газета основательно доказываетъ, что многіе вопросы на очереди, что ими слѣдуетъ заняться, но что Страстной бульваръ мѣшаетъ заняться такъ, какъ слѣдуетъ. Ограждая общество отъ нападокъ, русскій «Times» заявляетъ, что «русское общество ни о чемъ не мечтаетъ», а вмѣстѣ съ начальствомъ стремится «къ крѣпкому законному порядку, ограждающему личность и законно-пріобрѣтенныя права каждаго, уваженіе къ законной свободѣ каждаго». Въ заключеніе почтенная газета надѣется, что въ будущемъ году если не разрѣшатся, то поставятся многіе важные вопросы. Старый годъ она проводила слѣдующимъ нелестнымъ для него напутствіемъ:

«1879 годъ прошелъ, и слава Богу! Страшный, невыносимо-тяжелый годъ,—годъ, когда жизнь была далеко не пріятнымъ «даромъ», когда то, что составляетъ существо и красоту жизни—мысль, чувство, сознаніе своихъ нравственныхъ силъ, стало ненужнымъ, а подчасъ и вреднымъ бременемъ. Казалось, вмѣсто людей изъ плоти и крови, съ сердцемъ и мыслью, нужны деревянные люди, безжизненные и бездушные».

Послѣ чтенія «Голоса» чувствуешь себя нѣсколько спокойнѣе, страхъ мало-по-малу начинаетъ проходить, видишь, что, въ самомъ дѣлѣ, въ разсужденіяхъ почтенной газеты вовсе нѣтъ тѣхъ разрушительныхъ элементовъ, которые старается выискать органъ оракула нѣкоторыхъ кружковъ, и удивляешься даже недальновидности «Московскихъ Вѣдомостей», бьющихъ въ набатъ и призывающихъ кары земныя и небесныя на такъ-называемыхъ «среднихъ людей», органомъ которыхъ выдаетъ себя газета достопочтеннаго мистера Краевскаго. Ничего опаснаго для «общественнаго благоустройства» не представляется въ разсужденіяхъ почтенной газеты. Желанія ея, какъ видишь, весьма благонамѣренныя, они нисколько не должны, казалось бы, смущать, но однако смущаютъ... Признаюсь, смущеніе это я, по крайней мѣрѣ, приписываю великому недоразумѣнію, которое, словно туманъ въ нашемъ Лондонѣ, виситъ надъ русской землей.

«Новое Время» не такъ сурово распрощалось со старикомъ прошлымъ годомъ, а Новый встрѣтило, по обычаю, пожеланіями. Къ крайнему изумленію, оно не пожелало на Новый годъ новой войны, не требовало Константинополя, а въ числѣ разныхъ пожеланій выразило, чтобы было «болѣе довѣрія къ прямотѣ и честности русскаго общества, къ его здравому смыслу, къ его вполнѣ искреннему настроенію». По словамъ газеты, «общество жаждетъ умиротворенія, оно съ негодованіемъ относится къ злодѣяніямъ, оно оскорблено присутствіемъ въ своей средѣ злодѣевъ; дайте просторъ этой здоровой силѣ—и она сокрушитъ зло, вырветъ его съ корнемъ, очиститъ атмосферу отъ вредныхъ міазмовъ...»

Какъ видишь, Дженни, почтенная газета отъ имени общества высказалась довольно категорически, имѣя въ виду все примирить и

всѣхъ успокоить. Насколько я успѣлъ ознакомиться съ разносторонею дѣятельностью мистера Суворина, онъ непремѣнно это сдѣлаетъ, т.-е. все примиритъ и всѣхъ успокоитъ, такъ какъ это человѣкъ поистинѣ на всѣ руки.

Напутствія другихъ газетъ, петербургскихъ и московскихъ, старому году тоже не отличались особенной любезностью. Исключеніе составляли только «Губернскія Вѣдомости»—газеты, издающіяся въ провинціи, которыя ни однимъ словомъ не обидѣли почтеннаго старца. Онѣ проводили и встрѣтили Новый годъ безъ всякихъ разсужденій.

Ты все-таки, Дженни, остаешься въ недоумѣніи относительно мнѣній всей печати («Три газеты—развѣ вся печать!»—спрашиваешь ты не безъ основанія) и относительно новыхъ способовъ корчеванія, предлагаемыхъ нѣкоторыми органами русской журналистики.

Къ сожалѣнію, я не могу удовлетворить твоему любопытству, такъ какъ не всѣ органы высказываются по этому поводу съ той категоричностью, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, съ какой высказывались и высказываются, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости». Многіе органы даже и вовсе молчатъ и, вмѣсто углубленія въ почву, изслѣдуютъ движеніе небесныхъ свѣтилъ или углубляются въ дебри древней исторіи, находя, что для такихъ экскурсій теперь самое подходящее время. И когда читатель требуетъ «злобы дня», то ему все-таки даютъ египетскій романъ или «борьбу партій въ Абессиніи». Онъ, какъ существо любознательное и вдобавокъ требующее за свои 16 или 17 руб. непремѣнно «злобы дня», опять-таки пишетъ и проситъ «злобы», но ему на это въ видѣ «злобы» присылаютъ изслѣдованіе «О положеніи германскихъ городовъ въ XIV вѣкѣ» и на письма подписчика не отвѣчаютъ, несмотря даже на приложенныя почтовыя марки. Само собою разумѣется, подписчикъ изъявляетъ неудовольствіе и бросается къ органамъ, гдѣ все-жъ-таки можно найти «злобу», и не просто «злобу дня», но даже съ увеселительными иллюстраціями. Такимъ образомъ розничная продажа у органовъ, бесѣдующихъ о «злобѣ дня», увеличивается, и они не безъ гордости говорятъ, что ихъ очень читаютъ, и успѣхъ распространенія объясняютъ успѣхомъ своихъ идей. Едва ли однако это вѣрно. Если судить по количеству продающихся экземпляровъ, то самымъ лучшимъ изданіемъ слѣдовало бы считать книгу: «Битва русскихъ съ кабардинцами», которая расходится въ 100.000 экземпляровъ, или «Премудрость Соломона» (это, Дженни, очень популярная гадательная книжка, предлагающая нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ), которой на нижегородской ярмаркѣ расходится до 50.000 экземпляровъ.

Въ одномъ изъ ближайшихъ моихъ писемъ я, впрочемъ, познакомлю тебя съ содержаніемъ нѣсколькихъ проектовъ, еще не изданныхъ въ свѣтъ, рукописи которыхъ я удостоился получить отъ авторовъ въ качествѣ знатнаго иностранца. Проекты всеобщаго умиротво-

репія «быстро и рѣшительно», какъ увидишь, дѣйствительно рѣшительны и, по мнѣнію авторовъ, людей почтенныхъ, съ Божьей помощью и при добромъ исполненіи, дадутъ хорошіе результаты. Пока до слѣдующаго письма.

Чуть-было не забылъ сообщить тебѣ, Дженни, что я тоже занятъ теперь составленіемъ книги: «Жизнеописанія знаменитыхъ расхитителей». Свѣдѣнія и матеріалы мнѣ обѣщаны самые подробные, и книга, смѣю надѣяться, выйдетъ хорошая, которую можно будетъ рекомендовать во всѣ учебныя заведенія, въ полки, въ земскія учрежденія и предводителямъ дворянства, и такимъ образомъ я могу получить весьма приличную сумму, особенно если можно будетъ какъ-нибудь устроить обязательную выписку моей книги, на что я имѣю нѣкоторую надежду. Признаюсь, на эту счастливую мысль натолкнулъ меня князь Мещерскій, авторъ знаменитой «Улики» и многихъ романовъ. Онъ составилъ «Военные разсказы», которые распространяетъ при помощи упомянутыхъ мною средствъ, и собираетъ такимъ образомъ изрядную контрибуцію. Въ газетахъ сообщалось, что многія гимназіи пріобрѣли уже экземпляры «Военныхъ разсказовъ», и недавно московскій корреспондентъ «Голоса» сообщилъ, что и «бѣдныя средствами ученическія библіотеки московскихъ гимназій не избѣжали участи другихъ, и на нихъ также наложена контрибуція князя Мещерскаго. Гимназіямъ предложено пріобрѣсти по десяти экземпляровъ «Военныхъ разсказовъ», изданныхъ княземъ Мещерскимъ, что̀ сто̀итъ около 200 рублей. Принимая число учебныхъ заведеній, на худой конецъ, около 100, получимъ, или, вѣрнѣе, князь Мещерскій получитъ контрибуціи около 20.000 рублей за разсказы, доставленные другими и сшитые княземъ Мещерскимъ на живую нитку. Надѣюсь, прибавляетъ корреспондентъ, теперь не будетъ плакаться князь, что невыгодно быть сшивателемъ чужихъ разсказовъ»

Дѣло, какъ видишь, сдѣлано «чисто», и я хочу попробовать, не удастся ли и мое дѣльце. Пока до слѣдующаго письма.

Письмо сорокъ восьмое.

Дорогая Дженни!

Давно уже желѣзныя дороги, принадлежавшія Самуилу Полякову,— а такихъ дорогъ, Дженни, цѣлыхъ три, общее протяженіе коихъ равняется 2.000 верстъ,—возбуждали многочисленныя нареканія. Жаловались пассажиры и грузоотправители. Объ администраціи поляковскихъ дорогъ ходили чудовищные разсказы. Взятки и поборы, по слухамъ, на дорогахъ были въ полномъ ходу. О постройкѣ дороги, объ освидѣтельствованіи ея мѣстные жители разсказывали вещи, похожія болѣе на сказки, чѣмъ на правду,—однимъ словомъ, достаточно было бы тебѣ разъ проѣхать по Курско-Харьковско-Азовской или по Воронежско-Ростовской желѣзной дорогѣ, чтобы наслышаться всевозмож-

ныхъ ужасовъ и чудесъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже и убѣдиться своими глазами. Южный край, гдѣ проходятъ названныя дороги, просто вылъ отъ вопіющихъ безпорядковъ. Жалобы тысячами подавались инспекторамъ и въ министерство путей сообщенія. Грузы валялись и гнили по цѣлымъ мѣсяцамъ. Багажъ пропадалъ. Никакихъ объясненій отъ управленія дороги нельзя было добиться.

Наконецъ правительство назначило комиссіи для освидѣтельствованія дорогъ г. Полякова, и результатомъ ихъ явились офиціальные доклады. Извлеченія изъ этихъ докладовъ, сдѣланныя въ «Новомъ Времени», представляютъ такую характерную картину, что на нихъ стоитъ остановиться.

Эти офиціальныя данныя, собранныя двумя комиссіями (одной подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника барона Шернваля, другой — подъ предсѣдательствомъ генерала Поземковскаго), представляютъ сводъ такихъ обвиненій и раскрываютъ такія чудовищныя подробности, что всѣ вышеприведенныя нареканія ничто въ сравненіи съ офиціальными данными. Если бы на этихъ данныхъ не было офиціальной пломбы, то можно было бы заподозрѣть въ преувеличеніяхъ,—до того поражаютъ подробности, раскрытыя комиссіями и разсказанныя дѣловымъ сухимъ языкомъ.

Это, Дженни, цѣлая желѣзнодорожная эпопея, полная всевозможныхъ неожиданностей и воистину диковинныхъ фокусовъ и такой «чистоты въ отдѣлкѣ» (такъ, Дженни, называютъ въ Россіи ловкое обдѣлываніе дѣлишекъ), что остается только дивиться, какъ эта «чистота» явилась на свѣтъ Божій только теперь, когда... когда правительство уже переплатило громадное количество денегъ по гарантіи, и когда впереди нѣтъ даже возможности какъ-нибудь выпутаться изъ тенетъ, очаровательно раскинутыхъ героемъ эпопеи, такъ что и въ данномъ случаѣ русскіе могутъ пропѣть, какъ карабинеры: «nous arrivons, nous arrivons toujours trop tard».

Герой эпопеи—Самуилъ Поляковъ, лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ безвѣстный мелкій подрядчикъ, о которомъ знали только нѣкоторые инженеры, имѣя съ нимъ отношенія, нерѣдко слишкомъ жесткія въ минуты раздраженія,—въ настоящее время обладатель трехъ дорогъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ орденовъ, благотворитель, крупный дѣлецъ, портреты котораго печатались въ иллюстраціяхъ съ приличными біографіями, начальникъ цѣлой арміи служащихъ, раздающій инженерамъ жалованье, отъ котораго не отказался бы даже князь болгарскій. Вотъ этотъ-то герой и явился въ офиціальной эпопеѣ чѣмъ-то въ родѣ современнаго Каліостро, умѣя пользоваться обстоятельствами, умѣя обставить дѣло постройки въ такія курьезныя формы, которыя показали, что герой эпопеи — дѣйствительно герой нашего времени. Но въ настоящее практическое время никакой герой не можетъ свершать баснословныхъ подвиговъ, не имѣя

для нихъ, такъ сказать, почвы, и офиціальная эпопея даетъ недурной матеріалъ для уясненія, при какихъ обстоятельствахъ и на какой почвѣ возможны всѣ эти подвиги, исчисленію которыхъ посвящены два офиціальныхъ доклада. Обратимся однако къ даннымъ комиссій, Дженни, и, пожалуй, проштудировавши ихъ, мы вмѣстѣ съ тобой придемъ если не къ оправданію героя, то, по крайней мѣрѣ, къ развѣнчанію его сверхъестественнаго геройства, найдя ключъ къ уразумѣнію настоящаго смысла всей эпопеи.

Теперь я приступаю къ выпискамъ изъ извлеченія доклада комиссіи, ревизовавшей Курско-Харьковско-Азовскую дорогу. Къ сожалѣнію, подлиннаго доклада у меня нѣтъ, а потому я пользуюсь извлеченіемъ, напечатаннымъ въ «Новомъ Времени».

«Комиссія свое изслѣдованіе начала съ исторіи дороги и ясно доказываетъ, что, уже согласно договорамъ на концессію и уставу, было допущено явное несоотвѣтствіе отвѣтственности двухъ сторонъ: при ничтожномъ обезпеченіи предпріятія г. Полякова залогомъ въ 1,000.000 руб., который при томъ же возвращался по мѣрѣ производства работъ, въ то же время отпускался въ безконтрольное распоряженіе учредителя акціонерный капиталъ въ 12,971.000 руб. Въ рукахъ казны оставался лишь облигаціонный капиталъ, изъ котораго и были покрыты, повидимому, всѣ расходы по постройкѣ.

«Договоры, не давая права учредителю приступать къ работамъ до утвержденія проектовъ министромъ путей сообщенія, въ то же время не опредѣляли сроковъ учредителю для представленія ихъ, а министру для утвержденія представленнаго. Неясность этого условія имѣла практическимъ результатомъ производство большей части работъ безъ предварительнаго утвержденія проекта, что, въ свою очередь, дало возможность учредителю соблюсти свои выгоды, уменьшивъ значительно количество работъ, во вредъ дорогѣ.

«Такимъ образомъ количество земляныхъ работъ было вычислено при поперечной профили въ выемкахъ съ бермами. Въ дѣйствительности же, хотя учредитель получилъ уплату по расцѣночной вѣдомости, но поперечную профиль исполнилъ безъ бермъ.

«Благодаря подобнымъ упущеніямъ, не учредитель сталъ въ зависимость отъ министерства путей сообщенія, но министерство оказалось въ зависимости отъ большей или меньшей исправности г. Полякова; при этомъ договоры оставляли еще послѣднему широкое поле для возбужденія исковъ на министерство при толкованіи послѣднимъ темныхъ указаній договоровъ не въ пользу г. Полякова.

«Комиссія доказываетъ даже невозможность для г. Полякова въ столь краткое время, какое было назначено по договору, произвести работы по постройкѣ дорогъ вполнѣ правильно и довести ихъ до надлежащей степени оконченности. 534 версты Харьковско-Азовской желѣзной колеи были заявлены учредителемъ готовыми къ открытію

по прошествіи 22 мѣсяцевъ съ начала работъ, при чемъ въ этотъ промежутокъ времени вошли и 6 зимнихъ мѣсяцевъ. Срокъ этотъ крайне малъ, особенно при существованіи глубокихъ выемокъ и высокихъ насыпей, для послѣдовательной работы по перемѣщенію массы земли въ 2,644.420 куб. саж., развозки и разсыпки балласта и для укладки пути. При такой спѣшности работъ нельзя допустить, чтобы насыпи возводились во всю свою ширину въ два пути, и притомъ правильными нетолстыми слоями съ тщательной утрамбовкой—условіе очень важное для правильной и достаточной первоначальной осадки насыпей, которыя должны быть подготовлены для укладки на нихъ верхняго строенія дороги».

Но передъ открытіемъ дороги она свидѣтельствовалась комиссіей инженеровъ? На это офиціальныя данныя даютъ такой отвѣтъ:

«Комиссія, свидѣтельствовавшая дорогу передъ открытіемъ движенія, хотя и промчалась по ней на курьерскихъ, но не могла не замѣтить, что недодѣлокъ самыхъ существенныхъ—пропасть. Для исполненія этихъ недодѣлокъ назначены были опредѣленные сроки, и департаментомъ желѣзныхъ дорогъ предписано инспектору доносить ежемѣсячно о ходѣ работъ по исполненію недодѣлокъ, но инспекторъ, во исполненіе этого предписанія, представилъ только одинъ или два раза срочныя свѣдѣнія; впослѣдствіи же, не понуждаемый департаментомъ къ исполненію предписаннаго, инспекторъ доставлялъ свѣдѣнія о ходѣ исполненія недодѣлокъ въ неопредѣленные сроки, преимущественно вслѣдствіе особыхъ каждый разъ предписаній департамента или главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Поэтому въ разсмотрѣнныхъ комиссіей дѣлахъ не имѣется сколько-нибудь положительныхъ свѣдѣній о положеніи недодѣлокъ на дорогѣ въ теченіе опредѣленныхъ періодовъ времени. Безошибочно можно сказать только одно, что рѣдкая изъ недодѣлокъ была окончена къ сроку, опредѣленному для нея комиссіею, что въ свѣдѣніяхъ, относящихся къ срокамъ исполненія недодѣлокъ, замѣчается множество противорѣчій и неправильностей, и наконецъ, что исполненіе недодѣлокъ продолжалось въ теченіе 6—7 лѣтъ послѣ открытія дороги, а многое было исполнено даже и къ іюню 1878 года, когда комиссія барона Шернваля подробно осматривала дорогу».

Недодѣлки эти совершались въ счетъ эксплоатаціонныхъ расходовъ, тогда какъ онѣ должны были совершаться на счетъ строительнаго капитала, черезъ что расходы еще болѣе увеличились, и слѣдовательно правительству приходится больше приплачивать гарантіи. По словамъ отчета комиссіи, вся текущая хозяйственная часть находится въ дурномъ положеніи. Ни рельсы, ни подвижной составъ, ни запасныя части своевременно не пополняются, а доброкачественность какъ работъ, такъ и матеріаловъ оставляетъ желать многаго.

«Тою же нехозяйственностью объясняются и другіе непорядки и неустройства на дорогѣ, какъ, напримѣръ, въ путяхъ много изношен-

ныхъ рельсовъ, гнилыхъ шпалъ, недостаетъ подкладокъ подъ рельсы, недостаетъ весьма много нижняго балласта, который нерѣдко глинистъ; верхній слой балласта не изъ щебня, а изъ крупнаго камня; искусственныя сооруженія и зданія содержатся неисправно; водоснабженія устраиваются тамъ, гдѣ нѣтъ воды, или же она по качествамъ своимъ негодна; подвижной составъ неисправенъ, не ремонтируется надлежащимъ образомъ; вагоны пропадаютъ сотнями; вновь строимые вагоны дѣлаются изъ сырого лѣса и скрѣпляются болтами изъ негоднаго желѣза; агенты, которые должны находиться безотлучно на дорогѣ, не имѣютъ помѣщеній, живутъ подъ баками въ водоемныхъ зданіяхъ или землянкахъ, а стрѣлочники нерѣдко по деревнямъ, въ разстояніи отъ 5 до 8 верстъ.

«Факты эти существуютъ, а между тѣмъ средства, бывшія въ распоряженіи г. Полякова и израсходованныя со времени открытія движенія по дорогѣ, таковы, что при раціональномъ ихъ расходованіи дорога должна бы быть въ настоящее время если не вполнѣ законченною устройствомъ, то настолько развита, съ правильно организованною администраціею, что ни вышеизложенныхъ недостатковъ ни жалобъ со стороны отправителей, промышленниковъ и мѣстныхъ представительствъ не должно бы быть, а главное—не требовалось бы значительныхъ приплатъ отъ правительства, составившихъ уже, какъ мы говорили, болѣе 26 милл. руб., сверхъ тѣхъ 52 милл. руб., въ которые обошлась дорога при первоначальной постройкѣ и которые гарантировало правительство.

«Требуя отъ казны милліоновъ и десятковъ милліоновъ, дорога г. Полякова сама незаконно уклоняется отъ уплаты даже самыхъ мелочныхъ государственныхъ налоговъ».

Такъ, оказалось, что изъ разсмотрѣнныхъ представителемъ государственнаго контроля (членомъ комиссіи) 235 контрактовъ не оказалось ни *одного контракта*, написаннаго на гербовой бумагѣ. Было бы слишкомъ утомительнымъ приводить массу фактовъ изъ этой эпопеи. Приведу только слѣдующее мнѣніе комиссіи, нѣсколько выясняющее, почему г. Полякову даже выгодна неисправность дороги (не забудь, что онъ de facto одинъ владѣлецъ дороги. Правленіе—миѳъ, а равно миѳъ—общество: весь акціонерный капиталъ у Полякова, слѣдовательно онъ одинъ—общество):

«Гдѣ есть акціонерное общество,—говоритъ комиссія:—тамъ есть частный интересъ нѣсколькихъ лицъ, тамъ приливомъ грузовъ, какъ явленіемъ благопріятнымъ, стараются воспользоваться и принимаютъ всякія мѣры къ привлеченію грузоотправителей, такъ какъ это обусловливаетъ увеличеніе дивиденда. Если же акціонерный капиталъ предпріятія, гарантированнаго правительствомъ, сосредоточенъ въ рукахъ одного лица, то тутъ не остается мѣста заботамъ о привлеченіи грузовъ и объ увеличеніи способности дороги перевозить все полу-

чаемое, потому что за облигаціонный долгъ отвѣчаетъ правительство, а доходъ съ акцій гарантированъ и слѣдовательно нисколько не зависитъ отъ успѣшнаго веденія дѣла. Напротивъ, есть даже выгода въ томъ, если эксплоатація дороги въ дурномъ состояніи, потому что, чѣмъ настоятельнѣе будутъ жалобы, тѣмъ скорѣе правительство дастъ ссуду, чтобы не остановить движенія; а всякая ссуда даетъ извѣстный барышъ поставщику предметовъ и работъ, въ особенности если поставщикомъ является самъ хозяинъ дороги».

Между тѣмъ комиссія пришла къ убѣжденію, что никакія ссуды и субсидіи не помогутъ при существующемъ отношеніи правленія Курско-Харьковско-Азовской дороги къ дѣлу, и что чѣмъ дальше, тѣмъ чаще будетъ г. Поляковъ просить ссудъ, грозя, въ противномъ случаѣ, прекращеніемъ движенія, и потому комиссія полагаетъ, «что для окончательнаго уничтоженія существующаго зла въ эксплоатаціи Курско-Харьковско-Азовской дороги и полученія увѣренности, что дорога будетъ наконецъ удовлетворять тѣмъ интересамъ, для которыхъ она построена, наиболѣе цѣлесообразной и полезной мѣрой были бы выкупъ дороги и дальнѣйшая эксплоатація ея правительствомъ.

«Если же выкупъ дороги будетъ признанъ несвоевременнымъ, единственнымъ мѣропріятіемъ должно быть устраненіе возможности на будущее время произвольной эксплоатаціи дороги, съ какой цѣлью слѣдуетъ желать организаціи сильнаго и компетентнаго контроля надъ дѣйствіями администраціи Курско-Харьковско-Азовской дороги. Предлагаемый въ такомъ случаѣ контроль, по мнѣнію комиссіи, полезно было бы организовать при правленіи общества назначеніемъ членовъ отъ министерствъ путей сообщенія, финансовъ, военнаго и государственнаго контроля».

Относительно отвѣтственности строителя въ комиссіи вышло нѣкоторое разнорѣчіе. Всѣ винили одного строителя, какъ главнаго во всемъ виновника, но членъ отъ государственнаго контроля не согласился съ этимъ мнѣніемъ и въ особой запискѣ, приложенной къ отчету, между прочимъ, доказываетъ, что отвѣтственность съ героемъ должны раздѣлить и другія лица.

«Дѣйствительно,—говоритъ г. Хмыровъ:—если бы департаментъ желѣзныхъ дорогъ настаивалъ на своевременномъ представленіи строителемъ проектовъ сооруженій и самъ своевременно ихъ разсматривалъ; если-бъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, чрезъ посредство мѣстной инспекціи, наблюдалъ, чтобы не производились сооруженія, проекты на которыя еще не утверждены или даже и не представлены на разсмотрѣніе; если бы мѣстная инспекція имѣла наблюденіе, чтобъ въ сооруженіяхъ не допускались измѣненія противъ проекта, безъ предварительнаго на это разрѣшенія; если бы свидѣтельствующія комиссіи не разрѣшали, вопреки существующихъ правилъ, открытіе движенія на дорогѣ, въ значительной степени еще не готовой къ тому,

и вообще произвели бы освидѣтельствованіе съ большею обстоятельностью и подробностью, не допуская неумѣстной въ этомъ дѣлѣ поспѣшности, и наконецъ если бы понужденіе общества дороги со стороны мѣстной инспекціи, а этой послѣдней со стороны министерства, относительно исполненія недодѣлокъ было постояннѣе и настойчивѣе,— то нѣтъ сомнѣнія, что ни ухудшенія въ самомъ сооруженіи линіи ни значительная доля жалобъ, неудовольствій и безпорядковъ на дорогѣ не имѣли бы мѣста».

Только напрасно поднятъ вопросъ объ отвѣтственности. Почтенный строитель неуязвимъ. «Онъ уже давно предупредилъ,—какъ сообщаетъ нѣкто въ «Новомъ Времени»:—гарантировавъ себя прочно и на долгія времена. Дѣло вотъ въ чемъ. Лѣтъ шесть или семь тому назадъ, пользуясь существовавшимъ въ нашихъ высшихъ финансовыхъ сферахъ убѣжденіемъ къ великой пользѣ для Россіи привлеченія иностранныхъ капиталовъ, г. Поляковъ скомбинировалъ слѣдующую операцію: подъ залогъ всѣхъ почти единолично принадлежащихъ ему гарантированныхъ акцій Козловско-Воронежской, Орловско-Грязской и другихъ желѣзныхъ дорогъ выпустилъ въ Берлинѣ на 36 милліоновъ марокъ (12 мил. талеровъ) 5-ти-проц. облигацій, погашаемыхъ тиражомъ, и вырученныя этимъ путемъ суммы получилъ въ свое частное распоряженіе; акціи же, служащія залогомъ, внесены въ Государственный банкъ въ Петербургѣ подъ особую квитанцію, хранящуюся у берлинскихъ банкировъ, а выплачиваемая по нимъ русской казной 5-ти-процентная гарантія поступаетъ къ тѣмъ же банкирамъ для оплаты купоновъ выпущенныхъ облигацій. Такимъ образомъ ни наложить запрещеніе на акціи г. Полякова, ни пріостановить выдачу по нимъ гарантированныхъ процентовъ, ни употребить эти проценты на исправленіе его дорогъ нельзя. Берите, пожалуй, дороги въ казенное управленіе; этимъ только прекратится дальнѣйшее эксплоатированіе ихъ въ пользу кармана г. Полякова (и то ужъ хорошо бы!), но изъ его кармановъ ничего не получится, а казнѣ все же придется затратить еще многіе милліоны, чтобы довести положеніе поляковскихъ желѣзныхъ дорогъ до удовлетворительной степени».

Заканчивая письмо, я уже не спрашиваю тебя, Дженни, такъ ли виноватъ достопочтенный строитель, какъ казалось сначала. Вѣдь главная его вина собственно въ томъ, что онъ очень ловкій и умный человѣкъ, по профессіи дѣлецъ, и, что важнѣе всего, знаетъ, какъ здѣсь говорятъ, «гдѣ зимуютъ раки».

That is the question.

Письмо сорокъ девятое.

Дорогая Дженни!

Праздники я провелъ весело: былъ на двухъ елкахъ и встрѣтилъ Новый годъ очень пріятно въ семействѣ одного почтеннаго русскаго

джентльмена, большого поклонника англичанъ и нашихъ порядковъ. Этотъ джентльменъ живетъ, какъ прописываютъ здѣсь дворники, «на свои капиталы». Имѣя независимое состояніе, онъ продолжаетъ ссору съ департаментомъ, въ которомъ однако числится для полученія чиновъ и небольшого вознагражденія, какъ онъ, смѣясь, говоритъ, «на галстуки», не отыскиваетъ никакихъ «корпей» и живетъ въ свое удовольствіе. Онъ много путешествовалъ, оставилъ двѣсти десятинъ орловскаго чернозема въ Монте-Карло (жена его, почтенная женщина, впрочемъ, объ этомъ и не догадывается) и лѣтъ съ пять тому назадъ окончательно поселился въ Петербургѣ и отъ скуки иногда ходитъ въ городскую думу и по временамъ произноситъ тамъ спичи.

У него встрѣчало Новый годъ большое общество: нѣсколько дамъ и мужчинъ, принадлежащихъ къ порядочному кругу. Было нѣсколько представителей помѣстной интеллигенціи, одинъ адвокатъ, два или три генерала, одинъ литераторъ и одинъ пріѣзжій изъ Москвы молодой джентльменъ, большой поклонникъ Каткова, нѣсколько смущавшій даже своими мнѣніями хозяина, который, въ качествѣ либерала, шокировался нѣсколько откровенными бесѣдами молодого человѣка изъ Москвы.

Молодой человѣкъ изъ Москвы мнѣ даже понравился своей искренностью и откровенностью. По крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ настолько гражданскаго мужества, что не стѣснился прямо объявить себя ретроградомъ и храбро вступить въ споръ съ однимъ адвокатомъ, объявившимся либераломъ. Впрочемъ, недавно несравненно большее мужество выказалъ профессоръ русской исторіи Иловайскій, изобрѣтатель складныхъ корабликовъ, пропагандистъ индійскаго похода, сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ, Дженни, напечаталъ въ послѣднемъ изданіи «Краткихъ очерковъ русской исторіи», принятыхъ въ руководство во всѣхъ гимназіяхъ, что Катковъ «первый русскій публицистъ». Я не знаю, прибавлено ли къ этому: «подписка принимается тамъ-то и цѣна такая-то», но довольно и того, что профессоръ исторіи въ учебникѣ исторіи рекламируетъ своего alter ego. Но какъ ни похвальна пріязнь историка къ публицисту, тѣмъ не менѣе едва ли прилично выражать ее въ учебникѣ исторіи для гимназистовъ. Я не знаю, на какомъ основаніи почтенный профессоръ, имѣвшій возможность пропагандировать имя перваго публициста въ газетахъ, въ брошюрахъ, если угодно, въ афишахъ,—сдѣлалъ это въ учебникѣ! Если это сдѣлано для рекламы и пропагандированія гимназистамъ хорошаго направленія, то, мнѣ кажется, было бы несравненно приличнѣе и, пожалуй, цѣлесообразнѣе обязать гимназистовъ покупать бумагу, пеналы и вообще всѣ принадлежности не иначе, какъ съ портрѣтомъ почтеннаго издателя и съ надписью на видномъ мѣстѣ: «спаситель отечества». Наконецъ, мнѣ кажется, можно было бы почтенному профессору, ужъ если онъ такъ

влюбленъ въ «перваго русскаго публициста», взять примѣръ съ того изобрѣтателя «лучшей англійской вакцы», который, для распространенія фирмы, послалъ агента въ Египетъ и велѣлъ ему на пирамидахъ написать блестящей крупной чернью: «Лучшая англійская вакса. Лондонъ. Такая-то улица». Подобнымъ образомъ могъ бы поступить и почтенный профессоръ русской исторіи, предпринявъ путешествіе (натурально, съ ученой цѣлью) по Россіи и въ чужіе края. Запасшись кистью и блестящей чернью, онъ могъ бы на памятникахъ, на заборахъ, неспещренныхъ часто неблаговидными надписями, на стѣнахъ губернскихъ учрежденій—словомъ, на всѣхъ видныхъ мѣстахъ дѣлать надписи крупными буквами: «Первый русскій публицистъ. Спаситель отечества. Изобрѣтатель измѣнъ и ковъ. Лучшая газета. Благонадежность. Всего 17 рублей. Подписка принимается и пр.», и внизу подпись: «профессоръ Иловайскій, странствующій съ ученою цѣлью». Нѣтъ сомнѣнія, что со стороны мѣстныхъ управленій не встрѣтилось бы препятствія въ подобномъ ученомъ путешествіи профессора. Что же касается приличій, то они были бы въ послѣднемъ случаѣ соблюдены гораздо болѣе. Можно было бы сказать, что г. Иловайскій — оригинальный человѣкъ, но нельзя было бы сказать, что профессоръ унижаетъ свою науку. А теперь можно.

Пока шелъ споръ между молодымъ человѣкомъ изъ Москвы и адвокатомъ изъ Петербурга (молодой человѣкъ изъ Москвы говорилъ, что «рано», а молодой человѣкъ изъ Петербурга доказывалъ, что нисколько не «рано»), генералы играли въ винтъ, одинъ джентльменъ прокурорскаго надзора мягкимъ, пріятнымъ теноромъ разсказывалъ дамамъ значеніе шекспировскихъ трагедій, а хозяинъ отвелъ меня въ сторону и почтилъ своимъ исключительнымъ вниманіемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, чего, собственно говоря, онъ хочетъ и чего бы онъ желалъ Россіи. Онъ развивалъ передо мной довольно привлекательную картину, въ то время, какъ изъ угла долетали фразы молодого человѣка изъ Москвы:

— Да-съ... я ретроградъ и нисколько объ этомъ не печалюсь. Всѣ мы...

— Оригинальный господинъ, не правда ли?—какъ-то кисло улыбнувшись, проговорилъ хозяинъ. — У насъ еще есть такіе господа— ретрограды. Недаромъ онъ такой поклонникъ Страстного бульвара.

— Отчего исторія Россіи такъ грандіозна?—нимало не стѣсняясь, продолжалъ молодой человѣкъ изъ Москвы. — Оттого, собственно говоря, что мы вѣримъ и не разсуждаемъ.

— Я не скрою отъ васъ,—продолжалъ между тѣмъ мой хозяинъ:— что народъ нашъ, какъ и вездѣ, впрочемъ,—безсмысленное стадо, тураны какіе-то.

— Вы, кажется, ужъ слишкомъ нападаете, сэръ, на вашъ народъ.

— О, повѣрьте, милордъ, я его знаю. Это, извините за выраженіе,

просто скоты, созданные для того, чтобы заниматься мускульной работой, поставлять пушечное мясо и вѣрить въ вѣдьмъ и чорта. Пройдетъ еще много времени, а онъ все будетъ вѣрить въ вѣдьмъ. Это роковое положеніе дѣлъ. Сожалѣйте объ этомъ или не сожалѣйте, а это такъ... Что̀ тамъ ни толкуютъ наши народники, а нельзя не признавать факта, какъ онъ есть...

Онъ продолжалъ развивать свою мысль и пришелъ къ заключенію, что, собственно говоря, только порядочные люди могутъ пользоваться на землѣ счастіемъ, а остальные—какъ это теоретически ни грустно—должны проводить время въ «воздержаніи и молитвѣ». Постепенно часть этихъ «скотовъ», по законамъ прогресса, тоже будетъ пріобщаться къ цивилизаціи, чему мы видимъ примѣры...

— Вы и теперь, милордъ, можете видѣть у насъ многихъ бывшихъ мужиковъ цивилизованными. Благодаря труду и энергіи, они составили себѣ состояніе, и каждый изъ насъ съ удовольствіемъ готовъ пожать руку такому человѣку, несмотря на то, что отъ него еще пахнетъ дегтемъ. Многіе бывшіе мужики—теперь генералы. Какъ видите, мы не смотримъ на происхожденіе.

Среди пріятныхъ разговоровъ мы и не замѣтили, какъ наступило время ужина, и сѣли за столъ. Пробило двѣнадцать. Всѣ выпили по бокалу шампанскаго, и каждый обязанъ былъ произнести по спичу. Говорили почти всѣ, и говорили болѣе въ минорномъ тонѣ, но однако не безъ надежды, что въ наступившемъ году всѣ недоумѣнія прекратятся и Россія снова пойдетъ твердымъ шагомъ по пути прогресса. Къ концу ужина, когда выпито было довольно вина, разговоръ принялъ, впрочемъ, болѣе легкій характеръ. Разсказывали анекдоты, смѣялись, передавались сплетни и т. п. Молодой человѣкъ изъ Москвы, поклонникъ Каткова, доказавшій, что величіе Россіи въ классицизмѣ, въ зубреніи Θукидида и Тита Ливія и въ умѣньѣ жить одной вѣрой, а не разсужденіемъ, этотъ молодой москвичъ оказался большимъ знатокомъ анекдотовъ и сдѣлался поэтому душою общества.

Когда мы съ нимъ, выйдя отъ гостепріимныхъ хозяевъ, пошли вмѣстѣ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ и, весело смѣясь, замѣтилъ:

— Не правда ли, хорошій былъ ужинъ?..

— Отличнѣйшій.

— А скотина же хозяинъ, надо признаться, большая!

— Что̀ вы?

— Ей-Богу, скотина! Когда я былъ либераломъ,—а я былъ прежде либераломъ, милордъ, до тѣхъ поръ, пока не познакомился съ великимъ человѣкомъ,—я жилъ въ имѣніи рядомъ съ этимъ англоманомъ.

— Ну, такъ что̀ же изъ этого?

— Такъ этотъ англоманъ, я вамъ скажу, чисто-таки дѣлалъ дѣла съ мужиками. Въ зубы, правда, никогда, но зато насчетъ штрафовъ—довольно либерально. Ну, будьте здоровы, милордъ... Я очень уважаю

вашу страну... Очень... Страна хорошая, хоть у васъ тамъ и занимаются глупостями...

— Какими?

— Всякими... Впрочемъ, можетъ-быть, оно и нужно, а намъ этого не нужно. Намъ, милордъ, нужна дубинка... дубинка, милордъ, потому что, какъ говоритъ Михаилъ Никифоровичъ, иначе всѣ въ либераловъ обратятся... Чего добраго, и я самъ, кажется, свѣжій ретроградъ, а тоже сдѣлаюсь либераломъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. У насъ это очень просто. Какъ въ голову взбредетъ.

Хотя молодой человѣкъ изъ Москвы и былъ значительно веселъ послѣ ужина, но въ его словахъ звучала такая искренняя нотка, что я, поговоривъ съ нимъ еще, вполнѣ убѣдился, что молодому человѣку изъ Москвы такъ же легко опять сдѣлаться либераломъ, какъ выпить бутылку шампанскаго.

— Что же, вы тогда о вѣрѣ и о здравомъ смыслѣ Охотнаго ряда не будете говорить?

— Ну, конечно!—хохоталъ молодой человѣкъ.

Удивительно добродушный и легкомысленный этотъ молодой человѣкъ изъ Москвы! Такихъ легкомысленныхъ, впрочемъ, я на каждомъ шагу здѣсь встрѣчалъ.

Въ числѣ моихъ русскихъ знакомыхъ у меня есть, Дженни, въ Петербургѣ одинъ джентльменъ, который отъ скуки, какъ говоритъ онъ, переходитъ изъ ретроградовъ въ либералы и обратно. И многіе здѣсь называютъ это умѣньемъ «свободно» жить и мыслить; у насъ, какъ ты знаешь, цѣнятъ человѣка за твердость его убѣжденій, за послѣдовательность его общественнаго поведенія, а молодой москвичъ говоритъ: «Плевать намъ на эти убѣжденія! Это только лишняя обуза. Надо умѣть держать носъ по вѣтру и прежде всего быть *ловкимъ*» (слово *ловкій* особенно любятъ употреблять здѣшніе адвокаты).

— А то тощища, милордъ,—продолжалъ молодой москвичъ: — нимовѣрная. Ну просто такая одолѣваетъ иной разъ тоска, что хоть стрѣляйся на тридцать второмъ году жизни; но все какъ-то не рѣшаешься, все думаешь, что новыя кокотки пріѣдутъ изъ Америки,— французскія надоѣли!—и будетъ цѣль въ жизни. Если бы засадили меня за латинскую грамматику, то, клянусь Богомъ, немедленно бы застрѣлился. Но въ томъ и бѣда, что никто не засадитъ. За границей надоѣло, я лѣтъ пять прожилъ и два раза въ Клиши сидѣлъ, пока не умеръ дядя,—еще другой наготовѣ! — смѣясь, прибавилъ джентльменъ.—Состоянія еще, слава Богу, до смерти слѣдующаго дяди хватитъ, такъ что мнѣ нѣтъ нужды ни поступать въ директоры правленія, ни сдѣлаться общественнымъ человѣкомъ, хотя и могъ бы: стоитъ только повторить ариѳметику, сочинить хорошенькую записку и сбрить бороду; но честолюбія во мнѣ нѣтъ и лѣнь повторять ариѳметику. Такъ,

видите ли, почтенный милордъ, отъ скуки я и выдумалъ себѣ недавно развлеченіе.

Онъ весело засмѣялся и продолжалъ:

— Пока оно меня занимаетъ, какъ новость. Самъ выдумалъ, сй-Богу, милордъ, самъ! Дѣло въ томъ, что я по недѣлямъ бываю то ретроградъ, то либералъ, ѣзжу по знакомымъ, смущаю однихъ, сержу другихъ, радую третьихъ и время отъ времени посылаю передовыя статьи въ газеты, разумѣется, подъ псевдонимомъ. Когда я ретроградъ, то въ статьяхъ всю недѣлю настойчиво пою: «Voilà le sabre, le sabre, le sabre de mon père», требую поголовнаго искорененія всѣхъ лицъ, «развращенныхъ исторіей», ищу «корня», гдѣ только можетъ себѣ представить воображеніе скучающаго человѣка—въ судахъ, въ домѣ А. А. Краевскаго, въ храмахъ науки, у Суворина въ газетѣ даже, сочиняю извѣстія. Вы читали, какъ въ Москвѣ былъ пойманъ молодой человѣкъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и 12.000 рублей въ карманѣ?

— Какъ же, читалъ.

— Ну, такъ, между нами, это я, милордъ, послалъ къ Каткову. Пришла фантазія—я и сочинилъ этотъ «случай», а онъ, натурально, обрадовался. Всѣ перепечатали, наши и иностранныя газеты, а я смотрю и смѣюсь. Катковъ, говорятъ, просто ногъ подъ собою не слышалъ, что этакое пикантное извѣстіе сообщено у него въ газетѣ. Разсказывали мнѣ, что по этому случаю онъ даже г. Воскобойникову, помощнику своему, обѣщалъ выхлопотать у персидскаго шаха Льва и Солнца; г. Воскобойникову давно хочется Льва, и онъ завидуетъ г. Цитовичу, которому, говорятъ, за брошюры его, переведенныя на малайскій языкъ, его величество король сіамскій прислалъ орденъ «Сіамскихъ близнецовъ» и звалъ къ себѣ въ министры народнаго просвѣщенія, но только профессоръ отказался за незнаніемъ сіамскаго діалекта.

— Такъ не вы ли, сэръ, и замѣтку о случаѣ у протоіерея Палисадова выдумали?

— Именно я, не кто иной, милордъ, какъ я,—смѣясь, повторилъ веселый джентльменъ. — Ну, конечно, тогда была моя ретроградная недѣля! И опять Катковъ пришелъ въ восторгъ и снова обѣщалъ г. Воскобойникову Льва и Солнца.

— Но когда дѣло разъяснилось, когда почтенный проповѣдникъ добросовѣстно напечаталъ въ газетахъ, что ничего подобнаго не было?

— Тогда Катковъ разсердился. Призвалъ г. Воскобойникова и сказалъ, что Льва и Солнца не будетъ, что онъ имѣетъ невѣрныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ... «А докладъ на Тургенева?—почтительно замѣтилъ г. Воскобойниковъ.—Неужто онъ ничего не стоитъ?» Но Катковъ нахмурилъ брови и отвѣтствовалъ:—«За это «Иногородній Обыватель» можетъ ждать награды, а не вы!»

— Что же вы дѣлаете, сэръ, въ ваши, какъ вы говорите, «ли-

беральныя недѣли»?—обратился я къ джентльмену, желая его навести на сущность разговора.

— А тогда, милордъ, я пишу статьи о «непобѣдимости жука», при чемъ доказываю, что жука побѣдить можно тогда только, когда... когда... Я ставлю нѣсколько точекъ и опять-таки перепечатываю: «Voilà le sabre, le sabre, le sabre de mon père!», но уже съ либеральными комментаріями. Я уже, какъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», не требую въ двадцать четыре часа искоренить всѣхъ, не достигшихъ пятидесятилѣтняго возраста, и доказываю, что такая окрошка ни къ чему хорошему не поведетъ, но оставляю за собой право окрошки надъ нѣкоторыми... И, чтобы оттѣнить, какіе мы хорошіе люди и какіе мерзавцы другіе, я опять-таки, послѣ «непобѣдимаго жучка», посылаю подъ псевдонимомъ г. Богдановича или самого г. Бильбасова статью: «Съ нами Богъ, да расточатся врази Его!», а послѣ нея помѣщаю: «Скрежетъ зубовный по случаю городового бляха № 1052». Но только все это мнѣ начинаетъ надоѣдать, милордъ! Каждый день одно и то же. Мнѣ хочется на время бонапартистомъ объявиться.

— Какъ бонапартистомъ?

— А такъ. Народъ съ одной стороны, «Фигаро» съ другой, веселые анекдоты съ третьей, голыя ляжки съ четвертой... все это посыпать славянофильской сольцей, съ храмомъ св. Софіи въ перспективѣ. А вообще — чего хочешь, того и просишь. Бодрость и языкъ безъ костей, когда нужно ругать въ вильмесановскомъ родѣ... а по большимъ праздникамъ—скорбь о неприличіи литературы и уныніе, что выдумаютъ огульныя клички. Это тоже недурно... Я, какъ недѣля пройдетъ, непремѣнно объявлюсь бонапартистомъ и стану отъ скуки «вырывать зло» уже въ третьемъ родѣ. Вырву зло, а послѣ—романъ «Голая ляжка», послѣ «Голой ляжки» статья «Подъемъ духа или война Западу», послѣ «Войны» идиллія «Бѣдный мужичокъ». Послѣ «Бѣднаго мужичка»—«Воспрянь, народъ, воспрянь!». Опять передовая, въ которой разскажу, какъ народъ рвется свершить свою задачу, что ему наплевать на нищету свою, коли честь его зоветъ въ Царьградъ. Послѣ—«Петька Каравеловъ, или чего ему, идіоту-радикалу, смотрѣть въ зубы». Послѣ «Петьки» стишокъ о томъ, какъ двѣ благородныя испанки «занимались любовью, и любовью не простой, а особенной». Затѣмъ полемическія красоты, въ отместку, если меня гдѣнибудь назовутъ бонапартистомъ. Пока не задѣнутъ, я буду молчать, но задѣнутъ—ну, ужъ тогда прошу не гнѣваться. Слава Богу, и я могу ругаться не хуже газетныхъ рецензентовъ... Это тоже будетъ забавно, ей-Богу, забавно. Я хочу попробовать!— закончилъ веселый джентльменъ.

Однако мнѣ, Дженни, надоѣло слушать этого, по совѣсти сказать, безстыжаго молодого джентльмена, выдумывающаго себѣ отъ скуки

такія милыя развлеченія. Я распрощался съ нимъ, пояснивъ ему, что мнѣ некогда.

Я виноватъ, Дженни, что до сихъ поръ не сообщилъ тебѣ о дѣлѣ знаменитаго «героя» Весты, разбиравшемся въ морскомъ окружномъ судѣ и надѣлавшемъ немало шума. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ я сообщу тебѣ личныя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ суда. Замѣчу только, что мое мнѣніе объ этомъ процессѣ совсѣмъ расходится съ мнѣніями, высказанными въ русской прессѣ. Мнѣ одинаково показались несимпатичными и г. Барановъ и г. Рождественскій. Вообще въ этомъ нѣсколько темномъ дѣлѣ многое не выяснено и не досказано, хотя изъ недомолвокъ и недосказовъ и проглядываетъ непривлекательная картинка какой-то закулисной борьбы. Я послѣ поговорю подробно объ этомъ, Дженни, а слѣдующее письмо посвящу любопытному, какъ характеристика русскихъ литературныхъ нравовъ, дѣлу объ «измѣнѣ» извѣстнаго русскаго писателя И. С. Тургенева, поднятому, какъ уже я писалъ, русскимъ журналистомъ г. «Иногороднимъ Обывателемъ». Впрочемъ, русскія газеты уже сообщили, что подъ этимъ именемъ корреспондируетъ въ «Московскія Вѣдомости» романистъ «Русскаго Вѣстника», г. Болеславъ Маркевичъ, а потому я и буду называть его настоящимъ именемъ. Пока прощай.

Письмо пятидесятое.

Дорогая Дженни!

Дѣло, о которомъ я стану разсказывать тебѣ, возникло по слѣдующему поводу. Въ одной французской газетѣ появилась статья одного русскаго, къ которой было сдѣлано русскимъ беллетристомъ краткое примѣчаніе, рекомендующее статью, съ оговоркой, что г. Тургеневъ не раздѣляетъ мнѣній, высказанныхъ въ статьѣ. Никто не обратилъ, разумѣется, вниманія на нѣсколько строкъ, написанныхъ почтеннымъ беллетристомъ, но г. «Иногородній Обыватель», или г. Маркевичъ, не пропустилъ случая, и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появился по поводу этого примѣчанія слѣдующій обстоятельный докладъ, въ которомъ, между прочимъ, блестятъ, какъ перлы, слѣдующія мѣста:

«Выступить въ этой роли, мудро прикрывшись при этомъ на всякій случай оговоркой о своемъ личномъ «неодобреніи» ихъ «убѣжденій», онъ чувствовалъ видимо неодолимую потребность, чувствовалъ съ той минуты, должно-быть, когда, посреди своего московскаго тріумфа, въ пору послѣдняго его пріѣзда въ Россію, голосъ нѣкоего «радикальнаго» студіозуса долетѣлъ къ нему, какъ съ небесъ, упрекая его въ томъ, что онъ выражалъ стремленія молодежи, но не всѣ, и что если онъ и написалъ когда-то для своихъ сверстниковъ «Записки охотника», то такія же «Записки охотника» для современнаго поколѣнія напишетъ, конечно, не онъ. Этотъ страшный уколъ, «словно солнце боли въ животѣ», по выраженію, принадлежащему чуть ли не самому

г. Тургеневу, не давалъ ему, очевидно, съ тѣхъ поръ ни пить ни ѣсть. И вотъ сама судьба шлетъ ему подъ руку давно желанный случай. Бѣжитъ къ нему съ сѣвера дорогой гость; онъ ссыльный, онъ эксъ-узникъ, онъ pur sang нигилистъ. Скорѣе же, скорѣе заявимъ на всю вселенную, что этотъ «нигилистъ» не нигилистъ, и что всѣ вообще русскіе нигилисты нисколько «не черные» и вовсе не «зачерствѣлые люди».

«Эта внутренняя потребность заискиванья и низкопоклонства предъ тѣмъ, что до сихъ поръ считается г. Тургеневымъ дѣйствительною силой въ «его странѣ», беретъ у него верхъ надъ разумомъ, надъ памятью, надъ всякимъ, доступнымъ самому простому человѣку соображеніемъ. Ни совершенныя этою «силою» злодѣйства, — злодѣйства невиданныя, неслыханныя въ Россіи во все теченіе ея тысячелѣтней исторіи,—ни ужасъ и негодованіе, возбужденные ими во всѣхъ слояхъ русскаго народа, ни врожденное собственно его натурѣ отвращеніе къ крови и разрушенію не въ состояніи преодолѣть въ немъ этотъ постыдный зудъ популярничанья, такъ мало отвѣчающій достоинству его сѣдыхъ волосъ. Онъ подъ этимъ вліяніемъ не въ состояніи дать себѣ никакого отчета въ значеніи своихъ поступковъ; онъ не понимаетъ, что аттестаціею, выданною имъ русскимъ «нигилистамъ», онъ призналъ правымъ ихъ гнусное дѣло, что они, само собою, смѣются надъ его осторожнымъ выгораживаніемъ его собственной особы и разумѣютъ не иначе его распубликованное въ «le Temps» письмо, какъ поощрительнымъ для себя документомъ».

Надо сказать правду: почти вся русская печать единодушно отнеслась съ презрѣніемъ къ этому докладу, взводящему на г. Тургенева обвиненія чуть ли не уголовнаго свойства.

Но тутъ, Дженни, случилось слѣдующее курьезное обстоятельство, тоже характерное, какъ матеріалъ для исторіи русской журналистики. Однимъ изъ ярыхъ обличителей докладчика выступила почтенная газета «Голосъ», та самая газета, которая года три-четыре тому назадъ печатала воскресные фельстоны того же самаго «Иногороднаго Обывателя» съ тѣмъ же душкомъ и напечатала его ругательный разборъ романа «Новь» г. Тургенева. Въ этомъ разборѣ, написанномъ со скрежетомъ зубовнымъ и съ запахомъ, присущимъ г. «Иногороднему Обывателю», г. Тургеневъ предавался анаѳемѣ (злые языки говорятъ, что въ одномъ изъ персонажей «Нови» критикъ узналъ себя).

Но это къ слову.

Признаюсь, я никакъ не думалъ, что г. Тургеневъ станетъ отвѣчать на эти обвиненія, нелѣпость которыхъ была слишкомъ очевидна. Мнѣ казалось, что гораздо было бы разсудительнѣе и достойнѣе отвѣтить молчаливымъ презрѣніемъ, но оказалось, что я ошибался. Русскій маститый беллетристъ поспѣшилъ отвѣтить письмомъ, въ которомъ

счелъ долгомъ не только опровергнуть обвиненіе, но еще и изложить въ нѣкоторомъ родѣ свое небезынтересное profession de foi.

Вотъ это любопытное письмо, адресованное къ редактору «Вѣстника Европы» и напечатанное въ «Молвѣ»:

«Любезный М. М.

«Вамъ, какъ старинному моему пріятелю, хорошо извѣстно, съ какой неохотой я рѣшаюсь занимать публику вопросами, лично до меня касающимися; но прочтенная мною на-дняхъ корреспонденція г. «Иногороднаго Обывателя» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» вынуждаетъ меня взяться за перо.

«Корреспонденція эта появилась по поводу напечатаннаго въ газетѣ «Temps» моего письма, предпосланнаго разсказу изгнанника, содержавшагося въ одиночномъ заключеніи въ теченіе четырехъ лѣтъ,—разсказу, представлявшему исключительно психологическій и, пожалуй, судебный интересъ.

«Если бы г. «Иногородній Обыватель» ограничился одними посильными оскорбленіями, я бы не обратилъ на нихъ вниманія, зная, изъ какой «кучи» идетъ этотъ «громъ»; но онъ позволяетъ себѣ заподозрѣвать мои убѣжденія, мой образъ мыслей, — и я не имѣю права отвѣчать на это однимъ презрѣніемъ.

«Приписывая мнѣ всяческія неблагородныя побужденія и чуть ли не преступныя намѣренія, г. «Иногородній Обыватель» обвиняетъ меня въ низкопоклонствѣ, въ заискиваніи, въ «кувырканіи» передъ нѣкоторой частью нашей молодежи. Такого рода заискиваніе предполагаетъ отступничество отъ собственныхъ убѣжденій и поддѣлываніе подъ чужія. Но, не хвастаясь и не обинуясь, а просто констатируя фактъ, я имѣю право утверждать, что убѣжденія, высказанныя мною и печатно и изустно, не измѣнились ни на іоту въ послѣднія сорокъ лѣтъ; я не скрывалъ ихъ никогда и ни передъ кѣмъ. Въ глазахъ нашей молодежи,—такъ какъ о ней идетъ рѣчь,—въ ея глазахъ, къ какой бы партіи она ни принадлежала, — я всегда былъ и до сихъ поръ остался «постепеновцемъ», либераломъ стараго покроя въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ, человѣкомъ, ожидающимъ реформъ *только свыше*,—принципіальнымъ противникомъ революцій, не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени. Молодежь была права въ своей оцѣнкѣ, и я почелъ бы недостойнымъ и ея и самого себя представляться ей въ другомъ свѣтѣ. Тѣ овація, о которыхъ упоминаетъ г. «Иногородній Обыватель», мнѣ были пріятны и дороги именно потому, что *не я шелъ къ молодому поколѣнію*, нерасположеніе котораго я весьма философически переносилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ (со времени появленія «Отцовъ и дѣтей»), но потому, *что оно шло ко мнѣ*; онѣ были мнѣ дороги, эти овація, какъ доказательство проявившагося сочувствія къ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ я всегда былъ вѣренъ и которыя громко высказывалъ въ самыхъ рѣчахъ

моихъ, обращенныхъ къ людямъ, которымъ угодно было меня чествовать.

«Съ какой же стати мнѣ было лгать и заискивать въ нихъ, когда они сами мнѣ протягивали руки и вѣрили мнѣ?

«И какъ подумаешь, изъ чьихъ устъ исходятъ эти клеветы, эти обвиненія!? Изъ устъ человѣка, съ младыхъ ногтей заслужившаго репутацію виртуоза въ дѣлѣ низкопоклонства и «кувырканія», сперва добровольнаго, а наконецъ даже невольнаго! Правда, ему ни терять ни бояться нечего: его имя стало нарицательнымъ именемъ, и онъ не изъ числа людей, которыхъ дозволительно потребовать къ отвѣту. Но и въ его положеніи оглядка не мѣшаетъ; во всякомъ случаѣ, не ему упоминать объ «опозоренныхъ» сѣдинахъ; не зачѣмъ обращать взоры читающей публики на собственную голову. Публика и безъ того хорошо его знаетъ... и, смѣю прибавить, знаетъ и меня».

Почтенный беллетристъ, заявившій, что его убѣжденія «не измѣнились ни на іоту въ послѣднія сорокъ лѣтъ», все-таки понапрасну измѣнилъ своей неохотѣ браться за перо и поспѣшилъ отвѣчать на докладъ г. «Иногороднаго Обывателя». Напрасно еще и потому, что въ отвѣтъ на его письмо всколыхнулось море грязи. «Виртуозъ» печатно похвасталъ, что еще въ 1863 году г. Тургеневъ былъ преисполненъ живой благодарности къ этому самому «виртуозу», который и тогда уже былъ «виртуозомъ почтенныхъ лѣтъ». Дѣло въ томъ, что г. «Иногородній Обыватель» извѣстилъ г. Тургенева, что его друзья ходатайствуютъ по поводу показанія нѣкоего Ничипоренко «о преступныхъ якобы сношеніяхъ г. Тургенева съ Г.», и г. Тургеневъ отвѣтилъ г. Маркевичу слѣдующимъ французскимъ письмомъ, напечатаннымъ въ подлинникѣ и переводѣ:

«Я не могъ отвѣчать вамъ сейчасъ, любезный другъ, потому что вернулся въ Парижъ только вчера,—ѣздилъ на нѣсколько дней въ Брюссель. Дайте сказать вамъ прежде всего, сколько письмо ваше, столь горячее и столь дружественное, тронуло меня. Не тогда обыкновенно, когда на человѣка обрушивается несчастіе, протягиваютъ ему руку; а вы это сдѣлали такимъ великодушнымъ и открытымъ образомъ, что я могу вамъ только сказать: спасибо отъ глубины сердца.

«Я употребилъ сейчасъ слово: несчастіе; я долженъ бы былъ сказать: черепица, такъ какъ то, что случилось со мною, столь же глупо-неожиданно, какъ черепица, падающая человѣку на голову. Видѣть себя обвиненнымъ въ заговорѣ съ Г... вслѣдъ за появленіемъ моего послѣдняго романа и посреди ругательствъ, съ которыми относится ко мнѣ красная партія,—шутка такая чудовищная, что она принимаетъ извѣстнаго рода вѣроятіе вслѣдствіе самой своей чудовищности. «Подъ этимъ что-то скрывается,—скажутъ зѣваки:—не рѣшились бы иначе на такую мѣру». Я считаю лишнимъ говорить вамъ, что пѣтъ рѣшительно—такъ-таки рѣшительно—ничего *подъ этимъ* (курсивъ въ

подлинникѣ), и я отсюда слышу безконечный хохотъ Г.., котораго я не видѣлъ съ мая и съ которымъ мы въ началѣ этой зимы обмѣнялись пятью или шестью письмами, приведшими къ окончательному разрыву, такъ какъ мнѣнія наши расходились всегда. Я либералъ издавна, но я монархистъ тоже издавна, а онъ—вы знаете, что онъ такое.

«Скажите Толстому *), что я получилъ его письмо и что отвѣчу ему завтра: онъ можетъ сдѣлать изъ него то употребленіе, какое сочтетъ приличнымъ.

«Примите выраженіе живой моей благодарности и неизмѣнной дружбы».

Ты сама, Дженни, оцѣнишь по достоинству г. «Иногородняго Обывателя», хвастающагося, что имѣлъ случай оказать услугу другому человѣку, что не мѣшаетъ ему, впрочемъ, писать «доклады», въ романахъ и статьяхъ говорить о паденіи основъ и считать себя «спасителемъ»; но любопытно, что отъ этого «спасителя» нѣсколько лѣтъ тому назадъ отвернулся даже и самъ «отецъ отечества». По крайней мѣрѣ, въ передовой статьѣ, сопровождающей письмо г. Маркевича, «Московскія Вѣдомости», — не поясняя, какой это былъ «случай», упоминаемый въ письмѣ Тургенева, послѣ котораго «имя г. «Иногородняго Обывателя» стало нарицательнымъ», и почему «онъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ можно требовать къ отвѣту»,— такъ защищаютъ г. «Иногороднаго Обывателя», вновь принятаго въ лоно друзей:

«Бывшій другъ Тургенева былъ постояннымъ сотрудникомъ нашихъ изданій и пользовался нашимъ довѣріемъ, которое никогда не колебалось и вполнѣ оправдывалось имъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его знали. Но вотъ произошелъ случай, котораго г. Тургеневъ коснулся, дѣйствительно подавшій поводъ къ сомнѣнію и нареканіямъ. Чѣмъ ближе человѣкъ стоялъ къ намъ, тѣмъ требовательнѣе должны были мы относиться къ нему и тѣмъ строже были мы въ оцѣнкѣ дѣла, возбуждавшаго сомнѣніе. Мы разстались, и не прежде наши отношенія къ нему возстановились, какъ выяснились для насъ всѣ обстоятельства дѣла и исчезли смущавшія насъ сомнѣнія. Случай, о которомъ идетъ рѣчь, былъ чѣмъ хотите—неловкостью, ошибкой, легкомысліемъ, но не преступнымъ дѣломъ, какое могло бы давать г. Тургеневу основаніе и право для его злословной выходки».

Такъ дѣло и осталось невыясненнымъ, какой былъ этотъ «случай», но тѣмъ не менѣе все-таки жаль, что «Московскія Вѣдомости» рѣшаются до сихъ поръ называть г. «Иногородняго Обывателя» «бывшимъ другомъ Тургенева».

По поводу этой крайне неприглядной исторіи московскій корреспон-

*) Графу А. К., покойному поэту.

дентъ «Молвы» сѣтуетъ, что на «несчастный случай» съ г. Маркевичемъ «Московскія Вѣдомости» набрасываютъ густое покрывало, и, между прочимъ, пишетъ:

«Отчего бы имъ не разсказать подробно всѣ «выяснившіяся» для нихъ «обстоятельства этого дѣла» и тѣмъ самымъ дать возможность публикѣ самой судить, позоренъ ли для г. Маркевича происшедшій съ нимъ «несчастный случай», или это дѣйствительно со стороны автора «Марины изъ Алаго Рога» не болѣе, какъ «неловкость, ошибка и легкомысліе». Вѣдь легкомысліе легкомыслію рознь. Иногда добрыми пріятелями принимаются за легкомысліе такія дѣянія, какія людьми, не связанными дружескими узами съ легкомысленными мужчинами, признаются весьма неблагопидными.

По поводу этой же «тургеневской исторіи» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны слѣдующія строки, относящіяся къ роману «Отцы и дѣти»:

«Г. Тургеневъ создалъ Базарова и самъ запечатлѣлъ этотъ типъ именемъ нигилиста. Авторъ, конечно, не раздѣляетъ воззрѣній своего героя. Своимъ умомъ и сердцемъ онъ принадлежитъ къ типу отцовъ, сибаритовъ-эстетиковъ и постепеновцевъ сороковыхъ годовъ. Типъ Базарова ненавистенъ автору, но и страшенъ. Изображая типъ нигилиста, онъ придалъ ему характеръ цѣльности и силы, столь плѣнительный для юныхъ умовъ. Безъ маленькихъ черточекъ, которыя авторъ внесъ въ эту фигуру по совѣту издателя журнала, гдѣ впервые «Отцы и дѣти» увидѣли свѣтъ, она, быть-можетъ, совсѣмъ покачнулась бы въ пользу нигилизма, и пустой, озлобленный, огрубѣлый studiosus medicinae вышелъ бы высокимъ идеаломъ для молодого поколѣнія. При первомъ появленіи этой фигуры, въ лагерѣ людей базаровскаго типа произошелъ расколъ: одни дѣйствительно рукоплескали автору за превосходный идеалъ, другіе освистали его, находя, что въ этой фигурѣ сквозитъ его ненависть къ молодому поколѣнію. Г. Тургеневъ тогда молчалъ. Но прошло много лѣтъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, расплодилось нигилистовъ множество; они завладѣли нашею литературой, и голоса ихъ шумно понеслись на всю Русь. Тогда г. Тургеневъ, безпрерывно ругаемый и поносимый ими, вышелъ предъ публику съ изъявленіемъ своего истиннаго почтенія и совершенной преданности господину Базарову, а въ доказательство своихъ чувствъ къ нему выдалъ издателя журнала, сославшись на свои разногласія съ нимъ во время печатанія. Значитъ, о симпатіяхъ г. Тургенева къ нигилистамъ засвидѣтельствовалъ онъ самъ, и только онъ самъ; но всѣ близко знающіе его, а въ томъ числѣ и «Иногородній Обыватель», ему не повѣрили. Они остаются убѣжденными, что въ душѣ онъ питаетъ къ этому типу глубокую антипатію, и находятъ, что онъ хочетъ только казаться сочувствующимъ для того, чтобъ у нигилистовъ состоять въ фаворѣ. «Иногородній Обыватель» всегда

принадлежалъ къ самымъ торячимъ почитателямъ его таланта и не разъ ломалъ за него копья въ литературныхъ турнирахъ; потому-то такъ и обидно было ему видѣть то, что онъ называетъ его «кувырканьемъ...»

Ты прочла письмо, Дженни, посвященное русскимъ журнальнымъ дрязгамъ. Съ этой стороны эта во всякомъ случаѣ грустная исторія имѣетъ общественный интересъ. Прощай.

Письмо пятьдесятъ первое.

Дорогая Дженни!

Несмотря на ежедневный моціонъ, который я дѣлаю по предписанію доктора, несмотря на точное распредѣленіе занятій и осторожное употребленіе вина за торжественными завтраками и обѣдами (они не прекращаются здѣсь никогда), я долженъ признаться тебѣ откровенно, что съ нѣкоторыхъ поръ при чтеніи русскихъ газетъ я чувствую нѣчто странное. Я не только не могу уловить руководящей мысли,—что, впрочемъ, и прежде случалось,—но нерѣдко и вовсе не въ состояніи понимать печатныя строки, хотя, какъ тебѣ извѣстно, по-русски, благодаря практикѣ, говорю недурно, —натурально, не безъ ошибокъ, — русскіе сами, впрочемъ, рѣдко говорятъ правильно,—и, какъ мнѣ казалось, умѣю понимать русскую рѣчь во всѣхъ ея видахъ, и даже въ самомъ упрощенномъ, т. е. когда, во избѣжаніе многословія, говорятъ здѣсь одними междометіями, какъ, напримѣръ, при вразумленіи пьяныхъ джентльменовъ въ томъ, что пьянствовать неприлично.

И вообрази себѣ, Дженни, я все-таки не понимаю многаго, о чемъ пишутъ въ русскихъ газетахъ, т. е. прочесть могу, а смыслъ прочитаннаго такъ же непонятенъ, какъ непонятенъ мнѣ здѣшній обычай на масленицѣ—объѣдаться блинами до рѣзи въ животѣ и даже до смерти. Замѣть, обычай такой здѣсь существуетъ.

На основаніи этихъ соображеній, я не стану въ нынѣшнемъ письмѣ говорить отъ себя,—боюсь, перепутаю все,—а вмѣсто этого посылаю тебѣ въ извлеченіи нѣсколько выдающихся по своему безпристрастію статей изъ русскихъ газетъ.

Для краткости я расположу ихъ по нумерамъ. Въ первыхъ нумерахъ ты прочтешь передовыя статьи, а во вторыхъ—фельетоны. Называть газеты не буду, такъ какъ въ настоящее время рѣшительно нѣтъ возможности отличить одну отъ другой: такъ единодушіе ихъ полно и запахъ одинаковъ! По счастію, ради нѣкотораго разнообразія, конечно, онѣ время отъ времени вступаютъ между собою въ полемику, но если онѣ полемизируютъ, то, вѣроятно, за неимѣніемъ готоваго матеріала (это, какъ говорятъ, тоже случается, хотя, казалось бы, матеріала въ настоящее время должно быть довольно) и по свойственной русскимъ литераторамъ привычкѣ корить другъ друга въ недостаточной пылкости чувствъ...

Итакъ, приступаю къ дѣлу, но впередъ прошу извинить меня, если въ переводъ мой вкрадутся нѣкоторыя неточности. Ты не можешь представить себѣ, Дженни, какъ трудно передать торжественный тонъ русскаго языка, возвышающійся до такихъ нотъ, какія были бы не подъ силу не только нашему, простому и демократическому языку, но даже китайскому, какъ извѣстно, самому утонченному и аристократическому изъ всѣхъ языковъ. Кромѣ того, есть еще одна особенность у русскихъ газетъ—это постоянное изліяніе чувствъ и совершенное пренебреженіе идеями. Всѣ чувствуютъ, но никто не разсуждаетъ, и потому, читая ихъ, постоянно умиляешься или плачешь, раздражаешься или засыпаешь, но не мыслишь и не думаешь. Итакъ, къ дѣлу!

№ 1. «Слава Богу... Слава Богу... Слава Богу! Господу Богу слава. Всѣмъ намъ, публицистамъ, слава. И всѣмъ нашимъ подписчикамъ, которыхъ безъ малаго 20 тысячъ, слава! (Здѣсь всегда начинаютъ съ того, что для бодрости похваливаютъ самихъ себя).

«Отчего мы находимся въ наиприятнѣйшемъ расположеніи духа и готовы, говоря по совѣсти, ходить колесомъ (ходить колесомъ, Дженни, здѣсь считается признакомъ порядочнаго воспитанія) и писать ногами, а не руками? Отчего мы плачемъ и въ настоящее время, когда пишемъ эту статью, перемѣнили уже три носовыхъ платка и приказали секретарю своему принести еще три: надѣемся, этого будетъ достаточно до окончанія статьи! Отчего мы можемъ начисто утереть носъ джентльмену Страстного бульвара' и еще разъ сказать, что М. Н. Катковъ, всегда отличавшійся «демоническими» склонностями во всемъ видѣть красные призраки, въ настоящее время скрежещетъ зубами?

«Оттого мы плачемъ, оттого мы въ хорошемъ настроеніи, оттого мы, несмотря на престарѣлый свой возрастъ и—будемъ откровенны—на эмфизему и астму, готовы тѣмъ не менѣе ходить въ теченіе получаса,—а если потребуютъ обстоятельства, то и болѣе,—ходить колесомъ и писать ногами, а не руками! Оттого... оттого, что теперь мы окончательно разсѣяли всѣ недоразумѣнія и съ достаточной ясностью доказали нашимъ противникамъ (см. № 152 нашей газеты), что ни нашъ почтенный редакторъ, ни наши сотрудники, ни всѣ наши подписчики (20 тыс.), ни представители суда, администраціи, а равно ни представители земствъ и городовъ нисколько не повальные измѣнники и не крамольники, какъ безумно утверждалъ органъ «Страстного бульвара», а самые благонамѣренные граждане, нисколько не виноватые ни въ чемъ и готовые всегда сочувствовать, содѣйствовать и соревновать, если только это не противно, какъ мы полагаемъ, существующимъ узаконеніемъ.

«А было время, и давно ли, что «Страстной бульваръ» воображалъ, будто мы всѣ поголовно «развращены исторіей»? Теперь, послѣ нашихъ статей (см. №№ 153, 154, 155 и т. д.), ясно доказано, что развращены не мы, а «Страстной бульваръ», и вотъ почему въ нашей

груди трепещетъ то же сладостное чувство, какъ и въ концѣ декабря передъ подпиской, вотъ почему мы лобызаемся въ редакціи другъ съ другомъ, поздравляемъ другъ друга и словно бы видимъ другъ друга въ обновленномъ видѣ.—«Вы не измѣнникъ! Вы не крамольникъ, вы не бунтовщикъ...»—говоримъ мы другъ другу.—«Неужели? О, Господи! Слава Богу, слава Богу!» И мы рыдали, не смѣя вѣрить этой новости—такъ напугалъ насъ М. Н. Катковъ. Отнынѣ «Страстной бульваръ» послѣ того, какъ мы неопровержимо доказали (см. №№ 153, 154, 155 и послѣд.), кто мы такіе, не посмѣетъ болѣе говорить (или сгоритъ отъ позора!), что мы хотимъ обязательнаго уничтоженія латинской грамматики, увеличенія окладовъ и продажи Балтійскаго края Бисмарку. Отнынѣ всѣ честные люди видятъ, чего мы хотимъ... Отнынѣ снято пятно съ насъ, а потому мы свободно перейдемъ теперь къ мѣрамъ. Теперь только можемъ сказать нашимъ зоиламъ, что нужно всегда дѣйствовать съ невѣроятной въ лѣтописяхъ исторіи быстротой. Что же касается до подробностей, то о нихъ до завтра.

«Поэтому какъ же не воскликнуть намъ: «Слава Богу, слава Богу! Отнынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ. Отнынѣ мы снова можемъ идти въ театръ безъ опасности, что какой-нибудь пріѣзжій изъ Москвы охотнорядецъ обругаетъ насъ крамольниками!»

«Слава Богу!»

№ 2.

Чтобъ потрафить всѣмъ жильцамъ,
Надо быть и здѣсь и тамъ,
Трудно справиться одной,
Ногъ не слышу подъ собой!

«Эта характеристичная, хотя и нѣсколько вульгарная пѣсенка, имѣвшая, впрочемъ, громадное распространеніе въ нашей столицѣ, распространеніе не меньшее, чѣмъ «Стрѣлокъ»,—что уже несомнѣнно доказываетъ серьезное культурное значеніе пѣсни, — эта, говоримъ, характеристичная пѣсенка какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ серьезному положенію данной минуты.

«Именно трудно справиться въ настоящее время одной газетѣ, очень трудно. Гораздо труднѣе, чѣмъ думаютъ иные читатели, не подозрѣвающіе всей трудности положенія и нашего и вашего. Мы воистину можемъ сказать, что не только не слышимъ подъ собою ногъ, но даже совсѣмъ съ языка сбились, повторяя одно и то же все на однѣ и тѣ же варіаціи: господа, поболѣе искренности, поменѣе лицемѣрія, побольше дѣла и поменьше угрозъ, поболѣе храбрости и поменьше трусости, побольше крѣпости и поменьше дряблости... Будемъ единодушны, станемъ поменьше воровать, станемъ, если мы чиновники, аккуратно въ 10 часовъ утра ходить на службу, а не приходить лишь въ 3 часа,—какъ это дѣлаютъ во многихъ департаментахъ,—и подписывать бумаги съ должною внимательностью. Если мы—земскіе дѣятели, станемъ отно-

ситься съ должнымъ вниманіемъ къ высокой обязанности, на насъ лежащей, изыскивать средства изъ пустого сундука сдѣлать полный и терпѣливо ждать результатовъ ходатайствъ, памятуя евангельскія слова: «толцыте и отверзется»; если мы—городскіе думскіе самоуправители, перестанемъ говорить по цѣлому часу рѣчи и не уподобимся Михельсону или Домонтовичу, способному говорить по 12 часовъ сряду о пустякахъ, а возьмемъ примѣръ съ оратора Богдановича, который говоритъ всегда такъ, что и ничего не скажетъ, а все же дрогнетъ сердце русскаго человѣка; если мы—адвокаты, перестанемъ взимать гонорары слишкомъ большіе, а станемъ взимать малые... Если мы — литераторы, то будемъ откровенны, главное откровенны, и, благо насъ никто не стѣсняетъ теперь, станемъ говорить, не боясь, что насъ какіе-нибудь «проходимцы» назовутъ «скоробрешками», лишь бы мы говорили о томъ, что Богъ положитъ на душу и за что нельзя никакъ лишиться права розничной продажи, а вообще не будемъ мечтать и устремлять свои взоры горѣ, въ заоблачныя выси, или съ завистью поглядывать на крѣпкіе караулы у государственнаго банка,—будемъ хорошими отцами и мужьями, не станемъ обманывать своихъ женъ, бросимъ своихъ любовницъ, у кого такія есть,—а у кого такихъ нѣтъ? (У меня, Дженни, честное слово, нѣтъ!). Будемъ справедливы, честны и неподкупны, начиная съ коллежскаго регистратора и кончая... хотя бы статскимъ совѣтникомъ, а главное, искоренимъ жида, такъ какъ жидъ вездѣ суетъ свой носъ и намъ пакоститъ, будемъ прежде всего русскими. Теперь ли мы не русскіе (т. е. мы, русскіе, настоящіе, самые хорошіе русскіе!), а многіе другіе,—и надо думать, не наши подписчики,—совсѣмъ не русскіе, а какіе-то иностранцы, націи опредѣлить однако не можемъ, рекомендующіе снимать копіи съ иностранныхъ учрежденій. Это было бы большой бѣдой и повлекло бы за собой чортъ знаетъ что. Намъ нужно не то, а что намъ нужно, о томъ мы поговоримъ послѣзавтра.

«Что же касается до мѣръ...»

Я тебѣ, Дженни, не перевожу далѣе, такъ какъ слѣдуетъ перечисленіе, о которомъ я уже сообщалъ тебѣ въ прежнихъ письмахъ.

№ 3. «Окропиши мя ѵссопомъ и паче снѣга убѣлюся!

«Такъ начинаемъ мы псалмомъ Давида нашу передовую статью и начинаемъ такъ потому, что до сихъ поръ, къ глубокому нашему прискорбію, не видѣли того ѵссопа, который бы убѣлилъ насъ и заставилъ возрадоваться.

«Но наступаетъ весна—вслѣдъ за масленицей, а за весной, смѣемъ думать, наступитъ и лѣто... Всѣмъ хочется надѣяться, любить и радоваться... всѣмъ хочется не то севрюжины, не то... поросенка съ хрѣномъ, даже коты и тѣ быстрѣй забѣгали по крышамъ, наблюдая оттуда, на мѣстахъ ли всѣ дворники...

«Недостаетъ только ласточки... Но вотъ и она, жданная гостья!..

Она прилетѣла, эта вѣстница весны, эта хорошая, милая пташка, скрывавшаяся до того на тепломъ югѣ, подъ благорастворенным чуднымъ небомъ, гдѣ зрѣютъ лимоны, цвѣтетъ кипарисъ и беззаботно живетъ южный человѣкъ, не читая «Московскихъ Вѣдомостей».

«Ластовица... прекрасная ластовица! На тебя, вѣстницу весны, возлагаемъ мы надежды и отъ переполненнаго сердца восклицаемъ:

Мы тебя любимъ сердечно!

«Любимъ и славословимъ тебя, славословимъ и любимъ. Принеси ты исцѣленіе отъ мнози болѣстей нашихъ и пролей ты елей на язвы души нашей... Стрѣлой ты летаешь, славная ластовица!.. Изъ всѣхъ птицъ ты птицамъ птица. Изъ всѣхъ пернатыхъ ты пернатѣе, изъ всѣхъ красавицъ ты красивѣе... Изъ всѣхъ чадолюбивыхъ ты чадолюбивѣй... Изъ всѣхъ вьющихъ гнѣзда ты смышленѣе... Кроткая вѣстница весны...

Мы тебя любимъ сердечно...

«Воззрите на птицы небесныя. Онѣ не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы, и Отецъ ихъ небесный питаетъ ихъ... Не вы ли лучше ихъ есте?»

«Уподобимся же и мы птицамъ... Довольно намъ ворчать себѣ подъ носъ. Воспоемъ отъ полноты сердца «Тебя Бога хвалимъ» и станемъ ждать весны съ вѣрой и надеждой, по великой милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ...

«Что же касается до мѣръ...»

Ты, конечно, Дженни, полагаешь, что я не приведу тебѣ мѣръ, найденныхъ мною въ нумерѣ 3-мъ, но ты ошибаешься, такъ какъ мѣры эти на мой взглядъ несомнѣнно отличаются нѣкоторою оригинальностью...

«Что же касается мѣръ, то слѣдуетъ немедленно дать всѣмъ молодымъ людямъ, нынѣ не имѣющимъ мѣстъ и потому склоннымъ къ фантазерству, мѣста, съ содержаніемъ не менѣе какъ въ полторы тысячи холостымъ и въ три тысячи женатымъ; и тогда, повѣрь, благосклонный читатель, прекратятся всякія фантазіи и успокоятся самыя утопическія мечты, потому что всякое недовольство въ человѣчествѣ происходитъ изъ-за недостатка средствъ...

«Есть въ карманѣ деньги—человѣкъ спокоенъ, нѣтъ—онъ готовъ на все... Ему терять нечего, ибо въ карманахъ пусто... жизнь ему опротивѣла... Греческія кухмистерскія не удовлетворяютъ... квартиры нѣтъ, прилично омеблированной, платья нѣтъ, шляпы нѣтъ, и сапоги всѣ въ дырахъ... И вотъ такому отброску общества ничего не остается дѣлать, какъ объявиться недовольнымъ.

«Дайте, дайте, говорю вамъ, всѣмъ недовольнымъ приличное жалованье (если возможно, то и квартиру казенную), и все разсѣется, аки дымъ... и...

«О, Господи, вонмли нашей молитвѣ!»

№ 4.

Вотъ солдатики идутъ,
Все идутъ, все идутъ,
И знамена все несутъ,
Все несутъ, несутъ...
Тра-та-та, тра-та-та!

«Но куда они идутъ? Отчего не прямо въ Мервъ, а на плацъ-парадъ? Отчего не въ Мервъ?.. Въ настоящее время, когда Англія замышляетъ интригу въ Персіи, кто намъ мѣшаетъ послать нѣсколько дивизій на границу и сказать Персіи: «Персія, кого ты хочешь: Англію или Россію?» Если она скажетъ: Россію—занять Тегеранъ во имя дружбы, а если скажетъ: Англію... ну, тогда не пеняй.

Громъ побѣды раздавайся...

«Подъ вліяніемъ нашихъ внутреннихъ событій, мы, кажется, совсѣмъ упустимъ Персію...

«Что же касается мѣръ»...

Я считаю излишнимъ, Дженни, по вышесказаннымъ соображеніямъ, перечислять мѣры, тѣмъ болѣе, что онѣ прямо перепечатаны изъ уложенія о наказаніяхъ.

Теперь нѣсколько образчиковъ фельетоннаго рода.

№ 1. «Въ наше время въ обществѣ совсѣмъ перепутались понятія. Еще до сихъ поръ остались нѣкоторые наивные журналисты, которые какъ будто пугаются слова «доносъ» и, очевидно, недостаточно вдумались въ настоящее значеніе этого слова, придавая ему какой-то постыдный смыслъ.

«Я, Петръ Петровъ, «СПБ. Вѣдомостей» фельетонистъ, Амикусъ тожъ, симъ свидѣтельствую, что доносъ не есть поступокъ предосудительный, а, напротивъ, весьма похвальный и подражанія заслуживающій. Путешествуя по многимъ странамъ, честь имѣю засвидѣтельствовать, что всѣ образованные иностранные журналисты, не исключая и покойнаго Вильмесана (я не говорю уже о Менцелѣ), понимаютъ это слово въ истинномъ значеніи его и не стѣсняются нисколько, коли убѣжденіе ихъ въ пользѣ доноса несомнѣнно...» *)

Какъ видишь, Дженни, у всѣхъ весеннее настроеніе. Весна чувствуется въ стилѣ, весна чувствуется въ тонѣ, весна дышитъ отъ каждой строчки разныхъ «скоробрешекъ», и я очень радъ, съ своей стороны, что теперь никто уже больше не предается меланхоліи. Это—во всякомъ случаѣ отрадный признакъ, свидѣтельствующій о благотворномъ вліяніи весны.

---

*) По долгу переводчика считаю обязанностью засвидѣтельствовать, что выдержки знатнаго иностранца не представляютъ буквальныхъ переводовъ.

Прим. переводчика.

Тѣмъ болѣе обрадовался я, прочитавъ на-дняхъ весьма энергичный и написанный превосходнымъ стилемъ фельетонъ въ одной изъ газетъ. По многосторонней эрудиціи, по бойкости языка, по красотѣ прилагательныхъ я сразу узналъ автора — г. Цитовича. Но, вообрази себѣ Дженни, оказалось, что я ошибся; впрочемъ, какъ увидишь ниже, ошибка моя весьма извинительна.

Авторъ фельетона, столь мнѣ понравившагося по своей эрудиціи, по глубинѣ знакомства съ предметомъ, о которомъ трактуетъ авторъ, а главное по своей отвагѣ и рѣшительности, оказался вовсе не Цитовичъ, а г. Буква, фельетонистъ «Молвы». Признаюсь, я нѣсколько изумился не тому, что г. Буква обнаружилъ такое сходство съ г. Цитовичемъ: я никогда не отказывалъ г. Буквѣ ни въ эрудиціи, ни въ стилѣ, ни въ способности писать на тему «чего изволите», а потому, что почтенная газета, доселѣ не дозволявшая, какъ видно, развернуться таланту г. Буквы во всей его полнотѣ, наконецъ-то догадалась снять пеленки съ многообѣщающаго литератора и такимъ образомъ познакомила публику съ г. Буквой не такимъ, какимъ онъ казался, а такимъ, каковъ онъ былъ всегда и какимъ, вѣроятно, останется навсегда. И впечатлѣніе вышло дѣйствительно поразительное. Всѣ съ восторгомъ привѣтствовали появленіе г. Буквы во всей его неприкосновенной, дѣвственной, можно сказать, прелести, и я, невольно очарованный, сперва подумалъ, что авторъ не онъ, а г. Цитовичъ. Впрочемъ, ошибиться было легко. «Новое Время», отдавая вмѣстѣ со мною дань г. Буквѣ и зная, что высшая хвала и высшее поощреніе для молодого автора нашего времени заключается въ сопоставленіи его съ знаменитымъ стилистомъ г. Одессы, такъ отозвалось объ авторѣ фельетона:

«Характеристика,—нужно отдать справедливость г. Буквѣ,—сдѣлана очень мѣтко и такимъ стилемъ, которому позавидовалъ бы г. Цитовичъ. Радуемся, что событія заставили наконецъ сблизиться такіе, повидимому, несходные враждующіе лагери».

«Новое Время» совершенно право. Г. Цитовичъ можетъ не только позавидовать стилю г. Буквы, но еще и поучиться у послѣдняго. Я читалъ и восторгался. Восторгался и читалъ... Въ самомъ дѣлѣ, Дженни, стиль превосходный...

Не знаю, могу ли я передать тебѣ въ переводѣ все достоинство стиля, но во всякомъ случаѣ попробую сдѣлать нѣсколько выборокъ. Я бы перевелъ весь фельетонъ, такъ какъ онъ весь—прелестенъ, но не смѣю этого сдѣлать, во-первыхъ, изъ боязни заплатить г. Буквѣ вторично гонораръ за переводъ безъ позволенія, а во-вторыхъ, изъ экономіи по пересылкѣ письма. Потому ограничусь нѣсколькими мѣстами.

Разсказывая о невѣжественныхъ бродячихъ силахъ, возмущающихъ—и, разумѣется, совершенно основательно — высокообразованнаго эрудита (я слышалъ, Дженни, что онъ считается однимъ изъ

образованныхъ и знающихъ людей въ Россіи), онъ обнаруживаетъ справедливое негодованіе и, какъ справедливо выразилось «Новое Время», «мѣтко», именно мѣтко дѣлаетъ характеристику бродячихъ силъ по всей Европѣ:

«Друзья ихъ и учителя жгли библіотеки и общественныя зданія, съ бѣшенствомъ дикарей разрушали памятники старины, достояніе искусствъ, насиловали женщинъ, упивались развратомъ и кровью, двѣ недѣли праздновали неистовую оргію пьянаго скотства, считали для себя величайшею честью отрѣшиться отъ всѣхъ слѣдовъ и признаковъ цивилизаціи и, валяясь по клоакамъ и канавамъ, взывали къ «новой эрѣ», засаживая пулю въ лобъ всякому, кто не падалъ ничкомъ передъ неистовавшею уличною сволочью. Они, якобы проповѣдники «свободы», при первой возможности отличились такимъ азіатскимъ деспотизмомъ, такимъ циничнымъ неуваженіемъ къ правамъ человѣка и гражданина, такими гнусными преслѣдованіями мысли и слова и такими мазурническими захватами безнаказанно рѣзвящихся воришекъ, что первый опытъ ихъ «царствованія» вышелъ черезчуръ блестящимъ и поучительнымъ. Ни нашимъ ни западнымъ разрушителямъ не вычеркнуть его изъ своихъ волчьихъ паспортовъ. Такіе уроки никѣмъ не забываются. По отношенію къ нимъ не можетъ быть въ средѣ интеллигенціи никакого разногласія. Современныя общества слишкомъ уважаютъ свое достоинство и черезчуръ брезгливы, чтобы допустить въ нѣдрахъ своихъ апостольское главенство разбитыхъ физіономій изъ панельной черни. Кабакъ никогда не будетъ храмомъ, отребье—вожаками, свальный скопъ—цивилизаціею и кулачное насиліе—законностью. У человѣчества есть свой завѣтный драгоцѣнный складень, на который оно и будетъ вѣка молиться. Царство великихъ, не старѣющихъ истинъ, свободный полетъ мощнаго окрыленнаго духа, чудная способность развитія и совершенствованія, блага гражданской и общественной правоспособности, возвышающее и облагораживающее вліяніе матеріальнаго прогресса не нуждаются въ адвокатахъ и не боятся никакихъ ни явныхъ ни тайныхъ заговоровъ и агитацій. Наоборотъ, всякая догма, идущая въ разрѣзъ съ этими началами, будетъ низменною, на пескѣ выстроенною и недолговѣчною. А ученіе бродячихъ силъ одновременно подкапывается подъ всѣ историческіе и духовные устои. Мать «новой эры», родивъ на «общественномъ спускѣ» сына отъ брата и миропомазавъ младенца петролемъ, должна была бы развивать и воспитывать его не то въ духѣ Зоологическаго сада, не то во вкусѣ съѣзжей камеры, занимающейся «учеными» рефератами. Отцу, положимъ, еще хватило бы на колбасу и на водку кое-какихъ остатковъ отъ упраздненныхъ казначействъ и банковъ, но юный динамитный гражданинъ вселенной, нося на шеѣ образокъ «Бланки-угодника», уже долженъ былъ бы думать о свайныхъ постройкахъ и безплатныхъ капибальскихъ буфетахъ. Внукамъ же пришлось бы

уже совсѣмъ изобезьяниться, дабы достигнуть идеала бебелевскаго человѣка».

Что же касается до литературы бродячихъ силъ Германіи и Франціи, которую нашъ авторъ, какъ видно, изучилъ во всей полнотѣ, то, по словамъ его, она никогда не возвышалась до высоты письменнаго стиля. «Бродячіе теоретики, условные, отвлеченные мечтатели и доктринеры, не признаваемые ни однимъ ни другимъ лагеремъ. Литература бродячихъ силъ писалась и пишется на тумбахъ и въ ночлежныхъ норахъ. Это—продуктъ невѣжества, распущенности, неуваженія къ личности и отрицанія закона. Возставая противъ произвола и несправедливостей, она идеализируетъ насиліе, кровавую расправу и огульную ломку, вызываемую и оправдываемую инстинктами дикаря. Она разрушаетъ, ничего не созидая. Все въ ней подтасовано, передернуто, преувеличено и несбыточно. Она пикантна для незрѣлыхъ умовъ только своими цинизмами и парадоксами. Это—поэзія бездѣльничающаго и нахальнаго лѣнтяя-оборвыша. Она игнорируетъ общество, но и обществу нѣтъ до нея ни малѣйшаго дѣла. Эти параллели никогда не встрѣтятся».

Всѣ высказанныя мысли, надѣюсь, прольютъ наконецъ свѣтъ на сущность вопроса, и, смѣю думать, чело молодого фельетониста осѣнится блескомъ славы, вполнѣ имъ заслуженной. Онъ вникъ глубоко въ корень, онъ изучилъ, можно сказать, до тонкости европейскую науку и можетъ по совѣсти сказать:

«Отнынѣ я знаменитъ!»

Ахъ, Дженни, Дженни, по какія же могутъ быть трагикомическія послѣдствія! Вечеромъ того самаго дня, когда зародилась слава г. Буквы, я былъ въ одномъ балаганѣ,—нынче масленица,—и, выходя оттуда, былъ пораженъ слѣдующими словами, вылетавшими изъ устъ подгулявшаго мелочного торговца. Онъ говорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Студенты заграничные, значитъ, вырѣзаютъ у бабъ груди и жрутъ, а послѣ внутренности вынимаютъ и тоже жрутъ, а какъ насытятся, то кидаютъ остатки собакамъ. Вотъ кто студенты въ заграницѣ...

— Врешь?

— Честное слово... Сегодня въ газетѣ читалъ... Буква писала!..

— Онъ не говорилъ этого... Онъ не говорилъ этого!—воскликнулъ я, видя, какъ здоровыя мысли, переходя изъ паркетнаго кабинета въ «панельную чернь», извращаются.—Онъ не говорилъ этого... Студенты...

— Господинъ... потише!..—прервалъ меня старичокъ, сидѣвшій у кассы.

— А что?

— Не ругайтесь!!.

Я и забылъ объ этомъ, Дженни. И, спасибо, старикъ напомнилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эти слова многими здѣсь считаются ругательными.

Ты познакомилась, Дженни, съ весной въ русскихъ газетахъ. Въ слѣдующемъ письмѣ поговорю о веснѣ въ Полтавской губерніи. До слѣдующаго письма.

Письмо пятьдесятъ второе.

Дорогая Дженни!

«Оставивъ въ сторонѣ подробности», побесѣдую съ тобой о предметахъ, быть-можетъ, и менѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорятъ теперь газеты, но, во всякомъ случаѣ, поучительныхъ и для джентльменовъ деревни имѣющихъ весьма существенное значеніе.

Во-первыхъ, во многихъ мѣстностяхъ Россіи неурожаи, а во-вторыхъ, въ Полтавской губерніи и въ нѣсколькихъ смежныхъ губерніяхъ свирѣпствуетъ дифтеритъ, и свирѣпствуетъ съ такой силой, что воображеніе англичанина отказывается вѣрить сообщаемымъ цифрамъ смертности. По обычаю, корень котораго, кажется, въ тѣхъ временахъ, когда еще царствовалъ въ Россіи царь Горохъ (русскіе, впрочемъ, говорятъ, что это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ правителей), русскіе не всегда успѣваютъ—несмотря, конечно, на желаніе—принимать мѣры своевременно, и къ тому же терпящіе о неурожаѣ, по свойственной русскому человѣку безпритязательности, не сообщаютъ о томъ по начальству, такъ что начальство имѣетъ возможность догадаться иногда слишкомъ поздно. Вотъ почему и мѣры не всегда успѣваютъ, несмотря на все желаніе.

«Голодъ—вотъ слово,—сообщаетъ корреспондентъ «Голоса»:—которое теперь у всѣхъ на языкѣ, начиная отъ Каспійскаго моря до Чернаго и границъ Азіатской Турціи. Принимаются самыя радикальныя мѣры: мѣстныя власти не щадятъ никакихъ средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, чтобъ умѣрить бѣдствія края; общество, въ свою очередь, занято мыслями о развитіи благотворительности въ широкихъ размѣрахъ. Но все, что уже сдѣлано или придется впредь сдѣлать, не можетъ уже принести и десятой доли тѣхъ плодовъ, какіе могли бы быть пожаты, если бы тѣ же самыя мѣры были приняты нѣсколько мѣсяцевъ назадъ—къ сожалѣнію, никто не хотѣлъ вѣрить этому! Прошло съ тѣхъ поръ три мѣсяца, и вотъ среди бѣлаго дня, въ городѣ Нахичевани, Эриванской губерніи, зарѣзался отецъ семейства, нѣкто Гассанъ, сознавшись врачу и нотаріусу въ предсмертныхъ судорогахъ, что ему тяжко было видѣть муки своего семейства отъ неминуемой голодной смерти, и потому онъ рѣшился покончить разомъ съ собою.

«Сообщаю вамъ еще объ одномъ вопіющемъ фактѣ, свидѣтелемъ котораго былъ пишущій эти строки. Нѣкто Хаджи, изъ деревни Умри, за 20 пудовъ пшеницы продалъ своихъ двухъ семи- и десятилѣтнихъ малютокъ—сына и дочь! Всего ужаснѣе то, что и голодъ разыгрался не

только по всей окраинѣ Закавказскаго края, но и далеко за предѣлами ея, въ пограничныхъ персидскихъ и турецкихъ провинціяхъ, такъ что не откуда и помочь голодающимъ: На Кавказѣ нигдѣ нѣтъ излишка даже у скупщиковъ, а изъ Россіи и заграницы подвозъ закрытъ по случаю жестокой зимы и заваловъ». Вотъ перечень тѣхъ провинцій, гдѣ нынѣ ощущается настоящій голодъ:

Въ Вастураканѣ, въ Ванской области, турецкой Арменіи, невозможно удовлетворить жителей собственными ихъ средствами. Было бы величайшимъ благомъ, если бы русскіе армяне пожалѣли своихъ несчастныхъ братьевъ и оказали имъ помощь. Въ Ванѣ были случаи смерти отъ голода. Въ Лорійской области, самой южной и жаркой по климату полосы Закавказскаго края, выпалъ снѣгъ глубиною въ аршинъ. Небывалый примѣръ! Голодъ страшный—пудъ пшеницы 4 р. Въ Нухѣ, еще мѣсяцъ назадъ, въ виду наступающаго голода, образовалось товарищество, составившее капиталъ въ 151.150 руб. для закупки хлѣба, чтобы снабжать имъ городъ по возможно умѣренной цѣнѣ; но это благое дѣло оказалось каплею въ морѣ. Въ Батумской области хлѣбъ сильно вздорожалъ; къ веснѣ угрожаетъ настоящій голодъ. Въ уѣздахъ Даралагезскомъ, Александропольскомъ, Эчміадзинскомъ давно наступила голодная пора. Въ Ордуборѣ пудъ пшеницы 3 руб. 40 коп.

Въ Тифлисѣ образовалась правительственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Пещурова, для обезпеченія народнаго продовольствія въ краѣ. Одновременно съ этимъ, его императорское высочество намѣстникъ кавказскій вошелъ съ представленіемъ въ кавказскій комитетъ объ исходатайствованіи разрѣшенія кредита въ 1,000.000 рублей для помощи голодающимъ.

Независимо отъ этого, въ случаяхъ неотлагательныхъ, уже оказаны пособія. По Тифлисской губерніи отпущено изъ мѣстныхъ интендантскихъ складовъ 14.500 пудовъ. По Елисаветпольской губерніи отпущено въ распоряженіе губернатора 35.000 р.; по Бакинской губерніи 28.000 р.; по Эриванской губерніи 39.000 р. и 7.100 пудовъ пшеницы.

И изъ другихъ мѣстъ появляются не вполнѣ благопріятныя свѣдѣнія. По словамъ газетъ, «нужда крестьянъ» и недоимки растутъ. По официальнымъ даннымъ къ 1 января 1878 года окладъ выкупныхъ платежей по имперіи составлялъ 41 милліонъ, а недоимки по нимъ 16½ милліоновъ (около 40%). Въ подушной подати, составляющей 54 милліона въ годъ, недоимка составляетъ 11½ милліоновъ (21%), и нѣтъ возможности взыскать, при всемъ желаніи, эти недоимки.

По словамъ «Голоса»—

«министерству финансовъ, на его запросы казеннымъ палатамъ, губернаторамъ, земствамъ, пришлось выслушать, что во многихъ мѣстахъ своего хлѣба крестьянамъ не хватаетъ далѣе «заговѣнья» (15-го ноября) и даже далѣе Покрова (1-го октября), а спеціальныя комиссіи,

отправленныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія уѣздовъ Суражскаго и Мглинскаго, доносили, что тамъ «хлѣбъ почти недоступенъ для крестьянъ», что онъ служитъ не средствомъ питанія, а только «избавленіемъ отъ голодной смерти».

«Крестьяне употребляютъ хлѣбъ съ примѣсью сорныхъ травъ и конопляныхъ выжимокъ въ количествѣ иногда до половины и даже до $^2/_3$. Есть селенія, въ которыхъ крестьяне не видятъ и такого хлѣба и по два, по три дня питаются щавелемъ, сваренымъ въ водѣ.

«Несмотря на все это, крестьяне еще кое-что платятъ, очевидно, «насчетъ своего питанія»; зато, «вслѣдствіе смертности отъ неблагопріятныхъ условій жизни», въ нѣкоторыхъ обществахъ (въ 50-ти изъ уѣзда) населеніе не только не увеличилось, но даже уменьшилось!»

Разумѣется, русскіе принимаютъ мѣры, но мѣры, при всемъ добромъ желаніи, не достигаютъ цѣли, такъ какъ мѣры эти имѣютъ характеръ палліативнаго лѣченія; иначе говоря, платежная тяжесть остается нетронутой...

Съ другой стороны, и дѣло слишкомъ серьезно, что̀ легко можешь, Дженни, видѣть хотя бы на вопросѣ о дифтеритѣ, поднятомъ благодаря тому, что во многихъ уѣздахъ Полтавской губерніи, какъ свидѣтельствуютъ офиціальныя свѣдѣнія, вымерло значительное число дѣтскаго населенія. Прочти эти строки и не ужасайся: «Я видѣлъ одного полтавскаго помѣщика,—сообщаетъ докторъ Зеленскій:—подтверждающаго, что въ одномъ изъ мѣстныхъ селеній въ 12.000 жителей всѣ дѣти вымерли».

Да хранитъ Господь Богъ нашихъ дѣтей! Но снова повторяю, не ужасайся и не удивляйся, что и я перестаю ужасаться.

Глядя, какъ русскіе хладнокровно читаютъ о такихъ вещахъ, я и самъ пріучился говорить о многомъ хладнокровно; впрочемъ, надо сказать правду—русскіе, какъ видно, не особенно дорожатъ жизнью, такъ что въ этомъ отношеніи похожи на китайцевъ. Имъ все трынъ-трава, какъ здѣсь выражаются, хотя бы процентъ смертности, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, и достигалъ значительной высоты.

Если вѣрить доктору Зеленскому, напечатавшему весьма интересную статью о дифтеритѣ въ Россіи, то русскаго человѣка мало волнуютъ общественныя бѣдствія. Его глаза присмотрѣлись ко всякой бѣдѣ, его нервы ко всему притерпѣлись. Эта безучастность къ общему дѣлу воспитались и укрѣпилась въ русскомъ народѣ — исключая нѣсколько свѣтлыхъ моментовъ—всею его историческою жизнью. Забота объ общемъ благѣ никогда не касалась массы личностей, какъ части цѣлаго, и потому всякій членъ общества искони привыкъ сосредоточивать исключительно всѣ помыслы и дѣянія въ своей единичной, чисто-эгоистической сферѣ. Все, что̀ совершалось внѣ ея, мало его трогало или вовсе было ему чуждо. Изъ всего цивилизованнаго міра, имъ больше всего приличенъ девизъ: «всякій за себя и Богъ за всѣхъ». Но

тѣмъ не менѣе бываютъ случаи, когда эта общественная апатія невольно возмущаетъ душу.

Почему русскаго человѣка мало волнуютъ общественныя бѣдствія, и почему онъ впадаетъ въ апатію, объ этомъ я не стану распространяться; разумѣется, можно «невольно» и «вольно» возмущаться, а все-таки апатія будетъ, пока русскіе только «возмущаются».

По словамъ доктора, эпидемія этого рода не стоитъ на одномъ мѣстѣ. «Она съ каждымъ днемъ распространяется все на бо́льшія территоріи. Сумма въ десятки тысячъ жертвъ скоро вырастетъ въ сотни тысячъ. Изъ нихъ главный контингентъ принадлежитъ дѣтскому возрасту. Не только этотъ повальный моръ ужасенъ самъ по себѣ, но самый родъ смерти отъ дифтерита еще глубже долженъ потрясти человѣческую душу. Бо́льшая часть несчастныхъ малютокъ умираетъ отъ пораженія дыхательнаго горла. Это не мгновенное задушеніе, а продолжающееся нѣсколько безконечныхъ дней и почей. Жестокая боль душитъ свою жертву каждое мгновеніе, останавливаясь каждый разъ на порогѣ смерти, давъ ребенку вздохнуть для того только, чтобъ снова начать свою ужасную работу. Невыразимо мучительно покупаютъ эти несчастныя малютки свой преждевременный могильный покой. Душевная боль, вызываемая этою картиной, еще больше обостряется сознаніемъ, что, даже при нынѣшнемъ состояніи науки, многія тысячи жертвъ могли бы быть несомнѣнно спасены не только отъ заразы, но и отъ развившейся уже болѣзни. Безконечная продолжительность эпидеміи въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, ужасная отъ нея смертность свидѣтельствуютъ о среднсвѣковомъ состояніи нашей цивилизаціи. По Эртелю, цифра смертности въ различныхъ эпидеміяхъ колеблется между 30 и 40%, у насъ же между 60 и 85%! Причина этой продолжительности и смертности эпидеміи большею частью, безъ всякаго сомнѣнія, зависитъ отъ апатіи общества, отъ игнорированія того, что́ успѣла выработать наука въ этомъ отношеніи.

«Что́ сдѣлало мѣстнос общество и земство въ продолженіе всего существованія эпидеміи для борьбы съ нею? Невыразимо стыдно за него, но нужно сознаться, что оно почти ничего не сдѣлало. Какъ видно изъ брошюры г. Ахшарумова, только послѣ трехлѣтняго свирѣпствованія эпидеміи полтавское земство постановило: выдавать каждому уѣзду по 500 руб. на принятіе мѣръ къ прекращенію дифтерита. Для борьбы съ эпидеміей въ каждомъ уѣздѣ до того имѣлись не болѣе одного или двухъ врачей; только въ половинѣ 1879 года въ уѣздѣ уже находилось пять врачей и около 20-ти фельдшеровъ. Что́ можетъ сдѣлать даже и этотъ увеличенный медицинскій персоналъ съ 5.000 больныхъ, изъ которыхъ каждаго необходимо изслѣдовать, спринцовать и т. п. по нѣсколько разъ въ день, пойметъ всякій».

Когда уже смертность сдѣлалась ужасающая, тогда поднялся вопросъ

и, какъ извѣстно, Красный Крестъ послалъ отрядъ, а земство ассигновало 100.000. Но эпидемія была уже запущена.

Какъ и всегда, когда здѣсь бѣдствіе является уже слишкомъ гласнымъ, собираются комиссіи и рѣшаются вопросы: отчего, почему, какъ и гдѣ и т. п... И тогда-то всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ, что нищета служитъ лучшимъ проводникомъ всевозможныхъ эпидемій.

Но пройдетъ яркая картина, пронесется смертный бичъ—и снова комиссіи упраздняются, и снова русскіе по легкомыслію забываютъ выводъ комиссіи, снова тѣ же условія прикапливаютъ матеріалъ для новой эпидеміи, и снова, когда эпидемія достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ, собираются новыя ученыя комиссіи, констатируютъ факты, изслѣдуютъ причины, произносятъ опять слова: «невѣжество, нищета», посылаютъ врачей и... и понимаютъ, что ставятъ заплатку, такъ какъ врачи не могутъ же ни поднять благосостоянія, ни дать хлѣба, ни дать молока.

Вотъ какъ докторъ Зеленскій описываетъ причины трудностей борьбы съ дифтеритомъ и самую болѣзнь, при которой съ ужаснѣйшими мученіями умираютъ жертвы:

«Съ самаго ранняго начала жизни человѣчества, между всѣми его союзами, самый тѣсный союзъ былъ всегда между паразитизмомъ и нуждою человѣчества. Несмотря на то, что югъ Россіи есть самый плодородный и богато одаренъ природою въ климатическомъ и другихъ отношеніяхъ, питаніе мѣстныхъ жителей ужасно, жилища—клоаки и разсадники заразительныхъ болѣзней. Бо́льшую половину года, вслѣдствіе постовъ, дѣти совершенно лишаются употребленія молока и необходимыхъ для ихъ развитія жировъ. Каша, невозможныя галушки, дурно испеченный хлѣбъ и картофель составляютъ пищу зажиточныхъ крестьянъ. О бѣдныхъ и говорить страшно. Пища производителей этихъ дѣтей не лучшаго качества. Истощающій мышечный трудъ взрослыхъ, при самой ничтожной мыслевой дѣятельности, заставляетъ искать ихъ въ водкѣ средство искусственнаго возбужденія фантазіи, какъ суррогата мысли, и средство возвышенія низкаго уровня дѣятельности нервной системы. Этимъ искусственнымъ стимуломъ, оставляющимъ послѣ своего возбужденія еще большій упадокъ дѣятельности нервной системы, еще болѣе расшатывается сила ея устоя противъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній на организмъ. Это даетъ себя знать путемъ наслѣдства въ дѣтяхъ. Смертность между ними и безъ дифтерита ужасная.

«Жилье этихъ людей, несмотря на привлекательную бѣлизну стѣнъ, не находитъ себѣ ничего подобнаго во всей Европѣ въ отношеніи гигіеническаго безобразія. Бокъ-о-бокъ съ хатою или въ ихъ сѣняхъ находится помѣщеніе для домашнихъ животныхъ, гдѣ гніетъ все, ими извергаемое. Въ самой хатѣ маленькія окна, почти всегда наглухо задѣланныя; но ужаснѣе всего голый земляной полъ. Малороссы боятся холода. Дѣти и бабы, особенно, почти во всю зиму безвыходно остаются въ хатѣ. Любимое мѣсто пребыванія въ хатѣ—натопленная печь. Кромѣ

тѣсноты и вони въ хатѣ отъ людей, тамъ очень часто находятся и испражняются мелкія животныя и птицы. Вслѣдствіе опасенія холода, двери всегда зимою тщательно запираются. Независимо отъ ужасной испорченности воздуха, которымъ дышатъ обитатели такой хаты, весь вредъ его дѣлается еще понятнѣе, когда мы вспомнимъ, что стѣны этихъ хатъ выбѣлены мѣломъ—веществомъ очень гигроскопическимъ и потому обильно поглощающимъ испаренія и газы. Сверхъ того, хаты, строящіяся безъ фундамента, имѣютъ полъ непосредственно на почвѣ, голый, и потому имъ очень легко всасываются всѣ нечистоты, изливающіяся на него сверху, а снизу черезъ него входятъ въ хату всѣ грунтовыя вредныя испаренія и міазмы. Эти условія, по нашему мнѣнію, очень легко объясняютъ констатированный фактъ, что дифтеритъ въ деревняхъ, въ большомъ воздушномъ просторѣ, несравненно болѣе уноситъ жертвъ, нежели въ городахъ, несмотря на то, что города тоже находятся въ очень плачевныхъ условіяхъ».

Кригеръ, изслѣдовавшій причины заболѣванія дифтеритомъ въ семействахъ рабочихъ, говоритъ: «Дѣти, остающіяся болѣе дома зимою, спящія въ мѣстахъ комнатъ, болѣе приближенныхъ къ печи, въ продолженіе зимы отъ накопляющагося вліянія искусственнаго комнатнаго климата болѣе расположены и легче заболѣваютъ дифтеритомъ». Гейгель, разсматривая причины разстройства общественнаго здоровья, говоритъ слѣдующее: «Что почва въ большомъ видѣ, то полъ жилья въ маломъ, при соотвѣтственныхъ условіяхъ. Какъ въ глубинѣ земли, такъ же въ отверстіи пола и щеляхъ между его досками или въ разрыхленномъ пескѣ и глинѣ могутъ развиваться условія зарожденія тифозной эпидеміи отъ разложенія и гніенія органическихъ веществъ, такъ же, какъ въ глубинѣ земли». У насъ же, гдѣ весь полъ есть голая земля, о щеляхъ и рѣчи быть не можетъ. Всѣ, живущіе въ хатѣ, не только окружены ими самими испорченною атмосферою, вредно измѣняющею кровь и питаніе организма, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находятся постоянно подъ вліяніемъ вредныхъ испареній отъ стѣнъ и всей поверхности пола жилья. Если мы къ этому прибавимъ нерасположеніе малороссіянъ къ банямъ, при чемъ, кромѣ мѣстныхъ обмываній, общія производятся только лѣтомъ въ мѣстныхъ рѣчкахъ и прудахъ, только тамъ, гдѣ они имѣются, то получится полная картина.

«Вредное вліяніе продолжительнаго пребыванія въ дурно вентилированномъ жильѣ, — говоритъ Гейгель: — неизмѣримо увеличится, когда къ вдыханію испорченнаго, можетъ-быть, и съ примѣсью міазматическихъ веществъ, воздуха, вызывающаго болѣзненное кровообразованіе, еще присоединяются неправильности въ отправленіяхъ кожи. Тѣснота помѣщенія и непониманіе условій заразы вообще, со стороны родителей способствуютъ инокуляціи и большому развитію круга зараженія».

Вотъ съ какимъ врагомъ приходится, Дженни, бороться. А между

тѣмъ врагъ силенъ, а русскіе слабы, больше чѣмъ слабы, какъ видишь, почти беззащитны.

Но что еще страннѣе, Дженни, такъ это то,—если вѣрить доктору Зеленскому,—что при этой-то беззащитности люди, на которыхъ возложено было руководство дѣломъ, оказываются далеко не на высотѣ науки. Такъ, докторъ Зеленскій, разбирая составленное профессоромъ Быстровымъ «Наставленіе всѣмъ грамотнымъ людямъ» и разосланное по всѣмъ волостямъ и деревнямъ, приходитъ къ неутѣшительному результату, объясняя, что совѣты профессора совсѣмъ не научны, а блещутъ шарлатанствомъ...

Не смѣя судить, кто правъ, я все-таки не могъ не согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями доктора...

Что тебѣ еще сказать, Дженни?.. Остается поставить точку.

Письмо пятьдесятъ третье.

Дорогая Дженни!

Какъ ни прискорбно мнѣ, гражданину веселой Англіи, но чувство справедливости пересиливаетъ національную гордость и заставляетъ вполнѣ согласиться съ однимъ высокоуважаемымъ русскимъ лордомъ (отставнымъ статскимъ совѣтникомъ), съ которымъ я недавно велъ бесѣду о многихъ предметахъ возвышеннаго характера, — подробности прочтешь ниже,—что крайнее невѣжество, непроницательность и отсутствіе мало-мальски замѣтныхъ способностей въ государственныхъ людяхъ Англіи (о Франціи нечего и говорить: для кого секретъ французское легкомысліе?) составляютъ общеизвѣстный, хотя и печальный фактъ.

Надо, дорогая моя, пожить въ Россіи, вдалекѣ отъ родной страны, чтобы отнестись объективно къ нашимъ дѣятелямъ и имѣть возможность безпристрастно судить о ихъ поведеніи. Считаю долгомъ повторить,—какъ это ни горько,—что я долженъ былъ безусловно признать доводы русскаго статскаго совѣтника, когда онъ сдѣлалъ честь посвятить меня въ глубину государственной мудрости, имъ высказанной, заставивъ пожалѣть, что мой высокоуважаемый другъ не у дѣлъ, а въ отставкѣ, хотя съ пенсіономъ и мундиромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Дженни, благодаря политическимъ промахамъ Бикки—мало его, какъ видно, школятъ въ газетахъ—и невозможнымъ интригамъ на дальнемъ Востокѣ, положеніе иностранцевъ, не только обыкновенныхъ, но даже и знатныхъ, въ столь гостепріимной странѣ, какъ любимая мною Россія, могло бы подвергнуться весьма тяжкимъ испытаніямъ, если бы воспослѣдовали назначенія: извѣстнаго московскаго историка, Д. Иловайскаго, министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто его свѣтлости князя А. Д. Горчакова, а М. Н. Каткова, знаменитаго публициста, министромъ внутреннихъ дѣлъ, какъ о томъ ходили слухи и, если не ошибаюсь, какъ сообщалъ изъ Парижа

русскій корреспондентъ, мистеръ Молчановъ, со словъ президента совѣта министровъ, г. де-Фрейсинэ, съ которымъ названный русскій джентльменъ недавно имѣлъ весьма продолжительное свиданіе *).

Должно откровенно признаться тебѣ, Дженни, что, когда до меня дошли слухи объ этихъ назначеніяхъ, я сперва не повѣрилъ имъ. Здѣсь въ Петербургѣ ходитъ столько слуховъ, что рѣшительно теряешь голову и не знаешь, чему вѣрить, чему не вѣрить, тѣмъ болѣе, что иногда самые неправдоподобные слухи оказываются справедливыми и, наоборотъ, правдоподобные оказываются не имѣющими и тѣни достовѣрности. Но когда вслѣдъ затѣмъ почтенный профессоръ обнародовалъ свою программу дѣйствій по отношенію къ иностранцамъ вообще, а къ англичанамъ и французамъ въ особенности (М. Н. Катковъ программы не обнародовалъ, увѣренный, что программа его достаточно извѣстна), а г. де-Фрейсинэ сообщилъ русскому корреспонденту о новыхъ кандидатахъ, то твой Джонни почувствовалъ такое же смущеніе, какое испытывалъ онъ нѣсколько дней тому назадъ, когда верзила-дворникъ чуть-было по ошибкѣ не принялъ его за подозрительнаго джентльмена (я, признаться, хорошо пообѣдалъ въ тотъ день и вмѣсто своей квартиры постучался въ чужую).

Чтобы объяснить тебѣ, Дженни, законность моего смущенія (смущеніе, какъ увидишь, оказалось, по счастію, преждевременнымъ), замѣчу тебѣ, что въ программѣ, рекомендованной почтеннымъ профессоромъ изъ Москвы, во-первыхъ, требовалось повышеніе тарифа для произведеній Англіи и Франціи, а во-вторыхъ, пересмотръ правъ и льготъ англійскихъ и французскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Россіи. Тарифъ меня не касается. Я не веду торговли и лично въ тарифѣ не заинтересованъ, но вопросъ о льготахъ и правахъ смутилъ меня въ первую минуту настолько, что я забылъ даже званіе знатнаго иностранца и хотѣлъ немедленно выѣхать изъ Россіи. Въ поясненіе такой поспѣшности долженъ замѣтить тебѣ, Дженни, что, живя въ этой странѣ второй годъ, я очень хорошо освоился съ значеніемъ, придаваемымъ здѣсь нѣкоторымъ понятіямъ, особенно со стороны такихъ рѣшительныхъ джентльменовъ, какъ московскій публицистъ и московскій историкъ, тѣмъ болѣе, что московскій профессоръ взводитъ на насъ, англичанъ, самыя тяжкія обвиненія. «Я даже способенъ,—пишетъ онъ:—заподозрѣть нѣкоторую отдаленную связь между намѣреніями и

---

*) Почтенный лордъ взвелъ напраслину на парижскаго корреспондента русской газеты. О назначеніяхъ гг. Иловайскаго и Каткова министръ де-Фрейсинэ г. Молчанову не сообщалъ, какъ видно изъ его корреспонденціи. Президентъ французскаго министерства разсказалъ только нашему соотечественнику, что будто бы на мѣсто нашего посла есть два кандидата: князь Горчаковъ 2-й и графъ Игнатьевъ. О другихъ же назначеніяхъ г. де-Фрейсинэ дипломатически умолчалъ передъ почтеннымъ корреспондентомъ.

Прим. переводчика.

затѣями нашихъ противниковъ и послѣдними адскими покушеніями. Признаюсь, въ своихъ подозрѣніяхъ я захожу такъ далеко, что вижу дѣйствіе все той же руки и въ послѣднемъ возбужденіи противъ насъ китайскаго правительства. Вновь и вновь повторяю: болѣе чѣмъ когда-нибудь намъ нужны государственные люди, и прежде всего государственные люди, а не пустыя разсужденія о томъ, что̀ можетъ или что̀ должно дѣлать общество при настоящихъ обстоятельствахъ». Не мнѣ, конечно, опровергать такого ученаго профессора, котораго превосходитъ своею ученостью развѣ только одинъ г. Цитовичъ, но опять-таки повторю, выражаясь словами профессора, что намъ, англичанамъ, нужны государственные люди, и прежде всего государственные люди, а не такіе верхогляды, какъ Дизи, способные совершенно напрасно вызывать противъ своихъ соотечественниковъ подозрѣнія, подобныя только-что изложеннымъ.

Когда прошли первыя минуты смущенія и я сообразилъ, что въ случаѣ надобности успѣю во всякое время выѣхать отсюда безъ ущерба для своего достоинства (въ чемъ гарантировалъ меня, между прочимъ, знакомый мой участковый надзиратель), я рѣшилъ навести точныя справки о положеніи дѣлъ и съ этой цѣлью счелъ самымъ лучшимъ попросить аудіенціи у редактора газеты «Новое Время», такъ какъ редакція названной газеты, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, нюхаетъ вездѣ, имѣетъ по всѣмъ вопросамъ самыя точныя свѣдѣнія и отличается, кромѣ того, замѣчательной правдивостью своихъ сообщеній, хотя другія газеты изъ чувства зависти и отрицаютъ это. Получивъ на слѣдующій день разрѣшеніе видѣть редактора, я вышелъ отъ добропорядочнаго джентльмена вполнѣ успокоенный. Онъ категорически объяснилъ мнѣ, что извѣстіе о назначеніяхъ гг. Иловайскаго и Каткова не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, и что льготы и права иностранцевъ рѣшительно остаются неприкосновенными, хотя, прибавилъ онъ не безъ внушительности, Англія должна помнить... О чемъ помнить,— почтенный джентльменъ мнѣ не объяснилъ, и я изъ деликатности не сталъ настаивать, не желая злоупотреблять его любезностью больше, чѣмъ слѣдовало.

Вполнѣ успокоенный насчетъ сохраненія правъ и льготъ, которыми я, въ качествѣ знатнаго иностранца, пользуюсь въ гостепріимной странѣ, я на слѣдующій день посѣтилъ выставку картинъ Верещагина, по поводу которыхъ въ русскихъ газетахъ уже возникла полемика, и, какъ водится, полемика довольно рѣшительнаго характера, касавшаяся, впрочемъ, не столько достоинствъ или недостатковъ картинъ, сколько нравственности и воззрѣній достопочтеннаго художника.

Я познакомлю тебя съ образчиками названной полемики, изъ которой, между прочимъ, ты, Дженни, увидишь, что русскіе въ печати ругаются мастерски (нечего и прибавлять, что мастерство это проявляется только по отношенію къ собратамъ или, въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ, по отношенію къ министрамъ иностранныхъ державъ). Предварительно замѣчу только, какъ о характеристической чертѣ, что въ полемикѣ, возникающей въ русской прессѣ, замѣтна склонность многихъ журналистовъ предпринимать экскурсіи въ область помысловъ, поведенія и даже частной жизни. Копаясь съ психологической любознательностью въ душѣ собрата по поводу статьи или картины, русскіе журналисты, послѣ тщательнаго психологическаго изслѣдованія, даютъ нерѣдко весьма цѣнныя указанія не только насчетъ образа мыслей и поведенія, но, какъ я уже упоминалъ, и насчетъ самыхъ интимныхъ сторонъ частной жизни. Такъ, напримѣръ, здѣсь нерѣдко можно узнать изъ газетъ о семейной жизни не только выдающихся литераторовъ, но даже черты изъ домашней жизни заурядныхъ рабочихъ, опубликованныя съ болѣе или менѣе тщательно обработанными подробностями, доходящими иногда даже до указаній на гастрономическіе вкусы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя экскурсіи, съ одной стороны, весьма облегчаютъ задачу въ разрѣшеніи вопроса о благонамѣренности, не говоря уже объ облегченіи для біографовъ, но, съ другой стороны, какъ мнѣ кажется, уже начинаютъ надоѣдать русскимъ читателямъ, какъ бы, казалось, ни любопытно было знать: сохраняетъ ли супружескую вѣрность или не сохраняетъ тотъ или другой джентльменъ, владѣющій перомъ.

Не касаясь пока причинъ подобнаго психологическаго направленія въ прессѣ, спѣшу, Дженни, сказать въ защиту русскихъ журналистовъ, что они по большей части работаютъ въ указанномъ направленіи, не вслѣдствіе какого-либо давленія и даже не разсчитывая на знаки вниманія, выраженные хотя бы въ правѣ на стулъ при встрѣчахъ съ особами чиномъ выше титулярнаго совѣтника, а дѣйствуютъ совершенно добровольно и вполнѣ безкорыстно, что, безъ сомнѣнія, только усиливаетъ цѣну руководящихъ ими чувствъ.

Однако пора вернуться къ выставкѣ Верещагина.

Признаюсь тебѣ, Дженни, что я давно не испытывалъ—хотя на своемъ вѣку и видалъ много картинъ—такого глубокаго потрясающаго впечатлѣнія, какое испыталъ я, подробно осмотрѣвши двадцать двѣ картины изъ послѣдней русско-турецкой войны. Война со всѣми ея ужасами, со всѣмъ ея безпощаднымъ, нерѣдко роковымъ звѣрствомъ, явилась въ картинахъ могучаго художника въ глубоко-правдивомъ, неприкрашенномъ видѣ. Невольно захватывало духъ, и сердце сжималось тоской при видѣ художественной эпопеи послѣдней войны, героемъ и страдальцемъ которой былъ все тотъ же герой и страдалецъ—всевыносливый солдатъ, безропотно умиравшій подъ пулями или заживо погребаемый въ снѣгу. Онъ, этотъ глубоко-симпатичный въ изображеніи художника русскій солдатъ, вездѣ, во всѣхъ картинахъ, необыкновенно характеренъ, живъ и реаленъ: тогда ли, когда онъ стоитъ на часахъ и, какъ-то неесте-

ственно вытянувшись, ожидаетъ выхода начальника, тогда ли, когда, поднявшись на редутъ, съ какимъ-то безсознательно-безшабашнымъ выраженіемъ озираетъ рядъ труповъ, лежащихъ внизу; тогда ли, когда, стоя на часахъ среди снѣжной мятели, въ тоненькой шинели, обмотанный башлыкомъ, въ холодныхъ сапогахъ, онъ покорно ожидаетъ смѣны или смерти; тогда ли, когда, тяжко раненый, онъ опять-таки съ захватывающей сердце покорностью страданія сидитъ въ телѣгѣ. По словамъ каталога, «телѣги самаго примитивнаго устройства, медленно тащимыя волами, были причиной немалыхъ страданій. Многія простыя, легкія раны, послѣ такой долгой, мучительной перевозки, обращались въ смертельныя, гангренозныя...»

Слова, дорогая моя Дженни, безсильны передъ тѣмъ, что видишь на полотнѣ... Передъ этой правдивой трагедіей войны слово нѣмѣетъ и зритель невольно проникается весь чувствомъ ужаса и состраданія. Художникъ не покривилъ душой, не принарядилъ войну, не пошелъ по стопамъ тѣхъ банальныхъ художниковъ пера и кисти (а такихъ художниковъ немало), которые и изъ ужасовъ войны готовы сдѣлать веселое зрѣлище, выдвинувъ напередъ гарцующихъ генераловъ и ликующихъ солдатъ и припрятавъ груду мертвецовъ, способныхъ нарушить гармонію этой лживой обстановки. Равнымъ образомъ художникъ ни унизилъ враговъ, не сдѣлалъ изъ нихъ злодѣевъ... Въ его картинахъ они такіе же страдающіе люди, умиравшіе и замерзавшіе съ такою же покорностью, какъ и русскіе. И не однѣ побѣды послужили темою картинъ крупнаго художника. Онъ далъ зрителю русскихъ солдатъ и побѣдителей и побѣжденныхъ, но побѣдители ли, побѣжденные ли, а все-таки одна и та же мысль, одно и то же чувство невольно навѣваются произведеніями Верещагина. Эта мысль—отвращеніе къ войнѣ, къ ея ужасамъ; это чувство—высоко-гуманное чувство, вызывающее на раздумье о тѣхъ милліонахъ людей, которые были, есть и долго еще будутъ только «пушечнымъ мясомъ», однимъ «пушечнымъ мясомъ» и ничѣмъ болѣе...

И какъ много этого мяса!.. Вотъ на огромномъ полѣ передъ общей могилой груды «прирѣзанныхъ и изуродованныхъ тѣлъ». Это русскія тѣла послѣ битвы подъ Телишемъ, собранныя оставшимися въ живыхъ товарищами. Священникъ въ черномъ облаченіи служитъ панихиду, а рядомъ съ нимъ солдатъ-дьячокъ. Только двѣ живыя фигуры на этомъ полѣ, усѣянномъ трупами, и болѣе никого... Солнце ярко свѣтитъ съ голубого безоблачнаго неба.

А вотъ и плѣнные, на этотъ разъ плѣнные турки. Снѣжной лентой тянется дорога, окаймленная телеграфными столбами. Пуста и безлюдна эта дорога смерти, только вороны свидѣтельствуютъ о жизни, поклевывая трупы, которыми усѣяна дорога. Впрочемъ, вотъ въ углу, кажется, есть и живые: это два турка, прислонившіеся къ столбу и спокойно ожидающіе смерти. Еще часъ-другой—и они станутъ мерт-

выми. Слабымъ коментаріемъ къ этой картинѣ служитъ слѣдующее объясненіе самого художника:

«Дорога отъ Плевны, отъ того мѣста за рѣкою Видъ, гдѣ Османъ-паша разбился о гренадеръ, до самаго Дуная, была буквально усѣяна замерзшими турками. Морозы наступили такъ внезапно и такіе сильные, что бравые защитники Плевны, въ своихъ оледенѣлыхъ одеждахъ, одинъ за другимъ падали по сторонамъ дороги и на глазахъ всѣхъ тихо, безъ криковъ и стоновъ, замерзали. Нѣкоторые замерзали долго, въ продолженіе двухъ-трехъ дней.

«Вспоминаю,— говоритъ художникъ: — двухъ турокъ: одного старика, другого совсѣмъ еще юношу, сидѣвшихъ надъ какимъ-то подобіемъ костра, надъ дымившеюся лучиною. Я ѣхалъ въ Дольній Дубнякъ, и когда, поровнявшись съ ними, остановился, юный турокъ началъ что-то объяснять, да такъ и залился слезами. Старикъ молчалъ и сердито глядѣлъ внизъ. Когда подъ вечеръ я возвращался въ Плевну, знакомая лучина уже не дымилась, молодой турокъ лежалъ навзничь, а старикъ все еще сидѣлъ неподвижно, нагнувшись,—живъ онъ былъ или тоже замерзъ?»

Я не стану перечислять тебѣ всѣхъ картинъ; я не передамъ тебѣ словами того впечатлѣнія, которое производятъ три небольшія картины, подъ названіемъ: «На Шипкѣ все спокойно». Надо самому видѣть этого часового, послѣ котораго остается только снѣжный сугробъ съ торчащимъ штыкомъ. Замѣчу только опять, что впечатлѣніе, оставляемое всѣми картинами, необыкновенно глубокое, именно, по своей правдѣ, въ чемъ главнымъ образомъ и выразился талантъ и, кромѣ того, сознательный художникъ, умѣющій навести зрителя на истинный смыслъ войны и возбудить въ немъ гуманное чувство.

Надо сказать правду, публика (входъ на выставку былъ безплатный, и потому на выставкѣ была самая разнообразная публика: рядомъ съ генеральскимъ сюртукомъ стояла чуйка, бокъ-о-бокъ съ разодѣтой дамой любовалась картиной простая женщина) отнеслась восторженно къ художнику, воочію представившему войну, какъ она есть, а не такъ, какъ она описывалась и представлялась многимъ со словъ газетъ, призывавшихъ не разъ во имя того самаго народа, кровью котораго пропитана Болгарія, къ войнѣ (теперь объявляютъ, что русскій народъ хочетъ драться съ китайцами) и представлявшихъ войну кровнымъ дѣломъ многотерпѣливыхъ русскихъ простыхъ джентльменовъ деревни.

Однако нашлись люди, нашлась, Дженни, и газета, которые оскорбились, что художникъ отступилъ отъ общепринятаго обычая, практикуемаго на лубочныхъ картинахъ, гдѣ обыкновенно, Дженни, десять русскихъ солдатъ побиваютъ тысячу враговъ и производятъ это дѣло съ такимъ торжествомъ и такою радостью, что, кажется, сейчасъ же готовы снова побивать, такъ какъ это побіеніе кромѣ удовольствія

ничего не доставляетъ. Бравые молодцы-солдаты лубочныхъ картинъ обыкновенно не получаютъ никакихъ ранъ, прикрытые ногами коня, на которомъ обыкновенно скачетъ во весь карьеръ генералъ такихъ размѣровъ, что десять русскихъ воиновъ легко могли бы помѣститься въ одной его длани. Нашли, что онъ унизилъ русскихъ, что онъ *односторонне* изобразилъ войну, короче, что онъ долженъ былъ показать войну такою, чтобы зритель послѣ осмотра картинъ вышелъ съ выставки, готовый сейчасъ же объявить войну какой угодно націи, восторженно напѣвая: «Громъ побѣды раздавайся». Вслѣдъ за подобными обвиненіями ничего не было удивительнаго, что художника стали стыдить въ недостаткѣ самаго подлиннаго патріотизма, въ преднамѣренной тенденціозности и даже въ томъ, что художникъ пишетъ изъ-за денегъ. Вслѣдъ затѣмъ началась полемика, приведшая, между прочимъ, къ необыкновеннымъ перламъ по мастерству въ ругательствахъ, которыми осыпали другъ друга въ изобиліи извѣстный журналистъ Суворинъ и художественный критикъ Стасовъ. Послѣдній, возмущенный передержками, допущенными «Новымъ Временемъ» (передержки дѣйствительно были, что доказано критикомъ документально), рѣшился вывести своего противника, какъ здѣсь выражаются, «на свѣжую воду» (почтеннаго издателя «Новаго Времени», впрочемъ, часто выводили на свѣжую воду, но это нисколько его, какъ видно, не смущаетъ) и посвятилъ бывшему своему единомышленнику и сотруднику нѣсколько такихъ біографическихъ подробностей, чтеніе которыхъ едва ли увеличило хорошее расположеніе духа знаменитаго русскаго журналиста. Подъ заглавіемъ: «Кое-что г. Суворину», художественный критикъ, задѣтый за живое «задраннымъ хвостомъ», съ которымъ будто бы носится почтенный критикъ, когда приходитъ въ телячій восторгъ (замѣть, Дженни, для характеристики журнальныхъ нравовъ, что очень недавно еще «задранный хвостъ», которымъ угощаетъ одинъ журналистъ другого, носился на страницахъ «Новаго Времени»), и разными, болѣе или менѣе подобными же полемическими красотами, не остался въ долгу и приподнесъ своему врагу рядъ такихъ любезностей, которымъ, сколько мнѣ кажется, едва ли можно выдумать нѣчто подходящее.

По словамъ г. Стасова, г. Суворинъ «давно уже слишкомъ для него омерзителенъ со всѣмъ своимъ образомъ мыслей, со всѣми своими взглядами и понятіями, со всей своей безпредѣльной фальшью и дрянностью, со всѣмъ своимъ расторопнымъ усердіемъ. Съ такими субъектами нѣтъ никакой надобности быть снисходительнымъ».

Такъ приступаетъ почтенный критикъ и, дѣйствительно, забываетъ не только снисходительность, но даже и то, что не успѣлъ еще сносить одной пары сапоговъ съ тѣхъ поръ, какъ признавался въ любви къ журналисту, съ которымъ долго и много работалъ. Въ неискренности какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ (то-есть и въ любов-

пыхъ признаніяхъ и въ нелюбовной полемикѣ) почтеннаго критика заподозрѣть невозможно, такъ что для уразумѣнія всей этой психологической путаницы остается предположить одно изъ двухъ: или что знаменитый журналистъ въ теченіе времени, необходимаго для износа одной пары сапоговъ, совершенно преобразился, что̀ едва ли вѣроятно, или что нужно было ему, выражаясь фигурально, «стукнуться лбомъ въ стѣну», чтобы убѣдиться, что передъ нимъ стѣна, а не узорчатое полотенце.

Такъ или иначе, но только дѣло въ томъ, что въ названной отповѣди г. Суворинъ оказывается «немножко (слава Богу, Дженни, что еще немножко только!) похожъ на тѣхъ несчастныхъ особъ, что̀ сдѣлаютъ «un faux pas», потомъ не устоятъ и тутъ, а потомъ и пойдутъ валять со ступеньки на ступеньку все ниже и ниже, все плоше и гаже, все вонючѣе и отвратительнѣе. Остановиться уже мудрено. Такія дамы махнутъ наконецъ на все рукой, и лобъ у нихъ болѣе не краснѣетъ». Но этотъ образчикъ еще не единственный. Недуренъ тоже, напримѣръ, и слѣдующій за уличеніемъ знаменитаго журналиста въ передергиваніи «понаторѣвшею рукою» біографическій отрывокъ:

«Когда его (т. е. почтеннаго издателя «Новаго Времени») поймаютъ во лжи и притворствѣ, когда его уличатъ, онъ тотчасъ начинаетъ вилять и увертываться самымъ противнымъ образомъ, въ родѣ тѣхъ людей, что̀ уличены бываютъ въ томъ, что ошиблись дверью или карманомъ», и т. п.

Въ концѣ концовъ достопочтенному критику кажется, что г. Суворина ожидаетъ «одна изъ самыхъ скверныхъ страницъ въ будущей исторіи нашего времени...»

Издатель «Новаго Времени» еще не отвѣчалъ своему бывшему сотруднику (хотя обѣщаетъ отвѣтить) на «кое-что», приподнесенное въ такой утонченной формѣ, но сообщилъ только слѣдующее письмецо къ нему, Суворину, отъ Стасова отъ 23 октября 1879 г., т. е. пять мѣсяцевъ тому назадъ, — время, въ которое трудно износить пару сапоговъ. Вотъ это характеристическое для нравовъ русской журналистики письмецо:

«Вы для меня (пишетъ г. Стасовъ г. Суворину) совершенно безукоризненны, какъ были и всегда съ перваго дня знакомства: любезность, обязательность, симпатичность, джентльменство — все тутъ осталось, какъ было прежде, и я надѣюсь, что всѣ эти выраженія вамъ передалъ отъ меня С. Н. Шубинскій еще на прошлой недѣлѣ. Я вамъ благодаренъ за все прежнее хорошее, что̀ между нами было».

Прошло только пять мѣсяцевъ послѣ этого billet-doux, и «джентльменъ» сталъ «такой дамой», а «другъ» «задраннымъ хвостомъ». Что̀ же такое произошло? Дѣйствительно ли въ пять мѣсяцевъ знаменитый журналистъ сталъ хуже того, чѣмъ онъ былъ прежде? Нѣтъ, Дженни, онъ оставался такимъ же, какимъ и былъ. Но такова ужъ проница-

тельность русскихъ джентльменовъ вообще и г. Стасова въ особенности, чтобы смотрѣть и не видѣть, нюхать и не обонять, и вдругъ прозрѣть и отпрянуть. Дѣйствительно, на г. Стасова *вдругъ* снизошло какое-то откровеніе, и онъ, неблагодарный «за все прежнее хорошее, что между ними было», забылъ «симпатичность, любезность и обязательность» (я цитирую письмо г. Стасова, если только и оно не окажется передержкой) прежняго своего сотрудника и по многимъ вопросамъ единомышленника и сравнилъ его съ человѣкомъ, который «ошибся дверью или карманомъ».

Таковы здѣсь нравы, таковы здѣсь люди, Дженни, таково поспѣшное легкомысліе русскихъ.

Кончаю письмо, извиняясь, что бесѣду мою съ русскимъ отставнымъ статскимъ совѣтникомъ отлагаю до слѣдующаго раза.

Письмо пятьдесятъ четвертое.

Дорогая Дженни!

Я, кажется, писалъ тебѣ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, что у русскихъ существуетъ обычай всѣ возникающія недоразумѣнія кончать либо взаимными привѣтствіями, энергіи которыхъ могъ бы позавидовать любой лондонскій посильщикъ, либо (въ тѣхъ случаяхъ, когда противникъ не обнаруживаетъ большого мастерства въ пріисканіи соотвѣтствующихъ выраженій) драками, при чемъ дерутся, къ стыду своему, безъ всякихъ правилъ, не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ, ни нейтральными, казалось бы, частями физіономіи, какъ-то: носомъ, глазами и зубами. Подобный образъ дѣйствій называется здѣсь самоуправленіемъ (self-government). Случаи дракъ здѣсь такъ многочисленны, что до свѣдѣнія публики доводятъ только о такихъ случаяхъ, когда участіе въ нихъ принимаютъ лица, принадлежащія къ такъ-называемому «интеллигентному» слою. Такую наклонность къ простотѣ отношеній къ чужой физіономіи многіе объясняли мнѣ ширью русской натуры, неспособной противостоять искушенію дать кому-нибудь въ ухо, особенно если владѣлецъ «уха» не состоитъ при исполненіи своихъ обязанностей и не занимаетъ такой должности, когда экскурсія въ ухо сопряжена съ большой отвѣтственностью.

Безъ драки, сколько кажется, не обходится ни одно собраніе (особенно если на немъ рѣшается вопросъ, тѣсно связанный съ окладами или съ возможностью полученія мѣста по сосѣдству съ кассой); наклонностью «дать въ зубы» и вообще произвести какое-либо тѣлесное поврежденіе, какъ кажется, обладаетъ девять русскихъ изъ десяти, особенно изъ тѣхъ, кто состоитъ въ качествѣ начальства, а такъ какъ положительно нѣтъ не единаго человѣка, который бы не былъ или, по крайней мѣрѣ, не считалъ себя «начальникомъ» надъ кѣмъ-нибудь, то можно, не впадая въ преувеличеніе, сказать, что статистика тѣлесныхъ поврежденій была бы очень поучительна, если бы русскіе

занялись этимъ дѣломъ съ тою же внимательностью, съ какою они относятся къ поступкамъ чужестранныхъ государственныхъ людей. Правда, дѣло это представило бы довольно большія трудности, такъ какъ здѣсь тѣлесныя поврежденія считаются вообще за одну изъ самыхъ удобныхъ педагогическихъ мѣръ вразумленія, и стоитъ только выйти на улицу, чтобы имѣть случай присутствовать на подобномъ урокѣ; но, способные къ преодолѣнію и не такихъ трудностей, русскіе, сколько я могу судить, могли бы успѣшно провести эту мѣру, поручивъ полисменамъ записывать всѣ тѣлесныя поврежденія, наносимыя обывателями другъ другу, при чемъ я бы рекомендовалъ въ статистическихъ замѣткахъ тщательно отдѣлять разные виды поврежденій, а не запосить все подъ именемъ «встряски», какъ добродушно объясняютъ своеобразную манеру отрезвленія, практикуемую въ Россіи.

Недавно еще продолжительная сессія членовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита (припомни, Дженни, знаменитаго Юханцева) закончилась, по здѣшнему обыкновенію, пощечиной. Не забудь, Дженни, что члены названнаго общества составляютъ цвѣтъ заложеннаго ландлордства, и ты поймешь, какъ велика сила привычки у русскихъ лѣзть къ чужой физіономіи: такъ велика, что даже нѣкоторое образованіе не сдерживаетъ дикаря, сидящаго въ ландлордѣ.

Къ слову сказать объ этомъ обществѣ. Длинныя пренія, безчисленное количество засѣданій русскихъ ландлордовъ не привели ни къ чему существенному, и вопросъ, коренной вопросъ, поднятый оппозиціей (объ измѣненіи устава въ смыслѣ предоставленія большаго участія въ дѣлѣ мелкимъ заемщикамъ), потерпѣлъ пораженіе, такъ что въ сущности положеніе дѣлъ осталось прежнее. Участіе въ дѣлахъ, какъ и прежде, исключительно принадлежитъ крупнымъ заемщикамъ, а мелкіе, неся отвѣтственность по круговой порукѣ, почти отстранены отъ дѣла.

Въ томъ же засѣданіи снова поднимался, и не разъ, вопросъ о контрактѣ, заключенномъ прежнимъ правленіемъ съ Блейхредеромъ, — контрактѣ, очень невыгодномъ для общества; снова предавали анаѳемѣ прежнее правленіе и, разумѣется, бывшаго управляющаго дѣлами общества, при чемъ не было недостатка и въ самыхъ недвусмысленныхъ инсинуаціяхъ на человѣка, который только тѣмъ и виноватъ, что состоялъ въ званіи «божьяго младенца». Въ собраніяхъ и газетахъ слышались намеки крайне прискорбнаго свойства для лица, которое и безъ того потерпѣло тяжкое нравственное пораженіе послѣ обнаруженія кражи Юханцева, представъ передъ судомъ въ видѣ болѣе чѣмъ недальновиднаго администратора. Одна газета въ нападкахъ на бывшаго управляющаго дошла даже до того, что сопричислила его къ «жидамъ» и приписала ему намѣреніе вмѣстѣ съ «жидами» европейскими совсѣмъ заполонить русскихъ ландлордовъ, а какой-то бойкій фельетонистъ другой газеты, способный, какъ видно, писать о чемъ

угодно и какъ угодно, не переставалъ инсинуировать на человѣка, не имѣя къ тому никакихъ данныхъ, кромѣ собственнаго легкомыслія.

Русскіе на этотъ счетъ, впрочемъ, очень рѣшительный народъ, и недаромъ одинъ талантливый русскій писатель, подмѣтившій одну изъ выдающихся чертъ характера своихъ соотечественниковъ—именно, способность или раболѣпствовать, или нахальничать,—охарактеризовалъ эту черту такъ: «Либо пожалуйте ручку, либо бацъ въ морду». И, сколько я замѣтилъ, иначе русскіе и не умѣютъ относиться. Сегодня еще они передъ кѣмъ-нибудь раболѣпствуютъ съ какимъ-то лакействомъ, едва ли понятнымъ, напримѣръ, англичанину, а завтра на томъ же идолѣ, съ которымъ они носились, не останется ни одного живого мѣста, которое не было бы оплевано съ такимъ же азартомъ легкомыслія, съ какимъ прежде кланялись. Стоитъ, Дженни, прослѣдить за многими выдающимися процессами, стоитъ взглянуть на отношенія къ излюбленнымъ русскимъ людямъ, стоитъ прочитывать полемику, стоитъ побывать въ разнообразныхъ слояхъ русскаго общества, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ качествѣ русскаго человѣка не уважать другихъ, такъ какъ извѣстныя историческія условія въ теченіе долгаго времени пріучили его, къ сожалѣнію, не уважать и себя. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить, что въ домѣ принимаютъ завѣдомаго негодяя, и мало что принимаютъ, но ведутъ съ нимъ дружбу, что нимало однако не мѣшаетъ хозяевамъ дома, чуть только негодяй-пріятель выйдетъ за дверь, не только разсказать всѣ подробности его негодяйства, но еще и присочинить на него такихъ мерзостей, которыхъ пріятель еще не совершилъ, при чемъ все это разсказывается съ тѣмъ простодушнымъ легкомысліемъ, съ тою однимъ русскимъ, кажется, свойственной задушевностью (когда, какъ выражаются здѣсь, начинаютъ «костить» друзей-пріятелей), что рѣшительно приходишь въ изумленіе. Мало того: недавно на одномъ журфиксѣ хозяинъ, человѣкъ весьма респектабельный, разсказывалъ о какомъ-то господинѣ, публично въ одномъ изъ клубовъ хвастався своими побѣдами надъ женщинами и публично, съ цинизмомъ большой руки негодяя, прочитывавшемъ отрывки изъ писемъ, полученныхъ имъ отъ особъ прекраснаго пола. И поди-жъ — никто изъ присутствовавшихъ не остановилъ этого пошляка. Всѣ находили, что онъ негодяй, но всѣ слушали чтеніе, смѣялись, что между ними такой негодяй, но ни одна душа не остановила его. Какая-то полнѣйшая нравственная безшабашность, неуваженіе къ другимъ, неуваженіе къ себѣ, полный нравственный индифферентизмъ — вотъ выдающіяся черты русскаго такъ-называемаго интеллигентнаго общества, выставляющаго, какъ тебѣ извѣстно, ежегодно значительный процентъ болѣе неосторожныхъ подсудимыхъ по дѣламъ о растратахъ, подлогахъ и т. п. (осторожные джентльмены, умѣющіе соблюдать законы, не попадаютъ на скамью подсудимыхъ).

Начавъ рѣчь о томъ, какъ теперь всякій считаетъ своимъ святымъ дол-

гомъ оплевать прежняго управляющаго, я вспомнилъ достовѣрный разсказъ одного весьма правдиваго русскаго (вовсе не заинтересованнаго въ дѣлахъ общества взаимнаго кредита), сообщившаго мнѣ о томъ, какъ относились къ названному джентльмену тѣ самые ландлорды, которые теперь не находятъ даже въ русскомъ языкѣ (а онъ очень богатъ) достаточно энергичныхъ выраженій порицанія. Предварительно, Дженни, сообщу тебѣ еще одно мое наблюденіе. Когда соберутся десять русскихъ дураковъ (fools), то немедленно изберутъ одного изъ среды своей въ геніи (натурально, однимъ изъ качествъ избранника должно быть въ болѣе или менѣе значительной степени нахальство и умѣнье держать въ рукѣ палку—умѣнье, впрочемъ, сильно распространенное), и тогда выходитъ приблизительно слѣдующее: девять молятся на десятаго, ловятъ каждое его слово, не смѣютъ открыть рта, когда говоритъ геній, вездѣ разсказываютъ, какой геніальный человѣкъ ихъ другъ такой-то, а десятый, если онъ настолько не дуракъ, если настолько влюбленъ въ себя, что истинно признаётъ себя за генія, непремѣнно вступаетъ въ отправленіе обязанностей геніальнаго человѣка, т. е. начинаетъ махать палкой, начинаетъ предлагать мѣры, и серьезно сердится и даже непрочь отдубасить палкой, если кто-нибудь изъ девяти осмѣлится высказать свое мнѣніе. Такой культъ продолжается до той поры, пока кто-нибудь изъ девяти друзей геніальнаго, высоконравственнаго во всѣхъ отношеніяхъ (въ общественной и частной жизни) друга не разскажетъ каждому по секрету сочиненную повѣсть о похищенномъ пятіалтынномъ или (что, пожалуй, ведетъ еще ближе къ цѣли) о томъ, что «геніальный» другъ позоритъ своихъ друзей и говоритъ вездѣ про нихъ, что они дураки, а не умнѣйшіе люди. Тогда каждый изъ девяти, въ глубинѣ сердца давно ненавидѣвшій «генія», такъ какъ всякій изъ девяти считаетъ себя тоже «геніемъ», пожалуй, градусомъ еще повыше,—приходитъ въ восторгъ, и начинается обрядъ разжалованія, заключающійся главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что «генія» низводятъ въ такіе подлецы и такіе болваны, какихъ не было еще въ подлунной.

Оттого-то, Дженни, въ Россіи такое множество геніальныхъ людей (частью признанныхъ офиціально, частью ожидающихъ признанія) и такъ сильно распространены общественная приниженность, особенно замѣтная въ публичныхъ мѣстахъ, и тщеславіе. Во всѣхъ сферахъ общества (я говорю преимущественно о «порядочномъ») ты можешь встрѣтить геніальныхъ или по малой мѣрѣ высокоталантливыхъ людей. Ими просто кишатъ департаменты и отдѣленія. Есть геніальные администраторы, прокуроры, адвокаты, дѣльцы, полковники, генералы и вообще чиновники всѣхъ ранговъ и всѣхъ ступеней на длинной іерархической лѣстницѣ. Во всякомъ домѣ, во всякой квартирѣ непремѣнно найдешь одного такого, который въ силу своихъ правъ третируетъ пріятелей, третируетъ жену (а женщины вообще, и жены въ

особенности, какъ ты, Дженни, должна знать, очень охотно вѣрятъ, пока, впрочемъ, увѣрены въ неимѣніи соперницы гдѣ-нибудь на сторонѣ, въ геніальность своихъ спутниковъ жизни) съ небрежностью геніальнаго человѣка въ русскомъ вкусѣ. Говоря по справедливости, нельзя попасть ни на одинъ изъ здѣшнихъ журфиксовъ, чтобы опять-таки не встрѣтить мѣстнаго геніальнаго или высокоталантливаго человѣка, который бы, разумѣется, въ силу своихъ полномочій, не окруженъ былъ общимъ восторгомъ и не повторялъ бы въ пятнадцатый разъ исторію своихъ похожденій на Сандвичевыхъ островахъ (на которыхъ, впрочемъ, какъ всѣ отлично знаютъ, онъ никогда не бывалъ) до тѣхъ поръ, пока въ гостиной не появится другой геніальный человѣкъ и не затмитъ перваго, моментально же сробѣющаго, разсказывая свои похожденія на мысѣ Доброй Надежды, куда онъ ѣздилъ (хотя опять-таки всѣ отлично знаютъ, что никогда не ѣздилъ) по порученію министерства юстиціи для собиранія справокъ о юридическихъ обычаяхъ у кафровъ...

Признаюсь тебѣ, Дженни, что и я не разъ и не два представлялъ своей особой, въ качествѣ знатнаго иностранца, весьма лакомое блюдо на журфиксахъ. Многія весьма почтенныя лэди просто наперерывъ рвали меня (особенно въ первое время, когда еще не знали, что я женатъ и что у насъ есть прелестная Клара), приглашая на журфиксы, такъ какъ молодой знатный иностранецъ, хотя и англичанинъ, все-таки представлялъ для русскихъ хозяекъ находку, способную оживлять монотонность русскихъ журфиксовъ и представляющую случай похвастать другъ передъ другомъ знакомствомъ съ знатнымъ иностранцемъ и вдобавокъ (какъ сообщали русскіе репортеры, не зная, что̀ еще наврать на мой счетъ) незаконнымъ сыномъ одной иностранной высокопоставленной особы. Нечего и говорить, что твой Джонни ни разу не ударилъ лицомъ въ грязь и, когда предстояла надобность, вралъ никакъ ни хуже русскихъ джентльменовъ и не разъ бывалъ предметомъ особеннаго вниманія и чрезвычайной любезности. Ужъ очень простодушны въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти милые русскіе, очень простодушны.

Но я отсюда вижу, дорогая Джепни, какъ на твоемъ личикѣ появляется недобрая улыбка (о, Бога ради, успокойся!), свидѣтельствующая о подозрѣніяхъ насчетъ добронравія твоего Джонни. Будь увѣрена, дорогая моя, будь совсѣмъ увѣрена, что англичанинъ умѣетъ остаться всегда на высотѣ своего положенія, а затѣмъ перестань хмуриться и выслушай, что̀ такое русскіе «журфиксы», о которыхъ я тебѣ не разъ упоминалъ въ моихъ письмахъ.

Вообрази себѣ, Дженни, сборище нѣсколькихъ лэди и джентльменовъ, твердо рѣшившихся испытать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ невѣроятнѣйшую скуку, при обязательствѣ дѣлать видъ, что имъ необыкновенно весело; вообрази себѣ невѣроятное волненіе хозяйки,

ежеминутно думающей, что на журфиксъ не пріѣдетъ никто изъ людей, по ея мнѣнію, стоящихъ того, чтобы она на слѣдующій день сказала, что у нея были такіе-то; вообрази, Дженни, весь адъ проклятій, бушующій въ груди милой дамы, пріодѣтой «попросту» по случаю журфикса, въ то время, когда она, болтая съ какимъ-нибудь ничѣмъ неизвѣстнымъ джентльменомъ, затесавшимся на журфиксъ спозаранку (здѣсь принято собираться въ 11-мъ часу и расходиться въ 2; русскіе совершенно свободно могутъ спать до одиннадцати часовъ дня, такъ какъ, по здѣшнему выраженію, «дѣло—не волкъ, не уйдетъ»), думаетъ о томъ, пріѣдутъ ли всѣ тѣ, кого она такъ ожидаетъ и о которыхъ такъ сплетничаетъ, или нѣтъ,—и ты до нѣкоторой степени раздѣлишь мое недоумѣніе: къ чему здѣсь въ такой модѣ эти журфиксы, на которыхъ терзаются хозяева, скучаютъ гости, повторяются въ болѣе или менѣе удачныхъ извлеченіяхъ газетные слухи, непремѣнно доминируетъ какой-нибудь свой геніальный человѣкъ и высказываются болѣе или менѣе либеральные взгляды?.. Признаюсь, это вопросъ, который для меня до сихъ поръ неразрѣшимъ. На этихъ вечерахъ, гдѣ «такъ было весело», собирается нерѣдко самое разнохарактерное общество, всѣ косятся другъ на друга, хозяйка, утѣшенная наконецъ, что всѣ тѣ, кого она ждала, пріѣхали (даже и тѣ, кого она вовсе не желала видѣть, и тѣ пріѣхали, такъ что вопросъ о томъ, какъ размѣстить всѣхъ въ столовой, снова начинаетъ безпокоить хозяйку), пробуетъ «соединить» общество, но—увы!—соединенія никакого не происходитъ! Томительная, одуряющая скука виситъ въ гостиной, гдѣ на креслахъ, разставленныхъ полукругомъ вокругъ дивана, сидятъ гости, въ сотый разъ начиная разговоръ о надеждахъ, возбуждаемыхъ приближеніемъ весны, и въ сотый разъ передавая, въ различныхъ варіантахъ, тѣ или другія выраженія, какія сказалъ или «изволилъ сказать» (глядя по обществу: если журфиксъ у литератора—сказалъ; у чиновника—изволилъ сказать) такой-то по случаю приближенія весны и всеобщихъ ожиданій... Мужчины томительно скрадываютъ зѣвоту, досадуя, что хозяйка рѣшительно изгнала «винтъ» на журфиксахъ, какъ времяпрепровожденіе, по ея мнѣнію, пустое, не отвѣчающее идеѣ обмѣна мыслей, сближенія, единенія, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ вещей, которыя такъ необходимы теперь, когда, того и гляди, будетъ объявлено всеобщее сближеніе и застанетъ всѣхъ не за пріятными разговорами, а за винтомъ. По счастію, въ первомъ часу является какой-нибудь «извѣстный умница» гостиной, объясняетъ, что онъ только-что отъ графа Л. Н. Толстого, и начинаетъ разсказывать свои похожденія на Сандвичевыхъ островахъ... Мужчины злятся, что не умѣютъ такъ хорошо разсказывать («умница» дѣйствительно говоритъ недурно), и, подавленные, слушаютъ, боясь подать реплику. Дамы обратились въ слухъ. Онѣ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушаютъ похожденія на Сандвичевыхъ островахъ (даже и тѣ, кото-

рыя слушаютъ ихъ пятый разъ), забывая даже въ восхищеніи прикрыть рты... «Какъ бы пригласить его завтра обѣдать!» —думаетъ одна изъ слушательницъ, давно собираясь сдѣлать непріятность одной изъ своихъ пріятельницъ за то, что тамъ обѣдалъ извѣстный русскій ученый путешественникъ и литераторъ Немировичъ-Данченко... Наконецъ хозяйка зоветъ въ столовую... Водка нѣсколько оживляетъ мужчинъ, и всѣ жадно приступаютъ къ ужину.

Въ третьемъ часу всѣ расходятся, и я не разъ, Дженни, слышалъ голоса:

— Боже, какая была скука!..

— Ну, журфиксъ!..

— И какъ вретъ этотъ...

— Ну, ужъ пожалуйста... Ты это изъ самолюбія... Онъ о Сандвичевыхъ островахъ такъ хорошо говорилъ...

— Который разъ однако...

— Ты всегда брюзжишь,—возражаетъ дама.—Когда ты былъ въ кабинетѣ, геніальный прокуроръ разсказывалъ о свойствахъ и отправленіяхъ души. Ахъ, какъ хорошо онъ говорилъ, такъ хорошо...

Обыкновенно кончается тѣмъ, что гости бранятъ хозяевъ немилосерднѣйшимъ образомъ за все: и за неумѣніе устраивать журфиксы, и за рыбу за ужиномъ, и за то, что они Богъ знаетъ что о себѣ воображаютъ.

Однако я отступилъ въ сторону отъ начатаго мною разсказа, какъ заложенные русскіе ландлорды сперва «цѣловали ручку» тому самому джентльмену, который теперь сталъ имъ поперекъ горла, несмотря на то, что, какъ прежде (въ дни своей славы), такъ и теперь названный джентльменъ—все тотъ же самый честный, добросовѣстный, хотя и недальновидный администраторъ. Правда, «до прискорбнаго событія» онъ нѣсколько походилъ на Нарциса, влюбленнаго въ самого себя, но эта влюбленность, которой, надо замѣтить, содѣйствовали сами же ландлорды, продолжалась до тѣхъ поръ, пока «змѣя, вскормленная на груди», въ образѣ изысканнѣйшаго джентльмена, легкомысленнѣйшаго изъ легкомысленнѣйшихъ русскихъ «червонныхъ валетовъ» (это одно изъ почетныхъ званій въ Россіи), не заставила добросовѣстнаго Нарциса взглянуть вокругъ и придти къ горькому сознанію, что, вмѣсто прочнаго зданія, на устройство котораго онъ посвятилъ много времени, трудовъ и здоровья, онъ строилъ карточный домикъ, разсыпавшійся при первомъ дуновеніи. Порядокъ, считаемый имъ образцовымъ, оказался ужаснымъ безпорядкомъ, отчетность, считаемая точной, оказалась лишь бумажной отчетностью, и касса, ежемѣсячно повѣряемая, выкраденною безъ взлома. Для человѣка, искренно воображающаго себя (и признаваемаго всѣми) образцовымъ администраторомъ, отъ глазъ котораго не уйдетъ ни одна копейка, — такъ все хорошо устроено,—іоханцевскій эпизодъ, со всей простотой пріемовъ,

былъ драматическимъ ударомъ обуха по головѣ, послѣ котораго человѣкъ растерянно смотритъ вокругъ и повторяетъ: «Да какъ же это?» Вся система, основанная, казалось, на такихъ прочныхъ началахъ, явилась ни къ чему непригодной, все, чѣмъ такъ гордился администраторъ, оказалось пустяками. Геніальность руководителя явилась во всемъ блескѣ своей обманчивости. Повторяю, для честнаго человѣка подобное положеніе и безъ того ужасно, но каково же должно оно быть, если къ тому же подымается какой-то адскій ревъ и сыплется градъ обвиненій, одно другого гаже, одно другого омерзительнѣе, при чемъ каждый считаетъ какъ бы своимъ долгомъ не остаться въ долгу и что-нибудь да выдумать погнуснѣе?..

А между тѣмъ тотъ же самый человѣкъ считался тѣми же самыми ландлордами чуть ли не геніальнымъ финансистомъ, и многіе находили, что напрасно онъ управляетъ заложеннымъ землевладѣніемъ, а не назначается министромъ финансовъ.

— Вы не повѣрите, милордъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ скромный русскій, знакомый съ этимъ дѣломъ: — какъ всѣ кланялись передъ нимъ, какъ всѣ считали его величайшимъ финансистомъ. Ежегодно ему вотировали благодарность, съ каждымъ годомъ ему довѣряли больше и больше, ежегодно послѣ ревизіи все находилось въ полномъ порядкѣ и совершеннѣйшей исправности.

— А что же дѣлали на общихъ собраніяхъ? Неужели не нашлось ни одного человѣка, сколько-нибудь помозговитѣе и знакомаго съ дѣломъ?..

— Знакомаго съ дѣломъ?—усмѣхнулся разсказчикъ.—Помилуйте, милордъ, да вы, значитъ, не имѣете понятія о моихъ заложенныхъ соотечественникахъ. Не то что знакомства съ дѣломъ,—они начали знакомиться съ нимъ только тогда, когда Юханцевъ заставилъ ихъ познакомиться,—они ровно ничего не знали и не желали знать, даже сколько человѣку платить надо, и то нетвердо знали, такъ что и объ этомъ имъ писали изъ правленія. Бывали такіе, что придутъ въ правленіе да и спрашиваютъ: сколько у нихъ земли заложено и не продана ли ужъ часть ея? И этого даже не знали.

— Что вы?

— Честное слово. А на общихъ собраніяхъ соберутся, послушаютъ, какъ предсѣдатель «разводы разводитъ» и говоритъ словно заведенная шарманка, говоритъ долго, красиво, пріятно, поблагодарятъ всѣхъ, пропоютъ: «Мы тебя любимъ сердечно, будь намъ начальникомъ вѣчно!», выберутъ все тѣхъ же директоровъ, выберутъ комиссію для ревизіи и разъѣдутся. Комиссія провѣритъ все спустя рукава, да если-бъ и хотѣла провѣрить иначе, то едва ли была бы въ состояніи, такъ какъ все же надо ариѳметику знать,—и опять: «Мы тебя любимъ сердечно, будь намъ начальникомъ вѣчно!». И такъ, милордъ, шло-себѣ все ровно да гладко. Всѣ были довольны и всѣми были

довольны, до тѣхъ поръ, пока... Ну, тогда тотъ же самый человѣкъ, которому «быть бы министромъ финансовъ», вдругъ оказался недобросовѣстнымъ злодѣемъ, а драма-то вся въ томъ, что онъ былъ только наивенъ и ужъ, конечно, вовсе не проницателенъ... Да, милордъ, у насъ не рѣдкость такія дѣла. Сами же создадутъ финансоваго генія, сами, по легкомыслію, лѣни и плохому знанію четырехъ правилъ ариѳметики, безусловно вѣрятъ и знать ни о чемъ не хотятъ, а когда ошеломляющій фактъ треснетъ ихъ по карману, тогда подымается вой... Противно даже, ей-Богу, противно... И вѣдь всѣ воютъ... всѣ были бы рады въ Сибирь упечь человѣка, котораго сами вчера носили на рукахъ и по своей глупости считали геніемъ.

Какъ видишь, Дженни, эта черта сильно укоренена въ русскихъ и проходитъ черезъ всю русскую исторію. Русскіе болѣе чувствуютъ, чѣмъ разсуждаютъ, и вотъ почему, мнѣ кажется, здѣсь такъ много геніальныхъ людей и такъ много грандіозныхъ растратъ. О нихъ въ газетахъ сообщается ежедневно. Беру на выдержку нѣсколько нумеровъ и привожу тебѣ факты самые свѣжіе (если бы покопался въ русскихъ газетахъ, то могъ бы привести тебѣ гораздо болѣе фактовъ).

«Въ городѣ ходятъ весьма оживленные толки по поводу недавно обнаруженнаго злоупотребленія, очень долго остававшагося незамѣченнымъ. Теперь, когда главные виновные уже привлечены къ отвѣтственности, представляется возможнымъ передать нѣкоторыя фактическія подробности. Мѣсто происшествія—сухопутная с.-петербургская таможня, помѣщающаяся у Нарвской заставы; преступленіе—очищеніе высокопошлинныхъ товаровъ, какъ товаровъ малопошлинныхъ. Цифра расхищенныхъ капиталовъ, вслѣдствіе преступной операціи, приблизительно опредѣляется въ милліонъ. Какъ оказывается, злоупотребленіе завелось въ сухопутной таможнѣ не со вчерашняго дня. Оборвались, какъ слышно, на цѣновномъ товарѣ, который спускали, какъ вѣсовой. Между прочимъ, холстъ шелъ за сержанку, шелкъ за полушелкъ и даже ситецъ, слесарныя работы за кузнечныя и т. д. Управляющій таможнею г. Кошелевъ временно устраненъ отъ должности, и обязанности его исполняетъ г. Шмитъ. Точно также устранены отъ должностей всѣ члены таможни, за исключеніемъ двухъ, гг. Агалина и Зубарева. Въ понедѣльникъ, 10 марта, въ сухопутной таможнѣ въ теченіе цѣлаго дня не было досмотра товаровъ, такъ какъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ въ здѣшнемъ судебномъ округѣ, г. Книримъ, производилъ дознаніе на мѣстѣ. Пока привлечены къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ гг. Энгельгардтъ, Войтъ и Сегаль».

Изъ гор. Козлова, Тамбовской губерніи, сообщаютъ, что «на-дняхъ здѣшній коммерсантъ подалъ на имя прокурора тамбовскаго окружнаго суда заявленіе о томъ, что въ козловскомъ городскомъ банкѣ

растрачено директоромъ и членами около 600.000 руб., и заявленію этому данъ ходъ». Въ то же время въ Одессѣ выступилъ на скамьѣ подсудимыхъ новый Юханцевъ, нѣкто Шейнсъ, но гораздо меньшаго калибра, чѣмъ петербургскій валетъ. Шейнсъ укралъ только немного болѣе 100.000 р.

Въ Петербургѣ милліонъ, въ Козловѣ — 600.000 руб., въ Одессѣ болѣе 100.000 руб.—цифры, какъ видишь, Дженни, болѣе или менѣе приличныя, изъ-за которыхъ многіе въ Россіи рискнули бы, въ случаѣ успѣха прокурора, переѣхать изъ Европейской Россіи въ Азіатскую и тамъ продолжать пользоваться тѣмъ же почетомъ, какимъ пользуются здѣсь. Я тебѣ уже сообщалъ о торжественномъ путешествіи Юханцева по Сибири. Въ настоящее время, если вѣрить корреспонденту «Недѣли» (а не вѣрить нѣтъ никакого основанія), знаменитый валетъ окончательно поселился въ Красноярскѣ. «Бодрый, раздушенный и веселый,—сообщаетъ корреспондентъ:—въ первый день пріѣзда уже въ маскарадѣ, онъ былъ окруженъ масками и не оставленъ мѣстною аристократіей. Я видѣлъ, какъ въ прихожей жали ему руку О. Ж. и N. (здѣсь, Дженни, фамиліи пишутъ только тогда, когда знаютъ, что лицо не обидится), а отъ N. зависитъ распредѣленіе въ волости». По словамъ того же корреспондента, «Овсянниковъ (извѣстный, Дженни, поджогомъ мельницы) здѣсь давно пользуется почетомъ и бываетъ вездѣ».

Изъ сообщаемыхъ фактовъ ты, Дженни, снова можешь убѣдиться въ лживости, и, пожалуй, какъ утверждаютъ русскія статьи, преднамѣренной лживости нашихъ газетъ, распускающихъ такіе непріятные слухи о Сибири и о положеніи тѣхъ, кто принужденъ былъ туда переселиться на жительство. Не только тамъ не худо, но, какъ видишь, очень даже недурно, особенно если поселившійся тамъ джентльменъ обладаетъ хорошими манерами и совершилъ экскурсію въ одинъ изъ общественныхъ сундуковъ съ отвагой и приличіемъ вполнѣ порядочнаго человѣка, на сумму не менѣе пятидесяти тысячъ. И, признаюсь тебѣ, меня даже нѣсколько удивляютъ русскіе корреспонденты, какъ будто недовольные, что Юханцевъ «бодръ, раздушенъ и веселъ», и что ему всѣ жмутъ руки, и что Овсянниковъ «давно пользуется почетомъ и бываетъ вездѣ». По-моему, приличнѣе было бы радоваться подобному гуманному обхожденію съ людьми, неосторожно сдѣлавшими то, что другіе дѣлаютъ болѣе осторожно, и, повторяю, радоваться тѣмъ болѣе потому еще, что если пользуются вполнѣ гуманнымъ обращеніемъ вышеупомянутыя лица, то, разумѣется, таковымъ же пользуются и вообще всѣ невольные колонизаторы; но только объ этомъ корреспонденты не сообщаютъ, очень хорошо понимая, что вопросъ о томъ, какъ живутъ и что дѣлаютъ гг. Юханцевъ и Овсянниковъ, несравненно болѣе интересуетъ публику, чѣмъ свѣдѣнія о времяпрепровожденіи болѣе скромныхъ джентльменовъ, проживающихъ въ не столь отдален-

ныхъ или въ отдаленныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, на основаніи аналогіи надо полагать (и я вполнѣ искренно полагаю), что если, напримѣръ, попавшіе въ далекую страну джентльмены деревни не ѣздятъ въ маскарады и, конечно, не удостоиваются рукопожатія мѣстной аристократіи, то, во всякомъ случаѣ, они такъ же «бодры и веселы», какъ Юханцевъ и Овсянниковъ, и хотя и не пользуются почетомъ, но, конечно, пользуются во всей полнотѣ гуманностью, составляющей, какъ кажется, одну изъ выдающихся похвальныхъ чертъ мѣстной сибирской аристократіи.

Такимъ образомъ, Дженни, надо окончательно придти къ заключенію, что бояться «отдаленныхъ» мѣстъ по меньшей мѣрѣ неосновательно, и въ подтвержденіе этого заключенія какъ бы говоритъ весьма изрядное количество приличныхъ колонизаторовъ, отправляющихся туда послѣ совершенія не вполнѣ осторожнаго проступка противъ права собственности, въ надеждѣ найти на «новыхъ мѣстахъ» радушный привѣтъ и участіе.

Сообщивъ тебѣ, Дженни, о двухъ свѣжихъ происшествіяхъ (милліонъ въ Петербургѣ и 600.000 р. въ Козловѣ; о происшествіяхъ съ меньшими цифрами не стоитъ даже и упоминать, такъ они здѣсь обычны), я долженъ сказать, что большого впечатлѣнія они не произвели, и даже, какъ мнѣ кажется, русскіе репортеры, по свойственной репортерамъ наклонности къ преувеличенію, или, какъ здѣсь говорятъ, «для красоты слога», включая въ отчетъ «оживленные толки», вызванные будто бы эпизодомъ въ таможнѣ,—нѣсколько погрѣшили противъ правды, хотя и придали пикантность изложенію. Дѣло въ томъ, что русскіе до того привыкли къ извѣстіямъ, подобнымъ вышеупомянутымъ, что даже и «оживленные толки» едва ли могутъ имѣть мѣсто, если сумма покраденнаго не состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ восьми, девяти и болѣе цифръ. Да и вообще говоря, я не замѣчалъ, хотя и было достаточно времени, чтобы замѣтить, наклонности къ «оживленнымъ толкамъ», поддающимся наблюденію, т. е. въ публичныхъ мѣстахъ, на улицахъ и т. п. Къ тому же и привычка играетъ большую роль, а русскіе едва ли не болѣе другихъ народовъ способны, благодаря прекраснымъ качествамъ души, привыкать даже и къ такимъ вещамъ, къ которымъ, казалось бы, привыкнуть довольно трудно. Какъ свидѣтельствуютъ всѣ достовѣрные наблюдатели, русскіе и иностранные, сила привычки у талантливаго русскаго племени такъ велика, что недаромъ приводитъ въ изумленіе Европу, недаромъ восхищала такихъ людей, какъ Фридрихъ Великій, Пальмерстонъ, Меттернихъ, Фердинандъ неаполитанскій, и продолжаетъ еще восхищать многихъ несомнѣнно рѣшительныхъ европейскихъ государственныхъ людей и ставитъ втупикъ людей науки, противорѣча всѣмъ ея выводамъ относительно потребнаго количества пищи, воздуха и свѣта.

Стоитъ пожить здѣсь, чтобы вполнѣ усомниться въ выводахъ науки,

когда дѣло коснется, напримѣръ, деревни. Русская деревня отрицаетъ всѣ научные гигіеническіе выводы, какъ бы подтверждая русскую научную формулу (принятую въ Россіи, какъ основа въ наблюденіи за народнымъ здравіемъ): «что русскому здорово, то нѣмцу смерть».

И дѣйствительно, Дженни, едва ли не правы многіе русскіе публицисты, неизмѣнно доказывающіе, что русскіе находятся въ совершенно особомъ, исключительномъ положеніи, и что поэтому никакіе научные законы къ нимъ неприложимы, и на нихъ не слѣдуетъ обращать никакого вниманія. Въ отвѣтъ на «физіологію обыденной жизни» тебѣ покажутъ цѣлую волость, а если захочешь, то и множество, сумѣвшихъ, благодаря привычкѣ, обходиться необыкновенно скромной пищей, поразительно-скромнымъ помѣщеніемъ и самымъ незначительнымъ количествомъ свѣта. На-дняхъ еще я прочелъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» одинъ изъ фактовъ, весьма, впрочемъ, распространенныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, въ какую именно сторону направлена сила привычки въ томъ и другомъ случаяхъ.

Такъ, разсказывая объ одной изъ множества причинъ обѣднѣнія крестьянъ, «Правительственный Вѣстникъ», между прочимъ, приводитъ со словъ «Земледѣльческой Газеты», какъ главнѣйшія злоупотребленія и неудобства сбыта, что «при пріемѣ проданнаго хлѣба торговцы пускаютъ въ дѣло обмѣръ и обвѣсъ, и что вообще въ дѣлѣ доставленія хлѣба отъ его производителей къ потребителямъ существуетъ нѣсколько посредниковъ, изъ которыхъ каждый беретъ извѣстный барышъ, а всѣ они, вмѣстѣ взятые, присваиваютъ себѣ почти половину дохода сельскаго хозяина.

«Другой землевладѣлецъ указываетъ еще на одинъ изъ употребляемыхъ *скупщиками хлѣба* способовъ пріобрѣтенія хлѣба за *крайне низкія цѣны*. Способъ этотъ заключается въ томъ, что весною, когда обозначатся и опредѣлятся виды на урожай, скупщики раздаютъ крестьянамъ задатки, со скидкою 25—30 коп. и болѣе съ четверти противъ продажныхъ цѣнъ, чѣмъ и подтачиваютъ благосостояніе продавцовъ. Малозажиточные крестьяне, не имѣя кредита и свободнаго мѣста для храненія хлѣба въ зернѣ, принуждены продавать хлѣбъ преждевременно, а зажиточные должны держать его въ скирдахъ, несмотря на то, что здѣсь много зерна истребляется мышами и сильно портится солома.

«Наконецъ А. Полторацкій, говоря въ послѣднемъ нумерѣ «Земл. Газеты» вообще о притѣсненіяхъ и обманахъ крестьянъ скупщиками хлѣба и торгующими евреями, разсказываетъ довольно подробно о злоупотребленіяхъ въ этомъ отношеніи евреевъ въ губ. Могилевской и въ тѣхъ имѣніяхъ черноземной полосы, которыя перешли въ руки торговаго люда. Въ этихъ послѣднихъ купецъ обыкновенно заводитъ въ селеніи лавочку, въ которой крестьянинъ забираетъ въ долгъ, подъ произведенія своего и семейныхъ его труда, все нужное въ его обиходѣ,

и, конечно, здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи о выгодной продажѣ хлѣба, а, напротивъ, тутъ производитель его несетъ еще бо́льшіе убытки, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще нѣтъ подобныхъ лавочекъ, при чемъ покупка крестьянскаго хлѣба производится разъѣзжающими по деревнямъ приказчиками крупныхъ купцовъ и кулаками».

Сообщивъ тебѣ, Дженни, одинъ изъ массы фактовъ, свидѣтельствующихъ и объясняющихъ до нѣкоторой степени скромность привычекъ, ставящую втупикъ самую науку, я не смѣлъ бы утверждать, что силою привычки обладаютъ только джентльмены деревни. Какъ было уже выше замѣчено, въ болѣе зажиточныхъ классахъ существуютъ привычки, столь же сильно укоренившіяся. Разныя явленія русской жизни, и въ томъ числѣ опустошеніе, которому подвергается все, что только можетъ ему подвергаться, при общемъ равнодушіи (или, вѣрнѣе, при общей оцѣпенѣлости), несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что русскіе, вообще говоря, умѣютъ привыкать и рѣдко когда думаютъ о «завтрашнемъ днѣ», если «сегодня» можно легкомысленно войти въ близкія отношенія съ какимъ-нибудь предметомъ собственности.

Изъ многихъ процессовъ, возникающихъ по такимъ дѣламъ, ты можешь видѣть характерную черту, опять-таки подтверждающую положеніе русскаго публициста, приведенное выше. Черта эта слѣдующая: джентльменъ, попавшійся въ неумѣренномъ пользованіи общественными суммами, обыкновенно пользуется общимъ довѣріемъ, почетомъ и репутаціей если не геніальнаго, то, во всякомъ случаѣ, необыкновенно способнаго человѣка. А разъ русскій вѣритъ, то онъ можетъ только «цѣловать ручку» и никогда, разумѣется, не задавать себѣ вопросовъ, глядя на жизнь не по средствамъ своего ближняго, у котораго на рукахъ громадная сумма,—откуда эти средства? Кромѣ крестьянъ, которые, по словамъ многихъ, нарочно живутъ ниже своихъ средствъ, скрывая свои богатства, и старинныхъ купцовъ, всѣ здѣсь живутъ выше средствъ (я иногда удивляюсь, Дженни, вращаясь въ обществѣ, какъ еще относительно незначительно колонизуются не столь отдаленныя мѣста); никто не обращаетъ вниманія, если джентльменъ, получающій 100 фунтовъ въ годъ, ведетъ жизнь на 1.000. Если джентльменъ ведетъ несоразмѣрную жизнь, то каждый подумаетъ, что или джентльменъ правится какой-нибудь богатой купчихѣ (если онъ молодъ), или что джентльменъ выигралъ 200.000 въ лотерею, или наконецъ, что онъ занимается проведеніемъ бракоразводныхъ, сводныхъ и тому подобныхъ дѣлъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, дающимъ хорошій профитъ съ надеждой пользоваться почетомъ въ Европейской Россіи, а не въ Азіатской. И только когда слѣдователь является на квартиру, тогда начинаютъ осматривать осиротѣвшую кассу и вспоминать, «какія у него были лошади» и какіе обѣды. Короче говоря, о контролѣ вообще здѣсь имѣютъ понятія самыя смутныя, и я знаю многихъ почтенныхъ джентльменовъ, которые крайне обидѣ-

лись бы, если бы ихъ стали контролировать. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ они говорятъ, что русскіе къ этому не привыкли, и что надо подождать, пока привыкнутъ (изъ деликатности передъ знатнымъ иностранцемъ обыкновенно не прибавляютъ: «пока не останется все невыбраннымъ»).

Недавно въ газетахъ было напечатано нелишенное интереса дѣло о растратѣ въ новочеркасскомъ окружномъ судѣ, произведенной кассиромъ суда. Сообщу тебѣ выдающіяся подробности, какъ подтвержденіе моихъ личныхъ наблюденій. Обстоятельства дѣла, какъ сообщаетъ газета «Голосъ», слѣдующія:

«Кассиръ новочеркасскаго окружнаго суда, Ароновъ, за время съ 1874 по ноябрь 1877 года, растратилъ болѣе 60.000 рублей, принадлежавшихъ казнѣ, войску Донскому и частнымъ лицамъ. Растрата эта, черезъ продажу судомъ купленнаго его, Аронова, женою зимовника на Задонскихъ степяхъ, уменьшена до 30.000 съ небольшимъ. Съ обнаруженія растраты до слушанія дѣла прошло два года и два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ Ароновъ содержался подъ стражею. По окончаніи предварительнаго слѣдствія дѣло передано было для слушанія въ острогожскій окружный судъ, такъ какъ предсѣдатель, товарищъ его и (за исключеніемъ одного) всѣ члены новочеркасскаго суда привлечены къ участію въ немъ въ качествѣ свидѣтелей.

«Надо замѣтить, что расхищеніе денегъ въ новочеркасскомъ судѣ началось съ 1874 года и въ небольшихъ размѣрахъ; въ 1875 году растрата значительно возросла, въ 1876 году еще болѣе, а къ ноябрю 1877 года достигла 60.000 рублей. При этомъ на судѣ выяснилось, что ревизіи производились ежемѣсячно и внезапно, и все было всегда благополучно. Но избранная, послѣ случайнаго обнаруженія растраты, комиссія изъ членовъ новочеркасскаго суда нашла конецъ нити, доведшій ее куда слѣдуетъ. Открылось, что ежемѣсячныя (отъ суда) и внезапныя (отъ суда и контрольной палаты) ревизіи были не документальныя, а простыя провѣрки итоговъ по страницамъ. «Заручившись неограниченнымъ довѣріемъ предсѣдателя и дружбою двухъ судебныхъ приставовъ,—сказалъ одинъ свидѣтель, членъ суда:—Ароновъ могъ дѣлать по денежной части въ судѣ все, что ему было угодно». Другой свидѣтель—членъ суда, бывшій членомъ комиссіи, назначенной по обнаруженіи растраты, сказалъ на судѣ, что, считая главною своею обязанностью отправленіе правосудія, а не счетную часть, они всѣ смотрѣли на это дѣло, какъ на тяжкую обязанность. Третій свидѣтель, тоже членъ суда, откровенно высказалъ, что если-бъ ревизоры, свѣряя корешки квитанціонной книги съ книгами, куда записывались на приходъ деньги разныхъ названій, имѣли подъ рукою талоны, приклеиваемые къ подлиннымъ дѣламъ, то растрата была бы или предупреждена, или же обнаружена въ самомъ началѣ.

«Вообще къ денежной части суда относились халатно. Лежитъ, на-

примѣръ, въ казначействѣ депозитъ суда, изъ котораго нужно взять извѣстную часть для покрытія казенныхъ сборовъ. Для этого приставу даютъ ассигновку на всю сумму. Приставъ, удовлетворивъ казну, передастъ остальныя деньги (болѣе 17.000 рублей) прямо въ кассу, не увѣдомивъ судъ; кассиръ прикрылъ эти деньги, и судъ не знаетъ, куда дѣвались такіе большіе остатки.

«Самая растрата обнаружена случайно. Передъ сдачею кассы другому лицу кассиръ Ароновъ записалъ въ книгу депозитовъ суда вышеозначенную сумму (17.000 рублей) подъ однимъ съ предыдущей статьею нумеромъ; это дало поводъ провѣрить депозитъ въ казначействѣ, гдѣ объявили, что такого депозита суда въ казначействѣ не имѣется. Не запиши Ароновъ этого депозита или запиши его какъ слѣдуетъ, растрата обнаружилась бы нескоро. Сверхъ всего этого, на судѣ обнаружилось, что какъ предсѣдатель суда (Римскій-Корсаковъ), такъ и многіе члены и чины канцеляріи или брали у кассира деньги взаймы, или жалованье впередъ, и тѣмъ, по словамъ кассира, способствовали ему или косвенно побуждали его самого брать изъ кассы взаймы и впередъ жалованье уже въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Такъ, къ предсѣдателю принесли однажды дешево продаваемую брильянтовую вещь, а у него въ это время не было денегъ; онъ отнесся къ кассиру, послалъ ему въ залогъ какія-то процентныя бумаги. Такіе займы предсѣдателя повторялись нѣсколько разъ. Члены же брали у Аронова деньги подъ векселя и расписки, которые фигурировали въ дѣлѣ. Судебное слѣдствіе также выяснило, что кассиръ Ароновъ въ новочеркасскомъ клубѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, велъ азартную игру (макао) и имѣлъ прекрасныхъ лошадей, нанималъ несоотвѣтствующую его жалованью квартиру, устраивалъ богатыя елки и проч., и все это не возбуждало подозрѣнія. Выяснилось также, что подсудимый поставлялъ каменный уголь для предсѣдателя и членовъ суда.

«Осталось неяснымъ одно странное обстоятельство. При арестѣ Аронова отобраны были отъ него частныя его бумаги и запечатаны въ особый пакетъ за печатями слѣдователя и Аронова. Распечатанъ былъ этотъ конвертъ въ отсутствіе Аронова, и когда онъ обратился къ судебному слѣдователю съ прошеніемъ о выдачѣ ему копіи съ протокола, составленнаго по поводу распаковки этого конверта, то судебный слѣдователь объявилъ, что никакого протокола по этому случаю не составлялось. Какія бумаги были въ этомъ пакетѣ, и почему на нихъ такъ сильно настаивалъ кассиръ Ароновъ — остается загадкою, которую и судебное слѣдствіе не отгадало.

«Цифра растраты не опредѣлена точно, такъ какъ присяжные засѣдатели, признавъ Аронова виновнымъ въ растратѣ, прибавили въ отвѣтъ на предложенный вопросъ: «но въ суммѣ *менѣе* 61.956 руб. 57 к.». Три эксперта, просмотрѣвъ всѣ находящіеся въ дѣлѣ документы, не могли составить себѣ понятія объ истинной цифрѣ растраты

Несмотря однако на это, острогожскій судъ присудилъ гражданскимъ истцамъ цифру, равняющуюся предполагаемой растратѣ».

Судъ приговорилъ Аронова къ ссылкѣ въ Томскую губернію, на основаніи вердикта присяжныхъ засѣдателей, состоявшихъ на этотъ разъ исключительно изъ представителей крестьянскаго сословія или, какъ ихъ коротко называютъ, изъ «сѣренькихъ» людей.

По словамъ корреспондента, «нельзя не сказать добраго слова о чрезвычайно-серьезномъ отношеніи къ дѣлу этого «сѣренькаго» состава присяжныхъ засѣдателей. Всѣ предлагаемые ими вопросы настолько были существенны и разумны, что можно было подумать, что между ними засѣдалъ какой-нибудь представитель высшей интеллигенціи, а гуманность приговора, встрѣченная всѣми съ большимъ сочувствіемъ, надо думать, мотивировалась тѣмъ хаотическимъ состояніемъ финансоваго дѣла, допущеннымъ въ новочеркасскомъ окружномъ судѣ за все время его существованія (1873 годъ) по день обнаруженія растраты (ноябрь 1877 года), которое такъ ярко обрисовалось въ теченіе судебнаго слѣдствія».

Ты прочла и познакомилась, Дженни, во-первыхъ, съ полнѣйшей патріархальностью русскаго хозяйства, а во-вторыхъ, и съ снисходительнымъ комплиментомъ, приподнесеннымъ «сѣренькому» джентльмену. Положительно, Дженни, онъ ставитъ втупикъ, когда познакомишься со всѣмъ тѣмъ, что о немъ говорятъ и пишутъ. Прощай.

Письмо пятьдесятъ пятое.

Дорогая Дженни!

Я всегда прихожу въ недоумѣніе, когда между русскими газетами по временамъ подымается ожесточенная полемика, и напрасно стараюсь уяснить себѣ, о чемъ, собственно говоря, ведется споръ, такъ какъ, казалось бы, не можетъ быть существенныхъ причинъ взаимнаго ожесточенія и нѣтъ резона осыпать другъ друга привѣтствіями, какими обыкновенно угощаютъ другъ друга лондонскіе извозчики послѣ 9-ти часовъ вечера.

Сперва меня нѣсколько удивляла манера русскихъ журналистовъ печатно привѣтствовать другъ друга не только всѣми, допускаемыми цензурнымъ уставомъ, ругательствами, но даже, въ разгарѣ полемическаго возбужденія, вспоминать родителей и родственниковъ противника, хотя бы и умершихъ; но впослѣдствіи я пришелъ къ заключенію,—и, кажется, основательному,—что это не болѣе, какъ принятая полемическая форма.

Какъ у насъ, напримѣръ, въ парламентѣ одинъ членъ не обратится къ другому, не назвавъ его: «благородный лордъ такой-то» или «достопочтенный членъ такой-то», такъ точно и здѣсь въ полемикѣ принято говорить: «подлецъ такой-то», «скотина такой-то», «холопъ такой-то» и т. п.

Однажды, когда я спросилъ знакомаго русскаго литератора, почему именно выработалась въ Россіи такая форма, онъ отвѣчалъ:

— Во-первыхъ, брань на вороту не виснетъ, а во-вторыхъ, когда намъ не о чемъ говорить, тогда мы полемизируемъ!

— Но почему вы избѣгаете названной формы въ другихъ случаяхъ, помимо полемики и чествованія иностранныхъ министровъ?

— Потому, милордъ, что мы народъ смирный... Мы только между собой...

Другого объясненія онъ мнѣ не далъ.

Утверждая, что русскимъ газетамъ, по моему мнѣнію, вовсе нѣтъ причинъ нападать одна на другую съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ какимъ онѣ это дѣлаютъ, я вовсе не хочу этимъ сказать что-нибудь неодобрительное о газетахъ, но я желаю только объяснить тебѣ, Дженни, что русскіе органы, при всей ихъ добропорядочности, не могутъ никакъ быть сравниваемы съ органами другихъ странъ. Читая, напримѣръ, «Times», ты знаешь, чего онъ хочетъ и чего не одобряетъ, но, читая здѣшнія газеты, ты рѣшительно недоумѣваешь, чего онѣ хотятъ, да и вообще способны ли онѣ чего-нибудь хотѣть, кромѣ, конечно, подписчиковъ. Ты видишь ежедневно большой листъ печатной бумаги, наполненный различными свѣдѣніями и разсужденіями, но внутренней связи, души, такъ сказать, ты никогда не видишь, и, читая, напримѣръ, сегодня передовую статью о банкахъ, завтра о налогѣ на соль, послѣзавтра о мѣрахъ къ искорененію зла въ возможно непродолжительное время, ты чувствуешь, что всѣ эти статьи являются болѣе или менѣе случайно, и что ту или другую всегда можно замѣнить чѣмъ угодно безъ всякаго ущерба для газеты и ея читателя. Здѣсь есть органы, которые считаютъ себя консервативными, либеральными, откровенными, истинно-русскими и т. п., но тѣмъ не менѣе рѣзкаго различія между ними не существуетъ и, думается мнѣ, существовать пока не можетъ.

Натурально, всѣ онѣ благонамѣренны, всѣ желаютъ вообще реформъ и искорененія зла: однѣ при помощи радикальныхъ мѣръ, другія менѣе радикальныхъ, но все-таки мѣръ (ты знаешь, что называется здѣсь «мѣрами»); всѣ онѣ, за исключеніемъ развѣ однѣхъ «Московскихъ Вѣдомостей» (отъ которыхъ, говорятъ, отдастъ какимъ-то особеннымъ московскимъ букетомъ), безцвѣтны, такъ безцвѣтны, что только по цвѣту бумаги и можно различать ихъ. Если между газетами и существуютъ нѣкоторые оттѣнки мнѣній, то въ существѣ они очень тонки и почти незамѣтны: однѣ очень откровенны, другія просто откровенны, третьи менѣе откровенны, но при этомъ русская откровенность, вслѣдствіе скромности, всегда соотвѣтствуетъ указаніямъ благоразумія и таблицѣ, запечатлѣнной у каждаго редактора въ сердцѣ и носимой вдобавокъ еще постоянно въ боковомъ карманѣ.

Таблица эта, составленная самими редакторами (такъ, по крайней

мѣрѣ, сообщали мнѣ достойные вѣры джентльмены) и ежегодно дополняемая, содержитъ въ себѣ 3.254 вопроса, о которыхъ сообща рѣшено не говорить, и 2.277 иностранныхъ словъ, употреблять которыя тоже нельзя, въ виду сохраненія чистоты языка.

Мнѣ даже нерѣдко приходила мысль, что несравненно было бы удобнѣе и для издателей и для публики, если бы всѣ газеты слились въ одну. Выгоды отъ этого сліянія были бы несомнѣнныя: во-первыхъ, читатели не смущались бы выборомъ органа при наступленіи подписки, во-вторыхъ, литературныя силы были бы сконцентрированы и, въ-третьихъ, гораздо легче было бы и для наблюденія за ними.

Если бы я былъ вліятельнымъ лицомъ, то непремѣнно провелъ бы эту мѣру, разумѣется, путемъ убѣжденія, и, надѣюсь, заслужилъ бы общую благодарность и признательность.

Теперь же, при нѣсколькихъ газетахъ, и читателю трудно, потому что онъ рѣшительно становится втупикъ, какого цвѣта и какой мягкости печатную бумагу ему выбрать на текущій годъ, да и журналистамъ жутко, такъ какъ, за неимѣніемъ идей и убѣжденій, имъ приходится терзать другъ друга только полемической бранью.

Въ недавнее время поднялась война изъ-за вопроса: кто болѣе враждебенъ правительству: либеральные органы или консервативные? Одни утверждаютъ, будто бы все зло идетъ оттого, что либеральные органы поощряютъ его, обличая время отъ времени полисменовъ и проявляя наклонность къ обобщенію, а другіе, напротивъ, говорятъ, что все зло въ консервативныхъ органахъ, потому что они запугиваютъ общество. Одни говорятъ: «вы, вмѣстѣ съ нигилистами, измѣнники своей родины»; другіе отвѣчаютъ: «нѣтъ, не мы, а вы». Затѣмъ по вопросу о преданности начальству тоже происходитъ соперничество, хотя тутъ, казалось бы, соперничества и быть не можетъ. Одни говорятъ: «мы преданы больше», а другіе на это отвѣчаютъ: «вы не преданы, а вотъ мы такъ преданы»... Вотъ, Дженни, въ такомъ родѣ ведется полемика, при чемъ время отъ времени въ газетахъ разъясняется, что такое консерваторъ, что такое либералъ и что такое нигилистъ, при чемъ, по словамъ первыхъ, русскій либералъ значитъ «шельма», а по словамъ вторыхъ, русскій консерваторъ значитъ «скотина». Что же касается нигилистовъ, то объ партіи (если только умѣстно здѣсь это слово) сходятся во мнѣніяхъ о нихъ совершенно. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что потребовалось для разъясненія всѣхъ недоумѣній выписать изъ Одессы ученаго профессора Цитовича, который бы разъяснилъ русской публикѣ подлинное значеніе словъ: «консерваторъ» и «либералъ». Ну, теперь онъ и разъяснятъ, вкупѣ со своимъ коллегой, нѣкіимъ джентльменомъ изъ города Ржева... Но объ этомъ послѣ... когда я буду говорить объ ассенизаціи города и очищеніи мусорныхъ ямъ въ Петербургѣ.

Я бы никогда не кончилъ, если бы сталъ продолжать передачу по-

лемики, возникшей въ послѣднее время. Замѣчу только, что всеобщее ликованіе, бывшее въ газетахъ по случаю приближенія весны, сразу такъ же быстро прекратилось, какъ и началось, хотя весна уже наступила и комендантъ проѣхалъ черезъ Неву.

Признаюсь, я не видалъ людей, способныхъ такъ скоро приходить въ умиленіе, какъ русскіе. Мягкіе по природѣ, легкомысленные по привычкамъ, скромные отъ начала ихъ исторіи и всегда исполнительные, они съ трогательностью, способною, казалось бы, тронуть самаго черствaго человѣка, готовы привѣтствовать наступленіе всѣхъ временъ года. Наступила весна — они говорятъ: «скоро ласточки прилетятъ, ласточки—вѣстники счастья». Подходитъ лѣто — надѣются на лѣто, потомъ на осень и наконецъ на зиму, и все ожидаютъ чего-то, на что-то надѣются.

И надо отдать справедливость чувству признательности русскихъ: достаточно не только какого-нибудь незначительнаго факта или, какъ здѣсь выражаются, «отраднаго явленія», но даже намека на него, чтобы тотчасъ же привести благодарную печать въ ликованіе, доходящее нерѣдко до экстаза со всѣми признаками невмѣняемости.

Такъ, напримѣръ, недавно начальникъ одного частнаго учрежденія написалъ циркуляръ, въ которомъ рекомендовалъ своимъ подчиненнымъ не быть невѣжливыми съ подчиненными и съ публикой и, въ случаѣ подозрѣнія кого-либо изъ нихъ въ предосудительномъ поступкѣ, сперва удостовѣриться, а потомъ уже принимать мѣры, а не принимать спачала мѣръ и послѣ уже удостовѣряться, какъ, къ сожалѣнію, иногда замѣчалось. По поводу вышеприведеннаго, несомнѣнно либеральнаго приказа тотчасъ же въ передовыхъ статьяхъ и въ фельетонахъ, въ прозѣ и стихахъ разлилось такое море благодарности названному джентльмену, что онъ сперва былъ весьма восхищенъ, а потомъ даже пришелъ, какъ сообщали мнѣ, въ нѣкоторое изумленіе и даже испугъ, не поступилъ ли онъ слишкомъ рѣшительно, и поспѣшилъ тотчасъ же смягчить и дополнить разъясненіями свой приказъ.

Я познакомился здѣсь со многими журналистами и, признаюсь тебѣ, Дженни, вынесъ изъ этого знакомства самое благопріятное впечатлѣніе. Это—джентльмены очень скромные, когда не начинаютъ привѣтствовать другъ друга въ печати, ничуть не притязательные, нѣсколько легкомысленные, такъ какъ весьма часто не стѣсняются писать о такихъ предметахъ, которые совсѣмъ имъ незнакомы.

Положеніе ихъ нельзя назвать очень блестящимъ: званіе журналиста не принадлежитъ здѣсь къ числу почетныхъ и сопряжено со многими испытаніями и трудностями.

Такъ какъ опредѣленнаго направленія въ идеяхъ и убѣжденіяхъ здѣсь не любятъ, то переходы журналистовъ изъ одной газеты въ другую очень обыкновенны (многіе работаютъ даже во всѣхъ одновременно, если семейство слишкомъ многочисленно); при этомъ, раз-

умѣется, нерѣдко приходится вступать въ ожесточенную брань съ бывшими сотоварищами, и вовсе не потому, чтобы прежніе сотоварищи измѣнили своимъ убѣжденіямъ или стали черезчуръ ужъ откровенны, а просто въ силу необходимости дать какое-нибудь видимое различіе органамъ. Работая сегодня въ одной газетѣ, журналистъ ежедневно бранитъ другую, въ которой онъ еще не работаетъ (хоть, быть-можетъ, прежде работалъ), но завтра онъ съ тою же легкостью перейдетъ въ эту другую и тогда станетъ бранить первую, послѣзавтра обратно и т. д. Поэтому, когда прочитываешь взаимныя препирательства, то невольно удивляешься этой безпримѣрной развязности.

Иногда положеніе журналиста бываетъ просто драматическимъ, особенно такого, который не потерялъ еще вѣры въ возможность сохранить нѣкоторую невинность и въ то же время разсчитываетъ какъ-нибудь пропустить на свѣтъ Божій свои мысли.

Недавно я встрѣтился съ двумя джентльменами, работающими въ одной изъ распространенныхъ газетъ. Они только-что вышли изъ своей редакціи и были крайне взволнованы.

— Что съ вами?.. Не получили ли предостереженія? —спросилъ я.

— Нѣтъ, милордъ, нѣтъ, но если бы вы знали, если бы вы знали... Это наконецъ чортъ знаетъ что такое... Написалъ я фельетонъ, отдалъ, сегодня читаю и... и не узнаю... Написалъ я, что нужно скорбѣть, а читаю, что нужно радоваться; одного автора назвалъ почтеннымъ и талантливымъ, читаю—онъ названъ величайшимъ дуракомъ... И все въ такомъ же родѣ...

— А я, милордъ,—заговорилъ другой:—совѣтую союзъ съ Франціей, гляжу сегодня—и протираю глаза: оказывается, что я заключилъ союзъ съ Италіей.

— Но почему вы не выговорите условія?

— Условія?—усмѣхнулся онъ.—У насъ въ газетѣ ужъ двадцать четыре фельетониста перемѣнилось. Онъ не дорожитъ... Я, говоритъ, найду человѣка. Хотите—пишите, хотите—нѣтъ, но лишить себя права передѣлывать не уступлю, такъ какъ это мое право.

— Но развѣ вы, господа, несогласны между собою по общимъ вопросамъ? Развѣ не собираетесь, не обсуждаете сообща, какъ и о чемъ говорить?

— У насъ? Да мы, сотрудники, и другъ друга-то часто не знаемъ!..— засмѣялся мой пріятель.

Впослѣдствіи я узналъ, что онъ ушелъ изъ газеты и перешелъ въ другую.

— Какъ теперь, легче?

Онъ какъ-то мрачно пожалъ плечами.

— Не передѣлываютъ?

— Этого нѣтъ, но зато просятъ обязательно каждое воскресенье бранить издателя одной газеты. Положимъ, я его не одобряю, но, по-

нимаете ли, каждое воскресенье! И если одно пропустишь — косые взгляды, сожалѣніе, что фельетонъ вышелъ неудачный, и т. п.

— Однако, какъ я посмотрю, положеніе ваше...

— Ахъ, не говорите... Если бы не дѣти... Куда я теперь дѣнусь? Куда?

У стараго журналиста даже дрогнулъ голосъ, и я поспѣшилъ замять разговоръ.

Впрочемъ, Дженни, я долженъ сказать, что между знакомыми моими журналистами далеко не всѣ испытываютъ такія неудобства, какъ мой пріятель. Я знаю многихъ, которые готовы писать по указанію о чемъ угодно и въ какомъ направленіи угодно. Этотъ типъ журналиста вырабатывается, какъ говорятъ, въ новѣйшее время, когда это занятіе получаетъ болѣе и болѣе ремесленный характеръ.

Упомянувъ выше о жалобахъ журналистовъ, долженъ сказать еще объ одномъ явленіи въ русской прессѣ, сперва крайне изумлявшемъ меня, какъ, впрочемъ, и многое въ этой странѣ, если не милліардовъ, то, во всякомъ случаѣ, многихъ и многихъ чудесъ.

Явленіе это—такъ-называемые подставные или соломенные редакторы, у которыхъ столько же общаго съ журналистикой, сколько у зубного врача съ живописью, и нанимаются они изъ людей разныхъ профессій, преимущественно трезвой жизни и вполнѣ благонадежнаго характера. Само собою разумѣется, не они ведутъ дѣло (нерѣдко такіе редакторы умѣютъ только подписывать свою фамилію), а ведутъ дѣло заправскіе журналисты. Всѣ это очень хорошо знаютъ, тѣмъ не менѣе настоящему журналисту сдѣлаться редакторомъ бываетъ часто затруднительно, по причинамъ, объяснить которыя удовлетворительно мнѣ никто не могъ. Одни утверждали, что русскіе журналисты—народъ неблагонадежный, что легче довѣрить редакторство почтамтскому чиновнику, чѣмъ журналисту; другіе утверждали, что журналисты—безшабашные люди и всегда готовы поднять шумъ изъ-за пустяковъ, тогда какъ «соломенные», отличаясь трезвымъ поведеніемъ и получая содержаніе, все-таки будутъ удерживать журналистовъ, зная хорошо, сколь трудно иногда бываетъ пріискать такого редактора, который удовлетворялъ бы условіямъ, т. е. чтобы былъ вполнѣ благонадеженъ, непьющъ, грамотенъ и имѣлъ рекомендацію отъ нѣсколькихъ лицъ.

Конечно, объясненія эти нисколько не удовлетворили меня, и я до сихъ поръ недоумѣваю, когда слышу о томъ или другомъ издателѣ, ищущемъ себѣ редактора. Въ такіе періоды издатели мечутся, какъ угорѣлые, повсюду въ поискахъ, и когда отыщутъ наконецъ пять или шесть джентльменовъ, удовлетворяющихъ, по ихъ соображеніямъ, требуемымъ условіямъ, тогда только успокаиваются и разсматриваютъ ихъ права...

Предпочтительно выбираются такіе джентльмены, которые никогда не занимались писательствомъ, не обнаруживаютъ строптивости, вида

здороваго и, главное, веселаго и открытаго (лица мрачныя положительно бракуются) и не претендуютъ, если съ ними иногда не очень деликатно обойдутся. Если всѣмъ этимъ требованіямъ джентльменъ удовлетворяетъ, тогда даютъ ему въ руки перо и просятъ написать: «редакторъ такой-то». Если въ трехъ словахъ не будетъ ни одной ошибки, то редактору заказываютъ фрачную пару и, когда она готова, отправляютъ его въ баню, а потомъ къ парикмахеру, и везутъ его съ собой дальше. Если онъ окажется негоднымъ, то берутъ слѣдующаго кандидата, предпочтительно такого, которому была бы впору фрачная пара, отбираемая, конечно, отъ потерпѣвшаго неудачу, и пробуютъ счастія.

Такова длинная процедура, имѣющая, впрочемъ, и свои хорошія стороны, такъ какъ привлеченіе къ литературѣ новыхъ силъ во всякомъ случаѣ небезполезно, и были примѣры, что едва умѣвшій подписаться соломенный редакторъ, поступивши въ газету или журналъ, черезъ нѣсколько времени дѣлался грамотнымъ и даже читалъ корректуру съ грѣхомъ пополамъ. Нѣкоторые изъ этихъ соломенныхъ такъ ловко входятъ въ свою роль, что выдаютъ себя не только за дѣйствительныхъ редакторовъ, но и другихъ стараются увѣрить въ этомъ. «Мы, дескать, вовсе не соломенные, а настоящіе», и при этомъ врутъ, такъ врутъ, что самъ Фальстафъ позавидовалъ бы этому вранью... Съ однимъ изъ такихъ мнѣ пришлось познакомиться. Прелюбопытный типъ! Разсказывая о чемъ-нибудь, онъ непремѣнно приплететъ какую-нибудь высокую особу, съ которой онъ либо обѣдалъ, либо сочинялъ проектъ о соединеніи луны съ землей желѣзной дорогой. Увѣряя всѣхъ, что, благодаря его необыкновенной храбрости, онъ былъ нѣкогда контуженъ, онъ вотъ уже двадцать лѣтъ отыскиваетъ то мѣсто, въ которое контуженъ, и никакъ не можетъ отыскать его... И такихъ соломенныхъ развелось теперь много *)... Однако пора кончить письмо.

Письмо пятьдесятъ шестое.

Дорогая Дженни!

Недавно въ Москвѣ разбирался процессъ дѣвицы Качки, застрѣлившей изъ ревности студента Байрашевскаго. Подсудимую признали дѣйствовавшей въ умоизступленіи и отдали на испытаніе въ больницу до выздоровленія. Процессъ этотъ, неинтересный самъ по себѣ, обратилъ однако на себя вниманіе, такъ какъ касался весьма любопыт-

*) Въ этомъ сообщеніи почтеннаго лорда замѣтно сильное преувеличеніе. Ничего подобнаго у насъ, какъ извѣстно, не бываетъ. Откуда почерпнулъ подобныя свѣдѣнія вообще добросовѣстный въ своихъ извѣстіяхъ «знатный иностранецъ», мы рѣшительно недоумѣваемъ. Справедливо, что у насъ существуютъ редакторы, не имѣющіе никакого отношенія къ журналистикѣ, но во всякомъ случаѣ не такіе, какихъ описываетъ англійскій наблюдатель. *Прим. переводчика.*

наго и никогда не старѣющаго вопроса объ отношеніяхъ двухъ половъ.

Оставляя въ сторонѣ подробности упомянутаго процесса,—подробности, рисующія въ крайне несимпатичномъ видѣ родителей несчастной дѣвушки,—замѣчу только объ одномъ эпизодѣ, бывшемъ на судѣ, и затѣмъ передамъ тебѣ свои наблюденія какъ о положеніи русской женщины, такъ и объ отношеніяхъ къ ней мужчины, насколько они проявляются въ здѣшнихъ нравахъ и обычаяхъ.

Эпизодъ, произведшій тяжелое впечатлѣніе, заключался въ томъ, что во время судебнаго слѣдствія предсѣдатель суда объявилъ, что находитъ нужнымъ произвести нѣкоторыя судебныя дѣйствія при закрытыхъ дверяхъ, и вслѣдъ затѣмъ отдалъ приказаніе объ удаленіи публики изъ залы засѣданій, не объяснивъ ни причинъ такого постановленія, не указавъ тѣхъ дѣйствій, которыя должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ. По мнѣнію русскихъ юристовъ, судъ въ данномъ случаѣ поступилъ противъ закона, не говоря уже о безсердечіи относительно несчастной молодой дѣвушки.

Приговоръ присяжныхъ по этому дѣлу возбудилъ снова толки о неудовлетворительномъ составѣ русскихъ присяжныхъ засѣдателей, и нѣкоторыя газеты, выступивъ горячими обвинителями этого приговора, доказывали, что оправдательные приговоры по такимъ преступленіямъ поощряютъ и какъ бы узакониваютъ убійство изъ мести, что дѣйствуетъ будто бы развращающимъ образомъ на общественную совѣсть.

Мнѣ, напротивъ, кажется, что противники приговора неправы, и, признаюсь, для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что присяжные въ своемъ рѣшеніи выказали несравненно болѣе общественной чуткости, чѣмъ нѣкоторые русскіе публицисты. Эта общественная чуткость проявляется, къ чести русскихъ, не разъ, какъ только дѣло касается (разумѣется, при судѣ присяжныхъ) явленія, при которомъ личная месть является иногда единственнымъ средствомъ слабаго, беззащитнаго и оскорбленнаго существа.

А что русская женщина, несмотря на нѣкоторыя свои преимущества передъ иностранными (я говорю объ имущественныхъ правахъ), все-таки беззащитное существо—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Нравы русскихъ свидѣтельствуютъ, что женщины далеко не пользуются здѣсь тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуются, напримѣръ, у насъ въ веселой Англіи или Америкѣ, и что отношенія къ нимъ мужчинъ не очень далеко ушли отъ того времени, когда русскую женщину держали взаперти, подъ замкомъ и подъ плеткой, и смотрѣли на нее только какъ на производительницу дѣтей. Въ этомъ отношеніи нравы здѣсь крайне любопытны, легкость связей необыкновенно изумительна, и брачная жизнь едва ли отвѣчаетъ представленіямъ святости семьи, о которой русскіе, впрочемъ, говорятъ постоянно. Дальше я сообщу тебѣ нѣкоторыя замѣчанія о томъ, какъ здѣсь женятся, какъ

потомъ живутъ и каково положеніе женщины, какъ жены, а пока скажу тебѣ, что здѣсь такъ часты оскорбленія женщинъ и на нихъ смотрятъ относительно такъ легко, что ты, Дженни, какъ англичанка, пришла бы въ изумленіе. Достаточно сказать тебѣ, что здѣсь еще бьютъ женъ люди, принадлежащіе къ образованному сословію, и что въ Петербургѣ, напримѣръ, женщинѣ ходить одной по улицамъ позже шести часовъ небезопасно. Передо мной лежитъ нумеръ русской газеты, въ которой напечатана корреспонденція изъ Херсона, сообщающая одинъ изъ образчиковъ подобнаго рода. Замѣть, Дженни, что фактъ, о которомъ я сообщаю тебѣ, случился въ учебномъ заведеніи, а джентльменъ, позволившій себѣ выходку—инспекторъ гимназіи.

Сущность дѣла, по словамъ корреспондента, въ слѣдующемъ: «Въ херсонской классической гимназіи есть пансіонъ для воспитанниковъ, продовольствіе которыхъ, по соглашенію съ хозяйственнымъ комитетомъ, производитъ уже болѣе года жена бывшаго учителя той же гимназіи, г-жа Ольшевская; послѣдняя занимаетъ въ зданіи гимназіи одну комнату, въ которой живетъ съ сестрой и тремя дѣтьми. Комната эта выходитъ въ коридоръ, ведущій въ столовую пансіонеровъ. Если у г-жи Ольшевской случается засидѣться гостю до 7—8 часовъ вечера, то его приходится провожать чрезъ столовую на парадный ходъ, такъ какъ калитка со двора въ это время давно уже заперта. Незадолго до этого дѣла къ г-жѣ Ольшевской пришелъ знакомый ея мужа, старикъ-офицеръ Л., и просидѣлъ часовъ до девяти. Понятно, что выпроводить его пришлось чрезъ парадное крыльцо. Провожая гостя, Ольшевская изъявила швейцару неудовольствіе на то, что ее «запираютъ со всѣхъ сторонъ». Объ этомъ неудовольствіи какимъ-то образомъ узналъ инспекторъ гимназіи, Ив. Як. Сигъ, который на слѣдующій день явился въ квартиру Ольшевской для «объясненій». Въ это время у Ольшевской находились посторонніе: столующійся у нея г. Касиловъ и учительница Бакалинская, а также ея сестра и дѣти. Г. Сигъ началъ гнѣвно укорять Ольшевскую въ томъ, что она домогается свободнаго хода, чтобы безпрепятственно вводить и выводить «любовниковъ». Ольшевская возмутилась такимъ обращеніемъ и попросила Сига разъяснить ей, что даетъ ему основаніе такъ позорить ее. Затѣмъ произошла возмутительная сцена, разсказъ о которой въ устахъ свидѣтелей произвелъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ камерѣ. Яростно стуча палкой объ полъ, Сигъ началъ кричать, что онъ очень хорошо понимаетъ значеніе своихъ словъ и что онъ всегда готовъ подтвердить ихъ. Несчастная женщина плакала навзрыдъ и умоляла Сига не безчестить ее; дѣти рыдали, а свидѣтели, по ихъ признанію, были въ остолбенѣніи. Не видя никакого сопротивленія, Сигъ пуще разъярился и еще ожесточеннѣе началъ нападать на Ольшевскую, на плачъ которой онъ съ хохотомъ отвѣтилъ: «И вы еще смѣете плакать?!...» Удалился Сигъ съ угрозой «выгнать» Ольшевскую изъ

квартиры и лишить ее должности. По жалобѣ Ольшевской дѣло поступило въ судъ. Когда Сигъ получилъ повѣстку о явкѣ въ судъ, то поспѣшилъ принять мѣры для «усмиренія» дерзкой жалобщицы. Накануѣ разбирательства, по настоянію Сига, состоялось засѣданіе хозяйственнаго комитета гимназіи, на которомъ рѣшено было удалить Ольшевскую отъ занимаемой ею должности чрезъ двѣ недѣли, несмотря на то, что лишь 1 марта съ нею былъ возобновленъ контрактъ на цѣлый годъ. Рѣшеніе комитета, въ которомъ засѣдалъ и Сигъ, является очень интереснымъ; напримѣръ, рѣшеніе основывается на томъ, что однажды въ макаронахъ, поданныхъ къ столу, оказался червякъ; это случилось два мѣсяца назадъ, и тогда никакого акта составлено не было, а, напротивъ, послѣ того былъ возобновленъ контрактъ. Есть и другіе мотивы, столь же основательные...

«О такомъ рѣшеніи комитета поспѣшили увѣдомить Ольшевскую въ полной увѣренности, что она смирится, такъ какъ удаленіе ея отъ должности лишаетъ ее съ тремя малолѣтними дѣтьми крова и насущнаго хлѣба. Какъ видите, лучшее средство обезоружить бѣдную женщину и найти было трудно; но оно оказалось недѣйствительнымъ... Ольшевская явилась въ судъ и откровенно объяснила, что явилась защищать свою честь отъ гнусной клеветы Сига и надѣется на то, что равенство передъ закономъ служитъ для нея гарантіей справедливаго приговора. Г. судья замѣтилъ потерпѣвшей, что ея надежда вполнѣ основательна, такъ какъ законъ не даетъ предпочтенія сильному предъ слабымъ, и что «въ судѣ неравной борьбы нѣтъ: на чьей сторонѣ правда, тотъ и будетъ правъ»; при этомъ г. судья высказалъ свое мнѣніе о томъ, что поступокъ Сига является не клеветой, а обидой. По выслушаніи свидѣтелей и въ виду неявки г. Сига, г. судья предоставилъ слово обвинительницѣ; но послѣдняя была чрезвычайно взволнована и оказалась не въ состояніи защищать далѣе свои интересы. По ея просьбѣ, заключительное слово произнесъ одинъ изъ ея знакомыхъ.

«Защитникъ чрезвычайно тепло обрисовалъ личность потерпѣвшей—жертву произвола «сильнаго міра сего», и характеръ послѣдняго, насколько онъ выяснился въ его поступкѣ. Указавъ на тѣ подпольныя средства, которыми обидчикъ старался «зажать ротъ» своей жертвѣ, на то грустное положеніе, въ которомъ находится эта жертва произвола, защита энергично настаивала на строгомъ наказаніи Сига. По выслушаніи защитительной рѣчи мировой судья постановилъ немедленно приговоръ, которымъ призналъ Сига виновнымъ въ клеветѣ, и приговорилъ его къ аресту на двѣ недѣли».

Приговоръ этотъ, по словамъ корреспонденціи, былъ встрѣченъ очень сочувственно. Признаюсь тебѣ, Дженни, это сочувствіе, какъ оно ни почтенно, все-таки мало измѣняетъ положеніе дѣла, такъ какъ въ концѣ концовъ подобные факты, наказанные иногда судомъ, не измѣняютъ общественнаго положенія виноватаго и не уменьшаютъ зачастую его

значенія и вліянія. Общество сочувствуетъ, но затѣмъ не выказываетъ ни малѣйшей брезгливости, такъ что здѣсь можно быть отъявленнымъ негодяемъ и не чувствовать надъ собой общественнаго презрѣнія. Поговорятъ - поговорятъ и забудутъ, и не только забудутъ, но снова будутъ принимать этого негодяя съ распростертыми объятіями. Терпимость здѣсь изумительная. Мнѣ показывали недавно джентльмена, бьющаго свою жену по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю и тѣмъ не менѣе пользующагося общимъ расположеніемъ, хотя всѣ знаютъ объ этомъ.

Вообще здѣсь, сколько я замѣтилъ, браки совершаются съ такою легкостью, о которой у насъ, въ Англіи, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Мнѣ извѣстны примѣры, что послѣ двухъ недѣль знакомства молодые люди нерѣдко вѣнчаются. Среди купцовъ часто совершаются браки за глаза, по рѣшенію родителей, и будущіе супруги узнаютъ другъ друга только за нѣсколько дней до свадьбы. Дѣвушка, не нашедшая себѣ мужа, является тягостью въ семьѣ, и весьма часто случается, что она выходитъ замужъ единственно для того, чтобы избавиться отъ упрековъ, за перваго человѣка, показавшагося ей порядочнымъ. Потомъ, когда явится настоящее чувство, результатомъ бываютъ тѣ ужасныя семейныя драмы, о которыхъ иногда приходится читать въ судебныхъ процессахъ и зачатки которыхъ невольно приходится наблюдать во многихъ семействахъ. Масса русскихъ повѣстей и романовъ описываютъ несчастные браки, которые оканчиваются обыкновенно разными печальными перипетіями и катастрофами. И надо отдать справедливость русскимъ романистамъ въ томъ, что они не грѣшатъ въ этомъ случаѣ противъ дѣйствительности, потому что всѣ условія общественной и семейной жизни въ Россіи таковы, что благополучное окончаніе было бы фальшью. Послѣдствія отъ того естественны, и количество женъ, живущихъ отдѣльно отъ мужей, довольно значительно. Но это сравнительно небольшой процентъ; чтобы получить отдѣльный видъ на жительство, надо нерѣдко пройти черезъ многія испытанія, и масса женщинъ покоряется своей участи, или наконецъ супруги устраиваются какъ-нибудь такъ, чтобы не мѣшать другъ другу. Это относительно лучшій исходъ.

Нельзя, впрочемъ, не обвинить въ легкомысліи и русскихъ женщинъ. Нерѣдко здѣсь выходятъ замужъ ради перемѣны положенія, и часто перемѣна эта оказывается куда какъ не легка, тѣмъ болѣе, что мужчина пользуется преимуществомъ положенія и можетъ безнаказанно совершать то, за что женщину жестоко преслѣдуетъ. Въ послѣднее время русскія женщины, получивъ доступъ къ высшему образованію, нѣсколько облегчили свою зависимость, но много ли такихъ женщинъ, и наконецъ поле практическаго примѣненія еще крайне незначительно.

Меня сперва поражали взаимныя отношенія супруговъ, съ одной стороны, и склонность русскихъ джентльменовъ и дамъ къ любовнымъ похожденіямъ—съ другой стороны. Мужчина здѣсь, въ большинствѣ

кровеннаго сознанія. Онъ только постарался обставить свою защиту надлежащими историческими примѣрами и ссылками на примѣры—и квартальный надзиратель былъ оправданъ присяжными.

Гораздо интереснѣе, Дженни, дѣло, бывшее недавно предметомъ разбирательства у мирового судьи въ г. Кременчугѣ. Интересъ его получаетъ тѣмъ большее значеніе, что служитъ хорошей иллюстраціей къ современному положенію дѣлъ и оттѣняетъ, такъ сказать, охватившее въ послѣднее время русскихъ возбужденіе къ искоренепію зла. Возбужденіе это, какъ ты уже знаешь, одно время дошло до того, что русскія газеты спеціально занялись точной провѣркой поведенія и намѣреній другъ друга, при чемъ пѣкоторыя рекомендовали заняться этимъ всѣмъ жителямъ въ свободное время. Въ провинціи было уже нѣсколько случаевъ столь поспѣшнаго и легкомысленнаго исполненія рекомендованнаго средства, что многіе мѣстные агенты просто изнывали, какъ говорятъ, подъ тяжестью обвиненій гражданами другъ друга въ неблагопамѣренныхъ поступкахъ.

Одинъ пріѣзжій изъ провинціи старый джентльменъ, исправникъ, отвѣчалъ мнѣ на мои вопросы:

— Просто, милордъ, въ лоскъ положили этими сообщеніями. Иногда знаешь, что вздоръ, а отказать пельзя, потому что въ избыткѣ патріотическаго чувства человѣкъ можетъ обидѣться и самого меня обвинить въ противозаконныхъ поступкахъ. Очень было трудно!

— Кто-жъ преимущественно донималъ васъ, сэръ?

— Всякіе люди. И помѣщики, и купцы, и мѣщане. Только мужики, спасибо имъ, смирно жили, ну, да до нихъ цивилизація не дошла еще! Повздорятъ другъ съ другомъ или какіе-нибудь личные счеты захотятъ свести, тотчасъ же и пишутъ другъ про друга обвиненіе въ нигилистическихъ происках.

— Что же вы, сэръ, дѣлали?

— Что же дѣлать? Кого могъ въ шею, того въ шею, а кого нельзя было—ну, дѣлать было нечего, производилъ дознаніе. Ну, разумѣется, въ концѣ концовъ ничего. Слава Богу, теперь я могу отдохнуть. Вышелъ въ отставку и первымъ дѣломъ отслужилъ молебенъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могу хоть въ винтъ на свободѣ сыграть, а то, вѣрите, было время, когда только и дѣло что читай сообщенія... Просто и жену и дѣтей некогда было повидать!—заключилъ добродушный старикъ.

Одно изъ подобныхъ же дѣлъ разбиралось въ Кременчугѣ. Въ качествѣ обвиняемаго былъ представитель помѣстной интеллигенціи, предсѣдатель кременчугской управы, г. Булюбашъ, обвинявшійся въ оклеветаніи трехъ лицъ: дворянина Несвицкаго, купеческаго сына Клячина и дочери священника Зѣньковской.

Привожу тебѣ это любопытное дѣло изъ судебнаго отчета, напечатаннаго въ газетахъ. По словамъ отчета, обстоятельства дѣла слѣдующія:

«Двадцать второго января 1880 г. Александръ Несвицкій и Василій

Клячинъ въ поданныхъ прошеніяхъ объяснили, что 11 января дворянинъ Николай Булюбашъ, бывши въ кременчугскомъ коммерческомъ банкѣ и припоминая обстоятельства о расклейкѣ прокламацій возмутительнаго содержанія, въ концѣ прошлаго года, въ городѣ Кременчугѣ, неизвѣстными лицами, указывалъ на нихъ, Несвицкаго и Клячина, какъ на лицъ, производившихъ эту расклейку, а на дочь священника Софію Зѣньковскую, какъ на доставившую эти прокламаціи изъ города Кіева въ Кременчугъ. Находя въ разсказѣ Николая Булюбаша клевету и ссылаясь на свидѣтелей: дворянъ Евгенія Малышинскаго и Владиміра Остроградскаго, Несвицкій и Клячинъ просили подвергнуть Булюбаша наказанію, опредѣленному ст. 136-ю уст. о наказ., налаг. миров. суд., такъ какъ обвиненіе, взводимое противъ нихъ Булюбашемъ, какъ лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, могло отразиться для нихъ весьма тяжелыми послѣдствіями, и потомъ, 24 января, священникъ Василій Зѣньковскій также подалъ прошеніе, въ которомъ, прописывая обстоятельства, изложенныя въ прошеніяхъ Несвицкаго и Клячина, какъ отецъ потерпѣвшей Софіи Зѣньковской, съ своей стороны, ссылаясь на тѣхъ же свидѣтелей, просилъ подвергнуть Булюбаша тому же взысканію. Къ разбору дѣла явились обвинители Несвицкій, Клячинъ и Зѣньковскій, а со стороны обвиняемаго Булюбаша явился повѣренный, коллежскій секретарь Николай Евдокимовичъ Голембіовскій, представившій довѣренность, выданную ему Булюбашемъ, засвидѣтельствованную нотаріусомъ Рабенко, 4 февраля, подъ № 464, и вызванные, по указанію обвинителей, свидѣтели: дворяне Евгеній Павловичъ Малышинскій и Владиміръ Александровичъ Остроградскій. По прочтеніи прошеній, обвинители Несвицкій, Клячинъ и Зѣньковскій новыхъ обстоятельствъ не добавили, но настаивали, что поступокъ Булюбаша заключаетъ въ себѣ клевету, и просили удовлетворить ихъ требованія. Повѣренный обвиняемаго Голембіовскій, не возражая противъ обвиненія по существу, предъявилъ отводъ о неподсудности настоящаго дѣла мировымъ судебнымъ учрежденіямъ на томъ основаніи, что въ дѣлѣ есть политическій оттѣнокъ, подчиняющій самое дѣло вѣдѣнію административныхъ властей. Разсмотрѣвъ представленный повѣреннымъ обвиняемаго отводъ, я,—говорится въ приговорѣ мирового судьи:—нашелъ его незаслуживающимъ уваженія на томъ основаніи, что хотя преступленіе, которое, по словамъ просителей, Булюбашъ несправедливо приписываетъ имъ, и должно быть приписываемо къ разряду государственныхъ преступленій, но въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію суда подлежитъ вопросъ не о виновности просителей въ означенномъ преступленіи, а другой вопросъ—о винѣ или виновности Булюбаша въ несправедливомъ отнесеніи къ просителямъ означеннаго преступленія, т. е. о проступкѣ, не имѣющемъ характера государственнаго преступленія и буквально соотвѣтствующемъ 136 ст. уст. о наказ., налаг. миров. суд.; на этомъ основаніи и какъ дѣло во всякомъ положеніи

можетъ быть окончено примиреніемъ, я, за силою 42 ст. уст. угол. суд., приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла по существу. Потомъ повѣренный обвиняемаго заявилъ, что онъ отказывается отъ представленія объясненія по существу дѣла, такъ какъ онъ на это не уполномоченъ. Разсмотрѣвъ представленную Голембіовскимъ довѣренность, я нашелъ его уполномоченнымъ для отвѣта по обвиненію Булюбаша въ клеветѣ и не придалъ значенія этому заявленію. Отъ свидѣтелей, согласно 98 ст. уст. угол. суд., была отобрана подписка о присягѣ, и потомъ дворянинъ Евгеній Мальшинскій показалъ, что, видѣвшись съ Булюбашемъ въ коммерческомъ банкѣ, онъ, Мальшинскій, спросилъ Булюбаша, какое онъ имѣлъ столкновеніе на улицѣ съ жандармскимъ офицеромъ, и Булюбашъ на это отвѣчалъ, что онъ дѣлалъ жандарму заявленіе по поводу наклейки прокламацій возмутительнаго содержанія, и что прокламаціи эти были привезены въ Кременчугъ Зѣньковскою, а расклеены по улицамъ города Несвицкимъ и Клячинымъ. Послѣднее обстоятельство онъ передавалъ не въ видѣ предположенія, а утвердительно, какъ бы имѣя къ этому данныя. Поручикъ Владиміръ Остроградскій показалъ, что при немъ Булюбашъ разсказывалъ въ коммерческомъ банкѣ, какъ не обратили вниманія на его заявленіе по поводу наклейки Несвицкимъ и Клячинымъ прокламацій возмутительнаго содержанія, привезенныхъ въ Кременчугъ Зѣньковскою. При разборѣ дѣла было предложено сторонамъ окончить дѣло миромъ, но согласія на это не послѣдовало. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла показаніями допрошенныхъ свидѣтелей, я нашелъ доказаннымъ, что Булюбашъ, при разговорѣ въ кременчугскомъ коммерческомъ банкѣ съ Мальшинскимъ и Остроградскимъ, прямо указывалъ на Несвицкаго и Клячина, какъ на лицъ, расклеивавшихъ по улицамъ города Кременчуга, въ концѣ прошлаго года, прокламаціи возмутительнаго содержанія, а на Зѣньковскую, какъ на лицо, доставившее эти прокламаціи въ городъ Кременчугъ. Дѣянія, приписываемыя Булюбашемъ Несвицкому, Клячину и Зѣньковской, позорятъ честь и доброе имя указываемыхъ лицъ среди общества, въ которомъ они живутъ. Имѣя въ виду, что обвиненіе Булюбашемъ Несвицкаго, Клячина и Зѣньковской въ означенномъ дѣяніи не подтверждено никакими обстоятельствами; усматривая, что разглашеніе Булюбашемъ приведенныхъ слуховъ соотвѣтствуетъ всѣмъ признакамъ проступка, предусмотрѣннаго 136-ю ст. уст. о наказ., налаг. миров. суд., и принимая во вниманіе общественное положеніе Булюбаша, степень его образованія и всю тяжесть несправедливо взводимаго на потерпѣвшихъ обвиненія, я признаю Булюбаша виновнымъ въ оклеветаніи Александра Несвицкаго, Василія Клячина и Софіи Зѣньковской, съ увеличивающими вину обстоятельствами, и потому, руководствуясь 119-ю ст. уст. угол. суд., 14-ю ст., 2-мъ и 4-мъ пун. 136-й ст. уст. о наказ., налаг. мпр. суд., рѣшеніемъ кассаціоннаго департамента 1870 года, № 1.384-й, приговорилъ: дворянина Николая Валерьяно-

вича Булюбаша подвергнуть аресту на шесть недѣль. Приговоръ этотъ неокончательный, объявленъ съ соблюденіемъ 128-й ст. уст. угол. суд., съ объясненіемъ срока и правилъ обжалованія».

Изъ этого дѣла ты видишь, съ какою безпримѣрною легкостью почтенный представитель помѣстной интеллигенціи взвелъ обвиненіе на невинныхъ людей. Однако этотъ приговоръ встрѣченъ былъ московскою газетою непривѣтливо, а вслѣдъ затѣмъ и вышеупомянутый джентльменъ напечаталъ въ той же газетѣ письмо, въ которомъ высказываетъ, разумѣется, неудовольствіе судьѣ за поспѣшность разбора дѣла, объясняетъ, что онъ «имѣлъ два раза разговоръ съ жандармскимъ мѣстнымъ офицеромъ» по поводу расклейки прокламацій, но «содержаніе этихъ разговоровъ онъ не считаетъ удобнымъ излагать», и что судья долженъ былъ бы непремѣнно выждать «не только рѣшенія высшей администраціи, но, можетъ-быть, и начальныхъ ея дѣйствій къ уясненію обстоятельствъ этого дѣла».

Московская газета предпослала этому письму статью, весьма горячо написанную, въ которой, между прочимъ, жалуется, что порядочныхъ людей, подобныхъ вышеназванному джентльмену, постигаетъ незаслуженный позоръ обвиненія. По мнѣнію почтенной газеты, человѣкъ, обладающій «героизмомъ», подобнымъ обнаруженному кременчугскимъ предсѣдателемъ управы, «отдастъ на жертву свое доброе имя, напередъ зная, что его забросаютъ грязью».

Нечего и говорить, какъ шатка почва такого положенія, и что могло бы произойти въ этой странѣ, если бы люди, «возмущенные явленіями», желая оказать услугу правительству, занимались ложными доносами. Я убѣжденъ, что они оказали бы плохую услугу, такъ какъ при подобномъ пріемѣ и при безнаказанности клеветниковъ можно совершенно свободно всѣхъ гражданъ обвинить въ измѣнѣ отечеству.

Признаюсь, я очень порадовался, что лакеи гостиницы, гдѣ я живу, не понимаютъ всей важности положенія, въ которомъ они находились бы, судя по рекомендаціи почтенной газеты. Пойми они исключительность обстоятельствъ, то какой терроръ могли бы навести лакеи, кухарки, швейцары и дворники на жителей столицы! По счастію, русскіе еще добродушны и прислуга не читаетъ газетъ. Въ данномъ случаѣ приходится радоваться, что русская прислуга безграмотна.

Но не довольно ли объ этомъ, Дженни? Я думаю, тебѣ надоѣло слушать, а потому, заканчивая письмо, увѣдомляю, что я нахожусь въ полномъ благополучіи и попрежнему, въ качествѣ знатнаго иностранца, веду жизнь вполнѣ пріятную.

Письмо пятьдесятъ седьмое.

Дорогая Дженни!

Если бы ты знала, какія затрудненія, хотя и мелочныя, испыталъ я при полученіи чемодана съ платьемъ, посланнаго тобой, то, конечно,

ты предварительно спросила бы моего мнѣнія. Впрочемъ, дѣло сдѣлано, и теперь поздно о немъ жалѣть.

Надо тебѣ сказать, Дженни, что хотя въ Россіи жить весьма хорошо знатному иностранцу, но для незнатнаго, какъ иностранца, такъ и туземца, существуютъ тысячи тѣхъ мелочныхъ затрудненій, которыя подчасъ отравляютъ жизнь, а такъ какъ вся жизнь состоитъ изъ мелочей, то ты поймешь, почему здѣсь всякій незнатный иностранецъ старается какъ можно рѣже имѣть столкновенія съ русскими при отправленіи ими какихъ бы то ни было обязанностей.

Предварительно замѣчу, что русскій внѣ обязанностей и русскій при обязанностяхъ — два совершенно различные человѣка. Первый добродушенъ, готовъ (если нѣтъ партіи въ винтъ) разговаривать сколько угодно, очень радъ, какъ здѣсь выражаются, «посудачить» и посплетничать, при чемъ крайне любопытенъ (не любознателенъ, а именно любопытенъ) и чуть ли не съ перваго же дня знакомства входитъ въ такія интимности, что я прежде приходилъ въ изумленіе, но потомъ ничего—привыкъ.

Но лишь только тотъ же самый русскій въ одиннадцатомъ часу дня надѣнетъ вицмундиръ и придетъ въ департаментъ, какъ тотчасъ же въ немъ совершается какая-то, едва ли гдѣ-либо наблюдаемая метаморфоза. Добрый джентльменъ вдругъ дѣлается неразговорчивъ, недоступенъ, напускаетъ на себя важность, дѣлаетъ видъ, что занятъ государственными соображеніями, и потому морщитъ лобъ и какъ-то сердито хмуритъ брови, какъ только является проситель или лицо изъ публики, имѣющее къ нему дѣло. Онъ старается словно бы унизить просителя, оборвать его, дать ему почувствовать, что тутъ онъ (въ сущности добродушный человѣкъ) можетъ натѣшиться, если захочетъ, вдоволь или, если опять-таки захочетъ, обласкать и осчастливить.

И просители здѣсь держатъ себя въ разныхъ департаментахъ и канцеляріяхъ совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ. У насъ каждый идетъ куда нужно, считая себя въ правѣ требовать справки или отвѣта и смотря на чиновника, какъ на слугу общества, обязаннаго исполнять свои обязанности передъ публикой; здѣсь же, напротивъ, проситель думаетъ, что ему дѣлаютъ одолженіе, когда даютъ справку или отвѣчаютъ на вопросы по дѣлу, и потому, входя въ какой-нибудь office, русскіе робѣютъ, нерѣшительно топчутся на мѣстѣ, не зная, къ кому обратиться, а клерки въ это время, какъ нарочно, наклоняютъ головы надъ бумагой, дѣлая видъ, что ужасно заняты...

Въ интересахъ наблюденія я лично отправился за чеморданомъ, при чемъ рѣшилъ не говорить, что я знатный иностранецъ, желая узнать по опыту, что значитъ въ Россіи попасть въ какой-нибудь office. Надо было ѣхать далеко, въ сухопутную таможню, куда я и отправился ровно въ одиннадцать часовъ, и возвратился оттуда домой ровно въ пять, употребивъ такимъ образомъ часовъ шесть на полу-

ченіе чемодана съ старымъ платьемъ. Предоставляю тебѣ, Дженни, разсчитать, сколько же нужно было бы времени для полученія не стараго платья. Однако я отвлекаюсь. Разскажу тебѣ по порядку.

Подъѣхавши къ названному office, я хотѣлъ-было оставить извозчика, разсчитывая, что много-много черезъ полчаса я буду свободенъ, и потому, объявивъ ему, что сейчасъ выйду, просилъ его подождать, но извозчикъ замѣтилъ:

— Да вы, господинъ, получать вещи, что ли?

— Да, получать.

— Такъ ужъ лучше разсчитайте. Нескоро выйдете. Ѣздилъ сюда съ однимъ бариномъ, тоже сказалъ: «сейчасъ», а вышелъ къ вечеру.

Разсчитавшись съ извозчикомъ, я первымъ дѣломъ вошелъ во дворъ и рѣшительно былъ въ недоумѣніи, куда идти (никакихъ надписей, облегчающихъ путника, попавшаго въ громадное зданіе, не было). Увидавъ проходившаго сторожа, я обратился къ нему съ вопросомъ: «куда идти?»

— А вамъ что̀ нужно?

— Чемоданъ получить.

— Чемоданъ?—повторилъ онъ и, видимо, самъ не зная, куда мнѣ идти, со свойственнымъ русскому человѣку добродушіемъ и находчивостью прибавилъ:—А вы идите наверхъ, тамъ спросите.

Я улыбнулся и пошелъ наверхъ по лѣстницѣ. Поднялся на самый верхъ и снова остановился въ недоумѣніи, куда идти. По счастію, таможенный солдатъ проходилъ въ это время и на мой вопросъ насчетъ чемодана посовѣтовалъ мнѣ спуститься въ самый низъ и идти сперва въ контору Варшавской желѣзной дороги.

— А потомъ?

— Тамъ скажутъ.

Я спустился и вошелъ въ контору, гдѣ сидѣло нѣсколько клерковъ, и отдалъ одному изъ наименѣе суровыхъ свою квитанцію; тотъ возвратилъ ее мнѣ, указавъ головой на своего визави (ему, очевидно, некогда было самому передать лоскутокъ бумаги сосѣду), и уткнулъ голову въ книгу. Черезъ нѣсколько минутъ я уплатилъ слѣдуемыя деньги и, веселый, думая, что половина дѣла окончена, вышелъ оттуда, получивъ наставленіе, что надо идти въ канцелярію. Черезъ минуту я уже былъ въ канцеляріи, гдѣ въ нѣсколькихъ комнатахъ сновали и толклись чиновники и чающіе полученія товаровъ. Одни сновали по комнатамъ съ озабоченными лицами, съ бумагами въ рукахъ; другіе сидѣли у столовъ и писали, третьи наконецъ бесѣдовали между собою. Просители столпились въ первой комнатѣ у стола, за которымъ сидѣлъ молодой человѣкъ, вскакивавшій поминутно съ мѣста и снова возвращавшійся назадъ. Въ этой комнатѣ то и дѣло раздавались тихіе возгласы, сопровождаемые заискивающими улыбками:—«Нельзя ли, Иванъ Ивановичъ, отпустить меня... я два часа жду!»—на что молодой

человѣкъ, любезный и расторопный, надо отдать ему полную справедливость, то и дѣло отвѣчалъ:—«Сейчасъ, минуточку! Вы видите—не разорваться же мнѣ!»—и вслѣдъ затѣмъ снова уходилъ, бросаясь то въ сосѣднюю комнату, то куда-то наверхъ. Оказалось, что онъ бросался не зря, а за дѣломъ, отрываясь ежеминутно отъ стола, и я только удивлялся, какъ одинъ и тотъ же чиновникъ обязанъ и сидѣть и бросаться; мнѣ казалось, что было бы для дѣла полезнѣе, если-бъ одному какому-нибудь джентльмену изъ тѣхъ, которые въ это время тихо передавали другъ другу подробности о дѣлѣ по безпорядкамъ въ таможнѣ (я писалъ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ), предложили посидѣть, а расторопному и бойкому молодому человѣку, который и сидѣлъ и бросался, предложили бы только бросаться. При такомъ раздѣленіи труда, казалось мнѣ, никому не было бы непріятно, а тѣмъ болѣе господамъ, столпившимся вокругъ стола и со страхомъ въ глазахъ ожидающимъ, что вдругъ расторопный молодой человѣкъ вспорхнетъ—и снова надо ожидать и ожидать...

Такъ смотрѣлъ я на все кругомъ происходящее, стоя посреди комнаты съ двумя квитанціями въ рукѣ, какъ путникъ, очутившійся внезапно въ незнакомомъ городѣ, среди незнакомыхъ лицъ. Мимо меня проходили, на меня взглядывали, но, разумѣется, никому не было никакого дѣла до человѣка, недоумѣвающаго съ двумя квитанціями въ рукѣ. Къ сожалѣнію, никакой указывающей путь руки нарисовано не было, и не было никакой надписи, по которой можно было бы узнать, какъ въ банкирскихъ конторахъ или у насъ въ учрежденіяхъ, къ кому слѣдуетъ обратиться въ такомъ затруднительномъ случаѣ (NB. Мнѣ разсказывали, какъ достовѣрный фактъ, исторію съ одной почтенной старушкой,—исторію, отзывающуюся, впрочемъ, анекдотомъ. Говорятъ, будто бы старушка ровно мѣсяцъ ежедневно сидѣла съ 12 до 5 час. въ office'ѣ, простирая руку съ квитанціей и по робости не смѣя ни къ кому обратиться, и просидѣла бы еще мѣсяцъ, если-бъ не сжалился надъ ней сторожъ и не принялъ за тридцать копеекъ веденіе дѣла на себя). Оставалось довѣриться счастью и наблюдательности. Выбравъ снова самое, казалось мнѣ, добродушное лицо, которымъ обладалъ джентльменъ, съ разсѣянной задумчивостью чистившій себѣ пальцемъ носъ, сидя за столомъ въ другой комнатѣ, я направился къ нему. Но лишь только почтенный джентльменъ замѣтилъ очевидное намѣреніе мое атаковать его, какъ тотчасъ же, прервавъ занятіе, вдругъ насупился и углубился въ бумаги.

— Извините, пожалуйста... —проговорилъ я и вмѣсто дальнихъ словъ почтительно положилъ мои двѣ квитанціи на его столъ.

Онъ взглянулъ на меня и, вѣроятно, добрый человѣкъ пожалѣлъ меня, потому что, взглянувъ на квитанціи, произнесъ:

— Не здѣсь... Идите въ третій этажъ!..

— А потомъ?..

— Тамъ скажутъ... Извините, мнѣ некогда!

Я поблагодарилъ; я искренно чувствовалъ благодарность, начиная смотрѣть на себя, какъ на плѣнника въ рукахъ непріятеля, такъ что одно ласковое слово ободрило меня. Не рѣшаясь болѣе злоупотреблять его временемъ, посвященнымъ, очевидно, отечеству и собственному носу, я вышелъ, поворачиваясь, чтобы еще разъ бросить взоръ благодарности. Смотрю: почтенный джентльменъ опять съ разсѣянной задумчивостью смотритъ вокругъ и снова чиститъ носъ...

Въ третьемъ этажѣ я протянулъ квитанцію встрѣтившемуся мнѣ навстрѣчу чиновнику, который уходилъ въ это время изъ комнаты, и слава Богу, что я его встрѣтилъ, такъ какъ иначе неизвѣстно когда бы онъ вернулся. Онъ занесъ мою квитанцію въ книгу и скоро отпустилъ.

— Извините... Теперь я могу получить вещи?..

— О, нѣтъ... Потрудитесь идти въ канцелярію.

— Во второй этажъ?..

— Да...

Я поблагодарилъ за указаніе и снова очутился въ первой комнатѣ, гдѣ толпились тоже чающіе и гдѣ на этотъ разъ отсутствовалъ молодой расторопный человѣкъ, бросившійся куда-то по дѣлу.

Спасибо сторожу, онъ направилъ меня вонъ изъ канцеляріи, въ другое отдѣленіе въ коридорѣ. При входѣ въ комнату, гдѣ сидѣло два чиновника и три старыхъ-престарыхъ писаря въ формѣ съ нашивками за безпорочную службу, старичокъ, сидѣвшій у двери, взялъ отъ меня квитанцію, записалъ что-то и, ни слова не говоря, продолжалъ что-то писать.

— Куда теперь?

— Въ канцелярію...

Я опять вернулся и узналъ отъ одного посторонняго, что надо обратиться къ «члену». Но какъ обратиться? Наконецъ я вошелъ въ присутствіе и увидѣлъ не одного, а двухъ «членовъ». Я долго стоялъ, пока наконецъ не рѣшился обратиться къ одному изъ членовъ. Онъ взглянулъ на мои квитанціи и спросилъ:

— А паспортъ съ вами есть для удостовѣренія вашей личности?

— Есть...

— Заграничный, конечно?

— Нѣтъ... Обыкновенный, выдаваемый здѣсь иностраннымъ подданнымъ...

— Да вы сами давно изъ-за границы пріѣхали?

— Два года...

— Такъ зачѣмъ же вамъ домашнія вещи посылаютъ? Какъ же это?— удивился онъ.—У насъ не было примѣра, чтобы домашнія вещи присылались изъ-за границы, а получатель не имѣлъ при себѣ заграничнаго паспорта. Были примѣры, что человѣкъ пріѣдетъ изъ-за гра-

пицы, а вслѣдъ затѣмъ его чемоданъ прибудетъ, но *такого* примѣра не было.

Однако, послѣ совѣщанія съ другими джентльменами, онъ сказалъ, что «можно, подождите минутку», взялъ мои квитанціи и съ этими словами ушелъ. Но я рѣшилъ не выпускать его изъ виду и пошелъ за нимъ, и вотъ, Дженни, началась прелюбопытная гонка. Почтенный джентльменъ кружилъ по комнатамъ, останавливаемый вопросами просителей, поглощенный разными дѣлами, а я — за нимъ. Иногда онъ исчезалъ, и я падалъ духомъ, пока снова не настигалъ его. Наконецъ я поймалъ его снова въ присутствіи и, по счастію, получилъ отъ него свои документы, съ надписью на одномъ изъ нихъ: «досмотрѣть», и очутился въ компаніи съ тѣми лицами въ первой комнатѣ, которыя то и дѣло восклицали: «Нельзя ли, Иванъ Ивановичъ!» Расторопный молодой человѣкъ не взялъ, а скорѣй выхватилъ у меня документы, подложилъ ихъ и бросился куда-то...

Я ждалъ.

Наконецъ онъ такъ же внезапно явился, такъ же внезапно сказалъ: «пойдемте!», и мы пошли наверхъ, въ пакгаузъ.

Такъ какъ у меня не было никакихъ запрещенныхъ вещей, то я думалъ, что затрудненій при осмотрѣ для меня никакихъ не выйдетъ, но оказалось, что я снова ошибся. Молодой джентльменъ, завидѣвъ книги (и къ чему ты ихъ посылала?), посмотрѣлъ заглавія и отложилъ ихъ.

— Помилуйте, сэръ, за что! Это все книги, вѣроятно, вамъ извѣстныя: библія, календарь, сочиненія Вальтеръ-Скотта.

— Нельзя... Мы пошлемъ въ цензурный иностранный комитетъ.

— Но вѣдь книги, сэръ, кажется, очень извѣстныя, особенно календарь и библія.

Однако молодой джентльменъ не рѣшился и посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ начальнику. Мы вернулись въ канцелярію, и я обратился къ начальнику, передъ которымъ уже лежали книги.

Тысяча благодарностей почтенному джентльмену: онъ разрѣшилъ оставить въ чемоданѣ эти книги.

Вслѣдъ затѣмъ меня снова послали къ расторопному молодому человѣку, который въ эту минуту снова сидѣлъ. Онъ взглянулъ на меня, объяснилъ, что надо написать прошеніе и купить марку (тамъ же я ее и купилъ), сказалъ: «сейчасъ», и дѣйствительно, Дженни, ровно черезъ часъ я уплатилъ слѣдуемыя деньги, расписался въ книгѣ и, довольный, вышелъ изъ канцеляріи.

— Теперь конецъ?—спросилъ я у сторожа.

— Нѣтъ еще... Пожалуйте въ коридоръ, двери направо, гдѣ давеча были, какъ вернулись изъ третьяго этажа.

Снова старичокъ-писарь отобралъ документы мои, поправилъ очки и тихо сталъ записывать старческой рукой въ книгу. Мнѣ казалось,

что онъ дьявольски-тихо пишетъ, и что лучше было бы, если бы вмѣсто него сидѣлъ клеркъ помоложе. Отъ него я прошелъ къ другому такому же старику, который еще медленнѣе сталъ записывать тоже въ книгу и наконецъ передалъ бумажку сидѣвшему почтенному чиновнику для подписи.

— Теперь все кончено?

— Вотъ только они подпишутъ!

Но на мою бѣду, Дженни, въ это время пришелъ какой-то курьеръ и отдалъ пакетъ тому чиновнику, который уже держалъ перо, чтобы подписать мнѣ пропускъ. Перо было оставлено, и чиновникъ, прочитавъ пакетъ, требовавшій какой-то справки о прошлогодней бумагѣ, сталъ бесѣдовать по этому поводу съ другимъ чиновникомъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты.

Я проклиналъ курьера и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалѣлъ, что справки должны дѣлаться въ то время, когда ждутъ просители. Долго ли, коротко ли, но я наконецъ дождался чиновника и сказалъ ему почтительно, что давно уже жду.

— Не разорваться же мнѣ! (Тутъ всѣ употребляютъ это выраженіе). Я не за пустяками ходилъ, а наводилъ справку...

Но отчего онъ не поручилъ этого дѣла помощнику, а ушелъ и пропалъ, такъ что нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ со мною пропуска, думали сперва, не ушелъ ли почтенный джентльменъ въ департаментъ докладывать по справкѣ, а такъ какъ отъ Нарвской заставы до Милліонной разстояніе немалое, то нѣкоторые думали, что мы будемъ свободны только къ вечеру.

Наконецъ пропускъ полученъ, и тогда вдругъ всѣ писаря стали меня поздравлять (и дѣйствительно, было съ чѣмъ поздравлять!), протягивая какъ-то странно руки. Въ радости я не отказалъ просьбамъ, и едва вышелъ изъ коридоръ, какъ и тамъ, откуда ни возьмись, протянулись руки сторожей и солдатъ. Я вспомнилъ описаніе Диккенсомъ посѣщенія суда, и когда наконецъ очутился на улицѣ и усѣлся на извозчика, поставивъ чемоданъ въ ноги, то такъ радостно воскликнулъ, что извозчикъ не безъ изумленія обернулся. Я взглянулъ на часы: было безъ четверти пять.

— Скорѣе вы, сударь, справились!—отвѣтилъ мнѣ извозчикъ (оказался тотъ самый, который привезъ меня).

Тогда я окончательно понялъ, что въ Россіи понятіе о скорости совсѣмъ исключительное *). Но будь здорова и ради Бога никогда ничего мнѣ не посылай.

---

*) Едва ли нужно говорить, что въ описаніи знатнаго иностранца замѣтно явное преувеличеніе. Едва ли все было такъ, какъ онъ описываетъ. Правда, что процедура въ таможнѣ очень сложна, но, вѣроятно, иначе и нельзя. Что же касается эпизода съ книгами, то переводчикъ можетъ за-

Письмо пятьдесятъ восьмое.

Дорогая Дженни!

Спѣшу извѣстить тебя, что я вполнѣ благополучно и безъ особенныхъ приключеній совершилъ свое путешествіе изъ Лондона въ Вѣну и оттуда черезъ Варшаву въ Россію и не безъ пріятнаго чувства увидалъ, послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія, Петербургъ и многихъ русскихъ друзей и знакомыхъ.

Изъ послѣдующаго ты убѣдишься, что я былъ совершенно правъ, вполнѣ довѣряя благопріятнымъ, иногда даже восторженнымъ извѣстіямъ, сообщаемымъ изъ Петербурга въ «Politische Correspondenz» и нѣкоторыя другія нѣмецкія газеты, а равно насколько заблуждались неисправимые наши руссофобы, подозрѣвавшіе справедливость названныхъ корреспонденцій и даже выражавшіе неосновательныя и неблаговидныя подозрѣнія насчетъ ихъ происхожденія. Пусть считаютъ меня, Дженни, наши лондонскіе друзья завзятымъ руссофиломъ, но я откровенно долженъ признаться, что когда, по пріѣздѣ въ русскую столицу, я снова сталъ читать русскія газеты и основательно ознакомился съ положеніемъ дѣлъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ русскими государственными людьми (которые, замѣчу кстати, всегда охотно бесѣдуютъ съ иностранцами), а также свиданіямъ съ наиболѣе выдающимися русскими журналистами, то окончательно убѣдился, что для русскихъ, — какъ говорятъ здѣсь военные генералы, когда ведутъ солдатъ на приступъ, — ничего невозможнаго нѣтъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ они способны сдѣлать то (и, замѣть, при самыхъ простѣйшихъ мѣрахъ!), на что другимъ народамъ потребны долгіе годы труда, усилій и тяжкихъ заботъ. Къ этому надо присовокупить, что русскіе обнаруживаютъ въ своемъ поступательномъ движеніи столь радостную порывистость и столь трогательную вѣру, что я, Дженни, положительно начинаю склоняться къ мнѣнію, недавно высказанному однимъ извѣстнымъ русскимъ романистомъ (на празднествѣ въ честь русскаго поэта Пушкина), что русскіе призваны обновить обветшалый строй Европы, сказать ей новое слово и заключить въ своихъ братскихъ объятіяхъ все человѣчество. Насчетъ обновленія и братскихъ объятій, конечно, говорилось и прежде, но никогда еще не говорилось съ такой самоувѣренностью, съ такимъ пророческимъ апломбомъ, какъ теперь. Тѣ же пророки (всѣ они ведутъ свою родословную отъ какого-то московскаго праведника Ивана Яковлевича Корейши), которые еще такъ недавно науськивали на молодое поколѣніе ужъ совсѣмъ не братскія объятія, вдругъ проникнись глубочайшимъ христіанскимъ сми-

---

свидѣтельствовать на основаніи опыта, что когда онъ получилъ изъ-за границы вещи, и въ томъ числѣ календарь и двѣ дѣтскія книги, то онѣ не были отобраны. *Прим. переводчика.*

реніемъ и всечеловѣческой любовью. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Еще четыре мѣсяца тому назадъ многіе русскіе въ бесѣдахъ своихъ со мной, не стѣсняясь передъ иностранцемъ, обнаруживали уныніе и даже выражали жалобы, натурально, въ самомъ кроткомъ тонѣ, на то, что реформы нѣсколько долго гостятъ въ комиссіяхъ, что провизія дорога, латинскіе уроки очень длинны, дѣти безпокоятъ отцовъ, а отцы въ заботахъ объ успокоеніи дѣтей дѣйствуютъ будто бы такъ педагогически-радикально, что невольно являются разныя сомнѣнія. Одинъ почтенный джентльменъ, впрочемъ, нѣсколько мнительный, выразилъ даже мнѣніе, конечно, парадоксальное, что при очень радикальной педагогической системѣ можетъ случиться, что значительная часть несовершеннолѣтнихъ русскихъ джентльменовъ не въ состояніи будетъ окончить своего образованія, и въ будущемъ, пожалуй, некому будетъ управлять восьмидесятимилліоннымъ населеніемъ, такъ какъ къ тому времени современные дѣятели придутъ въ совершенную ветхость. Вообще, Дженни, тонъ всѣхъ бесѣдъ былъ нѣсколько меланхолическій. Если кто не жаловался на дороговизну, тотъ скорбѣлъ о недоразумѣніяхъ вообще, повисшихъ будто бы надъ Россіей. Русскія газеты, какъ я тебѣ сообщалъ въ свое время, заботливо изыскивали мѣры для подъема (какъ онѣ говорили) упавшаго духа въ обществѣ. Онѣ стыдили робкихъ, поощряли смѣлыхъ, и если въ тѣ времена репортеръ замѣчалъ на улицѣ очень меланхолическую физіономію, то во имя патріотическаго чувства обличалъ ее если не въ измѣнѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ распространеніи общественнаго унынія или какого-нибудь тайнаго подвоха. Еще четыре мѣсяца тому назадъ, Дженни, даже петербургскіе дворники, получившіе въ послѣднее время, благодаря распространенію народнаго образованія, нѣкоторый навыкъ къ сужденіямъ о политикѣ, сидя у воротъ для того, чтобы слѣдить, не проскользнетъ ли въ ворота какая-нибудь измѣна (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ объясняли свою обязанность сидѣть у воротъ сами дворники), казались озабоченными (про болѣе видныхъ дѣятелей я ужъ не говорю),—какъ вдругъ, Дженни, съ Божьей помощью, совершилось нѣчто необыкновенное: сплинъ и тревога исчезли внезапно, какъ марево, и если вѣрить прессѣ (а не вѣрить ей нельзя, такъ какъ теперь, по ея удостовѣренію, она можетъ высказываться съ большею свободою, чѣмъ прежде), то повсюду, и въ каменныхъ палатахъ и въ скромной хижинѣ, въ душѣ доблестнаго чиновника и въ душѣ мирнаго поселянина, вмѣсто унынія—радость и общее ликованіе.

Несмотря на кос-какія экономическія бѣдствія, неурожаи, гессенскую муху (какія только мухи ни залетаютъ въ Россію!), жучка, саранчу, пожары, наводненія, эпидеміи и всякія иныя бѣдствія, посылаемыя на Россію Провидѣніемъ, борьба противъ котораго, разумѣется, не во власти человѣка, и слѣдовательно протестовать безполезно, —

жители многихъ городовъ («жителями» здѣсь считаются дворяне, чиновники, купцы, духовные, а прочія сословія «обывателями»,—слово на нашемъ языкѣ непереводимое; всѣ же вмѣстѣ называются гражданами) при встрѣчахъ обнимаются и цѣлуются, проливаютъ слезы (я говорю, имѣя передъ глазами телеграммы въ русскихъ газетахъ) и въ восторгѣ шлютъ въ редакціи газетъ привѣтствія по поводу наступленія новой эры. Тутъ я принужденъ, Дженни, объяснить тебѣ, что русскіе понимаютъ подъ словомъ «эра» и какъ вообще ведутъ свое лѣтосчисленіе. Оно столь отлично отъ нашего, имѣетъ настолько національной самобытности, что на этомъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Дѣло въ томъ, что лѣтосчисленіе здѣсь неодинаково не только въ разныхъ классахъ, но даже въ различныхъ вѣдомствахъ и даже частныхъ учрежденіяхъ. При этомъ здѣсь не считаютъ, какъ у насъ, время отъ Рождества Христова, а всегда принимаютъ за исходный пунктъ новой «эры» болѣе позднѣйшее событіе *).

Такъ, напримѣръ, классъ чиновниковъ ведетъ начало новой «эры» со времени назначенія въ должность новаго начальника. Желая опредѣлить время, русскій чиновникъ говоритъ: «Это случилось черезъ годъ послѣ вступленія въ должность его превосходительства такого-то!» Въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія лѣтосчисленіе ведется нѣсколько иначе; не упоминая о начальникѣ, просто говорятъ: «Это было пять лѣтъ спустя послѣ нашествія чеховъ!», и всякій понимаетъ, что это обозначаетъ. Въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, какъ мнѣ пояснили, время считаютъ отъ начала обнаруженія перваго расхищенія казенныхъ лѣсовъ, и потому цифры лѣтъ въ этомъ вѣдомствѣ очень почтенныя. Въ морскомъ вѣдомствѣ новая «эра» считается со времени спуска на воду первой «поповки», а въ почтовомъ — со дня рожденія знаменитаго въ Россіи почтмейстера Шпекина. Какъ видишь, различіе въ лѣтосчисленіи весьма большое, и нѣтъ ничего мудренаго, что отъ этого происходитъ нѣкоторая путаница, особенно для иностранца.

Земцы, тѣ ведутъ счисленіе опять-таки иначе. Они раздѣляютъ года на пятилѣтія, соотвѣтственно промежуткамъ возобновленія ходатайствъ. Купцы считаютъ начало новой «эры» со дня объявленія несостоятельности; дворяне — съ открытія перваго земельнаго банка; литераторы—со дня назначенія каждаго новаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, а издатели—со дня перваго предостереженія **).

---

*) Мы переводимъ это описаніе, какъ курьезный образчикъ нелѣпостей, которыя сообщаются даже и благожелательными къ намъ иностранными путешественниками. *Прим. переводчика.*

**) Нужно ли опровергать нелѣпую выдумку? Мы полагаемъ, что „знатный иностранецъ“, вообще добросовѣстный въ своихъ наблюденіяхъ, на этотъ разъ былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь нашимъ соотечественникомъ. *Прим. переводчика.*

Возвращаюсь однако къ пресловутому разскажу о путешествіи.

Еще на дорогѣ изъ Вѣны я услыхалъ самыя пріятныя новости отъ одного знакомаго русскаго изъ Петербурга, возвращавшагося изъ командировки (молодой джентльменъ былъ посланъ за границу для изученія благоустройства въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ), и отъ другихъ русскихъ спутниковъ, проводившихъ лѣтніе мѣсяцы на водахъ и морскихъ купаньяхъ. Всѣ наперерывъ спѣшили увѣрить меня (хотя я и не сомнѣвался), что за послѣднее время Россія, во исполненіе прорицаній г. Достоевскаго, совершенно обновилась и уже готова обновить и всю Европу.

— О, вы совсѣмъ не узнаете Петербурга, милордъ,—говорилъ мнѣ молодой джентльменъ, изучавшій въ Европѣ благоустройство. — Повѣяло чѣмъ-то освѣжающимъ, новымъ. Отнынѣ наступаетъ новая эра. Всѣ учрежденія въ благородномъ соревнованіи. Печати предоставлена возможность высказаться вполнѣ (Говорите, господа! Говорите!). Цензорамъ предложено красныхъ чернилъ больше не покупать, вовсе не покупать, перемѣнить образъ мыслей относительно представляемыхъ на ихъ разсмотрѣніе корректуръ и не бояться за послѣдствія, чему они, натурально, обрадовались. Честные граждане отнынѣ спокойно могутъ ложиться спать и могутъ быть увѣрены, что проснутся въ своихъ постеляхъ. А что еще будетъ, что еще будетъ!—прибавилъ молодой человѣкъ, значительно взглядывая на меня.—Европа увидитъ, какъ она ошибалась. Успокоеніе, милордъ, закончено или, по крайней мѣрѣ, въ непродолжительномъ времени закончится; здоровая часть выдѣлена. Довольно недоразумѣній, довольно, довольно и довольно! Посмотрите: печать, напримѣръ, несмотря на опытъ, ни до чего не договорилась и держитъ себя превосходно, на высотѣ положенія, на высотѣ, милордъ.

Не скрою отъ тебя, мой другъ, слѣдующаго: хотя я и не сомнѣвался въ вѣрности этихъ извѣстій, но тѣмъ не менѣе эта рѣчь, произнесенная съ энергіей и нѣкоторой восторженностью, сперва нѣсколько изумила меня, изумила тѣмъ болѣе, что этотъ же самый молодой джентльменъ, состоявшій еще очень недавно чиновникомъ при какомъ-то вѣдомствѣ успокоенія Новороссійскаго края, при встрѣчѣ со мной годъ тому назадъ, высказывалъ мнѣнія, нѣсколько отличныя отъ тѣхъ, которыя высказывалъ теперь (впрочемъ, столь же добродушно, какъ и прежде), сидя со мной въ вагонѣ. Но впослѣдствіи, и даже не доѣзжая границы, послѣ дальнѣйшихъ бесѣдъ съ названнымъ джентльменомъ я вполнѣ убѣдился, что какъ прежде (когда онъ получалъ двѣ тысячи фунтовъ, состоя при успокоеніи), такъ и теперь (когда онъ получаетъ тѣ же двѣ тысячи фунтовъ, состоя при возрожденіи) онъ былъ вполнѣ искрененъ и необыкновенно добродушенъ.

— Благомыслящіе граждане, милордъ, призваны къ участію въ общихъ усиліяхъ. Каждый можетъ такъ или иначе содѣйствовать...

Пиши, лично докладывай, высказывайся всякій честный человѣкъ (почтенный джентльменъ напиралъ особенно на слово «честный») и трепещи закоренѣлый злодѣй.

Само собою я полюбопытствовалъ узнать о способахъ болѣе подробно.

— Очень просто: во-первыхъ, содѣйствовать можно, имѣя въ сердцѣ довѣріе; во-вторыхъ, какъ я уже сказалъ, можно высказываться или по почтѣ, или лично, или наконецъ черезъ печать. Въ-третьихъ, вы развѣ не слышали?.. У насъ устроены сельскохозяйственные съѣзды, на которые будутъ приглашаться частныя лица. Наконецъ, при министерствѣ путей сообщенія тоже будетъ комиссія, въ которую опять-таки будутъ приглашаемы частныя лица для совѣщаній. Совѣтуйте, господа, совѣтуйте... мы будемъ прислушиваться къ общественному мнѣнію! Такія мысли руководили, милордъ, при учрежденіи этихъ новыхъ совѣщательныхъ органовъ!—продолжалъ въ понятномъ благородномъ возбужденіи молодой джентльменъ.

— О сельскохозяйственныхъ съѣздахъ я слышалъ. Кажется, вся мѣстная администрація—обязательные члены, а предсѣдатель—губернаторъ или предводитель дворянства?..

— Да, милордъ. Вся мѣстная администрація участвуетъ, въ видахъ объединенія сельскохозяйственныхъ взглядовъ. По-моему, нашъ главный недостатокъ въ разъединенности... Надо все объединить, рѣшительно все. Гессенская ли муха, недоимки ли, неплодородіе, саранча или дифтеритъ—теперь все будетъ объединено, взвѣшено и понято! Засимъ, кромѣ представителей администраціи (ей ужасно много хлопотъ, а еще обвиняютъ ее иногда въ бездѣятельности; вы подумайте, одному губернатору столько хлопотъ: онъ, въ качествѣ губернатора, представитель всѣхъ комиссій и комитетовъ, а такихъ наберется въ любомъ захолустьѣ до тридцати!),—такъ кромѣ предводителей администраціи,—продолжалъ молодой и очень бойкій джентльменъ, стоящій двѣ тысячи фунтовъ:—членами съѣздовъ будутъ члены сельскохозяйственныхъ обществъ, по два отъ каждаго. Затѣмъ министръ можетъ, если пожелаетъ, пригласить и частныхъ лицъ, но они будутъ имѣть лишь совѣщательный голосъ (совѣты подавать!). Программы занятій будутъ утверждаться министромъ. Онъ же можетъ разрѣшать печатаніе протоколовъ, если найдетъ обнародованіе ихъ полезнымъ. Онъ опять же можетъ, если найдетъ предложенія съѣзда заслуживающими уваженія, принять ихъ во вниманіе; однимъ словомъ, вы видите, что теперь есть полнѣйшая возможность содѣйствовать и говорить!

Мнѣ очень пріятно, Дженни, засвидѣтельствовать, что мой молодой русскій другъ увлекъ и меня своимъ радостнымъ настроеніемъ до того, что я забылъ зубную боль и весело слушалъ спутника.

Въ нашемъ вагонѣ (перваго класса, конечно) было, какъ я сказалъ, нѣсколько русскихъ дамъ и джентльменовъ. Они прислушивались къ нашему разговору, и скоро, разумѣется, мы познакомились и разго-

воръ сдѣлался общимъ. Всѣ болѣе или менѣе раздѣляли взгляды молодого чиновника и возвращались домой въ самомъ веселомъ настроеніи.

— О, милордъ! За границей совсѣмъ не знаютъ Россіи. Здѣсь какія-то извращенныя понятія о нашемъ отечествѣ... масса лжи, преднамѣренной и злостной!—раздавались голоса со всѣхъ сторонъ.—Конечно, мы нѣсколько пріостановились по пути реформъ, но теперь, слава Богу, остановка кончена. Мы нашли путь... Тревоги больше нѣтъ. Все окончено въ какіе-нибудь четыре мѣсяца. Отнынѣ никакихъ недоразумѣній. Мѣры кротости, довѣрія и мирнаго развитія! Кротость и довѣріе къ честнымъ людямъ—и ничего болѣе. Вы увидите сами.

— Я люблю русскихъ, я знаю, что русскіе способны на великіе подвиги. Я знаю, сколько довѣрія у нихъ!—отвѣчалъ я.

— Именно, милордъ, вы сказали настоящее слово!—замѣтилъ одинъ пожилой джентльменъ (послѣ оказалось, что это былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ).—У насъ довѣрчивость въ крови. И какъ же не быть ей, когда и къ намъ обращаются съ довѣріемъ?..

— Какъ я рада, какъ я рада,—начала одна препочтенная дама:—что наконецъ мы можемъ успокоиться послѣ всего, что мы пережили. Наконецъ поняли, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. О, вы увидите, какая у насъ перемѣна въ сердцахъ! Тысячи юношей, жестоко поплатившихся за свое легкомысленное увлеченіе, возвращены семьямъ и школѣ. Отцы и матери прижимаютъ къ сердцу вновь обрѣтенныхъ дѣтей. Многимъ смягчены суровыя наказанія и даны средства раскаяться. Десять лѣтъ вмѣсто пятнадцати—это огромная разница! Пусть только смягчатся озлобленныя сердца. Пусть только Господь умудритъ ихъ!

Такъ говорила, и говорила сильно, съ паѳосомъ, почтенная дама, уже немолодая, Дженни, и слезы стояли въ ея глазахъ. Къ слову сказать, впослѣдствіи, пересматривая старыя русскія газеты, я прочелъ въ одной передовой статьѣ слово въ слово то, что говорила почтенная дама, что свидѣтельствуетъ, конечно, въ пользу подписчицы, хорошо читающей свою газету и несомнѣнно солидарной съ нею.

Нѣкоторое однако-жъ разногласіе возбудилъ вопросъ о цифрѣ возвращенныхъ счастливыхъ юношей. Почтенная дама говорила о тысячахъ, молодой джентльменъ настаивалъ, что всего 2.000, а дѣйствительный статскій совѣтникъ, ссылаясь на свою газету, говорилъ, что едва ли всѣхъ наберется до трехсотъ человѣкъ, что цифру эту нарочно раздуваютъ и т. п. Мнѣ крайне любопытно было узнать однако, изъ какихъ источниковъ почерпнуты были всѣ эти разнорѣчивыя извѣстія, тѣмъ болѣе, что меня очень занималъ этотъ вопросъ въ виду нелѣпыхъ толковъ нашихъ газетъ по этому поводу. На-дняхъ еще я прочиталъ въ «National Zeitung» письмо изъ Петербурга безъ подписи, въ которомъ, между прочимъ, корреспондентъ сообщаетъ, что «всѣ постановленія, изданныя противъ нигилистовъ, подвергнуты пересмотру, и

вслѣдствіе этого тысячи людей, арестованныхъ по подозрѣнію, освобождены», и что «до начала мая было освобождено до 1.000 студентовъ и молодыхъ людей; 4.300 человѣкъ избавлено отъ надзора полиціи, а 2.000 юношей, выключенныхъ изъ учебныхъ заведеній, получили право снова посѣщать ихъ». Обратившись за разъясненіями къ моимъ дорожнымъ спутникамъ, я, къ сожалѣнію, не получилъ никакихъ обстоятельныхъ разъясненій. По обыкновенію, всѣ ссылались или на газеты, или на обычное: «говорятъ». Молодой человѣкъ, хотя и сообщилъ, что знаетъ навѣрное, но все-таки не могъ разъяснить разногласіе какой-нибудь основательной ссылкой.

— Но, вѣроятно, я найду точныя цифры въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»? Этотъ органъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда печатаетъ разъясненія и исправляетъ невѣрныя газетныя сообщенія,—обратился я съ вопросомъ къ молодому человѣку.

— А, право, не знаю. Тамъ, кажется, этихъ свѣдѣній нѣтъ!—замѣтили мнѣ.

Я крайне пожалѣлъ объ этомъ, пожалѣлъ именно въ виду недовѣрія, которое можетъ возникнуть къ газетнымъ извѣстіямъ, разногласія которыхъ такъ очевидны. Я, напримѣръ, совершенно убѣжденъ, что корреспондентъ, сообщившій въ «National Zeitung», получилъ цифры изъ надежнаго источника, но несравненно было бы, мнѣ кажется, убѣдительнѣе, если бы и офиціальный органъ подтвердилъ это извѣстіе (если, впрочемъ, только возможно собрать точныя справки), а то могутъ найтись скептики (у насъ, въ Англіи, въ особенности), которые и вовсе не повѣрятъ извѣстіямъ и слухамъ, неизвѣстно откуда почерпнутымъ, и, пожалуй, въ слѣпой враждѣ дойдутъ до того, что станутъ говорить о «тысячахъ юношей», какъ о миѳѣ, сочиненномъ газетами. Я только-что дописалъ эти строчки, какъ увидѣлъ подробное и обстоятельное разъясненіе этого вопроса. По обыкновенію, газеты преувеличили. Газета «Голосъ», сообщившая о 2.000 юношей, на другой же день уже говорила о 115.

Незамѣтно разговоръ въ нашемъ вагонѣ перешелъ къ воспоминаніямъ о заграничной жизни, о театрахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ, о томъ, какъ за границей скверно кормятъ, и проч. Молодой джентльменъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ очень любопытныя, но едва ли для тебя, Дженни, интересныя свѣдѣнія о парижскихъ дамахъ полусвѣта (въ качествѣ человѣка, изучавшаго благоустройство, онъ, разумѣется, не могъ пройти безъ вниманія и дамъ, могущихъ, какъ онъ говорилъ, быть очень полезными при благоустройствѣ), объ игорныхъ домахъ и т. п. притонахъ, посѣщенныхъ имъ, какъ утверждалъ онъ (хоть я не вполнѣ, признаться, довѣрялъ ему въ этомъ), единственно по обязанности своей командировки. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, лѣчившійся отъ тучности въ Маріенбадѣ, жаловался, что тамъ нечего было ѣсть, бранилъ шнитцель и сладкіе супы и заранѣе пред-

вкушалъ пообѣдать по-русски съ такимъ причмокиваніемъ губами, что раздражалъ нашъ аппетитъ.

Незамѣтно, среди пріятныхъ разговоровъ, мы подъѣзжали къ русской границѣ. Мои спутники стали внимательно осматривать свои ящики и маленькіе чемоданы и выкидывать въ окно газеты и даже цѣлыя книги. Оказалось, что это выкидывались разныя иностранныя газеты и какія-то брошюры, а тѣ, кто похрабрѣй, запихивали себѣ въ карманы русскія книжки.

Молодой чиновникъ тоже усердно засовывалъ себѣ за пазуху нѣсколько книгъ.

— Какую это вы контрабанду провозите?—улыбнулся я.

— Французскую... «Нана» и кое-что еще почище!..—значительно подмигнулъ онъ мнѣ глазомъ.—Удивительно умѣютъ писать эти французы!

— А газеты развѣ нельзя провозить?—спросилъ я.—Вы ихъ кинули за окно.

— Да газеты французскія... Пожалуй, въ таможнѣ придерутся.

— Развѣ и теперь пропускъ строгъ?

— О, вѣроятно; все это измѣнится скоро, но пока...

Въ это время почтенная дама обратилась къ своему сосѣду (дѣйствительному статскому совѣтнику) за разъясненіемъ, можно ли провести сочиненія Ренана, «для мужа»,—объяснила она, но сосѣдъ посовѣтовалъ ей лучше не провозить.

— Но вѣдь мой мужъ, слава Богу, не станетъ же давать эти книги другимъ. И наконецъ онъ человѣкъ солидный..

— Все это такъ, сударыня, но я рекомендовалъ бы. Пожалуй, таможенные придерутся.

Она подумала и бросила четыре тома за окно.

— А Вольтера?..—снова спрашивала она, доставая изъ баула маленькій томикъ.

— Какое именно сочиненіе?

Почтенная дама сконфузилась:

— Мужъ просилъ... «Орлеанская дѣва».

— Въ какомъ духѣ эта книга?.. Я что-то забылъ!..

— А я, право, не знаю!—проговорила дама, еще болѣе конфузясь.—Кажется, немножко фривольная.

Толстый джентльменъ присовѣтовалъ спрятать «любопытную книжечку» въ карманъ, при чемъ успокаивалъ даму, объясняя, что по карманамъ таможенные не шарятъ.

— Бывали, правда, исключительные случаи,—прибавилъ онъ, улыбаясь:—но бывали прежде, когда не только-что карманы, но и вся одежда тщательно обыскивались; для такихъ случаевъ отводилась отдѣльная комната. Но это относилось только къ подозрительнымъ людямъ... О, не безпокойтесь, сударыня, и спокойно спрячьте книжечку въ карманъ.

Однако разсказъ объ отдѣльной комнатѣ напугалъ даму до того (такова, Дженни, была трусливость дамы, возвращавшейся въ отечество съ такими розовыми надеждами), что она хотѣла-было и «Орлеанскую дѣвственницу» отправить вслѣдъ за сочиненіями Ренана, но любезный толстый джентльменъ не допустилъ, чтобы книжечка съ такимъ интереснымъ заглавіемъ пошла къ какому-нибудь дорожному сторожу, и обязательно взялъ книгу и спряталъ ее къ себѣ за пазуху (карманы его уже были полны).

Таковы были приготовленія къ вступленію въ Россію. При этомъ, Дженни, долженъ замѣтить, въ вагонахъ всегда бываетъ нѣкоторая суетливость, а затѣмъ какое-то молчаливое смущеніе, точно путники чувствуютъ себя передъ кѣмъ-то виноватыми; я, по крайней мѣрѣ, несмотря на званіе свободнаго лорда Англіи, испытываю всегда смущеніе, помня нѣкоторыя, бывшія прежде со мной недоразумѣнія. Подъѣзжая къ самой границѣ, я вспомнилъ, что и у меня въ чемоданѣ, сданномъ въ багажъ, нѣкоторыя вещи завернуты въ страницы «Punch'a», гдѣ была, между прочимъ, карикатура, не совсѣмъ пріятная для русскихъ. Разумѣется, я очень хорошо зналъ, что изъ-за этого пустяка не выйдетъ никакой задержки, и все-таки подосадовалъ на мою оплошность.

Между тѣмъ поѣздъ приблизился къ станціи Александрово, и мы вышли изъ вагоновъ. Осмотръ моихъ вещей былъ простою формальностью; таможенный чиновникъ (прелюбезный господинъ), узнавъ, что я англичанинъ и знатный иностранецъ, любезно освѣдомился, не имѣю ли я что заявить, и когда я заявилъ о разорванномъ нумерѣ «Punch'a», въ страницахъ котораго завернуты были мои ботинки, то почтенный чиновникъ добродушно усмѣхнулся и, не осматривая моихъ вещей, махнулъ рукой, вслѣдствіе чего таможенный солдатъ, въ свою очередь, махнулъ артельщику и взглянулъ на меня такъ краснорѣчиво, хотя и почтительно, что рублевый кредитный билетъ, разумѣется, не заставилъ долго ждать почтеннаго солдата.

Покончивъ съ осмотромъ, я отправился въ буфетъ, заказалъ себѣ завтракъ, а въ ожиданіи сталъ просматривать газеты, которыя, замѣчу, полны были самыхъ восторженныхъ статей. Мой молодой русскій оказался правъ. Газеты то же говорили, что и онъ, и такъ, Дженни, хорошо, что я съ удовольствіемъ прочелъ всѣ передовыя статьи. Молодой джентльменъ между тѣмъ почтилъ меня своимъ сосѣдствомъ; за разговорами мы и не замѣтили, какъ пробилъ второй звонокъ и пора было садиться въ вагонъ. Мы уже сидѣли на своихъ мѣстахъ, когда вниманіе наше привлекла какая-то сцена, происходившая между жандармскимъ офицеромъ и какимъ-то статскимъ русскимъ джентльменомъ. Изъ отрывочныхъ фразъ, долетавшихъ до насъ (хотя сцена происходила на платформѣ, но въ порядочномъ разстояніи), я понялъ, что г. офицеръ просилъ джентльмена остаться на станціи до слѣдую-

щаго поѣзда, но джентльменъ просился ѣхать дальше. Офицеръ, судя по разстроенному лицу, былъ очень заинтересованъ въ такой остановкѣ, но господинъ, въ свою очередь, тоже совѣмъ разстроенный, все-таки упрашивалъ позволить продолжать свое путешествіе. Толпа пассажировъ окружила бесѣдовавшихъ. Въ концѣ концовъ однако офицеръ позволилъ ѣхать джентльмену дальше, и поѣздъ тронулся. Въ нашемъ вагонѣ по этому поводу возникла бесѣда о томъ, слѣдовало ли офицеру пускать или не пускать. Объяснилось, между прочимъ, что этотъ пассажиръ — почтенный московскій докторъ и ѣхалъ съ профессоромъ, своимъ знакомымъ, который за него и поручился. Впрочемъ, подробности этого недоразумѣнія я лучше приведу тебѣ изъ русскихъ газетъ, въ которыхъ напечатанъ разсказъ о происшествіи. Вотъ онъ цѣликомъ. Можешь убѣдиться, Дженни, что о такихъ фактахъ русскія газеты печатаютъ, нисколько не опасаясь за розничную продажу и не оскорбляя глаза цензора:

«22 іюля, при возвращеніи изъ-за границы, на станціи Александрово, по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, послѣ отобранія у пассажировъ паспортовъ и во время осмотра въ таможенномъ помѣщеніи вещей, къ одному изъ пассажировъ подходитъ жандармскій капитанъ Александръ Ѳедоровичъ Визгаловъ и спрашиваетъ его:—«Вы будете д-ръ Крюковъ?» — «Я». — «Извините за нескромный вопросъ: который вамъ годъ?» — «31». Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ:—«Откуда вы ѣдете? Черезъ какую пограничную станцію выѣхали изъ Россіи? Когда? Есть ли въ Москвѣ еще однофамильцы Крюковы?» — «Есть, но доктора Крюкова еще нѣтъ». Спустя нѣкоторое время выдали паспортъ; но только-что докторъ отправился въ буфетъ и началъ пить кофе, какъ подходитъ къ нему жандармскій унтеръ-офицеръ и говоритъ:—«Пожалуйте къ капитану!». Докторъ повиновался. У капитана начался опять допросъ:—«Какія вы имѣете доказательства вашей личности?» — «Паспортъ, выданный московскимъ генералъ-губернаторомъ». — «Этого мало, паспортъ ничего не значитъ,— ихъ такъ ловко поддѣлываютъ, что паспорты потеряли всякое значеніе. Да и паспортъ вашъ незаконный: въ немъ не прописаны ваши примѣты». — «Въ заграничныхъ паспортахъ примѣты не прописываются, и если только паспортъ мой не въ порядкѣ, то въ этомъ я никакъ не могу быть виноватымъ». — «Еще какія вы имѣете доказательства?» Докторъ показалъ свои счеты на его имя и заемную расписку. — «И этого намъ мало. Дѣло въ томъ, что вы очень похожи на важнаго преступника, и потому я, несмотря на вашъ паспортъ, сомнѣваюсь въ вашей личности и попрошу васъ остаться до слѣдующаго поѣзда». Узнавъ, что докторъ А. А. Крюковъ ѣдетъ съ профессоромъ Чериновымъ, капитанъ просилъ доктора указать ему профессора. Г. Черіновъ былъ въ это время у начальника таможеннаго округа, какъ знакомый его, и пришелъ на платформу послѣ второго звонка,

въ сопровожденіи начальника таможни. Дальнѣйшее происходило уже на платформѣ, у самаго вагона, посреди громадной толпы пассажировъ. Жандармскій капитанъ обратился къ г. Черинову съ вопросомъ, знаетъ ли онъ г. Крюкова. Профессоръ отвѣтилъ, что хорошо знаетъ уже десять лѣтъ. Капитанъ продолжалъ:—«Г. Крюковъ поразительно похожъ на важнаго государственнаго преступника, Гартмана; поэтому я долженъ его задержать, пока не удостовѣрюсь въ его личности». Г. Черіновъ еще разъ подтвердилъ, что заподозрѣнное лицо есть дѣйствительно докторъ А. А. Крюковъ, и что онъ ручается въ этомъ всѣмъ, чѣмъ угодно. Докторъ, съ своей стороны, протестовалъ противъ намѣренія жандармскаго офицера задержать его, говоря, что хотя онъ и признаётъ право жандармовъ задерживать подозрительныхъ лицъ, но что задержаніе должно производиться всегда съ крайнею осмотрительностью, и что если представленныя доказательства и ручательство профессора московскаго университета онъ, капитанъ, находитъ недостаточными, то можетъ посадить съ нимъ, Крюковымъ, въ одно купе жандарма. На это капитанъ не согласился и продолжалъ настаивать на задержаніи. Послѣ многихъ протестовъ и увѣреній, капитанъ наконецъ рѣшился отпустить г. Крюкова, подъ условіемъ, если начальникъ таможни за него поручится; но начальникъ таможни, видя доктора въ первый разъ, отъ поручительства отказался и поручился только за профессора Черинова, а этотъ послѣдній — ужъ за А. А. Крюкова. Тѣмъ не менѣе на слѣдующей станціи этотъ же самый капитанъ снова обратился къ г. Черинову съ просьбою дать ему свою карточку, говоря, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ исполняетъ лишь свои обязанности, будучи простымъ орудіемъ, на что докторъ Крюковъ замѣтилъ, что и орудія бываютъ разныя: одни стрѣляютъ хорошо, а другія плохо, и что въ данномъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, г. капитанъ могъ бы и не устраивать публичнаго спектакля на платформѣ, а вести дѣло болѣе тактично. Въ заключеніе капитанъ просилъ доктора, по пріѣздѣ въ Москву, выслать ему полицейское удостовѣреніе въ личности, что и было докторомъ исполнено».

Надо тебѣ замѣтить, Дженни, по поводу приведеннаго разсказа, во избѣжаніе ложныхъ заключеній, что здѣсь, въ Россіи, подобныя «недоразумѣнія» вызываются не столько изъ желанія нарушить личную неприкосновенность (хотя, какъ ты видишь, и самъ докторъ не стоитъ за нее въ принципѣ), сколько изъ усердія при исполненіи своихъ обязанностей и вслѣдствіе значительнаго простодушія. Мнѣ приходилось тебѣ сообщать въ прежнихъ письмахъ подобные факты, свидѣтельствующіе, впрочемъ, больше о крайне-патріархальномъ и добродушномъ взглядѣ русскихъ на отношенія останавливающихъ къ останавливаемымъ. Обрати вниманіе: никакой хитрости, никакого лукавства, а все совершается, какъ здѣсь говорятъ, «честно и благородно». У насъ проныра-сыщикъ слѣдилъ бы долго за человѣкомъ, возбуди-

вшимъ подозрѣнія сходствомъ съ важнымъ преступникомъ, и, увлекаемый, разумѣется, перспективой большой награды за поимку крупной рыбы, употребилъ бы всѣ средства выслѣдить ее какъ слѣдуетъ, удостовѣрившись, что онъ гоняется не за призракомъ или, по мѣткому русскому выраженію, «не ищетъ вчерашняго дня», а здѣсь — вотъ это-то и склоняетъ меня къ мысли, что русскіе скажутъ Европѣ новое слово! — все такъ просто, такъ просто и даже безобидно (особенно если имѣешь знакомыхъ и можешь недолго оставаться въ недоразумѣніи), что, несмотря на нѣкоторое удивленіе, которое охватываетъ съ перваго раза европейца, эта простота имѣетъ въ себѣ нѣчто по чести трогательное. Одинъ джентльменъ задерживаетъ другого джентльмена, другой—много-много напечатаетъ въ газетахъ, и то сгоряча, и потомъ оба не питаютъ другъ противъ друга никакого злобнаго чувства, особенно если при этомъ была соблюдена личная неприкосновенность въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. если не были повреждены, по крайней мѣрѣ серьезно, благородныя части тѣла. Съ другой стороны, никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что, несмотря на бдительность, несомнѣнное усердіе и способности русскихъ, въ послѣднее время проскальзывали, судя по извѣстіямъ, нѣкоторыя лица, въ поимкѣ которыхъ многіе были очень заинтересованы; я совершенно понимаю понятное желаніе усугубить вниманіе, чтобы не походить на карабинеровъ, поющихъ извѣстную пѣсенку: «Nous arrivons, nous arrivons, nous arrivons toujours trop tard!», но, сколько кажется, русскому характеру свойственно брать, какъ здѣсь говорятъ, больше грудью, чѣмъ хитростью, вниманіе замѣняется манерой схватывать, какъ говорится, прямо быка за рога, вслѣдствіе чего случается, что вмѣсто быка русскій человѣкъ схватываетъ самаго безобиднаго человѣка.

Для доказательства, что я разсуждаю вовсе не односторонне и не пристрастно къ русскимъ (какъ думаете вы, считая меня безусловнымъ поклонникомъ Россіи и русскихъ), приведу тебѣ еще разсказъ одного пріостановленнаго на Кавказѣ джентльмена, и ты увидишь, какая бездна добродушнаго юмора сокрыта въ русскомъ характерѣ. Правда, юморъ этотъ проявляется чаще всего во время такъ-называемыхъ недоразумѣній, но развѣ, позволю себѣ спросить, онъ все-таки не блещетъ, какъ солнце изъ-за набѣгающихъ тучъ? Дѣло, какъ обыкновенно здѣсь случается, было самое простое и обыкновенное. Ѣхалъ изъ Москвы одинъ джентльменъ, нѣкто г. Кочетовъ (я беру описаніе этого недоразумѣнія изъ газеты «Голосъ»), на пароходѣ по Каспійскому морю на Брянскую косу, чтобы оттуда продолжать путь черезъ Кизляръ въ Пятигорскъ. Пріѣхавъ въ городъ Кизляръ, осмотрѣвъ сады и виноградники мѣстныхъ крупныхъ садовладѣльцевъ, побродивъ по городу съ городовымъ врачомъ (обрати вниманіе, что у почтеннаго путешественника оказались въ городѣ респектабельные знакомые:

крупные садовладѣльцы и городовой врачъ), часовъ въ пять вечера возвратился онъ въ гостиницу и сталъ укладываться, чтобы ѣхать дальше; дѣло у него было неотложное. Затѣмъ самъ почтенный путешественникъ описываетъ свои приключенія такимъ образомъ:

«На ступенькахъ крылечка гостиницы сидѣло и стояло до десятка какихъ-то господъ, между которыми я замѣтилъ майора, въ бѣломъ кителѣ и синихъ очкахъ. Я поднялся на лѣстницу и началъ укладываться. Но не прошло и пяти минутъ, какъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ неизвѣстный мнѣ господинъ, армянинъ по лицу, въ бѣломъ балахонѣ сомнительной чистоты.

«— Позвольте васъ спросить: кто вы такой, куда вы ѣдете и чѣмъ занимаетесь?—обратился онъ ко мнѣ.

«— Извините, — отвѣчалъ я, озадаченный неожиданнымъ и грознымъ посѣтителемъ: — но скорѣе я могъ бы обратиться къ вамъ съ вопросомъ: кто вы такой, входящій такъ безцеремонно въ чужую квартиру?

«— Я—чиновникъ полиціи,—отвѣчалъ балахонъ.

«— Этого, по крайней мѣрѣ, не видно по вашему костюму.

«— А, такъ вы желаете по «формѣ»? — процѣдилъ балахонъ и скрылся за дверью.

«Минутъ черезъ десять та же фигура, запыхавшись, вернулась, но уже въ кепи, съ шашкой черезъ плечо, и, снова отрекомендовавшись «полицейскимъ чиновникомъ», на этотъ разъ уже рѣзко спросила меня: угодно ли мнѣ *наконецъ* сказать, кто я такой, чѣмъ я занимаюсь, куда я ѣду, и предъявить документы?

«Я назвалъ себя, объяснивъ, что дома занимаюсь преимущественно земледѣліемъ, какъ землевладѣлецъ Тульской губерніи, а въ настоящую минуту занятъ скорѣйшимъ отъѣздомъ въ Пятигорскъ, что и подтверждаетъ моя подорожная, которую тутъ же и подалъ ему.

«— Что намъ ваша подорожная! Намъ нуженъ вашъ видъ: его надо прописать, — возразила особа и отстранила подорожную, не читая.

«— Извините, но, сколько мнѣ извѣстно, виды проѣзжающихъ прописываютъ при ихъ пріѣздѣ, а не при отъѣздѣ, и вы теперь пропишете меня для того только, чтобъ въ ту же минуту и выписать, а между тѣмъ заставите распаковывать увязанный тюкъ и задержите мой отъѣздъ.

«— Такъ вы не дадите мнѣ вашего вида? Если такъ, то объявляю вамъ, что мы васъ «задержимъ» и не выпустимъ изъ города.

«Сказавъ это, полицейскій удалился.

«Я отдалъ человѣку подорожную, велѣлъ привести со станціи перекладную и подошелъ къ окну. Вижу, майоръ подзываетъ проходящаго мимо него слугу, беретъ у него подорожную, осматриваетъ ее, показываетъ сосѣдямъ и возвращаетъ обратно. Ну, думаю, удовлетвори-

лись. Но проходитъ долгій часъ напраснаго ожиданія; мимо моихъ низкихъ оконъ проходитъ публика, заглядывая ко мнѣ; образовалось цѣлое гулянье. Я началъ терять терпѣніе и позвалъ хозяина гостиницы.

«— Кто у васъ окружный начальникъ?

«— Полковникъ Возарскій, только онъ лѣтомъ исправляетъ должность коменданта въ Пятигорскѣ, а теперь здѣсь за него помощникъ его, майоръ Бергеръ.

«— Тотъ самый, что̀ сидитъ у воротъ?

«— Этотъ самый,

«Схожу внизъ. Майоръ тутъ.

«— Позвольте васъ спросить, майоръ, почему вы не выпускаете меня изъ города?

«— Очень просто: потому, что вы не предъявляете своихъ документовъ.

«— Да вѣдь вы же видѣли мою подорожную?

«— Да, видѣлъ; но что-жъ изъ этого? Подорожная можетъ быть и фальшивая.

«— Но вѣдь она взята у васъ же, въ кизлярскомъ казначействѣ; справиться очень легко.

«— Что̀ вы тамъ ни доказывайте, но безъ предъявленія документовъ я васъ не выпущу.

«— Да помилуйте, вѣдь это же произволъ!

«— Произволъ или нѣтъ—это мое дѣло.

«— Извольте,—отвѣчалъ я, уступая насилію:—я сейчасъ достану и вручу вамъ бумаги; но предупреждаю, что мнѣ необходимо до ночи выѣхать изъ города и переправиться черезъ Терекъ.

«— Мнѣ ваши документы не нужны; я ихъ и читать не буду, а вы предъявите ихъ чиновнику, котораго я посылалъ къ вамъ.

«— Но гдѣ же этотъ чиновникъ?..

«Дѣлать нечего, раздѣлалъ тюкъ, досталъ бумаги и жду. Проходитъ часъ—никто не является; на дворѣ темнѣетъ, майоръ исчезъ; посылаю опять за хозяиномъ, отдаю бумаги и требую немедленнаго возвращенія ихъ.

«Бьетъ девять, десять, одиннадцать; улица опустѣла, городъ спитъ. Наконецъ является слуга съ подорожной.

«— Ну, что̀ же лошади?

«— Да ихъ было-совсѣмъ запрягли и подорожную прописали, да прискакалъ казакъ и не велѣлъ давать лошадей впредь до приказанія.

«— Сходи за хозяиномъ; куда онъ пропалъ съ моими бумагами!

«Хозяина не оказывается.

«— Такъ веди меня на телеграфъ.

«Я рѣшился дать телеграмму во Владикавказъ, генералу Свисту-

нову, съ просьбой приказать прекратить эти безобразія; но оказывается, что въ Кизлярѣ послѣ девяти часовъ вечера телеграммы не принимаются.

«Дѣла мои требовали немедленнаго отъѣзда. Въ Пятигорскѣ ждала меня телеграмма, содержаніе которой могло имѣть для меня громадное рѣшающее значеніе. Судите же о моемъ положеніи.

«Вдругъ, часовъ около 12-ти ночи, на лѣстницѣ слышится топотъ бѣгущихъ ногъ, дверь отворяется, и въ комнату, какъ бомба, влетаютъ запыхавшіеся докторъ Султанъ-Шахъ и г. Измировъ.

«— Бога ради, что̀ тутъ съ вами творится?!. Въ городѣ носятся слухи, что арестовали какого-то *корреспондента*... Въ чемъ дѣло?..

«—А, такъ вотъ гдѣ разгадка!..

«Я разсказалъ, въ чемъ дѣло. Одинъ бросился къ майору Бергеру, другой послалъ своего слугу на станцію нанять, въ крайнемъ случаѣ, вольныхъ лошадей; бросились разыскивать мои бумаги...

«Прошелъ еще добрый часъ, и наконецъ, только благодаря энергическимъ хлопотамъ этихъ добрыхъ людей, бумаги мои были мнѣ возвращены *(непрописанными)* и лошади стояли на дворѣ.

«Ночью, сопровождаемый добрыми пожеланіями, я наконецъ выѣхалъ изъ города, въ страшную темень, два раза долженъ былъ переправляться на паромѣ черезъ Терекъ и ѣхать глухою ночью по такимъ мѣстамъ, гдѣ разбои даже днемъ — настолько не рѣдкость, что величаются просто «шалостями», и еще недавно (близъ станицы Шелковой) найдены убитыми два грузина и днемъ зарѣзанъ казакъ».

Не безъ улыбки воображаю я твое лицо, дорогая Дженни, при чтеніи этого описанія. Тебя оно поражаетъ, какъ поразило бы у насъ всякаго англичанина, не живавшаго никогда въ Россіи. Ты восклицаешь: «shoking!» и наивно спрашиваешь: почему же путешественникъ не обратился тотчасъ же къ мировому судьѣ?.. Такая сцена, прямо выхваченная изъ дѣйствительности и дышащая всей прелестью художественности, у насъ въ Англіи не вполнѣ понятна. Во Франціи это же самое происшествіе имѣло бы совершенно другой колоритъ: не было бы того несравненнаго добродушія (французскіе майоры бываютъ жестоки, когда пріостанавливаютъ, да еще подозрительныхъ людей!), дѣло не имѣло бы вида милой шутки, устроенной путешественнику отъ скуки... не удивляйся, Дженни: именно отъ скуки. Если бы ты напечатала въ нашихъ газетахъ этотъ разсказъ, то воображаю, какое впечатлѣніе произвелъ бы онъ именно по своей необычайной простотѣ; но, къ сожалѣнію, повторяю, для большинства онъ былъ бы непонятенъ. Но мнѣ, пожившему въ Россіи и ознакомившемуся съ нравами, эта страничка изъ русской общественной жизни представляется одной изъ тѣхъ милыхъ жанровыхъ картинокъ въ голландскомъ вкусѣ, которыми полна русская жизнь. И этотъ балахонъ сомнительной чистоты, и добродушное: «а, вы желаете по формѣ!», и самъ майоръ на ступенькахъ кры-

лечка, очевидно, не знающій, какъ убить время, и устроившій гуляньe подъ окнами злополучнаго путешественника, явившагося такъ кстати для устройства спектакля, и «непрописанныя» бумаги, изъ-за которыхъ поднялась вся эта исторія (хотя, мнѣ кажется, бумаги тутъ такъ только, для предлога), и нежеланіе взглянуть на подорожную («мнѣ ваши документы не нужны, я ихъ и читать не буду!»), — все это дышитъ чѣмъ-то первобытнымъ, непосредственнымъ, напоминающимъ идиллическую простоту нравовъ давно прошедшихъ временъ. Съ твоей стороны, Дженни, было бы жестокой ошибкой вообразить почтеннаго майора какимъ-нибудь жестокимъ или не въ мѣру предусмотрительнымъ и усерднымъ исполнительнымъ агентомъ. Въ немъ нѣтъ ни чертъ хладнокровнаго исполнителя своего долга (какъ наши общественные слуги), ни ненависти французскаго жандарма, вышколеннаго долгой политической школой. Я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что причины всей этой исторіи крылись въ неумѣньи русскаго путешественника обойтись съ почтеннымъ майоромъ, почтить въ немъ старшаго и вообще оказать ему какое-нибудь вниманіе. Онъ, по здѣшнему обычаю, считаетъ себя хозяиномъ города, а гости обязаны оказывать хозяину почтеніе. Весьма вѣроятно, что г. майору могло показаться, будто русскій путешественникъ, проходя мимо него, посмотрѣлъ на него не съ должной почтительностью во взглядѣ или даже угрожающимъ взглядомъ, и у майора блеснула мысль прижать этого проѣзжаго; скука сдѣлала остальное. Я самъ предпринималъ, какъ знаешь, экскурсіи по Россіи и могу по совѣсти сказать, что вообще русскіе при вниманіи крайне любезны и гостепріимны, и я убѣжденъ, Дженни, что если бы названный путешественникъ съ самаго начала попросилъ ласково майора, выказалъ бы къ почтенному джентльмену свое вниманіе и предусмотрительность, то добрый человѣкъ не только не спросилъ бы никакихъ документовъ, но поторопилъ бы дать лошадей, если бы даже и въ самомъ дѣлѣ вмѣсто благонамѣреннаго джентльмена проѣзжалъ самый злонамѣренный джентльменъ, такъ какъ изъ всего описанія ты очень хорошо видишь, что у почтеннаго майора, очевидно, много добродушія и очень мало проницательности. Если бы на счастіе не оказалось въ городѣ крупныхъ садовладѣльцевъ и городового врача, и если бы къ тому же путешественникъ былъ не изъ тѣхъ, которые могутъ телеграфировать «генералу Свистунову», то, конечно, добрый человѣкъ могъ бы продержать путешественника въ плѣну у себя не нѣсколько часовъ, а нѣсколько сутокъ, и, конечно, никакіе документы не помогли бы, потому что всѣ документы могли быть фальшивыми, еслибъ майоръ не захотѣлъ ихъ осмотрѣть.

Развлеченія, доставляемыя иногда себѣ русскимъ человѣкомъ, бываютъ очень разнообразны. Передо мной въ настоящее время лежитъ русская газета, въ которой разсказывается о слѣдующемъ проявленіи русскаго юмора:

«Недавно въ Смоленскѣ, въ самый полдень, собралось купаться народу немало; на отдѣльномъ плоту расположились купаться женщины. Заваливъ весь плотъ своими платьями, онѣ, не чуя надъ собой никакой грозы, бросились въ воду, чего только, какъ видно, и ждалъ городовой, зорко слѣдя за раздѣвавшимися женщинами, и, когда послѣднія сошли съ плота, онъ коршуномъ налетѣлъ на оставленныя на плоту платья. «Вамъ начальство не приказало здѣсь купаться, а вы ослушаетесь, такъ вотъ же вамъ, идите домой голыя!»—закричалъ онъ, побросавъ все, какое только находилось на плоту, платье въ воду. Картина, конечно, вышла уморительная; начались крики, брань; барыни, которыя похрабрѣе, бросились вплавь догонять быстро уплывавшее платье, не умѣвшія же плавать только ахали и охали, а городовой стоитъ на берегу да заливается задушевнымъ хохотомъ. Такая остроумная шутка городового заставила нѣкоторыхъ отправиться домой въ измокшемъ платьѣ, а большинство сидѣть до ночи въ водѣ, чтобы, прикрываясь темнотой, проскользнуть домой въ костюмѣ прародительницы».

Однако я отклонился въ сторону и спѣшу окончить описаніе моего путешествія. Приключеній, кромѣ вышеразсказаннаго, больше никакихъ не было. Мы очень весело продолжали дорогу, играли въ винтъ, и когда пріѣхали въ Петербургъ, то почтенная дама и дѣйствительный статскій совѣтникъ очень просили меня бывать у нихъ.

— А вы, милордъ, не узна́сте Петербурга!—еще разъ на прощанье повторила дама.—Миръ и обновленіе повсюду!.. Да, впрочемъ, вы сами увидите.

По справедливости долженъ признаться, что первое, что́ я увидѣлъ въ Петербургѣ, была одна изъ тѣхъ обыкновенныхъ сценъ, наблюдать которыя можно ежедневно у театровъ и у вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Извозчики толпились, стараясь сунуть билетъ сѣдоку, а полисмены и фараоны (такъ называютъ жандармовъ извозчики) просили ихъ «честью», какъ здѣсь говорятъ, что́ въ сущности значитъ — тузили ихъ, Дженни, съ той стремительностью, которая особенно проявляется въ минуты возбужденія.

Впрочемъ, въ Россіи это установившійся обычай. Московскій корреспондентъ «Голоса», между прочимъ, говоритъ: «У насъ въ обычаѣ бить нагайками и палашами извозчиковъ у театральныхъ разъѣздовъ. Наряжаемые къ театральнымъ подъѣздамъ жандармскіе полуэскадроны даже прямо выѣзжаютъ въ нарядъ, вооруженные, кромѣ присвоенныхъ имъ палашей, еще и нагайками, спеціально для извозчичьихъ спинъ».

Само собою, Дженни, обычай этотъ, едва ли похвальный, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ тому восторженному настроенію, которое я замѣтилъ въ печати. Но обо всемъ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ, а пока будь здорова и не сомнѣвайся въ благополучіи твоего Джонни.

Письмо пятьдесятъ девятое.

Дорогая Дженни!

Изъ прежнихъ моихъ писемъ тебѣ извѣстно, сколь здѣсь трудно (если не совсѣмъ даже невозможно) уловить біеніе пульса общественнаго мнѣнія, и если нерѣдко въ газетахъ приходится читать, напримѣръ: «Россія будетъ въ восторгѣ, если объявятъ войну Китаю», или: «Народъ глубоко потрясенъ отъ радости по случаю побѣды Эюбъ-хана», но эти и имъ подобныя выраженія—не болѣе, какъ употребительныя формы при составленіи передовыхъ статей, фельетоновъ и телеграммъ. Если бы твой Джонни, напримѣръ, имѣлъ охоту тратиться на телеграммы, то ему не стоило бы особыхъ трудовъ, увѣряю тебя, объявить отъ своего имени (и, конечно, за свой счетъ) всѣ города и даже села Россійской имперіи въ восторгѣ по случаю ли отмѣны войны съ Китаемъ, по случаю ли какой-нибудь новой линіи желѣзной дороги, или даже перемѣщенія какого-нибудь «обожаемаго» (какъ здѣсь говорятъ) начальника въ другой городъ. Такъ какъ въ этой странѣ существуетъ похвальный обычай выражать радость съ самой широкой свободой и такъ какъ всѣ учебники исторіи, принятые, по крайней мѣрѣ, въ здѣшнихъ колледжахъ, утверждаютъ, что Россія предпочтительно страна радостей, то ты, Дженни, очень хорошо поймешь, что телеграфисты безъ всякаго стѣсненія приняли бы радостныя телеграммы для передачи въ международное телеграфное агентство. И если, относительно говоря, названное агентство печатаетъ ихъ пока въ ограниченномъ размѣрѣ, то, вѣроятно, вслѣдствіе высокаго тарифа. Многіе надѣются, что съ пониженіемъ тарифа количество телеграммъ изъ внутреннихъ городовъ увеличится. Однако даже и высокій тарифъ не смущаетъ, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь вопросѣ первостепенной важности. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время, когда генералъ Богдановичъ, извѣстный русскій застольный Цицеронъ и «соревнователь» Сибирской желѣзной дороги, предпринялъ à la Gambetta путешествіе въ сибирскіе города, гдѣ совѣщался съ представителями купечества, пароходныхъ обществъ и различными лицами, при чемъ говорилъ, разумѣется, рѣчи, то телеграфъ ежедневно сообщалъ и о совѣщаніяхъ, и о рѣчахъ почтеннаго оратора, и о необходимости постройки Сибирской линіи.

Несмотря однако на трудности уловить общественное мнѣніе, я все-таки воспользовался и тѣми единственно возможными способами, которыми можно было воспользоваться; я поспѣшилъ сдѣлать визиты вліятельнымъ административнымъ лицамъ, стараюсь быть въ обществѣ, вижусь съ журналистами, бесѣдую съ представителями самоуправленія, имѣлъ разговоръ съ однимъ весьма опытнымъ и достойнымъ цензоромъ, желая услышать его сужденіе объ отмѣнѣ красныхъ чернилъ, захожу пить чай въ Гостиный дворъ къ почтеннымъ купцамъ, велъ

политическіе разговоры съ двумя полисменами и нѣсколькими дворниками, — однимъ словомъ, Дженни, пользуюсь каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ощупать мнѣнія по возможности во всѣхъ классахъ петербургскаго общества. Я пробовалъ также бесѣдовать и съ извозчиками, приглашалъ къ себѣ нѣсколькихъ рабочихъ, предупредивъ, разумѣется, знакомаго моего полицейскаго инспектора, съ какой цѣлью я пригласилъ ихъ къ себѣ. Безъ этого, при нѣкоторой смутности понятій полисмена, стоящаго у нашей гостиницы (малаго, впрочемъ, весьма добродушнаго), могло случиться какое-либо недоразумѣніе, и добродушный полисменъ, исполняя долгъ службы, могъ бы заподозрѣть меня въ какомъ-нибудь неблагонамѣренномъ поступкѣ, а, пожалуй, даже (малый онъ къ тому же недалекій!) и въ замыслѣ совершить какой-нибудь переворотъ при помощи двухъ названныхъ джентльменовъ. Разумѣется, ничего бы оскорбительнаго для моей чести не вышло, но, во всякомъ случаѣ, я счелъ болѣе приличнымъ, въ качествѣ гостя гостепріимной страны, не подавать повода ни къ дипломатической перепискѣ ни къ расходамъ по отправкѣ меня на границу, и потому счелъ за лучшее предупредить. Нечего и говорить, что образованный инспекторъ разрѣшилъ мнѣ принять у себя въ номерѣ двухъ джентльменовъ изъ рабочаго сословія съ полной готовностью.

Долженъ сознаться, Дженни, что бесѣды мои съ деревенскими джентльменами не привели меня ни къ чему. Они или не хотѣли, или боялись (я ужъ не знаю!) высказать свои мнѣнія по поводу обновленій и возрожденій, о которыхъ всѣ говорятъ. Они, правда, очень основательно сообщили мнѣ о количествѣ платежей и заработка, еще разъ изумили меня (какъ и вообще всѣ простолюдины, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать) смиреніемъ и покорностью судьбѣ въ виду предстоящей голодухи и выразили нѣкоторое недовольство ближайшимъ мѣстнымъ начальствомъ, а урядника ихъ деревни (да проститъ этихъ невѣждъ почтенный редакторъ «Страны», который только недавно хвалилъ учрежденіе сельской полиціи!) назвали непечатнымъ именемъ,— но по вопросу о возрожденіи, по недостатку политическаго развитія, не могли ничего мнѣ сказать, а равно и не выражали восторженнаго настроенія, частица котораго должна бы, казалось, перейти и на нихъ.

Что же касается прочихъ лицъ, съ которыми я бесѣдовалъ, то нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ я передамъ тебѣ болѣе подробно, а пока замѣчу, что всѣ радуются... Одинъ полисменъ, съ которымъ я говорилъ, даже прямо сказалъ, что «приказано, чтобы полегче», и прибавилъ съ обычнымъ добродушіемъ: «за шиворотъ не брать, а просить вѣжливо!» Признаюсь, этотъ отвѣтъ меня порадовалъ болѣе всего, потому что подъ словомъ «шиворотъ» въ представленіи русскихъ полисменовъ соединяются рѣшительно всѣ части тѣла и болѣе всего физіономія. Названный джентльменъ объявилъ мнѣ, что онъ сочувствуетъ возрожденію, и что давно пора бы «усмирить», какъ онъ выразился, страну. За-

то одинъ администраторъ, недавно отставленный отъ дѣлъ, покачалъ головой и сомнительно улыбнулся, но остальные, напротивъ, очень были довольны. То же самое должно сказать и о большинствѣ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить. Конечно, находились скептики, но я въ своихъ письмахъ передаю тебѣ настроеніе большинства, а не меньшинства. Хотя я и не замѣчалъ, чтобы на улицахъ цѣловались и поздравляли другъ друга (хотя многіе фельетонисты и видѣли это), но во всякомъ случаѣ долженъ сказать, что въ обществѣ замѣтно нѣкоторое оживленіе. «Успокоеніе» у всѣхъ на языкѣ... «А что еще будетъ!..»—прибавляютъ къ этому, но «что будетъ»—однако никто мнѣ съ достаточной ясностью объяснить не могъ, такъ какъ, надо думать, никто изъ бесѣдующихъ и самъ не знаетъ, «что именно будетъ», но что такъ или иначе, а что-то будетъ, и слѣдовательно нельзя не радоваться. Вообще наблюденія подтвердили мое мнѣніе, уже не разъ высказываемое, о способности русскихъ переходить отъ унынія къ радости съ необыкновенной порывистостью.

Одинъ знакомый литераторъ при встрѣчѣ со мной такъ обрадовался, что бросился ко мнѣ на шею и нѣсколько разъ повторилъ:

— Восторгъ, восторгъ, восторгъ! Вся Россія, какъ одинъ человѣкъ!

И затѣмъ прибавилъ:

— Вы пріѣхали, милордъ, какъ разъ въ пору... Читали вы мою статью?.. Вся Россія!..

Надо тебѣ тутъ сказать, Дженни, что у моего почтеннаго пріятеля привычка говорить отъ лица всей Россіи и при этомъ, закипая отъ восторга, обрывать у собесѣдника пуговицы сдѣлалась такъ сильна, что я поспѣшилъ нѣсколько отодвинуться, боясь, что онъ непремѣнно оборветъ пуговицу на моемъ сюртукѣ (онъ уже было-ухватился за нее) и, пожалуй, въ пылу восторга и не замѣтитъ, какъ слюна обрызжетъ мое платье.

Чтобы ты не подумала, Дженни, о названномъ джентльменѣ, говорившемъ отъ имени Россіи, какъ о человѣкѣ недалекомъ, спѣшу оградить его отъ этого подозрѣнія, замѣтивши, что онъ не разъ и предобродушно признавался мнѣ, что онъ такъ привыкъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ говорить отъ имени отечества, для приданія нѣкоторой пикантности статьямъ, хотя въ сущности онъ хорошо понимаетъ нѣкоторую натяжку, — что эта привычка перешла и въ его разговорную рѣчь...

— Каково, милордъ?—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе напирая на меня.—Вы помните, какъ тогда я привѣтствовалъ новую эру и написалъ передовую статью подъ названіемъ: «Ласточки, ласточки прилетѣли...»? Въ этой статьѣ я привѣтствовалъ законность, обновленіе и подъемъ народныхъ силъ, а слѣдовательно всеобщее ликованіе. И я оказался правъ... Мы повеселѣли... Мы теперь можемъ говорить о чемъ угодно... Слышали вы, какъ мы о графѣ Толстомъ?.. Свободная кри-

тика... Теперь сидишь въ редакціи, и когда приходятъ и спрашиваютъ: «Ничего не было за статью?»—только посмѣиваешься... Можно и объ исправникахъ, и о дѣйствительныхъ статскихъ совѣтникахъ, даже объ отставныхъ тайныхъ совѣтникахъ можно...

Надо тебѣ сказать, что названный джентльменъ обыкновенно очень скоро приходитъ въ пафосъ, при чемъ налетаетъ со стремительностью и говоритъ быстрыми, отрывочными періодами, на подобіе «нашего общаго друга». Представь же себѣ, Дженни, если можешь, что съ нимъ было въ ожиданіи съ часу на часъ объявленія возрожденія, при возможности писать объ отставныхъ тайныхъ совѣтникахъ и при увѣренности, что я въ качествѣ иностранца не скоро уйду отъ него, а буду охотно слушать, интересуясь русскими дѣлами, въ качествѣ истиннаго друга Россіи. Однако я все-таки тихонько отодвигался и счелъ болѣе удобнымъ пригласить моего пріятеля въ ресторанъ (тѣмъ болѣе, что пора была завтракать), разсчитывая, что первый порывъ восторга пройдетъ и онъ мнѣ вполнѣ уяснитъ причины его, а равно и сообщитъ болѣе послѣдовательно свѣдѣнія. Мы усѣлись въ отдѣльной комнатѣ за столомъ, и онъ, придя нѣсколько въ себя, уже болѣе связно разсказалъ мнѣ, почему онъ повеселѣлъ.

— Вы, вѣрно, слышали, милордъ, что рѣшено сдѣлать опытъ и дать возможность высказываться съ большею свободою, чѣмъ прежде. Результатъ получился самый благопріятный. Печать не только ни до чего не договорилась, какъ подозрѣвали разные враги печати, а лишь повеселѣла и ясно доказала, что она ни до чего несообразнаго и не договорится.

— Мнѣ крайне пріятно слышать это, тѣмъ болѣе пріятно, что у насъ, къ сожалѣнію, есть литераторы, которые, пользуясь свободой печати, договариваются Богъ знаетъ до чего. Ваше свидѣтельство доказываетъ, что русскіе литераторы на высотѣ положенія!—отвѣчалъ я, искренно радуясь.—Я надѣюсь, иностранныя слова употреблять теперь можно?

Въ объясненіе моего вопроса, который можетъ, пожалуй, показаться тебѣ страннымъ, долженъ сказать, что мой пріятель прежде жаловался, что редакторъ его, соблюдая чистоту языка, вычеркивалъ у него изъ статей иностранныя слова. Изъ-за употребленія какого-то иностраннаго слова, какъ я слышалъ, годъ тому назадъ одинъ еженедѣльный журналъ былъ даже пріостановленъ, такъ какъ русскіе вообще заботятся о своемъ языкѣ.

— Не совсѣмъ. Да мы и избѣгаемъ. Къ чему? И безъ нихъ понятно...

— Говорятъ, будетъ пересмотръ законовъ о печати. Правда это?

— Навѣрное. Я даже по этому случаю, милордъ, ѣздилъ къ одному сановнику за справками. Онъ потрепалъ меня по плечу, этакъ ласково и легонько, и спросилъ:—«А шалить не будете?» —Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!—«Ну, то-то!» И обнадежилъ, милордъ.

— Вы не знаете основаній пересмотра?

— Нѣтъ еще, но знаю, что будутъ облегченія, и большія. И теперь ужъ вы видите... Прочтите-ка, напримѣръ, вотъ это мѣсто.

Съ этими словами джентльменъ взялъ со стола газету и подалъ ее мнѣ, указывая на передовую статью. По его лицу я сразу узналъ, что онъ показывалъ мнѣ свое произведеніе...

— Ну, что вы скажете, милордъ?

— Очень недурно и довольно либерально!—проговорилъ я.

— А что еще будетъ! Что еще будетъ! — повторилъ онъ таинственно.—Во-первыхъ, общественному надзору (онъ такъ называлъ нынче полицію) будетъ дана новая форма: свѣтло-палевые казакины и треугольныя шляпы съ надписью на нихъ крупными буквами: «успокоитель», чтобы каждый могъ издалека прочитать и не бояться. Во-вторыхъ, въ видахъ доставленія обществу широкой возможности содѣйствовать возрожденію, будутъ учреждены комиссіи при всѣхъ министерствахъ; въ эти комиссіи будутъ приглашаться честные люди, представители здоровой части общества, для выслушиванія. Литераторы будутъ призваны въ комиссію по пересмотру печати. Однимъ словомъ, остановленное-было на время развитіе пойдетъ съ большею стремительностью.

Надо тебѣ замѣтить, Дженни, что мой пріятель особенно часто въ разговорѣ употреблялъ «честные люди», «партія честныхъ людей» и особенно подчеркивалъ эти слова, чего я прежде въ немъ не замѣчалъ.

Дѣйствительно, Дженни, всѣ газеты говорятъ теперь по поводу слуховъ о пересмотрѣ законовъ о русской печати. Я не знаю, насколько справедливъ слухъ, что цензорамъ предложено болѣе не покупать красныхъ чернилъ, но со всѣхъ сторонъ слышу, что до пересмотра законовъ о печати можно говорить въ приличномъ тонѣ даже и о тайныхъ совѣтникахъ (прежде допускалось, какъ утверждаютъ, говорить о лицахъ до статскаго совѣтника включительно, такъ что бѣдные статскіе совѣтники отдувались за всѣхъ), не говоря уже о возможности указывать на злоупотребленія, чинимыя низшими агентами; можно также, не употребляя иностранныхъ словъ, говорить о внутреннемъ развитіи, въ приличномъ же тонѣ, и кромѣ того въ неприличномъ тонѣ можно вести полемику другъ съ другомъ, даже до сквернословія. Вообще же несомнѣнно, Дженни, что во время моего отсутствія газеты, какъ говорилъ мой пріятель, значительно повеселѣли и ежедневно говорятъ, чтобъ не безпокоились за нихъ, такъ какъ онѣ ни до чего не договорятся, въ чемъ, впрочемъ, я, съ своей стороны, теперь и не сомнѣваюсь.

Ну, а что ты скажешь, Дженни, о безпристрастіи такого джентльмена, какъ г. Суворинъ? Когда, въ видѣ слуха, заговорили о томъ, что литераторовъ пригласятъ участвовать въ комиссію по пересмотру цензурнаго устава, то этотъ джентльменъ (вѣроятно, сообразивъ, что его

оставятъ въ передней совѣщаться съ швейцаромъ, или что ему не совсѣмъ ловко будетъ находиться въ средѣ своихъ товарищей), заявилъ, что литераторовъ приглашать не слѣдуетъ, выдалъ, между прочимъ, самую нелестную аттестацію представителямъ газетной прессы и настолько своеобразно опредѣлилъ силу литературы вообще, что я не могу не познакомить тебя съ этимъ оригинальнымъ взглядомъ безпристрастнаго органа:

«Сила литературы въ томъ,—говоритъ почтенная газета:—что она неразборчива, скажемъ больше — не всегда чистоплотна въ выборѣ своихъ дѣятелей: она пріютитъ къ себѣ и краснаго, и полукраснаго, и матеріалиста, и мистика; она пріютитъ къ себѣ и выгнаннаго чиновника, и прогорѣвшаго купца, и геніальнаго ученаго, и первостепенный талантъ, и весьма сомнительную даровитость. Особенно щедра открывать у себя подобные пріюты пресса повременная, ежедневная! Литература подбираетъ всякую крупицу, она питается всѣмъ, переработываетъ *все,* какъ переработываетъ мать-природа, и даетъ на изгояхъ растительныхъ и на кучахъ гнили здоровые зародыши будущихъ жизней, будущихъ высокихъ формъ.

«Сила литературы—въ ея разнообразіи, въ ея вѣчной внутренней борьбѣ. Именно тѣмъ неудержимо ея вліяніе на общество, на толпу, потому что въ ней есть отклики на *всѣ* требованія жизни, на *всѣ* оттѣнки ея характеровъ. Но именно этотъ недостатокъ единенія, эта пестрота жизни будутъ не на мѣстѣ, если представителей литературы призовутъ къ организаторской дѣятельности, въ комиссію, вырабатывающую законъ».

Разумѣется, не мнѣ, иностранцу, судить, насколько права почтенная газета относительно нечистоплотнаго состава всѣхъ вообще органовъ ежедневной прессы, но надо вѣрить ея чистосердечному признанію относительно собственнаго «пріюта», какъ она называетъ составъ своихъ сотрудниковъ. Что же касается силы, происходящей будто бы отъ нечистоплотности въ выборѣ, то, признаюсь, Дженни, подобное мнѣніе мнѣ приходится читать въ первый разъ, хотя я отчасти знакомъ даже съ прессой Сандвичевыхъ острововъ. Русскіе таки-умѣютъ иногда поразить нашего брата-иностранца именно откровенностью! Нельзя, разумѣется, сказать, чтобы европейская пресса отличалась чистоплотностью,—далеко нѣтъ; есть и тамъ органы очень нечистоплотные; но объ этомъ однако-жъ не говорятъ, или если и говорятъ, то не иначе, какъ съ оговоркой: съ позволенія сказать, такой-то нечистоплотный органъ; тамъ этого не возводятъ въ принципъ съ тѣмъ чистосердечіемъ, съ какимъ сдѣлала это откровенная и всѣмъ извѣстная своимъ безпристрастіемъ, особенно евреямъ, почтенная газета.

Любопытство мое, Дженни, возбужденное всѣми этими газетными слухами и другими новостями, было сильно раздражено, и потому я, въ видахъ собственнаго успокоенія, отправился къ моему русскому

другу мистеру N., тому самому откровенному человѣку, который дошелъ до всего «своимъ умомъ», какъ онъ твердитъ, говоритъ всѣмъ въ глаза «одну правду и правду, и ничего болѣе», который имѣетъ безчисленное множество проектовъ по всѣмъ вопросамъ и состоитъ членомъ въ двадцати двухъ комиссіяхъ. Я зналъ, что отъ него я получу болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія. Почтенный джентльменъ очень обрадовался, увидѣвъ меня, и послѣ первыхъ привѣтствій спросилъ:

— Ну, что, милордъ, говоритъ Европа?

Признаюсь, я не понялъ, о чемъ меня спрашиваетъ этотъ толстякъ (его, Дженни, разнесло еще болѣе, хотя онъ и постился цѣлое лѣто на солено-щелочныхъ водахъ Карлсбада), и удивленно смотрѣлъ на него.

— Небось, подлая, прикусила языкъ?

Я постарался увѣрить его, что не стоитъ обращать никакого вниманія на то, что пишутъ въ Европѣ.

Онъ однако еще побранилъ Европу и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Я думаю, вы не узнали теперь Петербурга, а? Духъ-то, духъ-то какой! Пора, батюшка! Я уже давно предлагалъ систему ласки. Лаской все можно сдѣлать. Одна ласка—и ничего болѣе!

Опять приходилось вспомнить совсѣмъ не тѣ слова, которыя говорилъ годъ тому назадъ откровенный чиновникъ, но я, разумѣется, и взглядомъ не намекнулъ о томъ.

— У насъ, батюшка, общество въ сущности не испорчено. Оно цѣнитъ ласку и само радуется. Русскій человѣкъ—это, милордъ, такой добрый, такой довѣрчивый, что и сказать нельзя!—проговорилъ взволнованно мой другъ.—Ему только намекни—и ужъ онъ благодаренъ! Нѣтъ, я безъ волненія даже и говорить не могу. Мы это чувствуемъ, милордъ... Чувствуемъ и въ знакъ довѣрія, въ свою очередь, покажемъ, что готовы принять содѣйствіе. Я уже объявилъ въ своемъ департаментѣ, что принимаю содѣйствіе отъ двухъ до трехъ часовъ дня!

Онъ перевелъ духъ и прибавилъ:

— Но кромѣ того... Вы слышали, надѣюсь?

— Новая форма?

— Что новая форма!.. Конечно, и это...

— Подъемъ земскихъ-то силъ!

— Да-съ. Но главное-то... свобода мнѣнія...

— Это вѣрно?

— Навѣрное! Я написалъ даже и проектъ на досугѣ. Литература, милордъ, это, какъ ни говорите, а все-таки иногда очень даже серьезная вещь. Не знаю, примутъ ли.

— Вы позволите прочесть?

— Еще бы! Берите и читайте! Конечно, вамъ, англичанину, быть-можетъ, мой проектъ покажется и не совсѣмъ широкимъ. Вы вѣдь

привыкли у себя дома и министровъ критиковать и все такое!— улыбнулся онъ.—Ну, да вы народъ старый, а мы—молодой, и наконецъ у насъ еще только медовый мѣсяцъ разныхъ прогрессовъ. Того и гляди, вмѣсто пользы сдѣлаешь одинъ вредъ. Мои правила кратки и ясны. По-моему, законы должны быть всегда кратки и ясны. Ничего нѣтъ хуже длинноты и неясностей.

Мы побесѣдовали съ четверть часа (мой почтенный собесѣдникъ, по обыкновенію, куда-то торопился), я распростился съ обязательнымъ джентльменомъ и въ тотъ же вечеръ уже читалъ проектъ, который и сообщаю тебѣ въ переводѣ. Хотя мой другъ и состоитъ въ числѣ членовъ двадцати комиссій, но въ предполагаемую комиссію о печати какъ-то не попалъ (и, по правдѣ сказать, никакого отношенія къ печати не имѣетъ), и проектъ его, быть-можетъ, и не примется во вниманіе, но во всякомъ случаѣ сообщаю его, какъ мнѣніе одного изъ передовыхъ или, лучше сказать, передне-заднихъ русскихъ дѣятелей. Называется онъ у моего русскаго друга такъ:

Проектъ новыхъ временныхъ правилъ въ отмѣну и дополненіе прежнихъ правилъ, разъясненій и дополненій къ закону 6-го апрѣля *).

Пунктъ 1. Печать объявляется свободною. Она можетъ высказывать мнѣнія по всѣмъ вопросамъ, исключая нѣкоторыхъ, особо обозначенныхъ въ примѣчаніи.

Примѣчаніе. Возбраняются разсужденія объ отношеніяхъ между различными классами государства, а равно возбраняются обобщенія, клонящіяся къ распространенію въ обществѣ унынія.

Пунктъ 2. Дѣйствія всѣхъ должностныхъ лицъ имперіи могутъ подвергаться приличной и сдержанной критикѣ.

Примѣчаніе 1. Дѣйствія лицъ, завѣдующихъ отдѣльными вѣдомствами, а также лицъ, состоящихъ на службѣ въ чинахъ выше дѣйствительнаго статскаго совѣтника или занимающихъ должности, соотвѣтствующія названнымъ чинамъ, могутъ подвергаться обсужденію не иначе, какъ по предварительному ихъ согласію. Что же касается одобрительныхъ отзывовъ, то сіи допускаются безъ всякаго ограниченія чиновъ, званій и должностей, не исключая и коллежскихъ регистраторовъ.

Примѣчаніе 2. Дѣйствія лицъ, поименованныхъ въ 1-мъ примѣчаніи ко 2-му пункту, могутъ подвергаться обсужденію въ случаѣ выхода названныхъ лицъ въ отставку, но не раньше, какъ черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ увольненія ихъ.

---

*) Мы переводимъ этотъ проектъ, сообщенный знатнымъ иностранцемъ, какъ курьезъ. Но сомнѣваемся, чтобы его составляло свѣдущее въ законахъ о печати лицо. *Прим. переводчика.*

Разъясненіе къ примѣчанію 2-му. Буде одно изъ лицъ, поименованныхъ во 2-мъ примѣчаніи къ пункту 2-му, вновь поступитъ на службу, хотя бы и по другому вѣдомству, обсужденіе дѣйствій того вѣдомства, гдѣ прежде служило вновь на службу вступившее лицо,— возбраняется.

Пунктъ 3. Всѣ административныя наказанія отмѣняются.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ усмотрѣнія начальствующихъ лицъ зависитъ приглашать редакторовъ повременныхъ изданій для объясненій, не дожидаясь суда.

Пунктъ 4. Всѣ преступленія и проступки по дѣламъ печати вѣдаются особымъ спеціальнымъ судомъ, коему присвоить названіе: «Печатный судъ» и надлежащее число членовъ коего должно состоять изъ опытныхъ лицъ, прослужившихъ не менѣе 10-ти лѣтъ въ должности цензора.

Пунктъ 5. За неприличное обсужденіе дѣйствій лицъ, не поименованныхъ въ примѣчаніи 1-мъ къ пункту 2-му, виновные подлежатъ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 10-ти дней до 10-ти лѣтъ.

Пунктъ 6. За нарушеніе примѣчаній къ пункту 1-му и остальныхъ виновные подвергаются тюремному заключенію въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ 5 до 12 лѣтъ.

Примѣчаніе. На сей конецъ, по соглашенію съ главнымъ тюремнымъ управленіемъ, имѣетъ быть устроено на Камчатскомъ полуостровѣ приличное помѣщеніе со всѣми новѣйшими приспособленіями по послѣдней системѣ.

Пунктъ 7. Изданіе повременныхъ изданій дозволяется всѣмъ неопороченнымъ по суду жителямъ имперіи, съ разрѣшенія подлежащаго вѣдомства, по предъявленіи аттестата зрѣлости и благонадежности.

Пунктъ 8. Изданія, которыя заблаговременно судятъ остаться подцензурными, остаются на прежнихъ основаніяхъ. Цензорамъ будутъ даны соотвѣтствующія облегчительныя инструкціи.

Примѣчаніе 1. Цензоры, пропустившіе статью, въ которой замѣчено будетъ нарушеніе вышеозначенныхъ примѣчаній къ пункту 1-му и остальныхъ, подвергаются наказанію, предусмотрѣнному въ пунктѣ 6-мъ, наравнѣ съ авторомъ.

Примѣчаніе 2. Въ такомъ случаѣ цензоръ, виновный въ пропускѣ неподлежащей статьи, помѣщается въ одной комнатѣ съ авторомъ, и разлучаться имъ другъ съ другомъ возбраняется до отбытія срока наказанія.

Пунктъ 9. Жалобы на рѣшенія «Печатнаго суда» не допускаются.

Пунктъ 10. Жалобы на дѣйствія цензоровъ подаются въ «Печатный судъ».

Пунктъ 11. Въ случаѣ судимости за проступки свыше трехъ разъ изданіе закрывается.

Пунктъ 12. Въ случаѣ объявленія города на военномъ поло-

женіи всѣ дѣла печати вѣдаются полевымъ военнымъ судомъ въ 24 часа.

Пунктъ 13. Эти правила, въ видѣ опыта, вводятся на пять лѣтъ, по прошествіи коихъ будетъ новый пересмотръ.

Пунктъ 14. Литераторы и писатели, честное направленіе которыхъ будетъ засвидѣтельствовано «Печатнымъ судомъ», могутъ быть назначаемы въ должности судей «Печатнаго суда»...

Я не перевожу, Дженни, остальныхъ пунктовъ (ихъ еще десять) и не вхожу въ обсужденіе этихъ правилъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ сообщили, будто этотъ проектъ не имѣетъ никакихъ шансовъ даже быть представленнымъ на обсужденіе, и я начинаю думать, что почтенный мой другъ написалъ его въ послѣобѣденное время. Хотя правила коротки и ясны, но все-таки мнѣ кажется, что они нѣсколько тяжеловаты. Особенно жестоко, напримѣръ, примѣчаніе 2-е къ пункту 8-му.

Сейчасъ узналъ, что мой добрый толстякъ, всегда говорящій правду и только одну правду, самъ поспѣшилъ взять обратно свой проектъ, какъ говорятъ, во-первыхъ, потому, что разсчитывать на повышеніе потерялъ всякую надежду, а во-вторыхъ, потому, что увлекся собираніемъ голубинаго помета для удобренія своихъ тощихъ полей... Оно, конечно, и къ лучшему, Дженни!

Письмо шестидесятое.

Дорогая Дженни!

Четыре мѣсяца тому назадъ, передъ отъѣздомъ въ Англію, я сообщалъ тебѣ, что въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ Россіи, а особенно въ Полтавской губерніи, эпидемія дифтерита приняла такіе размѣры, что возбудила серьезныя опасенія и заставила русскихъ подумать о мѣрахъ для борьбы съ болѣзнью. Оказалось, что болѣзнь эта свирѣпствовала и раньше, но раньше въ борьбу съ ней не вступали, предполагая, что эпидемія, посланная Провидѣніемъ за грѣхи полтавцевъ, прекратится сама собою. Нѣкоторое уменьшеніе дѣтскаго населенія считалось даже мѣстными мальтузіанцами за одну изъ счастливыхъ случайностей улучшенія экономическаго благосостоянія населенія. Но когда однако-жъ увидѣли, что эпидемія не только не прекращается, а, напротивъ, увеличивается, и количество дѣтей, отправлявшихся въ лучшій міръ, грозило, по выраженію офиціальныхъ донесеній, «обезлюдить край», тогда русскіе, со свойственной имъ порывистостью, принялись бороться со зломъ. Надо правду сказать, русскіе очень тяжелы на подъемъ, но когда поднимутся, тогда ужъ удержу нѣтъ ихъ энергіи, иногда даже неумѣренной, какъ, впрочемъ, ты увидишь впослѣдствіи.

Общество «Краснаго Креста» немедленно же приступило къ организаціи врачебнаго персонала съ надлежащимъ количествомъ сестеръ милосердія; комиссія петербургскихъ дѣтскихъ врачей составила пра-

вила, и черезъ нѣсколько времени въ край, подверженный эпидеміи, отправилось нѣсколько санитарныхъ отрядовъ. Земство, съ своей стороны, обнаружило усиленную энергію.

Вообрази же, Дженни, мое удивленіе, когда, по возвращеніи въ Россію, я прочиталъ въ газетахъ, что до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «эпидемія не уменьшается и едва ли можетъ быть уменьшена практикуемыми нынѣ способами». Оказывается, что русскіе поселяне противодѣйствуютъ дезинфекціи мѣстностей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопротивляются ей даже открытой силой. Представители общества «Краснаго Креста», явившіеся съ благими цѣлями во что бы то ни стало ввести дезинфекцію среди напуганныхъ поселянъ, несмотря на обнаруженную ими энергію и самыя разнообразныя мѣры убѣжденія при помощи властей, не могли добиться успѣшныхъ результатовъ. Поселяне встрѣчаютъ недружелюбно присланныхъ сестеръ милосердія, фельдшеровъ и врачей. Спасаемые со страхомъ относятся къ спасителямъ, которые, какъ свидѣтельствуютъ данныя, во что бы то ни стало хотятъ покорить невѣжество. Между тѣмъ невѣжество не покоряется и, когда его хотятъ покорить силою, молитъ о пощадѣ.

По словамъ одного доктора, производившаго дезинфекцію одного села въ присутствіи станового пристава, ясно было видно, «что крестьяне покоряются только передъ начальствомъ: никакихъ возраженій не было, все исполнялось безъ протеста». Но на другой день названному доктору, уже въ отсутствіи пристава, говорили, что «все это пустое дѣло». Одинъ солдатъ откровенно заявилъ доктору, что если бы докторъ пришелъ одинъ-на-одинъ, то «одинъ Богъ былъ бы свидѣтелемъ того, что могло произойти».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было даже открытое сопротивленіе. Изъ числа многихъ подобныхъ столкновеній въ этой войнѣ цивилизаціи противъ варварства, какъ говорятъ русскіе джентльмены, отправившіеся вводить ее въ южныя провинціи, — приведу тебѣ случай, бывшій въ одномъ женскомъ монастырѣ.

Дѣло въ томъ, что въ одно русское село, сосѣднее съ монастыремъ, въ одинъ прекрасный день явился врачъ съ санитарами и сестрами милосердія для производства дезинфекціи. Сперва населеніе согласилось, но когда послѣ первыхъ опытовъ оно увидало, что дезинфекція, производимая, быть-можетъ, съ слишкомъ большой порывистостью, грозитъ сдѣлаться убыточной, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ хозяевъ санитары успѣли уже обратить въ негодность нѣсколько паръ новаго платья, испортивъ ихъ сѣрной кислотой, — населеніе вдругъ обнаружило недовѣріе къ пользѣ уничтоженія платья, хотя бы и съ цѣлью уничтоженія заразы, и пригрозило санитарамъ. Нечего и говорить, что персоналъ поспѣшилъ уѣхать, но, раздосадованный такимъ невѣжествомъ своихъ соотечественниковъ, поднявшихъ шумъ изъ-за нѣсколькихъ паръ прожженнаго платья, — возбудилъ подозрѣніе мѣст-

ныхъ властей, что монахини подстрекаютъ населеніе. Тогда мѣстныя власти уѣзда рѣшились немедленно же ѣхать въ монастырь и убѣдить почтенныхъ инокинь, что онѣ не правы. Однако убѣжденія не привели ни къ чему. Когда почтенные люди хотѣли наглядно доказать безвредность окуриванія и такимъ образомъ подкрѣпить силу краснорѣчія, то невѣжественный народъ оказалъ сопротивленіе, и притомъ такое, что, несмотря на нѣсколько приступовъ, произведенныхъ съ обычной стремительностью, обратилъ нападающихъ въ бѣгство; при этой междоусобной схваткѣ не обошлось, какъ пишутъ газеты, безъ серьезныхъ тѣлесныхъ поврежденій. Такимъ образомъ, какъ видишь, Дженни, водвореніе дезинфекціи въ этой странѣ не обходится безъ борьбы и жертвъ, благодаря скаредности русскихъ простолюдиновъ, не понимающихъ необходимости для общаго блага пожертвовать иногда своимъ носильнымъ платьемъ *).

---

*) Очевидно, знатный иностранецъ имѣетъ въ виду слѣдующій случай, сообщенный въ «Странѣ» и бывшій въ Великобудищенскомъ женскомъ монастырѣ, Зеньковскаго уѣзда, Полтавской губерніи. По словамъ названной газеты, недоразумѣніе это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

«Хотѣли-было въ началѣ мая санитары съ сестрами милосердія окурить село Черпетчину, сосѣднее съ монастыремъ. Сначала жители ничего — позволили, а какъ увидѣли, въ чемъ дѣло: что она за штука эта дезинфекція — заартачились: «не позволяемъ, говорятъ, а коли що, такъ мы и опъ що!..» Санитары по-добру по-здорову убрались, хотя въ селѣ слѣдовало бы настоящую дезинфекцію произвесть... Стали ходить слухи, что монахини мутятъ народъ, поясняя, что санитары и сестры милосердія — воинство самого антихриста, что окурка состоитъ изъ спадобьевъ, похищенныхъ въ аду, у самого сатаны... Объ этомъ освѣдомилось уѣздное начальство, и вотъ, около 20-хъ чиселъ мая, выѣзжаютъ въ монастырь: самъ г. исправникъ, становой, 3 — 4 урядника, волостные старшины, сельскіе старосты, нѣсколько сотскихъ и десятскихъ. Была обѣдня; исправникъ, отслушавъ ее вмѣстѣ съ своими подначальными, велѣлъ послѣднимъ выстроиться въ шеренгу возлѣ церкви, размѣстивъ ихъ по чинамъ. Увидѣвши это, монахини тоже выстроились въ рядъ на противоположной сторонѣ; за ними столпились женщины, бывшія въ церкви. Мужчины тоже составили шеренгу, занявъ промежутокъ между полицейско-санитарнымъ отрядомъ и толпою бабъ и монахинь. Началось. Исправникъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой пояснилъ цѣль дезинфекціи, и увѣщавалъ не сопротивляться; затѣмъ, возвыся голосъ, сталъ упрекать монахинь за ихъ вредное вліяніе на народъ. «Для примѣра,—сказалъ онъ:—я сейчасъ же велю окурить вашъ монастырь». Услыша это, старушки-монахини заявили, что онѣ по нѣскольку лѣтъ живутъ однѣ въ кельяхъ, куда къ нимъ никто не ходитъ, а стало-быть, и дифтеритной заразы не могло явиться. Игуменья, съ своей стороны, замѣтила, что она не противъ дезинфекціи, но проситъ щадить имущество сестеръ монастыря, а не производить ее такъ, какъ въ Черпетчинѣ, гдѣ санитары попрожигали кислотой одежду сельчанъ. Одинъ казакъ сказалъ: «Якъ намъ буть, выше выс-родіе, коли псуютъ наше добро. Отъ вамъ хочъ бы я. У меня три дочки; позапасавъ я имъ приданое, по триста рублей стоитъ оно, а посмотрите—оно пропало! Пусть бы ужъ прожигали старую одежду, а то — гляньте—новая, ненадѣванная, вся въ ды-

Нѣкоторымъ смягчающимъ обстоятельствомъ для русскихъ крестьянъ—я обязанъ замѣтить это — можетъ служить непреодолимая боязнь и подозрительность ко всякимъ, повидимому, добрымъ намѣреніямъ, которыя проявляются относительно ихъ, время отъ времени, культурными классами. Подозрительность эта такъ велика, что когда однажды я пріѣхалъ въ одну русскую деревню, правда, въ захолустьѣ, то мое появленіе произвело очень непріятное впечатлѣніе; какъ я послѣ узналъ, многіе думали, что я пріѣхалъ съ какими-нибудь дурными намѣреніями относительно ихъ имущества. Даже когда я старался объяснить, что цѣль моего посѣщенія—просто изученіе ихъ быта, они все-таки продолжали недовѣрчиво относиться къ моимъ вопросамъ. Когда я разспрашивалъ, хорошо ли они живутъ и не чувствуютъ ли трудностей въ платежахъ податей (я слышалъ въ Петербургѣ, будто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи эти чувства имѣютъ предпочтительное развитіе передъ всѣми остальными), то, къ моему изумленію, мнѣ отвѣчали, что они всѣмъ довольны, слава Богу, и что никакихъ трудностей не испытываютъ, а что если кто говоритъ объ этомъ, то напрасно. Я очень хорошо понялъ, что меня приняли за какого-нибудь русскаго чиновника, санитара или ученаго, и поспѣшилъ убраться восвояси. Кстати замѣчу, Дженни, что здѣсь и ученые, при изслѣдованіяхъ, нерѣдко обращаются къ содѣйствію властей.

рахъ... Що-жъ се такое?..» Исправникъ сталъ увѣрять, что подобное уже не повторится; но бабы прервали его крикомъ: «Ни, не хочемо, не хочемо окурки! Намъ це не треба... Никого не пустимо въ хаты!» Монахини, въ свою очередь, вопили: «Спасите насъ, благочестивые христіане! Не позволяйте антихристамъ осквернять наши кельи!» Другія, плача, просили исправника отмѣнить дезинфекцію. Но г. исправникъ твердо рѣшился не уступать. Онъ велѣлъ санитарамъ идти за собой въ домъ игуменьи, который тотчасъ же и былъ окуренъ, съ ея согласія. «Бо вона тамъ не жительствуе, такъ ій, госпоженци, и байдуже»,—иронически говорили въ толпѣ. Окончивъ съ покоями игуменьи, вышли на крыльцо, чтобы идти въ келью казначейши. Толпа между тѣмъ росла, многіе пришли съ кольями. Когда подошли къ дверямъ кельи казначейши, онѣ оказались запертыми. «Ломай замокъ!»—раздалась команда. «Не буде сего!»—загудѣла толпа и съ угрожающимъ крикомъ стала сгущаться возлѣ кельи. Женщины заняли авангардъ. Одинъ изъ урядниковъ быстро взбѣжалъ на крыльцо, но тутъ подскочила къ нему здоровенная дѣвка и такъ треснула его кулакомъ подъ ребро, что онъ, какъ мячикъ, скатился внизъ. Исправникъ, не видя вблизи себя врачей, велѣлъ своей командѣ прекратить осаду и опять началъ убѣждать, но безъ успѣха. Все перемѣшалось, ничего нельзя было ни толкомъ видѣть ни разслышать. Кой-какъ стянувъ свои слабыя силы, исправникъ велѣлъ идти на второй приступъ. Толпа ожесточеннѣе напирала. Одинъ урядникъ выхватилъ было изъ ноженъ свою саблю, но его смяли, и какъ потомъ онъ ни усиливался, но вложить саблю опять въ ножны ему не удалось. Сотскій попалъ подъ ноги толпѣ... Начальникъ уберегся, и то лишь потому, что былъ въ отдаленіи на пригоркѣ, командуя наступленіемъ. Монахини ударили въ набатъ. Толпа народа съ каждой минутой увеличивалась, спѣша съ разныхъ сторонъ; монастырская ограда не могла уже

По поводу неудачи, испытанной въ борьбѣ съ эпидеміей, русскія газеты высказываютъ сожалѣніе о невѣжествѣ, обнаруживаемомъ русскими простолюдинами; нѣкоторыя, впрочемъ, высказываютъ неудовольствіе по поводу чрезмѣрнаго усердія къ очисткѣ крестьянскихъ пожитковъ. Одна газета приводитъ заявленіе сельскаго священника, утверждающаго, что «мѣры дезинфекціи могли бы пройти свободно, если бы при выполненіи ихъ низшій персоналъ относился съ бо̀льшимъ вниманіемъ къ мѣстному населенію». Насколько справедливо заявленіе почтеннаго духовнаго лица, судить не рѣшаюсь, но а ргіогі полагаю, что едва ли усиленіе вниманія, при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ, разсѣетъ недоразумѣнія. Мнѣ даже кажется напротивъ: если бы санитарныя власти уменьшили свое вниманіе, то дѣло бы отъ этого выиграло. Я дѣлаю подобное предположеніе, зная, сколь русскіе склонны, обративъ на что-нибудь слишкомъ большое вниманіе, обнаруживать чрезмѣрное усердіе. Въ этомъ отношеніи они даже дѣлаются фанатичны и въ борьбѣ съ какимъ-нибудь зломъ способны увлекаться до послѣдней степени. Энергія по искорененію дифтерита едва ли не подтверждаетъ скромное мнѣніе чужестранца.

Относительно саранчи, жучка и мухи, совершавшихъ лѣтомъ опустошенія, какъ кажется, особенной энергіи въ борьбѣ съ ними земствомъ проявлено не было, и многіе находятъ это очень счастливымъ обстоятельствомъ *).

вмѣстить всѣхъ. Старшина, сотскіе и десятскіе принуждены были снять свои знаки: одинъ видъ этихъ знаковъ возбуждалъ негодованіе и ярость разсвирѣпѣвшихъ защитниковъ монастыря. Одна монахиня и бабы хотѣли запереть монастырскія ворота, съ цѣлью раздѣлаться съ антихристами. Но ихъ до этого не допустили. Исправникъ, видя бѣду, счелъ за лучшее ретироваться со свитой изъ монастыря. Чтобы разсѣять толпу, стали лить воду изъ пожарной кишки, но кишка была такъ неловко отброшена назадъ, что попала въ грудь начальства... Перепуганные, блѣдные, дрожащіе герои бросились кто къ экипажу, кто къ лошади; но узды лошадей были такъ закручены, что нельзя было скоро ихъ развязать... Тутъ-то досталось всадникамъ... Кому-то выбили зубъ, кто-то, бросивъ свою лошадь, скрылся въ пажити. Толпа нѣкоторое время преслѣдовала бѣгущихъ и въ полѣ. Неудача была полная. Говорятъ объ арестахъ монахинь. По однимъ, арестована была старая монахиня; полиція будто бы схватила ее подъ руки, народъ за ноги, и отнялъ. Другіе увѣряютъ, что передъ обѣдней сама игуменья выдала трехъ монахинь-зачинщицъ; двѣ изъ нихъ были тотчасъ же отпущены, третья арестована. Говорятъ, что она уже освобождена, говорятъ, что неизвѣстно, гдѣ она, разно говорятъ. Послѣ монастырскаго событія сельскіе жители Зеньковскаго уѣзда еще недружелюбнѣе стали относиться къ сестрамъ милосердія и къ санитарамъ».

Прим. переводчика.

*) Какъ видно, почтенный путешественникъ незнакомъ съ мѣрами, принимавшимися для борьбы съ саранчой и жучкомъ. У него, очевидно, не было подъ руками циркуляра вѣдомства государственныхъ имуществъ, а равно онъ не зналъ о воспрещеніи сгонять насѣкомыхъ канатомъ.

Прим. переводчика.

Мнѣ остается, Дженни, сообщить тебѣ о пожарѣ, который былъ надняхъ въ Петербургѣ. Хотя пожары въ Россіи вообще не рѣдкость, но я упоминаю о пожарѣ на табачной фабрикѣ Шапшалъ единственно потому, что при этомъ погибло немало жертвъ, малолѣтнихъ работницъ. Говорятъ, что такое обиліе жертвъ обусловливалось крайне неудовлетворительнымъ помѣщеніемъ и недостаточностью выходовъ изъ трехъ комнатъ, гдѣ помѣщалось по однимъ извѣстіямъ—400, а по другимъ—600 работницъ. Затѣмъ выходная дверь, единственная, ведущая на дворъ, была заперта въ моментъ пожара (замѣть, что эта дверь отворяется внутрь зданія), и ты поймешь панику, охватившую несчастныхъ, изъ которыхъ многія бросались изъ оконъ и разбивались на мостовыхъ.

Какъ и всегда послѣ крупныхъ несчастій, газеты заговорили о недостаточности надзора за фабриками и припомнили недавній случай въ Москвѣ, гдѣ, вслѣдствіе несоблюденія правилъ о фабричныхъ помѣщеніяхъ, при пожарѣ, бывшемъ на одной изъ фабрикъ, тоже погибло много рабочихъ. По словамъ газетъ, по поводу пожара на табачной фабрикѣ начато энергическое слѣдствіе.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь не существуетъ обыкновенія вознаграждать пострадавшихъ за увѣчья или обезпечивать семьи погибшихъ рабочихъ, и большею частью подобныя дѣла предаются волѣ Божіей. Въ случаяхъ, когда дѣло доходитъ до суда, адвокаты всегда доказываютъ, что рабочіе пострадали отъ собственной неосторожности, и я помню случай, когда одинъ юрисконсультъ одного желѣзнодорожнаго общества, съ котораго сторожъ искалъ 1.000 руб. за потерю обѣихъ ногъ,—не безъ остроумія убѣждалъ судъ, будто сторожъ нарочно подставилъ подъ поѣздъ свои ноги, чтобы потомъ требовать вознагражденія и разорить такимъ образомъ общество. Однако судъ не раздѣлялъ взглядовъ этого остроумнаго брехуна и присудилъ по 500 р. за ногу. Вообще же, надо сказать правду, русскіе простолюдины рѣдко подаютъ иски по такимъ дѣламъ, такъ какъ, во-первыхъ, они, какъ кажется, всегда подвергаются увѣчьямъ и смерти, происшедшимъ по собственной неосторожности; во-вторыхъ, сдва ли и знаютъ, что можно жаловаться; а въ-третьихъ, подобныя жалобы соединены съ затрудненіями и денежными расходами. По этимъ причинамъ, надо думать, жизнь джентльмена низшихъ классовъ хотя и оберегается мудрымъ и предусмотрительнымъ закономъ, но тѣмъ не менѣе случаевъ несчастій весьма много, и когда я просматриваю ежедневную хронику несчастій на заводахъ, фабрикахъ, при постройкахъ домовъ, на пароходахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п., то по большей части читаю, что то или другое несчастіе случилось по собственной неосторожности, изъ чего я и вывелъ вышеприведенное заключеніе, что русскіе рабочіе очень неосторожный народъ и, какъ видно, ни во что не цѣнятъ свою жизнь. Если обобщить факты, то можно предположить, что и при пожарѣ на

фабрикѣ Шапшалъ дѣти бросались съ четвертаго этажа на мостовую по собственной неосторожности. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что одинъ русскій архитекторъ, на вопросъ мой о причинахъ давки и столькихъ жертвъ при пожарѣ, положительно увѣрялъ меня, что во всемъ виноватъ дѣтскій возрастъ и свойственная этому возрасту неосторожность, а что вообще все остальное было въ порядкѣ.

Я не знаю, будутъ ли жаловаться пострадавшія и семейства погибшихъ, знаю только, что почтенные фабриканты, братья Шапшалъ, уже роздали пострадавшимъ по шиллингу на человѣка, и это великодушное пособіе, какъ я слышалъ, произвело такое сильное и трогательное впечатлѣніе, что увѣчныя работницы, въ порывѣ благодарности, обѣщали великодушнымъ братьямъ работать впредь на ихъ фабрикѣ, если только, конечно, останутся живы, по уменьшенной противъ прежней заработной платѣ. Такъ, Дженни, тронуты были эти неосторожныя дѣвочки *).

Затѣмъ будь здорова, дорогая Дженни, и не омрачай яснаго своего чела подъ грустнымъ впечатлѣніемъ разсказаннаго происшествія. Что касается меня, то я, слава Богу, здоровъ и подъ впечатлѣніемъ ежедневныхъ заявленій русскихъ газетъ, что онѣ повеселѣли, повеселѣлъ и самъ, тѣмъ болѣе, что у меня есть одинъ недурной планъ, отъ исполненія котораго наше благосостояніе можетъ значительно поправиться. Но о немъ до слѣдующаго письма. Удержи, съ твердостью англичанки, любопытство свое на нѣсколько дней.

Письмо шестьдесятъ первое.

Дорогая Дженни!

Собственно говоря, у меня не одинъ планъ, а даже два, и не будь я твой вѣрный супругъ, если не постараюсь извлечь изъ моего пребыванія въ Россіи болѣе существенныхъ выгодъ, чѣмъ тѣ, кои я извлекъ до сей поры. Россія страна очень благодарная для иностранцевъ, особенно для человѣка, ознакомившагося съ нравами и умѣющаго, какъ слѣдуетъ, пользоваться своими знакомствами.

Прежде всего сообщу тебѣ обстоятельства, при которыхъ у меня возникли въ головѣ разомъ два плана и до того овладѣли мной, что я уже написалъ по этому поводу основательныя записки для подачи въ соотвѣтствующія учрежденія.

Недавно, просматривая русскія газеты, я встрѣтилъ свѣдѣнія, изъ которыхъ узналъ, что возможно почти за безцѣнокъ покупать лѣсныя

---

*) Почтенный англичанинъ, кажется, ошибся. Братья Шапшалъ, какъ они сами заявляли въ газетахъ, роздали 600 руб. пострадавшимъ и семействамъ погибшихъ, что составитъ на человѣка нѣсколько болѣе, чѣмъ по шиллингу, считая шиллингъ по курсу 55 к.

Прим. переводчика.

башкирскія земли. Не смущайся, что онѣ очень далеко. Ихъ можно перепродать съ выгодою, не уѣзжая изъ Петербурга.

Къ сожалѣнію, газеты, по обыкновенію, слишкомъ поздно заявили о такой выгодной покупкѣ лѣсныхъ дачъ, и я боюсь, что всѣ лучшія дачи уже раскуплены, такъ что мнѣ, пожалуй, не удастся сдѣлать такой покупки, которую, по словамъ одной изъ газетъ, сдѣлалъ одинъ русскій высокопочтенный джентльменъ, купившій «дачу съ корабельнымъ лѣсомъ на рѣкѣ Камѣ, близъ города Елабуги, Уфимской губерніи, Мензелинскаго уѣзда, стоящую 500.000 р., за 60.000 р., и притомъ на весьма выгодныхъ условіяхъ». Но во всякомъ случаѣ есть еще надежда отыскать недурной участокъ. По словамъ лицъ, къ которымъ я обращался, распродажа башкирскихъ земель по дешевымъ цѣнамъ производится для привлеченія въ край интеллигентныхъ лицъ, и, при заявленіи о желаніи пріобрѣсти дешево такую землю, необходимо представить лишь соотвѣтствующія доказательства. Ужъ я заручился надлежащими удостовѣреніями и теперь жду отвѣта, намѣтивши на картѣ, обязательно одолженной мнѣ однимъ знакомымъ, знающимъ чиновникомъ, 12.000 десятинъ башкирскихъ лѣсныхъ земель, еще не проданныхъ, которыя я бы желалъ купить за 120 рублей серебромъ, съ обязательствомъ устроить на нихъ со временемъ какой-нибудь заводъ. Если дѣло уладится, то можно очень удобно перепродать какому-нибудь купцу эту дачу за 120.000 р., и такимъ образомъ неожиданно наша Клара можетъ имѣть превосходное приданое. Повторяю, очень жаль, что я не зналъ о существованіи Калифорніи въ Уфимской губерніи раньше *).

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что знатный иностранецъ жестоко разочаровался и не пріобрѣлъ приданаго для своей дочери. Очевидно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе появившимися въ газетахъ свѣдѣніями о продажѣ башкирскихъ земель и не понялъ, что на частныя злоупотребленія, имѣвшія мѣсто при подобной продажѣ, уже обращено серьезное вниманіе и, какъ достовѣрно извѣстно, образована комиссія для подробнаго изслѣдованія этого дѣла. По всей вѣроятности, лордъ своеобразно понялъ замѣтку, перепечатанную не такъ давно въ «Голосѣ» со словъ «Молвы», и легкомысленно вообразилъ, что можетъ купить 12.000 десятинъ за 120 руб., въ качествѣ знатнаго иностранца. Замѣтка, давшая, какъ видно, надежду поживиться англичанину (торгашъ виденъ всегда въ англичанинѣ!) на нашъ счетъ, слѣдующая:

«Въ тѣхъ дачахъ, гдѣ, по отводѣ жителямъ узаконенныхъ надѣловъ, остались свободныя земли, извѣстная часть этихъ земель, получившихъ названіе запасныхъ, поступила, такъ сказать, въ резервъ для надѣленія изъ нихъ тѣхъ поселянъ, у которыхъ, при окончательномъ размежеваніи ихъ дачъ, земли оказалось бы недостаточно. Самое слово «запасъ» точно и ясно опредѣляетъ благую цѣль устройства этихъ участковъ, которые, по мѣрѣ ихъ образованія, должны были поступать, по точному и прямому смыслу правилъ, лишь во временное завѣдываніе министерства государственныхъ имуществъ. Но что же сдѣлали съ этимъ запасомъ? До 700.000 десятинъ изъ запасныхъ земель Уфимской губерніи проданы на весьма

Если же мнѣ не удастся почему-либо обработать это дѣльце, то у меня, Дженни, есть въ виду другое. Другое дѣльце, Дженни, тоже недурно, если только Господь Богъ не оставитъ своей милостью твоего Джонни.

Ты помнишь, моя дорогая, что я еще въ молодыхъ лѣтахъ, когда, бывало, еще бѣгалъ въ школу, имѣлъ страсть дѣлать изъ бумаги кораблики самыхъ разнообразныхъ формъ. Эта страсть потомъ развилась, какъ ты знаешь, съ лѣтами, и я не разъ мечталъ, какъ бы мнѣ выдумать такую форму корабля, которая бы заткнула за поясъ всѣ остальныя. Я неустанно работалъ, надѣясь на Бога и на силу своего воображенія (къ несчастію, родители не озаботились выучить меня основательно кораблестроенію—да проститъ ихъ Богъ!). Всѣ мои проекты

льготныхъ условіяхъ или, лучше сказать, розданы почти даромъ разнымъ высоко- и даже низкопоставленнымъ, но ловкимъ и нужнымъ людямъ, а малоземельные поселяне, которыхъ уже теперь считается до 12.000 душъ въ Мензелинскомъ и Бирскомъ уѣздахъ, до сихъ поръ не получили ни одной десятины. Если же когда-либо и дадутъ имъ указанный надѣлъ, то отведутъ болота, пески и пеньки отъ вырубленныхъ лѣсовъ и вдали отъ нынѣшняго ихъ мѣстожительства, потому что всѣ хорошія земли, и находящіяся притомъ близъ селеній малоземельныхъ, розданы частнымъ лицамъ. Вообще, при обозначеніи и отводѣ этихъ земель, погоня за которыми въ былое время напоминала собою что-то въ родѣ калифорнской золотой лихорадки, происходили вещи невѣроятныя. Напримѣръ, отвели и отдали формальнымъ порядкомъ частному лицу землю, по документамъ и «de facto» принадлежащую, на правѣ полной неотъемлемой собственности, поселянамъ сосѣдней деревни. Въ другомъ случаѣ у крестьянъ насильно отрѣзываютъ подъ самымъ ихъ селеніемъ землю, находившуюся съ незапамятныхъ временъ въ ихъ пользованіи и ни въ какомъ случаѣ не подлежавшую отрѣзкѣ. Существуетъ и такой фактъ: по распоряженію мѣстныхъ властей, поступившихъ въ данномъ случаѣ противно точному и прямому смыслу закона, были вырыты клейменые межевые столбы, уничтожены границы надѣловъ и участковъ, хотя первоначальное размежеваніе и нарѣзки въ этой дачѣ произведены по законно составленнымъ, надлежащимъ порядкомъ утвержденнымъ и нигдѣ никѣмъ не обжалованнымъ документамъ.

«Прискорбнѣе всего то, что обиженные не имѣютъ даже надежды возстановить когда-либо свои нарушенныя права, потому что многія мѣстныя и даже высшія власти, тѣ, отъ которыхъ зависитъ разборъ жалобъ по подобнаго рода дѣламъ, теперь сами прямо заинтересованы въ этихъ дѣлахъ, а «своя рубашка, конечно, къ тѣлу ближе». Не безынтересенъ и тотъ фактъ, что козлищемъ очищенія сдѣлали мѣстнаго управляющаго государственными имуществами, человѣка, правда, весьма беззастѣнчиваго, и въ прошломъ году уволили его отъ должности; но вѣдь этотъ послѣдній могъ только дѣлать «представленія», а окончательное утвержденіе всѣхъ несправедливостей и противозаконій отъ него нисколько не зависѣло. Нелишнимъ считаемъ упомянуть еще и о томъ, что въ первоначальномъ проектѣ о раздачѣ земель въ Уфимской губерніи предполагалось давать небольшіе участки, десятинъ въ 500, только отставнымъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ; но при прохожденіи проекта черезъ разныя канцеляріи и проч. ловкіе бюрократы, увлеченные разными преувеличенными разсказами о богатствахъ уфимскихъ земель, рѣшили позаботиться прежде о себѣ и устроить себѣ и приснымъ съ ними приличныя собственности, а объ отставныхъ чинахъ вовсе забыли». *Прим. переводчика.*

въ нашей странѣ позорно осмѣивались и нигдѣ не принимались, но вѣдь извѣстно, что въ своей странѣ пророкомъ не будешь! Я, правда, бросилъ свое любимое занятіе, но время отъ времени проекты какого-нибудь новаго корабля волновали мое сердце. Изобрѣтеніе русскаго генія—я говорю про круглыя суда, «поповки»—опечалило меня, тѣмъ болѣе, что я гораздо ранѣе представлялъ лордамъ нашего адмиралтейства типъ такого же судна въ видѣ лепешки, при чемъ модель такой лепешки испытывалъ даже достоуважаемый мистеръ Фрудъ. Но тогда и лорды и мистеръ Фрудъ опять-таки отнеслись неодобрительно и лепешка осталась у насъ дома, тогда какъ двѣ поповки не безъ успѣха плавали по водѣ.

И вотъ теперь, Дженни, когда у русскихъ является нѣкоторое недовѣріе къ своимъ судамъ и въ послѣднее время особенно часто заявляютъ, что какой-то рокъ тяготѣетъ надъ ихъ флотомъ, у меня явилась мысль представить вниманію русскихъ проектъ такого судна, которое бы удовлетворило всѣмъ требованіямъ, предотвращающимъ несчастія. Мое судно можетъ, во-первыхъ, плавать быстро; во-вторыхъ, никогда не натыкаться на мель; въ-третьихъ, изготовляться къ плаванію немедленно; въ-четвертыхъ, никогда не сталкиваться съ другимъ судномъ и, въ-пятыхъ, что самое главное, при управленіи такимъ судномъ не требуется ни малѣйшаго искусства и опытности. Достаточно только разъ сдѣлать пробный рейсъ—и довольно.

Форма моего судна (держи, ради Бога, пока въ секретѣ) четыреугольная (я пришелъ къ убѣжденію, что круглая форма не вполнѣ удовлетворительна и не даетъ очень значительнаго хода), при чемъ, по моимъ разсчетамъ, подтвержденнымъ вдобавокъ однимъ знакомымъ моимъ русскимъ молодымъ самоучкой (онъ не знаетъ секрета, но помогаетъ мнѣ дѣлать чертежи), будетъ имѣть до 16 узловъ хода. Для того, чтобы въ случаѣ столкновенія (по винѣ другого корабля) оно не получило никакого поврежденія, корабль мой будетъ обшитъ такою бронею, что никакіе броненосцы не сдѣлаютъ ему никакого вреда. Затѣмъ посредствомъ особыхъ приборовъ (щупальцевъ), устроенныхъ на носу, на приличномъ разстояніи отъ мели щупальцы дадутъ знать, что къ мели идти не слѣдуетъ. Автоматическій же приборъ съ успѣхомъ можетъ облегчить капитана въ кораблевожденіи, такъ что послѣднему не будетъ уже особаго труда въ управленіи судномъ.

Модель уже скоро готова, и я хочу, Дженни, рискнуть подать мой проектъ на разсмотрѣніе. Если мой проектъ будетъ принятъ, то надѣюсь, что меня поблагодарятъ, какъ слѣдуетъ. Если же я опять потерплю неудачу, то пошлю свой секретъ Бисмарку, чтобы онъ, на случай войны съ Франціей, могъ въ короткое время построить суда по моимъ чертежамъ.

Русскіе, какъ я выше сказалъ, жалуются, будто бы суда ихъ никогда не бываютъ готовы ко времени. По моему мнѣнію, при суще-

ствующихъ типахъ иначе и быть не можетъ, и газеты, нападающія на флотъ, едва ли справедливы. Очевидно, онѣ не понимаютъ морского дѣла и пишутъ, напримѣръ, въ доказательство тяготѣющаго рока слѣдующій nonsens:

«Еще въ началѣ нынѣшней кампаніи должны были уйти въ дальнее плаваніе фрегатъ «Генералъ-Адмиралъ», батарея «Кремль» и клиперы «Вѣстникъ» и «Опричникъ». Между тѣмъ батарея «Кремль», не выходя за предѣлы отечественныхъ водъ, получила пробоину и вернулась обратно (вмѣсто нея ушелъ клиперъ «Жемчугъ»); клиперъ «Вѣстникъ» спущенъ лишь весною нынѣшняго года, а клиперъ «Опричникъ»—лишь мѣсяцъ тому назадъ; на фрегатѣ же «Генералъ-Адмиралъ» оказывается перегрузка слишкомъ въ 500 тоннъ, т. е. слишкомъ на 31.000 пуд.

«Случай такой значительной перегрузки не могъ быть вызванъ, по словамъ газетъ, какой-нибудь случайностью; онъ является результатомъ грубой ошибки, происшедшей по винѣ главныхъ составителей проекта, которые, повидимому, недостаточно исчислили соотношеніе между углубленіемъ судна и количествомъ находившагося на немъ груза.

«Въ 1868 году, въ кораблестроительномъ отдѣленіи морского техническаго комитета разсматривалось предложеніе о капитальной тимбировкѣ деревяннаго корвета «Генералъ-Адмиралъ». Предложеніе это не было принято, а предположено было построить корветъ подъ тѣмъ же именемъ, чертежи котораго поручено было составить изобрѣтателю поповокъ.

«Проектъ этотъ былъ забракованъ кораблестроительнымъ отдѣленіемъ морского техническаго комитета, но мнѣніе комитета уважено не было и чертежи корвета были утверждены, какъ по отношенію къ общему очертанію корпуса судна, такъ и по отношенію къ системѣ постройки и броневой защитѣ.

«Перегрузка составляетъ, впрочемъ, по словамъ газеты «Новости», особенность не только одного фрегата «Генералъ-Адмиралъ». Стоитъ только вспомнить знаменитыя поповки, на которыхъ, для уменьшенія перегрузки, пришлось снять даже ручки съ компасовъ.

«Кромѣ перегрузки на фрегатѣ открылась еще довольно значительная течь подводнымъ бортомъ. Течь эта обусловлена непригодностью, въ техническомъ отношеніи, самой системы постройки фрегата. Допущеніе соединенія такого большого числа толщинъ въ мѣстахъ, въ которыхъ требуется водонепроницаемость, доказываетъ совершенное незнаніе и непониманіе основныхъ условій техники. Отъ составителя чертежей фрегата—морского офицера нельзя было ожидать знанія всѣхъ условій техники, тѣмъ болѣе такой сложной техники, какова кораблестроительная».

Рокъ тяготѣетъ, не спорю, но причина не въ томъ, на что указы-

ваютъ газеты. Пока не будетъ принято мое четыреугольное судно съ автоматическимъ управляющимъ аппаратомъ, до тѣхъ поръ во всѣхъ флотахъ будутъ неисправности, предотвратить которыя невозможно. Въ этомъ я твердо увѣренъ, также какъ увѣренъ, что въ кораблестроительной техникѣ, какъ хотятъ увѣрить инженеры, вовсе нѣтъ надобности *). Я не учился ей, и однако ты знаешь, сколько я проектовъ сочинялъ и представлялъ. Только недоброжелательству нашего правительства слѣдуетъ приписать, что до сихъ поръ имя мое неизвѣстно. Но я не оставляю надежды, что моя четыреугольная лаханка (я такъ назвалъ для простоты) произведетъ переворотъ, и если русскіе будутъ умны, то никакихъ несчастій у нихъ во флотѣ больше никогда не случится. Однако прощай. Спѣшу показать модель одному почтенному моряку. Прими къ свѣдѣнію, что модель очень маленькая, и я буду показывать опыты въ обыкновенной умывательной чашкѣ. Стоитъ она пустяки, и потому не безпокойся.

Письмо шестьдесятъ второе.

Дорогая Дженни!

Вчера только возвратился я въ Петербургъ, совершивъ большое и утомительное путешествіе въ одну изъ отдаленныхъ русскихъ губерній, Уфимскую, населенную благополучными башкирами.

Къ слову сказать, многіе русскіе смѣялись, когда я говорилъ о дальнемъ моемъ путешествіи, и при этомъ объясняли мнѣ, что въ разсужденіи экскурсій, предпринимаемыхъ преимущественно молодыми людьми для изученія мало изслѣдованныхъ областей Россіи, Уфимская область, главный городъ которой Уфа отстоитъ отъ Петербурга на разстояніи 1500 верстъ,—вовсе не считается русскими отдаленной, а по сравненію съ Якутской областью, или островомъ Сахалиномъ, такой же близкой, какъ считаемъ мы, напримѣръ, близкимъ Ливерпуль отъ Лондона.

Таковы, Дженни, въ этой обширной странѣ понятія о разстояніяхъ.

Ты, разумѣется, легко догадаешься, что я рискнулъ съѣздить въ благословенную Башкирію для осмотра на мѣстѣ башкирскихъ земель и угодій. Въ качествѣ знатнаго иностранца и доброжелателя Россіи, я, по совѣту одного джентльмена (или, какъ здѣсь говорятъ, «человѣчка»), рѣшился ходатайствовать о пріобрѣтеніи башкирскаго участка на льготныхъ условіяхъ (т. е. съ разсрочкой платежа на 125 лѣтъ **) и для

*) Изъ послѣдняго письма мы, къ удивленію своему, узнаёмъ, что знатный иностранецъ одержимъ маніей кораблестроительства и отрицаетъ даже необходимость техническихъ знаній. Какъ видно, и между англичанами есть горделивые самоучки. А онъ еще въ одномъ изъ писемъ смѣется надъ русскими самоучками!

**) Нечего и объяснять читателямъ, что свѣдѣнія знатнаго иностранца невѣрны, по крайней мѣрѣ относительно 125-лѣтней разсрочки.

Прим. переводчика.

того пожелалъ на мѣстѣ осмотрѣть благословенныя мѣста, гдѣ столь выгодно можно пріобрѣсти земли. Правда, я могъ бы и заглазно, т. е. не выѣзжая изъ Петербурга, сдѣлаться землевладѣльцемъ, но это представляло нѣкоторыя неудобства; молго случиться, что отведенный мнѣ участокъ окажется безъ лѣса, что, конечно, далеко не такъ пріятно, какъ имѣть участокъ съ лѣсомъ. И вообще я того мнѣнія, что лучше знать, что покупаешь, хотя бы и за дешевую цѣну.

Въ этомъ намѣреніи меня укрѣпилъ одинъ мой знакомый русскій джентльменъ, молодой еще статскій совѣтникъ, который жаловался, что за составленный имъ проектъ (еще, впрочемъ, не разсмотрѣнный въ государственномъ совѣтѣ *) — ему хотя и нарѣзали, на льготныхъ условіяхъ, значительный кусокъ земли, но лѣсу совсѣмъ не отвели, по интригамъ будто бы мѣстныхъ чиновниковъ, которые на жалобы обиженнаго лѣсомъ отвѣчали, по словамъ моего русскаго друга, что лѣсъ въ Уфимской губерніи весь вышелъ на генераловъ, а потому статскимъ совѣтникамъ осталась земля безъ лѣсу.

Это однако оказалось не вполнѣ вѣрно, и въ присмотрѣнномъ мною участкѣ есть столько лѣсу, дорогая моя Дженни, что если дѣло мое по пріобрѣтенію пойдетъ успѣшно, то мы будемъ вполнѣ обезпечены; я уже нашелъ покупщика, предлагающаго мнѣ очень хорошую цѣну.

Къ несчастію, въ мое отсутствіе, благодаря корреспондентамъ, разсказавшимъ объ урегулированіи башкирскихъ земель, на благодатную Башкирію обращено нѣкоторое вниманіе, и хотя земли и распроданы, но для покупки еще уцѣлѣвшихъ могутъ явиться затрудненія. Я однако не унываю и завтра же отправлюсь къ тому «человѣчку», о которомъ упомянулъ выше. Быть-можетъ, онъ разрѣшитъ всѣ затрудненія.

Путешествіе свое я совершилъ, благодареніе Богу, вполнѣ благополучно. Нигдѣ не былъ задержанъ, нигдѣ не былъ принятъ за подозрительнаго человѣка, нигдѣ не былъ допрашиваемъ о цѣли путешествія. Напротивъ, благодаря выданнымъ мнѣ здѣсь «охраннымъ листамъ»**), во время путешествія моего въ мѣстахъ, гдѣ не проложены еще рельсы, экипажъ мой, вслѣдствіе обязательности мѣстныхъ властей, сопровождали постоянно два урядника, которые, кромѣ того, оказывали мнѣ въ дорогѣ и другія услуги: чистили платье и сапоги, подавали мыться и т. п., несмотря на свое относительно высокое званіе и власть, которой они пользуются въ деревняхъ.

Объ этихъ чиновникахъ деревни я скажу въ свое время, а теперь ограничусь только замѣчаніемъ, что провожавшіе меня джентльмены вели себя очень хорошо, и если бы не нѣкоторая склонность ихъ къ

---

*) О какомъ проектѣ говоритъ знатный иностранецъ — неизвѣстно.

**) Вѣроятно, «подорожная» принята англичаниномъ за охранный листъ. *Прим. переводчика.*

спиртнымъ напиткамъ (мнѣ пришлось тщательно скрывать отъ нихъ мѣсто храненія sherry, взятаго мною на дорогу), то я оставилъ бы самое пріятное воспоминаніе объ ихъ услужливости, вниманіи и усердіи.

Усердіе ихъ, впрочемъ, какъ вообще усердіе русскихъ служащихъ лицъ, заходило иногда даже за предѣлы самаго обыкновеннаго благоразумія и ставило меня самого нерѣдко въ фальшивое положеніе.

Не имѣя, по всей вѣроятности, точнаго и яснаго представленія о моемъ званіи и цѣли путешествія и принимая меня, какъ я впослѣдствіи узналъ, за ревизующаго сенатора, путешествующаго подъ именемъ знатнаго иностранца, — эти почтенные джентльмены не только заботились о моемъ личномъ спокойствіи (хересъ и коньякъ они таскали сперва незамѣтно и по части ловкости оказались на высотѣ положенія), но даже устраивали мнѣ торжественныя встрѣчи въ деревняхъ, при чемъ однако старались не допускать ко мнѣ какихъ-либо лицъ, могущихъ, по ихъ мнѣнію, нарушить мое спокойствіе.

Я былъ очень пораженъ, когда при въѣздѣ въ одну деревню, гдѣ по маршруту происходила остановка, меня встрѣтилъ становой приставъ съ рапортомъ о всеобщемъ по стану благополучіи и вслѣдъ затѣмъ, едва только я вышелъ изъ кареты, волостной старшина, въ кафтанѣ и съ медалью, во главѣ толпы сельскихъ джентльменовъ поднесъ мнѣ хлѣбъ и соль и проговорилъ, что онъ и его односельцы всѣмъ премного довольны. Едва онъ успѣлъ окончить, какъ мѣстный священникъ произнесъ привѣтственную рѣчь по поводу благополучнаго моего прослѣдованія и сравнилъ твоего Джонни съ солнцемъ, озарившимъ край.

Пока я слушалъ привѣтствіе и пока становой приставъ распоряжался насчетъ моего обѣда (хотя я объ этомъ вовсе и не просилъ), я замѣтилъ, какъ мои два урядника не совсѣмъ церемонно обращались съ нѣкоторыми мужиками, стоявшими въ сторонѣ съ какой-то бумагой въ рукахъ, и подъ конецъ даже отлично стали работать своими шашками, конечно, плашмя.

Я хотѣлъ-было объяснить, что не заслуживаю подобной встрѣчи, но въ этотъ моментъ, по мановенію станового пристава, раздалось оглушительное ура, и затѣмъ становой приставъ доложилъ мнѣ, что обѣдъ готовъ.

Я попробовалъ разъяснить этому чиновнику его заблужденіе, но онъ, очевидно, мнѣ не вѣрилъ, и между нами повторилась сцена въ знаменитой русской комедіи «Ревизоръ». Такъ я и не могъ его убѣдить.

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ я пилъ чай, повторилась та же самая исторія, такъ что наконецъ я настоятельно объявилъ исправнику, явившемуся меня встрѣтить, что всѣ эти встрѣчи происходятъ по недоразумѣнію.

Послѣ этого никакихъ встрѣчъ не было, но зато въ деревняхъ, по которымъ мы проѣзжали, во время моего проѣзда не показывалось ни одной души. Все точно вымерло.

Для довершенія курьеза замѣчу тебѣ, Дженни, что сопровождавшіе меня джентльмены, какъ я достовѣрно узналъ, были впослѣдствіи награждены за мое вполнѣ благополучное прослѣдованіе. Не было сомнѣнія, что меня принимали за сенатора, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время сенаторы ревизуютъ нѣсколько губерній, и что мнѣ хотѣли показать край, какъ вообще его показываютъ лицамъ болѣе или менѣе высокаго положенія.

Русскіе большіе мастера «показывать», и въ этомъ отношеніи нужно отдать имъ пальму первенства передъ другими націями.

Когда я бесѣдовалъ по этому поводу съ однимъ изъ очень добродушныхъ исправниковъ, увѣрившемся, что я не сенаторъ, а просто туристъ, хотя и знатный иностранецъ, то онъ объяснилъ мнѣ эту манеру русскихъ такимъ образомъ:

— У насъ, милордъ, это дѣлается не изъ чего другого, какъ изъ-за любви къ начальству. Зачѣмъ безпокоить его какими-нибудь непривлекательными картинами? У насъ ужъ такъ велось издавна. Проѣзжаетъ особа, мы стараемся, чтобы все какъ слѣдуетъ. И онъ доволенъ и мы довольны.

— Но вѣдь это обманъ?

— Положимъ, обманъ, но кому онъ вредитъ? Нашъ русскій мужичокъ, милордъ, не ропщетъ на это. Коли нужно, онъ въ нѣсколько ночей построитъ городъ, разведетъ садъ, проведетъ дорогу, на себѣ повезетъ, если только его удостоятъ. Свистни только. Онъ слава Богу!

Не раздѣляя вполнѣ мнѣнія этого добродушнаго исправника насчетъ такого трогательнаго отношенія русскаго «мужичка», я тѣмъ не менѣе обязанъ, Дженни, констатировать фактъ, что въ Россіи дѣйствительно совершаются чудеса въ этомъ отношеніи, и русскіе могутъ проѣхать изъ края въ край и не видѣть ничего, кромѣ сіяющихъ лицъ. Цѣлая русская исторія была исторіей такихъ чудесъ.

Знаменитый Потемкинъ блистательно, съ обычнымъ ему остроуміемъ, доказалъ, что можно было показать Екатеринѣ картонную Россію, а русская императрица, замѣть, Дженни, женщина безспорно очень умная, но и та повѣрила картоннымъ городамъ, если только не дѣлала вида, что вѣритъ, не желъзя огорчать любимца и нарушать торжественнаго представленія, даннаго Потемкинымъ при помощи скрытыхъ и вѣчно однихъ и тѣхъ же актеровъ—народа.

Съ той поры русскіе усовершенствовались въ этомъ искусствѣ и хотя не воздвигаютъ за ночь городовъ (тѣмъ болѣе, что при путешествіи по желѣзнымъ дорогамъ этого и не нужно), то сооружаютъ другіе, менѣе вещественные знаки, которые и приподносятъ разнымъ высокимъ и не высокимъ даже путешественникамъ, такъ какъ, по словамъ русской поговорки, «масло каши не портитъ».

Я не знаю, вѣрятъ ли лица всему тому, что имъ показываютъ, или не вѣрятъ (въ интересахъ ихъ надо думать, что не всему вѣ-

рятъ), но знаю очень хорошо, что mise en scène весьма здѣсь въ обычаѣ.

Проживши въ Россіи довольно долгое время, я видѣлъ, какъ является чистое бѣлье днемъ, въ ожиданіи посѣщенія, и убирается къ вечеру, какъ дается на пробу пища, которую всѣ пробуютъ, кромѣ тѣхъ, кто считается ея потребителемъ, какъ разстилаются ковры, въ ожиданіи пріѣзда ожидаемыхъ посѣтителей, какъ прячутся даже подальше некрасивыя физіономіи воспитанниковъ и особенно воспитанницъ, а красивыя выставляются на показъ. Все это, Дженни, дѣлается, чтобы не произвести дурного впечатлѣнія на какого-нибудь ревизора.

Я вспоминаю при этомъ анекдотъ, разсказанный мнѣ въ вагонѣ однимъ генераломъ (онъ ѣхалъ тоже въ Уфимскую губернію выбирать лѣсъ), какъ въ прежнія времена одинъ почтенный генералъ, ожидая смотра, и замѣтивъ, что грудь у ординарца чуть-чуть колышется, подошелъ къ нему и приказалъ не дышать.

— И солдатъ не дышалъ!—съ восторгомъ окончилъ разсказчикъ.

Это было очень давно, но мнѣ приходитъ на память случай, бывшій не особенно давно и показывающій, что русскіе и теперь непрочь воздвигнуть садъ въ нѣсколько часовъ, если только нужно.

Дѣло происходило на курско-кіевской дорогѣ, по которой проѣзжала особа, любившая утромъ выйти изъ вагона и прогуляться въ саду. Дорога только-что была окончена, и на станціяхъ садики разведены не были. Тогда у управляющаго дорогой явилась блистательная мысль. Онъ телеграфировалъ на станціи, гдѣ назначены дневныя остановки, и свершилось чудо. Подъѣзжаетъ раннимъ чуднымъ утромъ поѣздъ къ станціи... Прекрасный садъ, полный елокъ, березъ и тополей, ласкаетъ взоръ зеленѣющей листвой. На разбитыхъ куртинахъ сіяютъ цвѣты.

— Какъ мило!—замѣчаетъ путешественникъ, выходя изъ вагона.— Давно посаженъ?

— Въ прошломъ году, ваше сіятельство!

— Прекрасно.

Путешественникъ прошелъ въ садъ. Сзади въ почтительномъ отдаленіи слѣдовалъ въ числѣ прочихъ лицъ управляющій дорогой.

Черезъ 15 минутъ поѣздъ двинулся далѣе, а черезъ полчаса отъ сада осталось одно воспоминаніе. Вырубленныя деревья, врытыя въ землю, пошли на дрова.

— Признаюсь, очень я боялся,— разсказывалъ мнѣ потомъ управляющій: —чтобы князь не тронулъ деревьевъ. Врыты они были неглубоко—работа была спѣшная! И обманъ легко бы обнаружился. Но однако, слава Богу—не замѣтилъ ничего!..

— И дорого это обошлось?

— Не дешево!—улыбнулся управляющій.—Мы десять такихъ садовъ въ одинъ день возвели.

— И путешественникъ во всѣхъ гулялъ?

— Нѣтъ, въ трехъ только... Зато остался очень доволенъ... Очень доволенъ!—съ глубокимъ умиленіемъ повторялъ управляющій.

— Однако вы маленькій Потемкинъ!—замѣтилъ я.

— Нельзя, надо потѣшить!

— И часто вы такъ показываете?

— Приходится иногда. Однажды, — это было на другой дорогѣ, — назначили меня сопровождать инспектора, осматривавшаго линію. Онъ былъ строгъ и, къ удивленію, не бралъ, но, какъ и всѣ люди, имѣлъ свою слабость, любилъ играть въ пикетъ.

— При чемъ же тутъ пикетъ?

— Увидите, милордъ!.. Меня командировали сопровождать инспектора и дали двѣ тысячи рублей на игру... Поѣхали. Сперва инспекторъ внимательно осматривалъ, и я только радовался, такъ какъ путь былъ хорошъ, но приближалось время, когда должна была начаться убійственная дорога. Тутъ-то мы и сѣли играть. Когда стали попадаться толчки — я разносилъ игры, а мой игрокъ, увлеченный, и не замѣчалъ. Такимъ образомъ мы благополучно прослѣдовали дорогу. Инспекторъ не замѣтилъ толчковъ. Я показалъ дорогу, какъ слѣдуетъ.

— И много проиграли?

— Пустяки—тысячу рублей. Играли по маленькой.

Кстати, вспомнивши, какъ показываютъ желѣзныя дороги, я разскажу заодно тебѣ, Дженни, еще одинъ любопытный фактъ, переданный мнѣ очевидцемъ.

Это было въ началѣ семидесятыхъ годовъ, во время проѣзда г. министра по курско-харьковской дорогѣ. Проѣзда этого особенно ожидала одна партія рабочихъ, не получившихъ отъ подрядчиковъ разсчета, несмотря на просьбы и жалобы. На одной изъ станцій, недалеко отъ Харькова, они собрались большой толпой и ожидали проѣзда экстреннаго поѣзда. Начальникъ станціи догадался, въ чемъ дѣло, но уже было поздно принять соотвѣтствующія мѣры, т. е. обратиться къ содѣйствію жандармовъ. Поѣздъ долженъ былъ прибыть черезъ полчаса. Онъ умолялъ, обѣщалъ, грозилъ, но рабочіе ожесточенно уперлись и рѣшились во что бы то ни стало исполнить свое рѣшеніе. Готовилась сцена, вовсе не предусмотрѣнная и могущая испортить весь эффектъ путешествія. Начальникъ станціи далъ знать объ этомъ по телеграфу начальству, находившемуся на экстренномъ поѣздѣ. Ты, Дженни, поймешь, конечно, выраженіе лицъ г. Полякова и всей его свиты, когда они получили это извѣстіе. Что дѣлать? Какъ предупредить? Однако они нашлись. Немедленно былъ посланъ впередъ паровозъ съ двумя инженерами, имъ даны были деньги и инструкція во что бы то ни стало устроить дѣло.

Паровозъ съ двумя вагонами полетѣлъ, а вслѣдъ за нимъ двинулся и экстренный поѣздъ. Я не знаю, каковы были ощущенія у желѣзнодорожниковъ, но полагаю, что не особенно пріятныя.

Паровозъ приближался къ станціи. Мужики бросились на колѣни и простерли впередъ руки. Начальникъ станціи былъ ни живъ ни мертвъ. Однако дѣло объяснилось, когда выскочили пиженеры и бросились уговаривать мужиковъ. Тотчасъ же имъ стали раздавать деньги, рублей по пяти на человѣка, обѣщая въ тотъ же день удовлетворить окончательно. Мужики согласились.

Въ это время приблизился экстренный поѣздъ, и съ платформы раздалось «ура!» Полумертвые отъ страха глядѣли желѣзнодорожники, но скоро радостная улыбка смѣнила тревогу.

Вмѣсто необыкновеннаго пассажа вышла эффектная встрѣча.

Такъ въ Россіи встрѣчаютъ и провожаютъ, Дженни. И слѣдовательно ты не удивишься, что и меня встрѣчали съ такой торжественностью, какой едва ли когда-либо встрѣчали Гладстона. Однако до слѣдующаго письма. Да хранитъ тебя Богъ, дорогая Дженни, какъ хранитъ Онъ меня. Сейчасъ ѣду бесѣдовать насчетъ башкирскаго участка.

Я и забылъ тебѣ сказать, что когда я выѣхалъ изъ Петербурга въ Башкирію, то весь вагонъ былъ наполненъ покупщиками на льготныхъ условіяхъ. Въ вагонѣ было, Дженни, самое отборное общество: были генералы военные и статскіе, чиновники, священникъ, двѣ вдовы-генеральши и даже одна прехорошенькая молодая супруга титулярнаго совѣтника. Сперва мы другъ отъ друга скрывали, зачѣмъ ѣдемъ, но вскорѣ дѣло разъяснилось.—Твой Джонни.

Письмо шестьдесятъ третье.

Дорогая Дженни!

Предчувствія на этотъ разъ не обманули меня, и какъ ни прискорбно, а приходится (и, кажется, безповоротно) отказаться отъ мысли быть русскимъ помѣщикомъ въ Башкиріи по причинамъ, которыя я сейчасъ изложу тебѣ.

Предварительно считаю долгомъ предостеречь тебя, любезная Дженни, отъ отчаянія по поводу моей неудачи (тѣмъ болѣе, что расходы по поѣздкѣ не были особенно значительны и уже возмѣщены изъ другихъ источниковъ) и успокоить тебя завѣреніемъ, что въ этой обширной имперіи, благодаря Бога, кромѣ башкирскихъ земель, остались еще все-таки многія свободныя земли и лѣса, требующіе обработки и ожидающіе культурныхъ рукъ. Такіе земли и лѣса иногда продаются (и по цѣнѣ весьма сходной, хотя и дороже шиллинга за десятину), а иногда и отдаются въ даръ всякому русскому чиновнику и джентльмену (хотя бы и не чиновнику) благонамѣреннаго поведенія, заявившему намѣреніе, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, посвятить себя сельскому хозяйству или лѣсоводству *).

*) Къ сожалѣнію, на этотъ разъ свѣдѣнія, сообщаемыя знатнымъ иностранцемъ, невѣрны. Всякій русскій чиновникъ не надѣляется землею, какъ утверждаетъ лордъ. *Прим. переводчика.*

Въ этой мѣрѣ, по моему мнѣнію, сказывается весьма глубокая идея: во-первыхъ, благодаря занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ людей образованныхъ, поднимется производительность земель, въ настоящее время значительно упавшая; во-вторыхъ, пріохочивая чиновника къ сельскимъ трудамъ, Россія избавляется отъ пролетаріата и, въ-третьихъ, возстановляется принципъ справедливости, забытый, къ сожалѣнію, при осуществленіи великой реформы, а именно: крестьянъ въ то время надѣлили землею, а классъ чиновниковъ, классъ весьма трудящійся, былъ забытъ.

Вотъ почему въ настоящее время при продажахъ разныхъ земель крестьяне исключены изъ числа покупщиковъ, а равно и не получаютъ въ даръ пустопорожнихъ земель. Они уже обезпечены надѣлами, а другіе не обезпечены.

Кромѣ того, по свидѣтельству лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, сельское населеніе, по незнакомству съ новѣйшими усовершенствованіями по сельскому хозяйству и лѣсоразведенію, едва ли бы увеличило производительность земли и принесло бы государству ту пользу, которая ожидается при обработкѣ болѣе культурной.

Въ доказательство этого взгляда мнѣ, между прочимъ, привели нѣсколько примѣровъ, очень вѣскихъ, изъ которыхъ приведу тебѣ слѣдующіе:

1) Лѣсная дача, оцѣненная въ сто тысячъ, черезъ годъ была продана за четыреста, благодаря тому, что у получившаго названную дачу лица, въ теченіе одного года —какъ это ни невѣроятно — выросло до 20.000 деревъ, вслѣдствіе особенныхъ мѣръ, владѣльцемъ принятыхъ. При этомъ надо замѣтить, что владѣлецъ до тѣхъ поръ занимался только лѣсоистребленіемъ, но не разведеніемъ его.

2) Пустопорожняя земля въ Самарской губерніи, отданная одному престарѣлому джентльмену, пожелавшему за старостью лѣтъ заняться «земледѣльческимъ трудомъ», черезъ годъ увеличилась въ своей цѣнности въ десять разъ; оцѣненная въ 10.000, она была продана за 100.000 руб.

Я не привожу болѣе примѣровъ, такъ какъ и изъ вышеприведенныхъ ты убѣдишься въ умѣньи культурныхъ классовъ въ короткое время увеличивать производительность земель и всякихъ видовъ собственности, попадающей въ ихъ руки. Не то, къ сожалѣнію, встрѣчается въ сельскомъ населеніи.

Возвращаюсь однако къ сущности нашего личнаго дѣла. Когда третьяго-дня, въ одиннадцать часовъ утра, я вошелъ къ джентльмену, совѣтовавшему мнѣ пріобрѣсти башкирскій участокъ, то онъ встрѣтилъ меня съ такой смущенной улыбкой, что я понялъ безъ словъ, что дѣло наше стоитъ не на твердой почвѣ.

— Мѣсяцемъ бы раньше, милордъ, однимъ мѣсяцемъ бы раньше!— проговорилъ онъ.—Теперь продажа Уфимской губерніи пріостановлена.

— А я присмотрѣлъ превосходный участокъ!—проговорилъ я, невольно вздохнувъ.—И земля, и лѣсъ, и рѣки, и озера... все, все есть.

— Да, превосходный участокъ! — вздохнулъ и мой совѣтникъ, поглядывая на планъ.—Превосходный... Какъ это я его прозѣвалъ!

Онъ нѣсколько времени сидѣлъ, погруженный въ задумчивость, надъ этимъ превосходнымъ планомъ, на которомъ, признаюсь тебѣ Дженни—я уже нѣсколько легкомысленно надписалъ: «Villa Rosberry—God save the Queen». Онъ сидѣлъ, говорю я, и на умномъ лицѣ, обрамленномъ сѣдыми бакенбардами, повидимому, созрѣвала какая-то идея. Я украдкой взглядывалъ на моего друга, и надежда начинала закрадываться въ мою душу. Мнѣ казалось, что еще возможно, на основаніи узаконенія, о которомъ я упоминалъ тебѣ въ прошломъ письмѣ, сдѣлаться обладателемъ «Villa Rosberry».

— Быть-можетъ, вамъ не хотѣлъ бы ждать, милордъ, — спросилъ наконецъ мой добрый геній.

— Время—деньги!—отвѣчалъ я уклончиво.

— Такъ, такъ!—улыбнулся джентльменъ.—Но если въ Башкиріи намъ не удастся пріобрѣсти участокъ, можно въ другихъ мѣстахъ. Наша страна велика и обильна.

— Гдѣ же, напримѣръ?

— На Кавказѣ, въ Западномъ краѣ. Что бы вы, милордъ, сказали, напримѣръ, насчетъ подуховнаго имѣнія или лѣсной дачи въ Царствѣ Польскомъ? Къ чему вы чувствуете больше склонности: къ хлѣбопашеству или лѣсоводству?

При этомъ почтенный джентльменъ обязательно разъяснилъ мнѣ, что «подуховными» имѣніями въ Западномъ краѣ называются бывшія монастырскія имѣнія, нынѣ конфискованныя.

— Что же касается до лѣсныхъ дачъ, то онѣ,—прибавилъ онъ:— нисколько не отличаются отъ лѣсныхъ башкирскихъ дачъ и могутъ быть, при умѣніи, эксплоатированы очень выгодно.

Тутъ онъ привелъ одинъ изъ примѣровъ, разсказанныхъ мною выше.

— Я непрочь и отъ подуховнаго имѣнія и отъ лѣсной дачи! — проговорилъ я.

— Такъ потрудитесь написать прошеніе, милордъ!

Съ этими словами онъ придвинулъ мнѣ листъ бумаги и, видя мое затрудненіе, проговорилъ:

— Я продиктую вамъ, какъ слѣдуетъ по формѣ. Пишите!

И я сталъ писать подъ его диктовку слѣдующее прошеніе:

«*Въ Департаментъ продажи и раздачи земель и лѣсовъ*» англійскаго подданнаго, лорда Джона, Виляьма, Іакова, Матвѣя, Розберри, маркиза Гринкокскаго

Прошеніе.

«Способствуя въ теченіе долгаго времени сближенію двухъ великихъ

націй и содѣйствуя уничтоженію предвзятыхъ мнѣній, существующихъ, къ сожалѣнію, противъ Россіи, и для болѣе успѣшнаго достиженія предназначенной цѣли желалъ бы пріобрѣсти прочную осѣдлость въ Русской имперіи. На основаніи вышеизложеннаго, а также въ видахъ поднятія производительности земельныхъ угодій и развитія торговли и промышленности, а равно и для противодѣйствія вреднаго элемента въ Царствѣ Польскомъ, почтительно прошу «Департаментъ продажи и раздачи» уступить мнѣ въ даръ, а буде невозможно, то продать на льготныхъ условіяхъ, подуховное имѣніе такое-то или же, если къ тому встрѣтится препятствіе, лѣсную дачу такую-то. Безполезныя по своей ничтожной цѣнности для государства, земли эти могутъ, при надлежащихъ на нихъ затратахъ, пріобрѣсти нѣкоторую цѣнность и такимъ образомъ поднять общую производительность края. При семъ прилагаю подписку, что въ управленіе или въ аренду проданныхъ или пожалованныхъ мнѣ имѣній лицамъ польскаго происхожденія сдавать не буду» *).

— Кому же можно сдавать?—спросилъ я, подписавши прошеніе.

— Да кому угодно.

— Но подписка?

— Это для формы. Да вы развѣ думаете хозяйничать? Лучше продать. Цѣну дадутъ хорошую.

— Но вы сами же заставили написать о «ничтожной цѣнности»?

На это мой добрый геній только улыбнулся и сказалъ, что онъ мнѣ самъ найдетъ покупщика.

Я уѣхалъ отъ моего друга обнадеженный. На прощанье онъ нѣсколько разъ повторилъ, что, вѣроятно, за мои услуги департаментъ не откажетъ.

Вотъ, Дженни, въ какомъ положеніи наше дѣло, и я не сомнѣваюсь, что пребываніе мое въ Россіи не останется безплоднымъ. Пока кончаю письмо и тороплюсь сдѣлать необходимые визиты. На-дняхъ мнѣ предстоитъ слушать знаменитыхъ русскихъ ораторовъ въ здѣшней думѣ. Будетъ разбираться очень интересный вопросъ, и всѣ лучшіе ораторы будутъ въ сборѣ: баронъ Фредериксъ, гг. Позднякъ, С.-Галли, Михельсонъ и т. д. Въ слѣдующихъ письмахъ я сообщу тебѣ о своихъ впечатлѣніяхъ, а пока до свиданія. Не падай духомъ и вѣрь звѣздѣ твоего Джонни.

Письмо шестьдесятъ четвертое.

Дорогая Дженни!

Я получилъ твое послѣднее письмо, въ которомъ, между прочимъ, ты увѣдомляешь о предложеніи частнаго секретаря нашего уважаемаго

---

*) Надо сознаться, что весь разсказъ знатнаго иностранца о покупкѣ имъ имѣнія отзывается преувеличеніемъ. *Прим. переводчика.*

премьера продолжать сообщать о настроеніи, господствующемъ въ русскомъ обществѣ, а равно о новыхъ вѣяніяхъ и предполагаемыхъ реформахъ, благодаря коимъ русская пресса, по крайней мѣрѣ значительная часть ея, празднуетъ, по словамъ ея, обновленіе и новую эру, продолженіе которой не прекращается и даже внушаетъ заботы завистливаго князя Бисмарка.

Охотно исполняя данное порученіе, я постараюсь передавать мои наблюденія со свойственною англичанину добросовѣстностью и, надѣюсь, не подвергнусь (какъ подвергался не разъ при министерствѣ Биконсфильда) упрекамъ въ пристрастіи къ русскимъ. Я еще не получилъ подуховнаго имѣнія, да если бы и не получилъ (въ чемъ однако имѣю причины сомнѣваться), то все-таки, какъ и въ прежнихъ сообщеніяхъ, сохраню доброжелательное отношеніе къ гостепріимной странѣ, нравы и обычаи которой, во всякомъ случаѣ, при нѣкоторыхъ ихъ странностяхъ, представляютъ много назидательнаго и поучительнаго для европейца.

Желая быть по возможности точнымъ, я передамъ не только мнѣнія газетъ, но и мнѣнія государственныхъ русскихъ людей, а также мнѣнія людей изъ общества (при чемъ постараюсь бесѣдовать съ людьми различныхъ партій) насчетъ наступившаго періода обновленія, конца котораго до сихъ поръ не предвидится.

Натурально, я не коснусь мнѣній низшихъ классовъ, такъ какъ, во-первыхъ, они, по поводу совершающихся событій, никакихъ мнѣній не имѣютъ, погруженные въ заботы объ изысканіи суррогатовъ, замѣняющихъ хлѣбъ (въ этомъ году неурожай, выражаясь принятымъ здѣсь языкомъ, «выше средняго»), и, во-вторыхъ, если-бъ они и имѣли мнѣнія, то таковыя въ соображеніе приняты быть не могутъ, какъ мнѣнія людей, не заинтересованныхъ въ «новой эрѣ», потому что, какъ при старой, такъ и при новой эрѣ, взиманіе податей, разумѣется, не прекращается.

Такимъ образомъ мнѣ придется передавать настроеніе только культурныхъ классовъ.

По долгу справедливости долженъ засвидѣтельствовать, что самое радостное настроеніе обнаружилось у русскихъ журналистовъ, вѣроятно, по той причинѣ, что журналисты болѣе воспріимчивы, чѣмъ люди другихъ профессій, не только къ вопросамъ общественнымъ, но и къ вопросамъ о розничной продажѣ. Чтобы имѣть понятіе, какимъ ошеломляющимъ образомъ подѣйствовали на нѣкоторыхъ изъ нихъ «новыя вѣянія», замѣчу со словъ одного изъ самыхъ достовѣрныхъ русскихъ репортеровъ, что когда объявлены были новыя вѣянія (правда, не офиціально), то нѣсколько журналистовъ были такъ потрясены этими извѣстіями, что тутъ же сошли съ ума, хотя, благодаря тихому помѣшательству, и не были заключены въ сумасшедій домъ. Однако труды ихъ обнаруживали первое время глубочайшее потрясе-

ніе, въ чемъ легко убѣдиться по нѣкоторымъ статьямъ, въ которыхъ, вмѣсто разсужденій и объясненій, выражалась безумная радость въ видѣ отрывочныхъ фразъ и восклицаній: «ура!», «Тебѣ Бога хвалимъ!», «Виватъ Наполеонъ!» (хотя Наполеона, какъ извѣстно, въ Россіи нѣтъ) и тому подобныхъ.

Такое потрясеніе едва ли не объясняется, съ одной стороны, нервной воспріимчивостью, а съ другой—обѣщаніями расширенія рамокъ печати и полупризнанія за печатью друга, а не врага. Этотъ неожиданный переходъ могъ, конечно, оказать пагубное дѣйствіе и удручающимъ образомъ повліять на головы, особенно если принять въ соображеніе еще и одно немаловажное обстоятельство, заключающееся въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ журналистовъ русскихъ стали сажать на стулья (при объясненіяхъ), даже пожимать имъ руки и давать чай, чего, сколько мнѣ извѣстно, прежде не было. По крайней мѣрѣ, если и давали, такъ не чай, а предостереженія.

Такихъ характерныхъ потрясеній съ лицами другихъ профессій, сколько мнѣ извѣстно, не было; по крайней мѣрѣ, о таковыхъ я не читалъ въ газетахъ (которыя, вѣроятно, не преминули бы сообщить о такихъ отрадныхъ явленіяхъ), хотя нѣкоторые фельетонисты и заявляли о томъ, что 12 февраля въ Петербургѣ люди обнимались другъ съ другомъ по случаю преобразованія третьяго отдѣленія, но, къ сожалѣнію, лично этого я не видалъ, несмотря на то, что въ этотъ день гулялъ по Невскому и Большой Морской, лучшимъ петербургскимъ улицамъ, цѣлый день.

Впрочемъ, долженъ засвидѣтельствовать одинъ видѣнный мною фактъ временнаго помѣшательства на джентльменѣ, не принадлежащемъ къ числу журналистовъ. Этотъ джентльменъ помѣщикъ и житель города Одессы, съ которымъ я познакомился во время моего путешествія по Крыму.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ пріѣхалъ изъ своего города и при встрѣчѣ со мной бросился ко мнѣ на шею (хотя я не былъ съ нимъ коротко знакомъ) и повторялъ въ экстазѣ:

— Ахъ, милордъ... Новая эра. Новѣйшая! Его ужъ нѣтъ! Его ужъ нѣтъ!

— Кого?—спросилъ я, подозрительно взглядывая на нѣсколько разстроенное лицо джентльмена и его странные глаза.

— Его ужъ нѣтъ! Его ужъ нѣтъ!—продолжалъ онъ и сталъ хохотать, а потомъ вдругъ залился слезами.

— Да что съ вами? Скажите.

— Его ужъ нѣтъ! Его ужъ нѣтъ! Мои дѣти, милордъ, младенцы. Одному пять, другому четыре года, но я боялся... Если бы вы знали... Ахъ, какъ боялся...

Это единственный фактъ, повторяю, восторженнаго помѣшательства, видѣннаго мною.

Возвращаясь къ русской прессѣ, долженъ замѣтить, какъ о характерномъ признакѣ, что въ послѣднее время русскіе публицисты стали обнаруживать необычайную слабость къ текстамъ изъ священнаго писанія. Въ недавніе дни, когда, по словамъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ русскихъ журналистовъ, приходилось только «искоренять» и «сокрушаться», «сокрушаться» и опять-таки «искоренять»,—священное писаніе оставлено было въ сторонѣ, такъ какъ не до священнаго было писанія въ то время. Только одна газета въ тѣ дни прибѣгала по временамъ къ псалмамъ, какъ къ удобному средству замѣнять необходимыя, по разнымъ случаямъ, передовыя статьи, которыя необходимо было писать для того, чтобы высказаться отъ души по злобѣ дня.

— Вѣрите ли, милордъ,—говоритъ мнѣ одинъ русскій публицистъ годъ тому назадъ:—что я въ теченіе года долженъ былъ написать десять передовыхъ статей объ извлеченіи корней, пять объ уничтоженіи мечомъ и огнемъ всѣхъ гражданъ моложе 25-лѣтняго возраста и двѣнадцать о томъ, что наша газета не только не сочувствуетъ, но даже и ровно ничего не понимаетъ и не чувствуетъ, кромѣ чувства безпредѣльнаго восторга...

— Вы, конечно, высказались по убѣжденію?..

Мой публицистъ улыбнулся и сказалъ:

— Ей-Богу и самъ не знаю. Теперь забылъ даже. Знаю, что хочешь не хочешь, а пиши, а то, того и гляди, какой-нибудь... доморощенный урядникъ влѣзетъ въ полной формѣ и съ сапогами въ душу и скажетъ: зачѣмъ молчишь?

— Вы однако преувеличиваете?..

— Быть-можетъ... Правда, никто за языкъ офиціально не тянулъ, а все-таки, знаете ли... струсишь и вмѣсто статьи перепечатаешь страничку изъ Іоанна Златоуста... По крайней мѣрѣ знаешь, что Іоаннъ Златоустъ все-таки лучше скажетъ, чѣмъ самъ.

Изъ этого разговора я окончательно убѣдился въ нервной воспріимчивости русскихъ людей, бесѣдующихъ печатно съ публикой.

Возвращаясь къ своимъ наблюденіямъ, замѣчу, что эта новая, не лишенная остроумія, манера вмѣсто передовыхъ статей помѣщать тексты нашла себѣ теперь многочисленныхъ подражателей, но уже по другимъ случаямъ, и въ послѣдніе дни очень многіе публицисты—даже и изъ тѣхъ, которые прежде ехидно смѣялись надъ даровымъ сотрудничествомъ псалмопѣвца царя Давида—прибѣгаютъ къ цитатамъ изъ священныхъ книгъ, привѣтствуя различныя назначенія и перемѣны высшихъ чиновниковъ.

«Исаія ликуй!» раздается ежедневно къ удовольствію многихъ читателей, любящихъ духовное чтеніе.

Мнѣ не приходится удивляться оптимистическому настроенію, охватившему русскихъ журналистовъ. Я не смѣю, конечно, заподозрѣть

ихъ искренность и охотно допускаю, что когда они говорятъ, что все обновилось, и когда ежедневно поютъ въ уши «Исаія ликуй!»,—то увѣряютъ и поютъ отъ души, съ полной искренностью. Русскій человѣкъ, какъ я не разъ писалъ, способенъ восторгаться не только по поводу, но даже и безъ всякаго повода, и добрые русскіе, при малѣйшемъ намекѣ на поворотъ къ лучшему, первымъ дѣломъ сперва благодарятъ и предаются необузданной радости, какъ предается теленокъ, выпущенный на свѣжую зелень, а потомъ ужъ ждутъ обѣщанной эры. Надо думать, что у счастливцевъ-русскихъ чувства развиты на счетъ другихъ способностей и задерживающіе центры функціонируютъ плохо; при этомъ память у нихъ не твердая; они забываютъ не только старую исторію, не только вчерашніе дни, но даже и нынѣшніе. Увлеченные собственнымъ воображеніемъ, они легко подвергаются оптимистическимъ галлюцинаціямъ и становятся слѣпы. Подобное оптимистическое настроеніе, разумѣется, отъ Бога и ничего съ нимъ не подѣлаешь, но тѣмъ не менѣе позволительно, смѣю думать, желать отъ представителей прессы не одного только выраженія чувствъ, но и мыслей, подтверждающихъ ихъ восторженное настроеніе.

При этомъ надо замѣтить, что восторженное настроеніе въ Россіи часто переходитъ внезапно въ уныніе и такъ какъ русскіе обыкновенно разсчитываютъ на людей, а не на учрежденія, то эти переходы весьма естественны. Я, конечно, по долгу совѣсти, не смѣю отрицать, что въ Россіи есть, вѣроятно, дѣятели, одушевленные даже самыми благими намѣреніями, но они, какъ учили насъ, бываютъ сильны и могутъ принести странѣ своей пользу только при общественной помощи, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ. Общественная же помощь возможна только тогда, когда она имѣетъ серьезное значеніе, а не выражается только въ обязательномъ сочувствіи. Затѣмъ является еще соображеніе. Допустимъ, что люди, о которыхъ я говорю, такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ будутъ дѣйствовать не въ личныхъ своихъ интересахъ и не противъ духа времени, а постараются—выражаясь языкомъ передовыхъ статей—дѣйствовать въ смыслѣ продолженія реформъ, но русскіе вѣчно упускаютъ изъ виду, что новые люди могутъ быть замѣнены старыми, и слѣдовательно никто по совѣсти не можетъ сказать, что завтра, вмѣсто сегодняшнихъ необузданныхъ ликованій, не явятся старые напѣвы, и что при этомъ публицистъ даже предварительно не ударитъ себя по лбу и не воскликнетъ по здѣшнему обычаю: «ахъ, я телятина!».

Но никакія подобныя соображенія, повидимому, здѣсь не извѣстны и не въ состояніи подѣйствовать на русскаго журналиста, особенно когда уже онъ разошелся и затянулъ: «Исаія ликуй!» Онъ вѣритъ—и шабашъ, и пока его не облили холодной водой (а холодная вода для него, разумѣется, должна быть очень низкой температуры, вслѣдствіе высокой температуры его восторженности), онъ въ отвѣтъ на слова

болѣе трезвыхъ, что совсѣмъ неприлично же наконецъ заранѣе причислять къ лику святыхъ живыхъ людей, — отвѣчаетъ слѣдующей тирадой, какъ отвѣтилъ на-дняхъ фельетонистъ одной газеты:

«Нѣтъ, къ лицу, все къ лицу, когда вѣра въ сердцѣ есть, когда вы чувствуете пробуждающееся уваженіе къ личности, когда на васъ не смотрятъ, какъ на злодѣя, не заподозрѣваютъ васъ, не читаютъ въ вашемъ сердцѣ, когда...»

Тутъ восторженный представитель русской газеты запнулся и не нашелъ даже словъ, такъ что послѣднее «когда» такъ и осталось безъ объясненій. «Когда что?»

«Пессимисты, даже самые отчаянные—продолжаетъ однако онъ:— приняли 12 февраля новое крещенье съ любовью и довѣріемъ и, послѣ ряда фактовъ, стали оптимистами. Мы вѣруемъ, а вѣра спасаетъ».

Таково настроеніе русской печати. Его можно охарактеризовать— непрерывно восторженнымъ. Теперь я перейду къ поверхностному очерку русскаго общества, а затѣмъ передамъ бесѣды мои съ государственными русскими людьми. Но обо всемъ этомъ до слѣдующаго письма.—Твой Джонни.

Письмо шестьдесятъ пятое.

Дорогая Дженни!

Въ прежнихъ своихъ письмахъ (изъ которыхъ рекомендую сдѣлать соотвѣтствующія извлеченія для представленія г. секретарю перваго министра) я уже пробовалъ набрасывать очерки русскаго общества. Теперь, послѣ трехлѣтняго моего пребыванія въ Россіи, во время разныхъ испытаній, пережитыхъ за это время, снова возвращаясь къ тому же предмету, я остаюсь при прежнемъ взглядѣ на русское общество.

Предварительно слѣдуетъ замѣтить, что русскаго общества, въ томъ смыслѣ, въ какомъ привыкли соединять понятіе объ обществѣ, не существуетъ, какъ не существуетъ, строго говоря, ясно очерченныхъ партій. Тѣ дѣленія на славянофиловъ, западниковъ и т. п., которыя иногда серьезно встрѣчаются въ нашихъ газетахъ, по моему мнѣнію, ошибка англичанъ, прикладывающихъ иностранный аршинъ къ русской жизни. Здѣсь существуютъ различныя вѣянія, различныя стремленія, но, во-первыхъ, выразиться они вполнѣ не могутъ по причинамъ, которыя будутъ указаны ниже, а во-вторыхъ, даже и эти вѣянія, какъ объяснено будетъ далѣе, не имѣютъ за собой той силы и устойчивости, которыя даютъ право на сведеніе съ ними счетовъ.

Такимъ образомъ здѣсь есть различные классы: дворянство, чиновничество и купечество, но общества нѣтъ. Всѣ эти классы функціони-

руютъ въ болѣе или менѣе противообщественномъ направленіи, не связанные другъ съ другомъ сознательными интересами.

Дѣятельность названныхъ выше классовъ, собственно говоря, не имѣетъ ничего общаго (или очень мало) съ общественнымъ дѣломъ и по большей части ограничивается формальнымъ отбываніемъ службы (здѣсь, какъ извѣстно, всѣ гдѣ-нибудь да служатъ) или преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, быть-можетъ, отчасти и потому, что общественныхъ цѣлей нѣтъ, такъ какъ обо всѣхъ общественныхъ дѣлахъ думаютъ особые спеціалисты, сидящіе въ разныхъ office'ахъ. На долю остальныхъ, слѣдовательно, предоставлена забота о личныхъ дѣлахъ.

Я уже говорилъ въ прежнихъ письмахъ не разъ, что избытокъ силъ русскихъ культурныхъ людей по преимуществу направленъ именно на опустошеніе (иногда даже невѣроятное) всевозможныхъ видовъ собственности, при чемъ искусство, котораго въ этомъ отношеніи достигли русскіе, пожалуй, не имѣетъ себѣ соперниковъ въ Европѣ. Весь общественный строй русской жизни способствовалъ и продолжаетъ способствовать развитію такихъ именно талантовъ, подготовляя въ будущемъ болѣе точное и проницательное распредѣленіе обязанностей и правъ различныхъ классовъ, по примѣру Европы.

Со свойственнымъ русскимъ добродушіемъ и отвагой (особенно когда дѣло касается политико-экономическихъ вопросовъ, что на здѣшнемъ языкѣ значитъ: права захвата общественныхъ суммъ), иногда даже и съ рискомъ (въ случаѣ недостатка знакомствъ и прекращенія дѣйствія habeas corpus) попасть подъ руку къ старательному прокурору—русскіе ведутъ ожесточенную войну съ казенными и общественными кассами, съ движимостью и недвижимостью, и обнаруживаютъ упорство изумительное, прекращая борьбу только тогда, когда изъ кассы выбрано все до послѣдняго фартинга.

На этотъ счетъ общественная нравственность, если не казовая, то втайнѣ терпимая, весьма сходна съ принципомъ нравственности нѣкоторыхъ разбойничьихъ племенъ, населяющихъ берега Австраліи. Здѣсь существуетъ цѣлый рядъ поговорокъ, свидѣтельствующихъ объ оригинальности воззрѣній на этотъ предметъ. «Не пойманъ—не воръ!» «Казенный воробей семью кормитъ», и т. п. Къ Моисеевымъ десяти заповѣдямъ прибавлена (хотя и безъ указа Святѣйшаго Синода) еще одиннадцатая: «Не зѣвай!»

Нечего и прибавлять, что человѣка, не желающаго или не умѣющаго при случаѣ (а случаевъ здѣсь болѣе чѣмъ достаточно) запустить руку во что-нибудь, имѣющее цѣнность, здѣсь называютъ «ротозѣемъ», «дуракомъ», а иногда даже (если такой человѣкъ, въ защиту своей свободы не запускать, попробуетъ сослаться на законы) и «безпокойнымъ» человѣкомъ, каковая кличка здѣсь имѣетъ послѣдствіемъ выдачу такъ-называемаго «волчьяго» паспорта. Волчьимъ же паспортомъ

называется такой паспортъ, владѣлецъ котораго лишается покровительства законовъ, хотя и переходитъ подъ особое покровительство законныхъ властей *).

Вообще же «ротозѣи» пользуются здѣсь отвратительной репутаціей, хотя послѣ смерти иногда и удостоиваются печатныхъ некрологовъ. «Ротозѣй» служитъ по преимуществу по контрольной части, и вотъ почему, вѣроятно, контроль въ Россіи хотя и безукоризненъ, но, по словамъ русскаго поэта, «бичуетъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ». Впрочемъ, изъ вѣрныхъ источниковъ мнѣ передавали, что готовится въ скоромъ времени реформа, которая значительно расширитъ кругъ дѣятельности русскихъ, имѣющихъ честь принадлежать къ партіи «ротозѣевъ», и такимъ образомъ казна будетъ въ нѣкоторой степени распредѣляться правильнѣе.

Слово «казна» имѣетъ въ Россіи значеніе собственности, принадлежащей всѣмъ завѣдующимъ или прикосновенныхъ къ ней, на правахъ пропорціональнаго пожизненнаго пользованія. «Казна», по представленію русскихъ культурныхъ людей, никогда пустощиться не можетъ и не должна, такъ какъ имѣетъ въ распоряженіи восемьдесятъ милліоновъ сельскихъ джентльменовъ, вносящихъ необходимыя суммы какъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, такъ и для удовлетворенія частныхъ нуждъ служащихъ джентльменовъ.

Подъ словомъ «казна» разумѣется также (какъ это ни странно) и все то, что «не тонетъ и не горитъ».

Такъ какъ дѣятельность русскихъ по преимуществу направлена на борьбу съ достояніемъ (частнымъ или казеннымъ), то понятно, что каждый русскій, принимающій въ ней участіе прямое (расхищеніе) или косвенное (промессы, устройство дѣлъ и т. п.), дѣйствуетъ въ смыслѣ 11 заповѣди за свой страхъ и за свой счетъ и потому изрѣдка попадается на скамью подсудимыхъ, особенно если находится въ такомъ званіи, когда для примѣра прочимъ и для «удовлетворенія общественной совѣсти» необходимо напомнить обществу объ осторожности. По крайней мѣрѣ, я въ теченіе трехлѣтняго пребыванія былъ свидѣтелемъ, какъ судили за лихоимство двухъ городовыхъ, трехъ становыхъ приставовъ, четверыхъ коллежскихъ регистраторовъ и одного надворнаго совѣтника, и какъ гг. прокуроры восторженно обвиняли ихъ, требуя очистительныхъ жертвъ и разгуливая въ душахъ этихъ преступныхъ джентльменовъ съ такою же пріятностью, съ какой ты гуляешь съ Кларой въ Кенсингтонскомъ паркѣ.

Однако въ послѣднее время русскіе поняли, что принцип индивидуальности по приложенію къ войнѣ, имѣя за собой нѣкоторыя пре-

---

*) Нечего, кажется, объяснять читателямъ, что значеніе «волчьяго» паспорта знатнымъ иностранцемъ понято неправильно и, во всякомъ случаѣ, односторонне. *Прим. переводчика.*

имущества, имѣетъ и свои невыгоды. Примѣръ извѣстнаго червоннаго валета (званіе, равнозначущее съ нашими виконтами) Юханцева и нѣкоторыхъ другихъ подѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ, и появилось стремленіе къ приложенію принципа ассоціаціи. Стали появляться правильно организованныя небольшія товарищества (на манеръ лондонскихъ обществъ), куда допускаются и женщины. Въ этихъ товариществахъ 11-я заповѣдь уже примѣняется на началахъ солидарности. Такимъ образомъ, при распредѣленіи барышей, являются дольщиками, соотвѣтственно внесеннаго капитала, вліянія и значенія, не одни только капиталисты ума и значенія, но и менѣе значительныя лица, если они только не ротозѣи.

Мнѣ объяснили, что подобныя товарищества (хотя и безъ утвержденныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ уставовъ) постепенно образовываются даже и въ учрежденіяхъ выборныхъ. Люди болѣе или менѣе рѣшительные дѣлаютъ нападеніе на мѣста и на кассу, привлекая въ товарищество болѣе энергичныхъ, и затѣмъ уже хозяйничаютъ по семейному началу (очень здѣсь почитаемому), рѣдко встрѣчая противодѣйствіе со стороны «ротозѣевъ». Объясняется это, во-первыхъ, свойствомъ ротозѣевъ, а во-вторыхъ, и нѣкоторою опасностью, сопряженною съ отвагой, не имѣющей цѣлью расхищенія *). Во избѣжаніе такихъ непріятностей «ротозѣи», какъ я уже говорилъ, избѣгаютъ впутываться въ недоразумѣнія и при удобномъ случаѣ только вздыхаютъ, но и то очень тихо, что̀, разумѣется, на руку людямъ, занятымъ «священной войной».

Въ такія времена, какъ, напримѣръ, настоящія, когда наступаетъ «новая эра», партія «ротозѣевъ» отъ вздоховъ переходитъ къ тому восторгу, о которомъ было говорено выше и образчики котораго можно видѣть въ газетахъ, и заявляетъ о своемъ существованіи громкими кликами радости и сочувствія, чѣмъ возбуждаетъ у «партіи 11-й заповѣди» нѣкоторую насмѣшку.

Все это я передаю изъ моихъ личныхъ наблюденій и бесѣдъ, но уловить настоящее бісніе общественнаго пульса все-таки дѣло очень трудное, а тѣмъ болѣе для иностранца, такъ какъ въ Россіи не существуетъ органовъ общественнаго мнѣнія, если не считать благороднаго собранія, сельскохозяйственнаго и купеческаго клубовъ, находящихся въ Петербургѣ. Но тамъ болѣе играютъ въ карты, чѣмъ занимаются политикой.

Что же касается до русской печати, то едва ли ее можно назвать выразительницей общественнаго мнѣнія уже по одному тому, что она не всегда можетъ (или не хочетъ) говорить о томъ, о чемъ иногда слышишь въ частныхъ бесѣдахъ. Положеніе ея условное и, признаюсь, на

---

*) Очевидно, лордъ введенъ въ заблужденіе.

Прим. переводчика.

основаніи сужденій русской прессы, я не рѣшился бы судить о настроеніи русскихъ въ данную минуту.

Равнымъ образомъ и группировка бо́льшаго или меньшаго круга читателей около той или другой газеты ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ газеты здѣсь имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ у насъ, и выборъ газетъ здѣсь обусловливается бо́льшимъ или меньшимъ разнообразіемъ фактовъ, свѣжестью извѣстій, привычкой, увѣренностью, что газета не лопнетъ, и т. п. Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать съ людьми самыхъ противоположныхъ взглядовъ, но читателей одной и той же газеты, и обыкновенно на вопросъ мой, почему они читаютъ именно ту или другую газету, я получалъ отвѣтъ:

— Надо же какую-нибудь читать и знать новости, а направленіе— наплевать (чисто-русская манера выраженія). Знаемъ мы, какое можетъ быть направленіе. Всѣ болѣе или менѣе одного и того же. Одна чаще пишетъ пакости, другая рѣже. Вотъ и вся разница. Вотъ если бы...

И затѣмъ мнѣ передавалось предположеніе насчетъ «если бы», при чемъ заканчивалось такъ:

— Тогда и газеты стали бы другія, и я бы зналъ, какую читать.

Если печать невозможно, по глубокому моему убѣжденію, считать выразительницей общественнаго русскаго мнѣнія, то едва ли можно уловить его и въ тѣхъ органахъ самоуправленія (земскихъ и городскихъ представительныхъ собраніяхъ), которые бы, казалось, могли иной разъ высказываться въ томъ или другомъ смыслѣ. Но, заключенные въ тѣсныя рамки хозяйственной дѣятельности, а кромѣ того и въ узкихъ рамкахъ значительно ограниченные, они пока не представляютъ собой никакого матеріала для знакомства съ настроеніемъ, помимо офиціальнаго.

Русскіе культурные люди, весьма отважные въ борьбѣ съ общественными кассами, надо сознаться, очень робки при другихъ обстоятельствахъ, и между ними есть такіе, которые даже боятся урядниковъ (хотя эти джентльмены и не имѣютъ особеннаго значенія) и въ этомъ отношеніи по высокимъ свойствамъ, присущимъ всѣмъ русскимъ вообще (я говорю о необыкновенномъ терпѣніи и выносливости), они не представляютъ рѣзкаго различія съ низшими классами.

Замѣчу только мимоходомъ (разсчитывая вернуться къ этому вопросу въ слѣдующихъ письмахъ), что изъ бесѣдъ съ извѣстными русскими либералами я вывелъ заключеніе, что они «увѣнчаніе зданія» понимаютъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается это «увѣнчаніе» и въ Европѣ, т. е. что культурный человѣкъ будетъ распредѣлять, а «некультурный» платить, при чемъ, конечно, для некультурнаго остается всегда «право», нажившн состояніе, перейти въ культурные и слѣдовательно заняться въ свою очередь распредѣленіемъ. Когда же (постепенно, примѣрно черезъ 10.000 лѣтъ) всѣ сдѣлаются культур-

ными и всѣ будутъ только распредѣлять, а платить будетъ некому, тогда, по теоріи моего русскаго друга (большого поклонника Англіи), послѣдуетъ переселеніе народовъ, и въ Россію откуда-нибудь да явятся плательщики, такъ какъ безъ плательщиковъ жить нельзя.

— А пока,—закончилъ мой другъ:—все должно идти своимъ порядкомъ. Образованіе, умъ и капиталъ имѣютъ свои права. Невѣжество и нищета свои. Каждый останется при своемъ интересѣ съ тою только разницей, что все это будетъ на законномъ основаніи, а не на беззаконномъ!

Я еще вернусь къ этой теоріи. Пока замѣчу, что я слышалъ, хотя и не въ столь откровенной формѣ, отъ очень многихъ почтенныхъ и либеральныхъ русскихъ людей болѣе или менѣе похожіе другъ на друга варіанты.

До слѣдующаго письма.—Твой Джонни.

Письмо шестьдесятъ шестое.

Дорогая Дженни!

Продолжая о томъ же предметѣ, долженъ замѣтить касательно настроенія, что оно, поскольку я наблюдалъ лично, не вполнѣ радостное, хотя и не вполнѣ унылое. Русскіе любятъ ныть, но въ то же время ноютъ при закрытыхъ дверяхъ, а при открытыхъ стараются казаться бодрыми и веселыми и такимъ образомъ очень хитро обманываютъ полисменовъ.

Однако я замѣтилъ, что тѣ, у кого нѣтъ дѣтей, болѣе веселы, чѣмъ тѣ, у кого есть дѣти, еще не сдѣлавшіеся прокурорами. Впрочемъ, въ послѣднее время настроеніе значительно поднялось, такъ какъ «новая эра», по словамъ одного браваго полковника (онъ взялъ, Дженни, одинъ съ двумя солдатами какой-то городъ въ Коканѣ), отмѣнена не будетъ и слѣдовательно нѣтъ повода не быть въ радостномъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что къ неурожаямъ и дороговизнѣ русскіе имѣли время привыкнуть... Но что меня поразило, такъ это повсемѣстный говоръ, что здѣсь нѣтъ людей и найти ихъ такъ трудно, что, чего добраго, придется за «людьми» обратиться къ Бисмарку.

Не далѣе какъ на-дняхъ мнѣ привелось бесѣдовать съ однимъ почтеннымъ и знающимъ русскимъ джентльменомъ (по политическому убѣжденію «ротозѣемъ»), который на вопросъ мой, почему въ Россіи жалуются, что людей нѣтъ, объяснилъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее:

— Мы, милордъ, еще съ начала исторіи говорили, что людей нѣтъ. И теперь говоримъ...

— Да почему же?

— А потому, милордъ, что мы большіе трусы...

— Однако послѣдняя война и вообще войны...

— Я не о той трусости, я о гражданской трусости... Мы говорить

мастера... то и се... Это дома, а чуть выйдемъ на улицу — дѣло другое.

Надо замѣтить, что русскіе иногда очень любятъ бичевать себя, и мой другъ принадлежалъ къ числу таковыхъ «самобичующихъ ротозѣевъ».

— Но объясните мнѣ, пожалуйста, подробно, что за причина?

— Законъ привычки—надо думать... Мы вѣдь историческіе трусы и тяжелы на подъемъ, ну, и лѣнивы тоже. Знаете ли, иногда даже стыдно, какъ мы всего боимся. Повѣрите ли: давно ли мы боялись, даже больше мужика, всякаго городового, точно и въ самомъ дѣлѣ виноватые, а ужъ мужикъ ли не боялся?

— А теперь не боитесь?

— Теперь сказали: не бойтесь, мы какъ будто и не боимся, но все-таки...

— Но однако вы отклоняетесь отъ вопроса о «людяхъ»?—навелъ я моего собесѣдника на тему бесѣды.

— Напротивъ, вслѣдствіе этой боязни у насъ и людей нѣтъ.

— Однако какъ же людей нѣтъ. Вы, вѣрно, не читаете газетъ?

— Есть люди, конечно, но они рѣдки. Надо правду сказать, у насъ не часто попадаются сколько-нибудь независимые люди у дѣлъ. Имъ дѣлать нечего.

— Какъ такъ?

— А очень просто. Русская жизнь выкидываетъ вонъ изъ своего круга людей такого сорта и какъ бы говоритъ имъ: «Вы намъ не нужны!» Эта жизнь старается выкроить именно такихъ людей, которые или «спокойно зрятъ на правыхъ и виновныхъ», чувствуя по временамъ все-таки нѣкоторый разладъ и ссылаясь въ утѣшеніе на необходимость что-нибудь да дѣлать, или же съ отвагой нападаютъ и на правыхъ и на виновныхъ. Первые поровятъ пристроиться въ болѣе либеральныхъ службахъ, вторые—въ тѣхъ службахъ, гдѣ по преимуществу надо искоренять и разрушать, а не созидать. Но какъ тѣ, такъ и другіе опять-таки, въ сущности дѣла, принижены, и Боже сохрани, если они, находясь въ должностяхъ, коимъ по штату разсуждать отъ себя не полагается (а много ли должностей, гдѣ полагается?), преступятъ этотъ предѣлъ. Надъ всѣми, рѣшительно надъ всѣми виситъ дамокловъ мечъ, и если вглядѣться поглубже въ этотъ сумбурный кругъ, то вы увидите, милордъ, что каждый, свершающій пакость, свершаетъ ее какъ будто съ нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ, иногда даже ссылается на жену и дѣтей, а при случаѣ даже и на классиковъ, и всегда на приказаніе начальства. И тотъ, кто толчетъ воду въ ступѣ отъ 10 до 4 часовъ, и тотъ, кто въ тотъ же промежутокъ времени успѣетъ напугать десятка два людей, собственно говоря, не понимаютъ, во имя чего они все это дѣлаютъ. Они отбываютъ повинность безъ увлеченія, безъ нервовъ и иногда даже «искореняютъ» только потому, что приказано. Это—большинство, и скучающее индифферентное боль-

шинство. Были у насъ такіе, говорившіе еще недавно во всеуслышаніе съ циничнымъ апломбомъ, что лучше наказать 9 невинныхъ, чѣмъ выпустить изъ рукъ одного виновнаго, но справедливость требуетъ сказать, что, по счастью, такого сорта людей у насъ относительно мало. Большинство, какъ я выше сказалъ, все-таки ссылается на дѣтей и начальство при совершеніи накости.

Джентльменъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— А между тѣмъ всѣ, куда ни повернись, жалуются, что «людей» нѣтъ. И дѣйствительно, нѣтъ тамъ, гдѣ «людей» и не требуется, а требуется подобіе человѣка... «Человѣкъ» убѣгаетъ; одинъ забивается въ деревню, другой тянетъ канитель въ земствѣ, третій занимается какимъ-нибудь безобиднымъ лично для себя толченіемъ воды въ ступѣ въ видѣ составленія какихъ-нибудь отчетовъ, ни для кого не нужныхъ. «Человѣкъ» хочетъ скрыться, но въ послѣднее время онъ нигдѣ скрыться не могъ и чувствовалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь съ сапогами заберется въ его душу и станетъ теребить ее, если только вы подадите ему поводъ не считать васъ за негодяя...

— Но въ настоящее время, сколько кажется, будетъ обновленіе и въ людяхъ!—замѣтилъ я увлекающемуся моему другу. Нельзя же вдругъ...

— Разумѣется... разумѣется... Мы пришли, кажется, къ убѣжденію, что надо наконецъ что-нибудь сдѣлать... Времена серьезныя... Неурожаи...

— Вы говорите про неурожаи... Мнѣ объяснялъ одинъ чиновникъ, будто газеты преувеличиваютъ. Вовсе нѣтъ неурожаевъ!..

— Что вы... Что вы?.. Правительство не отрицаетъ этого... Мы именно переживаемъ такое время, когда недостатки, по свидѣтельству офиціальныхъ и частныхъ изслѣдователей, дошли, повидимому, до апогея. Мѣстные и общіе неурожаи сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ земледѣльческой странѣ, когда-то гордо называвшейся «житницей Европы». Она и теперь, пожалуй, житница, но на счетъ собственнаго желудка; у насъ на средняго жителя приходится всего около 3 гектолитровъ хлѣба. Правительство въ лицѣ комиссіи офиціально засвидѣтельствовало тяжесть, лежащую на крестьянскомъ сословіи, уже давно, но находится въ затрудненіи, какъ замѣнить источникъ, пополняющій нашъ громадный бюджетъ. Всѣ знаютъ это положеніе, и правительство и частные люди.

По свидѣтельству профессора Янсона, при «настоящихъ условіяхъ земледѣльческаго производства нѣтъ мѣста для прочнаго развитія народнаго благосостоянія», и едва ли онъ ошибается въ предположеніи, что населеніе Россіи въ настоящее время не только не увеличивается, а уменьшается.

Въ уменьшеніи этомъ, по мнѣнію почтеннаго статистика, повинна прежде всего постоянная сильная смертность, усиливающаяся временами, вслѣдствіе разныхъ эпидемій.

Но можетъ ли быть санитарная обстановка народнаго быта улучшена при 3-хъ гектолитрахъ, т. е. 11 четверикахъ съ небольшимъ, или четверти съ половиной, или $1^1/_2$ куля (скорѣе меньше) потребленія хлѣба на средняго жителя?

Мы перешли къ другимъ вопросамъ Я спросилъ мнѣніе моего русскаго друга насчетъ сенаторской ревизіи.

Вотъ что я услышалъ отъ него:

— Эти ревизіи не новость. Время отъ времени онѣ предпринимались и прежде, но особенно осязательныхъ результатовъ не приносили, хотя и наводили страхъ на губернскую администрацію, заставляя ее продѣлывать въ ожиданіи сенатора все то, что продѣлывалъ извѣстный гоголевскій городничій. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ожиданіе ревизіи колыхало губернскія пажити, какъ нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что сцены гоголевскаго «Ревизора» повторяются и теперь, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Случалось, что при старыхъ ревизіяхъ открывались злоупотребленія, но о нихъ публика только знала по слухамъ; результатомъ иногда бывали смѣны губернаторовъ и нѣсколькихъ чиновниковъ, нѣкоторое время губернія была въ смятеніи, но затѣмъ оно улеглось, и жизнь шла попрежнему. Ревизіи эти не касались, да по смыслу инструкцій и не могли касаться общаго положенія дѣлъ, и если наружу выплывали слишкомъ яркіе факты административнаго безпорядка, то изъ этого еще никакъ не слѣдовало, чтобы отъ прежнихъ посѣщеній ревизоровъ населеніе значительно выигрывало и чтобы гг. сенаторы могли ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что испытывало иногда населеніе. Во-первыхъ, Держиморды (такъ въ Россіи называли прежде старшихъ полисменовъ) всегда получали соотвѣтствующія приказанія, во-вторыхъ, русскій мужикъ боится начальства и жаловаться не пойдетъ, а въ-третьихъ, если и пойдетъ, то по отъѣздѣ сенатора съ жалобщикомъ можетъ повториться то, что было съ жалобщиками гоголевскаго «Ревизора». И наконецъ, нельзя же поголовно всему населенію явиться съ жалобами. Если бы возможно было гг. сенаторамъ пройти Россію съ одного конца до другого и подслушать настоящіе разговоры, то они, быть-можетъ, услышали бы то, чего и не ожидали. Но, къ сожалѣнію, въ наши времена арабскіе принцы, путешествующіе инкогнито, невозможны.

Если бы даже и нашелся такой сенаторъ, то съ нимъ могла бы повториться исторія оффенбаховскаго правителя въ «Периколѣ», а не то инкогнито попало бы въ кутузку по распоряженію перваго расторопнаго станового пристава за распространеніе пропаганды. Конечно, это было бы отчасти даже полезно въ томъ отношеніи, что почетному путешественнику пришлось бы познакомиться съ кутузкой, не прикрашенной въ ожиданіи высокаго посѣтителя, и испытать различные виды обхожденія собственнымъ опытомъ, но, какъ я уже замѣтилъ, «арабскіе принцы» въ настоящія времена едва ли возможны, и на-

конецъ едва ли найдутся лица, которыя бы пожелали ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, подвергаясь подобному риску.

Въ большинствѣ случаевъ прежнія ревизіи касались только чиновниковъ (возбуждая все-таки кое-какія надежды у наивно-вѣрующихъ обездоленныхъ людей) и составляли, такъ сказать, спеціально ихъ домашній вопросъ. Конечно, нѣкоторая «острастка» кое-что дѣлала, и въ этомъ смыслѣ нельзя отрицать нѣкоторой пользы этихъ наѣздовъ, но крайней мѣрѣ въ смыслѣ административнаго оживленія и нѣкотораго развлеченія для обывателей, глазѣвшихъ, какъ полисмены, одѣтые въ новые мундиры, озабоченно не знали, что дѣлать, какъ чистились улицы, присутственныя мѣста, и на время кипѣла неукротимая дѣятельность, имѣвшая въ виду «показать губернію» и по возможности обвести высокаго посѣтителя и «лабарданомъ» и «женскими прелестями»... словомъ, повторить старую русскую исторію. Но, случалось, сенаторъ лабардана не ѣлъ, къ женскимъ прелестямъ былъ равнодушенъ и дѣйствительно хотѣлъ разслѣдовать что-нибудь. Тогда прибѣгали къ другимъ мѣрамъ, разсчитывая, и не безъ основанія, что губернія нѣма, и что на вопросъ о довольствѣ, при помощи суфлеровъ, вооруженныхъ слишкомъ сильными кулаками, явится обычный отвѣтъ: «всѣмъ довольны». Впрочемъ, вопросъ о довольствѣ рѣдко и поднимался. Ревизіи всегда имѣли больше дѣла съ бумагами, чѣмъ съ живыми людьми, а бумага—всякій знаетъ—не всегда пропускаетъ слѣды слезъ и крови, прикрытыхъ канцелярскими чернилами.

— Но настоящая ревизія не похожа будетъ на старыя... По крайней мѣрѣ «Голосъ» говоритъ въ этомъ смыслѣ.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что гг. сенаторы, отправившіеся на ревизію, одушевлены самыми благими намѣреніями и что употребятъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для успѣшнаго выполненія ихъ миссіи. Когда въ печати пронеслись слухи о ревизіи, то «Голосъ» возложилъ на нее чрезмѣрныя надежды и хотѣлъ представить этотъ фактъ, какъ шагъ къ чему-то необыкновенно важному. По его мнѣнію, эта ревизія будетъ не простая сенаторская ревизія, а нѣчто особенное. Ревизоры будутъ облечены особыми полномочіями, до сихъ поръ небывалыми. «Новое Время» тогда же—и, по моему мнѣнію, справедливо — замѣтило невѣрность такой постановки вопроса, и дальнѣйшіе факты подтвердили мнѣніе газеты. Никакихъ особенныхъ полномочій гг. сенаторы не получили, а изъ бесѣды г. министра внутреннихъ дѣлъ ясно выразилась цѣль ревизіи—ознакомиться съ мѣстными нуждами.

Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстная доля пользы отъ ревизій будетъ. Чиновничество губернское подтянется, кое-что, лежащее подъ спудомъ, и откроется. Что же касается изученія мѣстныхъ нуждъ, то эта задача и очень сложная и очень легкая, какъ на нее взглянуть. И наконецъ мы столько изучали, что изъ этихъ изученій, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ, можетъ составиться громадная библіотека. Наконецъ

земства близко знаютъ мѣстныя нужды и неоднократно о нихъ заявляли, такъ что въ сущности ревизующимъ сенаторамъ придется слышать то, что они уже слышали и читали, о чемъ, быть-можетъ, и не разъ дебатировали въ комиссіяхъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что сенаторы лишній разъ повторятъ то, о чемъ уже не разъ повторяли земскія собранія и о чемъ неоднократно свидѣтельствовали труды, строго провѣренные, нашихъ лучшихъ изслѣдователей. Относительно роли губернской администраціи ревизія можетъ, конечно, сдѣлать не лишенныя интереса открытія, хотя едва ли новыя, такъ какъ и съ этой отраслью каждый изъ насъ знакомъ болѣе или менѣе по опыту. Изученіе едва ли прибавитъ что-нибудь существенно новое. Все, что оно можетъ сдѣлать непосредственно полезнаго—это встряхнуть губерніи, и съ этой стороны роль ея, хотя и скромная, во всякомъ случаѣ, какъ я говорилъ, не безполезна.

Газеты пока еще ничего существеннаго не сообщили о дѣйствіяхъ сенаторской ревизіи, назначенной для изслѣдованія мѣстныхъ нуждъ. Въ Кіевѣ открыта пропажа гербовой бумаги, вотъ пока и все.

Передавая мнѣнія русскаго моего друга, я, конечно, воздерживаюсь отъ какихъ бы то ни было сужденій. Полагаю, что мой русскій другъ нѣсколько мрачно смотритъ на дѣла, особенно если сравнить его взглядъ со взглядами нѣкоторыхъ русскихъ газетъ.

Впрочемъ, завтра я буду имѣть честь бесѣдовать съ однимъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ (по крайней мѣрѣ, такъ утверждаетъ одинъ мой пріятель, устроившій это свиданіе), который пригласилъ меня къ себѣ, узнавъ, что я интересуюсь русскими дѣлами. Взгляды его, конечно, будутъ интересны и, по всей вѣроятности, дадутъ болѣе вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ, тѣмъ болѣе, что людямъ государственнымъ извѣстно то, что неизвѣстно обыкновеннымъ смертнымъ.

Послѣ аудіенціи я буду на засѣданіи думы, и такимъ образомъ завтра мнѣ предстоятъ два удовольствія.—До слѣдующаго письма. Будь здорова и не забывай Джонни.

P. S. «Подуховное», кажется, идетъ на ладъ. Въ немъ есть и лѣсъ также. Боюсь, на него много конкурентовъ, но мой «джентльменъ» успокаиваетъ, а я съ своей стороны на счетъ «комиссіи» не стою.—Твой Джонни.

Письмо шестьдесятъ седьмое.

Дорогая Дженни!

Я чуть-было не сдѣлался невольной жертвой мистификаціи, принявъ высокопочтеннаго русскаго лорда, у котораго я провелъ вчера полтора часа, за важнаго сановника и государственнаго человѣка.

Ошибка моя была, впрочемъ, извинительна, такъ какъ лордъ, о которомъ идетъ рѣчь, оказался, какъ ты увидишь, человѣкомъ очень умнымъ и дальновиднымъ; но дѣло въ томъ, что онъ вовсе не у дѣлъ,

никакого вліянія не имѣетъ и, какъ здѣсь говорятъ, состоитъ на покоѣ. Страдая въ то же время тихимъ помѣшательствомъ (разсказываютъ, что вслѣдствіе непомѣрнаго честолюбія), онъ воображаетъ себя облеченнымъ большой властью, искренно увѣренный, что пользуется вліяніемъ на русскія дѣла, и что отъ него зависятъ судьбы Россіи.

Такъ какъ это помѣшательство никому никакого вреда не приноситъ, то старика не безпокоятъ, а онъ, человѣкъ очень богатый, окружилъ себя обстановкой, поддерживающей въ немъ его idée fixe. Натурально, родственники не хотятъ огорчать старика и дѣлаютъ все возможное, чтобы потѣшить больного.

Все это я узналъ отъ его домашнихъ и, признаюсь, сперва-было не повѣрилъ,—такъ логичны и здравы были многія сужденія этого страннаго человѣка. Во всякомъ случаѣ они достойны быть отмѣченными и переданы для свѣдѣнія мистеру Гладстону, какъ мнѣнія, хотя и не настоящаго государственнаго человѣка, но во всякомъ случаѣ обличающія государственный умъ. Что же касается до помѣшательства, то вопросъ о томъ, кто изъ людей не помѣшанъ, еще составляетъ открытый вопросъ науки.

Однако пора вернуться къ любопытному свиданію.

Ровно въ одиннадцать часовъ я во фракѣ, имѣя на груди звѣзду Льва и Солнца, а въ петлицѣ весьма красивый орденъ, пожалованный мнѣ княземъ Монако за кое-какія услуги, поднимался по широкой лѣстницѣ большого двухэтажнаго дома, находящагося въ одной изъ очень отдаленныхъ отъ центра улицъ.

Два усатыхъ человѣка, одѣтыхъ въ какую-то странную форму, смахивающую однако на военную, распахнули передо мной двери, и я очутился въ большой пріемной залѣ, гдѣ уже ожидало нѣсколько просителей и просительницъ (NB. Нечего, кажется, тебѣ объяснять, что эти просители и просительницы были наняты родными помѣшаннаго старика для устройства ежедневныхъ пріемовъ отъ одиннадцати до часу). Къ нимъ по очереди подходили два дежурныхъ секретаря (какъ оказалось, племянники лорда, получающіе за свои труды отъ дяди весьма приличное вознагражденіе, дающее имъ возможность ежедневно потѣшать старика) и совершенно серьезно отбирали прошенія, разспрашивая, въ чемъ состоятъ просьбы.

Когда очередь дошла до меня и высокій, очень худощавый и крайне мрачный на видъ молодой джентльменъ въ вицмундирѣ подошелъ и протянулъ руку за прошеніемъ, я отдалъ ему свою карточку и объяснилъ, что я не съ просьбой, а приглашенъ къ достойному лорду.

— Извините, милордъ! — произнесъ джентльменъ любезнѣйшимъ образомъ.—Къ моему огорченію, вамъ придется пять минутъ подождать. Только пять минутъ, никакъ не больше. Пожалуйста, присядьте.

Мрачный и желтый джентльменъ еще разъ улыбнулся и пошелъ далѣе. Ровно черезъ пять минутъ, когда изъ дверей кабинета вышелъ

какой-то генералъ (тоже родственникъ) съ портфелемъ въ рукахъ, джентльменъ-секретарь громко произнесъ:

— Милордъ! Пожалуйте.

Передъ самымъ входомъ въ кабинетъ, онъ тихо проговорилъ:

— Вы вѣдь знаете... Пожалуйста, не огорчите старика. Что дѣлать?

— О, будьте увѣрены.

Секретарь отворилъ дверь и пропустилъ меня въ кабинетъ.

Въ огромной комнатѣ, посреди которой стоялъ большихъ размѣровъ письменный столъ, сидѣлъ, наклонившись надъ бумагами, худощавый старикъ, съ красиво посаженной головой, окаймленной серебристыми волосами.

При моемъ появленіи онъ всталъ изъ-за стола (я невольно обратилъ вниманіе на его статную, красивую фигуру и на безукоризненный темно-коричневый сьютъ) и пошелъ ко мнѣ навстрѣчу легкой съ перевальцемъ походкой.

— Добро пожаловать, дорогой лордъ! — произнесъ онъ мягкимъ, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ, крѣпко пожимая мнѣ руку. — Добро пожаловать! Я очень радъ, что могу познакомиться съ однимъ изъ достойныхъ представителей великой націи, которую я глубоко уважаю.

Нечего объяснять, что красивый старикъ говорилъ на превосходнѣйшемъ англійскомъ языкѣ. Я постарался, насколько могъ, не остаться въ долгу и на его любезное привѣтствіе отвѣтилъ, что считалъ за особенное счастье быть у человѣка, имя котораго пользуется такою славою не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Эта невинная ложь произвела на старика, сколько я замѣтилъ, очень пріятное впечатлѣніе. На его блѣдно-желтомъ, покрытомъ глубокими морщинами, но все еще красивомъ лицѣ, обрамленномъ сѣдыми «министерскими» бакенбардами, появилась улыбка, и слабый румянецъ на минуту оживилъ щеки.

Вспомнивъ предостереженіе его родственниковъ, я взглянулъ въ его глаза. Въ нихъ не было, какъ мнѣ показалось, ничего безумнаго. Они свѣтились изъ глубокихъ впадинъ ровнымъ тихимъ блескомъ, по временамъ вспыхивая огонькомъ. Взглядъ этихъ темныхъ глазъ былъ сосредоточенный и умный, однако съ оттѣнкомъ лукавства. Надо еще замѣтить, что мой собесѣдникъ часто опускалъ глаза.

Между тѣмъ почтенный русскій джентльменъ усадилъ меня на диванъ, и послѣ нѣсколькихъ любезныхъ вопросовъ о томъ, нравится ли мнѣ въ Россіи, разговоръ нашъ принялъ серьезный характеръ *).

---

*) Переводя, какъ любопытный образчикъ свѣдѣній, сообщаемыхъ о Россіи иностранцами, разсказъ лорда Розберри объ этомъ свиданіи,—мы, признаться, склонны думать, что знатный иностранецъ сдѣлался жертвой шутки и, по всей вѣроятности, бесѣдовалъ не съ важной особой, а съ какимъ-нибудь шутникомъ, разыгравшимъ передъ англичаниномъ всю эту комедію.

Прим. переводчика.

Онъ говорилъ съ соболѣзнованіемъ о трудномъ положеніи, переживаемомъ теперь Англіей, и, между прочимъ, выразилъ удивленіе, что нашъ премьеръ медлитъ принять мѣры въ Ирландіи.

— Достоуважаемый мистеръ Глэдстонъ (онъ произносилъ имя нашего премьера на англійскій ладъ) безспорно замѣчательный государственный умъ, но, мнѣ кажется, онъ дѣлаетъ ошибку, допуская въ Ирландіи усиливаться недовольству. Прекращеніе habeas corpus и нѣсколько полковъ, казалось бы мнѣ, были бы своевременной мѣрой. Впрочемъ,—прибавилъ онъ скромно:—la critique est aisée, mais l'art est difficile. Мы это и у себя дома знаемъ. Во всякомъ случаѣ, я не могъ не выразить вамъ, милордъ, того искренняго сожалѣнія, которое возбуждаютъ во мнѣ ваши ирландскія дѣла. У насъ, къ сожалѣнію, были тоже свои заботы, но теперь, съ помощью Божьей, онѣ уничтожены и, я надѣюсь, больше не появятся, съ тѣхъ поръ, какъ объявлена новая эра.

— Я считаю долгомъ съ своей стороны замѣтить, милордъ, что въ послѣднее время восторженное настроеніе въ Россіи замѣтно бросается въ глаза!—проговорилъ я.

— Если Богъ поможетъ, восторгъ все будетъ усиливаться!

— Не сочтете ли вы за нескромный вопросъ, если я позволю себѣ спросить, какимъ образомъ вы разсчитываете достигнуть такихъ счастливыхъ результатовъ?

— О, я не скрываю своихъ картъ. Я человѣкъ безъ заднихъ мыслей и охотно сообщу вамъ мой планъ, тѣмъ болѣе, что онъ не новъ. Всѣ государственные люди, начиная съ Пуличинелло, Наполеона и кончая братьями Давенпортами, пользовались имъ. Во-первыхъ, надо замѣтить, что у насъ въ Россіи совсѣмъ особенныя условія, чѣмъ на Западѣ, и потому какія бы то ни было европейскія мѣры намъ непригодны и къ тому же несвоевременны. Мы еще молоды и живемъ всего съ небольшимъ тысячу лѣтъ.

Перечисленіе именъ государственныхъ людей вселило во мнѣ нѣкоторыя подозрѣнія, но дальше онъ продолжалъ опять разумно:

— Поэтому ближайшей нашей задачей будетъ привести общество въ восторженное состояніе, смягчить нравы полиціи—не скрою, что она не на высотѣ положенія!—и постепенно, не спѣша, приготовить страну къ переходу отъ восторга къ обычному расположенію духа.

Какъ видишь, Дженни, начало рѣчи было совершенно логично, а конецъ какъ будто свидѣтельствовалъ, что старикъ въ самомъ дѣлѣ тронутъ.

Я, разумѣется, не выказалъ удивленія и внимательно продолжалъ слушать.

— Наше общество въ сущности очень хорошее,—я въ этомъ убѣдился въ послѣднее время,—оно не испорчено и довѣрчиво, какъ невинный ребенокъ. Успокоить его не трудно. Оставляя въ сторонѣ из-

лишнюю скромность, могу сказать, что знаю средства. Средства эти не строгость, не страхъ, а ласка и обнадеживаніе. Доброе слово, одно доброе слово—и, смотришь, всѣ спокойны и... и... ждутъ жареныхъ рябчиковъ! — прибавилъ старикъ, какъ-то хитро прикрывая лѣвый глазъ, такъ что снова я затруднялся рѣшить, смѣется ли старикъ или нѣтъ.

— О, всѣ исполнены ожиданій...

— Умѣть заставить ждать—это и есть истинная государственная мудрость!

— Но, мнѣ кажется, долгое ожиданіе...

— Можетъ привести къ раздраженію?—перебилъ меня, оживляясь, старикъ.—Вы были бы правы, милордъ, если бы имѣли въ виду темпераментъ европейца. Но мы, русскіе, мы ждемъ, мы умѣемъ довѣрчиво ждать. Я вотъ десять лѣтъ жду лѣса въ Царствѣ Польскомъ и короны въ Болгарскомъ княжествѣ. Впрочемъ, что я говорю?—поправился бѣдный старикъ.—Я ничего не жду, и мнѣ ничего не надо. Такъ, видите ли, мы умѣемъ ждать, для этого надо только подогрѣвать время отъ времени. Кто умѣетъ подогрѣвать старое кушанье—тотъ, милордъ, лучшій политическій поваръ.

— Я слышалъ, предполагаются законы о печати?

— Какъ же будутъ, будутъ со временемъ.

— И скоро?

— Ну, вопросъ о времени — другой вопросъ. Что для васъ, англичанъ, тихо, для насъ скоро. Мы лѣнивы немного. Да и зачѣмъ скоро. Печать, слава Богу, насъ теперь критикуетъ свободно. Говори, но только не обобщай и не волнуй мечтами. Теперь время фактовъ и разбора старыхъ дѣлъ. Впрочемъ, журналисты вообще народъ воспріимчивый и иногда рисуютъ мрачныя картины. Вотъ, напримѣръ, объ общемъ экономическомъ положеніи глупости говорятъ. Ничего этого нѣтъ. Все, слава Богу, какъ должно. Годъ тяжелый—это правда, но вообще...

Вдругъ, Дженни, старикъ поднялся съ мѣста, подошелъ ко мнѣ (я заглянулъ въ его глаза и замѣтилъ въ нихъ что-то странное) и, потрепавъ фамильярно по плечу, проговорилъ:

— Да, клапяйтесь Глэдстону и скажите, что ему до нашего брата далеко. Очень далеко... Настоящей мудрости государственной у него нѣтъ. А главное не понимаетъ, что люди глупы и довѣрчивы. Не озлобляйте ихъ, а держите всегда въ надеждѣ. Слово ласки, новая форма полисменамъ, кофе журналистамъ и... вотъ вся мудрость науки...

Съ этими словами онъ заходилъ по кабинету и совсѣмъ неожиданно запѣлъ изъ «Каменнаго Гостя»:

Вѣдь я не го, не го, не го,
Не государственный преступникъ!

Ясно было, что на бѣднаго старика нашелъ припадокъ. Я, признаться, струсилъ, но по счастію пришелъ секретарь и доложилъ:

— Его сіятельство князь Бисмаркъ изъ Варцина.

Почтенный старикъ вдругъ пришелъ въ себя. Безумный блескъ исчезъ изъ его глазъ, и онъ, прощаясь со мной, самымъ любезнымъ образомъ выразилъ надежду, что я еще буду у него.

— Я объясню вамъ, милордъ, мои дальнѣйшіе планы, и вы увидите, что въ десять лѣтъ или я умру, или Россія будетъ первая держава въ мірѣ.

Въ эту минуту вошелъ въ залу толстый майоръ, котораго однако бѣдный старикъ, очевидно, принялъ за Бисмарка, такъ какъ бросился къ майору и встрѣтилъ его слѣдующими словами на нѣмецкомъ языкѣ:

— Великій учитель государственной мудрости. Добро пожаловать!

Я ушелъ, нѣсколько пораженный всѣмъ видѣннымъ. Секретарь подошелъ ко мнѣ и съ укоромъ замѣтилъ:

— Это вы, милордъ, раздражили нашего старика?

Я разсказалъ сущность нашего разговора.

— Странно. Но не спрашивали ли вы о срокѣ, въ который бѣдный дядя сдѣлаетъ Россію счастливой?

— Кажется, была рѣчь.

— Ну, такъ и есть!.. Когда его объ этомъ спрашиваютъ, съ нимъ дѣлаются припадки. Онъ, бѣдняга, думаетъ, что это такъ легко.

— Но въ его словахъ все-таки много проницательности! — замѣтилъ я.

— Еще бы. Если бы не его болѣзнь, то...

Мрачный джентльменъ на минуту остановился.

— То онъ въ самомъ дѣлѣ осчастливилъ бы Россію!—прибавилъ онъ.

На этомъ кончаю письмо. Не описываю тебѣ, Дженни, засѣданія въ думѣ. Надо дать уложиться впечатлѣніямъ, я вчера испыталъ столько впечатлѣній! Во-первыхъ, бесѣдовалъ съ страннымъ русскимъ лордомъ, а вечеромъ слушалъ столько чудныхъ рѣчей. Особенно хорошо говорили замѣчательные ораторы Михельсонъ, Санъ-Галли, Позднякъ и баронъ Фредериксъ.

Объ ихъ рѣчахъ сообщу въ будущемъ письмѣ. Будь здорова.

P. S. Если не «подуховное», то лѣсъ!

Письмо шестьдесятъ восьмое*).

Дорогая Дженни!

Я не разъ высказывалъ и въ письмахъ и въ частныхъ бесѣдахъ завистливое удивленіе передъ драгоцѣнной способностью русскихъ рѣ-

*) Нѣсколько писемъ, слѣдующихъ между послѣднимъ и нынѣ предлагаемыми, потеряны при пересылкѣ ихъ изъ Лондона, по винѣ нашего корреспондента, получающаго ихъ въ копіи отъ супруги почтеннаго лорда.

шать въ иныхъ случаяхъ не только частныя, но и общественныя затрудненія съ невѣроятной быстротой. Ты, конечно, очень хорошо понимаешь, Дженни, что, заявляя объ этомъ, я имѣю въ виду рѣшенія лишь въ планахъ, проектахъ и мечтахъ, которыми занята русская печать такъ - называемаго «московскаго» направленія. Тутъ прилично, мнѣ кажется, замѣтить, Дженни, что печатью «московскаго» направленія въ Россіи называются такіе органы, которые держатся во всей строгости принципа: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть» *) и, исходя изъ него, какъ изъ основного положенія, въ стройной послѣдовательности проводятъ его въ дальнѣйшемъ развитіи и затѣмъ формулируютъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, число которыхъ колеблется обыкновенно между тремя и десятью—не болѣе. Ниже я приведу тебѣ и самые пункты, а теперь замѣчу только, что вышеупомянутые джентльмены печати даже и меня, знакомаго съ нравами этой страны достаточно, каждый новый разъ ставятъ втупикъ и простотой, и быстротой, и энергіей своихъ рѣшеній по поводу вопросовъ, казалось бы, весьма деликатныхъ и требующихъ весьма обстоятельнаго обсужденія.

По своему обыкновенію, я крайне внимательно слѣжу за русской прессой, и высказанное заключеніе есть результатъ моихъ долгихъ наблюденій. Изъ нижеслѣдующаго ты убѣдишься, что я недаромъ питаю такую любовь къ русскимъ и восхищаюсь многими ихъ достоинствами, хотя не скрываю, конечно, и частныхъ недостатковъ. Къ числу послѣднихъ надо, разумѣется, отнести и нѣкоторую уклончивость, если можно такъ выразиться, обнаруживаемую незначительной частью печати; и потому, имѣя въ виду познакомить тебя съ планами русской печати, я по неволѣ долженъ ограничиться лишь проектами печати московскаго направленія.

Я въ послѣднее время бесѣдовалъ съ однимъ петербургскимъ журналистомъ и очень интересовался узнать: почему именно одни изъ нихъ рѣшительно и откровенно занимаются проектами, тогда какъ другіе такъ же рѣшительно и откровенно уклоняются отъ проектовъ, и почему чѣмъ громче и откровеннѣе высказываются одни, другіе, наоборотъ, упорнѣе и упорнѣе продолжаютъ изслѣдовать спеціальные вопросы по сельскому хозяйству и преимущественно по овцеводству, шелководству, винодѣлію и т. п.

Къ моему крайнему сожалѣнію, русскій джентльменъ не могъ дать мнѣ на этотъ счетъ вполнѣ основательныхъ объясненій. Съ тою же манерой, съ какою онъ говоритъ въ своей газетѣ о джутовыхъ мѣшкахъ (вопросъ этотъ очень занималъ одно время газеты), названный джентльменъ, вмѣсто объясненій, издавалъ какіе-то неопредѣленные звуки, такъ что я, подозрѣвая, что меня не вполнѣ понимаютъ, дол-

*) Очевидно, знатный иностранецъ придаетъ русской поговоркѣ слишкомъ широкое значеніе.

Прим. переводчика.

женъ былъ прибѣгнуть къ способу, употребляемому корреспондентами, когда они являются къ высокопоставленнымъ лицамъ, и сталъ задавать ему вопросы. Разговоръ нашъ подъ конецъ принялъ такую форму:

— Находите ли вы мнѣнія и проекты вашихъ собратовъ вполнѣ отвѣчающими интересамъ вашей страны?

— Гмм... Какъ вамъ сказать... Съ одной стороны...

Онъ, очевидно, колебался. Тогда я перемѣнилъ форму вопроса.

— Думаете ли вы, что лѣкарства, предлагаемыя въ печати, вполнѣ радикальны, или кажется вамъ, что потребны болѣе радикальныя средства, и если потребны, то какія именно?..

Опять, вмѣсто отвѣта, Дженни, я услышалъ какое-то неопредѣленное: «гмм».

— Вы не хотите отвѣчать?—спросилъ я.

— Когда-нибудь въ другой разъ, милордъ, я буду имѣть честь объяснить вамъ, а теперь мы нашимъ разговоромъ можемъ обратить на себя общее вниманіе...

Я и забылъ сказать тебѣ, Дженни, что разговоръ нашъ происходилъ въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ.

— Мнѣ кажется,—возразилъ я:—тѣмъ лучше, такъ какъ мы можемъ такимъ образомъ узнать мнѣніе и другихъ лицъ...

— О, къ чему же... къ чему же!—проговорилъ уклончивый джентльменъ и выказалъ такое очевидное нежеланіе продолжать этотъ разговоръ, что я, признаюсь, искренно пожалѣлъ, что взволновалъ бѣднаго джентльмена.

— Мы, милордъ, когда-нибудь... знаете ли... впослѣдствіи, если васъ такъ интересуютъ наши дѣла.

И съ этими словами онъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно ушелъ...

Возвращаясь къ планамъ, предлагаемымъ многими газетами для быстраго очищенія страны отъ всякихъ золъ и для водворенія въ кратчайшій срокъ (нѣкоторые, Дженни, гарантируютъ даже, что двадцатичетырехчасовой срокъ болѣе чѣмъ достаточенъ) благоденствія, — я долженъ раздѣлить ихъ всѣ на три категоріи. Къ первой—относятся проекты частныхъ мѣръ, ко второй — проекты мѣръ смѣшанныхъ, и наконецъ къ третьей — проекты общихъ мѣръ. Но прежде всего слѣдуетъ, Дженни, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, оговориться, что предложенные за послѣднее время проекты являются плодами собственной иниціативы и вовсе не вызваны какими-либо предложеніями со стороны правительства и, какъ ты догадаешься сама, ничего не имѣютъ общаго съ практическимъ ихъ осуществленіемъ. Это мечты вслухъ и только, хотя и мечты, имѣющія однако, по моему скромному мнѣнію, несомнѣнное значеніе, какъ характеристика нравовъ. Только съ этою цѣлью—изученія особенностей русской самодѣятельности — я и приведу тебѣ, дорогая Дженни, сущность проектовъ по всемъ тремъ категоріямъ, при чемъ постараюсь расположить ихъ въ такомъ порядкѣ,

чтобы ты могла на примѣрахъ видѣть послѣдовательно развивавшуюся быстроту и энергію русскихъ публицистовъ, а равно и ихъ несомнѣнно здравый смыслъ или, какъ они выражаются, самобытность, являемую при добрыхъ намѣреніяхъ уничтожить зло и, въ свою очередь, помочь въ умиротвореніи ихъ великой страны, подвергшейся тяжелымъ испытаніямъ и потрясеніямъ.

Хотя всѣ планы, которые являются теперь на столбцахъ газетъ, и заслуживаютъ одинаковаго вниманія, но подробное перечисленіе ихъ, при всемъ желаніи, затрудняетъ меня: во-первыхъ, оно отняло бы много мѣста, а во-вторыхъ, пришлось бы поневолѣ повторять одно и то же, такъ какъ, отличаясь другъ отъ друга оттѣнками, въ общемъ они имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Вотъ почему я и ограничусь изложеніемъ вкратцѣ лишь нѣкоторыхъ, группируя нѣсколько плановъ, мало другъ отъ друга отличающихся, въ одинъ, но, разумѣется, не посягая на ихъ сущность.

Оговорившись такимъ образомъ, дабы ты не заподозрѣла меня, по обыкновенію, въ черезчуръ большомъ восхищеніи передъ всѣмъ русскимъ, отмѣчу нижеслѣдующіе проекты, предложенные печатью, но, конечно, оставшіеся лишь на страницахъ газетъ.

А) *Конфискація домовъ.* Планъ этотъ былъ разработанъ въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ. Отличаясь несомнѣннымъ остроуміемъ и краткостью мотивовъ, онъ однако грѣшитъ нѣкоторой неполнотой въ деталяхъ, такъ что требуетъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ разъясненій. Несмотря однако на неполноту, этотъ планъ имѣетъ за собой то достоинство, что состоитъ всего изъ трехъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Всякій домъ, въ которомъ окажется живущимъ лицо подозрительное, конфискуется въ пользу газеты, репортеръ которой откроетъ присутствіе подозрительнаго жильца. При этомъ четвертая часть конфискованнаго имущества поступаетъ въ пользу газеты и $^1/_{100}$ въ пользу репортера *). 2) Владѣльцы такихъ домовъ лишаются права на какую бы то ни было жалобу, и 3) Въ случаѣ протеста — они заключаются въ смирительный домъ **).

При смятеніи и тревогѣ, царствующей въ настоящее время въ умахъ, ты поймешь, Дженни, что всякій, самый невѣроятный слухъ, всякое баснословное извѣстіе падаютъ на воспріимчивую почву, и публика, нервы которой натянуты до послѣдней степени, съ жадностью накидывается на все, что имъ сообщаютъ подъ рубрикой «достовѣрныхъ источниковъ». Трудно тебѣ передать, Дженни, всю эту массу извѣстій, одно другому противорѣчащихъ, и весь этотъ нескончаемый рядъ слуховъ, которыми въ послѣднее время была полна большая часть га-

*) Подобный проектъ былъ напечатанъ, но мы нигдѣ не читали о конфискаціи въ пользу газетъ.

**) Наказаніе тоже, сколько помнится, не было точно опредѣлено.

Прим. переводчика.

зетъ. Одушевленные, конечно, намѣреніями удовлетворить нервному любопытству публики, нѣкоторые органы печати опубликовывали нерѣдко фамиліи лицъ, приписывая имъ тѣ или другія ужасныя преступленія, и послѣ, когда оказывалось, что сообщенія невѣрны, что лица, о которыхъ газеты сообщали во всеобщее свѣдѣніе, такъ же виноваты, какъ мы съ тобой,—тогда обыкновенно кратко замѣчали, что ошиблись, и на другой день точно такъ же начинали ошибаться. Признаюсь, Дженни, каждый репортеръ могъ причинить большія нравственныя терзанія, и если бы, напримѣръ кто-нибудь захотѣлъ насолить мнѣ, знатному иностранцу, то это было бы такъ же легко, какъ легко выпить рюмку хорошаго sherry. Конечно, русскія газеты воспользовались правомъ свободной печати открывать преступниковъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что правомъ своимъ они злоупотребляли даже болѣе, чѣмъ слѣдовало въ интересахъ розничной продажи.

Когда планъ о конфискаціи домовъ появился въ газетахъ, то, натурально, на многихъ домохозяевъ онъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе, поставивъ втупикъ особенно тѣхъ, которые вѣрятъ каждой печатной строкѣ, воображая съ наивностью, нерѣдко отличающею русскаго человѣка, будто бы то, что предлагается въ газетѣ, является не свободнымъ изложеніемъ мыслей свободно высказывающагося русскаго журналиста, а отголоскомъ, будто бы исходящимъ изъ сферъ практическихъ. Ты, слѣдовательно, вообразишь себѣ, Дженни, что испытали господа домохозяева въ виду предложенной мѣры и въ виду нѣкоторой трудности, по крайней мѣрѣ для лицъ, незнакомыхъ съ наукой глазомѣрной съемки, опредѣлить на глазомѣръ степень подозрительности, особливо при аккуратномъ взносѣ квартирной платы. Впрочемъ, какъ мнѣ говорили, нѣкоторые рѣшили вопросъ съ простотой и энергіей, не оставлявшими мѣста ни для какихъ сомнѣній. Рѣшивши, что всякій учащійся есть лицо подозрительное, нѣкоторые домохозяева потребовали очищенія домовъ отъ студентовъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ передавали люди, заслуживающіе довѣрія, что такіе примѣры были; но едва ли ихъ было много, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, всѣ учащіеся должны были бы расположиться лагеремъ на площадяхъ или же выбыть изъ города. Въ интересахъ истины обязанъ заявить, что палатокъ по площадямъ не видалъ, хотя одинъ репортеръ,—тотъ самый, который, при моемъ пріѣздѣ въ Россію, зарабатывалъ на мнѣ, какъ онъ утверждалъ, отъ 5 до 10 рублей, сообщая вымышленные разговоры, будто бы происходившіе между нами, — и клялся, что видѣлъ на Конной площади разбитыя палатки, въ которыхъ помѣщались студенты. Очевидно, мой репортеръ вралъ, но въ послѣдніе дни имъ, бѣднымъ, приходилось такъ врать (тѣмъ болѣе, что и гонораръ, какъ мнѣ передавали, былъ усиленный), что они совершенно искренно не различали дѣйствительности отъ фантазіи, тѣмъ болѣе, что и редакціи болѣе распространенныхъ газетъ не претендовали на большую разбор-

чивость и разсказывали въ своихъ органахъ не только то, что происходило на небѣ, руководствуясь не астрономіей, а энциклопедическимъ: «намъ сообщаютъ»...

Такъ, однажды я прочелъ, будто кто-то сообщилъ, что луна измѣнила свой обычный блѣдный цвѣтъ и свѣтится голубымъ цвѣтомъ съ оттѣнкомъ фіолетоваго, и что, кромѣ того, на небѣ появились новыя планеты, имѣющія сходство съ большими крысами *), а по другимъ источникамъ—съ рябчиками.

Встрѣтивши на другой день на улицѣ стремящагося куда-то извѣстнаго мнѣ джентльмена, поставляющаго, по увеличенному гонорару, слухи и извѣстія, я остановилъ его (онъ, по прежней памяти къ бывшему источнику дохода, оказывалъ мнѣ свое благосклонное вниманіе) и спросилъ:

— Какія новыя планеты, сэръ, появились на небѣ?

— Двѣ!—не задумываясь, отвѣчалъ джентльменъ, бросая на меня быстрый взглядъ.—Онѣ очень ясно видны въ 2 ч. 15 м. ночи...

— Вы видѣли?..

— Надѣюсь, милордъ, иначе развѣ бы я сталъ сообщать въ газеты,— категорически проговорилъ джентльменъ.—Одна похожа на крысу, а другая на птицу... Я точно наблюдалъ и, по тщательномъ разсмотрѣніи, нашелъ, что птица эта имѣетъ большое сходство съ вологодскимъ рябчикомъ...

— А цвѣтъ луны?..

— Голубовато-фіолетово-блѣдно-желтый. Самъ видѣлъ!..

Съ этими словами джентльменъ хотѣлъ-было стремиться далѣе, но, какъ бы внезапно осѣненный новой мыслью, проговорилъ:

— А вы, милордъ, не изволили ничего слышать новаго?..

— Нѣтъ, ничего особеннаго.

— Въ Екатерининскомъ каналѣ найденъ складъ ружей...

— Въ каналѣ?

— Очевидно, брошены. И ружья англійской системы, милордъ!.. Клейма, милордъ, клейма... Смитъ и К°. Самъ разбиралъ!

Я не сомнѣвался, что всѣ эти новости зародились у моего собесѣдника внезапно, но, признаюсь, его утвержденіе объ англійскихъ клеймахъ меня смутило, тѣмъ болѣе, что около насъ уже начала собираться публика.

— Англійскія, милордъ, клейма... Если угодно, я вамъ разскажу подробно, но я чертовски голоденъ и спѣшу завтракать...

---

*) Небесныя явленія хотя и описывались въ газетахъ, но о появленіи новыхъ планетъ, похожихъ на крысъ или рябчиковъ, сколько помнится, не констатировалось. Передавая газетныя извѣстія, почтенный лордъ, по всей вѣроятности, пользовался газетами, которыхъ мы не читали, и потому оставляемъ это извѣстіе на его отвѣтственности.

Прим. переводчика.

Я понялъ все и повелъ моего благороднаго друга въ ресторанъ. Тамъ, предложивши завтракъ репортеру, я выслушалъ множество басенъ, но передавать ихъ не стану. Замѣчу только, что, послѣ двухъ бутылокъ вина, онъ весело смѣялся надъ обнаруженной мной пугливостью, когда онъ громко напиралъ на англійскія клейма. Онъ добродушно смѣялся и весело объяснялъ мнѣ, что насчетъ англійскихъ клеймъ пошутилъ, что собственно говоря найденъ не складъ ружей, но одно ружье, а, впрочемъ, онъ удостовѣрить и одного ружья не можетъ, не справившись въ записной книжкѣ. Затѣмъ, поблагодаривъ за завтракъ, онъ раскланялся, говоря, что спѣшитъ въ редакцію.

Я отвлекся, Дженни, отъ цѣли настоящаго моего письма—передать тебѣ выдающіеся планы, но сдѣлаю это въ другомъ письмѣ, а теперь отрываюсь, такъ какъ обѣщалъ быть у одного русскаго пріятеля, большого чудака и интереснаго скептика. Этотъ джентльменъ очень любитъ вспоминать старое и нерѣдко разсказываетъ мнѣ эпизоды изъ своихъ воспоминаній, чувствуя ко мнѣ, какъ онъ говоритъ, нѣкоторую слабость.

Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю о «Товариществахъ взаимнаго самонаблюденія», а пока замѣчу, что планы товариществъ выработаны съ большею основательностью, чѣмъ вопросъ о конфискаціи домовъ. До слѣдующаго письма. Твой Джонни.

Письмо шестьдесятъ девятое.

Дорогая Дженни!

Я засталъ моего знакомаго въ томъ настроеніи, которое мы называемъ сплиномъ. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, угрюмый, и передъ нимъ лежалъ ворохъ газетъ. Этотъ русскій джентльменъ, человѣкъ немолодой, солидный и имѣющій, повидимому, всѣ данныя, чтобы быть полезнымъ членомъ общества (хотя онъ ровно ничѣмъ не занимается), не только не сообщилъ мнѣ ни одного собственнаго проекта (къ чему русскіе имѣютъ большую страсть), а, напротивъ, жаловался, что его соотечественники обнаруживаютъ такую неумѣренность въ проектахъ. Несмотря на мое желаніе навести его на бесѣду о положеніи дѣлъ, онъ по обыкновенію упорно отмалчивался ограничиваясь разговорами о прошломъ...

— Вамъ, милордъ, быть-можетъ, скучно,—проговорилъ онъ.—Вы тоже, быть-можетъ, пріѣхали за новостями ко мнѣ!.. — прибавилъ онъ какъ-то грустно.

Я невольно покраснѣлъ.

— Я новостей никакихъ не знаю!.. Ничего не знаю!—проговорилъ онъ нѣсколько разъ.—Знаю только, что можно сойти съ ума отъ всего этого!—прибавилъ онъ, указывая на ворохъ газетъ.—А умъ?.. Гдѣ умъ у людей? Точно безуміе какое-то напало на нихъ... Знаете ли, иной разъ, когда читаешь газеты, думаешь, что попалъ въ сумасшед-

шій домъ... Иногда просто сомнѣваешься... Совсѣмъ сомнѣваешься въ человѣческой сообразительности... Они думаютъ...

Онъ замолчалъ и сталъ быстро ходить по комнатѣ. На его лицѣ бродила печальная улыбка... Я часто видалъ этого джентльмена мрачнымъ, но *такимъ*—никогда. Я всегда удивлялся, что онъ—человѣкъ образованный—ничего не дѣлаетъ, и онъ всегда на мои вопросы по этому поводу отвѣчалъ съ какой-то злостью. Вообще этотъ русскій былъ для меня загадкой. Я слышалъ, что въ молодости онъ жилъ въ провинціи, былъ педагогомъ, земскимъ дѣятелемъ и очень виднымъ лицомъ въ своей мѣстности, но впослѣдствіи бросилъ занятія и съ тѣхъ поръ живетъ уединенно, довольствуясь процентами съ маленькаго капитала, оставленнаго ему покойнымъ его отцомъ.

Всѣ эти мысли пробѣгали въ моей головѣ, когда онъ молча ходилъ по кабинету, и я было-хотѣлъ оставить его одного, какъ онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и началъ:

— Вы, милордъ, иностранецъ и не можете вполнѣ понять насъ... Не можете... Мы вѣдь и плачемъ порывами и смѣемся порывами... Все у насъ порывъ... И только порывъ. Почему это такъ?—я говорить не стану. Я, вы знаете, вообще о современныхъ дѣлахъ и говорить не люблю, да и что-то не понимаю ихъ... Очень ужъ трудно понять... Мнѣ вотъ и теперь приходитъ на память давно-прошедшее время... впрочемъ, что васъ занимать воспоминаніями...

— О, пожалуйста... Я радъ васъ послушать...

— Ну, тогда... я разскажу вамъ страничку изъ нашего прошлаго... Отрывокъ изъ личныхъ воспоминаній того времени, когда подъ грохотъ севастопольской канонады мы прозрѣли... когда... Но вамъ-то, вамъ-то, иностранцу, какое до этого дѣло?—вдругъ спросилъ чудакъ.—А впрочемъ, слушайте, коли хотите!.. Но только не удивляйтесь несвязности моей рѣчи... Мы не англичане и говорить хорошо не умѣемъ... т. е. не то что хорошо—это не настоящее слово... а впрочемъ, къ чему предисловіе?..

Онъ усѣлся въ кресло и началъ...

Почтенный хозяинъ увлекся, вспоминая то время... Глаза его блистали... Онъ весь былъ одушевленъ...

Онъ всталъ изъ-за стола, закурилъ сигару и собирался-было продолжать, какъ вдругъ раздался звонокъ, заставившій его вздрогнуть. Тотчасъ же настроеніе его измѣнилось, и я отъ души, Дженни, вознегодовалъ на посѣтителя, помѣшавшаго нашей бесѣдѣ...

Въ кабинетъ вошелъ гость—родственникъ хозяина, но тѣмъ не менѣе бесѣда была уже невозможна. Я собрался уходить и могъ утѣшиться, впрочемъ, обѣщаніемъ почтеннаго хозяина, даннымъ мнѣ при прощаніи, когда-нибудь окончить свой разсказъ.

— Тогда,—прибавилъ онъ:—вы, быть-можетъ, поймете, милордъ, почему я мало-по-малу дошелъ до того, что лишился своего «мѣста

въ природѣ», и почему вообще между нами, русскими, такъ много лѣнтяевъ!

Я поблагодарилъ за обѣщаніе и отъ души пожалъ руку этому странному джентльмену. Такой типъ людей встрѣчается, Дженни, сколько я могъ наблюдать, только въ Россіи, и я нерѣдко старался выяснить себѣ—вслѣдствіе какихъ условій типъ этотъ здѣсь распространенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой гостепріимной странѣ не рѣдкость встрѣтить весьма достойныхъ, образованныхъ людей, искренно желающихъ посвятить свои силы общественному дѣлу,—въ полномъ бездѣйствіи и, наоборотъ, множество менѣе достойныхъ джентльменовъ, которые легко находятъ себѣ занятія и приложеніе своимъ способностямъ на общественной аренѣ. Сперва я предполагалъ, что происходитъ это по недостатку занятій, но вскорѣ пришлось объясненіе это счесть неосновательнымъ, такъ какъ здѣсь постоянно слышишь жалобы, что «людей» нѣтъ... Куда именно запрятались «люди»—вотъ вопросъ, Дженни, который интересуетъ очень многихъ въ Россіи. Не считая себя въ правѣ, въ качествѣ иностранца, рѣшить этотъ вопросъ, я могу только отмѣтить фактъ, и если соберу довольно данныхъ по этому предмету, то въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ постараюсь передать, гдѣ скрываются въ Россіи люди, въ которыхъ, по заявленію русскихъ, чувствуется будто бы недостатокъ.

Однако письмо мое вышло черезчуръ длинно *), и я боюсь, что ты, Дженни, начинаешь скучать. Будь здорова, и да хранитъ тебя Богъ, какъ хранитъ Онъ доселѣ и меня.

Письмо семидесятое.

Дорогая Дженни!

Въ послѣднемъ твоемъ письмѣ, полученномъ, какъ и слѣдовало, на пятый день, ты, между прочимъ, задаешь мнѣ множество вопросовъ, на которые, при всемъ своемъ желаніи, я не могу отвѣчать съ той обстоятельностью, къ какой обязываетъ меня наша англійская добросовѣстность... Конечно, я бы могъ сообщать тебѣ множество слуховъ и пересказывать массу извѣстій, которые ежедневно и слышишь и читаешь въ газетахъ, но я уже сообщалъ тебѣ, какъ трудно довѣрять слухамъ, и потому дѣлать какія-либо заключенія, основываясь на нихъ, было бы дѣломъ крайне рискованнымъ. Правда, здѣсь всѣ любятъ знакомиться съ политикой по слухамъ—такова у русскихъ привычка!—но вслѣдствіе подобной системы выходитъ то, что русскіе встаютъ, если можно такъ выразиться, съ одной политикой, а ложатся съ другой, не говоря уже, что въ теченіе дня они перемѣнятъ столько политикъ, сколько наслышатся въ день устныхъ преданій.

*) По-англійски письмо было длинно, но въ переводѣ оно стало значительно короче вслѣдствіе большей сжатости русскаго языка.

Прим. переводчика.

Могу съ достовѣрностью сообщить тебѣ только, что извѣстный публицистъ русскій, Аксаковъ, дѣйствительно пріѣзжалъ въ Петербургъ и на митингѣ произнесъ рѣчь. Что же касается до перенесенія столицы, то вопросъ этотъ дѣйствительно поднимался въ газетахъ, но скоро что-то исчезъ съ газетныхъ столбцовъ. Правда, москвичи очень стояли за Москву и выхваливали свой городъ, съ понятнымъ увлеченіемъ. По словамъ московскихъ публицистовъ, лучше Москвы нѣтъ города въ мірѣ, и если вѣрить имъ, то Москва есть, какъ здѣсь говорятъ, «пупъ земли»; на это нѣсколько сконфуженный Петербургъ въ лицѣ своихъ публицистовъ скромно возражалъ, что Москва, хотя и имѣетъ за собой много достоинствъ, но что она старушка не особенно чистоплотная,—не обошлось безъ намековъ на мостовыя и на спеціальные запахи Москвы,—и что очень привержена къ старинѣ, при чемъ напомнили ей кое-что изъ средней исторіи. Давнишній споръ между Петербургомъ и Москвой возгорѣлся-было снова, при чемъ Москва не щадила Петербурга и награждала его разными прилагательными, при чемъ такія, какъ «бездушный», «изолгавшійся», «фальшивый» были самыми деликатными,—но затѣмъ оба города замолчали. Надо думать, что кто-нибудь изъ публицистовъ порекомендуетъ, въ свою очередь, Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ, Ярославль и т. д. *).

Вначалѣ, несмотря на свои преклонныя лѣта, Москва очень горячилась. И «Моск. Вѣд.», органъ извѣстнаго русскаго публициста г. Каткова, и «Русь», органъ г. Аксакова, и «Современныя Извѣстія», газета г. Гилярова-Платонова, дружно отстаивали права Москвы. Вотъ что̀ писалось въ тѣ дни по этому вопросу, кромѣ доказательствъ, что «Москва»—«пупъ земли».

«Здѣсь,—писали, между прочимъ, «Совр. Изв.»:—гдѣ собиралось наше государство и возносилась надъ всякою властью и утверждалась верховная власть, здѣсь, въ Кремлѣ, полномъ священныхъ преданій, призраки исчезнутъ, навожденіе прекратится и наше мнѣніе исцѣлится. Здѣсь иная нравственная атмосфера, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ господствуетъ по преимуществу нашъ офиціальный міръ, гдѣ зло родилось и питается, гдѣ оно, главнымъ образомъ, сосредоточено. Отсюда, и только отсюда, могутъ быть успѣшно приняты мѣры къ очищенію русской земли. Здѣсь только власть можетъ возъимѣть свое полное и благотворное дѣйствіе, которое всѣхъ успокоитъ, подниметъ поникшій въ народѣ духъ, оживитъ и укрѣпитъ все здравомыслящее и честное на Руси».

«Русь» съ еще большей энергіей громила Петербургъ и, объясняя добродѣтели Москвы, говорила, между прочимъ, такъ:

*) Предположенія знатнаго иностранца оправдались. Въ «Кіевлянинѣ» уже рекомендовался Кіевъ, какъ имѣющій самыя неоспоримыя права на званіе столичнаго города.

Прим. переводчика.

«Но трудно въ ежедневности уклониться отъ воздѣйствія окружающей умственной среды, особенно же въ Петербургѣ, гдѣ нѣтъ, какъ въ Москвѣ, нѣмыхъ, но вѣщихъ памятниковъ до-петровской старины, гдѣ не приходится непремѣнно считаться (чего въ Москвѣ нельзя миновать) хоть бы только съ церковною и наружною бытовою стихіей. Трудно лучу истиннаго свѣта и правдивому народному голосу пробиться сквозь этотъ заслонъ, эту толщу лжи, фальши, извращеній всяческаго рода, которая заститъ свѣтъ и глушитъ слово правды. Чиновники и такъ-называемые литераторы, или неслужащая, профессіональная интеллигенція, чуждая самыхъ основъ народнаго духа, — бюрократизмъ и доктринерскій либерализмъ или либеральничающій бюрократизмъ и бюрократическій либерализмъ насѣдаютъ со всѣхъ сторонъ и давятъ мнимою силою мнимаго общественнаго мнѣнія! Вотъ въ томъ и опасность, чтобы марево не было принято за правду, чтобы гамъ, гулъ, крики петербургски-«интеллигентной» и «либеральной» среды не были возведены на степень «выраженія мысли, нуждъ и потребностей» русской земли. Вотъ почему такъ и желаетъ пламенно русскій народъ видѣть вполнѣ свободной отъ всякихъ чуждыхъ исторіи и народному духу вѣяній и воздѣйствій, и крѣпче, чѣмъ когда-либо, утвердить на камнѣ любви и народныхъ историческихъ преданій и заповѣдей, на истинно-земской основѣ и т. д.».

Изъ этихъ отрывковъ ты, Дженни, можешь видѣть, до какой степени московскіе публицисты унижаютъ Петербургъ, и если послѣ всего того, что̀ писалось, Петербургъ не провалился отъ стыда сквозь землю, то, вѣроятно, въ немъ и въ самомъ дѣлѣ есть немалая доля безстыдства. Впрочемъ, русскіе, какъ ты знаешь, любятъ браниться, тѣмъ болѣе, что «брань на вороту не виснетъ», по словамъ ихъ поговорки.

Я не разъ писалъ уже тебѣ, дорогая Дженни, что здѣсь вообще принято говорить отъ лица всей Россіи и отъ имени народа. Это—одна изъ обычныхъ формъ выраженія, практикуемая русскими публицистами. Какое бы мнѣніе ни выразилъ русскій литераторъ (я говорю, конечно, о большинствѣ), онъ постоянно прибавляетъ, что его мнѣніе есть мнѣніе русскаго народа. Поэтому, Дженни, являются иногда курьезныя противорѣчія; всѣ говорятъ о розни, существующей между русской интеллигенціей и народомъ, и говорятъ, какъ мнѣ кажется, не всегда безъ основанія, но чуть дѣло коснется писанія передовыхъ статей, то рознь какъ будто пропадаетъ, такъ какъ каждый публицистъ, заявляя отъ имени страны, этимъ самымъ доказываетъ, что онъ отлично знаетъ интересы и нужды всей страны и мнѣнія ея по всѣмъ вопросамъ и, слѣдовательно, никакой розни и нѣтъ...

До чего, Дженни, сильна привычка у русскихъ публицистовъ прибѣгать къ вышеупомянутой формулѣ, можно видѣть, читая ежедневно русскія газеты. Привычка эта до того сильна, что даже подаетъ по-

водъ къ весьма курьезнымъ и забавнымъ недоразумѣніямъ. Для примѣра перевожу тебѣ одну изъ статей, въ которой авторъ, надо полагать, совершенно искренно, самъ того не замѣчая, впадаетъ даже въ юмористическій тонъ, хотя статья и напечатана, очевидно, съ серьезной цѣлью во имя общественнаго блага. Вотъ она:

«Передъ лицомъ всей Россіи и отъ имени всего русскаго народа мы можемъ заявить, что народъ русскій проситъ, умоляетъ, чтобы подати были увеличены, надѣлы уменьшены, налоги на предметы первой необходимости возвышены, количество питейныхъ заведеній удвоено, всѣ школы и больницы закрыты. Равнымъ образомъ, можемъ смѣло сказать, народъ молитъ объ увеличеніи числа лицъ деревенской администраціи и ничего такъ не желаетъ, какъ возвращенія къ крѣпостному состоянію и т. д.».

Я привожу тебѣ отрывокъ; по отрывку ты можешь судить о цѣлой статьѣ; замѣчу только, чтобы покончить съ этимъ, что такъ говорятъ при всѣхъ экстренныхъ случаяхъ. Объявляется ли война, проводится ли новая желѣзная дорога, устраивается ли какое-нибудь предпріятіе, всегда, по словамъ газетъ, вся страна о томъ проситъ и умоляетъ, такъ что иностранецъ, незнакомый съ политическимъ жаргономъ здѣшнихъ газетъ и съ нравами, могъ бы составить иной разъ весьма невыгодное понятіе о русскихъ поселянахъ, если бы приписывалъ ихъ желаніямъ все то, что желается въ газетныхъ статьяхъ, и, разумѣется, составилъ бы о нихъ неправильное заключеніе.

Но такъ какъ деревня молчитъ, по обычаю, и едва ли читаетъ повременныя газеты, то, разумѣется, публицисты безпрепятственно могутъ говорить отъ ея имени и доказывать, что русскіе поселяне говядины не любятъ, а склонны къ пищѣ простой, и что вообще имѣютъ приверженность—такую приверженность къ лишеніямъ, что было бы обидно, даже жестоко, навязывать имъ говядину, хорошій хлѣбъ и прочія условія комфортабельнаго существованія. Это значило бы посягнуть на самобытность русскаго человѣка, развратить его качества и лишить всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, которыми онъ выдается среди другихъ народовъ.

Такъ, Дженни, говорятъ здѣсь и при этомъ иногда подкрѣпляютъ свои положенія извѣстнымъ историческимъ фактомъ, какъ русскій мужикъ, не ѣвшій ничего кромѣ варева, называемаго «толокно» *) и приготовляемаго изъ воды и соли, одинъ не только справился съ англичаниномъ, нѣмцемъ и французомъ, которые были сыты и нѣсколько полны, но даже и побѣдилъ ихъ. Не могу точно сказать, въ какомъ именно учебникѣ помѣщено это сказаніе, но оно крайне популярно и нерѣдко служитъ основаніемъ при рѣшеніи многихъ вопросовъ.

---

*) Нечего и прибавлять, что «толокно», о которомъ говоритъ почтенный лордъ Розберри, приготовляется, какъ извѣстно, не совсѣмъ такъ.

Такъ, на-дняхъ одинъ знакомый русскій столоначальникъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

— Мы, милордъ, русскіе, народъ совершенно отъ другихъ отличный. У меня теперь, напримѣръ, лежитъ проектъ, занимающійся рѣшеніемъ вопроса: полезно или безполезно наѣдаться ежедневно досыта *). Я, признаюсь, долго и внимательно обсуждалъ этотъ вопросъ, и совмѣстно съ товарищами, и наединѣ... Думалъ годъ, думалъ другой, думалъ третій... Такіе вопросы скоро рѣшать нельзя!..—прибавилъ онъ въ оправданіе и, замѣчу отъ себя, Дженни, вѣроятно, съ цѣлью пояснить, что онъ не даромъ получаетъ жалованье за свои труды по разсмотрѣнію подобныхъ вопросовъ въ ученыхъ комиссіяхъ.

— Такъ я и докладываю вамъ, милордъ, что мы очень долго думали, дабы не принять черезчуръ скораго рѣшенія.

NB. Изъ этихъ словъ ты, пожалуй, и заключишь, Дженни, что въ чертѣ русскаго характера есть двѣ противоположныя черты. Иногда русскіе любятъ рѣшать самые сложные вопросы въ одинъ день, иногда, напротивъ, въ вопросахъ менѣе сложнаго характера обнаруживаютъ медлительность, передъ которою и Фабій Кунктаторъ сложилъ бы свое оружіе.

— И къ какому мнѣнію пришли?—спросилъ я.

— А къ тому, милордъ, что наѣдаться досыта безполезно!

Признаюсь, при всемъ моемъ знакомствѣ съ оригинальными мнѣніями русскихъ людей, я не могъ не выразить на лицѣ своемъ изумленія при этихъ словахъ.

Собесѣдникъ, очевидно, это замѣтилъ и, усмѣхнувшись, проговорилъ:

— Я пришелъ, милордъ, къ этому рѣшенію, взвѣсивъ всѣ шансы за и противъ и, конечно, не обольщаясь—вы извините меня—разными лжеученіями европейскихъ странъ. Любя родину и искренно желая, чтобы народъ нашъ сохранилъ въ себѣ всѣ добродѣтели, свойственныя нашей націи,—я подалъ голосъ противъ, имѣя въ виду, во-первыхъ, что насыщеніе располагаетъ къ лѣни, а лѣнь ведетъ къ другимъ порокамъ, отъ которыхъ да избавитъ насъ Господь Богъ... Наконецъ человѣкъ насытившійся начинаетъ думать и о другихъ вещахъ, кромѣ пищи и податей; обременивъ желудокъ, онъ захочетъ и обременить голову, и затѣмъ...

Онъ, Дженни, свистнулъ и свистнулъ довольно протяжно, послѣ чего сказалъ:

— И затѣмъ прощай наши прирожденныя добродѣтели... Изнѣженность, непривычка къ труду, пресыщеніе... однимъ словомъ, всѣ пороки древняго Рима явятся на смѣну презрѣнія къ пищѣ, любви къ лише-

*) Не ошибся ли и въ данномъ случаѣ путешественникъ? Сколько помнится, въ газетахъ о возбужденіи подобнаго вопроса свѣдѣній не появлялось.

Прим. переводчика.

ніямъ и трудамъ, выносливости и терпѣнію... Вотъ вамъ, милордъ, нравственныя причины, не говоря уже о правилахъ медицинской науки, которая говоритъ, что желудокъ долженъ быть всегда легокъ, ноги горячи, а голова холодна...

— Но однако, сколько мнѣ кажется,—замѣтилъ, въ свою очередь, и я: — въ Россіи нѣкоторые такъ хорошо ѣдятъ и несмотря на то они дѣятельны и рѣшительны, какъ древніе герои Спарты!

— Вы говорите про насъ!—грустно прервалъ меня почтенный собесѣдникъ.—Вы правы, мы иногда даже очень много ѣдимъ и недаромъ страдаемъ катаррами... Но отъ этого-то и рознь такая между нами и народомъ. Оттого-то мы и страдаемъ, дорогой милордъ, хотя и бываемъ въ служебные часы спартанцами. Но развѣ слѣдуетъ наши пороки прививать народу? Что дѣлать, на насъ выпала тяжелая доля испытать всѣ болѣзни цивилизаціи... но зачѣмъ же желать того же и народу... Вы думаете, и намъ не тяжело наше историческое призваніе?..

Онъ хотѣлъ-было объяснить далѣе свое историческое призваніе въ качествѣ столоначальника, но ему, въ самомъ дѣлѣ, было тяжело. Полный, тучный, онъ дышалъ съ трудомъ, какъ бы наглядно доказывая, къ какимъ гибельнымъ результатамъ ведетъ право не только наѣдаться, но даже объѣдаться.

— Такъ пусть,—закончилъ онъ, откашлявшись:—простолюдины не походятъ на насъ... Пусть они въ потѣ лица снискиваютъ хлѣбъ свой... По крайней мѣрѣ они останутся въ чистотѣ, и у дѣтей народа не будетъ такого дьявольскаго катарра. Утромъ я, милордъ, очень позавтракалъ у Пивато, и вотъ видите ли... къ чему ведетъ эта Европа!..—улыбнулся онъ, пожимая мнѣ руку.—Кстати,—закончилъ онъ, садясь въ карету:—заверните ко мнѣ, я познакомлю васъ съ моимъ проектомъ, въ которомъ я добросовѣстно разсмотрѣлъ и перечислилъ пищу, которая необходима для полнаго благоденствія нашего отечества. Меню, правда, небольшое, но... вѣдь не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ.

Однако я, Дженни, отвлекся отъ предмета моего письма. Я обѣщалъ перечислить тебѣ проекты мѣръ, предложенные русской печатью, а пока сообщилъ лишь о конфискаціи домовъ. Впереди еще «товарищество взаимнаго наблюденія», «общество вольныхъ полисменовъ» и наконецъ проекты воспитанія. Слѣдующее письмо я спеціально посвящу изложенію вышеизложенныхъ мѣръ, а теперь обращу твое вниманіе на митингъ, бывшій здѣсь по случаю пріѣзда въ Петербургъ достопочтеннаго московскаго проповѣдника, г. Аксакова.

Начать съ того, что сперва никто не вѣрилъ, чтобы этотъ джентльменъ рѣшился пріѣхать въ Петербургъ, столь ему ненавистный. Говорили, что Петербургъ издавна производилъ на него такое убійственное впечатлѣніе, что онъ далъ клятву никогда не переступать границу его владѣній. Такое мнѣніе подтверждалось и тѣми проклятіями, которыми осыпалъ московскій проповѣдникъ въ своихъ посланіяхъ этотъ «под-

лый» городъ; однако газеты сообщили, что, несмотря на ненависть къ «созданію Петра», г. Аксаковъ пріѣдетъ и соберетъ митингъ, на которомъ окончательно предастъ анаѳемѣ ненавистный ему городъ. На этотъ разъ, противъ обыкновенія, репортеры сообщили правду, и въ одинъ прекрасный день знаменитый пророкъ (такимъ, Дженни, онъ считается въ Москвѣ) очутился въ Петербургѣ, воспользовавшись однако изобрѣтеніемъ гнилого Запада—желѣзной дорогой...

Встрѣча его, говорятъ, была торжественная *). Ежели на этотъ только разъ повѣрить разсказамъ джентльмена, бѣгавшаго на желѣзную дорогу за свѣдѣніями, то, при въѣздѣ въ столицу, московскаго проповѣдника встрѣтили его петербургскіе поклонники (и въ Петербургѣ есть Москва, Дженни, и даже немало Москвы) и поднесли ему при встрѣчѣ: калачъ, жбанъ квасу, жаренаго поросенка, плетку, метлу и серебряный топорикъ *), какъ символы, имѣющіе особенное значеніе и какъ бы желавшіе напомнить періодъ русской исторіи, когда существовали рынды и опричники (такъ назывались, Дженни, особенные «рыцари»). Многіе члены славянскаго комитета привѣтствовали почтеннаго проповѣдника въ прозѣ и стихахъ, и когда привѣтствія были окончены, то достопочтеннаго гостя, одѣтаго не въ обыкновенный костюмъ, а въ одѣяніе бояръ XVII столѣтія, въ длинномъ кафтанѣ, поверхъ котораго надѣта была соболья шуба, въ высокой шапкѣ и сафьяновыхъ, шитымъ золотомъ, сапогахъ,—подъ руки повели въ пріуготовленное для него помѣщеніе. Къ сожалѣнію, я самъ не видалъ этой процессіи и потому всѣ эти свѣдѣнія передаю, снимая съ себя всякую отвѣтственность, несмотря на клятвы и біеніе въ грудь джентльмена, утверждавшаго, что онъ самъ придерживалъ одною рукой широкій рукавъ пріѣзжаго гостя. Такъ это или не такъ, утверждать по совѣсти не смѣю, но могу только утвердительно сказать, что на митингѣ я видѣлъ проповѣдника въ обыкновенномъ общеевропейскомъ платьѣ.

Тамъ собралось довольно публики, и когда на эстрадѣ появился плотный, видный, высокій джентльменъ съ черными, мѣстами посѣдѣвшими волосами, то публика зааплодировала.

Онъ заговорилъ, сперва нерѣшительно, робко, но затѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе. Сколько я могу судить, ораторскія способности почтеннаго оратора довольно слабы, его рѣчь была проникнута мистическимъ характеромъ, и кромѣ того въ ней замѣтна была, по моему мнѣнію, расплывчатость, неопредѣленность и неясность мысли. Она призывала къ вѣрѣ, но не отличалась доказательностью; впрочемъ, въ качествѣ проповѣдника онъ едва ли и могъ иначе говорить. На меня, англича-

*) О торжественной встрѣчѣ газеты ничего не сообщали.

**) Очевидно, почтеннаго лорда ввелъ въ заблужденіе какой-нибудь репортеръ.

Прим. переводчика.

нина, привыкшаго къ манерѣ нашихъ ораторовъ выражаться точно, опредѣленно, ставить вопросы съ ясностью и выражать желанія, не давая мѣста недоразумѣніямъ, рѣчь московскаго проповѣдника произвела странное впечатлѣніе. Слушая его, я вспомнилъ, какъ однажды въ Лондонѣ я слышалъ рѣчь одного тронутаго джентльмена—мистика-проповѣдника, призывавшаго людей къ умерщвленію плоти. Что-то похожее было и въ тонѣ достопочтеннаго сэра Аксакова...

Рѣчь однако произвела впечатлѣніе, и оратору очень много аплодировали.

Я вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ русскимъ, и онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Каковы русскіе ораторы, милордъ!—повторялъ онъ.—Каковы! И какъ онъ говорилъ, какъ говорилъ!..

Я не посмѣлъ, конечно, нарушить впечатлѣнія моего знакомаго, но тутъ невольно вспомнилъ, какъ этотъ же самый джентльменъ сходилъ съ ума отъ извѣстной рѣчи Достоевскаго въ Москвѣ, а черезъ три дня мнѣ говорилъ:

— И чѣмъ я, милордъ, восхищался — самъ не знаю... Какой-то сумбуръ нашелъ на меня. Тогда казалось будто бы и въ самомъ дѣлѣ, а теперь..

И онъ принялся бранить рѣчь Достоевскаго съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ прежде хвалилъ. Удивительно увлекающіеся эти милые и добродушные русскіе, Дженни!

Разсчитывая въ будущихъ письмахъ перечислить проекты, появившіеся въ печати, я въ заключеніе упомяну, Дженни, о частныхъ попыткахъ, которыя, по всей вѣроятности, и подали мысль объ устройствѣ предпріятія. Такихъ попытокъ привести результатъ наблюденій въ окончательную форму было немало въ послѣднее время и въ печати и въ жизни. Нѣкоторые органы (напримѣръ, «Моск. Вѣд.») ежедневно посылаютъ по адресу своихъ противниковъ обвиненія, но такъ какъ названная газета слишкомъ часто прибѣгаетъ къ подобнымъ пріемамъ, то ея обвиненія въ «измѣнѣ» стали общимъ мѣстомъ. Нѣкоторую сенсацію произвело, правда, заявленіе той же газеты объ отмѣнѣ формъ правосудія, но поговорили и забыли, къ огорченію знаменитаго публициста. Нѣтъ сомнѣнія, что время требуетъ публицистовъ болѣе душевныхъ и теплыхъ и доктрины, не бьющей въ глаза духомъ семнадцатаго столѣтія.

Изъ частныхъ попытокъ меня заинтересовала, между прочими, слѣдующая, опубликованная въ газетахъ, именно въ «Саратовскомъ Дневникѣ». Она, по моему мнѣнію, характерна по наивному колориту, который такъ свойственъ провинціальной русской жизни. Дѣло въ томъ, что одинъ сельскій учитель молитъ (замѣть, не требуетъ и не проситъ, а молитъ) защитить его противъ мѣстнаго дьячка и пишетъ слѣдующее:

«Онъ (дьячокъ) вздумалъ заявить себя патріотомъ и донесъ исправнику о моей, будто бы, политической неблагонадежности. Дѣло начато и начато въ горестное для всѣхъ время. Поэтому, несмотря на ложный и неосновательный доносъ, меня пугаетъ перспектива нужды и горя, человѣка, лишеннаго должности, человѣка, трудами котораго существуетъ семья, состоящая изъ семи человѣкъ. Я зналъ вѣ-время о доносѣ и, будучи совершенно правымъ, принялъ мѣры самозащиты; обратился съ ходатайствомъ къ исправнику и товарищу оберъ-прокурора о скорѣйшемъ начатіи дѣла, объ оставленіи меня на должности и о предоставленіи мнѣ права преслѣдовать дьячка за ложный доносъ. Теперь обращаюсь печатно къ моему непосредственному начальству съ тѣмъ же ходатайствомъ: оставить меня на должности учителя».

Это трогательное моленіе скромнаго учителя, обремененнаго семьей, которое, по всей вѣроятности, не останется неразслѣдованнымъ, какъ бы подтверждаетъ, что частныя попытки (ты помнишь дѣло Булюбаша и прочихъ), при добрыхъ намѣреніяхъ, очень часто могутъ не принести пользы.

Цѣлуя тебя и милую Клару, прошу васъ не безпокоиться обо мнѣ. Твой Джонни.

Письмо семьдесятъ первое.

Дорогая Дженни!

Послѣднія двѣ недѣли газеты были полны извѣстіями о безпорядкахъ на югѣ, и безпорядки эти были такъ велики, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потребовалось участіе войска. Ежедневно въ газетахъ печатались телеграммы, сущность которыхъ исчерпывалась словами: «бьютъ и усмиряютъ». Началось буйство въ Елисаветградѣ. Нѣсколько дней тамъ бушевала толпа, лавки и имущество евреевъ было уничтожено, и только по прибытіи батальона пѣхоты безпорядки прекратились. Одновременно съ погромомъ въ Елисаветградѣ были безпорядки и въ нѣсколькихъ ближайшихъ мѣстечкахъ и деревняхъ, гдѣ скучены евреи, и наконецъ въ Кіевѣ разразился настоящій погромъ, въ которомъ принимала участіе толпа въ нѣсколько тысячъ.

По словамъ кіевскаго корреспондента «Голоса», зрѣлище было ужасное, потрясающее:

«Трудно описать ту страшную картину,—говоритъ онъ:—которую представлялъ въ это время подольскій рынокъ. Крикъ, шумъ, свистъ, злобное гоготаніе обезумѣвшей толпы. Еврейскія будки съ разными припасами разрушались. Жестяная разная посуда, зонтики, сапоги, вилки, перчатки—все носилось въ воздухѣ и потомъ падало на землю. Это былъ ужасный хаосъ, не поддающійся описанію».

«Когда я пришелъ на житный базаръ,—разсказываетъ дальше корреспондентъ:—онъ представлялъ собою картину полнаго разрушенія. Всѣ еврейскія лавки были уже разрушены, толпа приступила уже къ

кабакамъ. Разломавъ двери и окна, буяны выкатывали бочки на улицу и разбивали ихъ. Водка лилась рѣкой; повсюду раздавались крики:

«— Довольно господствовать евреямъ!

«— Теперь на нашей улицѣ праздникъ!

«— Все они забрали въ свои руки!

«— Все дорого!

«— Мы страдаемъ изъ-за евреевъ!»

По словамъ многихъ корреспондентовъ, когда войска уговаривали толпу разойтись и угрожали наказаніемъ, въ толпѣ раздавались крики: «Все равно, хуже не будетъ!»

Буйство въ Кіевѣ продолжалось почти три дня. Арестованныхъ болѣе 1.400 человѣкъ. Вездѣ на улицахъ разставлены войска. Полицейскіе участки, тюрьмы переполнены арестованными. Въ больницахъ много раненыхъ. По городу расклеены слѣдующія объявленія генералъ-губернатора отъ 27-го апрѣля:

«Вслѣдствіе возмутительныхъ безпорядковъ, произведенныхъ толпою сего 26 апрѣля, генералъ-губернаторъ, дабы избѣжать необходимости принятія крайнихъ, при ихъ повтореніи, для подавленія мѣръ:

«1) Обращается ко всѣмъ благомыслящимъ гражданамъ города съ просьбою принять энергическое участіе, въ предѣлахъ средствъ и дѣятельности каждаго, ко вразумленію путемъ совѣта и убѣжденія тѣхъ лицъ изъ простого народа, съ которыми, по роду своихъ занятій, они находятся въ какихъ-либо сношеніяхъ;

«2) убѣждаетъ населеніе, дабы оно, ради любопытства, не увеличивало собою толпы и тѣмъ не затрудняло дѣйствій полиціи и военныхъ властей, направленныхъ къ разсѣянію скопищъ и прекращенію безпорядковъ;

«3) предваряетъ, что не пожелающіе послѣдовать этому совѣту могутъ подвергнуться всѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ усмиренія бушующей толпы и всѣ взятые на мѣстѣ преступленія участники безпорядковъ будутъ преданы военному суду, съ примѣненіемъ къ нимъ наказаній по законамъ военнаго времени; и

«4) объявляетъ, что вообще всякое скопленіе народа на площадяхъ и улицахъ безусловно воспрещается, а за симъ, если толпа все-таки образуется и, по требованію полицейскаго или военнаго начальства, не разойдется, то противъ нея будетъ, согласно существующему закону, употреблено оружіе».

Вообще во всемъ Южномъ краѣ безпорядки имѣли какой-то эпидемическій характеръ. Не трудно представить себѣ панику, охватившую евреевъ: они массами выселяются изъ мѣстъ, гдѣ есть опасность погрома. Убытки, по исчисленіямъ газетъ, милліонные...

Я нѣсколько разъ писалъ тебѣ, Дженни, о замѣчательномъ просто-

душіи и поразительномъ терпѣніи русскаго простого народа, а потому факты, сообщаемые мною теперь, конечно, покажутся тебѣ нѣкоторымъ противорѣчіемъ. Прежде, впрочемъ, чѣмъ объяснить тебѣ, что противорѣчія никакого нѣтъ, слѣдуетъ упомянуть, на основаніи всѣхъ полученныхъ извѣстій, что во всѣхъ происходившихъ на югѣ безпорядкахъ разсвирѣпѣвшій народъ не проливалъ крови, да и вообще не употреблялъ насилія надъ личностью (исключеніе, впрочемъ, составляетъ Кіевъ). Злоба толпы, главнѣйшимъ образомъ, вымѣщалась на имуществѣ: русскіе простолюдины разбивали еврейскія лавки, уничтожали товары и т. п. При этомъ, правда, были случаи грабежа и довольно значительнаго, но главнѣйшее въ немъ участіе принимали не сами буйствующіе, а предпочтительно женскій полъ. Во многихъ случаяхъ сами бушующіе останавливали грабителей; несмотря на предложенія со стороны евреевъ откупиться отъ погрома деньгами, они не соглашались на эти предложенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ суммы предлагались значительныя. «Намъ не надо жидовскихъ денегъ,—говорила толпа:—намъ надо, чтобы жидъ убирался куда-нибудь отъ насъ подальше. Отъ него житья нѣтъ!»

Разные нелѣпые слухи, для которыхъ эта страна представляетъ весьма благопріятную почву, способствовали народному возбужденію. Судя по свидѣтельствамъ съ мѣстъ происшествія, многіе русскіе крестьяне были вполнѣ убѣждены, что жида бить можно и что будто бы начальство это разрѣшило.

«Мнѣ и многимъ другимъ случилось слышать,—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ изъ Кіева, — заслуживающее особенно серьезнаго вниманія объясненіе причинъ буйства изъ устъ самихъ бушующихъ, когда мы пробовали убѣждать прекратить буйство и грабежъ, хотя бы изъ видовъ грозящаго наказанія.—Велѣно истребить «крамольниковъ», убѣжденнымъ тономъ отвѣчали намъ. — Объ этомъ и въ церквахъ читали».

«Крамольниками» же, какъ оказалось при дальнѣйшихъ разспросахъ и разъясненіяхъ, называютъ они торговцевъ, производя это слово отъ малорусскихъ словъ «крамъ», «крамарь», которыя въ устахъ простолюдиновъ обращаются въ слово «крамольникъ».

Полиція, разумѣется, оказалась безсильною передъ бушующей толпой... Во многихъ мѣстахъ среди простолюдиновъ было распространено такое нелѣпое мнѣніе: будто власти подкуплены евреями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ урядники, пробовавшіе убѣждать, были побиты...

Было бы, конечно, крайне легкомысленно, по моему мнѣнію, объяснить всѣ эти явленія религіозной ненавистью; сколько я знаю русскихъ, это одинъ изъ самыхъ терпимыхъ народовъ, и мнѣ приходилось наблюдать трогательные примѣры самаго деликатнаго отношенія къ религіознымъ вѣрованіямъ иновѣрцевъ. Насколько печать могла дать объясненіе этому явленію, надо заключить, что причину всѣхъ

этихъ безпорядковъ слѣдуетъ искать въ экономическихъ условіяхъ края. Дѣло въ томъ, что на югѣ почти вся промышленность и торговля находится въ рукахъ евреевъ. Всѣ кабаки, постоялые дворы и т. п. содержатся евреями, и такимъ образомъ, вслѣдствіе исключительныхъ условій, въ которыхъ находится еврейское населеніе въ Россіи, экономическое угнетеніе довольно велико. Ты, конечно, впала бы въ ошибку, если-бъ предположила, что только одни еврейскіе торговцы, промышленники и скупщики оказываютъ давленіе на русскихъ, но типъ кулака-еврея является на югѣ въ болѣе обостренномъ видѣ, доступномъ пониманію простого человѣка. Этотъ видъ эксплоатаціи слишкомъ непосредственно прикасается къ простолюдину, и такимъ образомъ, какъ всегда бываетъ у толпы, не любящей доискиваться коренныхъ причинъ, накопившееся недовольство обрушивается на ближайшія причины.

Въ одной изъ газетъ сообщалось, что херсонскій губернаторъ послѣ елисаветградскаго погрома призывалъ почетныхъ евреевъ и просилъ ихъ внушить своимъ единовѣрцамъ, чтобы они обратили вниманіе на уменьшеніе эксплоатаціи русскихъ, на болѣе добросовѣстную торговлю и т. п. Едва ли, впрочемъ, эти доброжелательные совѣты, при всемъ ихъ добромъ намѣреніи, окажутъ ту пользу, на которую, повидимому, они разсчитывали. Вслѣдствіе исключительнаго положенія евреевъ и скученности ихъ, они, такъ сказать, роковымъ образомъ поставлены въ необходимость быть піявками населенія и въ общей системѣ составляютъ только необходимое дополненіе, проявляющееся, быть-можетъ, съ особенной силой, къ другимъ однороднымъ явленіямъ, имѣющимъ мѣсто въ странѣ.

Ни для кого не тайна, что русскіе простолюдины, несмотря на ихъ крайне ограниченныя потребности (хлѣбъ и вода составляютъ преимущественную ихъ пищу), находятся въ томъ вполнѣ неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи, которое давно уже обратило на себя вниманіе различныхъ изслѣдователей, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ. Но такъ какъ изслѣдованія эти до сихъ поръ продолжаются и рѣшеніе вопроса требуетъ осмотрительности, то весьма понятно, что дѣло нѣсколько замедляется.

Тѣмъ не менѣе глупый джентльменъ деревни, несмотря на свою смѣтливость въ обыкновенныхъ дѣлахъ, конечно, не можетъ вполнѣ понимать всѣхъ этихъ соображеній, вслѣдствіе чего достаточно было одной искры, одного случая, чтобы вызвать въ немъ непохвальные факты буйства противъ евреевъ. Русская печать въ большинствѣ случаевъ такъ и объясняетъ эти явленія, но при этомъ, конечно, со свойственной ей деликатностью, вполнѣ откровенно не высказывается. Что еврей былъ главнѣйшимъ объектомъ, на который обрушилась народная вспышка, это объясняется, какъ я уже выше сказалъ, ихъ исключительнымъ положеніемъ въ Южномъ краѣ Тѣмъ не менѣе

паника распространилась не только между евреями. Въ корреспонденціяхъ есть указанія, что когда начались безпорядки на югѣ, то и многіе христіане уѣзжали изъ деревень въ города.

Всѣ эти вспышки, конечно, будутъ умиротворены, и впереди предстоитъ масса процессовъ, въ которыхъ придется наказывать виновныхъ. Прокурорамъ русскимъ предстоитъ благодарная задача распространяться насчетъ изувѣрства и невѣжества народа и потребовать примѣненія тѣхъ или другихъ статей. Вѣроятно, виновные будутъ наказаны болѣе или менѣе по заслугамъ, но вполнѣ ли разрѣшится этимъ вопросъ, предотвратится ли возможность повторенія подобныхъ вспышекъ—все это вопросы, остающіеся открытыми, по крайней мѣрѣ для многихъ русскихъ, съ которыми я имѣлъ честь бесѣдовать по этому поводу.

Впрочемъ, не всѣ обнаруживаютъ такой пессимизмъ. Не далѣе какъ на-дняхъ мнѣ пришлось бесѣдовать по этому поводу съ однимъ русскимъ джентльменомъ, и онъ вовсе не раздѣлялъ такихъ взглядовъ.

— Никакого вопроса, милордъ, тутъ нѣтъ, и я удивляюсь, что нѣкоторыя газеты дѣлаютъ изъ этого вопросъ. Полагаю,—замѣтилъ онъ, хитро улыбаясь:—что создаютъ онѣ вопросы для того, чтобы наполнить страницы газетъ. Мы, русскіе, всякіе вопросы должны рѣшать просто. Народъ пошумѣлъ, побуйствовалъ,—ну и самъ виноватъ. Какъ нагаечкой исполосуютъ спину буяна, да потомъ вышлютъ куда-нибудь подальше—вотъ вопросъ и рѣшится. Въ старину у насъ никакихъ вопросовъ не выдумывали, а, слава Богу, никакихъ безпорядковъ не было. А чтобы и жиду было неповадно, то, по моему мнѣнію, слѣдовало бы каждаго жида обложить новой податью и строго-настрого запретить ему обижать православныхъ крестьянъ. Вотъ и весь вопросъ!

Надо тебѣ сказать, Дженни, что мой собесѣдникъ, почтенный майоръ въ отставкѣ, какъ, впрочемъ, и многіе изъ моихъ русскихъ знакомыхъ, вообще не признаётъ никакихъ вопросовъ, и для него все въ мірѣ объясняется необыкновенно просто. По его мнѣнію, люди въ послѣднее время стали мечтать единственно потому, что изъ моды вышло употребленіе тѣхъ простыхъ мѣръ, которыя, по его словамъ, «возбуждаютъ циркуляцію крови» (такія «мѣры» здѣсь очень разнообразны), и онъ смотритъ на всѣ явленія общественной жизни съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ на управленіе батальономъ, когда онъ имѣлъ честь имъ командовать.

— Повѣрьте, достоуважаемый милордъ, что напрасно многіе изъ либераловъ (подъ этимъ названіемъ почтенный майоръ считаетъ всѣхъ людей, не раздѣляющихъ его взглядовъ на циркуляцію крови) только волнуютъ и себя и другихъ какими-то вопросами. Недавно я прочелъ статейку г. Евгенія Маркова (г. Марковъ одинъ изъ русскихъ публицистовъ, Дженни, который очень хорошо пишетъ), хотя, признаюсь, я и не все понялъ. Такъ вѣдь онъ, въ сущности, тоже согласенъ со

мной, что всѣ вопросы выдуманы у насъ журналами и газетами, и если-бъ не рутинно-либеральные органы печати, то жили бы люди себѣ спокойно и никакой тревоги не было бы. О какомъ-то прогрессѣ говорятъ. Прогрессъ?!. Только людей съ толку сбиваютъ и мало читаютъ Михаила Никифоровича Каткова! Нашъ мужичокъ душа хорошая, добрая... Съ нимъ можно легко управляться. У меня въ батальонѣ было пятьсотъ человѣкъ, и, клянусь вамъ, милордъ, никогда никакихъ вопросовъ не было. Виноватъ—сто розогъ, меньше виноватъ—пятьдесятъ... По неопытности, что ли, попался... ласково почистишь зубы... Вотъ вамъ и всѣ вопросы... И никогда никакихъ претензій. Если бы не только батальономъ, а цѣлой губерніей пришлось такъ управлять, то, я увѣренъ, никакихъ вопросовъ никогда бы и не поднималось; всѣ были бы довольны, и было бы общее благополучіе.

Очевидно, этотъ почтенный джентльменъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, противъ которой трудно возражать. Однако такихъ джентльменовъ мнѣ приходилось нерѣдко встрѣчать и, къ крайнему изумленію, даже въ чинѣ статскаго совѣтника, что̀ соотвѣтствуетъ бригадиру. Въ высшихъ званіяхъ я такихъ простодушныхъ людей не встрѣчалъ, изъ чего заключаю, что простота политики не находитъ себѣ поклонниковъ въ высшихъ должностяхъ.

Одна изъ газетъ рекомендуетъ весьма оригинальный способъ рѣшенія вопроса и, по здѣшнему обыкновенію, разумѣется, крайне рѣшительный. А именно, она предлагаетъ выселить всѣхъ евреевъ изъ предѣловъ государства и такимъ образомъ положить конецъ проклятому вопросу; при этомъ она ссылается на изгнаніе евреевъ изъ Египта и находитъ, что повтореніе такового было бы чрезвычайно своевременно. Очевидно, названная газета исходитъ изъ точки зрѣнія, что только одни евреи эксплоатируютъ русское населеніе и, что, за изгнаніемъ евреевъ, всякая эксплоатація прекратится и наступитъ блаженный рай, при которомъ не будетъ больше никакихъ мотивовъ, испытывающихъ терпѣніе подневольнаго человѣка. Не касаясь послѣдняго вопроса по существу, такъ какъ, въ качествѣ иностранца, я боюсь впасть въ заблужденіе, я тѣмъ не менѣе не могу не выразить опасенія, что, пожалуй, предложеніе названной газеты заставитъ и другихъ иноплеменниковъ просить о выселеніи.

Впрочемъ, мнѣніе газеты вызвало опроверженіе и въ русской прессѣ; едва ли однако почтенная газета поддастся на какіе-нибудь обыкновенные доводы; она претендуетъ на оригинальность и уже давно въ «жидѣ» видитъ не только змія-искусителя разныхъ общественныхъ Адамовъ, но и едва ли не главную причину всѣхъ бѣдъ и золъ, ниспосылаемыхъ на Россію.

Ты очень хорошо поймешь, что явленія въ родѣ безпорядковъ на югѣ никакъ не могли подѣйствовать ободряющимъ образомъ на публику. Въ послѣднее время во всѣхъ слояхъ и кружкахъ общества

только и были разговоры, что по этому поводу. Куда ни придешь, вездѣ говорятъ о томъ, что «жида» бьютъ, и вездѣ рѣшаютъ вопросъ: за что «жида» бьютъ.

Твоя просьба, Дженни, о томъ, чтобы я подробно сообщалъ тебѣ о всѣхъ новостяхъ, ставитъ меня въ крайне затруднительное положеніе. Новости здѣсь мѣняются съ изумительною быстротою, такъ что услѣдить за ними нѣтъ ни малѣйшей возможности и наконецъ опредѣлить степень достовѣрности ихъ такъ же трудно, какъ трудно, по словамъ одного моего знакомаго журналиста, угодить публикѣ свѣжестью и разнообразіемъ извѣстій.

Третьяго-дня, вечеромъ, я былъ въ одномъ семействѣ, гдѣ собралось очень много народу. Противъ обыкновенія, въ карты не играли, а занимались разговорами, и въ продолженіе вечера я наслышался столько извѣстій, одно другому противорѣчащихъ, что оріентироваться въ этомъ хаосѣ слуховъ рѣшительно было невозможно. Если къ этому прибавить, что каждый разсказывавшій утверждалъ, что сообщаемый имъ слухъ онъ получилъ изъ достовѣрнаго источника, то ты поймешь, въ какомъ положеніи былъ твой Джонни, стараясь уловить нѣчто правдоподобное. Вслѣдствіе этихъ соображеній я не сообщаю тебѣ всѣхъ слуховъ, ходящихъ въ настоящее время въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что боюсь быть обвиненнымъ тобою въ распространеніи ложныхъ извѣстій. И потому не сердись, что не сообщаю тебѣ новостей, интересующихъ тебя. Въ нашихъ англійскихъ газетахъ, какъ ты сама знаешь, сообщаются невѣрныя—и ты, надѣюсь, имъ не довѣряешь... Въ будущемъ письмѣ разсчитываю сообщить кое-какія правдоподобныя извѣстія, такъ какъ сегодня я буду обѣдать у одного изъ моихъ русскихъ знакомыхъ, у котораго общество собирается очень приличное... Я надѣюсь тамъ услыхать что-нибудь интересное и вполнѣ достовѣрное, о чемъ и не замедлю сообщить тебѣ.—Твой Джонни.

Письмо семьдесятъ второе.

Дорогая Дженни!

Когда, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки и самой разнообразной закуски (прелесть которой можетъ оцѣнить только человѣкъ, долго пожившій въ Россіи), придется съѣсть нѣсколько блюдъ и запить ихъ достаточнымъ количествомъ вина, то въ большинствѣ случаевъ человѣкъ дѣлается необыкновенно воспріимчивъ и чувствителенъ. Нечего и говорить, что русскіе, и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ весьма склонные къ воспріимчивости, дѣлаются обыкновенно къ концу обѣда еще болѣе воспріимчивы. Слѣдовательно ты легко поймешь, дорогая моя Дженни, что когда за обѣдомъ у моего русскаго друга подали жаркое и стали наливать шампанское, то температура настроенія гостей была такова, что объяви кто-нибудь изъ присутствующихъ о необходимости дать исходъ чувствамъ какимъ-либо экстраординар-

нымъ образомъ, то—держу пари сто противъ пяти — подобное предложеніе не встрѣтило бы въ большинствѣ никакого сопротивленія.

Въ видахъ справедливости, я долженъ упомянуть, что потребность дать исходъ чувствамъ такъ или иначе проявлялась уже послѣ закуски и только ждала какой-нибудь объединяющей идеи. По крайней мѣрѣ, послѣ того, какъ обнесли жаркое, сосѣдъ мой справа, довольно солидный джентльменъ (до обѣда разъяснявшій любопытнымъ недоброкачественность дубоваго лѣса въ башкирскихъ участкахъ. «Очень ужъ дубъ этотъ захвалили!»), совершенно неожиданно обратился въ мою сторону и произнесъ нѣсколько коснѣющимъ языкомъ, но однако съ чувствительною дрожью въ голосѣ:

— Другъ!.. Знатный иностранецъ! Не «катнуть ли» намъ телеграмму Михаилу Никифоровичу Каткову!..

Напомню тебѣ, Дженни, что М. Н. Катковъ — тотъ самый знаменитый издатель газеты, съ которымъ я имѣлъ свиданіе въ Москвѣ, описанное въ одномъ изъ моихъ писемъ.

Признаюсь, и это фамильярное: «другъ» (я имѣлъ честь познакомиться съ джентльменомъ предъ самымъ обѣдомъ), и это внезапное предложеніе нѣсколько смутили меня, тѣмъ болѣе, что вино и вообще спиртные напитки, какъ тебѣ извѣстно, не дѣйствуютъ на меня слишкомъ быстро.

Однако я постарался скрыть мое удивленіе и спросилъ:

— На какомъ именно основаніи желаете вы «катнуть» телеграмму г. Каткову? По какому поводу?

— Вообще... Выразимъ ему чувства...

— Но отчего именно г. Каткову?..

По всей вѣроятности, вопросъ мой засталъ моего сосѣда врасплохъ, потому что онъ тотчасъ же спохватился и произнесъ:

— Вы, дружище, значитъ, несогласны съ моей мыслью?.. Такъ ну ее къ дьяволу!.. Въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, и не нужно... Пишетъ-пишетъ, а ничего толкомъ не скажетъ... Нѣтъ, ты мнѣ скажи, чего ты отъ меня хочешь!.. Я весь тутъ... весь... какъ есть русскій человѣкъ... А онъ и меня въ нигилисты... меня!?. Такъ въ такомъ случаѣ «катнемъ» телеграмму надворному совѣтнику Петру Никаноровичу Аѳонасьеву... Онъ нашъ начальникъ отдѣленія... Я у него столоначальникомъ... Превосходнѣйшій человѣкъ... Поддержите, милордъ, меня!.. Я начну, а вы продолжайте!..

И затѣмъ, не ожидая отъ меня отвѣта, онъ всталъ и произнесъ:

— Господа!..

Всѣ господа, а господъ было человѣкъ до тридцати, собравшихся къ хозяину по случаю именинъ, на минуту было-притихли.

— Господа!.. Я бы хотѣлъ по случаю именинъ нашего дорогого хозяина...

Но вслѣдъ затѣмъ раздалось такое оглушительное «ура», что мой

сосѣдъ не могъ докончить свою рѣчь и, какъ казалось, даже и забылъ, о чемъ онъ хотѣлъ говорить, такъ какъ всталъ и лобызался съ хозяиномъ.

Хозяинъ былъ растроганъ. Онъ не отставалъ отъ гостей въ питіи, и потому ты можешь судить, что степень его растроганности отвѣчала общему настроенію. Онъ всталъ и, извинившись, что онъ не ораторъ, а всего только коллежскій асессоръ, и то въ отставкѣ, началъ такъ:

— Дорогіе гости!.. Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы, и Отецъ ихъ небесный питаетъ ихъ... Не вы ли лучше ихъ есте?..

Этотъ неожиданный ораторскій пріемъ встрѣченъ былъ полнѣйшимъ одобреніемъ. Всѣ крикнули: «Браво», «превосходно»... «Именно мы птицы небесныя... Птицы!.. Превосходно!»

Дальше рѣчь трудно было разобрать. Мнѣ послышалось, будто ораторъ заявилъ, что онъ никогда не былъ подъ судомъ и что, съ своей стороны, онъ готовъ доказать свои чувства во всякое время. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Господа... Мы собрались не только для того, чтобы, такъ сказать, въ дружеской компаніи раздѣлить трапезу... Мнѣ хотѣлось бы ознаменовать этотъ день... Позвольте предложить... отъ всего сердца... пошлемъ телеграмму... отставному статскому совѣтнику Ивану Ивановичу Брызгалову... Ему будетъ лестно... И наконецъ, если я кому обязанъ тѣмъ, что я есть... что я, такъ сказать, уподобляюсь птицѣ небесной, не собирающей въ житницы... что я люблю Россію, какъ можетъ только любить настоящій русскій, то это ему... Ивану Ивановичу!

Дальше онъ продолжать не могъ... Его душили слезы, и онъ крикнулъ: «ура!»

Всѣ единодушно согласились, что необходимо послать телеграмму. Тогда я обратился къ своему сосѣду слѣва, джентльмену, на видъ весьма добродушному, и полюбопытствовалъ узнать, кто этотъ г. Брызгаловъ.

— А такая же каналья, милордъ, если говорить по совѣсти, какъ и самъ хозяинъ... Брызгаловъ — джентльменъ по продовольственной части. Вы понимаете?..—прибавилъ онъ, прищуривая одинъ глазъ.— Вмѣстѣ грабили въ Болгаріи и оба были подъ судомъ, но оставлены въ подозрѣніи и уволены въ отставку... Выкрутились...

— Не можетъ быть!?—воскликнулъ я.

— Очень просто... Могъ ли бы онъ такъ кормить? Одной икры свѣжей сколько было, а вина... вина!.. Грабилъ очень хорошо, а вотъ теперь... «птицы небесныя» и.... чувства разныя... Если вамъ только все разсказать...

Но онъ, къ сожалѣнію, разсказать всего не могъ, такъ какъ въ эту

минуту хозяинъ незамѣтно подошелъ къ нему и сжималъ его въ своихъ объятіяхъ. Они выпили еще по бокалу, поцѣловались и, повидимому, были крайне расположены другъ къ другу. По крайней мѣрѣ амфитріонъ то и дѣло повторялъ:

— Дружище... помнишь, какъ въ Тургайской области...

— Да... хорошее было время...

Не удивляйся, Дженни, такому обороту дѣла. Здѣсь принято не стѣсняться въ выраженіи мнѣній за глаза, но это отнюдь не мѣшаетъ дружественнымъ отношеніямъ. Таковъ здѣсь обычай, распространенный повсемѣстно.

Тѣмъ не менѣе я заинтересовался своимъ сосѣдомъ слѣва, обѣщавшимъ мнѣ «разсказать» и, повидимому, нѣсколько возмущеннымъ образомъ дѣйствій своего пріятеля въ Болгаріи. Съ этою цѣлью, желая узнать соціальное положеніе этого правдиваго джентльмена, я обратился съ вопросомъ на этотъ счетъ къ сосѣду моему справа.

Но я окончательно былъ сбитъ съ толку, когда на вопросъ мой, кто такой мой сосѣдъ, получилъ въ отвѣтъ, что это господинъ такой-то, и затѣмъ слѣдующую прибавку, послѣ того какъ сосѣдъ справа обвелъ вокругъ своей красной шеи толстый короткій палецъ:

— Веревки мало... Мало веревки!.. Да для него она не готова!.. Малый, по совѣсти говоря, выжига, и уменъ же, бестія... уменъ!.. Вы только поймите, дорогой знатный иностранецъ, если можете понять... Чинъ у него... ну просто мизерія... по-нашему... У васъ чиновъ нѣтъ?..

— Нѣтъ...

— То-то, боюсь, вы не поймете...

— Не безпокойтесь... быть-можетъ, пойму.

— Такъ видите ли, чинъ... мизерный: титулярный совѣтникъ; а въ то же самое время... Знаете ли, сколько онъ успѣлъ «по случаю» стибрить (онъ такъ и сказалъ: «стибрить») разныхъ недвижимостей?.. Ну, такъ я вамъ объясню...

И онъ, вмѣсто объясненія, сталъ загибать пальцы. Когда всѣ пальцы правой его руки были загнуты и онъ началъ-было загибать мизинецъ второй, по знаку хозяина стали подниматься изъ-за стола, такъ что въ концѣ концовъ я и не узналъ, хватитъ ли пальцевъ на двухъ рукахъ для обозначенія всего недвижимаго имущества моего сосѣда слѣва. Однако мнѣ все-таки казалось, что въ словахъ названнаго джентльмена было преувеличеніе. Русскіе, надо признаться, любятъ преувеличивать.

Послѣ обѣда температура впечатлительности гостей поднялась настолько, что въ кабинетѣ и въ гостиной шли очень оживленные и громкіе разговоры, то и дѣло прерывающіеся восклицаніями. Хотя зельтерская вода и поглощалась въ огромномъ количествѣ, тѣмъ не менѣе температура упадала незначительно...

Надо при этомъ замѣтить тебѣ, Дженни, что у русскихъ единеніе

замѣчается, главнымъ образомъ, за закуской и за обѣдомъ, и при обильномъ, разумѣется, возліяніи. Я не разъ замѣчалъ, что до тѣхъ поръ, пока не подадутъ водки, въ обществѣ косятся другъ на друга и неохотно вступаютъ въ разговоръ, но послѣ трехъ рюмокъ тотчасъ же пропадаетъ взаимное недовѣріе и русскіе цѣлуются или называютъ другъ друга «свинья» съ добродушіемъ поистинѣ трогательнымъ.

Нѣчто подобное, конечно, происходило и тутъ. Оба мои сосѣда самымъ дружескимъ образомъ лобызались и послѣ назвали другъ друга «шельмами», при чемъ разсказывали различные эпизоды, какъ они обходили непосредственное начальство. Вино, само собою разумѣется, заставило позабыть присутствіе иностранца, иначе—я въ этомъ увѣренъ — никто не былъ бы такъ нараспашку. Впрочемъ, меня даже какъ будто и за иностранца не считали, и хозяинъ нѣсколько разъ просто называлъ меня Иваномъ Васильевичемъ.

Телеграмма г. Брызгалову была написана и покрыта подписями; подписался и я, и съ своей стороны тоже свидѣтельствовалъ ему чувства глубокаго почтенія за его всевозможныя добродѣтели, оказанныя имъ во время управленія провіантскимъ магазиномъ № 1215. Столы карточные не были разставлены, и потому въ разныхъ кружкахъ горячія бесѣды продолжались.

Сосѣдъ мой справа объяснилъ, что въ Оренбургской полосѣ сосновыя насажденія еще ничего себѣ, но дубъ подвергается сердцевинной гнили въ самомъ раннемъ возрастѣ, и что слѣдовательно...

— Ну и землица въ Западномъ краѣ не то чтобы очень!..—жаловался сосѣдъ слѣва.—Глинка!.. Чистая глинка!..

— И не говорите!..

— Такъ дубокъ съ гнильцой?

— Совсѣмъ сердцевина плоха... Бѣда!..

Въ сторонѣ, у окна, обратилъ на себя мое вниманіе одинъ низенькій старичокъ, румяный и веселый, несмотря на преклонные свои года, еще очень хорошо сохранившійся. Онъ о чемъ-то наставительно объяснялъ своему собесѣднику, журналисту, джентльмену лѣтъ подъ сорокъ.

Когда я подошелъ къ нимъ, старикъ тихимъ голоскомъ говорилъ:

— И съ чего вы такъ волнуетесь, молодой человѣкъ!? Право, только напрасно себя раздражаете... Знаете ли, мой совѣтъ: бросьте вы занятія внутренней политикой, ей-Богу, бросьте!—добродушно убѣждалъ необыкновенно милый старичокъ.—Посмотрите-ка на меня: мнѣ семьдесятъ восемь лѣтъ, а вѣдь ничего себѣ... Грѣхъ жаловаться на здоровье... А отчего?

Онъ на секунду остановился и, ласково бросивъ на меня взоръ, продолжалъ:

— Оттого, молодой человѣкъ, что я въ жизни никогда политикой внутренней не занимался... На Бисмарка, правда, иногда сердился, признаюсь по совѣсти... Иногда я и на вашего покойнаго Биконсфильда

претендовалъ... Онъ меня, признаться, одно время ужасно безпокоилъ... однимъ словомъ, иностранная политика меня занимала, но наша... да, слава тебѣ Господи, я не въ свои дѣла не лѣзу... Ну, скажите-ка по чести, не все ли намъ равно, кто будетъ почтмейстеромъ въ нашемъ Боровичскомъ уѣздѣ?.. Дурного человѣка не назначатъ, а если попадется не вполнѣ порядочный человѣкъ—вездѣ ошибки бываютъ!—такого смѣнятъ и хорошаго назначатъ... Насъ съ вами вѣдь не спросятъ?..

И старикъ засмѣялся, выставляя рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, такъ добродушно, что и мы, его слушатели, тоже засмѣялись.

— Все-таки интересно узнать, ваше превосходительство!

— Въ свое время и узнаете... У насъ въ Боровичахъ живо новости узнаются... О-о-охъ, какъ посмотрю, стали вы очень скоры... Все-то васъ волнуетъ, все-то изнуряетъ... Вы-то, куда придете, первымъ дѣломъ: «что новаго?». Новое-то вамъ особенное подавай... И, главное, удивляюсь я: вотъ внукъ мой вмѣсто того, чтобы служить молодцу, бумагу мараетъ, а въ газетахъ печатаютъ!.. Такъ жалуется все, что писать очень трудно, нѣтъ подходящаго матеріала, видите ли... Внукъ намедни еще говоритъ: «Только, дѣдушка, жучокъ да муха и остались въ нашемъ распоряженіи... Развѣ еще филоксера набѣжитъ, да и та, кажется, пропала»... Видите ли: не о чемъ ему писать?.. Жучокъ да муха!!. Ему, мальчишкѣ, вмѣсто жучка все хочется какого-нибудь генерала тамъ описывать, а вмѣсто мухи... разводы разводить про политику... Муха!!.

— И что-жъ вы ему, ваше превосходительство, посовѣтовали? — спросилъ журналистъ.

— А я, во-первыхъ, сказалъ внуку-то: «Глупый мальчикъ!.. Пиши-ка ты,—коли Богъ далъ тебѣ способность владѣть перомъ и находится вотъ вашъ братъ, который деньги за это платитъ, — пиши, говорю, ты, какъ въ старину писывали, такъ это хорошо и безобидно... Сообщи, говорю, о погодѣ, о томъ, какъ оживлены улицы, наряды тамъ женскіе... Нарисуй картину ледохода, опиши майскій парадъ... «Стальной щетиною сверкая... полки проходятъ за полками!»—продекламировалъ отставной генералъ, перевирая стихи.—Изобрази чувства свои по поводу этой могучей силы... да мало ли интересныхъ предметовъ... А онъ отвѣчаетъ, знаете ли, что? — «Дѣдушка, говоритъ, да этого никто читать не станетъ! Публика, говоритъ, не такъ настроена... Редакторъ такой статьи, пожалуй, не приметъ».

— Да, едва ли,—замѣтилъ журналистъ. — И то даже на жучка публика ропщетъ, ваше превосходительство. Я десять писемъ получилъ изъ-за этого жучка... Очень недовольны... «Намъ, жалуются, интересно знать—какъ и что, а вы, кромѣ жучка, ни о чемъ... Надоѣло!»

Старикъ слушалъ внимательно, и на его добромъ лицѣ появилась задумчивая улыбка.

— Надоѣло!?.

— Вотъ подите, ваше превосходительство!.. Жалуются...

— А вы бы помѣщали этакія маленькія повѣсти... знаете ли, такія... приличныя, чтобы все оканчивалось, какъ слѣдуетъ, бракомъ... Сперва помучьте читателя разными препятствіями, а потомъ дайте жениху приличное мѣсто и—съ Богомъ въ церковь.

Журналистъ усмѣхнулся...

— И этого не одобряютъ, ваше превосходительство.

— Такъ чего-жъ имъ надобно?— воскликнулъ старикъ и даже какъ будто испугался.—Ну, ужъ если такъ хочется имъ политики... пожалуй, снизойдите... Ну, тамъ, что ли, недостатки какіе людскіе... въ деликатной, натурально, формѣ. Куда ни шло, коснитесь ошибокъ разныхъ... Это, пожалуй, даже и полезно отчасти... Начальство иной разъ не усмотритъ, что урядникъ пьяница... а вы пособите... Но не обобщайте... И главное тонъ... тонъ...

— То-то, ваше превосходительство, и этимъ недовольны... Вы—жалуются—сахарную водицу все разводите...

— Жалуются!? Ахъ, они...

Тутъ нашъ старикъ даже разсердился, и въ его выцвѣтшихъ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Жалуются!?—повторилъ онъ.—Мало имъ и этого!?. Такъ знаете ли что, сударь мой, не хотятъ ли они вотъ этого...

И старичокъ отъ волненія не могъ продолжать, а вмѣсто словъ показалъ тотъ масонскій знакъ (очень употребительный здѣсь), которымъ обыкновенно означается отказъ.

Въ это время къ намъ подошелъ хозяинъ съ картами. Старикъ взялъ карту и все еще повторялъ: «Ахъ, они... Тоже жалуются!»

— Вы о чемъ это, ваше превосходительство?

— Да какъ же... Вотъ они говорятъ,—указалъ онъ на журналиста:— что публика будто бы недовольна... Читать будто бы нечего...

— Имъ... небось... все злоупотребленія выискивать!.. Все критиковать... Ихъ бы, вотъ этихъ самыхъ, слѣдовало бы давно за ушко и на солнышко!—полушутя, полусерьезно замѣтилъ амфитріонъ, дружелюбно похлопывая журналиста по спинѣ.—Такъ и норовятъ въ чужомъ карманѣ усчитать... Откуда домъ?.. Такъ имъ и скажи... Да вы, ваше превосходительство, напрасно кровь себѣ портите... Право, напрасно... Пойдемте-ка лучше въ винтикъ... И вамъ партійка готова, г. журналистъ... О-охъ... всѣ, посмотришь, на Бога ропщутъ, а чего роптать-то... Воззрите на птицу небесную...

Хозяинъ крякнулъ и увелъ старика.

Журналистъ сталъ-было снова жаловаться на судьбу, но, признаюсь тебѣ, Дженни, эти жалобы мнѣ такъ надоѣли и въ печати, что я поспѣшилъ уйти отъ горемычнаго русскаго журналиста...

Въ вечеру настроеніе у всѣхъ снова сдѣлалось нѣсколько удручен-

нос, тѣмъ болѣе, что зельтерская вода уже произвела свое дѣйствіе. Игроки винтили, а остальные очень вяло перекидывались словами. Нѣкоторое впечатлѣніе, впрочемъ, произвело появленіе поздно вечеромъ одного пріѣзжаго изъ Кіева. Онъ передалъ подробности и разсказывалъ объ этомъ не безъ увлеченія.

Одинъ старый джентльменъ (мнѣ потомъ сказывали, что этотъ господинъ—очень богатый торговецъ и содержатель нѣсколькихъ питейныхъ заведеній) слушалъ-слушалъ и наконецъ сказалъ:

— Напрасно... Напрасно... Только для народа соблазнъ, и то народъ нашъ Бога забылъ...

— Боится!..—весело засмѣялся одинъ изъ гостей.—Самъ-то кабаки держитъ и трусу празднуетъ!.. Не бойся, Ѳедулъ Ивановичъ... Брюхо-то твое не тронутъ... Грабь по совѣсти! — добродушно промолвилъ господинъ, на котораго зельтерская вода еще не произвела надлежащаго дѣйствія.

— Я-то не боюсь... Я по чести люблю дѣйствовать,—обидѣлся тотъ, кого назвали Ѳедуломъ Ивановичемъ.—Ты-то вотъ, ваше благородіе, не струсь... Тоже и вы... ребята теплые...

Между обоими пріятелями завязалась-было дружественная пикировка, но былъ уже поздній часъ, и насъ позвали ужинать.

За ужиномъ снова температура повысилась и опять пошли разговоры...

Къ концу ужина всякій уже предлагалъ ту или другую мѣру и по поводу «жида» и безъ всякаго повода. Когда русскіе разойдутся, то они непрочь иногда поговорить «вообще»...

Мѣръ предлагалось столько, что стоило только выбирать любыя и примѣнять къ обстоятельствамъ; и это было тѣмъ легче, что каждый изъ присутствующихъ авторовъ различныхъ мѣръ очень хорошо понималъ, что за ужиномъ чувства просятся къ самому сердцу и ни къ чему не обязываютъ... Надо сказать правду, мѣропріятія были такъ же разнообразны, какъ разнообразно было общество, собравшееся за ужиномъ... Одни противъ «жида» и вообще предлагали ласку («Лаской все можно сдѣлать, можно даже и ничего не сдѣлать, а все ласка!»—говорилъ авторъ ласковой программы). Другіе, напротивъ, рекомендовали вообще «искоренить»; была наконецъ и такая программа, оригинальность которой состояла въ отсутствіи опредѣленности и которая основывалась, главнѣйшимъ образомъ, на вдохновеніи и русской смѣткѣ. Авторомъ этой послѣдней системы оказался сосѣдъ мой за обѣдомъ справа—истинно-русскій человѣкъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, называлъ себя онъ, нещадно бія себя при этомъ въ грудь, какъ бы въ доказательство, что грудь его выдержитъ силу увѣсистаго кулака. Не безъ гордости объявилъ онъ, что всѣ программы противъ «жида», только-что изложенныя, никуда не годятся. Онѣ имѣютъ болѣе или менѣе опредѣленныя задачи, а развѣ можно поручиться, что задачи, пригодныя сегодня,

окажутся пригодными и завтра? Это его очень смущало. По мнѣнію почтеннаго оратора, система, основанная на вдохновеніи, наиболѣе удобная, она соотвѣтствуетъ вполнѣ національному характеру, ширинѣ русской натуры, имѣющей будто бы отвращеніе ко всякимъ опредѣленнымъ задачамъ.

— Русскій человѣкъ тѣмъ и замѣчателенъ,—сказалъ онъ не безъ гордости: — что онъ сидитъ годъ, сидитъ другой, третій, да вдругъ что-нибудь и выдумаетъ; и такое выдумаетъ, что можно только ахнуть отъ удивленія!

Въ доказательство ораторъ сослался на примѣры и не забылъ упомянуть Илью Муромца, Василія Кулибина, Ивана Аксакова и «Московскія Вѣдомости», въ которыхъ всякія опредѣленныя программы, какъ извѣстно, предавались анаѳемѣ.

Несмотря на возраженія, что лучше имѣть какую-нибудь опредѣленную программу, чѣмъ витать въ неопредѣленности, что это лучше и для русскихъ и для «жида», ораторъ оставался непоколебимъ. Онъ зарядилъ: «Моя программа—никакой программы!» и, никакіе резоны не могли его сбить съ позиціи; такъ его и оставили въ покоѣ. Къ тремъ часамъ всѣ мѣры были исчерпаны, и гости разъѣхались по домамъ. Я принужденъ былъ, Дженни, отвезти до дома моего сосѣда за обѣдомъ и автора мѣръ вдохновенія вообще... Онъ, признаться, былъ пьянъ, какъ сапожникъ, и все твердилъ:

— О, милордъ... Великъ Богъ земли русской. И въ этомъ даетъ вамъ расписку надворный совѣтникъ... Дубинскій... Sir Dubinsky... Monsieur Doubinsky... Senior... Да на всѣхъ языкахъ... скажу все то же и то же: «великъ Богъ земли русской и... горе вамъ... англичанамъ... Горе, если вы двинетесь въ Афганистанъ!»

Спиеходя, Дженни, къ его положенію, я, вмѣстѣ съ швейцаромъ, донесъ его въ четвертый этажъ и сдалъ на руки его экономкѣ... Онъ меня облобызалъ вдругъ, назвалъ затѣмъ «нигилистомъ» и обѣщалъ подарить десять тысячъ десятинъ въ Камчаткѣ, если я захочу... «Можно продать выгодно, милордъ... очень выгодно, особенно если выселить туда «жида» и вообще всякій элементъ... субъектовъ... разныхъ».

У меня у самого, признаться, болѣла голова, такъ что я тоже былъ радъ, когда очутился дома. Сегодня я хотя и оправился, но не совсѣмъ. Прощай... Не забывай и пиши чаще.

Письмо семьдесятъ третье.

Дорогая Дженни!

Вмѣсто того, чтобы послѣ мѣсячнаго моего путешествія по разнымъ континентальнымъ курортамъ возвратиться въ Англію и вмѣстѣ съ тобой ѣхать въ Россію для окончательнаго водворенія въ этой странѣ, полной непочатыхъ еще богатствъ, — я совершенно неожиданно дол-

женъ былъ измѣнить свое намѣреніе (о чемъ писалъ тебѣ изъ Берлина) и возвратиться одинъ въ Петербургъ. Пробывъ здѣсь самое короткое время, я отправляюсь въ Оренбургскій край для того, чтобы продать, и какъ можно скорѣй, купленный мною тамъ недорого лѣсной участокъ, затѣмъ возвращусь домой, въ нашу дорогую Англію, и тамъ мы подумаемъ, какъ распорядиться со средствами, столь счастливо пріобрѣтенными мною въ теченіе долгаго пребыванія въ Россіи. Такому повороту въ намѣреніяхъ моихъ, помимо соображеній, о которыхъ я сообщалъ изъ Берлина, немало способствовали различныя встрѣчи съ русскими за границей людьми, заслуживающими довѣрія, которые дали понять мнѣ, что иностранцамъ въ Россіи, хотя бы и знатнымъ, не будетъ болѣе оказываемо того предпочтенія при покупкѣ земель, какое доселѣ оказывалось, и что вообще рѣшено не допускать по сему предмету никакихъ льготъ; при этомъ одинъ изъ моихъ русскихъ знакомыхъ даже сказалъ съ нѣкоторой твердой стремительностью, нѣсколько меня изумившей: «Отнынѣ, милордъ, хищенія мы не допустимъ ни въ какихъ видахъ. Законъ и экономія!»

Мой русскій другъ, лѣчившійся въ Карлсбадѣ отъ катарра и неудовольствій, возникшихъ между нимъ и его директоромъ департамента, и выразившій въ столь рѣзкой формѣ свое замѣчаніе, позаботился еще, до перемѣны взглядовъ правительства на колонизацію въ Оренбургскомъ краѣ, воспользоваться льготами и потому, быть-можетъ, такъ энергично отстаивалъ несвоевременность льготъ; такъ или иначе, но меня со всѣхъ сторонъ увѣряютъ, что будто бы впредь уже нельзя разсчитывать на дешевое пріобрѣтеніе въ Россіи земель и угодій, на что я, признаться, однако разсчитывалъ.

Правда, еще остались на сѣверѣ Россіи лѣса, оставленные, повидимому, безъ всякаго вниманія, и мнѣ говорили, что возможно дешево купить ихъ или взять на аренду для спекуляціи, но, откровенно говоря, я нѣсколько пугаюсь пускаться въ эти далекія холодныя окраины, хотя одинъ знакомый русскій, на-дняхъ отправляющійся туда по дѣламъ службы, и увѣряетъ меня, что въ Архангельскѣ климатъ превосходный, жизнь не скучная, народъ очень патріархальный, начальники образованные, а что касается до рыбы и дичи, то ея въ изобиліи. Оказалось, что мой знакомый спеціально просилъ перевести его на Сѣверъ, въ виду приволья тамъ для рыбной ловли и удочкой, и сѣтями, и сачками...

Итакъ, рѣшено—я возвращаюсь въ Англію, моя дорогая. Отчасти я и радъ, что обстоятельства помѣшали мнѣ остаться въ Россіи, несмотря на гостепріимство и радушіе, которыми я пользовался въ странѣ; радъ потому еще, что въ послѣднее время многіе изъ моихъ русскихъ друзей уѣхали изъ Россіи и проживаютъ за границей, поправляя разстроенное свое отъ трудовъ здоровье. Вообще во время моего путешествія по заграничнымъ водамъ меня поразило обиліе

русскихъ, разсчитывающихъ остаться за границей не только вакантное время, но и всю зиму. Почти въ каждомъ курортѣ приходилось встрѣчать такихъ старыхъ знакомыхъ, еще недавно цвѣтущихъ и здоровыхъ, несмотря на скверныя климатическія условія Петербурга, но теперь настойчиво заявляющихъ о необходимости продолжительнаго отдыха. И не успѣешь еще поговорить съ однимъ, какъ, смотришь, пріѣзжаетъ изъ Петербурга другой и третій, и все по разстроенному здоровью. Въ послѣднее время климатъ Петербурга, какъ говорятъ, ужасно скверно дѣйствуетъ на многихъ. На другихъ, какъ меня увѣряли, петербургскій климатъ нисколько не вліяетъ, напротивъ, даже дѣйствуетъ благопріятно, и этимъ только я могу объяснить себѣ, почему начальники отдѣленій, обыкновенно отдыхавшіе лѣто за границей, въ этомъ году сидятъ въ Петербургѣ. Когда я обратился за разъясненіемъ этого обстоятельства къ одному почтенному джентльмену, то онъ мнѣ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Вѣроятно, изъ экономіи.

Вообще бесѣды съ моими прежними знакомыми произвели на меня не то впечатлѣніе, какое я выносилъ изъ ихъ бесѣдъ прежде; всѣ точно растеряны и на вопросы о томъ, что дѣлается въ Россіи, отвѣчаютъ неохотно или же указываютъ на «Московскія Вѣдомости» и говорятъ: «Вотъ прочтите, милордъ... г. Катковъ подробно описываетъ».

Я читалъ и, разумѣется, однѣ и тѣ же жалобы, что въ Россіи недостатокъ въ энергическихъ людяхъ.

И въ Дрезденѣ я имѣлъ честь познакомиться съ одной русской лэди, которая спеціально воспитываетъ двухъ своихъ дочерей по совѣтамъ почтенной газеты, давая имъ преимущественно практическое образованіе, на случай выхода замужъ за недостаточно энергичнаго администратора.

— Теперь, милордъ, — объяснила она: — такое время, когда надо дѣтямъ давать практическое образованіе по преимуществу, и тогда многіе мужчины, теперь иногда по недоразумѣніямъ теряющіе мѣста, скажутъ спасибо. Вотъ не хотите ли, милордъ, послушать, какъ приготовлены мои дочери къ будущей ихъ дѣятельности? Я полагаю, самъ г. Катковъ былъ бы доволенъ.

И съ этими словами она обратилась къ старшей дочери, прелестной блондинкѣ лѣтъ 19-ти:

— Aline! Скажи, пожалуйста, что значитъ уволить безъ разговоровъ?

Миссъ Aline нѣсколько сконфузилась, но однако бойко отвѣчала:

— Это значитъ, мама, дать подчиненному агенту волчій паспортъ.

— Но что такое волчій паспортъ? — спросила почтенная хозяйка, замѣтивъ недоумѣніе мое при словахъ: «волчій паспортъ».

— Это значитъ, мама, написать виновному такой аттестатъ, чтобы впредь такого джентльмена никуда на службу не принимать.

— А за что ты дала бы такой аттестатъ?

— За упорство въ дурномъ образѣ мыслей, — уже совсѣмъ бойко отвѣчала молоденькая миссъ Aline.

— А что ты называешь дурнымъ образомъ мыслей?

— Неуваженіе ближайшаго начальника, неисполненіе его приказаній, невниманіе къ его женѣ и дѣтямъ, прислугѣ и домашнимъ животнымъ.

— Браво, браво, Алина Николаевна! — воскликнули бывшіе здѣсь джентльмены, хлопая въ ладоши.

— Вы, господа, слишкомъ ее хвалите!—скромно замѣтила почтенная хозяйка.—Она еще очень многаго не знаетъ.

Самъ хозяинъ, почтенный господинъ, у котораго по отъѣздѣ изъ Россіи постоянно болѣли зубы — этимъ онъ объяснялъ свое дурное настроеніе,—однако-жъ не высказалъ никакого одобренія и, казалось, не особенно интересовался экзаменомъ, а съ какою-то робостью взглядывалъ на свою супругу, когда она по временамъ бросала на него серьезные взгляды.

— Ну, теперь, Anette, твоя очередь!—обратилась она къ младшей дочери, хорошенькой брюнеткѣ лѣтъ 17-ти.—Она, милордъ, готовится у меня по судебной части... Скажи, пожалуйста, какія обязанности прокурора?

— Обязанности прокурора, мама, заключаются въ томъ, чтобы обвинять людей, совершившихъ преступленіе, при чемъ не входить въ разсмотрѣніе по существу...

— Хорошо! — перебила мать. — Когда ты можешь отказаться отъ обвиненія?

— Когда, мама, передо мною будетъ порядочный человѣкъ, совершившій преступленіе по ошибкѣ, а не преднамѣренно.

— Когда ты будешь обвинять слабо?

— Когда, мама, обвиняемый принадлежитъ къ порядочному элементу.

— А когда ты будешь обвинять à outrance?

— Тогда, мама, когда подсудимый принадлежитъ къ тѣмъ несчастнымъ людямъ, которые отрицаютъ батистовые платки и ходятъ въ одеждѣ, выражающей неуваженіе къ костюмамъ, принятымъ въ порядочномъ обществѣ.

— Браво, браво, Анна Николаевна! — снова шумно одобрили всѣ присутствующіе.—Изъ васъ выйдетъ превосходный юристъ.

Молоденькая брюнетка со скромностью приняла знаки одобренія и замѣтила:

— Если я что-либо знаю изъ уголовнаго права, то обязана этимъ доброй мамѣ.

— Браво... браво!..

— Вы видите, милордъ, что я старалась выполнить по отношенію къ своимъ дочерямъ долгъ матери по совѣсти... Онѣ кое-что смыслятъ!—не безъ гордости прибавила эта образованная и энергичная женщина.

Примѣръ этой предусмотрительной почтенной русской лэди, воспитавшей своихъ дочерей въ исключительно практическомъ направленіи и съ такимъ значительнымъ успѣхомъ — по крайней мѣрѣ, судя по бойкимъ отвѣтамъ — несомнѣнно свидѣтельствуетъ о политической проницательности, хотя, правда, и нѣсколько оскорбляющей мужчинъ, и, надо думать, вызоветъ подражанія. Такимъ образомъ весьма легко можетъ случиться, что къ курсу женскаго образованія прибавится и краткій курсъ администраціи. Таковой, если вѣрить сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, будто бы уже составляется въ Москвѣ подъ руководствомъ почтеннаго издателя «Московскихъ Вѣдомостей»; онъ, по словамъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, будетъ очень кратокъ и написанъ примѣнительно къ современнымъ потребностямъ, на основаніи практическихъ примѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мнѣ сообщали, будетъ сдѣлано нѣкоторое измѣненіе въ программѣ курса лицея г. Каткова, а именно тамъ будетъ введено преподаваніе курса администраціи; при чемъ, по проекту составителей новой программы, на лѣтнее время для практики молодые люди будутъ посылаться для ознакомленія съ примѣненіемъ теоріи къ практикѣ въ помощь къ полицейскимъ урядникамъ.

Я, конечно, не смѣю судить, насколько эта мѣра послужитъ къ увеличенію расторопныхъ агентовъ. какъ равно и не имѣю возможности утверждать: дѣйствительно ли Россія страдаетъ отсутствіемъ таковыхъ, какъ жалуется московская газета; я передаю тебѣ только слухи, характерные въ томъ отношеніи, что обнаруживаютъ: во-первыхъ, несомнѣнное желаніе составителей программы произвести радикальныя реформы въ этомъ смыслѣ, и, во-вторыхъ, нѣкоторое смятеніе въ ихъ умахъ, выражающееся въ односторонности мотивировки необходимости подобнаго измѣненія учебной программы и въ тревожныхъ, можно даже сказать, алармистскихъ возгласахъ, раздающихся въ извѣстной части печати.

Мотивировка у такихъ публицистовъ всегда одна и та же, а именно: необходимость возстановленія «потрясенныхъ основъ».

Слова эти въ послѣднее время повторяются неуклонно и неизмѣнно въ примѣненіи къ самымъ разнообразнымъ и, казалось бы, не поддающимся обобщеніямъ, фактамъ, такъ что популярность подобнаго обвиненія дошла въ Россіи до того, что даже самый обыкновенный мошенникъ (я не говорю уже о болѣе крупныхъ), желая воспользоваться чужимъ платкомъ или часами и остановленный тобой въ этомъ намѣреніи, прямо заявляетъ, и безъ всякаго смущенія, что сдѣлалъ

онъ это въ виду «поддержанія основъ», ибо лицо, на собственность коего сдѣлано покушеніе, есть нарушитель основъ, такъ какъ думаетъ о мѣстномъ урядникѣ не такъ, какъ бы по правиламъ слѣдовало думать...

Подобные факты, не разъ сообщаемые въ газетахъ (при чемъ часто оказывалось, что уличенный въ нарушеніи основъ добровольно отдавалъ платокъ и скрывался, во избѣжаніе скандала), меня крайне изумляли именно по своему многочисленному разнообразію и по всеобъемлющему значенію, придаваемому словамъ: «нарушеніе основъ», и я совершенно напрасно пытался вывести какое-нибудь ясное заключеніе о томъ, что понимаютъ русскіе подъ этими словами, употребляя ихъ такъ часто въ печати и прилагая ихъ, не менѣе часто, къ жизни.

Познакомившись нѣсколько съ русской жизнью во время своего пребыванія въ Россіи и оцѣнивъ по достоинству многія хорошія стороны русскихъ, я тѣмъ болѣе удивлялся, что вдругъ среди нихъ появилось такое множество нарушителей; прочитывая теперь нѣкоторыя газеты, кажется, будто вся имперія колеблется и всѣ русскіе только и дѣлаютъ, что нарушаютъ основы... Это меня настолько заинтересовало, что во время пребыванія своего на водахъ я много бесѣдовалъ съ разными лицами и просилъ объяснить, какъ слѣдуетъ мнѣ, иностранцу, понять это явленіе, объясненіе котораго не поддается никакимъ усиліямъ моего ума.

Къ сожалѣнію, отвѣты, данные мнѣ однимъ компетентнымъ лицомъ, еще болѣе затемнили вопросъ, такъ какъ, сдѣлавши попытку резюмировать нашу бесѣду, я обогатился только подробной номенклатурой случаевъ, которые можно подвести подъ понятіе о нарушеніи основъ— не болѣе.

Когда, неудовлетворенный, я обратился затѣмъ къ другому джентльмену, отставному становому приставу, котораго мнѣ рекомендовали, какъ человѣка опытнаго, прямого и рѣшительнаго и притомъ откровеннаго, особливо послѣ обѣда, то у насъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

На вопросъ мой объ основахъ онъ отвѣчалъ:

— Но нашей самобытности, милордъ, у насъ и понятія самобытны.

— А именно?

— Они зависятъ отъ расположенія духа и отъ соотвѣтствующихъ указаній...

— Если бы вы были добры и пояснили мнѣ!—сказалъ я.

— Съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что философія наша не сложна... Мы пользуемся настроеніемъ и дѣйствуемъ... Ну, разумѣется, не обходится и безъ замѣшательствъ!..—засмѣялся онъ.

— Какихъ?

— Иногда другой и платки таскаетъ во имя сохраненія нравствен-

ности... Иногда ужъ и очень напугаетъ... Безъ замѣшательствъ нельзя... Когда лѣсъ рубятъ—щепки летятъ...

— Слѣдовательно въ принципѣ вы сознаёте, что дѣйствительно основы нарушены?

Въ отвѣтъ онъ только засмѣялся и рѣшительно отвѣтилъ:

— Никогда!

— Такъ зачѣмъ же постоянно говорятъ объ этомъ?..

— А затѣмъ, чтобы людей пугать!..—не обинуясь сказалъ онъ.

— Цѣль, если позволите узнать?

— Двоякая: во-первыхъ—у испуганнаго человѣка мысль отвлекается въ одну сторону, а во-вторыхъ—и намъ свободнѣе...

— Но почему вы хотите отвлекать мысли?..

— Чтобы человѣкъ не возмечталъ...

— Но вѣдь рано или поздно...

— На нашъ вѣкъ хватитъ!.. А тамъ другіе становые будутъ! А можетъ, и не будутъ. Мнѣ-то не все ли равно!

— Но, мнѣ кажется, при такомъ образѣ дѣйствій человѣкъ наконецъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть вовлеченъ въ предосудительныя мысли?

— Какой человѣкъ?

Я нѣсколько удивился этому вопросу.

— Да вообще всякій.

— Позвольте, благородный милордъ: у насъ теперь по переписи, сдѣланной многоуважаемымъ г. Катковымъ (при этомъ имени онъ благоговѣйно склонилъ голову и перекрестился), три разряда людей: нигилисты, интеллигенція и народъ — честный, здравомыслящій народъ!—прибавилъ почтенный джентльменъ съ какимъ-то особеннымъ пафосомъ.—Если вы изволите говорить про нигилистовъ, то съ этими мерзавцами разговоръ коротокъ, въ двадцать четыре часа и шабашъ!—Что же касается интеллигенціи, то, съ позволенія сказать, это нестоящій народъ...

Я болѣе и болѣе заинтересовывался разговоромъ этого почтеннаго джентльмена, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ человѣкъ практики и пробывшій въ своемъ уѣздѣ, какъ онъ мнѣ передалъ, лѣтъ пятнадцать, говорилъ безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, и его мнѣнія, несмотря на ихъ исключительность, во всякомъ случаѣ были отголоскомъ мнѣнія другихъ людей. Однако, надо замѣтить, онъ былъ въ отставкѣ и жаловался еще, что его уволили за откровенность и неуклонность принциповъ, какъ онъ выражался; впрочемъ, онъ не особенно этому горевалъ, открывъ въ той мѣстности два кабака, и такимъ образомъ былъ совершенно обезпеченъ въ своихъ скромныхъ требованіяхъ. Пріѣхалъ же онъ за границу для того, говорилъ онъ, чтобы убѣдиться, такъ ли тамъ хорошо, какъ пишутъ. Оказалось, по его мнѣнію, что за границей стѣснительно и онъ бы здѣсь въ становые не поступилъ.

— Почему нестоящій народъ?—спросилъ я его, когда онъ такъ непочтительно отозвался объ русской интеллигенціи.

— Нѣтъ въ нихъ настоящей закваски... Одна меланхолія!..—продолжалъ онъ своимъ страннымъ языкомъ.

— То-есть какъ это?

— А такъ! Иной разъ помечтать помечтаетъ, точно,—у насъ въ уѣздѣ есть такіе между земцами и акцизными чиновниками,—иногда и насчетъ правъ поговоритъ въ земскомъ собраніи, но, чуть пріѣдешь къ нему, онъ ужъ и струсилъ—лебезитъ: я, говоритъ, только такъ, отъ избытка чувствъ, больше въ теоріи,—и сейчасъ же зоветъ закусывать... Вмѣстѣ выпьемъ и вмѣстѣ иногда, подъ пьяную руку, о правахъ поговоримъ... И замѣшательство ему производить даже какъ-то жаль: не стоитъ, видишь, что онъ интеллигентъ совсѣмъ безобидный... Ну, разумѣется, для порядку иной разъ и пригрозишь...

— Ну, а народъ?

— Народъ!.. У него дурныхъ мыслей нѣтъ и некогда имъ заводиться, милордъ. Онъ у насъ въ потѣ лица собираетъ въ житницы и наконецъ онъ простодушенъ... вѣритъ, во все вѣритъ... Я съ нимъ отлично ладилъ и рѣдко поролъ, развѣ ужъ очень исправникъ настаивалъ... Я больше чудесами дѣйствовалъ.

— Какъ чудесами?

— Очень просто... Комету иногда сочинишь и скажешь, что комета послана Богомъ для того, чтобы они недоимки уплатить постарались... А то иногда пріѣду къ нимъ во всей формѣ и, бесѣдуя съ ними по душѣ, пропаганду свою веду!—усмѣхнулся мой собесѣдникъ.

— Какую пропаганду?

— А своимъ умомъ дошелъ—своимъ. Изрѣдка напущу страху, а чаще пропаганду веду. Сяду этакъ ладкомъ да и говорю, какъ и для чего все на землѣ сотворено, какой твари какъ жить. Иной разъ спрашиваютъ: а становой откуда произошелъ? Объяснишь, что я произошелъ отъ начальства, а начальство—отъ Бога, и слѣдовательно... Однако въ послѣднее время портиться сталъ народъ!—прибавилъ разсказчикъ.—Не вѣрили, шельмы!.. И даже въ комету не вѣрили... Ну, тогда что дѣлать—выпорешь.

— И помогало?

— То-то нѣтъ. Коли нечего платить—такъ пори не пори, все одно!.. А все-таки народъ хорошій... Съ нимъ можно справляться... И пушки боится, я вамъ скажу, милордъ, ахъ, какъ боится!.. Никакихъ мечтаній у него нѣтъ, и только дайте ему чуть-чуть вздохнуть, онъ и никогда не возмечтаетъ... И по-моему ему слѣдуетъ дать вздохнуть маленько, настолько, чтобы подати вносить можно было... Тогда и какая будетъ польза, и выносливы будутъ, и цѣлы... По крайности на нашъ вѣкъ хватитъ! Таково мое мнѣніе, благородный милордъ!—проговорилъ почтенный старикъ.

Изъ приведенной бесѣды ты можешь убѣдиться, Дженни, что взгляды и средства почтеннаго моего собесѣдника крайне просты, незамысловаты и, въ иныхъ случаяхъ, рѣшительны. Не берусь судить, насколько они соотвѣтствуютъ его добродушной вѣрѣ въ ихъ цѣлесообразность, хотя и сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ признаётъ, что русскій народъ сталъ послѣднее время портиться и уже не столь легко вѣритъ, какъ вѣрилъ прежде, въ связь небесныхъ и административныхъ явленій съ указаніями Божественнаго Промысла, и слѣдовательно такимъ образомъ въ народѣ уже является уязвимое для сомнѣній мѣсто. Но во всякомъ случаѣ я обязанъ почтенному джентльмену: если онъ и не вполнѣ разрѣшилъ мои недоумѣнія, то все-таки значительно упростилъ ихъ своимъ краткимъ и искреннимъ объясненіемъ, освобожденнымъ отъ тумана и неясностей передовыхъ статей, трактующихъ столь часто о тѣхъ же вопросахъ.

Правда, многое въ объясненіи человѣка практики остается неразъясненнымъ, неполнымъ, многое свидѣтельствовало о незнакомствѣ съ историческимъ процессомъ, а философія его и совсѣмъ не выдерживаетъ критики; но нельзя не забывать, что человѣкъ этотъ стоялъ на незначительной высотѣ административной лѣстницы и не могъ имѣть передъ собою обширнаго горизонта, и слѣдовательно требовать отъ него большаго невозможно.

Однако пора и кончать. До слѣдующаго письма.

Письмо семьдесятъ четвертое.

Возвратился я въ Петербургъ благополучно и никакихъ въ немъ перемѣнъ не нашелъ, исключая развѣ новой формы, въ которой теперь ходятъ петербургскіе полисмены. Особенныхъ новостей нѣтъ; главнѣйшія тебѣ извѣстны изъ нашихъ газетъ, а другихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, на этотъ разъ въ виду не имѣю... Настроеніе петербуржцевъ, насколько можно судить изъ бесѣдъ съ разными знакомыми, не отличается особенной бодростью и оставляетъ, въ этомъ отношеніи, желать многаго; почти всѣ жалуются на что-нибудь: кто на дороговизну, кто на скверныя дѣла, кто на Бисмарка, кто на отсутствіе близкихъ родственниковъ; я встрѣчалъ, Дженни, матерей, которыя жаловались и вздыхали о томъ, что у нихъ сыновья, а не дочери, точно это не все равно. Вообще унылая нотка сквозила въ разговорахъ, хотя со мной, какъ съ чужеземцемъ, и сдерживались. Многіе изъ моихъ знакомыхъ русскихъ, прежде мало интересовавшіеся политикой, стали интересоваться, а у другихъ оптимистическое настроеніе, къ изумленію моему, смѣнилось пессимизмомъ. Какая-то растерянность, оторопь невольно бросались въ глаза даже въ такихъ людяхъ, которые прежде никогда не терялись; нечего тоже и прибавлять, что въ Петербургѣ попрежнему слухи играютъ едва ли не главнѣйшую роль при занятіяхъ политикой, и потому разнообразіе и часто не-

вѣроятіе ихъ превосходятъ самое пылкое воображеніе; и такъ какъ въ большинствѣ петербуржцы живутъ въ разбродъ, собираясь въ клубы и собранія единственно лишь для карточныхъ занятій (по уставамъ политическіе разговоры въ клубахъ воспрещены *), то ты поймешь, что, при отсутствіи какой-либо возможности обмѣна мыслей, отведено широкое поле для всевозможныхъ измышленій, пересудовъ и цѣлыхъ легендъ; разобраться, гдѣ истина, гдѣ ложь, очень трудно, и вотъ почему я не стану передавать ихъ тебѣ въ письмѣ. Остается слѣдовательно руководствоваться печатью, какъ единственной выразительницей мнѣнія, но опять-таки въ такомъ случаѣ пришлось бы передавать только мнѣнія «Московскихъ Вѣдомостей» и слѣдовательно поневолѣ представить вопросъ только съ одной стороны.

Другіе же органы почти не касаются интересныхъ вопросовъ, предпочитая почему-то удовлетворять любознательность своихъ подписчиковъ иностранной политикой: если же, по временамъ, и рѣшаются что-нибудь обсудить, то дѣлаютъ это съ такою темнотой и недомолвками, при чемъ и въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ печатаютъ какой-нибудь стихъ изъ псалмовъ Давида,—что, мнѣ кажется, изъ нынѣшнихъ редакторовъ должны выработаться не только превосходные дипломатическіе агенты, но и весьма свѣдущіе псаломщики **).

И однако же число газетъ, которыя ты можешь пріобрѣсти на улицахъ, значительно уменьшилось. «Голосъ» прекратилъ на время свое изданіе на 6 мѣсяцевъ, объяснивъ, что желаетъ дать отдыхъ сотрудникамъ, разстроившимъ отъ долговременныхъ трудовъ свое здоровье ***), «Порядокъ» не продается въ розничной продажѣ, какъ и «Страна», такъ что только «Новое Время», «Новости» и двѣ-три газеты мелкой прессы служатъ для удовлетворенія петербургской публики. Такимъ образомъ изъ большихъ газетъ «Новое Время» теперь заполонило рынокъ и ежедневно бесѣдуетъ—пожалуй, и имѣя на то основаніе—что унывать не слѣдуетъ, а слѣдуетъ глядѣть впередъ безъ страха и боязни. «Ничего не можетъ быть хуже грусти, ибо грусть—это безсиліе ума, это отсутствіе энергіи, это подступы меланхоліи. Однимъ словомъ, грусть—явленіе болѣзненное, и люди, одержимые ею, едва ли способны и мыслить сильно и *сильно дѣйствовать*».

Ты, конечно, хорошо поймешь, что названная газета имѣетъ немало резоновъ быть въ столь бодромъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что

---

*) Очевидно, знатный иностранецъ ошибается. Въ клубныхъ уставахъ нѣтъ никакого параграфа объ этомъ, и очень понятно почему: при составленіи уставовъ не имѣлось и въ виду политическихъ разговоровъ.

**) По обыкновенію, г. знатный иностранецъ преувеличиваетъ.

***) «Голосъ» вовсе не по этой причинѣ прекращенъ, какъ извѣстно всѣмъ читателямъ. По всей вѣроятности, знатный иностранецъ былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь мистификаторомъ.

Прим. переводчика.

вслѣдствіе отсутствія конкурентовъ она «*сильно дѣйствуетъ*» въ смыслѣ распространенія и усиленія розничной продажи.

Но, несмотря на увѣщанія ея, среди русскихъ журналистовъ замѣтна весьма большая меланхолія.

Они жалуются, что рѣшительно не о чемъ писать, и что даже басни Езопа не всегда охотно принимаются редакторами. Одинъ изъ литераторовъ полушутя, полугрустно сказалъ мнѣ, что ихъ изведутъ «изморомъ», въ тщетной борьбѣ съ редакторами.

— И безъ того, милордъ, мы, кажется, потеряли подобіе Божіе; самую простенькую и безобидную мысль стараешься какъ-нибудь окутать въ такой туманъ, что и самъ не понимаешь, какъ дошелъ до такого литературнаго акробатства, а теперь даже и этого нельзя... Редакторы во всемъ видятъ нарушеніе или какую-нибудь каверзу...

Я съ большимъ участіемъ сталъ его разспрашивать, и онъ, очевидно, желая передъ кѣмъ-нибудь облегчить свою душу, сталъ мнѣ разсказывать такія подробности объ осторожности редакторовъ, что я рѣшительно сталъ втупикъ.

— Мало того, что даже басенъ Езопа не хотятъ брать,—продолжалъ онъ:—а вы понимаете, до чего дѣло дошло, милордъ... Ужъ на что, кажется, жучокъ безобидная тема, а и та щекотлива...

— Вы, кажется, шутите! — воскликнулъ я.—Жучокъ вѣдь это насѣкомое, обличать которое, казалось бы, полезно...

— То-то и есть, «казалось бы»!—повторялъ онъ въ какомъ-то раздраженіи.—«Казалось бы»! И мнѣ казалось, а вотъ жучокъ-то у меня тутъ въ карманѣ... Редакторъ прочелъ, вздохнулъ, вздохнулъ еще и говоритъ:—«несвоевременно!..»

— Почему именно?

— Во-первыхъ: жалобы на жучка,—говоритъ онъ:—возбуждаютъ и безъ того взволнованное общество; мѣры противъ него приняты, и его, Богъ дастъ, уничтожатъ; во-вторыхъ: не подразумѣваете ли вы подъ жучкомъ какое-нибудь болѣе опасное животное, а?.. Нѣтъ ли тутъ намека?.. Не можетъ ли какъ-нибудь явиться мысль, что подъ видомъ жучка, поѣдающаго столь прожорливо хлѣбъ въ Херсонской губерніи, мы подразумѣваемъ статскаго совѣтника Кузьмина... «Кузька—Кузьминъ»... И наконецъ нѣкоторое сходство—и жучокъ сѣрый и Кузьминъ сѣрый... А это выраженіе: «дай Богъ, чтобы противъ этихъ столь прожорливыхъ насѣкомыхъ были приняты наконецъ радикальныя мѣры. Какъ видно, палліативы его не пробираютъ»!.. Не имѣетъ ли оно обобщающаго значенія? Признаюсь, я даже расхохотался въ глаза редактору. «Смѣйтесь, смѣйтесь... Вамъ что, а отвѣчать придется мнѣ!»...—говоритъ онъ, и слова его дышатъ тихой грустью.—«Но однако... Вѣдь такъ нѣтъ ни одного слова, гдѣ бы нельзя не видѣть намека».—«Ни одного... почти ни одного...—подтвердилъ онъ.—Недавно, разсказываетъ, я помѣстилъ вашъ же пере-

водъ съ персидскаго, сказку о двухъ Оболдуяхъ, такъ вѣдь потомъ всю ночь не спалъ и наутро самъ поѣхалъ къ цензору справиться, не будетъ ли чего за Оболдуевъ. Самъ поѣхалъ... Самъ настроенъ такъ, что во всемъ видишь намекъ... Пріѣхалъ и бѣднаго цензора перепугалъ. Онъ, разумѣется, и не обратилъ вниманія на извѣстную сказку, а какъ прочелъ громко: «Оболдуй», «Оболдуй», такъ вдругъ весь поблѣднѣлъ и затрясся. Я гляжу на него и самъ вдругъ чувствую, что мурашки бѣгаютъ по спинѣ. Оба трясемся и шепчемъ: «Оболдуй!» «Оболдуй!»... Не правда ли, милордъ, картина!—прибавилъ грустно разсказчикъ.

— Чѣмъ же однако кончилось дѣло вашего редактора?—спросилъ я, заинтересованный разсказомъ.

— Ничѣмъ. Чѣмъ кончиться?.. Однако цензоръ совѣтовалъ вообще осторожнѣе. Семья, дѣти. И съ тѣхъ поръ... и жучокъ, и всякій гадъ, и даже домашнія животныя... все изъято нашимъ редакторомъ изъ обращенія... «Вездѣ, говоритъ, при нынѣшнемъ настроеніи читателя, можно прозрѣть что-нибудь... Вы, говоритъ, пишете о жеребцахъ, а читатель подумаетъ, что вы имѣете въ виду какихъ-нибудь кавалеристовъ; говорите о комнатныхъ собачкахъ, а читатель, пожалуй, смекнетъ что-нибудь другое... А объ ослахъ ни Боже ни, чтобы и слова этого не было.... Иначе навѣрное найдутся люди, которые примутъ это слово на свой счетъ!» И остается только, милордъ, писать скабрезные разсказцы, но я, слава Богу, еще до этого не дошелъ... пѣтъ!..

Мы долго еще бесѣдовали съ бѣднымъ джентльменомъ, и мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ. Вѣдь существуютъ же газеты и журналы и наполняются же матеріаломъ. Правда, матеріалъ скуденъ, но все-таки столичные органы существуютъ, и не одни столичные, а и провинціальные...

Но литераторъ, очевидно раздраженный, вынулъ изъ кармана газету и прочелъ мнѣ слѣдующее циркулярное разсужденіе «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»:

«Редакціи мѣстныхъ органовъ печати «Саратовскаго Листка» и «Саратовскаго Дневника», 24-го и 25-го сего августа мѣсяца, распорядились напечатать о перемѣнахъ между высшими лицами мѣстной губернской администраціи. Свѣдѣнія, переданныя на публичное обсужденіе, не основаны на формальныхъ данныхъ, дошедшихъ до мѣстнаго общества какимъ-либо несомнѣнно вѣрнымъ, положительнымъ и правительственно-официальнымъ путемъ. Слѣдовательно такое *извѣстіе*, которое появляется на основаніи слуховъ и догадокъ и еще относительно лицъ, служащихъ высшими представителями правительства въ губерніи, по малой мѣрѣ *лишено всякаго сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей къ служебной и общественной дисциплинѣ и уваженія къ личной скромности* служащихъ лицъ.

«Редакціи газетъ, при настоящемъ современномъ взглядѣ на печатное слово, представляютъ собой конторы, имѣющія своею цѣлью распоряженіе обращеніемъ общественной мысли точно такъ же, какъ торговыя конторы распоряжаются обращеніемъ торговыхъ фондовъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ кредитъ и его поддержка играютъ первостепенную роль—для сохраненія кредита, что̀ пріобрѣтается довѣріемъ общества, нужно вѣрное, точное и справедливое веденіе своихъ операцій; но можетъ ли то и другое существовать, когда оно основано на летучихъ временныхъ данныхъ? Разумѣется, нѣтъ!!

«Поэтому, для пользы и истины самого дѣла печати, предъявляется редакціямъ частныхъ органовъ печати и гг. служащимъ, имѣющимъ ближайшею обязанностью наблюденіе за исполненіемъ законовъ о печати и постановленій правительства—цензорамъ, полицеймейстерамъ и исправникамъ въ особенности, чтобы впредь ни подъ какимъ видомъ не были помѣщаемы никакія свѣдѣнія, касающіяся правительственныхъ лицъ и учрежденій, не основанныя на прямыхъ и непосредственныхъ указаніяхъ правительственныхъ органовъ и распоряженій, въ порядкѣ закономъ указываемыхъ и обнародываемыхъ».

Когда же я снова выразилъ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ того, не мистифицируетъ ли онъ меня своими сообщеніями, онъ подарилъ на память мнѣ нумеръ провинціальной газеты и, уходя, проговорилъ на прощанье:

— Вѣрьте, милордъ, что мои извѣстія тоже не лишены своихъ прискорбныхъ сторонъ правды!

Я былъ бы не на высотѣ безпристрастія, Дженни, если бы оставилъ тебя въ предположеніи, будто и въ самомъ дѣлѣ въ Петербургѣ только и видишь, что унылыя или мрачныя лица; обязанность правдиваго наблюдателя заставляетъ меня сказать, что всѣ увеселительныя мѣста и особенно театры, гдѣ даются оперетты, полны публикой, и что между моими знакомыми русскими, особенно изъ поющихъ: «Когда я былъ аркадскимъ принцемъ» (теперь, Дженни, эта пѣсенка въ модѣ), есть и такіе, которые не только постоянно беззаботны, веселы и глядятъ впередъ безъ страха и боязни, но очень негодуютъ на людей, не выказывающихъ особой радости, и даже подозрѣваютъ ихъ, какъ здѣсь водится, въ «нарушеніи основъ».

Не далѣе какъ на-дняхъ я имѣлъ честь слышать отъ одного изъ джентльменовъ проектъ—теперь, Дженни, только лѣнивый не пишетъ проектовъ—объ обязательномъ упраздненіи унынія. По обыкновенію, проектъ очень кратокъ (русскіе не любятъ длинныхъ проектовъ) и заключалъ въ себѣ слѣдующіе пункты, послѣ самой краткой мотивировки, имѣющей въ виду «подпятіе духа»:

1) Унылый, а равно и удрученный видъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ не дозволяется. Виновные въ семъ подвергаются взысканію.

2) Равнымъ образомъ возбраняется пѣніе всякихъ грустныхъ романсовъ и кантовъ; виновные въ этомъ подвергаются взысканію.

Примѣчаніе 1-е. На сей конецъ должны быть составлены обязательныя постановленія и вмѣнено въ обязанность старшихъ дворниковъ слѣдить, чтобы и въ квартирахъ отнюдь не были допускаемы лица, не давшія подписку какъ въ бодромъ расположеніи духа, такъ равно и въ неимѣніи у себя жестокихъ романсовъ.

Примѣчаніе 2-е. На случай необходимости обывателя впасть въ уныніе (по случаю смерти близкихъ людей, разоренія и т. п. причинъ) обыватели имѣютъ каждый разъ особенное на то дозволеніе мѣстной полиціи.

3) Всѣ произведенія печати, за исключеніемъ «Моск. Вѣд.» и порнографическихъ, упраздняются.

4) Въ Россіи учреждается на новыхъ началахъ театръ, съ ежедневнымъ представленіемъ оперетокъ, въ коихъ обязательно должны показываться женщины въ одномъ трико.

Признаюсь, при всей моей привычкѣ къ весьма оригинальнымъ проектамъ, я пришелъ въ изумленіе и не могъ выговорить ни слова.

— Ну, что вы скажете, милордъ? По-моему, эта мѣра рѣшительная, но благотворная. На-дняхъ я думаю дать проекту ходъ...

Смѣшно было бы и прибавлять тебѣ увѣреніе, что этотъ проектъ возбудитъ однѣ насмѣшки, но я сообщаю тебѣ о немъ, какъ о признакѣ времени.

— Однако, мнѣ кажется, сэръ, вы ужъ черезчуръ...

— Теперь не время колебаній. Надо дѣйствовать безъ колебаній... А то идешь по улицѣ и видишь на лицахъ уныніе—это чортъ знаетъ что... Оно только развращаетъ общество... Будь бодръ, иначе вѣдь можно подумать, что ты замышляешь что-нибудь дурное...

— Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ полезности мѣры, мнѣ кажется, трудно услѣдить за исполненіемъ вашихъ предложеній!—возразилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ невозможнаго для насъ, милордъ!—замѣтилъ онъ даже съ нѣкоторою гордостью.—Для русскихъ нѣтъ невозможнаго. Да! И наконецъ, развѣ, спрашиваю я васъ, такія мѣры не поднимутъ духъ... Развѣ въ мои театры не повалитъ публика?

Я ушелъ отъ этого чудака, и вообрази удивленіе, на-дняхъ слышу, что онъ въ самомъ дѣлѣ подалъ этотъ проектъ и все-таки не сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Изъ выдающихся произведеній ежедневной прессы указать не на что, исключая развѣ писемъ Султана Пираліева о предметахъ, наводящихъ на размышленіе. На нихъ мнѣ указалъ одинъ русскій и очень ихъ хвалилъ, объясняя, что въ нихъ выполнена весьма удачная попытка соединить стиль Баркова (по словамъ его, извѣстнаго русскаго поэта) съ хлесткостью бывшаго редактора «Берега», а нынѣ, какъ со-

общаютъ газеты, члена іезуитскаго ордена, г. Цитовича. Я не читалъ ихъ, но восторженный ихъ поклонникъ прочелъ мнѣ слѣдующій образчикъ описанія Пешта:

«Ну, скажу вамъ, Пештъ, это не городъ, а рай пророка нашего Магомета, воочію существующій. То-есть разумъ-то не городъ собственно представляется, а его обывательницы. Что это за женщины, что это за женщины—въ цѣломъ остальномъ мірѣ нѣтъ имъ подобныхъ! Вотъ ужъ красота такъ красота; носикъ какъ эльфъ, ротикъ какъ миѳъ и все прочее въ соотвѣтствіи. Къ каждой венгеркѣ изъ тѣхъ, съ которыми меня познакомили, можно приложить знаменитый въ персидской литературѣ экспромптъ:

Луна твоего не свѣтлѣе лица,
Румянцу ланитъ твоихъ розы садовъ не замѣна.
Твой взоръ пробиваетъ кольчугу бойца,
Какъ Кива копье роковое въ день битвы Пешена.

«А кожа, кожа какая! Гдѣ слѣдуетъ—*бархатная*, гдѣ нужно—*атласная*. И эластичность во всѣхъ членахъ изумительная, а сложены какъ покойная Фанни Эльслеръ (помните, та, которую москвичи, въ избыткѣ восторга отъ ея голеней, на себѣ изъ театра возили) или ваша здравствующая Радина. Правду мнѣ говорилъ казанскій агентъ «Еврейскаго Союза», что отъ одного взгляда на такія прелести у *порядочнаго человѣка глаза вонъ изо лба выскакиваютъ*».

И затѣмъ онъ прочелъ мнѣ другой отрывокъ о томъ, какъ въ Россіи насаживался нигилизмъ, по словамъ какого-то тайнаго совѣтника, который сообщилъ объ этомъ Султану Пираліеву, а тотъ читателямъ «Новаго Времени» *). Въ этомъ отрывкѣ упоминается множество

*) Даже г. Незнакомецъ возмутился и по поводу шестого письма напечаталъ въ томъ же нумерѣ слѣдующія «Два слова» Султану Пираліеву:

«Позвольте, м. г., посовѣтовать вамъ не особенно вѣрить тайному совѣтнику, который, раздавая уменьшительныя имена и прозвища направо и налѣво—это ужъ, конечно, такая у него привычка—вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно знакомъ съ тѣмъ, что говоритъ. Читая сегодня корректуру вашего письма, я, къ изумленію моему, встрѣтилъ смѣлую рѣчь г. тайнаго совѣтника объ И. И. Введенскомъ. Онъ будто бы насадилъ нигилизмъ, онъ будто бы совращалъ молодежь, «пронизывая ее всевозможнымъ отрицаніемъ, начиная съ отрицанія поэтическаго таланта у Сумарокова и Державина и кончая отрицаніемъ Бога и будущей жизни». Во всемъ этомъ едва ли есть доля правды, какъ и во всемъ послѣдующемъ, что касается Введенскаго. Я два года учился у И. И. Введенскаго, благодаря ему полюбилъ сознательно русскую литературу, благодаря ему сталъ интересоваться литературой европейской и изучилъ языки, но никогда не слышалъ отъ него отрицанія Бога и проч. Онъ не отрицалъ даже поэтическаго таланта у Державина, признавая заслуги не только Сумарокова, но даже Тредьяковскаго, за котораго онъ горячо заступился, если не измѣняетъ мнѣ память, въ «Сѣверномъ Обозрѣніи». Вѣроятно, тайный совѣтникъ, вашъ пріятель, позаимствовалъ о Введенскомъ у Погодина, который говорилъ почти то же самое въ своемъ «Русскомъ». Я тогда отвѣтилъ Погодину довольно про-

именъ: и «оселъ Петрушевскій», «Сашка Г.», и Ир. Введенскій, и Добролюбовъ, словомъ—немало лицъ, насадившихъ, по мнѣнію Султана, нигилизмъ въ Россіи. Я не читалъ этихъ писемъ—ихъ обѣщано девять—но, признаюсь, эти отрывки тоже наводятъ на размышленія, не особенно лестныя для почтеннаго Султана. Впрочемъ, и то, отъ киргизскаго Султана нельзя многаго требовать!

До свиданія, дорогая Дженни. Черезъ недѣлю ѣду отсюда въ Оренбургъ. Посылаю письмо съ однимъ знакомымъ.—Твой Джонни.

Письмо семьдесятъ пятое.

Дорогая Дженни!

Ты знаешь, конечно, изъ телеграммы, посланной единственно для твоего успокоенія, что, благодаря Богу, я прибылъ въ Москву совершенно благополучно и въ добромъ здоровьѣ, не испытавъ въ пути никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ затрудненій. Какъ я и утверждалъ (и буду всегда утверждать, несмотря на насмѣшки ваши надъ моимъ руссофильствомъ), всѣ твои неосновательныя опасенія, всѣ болѣе чѣмъ странныя предостереженія нашихъ друзей относительно рискованности задуманнаго мною путешествія—оказались ложными. Въ Россіи можно путешествовать (особливо знатному иностранцу, у котораго паспортъ въ порядкѣ и нѣтъ угрожающаго выраженія въ лицѣ) такъ же безпрепятственно, какъ у насъ въ Англіи. Меня нигдѣ не задерживали, нигдѣ не допрашивали: кто я, куда и зачѣмъ ѣду (исключеніе составляли русскіе пассажиры, интересующіеся всегда біографическими свѣдѣніями о своемъ сосѣдѣ); однимъ словомъ, со мною не было никакихъ недоразумѣній, если не считать одного маленькаго съ моимъ ручнымъ чемоданомъ, возбудившимъ въ Москвѣ нѣкоторое подозрѣніе со стороны очень обязательнаго и вѣжливаго полисмена; недоразумѣніе это, которое будетъ описано въ своемъ мѣстѣ,

---

странно, упомянувъ между прочимъ о томъ, какъ Погодинъ этого самаго Введенскаго безбожно эксплоатировалъ въ своемъ пансіонѣ, гдѣ Введенскій былъ учителемъ. Погодинъ промолчалъ, а онъ не любилъ молчать, когда чувствовалъ за собою хоть тѣнь правды. Вообще я долженъ сказать, что вашъ тайный совѣтникъ весьма недостаточно знакомъ съ тѣми идеями, которыя исторически нарастали въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ. Отдѣльныя лица не особенно много значили, какъ не особенно много значитъ телеграфистъ. Вѣдь его бы не было, если-бъ не было телеграфной проволоки. Пишу эти строки на корректурѣ сверстаннаго листа и прошу извинить меня за краткость и недомолвки.

«Впрочемъ, примите и проч.

Незнакомецъ.

«P. S. Державинъ написалъ оду «Богъ». Не смѣшалъ ли вашъ тайный совѣтникъ, по этому самому, отрицаніе Введенскимъ Державина съ отрицаніемъ Бога? Такіе пассажи бываютъ».

Не лучше ли было бы, если бы г. Незнакомецъ и вовсе не помѣщалъ писемъ г. Султана Пираліева?

Прим. переводчика.

разрѣшилось къ обоюдному удовольствію, и я, съ своей стороны, не только не имѣлъ никакихъ поводовъ для обращенія съ жалобой въ англійское посольство, напротивъ, сильнѣе убѣдился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ русскаго полисмена къ правительству Гладстона и въ ненависти къ ирландцамъ, за что, конечно, могу только питать чувство искренней признательности, несмотря на лишеніе чемодана въ продолженіе сутокъ. Для успокоенія твоего замѣчу, что всѣ вещи въ чемоданѣ оказались въ полной цѣлости, исключая одного твоего письма, употребленнаго, какъ я лично убѣдился, добродушнымъ полисменомъ на папиросы. Они здѣсь очень цѣнятъ бумагу для папиросъ и всегда пользуются случаемъ пріобрѣсти таковую по случаю...

Удивительно упорный мы народъ въ своихъ предразсудкахъ! И ты, милая моя, представляешь въ этомъ случаѣ очень характерный примѣръ. Кажется, ты бы могла убѣдиться изъ моихъ частыхъ бесѣдъ и пріятныхъ воспоминаній о Россіи, что это страна вовсе не такая варварская, какъ ты себѣ представляешь; но ты, съ упрямствомъ женщины вообще и англичанки въ особенности, не хочешь вѣрить мнѣ, а вѣришь тѣмъ нелѣпымъ, или, какъ здѣсь говорятъ, превратнымъ толкамъ и извѣстіямъ, какіе съ непостижимымъ постоянствомъ сообщаются нашими газетами. Мнѣ даже сдается, Дженни, будто ты думаешь—да проститъ тебя Господь за несправедливыя подозрѣнія!—что и мое увлеченіе Россіей имѣетъ основаніемъ пристрастіе къ ея обитательницамъ. Не оттого ли и у тебя такая ненависть къ Россіи? Если это такъ—ты очень ошибаешься; я всегда останусь на высотѣ положенія и, какъ англичанинъ и патріотъ, я не знаю женщинъ лучше англичанокъ, а между англичанками лучше тебя. Оставь же свои дурныя мысли и не вѣрь всему, что пишутъ о Россіи, и не суди о русскихъ женщинахъ по тѣмъ русскимъ «княгинямъ», о которыхъ ходитъ слава за границей. Русская женщина и русская семья, о распущенности которыхъ такъ много говорятъ, крайне интересный предметъ для изученія, и, быть-можетъ, мнѣ придется коснуться этого вопроса въ одномъ изъ писемъ, чтобы разсѣять твои предубѣжденія на этотъ счетъ и объяснить причины той шаткости семьи и непрочности брачныхъ узъ, которыя дѣйствительно съ перваго раза поражаютъ иностранца.

Хорошо еще, что русскія газеты—разумѣется, изъ тонкаго политическаго такта—не перепечатываютъ разныя нелѣпости, распространяемыя у насъ насчетъ русскихъ; онѣ дѣлаютъ очень умно, не разжигая національной ненависти; въ противномъ случаѣ ничего не было бы удивительнаго, если бы къ намъ русскіе относились съ той же нетерпимостью, съ какой относятся къ нѣмцамъ. Вообще, въ послѣднее время, сколько кажется, нѣмецъ сталъ выходить изъ моды, и, если вѣрить слухамъ, многіе нѣмцы, состоящіе на русской службѣ, вошли съ представленіемъ куда слѣдуетъ о перемѣнѣ ихъ фамилій на

русскія, что, къ слову сказать, очень легко: стоитъ только къ какой угодно фамиліи приставить частицу: «овъ» и такимъ образомъ быть избавленнымъ отъ нападокъ русскихъ газетъ за тайное сочувствіе къ Бисмарку и его надеждамъ дать Россіи знатную встрепку, пользуясь будто бы ея неудовлетворительнымъ финансовымъ положеніемъ...

Изъ Кёльна моими сосѣдями въ вагонѣ были два нѣмецкіе джентльмена, ѣхавшіе въ Петербургъ. Они все время говорили о Россіи—хотя никогда не бывали въ этой странѣ—и, къ прискорбію моему, я убѣдился, что эти господа повторяли такія же басни, какія повторяла не разъ и ты, Дженни. При этомъ они заливались такимъ обиднымъ смѣхомъ, что я счелъ долгомъ заступиться за оклеветанную страну.

Нѣмецкіе джентльмены посмотрѣли на меня съ изумленіемъ.

— Вы русскій?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, я англичанинъ, но это не мѣшаетъ мнѣ не соглашаться съ вашими нападками на Россію.

— Англичанинъ, и заступаетесь за эту курьезную страну?

— Я жилъ тамъ около двухъ лѣтъ.

— О, жить тамъ можно иностранцу; но какъ живутъ русскіе, этого мы понять не можемъ... Впрочемъ, это народъ, котораго можно пріучить ко всему... Онъ не дорось еще до культуры...

Когда я попросилъ ихъ болѣе обстоятельно изложить, что именно имъ не нравится въ Россіи, оба нѣмца, наперерывъ другъ передъ другомъ, съ невѣроятнымъ апломбомъ стали говорить нелѣпости, одну неправдоподобнѣе другой... Одинъ другого пикантнѣе анекдоты сыпались съ ихъ устъ.

По ихъ мнѣнію, русскіе будто бы совсѣмъ некультурный народъ и не обнаруживаютъ никакой способности къ иниціативѣ. Низшіе классы будто бы прозябаютъ, а не живутъ, въ нищетѣ и невѣжествѣ, и съ ними никто не церемонится; другіе классы, по словамъ ожесточенныхъ нѣмцевъ, деморализованы; поголовное хищеніе, протекція, ни шагу безъ взятокъ, пренебреженіе закона, раболѣпство передъ высшими и произволъ надъ низшими, равнодушіе, безпринципность, отсутствіе высшихъ идеаловъ въ массѣ равнодушнаго, апатичнаго общества. По наружности эти русскіе будто и цивилизованные люди, а въ сущности—это орда, неспособная къ устройству своихъ домашнихъ дѣлъ...

Я не выдержалъ и воскликнулъ:

— Это положительная неправда... Много есть въ Россіи, какъ и въ другой странѣ, несовершенствъ, но вашъ пессимистическій взглядъ рѣшительно несправедливъ... Страна, которая выдержала столько испытаній, народъ, пережившій столько и вынесшій на своихъ плечахъ всю русскую исторію—живучъ... Можно думать, господа, что въ васъ говоритъ расовая ненависть и даже боязнь Россіи...

— Боязнь Россіи?—со смѣхомъ переспросили нѣмцы.—Было время,

мы боялись ее, но время это, слава Богу, прошло... Бояться Россіи значитъ потерять вѣру въ торжество разума и просвѣщенія и вѣрить, что мы можемъ вернуться къ среднимъ вѣкамъ!.. Это nonsens.

— Однако и васъ, нѣмцевъ, въ Европѣ боятся?

— Къ сожалѣнію, да, благодаря Бисмарку... Этотъ человѣкъ обошелъ Михеля, но дайте срокъ—мы справимся съ желѣзнымъ княземъ... Эти великіе государственные люди такъ же приходятся солоно человѣчеству, какъ и великіе государственные глупцы.

Я истощилъ все свое краснорѣчіе, приводилъ массу фактовъ въ опроверженіе слишкомъ мрачныхъ сужденій моихъ спутниковъ, но они оставались непоколебимыми. Правда, они не отрицали въ русскихъ, какъ и во всякомъ другомъ народѣ, многихъ хорошихъ качествъ, но они, эти ярые нѣмцы, не вѣрили въ политическую состоятельность страны и предвѣщали грозныя пророчества, передъ которыми блѣднѣли пророчества Каліостро...

Подобныя сужденія о русскихъ, къ сожалѣнію, не рѣдкость слышать среди европейцевъ, особенно въ послѣднее время; мнѣ кажется, отчасти виноваты въ томъ и русскія газеты. Вмѣсто того, чтобы объяснять эти отзывы исключительно ненавистью и, въ свою очередь, ругать «гнилой Западъ», не лучше ли было бы съ фактами въ рукахъ доказать всю нелѣпость подобныхъ клеветъ *)?

Въ самомъ дѣлѣ, эта огромная страна, населенная добрымъ, трудолюбивымъ и способнымъ народомъ, сохранившимъ, несмотря ни на что, одну изъ самыхъ симпатичныхъ формъ аграрнаго устройства, не потерявшимъ вѣру въ правду Божью,—кто только ее не ругаетъ, кто только ее не позоритъ, смѣшивая въ сужденіяхъ двѣ Россіи: одну показную, другую—притаившагося сфинкса, не проявляющаго себя ничѣмъ или проявляющаго такими фактами, какъ, напримѣръ, еврейскіе погромы, которые, разумѣется, могутъ смутить покой всѣхъ, умѣющихъ понимать скрытое значеніе народныхъ вспышекъ, но которые вовсе не доказываютъ религіозной нетерпимости или жажды грабежа. И самое ангельское терпѣніе имѣетъ свой предѣлъ. Какъ тихій ручей въ моментъ разлива дѣлается свирѣпымъ потокомъ, такъ и самый кроткій человѣкъ въ извѣстные моменты можетъ сдѣлаться звѣремъ.

Въ Берлинѣ мы разстались съ нѣмцами. Они разсчитывали провести въ будущей «столицѣ міра» недѣльку, передъ отъѣздомъ въ Россію, основательно заняться пивомъ и, если представится случай, найти себѣ подходящихъ нѣмокъ-супругъ, чтобы въ Россіи, куда они ѣхали управлять заводами, не быть въ одиночествѣ. Они хвастали, что заведутъ настоящіе порядки и пріучатъ «русскую свинью» къ аккуратности... Эти самодовольные, налитые пивомъ джентльмены, признаюсь,

---

*) Газеты «Новое Время» и «Русь» неоднократно доказывали.
Прим. переводчика.

произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Прежде мы, англичане, считались самымъ самодовольнымъ народомъ, а теперь, кажется, очередь за нѣмцами.

Изъ Берлина мнѣ пришлось ѣхать въ компаніи русскихъ. Двѣ молодыя дамы и четверо мужчинъ были моими спутниками. Сперва всѣ молчали, искоса поглядывая другъ на друга, но мало-по-малу заговорили. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о пріятностяхъ парижской жизни, о курсѣ и о противной нѣмецкой кухнѣ, разговоръ перешелъ на русскія дѣла, и всѣ, въ томъ числѣ и дамы, проявили, во-первыхъ, необыкновенный интересъ къ внутренней политикѣ—чего прежде я не замѣчалъ—и, во-вторыхъ, обнаружили какую-то нервную тревожность. Всѣ оказались, такъ или иначе, смущенными; всѣ съ какимъ-то недоумѣніемъ задавали вопросъ о будущемъ и пожимали плечами.

И два года тому назадъ, во время пребыванія моего въ Россіи, я замѣчалъ, что русскіе—особенно при закрытыхъ дверяхъ—любятъ поболтать о политикѣ, о времяпрепровожденіи и содержаніи самыхъ вліятельныхъ лицъ, но тогда во всѣхъ этихъ бесѣдахъ я не слышалъ этого унылаго тона, этого ожиданія чего-то—чего именно, никто не объяснитъ,—который поразилъ меня теперь. И что крайне характерно, Дженни: эта, если можно такъ выразиться, растерянность, этотъ неопредѣленный страхъ передъ будущимъ,—какъ я убѣдился впослѣдствіи изъ бесѣдъ съ представителями различныхъ классовъ,—не исключительное явленіе. Въ той или другой формѣ, скрывая тѣ или другія желанія, но всюдѣ слышится какая-то унылая нота, полная неопредѣленности и тревоги... Это не рѣзкій тонъ здороваго скептицизма, чувствующаго подъ собой почву; это не смѣлое заглядываніе правдѣ въ глаза—нѣтъ... Сколько я понимаю и могу судить, это какое-то шатаніе неопредѣленной мысли, застигнутой врасплохъ, положеніе человѣка, стукнувшагося лбомъ въ стѣну.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что мнѣ приходилось здѣсь встрѣчать джентльменовъ, не только ничѣмъ не смущенныхъ, но, напротивъ, необыкновенно весело смотрящихъ вокругъ и даже рекомендующихъ въ 24 часа воспретить всякое смущеніе *); однако такихъ, какъ мнѣ сказывали, немного... Да и эти господа притворяются, ради своихъ интересовъ.

Даже мой русскій другъ, тотъ «истинно-русскій джентльменъ», отважный въ рѣшеніи самыхъ запутанныхъ вопросовъ, который прежде не только не унывалъ, а всегда разсчитывалъ на могущество русскаго духа и въ бесѣдахъ со мной ссылся на то, что Россія находится подъ особымъ покровительствомъ Господа Бога и потому должна идти про-

---

*) Ничего подобнаго въ газетахъ не сообщали. Очевидно, знатный иностранецъ былъ введенъ въ заблужденіе какими-нибудь ложными слухами.
Прим. переводчика.

виденціальнымъ путемъ, — даже и этотъ никогда не унывающій другъ поразилъ меня при свиданіи. Онъ какъ-то пріунылъ, спустилъ тонъ, и хотя говорилъ о «подъемѣ народнаго духа» попрежнему, но далеко не съ прежнимъ апломбомъ... Правда, за это время онъ остался за штатомъ (на его мѣсто нашелся человѣкъ, обѣщавшій сократить расходы по управленію на пятьсотъ фунтовъ) и находится на half-pay; быть-можетъ, эта уменьшенная порція и повліяла угнетающимъ образомъ на моего друга, но, съ другой стороны, принимая въ соображеніе, что мой другъ, въ качествѣ піонера цивилизаціи, довольно дешево пріобрѣлъ въ Царствѣ Польскомъ большое имѣніе, я все-таки недоумѣвалъ, когда услышалъ знакомый голосъ, не звучащій прежней рѣшительностью, невольно заставлявшей вздрагивать въ первый моментъ.

Когда, послѣ обычныхъ привѣтствій, мы разговорились и рѣчь подошла къ теоретическому вопросу о политикѣ вообще, мой другъ рѣшительно и чистосердечно сознался, что если-бъ ему предложили спеціально заниматься политикой, то онъ рѣшительно не зналъ бы, какой держаться политики.

Такая скромность въ джентльменѣ, отвага котораго была выше сомнѣнія, изумила меня, и я невольно проговорилъ:

— Вы слишкомъ скромны, генералъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, милордъ, тутъ не въ скромности дѣло.

— Въ чемъ же?

— А въ опытѣ. Когда, лѣтъ десять тому назадъ, а можетъ-быть, и больше, я управлялъ однимъ большимъ частнымъ учрежденіемъ, я испробовалъ рѣшительно всѣхъ политикъ понемногу...

— И что же?..

— И ровно ничего!—проговорилъ онъ не безъ грусти:—ни малѣйшаго толка. Сперва, видите ли, я сдѣлалъ опытъ политики очарованія... Вначалѣ всѣ подчиненные ошалѣли и превознесли меня, а маленькая мѣстная газетка ежедневно печатала мой портретъ на видномъ мѣстѣ и называла меня Лафайстомъ, но затѣмъ въ концѣ концовъ очарованіе стало проходить, и на многихъ лицахъ я прочелъ недовѣріе, словно бы они хотѣли сказать: «Надуешь, братъ!..»—«А? Надуешь? Хорошо же... Я съ вами иначе заговорю». И объявилъ тогда я имъ другую политику. «Чуть что замѣчу, то немедленно... безъ разговоровъ». Такой краткій меморандумъ я приказалъ вывѣсить на всѣхъ видныхъ мѣстахъ въ залахъ... Опять-таки мѣстная газета ежедневно печатала мой портретъ въ заголовкѣ газеты и сравнивала меня съ Бонапартомъ, но вслѣдъ за этимъ увидалъ я вокругъ себя такое уныніе и въ то же время какъ бы насмѣшку, что я и самъ пріунылъ. Уныніе дѣйствуетъ заразительно; отъ тоски я не зналъ, куда дѣться... Кто ни приходитъ ко мнѣ по дѣламъ службы, всякій трепещетъ и норовитъ скорѣй удрать... По вечерамъ, когда составлялась партія, снова трепещутъ...

Это мнѣ наконецъ, милордъ, до того надоѣло, что я издалъ циркуляръ, чтобы подчиненные трепетать перестали, а, напротивъ, чтобъ радовались, такъ какъ, въ виду очевиднаго ихъ раскаянія, политика искорененія отмѣняется; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ всѣ знали, что у меня есть политика, я объявилъ новую политику. «Заботы о меньшемъ братѣ суть первыя обязанности христіанина». Такое объявленіе я велѣлъ расклеить на всѣхъ видныхъ мѣстахъ... На другой вечеръ я гуляю по улицамъ и бесѣдую по душѣ о томъ, о семъ съ рабочими, захожу къ нимъ, разспрашиваю про ихъ нужды. Мѣстная газета опять-таки печатаетъ мой портретъ на видномъ мѣстѣ и называетъ меня не иначе, какъ другомъ народа... Такъ прошло, милордъ, недѣли двѣ, и я думалъ, что наконецъ я напалъ на настоящую дорогу, какъ вдругъ докладываютъ мнѣ, что между рабочими,—а ихъ у меня было тысячъ до двухъ,—идутъ превратные толки, будто у нихъ вскорѣ и жалованья будетъ больше и помѣщенія лучше... однимъ словомъ, возмечтали они невѣсть что... Я было сталъ объяснять имъ, что насчетъ этого никакихъ предписаній нѣтъ, что это наконецъ очень трудное дѣло, что со временемъ, когда изыщутся другіе способы облегчить ихъ положеніе, я съ своей стороны сдѣлаю все зависящее отъ меня... Однимъ словомъ, я, милордъ, сталъ успокаивать ихъ, но вмѣсто того, чтобы встрѣтить сочувствіе въ нихъ, встрѣтилъ, напротивъ, самую черную неблагодарность: они въ самомъ дѣлѣ вообразили, что моя политика должна выразиться сообразно ихъ нелѣпымъ ожиданіямъ. Вижу я, что съ такой манерой, чего добраго, доведешь нашъ добрый народъ до бунта—очень они у насъ, милордъ, легковѣрны насчетъ разныхъ ожиданій—и, дабы предотвратить большія опасности, попросилъ, знаете ли, одного знакомаго, по-отечески, дать имъ вразумительное объясненіе. Вернулся я домой, признаться, нѣсколько смущенный насчетъ избранія новой политики. Какую теперь объявить политику, чтобы наконецъ ободрить всѣхъ моихъ служащихъ? Думалъ я, милордъ, день, думалъ другой, думалъ третій... И рѣшилъ я—вести дѣло безъ всякой политики. Сказано, сдѣлано и объявлено. Мало-по-малу все пошло какъ будто по-старому, но вижу я—все-таки служащіе грустятъ и втайнѣ какъ будто меня ругаютъ. Этакаго общаго унынія нѣтъ, а какая-то повсемѣстная меланхолія. Спросишь, бывало, одного, другого, третьяго и чувствуешь, что ни на кого положиться нельзя... И притомъ всѣ чего-то ждутъ... Я самъ, видите ли, пріѣхавши на уральскіе заводы, избаловалъ ихъ политикой, и теперь они были видимо недовольны, что не объявлено никакой политики... И стала, милордъ, у насъ такая скука, что хоть вонъ бѣги; я-было ужъ думалъ начать сызнова, т. е. опять по очереди перепробовать всѣ политики, но перешелъ на другое мѣсто и пересталъ заниматься политикой! Вотъ, милордъ, къ какимъ результатамъ привели меня мои опыты... Къ очень неудовлетворительнымъ!

Нечего, кажется, и объяснять тебѣ, Дженни, что вышеприведенный

разсказъ, свидѣтельствующій, безъ сомнѣнія, объ искренности моего русскаго друга, нѣсколько удивилъ меня. Никогда мнѣ не приходилось слышать такой правдивой исповѣди отъ русскаго джентльмена, занимавшагося политикой и пришедшаго къ такому безотрадному выводу относительно плодотворности своихъ системъ. При этомъ особенно бросалась въ глаза нѣкоторая наивность и не совсѣмъ точное знакомство разсказчика съ сущностью разныхъ видовъ политики... Но зато, смѣю тебя увѣрить, онъ былъ одушевленъ самыми добрыми намѣреніями, когда производилъ свои опыты, и въ настоящее время, при несомнѣнной своей впечатлительности, такъ же искренно растерянъ... Вотъ эта-то растерянность, прежде совсѣмъ незамѣтная въ русскихъ, и поражаетъ меня въ нынѣшній мой пріѣздъ въ эту гостепріимную страну, полную всякихъ чудесъ.

Мои случайные спутники вплоть до самой границы не переставали болтать о разныхъ разностяхъ, при чемъ главнымъ предметомъ этихъ бесѣдъ служили разные слухи—и иногда самые неправдоподобные—о фактахъ, не сообщаемыхъ, къ сожалѣнію, въ газетахъ. И что всего удивительнѣе, Дженни, это-то, что люди, повидимому, разныхъ взглядовъ съ одинаковымъ злорадствомъ относились къ передаваемымъ слухамъ. Старый, сухой какъ мумія, высохшій джентльменъ, занимавшій прежде довольно значительный постъ, слушалъ разсказъ одного молодого господина о безпорядкахъ въ его вѣдомствѣ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и остальные, при чемъ въ болѣе пикантныхъ мѣстахъ смѣялся, какъ и остальные слушатели; особенно, замѣтилъ я, интересуютъ публику разсказы о полицейской службѣ... Не знаю, насколько можно довѣрять молодому джентльмену, разсказывавшему нѣкоторыя черты изъ дѣятельности въ этой отрасли,—но, признаюсь, онѣ казались мнѣ преувеличенными и скорѣй походили на сказку... Больше всѣхъ и добродушнѣе всѣхъ смѣялся мой vis-à-vis, предобродушный толстякъ-старикъ, съ очень добрымъ и симпатичнымъ лицомъ; словоохотливый, веселый, знавшій массу анекдотовъ изъ міра разныхъ учрежденій, очень неглупый,—онъ заинтересовалъ меня болѣе другихъ, и я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Оказалось, что это чиновникъ въ отставкѣ, живущій на пенсію; ѣздилъ онъ въ Карлсбадъ и возвращался домой, отчаявшись въ возможности спустить свое брюшко... Гдѣ онъ только ни служилъ, въ какихъ вѣдомствахъ ни перебывалъ! Только въ Россіи, Дженни, можно встрѣтить такихъ, если можно выразиться, чиновниковъ-энциклопедистовъ, и вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему здѣсь чиновники оказываются на высотѣ самыхъ разнообразныхъ положеній и рѣдко отказываются отъ занятій, какую бы они ни представляли трудность. Изъ краткой біографіи, обязательно сообщенной мнѣ моимъ сосѣдомъ, ты убѣдишься въ разносторонности дѣятельности этого господина... Сперва офицеръ, онъ затѣмъ дѣлается педагогомъ, потомъ служитъ въ лѣсномъ вѣдомствѣ,

откуда попадаетъ въ редакторы мѣстной газеты, послѣ чего поступаетъ въ частное сельскохозяйственное учрежденіе, откуда за либеральный образъ мыслей увольняется и дѣлается исправникомъ, послѣ чего выходитъ въ отставку и, въ настоящее время пребывая на покоѣ, онъ отъ души и не безъ остроумія смѣется надъ тѣми вѣдомствами, въ которыхъ прежде служилъ, такъ какъ по натурѣ онъ очень веселый джентльменъ... Изъ его разсказовъ оказывается, что вездѣ почти дѣятельность его шла въ разрѣзъ съ его убѣжденіями, но онъ служилъ, такъ какъ надо же чѣмъ-нибудь жить.

Эта черта, Дженни, очень распространенная въ Россіи и съ перваго взгляда удивляющая иностранцевъ. Мнѣ приходилось встрѣчать, во время моего перваго пребыванія въ Россіи, массу людей, не вѣрящихъ въ плодотворность того дѣла, которому служатъ и надъ которымъ даже смѣются въ интимномъ разговорѣ. Такъ, я зналъ полицейскаго чиновника, сокрушавшагося объ обязанностяхъ, которыя ему приходилось нести, и сокрушавшагося, повидимому, самымъ искреннимъ образомъ, что̀ не мѣшало ему однако исполнять эти обязанности болѣе чѣмъ усердно и, потомъ, снова сокрушаться; я зналъ прокуроровъ, не вѣрящихъ въ тѣ краснорѣчивыя рѣчи, которыя они произносятъ и въ которыхъ они требуютъ кары для какого-нибудь мелкаго воришки, въ виновность котораго сами не вѣрятъ; я зналъ чиновниковъ, которые первые смѣялись надъ своими проектами и между тѣмъ приводили ихъ въ исполненіе... словомъ, разладъ дѣла съ убѣжденіями и при этомъ ссылка на жену и дѣтей—составляетъ здѣсь весьма распространенное явленіе, служащее довольно характернымъ признакомъ общественнаго настроенія и имѣющее, конечно, свое объясненіе въ условіяхъ и особенностяхъ русскихъ нравовъ и въ распространенномъ здѣсь принципѣ: «на службѣ не разсуждать». Весьма вѣроятно, что этотъ принципъ, доведенный до конца, и образовалъ громадную армію чиновниковъ, не разсуждающихъ на службѣ, а только внѣ ея, отчего и происходитъ разладъ.

Въ такихъ болѣе или менѣе интересныхъ разговорахъ доѣхали мы до границы. Когда мы вступили въ предѣлы Россіи, діапазонъ бесѣдъ какъ-то внезапно понизился, разговоры вдругъ притихли и лица какъ-то вытянулись. Хотя впослѣдствіи разговоръ и возобновился, но принялъ иной, болѣе сдержанный характеръ... Даже и словоохотливый старикъ примолкъ и всю дорогу отъ границы до Динабурга клевалъ носомъ... Въ Динабургѣ я пересѣлъ въ поѣздъ, отправляющійся въ Москву, и черезъ день благополучно прибылъ въ этотъ городъ.

На станціи я увидѣлъ ту же картину, что̀ и два года тому назадъ: массу извозчиковъ, накидывающихся на пассажировъ съ остервенѣніемъ бандитовъ, и ту же фигуру русскаго полисмена, по уже въ другой формѣ, въ русскомъ вкусѣ и па видъ очень удобную, съ неменьшимъ остервенѣніемъ хлещущаго плашмя шашкой джентльменовъ,

занимающихся извозомъ, для соблюденія между ними порядка. Невдалекѣ расхаживалъ офицеръ и окидывалъ равнодушнымъ взглядомъ поле битвы... Когда наконецъ порядокъ былъ возстановленъ, т. е. болѣе неосторожные извозчики понесли нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, поврежденія своихъ физіономій, — я нанялъ одного потерпѣвшаго джентльмена и, отправивъ багажъ съ комиссіонеромъ въ гостиницу, самъ съ маленькимъ ручнымъ чемоданомъ въ рукахъ съ нѣкоторыми усиліями втиснулся въ своеобразный московскій экипажъ, называемый «пролеткой»... Особенность его заключается въ томъ, что во время дождя, когда поднимается верхъ, влѣзать въ эту пролетку довольно затруднительно, и дѣлать это надо съ осторожностью, если не желаешь расшибить ссбѣ лба; верхъ, назначенный, повидимому, для защиты отъ дождя, исполняетъ свое назначеніе только отчасти, такъ какъ въ этихъ экипажахъ фартуковъ нѣтъ и дождь безпрепятственно хлещетъ спереди. Попытки открыть зонтикъ тоже безполезны, такъ какъ пространство, оставляемое поднятымъ верхомъ, очень незначительно... Есть, правда, и открытыя дрожки; въ тѣхъ, какъ бы на смѣхъ, есть фартуки... Я не стану тебѣ описывать той пытки, которую выдержалъ я, совершивъ длинное путешествіе отъ станціи до гостиницы по мостовой, которой, по всей вѣроятности, былъ вымощенъ Дантовъ адъ, и могу сказать только, что когда я наконецъ пріѣхалъ въ гостиницу, то вздохнулъ отъ глубины облегченной души.

У подъѣзда обратилъ на себя мое вниманіе полисменъ, очень внимательно посматривавшій на мой ручной бѣленькій чемоданъ, но я не придалъ этому обстоятельству, разумѣется, никакого значенія и торопливо поднялся по широкой лѣстницѣ...

Наконецъ я въ номерѣ—небольшомъ, но опрятномъ номерѣ. Первой моей мыслью было вымыться, но прошло съ добрыхъ четверть часа, а никто не являлся на мое настоятельное приглашеніе электрическимъ звонкомъ; наконецъ терпѣніе мое стало истощаться, я вышелъ въ коридоръ и, увидавъ слугу, тотчасъ же произнесъ одно изъ тѣхъ энергическихъ словъ, которыми такъ богатъ русскій языкъ и съ помощью которыхъ, по словамъ русскихъ начальниковъ, лучше всего возбуждается экспансивность... Это средство—какъ ни стыдно мнѣ за его употребленіе—возымѣло свое дѣйствіе. Слуга, принявъ меня, вѣроятно, за русскаго генерала, тотчасъ же съ предупредительностью чистолакейскою, удовлетворилъ моимъ требованіямъ.

Въ тотъ же день я посѣтилъ издателя «Московскихъ Вѣдомостей», но, къ сожалѣнію, не засталъ дома и оставилъ карточку, прося назначить день свиданія. Затѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, побывалъ за городомъ въ одномъ весьма миломъ русскомъ семействѣ и, вернувшись вечеромъ домой, замѣтилъ исчезновеніе моего чемодана. Потребовавъ объясненія, я узналъ отъ слуги, что мой чемоданчикъ, обыкновенный бѣлый парусинный чемоданчикъ, былъ унесенъ полисменомъ

въ участокъ, при чемъ слуга довольно подозрительно оглядѣлъ меня и прочиталъ нравоученіе весьма двусмысленнаго характера. Очень хорошо зная изъ прежняго моего пребыванія въ Россіи, что недоразумѣніе съ чемоданомъ разъяснится, я спокойно легъ спать. На другой день, какъ только я проснулся, въ дверь моего номера робко просунулась сконфуженная фигура того самаго полисмена, котораго наканунѣ я замѣтилъ на подъѣздѣ. Въ рукахъ у него былъ мой чемоданъ. Бѣдняга былъ смущенъ и взволнованъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, отвѣсилъ мнѣ самый почтительный поклонъ и робко-робко проговорилъ:

— Не губите, ваше превосходительство!.. Я человѣкъ маленькій... кормиться надо, а наше жалованье небольшое!..

Я успокоилъ его и просилъ объяснить, въ чемъ дѣло. Какимъ образомъ чемоданъ мой очутился въ участкѣ?..

— Онъ не былъ въ участкѣ. Это я такъ лакею сказалъ только.

Изъ данныхъ этимъ джентльменомъ объясненій, правда, довольно сбивчивыхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайне темныхъ, оказалось слѣдующее: полисменъ читалъ газеты и изъ газетъ узналъ, что феніи бунтуютъ и безпокоятъ правительство королевы Викторіи, и что за поимку бунтовщиковъ выдаются англичанами большія награды. Воодушевленный добрыми намѣреніями поймать фенія и получить награду, онъ, проходя по дѣламъ службы около гостиницы, вдругъ увидѣлъ меня и, главное, чемоданчикъ, возбудившій внезапно его подозрѣнія. На мои вопросы, что именно во мнѣ и въ чемоданѣ возбудило подозрѣнія,— онъ чистосердечно отвѣчалъ:

— Изъ себя вы въ родѣ какъ будто нѣмца и въ лицѣ будто угрожающій видъ... Ужъ вы простите, ваше превосходительство!

— Ну, а чемоданъ чѣмъ поразилъ васъ?..

— Такой махонькій, бѣленькій, аккуратненькій, я такихъ не видалъ и подумалъ: это не чемоданъ, а штука какая-нибудь. Мало ли феніи выдумываютъ этихъ пакостей...

Съ той минуты у этого добраго, но, очевидно, приглуповатаго малаго явилось непреклонное намѣреніе арестовать меня и мой чемоданъ, но такъ, чтобы я не успѣлъ произвести этимъ чемоданомъ никакого пикому вреда. Не желая раздѣлять съ кѣмъ бы то ни было славы подвига, онъ никому не сообщилъ о своемъ подозрѣніи и, смѣнившись съ дежурства, подговорилъ слугу и такимъ образомъ унесъ мой чемоданъ на квартиру, гдѣ его и оставилъ, приказавъ женѣ отнюдь къ нему не касаться... Затѣмъ, узнавъ отъ извозчиковъ, стоящихъ у гостиницы, куда я нанималъ дрожки, онъ слѣдилъ за мною до самаго вечера.

Я не могъ, Дженни, безъ улыбки слушать, когда онъ разсказывалъ, съ какой осторожностью онъ принялся за чемоданъ. Онъ отнесъ его на дворъ и тамъ началъ осмотръ... Когда онъ убѣдился, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, что грязное бѣлье не причиняетъ, при бросаніи его, никакихъ эффектовъ, онъ опечалился, а узнавъ, что я прописанъ въ

качествѣ знатнаго иностранца, страхъ его достигъ еще бо́льшихъ размѣровъ. Наконецъ онъ рѣшилъ явиться съ повинной.

Нечего и говорить, что я отъ всего сердца простилъ бѣднягу, обѣщалъ не доводить этого дѣла до свѣдѣнія его начальства и возмѣстилъ его расходы на извозчика, въ вознагражденіе за проявленіе добрыхъ чувствъ относительно нашего правительства. Тѣмъ это недоразумѣніе и окончилось.

До слѣдующаго письма.

Письмо семьдесятъ шестое.

Дорогая Дженни!

Прежде чѣмъ разсказать тебѣ о моей бесѣдѣ съ знаменитымъ издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей», передать впечатлѣнія по выставкѣ и описать любопытную поѣздку, въ очень пріятномъ обществѣ, въ подмосковное село «Братцево»,—сообщу тебѣ о недавней катастрофѣ, нѣсколько возбудившей сонное русское общество. Ты, конечно, знаешь изъ телеграммъ о фактѣ, по изъ прилагаемыхъ отрывковъ, переведенныхъ для себя изъ русскихъ газетъ, ты прочтешь хватающія за сердце подробности. Количество жертвъ еще не опредѣлилось, но ихъ немало; трупы отрываютъ...

Какъ ни печаленъ самъ по себѣ этотъ случай, но онъ возбуждаетъ невольную горькую улыбку, когда подумаешь, что для нашихъ притупленныхъ нервовъ непремѣнно нужны человѣческія кости, искалѣченные трупы, потоки крови, чтобы возбудить человѣческія чувства. Теперь и газеты и публика только и говорятъ, что объ этомъ несчастіи... Всѣ затронуты, всѣ возмущены образомъ дѣйствій желѣзнодорожнаго начальства, не потрудившагося даже организовать скорую помощь, не исправившаго насыпи, ненадежность которой указывалась давно, наживавшаго милліоны и жалѣвшаго грошей; всѣ говорятъ, негодуютъ и торопливо ищутъ виновныхъ, какъ бы опасаясь, чтобы виновными не оказались, какъ здѣсь часто случается, мелкіе агенты или какой-нибудь сторожъ...

Я не ошибусь, если скажу, что для огромнаго большинства нужно ристалище съ потоками крови, чтобы возбудить вниманіе и какое-то подобіе протеста. Безъ этого здѣсь равнодушно проходятъ мимо еще болѣе возмущающихъ зрѣлищъ и фактовъ, мимо жертвъ, заслуживающихъ еще большаго вниманія, мимо человѣческихъ жизней, изнемогающихъ день за день, подвергающихся всѣмъ случайностямъ неравной борьбы съ насиліемъ, непосильнаго труда съ пожирающимъ Молохомъ, этимъ царемъ нашего времени. Вымри постепенно цѣлая деревня, цѣлое населеніе фабрики—тутъ и глазомъ не моргнутъ... а дай имъ тѣсто изъ нѣсколькихъ труповъ — русскіе проливаютъ слезы... Непостижимая впечатлительность!..

Неизгладимый позоръ легъ на всѣхъ насъ за это безжалостное

истребленіе города, за это варварское бомбардированіе, за это вмѣшательство въ дѣла чужой національности, и на имя Гладстона отнынѣ ляжетъ пятно, которое не проститъ исторія; но если вникнуть хорошенько, то развѣ не роковымъ образомъ вся современная цивилизація ведетъ насъ къ грабежу и насилію... Гладстонъ лично, конечно, честнѣйшій человѣкъ, но онъ представитель тѣхъ классовъ, существованіе которыхъ основывается на насиліи... При этой системѣ нужны рынки, подайте рынки!.. И слабый падаетъ, сраженный сильнымъ... Рынокъ найденъ, рабочему есть работа, и грозный призракъ страшнаго разсчета дома опять отодвинутъ, пока наконецъ не придется расчитываться за отцовъ...

Тотъ же всемогущій Молохъ, на службѣ у котораго всѣ силы цивилизаціи,—и здѣсь, въ кукуевской катастрофѣ, играетъ немаловажную роль... Онъ посмѣивается, глядя на трупы, и не боится этихъ прокуроровъ, добивающихся истины и требующихъ къ отвѣту виновныхъ... Въ самомъ дѣлѣ, кто виноватые?.. Они, во всякомъ случаѣ, нужны, хотя бы въ интересахъ тѣхъ самыхъ жрецовъ золотого тельца, которые еще не успѣли подарить общество другимъ кровавымъ зрѣлищемъ, въ родѣ желѣзнодорожной катастрофы и бывшаго здѣсь весной ужаснаго пожара на Хлудовской фабрикѣ.

У насъ, по крайней мѣрѣ, золотой телецъ, сдерживаемый въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательствомъ, сдерживаемый, впрочемъ, настолько, насколько требуютъ приличія и политическое настроеніе рабочихъ массъ, является, хоть и съ ворчаніемъ обиженнаго, на помощь пострадавшимъ, уплачивая преміи за увѣчья и вознагражденіе семьямъ погибшихъ; но въ Россіи вопросъ о вознагражденіи является довольно темнымъ вопросомъ, и жизнь и члены здѣсь цѣнятся гораздо дешевле... Такъ, напримѣръ, выдача за сломанную ногу пяти, за руку—трехъ рублей случается довольно часто, и то въ томъ только случаѣ, если юрисконсульты желѣзныхъ дорогъ не успѣютъ доказать, что потерявшій ногу, руку или даже всего себя не сдѣлалъ это умышленно, изъ желанія насолить начальству. Корреспонденціи съ мѣста происшествія сообщаютъ, что одинъ изъ директоровъ дороги пріѣзжалъ и раздавалъ деньги: кому 5, кому 10 р., кому и 50, и при этомъ удивлялся, что такъ мало спрашиваютъ...

Газеты русскія усердно отыскиваютъ виновныхъ. Теперь обнаружилось, что на насыпь, размытую дождемъ, давно указывали; одинъ управляющій даже будто бы связывалъ вопросъ объ совершенной передѣлкѣ ея съ выходомъ въ отставку; но этотъ безпокойный инженеръ будто бы замолчалъ, когда ему дали другое хорошее мѣсто; вообще вся эта дорога построена, какъ утверждаютъ, весьма скверно. Кто-жъ виновные? Строители ли, строившіе эту дорогу на казенный счетъ, нынѣшніе ли хозяева дороги, принявшіе ее, инспектора ли, управляющій ли?.. Мнѣ кажется, что если добросовѣстно начать слѣдствіе и

привлечь дѣйствительно *всѣхъ* виноватыхъ, то передъ судомъ явится такая огромная толпа всѣхъ этихъ прикосновенныхъ, что само общество въ страхѣ откажется отъ обвиненія своей плоти и крови, и поступитъ, какъ поступилъ, говорятъ, покойный императоръ Александръ II, когда послѣ крымской кампаніи прикосновенныхъ къ злоупотребленіямъ явилось такое множество, число прикосновенныхъ грозило увеличиться до такихъ грандіозныхъ размѣровъ и наконецъ въ числѣ ихъ были такія лица, что императоръ приказалъ прекратить слѣдствіе, конца которому не предвидѣлось.

Разумѣется, нѣсколько козловъ отпущенія будутъ испытывать на себѣ краснорѣчіе обвинительныхъ агентовъ, но до этого времени утечетъ много воды; русскій человѣкъ необыкновенно забывчивъ, и когда черезъ годъ виноватыми окажутся только начальникъ станціи, изувѣченный машинистъ, покойный оберъ-кондукторъ и сторожъ,—то русская публика, мнѣ кажется, и забудетъ о своемъ порывѣ негодованія и протеста противъ этого бьющаго въ глаза факта распущенности... Чтобы дать тебѣ понятіе, Дженни, о виноватыхъ, я разскажу нѣсколько легендъ о постройкахъ здѣсь желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ приведу легенду о «честномъ человѣкѣ»,—легенду, слышанную мною недавно. Изъ этого ты очень хорошо поймешь, почему Молохъ посмѣивается надъ этимъ порывомъ и мигаетъ пачальству самымъ дружелюбнымъ манеромъ.

Пока газеты не нашли еще всѣхъ виновныхъ, я приведу отзывъ «Русскаго Курьера», который, по моему мнѣнію, вѣрнѣе другихъ отправился на поиски. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ русская газета по поводу желѣзнодорожной катастрофы:

«Мы пожинаемъ теперь то, что мы все это время сѣяли съ усердіемъ поистинѣ возмутительнымъ; мы собираемъ теперь плоды нашей системы завѣдыванія народными и общественными дѣлами. Да,—и эта жатва, эти плоды суть *развратъ и деморализація!* Эти два *бича* всякаго человѣческаго общества господствуютъ въ нашей жизни и являются всеобъясняющей причиной всего съ нами происходящаго, всего того, чего мы ежечасно бываемъ и жертвами и свидѣтелями...

«Кукуевская катастрофа—это не есть только желѣзнодорожное несчастіе, стоившее жизни сотнямъ людей... Это цѣлый обвинительный актъ противъ всеобщихъ, заурядныхъ понятій и обычаевъ цѣлой среды нашихъ желѣзнодорожныхъ хищниковъ и міроѣдовъ, противъ нравовъ и порядковъ всевозможныхъ инспекцій и наконецъ противъ формализма, какъ будто закравшагося даже въ вѣдомство прокуратуры».

Обвиняя затѣмъ правленіе, строителей, инженеровъ дороги, благодушество прокуратуры и «сонмъ жандармовъ и полицейскихъ», явившійся не допускать къ тѣламъ погибшихъ ихъ родственниковъ и близкихъ,—газета заключаетъ свою филиппику слѣдующими словами:

«Становится, къ несчастію, неопровержимо доказаннымъ, что масса

русскаго общества, выдѣляющая изъ себя дѣятелей всѣхъ означенныхъ выше категорій, оказывается въ концѣ деморализованной, а дѣятели, фигурирующіе, какъ въ данномъ случаѣ, на довольно видныхъ мѣстахъ дѣятельности казенной и общественной, столь развращенными, что ими утрачены уже всякія элементарныя понятія о человѣчности, о приличіи, о собственномъ самосохраненіи, вмѣсто которыхъ у нихъ господствуютъ глубоко засѣвшіе, широко пустившіе корни, инстинкты алчности, наживы и бездушнаго эгоизма!

«Нѣтъ послѣдствій безъ причины, какъ не бываетъ дыму безъ пламени. Всякое народное и общественное явленіе, все равно, хорошее ли или дурное, находитъ свою исходную точку и свою «raison d'être» въ какихъ-нибудь условіяхъ, имъ благопріятствующихъ, среди которыхъ народъ и общество пребываютъ. Передовая часть русскаго общества и честная пресса не переставали постоянно, подъ страхомъ даже преслѣдованій, каръ и доносовъ «охранителей», твердить во всеуслышаніе, что канцелярская тайна, что бюрократическіе порядки, всегдашняя, систематическая безнаказанность сильныхъ міра и всегдашняя безуспѣшность борьбы правдивыхъ, честныхъ и благонамѣренныхъ общественныхъ силъ противъ темныхъ и злонамѣренныхъ—породили и размножили по лицу земли русской цѣлыя колоніи хищниковъ, грабителей и эксплоататоровъ народа и самого правительства, которые и тому и другому служатъ во вредъ, являясь виновниками позорящихъ наше отечество гнусностей, отъ которыхъ приходится краснѣть всякому истинному патріоту».

О томъ, какъ строились въ Россіи желѣзныя дороги, какъ получались концессіи, существуетъ такая масса разсказовъ, и притомъ такихъ фантастическихъ, что незнающій русскихъ правдивыхъ сказаній подумалъ бы, что ему разсказываютъ сказку изъ «Тысяча одной ночи». Я не стану передавать тебѣ разныя подробности—иногда даже мелодраматическія—этой эпопеи. Замѣчу только, что въ ней ты бы могла найти всѣ обычные элементы сказки: и прекрасную царевну изъ города Риги, и коварную вдову-генеральшу, и неподкупнаго министра, у котораго непремѣнно продажный секретарь, и «Принцессу на горошинахъ», которой незамѣтно кладутъ подъ перину талисманъ и она незамѣтно его прячетъ въ карманъ, и двухъ-трехъ «Иванушекъ-дурачковъ», въ образѣ Поляковыхъ, Губонинныхъ, фонъ-Дервизовъ, соперниковъ въ погонѣ за прекрасной дѣвой «Концессіей», окруженныхъ цѣлой свитой инженеровъ, разныхъ пройдохъ-аферистовъ, промотавшихся дворянъ и продажныхъ писакъ и чиновниковъ... Когда Россія была охвачена желѣзнодорожной горячкой, тогда вдругъ явились всѣ эти «Иванушки-дурачки» и изъ бывшихъ маленькихъ темныхъ плутовъ сдѣлались большими концессіонерами... Получить концессію—значило сдѣлаться самому милліонеромъ, наградить нѣсколько десятковъ фей и амуровъ громадными состояніями, нѣсколько сотенъ про-

ходимцевъ изрядными, инженеровъ посредственными, и въ концѣ концовъ припадутъ казну, сдѣлавъ постройку налегкѣ... Въ тѣ времена концессіонеры въ столицахъ были въ большой модѣ; они сѣяли золото направо и налѣво—гдѣ нужнѣй, приглашали поэтовъ въ гувернеры и чуть ли не ѣздили въ «золотыхъ каретахъ», имѣя на запяткахъ по одному отпрыску благородныхъ, русскихъ промотавшихся лордовъ; говорятъ даже—не могу сказать, насколько это справедливо—что въ тѣ времена многіе представители дворянскихъ родовъ предлагали допустить надъ собой процессъ обрѣзанія, чтобы только захватить что-нибудь въ этой оргіи наживы...

Инженеры, особенно холостые, были въ то время героями дня, и такса на нихъ сразу поднялась; русскія провинціальныя барышни говорили не иначе, какъ «душка инженеръ», и такъ косились на этихъ душекъ, что многіе браки были заключаемы съ необычайной поспѣшностью. Если бѣллетристы не избирали инженеровъ героями, то только потому, что со временъ графа Клейнмихеля, начальника инженеровъ, они пользовались репутаціей самыхъ отчаянныхъ и неуловимыхъ воровъ (разумѣется, были и есть исключенія, и притомъ отрадныя,—я лично знаю порядочныхъ русскихъ инженеровъ, но я говорю про большинство, а не исключеніе).

Когда дорога кончалась и всѣ, кромѣ мужиковъ-рабочихъ, считали барыши, снова начиналась феерія... Изъ Петербурга пріѣзжали суровыя лица, между которыми, какъ вьюнъ, вертѣлся строитель, нѣсколько смущенный... Начинался осмотръ дороги, при чемъ болѣе выдержанные дольше хмурились и внимательнѣе осматривали линію, пока внезапно не чувствовали нездоровья и не останавливались гдѣнибудь на ночлегѣ, откладывая дальнѣйшій осмотръ и слѣдовательно открытіе дороги... Грустное настроеніе строителя, посредничество инспектора, тайное свиданіе, выздоровленіе и на другой день—сказкѣ конецъ... Дорога открыта. Торжественный обѣдъ, спичи, тосты и, разумѣется, не бывали забыты и тосты за здоровье русскихъ рабочихъ, часть которыхъ, впрочемъ, никакъ не могла даже принять къ свѣдѣнію этого пожеланія, такъ какъ тифъ убралъ ихъ со свѣта гораздо ранѣе этого торжества.

Затѣмъ... Но я и безъ того, Дженни, распространился, передавая тебѣ вкратцѣ сказки о желѣзныхъ дорогахъ. Въ слѣдующихъ письмахъ отвлекаться не буду и разскажу свои московскія впечатлѣнія. Будь здорова.

Письмо семьдесятъ седьмое.

Дорогая Дженни!

Этотъ разъ я доѣхалъ до русской столицы вполнѣ благополучно, не испытавъ въ пути никакихъ особенныхъ приключеній, достойныхъ вниманія. Твои опасенія, какъ я и предвидѣлъ, оказались совершенно

напрасными и только лишній разъ подтвердили—ужъ извини, Дженни!—легкомысліе, съ какимъ ты, женщина вообще разсудительная, когда дѣло не касается Россіи и поведенія твоего вѣрнаго Джонни,—вѣришь всевозможнымъ нелѣпостямъ, которыя печатаются въ нашихъ газетахъ о русскихъ и ихъ странѣ. Спѣшу тебя успокоить, что доѣхалъ я цѣлъ и невредимъ (не каждый же день здѣсь случаются кукуевскія катастрофы!), что меня нигдѣ не задержали, ни разу не приняли, по ошибкѣ, ни за ирландскаго гомрулера, ни за соціалиста, ни за тайнаго агента Бисмарка, ни разу даже не допрашивали: кто я и зачѣмъ ѣду въ Петербургъ (тѣмъ болѣе, что паспортъ мой былъ основательно осмотрѣнъ на границѣ), и у меня только отобрали старый нумеръ «Daily News», въ который были завернуты ботинки, для отправленія его на просмотръ въ цензурный комитетъ.

Здѣсь, Дженни, существуетъ правило: всѣ произведенія иностранной печати предварительно посылать на разсмотрѣніе компетентныхъ лицъ (преимущественно изъ лучшихъ ученыхъ силъ страны *), которыя бы могли избавлять своихъ соотечественниковъ отъ напрасной траты времени на чтеніе сочиненій, не заслуживающихъ вниманія. Такимъ образомъ, благодаря этому обычаю, который я не затруднюсь назвать похвальнымъ, русскіе, во-первыхъ, сберегаютъ много драгоцѣннаго времени и, во-вторыхъ, читаютъ только дѣйствительно хорошія книги, вслѣдствіе чего, надо думать, и умственный горизонтъ русскихъ держится на опредѣленной высотѣ.

Съ нумеромъ «Daily News» случилось, какъ принято здѣсь выражаться, маленькое недоразумѣніе. Этимъ словомъ русскіе, какъ я слышалъ, обозначаютъ самыя разнообразныя понятія. Такъ, напримѣръ, и драку съ поврежденіемъ членовъ, и очистку кассы, и нѣсколько продолжительное пребываніе въ police station, и внезапную командировку, съ ученою цѣлью, въ малонаселенную область имперіи, и столкновеніе съ евреями—словомъ, всѣ сколько-нибудь выдающіяся явленія частной и общественной жизни русскіе коротко называютъ «недоразумѣніями» **), какъ бы свидѣтельствуя, что такія отклоненія отъ нормальнаго существованія происходятъ лишь отъ недостаточнаго проникновенія разумомъ и имѣютъ временный характеръ.

Агентъ, производившій досмотръ и конфисковавшій газету, джентльменъ вполнѣ обходительный, приличный и любезный, вѣроятно, по недостаточному знакомству съ нашимъ языкомъ, принялъ насчетъ русскихъ всѣ тѣ рѣзкія мѣста, которыми была полна передовая статья «Daily News», посвященная Турціи и ея правительству. Напрасно я увѣрялъ почтеннаго агента, что въ статьѣ ни однимъ словомъ не упо-

*) Свѣдѣніе это не вполнѣ точно.

**) Какъ кажется, почтенный англичанинъ придалъ слову: «недоразумѣніе» слишкомъ обобщающее значеніе, котораго оно не имѣетъ.

Прим. переводчика.

минается о Россіи, и что наконецъ я слишкомъ уважаю его страну, чтобы позволить себѣ заворачивать ботинки въ газету съ оскорбительными для русскихъ отзывами. Съ настойчивостью, повергшей меня въ изумленіе, русскій агентъ продолжалъ утверждать, что онъ не можетъ лично взять на себя отвѣтственности и въ то же время не сомнѣвается, что дѣло идетъ именно о русскихъ.

— Ужъ если ругаютъ, то вѣрно насъ, милордъ. Вонъ тутъ какія разсыпаны прилагательныя!—И онъ съ поразительнымъ добродушіемъ, нѣсколько ломанымъ языкомъ прочиталъ:—stupid, absurd, curious, barbarous, incivilized, foolich.—Конечно, это про насъ. Про кого же больше?

Признаюсь, меня даже взорвало такое странное упорство русскаго джентльмена, и я замѣтилъ:

— Но почему вы думаете, что если бранятъ, то непремѣнно русскихъ? Я не въ первый разъ ѣду въ Россію, знаю русскихъ и, по совѣсти, могу засвидѣтельствовать, что они совсѣмъ не заслуживаютъ порицаній. Напротивъ...

Но, къ моему изумленію, вмѣсто поддержки, русскій агентъ только подмигнулъ глазомъ, какъ бы говоря: «разсказывайте сказки», и прибавилъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Да и нельзя не ругать насъ, милордъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ мы свиньи... Это что и говорить! А все-таки пумерокъ газеты я долженъ послать по назначенію... Мало ли что можетъ случиться, такъ чтобы не пришлось отвѣчать... Только прежде я дома прочитаю, какъ вы тамъ насъ обработываете... Жена у меня знаетъ англійскій языкъ... Должно быть интересно!—прибавилъ онъ, повидимому, заранѣе предвкушая удовольствіе отъ «обработки».

Такъ мнѣ и не удалось разувѣрить этого добродушнаго джентльмена въ его ошибкѣ. Вѣроятно, супруга его разувѣритъ.

Считаю нелишнимъ успокоить твои чувства и относительно русскихъ лэди, о которыхъ ты почему-то составила себѣ самыя невѣроятныя представленія. Ни одна изъ русскихъ дамъ (хотя въ вагонѣ ихъ было нѣсколько) не могла бы совратить съ пути долга вѣрнаго англичанина даже на короткое время, такъ какъ, кромѣ красоты, мы, англичане, ищемъ въ женщинѣ еще кое-что, что, къ слову сказать, рѣдко встрѣчается у русскихъ дамъ, особенно у тѣхъ, которыя путешествуютъ въ первомъ классѣ. Не смѣю однако скрыть отъ тебя, что попытки, правда, робкія, насчетъ твоего Джонни были и, главнымъ образомъ, благодаря тому обстоятельству, что меня почему-то приняли въ вагонѣ за знаменитаго пѣвца Мазини, приглашеннаго дирекціей для оживленія оперы, а съ пѣвцами—преимущественно тенорами,—акробатами и конвойными (иррегулярное войско, пополняемое молодыми джентльменами съ Кавказа, отличающимися необыкновеннымъ сложеніемъ) русскія свѣтскія лэди такъ же предпріимчивы, какъ русскіе

джентльмены съ дамами полусвѣта. Любопытнѣе всего, Дженни, что попытки явились съ той стороны, съ которой я менѣе всего ожидалъ, а именно—со стороны одной русской генеральши, блондинки лѣтъ тридцати съ большимъ хвостикомъ (если, впрочемъ, меня не обманула довольно искусная гримировка), которая очень много и горячо бесѣдовала съ сосѣдками насчетъ упадка нравственности и религіозности въ русскихъ семействахъ. Русскія дамы, конечно, и не подозрѣвали, что я понимаю русскій языкъ, и потому вели разговоръ на эту любопытную тему, нисколько не стѣсняясь. Генеральша особенно горячо защищала семейныя добродѣтели и жаловалась на пониженіе уровня нравственности. По ея мнѣнію, вредное вліяніе на нравственность оказываютъ высшіе женскіе курсы, и преимущественно врачебные, и что, въ видахъ возвращенія къ прежнимъ временамъ, когда скромность и женственность составляли лучшее и единственное украшеніе женщинъ, слѣдовало бы поскорѣй закрыть всякіе курсы и обязать русскихъ матерей отдавать дѣтей въ институты, поставивъ главною цѣлью женскаго воспитанія—обязанности супруги и матери. По словамъ этой дамы, всѣмъ порядочнымъ женщинамъ слѣдуетъ агитировать между мужьями и братьями въ этомъ направленіи, чтобы поскорѣй, какъ она выразилась, «вернуть женщинѣ ея прежнее обаяніе».

Слушая эти жалобы, которыя, кстати замѣтить, теперь особенно распространены въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ, я рѣшительно недоумѣвалъ, почему эта почтенная лэди, столь ревностно заботящаяся о религіозномъ и нравственномъ возрожденіи женщинъ, довольно часто, въ промежуткахъ между рѣчами, бросала украдкой на твоего Джонни пронзительные взгляды. Сперва я подумалъ, что дама сердилась на мое присутствіе, но характеръ взглядовъ не свидѣтельствовалъ о неудовольствіи, скорѣй—напротивъ. Только станціи за три до Вильно, когда стемнѣло и большинство пассажировъ заснуло, я понялъ, что было причиной этихъ странныхъ взглядовъ. Дѣло въ томъ, что названная дама заняла свободное кресло противъ меня, завязала по-французски разговоръ, не отличавшійся на этотъ разъ возвышеннымъ тономъ ея русскихъ рѣчей, и не болѣе какъ черезъ десять или пятнадцать минутъ довольно недвусмысленно намекнула, что она эмансипированная женщина и любитъ первыя впечатлѣнія, что у нея мужъ—старый дуракъ (она такъ и сказала), хоть и занимаетъ видное положеніе, «что, впрочемъ, у насъ не рѣдкость!»—добавила она, какъ бы въ поясненіе (въ ея оправданіе замѣчу, что женщинѣ «перваго впечатлѣнія», и вдобавокъ супругѣ старика, простительно такое скромное сужденіе о способностяхъ мужа). Я отвѣчалъ любезно, но сдержанно, и тогда она поспѣшила дать мнѣ понять, что при видѣ такого пѣвца, какъ Мазини, она—сама артистка въ душѣ—рѣшительно не владѣетъ собою и, ради удовольствія послушать мой чудный голосъ, готова

была бы пренебречь предразсудками и остаться на нѣсколько дней въ какомъ-нибудь маленькомъ попутномъ городкѣ.

Я, разумѣется, не поставлю, Дженни, послѣ этого нѣсколько точекъ, какъ дѣлаютъ романисты, такъ какъ — нужно ли прибавлять? — я тотчасъ же категорически разъяснилъ, что я не Мазини, не акробатъ и не конвойный, а знатный иностранецъ, путешествующій для своего удовольствія. Русская дама, повидимому, не очень сконфузилась (быть-можетъ, толстый слой румянъ не позволилъ мнѣ замѣтить ея смущенія), искусно перевела разговоръ на менѣе щекотливыя темы и въ Вильно пересѣла въ другой вагонъ. На другой день по пріѣздѣ въ Петербургъ я встрѣтилъ мужа этой дамы — дѣйствительно дряхлаго старика—въ одномъ обществѣ и, между прочимъ, слышалъ, какъ онъ повторялъ слова своей жены о вредѣ высшаго женскаго образованія и указывалъ на свою супругу, какъ на образецъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей. Errare humanum est!

Чтобы покончить свои дорожныя впечатлѣнія, мнѣ остается еще упомянуть объ одномъ курьезномъ обстоятельствѣ. Въ то время, какъ русскія дамы приняли меня за Мазини и одна изъ нихъ даже готова была, безъ особыхъ колебаній, пренебречь предразсудками, — одинъ молодой и довольно бойкій джентльменъ, сѣвшій въ Вержболовѣ на поѣздъ, очевидно, принималъ меня за какое-то лицо, почему-то весьма интересовавшее его, потому что на Вержболовской станціи и во всю остальную дорогу вплоть до Луги не оставлялъ меня своимъ вниманіемъ: едва только я выходилъ изъ вагона, какъ ужъ онъ словно выросталъ изъ-подъ земли, слѣдовалъ за мной въ нѣкоторомъ разстояніи и, казалось, весьма интересовался, что я ѣмъ и пью; если я не оставлялъ вагона, то молодой человѣкъ прогуливался подъ окномъ, у котораго я сидѣлъ, и по временамъ бросалъ на меня пытливые взгляды; почью этотъ бѣдный джентльменъ, повидимому, не смыкалъ глазъ и нѣсколько разъ проскальзывалъ мимо меня, какъ тѣнь, вглядываясь въ мою физіономію съ тѣмъ нескрываемымъ любопытствомъ, которое не оставляло никакого сомнѣнія, что именно я былъ объектомъ его живѣйшей любознательности. Усомниться въ его профессіи было довольно трудно, тѣмъ болѣе, что въ прежнее мое посѣщеніе Россіи мнѣ не разъ указывали на подобныхъ джентльменовъ, посѣщающихъ многолюдныя собранія и извѣстныхъ всѣмъ и каждому. Если къ этому прибавить, Дженни, что на лицѣ молодого человѣка была та нескрываемая печать, которую накладываетъ профессія, и притомъ глаза его отличались такимъ наивнымъ безстыдствомъ, что даже незнающій человѣкъ не могъ бы усомниться, къ какой категоріи отнести обладателя подобныхъ глазъ,—то ты хорошо поймешь, сколь несовершенны еще русскіе въ этой области и какъ они отстали въ этомъ случаѣ отъ нашихъ артистовъ, умѣющихъ производить наблюденія дѣйствительно секретно, а не съ тою откровенностью, какъ это

дѣлалъ молодой человѣкъ. Впрочемъ, въ интересахъ справедливости, долженъ замѣтить, что въ послѣднее время, какъ мнѣ передавали, прогрессъ замѣтенъ и въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что необычайная смѣлость покражъ, производимыхъ въ громадныхъ размѣрахъ (преимущественно суммъ, принадлежащихъ казнѣ и общественнымъ учрежденіямъ), побудила обратить серьезное вниманіе на надзоръ за лицами, имѣющими болѣе или менѣе близкое отношеніе къ кассамъ. Преслѣдуя строго принципы экономіи и въ то же время не находя достаточнаго контингента лицъ, отрицающихъ въ принципѣ хищеніе, русскіе настойчиво желаютъ положить предѣлъ этому печальному явленію и съ этою цѣлью, въ числѣ многихъ мѣръ, принимаютъ и вышеупомянутыя, разсчитывая, и не безъ основанія, что онѣ принесутъ плоды, такъ какъ, при хорошей организаціи наблюденій, можно будетъ получать свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ покражъ и увольнять виновныхъ, не дожидаясь слѣдующихъ повтореній. Это, во всякомъ случаѣ, несравненно экономнѣе, чѣмъ дожидаться очистки всего содержимаго въ кассѣ. Правда, возникаютъ сомнѣнія: не явятся ли въ такомъ случаѣ первыя попытки вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними, т. е. не станутъ ли воровать сразу большими порціями, выдавая соотвѣтствующій комиссіонный процентъ и агентамъ надзора, въ видахъ привлеченія ихъ къ участію въ прибыляхъ и возможности виновнымъ уѣхать за границу, не дожидаясь посѣщенія судебнаго слѣдователя. Этотъ вопросъ остается открытымъ, но, во всякомъ случаѣ, практика должна выяснить. насколько предположеніе это заслуживаетъ вниманія *).

Я, Дженни, разумѣется, не сомнѣвался, что молодой джентльменъ, столь ревниво наблюдавшій за мной, принималъ меня за какого-нибудь директора правленія (или за кого-нибудь въ этомъ родѣ), похитившаго крупный кушъ и инкогнито возвращающагося въ Россію для свиданія съ пріятелями, и хотѣлъ объяснить молодому господину его несомнѣнную ошибку и напрасныя ожиданія получить за поимку такого крупнаго гуся приличное вознагражденіе. Долженъ сознаться, Дженни, что мнѣ стоило нѣкотораго труда побѣдить отвращеніе, возбуждаемое разговоромъ съ этимъ джентльменомъ. Но такъ какъ въ концѣ концовъ онъ мнѣ надоѣлъ, то я и рѣшилъ съ нимъ объясниться. Ночью, когда онъ появился въ вагонѣ и, полагая, что я сплю, подсѣлъ по близости и сталъ осторожно двигать мой ручной чемоданъ, я сперва предположилъ, что имѣю дѣло съ самымъ обыкновеннымъ воромъ; притаившись, я ждалъ, что будетъ. Съ необыкновенною осторожностью трогалъ онъ мой чемоданъ — словно бы онъ содержалъ не принадлежности бѣлья и туалета, а какія-нибудь легко воспламени-

*) Сообщаемыя знатнымъ иностранцемъ свѣдѣнія требуютъ подтвержденія и остаются на его отвѣтственности.

Прим. переводчика.

мыя вещества—и послѣ осмотра такъ же осторожно поставилъ его на мѣсто. Затѣмъ, съ такими же предосторожностями, онъ заглянулъ въ футляръ отъ шляпы и наконецъ осмотрѣлъ зонтикъ и палку. Когда онъ окончилъ всѣ эти операціи, я открылъ глаза и спросилъ: что ему нужно? При этомъ вопросѣ мой джентльменъ нѣсколько опѣшилъ, но затѣмъ оправился и не безъ насмѣшки замѣтилъ: «развѣ онъ помѣшалъ?» Однако обѣщаніе позвать кондуктора и на слѣдующей же станціи объявить жандарму объ его неприличномъ поведеніи относительно знатнаго иностранца заставило этого джентльмена разсыпаться въ извиненіяхъ и объяснить, что онъ по ошибкѣ попалъ въ вагонъ. Тогда я сказалъ, что онъ лжетъ, что онъ вотъ уже цѣлыя сутки слѣдитъ за мной, и требовалъ категорическаго отвѣта: за кого онъ меня принимаетъ. Если онъ обязанъ наблюдать, то, по крайней мѣрѣ, долженъ бы дѣлать это умнѣе и не безпокоить ночью благороднаго путешественника.

Я не буду передавать тебѣ, Дженни, подробностей объясненія. Замѣчу только, что мнѣ, повидимому, удалось убѣдить этого джентльмена въ ошибкѣ (что привело его въ немалое смущеніе. Дѣйствительно, онъ принялъ меня за господина, похитившаго милліонъ рублей казенныхъ денегъ и скрывшагося за границу). Черезъ полчаса онъ оставилъ меня, униженно просилъ о прощеніи (вѣроятно, и мой англійскій паспортъ подѣйствовалъ) и съ благодарностью принялъ предложенныя ему пять рублей. За эту небольшую сумму онъ, между прочимъ, разсказалъ свою біографію и сообщилъ кое-какія свѣдѣнія о тягостяхъ своего ремесла. Біографія его не сложна и отличалась нѣкоторыми пробѣлами, пополнить которые предоставлялось моей догадливости. Сынъ бѣдныхъ дворянъ, онъ нигдѣ не окончилъ курса, служилъ, но по недоразумѣніямъ (тутъ открывается широкое поле для догадокъ) принужденъ былъ оставить службу. Затѣмъ, страсть къ карточной игрѣ и дурная компанія заставили его испытать много непріятностей и именно въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ игралъ необыкновенно счастливо (въ этомъ мѣстѣ разсказа мой джентльменъ оживился, и я безъ всякаго труда догадался, что «непріятности» имѣли непосредственное отношеніе къ его гладко выбритымъ и румянымъ щекамъ). Послѣ этого въ автобіографіи слѣдовалъ длинный пробѣлъ, который я мысленно заполнилъ разными мошенническими подвигами и, какъ кажется, не безъ основанія, такъ какъ новыя «непріятности», явившіяся послѣ нѣкотораго промежутка времени, грозили ему тюремнымъ заключеніемъ. Тогда онъ рѣшилъ «попробовать себя на другомъ поприщѣ дѣятельности». Ремесло, которому онъ посвятилъ себя, по его словамъ, очень тяжелое и притомъ требуетъ хорошаго запаса физическихъ силъ («Случается,—прибавилъ онъ:—такъ изобьютъ, что три дня надо отдыхать»). Оплачивается оно, по его словамъ, крайне скудно: тридцатью, тридцатью пятью рублями въ мѣсяцъ (это 3 фунта съ неболь-

шимъ на наши деньги). За открытіе какого-нибудь крупнаго воровства или убійства даются награды, но ему пока не выпадало счастія открывать что-либо важное. Къ тому же и среди лицъ этой профессіи, какъ и между всѣми смертными, существуютъ интриги, честолюбіе, зависть и протекція, безъ которой будто бы маленькому агенту нельзя получить хорошаго дѣльца. Подспорьемъ для сколько-нибудь сноснаго существованія этихъ джентльменовъ являются, по его словамъ, дружескія пособія, получаемыя отъ воровского населенія столицы, съ которымъ они большею частью не прерываютъ прежнихъ связей и даже нерѣдко дѣйствуютъ сообща въ какомъ-нибудь предпріятіи. Такова изнанка ремесла. Нѣсколько иную роль играютъ джентльмены, которые, по его словамъ, наблюдаютъ, за свой счетъ и страхъ, за добрыми чувствами гражданъ (нѣчто въ родѣ римскихъ цензоровъ), но такъ какъ мой собесѣдникъ ничего не могъ сообщить о нихъ, да вдобавокъ я сомнѣваюсь въ самомъ существованіи лицъ, слѣдящихъ за чувствами (какъ ихъ услѣдить?), то и не желаю сообщать тебѣ никакихъ свѣдѣній, основанныхъ исключительно на слухахъ и мною не провѣренныхъ *). Сколько мнѣ извѣстно, нѣкоторыя газеты, года два тому назадъ, предлагали учредить частную акціонерную компанію въ такомъ родѣ, но она, конечно, не осуществилась. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ я сообщу тебѣ для курьеза проектъ устава предполагавшейся компаніи, обязательно данный мнѣ однимъ изъ учредителей.

Другимъ, и немаловажнымъ, подспорьемъ для существованія этого расторопнаго малаго служатъ, по его заявленію, кое-какіе доходы отъ шантажа, которымъ онъ занимается въ свободное отъ занятій время. Этотъ источникъ, впрочемъ, сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ потерять мѣсто, и пользоваться имъ необходимо—по выраженію откровеннаго джентльмена—«съ оглядкой», разсчитывая преимущественно на необразованную публику. Въ послѣдніе годы этотъ источникъ дохода значительно увеличился благодаря тому изумительному легковѣрію, съ какимъ русскіе вѣрятъ взводимымъ на нихъ обвиненіямъ въ недостаткѣ добрыхъ чувствъ (хотя это преступленіе и не предусмотрѣно, какъ кажется, въ русскихъ законахъ), и боязни подвергнуться за это публичному обличенію въ газетахъ *). Зная хорошо скромность русскихъ и нелюбовь ихъ къ безпокойству, сопряженному съ хлопотами по возстановленію своихъ нарушенныхъ правъ, я могу допустить, что многіе изъ нихъ, во избѣжаніе хлопотъ, скорѣе согласятся заплатить

---

*) Намъ кажется, что «откровенный» господинъ, принявшій на себя роль сыщика, просто-напросто былъ мазурикъ, желавшій эксплоатировать иностранца. Нечего говорить, что свѣдѣнія, сообщенныя имъ почтенному путешественнику, заслуживаютъ весьма мало вѣроятія.

**) Опять приходится, къ сожалѣнію, отмѣтить нѣкоторое преувеличеніе въ сообщеніи знатнаго иностранца. *Прим. переводчика.*

съ тѣхъ поръ, какъ русскій театръ въ вѣдѣніи особыхъ спеціалистовъ и знатоковъ театральнаго дѣла (которые называются здѣсь «театральными поручиками»), русская сцена находится на недосягаемой высотѣ и по справедливости можетъ соперничать съ нашими народными рождественскими балаганами. О своихъ первыхъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ подробно сообщу въ слѣдующемъ письмѣ. Да хранитъ Господь тебя и маленькую нашу Клару.

P. S. Письма адресуй въ Европейскую гостиницу, гдѣ я остановился. Напомню тебѣ просьбу, которую не разъ повторялъ и прежде: покупай, пожалуйста, конверты изъ толстой бумаги и заклеивай ихъ составомъ, употребляемымъ для фарфора; иначе письма, вслѣдствіе длиннаго пути, могутъ дойти ко мнѣ въ поврежденномъ видѣ. Правда, почтовое вѣдомство всегда въ такихъ случаяхъ обязательно перевязываетъ ихъ бечевками, но къ чему вводить въ излишній расходъ страну, тѣмъ болѣе страну, нуждающуюся въ экономіи, когда можно этого избѣгнуть, купивъ конверты изъ картонной бумаги?

Письмо семьдесятъ восьмое.

Дорогая Дженни!

Нечего, мнѣ кажется, и объяснять тебѣ съ какимъ радостнымъ чувствомъ я увидѣлъ, послѣ трехлѣтняго отсутствія, русскую столицу, оставившую во мнѣ самыя отрадныя воспоминанія. Широкое, чисторусское гостепріимство, обязательная готовность сдѣлать пріятное чужестранцу, особливо знатному, добросердечіе, радушіе и вниманіе, какими меня окружали, все это не можетъ быть забыто, и недаромъ, поживши въ Россіи, я выѣхалъ оттуда руссофиломъ. Близко ознакомившись за это время съ русскими, я не могъ не оцѣнить ихъ рѣдкихъ качествъ—добродушія и изумительнаго незлобія, которыя такъ поражаютъ иностранца и тѣмъ болѣе цѣнны, что имѣютъ основаніемъ своимъ ту глубокую покорность волѣ Провидѣнія,—столь рѣдкую, къ сожалѣнію, между народами Западной Европы,—которая, по словамъ извѣстнаго русскаго писателя Достоевскаго, служитъ краеугольнымъ камнемъ національной самобытности и даетъ возможность переносить терніи жизни не только безъ ропота, но даже съ удовольствіемъ. Недаромъ же народная мудрость создала характерную поговорку, служащую для многихъ лозунгомъ жизни: терпи, казакъ, все равно атаманомъ не будешь! *) Чувствую, Дженни, что впадаю въ лирическій тонъ, какъ только ступилъ на петербургскую почву, но не подумай однако, что тебѣ придется читать одни изліянія восторга. Я слишкомъ англичанинъ для этого и, несмотря на слабость къ русскимъ, конечно, не скрою, если представится случай, и оборотной медали русской жизни.

*) Едва ли нужно указывать читателю, что знатный иностранецъ переиначилъ извѣстную поговорку.

Прим. переводчика.

Безспорно, многое въ ней требуетъ исправленій и улучшеній (быть-можетъ, даже и радикальныхъ), о чемъ, конечно, и заботится просвѣщенное начальство, и я не премину указать на это,—но, разумѣется, никогда не рѣшусь произносить огульныхъ приговоровъ, въ родѣ того, какой произнесъ добродушный таможенный агентъ, конфисковавшій нумеръ «Daily News».

По внѣшнему виду Петербургъ совсѣмъ не измѣнился; тѣ же знакомыя картины уличной жизни представились мнѣ, какъ только-что я вышелъ изъ вокзала Варшавской желѣзной дороги. Въ этотъ день ожидали пріѣзда какого-то нѣмецкаго гостя (только не Бисмарка), и потому полицейскихъ агентовъ у вокзала было гораздо больше, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе чего площадка имѣла крайне оживленный видъ и походила скорѣй на плацпарадъ. Такъ же, какъ и три года тому назадъ, эти джентльмены были расторопны, вѣжливы и предупредительны съ прибывшими путешественниками, обращавшимися къ нимъ за помощью (хотя бо́льшая ихъ часть искала глазами нѣмецкаго гостя, который не пріѣхалъ), и точно такъ же, какъ и три года назадъ, на площади, гдѣ дожидались извозчики, происходили знакомыя сцены: непокорныхъ русскихъ возницъ полисмены усовѣщевали, по здѣшнему обычаю, боксомъ и шашкой плашмя (это здѣсь называется, если ты помнишь: «просить честью»), къ чему, впрочемъ, русскіе извозчики относились, какъ и прежде, съ трогательнымъ терпѣніемъ, почесывая только поврежденные члены, и точно такъ же въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ привѣтственныхъ воспоминаній памяти родителей, которыми обыкновенно обмѣниваются русскіе при какомъ-нибудь экстренномъ случаѣ. Мнѣ даже показалось, что какъ-то громче, увѣреннѣе и тверже раздавались эти привѣтствія родителямъ извозчиковъ, и какъ будто при этомъ менѣе стѣснялись присутствіемъ публики, чѣмъ три года тому назадъ, что̀ слѣдуетъ приписать — по словамъ одного журналиста, къ которому я обратился за разъясненіемъ этого явленія—распространенію принциповъ народной политики, усвоенной русскими за послѣднее время, и желанію ихъ не стѣсняться національными обычаями въ угоду иностранцамъ. Признаюсь, Дженни, какъ ни удовлетворительно было это разъясненіе, но для меня, какъ иностранца, оставалось невыясненнымъ слѣдующее обстоятельство: ѣхавши сюда и зная изъ газетъ, что русскіе серьезно обратили вниманіе на народную политику, я не разсчитывалъ встрѣтить такого широкаго примѣненія принциповъ бокса, какъ прежде, полагая, что отсутствіе послѣдняго, во всякомъ случаѣ, нисколько не противорѣчило бы принципамъ этой политики. Изъ объясненій же, данныхъ мнѣ, оказывается какъ будто наоборотъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что я не вполнѣ усвоилъ себѣ значеніе народной политики въ томъ смыслѣ, какъ она понимается русскими, и мнѣ придется собрать по этому вопросу дальнѣйшія свѣдѣнія.

Недурное правило: сохранять старое, если оно хорошо, котораго русскіе крѣпко держатся, въ примѣненіи къ петербургскимъ мостовымъ рѣшительно теряетъ силу, и ты едва ли въ состояніи себѣ представить, Дженни, какія муки испытываютъ здѣсь при переѣздахъ петербургскіе жители. Едва ли я ошибусь, предположивъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ моего отсутствія мостовыя ни разу не ремонтировались *) и потому представляютъ собой вполнѣ удобную почву для устройства огородовъ. Такое дурное состояніе петербургскихъ мостовыхъ здѣшніе жители объясняютъ, во-первыхъ, затишьемъ петербургской жизни (всѣ здѣсь сидятъ по домамъ—экономія), а во-вторыхъ—недостаточнымъ надзоромъ полиціи, дѣятельность которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, направлена на другія стороны городского благоустройства. Зато тотъ снарядъ, походившій на орудіе пытки и составлявшій, вмѣстѣ съ самоваромъ, самобытное русское изобрѣтеніе — я, Дженни, говорю про дрожки,—за это время нѣсколько усовершенствованъ, такъ что одному человѣку въ немъ можно помѣститься (вдвоемъ попрежнему затруднительно), но зато усовершенствованіе оставляетъ желать еще многаго, по крайней мѣрѣ хоть какой-нибудь защиты отъ дождя, а то теперь, во время непогоды, положеніе сѣдока поистинѣ безпомощно...

Проѣзжая съ вокзала въ гостиницу, я заинтересовался съѣздомъ каретъ у зданія военно-окружнаго суда. Оказалось, что тамъ продолжается тотъ же интендантскій процессъ, который начался еще три года тому назадъ и о которомъ я тебѣ сообщалъ въ старыхъ письмахъ. Какъ кажется, здѣсь подобные процессы никогда не прекращаются и составляютъ такое же нормальное явленіе, какъ и скверныя мостовыя; если вѣрить многимъ лицамъ, заслуживающимъ довѣрія, этимъ интендантскимъ процессамъ не предвидится конца до тѣхъ поръ, пока не начнется новая война и не придется послать всѣхъ интендантовъ со скамьи подсудимыхъ прямо на мѣсто дѣйствія. По всей вѣроятности, мнѣ доведется побывать въ судѣ, а пока я могу сообщить тебѣ, что теперь судится, ужъ не могу сказать, которая партія интендантовъ, съ бывшимъ главнымъ интендантомъ-арміи во главѣ — Россицкимъ, тайнымъ совѣтникомъ и, конечно, кавалеромъ. Я пробѣжалъ обвинительный актъ, заключающій въ себѣ тысячу страницъ, и, признаюсь, недостаточно ясно понялъ изъ этой эпопеи, кто виноватъ, кто не виноватъ, кто воровалъ ради «экономіи», кто—ради «удовольствія», кто—спеціально для наживы. При чтеніи этой многотомной страницы изъ русской жизни на меня, Дженни, пахнуло атмосферой плутовства и наивной наглости, произвола и приниженности, изворотливости и лукавства, простоты и долготерпѣнія, которая имѣетъ свой специфическій букетъ, по справедливости могущій быть названнымъ «рус-

*) Очевидная несправедливость.

Прим. переводчика.

скимъ». При этомъ долженъ сказать, что русская талантливость и сметка—эти два качества, несомнѣнно присущія русскимъ и заставляющія ихъ часто пренебрегать наукой и опытомъ—выразились во всемъ своемъ блескѣ въ лицѣ почтеннаго джентльмена, героя настоящаго процесса. Я не стану, конечно, передавать тебѣ подробности обвинительнаго акта (это заставило бы меня написать десятки страницъ); замѣчу только, что, читая эту эпопею, видишь, какъ наивно расхищались милліоны, какъ добросовѣстно грабили русскаго солдата и какъ самобытно русскіе относились къ принципамъ контроля. Кажется, какъ будто среди лицъ, продовольствовавшихъ русскаго солдата, не было ни одного честнаго человѣка, а если и были честные люди, то они либо добровольно уходили, либо ихъ заставляли уходить, однимъ словомъ—эта печальная страничка является, Дженни, къ сожалѣнію, одной изъ характерныхъ страницъ русской жизни... Вопросъ о томъ, кто виноватъ, само собою разумѣется, занимаетъ русскихъ (они всегда любятъ искать виноватыхъ между лицами); по обыкновенію, они сваливаютъ всю вину на то или другое лицо и устами прокурора требуютъ строгаго наказанія.

Неосторожно попавшіеся въ воровствѣ (при довѣрчивости русскихъ и нелюбви ихъ къ контролю можно успѣшно прятать концы) несутъ должное наказаніе: увольняются отъ службы, оставляются въ подозрѣніи, наконецъ отправляются на покой въ малонаселенныя области имперіи, оставляя при себѣ похищенное имущество для обезпеченія старости; на мѣста выбывшихъ поступаютъ другія лица (при чемъ, разумѣется, всѣ надѣются, что вновь избранный не попадется); если на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ административный агентъ чиномъ выше титулярнаго совѣтника (это третій чинъ, Дженни, а всѣхъ четырнадцать), русская печать предается болѣе или менѣе трогательнымъ изъявленіямъ восторга по тому случаю, что порокъ наказанъ, а не награжденъ. Затѣмъ являются новые процессы подобнаго характера, и снова начинается, въ томъ же порядкѣ, только-что разсказанная исторія или, какъ русскіе остроумно выражаются, «сказка про бѣлаго бычка».

Ты была бы далека отъ истины, Дженни, если-бъ предположила, что русскіе не сокрушаются отъ такихъ воровскихъ наклонностей своихъ соотечественниковъ и не изыскиваютъ мѣръ къ прекращенію воровства и къ водворенію строгой экономіи. Напротивъ, могу по совѣсти свидѣтельствовать, что многіе скорбятъ, и совершенно искренно, придумываютъ различныя комбинаціи, похожія на тѣ, о которыхъ я сообщалъ въ предыдущемъ письмѣ, добросовѣстно недоумѣваютъ при нескончаемомъ рядѣ новыхъ и новыхъ процессовъ и снова ищутъ и, конечно, не могутъ найти, такого количества путешествующихъ Гарунъ-аль-Рашидовъ, которые, искрещивая Россію вдоль и поперекъ, подъ видомъ комми-вояжеровъ, слѣдили бы, чтобы на необъятномъ

пространствѣ этой великой страны царило безкорыстіе, тишина и миръ, и строго наказывали бы собственной властью виновныхъ. Подобная погоня за идеаломъ занимаетъ мысли многихъ русскихъ поклонниковъ древней исторіи, добросовѣстно убѣжденныхъ, что въ ней необходимо искать вѣрныхъ указаній противъ золъ нынѣшняго времени. Вообще, въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ, я замѣтилъ, Дженни, что русскіе стали какъ-то больше заниматься археологіей, нумизматикой и углубляться въ давно-прошедшія времена, въ надеждѣ открыть не только корень противъ всѣхъ болѣзней, но и вдохновиться добродѣтелями героевъ классической древности. Не далѣе какъ на-дняхъ еще мнѣ пришлось разговаривать на эту модную здѣсь тему съ однимъ вполнѣ почтеннымъ русскимъ джентльменомъ, управляющимъ громаднымъ торговымъ учрежденіемъ съ конторами и отдѣленіями, раскинутыми почти во всѣхъ городахъ Россіи. Онъ, такъ сказать, на конкретномъ примѣрѣ, на коммерческихъ своихъ дѣлахъ, основалъ свои соображенія и, между прочимъ, жаловался на безуспѣшность мѣръ, принимаемыхъ имъ противъ всякихъ безпорядковъ, гнѣздящихся въ торговомъ домѣ, и съ трогательною наивностью сокрушался, что ничто не помогаетъ.

Этотъ джентльменъ, располагающій громаднымъ состояніемъ и нѣкоторой властью (у него служитъ нѣсколько сотенъ служащихъ и десятковъ тысячъ рабочихъ, участь которыхъ буквально въ его рукахъ), добродушный любезный господинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, хотя и не отличается, сколько я могу судить изъ продолжительнаго съ нимъ знакомства, особенной сообразительностью, остротой ума и приличнымъ образованіемъ (онъ, какъ здѣсь принято говорить, учился на мѣдныя деньги),—но все-таки, повидимому, проникнутъ добрыми намѣреніями осчастливить своихъ служащихъ. И вотъ, Дженни, этотъ самый джентльменъ жаловался мнѣ на свою безпомощность, добродушно не понимая, откуда она происходитъ.

— Кажется, я дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, милордъ,—говорилъ онъ съ сокрушеннымъ видомъ, напоминавшимъ хорошо откормленнаго поросенка съ ущемленнымъ хвостомъ:—самъ я не ворую—впрочемъ, мнѣ и не къ чему, — прибавилъ онъ, спохватившись, что сказалъ глупость: — жизнь веду скромную: не пью, по большой въ карты не играю, экономничаю даже. Видите ли, пятый годъ ношу сюртукъ и даже подкладку приказываю дѣлать изъ ластика, а не изъ шелка... Стараюсь самъ вездѣ поспѣть. Иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю за занятіями, такъ что даже въ потъ бросаетъ... Не привыкъ я, знаете ли, къ этому... И что же выходитъ на повѣрку, милордъ?... Выходитъ, что я, милліонеръ, властный человѣкъ, въ сущности безпомощенъ какъ малое дитя!..—добавилъ онъ плаксиво.

Признаюсь, Дженни, я былъ даже тронутъ этимъ наивнымъ сознаніемъ истины, старой, какъ міръ, со стороны этого богатаго джентльмена.

— У меня на фабрикахъ вездѣ воруютъ. Помощники меня обманываютъ, я это знаю, и ничего не могу сдѣлать. Смѣнишь одного вора—на мѣсто его сядетъ другой; разсчитаешь одного помощника—другой окажется еще глупѣе; смотришь, годъ отъ году дѣла идутъ все хуже и хуже... Рабочіе мои — а ихъ у меня, милордъ, работаетъ на заводахъ до 10.000 человѣкъ — недовольны... Еще бы... Когда мои помощники не выдаютъ даже того, что имъ слѣдуетъ...

Онъ продолжалъ на эту тему, затѣмъ перенесъ свои жалобы на болѣе широкую почву и въ концѣ концовъ, по здѣшнему обыкновенію, жаловался, что людей нѣтъ.

— Отчего же у васъ, милордъ, въ Англіи и люди есть, и не воруютъ такъ, и наконецъ какъ будто порядокъ есть? Гдѣ достаете вы людей?

Когда я объяснилъ этому джентльмену, что и у насъ люди не боги, а такіе же, какъ и вездѣ, онъ сперва этому не повѣрилъ, а когда я вошелъ въ болѣе подробныя детали относительно нашихъ нравовъ и веденія торговыхъ дѣлъ, то онъ даже видимо былъ изумленъ, точно я ему разсказывалъ главу изъ фантастическаго романа. Однако въ концѣ концовъ мой джентльменъ съ лукавствомъ, свойственнымъ всѣмъ русскимъ, когда они хотятъ отлынуть отъ вопроса, поставленнаго категорически, повелъ рѣчь о томъ, что русскіе—народъ совсѣмъ особенный, и въ доказательство, между прочимъ, нѣсколько разъ повторилъ любимую здѣсь поговорку: «Что русскому здорово, то нѣмцу смерть».

Онъ скоро однако перемѣнилъ разговоръ, выразивъ надежду: не пойдутъ ли у него на заводахъ дѣла лучше, если онъ выпишетъ съ дюжину нѣмцевъ изъ Мекленбурга.

— Эти нѣмцы, милордъ, и крадутъ деликатнѣе, и мастера работать, и, главное, не надоѣдаютъ вамъ,—прибавилъ онъ, повидимому, не совсѣмъ довольный объясненіями, на которыя самъ же вызвалъ.

У русскихъ, Дженни, есть эта женская черта. Придетъ русскій къ тебѣ за совѣтомъ и на тебя же въ претензіи, если ты дашь совѣтъ не такой, какой бы ему хотѣлось. Отъ этого, надо думать, русскіе и не любятъ совѣтниковъ ни въ частной ни въ общественной жизни и почти ничего не читаютъ. Книги—все же совѣтникъ.

Возвращаясь къ прерванному описанію первыхъ своихъ впечатлѣній въ Петербургѣ, не могу не отмѣтить слѣдующаго: въ этотъ пріѣздъ меня просто поразила скука—это не сплинъ англійскій, Дженни, а особенная, чисто-русская скука (смѣсь бездѣлья, апатіи и обжорства), которая охватила многихъ изъ моихъ петербургскихъ друзей и знакомыхъ. И въ прежнее мое посѣщеніе Россіи, сколько я замѣчалъ, русскіе скучали и, разумѣется отъ скуки, одни предавались надеждамъ, другіе—хищенію, третьи—запою, четвертые наконецъ отъ скуки покидали Петербургъ и зарывались въ какихъ-нибудь тундрахъ Сѣ-

вера или прибрежьяхъ Охотскаго моря (ты поймешь, Дженни, какъ скучали, если добровольно уѣзжали такъ далеко?), но все-таки скучали не такъ, если можно выразиться, убійственно, какъ скучаютъ теперь... Сквозь ту скуку все-таки пробивалась струя жизни, и за игрой въ карты или за бесѣдами объ иностранной политикѣ (объ этомъ предметѣ русскіе особенно любили говорить за ужиномъ) ты могла бы увидѣть оживленное лицо, улыбку, смѣхъ, могла бы услышать веселыя шутки по адресу Бисмарка, колкія замѣчанія на курсъ, на погоду, на низшихъ агентовъ: въ этихъ шуткахъ все-таки слышалась надежда, что и курсъ, и погода, и начальство исправятся, а теперь и смѣхъ и шутки совсѣмъ другого, какого-то апатическаго характера, словно бы русскіе, покоряясь волѣ Провидѣнія (что̀ похвально), въ то же время потеряли на него надежду до такой степени, что даже не разсчитываютъ на поправку курса и погоды (что̀ уже совсѣмъ не похвально). Я не рѣшаюсь объяснять тебѣ причины такого настроенія, такъ какъ не имѣю еще достаточно данныхъ, чтобы отнестись къ нему вполнѣ сознательно; впослѣдствіи, собравъ болѣе данныхъ для оцѣнки этого сложнаго явленія, попытаюсь это сдѣлать, а теперь отмѣчаю только фактъ. На улицахъ ты рѣдко увидишь здѣсь, Дженни, веселыя лица; даже и на прогулкѣ всѣ ходятъ, словно участвующіе въ погребальной процессіи или люди, ожидающіе со дня на день посѣщенія неумолимаго кредитора; въ клубахъ, въ частныхъ домахъ почти то же самое. Соберутся, молча садятся за карты, потомъ передадутъ другъ другу послѣдніе анекдоты, циркулирующіе въ городѣ, пожмутъ плечами, не зная, вѣрить имъ или нѣтъ, въ концѣ концовъ повѣрятъ (недаромъ же русскіе по природѣ довѣрчивы и только по временамъ впадаютъ въ уныніе) и, вознаградивъ скудость новостей политическаго характера (по случаю всеобщаго затишья въ Европѣ) приличной ѣдой и достаточнымъ количествомъ водки и вина, расходятся по домамъ *). Исклю-

*) Намъ кажется, что знатный иностранецъ слишкомъ обобщилъ замѣченное имъ явленіе и, подъ вліяніемъ своего сплина, невольно впалъ въ преувеличеніе. Наши соотечественники вовсе не такъ скучаютъ, какъ описываетъ англичанинъ, и на-дняхъ еще «Новое Время» сообщило слѣдующія свѣдѣнія о томъ, какъ веселятся въ Петербургѣ и какіе фраки теперь въ модѣ:

«Бальный сезонъ петербургскаго high life'а начался. Вчера состоялся большой балъ у командира гвардейскаго корпуса, графа П. А. Шувалова. Собрались преимущественно представители блестящей свѣтской молодежи, равно какъ и всѣ юныя красавицы большого свѣта. Великолѣпная зала графа въ его домѣ, на Знаменской площади, представляла этотъ вечеръ настоящій цвѣтникъ, блиставшій роскошными туалетами дамъ и изяществомъ особъ, участвовавшихъ въ танцахъ. Въ этой волнующейся группѣ веселящейся элегантной молодежи выдѣлялась изящная головка молоденькой аристократки Ш., напоминавшая одно изъ лучшихъ изображеній Греза. Въ числѣ лицъ, посѣтившихъ собраніе, находились молодыя особы, принадлежащія къ самому высшему кругу столицы. Танцы продолжались до самаго поздняго времени и носили чисто-семейный и непринужденный ха-

ченіе составляютъ, пожалуй, засѣданія разныхъ обществъ, куда скучающіе русскіе ходятъ для развлеченія и нерѣдко проводятъ весело время, слушая, какъ ораторы разрабатываютъ вопросы о томъ: полезно или вредно русскому крестьянину ѣсть говядину, или о томъ: слѣдуетъ ли строить корабли на основаніи данныхъ науки и опыта, или по вдохновенію, придерживаясь «теоріи ногтя» (объ этой русской интересной новой теоріи кораблестроенія дальше скажу подробнѣе).

Особенно замѣтилъ я перемѣну въ тѣхъ изъ моихъ петербургскихъ друзей, которые, послѣ прежней разнообразной дѣятельности, очутились на положеніи Цинцинатовъ и на «half-pay». Всѣ эти почтенные джентльмены, привыкшіе въ теченіе многихъ лѣтъ по утрамъ писать или диктовать проекты (русскіе къ проектамъ имѣютъ слабость, и каждый, находящійся у дѣлъ, сочиняетъ ихъ достаточное количество), затѣмъ съ трехъ до пяти — посвящать служебнымъ занятіямъ въ частныхъ своихъ office'ахъ (правительственные агенты собираются раньше), а по вечерамъ бывать на засѣданіяхъ разныхъ комиссій (число которыхъ представляетъ внушительную цифру), — испытываютъ теперь, разумѣется, невообразимую скуку отъ бездѣлья и слоняются дома изъ угла въ уголъ, не зная, что̀ съ собой дѣлать.

Тотъ самый, хорошо знакомый тебѣ по прежнимъ письмамъ, мой русскій другъ, мистеръ N., который отличался такой всепожирающей дѣятельностью и въ прежнее время не оставлялъ въ покоѣ ни одного вопроса безъ того, чтобы не обработать его въ пятнадцать минутъ, и который одинаково успѣшно, по свойственной русскимъ энциклопедичности образованія, могъ заниматься и просвѣщеніемъ, и коневодствомъ, и кораблестроеніемъ, и судопроизводствомъ, и духовными дѣлами,—теперь совсѣмъ похудѣлъ, и хотя попрежнему утверждаетъ, что русскій человѣкъ тѣмъ хорошъ, что можетъ, если только есть усердіе, браться за все,—самъ ужъ ни за что не берется, говоря, что его пѣсня спѣта, и предоставляя честь и мѣсто другимъ.

Я засталъ его, Дженни, въ кабинетѣ, занимающимся самымъ добросовѣстнымъ образомъ обученіемъ скворца, сидящаго передъ нимъ въ

рактеръ. Хозяева дома отличались свойственными имъ радушіемъ и гостепріимствомъ, очаровавшими приглашенныхъ. Какъ объ особенности бала, можно упомянуть, что танцы происходили не подъ аккомпанементъ оркестра, какъ бывало раньше, а подъ фортепіано. Говорятъ, что нововведеніе это упрочивается на великосвѣтскихъ балахъ и замѣнитъ нѣсколько шумную оркестровую музыку».

И далѣе о фракахъ: «На святкахъ одинъ изъ крупныхъ петербургскихъ коммерсантовъ выдаетъ свою дочь за нѣкоего барона. Готовится небывалое торжество. Говорятъ, что вся штатская молодежь облечется въ модные нынѣ красные фраки, покроя временъ директоріи. Одному изъ извѣстныхъ портныхъ уже заказано болѣе тридцати такихъ колоритныхъ фраковъ. Въ Парижѣ теперь начинаютъ входить въ моду также бѣлые и голубые атласные фраки. Да примутъ это къ свѣдѣнію наши франты».

Прим. переводчика.

клѣткѣ (теперь очень многіе занимаются этимъ). Нечего тебѣ и говорить, что названный джентльменъ очень обрадовался мосму посѣщенію (теперь къ нему, разумѣется, рѣдко кто заглядываетъ, а прежде у него всегда была толпа народа), принялъ меня съ особенной теплотой и нѣсколько оживился.

— Вотъ, милордъ, скворца теперь учу!—съ оттѣнкомъ грусти проговорилъ онъ, усаживая меня въ кресло.—Давно ли пріѣхали?

Однако бесѣда наша на этотъ разъ не отличалась оживленнымъ характеромъ, какъ бывало прежде. Мой бѣдный другъ, видимо, какъ-то притихъ и избѣгалъ касаться вопросовъ политики съ прежнею стремительностью (долгое занятіе со скворцомъ, повидимому, направило его мысли въ другую сторону). Онъ фрондировалъ, впрочемъ, очень осторожно, разсказалъ, по здѣшнему обыкновенію, два-три пикантныхъ анекдота, которые я тебѣ не передаю, такъ они невозможны, и, между прочимъ, сообщилъ, что собирается писать свои мемуары для напечатанія ихъ въ «Русской Старинѣ».

— А бо́льшую часть времени, милордъ, скворца учу! — снова повторилъ онъ послѣ паузы.—И вотъ, подите, птица, кажется, а при стараніи можно и ее заставить говорить... Я много размышлялъ на свободѣ въ послѣднее время и все думаю: нельзя ли приспособить птицу и къ другимъ, болѣе сложнымъ функціямъ?.. Какъ вы думаете?..

Когда я обратилъ вниманіе его на другіе, болѣе интересующіе меня предметы и, между прочимъ, спросилъ его, насколько справедливы проникшія въ иностранныя газеты слухи о какой-то новой комиссіи,— онъ только махнулъ рукой и снова заговорилъ объ обученіи птицъ.

Зная очень хорошо, Дженни, чѣмъ можно пробрать всякаго русскаго джентльмена и развязать ему языкъ, я полюбопытствовалъ спросить: кто занялъ оставленное моимъ другомъ мѣсто предсѣдателя правленія въ «Обществѣ распространенія туковъ».

Дѣйствіе было немедленное. Едва только успѣлъ я задать вопросъ, какъ тема о мѣстѣ скворца въ природѣ (тема, скорѣе пригодная для статьи въ русскихъ журналахъ, чѣмъ для кабинетной бесѣды) была отставлена и мой амфитріонъ мгновенно оживился, словно бы подъ дѣйствіемъ сильной гальванической батареи. (NB. Очень жаль, что врачи не прописываютъ отставнымъ администраторамъ такихъ разговоровъ, какъ возбуждающаго средства противъ скуки). Разумѣется, почтенный мой другъ счелъ долгомъ справедливости принести должную дань твердости характера и энергіи своего замѣстителя, тѣмъ не менѣе онъ, по совѣсти, не можетъ скрыть, что новый предсѣдатель «Общества распространенія туковъ» черезчуръ упрямъ, не обладаетъ большими способностями и рѣшительно не понимаетъ духа времени.

— Конечно, твердость необходима. Безъ мундштука,—прибавилъ онъ въ поясненіе:—нельзя управлять не только большимъ учрежденіемъ, но даже и одной лошадью! (Только, замѣчу въ скобкахъ, Дженни, не русской

извозчичьей. Это такая смирная кляча, что удивляешься, какъ она еще дѣлаетъ такіе большіе концы). Но есть предѣлъ и мундштуку, согласитесь, милордъ. Мой замѣститель точно хочетъ управлять «Обществомъ распространенія туковъ» по-военному... Согласитесь, что это не обнаруживаетъ особенныхъ способностей...

— Развѣ замѣститель вашъ военный человѣкъ? —спросилъ я.

— Нѣтъ, статскій, но очень военнаго характера!—отвѣтилъ русскій джентльменъ не безъ ироніи.

Впрочемъ, нисколько не было бы удивительно, Дженни, если-бъ замѣститель моего почтеннаго друга оказался и военный джентльменъ, такъ какъ здѣсь не рѣдкость встрѣтить отставныхъ военныхъ, завѣдующихъ и частными коммерческими учрежденіями, и театральными дѣлами, и т. п. Въ поясненіе замѣчу, что въ Россіи, какъ передавали мнѣ люди, заслуживающіе довѣрія, вообще лица, готовящіяся къ какой-нибудь спеціальной службѣ, получаютъ не только спеціальное образованіе, но и камеральное, пополняемое затѣмъ изученіемъ языковъ, что не составляетъ большого затрудненія благодаря приливу къ столицѣ недорогихъ учительницъ, преимущественно изъ Риги (для нѣмецкаго языка), изъ Парижа (для французскаго), изъ Ревеля и Выборга (для шведскаго). Такимъ образомъ, соединяя въ себѣ самыя разнообразныя познанія, каждый окончившій курсъ можетъ заниматься по какимъ угодно спеціальностямъ, тѣмъ болѣе, что русскіе не столько цѣнятъ технику дѣла, сколько широту его пониманія. Отсюда понятно, почему русскіе предпочитаютъ именно лицъ съ такимъ разносторонннимъ образованіемъ спеціалистамъ.

Долго еще бесѣдовалъ въ томъ же духѣ мой почтенный другъ, и нечего тебѣ прибавлять, что въ его отзывахъ несомнѣнно было преувеличеніе. Во всякомъ случаѣ я радъ былъ, что мое посѣщеніе нѣсколько развлекло скучающаго джентльмена и отвлекло его отъ занятій со скворцомъ...

Я сдѣлалъ въ этотъ день еще нѣсколько визитовъ къ моимъ друзьямъ и нашелъ ихъ почти въ такихъ же занятіяхъ. Кто училъ чижика таскать воду, кто чинилъ лампы, кто сочинялъ рѣчи для «Общества содѣйствія мореходству». Всѣ они видимо скучали, не зная, куда дѣвать досугъ, обезпеченный, впрочемъ, приличными окладами, въ память прежнихъ трудовъ. Одинъ даже выдумалъ преинтересную говорящую машину, которая весьма похоже на человѣческій голосъ произноситъ нѣкоторыя слова. Но все-таки, Дженни, времени остается много, и куда его дѣвать—вотъ вопросъ, который серьезно тяготитъ множество лицъ. До слѣдующаго письма.

Письмо семьдесятъ девятое.

Дорогая Дженни!

Убѣдительно прошу тебя достать черезъ друзей чертежи новыхъ строящихся нашихъ броненосцевъ и прислать мнѣ по возможности

скорѣй. Нужны они мнѣ по слѣдующему обстоятельству. На-дняхъ я имѣлъ честь быть у одного русскаго отставного адмирала, который— какъ ни покажется это страннымъ—несмотря на свою спеціальность, рѣшительно отрицаетъ въ дѣлѣ судостроенія правила науки и изобрѣлъ свою теорію, такъ-называемую «теорію ногтя» (the theory of a nail). Этотъ престарѣлый джентльменъ, конечно, позабывшій (что, впрочемъ, простительно) корни науки, изучавшейся имъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе, по свойственной русскимъ привычкѣ, надѣется вдохновеніемъ замѣнить знаніе и апломбомъ—факты опытовъ, и пресерьезно разсчитываетъ, что его теорія замѣнитъ въ недалекомъ времени всѣ, какъ онъ выражается, «англійскія выдумки», и что постройка кораблей будетъ отнынѣ производиться по русской «теоріи ногтя». По его мнѣнію, всѣ до сихъ поръ строившіеся русскіе корабли никуда не годятся именно потому, что надъ ними много думали и работали. Я бы не упоминалъ тебѣ, Дженни, объ этомъ нѣсколько странномъ джентльменѣ, если-бъ, во-первыхъ, не задѣто было мое самолюбіе англичанина и, во-вторыхъ, самъ онъ со своей любопытной теоріей не представлялъ интереснаго указателя, до чего русскіе увлекаются самобытностью даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ техника, и до чего велико у нихъ похвальное желаніе проявить самодѣятельность, не прибѣгая къ помощи науки, а ограничиваясь лишь достаточной дозой увѣренности и вдохновенія.

По словамъ моего почтеннаго адмирала, для постройки судовъ никакихъ исчисленій не требуется, а нуженъ, главнымъ образомъ, глазомѣръ и ноготь. «Съ помощью ихъ я, милордъ, поступаю слѣдующимъ образомъ,—замѣтилъ адмиралъ, придвигая къ себѣ лежащій чертежъ иностраннаго броненосца. — Я беру его вотъ такъ (и онъ взялъ его), затѣмъ долго на него смотрю, вглядываюсь, насколько онъ приближается къ типу судна, мнѣ нужнаго (и онъ дѣйствительно, Дженни, разсматривалъ чертежъ цѣлую минуту), и затѣмъ, знаете ли, милордъ, что я дѣлаю? — спросилъ онъ внезапно, подымая глаза на меня.

— Что же вы дѣлаете, адмиралъ?—проговорилъ я, нѣсколько сконфуженный (разговоръ у насъ шелъ на англійскомъ языкѣ).

— А то, дорогой Розберри, чего вѣрно вы, англичане, не дѣлаете. Я кладу чертежъ (и онъ положилъ его) и на глазомѣръ исправляю линіи вотъ такъ...

Съ этими словами онъ провелъ по линіямъ англійскаго броненосца новую линію своимъ крѣпкимъ ногтемъ и отчертилъ, надо сказать, порядочную часть броненосца...

— Затѣмъ я беру карандашъ (и онъ взялъ огромной величины карандашъ) и пишу сбоку: водоизмѣщеніе такое же, машина такая же, артиллерія такая же, какъ и на англійскомъ броненосцѣ. Но только нашъ-то броненосецъ будетъ получше!—прибавилъ адмиралъ, улыбаясь

самымъ добродушнымъ образомъ:—нашъ будетъ настоящій русачокъ-корабликъ!

— Но какъ же, адмиралъ,—возразилъ я, едва удерживаясь отъ улыбки:—если у васъ и артиллерія та же, и машина та же, и броня та же, то надо и чертежъ оставить тотъ же...

— Это зачѣмъ?

— Да вѣдь, адмиралъ, чертежъ разсчитанъ сообразно даннымъ, а вы вѣдь откромсали изрядную часть ногтемъ... Вашъ броненосецъ, такимъ образомъ, не вынесетъ всего того, что вы хотите, послѣ такой операціи...

Но онъ былъ неумолимъ.

— Вынесетъ!—проговорилъ онъ съ какимъ-то вдохновеніемъ.—Все вынесетъ! Наши корабли выносили и не такіе опыты, а посмотрите... Только бы мнѣ дали построить одинъ корабль, и вы увидите, что онъ перещеголяетъ ваши новые броненосцы, и мой глазомѣрный чертежъ сойдется съ вашими... Да вотъ не хотите ли пари, дорогой Розберри; дайте мнѣ чертежъ послѣднихъ вашихъ броненосцевъ и сравните съ моимъ, сдѣланнымъ только при помощи ногтя и четырехъ правилъ ариѳметики,—остальное я забылъ, по правдѣ скажу вамъ, такъ какъ учился давно,—прибавилъ онъ съ обычнымъ простодушіемъ русскихъ:—и вы убѣдитесь, что мой чертежъ не уступитъ вашимъ. Хотите пари на сто фунтовъ?

Какой англичанинъ, Дженни, устоитъ противъ пари? Я, разумѣется, согласился и прошу тебя поспѣшить высылкой чертежей. Быть-можетъ, они убѣдятъ адмирала лучше моихъ словъ. Впрочемъ, сомнѣваюсь. Трудно, даже и умному человѣку, переубѣждаться въ шестьдесятъ лѣтъ.

Въ тотъ же самый день, какъ я посѣтилъ русскаго адмирала и познакомился основательно съ «русской теоріей ногтя», я увидалъ, проѣзжая мимо думы, весьма поразившее меня зрѣлище. Многіе джентльмены выходили оттуда съ заплаканными глазами, а нѣкоторые даже, несмотря на присутствіе публики, выли, Дженни, какъ бѣлуги. Меня, разумѣется, крайне заинтересовало это явленіе; я хорошо зналъ, что у почтенныхъ членовъ муниципалитета бываютъ поводы для скорби, но я никогда не видалъ, чтобы она выражалась такъ публично.

Только на слѣдующій день изъ газетъ я узналъ, что джентльмены, вышіе такъ усердно, были петербургскіе домовладѣльцы; взвыли они, совершенно забывъ даже о приличіи, какъ только на сцену появился вопросъ, задѣвающій самую чувствительную часть существованія всякаго джентльмена съ капиталистическими наклонностями. Ты, конечно, догадываешься, что я говорю о карманѣ. Если вѣрить русскимъ газетамъ, то въ трогательномъ единодушномъ воѣ, смутившемъ даже подвальныхъ жильцовъ, слились голоса почти всѣхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ безъ различія сословій, профессій, направленій.

Русскій литераторъ, г. Семевскій, издающій, спеціально для стариковъ въ отставкѣ, «Русскую Старину» (иначе имъ нечего было бы читать), вылъ такъ же усердно, какъ и знаменитый русскій Жюль-Фавръ, г. Михельсонъ. Г. Шауманъ, исполняющій обязанности неумолимаго Катилины, тоже вылъ, хоть и не такъ жалобно, какъ другой извѣстный здѣсь ораторъ, г. Литвиновъ, доказывавшій, что домовладѣльцамъ остается одно: взять суму и маршъ на улицу, — но вылъ... Вылъ и замѣтный ораторъ думы, г. Жуковскій, вмѣстѣ съ г. Семеновымъ, джентльменомъ, имѣющимъ 100 трактировъ; словомъ — всѣ выли, болѣе или менѣе усердно.

Этотъ отчаянный домовладѣльческій вой вызванъ былъ увеличеніемъ государственнаго налога съ недвижимыхъ имуществъ въ количествѣ 400.000 рублей.

Домовладѣльцы завопили и рѣшили ходатайствовать если не объ отмѣнѣ, то по крайней мѣрѣ объ отсрочкѣ этого добавочнаго налога, ссылаясь на свое крайне тяжкое положеніе...

Какъ ни смѣшны въ основѣ своей эти жалобы петербургскихъ домовладѣльцевъ, у которыхъ въ подвалахъ и трущобныхъ помѣщеніяхъ болѣетъ и мретъ рабочій людъ,—тѣмъ не менѣе они, во всякомъ случаѣ, интересны не только какъ характерный указатель мнѣній русскихъ буржуазныхъ классовъ, но и по самому существу своему. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ этихъ воплей—какъ они ни преувеличены, изъ всѣхъ этихъ протестовъ—какъ ни эгоистичны ихъ мотивы, получается весьма любопытная картинка, иллюстрирующая не одно только русское городское самоуправленіе. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, заявленіе г. Михельсона, который, между прочимъ, жалуясь на общій упадокъ всѣхъ дѣлъ въ Петербургѣ, говорилъ:

«Всѣмъ извѣстно, что многіе жители Петербурга переѣхали на постоянное жительство въ окрестности города, торговыя заведенія закрываются въ столицѣ, и это показываетъ, до какой степени плохи наши денежныя дѣла и до какой степени этимъ обстоятельствомъ парализованы торговля, промыслы и проч. Неужели нынѣшній курсъ нашего рубля, какого мы не знали даже во время русско-турецкой войны, не имѣетъ вліянія на насъ не только въ денежномъ, но и въ нравственномъ отношеніи? Вѣдь въ настоящее время никто не желаетъ рискнуть на такое дѣло, за которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ охотно бы взялся. Управа полагаетъ отнести излишекъ увеличеннаго налога на городскія средства. Но этого дума не въ правѣ сдѣлать, потому что это есть *личный* налогъ. Она можетъ сказать только, что домовладѣльцы положительно не въ силахъ вынести этотъ тяжелый для нихъ въ настоящее время налогъ; вполнѣ сознавая, что и государство, съ своей стороны, не можетъ поступиться извѣстными доходами для удовлетворенія своихъ нуждъ, дума ходатайствуетъ объ отсрочкѣ введенія налога до улучшенія экономическаго положенія домовладѣльцевъ».

Другой ораторъ, г. Шауманъ, между прочимъ заявилъ: «Если представители города указываютъ на бѣдствія и на причины этихъ бѣдствій, то слѣдуетъ эти причины всѣ перечислить и высказаться въ этомъ случаѣ вполнѣ откровенно».

Ты поймешь, Дженни, что почтенный ораторъ пожелалъ невозможнаго. Высказаться откровенно, особенно при такихъ обстоятельствахъ, когда откровенность эта, такъ сказать, о двухъ концахъ. На одномъ—боязнь расходовъ, на другомъ—привычка къ сосредоточенію чувствъ про себя. Просьба оратора, конечно, осталась неисполненной, и такимъ образомъ русскіе ораторы въ своихъ рѣчахъ ходили вокругъ да около откровенности и откровеннѣе всего скорбѣли о безвыходномъ своемъ положеніи, объясняя, что 20.000 квартиръ пустуетъ, и что дома отягощены недоимками по платежамъ въ кредитное общество. Одинъ ораторъ даже умолялъ, кого слѣдуетъ, «сохранить домовладѣніе въ покойномъ состояніи», какъ бы совѣтуя тѣмъ, кто ничѣмъ не владѣетъ, испытывать безпокойное состояніе, когда приходится платить, но «домовладѣніе» должно быть такъ же спокойно, какъ каменныя стѣны. Г. Семевскій по этому случаю вспомнилъ даже о своемъ пребываніи въ прелестной Венеціи, гдѣ чичероне показывалъ ему осиротѣлые дома, покинутые на произволъ судьбы своими хозяевами. Дома эти не выдержали тяжести налоговъ, опустѣли и служатъ поучительнымъ примѣромъ печальнаго положенія венеціанскихъ домохозяевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ венеціанскіе дома, несмотря на прочность постройки, не выдержали, то что̀ сказать, Дженни, о здѣшнихъ новыхъ «легкихъ» домахъ, стѣны которыхъ трясутся отъ уличной ѣзды... Если обременить ихъ легкой надбавкой, то не обратятся ли они въ развалины и не погребутъ ли подъ собой жильцовъ предъ самымъ срокомъ уплаты за квартиру?..

— Напрасно на насъ ужъ такъ всѣ напали!—говорилъ мнѣ послѣ одинъ изъ джентльменовъ-домовладѣльцевъ.

— Но согласитесь, однако... Вашъ муниципалитетъ ужъ черезчуръ плакалъ,—замѣтилъ я.

— Положимъ, некрасиво... Но посмотрите на дѣло съ другой точки зрѣнія, оставивъ въ сторонѣ домовладѣльческія ламентаціи. Развѣ мы настоящіе городскіе хозяева? Будь мы хозяевами въ своемъ дѣлѣ, тогда можно было бы съ насъ и требовать менѣе эгоистическаго отношенія къ дѣлу. А то что̀ за радость платить, когда не знаешь—производительны ли будутъ наши расходы... Развѣ у васъ, англичанъ, такъ хозяйничаютъ!

И онъ распространился насчетъ выдержки европейской буржуазіи съ тѣмъ нѣжнымъ чувствомъ, съ какимъ говорятъ о ней многіе русскіе либералы.

Я не счелъ нужнымъ возражать моему собесѣднику, что было, правда, время, когда буржуазія, исполняя свою историческую функ-

цію, кичилась не однимъ карманомъ, но и образованіемъ, стойкостью, пониманіемъ общественныхъ интересовъ, способностью поступиться кошелькомъ во имя идеи, но вѣдь то время было да прошло, и теперь она и въ Европѣ исполняетъ совсѣмъ не ту функцію, а у русскихъ и подавно... Въ громадномъ большинствѣ своемъ русскіе представители этого принципа, если вѣрить разсказамъ, недалеко ушли отъ рыцарей большой дороги, а образованіемъ тоже, сколько извѣстно, не блещутъ.

Признаюсь, Дженни, меня все-таки удивили усиленныя нападки русскихъ газетъ на муниципалитетъ. Какъ ни покорны русскіе волѣ Провидѣнія, но все-таки они не ангелы и не альтруисты въ широкомъ смыслѣ этого слова, а вѣдь, вообще говоря, люди поступаются чѣмъ бы то ни было только тогда, когда обстоятельства ихъ прижмутъ къ стѣнѣ, да и то предварительно употребивъ всѣ средства что-нибудь выторговать.

Недавно въ русскихъ газетахъ мнѣ попалась любопытная въ этомъ отношеніи корреспонденція объ одномъ полтавскомъ дворянинѣ Устимовичѣ, который не только не хочетъ поступаться ничѣмъ, но, напротивъ, хочетъ еще пріобрѣсти себѣ такія новыя права, при которыхъ управляемымъ имъ гражданамъ было бы, по его словамъ, хорошо, а ему, русскому джентльмену, разумѣется, еще лучше.

Этотъ джентльменъ былъ прежде лордъ-мэромъ въ Курскѣ, но оставивъ этотъ городъ, какъ какъ не могъ перенести нареканій недовольныхъ, находившихъ, что онъ щедро расходовалъ городскія деньги. Съ тѣхъ поръ онъ проживалъ въ Полтавѣ, какъ вдругъ граждане Курска обратились снова къ нему съ слезной просьбой.

Упрашиваемый такъ настойчиво, онъ наконецъ осчастливилъ городъ своимъ посѣщеніемъ. По словамъ русскихъ газетъ, прибывшему устроили такую встрѣчу, которая свидѣтельствуетъ, какой чувствительный народъ эти русскіе. Его встрѣтили депутаціи. Кто уполномочилъ ихъ—неизвѣстно, но при пріемѣ произошли трогательныя сцены; многіе кричали: «спаситель нашъ, спаси городъ отъ погибели!» При этомъ одинъ мѣщанинъ-гласный сталъ на колѣни, а одинъ купецъ (тоже гласный) облобызалъ руку г. Устимовича.

А онъ, окруженный семействомъ и прибывшими гостями, наслаждался этими знаками почтенія. Несмотря однако на эти слезныя моленія, онъ не согласился управлять курскими гражданами на общихъ основаніяхъ, а, видя передъ собою толпу изъ двадцати умныхъ джентльменовъ, кричащихъ: «ты нашъ спаситель!» и лобызающихъ его руку, сообразилъ, что можетъ сойтись съ русскими, такъ сказать, на чрезвычайныхъ условіяхъ, и обѣщалъ снизойти на ихъ просьбы, если они согласятся на слѣдующее:

— Я долженъ быть единоличнымъ распорядителемъ городского хозяйства: пусть дума исходатайствуетъ о назначеніи меня головою отъ

правительства и съ тѣмъ, чтобы дума собиралась въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія, когда я сочту это нужнымъ.

Поставивъ такое условіе, г. Устимовичъ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки. Еще бы уступить, имѣя передъ собою такихъ добрыхъ джентльменовъ! Будутъ ли они теперь ходатайствовать, чтобы имъ дали голову-директора, или не будутъ — вопросъ остается открытымъ.

Закончу письмо другой интересной картиной русскихъ нравовъ. Передо мной лежитъ слѣдующая телеграмма, напечатанная въ русскихъ газетахъ:

«Въ передовой статьѣ № 310 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано, на основаніи газетныхъ сообщеній, будто череповецкая дума постановила выразить порицаніе правительству Англіи за мѣры, принимаемыя имъ къ подавленію феніанскаго движенія въ Ирландіи. Не зная, какъ понимать это сообщеніе: за злую ли неумѣстную шутку, или инсинуацію празднаго корреспондента,—во всякомъ случаѣ, я, какъ представитель города, считаю долгомъ покорнѣйше просить отъ имени городской управы не отказать опровергнуть печатно это ложное извѣстіе, ибо подобнаго постановленія не только не было, но и не могло быть, такъ какъ череповецкая дума вполнѣ понимаетъ свои обязанности, указанныя здравымъ смысломъ, и кругъ дѣйствій, опредѣленныхъ городовымъ положеніемъ».

Ты прочла? И смѣешься, Дженни? Это напрасно. Надо знать русскій языкъ, чтобы понять, что каждое слово этой телеграммы краснорѣчивѣе Цицерона говоритъ о переполохѣ, постигшемъ добрый городъ Череповецъ. Обратила ли ты вниманіе на трагикомическую сторону этого невѣроятнаго курьеза? Очевидно, писавшіе телеграмму метались въ смятеніи... Тутъ и «увѣреніе въ пониманіи обязанностей», и «здравый смыслъ», и «кругъ дѣйствій, предписанныхъ городовымъ положеніемъ», словомъ, каждая строка трепещетъ отъ страха, возбуждая во мнѣ, знакомомъ нѣсколько съ русскими, не одну только улыбку...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего, подумаешь, можетъ быть нарушено спокойствіе цѣлаго города! Жили себѣ череповцы, какъ здѣсь говорятъ, «честно и благородно», дѣлали гвозди, сошники, сковороды, шили сапоги, валяли шляпы, а въ свободное отъ трудовъ время играли въ карты да сплетничали другъ на друга, какъ вдругъ на городъ поклепъ: «череповцы постановили заявить порицаніе англійскому правительству».

Казалось бы, ужъ слишкомъ неправдоподобная корреспондентская утка, быть-можетъ, и отправленная-то по назначенію не безъ задней цѣли—посмотрѣть, повѣритъ ли ей и обольетъ ли ее пикантнымъ соусомъ московская газета... Оказалось, что газета не только печатаетъ это невѣроятное сообщеніе, но дѣйствительно еще стряпаетъ надлежащій острый соусъ, отъ котораго череповцы не смѣются, какъ бы, казалось, слѣдовало, а теряютъ голову, совѣщаются и спѣшатъ, въ свою очередь,

оповѣстить Россію, что они не выходятъ изъ круга дѣйствій, опредѣленныхъ городовымъ положеніемъ, и клянутся, что никогда не «вотировали порицанія англійскому правительству»...

И, навѣрное, бѣдные череповцы лишились сна и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока ихъ самихъ не увѣрятъ, что они «не порицали Англіи»...

Добрые, хорошіе люди эти русскіе, Дженни, но какъ они еще патріархальны.—Да хранитъ тебя Богъ. Пиши чаще и письма лучше франкируй *).

Письмо восьмидесятое.

Дорогая Дженни!

Изъ телеграммъ ты уже знаешь, что я благополучно прибылъ въ Петербургъ и, пробывъ тамъ три дня, чтобы повидать старыхъ друзей, пріѣхалъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ Москву. Вотъ уже недѣля, какъ я въ сердцѣ Россіи, и только сегодня могу приняться за письмо къ тебѣ, и то благодаря разстройству желудка, заставившему меня отказаться отъ одного юбилейнаго обѣда и сидѣть цѣлый день дома,—до того я отдался гостепріимству и радушію добрыхъ москвичей, рѣшительно очаровавшихъ меня своею любезностью. Визиты, завтраки, обѣды и ужины, простые и юбилейные (здѣсь, Дженни, что̀ ни день, то празднуютъ чей-нибудь юбилей), и съ рѣчами и безъ рѣчей (что̀, впрочемъ, случается рѣдко), но обязательно съ обильною выпивкой, новыя знакомства и возобновленіе старыхъ рѣшительно поглощали все мое время и, долженъ признаться, совершенно перевернули мой обычный образъ жизни и, что̀ еще ужаснѣе, заставили меня забыть, что я состою почетнымъ президентомъ общества трезвости въ Лондонѣ.

Надѣюсь, впрочемъ, что впредь этого не будетъ, Дженни, и твой мужъ не заставитъ тебя краснѣть при мысли, что онъ здѣсь пьянствуетъ, какъ нереспектабельный джентльменъ.

Итакъ, принимаюсь за описаніе своихъ первыхъ впечатлѣній на чужбинѣ.

Хотя пятнадцать лѣтъ, что̀ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ эту любопытную и крайне симпатичную мнѣ страну, и не слишкомъ большой промежутокъ времени въ жизни государствъ и народовъ, особенно такихъ устойчивыхъ и скромныхъ въ своихъ желаніяхъ, какъ русскіе, тѣмъ не менѣе я рѣшительно пораженъ тою разительною перемѣной въ нравахъ, образѣ мыслей, въ интенсивности патріотическаго подъема и во многомъ другомъ, которая произошла за время моего отсутствія.

---

*) Повидимому, при всемъ желаніи быть безпристрастнымъ, англійскій путешественникъ не могъ отрѣшиться отъ національныхъ предразсудковъ, и въ письмахъ его все-таки много невѣрнаго, преувеличеннаго и, мѣстами, курьезнаго.

Прим. переводчика.

Изъ дальнѣйшаго описанія моихъ многочисленныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ различными представителями культурныхъ классовъ Петербурга и Москвы, начиная съ почтенныхъ сановниковъ, исключительно занятыхъ государственными дѣлами, и кончая репортерами, приходившими меня интервьюировать, какъ знатнаго иностранца, ты, Дженни, увидишь, въ какой значительной степени окрѣпло въ послѣднее время самосознаніе русскихъ и какъ усилилась ихъ увѣренность,—пожалуй, и не лишенная нѣкотораго основанія,—въ томъ, что они единственный и, разумѣется, первый по своимъ добродѣтелямъ народъ въ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и газеты и бо́льшая часть русскаго общества теперь окончательно, какъ кажется, убѣждены, что основы ихъ общежитія, являясь залогомъ любви, смиренія и кротости, представляютъ собою поучительный и едва ли не единственный въ Европѣ примѣръ счастливаго сочетанія мощнаго роста и непрерывнаго прогресса съ патріархальной простотой нравовъ, напоминающей библейскія времена,—простотой, благодаря которой русскіе совсѣмъ не знаютъ тѣхъ золъ и бѣдствій, какія испытываютъ другіе народы.

При этомъ русскіе обыкновенно подкрѣпляютъ свою аргументацію по этому поводу весьма любимой здѣсь поговоркой: «Что́ русскому здорово, то́ нѣмцу смерть», понимая эту поговорку не только въ буквальномъ смыслѣ, что́ не лишено справедливости, если принять во вниманіе, что́ иногда ѣстъ русскій земледѣлецъ,—но и въ аллегорическомъ, что́ тоже имѣетъ долю истины. Само собой разумѣется, что и то, что́ для нѣмца здорово, въ свою очередь русскіе для себя считаютъ смертью.

Въ такомъ категорическомъ смыслѣ высказываются теперь не одни только мужчины, но и многія лэди, какъ престарѣлыя, такъ и молодыя, съ которыми я познакомился и которыя удостоиваютъ меня чести говорить со мною лишь исключительно о политикѣ, могу тебя увѣрить, Дженни.

Въ виду этого не хмурься, прошу тебя. Я уже достаточно старъ, а петербургскія и московскія дамы, какъ тебѣ небезызвѣстно изъ моихъ писемъ во время прежняго посѣщенія Россіи, имѣютъ совершенно опредѣленныя мнѣнія насчетъ интересности почтеннаго возраста. Онѣ, сколько я могъ замѣтить, неуклонно держатся того же правила, что́ и наши лэди, а именно, что несравненно любопытнѣе увлечься послѣдовательно,—а въ крайнихъ случаяхъ и одновременно,—двумя двадцатипятилѣтними молодцами (среди которыхъ восточные люди, наѣздники, акробаты и тенора пользуются у свѣтскихъ русскихъ дамъ особымъ предпочтеніемъ), чѣмъ однимъ пятидесятилѣтнимъ джентльменомъ, хотя бы онъ былъ и знатнымъ иностранцемъ.

Въ этомъ отношеніи вкусы за пятнадцать лѣтъ не измѣнились нисколько въ извѣстной средѣ. Напротивъ, они еще болѣе развились въ томъ же направленіи, если признать справедливыми разсказы многихъ путешественниковъ о томъ, что крымскіе татары и горцы-проводники

па кавказскихъ курортахъ обязаны своимъ благосостояніемъ исключительно московскимъ купчихамъ. Что же касается до теноровъ, то объ ихъ успѣхахъ я не разъ сообщалъ тебѣ, Дженни, во время прежняго пребыванія въ Россіи. Замѣчу кстати, что находящійся въ настоящее время въ Москвѣ молодой теноръ де-Марки пользуется такимъ обожаніемъ прекраснаго пола, что, будь онъ корыстолюбивъ и болѣе широкъ въ плечахъ, ему крайне легко было бы въ короткое время составить себѣ состояніе и несравненно большее, чѣмъ если бы онъ нашелъ алмазныя копи въ Трансваалѣ или получилъ подрядъ на Сибирской желѣзной дорогѣ на какихъ-нибудь льготныхъ условіяхъ.

Возвращаясь къ поразившей меня перемѣнѣ, я долженъ, однако, замѣтить, что увѣренность русскихъ въ своемъ превосходствѣ, нѣсколько поражающая откровенною наивностью своего проявленія, присуща только культурнымъ классамъ, такъ какъ тѣ джентльмены, которые называются здѣсь мужиками, повидимому, совсѣмъ не интересуются вопросомъ о первенствѣ среди народовъ. Озабоченные изысканіемъ болѣе или менѣе скромнаго пропитанія (всѣ русскіе мужики, Дженни, завзятые вегетаріанцы) и своевременнымъ взносомъ причитающихся съ нихъ платежей, они, повидимому, не сознаютъ, а лишь только чувствуютъ—и порою довольно сильно, хотя и молчаливо—свое высокое назначеніе быть, какъ выражаются финансисты, платежною силой страны и главнымъ источникомъ доходовъ государственнаго казначейства, и такимъ образомъ способствовать могуществу и славѣ отечества, не претендуя въ своемъ трогательномъ смиреніи, вызывающемъ общія похвалы, ни на что, кромѣ религіозной надежды на царствіе небесное. Нечего и прибавлять, что, не читая газетъ,—впрочемъ, и при желаніи они не могли бы, ибо неграмотны, — русскіе мужики, насколько я могъ убѣдиться изъ разговоровъ съ петербургскими извозчиками, весьма мало интересуются политикой, если не считать политикой ихъ частаго и не всегда доброжелательнаго разговора о «фараонахъ», именемъ которыхъ петербургскіе извозчики почему-то называютъ полисменовъ, хотя, казалось бы, между любезными полисменами и недоступными египетскими царями ничего нѣтъ общаго.

Необыкновенно бодрое, веселое, даже горделивое и откровенное настроеніе замѣчается теперь всюду, какъ только вы переѣдете границу и положите въ руку браваго таможеннаго солдата нѣсколько двугривенныхъ на «чай», подъ которымъ русскіе простолюдины и теперь, какъ и прежде, подразумѣваютъ рѣшительно всѣ спиртные напитки. Осмотръ моего чемодана продолжается недолго, тѣмъ болѣе, что я предусмотрительно завернулъ разныя мелкія вещи въ оберточную, а не въ газетную бумагу, которая могла бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ и, пожалуй, затруднить и безъ того обремененный работой комитетъ иностранной цензуры, какъ то было однажды, Дженни, когда я имѣлъ неосторожность завернуть ботинки въ старые номера «Daily

News», возбудившіе въ почтенномъ и крайне любезномъ таможенномъ чиновникѣ подозрѣніе, что въ англійской газетѣ непремѣнно должны ругать русскихъ. И напрасно я тогда увѣрялъ добродушнаго джентльмена, что онъ ошибается. Онъ не вѣрилъ и, что было всего удивительнѣе, какъ будто и самъ былъ глубоко убѣжденъ, что нельзя не бранить его отечества и соотечественниковъ.

Въ Вержболовѣ я, конечно, немедленно купилъ нѣсколько петербургскихъ газетъ и одну русскую книгу: *Путешествіе въ Ледовитый океанъ*.

Съ особеннымъ любопытствомъ прочитывалъ я русскія газеты въ ожиданіи отхода поѣзда и крайне обрадовался значительной перемѣнѣ пхъ тона. Прежняго уныпія, свойственнаго, казалось мнѣ, исключительно русской прессѣ, не было и слѣда. Не было въ нихъ и той, если можно такъ выразиться, меланхолической недосказанности, вселявшей въ русскихъ читателяхъ нѣкоторую грусть,—недосказанности, которая такъ меня поражала прежде. Теперь, напротивъ, все въ русскихъ газетахъ,—исключая одну, другую, — ясно, опредѣленно, точно, весело и даже игриво. Никакихъ недомолвокъ, свидѣтельствующихъ о страхѣ за розничную продажу, и притомъ полная свобода мнѣній не только объ иностранныхъ министрахъ, — и преимущественно нашихъ, англійскихъ,—а и своихъ собственныхъ. По крайней мѣрѣ, я въ первый же день въѣзда въ Россію въ трехъ газетахъ прочиталъ передовыя статьи объ одномъ русскомъ министрѣ, мѣропріятія котораго всѣ три газеты подвергали обсужденію и находили ихъ превосходными. Съ прямотою честныхъ журналистовъ авторы статей отдавали дань благодарности общественному дѣятелю, называя его истинно - русскимъ человѣкомъ (такою кличкой здѣсь, Дженни, называютъ всякаго джентльмена, который знаетъ солдатскую пѣсню: «Наша матушка Россія всему свѣту голова» *), талантливымъ, смѣлымъ и энергичнымъ, который плюетъ на кабинетныя доктрины и лишь считается съ фактами жизни.

Не входя, разумѣется, въ оцѣнку справедливости этихъ комплиментовъ, я привожу ихъ, какъ доказательство несомнѣннаго роста русской печати, въ виду того, что возможность такихъ откровенныхъ одобреній, разумѣется, нераздѣльна и съ возможностью таковой же откровенной критики. И я убѣдился, что такой взглядъ, обязательный для каждаго честнаго публициста, усвоенъ вполнѣ русскими джентльменами пера. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ же нумерахъ газетъ, гдѣ превозносился сановникъ, предавался жестокому и даже безпощадному осужденію одинъ правительственный агентъ, отданный подъ судъ за превышеніе власти,—преступленіе, болѣе всего распространенное въ

*) Это объясненіе знатнаго иностранца далеко не вѣрно. Благородный лордъ былъ введенъ въ заблужденіе. *Прим. переводчика.*

послѣднее время среди русскихъ должностныхъ лицъ, какъ говорилъ мнѣ одинъ молодой прокуроръ.

Правда, правительственный агентъ, попавшій на скамью подсудимыхъ, былъ весьма незначительный по своему положенію, въ родѣ помощника шерифа, но мнѣ объяснили, что и болѣе значительные агенты могли бы подвергнуться карѣ газетъ, если-бъ попали подъ судъ, что, впрочемъ, случается рѣдко, такъ какъ, по словамъ одного русскаго моего знакомаго, занимающаго видное положеніе,—выборъ значительныхъ агентовъ очень тщательный и между ними крайне рѣдки люди, не отличающіеся высокими интеллектуальными и нравственными качествами. Что же касается до критики мѣропріятій, то и она вполнѣ допускается, если къ тому находится поводъ. Но такъ какъ поводы эти весьма рѣдки, то русскіе журналисты и не находятъ достаточныхъ основаній для легкомысленныхъ сужденій и критикъ, подобно своимъ иностраннымъ собратьямъ.

Во всякомъ случаѣ, чтеніе русскихъ газетъ привело меня къ заключенію, что отношеніе русскихъ общественныхъ дѣятелей къ печати далеко не такое, какимъ было прежде. Прежде они были крайне щекотливы и чувствительны даже и тогда, когда печать оскорбляла обычную въ нихъ скромность самыми почтительными похвалами, я уже не говорю о порицаніяхъ, а теперь многіе русскіе государственные люди охотно бесѣдуютъ съ иностранными журналистами и даже разрѣшаютъ путешествовать въ ихъ обществѣ русскимъ корреспондентамъ, разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда корреспонденты вполнѣ благонадежны, т. е. добросовѣстны и правдивы и не позволятъ себѣ расточать грубой лести по адресу начальствующихъ лицъ, въ надеждѣ достиженія какихъ-либо корыстныхъ видовъ.

Книга *Путешествіе въ Ледовитый океанъ* *), сочиненная однимъ изъ такихъ корреспондентовъ, представляетъ собою крайне пріятное явленіе, какъ правдивое и вполнѣ, повидимому, искреннее описаніе впечатлѣній автора. Но, главнымъ образомъ, она тѣмъ цѣнна и полезна, что знакомитъ русскую публику съ ея выдающимися дѣятелями на административномъ поприщѣ. Извѣстные только ограниченному кругу имѣющихъ съ ними дѣло лицъ, они совсѣмъ неизвѣстны громадному большинству гражданъ, которые часто судятъ о нихъ лишь по слухамъ, не всегда справедливымъ и большею частью даже злонамѣреннымъ.

Благодаря автору книги, всякій желающій имѣть достовѣрныя свѣдѣнія хотя бы о нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятеляхъ можетъ легко исполнить свое желаніе, уплативъ за книгу три рубля, и узнать, какъ имѣлъ удовольствіе узнать и я, какъ часто прискорбно ошибаются люди, полагая, что вообще мало на свѣтѣ совершенства.

*) Книги подъ такимъ названіемъ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ. *Прим. переводчика.*

Я непремѣнно переведу эту книгу для нашихъ соотечественниковъ, а пока лишь замѣчу, Дженни, что джентльмены, описанные корреспондентомъ, по чести говоря, рѣдкіе по своимъ добродѣтелямъ люди и были бы украшеніемъ всякой страны. Признаюсь, я не могъ безъ нѣкотораго волненія читать эти характеристики, напоминающія Плутарховы, всѣхъ тѣхъ чиновниковъ болѣе или менѣе высокаго положенія, съ которыми путешествовалъ или съ которыми встрѣчался авторъ,—до того эти джентльмены умны, доблестны и благородны, до того они усердны въ исполненіи своего долга и проникнуты лишь однимъ желаніемъ: во что бы то ни стало сдѣлать счастливыми жителей тѣхъ провинцій, въ которыхъ эти добродѣтельные джентльмены подвижничествуютъ.

Впослѣдствіи я слышалъ, что корреспондентъ, написавшій названную книгу, получилъ мѣсто коммерческаго агента въ одномъ изъ городовъ Европы съ весьма приличнымъ окладомъ въ 6.000 руб., и, разумѣется, порадовался за странника-корреспондента, нашедшаго наконецъ тихое пристанище.

Пока я штудировалъ книгу, двое сидѣвшіе со мною въ купе джентльмена весело между собою бесѣдовали о Парижѣ, изъ котораго они, повидимому, возвращались; принимая меня, по всей вѣроятности, за иностранца, незнающаго по-русски, они припоминали различныя свои похожденія болѣе или менѣе интимнаго характера откровеннѣе, чѣмъ бы слѣдовало для почтенныхъ людей свыше сорокалѣтняго возраста.

Насладившись воспоминаніями о веселыхъ ужинахъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ и обмѣнявшись обѣщаніями не проговориться какъ-нибудь о нихъ передъ своими супругами, они, несмотря на франко-русскій союзъ, припялись бранить французовъ съ тою поспѣшностью къ обобщенію единичныхъ фактовъ, какою вообще отличаются русскіе, непривыкшіе, сколько я замѣтилъ, къ строго-логическимъ выводамъ.

Болѣе всего доставалось французскому парламенту (кстати замѣчу, это учрежденіе возбуждаетъ теперь въ русскихъ чувство глубочайшаго презрѣнія). Не нравилось джентльменамъ и то, что засѣданія парламента недостаточно торжественны: вмѣсто того, чтобы быть, по крайней мѣрѣ, во фракахъ, если нѣтъ форменныхъ мундировъ, всѣ въ пиджакахъ, и что тамъ шумъ, крики... точно въ кабакѣ. Но особенно возмущала ихъ частая смѣна министровъ и, какъ выразились почтенные джентльмены, «разнузданность» печати, позволяющей себѣ говорить все, что угодно, не только о министрахъ, но и о президентѣ республики.

Въ концѣ концовъ оба собесѣдника пришли къ заключенію, что Европа окончательно разлагается, и что одна только Россія представляетъ собою здоровое, мощное государство, въ которомъ дѣйствительно, а не фиктивно, какъ въ Европѣ, существуетъ равенство, сохранились еще идеалы, и народъ помнитъ Бога, и чиновники неподкупны, не то что во Франціи, напримѣръ.

Послѣ того разговоръ двухъ джентльменовъ принялъ направленіе, свидѣтельствующее, что они сами чиновники и даже значительные. Оказалось, что оба они директоры департаментовъ и ѣздили въ Европу съ цѣлью изученія не то горныхъ, не то желѣзнодорожныхъ вопросовъ, при чемъ, разумѣется, получили на поѣздку приличное вознагражденіе изъ государственнаго казначейства. Нечего и прибавлять, что Парижъ они посѣтили, окончивъ возложенное на нихъ порученіе.

Въ Петербургъ поѣздъ пришелъ, опоздавъ часъ-другой—ужъ я не знаю по какому случаю. Какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я въ первый разъ въѣзжалъ въ столицу русской имперіи, такъ и теперь, я былъ пораженъ, Дженни, обиліемъ ругательствъ, клятвъ и божбы, раздавшихся у дебаркадера въ толпѣ извозчиковъ. Такъ же, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, полисмены время отъ времени и, долженъ прибавить, не особенно на виду у публики, «учили»; какъ здѣсь выражаются, болѣе увлекающихся возницъ ударами шашками плашмя, что, конечно, и является однимъ изъ поводовъ не столько злобы (русскіе вообще необыкновенно добродушно переносятъ удары, не влекущіе за собой серьезнаго увѣчья), сколько ироническаго отношенія извозчиковъ къ «фараонамъ». Такъ же, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, карету, въ которой я ѣхалъ въ гостиницу, чуть не опрокинула нагруженная мѣшками съ мукой телѣга, извозчикъ которой, носящій здѣсь весьма подходящее названіе «ломового», какъ бы досадуя, что карета, по счастливой случайности, осталась цѣла, выпустилъ цѣлый фонтанъ виртуозной брани на кучера, который, въ свою очередь, не остался въ долгу.

Однако довольно. О петербургскихъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ до слѣдующаго письма. Да хранитъ тебя Богъ.

P. S. Не безпокойся о моемъ легкомъ нездоровьѣ. Надѣюсь, что къ завтрашнему дню буду вполнѣ здоровъ. Если же будетъ хуже, то приглашу доктора, какъ это ни убыточно. Здѣсь, Дженни, визиты докторовъ, и особенно болѣе или менѣе извѣстныхъ, причиняютъ такое же разореніе, какъ пожаръ или наводненіе. Гонораръ, взимаемый ими, и при томъ по назначенной таксѣ (ни пенни меньше), такъ великъ, что многіе больные, послѣ долгаго лѣченія, дѣлаются нищими. Десять, а то и двадцать фунтовъ стерлинговъ—обычная плата за визитъ одному изъ самыхъ извѣстныхъ въ Москвѣ врачей. Кромѣ того, если вѣрить многимъ почти невѣроятнымъ разсказамъ объ этомъ врачѣ, необходимо при его посѣщеніи приготовить для него: 1) три фунта самой лучшей зернистой икры; 2) осетровый балыкъ; 3) пять фунтовъ конфетъ и 4) два ананаса, десятокъ дюшесъ и нѣсколько фунтовъ винограда. И только послѣ того, какъ докторъ все это съѣстъ (что сдва ли, впрочемъ, возможно даже и для московскаго жителя *), онъ приступаетъ къ

*) Почтенный лордъ, очевидно, получилъ преувеличенныя свѣдѣнія о

осмотру больного, при чемъ паціентъ обязывается безпрекословно слушать грубости, если бы таковыя пожелала сказать медицинская знаменитость.

Письмо восемьдесятъ первое.

Дорогая Дженни!

За время моего отсутствія Петербургъ сталъ значительно чище, по крайней мѣрѣ на главныхъ улицахъ, и нѣтъ въ немъ того удручающаго запаха, который охватывалъ прежде путешественника при въѣздѣ въ столицу. Такимъ образомъ днемъ теперь возможно ѣздить безъ особенной опасности для обонянія (опять-таки на большихъ улицахъ), чего нельзя, впрочемъ, сказать, если придется попасть на улицу поздно ночью, возвращаясь съ журфикса (на эти журфиксы собираются поздно и расходятся поздно) или изъ клуба, гдѣ русскіе сидятъ за картами до ранняго утра. Тогда весь городъ представляетъ собой такой источникъ зловонія, напоминающаго азіатскіе города, что надо только удивляться, Дженни, что смертность, хотя и значительная, не принимаетъ бо́льшихъ размѣровъ. Вопросъ о канализаціи, поднятый еще во время перваго пребыванія моего въ Петербургѣ, до сихъ поръ остается вопросомъ, и почтенные альдермены города, которые называются здѣсь «гласными», для отличія отъ остальныхъ гражданъ *), до сихъ поръ не могутъ придти къ соглашенію по этому вопросу, считая канализацію большою роскошью и надѣясь на приспособленность русскаго обонянія, дѣйствительно, Дженни, далеко не разборчиваго.

Справедливость требуетъ замѣтить, что и освѣщеніе города улучшилось: на Невскомъ электричество и газъ въ остальныхъ улицахъ, и вообще городъ выросъ и украсился многими новыми зданіями, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе громадное красное зданіе новой пенитенціарной тюрьмы, выстроенной, какъ говорятъ, по послѣднему слову науки и представляющей собой подражаніе лучшимъ тюрьмамъ европейскаго образца какъ по устройству, такъ и по строгому режиму заключенныхъ, изъ чего ты, Дженни, конечно, убѣдишься, что русскіе, несмотря на охватившее ихъ въ послѣднее время недоброжелательство къ европейскимъ порядкамъ и желаніе быть во всемъ самобытными, все-таки въ нѣкоторыхъ случаяхъ кое-что и заимствуютъ изъ Европы.

Но что̀ меня особенно порадовало, Дженни, это то, что орудія пытки, употреблявшіяся въ средніе вѣка въ Европѣ и извѣстныя здѣсь подъ

московскихъ докторахъ вообще и въ особенности о количествѣ закусокъ и фруктовъ.

*) Объясненіе знатнаго иностранца названія «гласнаго» невѣрно и доказываетъ незнаніе почтеннымъ лордомъ тонкостей русскаго языка.

Прим. переводчика.

именемъ дрожекъ и существующія, къ сожалѣнію, еще въ Москвѣ во всей своей первобытной жестокости, въ Петербургѣ въ значительной мѣрѣ утратили свой ужасающій характеръ, и если оставляютъ еще желать многаго, то во всякомъ случаѣ не угрожаютъ опасностью остраго перитонита, болѣзни, которая въ Москвѣ, напротивъ, замѣчается часто, благодаря тому обстоятельству, что москвичи тотчасъ же послѣ обильныхъ юбилейныхъ обѣдовъ и ужиновъ возвращаются по домамъ на извозчикахъ, да еще по такимъ мостовымъ, одинъ видъ которыхъ, напоминающій каменоломни, вселялъ во мнѣ ужасъ въ прежнее мое посѣщеніе Москвы, куда я ѣздилъ, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ въ свое время журналистомъ, сэромъ Катковымъ, нынѣ умершимъ.

Извинившись передъ бойкимъ молодымъ джентльменомъ, отрекомендовавшимся корреспондентомъ нѣсколькихъ петербургскихъ и московскихъ газетъ, который неожиданно, и даже безъ предупреждающаго стука въ двери, влетѣлъ ко мнѣ въ номеръ, какъ только-что я пріѣхалъ въ гостиницу и, свершая туалетъ, находился въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, извинившись, говорю, что не могу принять его и удовлетворить его любознательности, въ виду того, что спѣшу съ визитами, я, конечно, надѣялся, что названный джентльменъ такъ же поспѣшно оставитъ меня, какъ поспѣшно вошелъ. Но надежды мои были преждевременны, и русскій репортеръ, удостоившій меня посѣщеніемъ, оказался несравненно рѣшительнѣе и, позволю себѣ выразиться, безстыжѣе, чѣмъ его собратья, интервьюировавшіе меня во время прежняго моего пребыванія въ Россіи и заработавшіе на мнѣ порядочно-таки денегъ, такъ какъ сочиняли самыя невѣроятныя бесѣды, которыя вели будто бы со мной насчетъ политики (тогда было, Дженни, горячее время, какъ разъ послѣ турецкой войны, во время берлинскаго конгресса) и взглядовъ моихъ насчетъ покойнаго Дизи *).

Несмотря на мои извиненія и на мое дезабилье, молодой джентльменъ и не думалъ выходить изъ номера. Съ торопливостью рѣчи и съ тою развязностью, которыми вообще отличаются, какъ я слышалъ, нынѣшніе русскіе журналисты, молодой джентльменъ просилъ меня не стѣсняться и продолжать туалетъ, во время котораго онъ и предложитъ нѣсколько вопросовъ, и такимъ образомъ нисколько не отниметъ у меня времени. И, не дожидаясь моего согласія на эту комбинацію, онъ стремительно опустился въ кресло, поставилъ свой цилиндръ на полъ и, вынувъ изъ бокового кармана довольно изящнаго фрака (прежніе репортеры, Дженни, сколько мнѣ помнится, не бывали одѣты столь щегольски и вообще не имѣли такого блестящаго вида, какъ этотъ) записную книжку, съ тою же стремительностью и нѣсколько удивившей меня откровенностью, предварительно познакомилъ меня вкратцѣ со своею автобіо-

*) Дизраэли, лорда Биконсфильда.

графіей, полной, Дженни, разнообразныхъ и не всегда благополучныхъ для собственной физіономіи приключеній при исполненіи имъ тяжелыхъ обязанностей репортера. Впрочемъ, говоря объ этомъ, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, онъ прибавилъ, что, какъ представитель прессы и притомъ человѣкъ, имѣющій широкія привычки, онъ готовъ на всякіе подвиги самопожертвованія, лишь бы во-время получить свѣдѣнія, отвѣчающія вкусамъ читателей, и гонораръ. При этомъ онъ съ такою же откровенностью сообщилъ мнѣ, что издатели—большія канальи и редакторы — прожженыя шельмы, не умѣющія, какъ бы слѣдовало, оцѣнивать трудъ такихъ сотрудниковъ, какъ онъ, вслѣдствіе чего поневолѣ приходится изыскивать дополнительныя средства. Весь его разсказъ не занялъ и пяти минутъ, до того молодой джентльменъ говорилъ быстро. Объяснивъ мнѣ, что онъ былъ корреспондентомъ въ Абессиніи, за что имѣетъ орденъ Печати царя Соломона, что онъ друженъ съ Фердинандомъ болгарскимъ и что ему, собственно говоря, Болгарія обязана примиреніемъ съ Россіей, что онъ, если-бъ я пожелалъ, могъ бы познакомить меня со всѣми актрисами кафе-шантановъ («есть недурненькія, милордъ!»), молодой джентльменъ огорошилъ меня слѣдующимъ вопросомъ въ то время, когда я, покорившись его назойливости, продолжалъ, для выигрыша времени, свой туалетъ.

— Какъ вы думаете, милордъ, о современной любви?

Признаюсь, Дженни, я ждалъ какихъ-нибудь вопросовъ въ области иностранной политики, но никакъ не ожидалъ вопроса о любви. Ты догадаешься, разумѣется, Дженни, съ какимъ изумленіемъ я взглянулъ на молодого джентльмена.

А онъ между тѣмъ продолжалъ съ самымъ дѣловымъ видомъ:

— Какія нравились вамъ больше женщины, милордъ, брюнетки, блондинки, шатенки, высокія и худыя, или средняго роста и полныя?.. Сколько разъ вы въ жизни любили и сколько разъ вы бросали женщинъ? Какая самая долгая и какая самая короткая была ваша любовь? Соблаговолите, если не измѣнитъ вамъ память, припомнить это, милордъ!

— Но къ чему вамъ эти свѣдѣнія?— наконецъ спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? Для публики.

— Но развѣ это интересно для публики?.. Признаться, я полагалъ, что вы удостоили меня посѣщеніемъ для политическаго интервью.

Молодой джентльменъ весело свистнулъ.

— Стара, милордъ, штука. Нынче публика политикой не особенно интересуется, да и къ тому же это дѣло другого сотрудника. Онъ каждый день докладываетъ о торжествѣ нашей политики во всемъ земномъ шарѣ!—не безъ гордости говорилъ молодой джентльменъ и, подмигнувъ глазомъ, прибавилъ:—Не правда ли, задали-таки мы вамъ перцу, милордъ? Небось будете помнить?—прибавилъ онъ весело и при этомъ добродушно разсмѣялся.

Признаюсь, Дженни, это соединеніе наивнаго самохвальства съ значительною дозой добродушной наглости, которое потомъ приходилось встрѣчать довольно часто и не только среди репортеровъ, настолько было забавно и настолько заинтересовало меня, что я немедленно же согласился съ корреспондентомъ насчетъ перца, который намъ задали русскіе, и затѣмъ полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ названный джентльменъ такъ скоро узналъ, что я пріѣхалъ.

Оказалось, что онъ предусмотрительно объѣзжаетъ гостиницы немедленно послѣ прихода поѣздовъ и узнаётъ о прибытіи болѣе или менѣе знатныхъ пріѣзжихъ, которыхъ и спѣшитъ интервьюировать, если къ тому представляется малѣйшая возможность. Такимъ образомъ онъ первый, по его словамъ, сообщилъ въ свою газету бесѣды и съ г-жой Отеро (ахъ, милордъ, что это за женщина!), и съ однимъ изъ членовъ абессинскаго посольства, бывшаго лѣтомъ, и съ г-жой Монбазонъ и съ другими знаменитостями, какъ иностранными, такъ и отечественными.

— Узнавши,—прибавилъ онъ:—что вы, милордъ, бывшій первый министръ, изволили прибыть въ нашу столицу, я счелъ долгомъ...

— Но вы заблуждаетесь,—перебилъ я своего невольнаго гостя:—я совсѣмъ не тотъ Розберри.

— Не тотъ?—съ видимымъ разочарованіемъ произнесъ корреспондентъ.—Но въ такомъ случаѣ братъ или родственникъ. И пріѣхали съ какой-нибудь дипломатическою миссіей?

— Ни то ни другое. Я однофамилецъ и пріѣхалъ въ вашу страну, въ которой уже былъ раньше, исключительно съ цѣлью ея изученія.

— Гмм...—протянулъ молодой человѣкъ, поспѣшно однако занося въ записную книжку мои слова.—Нынче многіе знатные иностранцы посѣщаютъ Россію и восхищаются ею. Не правда ли, замѣчательная страна? И все въ ней оригинально?

Я поспѣшилъ согласиться и затѣмъ просилъ разрѣшить мое недоумѣніе: какой интересъ, собственно говоря, могутъ имѣть для русской публики тѣ свѣдѣнія, которыя собираетъ корреспондентъ.

— Огромный, милордъ!—воскликнулъ онъ.—Публика очень любитъ мнѣнія выдающихся людей по такому, можно сказать, захватывающему вопросу, какъ любовь. Ее, какъ у насъ говорится, хлѣбомъ не корми, а подавай что-нибудь въ подобномъ пикантномъ жанрѣ. Мы это отлично знаемъ по розничной продажѣ. Всѣ эти такъ-называемые серьезные вопросы, признаться, до смерти надоѣли и не обращаютъ на себя ни малѣйшаго вниманія. Что-нибудь этакое веселое, игривое — это нравится. И, смѣю думать, милордъ, вы не откажете въ свѣдѣніяхъ. Мнѣніе знатнаго иностранца, да еще англичанина, о любви заинтересуетъ нашихъ читателей. Недавно я опрашивалъ по тому же вопросу выдающихся представительницъ разныхъ профессій. Но только наши дамы отнеслись къ дѣлу недостаточно серьезно и, главное, врали

не хуже нашего брата, репортера!—прибавилъ, улыбаясь, молодой человѣкъ.

— Врали?—переспросилъ я.

— Именно, милордъ. Почти всѣ отвѣчали, что любили одинъ разъ—можете себѣ представить?—и только своихъ супруговъ, какъ вамъ это нравится, милордъ? Ужъ я, можно сказать, выбивался изъ силъ, чтобы выудить хотя бы одинъ лишній разокъ, а то однообразно, знаете ли, выходило, но только одна г-жа Отеро созналась, что любила въ своей жизни три раза, а всѣ остальныя такъ и остались при прежнихъ показаніяхъ. Одинъ разъ и никого, кромѣ мужа! Ловко, нечего сказать, совралъ! А незамужнія, и въ особенности старыя дѣвы, такъ тѣ, милордъ, категорически заявили, что никогда не любили, любить не желаютъ и ненавидятъ мужчинъ. Тѣмъ не менѣе опубликованіе и этого бабьяго вранья имѣло большой успѣхъ и принесло мнѣ около двадцати пяти рублей гонорарной платы.

— А какъ относятся мужчины къ вашимъ посѣщеніямъ и удовлетворяютъ ли вашу любознательность?—спросилъ я

— Не вполнѣ, милордъ, не вполнѣ, особенно женатые люди. Они почти всѣ тоже разъ любили и всегда только своихъ супругъ. Не привыкли еще у насъ, милордъ, откровенно дѣлиться своимъ опытомъ съ публикой... ну и, по всей вѣроятности, даже и выдающіеся наши люди не имѣютъ настолько гражданскаго мужества, чтобы, такъ сказать, ради общественнаго дѣла, подвергнуться болѣе или менѣе серьезнымъ супружескимъ сценамъ. Изо всѣхъ опрошенныхъ женатыхъ выдающихся дѣятелей нашелся лишь одинъ истинный гражданинъ и весьма талантливый писатель, который понялъ общественное значеніе моихъ опросовъ и настолько горячо отнесся къ моему посѣщенію, что угостилъ меня отличнымъ завтракомъ, далъ взаймы двадцать пять рублей и обязательно продиктовалъ мнѣ длинный списокъ особъ,—не называя ихъ, разумѣется, по имени, а лишь отмѣчая цифрами,—къ которымъ онъ питалъ болѣе или менѣе горячую любовь съ пятнадцатилѣтняго возраста до нынѣшнихъ дней, когда ему стукнуло сорокъ два года. Списокъ представляетъ собою 125 особъ, въ числѣ которыхъ, само собою разумѣется, находятся всѣ цвѣта волосъ, даже и пѣгій, всѣ возрасты, начиная отъ семнадцатилѣтняго и кончая сорокапятилѣтнимъ — два случая, и всѣ образцы сложеній. По словамъ симпатичнаго писателя, всѣ эти 125 особъ были прелестнѣйшія существа и, какъ онъ выразился, «чистыя сердца», память о которыхъ постоянно сохраняется въ его душѣ. Продолжительность любви колеблется между двумя недѣлями и шестью мѣсяцами. Этотъ не особенно продолжительный срокъ объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что писатель находился часто въ разъѣздахъ съ цѣлью изученія жизни. Показанія его ,самыя полныя и интересныя, смѣю думать, произведутъ сильное впечатлѣніе на публику и усилятъ сбытъ его произведеній. Что же касается до вдовыхъ

и холостыхъ, то они были, вообще говоря, болѣе откровенны, особенно литераторы, художники, музыканты и адвокаты. Зато люди несвободныхъ профессій и въ особенности чиновники даютъ самые неопредѣленные отвѣты, а то и просто отказываются отвѣчать.

— Почему же?

— Не привыкли, знаете ли, ну и нельзя имъ ничего печатать безъ разрѣшенія начальства.

— Вы, конечно, опрашиваете болѣе или менѣе видныхъ правительственныхъ агентовъ?

— По мѣрѣ возможности, милордъ,—уклончиво отвѣчалъ корреспондентъ.

— Ну, разумѣется, и министровъ тоже? Они, сколько я заключаю изъ чтенія газетъ, нынѣ несравненно доступнѣе, чѣмъ были прежде, и весьма расположены къ прессѣ и ея представителямъ.

Увы! я не зналъ, Дженни, что, задавая подобный вопросъ, я бужу не особенно пріятныя воспоминанія въ молодомъ джентльменѣ, который, какъ я узналъ впослѣдствіи, имѣлъ весьма непріятныя недоразумѣнія съ однимъ изъ начальствующихъ лицъ вслѣдствіе жалобы содержателя какого-то увеселительнаго заведенія на чрезмѣрную требовательность названнаго молодого человѣка, который, въ качествѣ рецензента, не довольствовался даровымъ буфетомъ и опредѣленнымъ жалованьемъ, но настаивалъ на дополнительномъ вознагражденіи и, по примѣру знаменитаго театральнаго критика Сарсе, еще и на интимныхъ свиданіяхъ съ артистками.

Вѣроятно, по этой причинѣ, лицо репортера омрачилось. Онъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Почему же?

— У нашихъ государственныхъ людей, милордъ, всякая минута на счету, и было бы крайне неделикатно, скажу даже: не патріотично— отвлекать ихъ отъ занятій. И кромѣ того многіе изъ нихъ, вслѣдствіе переутомленія, люди весьма нервные и вспыльчивые, особенно съ репортерами. Въ виду этого не только мы, незамѣтные труженики пера, но даже и редакторы, и притомъ самыхъ распространенныхъ газетъ, избѣгаемъ аудіенцій. Развѣ только въ случаяхъ, когда насъ требуютъ.

Быстро затѣмъ обрывая, повидимому, не особенно пріятный разговоръ, молодой джентльменъ выпалилъ, приготовляясь записывать:

— Итакъ, милордъ, ваше мнѣніе насчетъ современной любви? Кому оказываете предпочтеніе: брюнеткамъ, блондинкамъ? Полнымъ или худымъ? Сколько разъ любили?

Но я ужъ былъ одѣтъ, Дженни, и, по совѣсти говоря, рѣшительно не приготовленъ былъ отвѣчать на вопросъ о современной любви, столь интересующій русскихъ, откровенно заявивъ объ этомъ репортеру.

— Такъ зачѣмъ же вы держали меня столько времени, милордъ? — обиженно и въ то же время не безъ достоинства воскликнулъ молодой джентльменъ.—Зачѣмъ разспрашивали меня, отнимая драгоцѣнное время? Извините, милордъ, но это не совсѣмъ великодушно относительно человѣка, который исключительно живетъ перомъ... Кто меня вознаградитъ за потерянное время?

Молодой человѣкъ былъ отчасти правъ, въ этомъ я, по совѣсти, долженъ былъ сознаться, такъ какъ я дѣйствительно не выгналъ его въ первую же минуту прихода, а разговаривалъ съ нимъ. И потому, рѣшивъ какъ-нибудь уладить это недоразумѣніе, я спросилъ его, сколько онъ надѣялся заработать на моей особѣ?

— Да никакъ не менѣе десяти рублей. Считая по 5 коп. за строчку, у меня вышло бы 200 строкъ... Описаніе наружности, вашего туалета, положимъ двадцать строкъ, если не всѣ тридцать... Затѣмъ разсказъ о прежнемъ посѣщеніи вашемъ Россіи и о томъ, какое впечатлѣніе она на васъ произвела... Хотя вы объ этомъ, милордъ, и не распространялись, но я распространился бы по крайней мѣрѣ на 50 строкахъ, и наконецъ отвѣты на мои вопросы. Короче, меньше двухсотъ строкъ редакторъ отъ меня не отдѣлался бы.

Я успокоилъ репортера, деликатно предложивъ ему потерянный имъ гонораръ.

Онъ сказалъ «мерси», не безъ достоинства спрятавъ въ карманъ бумажку, взялся за цилиндръ и, откланиваясь, проговорилъ:

— А все-таки позвольте, милордъ, что-нибудь написать отъ вашего имени о современной любви.

Я далъ ему согласіе, но только предупредилъ, Дженни, что и я всего лишь разъ любилъ одну брюнетку,—ты догадываешься какую?

— Позвольте хоть два!—воскликнулъ корреспондентъ.

Признаться, онъ такъ искренно просилъ, что я разрѣшилъ ему сочинить и другую мою любовь къ блондинкѣ, высокой, худощавой, граціозной, изящной и необыкновенно холодной, при чемъ любовь эта была безнадежная и до знакомства съ тобою, моя дорогая Дженни.

На этомъ мы распростились съ корреспондентомъ, и онъ наконецъ ушелъ, пообѣщавъ однако посѣтить меня еще разъ (хотя я объ этомъ и не заикался) до отъѣзда своего въ Болгарію, куда, по его словамъ, онъ ѣдетъ съ исключительною цѣлью—уговорить болгарскаго князя, принца Фердинанда, просить поскорѣе прощенія у Россіи *).

*) Нѣкоторыя подробности этого свиданія, описываемаго знатнымъ иностранцемъ, наводятъ на предположеніе, что благороднаго лорда посѣтилъ не представитель русской прессы, а какой-нибудь самозванецъ, имѣвшій цѣлью стянуть съ иностранца десять рублей. Въ этомъ убѣждаетъ еще и то обстоятельство, что извѣстные корреспонденты, благодаря которымъ состоялось примиреніе Россіи съ Болгаріей, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ Хлестаковымъ, который посѣщалъ почтеннаго лорда.

Прим. переводчика.

Когда я вышелъ на Невскій, былъ какъ разъ тотъ часъ, когда бо́льшая часть клерковъ идетъ въ свои office'ы, и меня поразило, Дженни, во-первыхъ, то, что они не шли, какъ прежде, тихо, останавливаясь у витринъ и заглядывая подъ дамскія шляпки, а, напротивъ, спѣшили что̀ есть духу. Какъ впослѣдствіи я узналъ, такая необыкновенная прыть происходитъ отъ того, что почти во всѣхъ вѣдомствахъ реформы идутъ за реформами, а комиссій засѣдаетъ столько, что и сосчитать невозможно,—однимъ словомъ, дѣятельность въ полномъ разгарѣ, такъ какъ русскіе окончательно рѣшили исправить несовершенства, или, какъ здѣсь выражаются, «несоотвѣтствіе съ жизненными началами» многихъ реформъ прежняго времени и обратить особенное вниманіе на финансовыя дѣла своего отечества. Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано относительно суда, земства и городского самоуправленія; мировые судьи замѣнены земскими начальниками, назначаемыми, а не выбираемыми, въ рукахъ которыхъ довольно удачно, если вѣрить словамъ нѣкоторыхъ газетъ, соединены административныя функціи съ судебными; конверсіи идутъ за конверсіями, и, несмотря на бывшій недавно голодъ, экономическое благосостояніе, по словамъ одного моего русскаго друга финансиста, значительно возрастаетъ одновременно съ развитіемъ торговли и промышленности. Въ виду такой дѣятельности не трудно повѣрить, Дженни, что не только высокія лица работаютъ,—какъ свидѣтельствуютъ газеты и для доказательства помѣщаютъ даже фотографіи,—по двадцати часовъ въ сутки, удѣляя отдыху лишь четыре часа, но и самые простые клерки, меньше заинтересованные, собственно говоря, въ быстрѣйшемъ ростѣ страны (если принять въ соображеніе скудость получаемаго ими содержанія и скромность ихъ положенія), и тѣ, благодаря примѣрамъ свыше, работаютъ хотя и не двадцать часовъ, а все же не менѣе пятнадцати часовъ въ сутки и нерѣдко умираютъ отъ переутомленія.

Другое обстоятельство, едва ли не менѣе, если не болѣе, поразившее меня, Дженни, это то, что почти всѣ клерки или, какъ здѣсь ихъ называютъ, «чиновники», были на улицахъ въ форменныхъ одеждахъ и въ такихъ же фуражкахъ. Это нововведеніе, не лишенное, конечно, пріятнаго зрѣлища для глазъ, дѣлаетъ то, что Петербургъ, и прежде отличавшійся, благодаря присутствію въ немъ значительнаго количества войскъ, обиліемъ форменныхъ одеждъ, теперь рѣшительно ими изобилуетъ, нѣсколько удивляя меня, какъ англичанина, привыкшаго въ Лондонѣ видѣть въ формѣ лишь комиссіонеровъ да разсыльныхъ изъ банка.

Мѣра эта, какъ говорятъ, принята для большаго престижа чиновниковъ. Теперь по крайней мѣрѣ и на улицѣ можно различить чиновъ всякаго вѣдомства, не исключая и судебнаго, и при такомъ удобствѣ нѣтъ шансовъ для какихъ бы то ни было «недоразумѣній»,

всегда возможныхъ для лицъ въ статскомъ платьѣ. Съ другой стороны, какъ объясняли мнѣ люди вполнѣ компетентные, форма до извѣстной степени обязываетъ и самого носящаго ее не предаваться пьянству и никакимъ излишествамъ, особенно въ публичныхъ мѣстахъ.

Если вѣрить сообщеннымъ мнѣ слухамъ, есть предположеніе украсить формой и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, какъ-то: издателей и редакторовъ газетъ и журналовъ, писателей, журналистовъ, художниковъ и музыкантовъ, сельскихъ учителей и учительницъ, акушерокъ и массажистокъ, старшихъ дворниковъ и извозчиковъ *). Одинъ почтенный джентльменъ, когда-то занимавшій значительный постъ, подалъ даже, какъ говорятъ, проектъ о томъ, чтобы всѣхъ гражданъ имперіи обязать носить форму по образцу имъ приложенному. Проектъ исключалъ, временно, впрочемъ, мужиковъ, въ виду недостаточности у нихъ средствъ для покупки форменнаго платья и въ виду того, что и существующая у нихъ форма одежды довольно наглядно отличаетъ ихъ отъ остальныхъ гражданъ. Мысль, положенная въ основу названнаго проекта,—мысль хотя и оригинальная, но нѣсколько, на мой взглядъ, фантастическая,—заключалась въ томъ, чтобы соотвѣтствующею формой опредѣлить тотъ или другой образъ мыслей каждаго жителя.

Нечего и прибавлять тебѣ, Дженни, что проектъ этотъ, несмотря на видное общественное положеніе автора, былъ отвергнутъ, какъ вполнѣ несвоевременный и трудно исполнимый, тѣмъ болѣе, что для опредѣленія образа мыслей гражданъ и въ особенности гражданъ, служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, вообще по выборнымъ должностямъ, или занимающихся журналистикой, существуетъ нѣсколько спеціальныхъ органовъ печати, въ числѣ которыхъ, какъ меня увѣряли и какъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться, «Московскія Вѣдомости», «Гражданинъ» и «Русское Обозрѣніе» занимаютъ первенствующее мѣсто.

Ахъ, дорогая Дженни, посѣщеніе многихъ моихъ старыхъ друзей, когда-то игравшихъ видную роль на разныхъ поприщахъ, оставило во мнѣ грустное впечатлѣніе. Бо́льшая часть изъ нихъ, какъ говорятъ здѣсь, «не у дѣлъ» и, занимая мѣста въ качествѣ мужей совѣта съ болѣе или менѣе приличнымъ содержаніемъ,—мѣста, не требующія усиленныхъ занятій кромѣ часа-другого времени, разъ или два раза въ мѣсяцъ обязательной дремоты (?) въ обществѣ такихъ же престарѣлыхъ коллегъ, въ какомъ-нибудь засѣданіи,—они томятся въ меланхолическомъ бездѣліи и, какъ водится, слегка фрондируютъ, находя, что многіе новые люди, на обязанности которыхъ лежитъ нелегкая задача источать изъ своихъ кабинетовъ счастье и благоденствіе

*) Нужно ли замѣчать, что слухи, дошедшіе до знатнаго иностранца, несомнѣнно ложные. *Прим. переводчика.*

во всѣ концы обширной страны, болѣе будто бы кричатъ о себѣ, чѣмъ дѣйствительно источаютъ благоденствіе и, отличаясь не столько государственной мудростью, сколько смѣлостью, граничащей съ наглостью, пускаютъ лишь пыль въ глаза. Но такъ какъ и послѣ подобнаго—конечно, неосновательнаго—критическаго брюзжанія, у нихъ все-таки остается немало времени, то бывшіе «аркадскіе принцы» (такъ, Дженни, они сами себя называютъ въ шутку), чтобъ убить время, выдумываютъ себѣ болѣе или менѣе идиллическія занятія: Одни разводятъ чижиковъ и канареекъ, другіе—цвѣты, третьи—вышиваютъ по канвѣ и наконецъ болѣе бодрые ѣздятъ въ балетъ и не отказываются отъ удовольствій флирта, распространеннаго, кстати замѣтить, и въ Россіи (особенно въ Москвѣ), и едва ли не въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ Америкѣ и въ Англіи *).

Я посѣтилъ четырехъ такихъ почтенныхъ стариковъ, любезностью и гостепріимствомъ которыхъ пользовался во время прежняго моего пребыванія въ Петербургѣ. Когда-нибудь въ другой разъ я болѣе подробно опишу тебѣ бесѣды мои съ названными лицами, а теперь лишь замѣчу, что всѣ четыре старика повторяли почти одно и то же, а именно, что хотя ихъ отечество и несомнѣнно одна изъ величайшихъ странъ въ мірѣ, предназначенная сказать новое слово остальнымъ народамъ, и что хотя русскій народъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, особенно по терпѣнію и выносливости,—тѣмъ не менѣе необходимо, чтобъ и люди, призванные къ руководительству дѣлами, были на высотѣ своего положенія.

Вслѣдъ за такимъ предисловіемъ названные джентльмены мгновенно оживлялись и, по обычаю русскихъ, желающихъ въ чемъ-нибудь убѣдить слушателя, начинали браниться, при чемъ эпитеты: «шарлатанъ», «выскочка», «идіотъ» и «prokwost» (слово это непереводимо, Дженни, на англійскій языкъ, какъ многія, впрочемъ, русскія, въ особенности ругательныя слова, и означаетъ, насколько я могъ догадываться, джентльмена, не имѣющаго твердыхъ или даже никакихъ принциповъ)—такъ и сыпались съ устъ негодующихъ стариковъ и неизвѣстно къ кому собственно относились. Принимая во вниманіе неподлежащую сомнѣнію благовоспитанность моихъ почтенныхъ друзей, вѣрнѣе всего, что ни къ кому, а просто являлись однимъ изъ тѣхъ средствъ облегченія въ минуты досады, горя или неудачъ, которыя въ Россіи практикуются не только среди извозчиковъ, но даже и среди болѣе интеллигентной публики.

Нечего, я полагаю, объяснять тебѣ, Дженни, что недовольство моихъ почтенныхъ стариковъ многими изъ новыхъ людей и особенно

---

*) Приходится замѣтить, что почтенный лордъ, кажется, нѣсколько поспѣшно судитъ о флиртѣ въ Москвѣ.

Прим. переводчика.

тѣми, которые ихъ замѣстили въ качествѣ директоровъ или вице-директоровъ департаментовъ,—не имѣетъ ни малѣйшаго основанія или по крайней мѣрѣ значительно преувеличено въ виду личныхъ мотивовъ, основаніемъ которыхъ является честолюбіе.

Позволяю себѣ утверждать это на основаніи личнаго знакомства и занимательной бесѣды, которую я имѣлъ въ тотъ же вечеръ съ однимъ изъ «новыхъ людей». Это было на «журфиксѣ» у одного моего стараго знакомаго, куда я пріѣхалъ прямо изъ театра, гдѣ видѣлъ пьесу одного изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ беллетристовъ. Журфиксъ былъ въ самомъ разгарѣ; всѣ были оживлены въ ожиданіи ужина. По словамъ милой хозяйки, у ня въ этотъ вечеръ было нѣсколько интересныхъ людей: два писателя, три поэта-декадента и одинъ подающій большія надежды, талантливый и энергичный администраторъ, съ которымъ она меня познакомила, и въ то время, когда баритонъ, къ удовольствію хозяевъ, занялъ вниманіе гостей, я велъ въ кабинетѣ бесѣду съ этимъ выдающимся человѣкомъ, который, какъ мнѣ шепнулъ и хозяинъ, на хорошей дорогѣ и, вѣроятно, далеко пойдетъ и такъ занятъ, что спитъ всего три часа въ сутки.

Это былъ еще молодой человѣкъ, Дженни, лѣтъ тридцати пяти, не болѣе, въ изящномъ смокингѣ, коротко остриженный, съ небольшою бородкой, обрамлявшей нѣсколько истомленное, красивое и серьезное лицо съ темными глазами, глядѣвшими ясно и въ то же время самоувѣренно и даже нѣсколько нагло изъ-подъ густыхъ, пушистыхъ рѣсницъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначащихъ любезныхъ фразъ, которыми мы обмѣнялись, молодой джентльменъ, предупрежденный, вѣроятно, хозяевами о моемъ прежнемъ пребываніи въ Россіи, спросилъ:

— Ну, какъ вы, милордъ, нашли нашу страну?.. Не правда ли, многое перемѣнилось въ ней за ваше отсутствіе?

— Судя по первымъ впечатлѣніямъ, многое!—отвѣчалъ я.

— Ваши впечатлѣнія не обманули васъ, милордъ... Мы значительно измѣнились и, смѣю сказать, выросли за это время... Вы увидите и, какъ человѣкъ расположенный къ нашему отечеству,—я читалъ ваши письма о Россіи, милордъ,—вставилъ онъ:—убѣдитесь, что это такъ... На насъ въ Европѣ, и особенно въ Англіи, продолжаютъ клеветать, но придетъ время, когда вся эта ложь разсѣется и всѣ поймутъ, что для такого мощнаго исполина, какъ Россія, никакой законъ не писанъ.

Тутъ будетъ кстати, Дженни, прервать на минуту дальнѣйшее изложеніе бесѣды, чтобы объяснить тебѣ, что вышеприведенное выраженіе о неписанномъ законѣ довольно часто употребляется здѣсь «людьми 20 числа», какъ называютъ чиновниковъ въ виду того, что для нихъ двадцатое число, когда они получаютъ жалованье, является въ нѣкоторомъ родѣ священнымъ днемъ, ради котораго многіе изъ

нихъ совершаютъ всякіе подвиги. Особенно употребительно выраженіе это, какъ я слышалъ, въ провинціи и означаетъ, по объясненію одного знатока особенностей русскаго языка и бывшаго губернатора, что русскіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ обходиться и безъ законовъ, нисколько отъ того не теряя, а даже и выигрывая, такъ какъ законъ часто строгъ, а русскій начальникъ всегда милостивъ *).

Въ отвѣтъ на замѣчаніе молодого человѣка, подающаго надежды, я поспѣшилъ согласиться и замѣтить, что дѣйствительно многія особенности русской жизни не укладываются подъ какую-нибудь европейскую мѣрку.

— То-то и есть. Именно, милордъ, не укладываются, потому-то я и говорю, что для насъ законъ не писанъ. Прежде мы и сами, къ сожалѣнію, увлекались теоріями, втискивая въ тѣ или другія рамки, и часто по европейскому образцу, то, что не слѣдовало. Но теперь, слава Богу, мы прозрѣли и считаемся только съ фактами жизни, и ни съ чѣмъ больше, и не боимся, что скажетъ о насъ Европа, а тѣмъ болѣе, какъ отнесутся, напримѣръ, къ моей дѣятельности—правда, скромной пока — газеты или такъ-называемое общественное мнѣніе. Мнѣ на нихъ наплевать!—прибавилъ молодой джентльменъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и къ газетамъ и къ общественному мнѣнію.

— Но развѣ общественное мнѣніе и газеты не имѣютъ все-таки нѣкотораго вліянія? — спросилъ я, нѣсколько удивленный такою рѣшительностью сужденій молодого человѣка, подающаго надежды.

— Ни малѣйшаго, милордъ! — проговорилъ, весело смѣясь, мой собесѣдникъ.

— Развѣ?

— Вѣрьте мнѣ, я откровенный человѣкъ, я не стѣсняюсь нисколько говорить то, что думаю, хотя бы васъ, какъ иностранца, да еще англичанина, мои взгляды и удивляли. Меня, напримѣръ, будь я, скажемъ, директоръ департамента, нисколько не интересовало бы то, что скажутъ обо мнѣ современники и потомство. Современники, во-первыхъ, не посмѣютъ говорить громко, а того, что будетъ говорить потомство, я не услышу. Меня интересовало бы только мнѣніе моего непосредственнаго патрона и двадцатое число.

Признаюсь, Дженни, мнѣ даже понравилась эта смѣлая откровенность джентльмена изъ «новыхъ», лицо котораго дышало энергіей, а глаза сверкали блескомъ увѣреннаго въ себѣ и довольнаго собою человѣка, не имѣющаго, повидимому, никакихъ предразсудковъ. И я понялъ, Дженни, что такой джентльменъ дѣйствительно можетъ пойти далеко. Такихъ смѣлыхъ людей, какъ говорятъ, много теперь въ

---

*) Очевидно, благородный лордъ и послѣ объясненій знатока русскаго языка не вполнѣ уяснилъ себѣ значеніе словъ: «законъ не писанъ».
Прим. переводчика.

Россіи, и благодаря этому, мнѣ кажется, общій тонъ жизни такой веселый, жизнерадостный и бодрый, такъ какъ въ обществѣ есть увѣренность, что нѣтъ недостатка въ смѣлыхъ и рѣшительныхъ людяхъ.

Онъ продолжалъ бесѣдовать въ столь же откровенномъ направленіи, разсказывалъ, какъ много у него работы, и, между прочимъ, любезно сообщилъ, что недавно изготовилъ три проекта одной реформы.

— Одинъ проектъ самый ретроградный, другой консервативный и третій либеральный! У васъ въ Англіи, милордъ, этого не бываетъ?— прибавилъ онъ и раскатился смѣхомъ, открывая рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ.

— Но къ чему же вы себя затрудняли тремя столь противоположными проектами?—спросилъ я въ полнѣйшемъ недоумѣніи.

— Очень просто. Если настоящій патронъ мой останется на мѣстѣ, я подамъ первый, если назначатъ на его мѣсто консерватора, я подамъ второй, а если (все на свѣтѣ случается!) либерала, подамъ третій.

— Но сами-то вы сочувствуете какому?

— Разумѣется, третьему. Не дуракъ же я, слава Богу! — прибавилъ онъ и снова разсмѣялся.

На этомъ бесѣда наша, къ сожалѣнію, прекратилась, такъ какъ вошла хозяйка и, пригласивъ всѣхъ ужинать, увела меня, чтобы посадить рядомъ съ одною русскою писательницей и очень интересною особой, прибавлю я.

Однако пора и мнѣ прекратить бесѣду съ тобою, дорогая Дженни, отложивъ описаніе двухъ весьма забавныхъ декадентовъ и московскихъ впечатлѣній до слѣдующаго письма.

Пожалуйста, не вѣрь, Дженни, тѣмъ нелѣпостямъ, которыя, вѣроятно, печатаютъ наши газеты и о которыхъ я догадываюсь по чернымъ пятнамъ, довольно искусно замазывающимъ текстъ, очевидно, неприличный, въ англійскихъ газетахъ, получаемыхъ въ гостиницѣ. Ты знаешь, Дженни, съ какимъ негодованіемъ я опровергалъ и буду опровергать,—что бы обо мнѣ ни говорили въ Англіи, — ту чепуху, которую у насъ печатаютъ о русскихъ, точно дѣло идетъ о какихъ-нибудь жителяхъ Фиджи, а не о культурномъ народѣ цивилизованнаго государства.

Я поправился совершенно, не прибѣгая къ помощи врачей, и крайне доволенъ Москвой. Сколько здѣсь интереснаго! Не бойся только, что меня примутъ за колдуна, какъ приняли недавно какую-то несчастную женщину за вѣдьму, или изобьютъ на Охотномъ ряду (такъ называется въ Москвѣ рядъ лавокъ) за то, что я англичанинъ. Ничего подобнаго не можетъ быть. Да хранитъ тебя Богъ.

P. S. Кстати, чтобы не забыть. Прошу тебя, какъ и прежде неоднократно просилъ, посылать мнѣ письма въ конвертахъ изъ самой толстой (лучше всего слоновой) бумаги и заклеивать письма клеемъ,

употребляющимся для склеиванія фарфора, а то легкая оболочка писемъ можетъ легко быть испорчена во время далекаго слѣдованія изъ Лондона въ Москву и такимъ образомъ только обременитъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства лишнею работой: завязываніемъ письма веревочкой и надписью: «повреждено во время пути».

Письмо восемьдесятъ второе.

Дорогая Дженни!

Хотя въ первое свое пребываніе въ Россіи, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я и встрѣчалъ декадентовъ (впрочемъ, въ тѣ времена они не назывались этою кличкой, а были извѣстны подъ непереводимымъ названіемъ: «ogoltieiy» *) и составляли незначительную числомъ, однако въ обществѣ вліятельную партію), но исключительно среди джентльменовъ болѣе или менѣе солиднаго возраста и положенія, занимавшихся дѣятельностью, не имѣвшею ничего общаго съ литературой, если не считать за таковую, какъ иногда дѣлаютъ русскіе при выборахъ въ ученыя учрежденія, сочиненіе проэктовъ и циркулярныхъ распоряженій, направленныхъ къ преуспѣянію отечества.

Что же касается до писателей-декадентовъ, то ихъ тогда не существовало или, по крайней мѣрѣ, о нихъ ничего не было слышно. Появились они, какъ кажется, въ послѣднее время, когда русское общество, по словамъ многихъ газетъ, окончательно вступило на путь обновленія, и одновременно съ возбужденіемъ въ немъ интереса къ вопросамъ оккультизма и къ изученію всего сверхъестественнаго (въ особенности черной магіи) и появленіемъ многихъ такъ-называемыхъ прорицателей или пророковъ и разныхъ кудесниковъ и цѣлителей. Тутъ будетъ кстати замѣтить, Дженни, что всѣ такіе люди пользуются теперь особымъ почетомъ и нерѣдко отбиваютъ заработокъ у докторовъ, излѣчивая всякія болѣзни не столько лѣкарствами, сколько чудодѣйственными способами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ въ газетахъ сами исцѣляющіеся, среди которыхъ встрѣчаются и ученые люди.

Тѣмъ съ бо́льшимъ любопытствомъ познакомился я съ двумя поэтами-декадентами на журфиксѣ и внимательно наблюдалъ ихъ, имѣя одного сосѣдомъ, а другого — своимъ vis-à-vis за ужиномъ. Это были совсѣмъ молодые люди, видимо восхищенные собой, какъ Нарциссъ, и даже, казалось мнѣ, страдающіе манією величія, что и подтвердилось при разговорѣ съ ними. Эта болѣзнь, впрочемъ, весьма распространена между русскими и въ особенности между чиновниками, воображающими себя государственными людьми, и между романистами, поэтами, критиками и актерами, въ чемъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться и о чемъ я сообщу впослѣдствіи болѣе подробно.

*) Не перепуталъ ли слова почтенный лордъ? Но крайней мѣрѣ о существованіи какой-то партіи «оголтѣлыхъ» русскимъ неизвѣстно.

Прим. переводчика.

Оба поэта видимо позировали и старались привлечь на себя общее вниманіе. Они бросали томные взоры на дамъ и громко заявляли, что смыслъ жизни—смерть, а смыслъ смерти—жизнь, при чемъ для подкрѣпленія такого положенія цитировали стихи, свои или чужіе — не знаю, но во всякомъ случаѣ не совсѣмъ понятные для меня и, думаю, для слушательницъ, тѣмъ болѣе, что оба поэта не отличались настолько приличною наружностью, чтобы слушательницы прикинулись понимающими, какъ это онѣ часто дѣлаютъ, жадно какъ будто внимая даже бесѣдѣ о санскритскомъ языкѣ, если санскритологъ сколько-нибудь интересенъ и притомъ холостъ или вдовъ.

Одинъ изъ нихъ, одѣтый по послѣдней модѣ, въ длинноломъ сюртукѣ, почти доходящемъ до пятъ, съ широкимъ галстукомъ на шеѣ, съ кольцами на пухлыхъ рукахъ, надушенный, коротко остриженный, съ манерами скорѣе женственными, чѣмъ мужскими, съ задумчивымъ, выбритымъ, румянымъ лицомъ, напоминающимъ розоватую мордочку хорошо отпоеннаго іоркширскаго поросенка, былъ, какъ я узналъ потомъ, авторомъ разсказовъ *Между небомъ и землей* (такъ названа книга по мѣсту дѣйствія персонажей) и тоненькой книжки стихотвореній подъ названіемъ: *Въ глубинахъ бездонныхъ*, и считается однимъ изъ выдающихся поэтовъ-декадентовъ. Другой—длинный, худой, блѣдный, съ синими кругами подъ глазами и трясущейся челюстью, косматый и видимо мало обращавшій вниманія на свой костюмъ, написалъ пока только три стихотворенія и весьма небольшія (одно въ три, другое въ двѣ и третье въ одну строчку) и имѣлъ горделивый, вызывающій и рѣшительный видъ, что представлялось нѣсколько комичнымъ при его тщедушной фигуркѣ и какой-то развинченности, заставлявшей предполагать, что этому бѣдному малому весьма были бы полезны холодные души и вообще ледяное лѣченіе.

Разговоръ мой съ декадентами начался лишь подъ конецъ ужина, такъ какъ первую половину я бесѣдовалъ или, вѣрнѣе говоря, слушалъ сосѣдку-писательницу, особу, какъ я уже писалъ тебѣ, Дженни, интересную, хотя и нѣсколько болтливую, что, впрочемъ, извинялось ея профессіею. Она, какъ кажется, не особенно долюбливаетъ мужчинъ и, если судить по ея не особенно привлекательному лицу, имѣетъ весьма на то вѣскія основанія. Познакомивъ меня съ цѣлями новаго, недавно устроеннаго въ Петербургѣ женскаго клуба, входъ въ который мужчинамъ воспрещенъ и въ которомъ даже въ числѣ прислуги нѣтъ ни одного представителя мужского пола («все женщины и дѣвицы, милордъ! Однѣ дѣвицы и женщины, милордъ!») и, что еще замѣчательнѣе — нѣтъ ни сплетенъ, ни ссоръ, ни интригъ, словомъ, никакихъ обычныхъ женскихъ недоразумѣній, и что даже самыя отчаянныя сплетницы, входя въ клубъ, прикусываютъ свои язычки («потому только, милордъ, что въ клубѣ нѣтъ мужчинъ, изъ-за которыхъ дамы, главнымъ образомъ, и занимаются злоязычіемъ!»), — почтенная моя

сосѣдка обѣщала мнѣ прислать нѣсколько своихъ произведеній для того, чтобъ я узналъ, какъ русскія женщины пишутъ, — прибавила она съ улыбкой, въ которой было все, кромѣ скромности, и затѣмъ была настолько любезна, что предложила познакомить меня съ содержаніемъ будущаго романа, который, какъ она разсчитывала, окончательно покажетъ, какіе мерзавцы мужчины («Извините за рѣзкое выраженіе, милордъ!»). Я, конечно, выразилъ готовность выслушать, хотя, признаться, почувствовалъ нѣкоторое угнетеніе духа и для возбужденія его рѣшилъ налить себѣ кларета, предварительно наполнивъ стаканъ сосѣдки.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что опасенія мои на убійственную скуку не оправдались. Схема будущаго произведенія романистки отличалась нѣкоторою смѣлой оригинальностью и нѣсколько крутою постановкой вопроса. Дѣло въ томъ, что героиня его (боюсь, Дженни, что авторъ имѣлъ въ виду себя) была не особенно красива (даже совсѣмъ не красива, положимъ,—добросовѣстно вставила миссъ проблематическихъ лѣтъ), но зато, разумѣется, необыкновенно симпатична (особенно хороши были глаза и волосы), умна, образована, добра и благородна. Несмотря на всѣ эти качества, ни одинъ изъ джентльменовъ, которыхъ героиня удостоивала своей привязанности, съ шестнадцатилѣтняго возраста и до тридцати шести лѣтъ, не откликнулся на призывъ благородной души, а напротивъ, какъ чуть только замѣчали пылкость чувствъ героини, то немедленно же давали тягу и больше въ домъ ни ногой.

— Подлецамъ-мужчинамъ въ женщинѣ нужно только низменное... До души имъ дѣла нѣтъ! — горячо комментировала романистка.—И такимъ образомъ героиня осталась дѣвицей... Но зато она поклялась, что будетъ мстить мужчинамъ.

Сосѣдка намѣревалась-было продолжать, но въ это время сосѣдъ ея съ другой стороны, развязный и довольно презентабельный молодой адвокатъ, проговорилъ не безъ насмѣшливой нотки въ своемъ мягкомъ и вкрадчивомъ голосѣ:

— Извините за вопросъ, сударыня. У вашей героини, значитъ, не было ни малѣйшаго приданаго?

— Это что за вопросъ?

— Самый обыкновенный въ наше время.

— Но что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, сударыня, что если-бъ у вашей героини было хоть тысчонокъ десять приданаго, то она непремѣнно вышла бы замужъ и по крайней мѣрѣ...

Почтенная беллетристка назвала адвоката циникомъ, и между ними завязался споръ.

Я, разумѣется, не преминулъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ облегченно вздохнуть и повернуться къ сосѣду. Онъ,

кажется, только этого и ждалъ, потому что въ ту же минуту обратился ко мнѣ съ вопросомъ, при чемъ видъ у молодого человѣка былъ нѣсколько вызывающій и даже высокомѣрный, точно у маловоспитаннаго короля, говорящаго со своимъ подданнымъ:

— У васъ есть, милордъ, поэты-декаденты?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ. Англичане слишкомъ прозаичный народъ и больше думаютъ объ утилитарныхъ предметахъ. О, Боже, какъ это все мескинно, какъ все это надоѣло и какъ все это скучно!—продолжалъ онъ, слегка закатывая свои маленькіе глазки, снова напомнившіе мнѣ объ іоркширскомъ поросенкѣ.

— Но отчего вамъ такъ жизнь не нравится?—полюбопытствовалъ я.

— Жизнь? Какая жизнь? И что такое жизнь? Если вы говорите, милордъ, про всю эту обыденную пошлость, которую принято называть жизнью, то она, дѣйствительно, мнѣ противна, и я готовъ былъ бы сейчасъ умереть, но, по счастью, существуетъ еще красота и въ красотѣ и въ безобразіи. Есть еще тонкія ощущенія... неуловимыя, какъ эѳиръ. Есть что-то таинственное и голубое и въ мертвой женщинѣ, и въ пузырькахъ отъ зельтерской воды, и въ шафрановомъ отблескѣ неба, и въ мертво-живомъ тѣлѣ уснувшей навѣки красавицы, и въ прихотливо-взвинченномъ дымкѣ сигары. Кто знастъ, можетъ, и этотъ дымъ имѣетъ душу и, улетая, скорбитъ или радуется, и эта умершая полюбитъ какого-нибудь ангела и сольется съ нимъ въ одинъ атомъ? Отдаваться такимъ ощущеніямъ, искать наслажденія во всемъ, что только можетъ дать ихъ—вотъ цѣль жизни всякаго высшаго существа. Все остальное—преходящій nonsens.

— И вы проповѣдуете такія воззрѣнія?

— Да, милордъ. И въ прозѣ и въ стихахъ я указываю человѣчеству единственный путь жизни. Вы не знакомы съ моими произведеніями?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Такъ завтра я вамъ пришлю ихъ, милордъ. Познакомьтесь и переведите на англійскій языкъ. Соотечественники вамъ будутъ очень благодарны. Всѣ эти старые поэты устарѣли. Они не могли передать всей той тонины мысли и чувствъ, которыя волнуютъ наше поколѣніе. Позвольте, я вамъ сейчасъ продекламирую одно свое стихотвореніе.

— Сдѣлайте одолженіе.

Поэтъ откашлялся и началъ:

Мозговыя тучи, тучи
Плачутъ въ небѣ сизокрыломъ
Умницъ-скалъ поникли кручи,
Цѣломудренно-могучи,
Въ размышленіи уныломъ.

Я не передамъ тебѣ, Дженни, дальнѣйшихъ двухъ строфъ. Замѣчу только, что онѣ не отличались бо́льшимъ смысломъ, чѣмъ и приведенная.

— Ну что́, какъ вамъ нравится?—спросилъ мой сосѣдъ, взглядывая на меня торжествующе.

— Оригинально!—проговорилъ я, пристально вглядываясь въ свою очередь въ молодого джентльмена.

— Не только оригинально, но и могуче!—отвѣчалъ джентльменъ.

И вслѣдъ затѣмъ проговорилъ:

— А вотъ, напротивъ насъ, тоже замѣчательный поэтъ. Онъ пока написалъ всего три стихотворенія, самыя крошечныя, но какія? Прослушайте.

Умерла божественная Анна,
Но жива, любима и желанна.
Ахъ, ножомъ зарѣзана индѣйка,
А манитъ нашъ взоръ къ себѣ злодѣйка.
Странно!

А вотъ другое:

Вились, извивались, кроваво сплетались
И люди и черви. А козы смѣялись
И нервно шептали: «ага!»

Какова мысль, милордъ? Но послѣднее стихотвореніе—перлъ! Всего только одна строчка, между тѣмъ геніально разрѣшаетъ проблему мірозданія. Вотъ она:

О, застегни скорѣе свой жилетъ!

Позвольте познакомить васъ, милордъ, съ этимъ замѣчательнымъ поэтомъ и моимъ другомъ!

Блѣднолицый поэтъ протянулъ мнѣ руку и проговорилъ:

— Каково, милордъ? Не правда ли... красиво? Это послѣднее стихотвореніе выношено здѣсь!—прибавилъ онъ, указавъ своею худою рукой на впалую грудь.

Я снова и еще пристальнѣе взглянулъ на этого джентльмена. Глаза, правда, мутные, но въ нихъ не видно явнаго помѣшательства, какъ не замѣтно было и въ румяномъ лицѣ джентльмена, похожаго на іоркширскаго поросенка. Правда, оба они несомнѣнно страдали маніей величія, но въ этомъ еще не было уважительныхъ причинъ для помѣщенія двухъ названныхъ джентльменовъ въ сумасшедшій домъ. Если бы всѣхъ подобныхъ маніаковъ (а ихъ, Дженни, въ Россіи удивительно много) сажать въ такія заведенія, то пришлось бы строить ихъ слишкомъ много, и къ тому же при такихъ обстоятельствахъ значительно оскудѣли бы и департаменты и редакціи.

Тѣмъ не менѣе я все-таки былъ удивленъ, когда узналъ, что откормленный декадентъ не только пишетъ, но и пользуется еще нѣкоторыми симпатіями у читателей и особенно читательницъ. Удивительно

увлекающійся народъ, эти русскіе. Какъ они впечатлительны и какъ изощрились ихъ литературные вкусы за послѣднее время.

Романистка между тѣмъ уже дергала меня за рукавъ, очевидно, съ цѣлью сообщить предполагаемое окончаніе романа, но, по счастью, всѣ поднялись изъ-за стола, и я благополучно улизнулъ отъ романистки и отъ двухъ поэтовъ-декадентовъ и направился къ хозяйкѣ дома, чтобъ откланяться.

Нечего и прибавлять, что на другой же день оба молодые джентльмена были у меня и, не заставши дома (я, Дженни, на этотъ разъ былъ предусмотрителенъ), оставили свои произведенія. Три вышеприведенныя стихотворенія составляли тоненькую брошюрку, и при нихъ былъ приложенъ портретъ автора.

До слѣдующаго письма, Дженни. Будь здорова. Прошу тебя, посылай свои письма заказными. Это гораздо удобнѣе.

Письмо восемьдесятъ третье.

Дорогая Дженни!

Поѣздка моя изъ Петербурга до Москвы свершилась безъ особыхъ приключеній, столь частыхъ на желѣзныхъ дорогахъ, и поѣздъ опоздалъ всего лишь на полтора часа. Такое обстоятельство, впрочемъ, не только не возбудило ни въ комъ негодованія, какъ это было бы у насъ при подобномъ случаѣ, но даже никого и не удивило,—до того въ Россіи привыкли къ опаздыванію поѣздовъ. Русскіе, впрочемъ, не особенно дорожатъ временемъ. Пріѣхать часомъ или двумя позднѣе и опоздать вслѣдствіе этого на другой поѣздъ для нихъ ничего не значитъ, и они относятъ подобное непредвидѣнное задержаніе къ неизбѣжнымъ проявленіямъ, какъ русскіе говорятъ, Божьей воли, передъ которой необходимо смириться.

Зато лишніе полтора часа въ вагонѣ дали мнѣ возможность услышать весьма любопытный споръ о томъ, полезно и плодотворно ли въ извѣстныхъ обстоятельствахъ «драть» представителей того класса населенія, за которымъ еще оставлено право пользоваться такимъ наказаніемъ, или, напротивъ, не полезно.

Не удивляйся, Дженни, такимъ спорамъ. Въ Россіи еще значительная масса населенія не избавлена отъ тѣлеснаго наказанія, которое, если вѣрить ученымъ защитникамъ его, составляетъ одинъ изъ тѣхъ устоевъ благополучія русской жизни, безъ котораго Россія потеряла бы свою самобытность и, пожалуй, даже свое первенствующее значеніе среди остальныхъ народовъ.

Несмотря однако на такую политически обоснованную защиту, въ послѣднее время вопросъ о розгѣ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ такимъ же модными въ Россіи вопросомъ, какъ у насъ въ настоящее время вопросъ объ увеличеніи числа клубовъ для рабочихъ; о неудобствахъ порки взрослыхъ джентльменовъ печатаются обстоятельныя

статьи въ журналахъ и газетахъ, читаются рефераты въ ученыхъ собраніяхъ и представляются ходатайства со стороны многихъ земствъ,—однимъ словомъ, вопросъ о томъ: сѣчь или не сѣчь платежную силу страны—занимаетъ теперь нѣкоторую часть русскаго общества, являясь, впрочемъ, для болѣе пламенныхъ патріотовъ спорнымъ.

Нельзя, конечно, предвидѣть, какой послѣдуетъ результатъ всѣхъ этихъ заявленій, но знаменательно и до нѣкоторой степени поразительно уже и то, что русскіе, у которыхъ сложилась даже поговорка: «за битаго двухъ небитыхъ даютъ» (до того они цѣнятъ всякаго рода тѣлесныя поврежденія въ смыслѣ воспитательнаго средства, особенно при взысканіи налоговъ),—на рубежѣ двадцатаго столѣтія, видимо, усомнились въ одной изъ своихъ національныхъ особенностей и прерогативъ и находятъ, что право быть высѣченнымъ, предоставленное значительному количеству русскихъ гражданъ, едва ли принадлежитъ къ такимъ правамъ, сохранить которыя было бы особенно желательно.

Довольно добродушнаго вида пожилой джентльменъ, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, возвращавшійся къ мѣсту своего служенія въ одну изъ южныхъ губерній, довольно энергично и не безъ остроумія доказывалъ двумъ сосѣдямъ въ спальномъ купе о несвоевременности подобной мѣры, ссылаясь главнымъ образомъ на исторію и затѣмъ на собственный опытъ, пріобрѣтенный имъ во время долгаго пребыванія въ провинціи и общенія съ мужиками въ качествѣ представителя полицейской власти, сперва низшей, а затѣмъ и высшей.

— Вся наша исторія,—говорилъ названный джентльменъ:—свидѣтельствуетъ, что мы привыкли къ битью и, такъ сказать, исторически являемся самымъ, можно сказать, битымъ народомъ во всемъ мірѣ, благодаря чему мы и не боимся никого. И не только мужиковъ во всѣ времена дубасили, а и наши предки дворяне не лишены были въ старинныя времена, какъ вамъ извѣстно, этого просвѣтительнаго воздѣйствія. И Иванъ Грозный нещадно трепалъ и за бороды и приказывалъ дуть плетьми, и Петръ Великій не брезговалъ батогомъ, и при матушкѣ Екатеринѣ Шешковскій (это былъ, Дженни, начальникъ тайной полиціи при Екатеринѣ II) таки-частенько унивалъ нашихъ дѣдушекъ и, случалось, даже бабушекъ розгами и плетьми, не обращая вниманія на родословную... Однимъ словомъ, мы исторически воспитаны въ этомъ направленіи и въ особенности нашъ славный и добрый народъ... Когда, въ давнія времена, я имѣлъ честь быть исправникомъ, знаете ли, господа, при помощи чего я управлялъ, взыскивалъ недоимки, производилъ дознаніе—однимъ словомъ, дѣйствовалъ?

— При помощи чего?— полюбопытствовали оба слушателя, при чемъ,—что было крайне характерно, Дженни,—ни одинъ изъ нихъ не освѣдомился о законѣ, словно бы помощь его при исполненіи слу-

жебныхъ обязанностей не представлялась особенно необходимой и считалась излишнею роскошью.

— А вотъ чего!

И съ этими словами пожилой джентльменъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, съ веселымъ и добродушнымъ хохотомъ, показалъ такой здоровенный кулакъ, я тебѣ скажу, Дженни, что оба спутника и я взглянули не безъ нѣкотораго почтительнаго и безмолвнаго изумленія на этотъ внушительный символъ власти.

А джентльменъ между тѣмъ продолжалъ:

— И въ уѣздѣ у меня было тихо и спокойно. Никакихъ бунтовъ, никакихъ неудовольствій. Недоимокъ не накапливалось. Мужики не жаловались и не претендовали, если я вышибу два или три зуба, или отпорю какъ сидорову козу при выколачиваніи недоимокъ.

Выраженіе «отпороть какъ сидорову козу», которое ты можешь здѣсь услышать такъ же часто, какъ у насъ «Good bay» или «thank you», значитъ отпороть до той степени, когда требуется немедленная медицинская помощь. Упоминаніе же о Сидорѣ, какъ объяснилъ мнѣ одинъ знатокъ русской исторіи, относится къ отдаленнымъ временамъ, когда нѣкій Сидоръ (дворянинъ или мужикъ—неизвѣстно), будучи въ обидѣ, что его отпороли до безчувствія, по выздоровленіи засѣкъ свою козу, легкомысленно лишившись отъ нея дохода *). Что же касается до другого выраженія почтеннаго джентльмена, тоже, вѣроятно, тебѣ, Дженни, непонятнаго,—я имѣю въ виду «выколачиваніе недоимокъ»,—и которое, между тѣмъ, здѣсь имѣетъ весьма широкое распространеніе,—то оно обозначаетъ, что, несмотря на засвидѣтельствованное несомнѣнно матеріальное благосостояніе русскаго земледѣльца, получить отъ него слѣдуемые въ государственное казначейство платежи, вслѣдствіе косности и непониманія русскимъ мужикомъ государственныхъ интересовъ, является дѣломъ затруднительнымъ, а иногда почти невозможнымъ, безъ разнообразныхъ мѣръ увѣщанія, которыя носятъ общее названіе «выколачиванія».

Именно на этотъ пунктъ, главнымъ образомъ, и напиралъ названный джентльменъ, доказывая несвоевременность и даже государственный вредъ отъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

— Предписывая теперь взыскать недоимки, я очень хорошо знаю, что опытный и расторопный исправникъ такъ или иначе, а взыщетъ ихъ, и я въ свою очередь получу благодарность за правильное поступленіе платежей... А отмѣните-ка тѣлесное наказаніе, спрашиваю я васъ, какъ вы ихъ взыщете и въ какое положеніе вы поставите финансовое вѣдомство?.. Блестящее его положеніе, засвидѣтельствованное

---

*) Весьма жаль, что благородный лордъ не представилъ болѣе подробныхъ источниковъ происхожденія «сидоровой козы».

Прим. переводчика.

не только у насъ, но и во всей Европѣ, пошатнется и, несмотря на могучій экономическій ростъ матушки Россіи, кассы казначейства оскудѣютъ. Я не говорю уже о массѣ работы для судебнаго вѣдомства по взысканію платежей въ законномъ порядкѣ... Я не говорю, сколько пройдетъ времени въ судебной волокитѣ, и все изъ-за того только, что нашъ мужикъ тугъ на расплату и привыкъ, чтобъ изъ него выколачивали подати. Безъ этого онъ будетъ думать, что никакихъ податей платить не надо. А какъ закатишь ему... розогъ пятьдесятъ, обѣщая повторить порцію,—смотришь, онъ продастъ коровку или лошадь и принесетъ деньги.

Казалось, эти доводы нѣсколько поколебали двухъ джентльменовъ, стоявшихъ за вредъ розги и въ то же время, въ качествѣ чиновниковъ, отлично понимавшихъ, что отъ правильнаго поступленія платежей зависитъ не только правильное полученіе жалованья, но и полученіе разныхъ добавочныхъ, наградныхъ и другихъ наименованій (ихъ такъ много, что и не перечислишь) воспособленій.

Въ качествѣ аргумента, и довольно вѣскаго, за необходимость порки, защитникъ ея привелъ, между прочимъ, такое доказательство:

— Положимъ, у меня гдѣ-нибудь въ губерніи бунтъ...

Тутъ я прерву на минуту рѣчь почтеннаго джентльмена, чтобъ объяснить тебѣ, Дженни, что русскіе подъ словомъ «бунтъ» понимаютъ совсѣмъ не то, что понимаемъ мы, т. е. возмущеніе или сопротивленіе властямъ. Ничего подобнаго въ Россіи, конечно, не бываетъ; отъ подобныхъ вещей вполнѣ гарантируютъ не одно только присутствіе войска, но, главнымъ образомъ, здравый смыслъ русскаго народа и трогательная покорность его волѣ Провидѣнія, — короче говоря, въ немъ даже нѣтъ подобныхъ намѣреній, и если они приписываются иногда, то по недоразумѣніямъ, которыя и выясняются потомъ въ судахъ. Въ рѣдкихъ, крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, появленіе холеры, бываютъ, правда, вспышки, вызванныя невѣжествомъ массъ, но даже во время голода, когда, казалось бы, могло имѣть мѣсто недовольство, вызываемое отчаяніемъ, не было ничего, что нарушило бы общественный порядокъ, и русскіе простолюдины, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, умирали безропотно, считая постигшее ихъ несчастіе проявленіемъ Божьей воли.

Такъ-называемые русскими мѣстными администраторами «бунты», какъ ты, Дженни, увидишь изъ дальнѣйшихъ объясненій почтеннаго джентльмена, являются въ большинствѣ случаевъ не чѣмъ инымъ, какъ скопленіемъ толпы, считающей себя почему-либо обиженной и просящей о милости и справедливости. И всѣ такіе «бунты», бывающіе только въ провинціи, при умѣньи низшихъ агентовъ, пользующихся довѣріемъ, разъяснить дѣло и при желаніи помочь людямъ, обыкновенно кончаются сами собой, то-есть толпа расходится вполнѣ успокоенная. О таковыхъ мирныхъ развязкахъ мнѣ не разъ говорили въ прежнюю мою

бытность въ Россіи многіе почтенные джентльмены, сами бывшіе губернаторами и не обуреваемые желаніемъ усмирять во что бы то ни стало, когда, собственно говоря, усмирять некого.

Возвращаясь къ передачѣ дальнѣйшаго разговора, свидѣтелемъ коего я былъ, замѣчу, что ораторъ послѣ предположенія, что гдѣ-нибудь въ губерніи у него («у него» было, по всей вѣроятности, риторическимъ украшеніемъ, такъ какъ джентльмену съ такимъ феноменальнымъ кулакомъ врядъ ли предоставили бы въ безконтрольное распоряженіе значительное количество человѣческихъ физіономій) произошелъ «бунтъ», онъ сдѣлалъ дальнѣйшія поясненія, изъ которыхъ слѣдовало, что подъ бунтомъ онъ подразумѣвалъ скопленіе деревенской толпы, которая не убѣждалась доводами исправника о томъ, напримѣръ, что пользованіе землей и рѣкой, которое доселѣ оказывалось невозбраннымъ, вдругъ является запрещеннымъ. Прибавивъ, что изъ-за такихъ, собственно говоря, «пустяковъ» обыкновенно и бываютъ непріятныя недоразумѣнія, названный джентльменъ воскликнулъ:

— Получивъ донесеніе, что я долженъ дѣлать?

Онъ выдержалъ паузу, словно бы дожидаясь, что кто-нибудь изъ слушателей скажетъ ему, что онъ долженъ сперва подробно ознакомиться съ мотивами недовольства и со степенью убѣдительности доводовъ исправника и, ознакомившись съ дѣломъ, постараться убѣдить крестьянъ, если они не правы, или помочь имъ, если правы, и затѣмъ уже, въ случаѣ безуспѣшности убѣжденія, предоставить дѣло разслѣдованію судебной власти.

Но такъ какъ оба слушателя молчали, повидимому, и сами хорошенько не зная, что слѣдуетъ дѣлать въ такихъ случахъ, то джентльменъ въ форменной фуражкѣ продолжалъ:

— А вотъ что бы я сдѣлалъ. Я взялъ бы роту солдатъ и поѣхалъ бы на мѣсто возмущенія... А затѣмъ перепоролъ бы первымъ дѣломъ старшинъ, а потомъ и добрую половину остальныхъ жителей—и, повѣрьте, господа, бунтъ былъ бы прекращенъ въ зародышѣ и безъ помощи огнестрѣльнаго оружія... Мужики убѣдились бы, что они виноваты, и дѣло съ концомъ. Позвольте теперь спросить васъ, господа,— продолжалъ ораторъ, видимо вполнѣ убѣжденный въ правильности быстраго административнаго рѣшенія, имъ предлагаемаго: — что могъ бы я сдѣлать, если-бъ строго было воспрещено пороть мужика и если-бъ я зналъ, что за каждую порку Сенатъ меня отдастъ подъ судъ, а не ограничится однимъ выговоромъ, если-бъ я въ увлеченіи выпоролъ кого-нибудь безъ достаточныхъ законныхъ основаній?.. Не стрѣлять же въ людей, которые стоятъ и молчатъ и не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія. И наконецъ къ такимъ мѣрамъ можно прибѣгать только въ случаѣ крайности, предусмотрѣнной закономъ... Что, спрашиваю я васъ, мнѣ дѣлать? Такъ и уѣхать, осрамившись и умаливъ престижъ власти?

Этого, судя по выраженіямъ лицъ слушателей, они, разумѣется, тоже не могли допустить (на этотъ счетъ русскіе, Дженни, особенно щекотливы, и здѣсь даже и почтальоны считаютъ себя отвѣтственными только передъ своею совѣстью, и если имъ замѣтишь, не давши предварительно двугривеннаго, что они неаккуратно доставляютъ письма, то они грозятъ жаловаться за оскорбленіе, въ лицѣ ихъ, власти) и вообще казались нѣсколько подавленными отъ такой крутой постановки вопроса. Хотя они и были молоды, но, предвидя, быть-можетъ, что и имъ когда-нибудь придется прибѣгать къ такимъ же мѣрамъ убѣжденія; и не находя сколько-нибудь удовлетворительнаго выхода изъ положенія, начертаннаго сторонникомъ розги,—продолжали отмалчиваться.

А «форменная фуражка» продолжала уже болѣе торжествующимъ тономъ:

— Нѣтъ, господа, все это хорошо въ теоріи. Журналисты могутъ писать тамъ все, что имъ угодно, а жизнь предъявляетъ свои требованія... Что тамъ ни говори, а нельзя, въ самомъ дѣлѣ, мѣнять народныя привычки и лишать мѣстную власть одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ, къ тому же освященныхъ обычаями. Да и народъ нашъ привыкъ къ отеческому режиму. Онъ вовсе не обижается, если земскій начальникъ прикажетъ его постегать. Однако и Москва,—прибавилъ джентльменъ, и всѣ мы стали собираться.

Когда я вышелъ, Дженни, изъ вокзала и очутился лицомъ къ лицу съ извозчиками, стоявшими длиннымъ рядомъ вдоль тротуара на внутреннемъ дворѣ дебаркадера, я былъ пріятно изумленъ, услышавши только ту невозможную ругань и ту отчаянную божбу, обиліемъ которыхъ русскіе извозчики дѣйствительно превосходятъ возницъ всѣхъ другихъ странъ, но не подвергаясь нападеніямъ, какъ въ прежній мой пріѣздъ въ Москву, когда толпа ихъ ринулась на меня, суя жестянки въ лицо, съ такими криками и съ такими явными намѣреніями растерзать путешественника, что я въ то время даже испугался. Теперь, благодареніе Богу, они не набрасываются на путешественниковъ, хотя и дѣлаютъ свои предложенія попрежнему, уснащая ихъ клятвами, и заламываютъ самыя невѣроятныя цѣны. Но если нравы ихъ значительно смягчились за это время, то нельзя сказать, чтобы видъ ихъ экипажей и видъ ихъ самихъ сколько-нибудь улучшился. Сани ихъ, хоть и нѣсколько безопаснѣе дрожекъ, попрежнему представляютъ собою не особенно удобное орудіе передвиженія (особенно для человѣка, у котораго ноги не совсѣмъ короткія) первобытнаго устройства, а сами извозчики, одѣтые въ разные армяки поверхъ полушубковъ, по ветхости не всегда грѣющихъ, похожи скорѣе на нищихъ нашего Вестъ-Энда и словно бы всѣмъ видомъ своимъ опровергаютъ только-что вчера прочитанную мною передовую статью о замѣчательномъ подъемѣ благосостоянія русскаго народа и о блестящемъ состояніи финансовъ.

Отправивъ багажъ свой въ каретѣ отъ гостиницы, въ которой я

рѣшилъ остановиться, я выбралъ одну изъ многочисленныхъ клячъ, которая, на мой взглядъ, представляла собой болѣе вѣроятности не околѣть по дорогѣ, и, выслушавъ самыя отчаянныя клятвы извозчика въ томъ, что лошадь его «горячая» и что онъ «прокатитъ меня» и довезетъ духомъ, сѣлъ въ сани и... и, разумѣется, Дженни, поѣхалъ почти шагомъ, т.-е. той трусцой, при помощи которой извозчикъ надѣялся «прокатить».

Я вооружился терпѣніемъ и не понукалъ его, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ какъ бы сознавалъ свою виноватость и, словно бы въ оправданіе своихъ ложныхъ клятвъ, проговорилъ:

— Земелька наша плохенькая, баринъ. Съ нея не проживешь. Вотъ и пріѣзжаемъ на зиму въ Москву изъ деревни. Надо чѣмъ-нибудь прокормиться. А лошадка деревенская, силъ у нея нѣтъ. Ничего не подѣлаешь.

Такія объясненія, обыкновенно даваемыя съ тою трогательною покорностью судьбѣ, которая присуща русскому простолюдину, я слышалъ почти отъ всѣхъ извозчиковъ, пріѣзжающихъ въ Москву только на зимнее время и имѣющихъ, какъ я упоминалъ, самый нищенскій видъ. И эти объясненія невольно обезоруживали, заставляя покорно относиться къ невозможно тихой ѣздѣ, не особенно пріятной въ морозы.

Желая провѣрить справедливость увѣреній бывшаго моего спутника о большомъ удовольствіи, получаемомъ мужиками отъ порки, я не преминулъ, разумѣется, освѣдомиться объ этомъ у извозчика и спросилъ, что онъ думаетъ о розгахъ.

Извозчикъ полуобернулся и, повидимому, не вполнѣ понимая меня, спросилъ:

— Это вы, баринъ, насчетъ чего?

— Насчетъ розогъ. Правда ли, что порка не особенно непріятна и вы охотно подвергаетесь ей въ случаѣ необходимости?

Онъ поглядѣлъ на меня какъ на человѣка, говорящаго совсѣмъ несообразныя вещи, и наконецъ засмѣялся и промолвилъ:

— И шутникъ же ты, баринъ, я погляжу. Тоже выдумалъ!..

Изъ многихъ такихъ же опросовъ я убѣдился, Дженни, что рѣшительно ни одному спрошенному мною извозчику порка не только не доставляетъ ни малѣйшаго удовольствія, но, напротивъ, вселяетъ ужасъ и страхъ. Такимъ образомъ увѣренія джентльмена въ форменной фуражкѣ были далеко не согласны съ истиной.

Тутъ будетъ не лишнимъ замѣтить, Дженни, что русскіе интеллигентные люди очень склонны приписывать народу тѣ или другія качества и говорить, при всякихъ болѣе или менѣе торжественныхъ случаяхъ, отъ его имени. Особенно широко злоупотребляютъ этимъ господа журналисты, когда составляютъ тѣ или другія политическія комбинаціи. Такимъ образомъ оказывается, будто народъ тяготѣетъ къ фран-

цузамъ и ненавидитъ англичанъ, будто народъ не потерпитъ того или другого дѣйствія иностраннаго правительства и жаждетъ войны или желаетъ мира (глядя по желанію публициста). Во всѣхъ такихъ случаяхъ народъ, исключительно занятый изысканіемъ скромнаго пропитанія,—скромнаго, такъ какъ русскіе простолюдины по большей части вегетаріанцы и рѣшительно равнодушны къ политикѣ,—фигурируетъ въ передовыхъ статьяхъ и затѣмъ исчезаетъ по минованіи надобности.

Возвращаюсь однако къ Москвѣ.

И она измѣнилась и значительно къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ ней,—разрослась, обстроилась и почистилась. Правда, и теперь она достаточно грязновата, и благоуханія, особенно на нѣкоторыхъ улицахъ, заставляютъ непривычнаго человѣка зажимать носъ, правда, что и теперь тротуары въ глухихъ переулкахъ являются предательскими капканами для пѣшеходовъ, но все-таки, въ общемъ, Москва далеко не та, что была раньше. Полисмены хоть и не имѣютъ того щеголеватаго вида, какъ въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе довольно приличны и встрѣчаются въ достаточномъ количествѣ на главныхъ улицахъ, гдѣ, кромѣ того, стоятъ и верховые жандармы, неподвижные, какъ статуи. Зато въ глухихъ улицахъ увидать полисмена большая рѣдкость для человѣка, нуждающагося въ его помощи.

Москва необыкновенно живописна и своеобразна и недаромъ нравится всѣмъ иностранцамъ. Это не то, что Петербургъ—плохая копія съ европейскихъ городовъ, городъ чиновниковъ и солдатъ по преимуществу. Здѣсь чувствуется Россія настоящая, со всѣми ея особенностями, и только въ Москвѣ дѣйствительно народная. Въ Петербургѣ встрѣтить мужика рѣдкость, а здѣсь, напротивъ, трудно его не встрѣтить. Но зато тутъ рѣдко попадаются интеллигентныя лица на улицѣ, они—надо думать—теряются въ массѣ другихъ лицъ, и такимъ образомъ, толпа кажется менѣе культурною и словно бы говоритъ о чемъ-то стихійномъ и первобытномъ.

Въ первый же день моего пріѣзда я былъ удивленъ, Дженни, видомъ людей, везущихъ на себѣ небольшія бочки и напомнившихъ мнѣ патріархальную картину городовъ дальняго Востока. Оказалось, что это водовозы, такъ какъ вода для питья въ дома не проведена въ такомъ богатомъ и большомъ городѣ и существующіе водопроводы, случается, бездѣйствуютъ. Такимъ образомъ Москва возитъ воду, какъ это ни странно для города, горделиво называющаго себя «бѣлокаменной». Впрочемъ, такія неожиданныя несообразности, какъ ты увидишь изъ дальнѣйшихъ описаній, встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу и въ нравахъ, и въ людяхъ, и въ порядкахъ. Недаромъ же одинъ изъ большихъ русскихъ писателей еще давно сказалъ, что на всемъ московскомъ есть особый отпечатокъ.

Москва исключительно теперь купеческій городъ и, по свидѣтель-

ству старожиловъ, давно уже потеряла свою дворянскую физіономію былого времени, когда здѣсь проживали помѣщичьи семьи, наѣзжавшія изъ помѣщичьихъ усадебъ, и петербургскіе опальные сановники. Воспоминанія объ этихъ временахъ сохранились лишь во множествѣ барскихъ домовъ-особняковъ, которые находятся въ извѣстныхъ частяхъ города и давно уже перешли въ другія руки и отдаются въ наемъ. Дворянскихъ семей проживаетъ теперь здѣсь не особенно много, и не онѣ даютъ тонъ жизни. Нѣтъ больше здѣсь и государственныхъ людей не у дѣлъ, такъ какъ они по большей части уѣзжаютъ фрондировать за границу, куда-нибудь на Ривьеру, гдѣ теплый климатъ больше содѣйствуетъ лѣченію печени, или же остаются въ Петербургѣ, чтобы, при случаѣ, быть подъ руками.

Довольно побродить по улицамъ и особенно въ такъ-называемомъ «городѣ», этомъ подобіи Сити Лондона, гдѣ сосредоточены банки и главные торговые склады, посѣтить трактиры и побывать въ театрахъ, чтобы сразу почувствовать, что въ Москвѣ первенствуетъ и даетъ тонъ жизни «купецъ», и что Москва вполнѣ въ его рукахъ. И это не тотъ купецъ стараго времени, котораго всякій полицеймейстеръ безнаказанно таскалъ за бороду, если получалъ съ него въ недостаточномъ количествѣ. Это уже цивилизованный джентльменъ, который окончилъ университетъ или коммерческое училище, ходитъ въ смокингѣ, говоритъ превосходно по-англійски, имѣетъ роскошный домъ съ ливрейными лакеями, выписываетъ для жены платья изъ Парижа, а для себя изъ Лондона, часто жертвуетъ громадныя суммы на полезныя дѣла, любитъ музыку, искусство, картины и въ то же самое время въ сущности остается тѣмъ же стихійнымъ полуварваромъ, какимъ былъ его отецъ, и героемъ такихъ невѣроятныхъ подвиговъ самодурства, наглости, скаредности и разврата, которыми полна хроника Москвы. Это весьма любопытные экземпляры — нарождающейся русской буржуазіи, еще не вполнѣ, какъ говорятъ, сознающіе свою силу, какъ представителей капитала, но уже чувствующіе ее. Со временемъ я болѣе подробно познакомлю тебя съ ними.

Дальнѣйшее описаніе Москвы — до слѣдующаго письма, а теперь мнѣ пора ѣхать на засѣданіе думы, чтобы нѣсколько ознакомиться съ русскими ораторскими талантами.

Съ нѣкоторыми я уже познакомился на юбилейныхъ торжествахъ, о которыхъ сообщу въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, и могу сказать по чести, что между московскими ораторами есть нѣсколько такихъ, которые были бы замѣчены и у насъ въ парламентѣ, если-бъ только имъ пришлось говорить тамъ, а не въ колонной залѣ извѣстнаго московскаго ресторана Эрмитажъ.

Послѣ засѣданія я долженъ посѣтить тоже знаменитый трактиръ Тѣстова, куда зовутъ меня московскіе пріятели, утверждающіе самымъ рѣшительнымъ образомъ, что быть въ Москвѣ и не ѣсть въ назван-

номъ трактирѣ поросенка съ хрѣномъ такое же преступленіе, какъ быть въ Римѣ и не видать папы.

Да хранитъ тебя Господь, Дженни.

Письмо восемьдесятъ четвертое.

Дорогая Дженни!

Просматривая аккуратно русскія газеты, я обратилъ вниманіе на значительное ихъ оживленіе за послѣднее время, благодаря проекту ввести въ Россіи металлическое денежное обращеніе и такимъ образомъ познакомить русскихъ съ золотомъ, котораго они въ монетахъ давно уже не видали. Хотя на здѣшнихъ бумажкахъ и написано, что по предъявленіи ихъ выдается изъ размѣнной кассы государственнаго банка серебряною или золотою монетою количество рублей, означенныхъ на бумажкѣ, но, какъ часто здѣсь случается, многое написанное и напечатанное не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, и, право, Дженни, несравненно легче войти въ царствіе небесное или добраться до луны, чѣмъ получить взамѣнъ бумажки золотую монету al pari, какъ гласитъ надпись.

Но теперь, согласно проекту, это будетъ возможно, такъ какъ создается «новая основная монета имперіи» десятирублевый золотой имперіалъ, равный десятирублевой кредитной бумажкѣ. Эта золотая монета будетъ, такъ сказать, новаго золота, то-есть не похожая на золотыя европейскія монеты по своему содержанію золота, а съ примѣсью значительнаго количества лигатуры. Такимъ образомъ и въ Россіи возстановится золотое обращеніе и, по словамъ поклонниковъ этой реформы, будетъ возможно «закрѣпить достигнутые успѣхи въ области финансоваго и народнаго хозяйства посредствомъ подведенія подъ нихъ прочнаго фундамента металлическаго денежнаго обращенія».

Совершенно несвѣдущій въ финансовыхъ вопросахъ, не касающихся меня лично, я, разумѣется, не стану судить о томъ, насколько полезна или вредна эта мѣра. Замѣчу только весьма любопытный фактъ: большинство статей по этому поводу и разныя конференціи въ частныхъ общественныхъ учрежденіяхъ находятъ эту мѣру слишкомъ поспѣшной, вредной, а многіе ученые финансисты — даже и легкомысленной. При чемъ выражаютъ сомнѣніе, чтобы истинная государственная мудрость заключалась именно въ томъ, чтобы не считаться съ доктринами, а единственно съ реально существующими фактами, какъ любятъ утверждать здѣсь многіе общественные дѣятели, незнакомые ни съ какими доктринами и дѣйствующіе, какъ здѣсь выражаются, по «русскому здравому смыслу» или, еще остроумнѣе: «тяпъ да ляпъ и—вышелъ корабль». Надо къ тому же еще замѣтить, что эта нелюбовь къ доктринамъ проистекаетъ отъ того, что русскіе, какъ я замѣтилъ, не придаютъ большого значенія изученію спеціальностей. Вдобавокъ они настолько вѣрятъ въ свою талантливость, что охотно

берутся за такія дѣла, къ которымъ не подготовлены и въ которыхъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Исходя изъ того положенія, что русскій человѣкъ, при извѣстной дозѣ смѣлости, которую менѣе смѣлые люди называютъ шарлатанствомъ, все можетъ, и что въ древности не боги обжигали горшки, многіе здѣсь занимаются профессіями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми, къ которымъ они готовились. Я самъ, Дженни, имѣлъ честь знать многихъ такихъ джентльменовъ во время прежняго пребыванія въ Россіи. Одинъ джентльменъ, исключительно занимавшійся разведеніемъ жеребцовъ и кобылъ, былъ директоромъ гимназіи; другой, по профессіи морякъ, вѣдалъ пути сообщенія; бывшій учитель пѣнія былъ членомъ суда, профессоръ магіи— финансистомъ, а семинаристъ, готовившійся быть священникомъ, полицеймейстеромъ *). Что же касается до военныхъ, то они, Дженни, считаются исключительно «энциклопедистами» и потому отличаются самою разнообразною дѣятельностью, по преимуществу административною.

Я еще не вполнѣ освѣдомленъ, настолько ли энциклопедичны русскіе теперь, какъ и прежде, и дѣйствительно ли люди спеціально подготовленные занимаютъ мѣста, требующія знанія той или другой спеціальности. Къ сожалѣнію, газеты здѣшнія въ своихъ сочувственныхъ біографическихъ статейкахъ, печатаемыхъ обыкновенно при назначеніи новыхъ директоровъ департаментовъ (при увольненіи статьи печатаются здѣсь только тогда, когда увольняемый получаетъ повышеніе и назначается на другое мѣсто), обходятъ этотъ вопросъ, ограничиваясь лишь указаніемъ исключительно на истинно-русскій духъ, на талантливость или на необыкновенную крѣпость сѣдалищнаго нерва новой административной звѣзды или звѣздочки. Могу только сказать, что въ другихъ сферахъ дѣятельности эту способность русскихъ браться за всякія дѣла и увѣренность въ своихъ геніальныхъ способностяхъ я уже успѣлъ подмѣтить и когда-нибудь подѣлюсь съ тобою, Дженни, своими наблюденіями.

Возвращаюсь однако къ золотому обращенію, такъ интересующему въ настоящее время извѣстную часть русскаго общества. Слѣдуетъ замѣтить, что и общественное мнѣніе, поскольку оно можетъ выражаться, довольно враждебно настроено противъ проекта. Одинъ изъ финансистовъ, профессоръ Лебедевъ, не безъ ехидства доктринера, знакомаго съ финансовой наукой, замѣчаетъ, что отнынѣ «философскій камень найденъ» и что «вопросъ, надъ которымъ больше ста лѣтъ ломали головы ученые люди и съ различнымъ успѣхомъ пробовали свое искусство практики финансоваго дѣла, вопросъ о возстановленіи

*) Конечно, бывали подобные случаи, бываютъ, можетъ-быть, и теперь, но обобщать ихъ, какъ то дѣлаетъ почтенный лордъ, совершенно невозможно. *Прим. переводчика.*

металлическаго обращенія рѣшенъ нами, русскими, и рѣшенъ такимъ оригинальнымъ способомъ, о какомъ доселѣ не приходило на умъ ни одному изъ научныхъ и финансовыхъ свѣтилъ Запада».

Объясняя затѣмъ, что при этомъ проектѣ бумажный рубль, при всякой случайности, можетъ опять упасть въ цѣнѣ и совершенно разойтись со своимъ братомъ, золотымъ рублемъ, почтенный профессоръ утѣшаетъ публику тѣмъ, что при новомъ паденіи кредитныхъ бумажекъ можно легко найтись благодаря открытію «философскаго камня». Стоитъ только повторить операцію уменьшенія вѣса золота, какъ только будутъ упадать бумажки въ цѣнѣ. «Такимъ образомъ,—говоритъ профессоръ:—мы будемъ имѣть всегда размѣнныя бумажныя деньги и золотое обращеніе и можемъ дойти наконецъ до идеальнаго золотого рубля, вовсе не содержащаго въ себѣ золота». И реальнымъ фактомъ государственной мудрости, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, «можетъ оказаться въ будущемъ бумажно-денежное обращеніе, обезпеченное безостановочнымъ размѣномъ на... на... лигатуру».

Ядовитъ г. профессоръ, но не менѣе ядовитъ и другой бывшій профессоръ», г. А. Антоновичъ, на-дняхъ только-что оставившій постъ товарища министра финансовъ. На-дняхъ же онъ напечаталъ замѣтку въ «Новомъ Времени», по прочтеніи которой я могъ только соболѣзновать и удивляться, что почтенный авторъ не напечаталъ своей замѣтки раньше, когда онъ былъ, въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ, товарищемъ министра финансовъ. По мнѣнію бывшаго товарища министра финансовъ, обезцѣненный на международномъ рынкѣ кредитный рубль имѣетъ значеніе насоса, выкачивающаго производительныя силы земли безъ возстановленія ихъ, и, по словамъ недавняго ближайшаго сотрудника министра, «девальваціа есть не только узаконеніе этого насоса, разоряющаго сельскаго хозяина, но и увѣковѣченіе того положенія, при коемъ треть труда сельскій хозяинъ долженъ отдать даромъ».

Выражаются довольно единодушно сомнѣнія и въ основательности заявленія о томъ, что будто бы замѣчается подъемъ благосостоянія сельскаго населенія. Основываясь на статистическихъ данныхъ и на научныхъ изслѣдованіяхъ, свѣдущіе люди говорятъ совершенно противное. Такъ, изъ отчета о дебатахъ въ вольно-экономическомъ обществѣ по поводу новаго денежнаго обращенія, напечатаннаго въ газетахъ, приведу тебѣ, Дженни, любопытный образчикъ, какъ не сходятся иногда официальныя свѣдѣнія со свѣдѣніями статистики о тѣхъ же самыхъ реальныхъ фактахъ. Одинъ изъ ораторовъ, между прочимъ, высказалъ: «Всѣ согласны въ томъ, что для успѣшности реформы необходимо хорошее экономическое положеніе. Если судить по всеподданнѣйшему отчету, то наше финансовое положеніе высоко. Но вполнѣ ли такъ это въ дѣйствительности? Мы находимся въ такомъ уже положеніи, что можемъ ясно и опредѣленно составить себѣ понятіе о факти-

ческомъ положеніи Россіи. Не можемъ сказать, что она не изучена. И земскія статистическія и отдѣльныя изданія посвящаютъ много этому вопросу. И что же показываетъ намъ это изученіе Россіи? Экономическое положеніе постепенно падаетъ въ теченіе 20 лѣтъ и расшатано до такой степени, какъ никогда еще. До 50% безлошадныхъ, масса не имѣющихъ собственнаго хозяйства. Настоящее финансовое управленіе ничего не сдѣлало для упорядоченія и улучшенія экономическаго положенія. Н. Х. Бунге глубоко понималъ основные экономическіе вопросы, ставилъ металлическое обращеніе въ зависимость отъ улучшенія экономическаго благосостоянія. Рядъ неурожайныхъ годовъ помѣшалъ его планамъ. Случайное совпаденіе при И. А. Вышнеградскомъ урожайныхъ лѣтъ создало блескъ, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій я назвалъ мишурой. Одинъ неурожайный годъ могъ уничтожить достигнутые результаты. 1891 годъ оправдалъ это. Итакъ, вотъ блескъ финансовый, а рядомъ съ нимъ экономическое разореніе. Говорятъ, теперь блестящіе финансы, прочное экономическое положеніе, а денегъ ни на что нѣтъ. Открыли мелкій кредитъ, но за неимѣніемъ средствъ осталось это на бумагѣ. Не на прочной почвѣ зиждется проектируемая денежная реформа, ибо безъ прочнаго экономическаго положенія едва ли она можетъ быть устойчива».

Казалось бы нѣсколько страннымъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Англіи, Дженни, такое рѣзкое противорѣчіе между официальными свѣдѣніями и данными, основанными на изученіи Россіи, и особенно по такому вопросу, какъ вопросъ: возрастаетъ или падаетъ экономическое положеніе страны; но здѣсь это никого особенно не удивляетъ, такъ какъ русскіе давно привыкли къ этому, такъ сказать, исторически. Вмѣстѣ съ тѣмъ не надо забывать, что канцелярскій языкъ имѣетъ въ этой странѣ свои особенности. Такъ, напр., голодъ прежде назывался «niedorod» (что въ переводѣ значитъ, что хлѣба не родилось столько, сколько нужно для того, чтобы не умереть), и это слово какъ бы является символомъ у общественныхъ дѣятелей, которые, къ слову сказать, хотя и не пишутъ стиховъ, но часто бываютъ символистами.

Основываясь на неблагопріятныхъ сужденіяхъ о проектѣ новаго денежнаго обращенія, я на-дняхъ, Дженни, обратился къ одному знакомому русскому съ вопросомъ:

— Итакъ, проектъ, кажется, не пройдетъ? Противъ него общественное мнѣніе и большинство свѣдущихъ финансистовъ.

Въ отвѣтъ на это русскій джентльменъ посмотрѣлъ на меня во всѣ глаза.

— Отчего ему не пройти?—наконецъ отвѣтилъ онъ. — Что Гекуба проекту и что проектъ Гекубѣ?.. Проектъ знаетъ, что такое государственная мудрость и какую монету надо пустить для пользы гра-

жданъ... Еще надо благодарить, что позволено обсуждать этотъ вопросъ публично и такимъ образомъ публика приготовлена. А могло вѣдь быть и иначе.

— Какъ?

— А такъ, милордъ. Объявить въ одинъ прекрасный день о сдѣланномъ распоряженіи—и дѣлу конецъ.

Удивительно своеобразный народъ эти русскіе.

Образецъ такой своеобразности и вмѣстѣ съ тѣмъ заботливости о спасеніи душъ представляетъ собою весьма любопытный циркуляръ воронежскаго губернатора г. Коленко—циркуляръ, напечатанный въ газетахъ и вырѣзанный мною, какъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, какая масса дѣлъ лежитъ на русскихъ губернаторахъ. Мало того, что они исполняютъ закономъ предписываемыя имъ обязанности, они, бѣдные, принуждены еще бываютъ наблюдать и за душами. Надо полагать, Дженни, что джентльмены Воронежской губерніи совсѣмъ забыли Господа Бога, такъ какъ почтенный губернаторъ, не забывшій Его, рѣшилъ написать циркуляръ, предписывающій всѣмъ ввѣреннымъ его попеченію чинамъ (и даже не ввѣреннымъ, какъ потомъ оказалось) быть у исповѣди и святого причастія, грозя, за неисполненіе приказанія, принятіемъ соотвѣтственныхъ мѣръ и взысканій. Но тутъ случилось неожиданное, какъ русскіе говорятъ, «недоразумѣніе». Всегда охотно готовые исполнять всякое предписаніе начальства, чиновники и преимущественно изъ мѣстной джентри нашли, что законъ вовсе не уполномочиваетъ господина губернатора исполнять функціи духовнаго начальства, и рѣшили, въ случаѣ повторенія циркуляра, обсудить его офиціально на дворянскомъ собраніи. Такимъ образомъ, если г. Коленко будетъ настаивать на спасеніи душъ, то предвидится конфликтъ между мѣстными дворянами и губернаторомъ.

Ты удивлена, Дженни, что административныя лица заботятся такъ о спасеніи душъ своихъ ближнихъ? Но прошу тебя не обобщать въ данномъ случаѣ. Могу завѣрить тебя, что г. Коленко, сколько мнѣ извѣстно, единственный въ этомъ родѣ. Другіе губернаторы циркуляровъ о спасеніи душъ не пишутъ, находя, что о спасеніи душъ должно заботиться епархіальное начальство.

Въ Петербургѣ въ послѣднее время драки происходили за драками въ литературномъ мірѣ. Пострадала одна издательница, пострадалъ и извѣстный въ Россіи князь Мещерскій, издатель «Гражданина» и извѣстный защитникъ розги, который на себѣ испыталъ недавно неудобство тѣлеснаго наказанія, да еще не розгой, а палкой. И въ томъ и въ другомъ случаяхъ мотивомъ нападеній являлась защита чести родителей. Конечно, мотивъ очень вѣскій, но для меня, какъ англичанина, все-таки непонятна эта расправа и эта похвальба на судѣ молодыхъ людей, бившихъ старика. Казалось бы, что возможно возстановить честь и печатью и судомъ, но русскіе въ этомъ отношеніи прекурьезные люди

и вообще понимаютъ «честь» довольно исключительно. Такъ же исключительно хотѣлъ возстановить честь и бывшій земскій начальникъ Жеденовъ, ранившій въ плечо одного изъ редакторовъ «Недѣли». Дѣло это будетъ разбираться на судѣ, и тогда выяснится, конечно, немало интереснаго. Судъ въ этомъ отношеніи единственное учрежденіе въ Россіи, гдѣ нерѣдко русская дѣйствительность освѣщается со всѣхъ сторонъ и русская самобытность дѣлается нѣсколько понятной иностранцу.

Однако пора и кончать. Хотѣлъ-было писать о моемъ посѣщеніи думы и трактира Тѣстова и увлекся другими предметами.

Будь здорова и не забывай любящаго тебя

Джонни.

P. S. На-дняхъ ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ взглянуть на приготовляющуюся выставку и на достопримѣчательности этого необыкновенно красиваго города. Пробылъ въ Нижнемъ два дня. Все достопримѣчательное,—по крайней мѣрѣ для меня, какъ англичанина,—видѣлъ и остался очень доволенъ поѣздкой. Выставка обѣщаетъ быть интересной. Если вѣрить разсказамъ, то открытіе ея будетъ 19 мая, и выставочный персоналъ съ генеральнымъ комиссаромъ во главѣ особенно интересуетъ аппаратъ, стоящій сорокъ тысячъ, при помощи котораго надо надавить только кнопку, и разомъ поднимутся всѣ флаги на выставкѣ. Эффектъ, хоть и дорогой, но полный. Говорятъ также, что выставочному персоналу проектируется форма, о чемъ очень озабоченъ генеральный комиссаръ. Самому ему, говорятъ, дадутъ совсѣмъ ослѣпительный костюмъ: красный мундиръ и желтые штаны и шляпу съ зелеными перьями, чтобы не было никакого сомнѣнія, кто такой генеральный комиссаръ. А впрочемъ, это, можетъ-быть, только слухи. Во всякомъ случаѣ я буду въ Нижнемъ, когда откроются выставка и ярмарка, и надѣюсь сообщить тебѣ, Дженни, немало интересныхъ наблюденій.

Письмо восемьдесятъ пятое.

Дорогая Дженни!

Признаюсь, не безъ нѣкотораго сожалѣнія я собираюсь оставить южный берегъ Крыма, чтобъ отправиться въ Нижній-Новгородъ на выставку, которая, по заявленіямъ какъ и устроителей ея, такъ и нѣкоторыхъ газетныхъ корреспондентовъ, расхваливающихъ выставку, послѣ первыхъ, не вполнѣ одобрительныхъ, впрочемъ, корреспонденцій, съ пылкостью влюбленныхъ и усердныхъ людей, старающихся загладить ошибочность первыхъ, конечно, ложныхъ впечатлѣній,—представляетъ собою грандіозную и наглядную картину развитія русской промышленности и вообще русскаго генія, свидѣтельствуя въ то же время о богатствѣ производительныхъ силъ и мощи русскаго народа, и о распорядительности и энергіи представителей разныхъ вѣдомствъ.

Какъ ни хочется мнѣ скорѣй побывать на выставкѣ, которую безъ излишней ложной скромности расхваливали не только влюбленные корреспонденты, но и сами ея устроители, которые—нужно отдать имъ справедливость—не имѣютъ здѣсь скверной привычки врать, по довольно курьезному русскому выраженію, какъ «siwi méréna» (русскіе предполагаютъ, что и лошади врутъ), подобно нашимъ англійскимъ министрамъ (о французскихъ или нѣмецкихъ я уже не говорю),—какъ, говорю, ни любопытно посмотрѣть выставку, которую я видѣлъ въ апрѣлѣ, такъ сказать, въ черномъ видѣ,—я все-таки откладываю поѣздку, до того, Дженни, мнѣ понравился очаровательный южный берегъ съ его благодатнымъ климатомъ, роскошью южной природы и чуднымъ моремъ, и я остаюсь въ Алупкѣ еще недѣлю, разсчитывая свершить еще экскурсіи и въ другія, болѣе или менѣе живописныя мѣста Крыма.

Жаль только, что кромѣ благъ, дарованныхъ Господомъ Богомъ, въ Крыму, какъ, впрочемъ, и повсюду въ Россіи, почти незамѣтно или замѣтно очень мало культурной заботы человѣка приложить и свои силы къ Божьимъ дарамъ, и потому эта «жемчужина русской короны», какъ справедливо называютъ Крымъ, является далеко не благоустроеннымъ мѣстомъ, и жизнь въ немъ, по крайней мѣрѣ для людей, не имѣющихъ возможности тратить большія деньги, лишена даже самыхъ примитивныхъ удобствъ не только для больного, но даже и для совершенно здороваго человѣка. Помѣщенія въ пансіонахъ оставляютъ желать весьма многаго, начиная съ умывальниковъ и матрацовъ, а питаніе положительно грозитъ катарромъ. Благодаря счастливой случайности, я, впрочемъ, попалъ въ очень приличный пансіонъ и, благодаря Богу, сытъ ежедневно и на катарръ не разсчитываю.

Что бы сдѣлали изъ этого прелестнаго уголка представители какой-нибудь другой европейской націи, которая имѣла бы счастье владѣть Крымомъ, — о томъ достаточно свидѣтельствуетъ благоустройство и удобство жизни нашихъ приморскихъ мѣстечекъ, Ривьеры и вообще всѣхъ европейскихъ курортовъ, при чемъ пользоваться этими удобствами, и сравнительно не за дорогую цѣну, могутъ не одни только богачи.

Но, при всей моей симпатіи къ русскимъ, справедливость обязываетъ однако меня сказать, что они,—вѣроятно, вслѣдствіе своей самобытности, на которую съ гордостью указываютъ, какъ на свое преимущество передъ прочими націями, — весьма, повидимому, равнодушны къ улучшенію условій жизни, какъ личной, такъ и общественной, и довольно неохотно разстаются со своими старыми привычками, освященными патріархальнымъ обычаемъ и строемъ ихъ общежитія.

Къ числу такихъ привычекъ слѣдуетъ, между прочимъ, отнести полное пренебреженіе ко всякимъ санитарнымъ мѣрамъ, что, впрочемъ, отчасти объясняется замѣчательною нечувствительностью обоняніа

русскихъ (на этотъ счетъ у нихъ даже существуетъ характерное присловіе: «своя грязь не пахнетъ»), являющеюся результатомъ долгой привычки жить въ постоянномъ сосѣдствѣ съ помойными и мусорными ямами не только въ маленькихъ городкахъ, но даже и въ столичныхъ. Весной въ Москвѣ я, Дженни, задыхался отъ благоуханій на улицахъ, а многіе знакомые москвичи и, казалось, съ носами отлично чующими, гдѣ пахнетъ жаренымъ (что означаетъ: можно поживиться), находили, что воздухъ свѣжъ и пріятенъ, и вдыхали полной грудью ароматы Москвы, особенно сильные при таяніи снѣга.

Отсутствіе заботъ объ удобствахъ квартиръ, какъ понимаемъ ихъ мы, тоже одна изъ привычекъ, спеціально, какъ мнѣ кажется, принадлежащихъ русскимъ, и въ этой странѣ, Дженни, даже въ зажиточныхъ и богатыхъ семьяхъ главное вниманіе обращено на парадныя комнаты. Онѣ велики, нарядны и часто ослѣпляютъ роскошью. Несравненно хуже ихъ жилыя комнаты: спальни и дѣтскія. Что же касается помѣщеній для прислуги, то въ рѣдкихъ квартирахъ можно найти спеціально назначенныя для нея комнаты. Обыкновенно прислуга помѣщается или на кухнѣ, или гдѣ-нибудь въ коридорѣ, какъ здѣсь говорятъ—«на тычкѣ», то-есть на сундукѣ или на полу. О постельномъ бѣльѣ нѣтъ и помина. Короче сказать, помѣщеніе слугъ и служанокъ (особенно послѣднихъ) таково, что ни одна, даже самая нетребовательная англійская горничная не рѣшилась бы жить въ подобныхъ условіяхъ и пришла бы въ ужасъ при видѣ здѣшнихъ помѣщеній. О томъ, какъ помѣщаются рабочіе при булочныхъ, кондитерскихъ, у портныхъ и у сапожныхъ мастеровъ, нечего и говорить. Замѣчу только, на основаніи опубликованія санитарныхъ осмотровъ, что свиньи въ Англіи служатъ предметомъ бо́льшихъ заботъ, чѣмъ здѣсь у нѣкоторыхъ хозяевъ рабочіе джентльмены. Даже у людей, казалось бы, болѣе культурныхъ отношеніе къ людямъ воистину безчеловѣчное. Такъ, на-дняхъ только я прочиталъ въ газетахъ, съ какимъ варварствомъ обращается извѣстный и у насъ содержатель хора Славянскій, дающій теперь концерты на выставкѣ, съ бѣдными дѣтьми-пѣвчими. Вотъ что сообщаетъ одна изъ нижегородскихъ газетъ:

«Вчера къ мѣстной административной власти въ ярмаркѣ поступила довольно любопытная жалоба на плохое содержаніе двухъ мальчиковъ въ капеллѣ извѣстнаго русскаго пѣвца Д. А. Агренева-Славянскаго. Жалоба эта ярко характеризуетъ жизнь дѣтей, отдаваемыхъ родителями въ разныя капеллы, хоры и проч.

«Жаловались двое отцовъ—калужскій мѣщанинъ Николай Сидѣльниковъ и ярославскій мѣщанинъ Максимъ Тихановъ. Оба они отдали своихъ дѣтей въ капеллу Славянскаго — «для обученія пѣнію, игрѣ на инструментахъ и ремесламъ», какъ значится въ заключенныхъ ими договорахъ. Срокъ обученія—5 лѣтъ. Въ теченіе этого времени отцы предоставляли г. Славянскому «родительскія права» надъ своими

дѣтьми. Во все время обученія г. Славянскій долженъ давать полное содержаніе своимъ ученикамъ. По истеченіи 5 лѣтъ они получаютъ свободу, а если до истеченія срока отцы захотѣли бы взять своихъ дѣтей отъ г. Славянскаго, то должны заплатить ему въ видѣ неустойки по 30 рублей за каждый мѣсяцъ, проведенный каждымъ ученикомъ у Славянскаго.

«Таковы въ общихъ чертахъ условія договора при отдачѣ дѣтей въ капеллу Славянскаго.

«Дѣти Сидѣльникова и Тиханова, — одному изъ нихъ 15 лѣтъ, а другому 12-й годъ,—уже около четырехъ лѣтъ путешествуютъ съ капеллой Славянскаго по разнымъ городамъ. Были эти мальчики и за границей, въ Парижѣ, въ Миланѣ,—«всего насмотрѣлись», какъ писалъ одинъ изъ нихъ своему отцу. Но не легко все это доставалось имъ.

«—За границей мы много терпѣли отъ голода,—писалъ одинъ изъ нихъ (Тихановъ) своему отцу.—Спимъ въ сараѣ, на сѣнѣ, одѣваемся мѣшками, въ головы кладемъ сапоги...

«—Отъ насъ уже четверо мальчиковъ сбѣжали,—писалъ недавно другой:—и мы лучше бы согласились уйти хоть куда-нибудь. Лучше жить въ арестантскихъ ротахъ.

«Желая провѣрить, каково живется дѣтямъ, одинъ изъ родителей просилъ машиниста желѣзной дороги, Гербальскаго, пріѣхавшаго въ Нижній, повидать сына. Гербальскій отыскалъ квартиру, гдѣ жили дѣти, и послѣ долгихъ просьбъ къ нему отпустили ненадолго, «подъ расписку», мальчика-пѣвчаго. Тотъ разсказалъ обо всемъ своемъ горькомъ житьѣ, о чемъ Гербальскій тотчасъ же написалъ отцу. Послѣдній на-дняхъ пріѣхалъ въ Нижній и попросилъ г. Славянскаго отпустить его сына.

«Г. Славянскій указалъ на неустойку въ договорѣ... Но эта неустойка составила бы громадную сумму—«за выкупъ» двоихъ мальчиковъ пришлось бы заплатить слишкомъ 2.400 рублей! Тогда отцы рѣшились обратиться къ помощи административной власти.

«Одного изъ мальчиковъ мы вчера видѣли въ Главномъ домѣ, куда онъ пришелъ вмѣстѣ съ отцомъ. На мальчикѣ подъ синей блузой вмѣсто рубашки были прямо лохмотья — какія-то грязныя тряпки. На ногахъ вмѣсто носковъ тоже грязныя тряпки... Видъ мальчика былъ тщедушный, забитый...

«Г. Славянскій приглашенъ былъ къ и. д. полицеймейстера на ярмаркѣ И. Е. Косткину и здѣсь согласился отпустить къ 1 сентября обоихъ мальчиковъ, не требуя никакой неустойки и выдавъ еще имъ на одежду нѣкоторую сумму денегъ».

Наконецъ нельзя, Дженни, не упомянуть еще объ одной нѣсколько странной, на мой взглядъ, привычкѣ русскихъ—о трогательной ихъ привязанности къ клопамъ и всякаго рода домашнимъ насѣкомымъ,

Привязанность эта, какъ мнѣ разъяснили, имѣетъ основаніе въ философской доктринѣ геніальнаго русскаго писателя графа Толстого о непротивленіи злу. Эта доктрина, какъ нельзя болѣе подходящая къ національному характеру и едва ли не съ Рюрика, основателя русскаго государства, служившая единственною этикой, само собой очень нравится добрымъ русскимъ и примѣняется довольно широко не только по отношенію къ лицамъ (и преимущественно офиціальнымъ), но, какъ я упоминалъ, и относительно насѣкомыхъ, и потому обиліе ихъ, особенно въ купеческихъ домахъ, въ которыхъ живутъ лэди и джентльмены болѣе тучные,—превышаетъ всякое воображеніе. Болѣе рѣшительные и послѣдовательные поклонники ученія графа Толстого доходятъ даже до такого самоотверженія, что предоставляютъ свои тѣла въ полное и невозбранное распоряженіе насѣкомыхъ, не осмѣливаясь, принципа ради, не только убивать ихъ, но даже ограничить ихъ персидскимъ порошкомъ — этимъ, замѣчу кстати, необходимымъ предметомъ, безъ котораго здѣсь рѣшительно невозможно путешествовать.

Благодаря всему этому, въ Крыму можно жить съ удобствами только очень богатымъ людямъ,—къ ихъ услугамъ есть дорогія гостиницы и роскошныя виллы и дачи. Для людей же скромнаго достатка остается лишь одна природа и благодатный климатъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ, по выраженію туземцевъ, «драть шкуры» съ тѣхъ и съ другихъ и вообще смотрѣть на пріѣзжихъ, какъ смотрятъ профессіональные разбойники на неосторожныхъ спутниковъ. А, казалось бы, такъ нетрудно устроить что-нибудь и для небогатыхъ людей, принявъ въ соображеніе, что пріѣзжающіе въ Крымъ отдохнуть и полѣчиться не одни только люди, бросающіе бѣшеныя деньги, и не однѣ только дамы проблематическихъ лѣтъ, посѣщающія Крымъ спеціально для верховой ѣзды съ проводниками-татарами, пользующимися особымъ расположеніемъ преимущественно купчихъ. Какъ выгодна въ Крыму профессія проводника, можно судить по біографіи одного проводника, умершаго вслѣдствіе неумѣреннаго пьянства во время моего пребыванія въ Крыму. По словамъ мѣстной газеты «Ялта», покойный татаринъ въ свое время пользовался большимъ вниманіемъ пріѣзжихъ любительницъ верховой ѣзды, и черезъ его руки прошло немало десятковъ тысячъ рублей. Уже самое обнародованіе такого факта свидѣтельствуетъ о распространенности подобнаго явленія, и я, послѣ первыхъ же дней пребыванія въ Крыму, пересталъ удивляться и обилію пожилыхъ лэди и наглости проводниковъ-татаръ.

Въ виду неустройства и крайней дороговизны жизни въ русскихъ лѣчебныхъ мѣстахъ и курортахъ, многіе русскіе, невзирая на рискъ быть обвиненными нѣкоторыми газетами въ недостаткѣ патріотизма и въ увозѣ золота, которое такъ необходимо оставлять въ странѣ,—многіе русскіе, преимущественно такіе, что не отрицаютъ персидскаго порошка, остерегаются ѣздить на отечественныя воды, хотя цѣлебныя

свойства многихъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, кавказскихъ, не оставляютъ ничего желать лучшаго, и отправляются за границу для лѣченія недуговъ, находя, и не безъ основанія, что пребываніе въ заграничныхъ курортахъ и дешевле, и спокойнѣе, и не грозитъ разными непріятностями, столь обычными въ русскихъ. Эти непріятности обильны и разнообразны. Онѣ бываютъ изъ-за недостатка ваннъ, добиться которыхъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, судя по постояннымъ жалобамъ больныхъ въ газетахъ, бываетъ очень трудно безъ особой протекціи, по крайней мѣрѣ для человѣка, не имѣющаго генеральскаго чина, и изъ-за квартиръ, отчаянность и дороговизна которыхъ просто-таки невѣроятны, и изъ-за невозможности питаться сколько-нибудь удовлетворительно. Если къ этому прибавить, что мѣстные жители-казаки и ихъ супруги сильно напоминаютъ пиратовъ и имѣютъ оригинальную привычку, получивъ съ жильца деньги, не исполнять обязательства ни относительно прислуги ни относительно доброкачественности стола, то нетрудно себѣ представить, Дженни, что у большей части больныхъ, побывавшихъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, къ прежнимъ болѣзнямъ прибавляется еще болѣзнь печени, не говоря уже о томъ, что больного оберутъ до нитки, въ чемъ мѣстнымъ пиратамъ значительно помогаютъ и пріѣзжающіе на сезонъ, то-есть врачи, преимущественно московскіе и этической школы извѣстнаго профессора Захарьина, таксированные высокіе гонорары котораго, при долгомъ пользованіи его совѣтами, могутъ разорить даже и богатаго человѣка. Зато, впрочемъ, почтенный профессоръ обогатился самъ и настолько, что могъ недавно пожертвовать на церковно-приходскія школы 500.000 рублей.

Въ Алупкѣ я познакомился съ однимъ почтеннымъ джентльменомъ, имѣвшимъ, какъ онъ говоритъ, несчастье провести одинъ сезонъ въ Пятигорскѣ и Ессентукахъ. То, что онъ разсказывалъ о тамошнихъ порядкахъ, о туземныхъ домовладѣльцахъ и о нѣкоторыхъ докторахъ, рѣшительно напоминало разсказы Майнъ-Рида и только заставляло меня удивляться, что русскіе еще посѣщаютъ Кавказъ. Впрочемъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, дѣломъ упорядоченія условій жизни на кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ послѣднее время особенно озабочено министерство государственныхъ имуществъ и земледѣлія, и, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, есть вѣроятія, что въ будущемъ пребываніе въ кавказскихъ лѣчебныхъ мѣстахъ не будетъ, по крайней мѣрѣ, напоминать бѣдствія человѣка, внезапно очутившагося въ странѣ краснокожихъ.

Готовясь къ поѣздкѣ въ Нижній, я, разумѣется, внимательно прочитываю русскія газеты, изъ которыхъ черпаю свѣдѣнія какъ официальныя, такъ и частныя о выставкѣ. Они весьма любопытны, какъ отраженіе несбывшихся ожиданій и нервности устроителей, желающихъ во что-бы то ни стало найти виновниковъ въ полномъ внѣшнемъ

неуспѣхѣ выставки, т. е. въ непосѣщеніи ея публикой. А между тѣмъ на выставку затрачено немало милліоновъ и казенныхъ и частныхъ, выстроено множество гостиницъ, субсидируемыхъ правительствомъ въ ожиданіи наплыва публики, и тѣмъ не менѣе она представляетъ собой пустыню Сахару. Даже самые влюбленные въ выставку корреспонденты не отрицаютъ этого факта, засвидѣтельствованнаго турникетами, и, разумѣется, разыскиваютъ виновниковъ неуспѣха.

Черезъ недѣлю я разсчитываю выѣхать въ Нижній и затѣмъ подѣлюсь съ тобою, дорогая Дженни, личными впечатлѣніями отъ выставки и отъ ярмарки, которая на-дняхъ открывается и, такимъ образомъ, я одновременно увижу и ту и другую. Нечего и говорить, что, въ качествѣ знатнаго иностранца, я буду безпристрастенъ, насколько это возможно при моей слабости къ этой оригинальной странѣ и ея обитателямъ. Пусть меня соотечественники называютъ руссофиломъ, но я не могу не сознаться, что, при многихъ своихъ недостаткахъ, русскіе вызываютъ къ себѣ симпатію и невольное удивленіе. До-того они патріархальны и наивны подчасъ, эти милые русскіе, не безъ основанія считающіе себя единственнымъ въ своемъ родѣ народомъ. О, если бы наши соотечественники такъ же знали эту страну, какъ я, они не печатали бы о ней разныхъ нелѣпостей и не представляли бы ее какимъ-то пугаломъ. Да хранитъ тебя Богъ, Дженни.

Письмо восемьдесятъ шестое.

Дорогая Дженни!

Пользуюсь послѣднимъ днемъ моего пребыванія въ Крыму, чтобы поспѣшить отвѣтить на твое послѣднее письмо и притомъ сильно запоздавшее. Не смѣю утверждать, но предполагаю, что оно денекъ-другой пролежало въ почтовой конторѣ, такъ какъ въ такихъ относительно глухихъ мѣстечкахъ, какъ Алупка, господа чиновники не очень-то торопятся доставлять адресатамъ корреспонденцію, считая, что часомъ или двумя, то и днемъ позже или раньше получить письмо не составляетъ большой важности. Вдобавокъ и письма отсюда ходятъ до курьеза долго. Доѣхалъ я изъ Москвы до Севастополя въ 42 часа, затѣмъ изъ Севастополя до Ялты на пароходѣ въ 5 часовъ и изъ Ялты до Алупки въ коляскѣ въ 2 часа. Итого для переѣзда изъ Москвы въ Алупку потребно 49 часовъ, а для путешествія письма потребно не менѣе (а иногда и болѣе) пяти сутокъ. По крайней мѣрѣ и я и жившіе со мною въ пансіонѣ нерѣдко получали письма изъ Москвы на пятыя сутки. Такую разницу во времени путешествія человѣка и письма объяснить мнѣ никто не могъ, хотя на почтѣ и объяснили, что письма изъ Севастополя отправляются ежедневно, но только не на пароходахъ, а на лошадяхъ.

Спѣшу извиниться передъ тобою, что, при всемъ желаніи, не могу отвѣтить на нѣкоторые твои вопросы съ тою обстоятельностью, на ко-

торую ты нѣсколько наивно разсчитываешь. Дѣло въ томъ, Дженни, что русскія газеты, въ противоположность нашимъ, охотно готовымъ вѣрить всему и вкривь и вкось разсуждать о всякомъ происшествіи, отличаются похвальною осторожностью и сдержанностью и, чтобы не распространять среди публики, какъ здѣсь говорятъ, ложныхъ извѣстій или превратныхъ толкованій, остерегаются говорить о такихъ фактахъ, правильно освѣтить и разъяснить которые господа журналисты, по свойственной имъ добросовѣстности, не могутъ до офиціальнаго ихъ разъясненія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Повторять же слухи считаю совершенно лишнимъ и недобросовѣстнымъ, такъ какъ здѣсь, вслѣдствіе умѣлаго и крайне осторожнаго пользованія газетами свободной печати, разнообразіе слуховъ и сплетенъ, часто взаимно противорѣчащихъ, такъ велико, что разобраться въ нихъ и различить правду отъ лжи такъ же трудно, какъ трудно, по словамъ одного знакомаго моего журналиста, быть редакторомъ, особенно такимъ, который хоть и не отрицаетъ рѣшительно, примѣняясь къ духу времени и потребностямъ публики, что его страна— первая страна въ подлунной, но все-таки нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ похваливать и другія страны и систематически указывать на то, что и на солнцѣ, какъ доказано астрономами, есть пятна *).

Возвращаюсь однако къ выставкѣ, о которой теперь говорятъ.

По словамъ корреспондента одной изъ распространенныхъ газетъ и притомъ самаго влюбленнаго, въ неуспѣхѣ выставки виноватъ—знаешь ли кто, Дженни?—десятокъ «жидковъ»-корреспондентовъ, распространившихъ о ней ложные слухи и, натурально, по свойственной «жидкамъ» злобѣ ко всему русскому. Однимъ словомъ, «десятокъ жидковъ» помѣшалъ странѣ съ населеніемъ въ сто милліоновъ выдѣлить приличное количество посѣтителей, введя ихъ въ заблужденіе сообщеніями о неготовности выставки, ея дороговизнѣ и т. п.

Признаюсь, Дженни, какъ я ни привыкъ здѣсь читать самыя невѣроятныя объясненія, имѣющія съ логикой мало общаго, и какъ ни обычна здѣсь манера нѣкоторыхъ газетъ искать виноватаго во всемъ обязательно «жида», объясненіе, данное вышеупомянутымъ джентльменомъ, изумило даже меня своею необыкновенною глупостью, бросающейся въ глаза, если считать это объясненіе не однимъ только чрезмѣрнымъ усердіемъ влюбленнаго корреспондента.

Я внимательно читалъ газеты и рѣшительно не догадывался о присутствіи «десятка жидковъ». Правда, нѣкоторые корреспонденты

---

*) Нужно ли прибавлять, что почтенный лордъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе или, вѣрнѣе, мистифицированъ своимъ знакомымъ журналистомъ. Во-первыхъ, положеніе редактора точно опредѣлено закономъ, а во-вторыхъ, печатаніе астрономическихъ статей не можетъ быть причиной трудности положенія, какъ сообщаетъ знатный иностранецъ.

Прим. переводчика.

сообщали и о томъ, что послѣ открытія выставка не вполнѣ готова, что во время дождей крыши выставочныхъ зданій промокаютъ, что въ выставочныхъ гостиницахъ дороговизна и что посѣтителей мало,—но другіе корреспонденты, въ томъ числѣ, напримѣръ, «Old Gentleman» (это, Дженни, псевдонимъ одного изъ корреспондентовъ), напротивъ, только превозносили выставку, ни слова не говоря объ ея недочетахъ послѣ первыхъ, какъ я уже раньше говорилъ, не вполнѣ хвалебныхъ корреспонденцій. И затѣмъ является вопросъ: какъ это публика вѣрила какимъ-то «десяти жидкамъ» и не вѣрила русскимъ корреспондентамъ и офиціальнымъ разъясненіямъ, и восторженнымъ отзывамъ знаменитаго ученаго Менделѣева, и таковымъ же телеграммамъ нѣкоторыхъ профессоровъ, и все-таки не бросилась на выставку.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, Дженни, что «десять жидковъ» были придуманы только однимъ корреспондентомъ. Другіе, къ чести русскихъ журналистовъ, до такихъ нелѣпостей не доходили, и даже въ pendant къ «десяти жидкамъ» никто не догадался усмотрѣть «интриги англичанъ». Надо признаться, Дженни, что большинство русскихъ газетъ насъ недолюбливаетъ и бранитъ нашихъ министровъ съ такою же откровенностью и свободой, съ какими одобряетъ своихъ.

. . . . . .

Нѣкоторому порицанію подверглась русская пресса и со стороны выставочной администраціи. По крайней мѣрѣ изъ любопытнаго разговора одного корреспондента съ вице-предсѣдателемъ комиссіи по устройству выставки, напечатаннаго въ газетѣ, видно было, что почтенный директоръ департамента торговли и мануфактуръ, человѣкъ, повидимому, вполнѣ сочувственно относящійся къ прессѣ, и тотъ заявлялъ неудовольствіе на то, что нѣкоторые представители ея отнеслись къ выставкѣ не такъ, какъ бы слѣдовало: слишкомъ легкомысленно—и старались найти въ ней одно только дурное, не обращая вниманія или нарочно умалчивая о хорошемъ.

Я, конечно, понимаю, Дженни, что досадно и обидно видѣть легкомысленное и даже преднамѣренное отношеніе къ дѣлу, на которое затрачено много силъ и труда,—но, съ другой стороны, нельзя же требовать, чтобы корреспонденты непремѣнно писали такъ, какъ хотѣлось бы устроителямъ выставки.

Вообще говоря, здѣсь довольно странный взглядъ на свободу мнѣній печати, и даже люди образованные и умные, не смотрящіе на печать какъ на зло и любезно называющіе журналистовъ «почтеннымъ сословіемъ», и тѣ, чуть только кто-нибудь изъ представителей «почетнаго сословія» высказываетъ мнѣніе, не соотвѣтствующее ихъ желаніямъ,—приходятъ въ нервное состояніе и теряютъ уваженіе къ «сословію», и слава Богу, если только ограничиваются порицаніемъ, а не жалуются главному управленію по дѣламъ печати.

Если таково отношеніе лучшихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей

къ печати, то ты можешь себѣ представить, Дженни, какъ относятся къ ней тѣ дѣятели, которые въ каждомъ мнѣніи, несогласномъ съ ихъ собственнымъ, видятъ, какъ здѣсь говорятъ, «превратныя сужденія» и «подрывъ престижа власти».

Долженъ однако оговориться, Дженни, дабы не ввести тебя въ заблужденіе. Администрація выставки весьма предупредительно и любезно отнеслась къ представителямъ прессы. Имъ предоставленъ безплатный проѣздъ, для нихъ отведена особая зала на выставкѣ, гдѣ они могутъ писать корреспонденціи и получать свѣдѣнія. И, разумѣется, неудовольствіе, выраженное на прессу, далеко не имѣло обобщающаго характера, о чемъ можно судить уже и потому, что одинъ изъ корреспондентовъ, г. Амфитеатровъ, почтенъ назначеніемъ комиссаромъ, что, кромѣ почета, даетъ еще и весьма приличный гонораръ. Нечего и прибавлять, что званіе комиссара нисколько не стѣснитъ свободы его корреспондентской дѣятельности. Въ данномъ случаѣ совмѣстительство, пожалуй, даже можетъ помочь полнотѣ, обстоятельности и безпристрастію корреспонденцій.

На-дняхъ я познакомился въ Алупкѣ съ однимъ очень пріятнымъ джентльменомъ, пріѣхавшимъ въ нашъ пансіонъ. Онъ служитъ въ какомъ-то вѣдомствѣ и, судя по истомленному лицу, бѣдняга, должно-быть, сильно переутомился. Послѣ обѣда за общимъ столомъ мы остались съ нимъ одни за чашками кофе и разговорились. Онъ, по обыкновенію, разспрашивалъ меня о томъ, какое впечатлѣніе произвела на меня Россія, и затѣмъ спросилъ:

— А вы были на нашей выставкѣ?

— На-дняхъ ѣду!—отвѣчалъ я.

— Вы увидите много интереснаго и поучительнаго, милордъ, и убѣдитесь, что русскіе теперь избавлены отъ торговой зависимости чужеземцевъ...

При этихъ словахъ почтенный джентльменъ взглянулъ на меня торжествующимъ взглядомъ своихъ темныхъ, нѣсколько потускнѣвшихъ глазъ, словно бы взглядомъ этимъ хотѣлъ сказать:

— Теперь англійскому сбыту окончательный капутъ!

И въ видѣ предостереженія прибавилъ:

— Мы и машины теперь сами строимъ. И какія еще!

Я, разумѣется, поспѣшилъ выразить полное сочувствіе и объяснить, что не имѣю заводовъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, милордъ, и если вы не имѣете предубѣжденія противъ Россіи, какъ большинство вашихъ соотечественниковъ... Не правда ли, предубѣжденіе вѣдь есть?

Я не могъ не согласиться, но объяснилъ, что я знаю немного Россію и русскихъ и питаю большое къ нимъ расположеніе.

— Въ такомъ случаѣ вы убѣдитесь, какіе мы сдѣлали успѣхи за послѣднее время во всѣхъ отрасляхъ промышленности. И вообще вы-

ставка замѣчательна. Она серьезна и не имѣетъ того кафе-шантаннаго характера, которымъ отличаются европейскія выставки.

— Но, говорятъ, ее посѣщаютъ мало...

Мой собесѣдникъ внезапно сталъ нервнымъ, и голосъ его принялъ раздражительный тонъ, когда онъ отвѣчалъ:

— Мало!.. Это дѣйствительно правда, но въ этомъ отчасти виновата печать... корреспонденты... и наша дурацкая публика, которая вѣритъ всякому вздору. Признаюсь, я уважаю печать, но теперь я сильно потерялъ къ ней уваженіе.

— Почему?

— А потому, что наша печать не сумѣла отнестись къ своей задачѣ, какъ слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы помочь грандіозному государственному дѣлу, — она фыркала да указывала только на разные мелочные недостатки, неминуемые во всякомъ большомъ дѣлѣ. Люди создали въ короткое время прелестный городокъ — выставку, трудились, работали, а какой-нибудь болванъ-корреспондентъ писалъ, что выставка не готова, что выстроена не тамъ, гдѣ слѣдуетъ... мало ли чего ни писали... А публика вѣрила и не ѣхала.

— Но потомъ, когда публика убѣдилась, что сообщили вздоръ?— спросилъ я.

— Потомъ?—переспросилъ онъ.—Потомъ стало ѣздить больше, но все-таки надо правду говорить, что мало. Къ сожалѣнію, наша публика еще не доросла до такихъ выставокъ. Имъ кафе-шантанъ нуженъ. Впрочемъ, мы и не разсчитывали на приливъ публики. Мы имѣли въ виду немногихъ, но серьезныхъ посѣтителей, желающихъ чему-нибудь научиться.

— Въ такомъ случаѣ на кого же были разсчитаны всѣ эти выставочныя гостиницы, которымъ даны субсидіи? Мнѣ кажется, что дорогія въ нихъ цѣны, отъ четырехъ и до шести рублей за номеръ, едва ли по карману тѣмъ серьезнымъ посѣтителямъ, на которыхъ, какъ вы говорите, разсчитывали?

Джентльменъ, видимо, былъ нѣсколько смущенъ моимъ вопросомъ и пустился въ объясненія, признаться, далеко не убѣдительныя. Казалось, и самъ онъ лишь утѣшалъ самого себя, стараясь увѣрить, что выставка была устроена для нѣсколькихъ сотенъ, а не для сотенъ тысячъ людей. Для сотенъ даже и такая богатая страна, какъ Россія, не устроила бы выставки и не потеряла бы милліоновъ, а, вѣроятно, затратила бы ихъ на народное образованіе, о которомъ теперь всѣ говорятъ въ застольныхъ рѣчахъ. И къ тому же, сколько извѣстно изъ газетъ, всѣ приготовленія именно имѣли въ виду болѣе или менѣе состоятельныхъ людей и только уже впослѣдствіи, когда не оставалось сомнѣнія, что не только нѣтъ наплыва публики, которая могла бы тратить бѣшеныя деньги, но и вообще публики мало, явилась прекрасная мысль о безплатныхъ поѣздкахъ на выставку учащихъ, уча-

щихся и рабочихъ и приняты были мѣры о возможно дешевомъ ихъ содержаніи. Но раньше, при устройствѣ выставки, никакихъ приготовленій въ этомъ смыслѣ сдѣлано не было. Ясно было, что мой джентльменъ, какъ здѣсь выражаются, заговаривалъ зубы.

Я, конечно, не высказалъ ему всѣхъ этихъ соображеній, понимая, что они только раздражатъ его самолюбіе, которое здѣсь очень сильно, особенно у чиновниковъ. Вдобавокъ, по страстному тону, съ какимъ говорилъ молодой джентльменъ, я предположилъ (и, какъ оказалось впослѣдствіи, не безъ основанія), что онъ былъ тоже въ числѣ устроителей выставки. На слѣдующій же день онъ объяснилъ, что пріѣхалъ въ Крымъ на двѣ недѣли отдохнуть отъ чрезмѣрной работы по устройству выставки, гдѣ онъ завѣдывалъ какимъ-то отдѣломъ.

Признаться, и нѣкоторое раздраженіе, съ какимъ онъ говорилъ о пессимистахъ, не вѣровавшихъ въ успѣхъ выставки, было мнѣ совершенно понятно. Въ самомъ дѣлѣ, представь себѣ, Дженни, что мы приготовили торжественный фестиваль, разослали двѣсти приглашеній—и вмѣсто двухсотъ человѣкъ къ намъ явилось бы всего два. Вѣдь это было бы обидно. Не правда ли? Вѣроятно, и мы постарались бы, какъ выражаются французы, «faire bonne mine au mauvais jeu».

До слѣдующаго письма изъ Нижняго-Новгорода. Будь здорова Дженни.

Письмо восемьдесятъ седьмое.

Дорогая Дженни!

Изъ Ялты до Севастополя я дошелъ на пароходѣ Русскаго общества пароходства и торговли вполнѣ благополучно. Пятичасовой переходъ былъ совершенъ утромъ, погода была ясная и тихая, на пути не было мелей и слѣдовательно не было особеннаго риска потонуть въ Черномъ морѣ, подобно злосчастнымъ пассажирамъ парохода «Владиміръ», погибшимъ въ прошломъ году благодаря столкновенію съ другимъ пароходомъ въ ясную лунную ночь и благодаря отсутствію распорядительности капитана и тѣмъ вопіющимъ безпорядкамъ, какіе оказались на «Владимірѣ».

Такъ же благополучно и безъ особенныхъ приключеній доѣхалъ я изъ Севастополя до Москвы и оттуда до Нижняго, что надо считать довольно счастливою случайностью и приписать,—какъ здѣсь имѣютъ привычку приписывать всякое благополучіе, — особому милосердію Господа Бога, такъ какъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ довольно-таки нерѣдки приключенія самаго разнообразнаго характера, начиная съ внезапныхъ и продолжительныхъ остановокъ среди лѣса и поля неизвѣстно по какимъ причинамъ (кондукторы обыкновенно на вопросы отвѣчаютъ невѣдѣніемъ и нерѣдко, во избѣжаніе докуки, безцеремонно запираютъ вагоны на ключъ, предоставляя пассажирамъ самимъ догадываться, почему они не ѣдутъ) и кончая потерей багажа

и возможностью имѣть, какъ русскіе говорятъ, «серьезное недоразумѣніе», то-есть быть избитымъ и ограбленнымъ. Такое «недоразумѣніе» едва не случилось съ однимъ изъ пассажировъ третьяго класса, описавшаго его въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ. Онъ среди бѣла дня подвергся нападенію на площадкѣ вагона со стороны нѣсколькихъ человѣкъ, ѣхавшихъ въ томъ же вагонѣ, и былъ принужденъ, во избѣжаніе побоевъ, выскочить на ходу съ поѣзда и пѣшкомъ дойти до ближайшей станціи, отдѣлавшись, по счастью, лишь ушибами, ибо, несмотря на его крики о помощи, ни одинъ кондукторъ не явился, какъ бы подтверждая обычную здѣсь привычку не однихъ только кондукторовъ, но и полисменовъ: появляться тамъ, гдѣ они рѣшительно не нужны, и обязательно отсутствовать тамъ, гдѣ присутствіе ихъ необходимо.

Я ѣхалъ въ первомъ классѣ безпересадочнаго вагона, надпись на которомъ: «Севастополь—Москва» какъ бы указывала на то,—какъ повсюду въ Европѣ,—что вагонъ этотъ исключительно предоставленъ пассажирамъ, ѣдущимъ изъ Севастополя въ Москву, которымъ, въ виду долгаго путешествія, есть слѣдовательно надежда провести двѣ ночи болѣе или менѣе спокойно и не бодрствуя поневолѣ.

Оказалось однако, что объявленія и надписи, хотя бы и официальныя, служатъ лишь для украшенія вагоновъ, такъ какъ вагонъ прямого сообщенія былъ переполненъ пассажирами, въ числѣ которыхъ большая часть пассажировъ ѣхали не въ Москву, а въ Харьковъ, Курскъ и другія промежуточныя станціи.

И когда одинъ изъ пассажировъ, пожилой толстякъ, задыхавшійся отъ жары въ сосѣдствѣ съ двумя столь же тучными дамами, и притомъ довольно некрасивыми, обратился къ оберъ-кондуктору съ протестомъ за нарушеніе правъ пассажировъ, ѣдущихъ до Москвы, то оберъ-кондукторъ улизнулъ, обѣщавъ доложить начальнику станціи, и пока онъ докладывалъ, поѣздъ тронулся, и всѣ мы изнемогали отъ тѣсноты и жары.

По счастію, къ позднему вечеру многіе пассажиры ушли, ушли и двѣ дамы, возмущавшія тучнаго джентльмена, и, въ виду непрекращавшихся его протестовъ и угрозъ оберъ-кондуктору показать сему послѣднему какую-то родительницу какого-то Кузьки (насколько я понялъ, это былъ одинъ изъ варіантовъ ругательствъ, которыми столь богатъ русскій языкъ), тѣмъ болѣе, что онъ, толстякъ, знакомъ съ самимъ министромъ путей сообщенія и слѣдовательно, дѣйствительно, можетъ «показать» эту, повидимому, очень непріятную особу, — замѣтно струсившій оберъ-кондукторъ уже не пускалъ никого въ нашъ вагонъ, и мы могли выспаться, единственно благодаря энергіи тучнаго джентльмена.

Въ купе со мной ѣхалъ молодой человѣкъ, спѣшившій, какъ и я, на выставку. Мы съ нимъ разговорились, и онъ, между прочимъ, опи-

сывая достопримѣчательности Нижняго-Новгорода, ставилъ въ непремѣнный долгъ, если не познакомиться, то, по крайней мѣрѣ, увидѣть замѣчательныхъ тамошнихъ людей: губернатора Н. М. Баранова, предсѣдателя ярмарочнаго комитета, извѣстнаго милліонера Савву Морозова и лорда-мэра барона Дельвига.

При этомъ молодой человѣкъ обязательно одолжилъ мнѣ нумеръ одной большой петербургской газеты. Въ немъ корреспондентъ въ большомъ фельетонѣ описывалъ неутомимую дѣятельность и энергію г. Баранова, безъ котораго, по словамъ корреспондента, нельзя даже «понять ни Нижняго, ни выставки, ни ярмарки», съ такою же восторженностью, съ какою корреспондентъ другой петербургской же газеты описывалъ неутомимую дѣятельность и энергію дѣятелей выставки, безъ которыхъ, по словамъ корреспондента, выставка не была бы своевременно готова, не представляла бы собой красоты и изящества и не была бы столь дешево устроена. Отдавая должное названнымъ лицамъ, оба корреспондента, повидимому, расходились только въ оцѣнкѣ выставки. Первый, описывающій генерала Баранова, старался отмѣтить всѣ недочеты выставки; второй, напротивъ, ихъ не находилъ, но зато о дѣятельности генерала Баранова умалчивалъ.

Какъ бы то ни было, но я былъ очень радъ, Дженни, познакомиться хотя черезъ газеты съ дѣятельностью выдающихся общественныхъ дѣятелей, такъ какъ инымъ путемъ здѣсь познакомиться съ нею нельзя.

О дѣятельности генерала Баранова я, впрочемъ, зналъ во время прежняго моего пребыванія въ Россіи. Бывшій морякъ, герой «Весты» — маленькаго парохода, побѣдоносно ушедшаго отъ большого турецкаго броненосца, который, вслѣдствіе поврежденія въ машинѣ, не могъ догнать и потопить маленькое суденышко, затѣмъ оставившій флотъ для гражданской дѣятельности, бывшій короткое время петербургскимъ градоначальникомъ, онъ вотъ уже семнадцать лѣтъ какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ пользуется популярностью, отличаясь и энергіей своихъ подчасъ исключительныхъ мѣръ во время холеры и голода, и умѣньемъ ладить съ ярмарочнымъ купечествомъ, и умѣньемъ импонировать на толпу обѣщаніями мѣръ, хотя и не предусмотрѣнныхъ въ законѣ, но имѣющихъ вполнѣ отеческій характеръ. Впрочемъ, ты будешь имѣть, Дженни, объ этомъ дѣятелѣ болѣе точное понятіе по обстоятельному фельетону, недавно напечатанному, и потому я переведу его и пришлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, а пока прибавлю только, что названный дѣятель кромѣ того еще и литераторъ, при чемъ обнаружилъ большія полемическія способности въ полемикѣ съ извѣстнымъ журналистомъ княземъ Мещерскимъ, съ которымъ прежде, по словамъ князя, былъ очень друженъ и нерѣдко посѣщалъ его въ то время, когда князь еще былъ, какъ здѣсь говорятъ, «аркадскимъ принцемъ».

Желая предварительно ознакомиться по планамъ съ городомъ, выставкой и ярмаркой, я еще на севастопольской станціи спрашивалъ «Путеводитель», изданный комиссіей по устройству выставки, но онъ, какъ кладъ, не давался мнѣ въ руки,—нигдѣ на станціяхъ его не было, точно никто изъ устроителей выставки и не интересовался возможно-бо́льшимъ распространеніемъ «Путеводителя». Даже въ Москвѣ, на станціи Курской и Нижегородской дорогъ, на мой вопросъ о «Путеводителѣ», дѣвица, сидѣвшая у книжнаго шкапа, сунула мнѣ въ руки какую-то книжонку «Въ Нижній на выставку» и, когда я замѣтилъ, что мнѣ нуженъ офиціальный путеводитель, она не безъ гримасы отвѣтила, что «такого не держитъ».

— Почему не держите?

— Такъ, не держимъ, и все тутъ!—отвѣтила дѣвица.

Благодаря такой таинственности «Путеводителя», я пріѣхалъ въ Нижній безъ всякихъ необходимыхъ свѣдѣній и съ перваго же шага попался, заплативъ извозчику съ вокзала въ верхній городъ, въ гостиницу, гораздо болѣе того, что̀ слѣдовало. Побоялся я остановиться въ одной изъ выставочныхъ гостиницъ и въ виду ихъ дороговизны и въ виду ихъ слишкомъ легкомысленной постройки, грозившей заморозить меня, если-бъ наступили холода. И я не раскаялся, что остановился въ городѣ, гдѣ нашелъ въ гостиницѣ приличный номеръ съ постельнымъ бѣльемъ за 2 р. 25 к., тогда какъ въ Международной гостиницѣ и другихъ выставочныхъ гостиницахъ цѣны вдвое дороже и, какъ мнѣ сообщали многія лица, жившія въ этихъ гостиницахъ, въ нихъ кромѣ платы за номеръ берутъ еще разныя дополнительныя деньги и за постельное бѣлье, и за прислугу, и ставятъ несообразныя цѣны и за свѣчи, и за кипятокъ для чая (самоваровъ тамъ не даютъ во избѣжаніе пожара въ этихъ деревянныхъ, легко воспламеняющихся постройкахъ) и даже за прописку паспортовъ, хотя за это денегъ платить не полагается. Но гг. содержатели пустующихъ номеровъ выставочныхъ гостиницъ пользуются, разумѣется, всякимъ случаемъ, чтобы взять что-нибудь лишнее съ посѣтителя. Кромѣ того, всѣ эти выставочныя гостиницы, построенныя на время, представляютъ собою рядъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой такими тонкими досками, что случайные сосѣди дѣлаются невольными свидѣтелями того, что̀ говорится и дѣлается въ комнатахъ рядомъ. Затѣмъ печей нигдѣ нѣтъ, и, въ случаѣ холода, жизнь въ такихъ гостиницахъ рѣшительно невозможна.

Вотъ уже пятый день, что я ежедневно посѣщаю выставку, а по вечерамъ, благодаря любезности нѣсколькихъ милыхъ нижегородцевъ, съ которыми я имѣлъ честь познакомиться въ первый мой пріѣздъ въ Нижній и которые обязательно знакомятъ меня, какъ иностранца, со всѣми особенностями своеобразныхъ увеселеній на ярмаркѣ, я нѣсколько разъ былъ въ ярмарочныхъ ресторанахъ и возвращался за

полночь въ свою гостиницу усталый и разбитый и, признаюсь тебѣ, Дженни, нѣсколько изумленный нетребовательностью русскихъ въ области развлеченій и грубостью ихъ вкусовъ. Объ этихъ увеселеніяхъ съ неизбѣжными хорами, шансонетными пѣвичками, танцовщицами, француженками, куплетистами и т. п., объ этой наполняющей биткомъ громадныя залы ресторановъ своеобразной разнокалиберной и одѣтой въ самые разнообразные костюмы публики, громадное большинство которой — пріѣзжіе на ярмарку со всѣхъ концовъ Россіи купцы, — разскажу тебѣ послѣ, а теперь передамъ свои впечатлѣнія отъ выставки, при чемъ предупреждаю тебя, Дженни, что я не стану утомлять тебя описаніями экспонатовъ,—къ тому же я не настолько техникъ, чтобы дать о нихъ надлежащее представленіе,—и, повторяю, буду передавать только впечатлѣнія—не болѣе.

Прерываю письмо, чтобы посмотрѣть мѣстныя газеты, которыя только-что принесъ газетный разносчикъ.

Въ сегодняшнихъ мѣстныхъ газетахъ есть крайне интересное и характерное заявленіе В. И. Ковалевскаго, вице-предсѣдателя комиссіи по устройству выставки и, по общимъ отзывамъ, главнаго и неутомимаго работника, положившаго, такъ сказать, душу въ дѣло выставки. Въ этомъ заявленіи г. Ковалевскій объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что до него дошли слухи о томъ, что нѣкоторыя темныя личности, самозванно выдающія себя за редакторовъ газетъ и корреспондентовъ, пользуясь именемъ печати и именемъ выставочной администраціи, обращаются къ экспонентамъ съ предложеніемъ описать ихъ экспонаты и рекомендовать въ газетахъ и помѣщать рисунки (за приличный гонораръ, разумѣется, какъ ты догадываешься, Дженни) въ иллюстраціяхъ, и такимъ образомъ позорятъ, по заключенію г. Ковалевскаго, тотъ «почтенный общественный кругъ, который представляютъ собой представители печати». Въ виду этого г. Ковалевскій проситъ «доводить до свѣдѣнія выставочной администраціи о всѣхъ попыткахъ, направленныхъ къ корыстной эксплоатаціи гг. экспонентовъ, дабы администрація могла принимать противъ этого зла соотвѣтственныя и своевременныя мѣры».

Насколько я знакомъ съ нравами корреспондентовъ новѣйшей формаціи, мнѣ кажется, Дженни, что упоминаніе о «самозванцахъ» не болѣе какъ любезный фигуральный оборотъ, при чемъ выводъ изъ него не совсѣмъ логиченъ. Если дѣло идетъ о «самозванцахъ», то они, конечно, нисколько не могутъ позорить «почтенный общественный кругъ», какъ не могъ бы позорить, напримѣръ, не менѣе почтенный общественный кругъ чиновниковъ какой-нибудь «самозванецъ», выдающій себя за комиссара и берущій взятки или заказывающій якобы для выставки столы втрое дороже, чѣмъ они предлагались «самозванцу».

Г. Ковалевскій слишкомъ умный, конечно, человѣкъ, чтобы не

знать, какіе въ послѣднее время встрѣчаются корреспонденты и почему именно такіе встрѣчаются. Понимаетъ, разумѣется, и восторженность нѣкоторыхъ изъ нихъ и не только по отношенію къ экспонентамъ, и, вѣроятно, знаетъ, что если нѣкоторые репортеры и были удалены нѣсколько лѣтъ тому назадъ градоначальникомъ изъ Петербурга за поборы съ распорядителей увеселительныхъ заведеній, зато другіе корреспонденты, стоявшіе на высотѣ положенія, были даже почтены весьма видными назначеніями по тому же вѣдомству, въ которомъ служитъ почтенный В. И. Ковалевскій. Слѣдовательно разные бываютъ корреспонденты: и дурные, за мзду восхваляющіе увеселительныя заведенія и экспонентовъ, и хорошіе, безкорыстно восхваляющіе выдающихся общественныхъ дѣятелей. Затѣмъ, едва ли гг. экспоненты станутъ доводить до свѣдѣнія выставочной администраціи свои сдѣлки съ «самозванцами», если тѣ, несмотря на свое самозванство, напечатаютъ въ газетахъ то, что желательно экспонентамъ, и помѣстятъ рисунки ихъ витринъ и павильоновъ.

Экспоненты, привыкшіе, какъ здѣсь выражаются, къ «смазкѣ», предлагали взятки даже и чинамъ выставочной администраціи, о чемъ мнѣ разсказывалъ одинъ почтенный человѣкъ, завѣдующій отдѣломъ, и при этомъ крайне удивлялись, что мой знакомый джентльменъ отказывался отъ благодарности, предлагаемой отъ чистаго сердца за нѣсколько лишнихъ квадратныхъ саженъ отведеннаго мѣста. Поэтому, мнѣ кажется, нѣтъ ничего мудренаго, что возможны «темныя личности» не изъ среды «самозванцевъ», а изъ среды «почтеннаго сословія», какъ возможны они и изъ среды другихъ, не менѣе почтенныхъ сословій.

Конечно, званіе «представителя печати», казалось бы, обязываетъ высоко держать честь сословія и не забывать, что на немъ, какъ на женѣ Цезаря, не должно быть даже подозрѣнія, и говорятъ, что и въ Россіи были такія времена (въ шестидесятыхъ годахъ), когда даже и злѣйшіе враги печати не осмѣливались обвинить журналистовъ въ чемъ-либо такомъ, что теперь сдѣлалось заурядnымъ явленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, Дженни, что и теперь есть вполнѣ безупречные и почтенные представители печати и корреспонденты, но они не составляютъ большинства, да и вліяніе ихъ не такъ замѣтно, вслѣдствіе ихъ необычайной сдержанности и усвоенной ими въ послѣднее время привычки не особенно много говорить о вопросахъ внутренней политики и заниматься болѣе внѣшней. Зато, съ другой стороны, возможны и такіе джентльмены, какъ нѣкій г. Медвѣдскій, въ одномъ журналѣ хвалящій одного писателя, а въ другомъ пишущій на него доносы въ неблагонадежности и не безъ развязности признающійся, что онъ одно и то же лицо, но свершившее только «быстрый и рѣшительный поворотъ». Надо отдать справедливость большинству русской печати. Она отнеслась съ омерзѣніемъ къ этому господину, и одна изъ газетъ,

«Петербургскія Вѣдомости», между прочимъ, по этому поводу воскликнула: «Хороша та среда, въ которой могутъ существовать гг. Медвѣдскіе!» но однако точнаго объясненія, почему гг. Медвѣдскіе существуютъ, не дала, а это было бы, конечно, самое интересное.

На другой же день послѣ заявленія г. Ковалевскаго, одна изъ мѣстныхъ и весьма приличныхъ, насколько возможно быть приличной въ провинціи, газетъ, «Нижегородскій Листокъ», подтвердила мое предположеніе о томъ, что нѣтъ дыма безъ огня.

По словамъ газеты, и сюда, на выставку, «obivatel» (такъ, Дженни, русскіе называютъ гражданъ) явился уже съ нѣкоторымъ опытомъ и, когда ему потребовались услуги печати, онъ прямо сталъ предлагать ея представителямъ,—не разбирая, кто и что они,—оказать ему услугу. Экспоненту требовалось, напримѣръ, обратить вниманіе экспертовъ на свои издѣлія или, лучше сказать, предупредить отзывъ экспертовъ, повліять на ихъ мнѣнія. Онъ обращается къ представителю газеты, которую считаетъ наиболѣе для того удобною, и прямо предлагаетъ ему мзду за услугу. О такихъ фактахъ было заявлено въ собраніи представителей печати на выставкѣ, да ихъ можно было и a priori предсказать, зная, что въ нравы нѣкоторой части печати давно уже проникли панамскія традиціи. Именно желаніе избѣжать подобныхъ фактовъ и послужило поводомъ къ запрещенію печати касаться какихъ бы то ни было вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ экспертизѣ. Это было, конечно, черезчуръ: съ злоупотребленіями надо было бороться другими путями; дѣлать экспертизу тайной важнѣе государственныхъ—значило придавать ей слишкомъ большое значеніе въ ряду другихъ явленій общественной жизни. Но подкладка, какъ это, по крайней мѣрѣ, высказывалось офиціальными лицами, была именно такова.

Другой вопросъ—сдавались ли представители печати на предложенія экспонентовъ и другихъ обывателей? Опредѣленно, съ фактами въ рукахъ, никто на этотъ вопросъ не можетъ отвѣтить. Слухи, неизвѣстно откуда исходящіе, не могутъ служить доказательствами. Но слухи есть, и было бы полезно какъ-нибудь общими силами разобраться въ нихъ.

По словамъ автора статьи, «одинъ крупный россійскій промышленникъ съ циничною откровенностью передавалъ, что, когда ему нужно разсказать что-нибудь публикѣ о себѣ, онъ призываетъ къ себѣ корреспондента одной изъ столичныхъ газетъ, передаетъ подходящій къ случаю матеріалъ и соотвѣтствующую мзду, а затѣмъ является въ печати въ извѣстной литературной обработкѣ».

Какъ видишь, Дженни, дѣлается это весьма просто и, надо думать, не за дорогую цѣну, такъ какъ русскіе корреспонденты, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые не гонятся за журавлемъ въ небѣ, довольны и синицей въ рукахъ.

Однако я отвлекся въ сторону. Пора о впечатлѣніяхъ на выставкѣ... Но о нихъ—въ слѣдующемъ письмѣ. Замѣчу только, что многое на ней интересно и свидѣтельствуетъ о любви къ дѣлу, съ которой отнеслись къ ней устроители. Не ихъ, конечно, вина, что выставку устроили въ Нижнемъ, а не въ центрѣ Россіи, и что она мало посѣщается. Есть и много несовершеннаго и курьезнаго, свидѣтельствующаго и о безтолковости, и о пристрастіи русскихъ къ формализму и къ привычкѣ «непротивленія злу», особенно по отношенію къ чистоплотности. И дороговизна не преувеличена. Правда, особенныхъ комаровъ, о которыхъ кто-то говорилъ, нѣтъ, но жить, и даже скромно, все-таки дороговато.

Но довольно. Спѣшу отправить это письмо и успокоить твои ни на чемъ не основанныя тревоги относительно моей личной безопасности, какъ иностранца, да еще англичанина, среди ярмарочной толпы. Я вполнѣ благополученъ и не подвергался никакимъ серьезнымъ «недоразумѣніямъ», какъ здѣсь называютъ поврежденія тѣла съ передомами реберъ. И вообще надо замѣтить, что только газеты и часть интеллигенціи и купцы въ пьяномъ видѣ неодобрительно относятся къ иностранцамъ. Русскій же народъ терпимъ къ нимъ, какъ я уже писалъ тебѣ не разъ раньше, и, совершенно равнодушный къ политикѣ, не считаетъ насъ интриганами, а напротивъ, отожествляя всѣхъ иностранцевъ въ нѣмцѣ, говоритъ о немъ, что онъ «выдумалъ обезьяну». Да хранитъ тебя Богъ, Дженни.

Письмо восемьдесятъ восьмое.

Дорогая Дженни!

Хотя всѣ и пишутъ и говорятъ, что всероссійская выставка находится въ Нижнемъ-Новгородѣ, но это не вполнѣ правильно и свидѣтельствуетъ только о нѣкоторой пылкости воображенія русскихъ. Она—далеко за городомъ, вблизи ярмарки, отдѣленной отъ города рѣкой, и разстояніе отъ Нижняго до выставки весьма значительное.

Я предпочиталъ совершать ежедневно далекое путешествіе на трамваяхъ электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ, по случаю выставки, и въ городѣ, и за городомъ, и на самой выставкѣ нѣсколькими предпринимателями. Избралъ я такой способъ передвиженія въ виду того, что и нижегородскія мостовыя, хотя и исправленныя на случай пріѣзда знатныхъ посѣтителей (здѣсь, Дженни, существуетъ обыкновеніе, и не лишенное оригинальности: пріурочивать исправленіе мостовыхъ и вообще заботы о благообразіи къ такимъ случаямъ), и орудія пытки, именуемыя въ Россіи дрожками, не особенно отличаются отъ московскихъ. А мостовыя и извозчики Москвы извѣстны какъ самые убійственные во всей странѣ (если не во всемъ свѣтѣ), и если терпятся москвичами, то, по объясненію одного почтеннаго москвича, частью по кротости гражданъ и частью по неодолимому ихъ

отвращенію ко всякимъ новшествамъ. Отвращеніе москвичей доходитъ даже до отрицанія самыхъ примитивныхъ удобствъ въ ихъ жилищахъ, и здѣсь рѣдко можно найти квартиру, гдѣ бы въ жилыхъ комнатахъ не было запаха, напоминающаго ароматы выгребныхъ ямъ, находящихся всегда по близости на дворѣ.

Благодаря ѣздѣ на трамваяхъ, я не только избавился отъ жесточайшей встряски при ѣздѣ на извозчикахъ, но имѣлъ возможность видѣть своеобразное отношеніе гг. кондукторовъ вагоновъ, циркулирующихъ въ чертѣ города, къ тѣмъ представителямъ рабочаго и земледѣльческаго классовъ, которые коротко называются здѣсь мужиками (слово «мужикъ» употребляется въ Россіи и какъ обозначеніе извѣстнаго класса населенія, и какъ ругательный эпитетъ). Отношеніе это къ джентльменамъ деревни, вызванное, надо думать, распоряженіемъ хозяевъ дороги, характерно выражалось въ томъ, что мужиковъ, одѣтыхъ, по оцѣнкѣ кондукторовъ, недостаточно хорошо, просто-таки не пускали въ вагоны, объясняя, что имъ тутъ не мѣсто *), и они, разумѣется, покорно уходили, словно бы соглашаясь, что имъ не мѣсто среди публики. Кромѣ того, я былъ свидѣтелемъ и другого, болѣе рѣдкаго зрѣлища: я видѣлъ, Дженни, какъ однажды русская публика, забывая излюбленную свою теорію «непротивленія злу», подняла знамя мятежа и «бунтовала», какъ выражаются здѣсь о людяхъ, заявляющихъ на что-нибудь неудовольствіе, хотя бы и въ скромной формѣ.

Это было на второй же день моего пріѣзда. Я сѣлъ въ трамвай въ пунктѣ его отправленія у ресторана «Восточный Базаръ», гдѣ любовался чуднымъ видомъ на Волгу и Оку и пилъ чай, ровно въ половинѣ одиннадцатаго вечера, вмѣстѣ съ остальной публикой, но вагонъ почему-то не отходилъ. Наконецъ пробило одиннадцать часовъ, послѣ которыхъ взимается за проѣздъ двойная плата, и тогда вагонъ тронулся. Возмущенные пассажиры, не желая платить двойной платы въ виду того, что всѣ сѣли значительно раньше одиннадцати часовъ, къ крайнему моему удивленію, вмѣсто обычнаго здѣсь подчиненія волѣ рока, хотя бы сей послѣдній олицетворялся кондукторомъ, стали громко роптать на порядки и выражали рѣшимость не уступать требованіямъ и не платить двойной платы. Неудовольствіе все росло, особенно послѣ горячей рѣчи, сказанной какимъ-то джентльменомъ на тему о томъ, что не столь важно заплатить вмѣсто пятачка десять копеекъ, сколь важно поддержать принципъ и не позволять себя эксплоатировать.

Признаюсь, Дженни, мнѣ казалось, что названный джентльменъ больше хлопочетъ о пятачкѣ, чѣмъ о принципѣ, но, каковы бы ни были

*) О нѣсколькихъ подобныхъ фактахъ на электрической желѣзной дорогѣ, принадлежащей г. Гартману, дѣйствительно сообщалось въ мѣстныхъ газетахъ. Безпорядки на этихъ конкахъ вызвали даже вмѣшательство мѣстной губернской власти. *Прим. переводчика.*

его побужденія, надо признаться, что рѣчь его, призывавшая къ возмущенію противъ кондуктора, была горяча. Онъ довольно находчиво говорилъ и о принципѣ, и о лишнемъ пятачкѣ, и о наглости г. Гартмана, и о томъ, что кондукторы дерзки и нахальны, и призывалъ всѣхъ и каждаго не отступать и не платить ни одного пенни больше пятачка.

И доблестные нижегородцы (публика въ вагонѣ, сколько я могъ замѣтить, состояла изъ мѣстныхъ жителей), вспомнивъ, вѣроятно, знаменитаго нижегородца Минина, плохой памятникъ которому стоитъ въ городѣ, тутъ же дали слово не платить больше пятачка, а нѣкоторыя лэди даже высказали смѣлое мнѣніе, что не лучше ли и совсѣмъ ничего не платить, въ виду столь явной несправедливости, обнаруженной администраціей конокъ. Мужчины однако не согласились, объяснивъ, что даромъ все-таки ѣхать нельзя.

И когда кондукторъ, молодой человѣкъ довольно приглуповатаго вида, войдя въ вагонъ, сталъ требовать двойную плату, градъ восклицаній и ругательствъ встрѣтилъ его. Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Не заплатимъ. Убирайся вонъ!

— Получай пятачокъ.

— Это безобразіе... Произволъ!

— Черти! Грабители!

— Мы губернатору будемъ жаловаться!

— Николай Михайловичъ васъ, подлецовъ, подтянетъ. Онъ вамъ задастъ перцу!

— Велитъ всыпать, небось, станете шелковыми, — воскликнулъ какой-то господинъ въ формѣ отставного военнаго, возбуждая этимъ предложеніемъ «всыпки», послѣ которой, по мнѣнію русскихъ, люди дѣлаются дѣйствительно «шелковыми», сочувственный смѣхъ среди мятежниковъ.

Однимъ словомъ, Дженни, такъ-называемый «бунтъ» былъ въ полномъ разгарѣ. Напрасно кондукторъ ссылался на то, что онъ тутъ не при чемъ, что онъ маленькій человѣкъ, исполняющій приказанія контролера. Напрасно онъ подалъ совѣтъ обратиться съ протестомъ въ правленіе дороги. Его никто не слушалъ, и его продолжали бранить.

— Такъ вамъ, господа, не угодно платить?—спросилъ онъ.

— Угодно, но только пятачокъ...

Дзинь-дзинь, и трамвай остановился и вслѣдъ затѣмъ тихимъ ходомъ поползъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ мы сѣли.

— Это что же значитъ?—раздались безпокойные голоса.—Позвать сюда контролера! Г. контролеръ... Что это значитъ? Какъ смѣютъ не везти насъ?

Контролеръ, знавшій, вѣроятно, хорошо психологію русской публики, не смутился нисколько, выслушивая брань, и рѣзко и властно проговорилъ:

— Васъ не повезутъ. Вагонъ этотъ не пойдетъ!

И съ этими словами куда-то скрылся. Скрылись и кондукторъ съ машинистомъ.

Нѣкоторые пассажиры готовы были изъявить покорность, въ виду перспективы идти пѣшкомъ да еще въ гору. Улица была пустынная, и ни одного извозчика вблизи не было. Но джентльменъ, ставшій во главѣ возстанія, во-время остановилъ гражданъ, готовыхъ смириться, проговоривъ: «*они* только пугаютъ, *они* не посмѣютъ».

Однако прошло еще добрыхъ пять, десять минутъ, а трамвай, стоявшій на заднемъ пути, не двигался. Мимо насъ прошелъ другой трамвай, полный публики, возбуждая зависть. Снова раздались крики: «контролера сюда!»—сопровождаемые бранью. Но никто не являлся. Тогда какой-то пассажиръ вышелъ на площадку и крикнулъ во всю силу своихъ легкихъ такимъ голосомъ, будто его рѣзали:

— Городовой! Городовой... Го-ро-до-вой!

Этотъ отчаянный возгласъ остался безъ отвѣта. Ни одна полицейская душа не показывалась.

Прождали еще минутъ пять, и пассажиры стали выходить.

Тѣмъ бунтъ и кончился. Публика пошла пѣшкомъ, оглашая воздухъ ропотомъ, ругательствами и обѣщаніями жаловаться Николаю Михайловичу (такъ, Дженни, зовутъ популярнаго здѣсь губернатора).

Нѣкоторые пассажиры,—въ ихъ числѣ и я,—пересѣли въ другой вагонъ и заплатили по гривеннику.

Нѣкоторыя удобства избраннаго мною способа передвиженія нерѣдко, впрочемъ, осложнялись то долгими остановками на разъѣздахъ, то толчками, а раза два и неполными подъемами на элеваторѣ, вслѣдствіе его неисправности, то составленіями протоколовъ, если по близости находился представитель полицейской власти, что не всегда случалось. Но я не особенно тяготился всѣми этими приключеніями и задержками. Времени у меня было довольно, и я имѣлъ возможность ближе знакомиться и съ нравами русскихъ, и съ тою наглостью отношенія къ нимъ, за ихъ же деньги, частныхъ предпринимателей, которая проявлялась на каждомъ шагу и не въ однихъ только трамваяхъ. Могу тебя увѣрить, Дженни, что ни въ какой другой странѣ немыслимо что-либо подобное, а здѣсь каждый маленькій агентъ даже частнаго учрежденія считаетъ себя безотвѣтственнымъ распорядителемъ судебъ публики.

Я и въ прежнее пребываніе въ Россіи наблюдалъ подобные факты безцеремонности, съ одной стороны, и терпѣнія, съ другой, но теперь, мнѣ кажется, эти черты какъ будто обозначались еще рѣзче, и я рѣшительно недоумѣвалъ, стараясь понять причины такого явленія, пока одинъ русскій профессоръ исторіи, человѣкъ весьма почтенный, не уяснилъ мнѣ при помощи историческихъ фактовъ и обобщеній, что русскіе, какъ избранный народъ, которому предстоитъ въ не столь отдаленномъ времени великая будущность, еще съ незапамятныхъ

временъ, на зарѣ ихъ исторіи, отличались феноменальнымъ терпѣніемъ, выносливостью и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательною покорностью. Эти рѣдкія черты добродѣтели, присущія, по мнѣнію почтеннаго профессора, едва ли не исключительно славянскому племени, съ теченіемъ времени развивались и, такъ сказать, крѣпли. Такимъ образомъ причины безцеремоннаго, по мнѣнію иностранцевъ («а по-нашему патріархальнаго», вставилъ, улыбаясь, профессоръ), отношенія къ публикѣ со стороны частныхъ учрежденій и лицъ кроются въ общераспространенномъ патріархальномъ обычаѣ, основанномъ на христіанскомъ смиреніи.

Это разъясненіе не лишено было, пожалуй, правдоподобія и, казалось, подтверждалось фактами дѣйствительности, которые я наблюдалъ въ этой оригинальной и симпатичной странѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскіе, повидимому, такъ мало привыкли къ вниманію (и на желѣзныхъ дорогахъ, и на пароходахъ, и даже на публичныхъ гуляньяхъ, не говоря уже о другихъ учрежденіяхъ публичнаго характера), что малѣйшій намекъ на него съ чьей-либо стороны приводитъ уже ихъ въ трогательное умиленіе и въ совершенный восторгъ, и они спѣшатъ излить (иногда даже и съ излишнею расточительностью, хотя психологически весьма понятною) свои благородныя чувства къ такимъ болѣе или менѣе внимательнымъ людямъ и въ застольныхъ рѣчахъ, и печатно въ газетахъ, уже за то только, что какой-нибудь общественный дѣятель или какой-нибудь статскій совѣтникъ (это, Дженни, чинъ, соотвѣтствующій полковничьему и замѣчателенъ еще тѣмъ, что дѣятелей въ этомъ чинѣ и, разумѣется, въ чинахъ ниже русская печать безъ особеннаго риска можетъ не только хвалить, но при случаѣ и не вполнѣ одобрять. Оттого-то статскіе совѣтники здѣсь такъ жаждутъ производства въ слѣдующій чинъ, т. е. въ генералы)—достаточно знакомъ съ элементарными правилами вѣжливости и, при обращеніи къ нему по какому-нибудь дѣлу, спроситъ: «что вамъ угодно?» и даже попроситъ садиться вмѣсто того, чтобы крикнуть: «Ziz!»

Это непереводимое на нашъ языкъ, весьма употребительное здѣсь восклицаніе равносильно нашему слову: «молчать!» въ повелительномъ наклоненіи и, какъ болѣе лаконическое, производитъ несравненно большее впечатлѣніе, особенно если произносится съ тою отрывистостью и энергіей, съ какими ругаются наши англійскіе матросы. Обыкновенно джентльменъ, получившій такое «Ziz!», улепетываетъ со всѣхъ ногъ и нерѣдко въ ближайшую аптеку для пріема соотвѣтственнаго средства противъ разстройства желудка *).

*) Къ сожалѣнію, обыкновенно добросовѣстный въ своихъ наблюденіяхъ, знатный иностранецъ на этотъ разъ довольно легкомысленно сообщаетъ своей супругѣ свѣдѣнія, едва ли имъ провѣренныя и, по всей вѣроятности, полученныя изъ какого-нибудь сомнительнаго источника. Не говоря уже о

Въ особенной чувствительности русскихъ я имѣлъ случай убѣдиться еще вчера, приглашенный, въ качествѣ знатнаго иностранца, на торжественный обѣдъ, данный въ честь одного изъ дѣятелей выставки. Такіе обѣды въ честь кого-нибудь здѣсь бываютъ теперь каждый день, и я, Дженни, удостоился многихъ приглашеній и, полагаю, эти приглашенія были не безъ разсчета показать иностранцу, да еще англичанину, какъ чествуютъ русскіе люди своихъ начальствующихъ лицъ и какія говорятъ рѣчи. О вчерашнемъ обѣдѣ, послѣ котораго, кстати замѣчу, Дженни, у меня и до сихъ поръ болитъ голова, несмотря на выпитыя три бутылки содовой воды, сообщу въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ и передамъ теперь вкратцѣ содержаніе нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ рѣчей. Пока замѣчу только, что рѣчей говорилось множество и преимущественно восторженныхъ. Превозносили и виновника торжества, и всѣхъ болѣе или менѣе почтенныхъ гостей, присутствовавшихъ на обѣдѣ. Участвовавшихъ на немъ было до двухсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ былъ и небезызвѣстный въ своемъ родѣ предсѣдатель ярмарочнаго комптета, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей русской промышленности и ярый, конечно, протекціонистъ Савва Морозовъ. Объ этомъ крайне любопытномъ джентльменѣ, какъ характерномъ, выдающемся представителѣ нарождающейся русской буржуазіи, поговорю особо, а теперь, Дженни, давно пора ознакомить тебя съ выставкой.

Когда, купивъ входной билетъ и давно не дававшійся мнѣ въ руки офиціальный путеводитель, я вступилъ за турникетъ, мой глазъ, Дженни, былъ пріятно пораженъ довольно красивыми зданіями выставки и обширнымъ ея помѣщеніемъ. Но въ то же время я былъ изумленъ ея пустынностью. Дѣйствительно, она представляла собою въ нѣкоторомъ родѣ Сахару, среди которой тамъ и сямъ двигались человѣческія фигуры. Первое впечатлѣніе получается удручающее, особенно если сравнить многолюдство на европейскихъ выставкахъ, и невольно я вспомнилъ слова русскаго джентльмена въ Алупкѣ, утверждавшаго, что выставка предназначена не для тысячъ праздношатающихся, а для нѣсколькихъ десятковъ людей, желающихъ чему-нибудь поучиться.

Желая ориентироваться, я присѣлъ на скамейку и прежде всего занялся чтеніемъ путеводителя и изученіемъ плана, чтобы при ихъ

томъ, что почтенный лордъ преувеличилъ, впадая въ шаржъ, страхъ русскаго человѣка, вызванный будто бы восклицаніемъ: «Цыцъ!» —слѣдуетъ замѣтить, что самое это восклицаніе давно уже вышло изъ употребленія рѣшительно во всѣхъ вѣдомствахъ и, сообразно духу времени, замѣнилось болѣе деликатными и не столь лаконическими выраженіями отказа въ просьбахъ, если таковыя не имѣютъ законнаго основанія. Какъ видно, даже и доброжелательный къ намъ англичанинъ непрочь повѣрить всякой нелѣпости. *Прим. переводчика.*

помощи болѣе или менѣе систематически осматривать выставку. Это заняло добрый часъ-другой, и я сильно проголодался и возымѣлъ намѣреніе прежде всего пройти въ какой-нибудь ресторанъ.

Съ этою цѣлью я обратился къ одному изъ служителей при зданіи выставки и первымъ дѣломъ обратилъ вниманіе на костюмъ этого служителя, желая ознакомиться со старинными русскими костюмами, въ которые, по словамъ офиціальнаго путеводителя, одѣта прислуга при зданіяхъ выставки, «что еще болѣе усиливаетъ національно-русскій колоритъ выставки».

Я смотрѣлъ, Дженни, во всѣ глаза и былъ крайне пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что старинные русскіе костюмы совершенно походятъ на тѣ форменные сюртуки, въ какихъ ходятъ служители и курьеры всѣхъ вѣдомствъ (отличаясь, глядя по вѣдомствамъ, лишь цвѣтомъ кантовъ и обшлаговъ). Такую форму я много разъ видѣлъ въ Петербургѣ, гдѣ курьеры многочисленны и часто встрѣчаются на улицахъ съ туго набитыми портфелями своихъ начальниковъ, принужденныхъ, по множеству дѣлъ, работать и дома, и съ картонками и свертками изъ магазиновъ для супругъ тѣхъ лицъ, въ распоряженіи которыхъ есть курьеры, и наконецъ просто безъ портфелей и картонокъ, но зато съ необыкновенно серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ, свидѣтельствующимъ, что такой курьеръ имѣетъ секретное порученіе доставить изъ департамента отъ престарѣлаго директора, почувствовавшаго вторую молодость, или отъ вице-директора, обуреваемаго мятежными страстями, любовное письмо какой-нибудь «дамѣ сердца», тщательно скрываемой отъ супруги. Если вѣрить русскимъ чиновникамъ, — а они въ данномъ случаѣ несомнѣнно правдивы, — курьеры считаются лучшими по скромности Меркуріями въ такихъ деликатныхъ сношеніяхъ. И такъ какъ въ Россіи всѣ болѣе или менѣе значительныя лица работаютъ до переутомленія, гоняя курьеровъ по дѣламъ службы столь часто, сколько то возможно по ихъ числу, и въ возрастѣ за пятьдесятъ лѣтъ отличаются необыкновенною влюбчивостью (какъ лучшимъ отвлекающимъ средствомъ отъ усиленнаго умственнаго напряженія), а супруги ихъ, весьма склонныя къ расточительности, въ отместку часто посѣщаютъ магазины,—то весьма понятно, что курьеровъ требуется много, и въ бюджетахъ разныхъ вѣдомствъ расходъ на нихъ весьма значителенъ *).

Встрѣчая часто этихъ разносителей или, вѣрнѣе, развозителей (курьеры ѣздятъ, а не ходятъ) государственныхъ и семейныхъ тайнъ, я никогда и не подозрѣвалъ, что ихъ полувоенная, похожая на европейскую форма имѣетъ что-либо общее со старинной русской одеждой,

*) Опять приходится отмѣтить очевидный вздоръ. Мы его не выкидываемъ, чтобы показать, какъ даже и доброжелательные къ намъ иностранцы готовы сообщать всякія нелѣпости о нашемъ отечествѣ.

Прим. переводчика.

о которой я имѣлъ нѣкоторое понятіе по рисункамъ. Признаюсь, меня брало сомнѣніе. Но текстъ путеводителя былъ ясенъ *), и я долженъ былъ вѣрить. Впрочемъ, въ тотъ же день недоразумѣніе мое разсѣялось. Въ ресторанѣ «Эрмитажъ», куда я пошелъ завтракать, по указанію служителя въ старинномъ русскомъ костюмѣ, я встрѣтилъ стараго русскаго знакомаго, занимающаго какое-то мѣсто на выставкѣ въ комиссіи по устройству парка (котораго однако совсѣмъ нѣтъ) и получающаго приличныя суточныя. Вотъ этотъ-то джентльменъ, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и званіе генерала, веселый, жизнерадостный и беззаботный, по случаю полнаго бездѣлья при хорошемъ гонорарѣ, дающемъ возможность проводить весело время въ ресторанахъ, и подтвердилъ основательность моихъ сомнѣній относительно старинныхъ русскихъ костюмовъ, обязательно сообщивъ мнѣ, что сторожа одѣты въ современные костюмы, и что въ «Путеводителѣ» вкралась, какъ мой джентльменъ выразился, «маленькая ошибочка».

Подобныхъ «ошибочекъ», правда, не особенно важныхъ, я, впрочемъ, нашелъ нѣсколько и былъ удивленъ, что въ «Путеводителѣ», цѣль котораго—сообщать точныя и вѣрныя свѣдѣнія, не оговорены всѣ эти ошибки, если только онѣ были своевременно замѣчены редакціей этого, во многихъ отношеніяхъ, полезнаго и толково составленнаго изданія.

Благодаря именно одной изъ такихъ «ошибочекъ», я, напримѣръ, однажды совсѣмъ напрасно прогулялся на самый конецъ выставки, въ отдѣлъ «Домашнія животныя», и вовсе не для осмотра этого отдѣла, не представляющаго для меня интереса, а съ исключительною цѣлью полакомиться въ образцовой фермѣ кислымъ молокомъ.

Освѣдомившись предварительно въ «Путеводителѣ» о томъ, что въ названномъ павильонѣ «по фасаду тянется балконъ, на которомъ производится продажа молока, кумыса, кефира и *другихъ* молочныхъ продуктовъ», и найдя еще болѣе точныя указанія въ справочномъ отдѣлѣ «Путеводителя», въ которомъ, подъ рубрикою: «Рестораны и буфеты» значилось: «Продажа молока, варенцовъ, простокваши и пр.

---

*) Очевидно, знатный иностранецъ былъ введенъ въ заблужденіе «Путеводителемъ», въ которомъ на стр. 101, дѣйствительно, напечатано слѣдующее: «Прислуга при зданіяхъ выставки одѣта въ старинные русскіе костюмы, что еще болѣе усиливаетъ національно-русскій характеръ выставки». Привыкшій, какъ англичанинъ, безусловно вѣрить путеводителямъ, почтенный лордъ принялъ-было современную форму служителей министерства финансовъ за старинные русскіе костюмы. По всей вѣроятности, во время печатанія «Путеводителя» было предположеніе, для усиленія національнаго колорита, одѣть сторожей въ старинные русскіе костюмы. Предположеніе это не осуществилось, а ошибка въ «Путеводителѣ» не исправлена и, къ сожалѣнію, вѣроятно, ввела иностранныхъ посѣтителей выставки въ заблужденіе относительно русской старинной одежды.

Прим. переводчика.

въ павильонѣ III отдѣла»,—я и отправился въ названный павильонъ, предвкушая удовольствіе въ этотъ адски-жаркій день поѣсть безвреднаго прохладительнаго кушанья. Но на просьбу мою дать простокваши я получилъ отвѣтъ, что простокваши не имѣется *).

— Вышла вся?

— Совсѣмъ не имѣется.

Я освѣдомился о варенцѣ, весьма вкусномъ кушаньѣ изъ топленыхъ сливокъ, но оказалось, что и варенца не приготовляли.

— Но какъ же? Въ «Путеводителѣ» сказано...

Подростокъ-дѣвушка, прислуживающая въ числѣ многихъ такихъ же подростковъ, въ которой я нѣсколько наивно обратился съ этимъ вопросомъ, могла только вмѣсто отвѣта взглянуть на меня недоумѣвающе-растерянным взглядомъ и затѣмъ предложила выпить молока.

Я согласился и, признаться, раскаялся,—до того невкусно было это жидкое снятое молоко, совсѣмъ, казалось, не соотвѣтствующее образцовому молочному хозяйству да еще на всероссійской выставкѣ. А потребленіе молока, повидимому, было большое. Публика, преимущественно учащіеся молодые люди, наполняла балконъ, многіе ждали очереди. И цѣна за небольшой стаканъ скверного молока была далеко не маленькая: брали 7 коп. и за каждый маленькій кусокъ чернаго хлѣба одну копейку. Если принять въ соображеніе, что въ большихъ городахъ цѣна бутылки цѣльнаго молока десять копеекъ, то слѣдуетъ придти къ выводу, что устроители этой продажи назначили безобразно высокую цѣну.

Однако я опять отвлекся. Возвращаюсь въ ресторанъ, гдѣ я нашелъ насилу мѣсто, и то благодаря встрѣчѣ съ джентльменомъ, состоящимъ членомъ комиссіи несуществующаго парка, который предложилъ мнѣ сѣсть за его столикъ. Онъ уже позавтракалъ и допивалъ вторую бутылку краснаго вина.

Если выставка казалась безлюдной, то ресторанъ, напротивъ, былъ набитъ биткомъ. Ресторанъ этотъ—отдѣленіе извѣстнаго московскаго трактира «Эрмитажъ», гдѣ москвичи обыкновенно устраиваютъ юбилейные обѣды и ужины, на которыхъ говорятъ безчисленныя рѣчи, восхваляющія добродѣтели и заслуги какъ юбиляровъ, такъ и всѣхъ присутствующихъ. И такъ какъ поѣсть и выпить въ Москвѣ охотниковъ много, то на такихъ фестиваляхъ количество рѣчей равно коли-

---

*) Придирчивость англичанина явно бросается въ глаза. Положимъ, досадно, что недосмотры въ «Путеводителѣ» даютъ поводъ знатному иностранцу указывать на нашу небрежность, но вѣдь почтенный лордъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ отечественныхъ «пессимистовъ печати», которые, по выраженію одного изъ заправилъ выставки, «указываютъ на одно дурное, умалчивая о хорошемъ».

Прим. переводчика.

честву участниковъ, изъ чего ты можешь догадаться, Дженни, какъ долго тянутся юбилейные банкеты.

Въ выставочномъ ресторанѣ было шумно и весело. Видимо, это былъ самый посѣщаемый «отдѣлъ» на выставкѣ, и дѣла его процвѣтали тѣмъ болѣе, что «Эрмитажъ», какъ и нѣкоторые другіе рестораны на выставкѣ, получилъ крупную субсидію отъ правительства.

— Какое впечатлѣніе произвела на васъ выставка, милордъ? — спрашивалъ меня русскій джентльменъ, потребовавъ (вѣроятно, по случаю неожиданной встрѣчи со мной) третью бутылку.

Я поспѣшилъ отвѣтить, что только-что пріѣхалъ и видѣлъ — и то мимолетно—лишь часть выставочныхъ зданій.

— Но все-таки... Ваше первое впечатлѣніе отъ общаго ея вида?— настаивалъ, и довольно упорно, джентльменъ, словно бы не замѣчая моего нежеланія распространяться объ этомъ предметѣ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, Дженни, что въ Россіи люди до крайности любопытны и нисколько не стѣсняются при первомъ же знакомствѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ разспрашивать васъ обо всемъ, что придетъ имъ въ голову, хотя бы даже о семейныхъ дѣлахъ и объ имущественномъ вашемъ положеніи... Эта форма бесѣды называется здѣсь «разговоромъ по душѣ».

Такъ какъ я все-таки затруднялся отвѣтить сколько-нибудь опредѣленно на вопросъ моего собесѣдника, то онъ, видимо, почему-то желавшій вызвать меня на откровенность, счелъ долгомъ, во-первыхъ, приказать лакею принести мнѣ скорѣе водки и икры на закуску, потомъ, когда я выпилъ рюмку, налилъ мнѣ стаканъ вина и затѣмъ сталъ объяснять, предварительно выцѣдивъ и самъ стаканъ бодро, что хотя онъ, мистеръ Schielopaeff, и самъ одинъ изъ дѣятелей выставки (подъ его наблюденіемъ посажено до 50.000 деревьевъ, хотя парка все-таки не вышло. «Отчаянная почва, милордъ!»), тѣмъ не менѣе онъ вовсе не «квасной» патріотъ.

Въ поясненіе этого выраженія, замѣчу тебѣ, Дженни, что здѣсь «квасными», то-есть наиболѣе доброкачественными патріотами называются такіе джентльмены, которые считаютъ вмѣстѣ съ отвратительнымъ, на мой вкусъ, пойломъ, называемымъ «kwass», все русское—нравы, учрежденія, порядки и т. п.—лучшимъ въ подлунной.

Онъ не идетъ такъ далеко въ своемъ патріотизмѣ и, подобно многимъ своимъ коллегамъ, не считаетъ людей, не восторгающихся безусловно выставкой, государственными измѣнниками. О, онъ совсѣмъ не таковъ. Онъ не прочь критически отнестись и къ своему отечественному.

И съ большимъ оживленіемъ джентльменъ продолжалъ убѣждать меня, что онъ не сочувствуетъ какому-то для меня неизвѣстному дѣйствительному статскому шарлатану Безшабашному. О, онъ совсѣмъ не таковъ, самъ мистеръ Schielopaeff... Онъ недаромъ окончилъ курсъ

въ кавалерійскомъ училищѣ и, выйдя затѣмъ изъ военной службы, пріобрѣлъ много спеціальныхъ свѣдѣній,—и отлично понимаетъ, слава Богу, что люди могутъ быть различныхъ мнѣній, хотя бы и съ начальствомъ, какъ это ни прискорбно. Онъ только состоитъ по министерству и не занимаетъ значительнаго поста,—продолжалъ мой знакомый съ конфиденціально-грустною усмѣшкой,—но онъ можетъ поклясться, что если-бъ онъ былъ министромъ, то, разумѣется, открылъ бы широкіе пути гласности... Онъ былъ бы терпимъ и не считалъ бы себя непогрѣшимымъ...

Однимъ словомъ, названный джентльменъ говорилъ такъ краснорѣчиво и высказывалъ такія здравыя сужденія, какія имѣютъ обыкновеніе расточать здѣсь—и подчасъ съ неумѣренною щедростью — господа чиновники не у дѣлъ или состоящіе членами, какъ мистеръ Schieloaelf (ужасно трудныя эти русскія фамиліи!), комиссій по устройству парковъ или ватерклозетовъ, — комиссій, обыкновенно засѣдающихъ цѣлыя десятилѣтія безъ осязательныхъ результатовъ (а какъ бы нѣкоторыя изъ нихъ были полезны для благоустройства русскихъ жилищъ!), до той поры, пока не получаютъ болѣе отвѣтственныхъ должностей, когда вслѣдствіе многочисленности занятій совершенно забываютъ то, что̀ раньше говорили.

Въ заключеніе своей рѣчи мой собесѣдникъ прибавилъ:

— Такъ ужъ вы, милордъ, сдѣлайте одолженіе, отвѣтьте на мой вопросъ и, ради ложной деликатности, не стѣсняйтесь высказаться откровенно о вашемъ первомъ впечатлѣніи... Вѣдь такъ интересно услышать мнѣніе такого просвѣщеннаго иностранца... Интересно и поучительно, милордъ! Какъ бы ни горька была правда, а она все-таки лучше лжи... А у насъ, къ сожалѣнію, правды не услышишь. Газетные корреспонденты врутъ во всю, милордъ, выхваливая выставку. Ну, ихъ положеніе къ тому обязываетъ. Каждому хочется достигнуть тѣхъ успѣховъ, какіе выпали на долю одного изъ ихъ коллегъ, г. Амфитеатрова... Онъ и комиссаръ, и завѣдующій бюро печати на выставкѣ, онъ, если вѣрить его корреспонденціямъ, былъ очень друженъ съ покойнымъ г. Кази и часто видѣлся съ В. И. Ковалевскимъ. Такъ каково ваше первое впечатлѣніе? И — извините еще за вопросъ, милордъ, — не думаете ли вы описывать выставку въ англійскихъ газетахъ? — неожиданно задалъ вопросъ членъ комиссіи по устройству парка.

Несмотря на всѣ эти любезности, я, Дженни, не уподобился простоватому окуню и не попался на удочку, такъ какъ достаточно знакомъ съ этой добродушной на видъ простотой русскихъ, подъ которою часто скрывается азіатское коварство. Зналъ я также, какъ значительно приподнятъ въ послѣднее время ихъ патріотизмъ, и притомъ понимаемый въ очень своеобразномъ духѣ. Небезызвѣстно мнѣ было (и изъ личныхъ наблюденій и изъ знакомства съ русскою печатью) и нѣ-

сколько курьезное—выражаясь мягко—отношеніе русскихъ чиновниковъ къ чужимъ мнѣніямъ, если только они не согласны съ ихъ собственными,—отношеніе, еще вчера довольно наглядно сказавшееся въ застольной рѣчи одного общественнаго крупнаго дѣятеля.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и вдобавокъ принявъ въ соображеніе, что допрашивавшій меня джентльменъ уже опорожнилъ двѣ бутылки и опорожнивалъ третью,—а у русскихъ, прошу это замѣтить, Дженни, возрастаніе и экспансивность патріотическихъ чувствъ прямо пропорціональны количеству поглощенныхъ спиртныхъ напитковъ, чѣмъ и объясняются усиленно-патріотическія рѣчи за торжественными обѣдами,—я, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, снова повторилъ, что никакихъ впечатлѣній получить не могъ, такъ какъ еще совсѣмъ не видалъ выставки.

По счастью, въ эту минуту къ моему любопытному джентльмену подсѣлъ какой-то господинъ и сталъ горячо жаловаться на формализмъ выставочнаго управленія. Онъ, этотъ господинъ, бывшій, судя по его жалобамъ, экспонентомъ, разсказывалъ длинную и небезынтересную исторію о входныхъ безплатныхъ экспонентскихъ билетахъ, которая казалась мнѣ сказкой,—до того она была смѣшна. Я сообщу тебѣ, Дженни, эту «билетную исторію», невѣроятную по своей нелѣпости, провѣривъ свѣдѣнія экспонента другими источниками, а теперь спѣшу оканчивать письмо, такъ какъ я сегодня ѣду на обѣдъ.

Соблазнилъ меня все тотъ же генералъ Schieloraeff. Прощаясь со мной, когда я окончилъ завтракъ, онъ подалъ мнѣ совѣтъ, во-первыхъ, первымъ дѣломъ идти смотрѣть ученаго моржа, объяснивъ, что этотъ моржъ положительно «гвоздь» выставки, и что всѣ, какъ знатные, такъ и не знатные посѣтители обязательно дѣлаютъ ему визитъ и уходятъ отъ него восхищенные.

— Непремѣнно посмотрите моржа, милордъ! Онъ въ павильонѣ крайняго сѣвера, напротивъ ресторана. Это нѣчто прелюбопытное: говорящій моржъ!—говорилъ не безъ пафоса джентльменъ со значкомъ члена выставочной администраціи.

И затѣмъ, пожимая мнѣ руку, неожиданно спросилъ:

— Мы, конечно, сегодня увидимся. Вѣдь вы будете на обѣдѣ?

— На какомъ?

— Да въ честь этого Безшабашнаго... Двадцать рублей съ персоны, но зато будетъ обѣдъ, я вамъ скажу!.. Развѣ вы, какъ знатный иностранецъ, не получили приглашенія?

— Кажется, получилъ. Ихъ такъ много, этихъ обѣдовъ, у васъ.

— На этомъ непремѣнно вамъ слѣдуетъ быть, милордъ. Покушаете хорошо, услышите прочувствованную рѣчь Кузьмы Мордоплюева о значеніи купечества въ настоящее время.

Я полюбопытствовалъ узнать, кто это такой г. Кузьма Мордоплюевъ

(ахъ, что за невозможныя фамиліи, Дженни, у русскихъ и какъ трудно ихъ произносить!).

Мой знакомый даже удивился, что я не слыхалъ этого имени, и поспѣшилъ объяснить мнѣ, что Кузьма Мордоплюевъ — одинъ изъ «столповъ» русской промышленности. Онъ фабрикантъ и милліонеръ, извѣстный не менѣе самого Саввы Морозова и тоже изъ образованныхъ (что считается, прибавлю я отъ себя, Дженни, большою рѣдкостью между представителями русскаго купечества): окончилъ университетъ, путешествовалъ по Европѣ, говоритъ на трехъ языкахъ и одѣвается, какъ парижскій пшютъ.

— Я познакомлю васъ съ нимъ... Преинтересный экземпляръ, я вамъ доложу, и воображаетъ себя государственнымъ человѣкомъ. Мечтаетъ, кажется, быть министромъ торговли, если будетъ у насъ такое министерство. Такъ будете, милордъ, и садимся рядомъ? Я займу рядомъ мѣста и буду вашимъ чичероне.

Я согласился, Дженни, и пошелъ осматривать выставку, начавъ осмотръ, по совѣту русскаго чиновника, съ ученаго моржа.

Дѣйствительно, онъ могъ считаться «гвоздемъ» выставки и служить въ нѣкоторомъ родѣ указателемъ, что особенно нравится посѣтителямъ выставки.

Дѣйствительно, вокругъ бассейна, въ которомъ находился моржъ, тоскливо поглядывавшій своими большими грустными глазами и словно бы жалующійся на администрацію выставки за то, что его держатъ въ грязной и мутной водѣ, обрекая неминуемой смерти, которой уже подверглись нѣсколько его товарищей,—толпилась публика, прилично одѣтая и въ такомъ, относительно, большомъ количествѣ, какого я не видалъ потомъ ни въ одномъ отдѣлѣ. Ожидали представленія, которое вскорѣ и началось и заключалось въ слѣдующемъ:

Явился нѣкій господинъ,—говорили, что нѣмецъ,—состоящій при моржѣ въ качествѣ надсмотрщика и гувернера, и, пробравшись черезъ толпу къ краю бассейна, крикнулъ животному по-русски, съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ:

— А ну-ка, «голубчикъ», перевернись!

Умное животное тотчасъ же перевернулось.

— Еще перевернись!—командовалъ гувернеръ.

И моржъ покорно опять перевернулся и не спускалъ грустнаго своего взгляда съ гувернера, словно бы ожидая новаго приглашенія перевернуться.

Нечего и говорить, что столь послушливое поведеніе животнаго вызвало общія одобренія, и кто-то изъ публики даже восторженно крикнулъ:

— Ай-да молодчина! Видно, что русскій моржъ... Ловко перевертывается! Ура!

Однако патріотическій возгласъ не былъ поддержанъ въ видѣ нѣ-

сколько пьянаго голоса восторженнаго зрителя. Раздался только сдержанный смѣхъ и кое-какія замѣчанія аллегорическаго, казалось, характера. Однимъ изъ таковыхъ, повидимому, было и слѣдующее замѣчаніе стоявшаго подлѣ меня джентльмена, обращенное къ бывшей съ нимъ дамѣ и произнесенное съ веселой усмѣшкой:

— Этотъ моржъ, въ самомъ дѣлѣ, забавенъ. Переворачивается не хуже нашихъ чиновниковъ и корреспондентовъ!

Эти не вполнѣ понятныя для меня слова относительно переворачиванія господъ чиновниковъ и корреспондентовъ, признаюсь, Дженни, заинтересовали меня настолько, что я позволилъ себѣ обратиться къ молодому джентльмену съ просьбой разъяснить это выраженіе, предваривъ, что я, какъ иностранецъ, не вполнѣ понимаю его.

Молодой человѣкъ оглядѣлъ меня довольно подозрительнымъ и суровымъ взглядомъ, готовый, казалось, видѣть во мнѣ весьма хитрую бестію, прикинувшуюся иностранцемъ. Особенно долго разсматривалъ онъ мое пальто и наконецъ, убѣдившись, повидимому, что оно темнаго, а не гороховаго цвѣта, отвѣтилъ, однако не особенно любезно, что онъ не привыкъ входить въ объясненія съ незнакомыми людьми, да еще въ публичныхъ мѣстахъ, и тотчасъ же отошелъ вмѣстѣ со своей дамой подальше отъ меня и скрылся въ толпѣ, словно бы находя мое сосѣдство для себя непріятнымъ.

Въ поясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ замѣтить, дабы ты не подумала, Дженни, что твой супругъ пугаетъ публику своимъ видомъ, что русскіе интеллигентные люди, въ возрастѣ отъ 14 до 70 лѣтъ, обнаруживаютъ боязливую недовѣрчивость (младенцы и дряхлые старики въ этомъ отношеніи менѣе повинны) относительно незнакомыхъ джентльменовъ вообще и относительно одѣтыхъ въ пальто гороховаго цвѣта въ особенности. Вотъ почему здѣсь въ публичныхъ мѣстахъ, на гуляньяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ театрахъ, въ ресторанахъ люди обыкновенно косятся другъ на друга и, незнакомые между собой, никогда не заговорятъ, какъ у насъ, напримѣръ, и особенно на темы, имѣющія какое-либо, хотя и отдаленное отношеніе къ внутренней политикѣ. Объясняется эта боязнь, если вѣрить словамъ многихъ почтенныхъ русскихъ джентльменовъ, во-первыхъ, непривычкой, застѣнчивостью и полнымъ отсутствіемъ практики русскихъ говорить внѣ дома, и во-вторыхъ, скромностью, заставляющей опасаться, какъ бы любознательные джентльмены, имѣющіе вмѣсто формы гороховое пальто, не сообщили въ газеты, а то и куда-нибудь въ другое мѣсто, содержаніе подслушанныхъ рѣчей, и чего добраго—еще въ извращенномъ видѣ.

Не ручаюсь вполнѣ за вѣрность этого объясненія, но могу только увѣрить тебя, Дженни, въ томъ, что заговаривать здѣсь съ незнакомыми людьми не принято, и я былъ нѣсколько смущенъ, что забылъ объ этомъ и, быть-можетъ, напугалъ молодого джентльмена совершенно напрасно.

Между тѣмъ представленіе продолжалось. Послѣ того, какъ моржъ нѣсколько разъ по командѣ перевернулся къ общему удовольствію присутствующихъ, гувернеръ обратился къ нему съ просьбой сказать: «благодарю». И вслѣдъ за этою просьбой, имѣвшей, впрочемъ, болѣе характеръ приказанія, животное раскрыло ротъ и промычало довольно членораздѣльно нѣкоторые звуки, которые при нѣкоторомъ воображеніи можно было принять за слово: «благодарю!»

Восторгъ публики былъ неописуемый. Раздались оглушительныя рукоплесканія, и вслѣдъ затѣмъ моржъ еще разъ, другой и третій промычалъ то же слово.

— А другихъ словъ онъ не умѣетъ?—спрашивалъ кто-то изъ публики.

Находчивый гувернеръ отвѣчалъ, что моржъ, какъ добрый русскій обыватель, умѣетъ только благодарить и ничего болѣе, и этотъ отвѣтъ вызвалъ, въ свою очередь, восторги уже по адресу нѣмца. Какой-то купецъ въ патріотическомъ одушевленіи, значительно, впрочемъ, приподнятомъ, судя по слишкомъ красному лицу и нетвердой походкѣ, спиртными напитками, рѣшительно подошелъ къ гувернеру и, облобызавъ его и вручивъ сторублевую бумажку, воскликнулъ:

— Получай, нѣмчура! Уважилъ моржемъ. Онъ настоящій патріотъ, какъ и всѣ мы, русскіе люди. Давай, я моржа поцѣлую!

И съ этими словами нетвердый на ногахъ купецъ хотѣлъ-было лѣзть въ бассейнъ цѣловать моржа, но такъ какъ его отъ этого патріотическаго поступка удержали, то онъ, подражая моржу, закричалъ, обращаясь къ нему:

— Бла-дарю, бла-дарю, бла-дарю!

Замѣчательно экспансивны, Дженни, русскіе въ изъявленіи патріотическихъ восторговъ!

Однако письмо и безъ того вышло длиннымъ, а мнѣ пора надѣвать фракъ и ѣхать на обѣдъ въ честь Безшабашнаго. До слѣдующихъ писемъ. Обнимаю тебя, и да хранитъ тебя Богъ; дорогая Дженни.

Письмо восемьдесятъ девятое.

Дорогая Дженни!

Не исполняю своего обѣщенія описать тебѣ подробно торжественный обѣдъ, на которомъ я вчера имѣлъ честь присутствовать, такъ какъ, во-первыхъ, сознаю, что мое описаніе будетъ слабо и недостаточно прочувствовано, и, кромѣ того, долженъ признаться, что, несмотря на крѣпость моего здоровья, позволяющую безъ риска для достоинства джентльмена выпить немалое количество спиртныхъ напитковъ, я все-таки не оказался на высотѣ вмѣняемаго положенія и многое, что было послѣ жаркого, припоминаю весьма смутно, и—прости, Дженни—съ точностью не могу даже сказать, когда я вернулся домой и кто именно меня привезъ въ гостиницу.

Смутно, впрочемъ, помню, что привезъ меня—и, кажется, въ ко-

лякѣ—одинъ изъ присутствующихъ на обѣдѣ, высокій, видный джентльменъ съ роскошною черною бородой, тоже, смѣю думать, не вязавшій, какъ здѣсь говорятъ, лыка, который называлъ себя то виконтомъ, то корреспондентомъ самой распространенной газеты, то директоромъ какого-то банка, то экспонентомъ, то не безъ хвастливости говорилъ, что онъ «prokwost», то-есть имѣетъ, по его словамъ, почетное званіе, соотвѣтствующее нашему знанію лорда-провоста (разница только въ одной буквѣ), и при этомъ хохоталъ, какъ безумный. Помню съ тою же смутностью, что джентльменъ бранилъ англичанъ за то, что они торгаши, забывшіе совѣсть, и имѣютъ дурацкій парламентъ, въ которомъ нѣсколько сотъ человѣкъ говорятъ глупости, но однако, въ лицѣ моемъ, и похвалилъ англичанъ, отдавая справедливость, что я не дуракъ выпить и въ этомъ отношеніи не хуже русскаго. Затѣмъ припоминается мнѣ, что, когда мы ѣхали по мосту, названный джентльменъ настойчиво требовалъ отъ меня немедленно заключенія союза, признанія своего отечества первенствующею державою, уступки Константинополя и выдачи его величества турецкаго султана Абдулъ-Гамида, при чемъ выражалъ довольно странное даже и для совершенно пьянаго человѣка намѣреніе назначить турецкаго султана исправникомъ или полицеймейстеромъ, и грозилъ, въ случаѣ неисполненія всѣхъ этихъ требованій, отнять у насъ Индію, а меня, Дженни, высадить изъ коляски и затѣмъ выкупать въ Окѣ.

— Небось у васъ такой штуки цѣлый парламентъ не придумаетъ, а у насъ, братъ, каждый умный патріотъ это сдѣлаетъ!— прибавилъ, смѣясь, джентльменъ.

Надо полагать, что этотъ ультиматумъ, сопровождаемый притомъ окрикомъ кучеру остановиться, чтобы топить англичанина, который бунтуетъ противъ Россіи, отрезвилъ меня на нѣсколько мгновеній. Въ головѣ моей блеснула мысль о томъ, что русскіе въ пьяномъ видѣ совершаютъ воистину героическіе подвиги, и, взглянувъ на джентльмена, я не безъ страха попялъ, что онъ готовъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, да и кучеръ, добродушно скалившій зубы, обернувшись къ намъ, повидимому, ничего не имѣлъ противъ такого намѣренія и только заявилъ, что меньше какъ рубль на чай онъ не возьметъ, чтобъ «уважить», какъ онъ выразился, хорошаго барина, при чемъ прибавилъ, что вчера тоже топили купца и за это дали три рубля. И я, Дженни, малодушно принялъ всѣ условія: призналъ Россію первенствующею державою, отдалъ ей Константинополь и, разумѣется, выразилъ немедленное согласіе и на новое требованіе пьянаго джентльмена назначить губернаторомъ въ Константинополь корреспондента Амфитеатрова, а полицеймейстеромъ въ Нижній султана, не оспаривая и мотивовъ этихъ назначеній, а именно: въ первомъ случаѣ для поощренія печати, а во второмъ—чтобы почтить нижегородцевъ и сдѣлать ихъ окончательно счастливыми.

Что я малодушно на все это согласился, думаю на томъ основаніи, что джентльменъ вмѣсто того, чтобы съ помощью кучера исполнить свою, какъ онъ скромно выразился, «штуку», то-есть бросить въ Оку, заключилъ меня въ свои объятія и сталъ цѣловать, охотно признавая на этотъ разъ англичанъ первою націей послѣ русскихъ. При этомъ онъ кричалъ «ура», обѣщалъ посѣтить Англію и приказалъ продолжать путь, что, казалось, нѣсколько изумило и опечалило кучера, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ.

Что было затѣмъ, заѣзжали ли мы куда-нибудь, пили ли что-нибудь по случаю заключенія союза, я, по совѣсти, не помню. Знаю только, что сегодня я проснулся въ своемъ номерѣ поздно, съ адскою головною болью, и не безъ смущенія увидалъ, что спалъ во фракѣ. Припомнивъ, насколько было возможно, вчерашнія обстоятельства и разнообразіе званій провожавшаго меня джентльмена, я первымъ дѣломъ, Дженни, хватился за бумажникъ и за часы. По счастію, часы были на мѣстѣ и въ бумажникѣ все цѣло, а мнѣ стало совѣстно за свои подозрѣнія, вызванныя, впрочемъ, нѣсколько странымъ поведеніемъ неизвѣстнаго мнѣ джентльмена.

Причина такого состоянія, въ какомъ я былъ вчера и въ какомъ многіе русскіе бываютъ ежедневно послѣ торжественныхъ обѣдовъ, кроется главнымъ образомъ въ здѣшнемъ обычаѣ пить передъ обѣдомъ водку и нерѣдко разныхъ сортовъ, заѣдая вкусною и разнообразною закуской, которой обыкновенно бываетъ уставленъ закусочный столъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что необходимо чокаться со знакомыми, и что выпить пять рюмокъ считается обязательнымъ, по крайней мѣрѣ для джентльмена, не желающаго быть обвиненнымъ въ недостаткѣ патріотизма (водка, Дженни, русскаго производства). Многіе, преимущественно болѣе молодые джентльмены пьютъ по десяти рюмокъ и даже болѣе. Дѣлаютъ это они, во-первыхъ, для того, чтобы хотя отчасти вознаградить себя за вычетъ и часто довольно чувствительный (два съ половиной фунта, напримѣръ) изъ жалованья на обѣдъ въ честь патрона или какого-нибудь выдающагося общественнаго дѣятеля, и, во-вторыхъ, для того, чтобы, какъ здѣсь говорятъ, «заложивъ» фундаментъ въ количествѣ десяти рюмокъ, не испытывать робкаго смущенія отъ присутствія юбиляровъ и почетныхъ гостей и любоваться милыми чертами лицъ безъ невольнаго трепета, а, напротивъ, съ переполненнымъ чувствами сердцемъ.

Нечего и прибавлять, что участіе въ чествованіи начальствующихъ лицъ ни для кого не обязательно, а слѣдовательно и вычетъ не имѣетъ принудительнаго характера. Но такъ какъ русскіе, къ большой чести ихъ, весьма почитаютъ своихъ патроновъ, то почти никогда не отказываются отъ предложенія принять участіе въ обѣдахъ и, въ иные урожайные на разныя юбилейныя торжества мѣсяцы, многіе незначительные чиновники, случается, не получаютъ ни пенни жалованья,

полностью удерживаемаго господами казначеями на разныя чествованія, юбилейныя подношенія, встрѣчи и проводы.

Такимъ образомъ обычай накачиваться водкой передъ обѣдомъ, при всей своей привлекательности, какъ быстраго средства для подъема духа еще до начала обѣда, является въ то же время, къ сожалѣнію, и источникомъ другихъ, болѣе гибельныхъ послѣдствій, такъ какъ заранѣе и неодолимо уже предрасполагаетъ къ самому фамильярному обращенію съ хересомъ, мадерой, портвейномъ и другими винами за обѣдомъ. Если ко всему этому прибавить, что безчисленные тосты, сопровождаемые шампанскимъ, начались со второго блюда,—по случаю большого количества почетныхъ гостей и обилія, какъ оказалось, заслугъ виновника торжества,—и продолжались въ теченіе обѣда вплоть до того времени, когда, по стереотипному выраженію современныхъ газетныхъ отчетовъ, «среди присутствующихъ идетъ непринужденная и оживленная дружеская бесѣда», то-есть, переводя на настоящій языкъ, когда пьютъ уже безъ тостовъ, не отличая коньяка отъ шампанскаго и портера отъ ликера, и когда всѣ, потерявши способность излагать мысли, выражаютъ лишь восторженныя чувства болѣе или менѣе членораздѣльными звуками,—если, говорю, все это принять во вниманіе, то не трудно представить себѣ, въ какомъ видѣ разъѣзжаются послѣ «дружеской бесѣды» съ обѣдовъ, и легко понять, что даже такому крѣпкому человѣку, какъ я, трудно было устоять противъ совокупности всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ. Наконецъ не забудь, Дженни, что мнѣ, какъ иностранцу, просто-таки было бы неприлично не пить за здоровье и благоденствіе тѣхъ почтенныхъ лицъ, какъ бы ни велико было ихъ количество, въ честь которыхъ всѣ пили.

Вотъ, Дженни, смягчающія обстоятельства, которыя объясняютъ, почему я не совсѣмъ ясно помню застольныя рѣчи и очень смутно какъ характеръ дружеской бесѣды, такъ и все то, что произошло послѣ нея, когда мы всѣ съ почетными гостями во главѣ отправились въ кафе-шантанъ Омона—учрежденіе на ярмаркѣ, кстати сказать, несравненно охотнѣе посѣщаемое публикой, чѣмъ выставка. Тѣ же обстоятельства заставляютъ меня вмѣсто своего описанія послать тебѣ въ переводѣ отчетъ объ обѣдѣ, напечатанный въ одной изъ газетъ.

Изъ этого основательнаго отчета ты познакомишься вполнѣ какъ съ настроеніемъ присутствовавшихъ, такъ и съ замѣчательными рѣчами, и убѣдишься, какіе значительные успѣхи сдѣланы въ послѣднее время русскими въ ораторскомъ искусствѣ и въ выборѣ темъ для рѣчей. Наконецъ уже самый тотъ фактъ, что газетные репортеры допускаются нынче на банкеты и записываютъ рѣчи начальствующихъ лицъ для напечатанія въ газетахъ, свидѣтельствуетъ о тѣхъ преимуществахъ, какихъ достигла русская пресса.

Отмѣчу еще одно обстоятельство, тоже говорящее въ пользу культурныхъ успѣховъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ прежнія времена чествованія и пиршества въ честь наиболѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей хотя и бывали нерѣдки, особенно въ провинціальныхъ городахъ (напримѣръ, при прощаніи съ начальникомъ, который не особенно надоѣдалъ гражданамъ, или при назначеніи новаго, въ видахъ его умилостивленія), но все-таки не безпрерывны, какъ теперь (въ Нижнемъ за это время даются обѣды въ честь кого-нибудь ежедневно), и далеко не имѣли, если такъ можно выразиться, характера игривости и, въ то же время, нѣкоторой откровенной вразумительности, а исключительно семейный и даже идиллическій, символизующій, съ одной стороны, выраженіе сердечныхъ чувствъ не въ длинныхъ диѳирамбахъ, составляемыхъ часто при помощи ученыхъ и литераторовъ, а иногда даже и поэтовъ, а въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ: «мы тебя любимъ сердечно, будь намъ начальникомъ вѣчно». Этими словами и довольствовались, не вдаваясь, какъ теперь, ни въ исторію, ни въ статистику, ни въ промышленность, ни въ торговлю. Въ свою очередь и виновники торжествъ ограничивались лаконическимъ выраженіемъ благодарности за чувства, въ которыхъ, разумѣется, и не сомнѣвались, и многократно повторяли одно лишь слово: «благодарю», которое произноситъ и ученый моржъ на выставкѣ, и, не увлекаясь въ сферу политики или оцѣнки своей собственной дѣятельности, частенько-таки засыпали къ жаркому, такъ какъ и возрастъ чествуемыхъ въ тѣ времена лицъ былъ обыкновенно тотъ преклонный (между шестьюдесятью и восемьюдесятью годами), когда нельзя уже ни много говорить, ни много слушать, ни много выпить.

Какъ бы для сравненія съ тѣмъ, что ты прочтешь въ газетномъ описаніи, въ памяти моей возстаетъ одинъ изъ юбилейныхъ обѣдовъ въ Петербургѣ, на которомъ я имѣлъ честь присутствовать десять лѣтъ тому назадъ. Чествовали одного почтеннаго старца, который непрерывно безропотно просидѣлъ ровно пятьдесятъ лѣтъ на одномъ и томъ же креслѣ (обивка, впрочемъ, мѣнялась) и одинъ только разъ въ теченіе полувѣковой своей службы не безъ грусти принужденъ былъ на два мѣсяца оставить это кресло и уѣхать въ отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія и получивъ подъемныя,—такъ называется, Дженни, денежная выдача, имѣющая назначеніе поднять человѣка съ мѣста,—для излѣченія ischias'a, болѣзни сѣдалищнаго нерва, полученнаго имъ отъ продолжительнаго сидѣнія.

Нечего и говорить, что подобный рѣдкій примѣръ пятидесятилѣтняго сидѣнія на одномъ и томъ же креслѣ (кресло это, довольно старенькое, стояло въ залѣ, гдѣ происходило торжество), по справедливости заслуживало чествованія, и на обѣдъ собралось немало лицъ,—сослуживцевъ, подчиненныхъ, друзей и знакомыхъ,—желавшихъ почтить юбиляра. Его ввели подъ руки,—до того онъ былъ старъ и, быть-можетъ, взволнованъ,—два его сверстника и ближайшіе то-

варищи, такіе же почтенные старцы (изъ коихъ одинъ заплеталъ ногой, а другой страдалъ подергиваніемъ руки), и даже не подвели къ закусочному столу, а прямо усадили на почетное мѣсто, предусмотрительно подвязавъ юбиляру подъ подбородокъ салфетку. Такимъ образомъ присутствующимъ по неволѣ пришлось наскоро выпить одну-другую рюмку водки и садиться за столъ. Обѣдъ прошелъ въ умиленномъ созерцаніи почтеннаго старца, котораго поочередно кормили его сверстники. Тосты начались только за жаркимъ. Первый тостъ предложилъ старецъ, заплетавшій ногой, и, ограничившись краснорѣчивымъ указаніемъ руки на кресло, пожелалъ юбиляру еще долгое время сидѣть на томъ же креслѣ для пользы отечества и для радости сослуживцевъ. Раздалось оглушительное «ура», и вслѣдъ затѣмъ всѣ пропѣли: «мы тебя любимъ сердечно». Юбиляръ кивалъ головою, гладкою и голою, какъ колѣно, и плакалъ, при чемъ слезы утирали ему его ассистенты. Вообще тосты были кратки и немногочисленны, и только одинъ изъ присутствовавшихъ, относительно молодой джентльменъ лѣтъ сорока, ухитрившійся, несмотря на краткость времени, выпить десять рюмокъ водки и, какъ говорили, замѣчательный ораторъ, благодаря своему краснорѣчію сдѣлавшій карьеру, позволилъ себѣ обратить вниманіе почтеннаго собранія на замѣчательныя общественныя заслуги юбиляра, помимо дѣйствительно безпримѣрнаго его сидѣнья на одномъ и томъ же креслѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ,—на важную, чреватую послѣдствіями реформу, главная честь въ которой принадлежитъ маститому юбиляру, а именно на перемѣну обивки зеленаго цвѣта на цвѣтъ «Бисмаркъ». Эта реформа, проведеніе которой, по словамъ оратора, стоило немало трудовъ и благородныхъ усилій, благодаря противодѣйствію со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» и многихъ вліятельныхъ лицъ, усматривавшихъ въ ней вредное либеральное новшество, эта реформа,—горячо продолжалъ ораторъ,—была искусно проведена и, какъ всѣмъ извѣстно, не поселила никакихъ смутъ въ умахъ, а вызвала горячую благодарность и вселила по своей плодотворности увѣренность, что высокочтимое имя юбиляра, связанное съ этой реформой, перейдетъ въ потомство, и наши правнуки съ гордостью и умиленіемъ будутъ повторять: «это свершилъ онъ!»

Юбиляръ, подремывавшій уже съ третьяго блюда и, вѣроятно, потревоженный однимъ изъ своихъ сосѣдей, внезапно открылъ глаза и слушалъ оратора съ серьезнымъ и не совсѣмъ довольнымъ выраженіемъ блѣднаго, худого и видимо утомленнаго лица. И когда ораторъ, нѣсколько смущенный этимъ видомъ юбиляра,—не любившаго, какъ потомъ объяснили, вспоминать «грѣхи молодости»,—кончилъ рѣчь, замѣтно скомкавъ ее, то почтенный юбиляръ съ твердостью и внушительностью, изумительными для его лѣтъ, рѣшительно отклонилъ отъ себя приписываемую ему честь реформы и значительно прибавилъ, что онъ во всю свою жизнь только безпрекословно исполнялъ распо-

ряженія ближайшаго начальства и не позволялъ себѣ обсуждать ихъ даже и мысленно, и если что-нибудь и сдѣлалъ полезнаго въ своей скромной сферѣ дѣятельности, то потому только, что никогда не разсуждалъ («ни одного раза въ жизни»,—подчеркнулъ онъ) и имѣлъ ближайшихъ помощниковъ, которые тоже никогда не разсуждали, а неуклонно исполняли свой долгъ, сидя на назначенныхъ имъ креслахъ. Что же касается оцѣнки его скромныхъ заслугъ, то она единственно принадлежитъ ближайшему начальству и никому болѣе.

— И вамъ, господа, совѣтую руководствоваться этими правилами и никогда не разсуждать. Никогда!—прибавилъ юбиляръ.

Произнесся весь этотъ краткій спичъ безъ всякихъ ораторскихъ украшеній и даже не особенно связно, съ трудомъ пріискивая слова, такъ какъ, за преклонностью лѣтъ, сталъ косноязыченъ и привыкъ по своей должности говорить не публично, а келейно,—почтенный юбиляръ снова прослезился и, видимо изнемогавшій отъ усталости, снова задремалъ и чуть-было не клюнулъ носомъ въ тарелку съ мороженымъ, проговорившись, очнувшись: «слушаю-съ» вмѣсто «благодарю», которое долженъ былъ сказать въ отвѣтъ на какой-то новый тостъ. Въ виду всего этого, юбиляру дали только чашку кофе, но безъ ликеровъ, и затѣмъ отвезли домой, не оставивши его для «дружеской бесѣды». И по уходѣ юбиляра всѣ разъѣхались, опьяненные не столько спиртными напитками, сколько дѣйствительно трогательнымъ зрѣлищемъ невмѣняемаго старца, впавшаго въ дѣтство, но все-таки упорно не покидающаго своего просиженнаго кресла. И въ газетныхъ отчетахъ того времени подчеркнута была именно трогательная сторона чествованія; ничьихъ рѣчей не было приведено, такъ какъ репортеры не приглашались тогда на торжественные обѣды, но зато въ одной замѣткѣ красовалось поучительное прибавленіе: «Вотъ какъ любятъ русскіе люди добрыхъ начальниковъ».

И какая же громадная разница между тѣмъ патріархальнымъ обѣдомъ по пяти рублей съ персоны и вчерашнимъ, по двадцати пяти рублей съ человѣка, не считая экстренныхъ прибавленій. Разница рѣшительно во всемъ: и въ стремительности уничтоженія водки и вина, и въ характерѣ и блескѣ застольныхъ рѣчей, и въ шумномъ оживленіи послѣобѣденной дружеской бесѣды, и въ возрастѣ участвовавшихъ, и въ разнообразіи ихъ общественныхъ положеній. (Вчера на обѣдѣ были представители джентри, администраціи, магистратуры, купечества, науки, литературы, даже сценическаго искусства, въ лицѣ двухъ актеровъ только-что прогорѣвшаго въ Нижнемъ драматическаго театра и трехъ пѣвичекъ отъ Омона. Послѣднія, впрочемъ, прибыли только къ началу дружеской бесѣды, и такъ какъ ихъ оказалось недостаточно, то, сколько помнится, было послано за подкрѣпленіемъ женскаго персонала). Да, повторяю, разница дѣйствительно невѣроятная, свидѣтельствующая о быстромъ культурномъ ростѣ интеллигенціи страны.

До слѣдующаго письма, Дженни. Напишу его уже послѣ выѣзда изъ Нижняго-Новгорода. Да хранитъ тебя Всевышній. Обо мнѣ не тревожься: я больше ни на одномъ банкетѣ не буду. И то ужъ я, по совѣту лакея, пилъ сегодня цѣлое утро огуречный разсолъ и благодарю Господа Бога, что вчерашнія похожденія окончились благополучно: кромѣ головной боли ничего. А вѣдь возможно было и выкупаться въ Окѣ или имѣть какія-нибудь недоразумѣнія съ провожавшимъ меня джентльменомъ, которыя могли окончиться весьма непріятно.

Такія непріятности послѣ торжественныхъ обѣдовъ здѣсь не рѣдкость.

Сегодня утромъ трехъ джентльменовъ внесли въ номера нашей гостиницы на рукахъ, а одного молодого человѣка даже съ поврежденнымъ ухомъ.

По объясненію лакея, который, въ свою очередь, получилъ свѣдѣнія отъ извозчика, этому молодому человѣку повредилъ ухо товарищъ.

— Оба господина были довольны-таки выпивши, — спокойно докладывалъ мнѣ лакей, видимо привыкшій къ такимъ происшествіямъ: — и между ними вышелъ споръ: кто раньше изъ нихъ выйдетъ въ генералы. Одинъ говоритъ: «я», другой кричитъ: «пѣтъ, я». Никто не соглашался уступить. Извѣстно, каждому лестно выйти въ генералы и получить губернію. Изъ-за этого они и вцѣпились другъ въ дружку. У нашего постояльца было прокушено ухо, а у того—щека.

Я освѣдомился, значительно ли поврежденіе, и лакей отвѣтилъ, что порядочно-таки, и успокоительно прибавилъ:

— Заживетъ. И не съ такими поврежденіями, случается, привозятъ! Извѣстно: всероссійская выставка, — ну и ежедневные обѣды по разнымъ случаямъ... Господа и загуливаютъ!

На этомъ кончаю.

Письмо девяностое.

Дорогая Дженни!

Десять дней, которые я пробылъ въ Нижнемъ, посѣщая ежедневно выставку,—конечно, весьма недостаточный срокъ, чтобъ осмотрѣть ее сколько-нибудь основательно и придти къ опредѣленному заключенію. Русскіе, правда, несравненно въ такихъ случаяхъ рѣшительнѣе. Достаточно имъ одного-другого дня бѣглаго обзора, чтобы быть въ восторгѣ и писать въ газетахъ восторженные диѳирамбы русскому генію и мощи русскаго народа, какъ то дѣлали нѣкоторые литераторы и ученые. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что такихъ восторженныхъ отзывовъ о выставкѣ было немного, и такимъ образомъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли русская промышленность сдѣлала гигантскіе шаги, остается нерѣшеннымъ.

Но сдѣлала она эти гигантскіе шаги или нѣтъ, а дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству людей компетентныхъ и вникающихъ въ корень ве-

щей, отъ этого потребителямъ не легче. Несмотря на охранительныя пошлины, несмотря на низкую рабочую плату здѣсь, потребители все-таки получаютъ товаръ не всегда доброкачественный и платятъ за него дорого. Крупные промышленники, увѣренные, что доступъ дешевыхъ продуктовъ изъ-за границы почти невозможенъ вслѣдствіе высокихъ пошлинъ, не особенно заботятся объ удешевленіи продуктовъ и за то получаютъ такую высокую прибыль, о какой въ Европѣ знаютъ только ростовщики, что̀ не мѣшаетъ имъ однако при всякомъ случаѣ плакаться о бѣдственной своей участи и въ то же время содержать рабочихъ въ такихъ условіяхъ, которыя показались бы ужасающими въ другихъ странахъ.

Я не спеціалистъ-техникъ ни по какой отрасли промышленности и потому не вхожу въ оцѣнку доброкачественности экспонатовъ, но по личному опыту знаю, напримѣръ, что русское сукно и шерстяныя издѣлія и хуже и дороже нашихъ, что русскіе носки отвратительны и носятся очень быстро. Знаю и то, что наши машины нельзя и сравнивать съ русскими, и, вѣроятно, недаромъ же морское министерство до сихъ поръ заказываетъ дорогіе механизмы для своихъ броненосцевъ въ Англіи.

Если крупная промышленность, благодаря особенному ея покровительству, и развилась, то этотъ фактъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ удешевленію продуктовъ потребленія, а слѣдовательно и къ благосостоянію массъ, и каково платить за русскую лопату или русскій плугъ втрое дороже, чѣмъ можно было бы платить за иностранные, если бы не было высокихъ пошлинъ, про то имѣетъ основательное понятіе тотъ классъ населенія, которому нужны и плуги и лопаты и который одинъ главнымъ образомъ оплачиваетъ бюджетъ. И едва ли эти джентльмены испытываютъ патріотическую радость знаменитаго русскаго профессора Менделѣева отъ того, что работаютъ русскимъ, хотя и дорогимъ, плугомъ. Я по крайней мѣрѣ сильно въ этомъ сомнѣваюсь, Дженни, и полагаю, что джентльмены деревни испытывали бы несравненно болѣе патріотической радости, если-бъ за плугъ или лопату пришлось платить дешевле, хотя бы эти предметы были трижды иностраннаго происхожденія. Надо думать, что почтенному профессору Менделѣеву, имѣющему, по собственному публичному признанію, большое состояніе (вѣроятно, отъ научныхъ трудовъ), понятнѣе и ближе къ сердцу положеніе крупнаго промышленника, съ легкимъ сердцемъ платящаго своимъ рабочимъ гроши, чѣмъ положеніе человѣка плуга. Недаромъ же онъ въ своихъ рѣчахъ восхваляетъ промышленность и поноситъ земледѣліе.

Я не имѣлъ намѣренія оцѣнивать экспонаты, — для этого нужно быть техникомъ,—и считаю себя въ правѣ сообщить тебѣ лишь свои общія впечатлѣнія о выставкѣ. Признаюсь, они не особенно сильны и не особенно пріятны. Несмотря на изящество нѣкоторыхъ зданій,

на роскошь многихъ витринъ, на богатство нѣкоторыхъ отдѣловъ, выставка производитъ впечатлѣніе чего-то мертвеннаго, чего-то искусственнаго, вызваннаго не общественнымъ починомъ и одобреніемъ и требованіями жизни. Вездѣ чувствуется, что все это собрано по приказанію, и что на выставкѣ главное лицо—чиновникъ, притомъ придирчивый, сухой и весьма равнодушный къ живому дѣлу... Оттого-то, я полагаю, выставка и не оправдала надеждъ устроителей—убѣдить кого-то въ гигантскомъ промышленномъ прогрессѣ и привлечь массы публики. Какъ извѣстно, публики было очень мало, — до того мало, что выставка имѣла видъ Аравійской пустыни.

Затѣмъ долженъ сказать, что, при всемъ моемъ желаніи по возможности толково ознакомиться съ выставкой, я далеко не всегда имѣлъ къ тому возможность, вслѣдствіе отсутствія въ отдѣлахъ лицъ выставочнаго персонала, которыя могли бы объяснить мнѣ многое для меня непонятное и на что я долженъ былъ смотрѣть, хлопая лишь глазами. Мнѣ не разъ приходилось бывать въ интересующихъ меня отдѣлахъ именно въ тѣ часы, когда, по свидѣтельству офиціальнаго органа выставочной администраціи, «Извѣстій Выставки», должны даваться объясненія, и я не встрѣчалъ ни одной души изъ выставочнаго персонала, кромѣ сонныхъ сторожей, которые, разумѣется, ничего объяснить не могли и только на вопросы кого-нибудь изъ посѣтителей о томъ, есть ли кто изъ членовъ администраціи отдѣла, довольно находчиво отвѣчали, что «они только-что были, но сейчасъ вышли», напоминая своими отвѣтами увѣренія отельныхъ швейцаровъ о неизмѣнно занятыхъ дешевыхъ номерахъ.

Быть-можетъ, отсутствіе въ отдѣлахъ лицъ, дающихъ объясненія, во время моихъ посѣщеній было роковою случайностью (многіе посѣтители были счастливѣе меня), но многократная ея повторяемость во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о невѣрности офиціальныхъ сообщеній и о нѣкоторомъ, конечно, не преднамѣренномъ, а специфически-русскомъ легкомысленно-добродушномъ издѣвательствѣ надъ публикой.

Вообрази себѣ, Дженни, одного изъ тѣхъ хотя бы десяти жаждущихъ просвѣтиться выставкой, для которыхъ, по словамъ устроителей, не жаль затраченныхъ милліоновъ на ея устройство, такъ какъ этотъ избранный десятокъ, хотя бы и за милліонъ на каждаго, чему-нибудь научится и научитъ другихъ, — вообрази, говорю, такого джентльмена, быть-можетъ, на трудовыя деньги пріѣхавшаго на выставку съ цѣлью поучиться и такимъ образомъ подтвердить цѣлесообразность выставки съ точки зрѣнія теоріи «десяти», который прибѣжитъ въ какой-нибудь отдѣлъ и... можетъ получить объясненія только отъ сторожа о томъ, что г. помощникъ завѣдующаго отдѣломъ только-что вышелъ. При такихъ обстоятельствахъ весьма вѣроятно, что и избранный десятокъ, при самомъ искреннемъ желаніи оправдать

своимъ рвеніемъ затраченные на него милліоны, немногому научится, кромѣ развѣ того, чему онъ, какъ русскій, наученъ давно и безъ выставки, а именно, что вѣрить въ свидѣтельство официальной выставочной газеты такъ же легкомысленно, какъ вѣрить въ «старинныя русскія одежды» выставочныхъ сторожей или въ категорическія увѣренія застольныхъ ораторовъ о гигантскихъ шагахъ.

Я намѣревался посмотрѣть машинный отдѣлъ въ то время, когда всѣ машины и станки въ ходу. Смотрю въ номеръ «Извѣстій Выставки» и читаю, что такое зрѣлище можно видѣть съ 11 до часа дня и съ 3 до 5. Прихожу въ двѣнадцатомъ часу и застаю всѣ машины въ такомъ же неподвижномъ состояніи, въ какомъ были, и нѣсколько сторожей. Публика — въ незначительномъ, впрочемъ, количествѣ — стояла и, хлопая глазами, то смотрѣла на машины, то на выставочную газету. То же дѣлалъ и я.

Наконецъ я обратился къ сторожу за разъясненіемъ. Но онъ ничего разъяснить не могъ и, повидимому, недовольный, что безпокоятъ его вмѣсто того, чтобы, по справедливости, побезпокоить самого главнаго комиссара, куда-то исчезъ, и вскорѣ ко мнѣ подошелъ какой-то молодой человѣкъ, отрекомендовавшійся студентомъ и предложившій дать, если я пожелаю, объясненія насчетъ машинъ.

На вопросъ мой, отчего онѣ не въ ходу, какъ значится въ «Извѣстіяхъ Выставки», студентъ отвѣчалъ:

— Въ эти часы машины никогда въ ходу не бываютъ.

— Но здѣсь напечатано! — проговорилъ я, указывая на газетный нумеръ.

— Это такъ только объявляютъ...

Я спросилъ, что значитъ «такъ только», и студентъ не безъ нетерпѣнія отвѣтилъ, что это значитъ одинъ обманъ публики.

— Но зачѣмъ же объявлять завѣдомую ложь и вводить посѣтителей въ заблужденіе?

— Это ужъ не мое дѣло. Объ этомъ спросите въ управленіи выставкой или въ редакціи «Извѣстій Выставки»... Чортъ ихъ знаетъ, кто тамъ виноватъ...

Кто въ дѣйствительности виноватъ, я полагаю, что никакой самый ретивый чортъ не разберетъ, хотя бы и рѣшился спросить объ этомъ въ управленіи главнаго комиссара, ибо, если вѣрить свѣдущимъ людямъ, управленіе и самъ генеральный комиссаръ такъ заняты канцелярскою перепиской и сочиненіемъ разныхъ бланковъ и билетовъ, что имъ не до такихъ пустяковъ.

Какъ бы то ни было, а я по совѣсти могу только сказать, что милые русскіе и на выставкѣ словно бы выставляютъ на показъ свои обычные патріархальные нравы.

Даже пристрастіе къ грязи выставлено было въ достаточномъ количествѣ въ кіоскахъ, гдѣ продаются прохладительныя воды, и въ пив-

пыхъ и въ ресторанахъ средней руки, въ одномъ изъ которыхъ даже подали пирогъ, начиненный пескомъ, если вѣрить сообщенію мѣстной газеты, вызвавшему горячую полемику. Я, слава Богу, пирога, начиненнаго пескомъ, не пробовалъ, но зато пришелъ въ ужасъ при видѣ того грязнаго полотенца, похожаго скорѣе на кухонную тряпку, какимъ продавщица водъ, молоденькая миссъ, хотѣла вытереть, вѣрнѣе—окончательно загрязнить стаканъ, и, признаться, лишился всякаго аппетита, когда, въ другой разъ, увидалъ, какъ грязные пальцы буфетчика утрамбовывали предназначавшійся мнѣ бутербродъ.

Если въ машинномъ отдѣлѣ и былъ студентъ, появившійся по вызову сторожа вслѣдствіе моей просьбы, то въ павильонѣ удѣловъ, горномъ, средне-азіатскомъ и морскомъ отдѣлахъ я не видалъ ни одной души, которая могла бы разъяснить мнѣ по своей спеціальности величіе и мощь ихъ отечества. Быть-можетъ, эти души и «сейчасъ вышли», но могу удостовѣрить тебя, Дженни, что они такъ и не приходили, пока я осматривалъ и многаго не понималъ.

Ну вотъ тебѣ, Дженни, и всѣ мои впечатлѣнія. Въ концѣ концовъ, что тамъ ни говорили, а ученый моржъ, переворачивающійся по велѣнію нѣмца и говорящій «благодарю», едва ли не былъ гвоздемъ выставки.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Нижняго открылся торгово-промышленный съѣздъ. Изъ газетъ я узналъ, что предсѣдателя съѣзда, почтеннаго г. Кобеко, члены благодарили за его безпристрастіе и за то, что онъ позволялъ высказываться. Не правда ли, характерно, Дженни, за что русскіе благодарятъ?

О ходатайствѣ съѣзда и о томъ, какое значеніе и практическое приложеніе имѣютъ у русскихъ ходатайства, до слѣдующаго письма.

Письмо девяносто первое.

Дорогая Дженни!

Я встрѣтилъ Новый годъ, — не нашъ, а русскій, то-есть двѣнадцатью днями позднѣе,—сообразно здѣшней поговоркѣ: «тише ѣдешь, дальше будешь»,—въ одномъ миломъ русскомъ семействѣ, всѣ члены котораго обладаютъ выдающимися талантами. Мать, почтенная лэди, занимается благотворительностью, опустошая карманы своихъ знакомыхъ, которымъ всучиваетъ билеты на разные концерты съ изумительною ловкостью, и отлично рисуетъ по фарфору; старшая дочь — музыкантша и, если вѣрить матери, играетъ немногимъ слабѣе Антона Рубинштейна; младшая дочь—пѣвица, обѣщающая превзойти Патти, а сынъ, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, подаетъ большія надежды быть со временемъ профессоромъ, такъ какъ уже теперь обнаруживаетъ, по словамъ родителей, необыкновенную склонность къ усидчивымъ занятіямъ, усвоивая учебники съ такою же легкостью, съ какою это дѣлаютъ многіе жрецы науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ являетъ не по лѣтамъ

благоразумную осторожность характера, какъ разъ пригодную для будущаго ученаго, котораго, въ интересахъ науки, да кстати и правильнаго полученія гонорара, не должна привлекать суета жизни со всѣми ея треволненіями.

Самъ глава семейства, мистеръ Z., весьма милый и образованный джентльменъ пятидесяти двухъ лѣтъ. Какъ и многіе русскіе, онъ въ молодости много путешествовалъ какъ по Европейской, такъ и по Азіатской Россіи и испыталъ немало житейскихъ приключеній, не всегда пріятно разнообразившихъ его жизнь. Но, несмотря на все это, онъ остался необыкновенно благодушнымъ человѣкомъ, отличаясь такимъ воистину трогательнымъ оптимизмомъ, какой не особенно часто встрѣчается (по крайней мѣрѣ въ подобномъ изобиліи) даже и среди русскихъ—этихъ, такъ сказать, прирожденныхъ оптимистовъ.

Долженъ, впрочемъ, прибавить, Дженни, что названный джентльменъ, во-первыхъ, завзятый любитель-археологъ и, во-вторыхъ, коренной москвичъ.

Этимъ много уясняется.

Занятія археологій, какъ утверждаютъ ея любители, способствуютъ жизнерадостному взгляду на жизнь, именно вслѣдствіе того, что неустанно и наглядно показываютъ громадную разницу между отдаленной стариной и настоящимъ временемъ, когда даже и въ Москвѣ — этомъ городѣ, не охотно разстающемся съ преданіями сѣдой древности— на одной изъ улицъ ужъ есть электрическое освѣщеніе и идутъ разговоры о канализаціи.

Что же касается до москвичей, то они издавна, еще на зарѣ своей исторіи, какъ подтверждаютъ и всѣ учебники, считались первыми по гостепріимству, по добродушію, обилію выдающихся излюбленныхъ людей и по восторженной воспріимчивости ко всякимъ явленіямъ общественной жизни. О патріотизмѣ ихъ я ужъ не говорю. Достаточно напомнить, что въ Москвѣ жилъ знаменитый патріотъ-публицистъ М. Н. Катковъ и живутъ: въ своемъ родѣ извѣстный профессоръ, историкъ Д. И. Иловайскій и нѣкій мистеръ Грингмутъ, новый редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», ознаменовавшій свою новую дѣятельность призывомъ къ новой присягѣ ему, Грингмуту, журналистовъ, не признающихъ названнаго джентльмена въ здравомъ умѣ.

И что особенно достойно вниманія и заслуживаетъ удивленія, Дженни, такъ это то, что москвичи умѣютъ находить (и находятъ) даже и въ несовершенствахъ (незначительныхъ, конечно) своего общежитія не только смягчающія, но и счастливыя обстоятельства, предзнаменующія, по ихъ мнѣнію, полное устраненіе этихъ несовершенствъ и ошибокъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, вслѣдствіе чего и окрылены постоянно надеждами. А въ каждомъ дѣйствительно «отрадномъ явленіи», какъ здѣсь называютъ, напримѣръ: посыпку тротуаровъ зимою пескомъ, вывозъ нечистотъ ночью, а не днемъ, полис-

мена, исполняющаго приказанія начальства, то-есть не имѣющаго дурной привычки обращаться фамильярно съ физіономіями своихъ согражданъ и т. п.,—провидятъ если и не «новую эру» (для такого провидѣнія все-таки нужны хорошія мостовыя или что-нибудь подобное по своей значительности), то, во всякомъ случаѣ, поводъ для радостнаго умиленія и для болѣе или менѣе торжественнаго ознаменованія подобнаго отраднаго факта обѣдомъ или ужиномъ въ тѣсномъ, но дружескомъ кружкѣ *).

Мой русскій знакомый, археологъ, у котораго я встрѣчалъ Новый годъ, по справедливости можетъ считаться типичнымъ выразителемъ этой симпатичной черты русскаго національнаго характера, черты, къ сожалѣнію, почти отсутствующей у насъ, англичанъ, вслѣдствіе чего, вѣроятно, насъ такъ и бранятъ русскія газеты.

Подобно вольтеровскому Панглосу, мистеръ Z. не только находилъ, что все, рѣшительно все (даже индійская чума и туренкія звѣрства) идетъ къ лучшему въ Божьемъ мірѣ вообще и въ его отечествѣ въ особенности, но и восторгался, словно ребенокъ, какъ по поводу отрадныхъ фактовъ, такъ и по поводу не менѣе отрадныхъ слуховъ, какъ газетныхъ, такъ и устныхъ.

И такъ какъ здѣсь, какъ и у многихъ, впрочемъ, восточныхъ народовъ, слухи болѣе или менѣе достовѣрные (у русскихъ даже есть присловье: «слышалъ отъ вѣрнаго человѣка въ театральномъ коридорѣ») являются часто единственнымъ источникомъ удовлетворенія любознательности и познаванія истины, и притомъ они несравненно обильнѣе, разнообразнѣе и, такъ сказать, жизнерадостнѣе фактовъ, то, разумѣется, и восторженность моего почтеннаго друга почти никогда не изсякаетъ.

Признаюсь тебѣ, Дженни, я невольно восхищался подобной счастливой способностью. Я назвалъ бы ее нѣкоторой ограниченностью, если-бъ не зналъ, что мистеръ Z. далеко не ограниченный человѣкъ и, несмотря на свои археологическія занятія, не лишенъ былъ практической смѣтки и умѣлъ, какъ здѣсь говорятъ, «обставлять» при случаѣ не хуже всякаго другого. Кромѣ того, мнѣ было извѣстно, что мистеръ Z. проявилъ немало остроумія въ своихъ изслѣдованіяхъ, признанныхъ даже и патентованными учеными полезнымъ вкладомъ въ науку. По крайней мѣрѣ, почтенный мой другъ съ гордостью показывалъ мнѣ, въ числѣ многихъ археологическихъ открытій, имъ сдѣланныхъ, подметку Ивана Калиты, батожокъ Ивана Третьяго и шницрутенъ временъ Аракчеева, находка и описаніе которыхъ пролили, по его словамъ, новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны русской исторіи.

И такой образованный и почтенный джентльменъ, Дженни,—какъ

*) Едва ли почтенный лордъ не идеализируетъ москвичей, свидѣтельствуя объ ихъ воспріимчивости. *Прим. переводчика.*

это ни удивительно, особенно для человѣка зрѣлаго возраста—вѣритъ каждому пріятному слуху, хотя бы и такому невѣроятному, какъ прилетъ въ Москву жареныхъ въ маслѣ рябчиковъ (такой слухъ дѣйствительно ходилъ по Москвѣ, и одинъ джентльменъ увѣрялъ меня, что самъ видѣлъ, какъ жареные рябчики летѣли надъ Дѣвичьимъ полемъ)—съ такою же младенческой довѣрчивостью, съ какою вѣритъ и въ подлинность своихъ археологическихъ сокровищъ. Я, конечно, въ качествѣ профана, не смѣю сомнѣваться въ ихъ подлинности, но не скрою отъ тебя, Дженни, и того, что говорили мнѣ злые языки нѣкоторыхъ здѣшнихъ ученыхъ, подъ величайшимъ, впрочемъ, секретомъ. Они утверждали и притомъ, какъ здѣсь водится, клялись двадцатымъ числомъ (т. е. временемъ полученія жалованья), что названныя древнія вещи (подметка, батожокъ и шпицрутенъ), пролившія свѣтъ въ науку, попали будто бы къ почтенному археологу съ толкучки у Сухаревой башни и, очевидно, новѣйшаго происхожденія. Не хотѣли же они обличать это публично, дабы не компрометировать науки и не огорчать добраго и милаго мистера Z., у котораго, вдобавокъ, есть отличная наливка.

По случаю Новаго года почтенный хозяинъ произнесъ общій, руководящій тостъ. Онъ былъ прочувствованъ и дышалъ увѣренностью въ то, что, какъ ни обиленъ былъ отрадными явленіями прошлый годъ, но новый будетъ еще обильнѣе.

Послѣ тоста мистеръ Z. сказалъ еще двѣ небольшія привѣтственныя рѣчи: одной лэди и мнѣ (насъ было только двое гостей). Я, разумѣется, отвѣтилъ благодарственнымъ спичемъ, а лэди ограничилась благодарными рукопожатіями, такъ какъ откровенно объявила, что говорить спичи умѣетъ только мужу, да и то безъ свидѣтелей.

Тогда любезный хозяинъ, обратившись исключительно ко мнѣ, проговорилъ:

— А вѣдь отрадныхъ явленій было немало въ прошломъ году. Немало!—подчеркнулъ онъ значительно и въ то же время умиленно.

Я, натурально, обратился къ нему съ просьбою познакомить и меня съ ними. Какъ ни внимательно я читаю русскія газеты, а все-таки могъ многое и пропустить,—да и наконецъ мнѣ, какъ иностранцу, не вполнѣ знакомому съ русской жизнью, легко и не замѣтить отрадныхъ явленій и, что еще хуже—придать имъ неправильную окраску, считая отрадное за неотрадное и наоборотъ.

— Съ большой охотой, дорогой мой милордъ. Почту за счастье, родной мой. Вы знаете, какъ я расположенъ къ вамъ, «golouЬchik».

Не удивляйся, Дженни, обилію ласковыхъ эпитетовъ, которыхъ я удостоился, и не дѣлай, по поводу ихъ, поспѣшныхъ заключеній о дружбѣ, какъ понимаютъ ее у насъ въ Англіи. Въ Россіи вообще, и въ Москвѣ въ особенности, при встрѣчахъ цѣлуются не однѣ только дамы, но нерѣдко и мужчины, и называютъ другъ друга въ глаза са-

мыми нѣжными и ласковыми прилагательными, что нисколько не мѣшаетъ (а, напротивъ, какъ будто даже обязываетъ) награждать потомъ за глаза такими прилагательными, которыя можно услыхать въ нашихъ рабочихъ кварталахъ и въ докахъ, предпочтительно по воскреснымъ днямъ.

— Я тѣмъ съ большей охотой познакомлю васъ, мой милый милордъ, съ отрадными явленіями,—продолжалъ почтенный хозяинъ:—что вы, какъ англичанинъ, навѣрное смотрите съ предвзятой мыслью на наше отечество, особенно на нашу политику въ восточномъ вопросѣ, хотя мы всему свѣту доказали свое безкорыстіе. Припомните хоть послѣднюю турецкую войну. Мы освободили болгаръ—вотъ и вся наша награда за понесенныя жертвы.

Почтенный хозяинъ, конечно, забылъ и о нѣкоторыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ по берлинскому трактату, не считая контрибуціи,—забылъ, вѣроятно, и о томъ, что несоразмѣрность награды съ запросомъ ея свидѣтельствовала не столько о безкорыстіи русскихъ, сколько о невозможности попользоваться бо́льшимъ, въ виду несогласія на то другихъ державъ. Я былъ въ Россіи во время войны и хорошо помню, какъ газеты требовали Константинополя и ужъ рисовали счастливую будущность этого города съ русскими губернаторомъ, исправникомъ и полисменами, называя ее «зарей новой цивилизаціи».

Вообще, Дженни, я не разъ замѣчалъ, что русскіе необыкновенно забывчивы, вѣроятно, въ виду того, что память у нихъ не имѣетъ достаточныхъ упражненій. Какъ въ прежнее мое посѣщеніе этой страны, такъ и въ нынѣшнее, мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать среди здѣшнихъ людей такихъ, которые не забывали бы не только о томъ, о чемъ говорили во времена своей молодости, но даже и о томъ, о чемъ говорили, и порой не безъ одушевленія, еще только «вчера». Такая забывчивость, распространенная преимущественно въ служебныхъ сферахъ, увеличивается, какъ утверждаютъ знающіе люди, по мѣрѣ улучшенія положенія, и какъ это ни странно, Дженни, а лишенными вовсе памяти оказываются, по большей части, дѣятели, занимающіе видныя общественныя мѣста.

Такъ, еще на-дняхъ я встрѣтился съ однимъ джентльменомъ, съ которымъ не видался болѣе пятнадцати лѣтъ. Познакомился я съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ тогда былъ учителемъ или, быть-можетъ, и профессоромъ, навѣрное не знаю. Знаю только, что я не разъ слышалъ, какъ онъ хвалилъ Англію (въ особенности ея джинъ и портеръ) и какъ даже послѣ пяти-шести рюмокъ водки приходилъ въ экстазъ до того, что рвалъ пуговицы съ вицмундира и въ отдѣльной комнатѣ ресторана, гдѣ мы не разъ съ нимъ бесѣдовали объ Англіи, обязательно требовалъ «севрюжины съ хрѣномъ»—рыбы, почему-то особенно любимой прежде тѣми русскими, которые желали хорошихъ мостовыхъ, водопроводовъ, электрическаго освѣщенія, ватерклозетовъ, — однимъ

словомъ, вообще нѣкоторыхъ культурныхъ удобствъ, свидѣтельствующихъ, по увѣренію людей, отрицающихъ такія удобства, о либеральномъ образѣ мыслей.

И—можешь себѣ вообразить, Дженни!—теперь этотъ джентльменъ, занявшій гдѣ-то въ провинціи постъ не то по коннозаводству, не то по наблюденію за просвѣщеніемъ калмыковъ, навѣрное сказать не могу,— не только не похвалилъ, хотя бы изъ любезности къ иностранцу, джина и портера, а напротивъ—послѣ первыхъ же привѣтствій сталъ такъ развязно поносить наше отечество, что я принужденъ былъ напомнить ему, что прежде онъ болѣе любезно относился къ Англіи, особенно къ ея джину и портеру.

Потому ли, что при нашей встрѣчѣ были посторонніе (мы встрѣтились въ ресторанѣ «Эрмитажъ»), завтракавшіе вмѣстѣ съ новымъ англофобомъ и бывшіе, какъ и онъ, въ мундирахъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, дѣлали офиціальные визиты,—потому ли, что названный джентльменъ былъ совершенно трезвъ, но дѣло въ томъ, что онъ имѣлъ мужество отвѣтить мнѣ, — и при томъ не стѣсняясь глядѣть мнѣ прямо въ глаза,—что не помнитъ, чтобы когда-нибудь могъ хвалить такую страну, какъ Англія.

— Вы, вѣрно, запамятовали, милордъ. Навѣрное даже запамятовали!—прибавилъ онъ съ тѣмъ упорнымъ спокойствіемъ духа, которое граничитъ съ наглостью.

Я понялъ, что настаивать было безполезно,—занятіе лошадьми или просвѣщеніемъ калмыковъ, повидимому, лишило его памяти,—но все-таки полюбопытствовалъ узнать: любитъ ли онъ, какъ и прежде, севрюжину съ хрѣномъ?

— Севрюжину съ хрѣномъ?—съ ужасомъ къ этой рыбѣ произнесъ онъ и какъ-то испуганно покосился на своихъ сотрапезниковъ.—Я, милостивый государь, никогда ея не ѣлъ и питаю къ этой отвратительной рыбѣ отвращеніе съ дѣтскихъ лѣтъ. Съ чего это вы вздумали, милордъ? Я люблю осетрину по-русски, люблю стерлядь, люблю раки, но той рыбы никогда даже и не видалъ... Слышалъ только, что есть такая. Вы, навѣрное, обознались, милордъ, и приняли меня за кого-нибудь другого!—прибавилъ онъ и съ такой сухостью въ тонѣ голоса, что я поспѣшилъ раскланяться съ нимъ и подумалъ, что въ самомъ дѣлѣ ѣсть эту рыбу предосудительно, особенно въ томъ положеніи, въ какомъ находился мой знакомый.

Нисколько не меньше, если еще и не больше, забывчивы, Дженни, и русскіе журналисты, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, и съ мужествомъ, не меньшимъ того, которое обнаружилъ вышеупомянутый джентльменъ, пишутъ сегодня діаметрально противоположное тому, что писали еще недавно. Это они называютъ «не отставать отъ вѣка». Впрочемъ, и русскіе читатели какъ-то не замѣчаютъ этого, вѣроятно, потому, что и они такъ же забывчивы, какъ и ихъ газеты.

Однако возвращаюсь къ прерванной бесѣдѣ съ почтеннымъ археологомъ.

Я, по совѣсти, не могъ не согласиться съ нимъ насчетъ нѣкоторой предвзятости сужденій нашихъ соотечественниковъ о Россіи.

Дѣйствительно, эти сужденія односторонни, и англичане, не знающіе ни особенностей быта и своеобразныхъ нравовъ Россіи и прилагающіе къ чужой странѣ оцѣнку чисто-англійскую, то-есть мѣрящіе все на свой аршинъ, разумѣется, не всегда бываютъ объективны и, къ сожалѣнію, нерѣдко печатаютъ всевозможныя нелѣпости объ этихъ милыхъ и добродушныхъ русскихъ. Эта большая ошибка.

Еще слава Богу, что до русскихъ не доходятъ всѣ тѣ обидныя нелѣпости, которыя печатаются въ нашихъ газетахъ,—не доходятъ благодаря тому, что такія газеты не имѣютъ въ Россіи подписчиковъ, а слѣдовательно и не имѣютъ въ ней обращенія. Иначе и безъ того существующее противъ насъ раздраженіе,—я не хочу скрывать, оно есть и, разумѣется, въ интеллигентныхъ классахъ (извозчики, напримѣръ, ничего не имѣютъ противъ англичанъ и возятъ насъ одинаково скверно, какъ и своихъ соотечественниковъ),—раздраженіе, въ значительной степени питаемое нѣкоторыми газетами (ахъ, Дженни, какъ онѣ костятъ насъ!), усилилось бы еще болѣе.

Сознавшись, что мой хозяинъ отчасти правъ, и, разумѣется, ни единымъ словомъ не упомянувъ о тѣхъ своеобразныхъ ругательствахъ, которыя посылаются русскими газетами по нашему адресу и по адресу нашихъ министровъ, я старался увѣрить милѣйшаго хозяина въ томъ, что я никогда не грѣшилъ предвзятыми взглядами на русскихъ и очень люблю ихъ отечество, въ которомъ еще столько оригинальнаго и художественно-первобытнаго, не встрѣчаемаго уже нигдѣ въ Европѣ, что всѣмъ этимъ невольно любуешься и какъ бы начинаешь понимать даже газетные толки о будущей міровой гегемоніи Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поспѣшилъ заявить почтенному археологу, что лично я, по совѣсти, рѣшительно ничего не имѣю противъ того, чтобы Константинополь хотя бы завтра сдѣлался русскимъ городомъ и чтобы въ немъ, какъ писали и пишутъ нѣкоторые журналисты, «занялась заря цивилизаціи» исключительно русской, вмѣсто турецкой съ ея несговорчивымъ султаномъ.

— Ну, разумѣется, Царьградъ (такъ, Дженни, русскіе называютъ Константинополь въ тѣ времена, когда событія допускаютъ его вожделѣть) долженъ быть нашъ! По праву нашъ!—воскликнулъ мой милѣйшій собесѣдникъ. — Нашъ или, во всякомъ случаѣ, ничей! — прибавилъ онъ.

И онъ сталъ не безъ горячности доказывать (хотя я и не противорѣчилъ), цитируя невольно передовую статью «Новаго Времени» почему Константинополь долженъ быть русскимъ или ничьимъ. Онъ

говорилъ столь убѣдительно, что я только пожалѣлъ о томъ, что въ числѣ слушателей не было маркиза Салисбюри.

Послѣ экскурсіи въ Константинополь разговоръ снова перешелъ къ отраднымъ явленіямъ.

— О, ихъ было много, милордъ, очень много!... Всѣхъ сразу и не упомнишь, а потому я, съ вашего позволенія, перечислю только нѣкоторыя... Начну хотъ съ инженернаго процесса. Вы читали, дорогой мой, въ газетахъ судебный отчетъ?

Я читалъ его и именно потому, что читалъ, и взглянулъ на почтеннаго хозяина съ невольнымъ изумленіемъ, рѣшительно недоумѣвая, что могъ онъ найти (даже при всемъ своемъ благодушномъ оптимизмѣ) отраднаго въ дѣлѣ бывшаго начальника могилевскаго округа путей сообщенія и его двухъ помощниковъ.

Ты поймешь, Дженни, мое недоумѣніе, если я прибавлю, что названные джентльмены обвинялись во взяточничествѣ.

Дѣло это,—одно изъ обыкновеннѣйшихъ, впрочемъ, здѣсь дѣлъ,—явившееся, благодаря нѣкоторой случайности (посылкѣ бывшимъ министромъ путей сообщенія, г. Витте, на ревизію своего товарища), предметомъ судебнаго разбирательства, показало то, что давнымъ-давно хорошо было извѣстно не только публикѣ и министерству путей сообщенія, но даже и мнѣ, иностранцу, а именно, что инженеры, служащіе по шоссейнымъ и водянымъ путямъ, не отличаются безкорыстіемъ и, получая сравнительно съ желѣзнодорожными коллегами весьма небольшое содержаніе, пополняютъ его всѣми зависящими отъ нихъ способами злоупотребленій, изъ числа которыхъ самымъ простымъ и обычнымъ бываетъ дружеское соглашеніе съ подрядчиками, контингентъ которыхъ является монополистами. Такимъ образомъ инженеры и подрядчики какъ бы составляютъ одно «товарищество на вѣрѣ», задачи и цѣль котораго по возможности лучше обработать казну. На судѣ фигурировали «шоссейные» инженеры.

Инженеры, завѣдующіе водяными коммуникаціями и которыхъ на Волгѣ и на другихъ судоходныхъ рѣкахъ называютъ не безъ нѣкотораго символизма «водяными», а иногда даже и съ прибавленіемъ существительнаго, равносильнаго понятію о разбойникахъ, не менѣе (если не болѣе) своихъ «шоссейныхъ» коллегъ пользуются съ давнихъ лѣтъ широкою извѣстностью, главнымъ образомъ, какъ собиратели даней съ плавающихъ по рѣкамъ судовъ. И такъ какъ каждая рѣка раздѣлена на нѣсколько дистанцій, то и обложеніе на каждой дистанціи контрибуціей въ общемъ ложится довольно тяжелымъ дополнительнымъ налогомъ на судоходство. И объ этомъ, разумѣется, хорошо знаютъ не только плательщики, но и департаментъ водяныхъ и шоссейныхъ путей сообщенія, какъ о томъ на судѣ заявилъ одинъ свидѣтель, бывшій его директоромъ, а нынѣ сенаторъ, г. Фадѣевъ. Знали, надо думать, объ этомъ и министры. По крайней мѣрѣ мнѣ разсказывали,

какъ былъ изумленъ одинъ министръ, почтенный адмиралъ, когда лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ посѣтилъ во время служебнаго путешествія одного начальника дистанціи на Волгѣ. Изумленъ адмиралъ былъ и роскошной обстановкой квартиры «водяного», получавшаго по штату всего 600 р. жалованья въ годъ, и роскошнымъ завтракомъ, и наконецъ тѣмъ, что въ канцеляріи «водяного» занимались по вольному найму три клерка и каждый изъ нихъ получалъ отъ своего патрона отъ 800 до 1.200 р. жалованья.

Безукоризненно корректный самъ и строго преслѣдовавшій злоупотребленія, когда таковыя открывались, почтенный адмиралъ не могъ не освѣдомиться о такомъ благоденствіи при столь скудномъ содержаніи отъ казны. Тогда «водяной» откровенно посвятилъ высокаго посѣтителя въ тайну своего благоденствія, объяснивъ, что каждый проходящій мимо караванъ, обязанный останавливаться у дистанціонной конторы для выправки бумагъ и для уплаты судоходнаго сбора, является источникомъ дохода, такъ какъ судовщики, понимая затруднительное положеніе начальства, добровольно, такъ сказать, удѣляютъ нѣкоторый процентъ и лично «водяному», что̀ дастъ возможность восполнять скудное содержаніе и содержать канцелярію въ должномъ порядкѣ. Онъ, разумѣется, не прибавилъ: «и откладывать солидныя суммы для взноса на текущій счетъ.»

Нечего и прибавлять, что министръ былъ обезоруженъ признаніемъ и не нашелъ возможнымъ карать виновнаго, понявши, что всѣ «водяные» поступаютъ такъ же.

Такой порядокъ вещей, если только можно назвать его порядкомъ, освященъ обычаемъ и практикуется, конечно, не въ одномъ лишь могилевскомъ округѣ, начальникъ котораго былъ преданъ суду. Объ этомъ заявилъ, между прочимъ, и подсудимый въ слѣдующихъ словахъ: «Въ могилевскомъ округѣ путей сообщенія, равно какъ и въ другихъ округахъ имперіи, что̀ мнѣ, какъ ветерану путейской службы, хорошо извѣстно, путемъ обычая установилась практика, по которой инженеры пользовались опредѣленнымъ процентомъ съ суммъ, отпускавшихся изъ округа на работы и заготовленія. Этотъ «инженерный процентъ» былъ послѣдствіемъ крайней скудости средствъ, получаемыхъ инженерами отъ казны. Но это не одна причина. Инженерный процентъ—это цѣлая система, которую измѣнить мы не въ силахъ».

О томъ, что злоупотребленій «цѣлая система», подтвердилъ и свидѣтель, бывшій директоромъ департамента водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній, при чемъ объяснилъ, что «самый честный человѣкъ не можетъ безъ формальныхъ нарушеній исполнять свои обязанности» и что онъ, свидѣтель, не разъ представлялъ министерству о необходимости коренныхъ преобразованій, но вопросъ о нихъ съ 1880 г. остался не разрѣшеннымъ, и все идетъ по-старому.

Такимъ образомъ невольно является вопросъ: за что же именно начальникъ могилевскаго округа фигурировалъ на судѣ, если во всей имперіи инженеры дѣлаютъ то же самое, что̀ дѣлалъ онъ? Чѣмъ онъ хуже другихъ? За что его осудили (обвинивъ, впрочемъ, лишь въ полученіи подарковъ отъ подрядчиковъ), обрушивъ на одну его сѣдую голову вину цѣлой системы? Таковы невольные вопросы, появлявшіеся у меня во время чтенія этого дѣла, которое во всякомъ случаѣ, на мой взглядъ, не представляло ни малѣйшей черточки чего-нибудь отраднаго.

А между тѣмъ мой почтенный археологъ усмотрѣлъ въ немъ «отрадное явленіе», заставивъ меня выпучить на него глаза и просить объясненій.

— Развѣ вы не догадываетесь?

— Рѣшительно не догадываюсь.

— Вѣдь генерала привлекли къ суду, понимаете ли, милордъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника!—не безъ восторженности продолжалъ мистеръ Z.—Изъ этого вы можете видѣть, что у насъ не такъ, какъ во Франціи, во время панамской исторіи, никому безнаказанно не проходитъ уклоненіе отъ долга. Нарушилъ его—и получи возмездіе, хотя бы ты былъ и самъ...

Мистеръ Z. на минуту запнулся и добавилъ:

— И самъ дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Выше этого чина онъ не пошелъ и, конечно, потому, что люди въ высшихъ чинахъ проявляютъ такое безкорыстіе и такое уваженіе къ закону, что даже и мысль объ ихъ судимости не можетъ придти въ голову ни одному порядочному русскому джентльмену.

— Послѣ инженернаго процесса господа инженеры не станутъ болѣе заниматься хищеніями... Увидѣли, чѣмъ это пахнетъ... Такъ развѣ это не отрадный фактъ?.. Или, напримѣръ, дѣло уѣзднаго исправника Словецкаго. Читали объ этомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ. Что̀ въ немъ особеннаго?—полюбопытствовалъ я.

— Очень много, милордъ. Во-первыхъ, исправника судили и осудили за то, что онъ не только исполнилъ незаконное распоряженіе бывшаго могилевскаго губернатора—наказать одного жителя пятьюдесятью ударами розогъ, на что губернаторъ не имѣлъ никакого права,—но и поусердствовалъ еще, давши мѣщанину еврею Певзнеру вмѣсто предписанныхъ губернаторомъ пятидесяти розогъ—вдвое, послѣдствіемъ чего была тяжкая и продолжительная болѣзнь наказаннаго.

— Но что-жъ вы находите въ этомъ отраднаго?—опять изумился я.

— А то, что кассаціонный сенатъ, до котораго это дѣло дошло вслѣдствіе протеста прокурора кіевской судебной палаты, нашелъ, во-первыхъ, что протестъ справедливъ, считая исправника виновнымъ

не только въ истязаніи при исправленіи должности (какъ нашла кіевская палата), но и въ превышеніи власти, имѣвшемъ важныя послѣдствія, и слѣдовательно исправникъ долженъ быть подвергнутъ болѣе тяжкому наказанію, — и, во-вторыхъ, постановилъ: «О неправильныхъ дѣйствіяхъ бывшаго могилевскаго губернатора, тайнаго совѣтника Дембовецкаго, довести до свѣдѣнія перваго департамента Правительствующаго Сената». Такимъ образомъ не только исправникъ, исполнявшій слишкомъ рачительно волю начальства, но и губернаторъ, беззаконно приказавшій высѣчь мѣщанина (а мѣщане не подлежатъ тѣлесному наказанію), быть-можетъ, попадетъ подъ судъ. Я не говорю: навѣрное, а быть-можетъ, такъ какъ бывшій губернаторъ, весьма вѣроятно, представитъ какія-нибудь высшія соображенія, понудившія его преступить законъ и отодрать человѣка. Какъ ни возмутительно это дѣло, но отрадно уже то, что оно дошло до суда и что одинъ изъ виновныхъ понесетъ кару, а другой, несмотря на свое бывшее губернаторство, все-таки изобличенъ и, во всякомъ случаѣ, нравственно осужденъ кассаціоннымъ департаментомъ... Вотъ видите ли, милордъ!.. А ваши соотечественники пишутъ, что у насъ довольно обыченъ произволъ и что онъ будто бы всегда остается безнаказаннымъ... Это—клевета, чистѣйшая клевета, какъ вы, надѣюсь, убѣдились и сами.

Я поспѣшилъ согласиться, что вообще на русскихъ (особенно на чиновниковъ) клевещутъ немало, и тогда мой милѣйшій москвичъ весело продолжалъ:

— А что вы скажете насчетъ разрѣшенія въ прошломъ году новыхъ газетъ, да еще въ какомъ количествѣ?.. Цѣлыхъ десять разрѣшено, если не ошибаюсь. Развѣ это не отрадное явленіе? Сдѣлайте одолженіе: сѣйте доброе, разумное, издавайте газету, если пріищете вполнѣ достойнаго редактора... Пишите обо всемъ, о чемъ прилично писать уважающему себя журналисту, понимающему, что можно и что нельзя, и имѣющему нѣкоторое понятіе о предостереженіяхъ и о запрещеніи розничной продажи... Полнѣйшая свобода... А появленіе на страницахъ газетъ статей объ университетскомъ вопросѣ: о томъ, что лучше—профессоръ-чиновникъ или чиновникъ-профессоръ?.. А союзъ писателей въ Петербургѣ? А попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ? А клубъ женщинъ, о которомъ идутъ толки теперь? А пожертвованія нашихъ богачей, московскихъ купцовъ?.. А нижегородская выставка?.. Всего и не перечтешь... Обратите на это вниманіе, милордъ, и вы согласитесь, что есть чему радоваться и на что надѣяться. И, знаете ли, какіе еще отрадные слухи?—возбужденно прибавилъ добродушный москвичъ.

— Какіе?—спросилъ я.

— Мнѣ говорилъ одинъ хорошо освѣдомленный человѣкъ, пріѣзжій изъ Петербурга, что вскорѣ будутъ разрѣшены во всѣхъ городахъ общества грамотности... Вы понимаете, какая это штука?.. И кромѣ

того... кромѣ того есть надежда, что будетъ отмѣнено тѣлесное наказаніе для всѣхъ тѣхъ, кто еще пользуется привилегіей быть высѣченнымъ... Такимъ образомъ неприкосновенность гражданъ будетъ обезпечена... То-то и есть, милордъ... Все указываетъ, что мы идемъ впередъ гигантскими шагами, и недалеко то время, когда Россія явится примѣромъ для Европы!—внезапно заключилъ милѣйшій архсологъ и, умиленный, даже прослезился.

Было уже поздно, и я поспѣшилъ откланяться и ушелъ домой.

Не правда ли, Дженни, необыкновенно милъ этотъ русскій Панглосъ, приходящій въ умиленіе съ такою экспансивностью отъ явленій и слуховъ, подобныхъ вышеупомянутымъ?

Эти дни я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ, но все-таки, признаться, не рѣшусь обращаться къ здѣшнимъ медицинскимъ знаменитостямъ до тѣхъ поръ, пока возможно. О причинахъ такой боязни я уже писалъ тебѣ въ одномъ изъ первыхъ писемъ изъ Москвы, основываясь на слухахъ. Теперь же, благодаря обстоятельной статьѣ доктора Жбанкова, напечатанной въ газетѣ «Врачъ», редактируемой однимъ изъ рѣдкихъ по добросовѣстности и по исполненію своего долга людей, бывшимъ петербургскимъ профессоромъ Манассеинымъ,—я могу тебѣ въ подробности сообщить о «московской школѣ» врачей во главѣ съ знаменитымъ профессоромъ Захарьинымъ. Прелюбопытная школа высокихъ гонораровъ, рекомендація которыхъ нашла себѣ мѣсто даже съ каѳедры одного профессора.

Но объ этомъ и о многомъ другомъ до слѣдующаго письма. Будь здорова.

Письмо девяносто второе.

Дорогая Дженни!

Здоровье мое, благодаря Бога, поправилось, и мнѣ нѣтъ надобности во врачебной помощи. Всѣ дни я знакомился съ газетами и, прочитывая какъ новыя, такъ и старыя, знакомлюсь съ литературными нравами русскихъ журналистовъ новѣйшаго времени. Особенно характерно — въ извѣстномъ смыслѣ—выразились эти нравы въ полемикѣ, если только прилично назвать полемикой тѣ издѣвательства, и притомъ самаго бульварнаго тона (напоминающаго швейцарскія и кухни), которыя появились на страницахъ газетъ по поводу выборовъ въ недавно народившійся «союзъ взаимопомощи русскихъ писателей».

Изъ писемъ во время перваго моего посѣщенія Россіи и отчасти изъ недавнихъ моихъ писемъ ты, Дженни, нѣсколько знакома съ характеромъ здѣшнихъ газетъ и съ литературными нравами, господствующими среди господъ газетчиковъ. Съ нашей точки зрѣнія, уровень русской прессы оставляетъ желать многаго. О причинахъ такого положенія я тоже не разъ тебѣ писалъ, а потому повторяться не стану. Замѣчу только, что, на мой взглядъ, за исключеніемъ одной-двухъ га-

зетъ,·отличающихся привычною для насъ, англичанъ, порядочностью и умѣніемъ съ достоинствомъ молчать, если по какимъ-либо вопросамъ не представляется возможности, по тѣмъ или другимъ причинамъ, высказаться опредѣленно,—остальныя представляютъ собою болѣе или менѣе увеселительныя заведенія, въ которыхъ, разумѣется, нельзя искать ни направленія (хотя бы въ предѣлахъ возможнаго), ни продуманныхъ взглядовъ, ни даже, къ сожалѣнію, самой обыкновенной чистоплотности. Такія газеты даютъ матеріалъ для чтенія, гоняясь преимущественно за сенсаціонными извѣстіями, и главнѣйшая задача ихъ издателей, разумѣется, — матеріальный успѣхъ. Другихъ задачъ онѣ не преслѣдуютъ, хотя и называютъ свои газеты «истинно-русскими», на томъ основаніи, что при всякомъ случаѣ заявляютъ, что Россія — первая страна въ мірѣ, и что потому остальныя націи не стоятъ ни малѣйшаго вниманія и скоро исчезнутъ съ лица земли.

Въ виду всего этого не удивительно,— по крайней мѣрѣ для меня, хорошо знакомаго съ русскою печатью, — что русскіе газетчики съ похвальнымъ усердіемъ поносятъ иностранныхъ министровъ, обязательно бранятъ «жидовъ», финляндцевъ, поляковъ, армянъ и вообще всѣхъ инородцевъ, обнаруживающихъ какую-нибудь культурность, и, какъ я упоминалъ въ послѣднемъ письмѣ, съ необыкновенною легкостью забываютъ сегодня то, что говорили вчера,—что, впрочемъ, для журналистовъ «увеселительныхъ заведеній» и весьма естественно. Если къ этому прибавить нерѣдко полнѣйшее невѣжество, способность писать по какому угодно вопросу, пользуясь вдохновеніемъ и, въ крайнемъ случаѣ, энциклопедическимъ словаремъ, врать, по русскому выраженію, какъ иностранные министры и сивые мерины, и не обнаруживать ни малѣйшей стыдливости даже и въ такихъ случаяхъ, когда краснѣютъ даже камни, — то силуэтъ «бойкаго» современнаго газетчика будетъ до нѣкоторой степени законченъ.

Я не упоминаю о тѣхъ джентльменахъ пера, — какъ говорятъ, ихъ пока еще очень немного, — которые не прочь служить своимъ перомъ за болѣе или менѣе приличное вознагражденіе тѣмъ, кто въ такомъ перѣ нуждается. Какъ я тебѣ писалъ раньше, были такіе джентльмены, высланные изъ Петербурга десятокъ лѣтъ тому назадъ за то, что требовали слишкомъ большое вознагражденіе съ содержателей загородныхъ театровъ и кафе-шантановъ. Есть подобные, разумѣется, и теперь, какъ о томъ свидѣтельствовали нелестные слухи, проникшіе въ печать, о нѣкоторыхъ корреспондентахъ во время нижегородской выставки,—слухи, распространившіеся послѣ появившагося въ нижегородскихъ газетахъ заявленія офиціальнаго лица, директора департамента мануфактуръ и торговли, В. И. Ковалевскаго, «о темныхъ личностяхъ», выдающихъ себя за корреспондентовъ и занимающихся вымогательствомъ. Вся эта исторія въ свое время недостаточно была выяснена, хотя ни для кого не было секретомъ (какъ писалось въ «Ниже-

городскомъ Листкѣ»), что вымогатели-корреспонденты столичныхъ газетъ были.

Но, разумѣется, есть и вполнѣ независимые корреспонденты, есть и вполнѣ благонадежные, о чемъ уже свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что корреспондентъ одной петербургской газеты, особенно отдававшій справедливость энергіи и способностямъ дѣятелей выставки, былъ почтенъ, какъ я тебѣ своевременно сообщалъ, назначеніемъ въ должность комиссара и, конечно, съ соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Былъ, впрочемъ, и еще примѣръ назначенія на приличную должность (коммерческаго агента въ Константинополѣ) еще одного корреспондента и опять той же петербургской газеты и автора книги о *Мурманѣ*, въ которой онъ съ безпристрастною полнотою описывалъ не столько Мурманъ, сколько доблести своихъ спутниковъ.

Возвращаясь къ «союзу писателей», оживленные толки о которомъ занимали Петербургъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца (изъ этого ты можешь заключить, какъ мало въ Петербургѣ предметовъ для толковъ), я не могу не согласиться на этотъ разъ съ почтеннымъ моимъ московскимъ знакомымъ въ томъ, что это учрежденіе можетъ быть причислено къ разряду «отрадныхъ» явленій съ меньшею натяжкой, чѣмъ многія другія явленія, о которыхъ упоминалъ милѣйшій археологъ.

Въ самомъ дѣлѣ, господа писатели, охотно въ своихъ произведеніяхъ устраивающіе чужія дѣла, рѣшительно не умѣли устраивать своихъ собственныхъ, являясь какимъ-то безпомощнымъ, разрозненнымъ и пугливымъ сословіемъ, имѣвшимъ множество обязанностей и только одно право—и то если смотрѣть на понятіе о правѣ съ исключительно мѣстной точки зрѣнія,—право писать съ такою осторожностью въ выборѣ сюжетовъ и въ отдѣлкѣ языка, какими вообще отличаются русскіе писатели. Кромѣ вышеупомянутаго права, русскій писатель, какъ таковой, не имѣлъ рѣшительно никакихъ, если не считать правомъ подвергаться побоямъ, въ провинціи по преимуществу, гдѣ до сихъ поръ на каждое пишущее лицо (и особенно на «корреспондента») смотрятъ какъ на человѣка, которому обязательно слѣдуетъ переломать ребра для того, чтобы онъ не сообщалъ о томъ, о чемъ мѣстнымъ набобамъ не нравится. Я не говорю уже о томъ, что корреспондентовъ не всегда пускаютъ даже въ тѣ собранія, которыя считаются публичными. Такъ, еще на-дняхъ телеграмма изъ Харькова извѣщала, что предсѣдатель харьковскаго земельнаго банка, г. Алчевскій, рѣшилъ не допустить на собраніе акціонеровъ корреспондента «Новаго Времени». И, разумѣется, г. Алчевскій не единственный въ числѣ плутократовъ, боящихся печати, да и такихъ предсѣдателей, какъ упомянутый джентльменъ, немало и не въ однихъ только банкахъ.

Цѣль «союза», какъ видно изъ устава, весьма непретенціозна. «Союзъ», между прочимъ, имѣетъ въ виду «объединеніе русскихъ писа-

телей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати».

Изъ этого пункта ты видишь, Дженни, что добрые нравы не всегда соблюдаются, такъ какъ въ числѣ цѣлей «союза» есть и весьма существенная: «охраненіе добрыхъ нравовъ». Что же касается постояннаго между писателями общенія, упомянутаго въ томъ же пунктѣ, то мнѣ, при всей моей терпимости, кажется, что быть не только въ постоянномъ, но даже и въ рѣдкомъ общеніи съ нѣкоторыми русскими джентльменами пера представляется дѣломъ почти невозможнымъ, по крайней мѣрѣ для лицъ, имѣющихъ самыя примитивныя понятія объ этикѣ и съ болѣе или менѣе развитымъ чувствомъ чистоплотности.

Впрочемъ, не стану отвлекаться комментаріями и лучше сообщу тебѣ нѣкоторые, болѣе уясняющіе цѣли «союза», пункты. Изъ нихъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующіе: «1) посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами, съ другой, какъ въ отношеніи спроса и предложенія труда, такъ и для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ; 2) посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и посторонними лицами; 3) представительство на русскихъ и иностранныхъ съѣздахъ и въ другихъ случаяхъ, когда союзъ признаетъ это нужнымъ; 4) ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей».

Въ числѣ предоставленныхъ «союзу» правъ для достиженія вышеизложенныхъ цѣлей, помимо разныхъ благотворительныхъ функцій, есть, между прочимъ, право «выпускать въ свѣтъ печатныя изданія и сборники, а также издавать періодическій органъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ, и право созывать съ подлежащаго разрѣшенія съѣзды дѣятелей печати».

Исполнительная власть сосредоточена въ комитетѣ изъ 12 членовъ, и кромѣ того при «союзѣ» установленъ «судъ чести», къ слову сказать, возбудившій, къ моему удивленію, большое число ругательствъ—и самыхъ страстныхъ—по адресу составителей устава. Но объ этомъ въ свое время, а пока замѣчу, что судъ чести, по моему мнѣнію, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно можетъ хотя нѣсколько (если и не совсѣмъ) «охранить добрые нравы» и страхомъ опубликованія своихъ постановленій до нѣкоторой степени обуздать ту наглость клеветы, тѣ продѣлки вымогательства и полученія подарковъ, которыя, надо сознаться, практикуются въ нѣкоторой части современной газетной прессы и не всегда не только не получаютъ должнаго возмездія въ видѣ оглашенія, но проходятъ совсѣмъ незамѣчен-

ными, набрасывая тѣнь, оставляемую нѣсколькими безшабашными журналистами, на весь институтъ.

И раньше, много лѣтъ тому назадъ, когда въ газетахъ разыгрывалась настоящая оргія клеветы, я изумлялся, какъ изумляюсь, напримѣръ, и теперь, когда хоть и не такъ откровенно, какъ прежде, но все-таки довольно откровенно одинъ журналистъ копается въ душѣ другого, называя этого другого то измѣнникомъ, то принадлежащимъ къ партіи іезуитовъ, то подкупленнымъ евреями, и при этомъ обращаетъ вниманіе властей,—какъ, говорю, такихъ недобросовѣстныхъ служителей слова, позорящихъ журналистику, не только не караетъ общественное мнѣніе, но у нихъ еще есть читатели. Дѣйствительно, русскіе читатели—благодушный и забывчивый народъ, и даже недавнее напоминаніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о томъ, что каждому журналисту, какія бы мнѣнія онъ ни исповѣдывалъ, прежде всего обязательна примитивная порядочность, повидимому, не произвело сильнаго впечатлѣнія ни на читателей ни на нѣкоторыхъ журналистовъ, судя по тѣмъ выходкамъ, которыя они продолжаютъ практиковать.

Казалось бы, «союзъ писателей», преслѣдующій дѣйствительно симпатичныя цѣли, долженъ бы возбудить, если не общее, то во всякомъ случаѣ сочувствіе громаднаго большинства русскихъ писателей, тѣмъ болѣе, что по уставу членами союза могутъ быть всѣ причастныя литературѣ лица, безъ различія направленій.

И дѣйствительно, вначалѣ, вслѣдъ за разрѣшеніемъ устава, въ газетахъ появились болѣе или менѣе благосклонные отзывы о «союзѣ». Привѣтствовалось единеніе дѣятелей слова, одобрялись цѣли союза, не порицался и судъ чести. Но какъ только состоялось общее собраніе членовъ-учредителей новаго союза (а ихъ собралось, если не ошибаюсь, семьдесятъ человѣкъ) и произведены были выборы въ комитетъ, какъ съ слѣдующаго же дня, словно бы по щучьему велѣнью, какъ говорятъ русскіе, когда не могутъ уяснить себѣ причинъ какого-нибудь факта, по адресу союза, комитета и суда чести полилась брань почти со всѣхъ петербургскихъ газетъ большой и малой прессы.

Первымъ піонеромъ выступилъ нѣкто г. Сементковскій, обвинявшій чуть ли не въ узурпаціи собраніе, выбравшее членовъ комитета, и удивлявшійся, что въ него былъ избранъ г. Пантелѣевъ, не имѣющій, по словамъ г. Сементковскаго, достаточнаго литературнаго ценза. Я, къ сожалѣнію, не имѣю чести знать, какими литературными трудами прославился самъ протестантъ (вѣроятно, чѣмъ-нибудь да особенно прославился, если такъ нескромно сомнѣвается въ правахъ другого), но знаю только, что г. Пантелѣевъ поспѣшилъ удовлетворить любопытство автора запроса и скромно, не претендуя на первенство передъ г. Сементковскимъ, заявилъ, что онъ давно работаетъ, хотя и не подписываетъ подъ своими работами своего имени.

Но это были только цвѣточки въ сравненіи съ тѣмъ, что появилось

въ печати послѣ. Особенно обнаружило нервное состояніе «Новое Время» и со свойственной этой газетѣ игривостью принялось «отдѣлывать», какъ выражаются здѣсь журналисты, «союзъ» въ разныхъ отдѣлахъ газеты. Она назвала членовъ союза «калмыками» за то, что союзъ не выбралъ въ члены женщину г-жу Калмыкову (тутъ, какъ ты догадываешься, каламбуръ) и въ ближайшее же воскресенье напечатала фельетонъ г. Old Gentleman'а (того самого, Дженни, джентльмена, о которомъ я сообщалъ тебѣ съ нижегородской выставки). Признаюсь тебѣ, Дженни, давно уже я не читалъ такого развязнаго и, выражаясь деликатно, такого предосудительнаго произведенія пера даже и въ русской печати. Сообщая о «союзѣ» по слухамъ, полученнымъ имъ отъ «мертвецки пьянаго Ноздрева» — это, Дженни, персонажъ, выведенный Гоголемъ и, кстати замѣтить, болѣе приличный, чѣмъ нѣкоторые русскіе журналисты,—названный джентльменъ, натурально, прошелся по «жидамъ», на этотъ разъ, впрочемъ, по одному, а не по десяти, какъ раньше, когда онъ обвинялъ десять жидовъ въ распространеніи злостныхъ извѣстій о нижегородской выставкѣ, и съ наивной смѣлостью высмѣивалъ, что членами союза состоятъ гг. Боргманъ и Анненскій, не зная, конечно, того, что̀ знаю даже я, иностранецъ, а именно, что первый изъ нихъ извѣстный профессоръ, а второй извѣстный публицистъ и статистикъ, литературныя заслуги котораго составили бы почтенный багажъ для десяти такихъ джентльменовъ, какъ г. Old Gentleman.

Подобнымъ вдохновеніемъ былъ полонъ фельетонъ, и буквы не краснѣли. Зато, вѣроятно, краснѣлъ другой фельетонистъ, г. Фингалъ. Сужу потому, что онъ написалъ фельетонъ, въ которомъ говоритъ о союзѣ совсѣмъ противоположное тому, что̀ говорилъ г. Old Gentleman, и оба эти фельетона напечатаны въ одной и той же газетѣ.

Не отставали и другія газеты. «Новости» пустили очень много философіи, додумавшись до предположенія, что «первоначальные учредители союза писателей положили въ основаніе своего проекта предвзятую идею о полной противоположности интересовъ писателей и издателей и задумали создать нѣчто, по задачамъ и цѣлямъ, однородное съ союзами рабочихъ (чувствуешь ли ты, Дженни, какъ это ужасно?). Только съ этой точки зрѣнія и можно себѣ объяснить избраніе комитета изъ лицъ односторонняго направленія и почти полное исключеніе изъ него издателей газетъ и журналовъ».

А «Гласность» (это, Дженни, одна изъ новыхъ газетъ, появленіе которыхъ мой московскій другъ причислялъ къ «отраднымъ явленіямъ») по поводу «союза» даже поднесла такую «жемчужину»:

«А настоящее имя всему этому пассажу такъ и просится на уста; это ни болѣе ни менѣе какъ организованный шантажъ юдофильской печати и систематическая фальсификація общественнаго мнѣнія и всѣхъ понятій о чести»

Прошу обратить вниманіе, Дженни, что въ числѣ членовъ комитета нѣтъ ни одного еврея, и что редакторъ газеты, въ которой напечатаны эти строки, не находится въ сумасшедшемъ домѣ, какъ я узналъ, наведя объ этомъ справки по телеграфу немедленно послѣ прочтенія этихъ строкъ.

Ты, разумѣется, удивлена, Дженни, и готова спросить: отчего такое море брани, клеветъ и лганья низверглось на «союзъ» и именно тотчасъ же послѣ выборовъ?

И я сперва недоумѣвалъ. Но, просмотрѣвши внимательно списокъ членовъ комитета и собравши точныя справки, я узналъ, что въ число членовъ комитета (и далеко не односторонняго направленія, какъ, напримѣръ: г. Михайловскій изъ «Русскаго Богатства» и г. Загуляевъ изъ «Новаго Времени») не попалъ ни одинъ изъ тѣхъ писателей и журналистовъ, которые способны улавливать чужія мысли, и ни одинъ изъ издателей тѣхъ газетъ, которыя столь внезапно измѣнили свою благосклонность на яростныя нападки.

Не отъ этого ли такая перемѣна фронта?

Но зачѣмъ впутался въ эту компанію извѣстный профессоръ Сергѣевичъ — вотъ вопросъ, который меня нѣсколько интригуетъ. Впрочемъ, признаться, мнѣ надоѣло описывать тебѣ всѣ эти «отрадныя явленія», по мнѣнію мистера Z. Пока закончу письмо дѣйствительно пріятными слухами объ одномъ предпріятіи, задуманномъ нѣсколькими добрыми людьми въ Москвѣ.

Я говорю о предположеніи построить въ Москвѣ для бѣднаго люда зданіе, въ которомъ была бы народная аудиторія для чтенія лекцій, театръ, читальня и чайная. По всей вѣроятности, въ Москвѣ, отличающейся крупными пожертвованіями, найдутся жертвователи и на это, безспорно, доброе дѣло.

Прощай, Дженни. Будь здорова.

Твой Джонни.

Y0-AIQ-153